

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

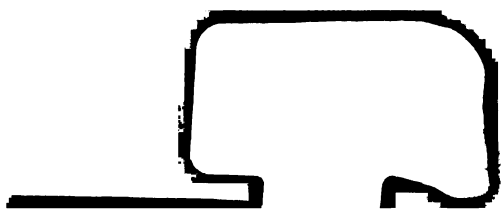
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08191000 6

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

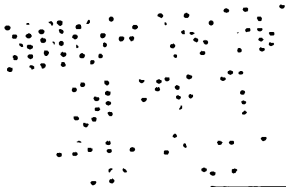
1865.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го февраля 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. (Статья первая.) А. П. Щановъ. ✓
- ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Романъ. Часть I-я На погостъ. (Гл. I—IV) . . . . . Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКИЙ. ✓
- ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ . . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.
- ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЯ (изъ Леопарди). . . . . П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
- МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. Изъ воспоминаній прошлаго. Часть I-я (Глава I—X) . . . . . Ѳ. М. РЫШЕТНИКОВЪ. ✓
- ТЕРЕЗА. Романъ Э. Шатриана; переводъ съ нѣмецкаго (Гл. I—X)
- ЧУЖЕ МЕЖЪ СВОИМИ. Повѣсть (Гл. I—X) . . . . . Н. Холодовъ.
- КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (Изъ Гейне) . . . . . Е. Зотовъ.
- ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ. (Окончаніе 1-й части). ✓
- ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ . . . . . Д. И. ПИСАРЕВЪ.
- ТОРЕВЕМАДО. (Изъ Лонгфелло) . . . . . П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
- ТРЕБУЕТЪ-ЛИ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЗНАНІЙ НОВОЙ НАУКИ . . . . . Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

ОТДѢЛЪ II.

Л И Т Е Р А Т У Р Н О Е О Б О З Р Ѣ Н І Е .

- МЫСЛЯЩІЙ ПРОЛЕТАРИАТЪ. (Повѣсти, рассказы и очерки Н. Г. Помяловскаго. Два тома. Спб. 1865) . . . . . Д. И. ПИСАРЕВЪ. ✓
- ФРЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОСТУПКОВЪ. Le Monde des Coquins par Meauran. Christophe Paris. 1864. . . . . Т. З.
- БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОВЪ . . . . . В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
- Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія Дж. Стюарта Милля. Въ трехъ частяхъ. Часть II. Статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 1-й. Изданіе В. Кавалевскаго. Спб. 1865.—Гарнье, Паже-Исторія революціи 1848 г. Франція. 1-й томъ: «февральская революція.» Спб. 1862. 2-й Томъ: «24 февраля.» Спб. 1864. Изданіе Бакста.—«Сынъ.» Разсказъ изъ времени ХVII вѣка Н. Костомарова. Изданіе Ахматовой. Спб. 1865.—Разсказы и Очерки Н. П. Грекова М. 1865.* oogle

ОТДѢЛЪ Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА . . . . . ЖАБЪ ЛЕФРЕНЬ.

Французская демократія теряетъ одновременно двухъ знаменитыхъ своихъ представителей: Шарра и Прудона.— Образъ жизни и послѣднія минуты Прудона.— Похороны его.— Столкновение по этому поводу между народомъ и войскомъ.— Отношеніе Прудона къ политическимъ партіямъ Франціи.— Отличительная черта его дѣятельности.— Жизнь и смерть Шарра.— Поурбегіе его тѣла въ Швейцаріи.— Речь Эдиара Кине надъ гробомъ Шарра.— Характеръ его политической дѣятельности.— Впечатлѣніе, произведенное окружнымъ посланіемъ Пія IX въ Итали и во Франціи.— Взаимныя антипатіи свѣтской и духовной власти въ католической Европѣ.— Кто кого раздавить?— Слухъ о томъ, что Пальмерстонъ пишетъ свои мемуары, подобно Наполеону III, сочиняющему жизнь Юлія Цезаря.— Какъ выгодно польстить императорско-авторскому самолюбію.— Насажденіе англійскимъ правительствомъ новыхъ плодовъ въ Индіи—опіума и латинской грамматики.— Прусскіе либералы и г. Бисмаркъ.— Советъ мой либераламъ отправиться домой—разводить капусту и курить кнастеръ.— Новые успѣхи сѣверо-американской арміи.— Взрывъ форта Фишера пловучей пороховой машиной.— Важныя послѣдствія поденія форта Фишера.— Упадокъ духа плантаторовъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

Провинція и провинціальный Мефистофель.— Опасность, которой подвергается корреспондентъ провинціи.— Общій характеръ Вологодской губерніи.— Вліяніе холода на здоровье и на производительныя силы русскаго населенія.— Лѣса и болота Вологодской губерніи, и вліяніе ихъ на экономическую дѣятельность края.— Бѣдная жизнь и тощая природа.— Искусство вологжанъ расчищать почву изъ подъ лѣсовъ и обрабатывать землю.— Сколько въ Тотмѣ экономическихъ производителей?— Паразитное существованіе вдовъ въ нашихъ городахъ.— Нищія.— Причины распространенія нищенства.— Разговоръ мой съ мальчикомъ, выпрашивающимъ милостыню.— Наглядный примѣръ провинціальной нищій.— Образъ жизни ея.— Разныя категоріи русскаго нищенства.

БУРЯ ВЪ СТАБАНѢ ВОДЫ, ИЛИ КОПѢЕЧНОЕ ВЕ-

ЛИБОДУШІЕ Г. ПОСТОРОННЯГО САТИРИКА. . Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ¹⁾.

ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ СИБИРСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

Безспорно, что главный факторъ въ исторіи человѣческаго развитія есть разумъ, обращенный къ изученію природы, творящій открытія въ области естествознанія и въ сферѣ умственной и матеріальной цивилизаціи. На востокъ, въ монархіяхъ восточныхъ не было этого естествоиспытующаго разума, а господствовало одно суевѣрно-боязливое воображеніе и чувство слѣпого удивленія и раболѣпнаго страха передъ всѣмъ непонятнымъ и обаятельно-страшнымъ въ природѣ: — и тамъ, въ восточныхъ монархіяхъ и номадіяхъ, не было развитія, а остались, окаменѣли тысячелѣтнимъ памятникомъ и, такъ сказать, образцомъ застоя и невѣжества — Китай, Монголія, Туркестанъ и т. п. На Западѣ, въ новыхъ государствахъ, могущественно и разнообразно проявился этотъ естествопознательный геній, и здѣсь видимъ широкое и богатое творчествомъ, открытіями и будущностью развитіе, видимъ Англію, Италію, Францію и проч., видимъ міровые перевороты, изобрѣтенія и улучшенія въ области соціально-экономическаго міроустройства, совершающіяся на основаніи естествознанія. «Отъ одного великаго генія, Ньютона, — говоритъ Либихъ, — распространилось болѣе свѣта, чѣмъ отъ цѣлаго тысячелѣтія передъ нимъ. Правильный взглядъ на движеніе небесныхъ тѣлъ, на

¹⁾ Начало этихъ очерковъ было помѣщено въ первой кн. „Библиот. для чтенія“ за 1861 г. Въ предлагаемую статью, послѣ нѣсколькихъ очерковъ историко-географическаго распредѣленія, будетъ сообщенъ очеркъ историко-этнографической организаціи великорусскаго народа.

наденіе тѣла былъ началомъ множества другихъ открытій; мореплаваніе, торговля, промышленность, наконецъ всякій индивидуальный человѣкъ извлекаетъ и *будетъ извлекать* духовныя и матеріальныя выгоды изъ его открытій до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать родъ человѣческій. Не принимая въ соображеніе исторію физики, невозможно составить себѣ понятіе о томъ огромномъ вліяніи, которое имѣло естествознаніе на развитіе духа... Со времени открытія одного кислорода, въ образованномъ мірѣ совершился переворотъ въ нравахъ и привычкахъ. Знаніе состава атмосферы, твердой земной коры, воды, вліянія ихъ на жизнь растений и животныхъ связано съ этимъ открытіемъ. Выгодная дѣятельность многочисленныхъ фабрикъ и разнообразныхъ ремеслъ, полученіе металловъ—тоже въ тѣсной связи съ нимъ. Можно сказать, что матеріальное благосостояніе государствъ улучшилось съ этого времени преимущественно потому, что достояніе каждаго отдѣльнаго лица увеличилось вслѣдствіе этого открытія... Уже практически выразилась потребность новѣйшаго времени въ основаніи школъ, гдѣ естественныя науки, какъ предметы преподаванія, занимаютъ первое мѣсто; изъ нихъ-то разовьется мощное поколѣніе, съ болѣе сильнымъ умомъ и духомъ, способное и воспримчивое для всего того, что дѣйствительно велико и можетъ принести плоды. Въ средѣ этого поколѣнія разовьется богатство и сила обществъ, и когда человѣкъ, облегченный отъ бремени своего существованія, не будетъ уже болѣе подавленъ трудностями нести и отстранять земныя работы, только тогда умъ его, сдѣлавшись болѣе чистымъ, можетъ обратиться къ болѣе и болѣе возвышенному». 1) Равномѣрная оцѣнка всѣхъ отраслей математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ,—говоритъ Гумбольдтъ,—сдѣлалась особенною потребностью настоящаго времени, въ которомъ матеріальныя богатства и возрастающее благоденствіе народовъ основаны на искусномъ и рациональномъ употребленіи произведеній и силъ природы. Самый поверхностный взглядъ на настоящее состояніе Европы показываетъ, что вслѣдъ за какою нибудь неровной всамірной борьбой или за продолжительнымъ общественнымъ застоємъ, необходимо должна произойти частная убыль и наконецъ уничтоженіе національнаго богатства; ибо въ судьбѣ государствъ такъ же, какъ и въ природѣ, по глубокомысленному выраженію Гете, «въ движеніи и дѣланіи не можетъ быть никакой остановки, и проклятіе лежитъ на всякой неподвижности». Только по мѣрѣ познанія при-

1) Шлегель о Химіи, т. I, стр. 3, 5 и 23.

родки, мы можем господствовать надъ ея силами и подчинять ихъ управленію нашего творческаго генія. Могущество человѣческихъ обществъ, сказать Божонъ, есть разумъ, есть народный смыслъ. Общество возвышается и падаетъ вмѣстѣ съ народнымъ смысломъ. Знаніе и ученіе суть наслажденія и права человѣчества; они суть части народнаго богатства и нерѣдко замѣна благъ, слишкомъ скудно распределенныхъ природою. Народы, непринимавшіе дѣятельнаго участія въ промышленномъ движеніи, въ искусномъ выборѣ и разработкѣ естественныхъ материаловъ, въ удачныхъ приложенияхъ механики и технолѳической химіи, у которыхъ уваженіе къ подобной дѣятельности не проникаетъ всѣ классы общества, тѣ народы неизбежно должны утратить свое благоденствіе». Такъ могущественно движетъ исторіей и цивилизаціей народовъ законъ естествоиспугующаго разума. И дѣйствительно, что представляетъ исторія тамъ, гдѣ, наоборотъ, природа господствуетъ надъ силами человѣка? Тамъ только возможно развитіе рабства умственнаго и общественнаго. Нѣтъ сомнѣнія, Египетъ и Индія не искутали бы глубоко-пассивнаго подчиненія деспотизму жреческихъ кастъ, безвыходнаго застоя умственныхъ, социальныхъ и политическихъ силъ, еслибъ этимъ народамъ удалось отереть себѣ путь къ знанію окружающей ихъ природы. Эмансипація чловѣка вездѣ и всегда начиналась вышней его независимостью отъ физическихъ силъ. Этотъ великій міровой законъ остается неизмѣннымъ для исторіи всего чловѣчества.

Но при этомъ невольно рождается вопросъ: отчего же не всѣ племена и народы одинаково способны къ этому естественно-научному развитію цивилизаціи? Отчего не всѣ племена и народы одинаково одарены естествоиспугующими способностями, а одни стоятъ выше въ этомъ отношеніи и сдѣлали больше открытій, другіе ниже и не сдѣлали не только никакихъ міровыхъ открытій, но даже не обнаружити попытокъ къ какому нибудь умственному движенію, какъ наприм. Турція и Испанія? Отчего у однихъ племенъ и народовъ реальная дѣятельность начинается раньше, у другихъ — поздно, а многіе впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ остаются въ безсознательномъ, сонномъ состояніи? Для отвѣта на эти вопросы, современная наука еще не готова; ей нужно напередъ изслѣдовать физиологическое развитіе и этнографическую организацію выступающихъ на поприще исторіи народовъ; нужно раскрыть, путемъ естественно-историческаго изученія: кто они, эти выступающіе на историческое поприще народы, какой они породы — чистой или смѣшанной, — изъ какихъ этнографическихъ элементовъ они развились, сложились,

способны ли они, по самому своему физиологическому складу и строению, къ развитію цивилизаціи, и въ какой мѣрѣ способны, и т. п. Такія науки, какъ этнологія и антропологія, не даромъ задумываются надъ историческими способностями націй различнаго этнологическаго склада. Напримѣръ, еще сомнительнымъ или нерѣшленнымъ вопросомъ остается, всѣ ли племена одинаково способны къ прогрессу и усовершенствованію своихъ социальныхъ отношеній? Въ то время, какъ, напримѣръ, Катрфажъ, Руфцъ, Прюнеръ-Бей полагаютъ, что каждое племя способно къ усовершенствованію, что даже австралійцамъ доступна цивилизація, — Перье, О' Роргъ, Жоржъ Пушэ отчаяваются въ будущности этихъ племенъ. Между тѣмъ какъ Перье, допуская, что племена одного типа, одного корня могутъ смѣшиваться безъ дурныхъ послѣдствій для своего развитія, полагаетъ, что отдаленныя смѣшенія народовъ даютъ дурные результаты, порождаютъ неспособныя или мало способныя націи, и что, при равенствѣ другихъ условій, чистыя расы выше смѣшанныхъ, — нѣкоторые изъ новыхъ естествоиспытателей утверждаютъ, что всякое смѣшеніе породы влечетъ за собою физическій и умственный упадокъ. Буденъ, согласно съ Перье, признаетъ нѣкоторыхъ метисовъ ниже въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. А Катрфажъ, напротивъ, не отрицая этихъ фактовъ, полагаетъ, что во многихъ случаяхъ смѣшеніе оживляетъ расы, дополняетъ ихъ инстинкты, развиваетъ ихъ способности и иногда даже порождаетъ способности, чуждыя двумъ первоначальнымъ расамъ. Такимъ образомъ, вопросъ о способности народовъ къ умственнымъ и социальнымъ успѣхамъ, съ физиологической точки зрѣнія, дѣлается вопросомъ величайшей важности для историческаго изслѣдователя.

Вотъ почему, прежде чѣмъ мы приступимъ къ очеркамъ собственно интеллектуальнаго развитія русскаго народонаселенія и потомъ естественныхъ и умственныхъ условій его внутренняго и вѣшняго развитія, непосредственно послѣ очерковъ историко-географическаго распредѣленія русскаго народонаселенія, печатаемъ очерки его историко-этнографическаго склада и развитія, какое совершалось и совершается на пути его географическаго распространенія и смѣшенія съ разными племенами и народами. Считаемъ нужнымъ также предупредить нашихъ читателей, что далеко неоконченные еще очерки историко-географическаго распредѣленія русскаго народонаселенія мы помѣщаемъ въ первой части нашего труда, а очерки историко-этнографической организаціи — во второй, потому во-первыхъ, что умное или не умное избраніе мѣстъ поселенія и первоначальное

обзаведеніе домохозяйствомъ считаемъ первымъ актомъ, какъ въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлаго народа, и во-вторыхъ потому, что историко-этнологическая организація русскаго народонаселенія шла уже вслѣдъ за его географическимъ распространеніемъ, вслѣдствие или по слѣдамъ его колонизаціи среди разныхъ племенъ. Наконецъ, предварительное разсмотрѣніе историко-этнографической организаціи русскаго народа для насъ важно не только для объясненія его умственного, интеллектуальнаго развитія въ реальномъ и экономическомъ отношеніяхъ и проч., но и для уразумѣнія его историческаго значенія въ семьѣ европейскихъ націй, въ отношеніяхъ обще-европейскихъ, международныхъ.

Западно-европейскія націи, представляющія высшую породу человѣчества, давно уже совершили первоначальное развитіе своей національной организаціи, путемъ естественнаго, племенного подбора. Теперь они начинаютъ уже совершать высшій, интеллектуальный процессъ, путемъ разумно-сознательнаго, интеллектуальнаго совершенствованія и соединенія національностей въ одно европейское, всенародное братство. На западѣ теперь идетъ борьба не просто за племенное существованіе, но за разумно-свободное и равноправное существованіе человѣчества. Естествоиспытующій разумъ, составляющій главную, могучую силу высшаго совершенствованія человѣчества, творящій чудеса въ мірѣ мысли и матеріальной жизни, — вотъ теперь высшее и отличительное преимущество западно-европейской породы. Великая идея Гумбольдта о Космосѣ и о самосознаніи въ немъ «гражданина вселенной» — человѣка, «о вліяніи, которое оказываютъ на него земныя силы и, обратно, о вліяніи, какое онъ самъ имѣетъ на нихъ, великая идея географа Риттера объ организмѣ земли и объ органическомъ взаимодѣйствіи земной природы и человѣчества, идея Либиха о разумномъ языкѣ явленій, — посредствомъ котораго естествоиспытатель, такъ сказать, разговариваетъ съ веществомъ природы и разузнаетъ его тайны, силы и законы, примѣняя ихъ къ цѣлямъ цивилизаціи, великое ученіе Дарвина о происхожденіи и совершенствованіи видовъ и расъ путемъ естественнаго подбора и примѣненіе этого ученія Ляйлемъ къ геологической исторіи племенъ человѣческихъ, Шлейхеромъ — къ языкознанію, изслѣдованія Гексли и Фогта о человѣкѣ и мѣстѣ его въ природѣ и т. д., — вотъ многознаменательные факты умственныхъ порывовъ и стремленій европейской породы къ глубокому и ясному пониманію тѣхъ всемірныхъ цѣлей, къ которымъ, рано или поздно, должно придти человѣчество. Благодаря этимъ порывамъ и стремленіямъ, сближеніе народовъ между собою, ихъ великое и плодотвор-

ное братство дѣлается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе осязательнымъ фактомъ. Различіе между племенами все уменьшается, каждый день сглаживаетъ каковой нибудь выдающійся уголъ, служившій особымъ признакомъ нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ и проч. Теперь можно сказать, что англичанинъ живетъ въ Великобританіи, итальянецъ на Аппенинскомъ полуостровѣ, французъ во Франціи, образованный же человекъ во всей Европѣ... Со всѣхъ сторонъ стараются разрушить границы земель. Ученые сходятся на конгрессахъ и отказываются отъ національной исключительности. Промышленность открываетъ всемірныя выставки для общаго общеввропейскихъ идей и произведеній индустріальнаго гениа. Телеграфы и сѣти желѣзныхъ дорогъ уничтожаютъ иространства и разстоянія между отдѣльными людьми и цѣлыми націями. Соображая все это, невольно вспоминаешь восторженные слова Виктора Гюго: «великіе народы сольются въ братскомъ поцѣлуѣ, и одинъ дастъ другому то, чего у того нѣтъ...» Такова послѣдняя, крайняя цѣль общезитія, таково назначеніе человека, вложенное въ него природой...

Между тѣмъ, какъ западно-европейскія націи давно уже окончили первоначальный, естественно-историческій процессъ племенной организаціи, и теперь, путемъ интеллектуальнаго совершенствованія, стремятся къ братской, — общечеловѣческой, соціальной организаціи, — русское народонаселеніе еще переживаетъ непосредственно-натуральный процессъ національнаго образованія, народженія, наростанія въ націю или народъ. Еще не сложился и не опредѣлился во всей цѣльности и опредѣленности его національно-физиологическій типъ. Еще слишкомъ лютственно и грубо выступаютъ въ этнографическомъ составѣ русскаго народа разнообразныя разноплеменные контингенты, не организовавшіеся въ одно цѣльное, стройное тѣло. Такое недоразвитіе русскаго народа весьма ясно проявилось во всей его прошлой исторіи и проявляется въ его современной общественной жизни. Какъ нѣтъ въ русскомъ народѣ единства физиологическаго типа, такъ еще не развилось въ немъ сознаніе своего національнаго единства и достоинства. Это сказавось въ его исторіи. Въ смутное время, напримѣръ, хотя и заговорили земскіе люди о своемъ *прирожденіи*, но въ то же время вполне высказались и разноплеменные элементы, разныя отдѣльныя племена и народности, входившія въ его составъ, напр. Литва, татары, чуваша, черемиса, башкиры и проч. Точно такъ же произошло этнологическій расколъ въ русскомъ народонаселеніи въ бунтѣ Стеньки Разина, въ бунтѣ

Путачевскомъ. А исторія сибирскаго народонаселенія въ XVII и XVIII столѣтїи вся есть ничто иное, какъ исторія борьбы племенъ, племенныхъ отношеній, племеннаго смѣшенія и проч. Тамъ какъ русская національная организація еще не сложилась окончательно и не развилась до національнаго сознанія, то въ исторїи его всегда являлась на первомъ планѣ чисто-внѣшняя, географическая, поземельная или земская связь, а не внутренняя, народная, органическая. Русская исторія есть больше исторія земства или, по выраженію актовъ, — *земли и земскаго строенія*, чѣмъ исторія социальнорорганизованной націи. Въ рускомъ народѣ давно развилась и всегда грубо проявлялась восточная, племенная нетерпимость и антагонизмъ къ чуждымъ національностямъ, на что постоянно указывали писатели, начиная съ Петрея, Олсера до Ермана и другихъ. Не говоримъ уже о томъ, напримѣръ, что у насъ малороссъ называлъ великорусса съ какимъ-то зло-юридическимъ антагонизмомъ «москалемъ», а этотъ послѣдній его, въ свою очередь, — «хохлою»; или сибирякъ, русскій же по происхожденію, по вѣрѣ, по всему, тоже съ какою-то внутреннею неприязненностью называетъ русскаго переселенца «россейскимъ», а поселенца ссыльнаго «варнакомъ». Мало того, что у насъ жители одной губерніи смотрятъ на жителей другой губерніи, какъ на «чужестранцевъ», и называютъ ихъ «чужестранцами», но еще обыываютъ одни другихъ разными бранными или юридическими приговорами, которые для развитаго и просвѣщеннаго національнаго чувства должны бы быть оскорбительны. Эта дивность русской національности составляетъ не послѣднюю причину многихъ уродливостей въ нашемъ общественномъ складѣ и развитїи, напримѣръ, недостатка у насъ общественнаго мнѣнія, невозможности общественной инициативы, странности народныхъ симпатій и антипатій, понятій, обычаевъ и нравовъ, и проч. Славянофильство напрасно идеализируетъ единство и цѣльность русской народности, русскаго духа. Русскій міръ, русская національность — это еще, во многихъ отношеніяхъ, *discordia semina gerunt*.

Кромѣ того, этнографическая неорганизованность русской національности видна изъ того, что въ составѣ ея еще слишкомъ рѣзко выступаютъ наружу разноплеменные элементы. Финство, въ разныхъ видахъ, татарщина, монгольство, ибметчина и проч., въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ степеняхъ, типично разнообразятъ физиологическій складъ, этнологическую организацію русскаго народа, а вслѣдствіе того и его умственный, и нравственный характеръ. Такіе наблюдательные путешественники, какъ напримѣръ, Георги, Палласъ, Лепехинъ, Кастренъ, Ерманъ и многіе другіе, жи-

во обрисовали намъ всю пестроту и разносоставность фізіологическаго строенія русскаго народонаселенія. Не говоримъ уже о Сибири; напрімѣръ, на сѣверѣ самой Великороссіи, они видѣли сплошное смѣшеніе новгородскаго славянства съ чудствомъ; на югѣ — смѣсь русскаго элемента съ татарщиной, и проч. Подъ вліяніемъ восточной крови, и характеръ восточный воспитывался въ большой части массы русскаго народа. Напрімѣръ, умственная и нравственная татаризація Москвы и московскаго княжества до того была несомнѣнна и очевидна для всѣхъ, что самъ народъ выразилъ это съ простодушной ироніей въ своихъ историческихъ пѣсняхъ...

Въ одной старинной пѣснѣ про свадьбу Грознаго поется:

Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
 На той ли Марьѣ Темрюковѣ,
 А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
 На той Супавѣ татарскіе.
 Есть у ней много приданаго,
 Пановой, улановой и злыхъ поганыхъ татаровой,
 Есть у ней брателко родимое,
 Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.

«Умиращая царица, — справедливо замѣчаетъ по поводу этой пѣсни г. Буслаевъ, — завѣщаетъ Ивану Васильевичу взять себѣ вторую жену лучше на Москвѣ, но все же изъ породы татарской, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что Москва до того отатарилась, что Иванъ Васильевичъ не побрезгаетъ татарской родней. Изучившимъ московскую старину хорошо извѣстно, какъ вѣрна и метка эта простодушная иронія народной пѣсни, и какъ глубоко понимаетъ народъ тѣ темныя стороны своей исторіи, которые напрасно стараются прикрыть чтители древней Руси своими дѣтскими идилліями» ¹⁾. Дѣйствительно, если не съ квасно-патрістической или славянофильской точки зрѣнія, а безпристрастно изучать умственный складъ и нравы русскаго народа, хоть по примѣру «Очерковъ жизни и нравовъ великорусскаго народа» — г. Костомарова, — то всякій убѣдится, что въ русской крови, въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ складѣ русскаго народа проглядываетъ не малая доля восточныхъ элементовъ — татарскихъ, финскихъ, монгольскихъ, и въ массахъ, особенно сѣверо-восточныхъ и юго-восточныхъ, эта доля умственного и бытового ориентализма даже всецѣло преобладаетъ надъ зачатками европейскій жизни. Последней въ массахъ даже вовсе незамѣтно. Восточная лѣнь, вялость, сонливость, неподвижность,

¹⁾ Лѣтоп. рус. лѣт. 1859, кн. 11, стр. 92.

восточный удивленный покой и застой, преобладание восточнаго суевѣрнаго страха передъ явленіями природы—вотъ тѣ признаки, по которымъ мы узнаемъ историческій складъ русскаго народонаселенія.—На этотъ разъ мы обратимъ вниманіе на этнологическое развитіе сибирскаго населенія.

Физиологическое развитіе, областное видоизмѣненіе и національное нарастаніе славяно-русскаго народа въ Сибири, путемъ естественнаго, племенного подбора, представляетъ намъ живой примѣръ общаго антропологическаго образованія и видоизмѣненія расъ и націй. Въ западной Европѣ, еще во времена доисторическаго, каменнаго періода, племена длинноголоватаго типа (*dolichoscephale*), одержавъ перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе и совершенствованіе, смѣшались съ племенами типа короткоголоватаго (*brachycephale*) и породили смѣшанныя расы среднеголоватаго или прямоголоватаго склада (*mesoscephale*). Только такіе остатки изъ этихъ первобытныхъ племенъ, какъ, напримѣръ, баски, хорошо защищенные Пиринейскими горами, сохранили еще свою національность, свои нравы и свой языкъ. Теперь этнологи, анатомы и геологи европейскіе, какъ напр. Шмерлингъ, Велькеръ, Брока, Гексли, Ляйель и многіе другіе, копаюсь въ глубинахъ пещеръ, въ родѣ Енгиса и Неандерталя, или роясь въ могиллахъ, въ родѣ парижскихъ *des Innocents*, *Morgue* и т. п., отыскивають черепа расъ, предшествовавшихъ нынѣшней смѣшанной породѣ европейской и, на основаніи краниологическихъ изысканій, стремятся разъяснить естественно-историческую послѣдовательность и географическій ходъ смѣшенія и видоизмѣненія первоначальныхъ европейскихъ расъ или племенъ въ нынѣшнія европейскія націи, углубляясь въ отдаленную древность каменнаго періода и озерныхъ жилищъ, и кончая временами позднѣйшаго, историческаго смѣшенія, напримѣръ, высокорослыхъ кимбровъ или галловъ и малорослыхъ кельтовъ и т. п. Въ Сибири можно наблюдать процессъ смѣшенія племенъ и не доискиваясь череповъ изъ временъ допотопной фауны, остатки которой находятся во множествѣ въ низкихъ мѣстахъ Сибири, на берегахъ Иртыша или Тобола и въ другихъ мѣстностяхъ (1), не углубляясь во времена каменнаго періода или во времена чудскихъ копей (2). Въ Сибири и теперь еще совершается живое смѣшеніе

1) Гумбольдта Путешествіе по Сибири въ 1828 г., стр. 16 и 70.

2) Эйхвальда, О чудскихъ копияхъ. Труды восточ. отдѣла археологич. общ., ч. III, стр. 1—104.

между расами короткоголовой и среднеголовой. Въ силу естественнаго подбора, этнологическая ткань русской національной жизни непрерывно снуется, нарастаетъ и слагается, невидимо, незамѣтно для насъ, по всѣмъ областямъ, по всѣмъ захоlustьямъ широкой русской земли. Организмъ народный постоянно совершаетъ свой національно-физиологическій ростъ и метаморфозъ, и, воспринимая въ свой составъ разнообразныя племенные элементы, одни, какъ отжившіе, негодные, подвергается разрушенію, вымиранію, другіе превращаетъ въ свою плоть и кровь. На это-то національно-физиологическое нарастаніе русскаго народа, на счетъ сибирскихъ инородческихъ племенъ, мы обратимъ вниманіе въ настоящей статьѣ.

I.

Въ низменностяхъ земли, говоритъ К. Риттеръ, гдѣ народы большею частью поселились гораздо позднѣе, уже послѣ того, какъ совершенно высохли эти низменности, обыкновенно совершались смѣшенія народовъ древняго и новѣйшаго происхожденія ¹⁾). Сибирская низменность—одна изъ самыхъ обширныхъ низменностей, какія извѣстны на земномъ шарѣ. По меньшей мѣрѣ, она простирается отъ Урала до Енисея на 102,000 кв. миль. До гипсометрическихъ наблюденій Миддендорфа, ее считали еще больше, именно въ 186,300 кв. м., причисляя къ ней и болѣе возвышенную землю, простирающуюся на сѣверо-востокъ отъ Енисея до земли чукчей. Если присоединить къ сибирской низменности еще центральную бухарскую или туранскую (48,000 кв. м.) и другія отдѣльно-лежащія низменности (60,000 кв. м.), то эта огромная азіатско-сибирская низменность будетъ составлять 210,000 кв. м. (высокая страна, въ обширномъ значеніи слова, занимаетъ 440,000 кв. м.), стало быть, вдвое большее пространство, чѣмъ вся Европа. И вотъ, въ эту-то обширную сибирскую низменность, въ теченіи всѣхъ древнихъ и позднѣйшихъ вѣковъ, почти непрерывными, послѣдовательными гуннскими потоками стекались, вытѣняя другъ друга съ нагорныхъ странъ возвышенной центральной Азіи, различныя народы и племена. И между ними, вслѣдствіе хаотическаго стеченія и борьбы племенъ, по антропологическому закону всеобщаго народо-образовательнаго тяготѣнія, взаимнаго притяженія и отталкиванія разноплеменныхъ элементовъ,—со-

¹⁾ Karl Ritter, Allgemeine Erdkunde, s. 193.

вершались: разнообразные этнологические метаморфозы, разнообразные комбинации, смѣшенія, видоизмѣненія и перерожденія племенъ. Такова была преемственная связь и метисация народовъ: 1) Чудь, удѣльцевъ только въ немногихъ остаткахъ юго-финской группы и въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ племенахъ¹⁾; 2) Усуней — отрасли индо-германскаго корня, смѣшавшейся въ Сибири съ киргизами и отчасти съ финнами, монголами и манджурами²⁾ и 3) племена

1) Древнѣйшая колонизация Сибири была чудская. (Эйхвальда, о чудскихъ копейхъ. Труды восточн. отд. ч. III, стр. 1—164). Судя по преимущественной горной сосредоточенности чудскихъ копей, должно думать, что чуд. населяла горы и предгорья Алтая и Урала еще въ тѣ отдаленныя времена, когда низменность сибирская еще не обшла совершенно. Вся обширная низменности — сибирская и европейско-русская — окончательно образовались уже послѣ уральскихъ и алтайскихъ возвышенностей, или вслѣдствіе болѣе или менѣе быстрого поднятія Алтая и Урала. Онѣ и теперь еще почти повсюду обнаруживаютъ явные слѣды своего дольвиальнаго и молаессоваго, подподнаго образованія, и доселѣ еще окончательно не освободились отъ водъ. (См. Палеонтологію Россіи, Эйхвальда, 1850). Обиліе водъ въ сибирской низменности и выхожденіе ея, напримѣръ въ барабинской степи, и въ наше время еще заливается (Сумбондта; Путешествіе по Сибири, о вѣдѣвательной странѣ озари: въ Сибири и о вѣдѣвательной барабинской степи стр. 31—82). Поэтому чудь, по изслѣдованіямъ Муралята, Эйхвальда и Настрена, первоначально, быть можетъ еще во времена каменнаго періода, населяла высокія предгорья и горы Алтая, верхнихъ Алтаю, скалисто-горныя верховья Иртыша и Оби; гдѣ выдѣлялись изъ нашихъ молотки, явники, трубы, долота и другія орудія. (Муралята, въ Зап. археол. общ., *Witgen's Reiseberichte und Briefe an den Kaiser* 1843—1849, s. 57—58. Эйхвальда, о чудск. копейхъ). Миллеръ, знаменитый историкъ Сибири и финскихъ племенъ, приписываетъ важное культурно-историческое значеніе финскимъ племенамъ: «das merkwürdig durch ihre Kriegerthäten und ihre merkwürdige Thätigkeit weltberühmte Volk: an diesem Stamm geboren... Gerade die finnischen Völker haben den grössten impuls zu den Völkerbewegungen gegeben, welche man in Europa unter dem Namen der grossen Völkerwanderung zusammen zu fassen pflegt (Müller, der Ugrische Volkstamm, th. 1, s. 5).

2) По изслѣдованіямъ Ремюза, Кларота и Риттера, часть усуней, ивѣнскихъ въ мирное, счастливое время своего пребыванія во вторыхъ азиатскихъ отечествахъ — на Или, до 120,000 семействъ и 680,000 человекъ, до 188,000 воиновъ и своихъ коней: — Кюнь-ми или Кюнь-мо (Kün-ig), послѣ раздѣленія своихъ княжескихъ владѣній, въ началѣ IV столѣтія во Р. X., бѣжала въ Каргилскую степь къ Иртышу. «Эти Усуны, говоритъ Риттеръ, по свидѣтельству А. Ремюза (Ab. Remusat. *Reis. v. Pachtew* p. 96), приобрѣтаютъ высочайшій интересъ для этнографіи Азии тѣмъ, что они принадлежали въ ряду народовъ центральной Азии, очень различныхъ, судя по китайскимъ описаніямъ, отъ остальныхъ по своей расѣ. Въ этомъ ряду народовъ изъ расъ голубоглазыхъ и русоволосыхъ блондиновъ (Klarot, *Peuples de race blond*, въ *Tabl. hist. de l'Asie*, p. 161—186), по свидѣтельству китайскихъ летописей, были между прочимъ 4) Динь-ляна, на северъ отъ Усуней, при западной оконечности

монгольскихъ, тюрко-татарскихъ и манджурскихъ. Оставшіеся отъ этихъ народовъ на северной исторіи племени сибирской низменности всѣ болѣе или менѣе сродны между собою, образуютъ развѣтвившуюся группу одного отдаленнаго корня или происхожденія. Кастрень, внимательно изучавшій вопросъ о сродствѣ этихъ сибирскихъ племенъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «такъ какъ сродство финскаго племени съ самоѣдскимъ доказано, и такъ какъ финны очевидно сродны также съ турками и татарами, то естественно ближайшія данныя языкованія, при помощи самоѣдскаго языка, должны указать посредствующее сродство между финнами и тунгусами. Отъ тунгусовъ, далѣе, открыть путь къ манджурамъ, и къ монголамъ ведутъ насъ такимъ образомъ всѣ пути, потому что какъ турки, такъ и самоѣды, тунгусы и манджуры являются сродными съ ними ¹⁾. Вслѣдствіе такого сродства всѣхъ сибирскихъ племенъ, тѣмъ возможнѣе и легче было между ними смѣшеніе, и тѣмъ ожесточеннѣе была между ними борьба, такъ какъ, по общему зооло-

Байкала; 2) Кянъ-Куанъ или Хакасъ, впоследствии киргизы на Енисей. Тогда, въ древнѣйшія, геродотовскія времена, туркокіе народы обитали къ В. отъ этого ряда и еще не распространялись далѣе къ З., за верхнее теченіе Окса и Яксарта. Напротивъ же, средныя между собою народы индо-германскаго происхожденія, т. е. говорящіе языками, которыхъ корни большею частью встрѣчаются въ санскритскомъ, персидскомъ, германскомъ и славянскомъ нарѣчіяхъ, занимали всѣ страны отъ индійскаго Паропамиза къ Оксу до Енисея и Байкала и оттуда къ Каспійскому морю. Самая восточная изъ этихъ народныхъ вѣтвей проходила отъ западныхъ оконечностей Байкала на з. отъ изгиба Хуанъ-хэ, подъ именемъ Усунъ до Китая. Эмиграціи ихъ повторялись нѣсколько разъ въ очень отдаленныя одна отъ другой эпохи, что объясняется, по крайней мѣрѣ гипотетически, различіе, примѣчаемое въ націяхъ и нарѣчіяхъ многоразвѣтвленной индо-германской группы. . Можетъ быть, въ большого количества индо-германскихъ корней, встрѣчающихся въ тюркскихъ и монгольскихъ языкахъ, можно было бы заключить, что индо-германскія племена, подобно Усунамъ, въ древнѣйшія времена были распространены гораздо далѣе къ с. и в. между народами восточной Азіи. Манджурскій языкъ, по изслѣдованіямъ Клапрота, въ самыхъ грамматическихъ формахъ слѣдуетъ съ вѣдическимъ. Между манджурскими племенами береговъ Сунгари и Усури попадаются даже и денныя блондины съ голубыми глазами, не встрѣчающіеся ни между какими другими народами восточной Азіи. Эмиграція этихъ народовъ къ С. становится вѣроятною и потому, что и тамъ попадаются племена съ тѣми же характеристическими признаками, обитавшія до новѣйшаго времени на верхнемъ Иртышѣ, Оби, Енисей и близъ Байкала. Вслѣдствіи они болѣе или менѣе смѣшались съ тюркскими племенами, откуда и произошло смѣшанное племя киргизъ (Кянъ-люнь, Хака-цзы), между которыми нѣрѣдко встрѣчаются голубые или зеленые глаза и красные волосы.» (К. Риттеръ, Землеустройство Азіи, т. II, стр. 130—133).

¹⁾ Kastren's, Reiseberichte und Briefe an dem Jahren 1843—1849, s. 160—161.

гическому закону, борьба между близкими разновидностями одного вида, такъ же какъ и между видами одного рода, всегда бываетъ самая упорная и часто быстро разрѣшается. Безсознательно, невѣдомо для самихъ племенъ дѣйствовали и въ этой хаотической племенной борьбѣ всемірный антропологическій законъ народообразовательнаго подбора, стремясь организовать изъ наиболѣе умныхъ, сильныхъ и побѣдоносныхъ племенъ новыя историческія національности, а слабѣйшія изъ нихъ доводя до истребленія или вымиранія. «И саги, и исторія, говоритъ Кастрень, согласно свидѣтельству, что задолго до Ермака дикія племена Сибири вели кровавыя войны между собою. На тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ послѣ Ермака одержали лучшія свои побѣды, часто лежали рядомъ остиаки и вогулы, вмѣстѣ съ ихъ самоѣдскими и татарскими сосѣдями. Было всеобщее безмірье въ землѣ — bellum omnium contra omnes. ¹⁾ И въ этой борьбѣ племенъ за существованіе, какъ въ борьбѣ разновидностей и видовъ царства животнаго, одну изъ существенныхъ ролей игралъ половой подборъ. Пѣсни самоѣдовъ, остиаковъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ вспоминаютъ о герояхъ, которые воевали единственно изъ-за того, чтобы пріобрѣсти руку и сердце молодой женщины. На вопросъ Кастрена, самоѣдскій пѣвецъ, воспѣвавшій женщину, какъ цѣль всѣхъ благороднѣйшихъ предприятий, отвѣчалъ: «со времянъ отцовъ нашихъ, мы свято держимся обычая, чтобъ женщинъ брать не изъ своего собственнаго, но изъ другого, чуждаго, неродственнаго племени.» ²⁾ Эта борьба племенъ за существованіе и за женщинъ вызывалась великимъ закономъ природы — инстинктивнымъ стремленіемъ каждаго племени къ преобладающему физиологическому и бытовому развитію и распространенію на счетъ другихъ племенъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія преимущества надъ ними, и къ организаціи новой, самобытной національности. И вотъ, въ этой-то борьбѣ племенъ, въ сибирской низменности, неминуемо происходило смѣшеніе народовъ и развитіе новыхъ племенныхъ разновидностей. И всего болѣе смѣшеніе это совершалось въ низменности при-алтайской, въ ея предгорныхъ степяхъ и равнинахъ. По общему органическому закону перевѣса наиболѣе сильныхъ и развитыхъ видовъ или разновидностей, и здѣсь, въ средѣ борющихся и смѣшавшихся племенъ, выступило во главѣ народообразованія одно наиболѣе сильное племя. До прихода и распространенія славяно-русскаго племени, замѣтный пере-

¹⁾ Kastren's, Reiseber. u. Briefe, s. 101—102.

²⁾ Kastren's, Reiseberichte, s. 174.

вѣсь одерживало въ этой борьбѣ племя татарское, благодаря своему физиологическому и умственному преимуществу и наибольшей, исторически-развившейся національной устойчивости и побѣдоносности ¹⁾. Какъ въ царствѣ животномъ и растительномъ виды многочисленные одерживаютъ верхъ надъ видами малочисленными, такъ въ этнографической средѣ сибирской многочисленнѣйшее, въ сравненіи съ дружки составившимися народностями, племя татарское одержало верхъ не только надъ многими малолюдными финскими племенами, но и надъ значительною частью монгольскаго племени, и такимъ образомъ, до появленія русскаго народа, приняло на себя главную роль видоизмѣняющаго, народообразовательнаго дѣятеля въ сферѣ сибирской племенной метисаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію Кастрена, роль антропофагическую. При смѣшеніи съ монголами, кровь татарская преобладала, удержавъ только немного признаковъ монгольства. Георги говоритъ: «хотя Чингисъ, основатель татарскаго царства, былъ природный монголъ, ходилъ въ первые свои походы съ монголами, да и послѣ при войскахъ своемъ всегда имѣлъ монголовъ, но они со временемъ, между великимъ множествомъ татаръ, мало по малу перевелись, и языкъ ихъ пришель въ забвеніе. Нѣкоторыя поколѣнія татарскія по наружности кажутся какъ-будто они монгольскіе народы, какъ напр. кузнецкіе татары, якуты и нѣкоторые другіе; но это произошло только отъ смѣшенія во время войны; ибо побѣдители обыкновенно брали себѣ женъ изъ числа побѣжденныхъ или имѣли съ женами ихъ полюбобное обращеніе» ²⁾.

Въ смѣшеніи съ монгольскимъ племенемъ, именно съ калмыками, татарское племя образовало нѣсколько новыхъ разновидностей. Таковы, напримѣръ, телеуты, верхотомскіе татары, чулымскіе татары и другіе. Телеуты или бѣлые калмыки, въ XVII вѣкѣ сохранявшіе еще чистый монгольскій типъ, уже въ концѣ прошлаго столѣтія стали почти совершенными татарами. Удержавъ только нѣкоторые калмыцкіе признаки и усвоивъ татарскій языкъ и татарскую народность, они образовали среднюю, смѣшанную форму, съ преобладающимъ, впрочемъ, отпечаткомъ татарскаго типа. Георги, поэтому, замѣчаетъ: «съ виду телеуты совсѣмъ походятъ на татаръ, но притомъ нарочито подобны они и калмыкамъ» ³⁾. Верхотомскіе

¹⁾ Слѣд., наприм., по описанію Георги, етнографическое строеніе сибирскихъ татаръ (ч. II, стр. 9. 24 и др.) и финскихъ племенъ ч. I, стр. 67 ч. III, стр. 5 и мн. др..

²⁾ Георги. Опис. народовъ, ч. II, стр. 2.

³⁾ Георги. Опис. народ. ч. II, стр. 135.

татары, по словамъ Георги, такъ же, какъ телеуты и эбинцы, походятъ на выродковъ калмыцкихъ и татарскихъ; значить, представляютъ помѣсную разновидность татаръ. Чумскіе татары, какъ таже монголо-татарская помѣсь, или помѣсная разновидность татарская, по свидѣтельству Георги, также съ виду походятъ и на татаръ, и на монголовъ, и особливо уподобляются бурятамъ (*ibid*). Точно также татарское племя, по выраженію Кастрена, *татаризировало* нѣсколько поколѣній финскаго племени, остяковъ и самоѣдовъ, и такимъ образомъ произвело новыя татарскія разновидности. Такъ произошли отатарившіеся изъ самоѣдовъ и остяковъ койбалы, бельтиры, моторы, караганы, сойеты и другія финско-татарскія разновидности. И какъ быстро совершалась эта татаризація финскихъ племенъ; койбалы, напримѣръ, еще въ прошломъ столѣтіи представляли всѣ признаки самоѣдскаго племени, съ малозамѣтною примѣсью татарскаго элемента, а спустя 50 или 70 лѣтъ, они уже совсѣмъ отатарились. Поэтому, Палласъ, Спасскій и Клапротъ признавали койбаловъ за самоѣдовъ, а Степановъ, не сообразивши прошлаго, рѣзко напалъ на всѣхъ этихъ писателей и подольительно призналъ койбаловъ природными татарами ¹⁾. Наконецъ Кастренъ рѣшилъ вопросъ, раскрывши, что первоначально нѣкоторые койбалскіе роды были самоѣдскаго племени, а другіе — остяцкаго, и что теперь всѣ «они совершенно татаризированы» ²⁾; оттого и стали совершенно татарскою разновидностью. Но самую рѣзкую разновидность татарскаго племени представляютъ якуты. Они произошли отъ татаръ въ смѣшеніи съ бурятами и отчасти тунгусами. Татарское происхожденіе ихъ признается почти всѣми этнографами и путешественниками и подтверждается ихъ преданіями, физическимъ типомъ и языкомъ. Наконецъ, не говоря уже о томъ, какъ и теперь еще татарское вліяніе, во многихъ мѣстахъ, напр. въ Березовскомъ краю, преобладаетъ надъ русскимъ вліяніемъ въ языкѣ и правахъ необрусѣвшихъ еще остяковъ и самоѣдовъ. ³⁾

Въ XV и XVI в. турко-татарское владычество въ Сибири особенно усилилось и стремилось, при помощи пропаганды ислама, воспробладать надъ всѣми народами Сибири и окончательно татаризировать или отуречить ихъ. Около 1555 года, западно-сибирскій, исчерскій ханъ Кучумъ, происходившій въ 11 родѣ или колѣнѣ отъ Чингисъ-Хана, на основѣ ислама, корана, утвердилъ сибирское

¹⁾ Вильсийск. губери. ч. II, стр. 50.

²⁾ *Jeet vollkommen tatarisiert sind.*, Kastren's, Reiseberichte und Briefe s. 323.

³⁾ *Kastren's, Reiseberichte* s. 8. 241. 121. Абрамова, Опис. Березовск. края въ Записк. географ. общ. 1857 г. кн. XII, стр. 321.!

царство. Такимъ образомъ Сибирь угрожала роль новой азиатской турецко-татарской имперіи или порты ¹⁾. Но это было невозможно. Сибирь географически тяготѣетъ къ Европѣ, а не къ Азіи. Ея естественная географическая отдаленность и оторванность отъ древняго исходнаго пункта азиатской цивилизаціи — отъ южнаго азиатскаго міра и географическая, сѣверно-поморская и южно-низменная связь съ сѣверо-восточной и юго-восточной Европой, ея вдвойнѣ невыгодное полярное положеніе подъ возвышенною, въ номадіи ко-снѣющею центральною Азіею, ея продуктивная природа, требующая интеллектуальной культуры европейской, превышающая умственные силы азиатскихъ народовъ и требующая участія европейскаго ума, недостаточность ея собственныхъ, мѣстныхъ средствъ и естественныхъ импульсовъ для возбужденія и поддержки народной цивилизаціи — вотъ тѣ главныя естественныя причины, почему Сибирь должна тяготѣть, въ дѣлѣ цивилизаціи и культуры, къ Европѣ, а не къ Азіи. И вотъ, въ силу этого географическаго и экономическаго тяготѣнія къ Европѣ, Сибирь магически привлекла къ себѣ славяно-русское народонаселеніе изъ сѣверной Европы.

Съ приходомъ славяно-русскаго племени и распространеніемъ его колонизаціи, внесенъ былъ въ среду сибирскихъ племенъ новый народообразовательный элементъ. Славяно-русскій народъ, благодаря огнестрѣльному оружію, мускульно-физическому превосходству и умственно-гражданскому преимуществу своихъ передовыхъ колоній — казаковъ, служащихъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, благодаря своимъ богатырямъ, своимъ Кортесамъ и Пизарро—Хабаровымъ, Поярковымъ и т. п., — повсюду одержалъ верхъ надъ безоружными, слабосильными и разрозненными племенами Сибири, не только надъ болотно-чахлыми финскими племенами, но и надъ этимъ могучимъ, антропофагическимъ племенемъ татаръ ²⁾. Вотъ главныя, естествен-

1) Миллера, Сибирская исторія, стр. 30—46. Фишера, Сиб. ист. стр. 95—98.

2) Не даромъ почти у всѣхъ сибирскихъ племенъ составились разныя легенды о приходѣ и распространеніи славяно-русскихъ племенъ. Кучуму грозилась страшная предвѣщательная видѣнія; напр. ему мерещилось русское племя подъ образомъ небольшого, но могучаго звѣря, пришедшаго съ р. Тобола, который преодолѣлъ пришедшаго съ Иртыша большого звѣря, т. е. татарскую силу сибирскаго царства. (Миллера, Сибир. истор. 39 и 42).

Въ легендахъ минусинскихъ татаръ Ермакъ представляется колдуномъ, который убивалъ всѣхъ молніей и громомъ (т. е. огнестрѣльнымъ оружіемъ; котораго не знали сибирскія племена), а самъ не боялся ни стрѣлъ, ни мечей. (Записки К...на, въ Атенеѣ 1858 г. ч. II, стр. 267). Тамъ же общія многимъ инородцамъ легенда о бѣловѣ березникѣ, какъ предвѣстникѣ порабо-щенія ихъ бѣлымъ племенемъ.

но-историческія причины, обусловившія перевѣсъ русской національности въ средѣ сибирскаго этнологическаго народообразованія.

По общему закону природы, виды, далеко распространенные, обильные особями, уже возторжествовавшие надъ многими соискателями въ собственной обширной родинѣ, всегда имѣютъ наиболѣе шансовъ на захватъ новыхъ мѣстъ, при распространеніи въ другихъ странахъ. На новыхъ своихъ жилищахъ они подвергаются новымъ условіямъ и часто дальнѣйшему видоизмѣненію и совершенствованію; слѣдовательно являются еще болѣе побѣдоносными и производятъ группы видоизмѣненныхъ потомковъ (Дарвинъ). Этотъ же законъ природы обусловилъ преимущество славяно-русскаго племени въ новой области его распространенія, въ Сибири. Русское племя, путемъ своей тысячелѣтной колонизаціи отъ Карпатовъ до Урала, отъ Астрахани до Колы, уже на своей родинѣ, въ европейской Россіи, успѣло распространиться шире всѣхъ сосѣднихъ племенъ—турко-татарскихъ, финскихъ и монголо-татарскихъ. Оно уже въ Россіи одержало физиологическій перевѣсъ надъ многими племенами, частью побѣдило и истребило, частью, путемъ смѣшенія, претворило въ свою плоть и кровь, въ свою народность многія финскія племена, на примѣръ, чудь заволоцкую, мерю, весь, мурому, мещеру, мордву, зырянъ, пермяковъ, кореловъ, лопарей, а также многихъ татаръ и даже нѣмцевъ ¹⁾. Посредствомъ этого историко-физиологическаго процесса смѣшенія и неизбежнаго, вслѣдствіе того, этнографическаго видоизмѣненія, оно уже въ Россіи, особенно по украинамъ или пограничнымъ областямъ, образовало нѣсколько областныхъ разностей, національныхъ разновидностей, на примѣръ, корело-лопарско-новгородскую разновидность своеобразнаго сѣверно-поморскаго типа—въ архангельской губерніи, зыряно-русскую и пермско-русскую разновидность—въ пермской и вологодской губерніи, вотяцко-новгородскую разновидность въ Вятской губерніи, и т. п.

Вслѣдствіе этого вѣкового состязанія и восторжествованія надъ многими соискателями въ собственной обширной родинѣ, русское племя естественно окрѣпло въ силахъ, оразнообразилось въ національной организаціи, въ смѣшанномъ составѣ своей народности, приобрѣло и развило въ себѣ физиологическую силу устойчивости и способность видоизмѣнять, претворять въ свою національность всякія иноплеменные народности, развило и усилило въ себѣ способность этнологическаго народообразованія, національно-физиологическаго саморазвитія на счетъ чуждыхъ, разноплеменныхъ континген-

¹⁾ Объ этомъ будетъ подробно сказано въ историко-этнологической организаціи великорусскаго народа.

товъ, путемъ метисаціи и естественнаго, народообразовательнаго подбора. Ермавъ, путешествовавшій по Россіи въ 1828 году, представляетъ, какъ характеристическую особенность русскаго народа, его способность ассимилировать въ свою плоть и кровь все чужезарное, доводить другія національности до обрусѣнія. Онъ сравниваетъ эту русскую національную силу съ рѣкой, поглощающей въ себя ручьи безъ измѣненія собственнаго имени, и съ крѣпкимъ, живучимъ организмомъ, который никакая, даже самая равнородитѣльная пища не можетъ преобразовать или измѣнить совершенно. И вотъ, въ силу этой-то физиологической способности національной устойчивости и ассимиляціи, русское племя смогло одержать преимущество въ борьбѣ за существованіе съ равными зауральскими племенами, смогло широко распространиться въ новой области метисаціи и стало главнымъ организующимъ факторомъ въ историко-физиологическомъ процессѣ новаго народообразованія, новаро, дальнѣйшаго наростація, народженія русскаго народа изъ разноплеменныхъ тѣней сибирскихъ народностей. А захватывая новыя мѣста, при распространеніи въ новыя этнологическихъ областяхъ Сибири, ища землицъ, понимая языкъ, — русское племя, естественно, еще болѣе изоцралось и крѣпко въ своихъ физическихъ и умственныхъ ассимилирующихъ силахъ, въ лаввой и бойкой борьбѣ съ равными племенами, въ развѣдкѣ и открытіи сибирскихъ земель, въ постоянныхъ богатырскихъ походахъ и подвигахъ по рѣкамъ, по тундрамъ, по тайгамъ, по герамъ сибирскимъ, въ постоянныхъ промыслахъ и торгахъ, и, наконецъ, все болше и болше подкрѣплялось воспринятіемъ и ассимиляціей въ свой національно-физиологическій составъ непрерывныхъ пригововъ свѣжей крови туземныхъ природныхъ племень. Вслѣдствіе этого, въ немъ развивались двѣ новыя особенности или два новыя преимущества—особенный туземный промышленный тактъ и способность туземнаго языкованія,⁴⁾ и въ то же время усиливалась способность національной ассимиляціи. Въ силу подобныхъ преимуществъ и особенностей, своеобразно-видоизмѣняющая сила плавяно-русскаго племени еще болѣе преобладала въ физиологическомъ процессѣ смѣненія съ сибирскими племенами и производила своеобразныя туземныя поколѣнія сибиряковъ, видоизмѣненныхъ потомковъ отдаленнаго славянства и великорускаго народа. Рядомъ съ тѣмъ, напริมѣръ, характеризуетъ это возрастающее преобладаніе и ра-

⁴⁾ Объ особенномъ, отличительномъ промышленномъ типѣ сибиряковъ, наслѣдственно передававшемся, и объ ихъ талантѣ изученія туземныхъ языковъ находимъ характеристическія свидѣтельства у того же Ерманна; Reise, В. I, S. 466—467; В. II, s. 70, 170, и особ. 226.

распространение европейско-сибирскаго населенія и тѣмъ въ юго-восточной Сибири: «здѣсь на югѣ, итравняемъ нѣкогда могущественную роль въ судьбахъ сѣвѣднихъ народовъ, досталаась въ удѣлъ монгольскому племени болыною частью только грубость неосѣдлыхъ кочевниковъ или невѣжество ламантскаго духовенства, вмѣстѣ съ которыми оно воснѣбегъ безнадежно въ совершеннѣйшемъ равнодушіи ко всякому дальнѣйшему шагу. Выше, уже на самой границѣ или вблизи горнаго края, гдѣ распространенію скота часто очень препятствуетъ суровость климата, живутъ въ малыхъ группахъ запоздалые, рѣдкіе остатки охотничьихъ племенъ, происхождение которыхъ трудно объяснить, и которые на восточномъ концѣ Саянскаго хребта становятся все рѣже и, наконецъ, на горахъ сибирскихъ, лежащихъ восточнѣе, смѣняются далеко-распространеннымъ племенемъ тунгусскимъ. Съ этимъ горнымъ народомъ, который, въ отдаленныхъ нагорьяхъ, все болѣе и болѣе приближается къ вымиранию, граничитъ на сѣверѣ, на возвышенномъ плоскогоріи плато-монгольское племя, которое, будучи стѣснено въ скотоводствѣ препятствіями густо-лѣсныхъ горъ, занимается имъ въ незначительныхъ, относительно, разнѣрахъ, и потому все болыне и болыне вынуждается обращаться частью къ охотѣ, частью, побуждаемое европейско-сибирскимъ населеніемъ, къ агрикультурѣ, и вслѣдствіе этого, въ однихъ мѣстахъ болѣе, въ другихъ менѣе, но все мало по малу утрачиваетъ, смысая съ себя монгольство и нарождаетъ помѣшное потомство, филономія котораго еще напоминаетъ о монголахъ, а между тѣмъ по образу жизни и по занятіямъ, оно уже сливается съ *сибиряками*. Наконецъ, этотъ *типъ сибиряковъ*, сложившійся силою судьбы изъ восточно-европейскихъ элементовъ въ пестрой, нестройной формѣ, распространился уже теперь широкою нитью по главной, большой дорогѣ, вплоть до Тихаго океана. Изъ несчастныхъ дѣлаются они счастливыми. Въ потомкахъ преступниковъ, ссыльныхъ и осужденныхъ смѣшались и стерлись всѣ прежнія, часто очень рѣзкія личныя различія. Сынъ уже не несетъ на себѣ вины, такъ жестоко тяготѣвшей надъ его отцомъ, надъ его матерью; новое отечество представляетъ имъ новые источники пріобрѣтенія... Отъ этого обширнаго узла, переведенное изъ Россіи европейское населеніе Сибири развѣтвляется по сторонамъ на крѣпкія, отдѣльныя нити, слѣдя болышею частью по теченію рѣкъ и теряясь въ полярномъ кругѣ, въ странѣ самоѣдскаго племени ¹⁾.

1) Gustav Radde, Reisen in Sibirien von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1856. B. 1, s. XLIV.

Другая естественная причина преобладанія русскаго племени: «Организмы, стоящіе на низшей степени развитія, — говоритъ Дарвинъ, — болѣе измѣнчивы, чѣмъ организмы выше развитые». — «А низшія племена человѣка, говоритъ Ляйель, представляютъ размѣры, которые во многихъ отношеніяхъ занимаютъ промежуточные степени между высшею или европейскою породою и обезьянами» ¹⁾. Точно также племена съ выдавшимися впередъ челюстями имѣютъ фізіономію болѣе приближающуюся къ звѣрямъ, вообще находятся на нисшей степени фізическаго, умственнаго и гражданскаго развитія, и потому не играютъ никакой дѣятельной роли въ совершенствованіи человѣчества. Напротивъ, племена, имѣющія челюсти короткія, не выдающіяся впередъ, а подобранныя подъ лобъ, имѣютъ и фізіологическій, и умственный, и гражданскій перевѣсъ, играютъ самую дѣятельную роль въ умственномъ развитіи человѣчества. Вместимость черепа также у низшихъ племенъ гораздо меньше, чѣмъ у европейцевъ, и представляетъ постепенности отъ 1228, 27 кубич. сантимеровъ у австралійцевъ, до 1572, 94 кубич. сант. у англичанъ ²⁾. По развитію фізической силы, также низшія племена стоятъ ниже. Наприм. по динамометрическимъ изслѣдованіямъ, *forserenale* вандименовца, новоголландца, французскаго матроса п англійскаго колониста въ Австраліи содержится какъ 50, 51, 58, 69, 71. ³⁾ Обращаясь къ сибирскимъ племенамъ, мы тоже видимъ и у нихъ или недоразвитіе, несовершенство организаціи, или неизощреніе однихъ органовъ и неправильное употребленіе и развитіе другихъ. ⁴⁾ Георги довольно подробно описалъ намъ это несовер-

¹⁾ Такъ напр. продолжаетъ Ляйель, — ростъ негра нѣсколько меньше, нежели европейца, и черепъ, какъ извѣстно, относительно костей лица, меньше. Изъ конечностей, верхнія относительно длиннѣе, и въ'обвихъ, какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ, существуетъ не столь замѣтное преобладаніе въ величинѣ ближайшихъ къ тѣлу частей надъ отдаленными... Стопа у негра на одну восьмую, а кисть руки на одну двѣнадцатую длиннѣе, нежели у европейца. Изгибъ стопы, правильное строеніе которой очень важно для легкости и удобства ходьбы, болѣе низокъ у негра, нежели у европейца... Вслѣдствіе этого сама стопа становится болѣе плоскою и длинною, подходя въ этомъ отношеніи къ стопѣ обезьяны, тогда какъ между послѣднею и стопою европейца существуетъ рѣзкое различіе въ этомъ отношеніи. (О древн. человѣка стр. 85).

²⁾ См. *Tabelle des Schädelinhaltes bei verschiedenen Rassen* — у Фогта. *Vorlesungen über die Menschen* 1, s. 104—105

³⁾ Péron. *Voyage de découvertes aux terres Australes* 1, p. 472. [W. [Roscher, *Syst. d. Volkswirthsch.* 1, 68.

⁴⁾ Не говоря о черепахъ, укажемъ, напримѣръ, на маленькіе, узкіе глаза у гиперборейскихъ племенъ, обитающихъ по берегамъ Ледовитаго моря, и особенно у монгольскаго и манджуро-тунгускаго племени. Можно, кажется, по-

шенство физиологическаго развитія и структуры разныхъ сибирскихъ племень. Напримѣръ, о самоѣдахъ онъ говоритъ: «и росту они самаго небольшого, и рѣдко бываютъ ниже 4-хъ и выше 5 футовъ; ноги и шея у нихъ короткія, лицо и носъ особенно плоскіе; ниж-

лагать, что несовершенная форма маленькихъ, щелевидныхъ, узкихъ глазъ, съ вѣками нѣскольکو сращенныхъ, у всѣхъ подобныхъ племень есть неугасшее еще и неусовершенствованное наследіе отъ древнѣйшихъ жителей пещеръ, передаваемое потомственно и генеративно поддерживаемое жизненными условіями узкоглазыхъ племень. Ибо, во-первыхъ, извѣстно, что органъ зрѣнія прошелъ нѣскольکو стадій развитія до совершеннѣйшей формы, напримѣръ, глаза европейца. Это прекрасно раскрыто Дарвиномъ (über die Entstehung der Arten s. 213—222). Во-вторыхъ, по открытіямъ Турналя и Кристалля, по исследованиямъ Шверинга и вообще по новѣйшимъ геологическимъ и палеонтологическимъ изслѣдованіямъ извѣстно, что люди нѣкогда жили въ пещерахъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ черепа человѣческіе, найденные, напримѣръ, въ пещерахъ бельгійскихъ, въ Енгисовой, близъ Льежа, въ Неандертальской, въ Брикгамской и во многихъ другихъ. „Пещеры, — говоритъ Дябелъ, — служили человѣку мѣстомъ жилища... Мрачныя пещеры и подземныя тоннели могли служить мѣстомъ убѣжища племю ряду поколѣній людей“ (О древности человѣка, стр. 56, 58). Древняя чуждъ тоже жила нѣкогда въ пещерахъ. (Эйхвальда, о Чудскихъ копяхъ, — Труды вост. отд. III, стр. 104). „Тамъ живущіе человѣцы, — говоритъ нашъ жизнеописатель Трифона печенежскаго и Зосимы, и Савватія соловецкихъ, — и пера, чуждъ, лопь, ада-лѣсъ-жъ каане и мурмане и нини мнози языцы первѣе была яко зѣтріе пѣтин, живущіе въ пещерахъ и раселинахъ каменныхъ и земныхъ, на-пущие храма (Сборн. Солов. Библ. № 175). Нѣкоторые сибирскіе народы, наприм. телеуты, юрако-чукотскія племена, а также восточные островитяне тоже жили или въ каменныхъ раселинахъ, или земляныхъ землянкахъ.“ (Героги, Опис. народовъ, II, 158, III, 60, 75, 87). Въ такихъ мрачныхъ пещерахъ и подземныхъ тоннеляхъ органы зрѣнія у людей, естественно, должны были быть недоразвитыми, величествіе малаго употребленія и изощренія или вслѣдствіе постояннаго особеннаго напряженія и настроенія, неизбѣжно обусловливаемаго пещернымъ образомъ жизни, пещерными, подземными условіями свѣта и воздуха, — принять форму щелевидную, сжуженную, прищуренную, съ вѣками болѣе или менѣе сращенными, и въ такомъ видѣ, по закону медленнаго видоизмѣненія и совершенствованія органовъ, передаться потомъ вышнѣе-шимъ племенамъ, имѣющимъ узкіе, недоразвитые, щелевидные глаза съ нѣсколько сращенными вѣками. Ибо законъ употребленія или неупотребленія органовъ точно такую же форму и степень развитія глазъ обусловливаетъ и у всѣхъ пещерныхъ животныхъ, наприм., у роющаго грызуна южной Америки, Тутоуту (Chaptuis), ведущаго жизнь подземную, у совершеннѣе слѣпыхъ животныхъ, обитающихъ въ пещерахъ Стеринъ и Кенгули, у пещерныхъ крысъ и проч. и точно также представляются различныя стадіи въ строеніи глаза у совершенно слѣпыхъ животныхъ, смотря по полу-тѣмъ или полной тѣмъ пещеръ и норъ подземныхъ. Законъ этотъ великолюбно раскрытъ и доказанъ Дарвиномъ (Ueber die Entstehung der Arten, s. 163 и слѣд. См. также Schmarda, Die geographische Verbreitung der Thier 1, s. 12). Унаслѣдованная вышнѣе-

или часть лица слишком значительно выдается вперед; глаза маленькіе, волосъ, кромѣ головы, нигдѣ нѣтъ; у мужчинъ на бородѣ ви-

ми, наприм. монгольскими, гипербореическими, тунгусскими и др., отъ древнѣйшихъ пещерныхъ племенъ, какъ неугасшіи, неаглохшіи еще остатки древней организаціи,—маленькая, щелевидная, сжуженная форма глазъ, съ нѣсколькими срединными вѣками, поддерживается у этихъ новѣйшихъ племенъ неправильнымъ употребленіемъ или злоупотребленіемъ органовъ зрѣнія, наприм. кромѣ и вѣчными дымою юртъ, особеннаго бланною сибирскихъ или кривошеишскихъ степеней и т. п. Наприм., Георгіи говоритъ о киргизахъ: «глаза у нихъ малы, можетъ быть и оттого единственно, что они болѣе сжимаютъ вѣки по причинѣ желтѣющихъ степеней и особеннаго свѣту». (Опис. народ., ч. II, стр. 423). Какъ у пещерныхъ кривошеи и подвѣсшихъ трынуновъ глаза страдаютъ воспаленіемъ, такъ и у русскихъ сибирскихъ племенъ (Палласъ, Георгіи, Врангель, Ерманъ—едингласны). Точно также неправильное употребленіе или злоупотребленіе другихъ органовъ, наприм. ногъ, обуславливаетъ неправильное ихъ развитіе. «Ноги у всѣхъ калмыковъ,—говоритъ Георгіи,—въ волжскихъ степистахъ не по природѣ, но отъ виднаго въ присядну и отъ всегдашней верховой ѣзды (Опис. народ. ч. I, стр. 9). Лагасъ тоже замѣчаетъ о бурятахъ: «мальчишескіе они съ милостива приучаютъ ѣздить на лошади широкимъ; оттого и отъ порогныхъ степеней у сѣверъ рѣдкіи бурята имѣютъ прямыя ноги (Сибир. Вѣст. 1824 ч. I, стр. 6). У монголовъ, а также у якутовъ и др. вообще, вѣдѣствіе преобладающаго употребленія или употребленія частей, скуловыхъ мускуловъ (выс. зygomaticus), вследствие маловаго употребленія органа мысли—носа, наиболѣе развиты и выдаются впередъ среднія части лица, скуловые мускулы, а лобъ неразвитъ и наклонъ назадъ (Еstygnaethes). Развѣтливое доказательство важнаго значенія закона употребленія или употребленія, или образа употребленія органовъ въ организаціи сибир. племенъ представляетъ Ваде въ характеристикѣ антропологическаго строенія забайкал. бурятъ и тунгусовъ (Выс. геогр. общ. 1857 г. кн. XXI, стр. 137—146). Не говоря о климатѣ, мѣстахъ жителства и проч., вообще разныя жизненные условія оказываютъ и оказываютъ такое же влияние на организаціи влородственныхъ племенъ. Напр. дѣятельна зависеть отчасти и отъ образа жизни. Якуты,—самыя негр. д-ръ Каберъ,—при рожденіи бывають тѣломъ бѣлы, но съ лѣтами отъ несправности дѣлятся смуглыми. (Сибир. Вѣст. 1824 г. ч. II, стр. 133). Пища имѣетъ существеннѣйшее влияние. Возлѣсье, наприм. соли. Не изслѣдованными Буассяго, Либиха, де-Сона и др., употребленіе соли дѣлаетъ волоса и шерсть густыми, тонкими, гладкими, возбуждаетъ въ животномъ агрессивность и воинственность, увеличиваетъ плодовитость мужского и восприимчивость женскаго пола и удваиваетъ питаніе зародышка, способствуетъ росту: надросить, неупотребленіе соли дѣлаетъ волоса вѣтеропылыми, жесткими, шершавыми и безъ лезна, а кожу мѣстами голую и вовсе безъ шерсти; теплѣе имѣетъ животнымъ дѣлаетъ холодами, поодку пилосо, препятствуетъ росту. (Либиха, Дикманъ о химіи II, стр. 102—103). Почти всѣ сибирскія племена, какъ известно, и донынѣ еще вовсе не употребляютъ соли, даже чувашскихъ къ ней старашице, какъ наприм. чувши, по свѣдѣн. д-ра Кабера, или употребляютъ ее весьма мало и рѣдко. (См. у Георгіи въ Опис. народ.). И вотъ не вследствие ли этого, между прочимъ, факта, всѣ сибирскія племена представляютъ явен-

днѣ одинъ только пухъ; они малорослы и худо размножаются.» 1) Объ остякахъ Георги замѣчаетъ: «рѣдко кто изъ нихъ бываетъ средняго роста; лицо особенно плоское и желтоватое; души тупыя и унылыя, и потому они боязливыя, женщины съ самыхъ первыхъ родовъ становятся морщинистыми и безобразными; когда остяки не бывають на промыслахъ, то бывають нездоровы» 2). По словамъ Палласа; остяки болынею частью средняго и малаго роста, слабыми, худощавы, съ особенно слабыми костями, трусливы или робки, простодушны и глуховаты. 3). О калмыкахъ Георги пишетъ: «рѣдко бывають выше средняго роста, по болышей части сухощавы; лицо у нихъ стель плоское, что калмыцкій черепъ отъ всякаго другаго удобно распознать можно; глаза узкіе, и углы у нихъ болѣе плоски, нежели у еврейцевъ; губы толсты, носъ приплюснутъ и малъ; уши оттопырились и весьма велики; ноги у всѣхъ въ кобыняхъ выгибисты 4). О бурятахъ Георги, между прочимъ, замѣчаетъ: «тѣло ихъ весьма мало имѣетъ крѣпости и силы. Одинъ русскій человекъ равнаго росту вѣсомъ всегда тяжелѣе бурята и, какъ шутя, такъ и на самомъ дѣлѣ, многихъ изъ нихъ можетъ преодолѣть 5). Сѣверныя сибирскія племена, хотя и крѣпкаго тѣлосложенія, но вся ихъ структура полууродлива, не вполне развита. Врангель такъ характеризуетъ физическое строеніе племенъ сѣверовосточной Сибири: «подобно всемъ обитателямъ полярныхъ сѣверныхъ странъ, они не высокаго роста, но широконосы и крѣпкаго тѣлосложенія. Голова ихъ противъ туловища слишкомъ велика; руки и ноги слишкомъ коротки; лицо плоское и широкое; большія щоки суживають ротъ и даютъ ему слишкомъ круглую форму... Волосы черны и косматы, а маленькіе, узкіе глаза лишены огня и выраженія. Суровость климата, голодъ и недостатки, кажутся, препятствуютъ здѣсь совершенному

во всемъ тѣ антропологическія свойства, которыя, по наблюденіямъ Бухарно, Либиха и Сава, замѣчались и на живогныхъ, неупотреблявшихъ соли. Именно, у многахъ сибирскихъ племенъ почти вовсе нѣтъ волосъ на тѣлѣ, исключая немногихъ мѣстъ; волосы б. ч. жесткіе, взъерошенные, борода рѣдка, вытаспаетъ назадъ, да и то у многихъ вовсе не бываетъ; волосы косичтис, жесткіе, бѣтъ лоскъ; температура б. ч. холодная; элементарнейшій, «души унылыя, тупыя» — по выраженію Георги; ростъ почти у всѣхъ малый, нзвѣст; плодотворность слабая — 3, 4 дѣтяти. (Георги 1, 26. Врангель, II, 114 и др.)

1) Опис. народ. вѣ. ч. III, стр. 5.

2) Ibid. ч. I, стр. 67, 71.

3) Pallas, Reise III, s. 39.

4) Опис. нар. ч. 1, стр. 9.

5) Ibid. Стр. 26. См.отр. его же. Bemerkungen einer Reise im russisch. Reich. im Jahre 1772. B. 1, s. 298.

развитію физической природы человѣка, и такое же вліяніе оказываетъ климатъ и на умственные силы сѣверныхъ сибиряковъ. Кровь течетъ медленно въ ихъ жилахъ; сердце ихъ бьется вяло и чувства, если не истреблены, то, по крайней мѣрѣ, почти совершенно подавлены.»—Сравнимъ теперь съ этимъ описаніемъ физиологическій типъ славяно-русскаго племени. Еще древніе западные путешественники единогласно отзывались о высокорослой, стройной и крѣпкой конструкціи русскаго народа. Напримѣръ, Петрей писалъ: «русскіе всѣ вообще люди ростые, сильные, дюжіе, тучные» ¹⁾. Олеарій писалъ: «у русскихъ всѣ мужчины вообще высокаго роста, полны и вѣрикаго сложенія; цвѣтомъ кожи сходны съ прочими европейцами... Женщины русскія вообще средняго роста, стройны, нѣжнаго тѣлосложенія, красивы... Русскіе — народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ, и жаръ» ²⁾. По совершенству физическаго развитія и склада, славяно-русское племя существенно относится къ типу европейской породы и почти ничѣмъ отъ нея не отличается. Такъ, Причардъ относительно физико-этнографическаго характера славяно-русскаго племени замѣтилъ: «что если оно имѣетъ въ этомъ отношеніи какія-либо особенности, такъ эти особенности не должны быть рѣзки, и потому не легко могутъ быть и замѣчены» ³⁾. Въ частности, сибирское русское народонаселеніе, на взглядъ европейцевъ, выдавалось крѣпостью и развитостью своей организаціи. Напримѣръ, Шапшъ писалъ: «сибиряки рослы, плотны и статны... женщины красивы, бѣлотѣлы, съ пріятною фізіономіей, съ чорными глазами» ⁴⁾ и проч. Ганстенъ замѣтилъ: «сибиряки извѣстны въ Россіи за самый красивый народъ и пользуются желѣзнымъ здоровьемъ» ⁵⁾. Однимъ словомъ, физическое строеніе славяно-русскаго племени и въ Россіи, и въ Сибири значительно выше и совершеннѣе, чѣмъ складъ сибирскихъ инородческихъ племенъ. И вотъ, въ силу этой физиологической крѣпости и наибольшаго совершенства, русское племя, естественно, устойчиво уцѣлѣло среди всѣхъ слаботѣлыхъ, физически недоразвитыхъ сибирскихъ племенъ. Оно въ существенныхъ чертахъ своихъ осталось неизмѣнно. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ и физическая, и этнографическая среда была крайне неблагоприятна для національнаго и физическаго развитія русскаго племени, даже и тамъ его природа сохранила свои физиологическія

1) Historien und Bericht von dem Grossfürstenthums Moskow. s. 583. 593.

2) Путеш. Олеарія, въ архивѣ 1859 г. IX, стр. 20. 21 и др.

3) Histoire naturelle de l'homme. Paris 1843 t. 1, p. 267.

4) Истор. обзорѣніе Сибири, Словцова 11, 84.

5) Reise in Sibirien 1828—1830.

черты. Взгляните хоть на природнаго русскаго въ Якутскѣ и сравните его съ природнымъ якутомъ.» Якуты,—замѣчаетъ Н. Щукинъ,—всѣ средняго роста; русскій крестьянинъ между ними кажется исполиномъ, особливо если ростъ его больше обыкновеннаго. Вы сравниваете русскаго съ якутомъ и не удивляетесь, что горсть казаковъ обращала въ бѣгство тысячи азіятцевъ. И монголь, и якуть, и тунгусъ называютъ русскаго лѣшимъ. Не мудрено, что съ густыми волосами и бородою, которой азіятцы не имѣютъ, съ оружіемъ, наносящимъ смерть въ отдаленіи и невидимо, русскій показался имъ духомъ («въ лѣсахъ обитающимъ»¹⁾). Врангель замѣчаетъ о физической устойчивости русскихъ колонистовъ въ низовой части Колымы: «хотя обитающіе здѣсь собственно русскіе, черезъ смѣшеніе съ юкагирами и анюйскими якутами, заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, образѣ жизни и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкимъ своимъ сложеніемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣломъ бѣлѣе и у многихъ свѣтлорусые волосы, чего не стрѣчается у природныхъ жителей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы, ими исправляемыя, и неопрятность, съ какою живутъ, съ чертами лица болѣе приятными и правильными, нежели у настоящихъ юкагирокъ, тунгусовъ и якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ похвастаться красавицами... Между здѣшними русскими видны еще нѣкоторая веселость и наслажденіе жизнью, а у природныхъ жителей этого, къ сожалѣнію, незамѣтно, исключая тѣхъ, которые вращались въ обществѣ русскихъ, но и тѣ не умѣютъ вполне изъяснять своей веселости. Однакожъ такое и многія другія, свойственныя русскому характеру, преимущества цѣнятся ими, и когда они хотятъ описать искуснаго, проворнаго и счастливаго промышленника, то говорятъ: «онъ настоящій русскій!» Дѣти здѣшнихъ русскихъ, не смотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и перемчивость»²⁾. Такъ мало измѣчива наиболѣе развитая и наиболѣе окрѣпшая русская національная организація. Между тѣмъ, менѣе развитыя сибирскія и инородческія племена, не болѣе какъ въ два столѣтія, болшею частью существенно измѣнились и измѣняются какъ это мы увидимъ дальше; многія утратили почти всѣ признаки своей коренной народности и сдѣлались совершенно русскимъ населеніемъ. Вслѣдствіе своей низшей организаціи, инородческія племена Сибири подвергались не только физиологической вообще, но и

1) Поѣздка въ Якутскъ, стр. 230.

2) Врангель, Поляр. экспед. 1, 237—239.

шовой, умственной измѣнчивости. Въковая физическая и умственная борьба за существованіе съ русскимъ племенемъ повела нѣкоторые сибирскія племена къ выгоднымъ измѣненіямъ, въ нѣкоторой степени уоверненствованіямъ. Это въ силу того естественнаго закона, что если какія нибудь низшія породы приобрѣтаютъ способность противиться вторженіямъ въ свою область другихъ, пришедшихъ породъ, то они съ успѣхомъ видоизмѣняются. 1) Такъ, якутское племя, вслѣдствіе первоначальной мускулярно-физической борьбы съ русскимъ племенемъ, и потомъ вслѣдствіе интеллектуально-мозгового соперничества, — измѣнилось къ лучшему, даже приобрѣло умственный перевѣсъ надъ русскими въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Ленѣ, въ якутскомъ краю. Русскіе, прежде обманывавшіе якутовъ, какъ простаковъ, теперь съ уваженіемъ, даже съ умственнымъ раболѣпіемъ относятся къ нимъ умственнымъ уснѣхамъ. Далѣе, самая организація нѣкоторыхъ инородцевъ замѣтно измѣняется, вслѣдствіе усвоенія русскаго образа жизни. Напримѣръ, буряты или тунгусы, живущіе смежно съ русскими селами и занимающиеся земледѣліемъ, принимаютъ обликъ менѣе дикій, степной, грубой, чѣмъ буряты, живущіе въ глуши дивныхъ степей и занимающіеся исключительно охотою и пастушествомъ. У инородцевъ, живущихъ въ горахъ или селахъ въ работникахъ у русскихъ, также замѣтно нѣкоторое легкое измѣненіе въ чертахъ лица, въ движеніяхъ, въ голосѣ и проч. Дѣти бурятскіе, учащіяся въ русскихъ школахъ или живущія въ услуженіи у русскихъ, тоже мало по малу приобрѣтаютъ нѣкоторое отличіе отъ дѣтей степныхъ, улусныхъ. Это происходитъ въ силу того естественнаго закона, что если дѣти ведутъ образъ жизни нѣсколько иной, чѣмъ ихъ родители, то, по началу естественнаго подбора, дѣятельные дѣти, сами-себѣ приобрѣтающіе пропитаніе, будутъ нѣсколько разниться въ самомъ строеніи отъ своихъ родителей. 2) Если, такимъ образомъ, физически-недоразвитыя сибирскія племена замѣтно измѣняются отъ простаго сближенія и сожителства съ выше-организованнымъ русскимъ племенемъ, то, вслѣдствіе скрещенія, изъ низшая организація, естественно, должна была еще болѣе измѣняться и уступать ассимилирующему вліянію выше-развитой корпораціи русскаго племени. Это мы дальне и увидимъ.

Далѣе, малоплодовитость сибирскихъ племенъ, ихъ слабая фи-

1) Darwin, s. 96.

2) Darwin, s. 481. Точно также каждый органъ измѣняется, вслѣдствіе употребленія или неупотребленія, особенно вслѣдствіе новаго направленія его дѣятельности. См. у Дарвина, 480.

физиологическая способность къ размноженію, естественно, также не могла соперничать съ наиболѣе сильною плодовитостью и разможаемостью русскаго народа, и должна была пошеволѣ уступить силѣ потомственного самовоспроизведенія и нарастанія русской народности. Повореніе сибирскихъ инородческихъ племенъ русскому владычеству, лишеніе ихъ свободы и простора въ предѣлахъ охоты и пастушества, — словомъ, измѣненіе ихъ жизненныхъ условій регрессивно, упадочно подѣйствовало на ихъ воспроизводительную энергію. «Главнѣйшая причина измѣнчивости живыхъ существъ, — говоритъ Дарвинъ, — заключается въ томъ замѣчательномъ дѣйствіи, которое производитъ прирученіе и лишеніе свободы на отравленія половой системы; потому что именно эта система гораздо болѣе, чѣмъ всякая другая часть организма, зависитъ отъ измѣненія жизненныхъ условій. Нѣтъ ничего легче, какъ приручить животное, но какъ трудно заставить ихъ обильно плодиться въ неволѣ, даже въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда бываетъ сближеніе между самцомъ и самкою. Сколько животныхъ вовсе не плодится въ неволѣ, какъ бы долго не держали ихъ въ плѣну, даже самомъ просторномъ, и хотя бы это было въ самой ихъ родинѣ. 1) По этому закону природы, порабощеніе сибирскихъ племенъ и лишеніе ихъ прежней свободы не только прямо уменьшило въ нихъ энергію плодородія, но и существенно измѣнило дѣйствіе ихъ производительной системы, ослабило ихъ организацію, парализовало ихъ физиологическій ростъ, и многія племена довело даже до вымиранія 2). Вслѣдствіе этой общей физиологической парализаціи, естественно, также уменьшалась плодовитость и увеличивалась измѣнчивость организаціи порабощенныхъ племенъ. Притомъ, и независимо отъ порабощенія и лишенія свободы, уже природная низшая степень физиологическаго развитія и организаціи сибирскихъ племенъ, въ силу общаго естественно-экономическаго закона, обуславливаетъ у нихъ низшую степень воспроизводительной энергіи и плодородія. «У дикихъ племенъ, — скажемъ словами В. Ромера, — которыя упраж-

1) Darwin, über die Entsteh. d. Arten, s. 18. 66.

2) Многіе инородцы теперь съ грустью вспоминаютъ, что прежде, когда до поворенія русскому владычеству, были и ростъ, и силъ, и плодовиты. Средне-колымскій якутъ, 82 лѣтній старикъ, съ горькимъ сокрушеніемъ жаловался Врангелю на безсиліе и недолговѣчность нынѣшняго поколѣнія якутовъ. Въ Якутскѣ Врангель тоже слышалъ горькія жалобы старожилы, что нынѣшнее поколѣніе якутовъ измѣнилось (Полярн. Путеш. 1, 172 — 41, 67). Бураты тоже говорятъ, что нынѣшнее поколѣніе ихъ стало мельче и слабѣе, и проч.

няютъ естественныя силы только на охотничьемъ поприщѣ, уже вслѣдствіе тѣснаго пространства питанія, народонаселеніе должно быть рѣдкое. Главныя причины, препятствующія возрастанію населенія, суть: тяжкое обремененіе женщинъ и дурное обращеніе съ ними; причѣмъ почти невозможно бываетъ одновременное воспитаніе многихъ малыхъ дѣтей; необыкновенно продолжительное кормленіе дѣтей грудью; сильно распространенная безнравственность плодострѣбленія; безчисленныя смертоубійства, особенно въ старости и въ болѣзняхъ; вѣчныя войны охотничьихъ племенъ изъ-за охотничьихъ округовъ или границъ. Кромѣ того, охотничьи племена еще чаще истребляются вслѣдствіе голодовъ и эпидемическихъ болѣзней — неизбѣжныхъ слѣдствій постоянныхъ и рѣзкихъ переходовъ отъ довольства къ крайней нуждѣ. Племена номадовъ, при ихъ всеобщемъ рыцарствѣ, лучше держатъ женъ, такъ что онѣ могли бы быть плодовитыми безъ особеннаго труда. Но обыкновенная, общая нужда въ естественныхъ пастбищахъ никогда не позволяетъ имъ возрастать съ наибольшою интенсивностью... Перекочевки и переселенія номадовъ дѣлаютъ ихъ браки мало-плодородными. Большая часть дикихъ народовъ живетъ очень неводержно, развратно; этотъ порокъ всегда ограничиваетъ естественное народоумноженіе. Преждевременные браки также у многихъ истощаютъ источникъ плодородія. Многоженство тоже служитъ препятствіемъ для умноженія народа. Абстрактная физиологія, правда, показываетъ, что мужчина, даже безъ ущерба для здоровья, можетъ производить дѣтей гораздо больше, чѣмъ можетъ родить ихъ женщина. Но въ дѣйствительности, одновременное сожителство со многими женами легко ведетъ къ неумѣренности и раннему истощенію. Турецкіе мужья часто съ 30 лѣтъ дѣлаются импотентными. У людей, имѣвшихъ до 18 женъ и 60 наложницъ, приходилось только по 1 дитяти на каждую, тогда какъ при моногаміи, отъ одной жены часто рождается дѣтей 20 — 25 ¹⁾. Всѣ эти препятствія плодородія и умноженія народонаселенія болѣе или менѣе имѣли и имѣютъ мѣсто и въ естественной жизни нашихъ сибирскихъ племенъ ²⁾. Поэтому они далеко меньше плодовиты, чѣмъ русское земледѣльческое и торгово-промышленное населеніе европейскаго зауралья и Сибири. Напрямѣръ, объ остякахъ Палласъ писалъ: «браки ихъ неплодовиты: мало найдется отцовъ, у которыхъ было бы болѣе 3, много 4 дѣтей. Причина этого, можетъ быть, заключается въ томъ, что

¹⁾ W. Roscher, System der Volkswirtschaft. B. 1, s. 491—496.

²⁾ См. въ Описаніи народовъ — Исгоря, въ „путешествіи Врангеля и др.

дѣти у нихъ умирають въ раннемъ возрастѣ, вслѣдствіе грубаго содержанія и дурной пищи, и вслѣдствіе того, что матери ихъ сами себя истощають тѣмъ, что кормятъ дѣтей грудью часто до 5 лѣтъ» ¹⁾).

Георги говоритъ о самоѣдахъ: «самоѣды роста самаго малаго, а жены ихъ еще ниже; груди у нихъ маленькія и плоскія, дѣтей начинаютъ они рожать очень рано: нѣкоторые изъ нихъ бывають матерями на 12 и на 13 году; но онѣ не очень плодородны, и съ 30 года перестаютъ уже рожать. Такое состояніе женщинъ и суровый климатъ ихъ страны составляютъ, конечно, причину и того, что они и малорослы, и худо размножаются, потому что ничто другое не препятствуетъ ихъ приращенію. Браки ихъ уничтожаются легко и скоро. «Женскій полъ, по самоѣдскому разсужденію, печистъ; почему и поступаютъ съ нимъ презрительно и безчеловѣчно» ²⁾). О тунгусахъ и о другихъ сибирскихъ племенахъ можно сказать то же самое. Сравнимъ теперь съ плодородіемъ ихъ плодovitость русскаго племени. Здѣсь, правда, нужно напередъ сказать ту грустную истину, что многовѣковое неблагоприятное экономическое положеніе русскаго народа, его крѣпостное состояніе и, по словамъ адм. Мордвинова, «грязный бытъ, недостатки хрощей пищи, одежды, воздуха въ жилищахъ, качество воды по отдаленнымъ отъ рѣкъ селеніямъ, отсутствіе по деревнямъ и селамъ больницъ, сильное распространеніе сифилиса и оспы составляли и составляютъ сильныя препятствія умноженію русскаго народа. Печальный и тотъ фактъ, что въ Россіи едва только 36 процентовъ всѣхъ новорожденныхъ переживаютъ 20 лѣтъ, тогда какъ въ Англіи, напримѣръ, 55 процентовъ. При всемъ томъ, плодovitость и размножаемость русскаго племени, въ сравненіи съ сибирскими племенами, далеко выше. Тогда какъ средней пропорціей рождаемости у сибирскихъ инородцевъ должно полагать никакъ не болѣе 1 на 30 и болѣе жителей; въ Россіи принимаютъ за эту пропорцію 1 на 21 — 23 жит. Между тѣмъ, какъ инородческіе браки въ Сибири даютъ только 3 — 4 дѣтей, браки русскихъ крестьянъ, по словамъ Гакстгаузена, приносятъ обыкновенно 10 — 12 дѣтей. Въ Сибири, по словамъ Палласа, русскіе жители обыкновенно производятъ многихъ дѣтей. Весьма многія русскія женщины рождаютъ 20 — 25 дѣтей. И естественная прибыль русскаго народа больше, чѣмъ инородческихъ племенъ; это видно уже изъ одного умноженія его отъ одной ревизіи до другой. Напримѣръ, съ 1722 по 1742 г. онъ умножился съ 14 мил. до 16; съ 1742 г.

¹⁾ Pallas, Reise III, s. 45.

²⁾ Георгія, Опис. нар. ч. III, ст. 5 и 10.

по 1762 — отъ 16 мил. до 19; съ 1762 по 1782 г. — съ 19 мил. до 27½; съ 1782 по 1793 г. — съ 27½ мил. до 34; съ 1793 по 1803 г. — съ 34 мил. до 36; съ 1803 по 1806 г. — отъ 36 мил. до 41; съ 1806 по 1811 г. — отъ 41 мил. до 42; съ 1811 по 1815 г. — съ 42 до 45 мил.; съ 1815 по 1822 г. — отъ 45 мил. до 49; съ 1822 г. по 1829 — до 50½ мил.; въ 1832 г. — до 58 мил.; въ 1851 году — до 65 мил. и т. д. Среднимъ процентомъ естественной прибыли принимаютъ 1% въ годъ или меньшій 0,88%. Инородческія племена Сибири, какъ увидимъ дальше, напротивъ, болшею частью годъ отъ году уменьшаются. Исчезаютъ цѣлыя племена, подобно пелагамъ, оюкамъ, асамамъ, моторамъ и проч. Русское же населеніе Сибири отъ одного нарожденія ежегодно даетъ значительныя цифры прибыли. Напримеръ, въ Иркутской губерніи въ годъ прибываетъ отъ нарожденія по 1576 дѣтей обоюго пола, въ Забайкальской области по 3332 д. об. п. ¹⁾ При такой преобладающей физиологической способности въ воспроизводительности и размножаемости, русское племя, естественно, должно было воспреобладать надъ малоплодовитыми инородческими племенами, погибавшими какъ отъ голода и эксплуатаціи побѣдителей, такъ и отъ плохо развитой организаціи своей породы.

По общему органическому закону, чѣмъ разнообразнѣе же строенію, образу жизни и нравамъ потомки какаго-либо вида, тѣмъ способнѣе они захватить многія и разнообразныя мѣста въ природномъ строѣ, слѣдовательно, тѣмъ способнѣе къ размноженію, распространенію и воспреобладанію надъ другими жителями. Выгоды разнообразія между жителями одной и той же мѣстности въ сущности тѣже, какъ и выгоды физиологическаго раздѣленія труда между органами одного и того же живого тѣла. Чѣмъ болѣе приспособлены жители къ разнымъ образамъ жизни, чѣмъ разнообразнѣе ихъ нравы и привычки, тѣмъ болѣе возможности для нихъ преобладающаго развитія въ средѣ малообразованныхъ жителей. Грубая животныя съ малообразованною организаціею едва ли можетъ выдержать состязаніе съ другою группою, представляющею разнообразіе болѣе значительное ²⁾. Этотъ общій законъ органической природы проявился, нѣкоторымъ образомъ и въ органическомъ строѣ русскаго народонаселенія. Известно, что охотничьи и пастушескія племена, вообще, имѣютъ организацію болѣе или меньше однообразную. Индивидуальности между ними развиваются чрезвычай-

¹⁾ Изъ рукоп. сибирск. отд. географ. общ.

²⁾ Darwin, s. 130.

но мало, хотя часто повторяемая поговорка: «кто знает одного индѣйца, тотъ знаетъ всѣхъ ихъ», требуетъ нѣкотораго оговора. Гумбольдтъ замѣчаетъ, что между охотничьими племенами физиономическия отличія представляютъ развѣ только цѣлныя племена и орды. Самые татуировки вызваны, какъ полагаютъ нѣкоторые, тою потребностью, чтобы, при большомъ сходствѣ, напримѣръ индѣйцевъ, можно было имъ различать другъ друга въ союзѣ или на войнѣ ¹⁾. По замѣчанію Вайца, различіе между родами некультурныхъ племенъ, по тѣлесному строенію и одеждѣ, гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ въ культурномъ мірѣ ²⁾. При физическомъ однообразіи, между племенами некультурными господствуетъ и однообразіе общественно-бытовое. У охотничьихъ племенъ почти нѣтъ никакого раздѣленія труда, и потому нѣтъ никакихъ общественныхъ званій или состояній. Почти такое же физиологическое и экономическое однообразіе замѣчаемъ и между нашими сибирскими племенами. Почти всѣ индивидуумы каждаго племени сложены совершенно одинаково, по одному племенному типу, и похожи одинъ на другого. Напримѣръ, по одному калмыку можно судить о физиономіи и складѣ почти всѣхъ калмыковъ; по одному природному явугу или тунгусу — о всѣхъ якутахъ и тунгусахъ чистой, несмѣшанной породы и т. п. Какъ одинъ бурякъ занимается скотоводствомъ, такъ же точно занимаются имъ и всѣ кочующіе буряты.

Однообразны ихъ степи, однообразны большаю частью и стада, наприм. овцы больше все бѣлыя; такъ же однообразны ихъ физиономіи, костюмы, юрты, улусы и проч. Какъ одинъ бродячій тунгусъ охотничаетъ, такъ и всѣ прочіе бродячіе тунгусы охотничаютъ, и нѣтъ никакого у нихъ раздѣленія занятій. Какъ однообразны ихъ тонкія ноги, сплюснутые носы, узкіе глаза и все обличье, такъ однообразны ихъ лыжи, охотничьи орудія, костюмы и проч. Олень да береза — вотъ все для всѣхъ оленьихъ и бродячихъ тунгусовъ. Физическое сложеніе и экономическое устройство до того сходны, однообразны у большей части сибирскихъ племенъ, что Георги, въ своемъ описаніи наружнаго вида, образа жизни и нравовъ разныхъ сибирскихъ племенъ, обыкновенно по физиономіи и образу жизни одного племени даетъ судить о наружномъ видѣ и бытовомъ устройствѣ 4-хъ, 5-ти и болѣе другихъ сходныхъ между собою племенъ. Напримѣръ, описавши строеніе, складъ и образъ жизни телеутовъ, онъ приравниваетъ къ нимъ, по

¹⁾ Spix и Martins III, s. 1279.

²⁾ Weiz, Anthropologie der Natur Völker 1, s. 76.

совершенному сходству во всемъ этомъ, вѣстимскихъ и тулибертскихъ татаръ, абинцевъ и верхотомскихъ татаръ, замѣчая: «въ разсужденіи вида, душевныхъ качествъ, внутренняго устройства, языка, нравовъ и обрядовъ во всемъ сходны и сообразны съ телеутами ¹⁾». По портрету татаръ туралинскихъ, онъ даетъ судить о складѣ, строеніи и образѣ жизни татаръ тобольскихъ, томскихъ, обекскихъ и др. Въ бирюсахъ, саянахъ или сагайскихъ татарахъ и бельгирахъ онъ видитъ совершенное сходство съ татарами сибирскими, и по виду, и по языку, и по образу жизни. По изображенію наружнаго вида, склада и образа жизни койбаловъ, Георги даетъ судить о видѣ, складѣ и образѣ жизни камачинцевъ, моторовъ и сойетовъ, замѣчая вообще: «по виду, языку, одѣянію и проч. они совершенно подобны койбаламъ; почему на нихъ и ссылаюсь.» Такое одообразие и въ складѣ, и въ бытѣ племенъ особенно угрюмо и печально царствуетъ на сѣверѣ дикомъ, полярномъ. «Монотонія, — говоритъ гениальный географъ, — въ атмосферныхъ явленіяхъ, въ мірѣ животномъ и растительномъ, монотонія и въ человѣческомъ мірѣ составляетъ характеръ полярнаго міра... Повсюду однообразныя явленія и въ отношеніи природы, и въ отношеніи народовъ ²⁾». Славяно-русское племя уже не представляетъ такого однообразія типа, состояній и быта, какъ сѣверо-восточныя сибирскія племена. Даже въ самыхъ фізіономіяхъ русскаго народа нѣтъ единства типа. Коренной малороссъ, напримѣръ, замѣтно разнится отъ настоящаго, природнаго великорусса. Рослый, бородастый, свѣтлорусый москвичъ, ярославецъ, нижегородецъ, и по фізіономіи, и по структурѣ, непохожъ точь-въ-точь на малорослаго, рѣдкородогаго, рыжеволосаго и часто подслѣповатаго вычегодца, печорца, ижемца — обрусѣлаго зряннина. Не даромъ для жителей центральной Россіи установлена общая меньшая рекрутская мѣра въ 2 арш. 3 верш., а для жителей уѣздовъ мезенскаго, пинежскаго, вемскаго, устьянскаго и яренскаго въ 2 арш. 2½ вершка. Не даромъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ средней ростъ жителей разнится, наприм. въ Казанской — около 2 арш. 3 верш., а въ Симбирской — 2 арш. 4 верш. ³⁾. Даже въ одной губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, русскіе жители часто представляютъ не одинаковую физическую структуру, не одинъ ростъ, не однообразныя фізіономіи, какъ наприм. въ Рязанской губерніи, въ рязанской сторонѣ, въ прибрежныхъ Огѣ селеніяхъ, и въ степ-

¹⁾ Опис. нар. ч. II, стр. 184, 163 и слѣд.

²⁾ К. Ritter, Allgemeine Erdkunde s. 65.

³⁾ Казанск. губ. Матер. для географ. и статистики Россіи, стр. 103.

ной сторонѣ или въ Сапожковскомъ уѣздѣ ¹⁾). Уже самая историко-этнографическая организація русскаго народа обуславливала его разнообразный физическій и умственно-бытовой складъ.

«Мы знаемъ, — скажемъ словами Надеждина, — что на безмѣрномъ пространствѣ нынѣшней Россіи русскій человѣкъ сложился въ свой нынѣшній видъ въ постоянномъ соприкосновеніи, подъ непрерывнымъ вліяніемъ различныхъ чуженародностей. Извѣстно, что востокъ и сѣверъ нынѣшней Россіи издревле заселены были сплошною Чудью, которая потому, быть можетъ, и названа такъ русскими что была для нихъ совершенно «чужою.» Съ этой, однакожъ, Чудью среди которой онъ помнитъ себя новымъ, слабымъ пришельцемъ сѣверо-восточной Руси, обще и дружно заложилъ основанія той государственной цѣльности и жизненности, непосредственнымъ дѣйствіемъ которой выработался первенствующій нынѣ отгѣнокъ русской народности; отгѣнокъ такъ называемый *великороссійскій* — собственно ничто иное, какъ плодъ проникновенія грубаго чувства образовательною стихіею русскою. Затѣмъ, въ странномъ домовищѣ русскаго человѣка, на югѣ и западѣ нынѣшней Россіи, — сколько самому ему довелось вытерпѣть приливовъ и наплывовъ, отсѣдъ которыхъ не могъ не остаться на его природной физиономіи. Оттого въ нынѣшнемъ юго-западномъ обликѣ народности русской, особенно въ томъ отгѣнкѣ его, который принадлежитъ казачеству, многое отзывается чистою Азіею, изобличаетъ въ себѣ происхождение кавказское или, еще далѣе, — подъ-алтайское. Присовокупитѣ къ тому еще менѣе матеріальное, но не менѣе могущественное вліяніе цивилизацій, прибывавшихъ на Русь въ разныя времена, съ разныхъ, болѣе или менѣе дальнихъ сторонъ — греческо-византійской изъ-за Дуная, латино-польской изъ-за Вислы, нѣмецко-варяжской изъ-за моря ²⁾. «При такомъ разносоставномъ и разнообразномъ этнографическомъ складѣ, славяно-русское племя, сравнительно съ сибирскими племенами номадовъ и пастуховъ, уже успѣло значительно оразнообразить и свою социальную-экономическую организацію, хотя, разумѣется, далеко не въ такой мѣрѣ, какъ европейскіе народы. Русскій народъ уже вышелъ давно изъ однообразнаго состоянія охотничьяго и пастушескаго быта, позналъ болѣе или менѣе раздѣленіе труда, хотя, къ сожалѣнію, не всегда рациональное и правильное, создалъ не только села, но и города,

¹⁾ Рязанская губ. Матер. для географ. и статист. Россіи. стр. 133.

²⁾ Надеждина, объ этнограф. изученіи народности русской. Записки русск. геогр. общ. 1849 г. кв. I и II. стр. 164—165.

не только фабрики и заводы, но и университеты, и другія научно-дѣятельныя общества. Онъ уже не состоитъ изъ однихъ охотниковъ или пастуховъ, но содержитъ въ своемъ обществѣ и земледѣльцевъ и фабрикантовъ и заводчиковъ, и купцовъ, и ремесленниковъ, и ученыхъ, хотя всѣ эти классы дѣятельнаго общества далеко не такъ развиты, многочисленны, разнообразны и производительны, какъ въ западной Европѣ.—Какъ ни отсталъ русскій народъ отъ западно-европейскихъ націй и отъ молодого сѣверо-американскаго народа, по своему социальнo-экономическому оразнообразію, по социальному раздѣленію и развитію труда, но все же его общественный индустриальный складъ не такъ однообразенъ, какъ въ улусахъ и ордахъ; все же въ немъ приходится до 86% земледѣльцевъ, до $\frac{3}{4}$ % торговаго сословія и до $6\frac{1}{3}$ % мѣщанъ и цеховыхъ, занимающихся разными ремеслами. Хотя въ социальнo-экономической организаціи русскаго народа не распадается одна отрасль промышленности на 102 вѣтви или около, какъ напримѣръ, въ Англіи одно часовое мастерство подраздѣляется на столько вѣтвей, хотя далеко отсталъ онъ и отъ французской націи, которая въ одномъ Парижѣ имѣетъ до 325 отраслей промышленнаго труда, съ подраздѣленіемъ каждой индустриальной отрасли на десятки вѣтвей, напримѣръ — однихъ химическихъ работъ на 33 вѣтви, книгопечатныхъ на 27, металлическихъ и механическихъ на 33, по отдѣлѣ благородныхъ металловъ и ювелирству — на 35, и т. п., все же русская социальнo-экономическая организація стоитъ выше того уровня, на которомъ находятся охотничьи и пастушескія сибирскія племена. И вотъ, благодаря этому разнообразію своего физическаго типа, склада и земско-хозяйственнаго строенія, благодаря своей способности жить промышленно и дѣйствовать не на однихъ степяхъ и тундрахъ, не въ однихъ охотничьихъ лѣсахъ, а повсюду, во всякомъ климатѣ русской земли, въ селахъ и городахъ, на пашняхъ, фабрикахъ и заводахъ и проч., — славяно-русское племя одержало верхъ въ состязаніи съ одностороннимъ, однообразнымъ некультуриваннымъ міромъ охотниковъ и пастуховъ. Вступивши въ эту среду этнографическаго однообразія и монотоніи, съ могучей силой и способностью къ борьбѣ мускулистыхъ, коренастыхъ поморскихъ новгородцевъ, закалившихся; окрѣпшихъ,—съ Ледовитымъ моремъ и съ тундрнымъ полярнымъ климатомъ, вступивши съ воинскими, боевыми способностями и съ воинственною храбростью, бойкостью и закаленностью донскихъ и запорожскихъ казаковъ, съ предприимчивостью, неустрашимостью и умомъ «старыхъ опытовщиковъ», въ родѣ Хабаровыхъ,

Ноярковыхъ и другихъ служилыхъ людей, съ эгонистическою смѣшленностью, хитростью и смѣтливостью приволжскихъ великоруссовъ, съ хитростью и понукостью московскихъ дьяковъ, подъячихъ и приказныхъ, съ особеннымъ промышленнымъ тактомъ торговыхъ и промышленныхъ людей, съ земледѣльческимъ навыкомъ нашенскихъ крестьянъ, съ некуствомъ или промышленною искательностью горнозаводчиковъ, въ родѣ Демидовыхъ, съ мастерствомъ кузнецовъ, оружейниковъ и проч., — русское племя, естественно, уже въ силу такого разнообразія своихъ передовыхъ бойцовъ, вслѣдствіе разнообразія своихъ физическихъ и умственныхъ [силъ и средствъ, имѣло всѣ шансы на физико-этнологическое преобладаніе въ средѣ сибирскихъ инородцевъ. Дальѣйшее оразноображеніе его организациі въ Сибири, посредствомъ смѣшенія съ инородцами, распространеніе и умноженіе разныхъ отраслей европейской культуры и цивилизациі, устройство и развитіе такихъ, болѣе или менѣе европейскихъ городовъ, хоть въ родѣ Омска, Томска, Иркутска, — всё это еще болѣе усиливало русское племя относительно туземныхъ охотничьихъ и пастушескихъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало и его физиологическое преобладаніе между ними.

Вслѣдствіе такихъ преимуществъ, русское племя необходимо должно было воспреобладать надъ всѣми сибирскими племенами, распространяться въ ущербъ имъ, вытѣснить ихъ или довести до вымиранія. А племена сибирскія, по причинѣ собственнаго безсилія и маложизненности, должны были или вполне подчиниться вліянію русскаго племени, усвоить всѣ его національно-физиологическіе признаки, обуславливающіе жизненность народа, или оттѣсниться въ удаленныя, объединенныя горы и тундры и тамъ переживать медленный процессъ вымиранія. Какъ ни грустно это явленіе, но оно неизбежно по всеобщему органическому закону природы. «По мѣрѣ того, — говоритъ Дарвинъ, — какъ размножается всякая форма избранная, пользующаяся какими либо преимуществами, должны уменьшаться въ количествѣ формы менѣе приспособленныя къ жизненнымъ условіямъ... Теорія естественнаго подбора основана на убѣжденіи, что всякая новая разновидность, а затѣмъ и всякій новый видъ слабеетъ и сохраняется въ силу какого-либо преимущества надъ формами, съ которыми онъ приходитъ въ состязаніе; а изъ этого почти неизменно слѣдуетъ вымираніе формъ, пользующихся меньшими преимуществами. Многимъ формамъ приходится уступить свои мѣста. И эти послѣднія, по большей части, будутъ формы средныя, наслѣдственно страдающія какимъ-либо относительнымъ несовершенствомъ. Немногіе представители вытѣсненной группы

часто могут сохраниться надолго, если они приспособлены къ совершенно особому образу жизни или имѣють удаленное, объединенное мѣсто жительства, въ которомъ они могли избѣгнуть энергическаго сонсканія... Сверхъ того, когда чрезъ внезапное вторженіе или необыкновенно быстрое размноженіе многіе виды новой группы овладѣвали новою областью, они должны были столь же быстро истребить многіхъ изъ прежнихъ ея жителей, и формы, такимъ образомъ вытѣсненныя, по большей части окажутся формами сродными, страдающими какимъ-либо общимъ несовершенствомъ». Въ силу этого закона природы, и на землѣ сибирской совершался и совершается непрерывный антропологическій метаморфозъ, съ печальнымъ исходомъ вымирания многіхъ племенъ. Русское племя, покоря Сибирь и распространяя свою колонизацію, истребило множество (родовъ туземныхъ племенъ—вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, калмыковъ, бурятовъ, тунгусовъ, якутовъ, юраковъ, юагировъ, коряковъ, ламутовъ, чуванцевъ, ительменовъ и проч. Не вопіеть противъ русскаго племени та кровь сибирскихъ народовъ, которая пролита, истреблена въ борьбѣ за существованіе, въ силу естественнаго, постепеннаго вымирания слабѣйшихъ, низшихъ племенъ въ состязаніи съ высшимъ и сильнѣйшимъ племенемъ. Но противъ него вопіеть передъ исторіей человѣчества та кровь, которая могла бы влиться, путемъ естественнаго подбора и скрещенія, въ его собственныя жилы и приобщить такимъ образомъ новыя тѣани, новые нервы, новое наростаніе его организму, и которая, однакожь, совершенно невинно пролита, уничтожена безъ слѣда единственно безчеловѣчнымъ насилиемъ русскаго пришлаго племени. Вопіеть эта кровь потому, что у людей есть высшій руководитель въ борьбѣ за существованіе, кромѣ чисто-животнаго инстинкта и грубой физической силы, есть высшій, чѣмъ у животныхъ, разумъ, обязанный только человѣчно понимать истинныя человѣческія отношенія племени, рационально улучшать, облагораживать ихъ, а не вмѣшиваться въ право и законъ природы — постепеннаго приближенія естественно-отживающихъ племенъ къ вымиранию. Какъ бы, однакожь, ни было это грустно, но тѣмъ не менѣе русскимъ оружіемъ и насилиемъ истреблено въ Сибири множество инородцевъ. Независимо отъ этого, они, и вслѣдствіе естественныхъ законовъ, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе переменъ жизненныхъ условій, по причинѣ ограниченія русскими земледѣльческими колоніями и русскими узаконеніями ихъ свободнаго, географическаго и экономическаго пространства, по причинѣ эпидемическихъ болѣзней и т. п., — неминуемо вымирали прежде и вымирають теперь. Гдѣ, напримѣръ,

шелаги, омоки, анюилы и многія другія племена сѣверо-восточной Сибири? Всѣ давно исчезли. И осталось только на сѣверѣ преданіе, будто «на берегахъ Колымы было прежде огней у омоковъ болѣе, нежели звѣздъ на этомъ небѣ.» — «До покоренія русскими, говоритъ Врангель, народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Многія племена, какъ-то: шелаги, анюилы, омоки и другія, названія которыхъ сохранились въ преданіяхъ, нынѣ совершенно погибли. Однакожъ и въ наше время, на весьма небольшихъ пространствахъ, живетъ въ Сибири по восьми и по десяти различныхъ народовъ, всѣ отличающіеся одинъ отъ другого языкомъ, обычаями и даже внѣшнимъ видомъ, и такое обстоятельство тѣмъ замѣчательнѣе, что нѣкоторые изъ этихъ таежъ называемыхъ *народовъ*, состоятъ только изъ нѣсколькихъ семействъ, но тѣмъ не менѣе сохранили свою народную отличительность. Вѣроятно, различныя поколѣнія, здѣсь разбѣяныя, суть остатки первобытныхъ многочисленныхъ обитателей или отдѣльныя семейства, случаемо отторгнутыя отъ своихъ соотечественниковъ: Нѣтъ сомнѣнія, что покореніе Сибири заставило кочующіе народы, привыкшіе къ независимости, подвинуться далѣе на востокъ, а эти переселенія, также и кровопролитныя междоусобныя войны, опустошительныя болѣзни и наконецъ сліяніе различныхъ племенъ между собою и съ русскими, постепенно истребили первобытныхъ жителей страны. Такъ, между прочимъ, омоки, по преданію многочисленный и богатый народъ, совершенно погибли» ¹⁾. Точно такъ же вымерли, уже въ теченіи XVIII столѣтія, асаны, котты, хайданы и многія другія племена ²⁾. Въ позднѣйшее время можно даже хронологически слѣдить за самымъ процессомъ постепеннаго вымирания нѣкоторыхъ племенъ. Такъ, аринцевъ уже въ 1735 г., во время путешествія по Сибири Миллера и старшаго Гмеліна, было только 9 семействъ, и изъ нихъ одинъ только старикъ могъ еще говорить аринцскимъ языкомъ; а когда эти путешественники возвращались назадъ въ 1740 г., — не было уже въ живыхъ и этого старика ³⁾. «И слѣдовательно, — замѣчаетъ Георги, — купно съ жизнью его пресѣклась и живность аринцскаго языка» ⁴⁾. Въ 1847 г. аринцевъ было уже только 60 человекъ ⁵⁾. О котовцахъ и асанахъ Георги замѣчаетъ: «какъ котовцы въ 1628 г.

1) Путешест. Врангеля II, стр. 80—81.

2) Kastren's, Reiseber. und Briefe, s. 510; Вѣстн. геогр. общ. Т. XX, отд. II стр. 121.

3) Sammlung Russisch. Gesch. B. VI, s. 155 и 158.

4) Опис. народ. ч. III, стр. 25—28.

5) Kastren's, Reiseberichte, s. 314.

России покорился, то колыно ихъ было слабое, какъ и аришцы и асанъ; нынѣ же они еще безсильнѣе. Асанъ нынѣ (въ 1772 г.) осталось уже не больше, какъ 10 или 12 семей. Миллеръ и старшій Гмелинъ въ бытность свою тамъ въ 1735 и 1740 году, нашли только 2-хъ или 3-хъ человѣкъ, которые могли говорить санскимъ языкомъ; нынѣ же оны, конечно, уже и вовсе переведся¹⁾. Моторовъ за 50 лѣтъ было не болѣе 30 семействъ. Нынѣ повальныя горячки оставили ихъ не болѣе 9 семействъ²⁾. Въ киренскомъ округѣ число тунгусовъ отъ 7 до 8 ревизій уменьшилось съ 825 до 200 душъ, тогда какъ число русскихъ крестьянъ, въ этотъ же періодъ времени, увеличилось до 1,996 душъ м. п. Нѣкоторыя племена, стѣсненные сначала татарами, потомъ русской колонизаціей, удалились въ полярную тундрную низменность, какъ наприм. самоеды и остяки, или въ горы алтайскія и саянскія, какъ наприм. горные калмыки, сойеты и другія горныя племена, и тамъ медленно переживаютъ частью процессъ постепеннаго вымирания, частью процессъ обрусѣнія. Наконецъ, многія племена, оставшіяся въ сосѣдствѣ съ русскими колоніями, постепенно сливаются съ русскою національностью, все больше и больше русьютъ и, вмѣстѣ съ обрусѣніемъ усвоивъ земледѣліе и осѣдлый сельскій бытъ, обращаются въ русскихъ крестьянъ. И это единственный исходъ, спасающій сибирскія племена отъ совершеннаго истребленія ихъ среди преобладающаго надъ ними приплаго населенія. Какъ часто ни тяжелъ этотъ исходъ, то все же оны лучше того всепожирающаго антагонизма, который русскій народъ внесъ въ обильный сибирскій край.

А. Ш. Щепель.

1) Опис. народ ч. IV. стр. 25—28.

2) Степанова, Енисейская губ. II стр. 50.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НА ПОГОСТЪ *).

I.

Лѣто. Рожь колосится; всякіе плоды наливаются; птицы повывели уже своихъ птенцовъ, и птенцы, расправляя крылушки, пробуютъ свои молодые силы на вольномъ воздухѣ. Жизнь въ полночь разгарѣ ищетъ и нарождается: новыя поколѣнія выступаютъ на сцену старика и заявляютъ свои права на тѣ же жизненные блага...

Въ это теплое время, какъ бы повинуваясь тѣмъ же законамъ природы, и Б-я семинарія успѣла высидѣть своихъ птенцовъ и, снабдивъ ихъ мудрыми наставленіями, выпустила на всѣ четыре стороны. Осиранившиеся птенцы тоже расправляютъ свои крылушки и дружно разлетаются по соседнимъ городамъ и селамъ искать себѣ пріюта и лѣба на разныхъ путяхъ дѣятельности человѣческой.

По проселочной дорогѣ, позднимъ вечеромъ, ѣдетъ старый крестьянскій фургоны, крытый рогожною. На передкѣ фургона, доѣдая кра-

---

* Первая часть этого романа составляетъ отдѣльную, законченную повѣсть, и на этомъ основаніи, мы рѣшаемся печатать ее отдѣльно отъ прочихъ частей. Вторая часть романа начнется печатаніемъ съ августовской книжки нашего журнала за нынѣшній годъ.

ищу хлѣба, сидитъ мужикъ и лѣнливо подстегиваетъ обломкомъ кнутовища свою сѣропѣгую клячу. Везетъ онъ по пути на Емельяновскій погостъ двухъ только что окончившихъ курсъ бурсаковъ, а бурсаки, какъ извѣстно, товаръ хоть и дешовый, но за то сговорчивый: «какъ, молъ, ни вези, только доставь когданибудь къ мѣсту;» поэтому-то мужикъ и не торопится. Сѣдоки въ самомъ дѣлѣ упорно молчатъ; на загорѣлыхъ лицахъ ихъ выражается въ настоящую минуту полная покорность судьбѣ и въ то же время тоска неисконная. Одинъ изъ нихъ, Трепетовъ, развалился на снѣгъ поперегъ сургона, просверлялъ отъ нечего дѣлать дыру въ рогожѣ и сквозь эту дыру колузадумчиво смотритъ на дорогу. Другой, Маевскій, старается улетѣть какънибудь покомфортабельнѣе и сердито ворочается съ боку на бокъ, отмахиваясь отъ безотвязныхъ комаровъ, которые, какъ нарочно, кучей столпились надъ нимъ и заявляютъ самыя злодѣйскія намѣренія. Тутъ же въ углу, свернувшись въ клубокъ, крѣпко спитъ педагогическій недоносокъ, Боголюбовъ, только что переведенный во второурядный классъ. Снится ему что-то непривлекательное, въ родѣ майской лозы или лица смотрительскаго, потому что амъ морщится и мотаетъ во снѣ головою. А пусть его морщится;—не троемъ его.

При первомъ взглядѣ на двухъ старшихъ птенцовъ уже сразу видно, что они не одинаковаго полета. Въ лицахъ ихъ, конечно, есть нѣчто общее, свойственное почти всѣмъ бурсакамъ: нѣчто грубое, закаленное, точно изъ бронзы вылитое, но въ то же время замѣтны и особыя, рѣзкія черты, по которымъ можно нѣсколько судить о ихъ личныхъ характерахъ и наклонностяхъ. Маевскій сутуловатъ, мускулистъ и сила физическая въ немъ крѣпко развита, такъ что, пожалуй, при случаѣ онъ можетъ дать комунибудь затрепану не джигуную, но онъ смотритъ на все окружающее точно спросонья, съ медлнѣйшей апатіей; во всѣхъ движеніяхъ его проглядываетъ вялость сытаго мяса, а въ разговорахъ такъ и сквозитъ пресловутый дѣдовскій принципъ: «плавать мнѣ на это окружающее; кой чортъ разбереть это; былъ бы хлѣбъ да зубы, а тамъ хоть трава не расти.» Трепетовъ, напротивъ, имѣетъ въ своей фигурѣ нѣчто умное; на худощавомъ, продолговатомъ лицѣ его выраженіе осмысленное, а въ чорныхъ, искрящихся и глубоко ввалившихся глазахъ видны признаки частой и долгой головной работы. Смотритъ онъ немного изъ подлбья и какъ-то слишкомъ сосредоточенно и дерзко, такъ что когда бывало

онъ сбьчнется и уставится на своего врага учителя, тотъ быстро мигать начнетъ и озлится не на шутку: «чего ты буркулы-то твои пучишь на меня мерз...!». «закричитъ онъ, топая ногою, а обругать не посмѣетъ, потому что знаетъ характеръ Тренетова. Онъ не такъ плотно сложенъ, какъ его товарищъ, но и не походитъ однако на тѣхъ дряблыхъ, изнѣженныхъ юношей, которыхъ зачастую мы видимъ въ нашихъ гимназіяхъ и пансіонахъ.

Ѣдетъ фургонъ по старой, набитой колеѣ; Ѣдетъ гдѣ рысцою, гдѣ шагкомъ. Смерялось совсѣмъ; въ воздухѣ влажность и холодъ; на поляхъ, словно море, роса разлилась. Долго ворочался Маевскій, наконецъ вышелъ изъ терѣбня и приподнял свое вспухшее отъ комаровъ лицо.

— Не заснуть, произнесъ онъ отчаянно, — душу всю вытрясло ..Эй, дѣдко, далеко ли до ночлега-то?

— Теперича скоро. Сейчасъ, выходитъ, на лѣво возьмемъ, а оттуда пролѣзкомъ верстъ съ пятокъ будетъ, не болѣ.

— Плохо, коли такъ. Хоть бы водки добыть гдѣ... А тутъ еще комары проклятые...

Маевскій зѣвнулъ во всю пасть и опять завалился на сѣно.

— Зачѣмъ это, право, человѣку хвоста Богъ не далъ? заговорилъ онъ лѣнливо, а то бы славно: лежи себѣ да отмахивайся. А?

— Въ тебѣ, братъ, нынче замѣтнѣе становятся скотскія потребности, отвѣтилъ нехотя Тренетовъ.

— Ей богу жалко. Да оно и въ другомъ отношеніи было бы удобно, продолжалъ Маевскій, увлекаясь своей фантазіей; теперь вотъ встрѣтишься съ начальствомъ или знакомыми, такъ изволь непремѣнно снимать фуражку да чинно раскланиваться, а тогда бы безъ хлопотъ повалилъ маленько хвостикомъ, да и дѣлу конецъ.

— Погоди, и безъ хвоста завалилешь.

— Противъ этого не спорю: почему-жъ и не повалить при случаѣ!... Впрочемъ шутки въ сторону, я проголодался, какъ чертъ, и въ животѣ у меня такъ же пусто, какъ....

— Какъ и въ карманѣ?

— Нѣтъ, какъ въ твоей головѣ, хотѣлъ я слезать.

— Послѣ этого ты совсѣмъ не голоденъ, — смѣясь произнесъ Тренетовъ: — у меня въ головѣ теперь такая каша, что ты, пожалуй, и не переваришь ее.... Въ самомъ дѣлѣ мнѣ есть о чемъ подумать.

— Это ты на счетъ университета?

— Да, я рѣшился.

— И, по моему, глупость сдѣлать. Къ кому чорту, спрашивается, мучить еще себя, когда цѣль достигнута? По моему, коли получилъ аттестатъ, такъ и дѣло въ шляпѣ. Теперь по невѣсту.

— И ты ужь дальше не пойдешь?

— Да иди-то никуда, пришелъ ужь. Дадутъ теперь мнѣ бабу, рясу наденуть и живи себѣ, пока брюхо цѣло. Даромъ, что ли, я 29 наукъ вы зубрилъ да 15 лѣтъ теръ семинарскую ляжку? Теперь меня и каламомъ учиться не заманишь.

— Скотина, братъ, ты Маевскій.

— Чего скотина? Мы люди темные, нато, что вы, баре, нахватались тамъ какихъ-то высшихъ потребностей да цѣлей. Моя цѣль въ утробѣ матери мнѣ назначена, и эти высшія потребности, по моему, пуляковина. Да и тебѣ-то, братъ, важется, не видать университета, вагъ ушей своихъ: родителей-то твоихъ я вѣдь хорошо знаю. Вадуютъ.

— Это мы увидимъ.

Пріятели замолчали. Тренетовъ задумался. Маевскій оглядѣлся кругомъ, потомъ безперемонно запустилъ руку въ карманъ спящаго Боголюбова и вытащилъ оттуда оглодокъ хлѣба. Это открытіе доставило ему немалое удовольствіе и привело его зубы въ дѣйствіе.

— Аглупѣйшее состояніе приходится намъ съ тобой переживать, Маевскій, проанесь. Тренетовъ въ раздумьи: въ головѣ какой-то бессмысленный винигретъ и чортъ знаетъ что...

— У меня нѣтъ винигрета, отвѣтилъ Маевскій, чавкая. Да и что-жъ тутъ глупаго?

— Мнѣ все хочется понять, къ чему мы учились столько лѣтъ? Какой общій смыслъ вынесли мы изъ всего ученья? Съ самаго малолѣтства вдалбливали намъ въ голову, что «учитель, молъ: науки полезны», и насильно заставляли учиться. Ну, вошь мы теперь учились, курсъ ученія прошли весь; поглядишь въ аттестатъ, такъ, важется, всю земную прамудрость усвоили, а между тѣмъ какой толкъ выходитъ изъ всего этого? Каждая наука торчитъ въ головѣ какихъ-то особнякомъ, нисколько не задрѣвая другъ друга; для каждой точно и мѣсто особое отведено въ мозгу, съ особенными стѣнками и перепонками, такъ что если, напримѣръ, придется когда въ жизни геометрію вспомнить, то надо ковырять въ мозгу гдѣ нибудь нагѣво; придется отыскать Карла V-го — ищи его на право; да и то врядъ ли отыщешь, потому что на этого Барла V-го насѣли потомъ три бого-

словія да гершневтина. Вотъ и дураешь теперь, въ чемъ же состоитъ осязательная польза подобнаго званія, и какое изъ него можно сдѣлать примѣненіе къ жизни? Ну ты, положишь, Маевскій, какую пользу вынесъ изъ всего ученья?

— А невѣста-то? Еслибъ я не понялъ курса, мнѣ бы и дѣста поповскаго не дали. Живи весь вѣкъ дьячкомъ!

— Значить, только невѣстные права да льготы и заставляютъ учиться? Дѣйствительно выгода очевидная и прямое доказательство пользы науки... Эхъ, Маевскій, не того, братъ, мнѣ хочется; другія мысли являютъ голову. Я самъ учился только потому, что мать этого просила, да начальство требовало, а какъ послушать умныхъ людей, такъ у меня точно глаза раскрылись. Они мимоходомъ говорить о такихъ вещахъ, о которыхъ нашему брату и во снѣ не грезилось, а между тѣмъ въ этихъ вещахъ, по моему мнѣнію, весь смыслъ нашей жизни.

— Это ты о Березинѣ, что-ли?

— Да котъ бы объ немъ. Березинъ учился въ университетѣ и вышелъ дѣльнымъ и практичнымъ человѣкомъ; значить, тамъ наука не стоитъ особнякомъ отъ жизни, а указываетъ на самую дѣятельность... Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, учиться, если наука сообщаетъ мнѣ, что у алжирскаго деа шивша подъ носомъ, или что на лунѣ открыты новые вулканы? Чортъ ли мнѣ въ этомъ алжирскомъ деѣ и лунныхъ вулканахъ, когда подобныя знанія не приносятъ видимой пользы ни мнѣ, ни обществу!.. По моему, всѣ науки сообща, должны вырабатывать только одну практическую пользу, имѣть одинъ общій выводъ, направленный къ тому, чтобы улучшить нашу жизнь и убавлять выходы изъ разныхъ печальныхъ положеній. А то какую пользу выкопешь, напримѣръ, изъ латинскаго языка или смартавскаго исторіи?.. Можеть быть я и ошибаюсь, но потому-то именно и хочу идти въ университетъ: тамъ, вѣроятно, это все уяснится.

— На это я могъ бы возразить тебѣ «отъ противнаго», но вѣдь правннмъ хрипъ противоположной, да право лѣнь, братъ, — проговорилъ Маевскій, зѣвая.

— У тебя все шуточка... Значить, мы другъ друга не понимаемъ.

— Очегда-ль и не пенуться, коли есть охота? По правдѣ сказать, ты все чистѣйшие пустяки говоришь, и всѣ мечты твои въ шухъ и прахъ разлетѣтся: повѣрь Господу Богу. Вотъ уже пріѣ-

дежь мы на погостъ; тамъ народъ не мудрящій, нища не семцарская, природа не стриженная, и такъ все пріятно тебѣ покажется, что и книги побросашь въ печку. Да и хорошо мечтать тебѣ, коли у тебя о семьѣ заботы особенной нѣтъ; а у меня, братъ, мать старуха хлѣба просить, и идеями ее не накормишь.

— Причина резонная.

— Значить, такъ и порѣшимъ. Какъ пріѣду — жениюсь и буду жить себѣ по отцовскому обычаю. А ты ступай себѣ куда угодно, добивайся тамъ правды, какой хочешь. Намъ это все одно.

— И пойду, и добьюсь. У меня, братъ, что засядеть въ голову, того скоро не выбьешь...

— Ну, а я по невѣсту.

— Всякаго, значить, вамъ благополучія!

— И вамъ также.

Маевскій доѣлъ пирогъ и олегиатично раскинулся на сѣнѣ, положивъ подъ голову связку книгъ, которыя везъ съ собою Трепетовъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ такъ безмятежно, какъ могутъ спать только невиннѣйшія души.

Трепетовъ не могъ спать; онъ былъ взволнованъ и досадовалъ на себя, зачѣмъ высказалъ Маевскому свои задушевные думы, которыя никому еще не высказывалъ. Ему сдѣлалось грустно, такъ грустно, что самая поѣздка на родину и чувство свободы и простора потеряли для него свою заманчивую прелесть. Три года уже не бывалъ онъ на родномъ погостѣ, и много важныхъ переменъ произошло въ немъ въ эти три года, такъ что родители, пожалуй, теперь и не узнаютъ его. Нѣкоторые счастливыя обстоятельства вызвали его къ иной жизни, непохожей на жизнь его предковъ, и возбудили въ немъ желанія, какія имѣютъ не многіе бурсаки. Онъ уже не можетъ теперь примириться съ той скромной ролью, на которую предназначило его казенное воспитаніе, и потому не можетъ смотрѣть въ будущее съ такою самоувѣренностью и спокойствіемъ, съ какимъ глядитъ въ него Маевскій и большинство его товарищей. Впрочемъ онъ и не завидуетъ имъ, и не желалъ бы быть на ихъ мѣстѣ... Смутно пробивается въ немъ подъ часъ легкая тревога: «что-то скажутъ? какъ примутъ его желаніе учиться? не придется ли поссориться съ родными?..» Особенно боится онъ за свою добрую и слабую мать, которую онъ такъ страстно любитъ. Ему такъ и представляются ея горькія слезы, слышится самый голосъ ея, полный

любви и безиредвѣльной грусти: «не покидай меня, Коля, не покидай твою старуху!» и невольно сжимается сердце Трепетова отъ этой картины; она затрогиваетъ въ немъ одну изъ самыхъ вѣрнѣхъ привязанностей, противъ которой онъ, кажется, не въ силахъ бороться.—Но вѣдь поймутъ же они наконецъ, думаетъ онъ, что имъ еще надо учиться, что образованіе дастъ имъ большую независимость и больше средствъ къ жизни. Я имъ все расскажу и они поймутъ!.. Такъ думалъ Трепетовъ себѣ въ утѣшеніе и въ то же время сознавалъ, что надуваетъ себя; и какой-то другой, болѣе логичный голосъ подсказывалъ ему: «не надѣйся, не поймутъ.»—Ну, и къ чорту, коли такъ!—рѣшилъ онъ.

Долго раздумывалъ Трепетовъ и скоро думы его перешли въ полузабытѣе, въ то состояніе между сномъ и бодростью, когда человѣкъ не чувствуетъ уже ничего, что происходитъ вокругъ, а между тѣмъ у него глаза открыты и въ нихъ виднѣнъ слѣдъ думы...

Телѣга заскрипѣла и остановилась.

— Вставай, ребята, пріѣхали!—сипло прокричалъ возница.

Трепетовъ вздрогнулъ. Кругомъ лаяли собаки и пахло свѣжнмъ сѣномъ. Сквозь щели рогожи мелькнулъ огонекъ.

— Выгѣзайте, что-ли, повторилъ мужикъ, заглядывая въ фургоны.—Тутъ заночуетъ, а завтра чуть свѣтъ взбужу. Эй, вы!

Въ отвѣтъ на это изъ фургона послышалось смачное зѣванье...

II.

— «И такъ, опять глушь, опять темное царство, скажутъ недовольные читатели, опять семнарность-герой, какъ необходимая либеральная приправа современнаго романа. Недовло все это!..» Но что-жъ дѣлать, читатели, если наша родная глушь болѣе близка и знакома намъ, чѣмъ элегантная жизнь друиухъ кружнннхъ нашего общественнаго строя, и если мы горячо надѣемся, что изъ этой глуши впоследствии выдвинутся наши лучшіе дѣятели!..

Прежде всего я долженъ сказать, что нашъ герой—вовсе не герой. Онъ просто хорошій малый, съ потребностями лучшей жизни: и свѣтлнннй лучемъ въ головѣ, который освѣщаетъ ему путь жизненный и заставляетъ энергично добиваться и искать того, чего

видеть не всё. Онъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые, очнувшись среди тьмы глубокой, еще задолго до разсвѣта, напрягаютъ всё силы ума и энергій, чтобы не заснуть опять; но въ потьмахъ имъ трудно дѣйствовать и, выбываясь изъ силъ, въ большинствѣ случаевъ, они, къ сожалѣнію, приходятъ къ плачевнымъ результатамъ, къ которымъ неминуемо долженъ придти и нашъ герой. Не смотря на очень стремную дѣятельность такихъ людей, — она не проходитъ безъ слѣда, и потому важно значеніе ихъ въ нашей жизни. Одинъ умный писатель очень удачно сравнилъ этихъ людей съ караллами. Что можетъ быть микроскопичѣе жизни и дѣятельности каралловыхъ животныхъ? — Однако изъ цѣлаго ряда такихъ живой мало не малу образуется островъ, за которыми и корабль часто ищетъ спасенья отъ бури...

Но до образованія этого острова еще слишкомъ далеко, и потому займемся пока однимъ изъ атомовъ этого будущаго острова.

Николай Васильичъ Трепетовъ впервые увидѣлъ свѣтъ божій съ высоты холма, на которомъ номѣщается погостъ Емеляновскій. Отецъ его былъ священникъ, Василій Петровичъ, человекъ неглупый, но очень небогатый и связавшій всё свои жизненные интересы съ жизнью тѣхъ 15 человекъ, которые составляли все говорящее населеніе погоста. Изъ сына онъ не высказывалъ особеннаго расположенія, и даже печально вздохнулъ въ тотъ моментъ, когда новорожденный выкрикнулъ свое появленіе; вздохнувъ, онъ резонно проговорилъ: «ну вотъ, начинаются съ легкой руки: теперь припасай только денежки!» Мать, напротивъ, отъ души привязалась къ своему первенцу и берегла его, какъ умѣла. И началъ съ этого дня нашъ герой таращить глаза на всё диковинки міра сего, бывшія на погостѣ, и тарачилъ онъ ихъ цѣлые десять лѣтъ, то есть, до тѣхъ поръ, пока не поступилъ въ училище, когда ему снова закотилось закрыть глаза. Въ дѣтствѣ Трепетова много значило то обстоятельство, что онъ не имѣлъ товарищей-сверстниковъ и равнялся среди взрослыхъ людей или въ полномъ одиночествѣ. Объ недружелюбномъ воспитаніи его, конечно, никто на погостѣ не заботился; мать старалась только покрѣпче накормить своего баловня, а тамъ пускай себѣ рѣзвится и гуляетъ гдѣ хочетъ, на вольномъ воздухѣ, благо простору кругомъ было вдоволь. И гулялъ маленький Коля вѣласть, иной разъ отъ зари до зари, и дѣтомъ, и зномъ. Недостатокъ сверстниковъ и товарищества имѣлъ сильное

вліяніе на развитіе ребенка: онъ до того привыкъ къ одиночеству, что съ недоброжелательствомъ смотрѣлъ на всѣхъ приходящихъ ребяташекъ или убѣгалъ отъ нихъ въ лѣсъ. Лучшимъ другомъ его былъ дядючокъ Захарычъ, человекъ очень недалекій, но говорунъ большой; онъ иногда прочитывалъ мальчику вслухъ житіе разныхъ святыхъ или просто рассказывалъ сказки, пѣлъ пѣсни, словомъ, сообщалъ ему всѣ свои знанія и понемногу вводилъ его въ тотъ чудодѣйственный мірокъ, въ который и самъ онъ, казалось, погружался съ наслажденьемъ. Съ усиленнымъ вниманіемъ слушалъ мальчикъ рассказы Захарыча, и страшными казались ему эти рассказы, хотя онъ не мало дивился имъ. Вздумалось ему почему-то провѣрять Захарыча, и сталъ онъ для этой цѣли дѣлать разные оригинальные опыты. Наслушавшись о разныхъ кладахъ, онъ много перерылъ земли на погостѣ, но потомъ, когда Захарычъ сообщилъ ему, что кладъ самъ въ руки не дается, что его лѣшье отырегутъ, мальчикъ не испугался и лѣшихъ. Въ глухую полночь, потихоньку отъ матери, забрался онъ въ лѣсное болото и тамъ протраסה цѣлую ночь, призывая лѣшаго; утрожь онъ воротился домой промокшій и иззябшій, и сообщилъ Захарычу, что онъ все вреть, что лѣшій не приходилъ. Однажды, выслушавъ рассказъ о какомъ-то пустынникѣ, ребенокъ до того увлекся, что два дня прожилъ въ какой-то ямѣ, почти безъ пищи, пока обезумѣвшая отъ страха мать не отыскала его и не выпорола за это раннее подвижничество. Видя, что всѣ жители погоста роютъ и пахутъ землю, маленький Трепетовъ сначала полталъ, что всѣ они кладовъ ищутъ, но когда отецъ объяснилъ ему, какъ изъ зерна хлѣбъ вырастаетъ, мальчикъ глубоко призадумался, и въ головѣ его возникли новые вопросы: отчего растеть дерево, отчего растутъ люди, собаки и проч., и опять начались разные опыты. У него скоро сложилась въ головѣ своя оригинальная теорія. Всѣ растенія и травы, казалось ему, существуютъ только потому, что въ землѣ закапываютъ покойниковъ, и что эти покойники ни-что иное, какъ тѣ же сѣмена, изъ которыхъ потомъ возникаютъ деревья и травы...

Захарычъ ему рассказалъ однажды, что покойники иногда могутъ вставать по ночамъ и пугать спящихъ. Опять новый поводъ къ изумленью и задумчивости ребенка на счетъ похороненій мертвецовъ и опять оригинальный опытъ. Выждавъ, когда соседніе мужики

притащили въ церковь гробъ, чтобы оставить его тамъ на ночь, Трепетовъ еще съ вечера запрятался за вырубкой церковной, и когда церковь заперли на замокъ, онъ осторожно подкрался къ гробу и, при свѣтѣ неугасимой лампады, началъ дѣлать свои эксперименты. Сначала онъ прислушался: «не встанетъ-ли, молъ, самъ», но потомъ ему вдругъ страшно сдѣлалось и онъ, забившись въ темный уголокъ алтара, долго не могъ избавиться отъ первой дрожи. Поутру мать съ ужасомъ выслушала его рассказъ объ этомъ опытѣ; на мальчика подивился весь погостъ, а старшій священникъ даже посовѣтовалъ его отцу прибрать сына въ рукавъ, а то, пожалуй, бѣду наживешь съ нимъ. Маленькій Трепетовъ понять не могъ всей этой тревоги и продолжалъ настойчиво доказывать всѣмъ и каждому, что Захарычъ вретъ. Захарычъ съ этой поры пересталъ ему рассказывать про равныя чудеса, не смотря на то, что мальчикъ по прежнему приставалъ къ нему съ разспросами.

— Глупъ ты, Николка, ворчалъ Захарычъ, съ тобой какъ разъ въ отвѣтъ попадешь.

Были опыты и почище этихъ. Маленькій Трепетовъ, наприимѣръ, очень заинтересовался такимъ вопросомъ: почему всѣ жители погоста кажутся совсѣмъ другими людьми, когда приѣзжаетъ сюда на ревизію благочинный или другое начальство? Почему всѣ они кланяются ему, наперерывъ приглашаютъ къ себѣ, дѣлаются добрыми, даже злой о. Никита, который постоянно съ кѣмъ нибудь бранится, — и тотъ въ это время вкрадчиво улыбается и кажется смиреннѣе? Отецъ объяснялъ мальчику, что это самъ начальникъ, котораго надо уважать и проч., но мальчикъ, конечно, этимъ не удовлетворился и, по своему обыкновенію, рѣшился сдѣлать опытъ. Онъ спрятался въ кусты и, подвараудивъ, когда благочинный, въ сопровожденіи все гопричта, спускался съ холма, — пустилъ въ начальника большой комъ грязи. Онъ хотѣлъ только узнать, что изъ этого выйдетъ, и вышла штука скверная. Духовенство переполошилось, и общими силами принялось ловить наглеца. Самъ благочинный на первый разъ крѣпко надралъ ему уши, а потомъ отецъ, не смотря на заступу матери, задалъ ему такую порку, что шалуны печальнымъ образомъ почувствовали на своей собственной шкурѣ, — что значить сердить начальство.

— Вотъ ужъ я тебя, каналью, въ училище свезу, стращать

его отецъ послѣ этого. Тамъ, братъ, такъ отхватываютъ за это, что будешь шомповый. Берн букварь и учи сейчасъ же!

Дѣйствительно, въ тотъ же день, какъ уѣхалъ благочинный, Трепетова усадили за букварь, на который, конечно, онъ посмотрѣлъ, какъ на заслуженное наказанье. Вся эта сцена сильно подѣйствовала на мальчика. Сталъ онъ капризничать, рвалъ буквари, прятался отъ отца и только одна мать умѣла приневолить его къ ученью.

Подъ вліаніемъ подобныхъ впечатлѣній и опытовъ создавался понемногу умственный складъ и характеръ ребенка. Весь міръ его ограничивался только тѣми предметами и лицами, которые наполняли и окружали погостъ; объ остальномъ мірѣ онъ имѣлъ самое смутное понятіе, и долго былъ увѣренъ, что на землѣ только и есть трехъ родовъ люди: священники, дьячки и мужики, которые по праздникамъ приходили къ нимъ Богу молиться. Правда, заѣзжалъ иногда на погостъ мѣстный помѣщикъ съ семействомъ, но на него смотрѣлъ Трепетовъ, какъ на какое-то особенное существо, въ родѣ благочиннаго. Вообще онъ сдѣлался нелюдимъ; на каждаго, непринадлежащаго къ погосту, смотрѣлъ какъ на врага и считалъ своимъ долгомъ изъ-за угла пустить въ него камнемъ.

На одиннадцатомъ году, отецъ отвезъ сына въ губернской городъ и опредѣлялъ въ духовное училище. Далео оглядѣлся мальчикъ среди новой обстановки; его оглушило многолюдство, шумъ и воли учениковъ; послѣ привольной жизни на погостѣ, ему особенно дикою показалась эта формальность, звонки, общія спальни, ежедневныя порки и прочее. Тутъ уже было не до опытовъ; Трепетовъ струсилъ, непонятная новизна ошеломила его до того, что онъ не вынесъ, и слегъ въ больницу. Въ страхѣ прибѣжала мать его, еще не успѣвшая уѣхать; начались слезы; въ ногахъ валялась бѣдная у смотрителя и просила побережь ей Колю и унять сорванцовъ. Смотритель выгналъ ее и сказалъ Трепетову, чтобы онъ учился какъ можно прилѣжнѣе, и тогда его никто не тронетъ. Трепетовъ скоро и самъ замѣтилъ, что прилѣжнѣе учениковъ дѣйствительно не сѣдутъ, и потому съ усиліемъ впился въ учебники и скоро занялъ въ классѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. И пошла, передъ нимъ жизнь училищная... Задуманный Трепетовъ цѣлкомъ сторонился отъ товарищества и жилъ только одной смутной надеждой, что

онъ здѣсь только на время и тогда нибудь вернется опять на свободу.

Товарищи прозвали его «философомъ» и стали извлекать изъ него нѣкоторую пользу; передъ приходомъ учителей они обращались къ нему съ просьбами о пособіи: «переведи, братъ; едѣлай задачу; растолкуй» и проч. и Трепетовъ помогалъ имъ, какъ могъ, за то товарищи и не обижали его. Но эта подневольная жизнь все-таки истомила мальчика; онъ худѣлъ, терялъ постепенно прежнюю бодрость и, вѣроятно, совсѣмъ одичалъ бы, если бы судьба не свела его съ однимъ товарищемъ Сергѣевымъ, съ которымъ онъ скоро крѣпко сдружился. Сергѣевъ жилъ въ училищѣ такимъ же бобылемъ, какъ и Трепетовъ, такъ же скучалъ о жизни домашней, и потому не удивительно, что оба они сошлись, поняли и стали поддерживать другъ друга. Разговоры ихъ постоянно вертѣлись около предметовъ интимныхъ, дорогихъ сердцу: они вмѣстѣ припоминали всѣ подробности прошлой жизни; передавали другъ другу свои дѣтскія мечты и такимъ образомъ могли забывать на время ту печальную действительность, въ которую ихъ вдвинула судьба. Много прекраснаго и жизненнаго было въ этой дѣтской дружбѣ, и только она спасла ихъ отъ гибели; какъ спасла многихъ бурсаковъ, которые по природѣ не могли втянуться въ интересы бурсацкой жизни...

Такъ прошло три года. Пріѣхала мать и не узнала сына,—такъ онъ худъ былъ. Въ слезахъ бросилась она опять къ смотрителю и начала упрекать его, зачѣмъ онъ испортилъ мальчика; смотритель связался; обругалъ и выгналъ ее опять, а потомъ призвалъ Трепетова и приказалъ ему не бабничать и впередъ не пускать къ нему свою мать.

— Если я еще разъ увижу у себя эту дуру, говорилъ онъ мальчику;—я объ нее палку свою обломаю. Слышишь?

Какъ ни былъ робокъ Трепетовъ; однако онъ не смогъ перенести подобнаго оскорбленія. Не помня себя отъ злости, онъ бросился на смотрителя и началъ судорожно колотить его. Вышелъ скандалъ. Трепетова связали и заперли въ караулку. По училищу разнесся шепотъ, что смиреника Трепетова дратъ будутъ «на смерть», и на всѣхъ учениковъ напалъ страхъ. Смотритель действительно собралъ всѣ масть, позвалъ мать Трепетова и въ ея присутствіи такъ отдрагалъ преступника, что его замертво стащили въ больницу. Ду-малъ даже исключить его изъ училища, но пріѣхавшій отецъ какъ-

то улади́ть дѣло и оно́ въ ходѣ не пошло. Третьево́ ухва́ль выне́-
сть съ отцомъ на погостъ: его нарочно взяли на каникулы́ и изъ
училища, чтобы успокоить и урезопить малячка.

Этотъ фактъ сильно подѣйствовалъ на Третьево́ и точно разбу-
дилъ его: въ немъ вспыхнула непримиримая ненависть къ смотрителю
и въ первый разъ явилось не дѣтское желаніе мѣтить и доса-
ждать ему. Возвратившись послѣ каникулъ въ училище, онъ самъ
собою примкнулъ къ той партіи товарищей, которые болѣе всего
были ненавистны начальству, потому что лучше все́хъ умѣли гадить
ему: онъ сдѣлался коноводомъ этихъ товарищей, и чего только не при-
думывалъ онъ, чтобы разозлить и ввести въ убытокъ [смотрителя];
съ какою беспощадностью сталъ онъ преслѣдовать даже тѣхъ, кого
любилъ начальство или кто прислуживался къ нему. Основною соці-
альный принципъ бурсы, по которому «надуть товарищество» счи-
тается преступленіемъ, а нагадить начальству — подвигомъ — сталъ
догматомъ для Третьево́, вошелъ въ плоть и кровь его: Этотъ же
принципъ вынесъ онъ потомъ и за предѣлы бурсы; напъ выносить
его и все «отпѣтые» бурсаки.

Начальство училищное употребляло все мѣры, чтобы испра-
вить Третьево́, и сѣкло его по нѣскольку разъ въ день, но Третье-
товъ, казалось, не чувствовалъ боли и съ рѣдкимъ упорствомъ перено-
силъ все истязанія. Страшная нравственная пытка происходила въ
дѣтской натурѣ нашего героя, избитый, поруганный; близкій къ
отчаянію, онъ искренно презиралъ тогда все окружающее и даже
самого себя, но покориться не могъ и не хотѣлъ. Не разсуждая о томъ,
къ чему приведетъ его эта неравная борьба и кто въ ней проиграетъ, и
бѣзъ всякой ношады къ самому себѣ шелъ дальше и дальше. Это
было то состояніе изступленнаго ожесточенія, когда человекъ, ново-
вленный въ безвыходное положеніе теряетъ самую любовь къ жизни
и, очертя голову, пускается на всевозможные скандалы, и съ этимъ-то
ужаснымъ чувствомъ Третьево́ пришлось познакомиться въ самый
юный періодъ своей жизни, когда только что начинается опредѣляться
характеръ: — ему тогда было всего только четырнадцать лѣтъ. Тowa-
рищи дивились ему и боялись за него; самъ Сергѣевъ не узнавалъ
своего прежняго друга, а тотъ, въ свою очередь сталъ, видимо чуж-
даться его, сѣбялся надъ нимъ; называлъ его трусомъ и «скром-
нацей». Бывали впрочемъ такіа инпуты, когда Третьево́ дѣлался
страшно за себя, когда въ немъ пробуждалась инстинктивная

любовь къ жизни: въ эти минуты ему рыдать хотѣлось, но не могли тогда и слезы.

Однажды ему сдѣлалось особенно грустно и онъ ушелъ на заднюю парту къ нечѣй, гдѣ бывало они сидѣли вмѣстѣ съ Сергѣевымъ. Въ классѣ смеркалось, бурсаки возились и шумѣли въ потьмахъ. Сергѣевъ, во избѣжаніе всякихъ скандаловъ, могущихъ произойти въ темнотѣ, отправился къ той же партѣ и друзья встрѣтились.

— Это ты, Трепетовъ? робко спросилъ Сергѣевъ.

— Я, другъ, мягко и надтреснувшимъ голосомъ отвѣтилъ Трепетовъ, не поднимая головы.

У Сергѣева захолоуло сердце: давно прежній пріятель не говорилъ съ нимъ такъ ласково.

— Чтожь ты... за что ты сердишься на меня? Помнишь, мы прежде друзьями были.

— Были.

— Ты совсѣмъ теперь перемѣнился; тебя....

— Слушай, Сергѣевъ, мнѣ сегодня что-то очень скучно, перебилъ его Трепетовъ.

— Вѣрно письмо отъ матери получилъ?

— Получилъ,—глухо отвѣтилъ мальчикъ, едва сдерживая слезу. Письма матери служили для него пыткой въ училищѣ. Ея безынтересными строки такъ живо вызвали въ немъ полузадавленные воспоминанія о свободѣ и привольи домашней жизни, такъ сильно затрогивали его лучшія привязанности, что училищная жизнь становилась ему не по силамъ. Въ эти дни его дѣтская натура просила привѣта и ласки и такъ мучительно хотѣлось ему вырваться изъ своей тюрьмы, такъ крѣпко досадовалъ онъ на свое безсиліе...

То же испытывалъ онъ и въ настоящую минуту, и какъ ни силится сдержать свои слезы—не могъ. Радъ былъ Трепетовъ, что въ темнотѣ никто не можетъ видѣть этихъ слезъ; иначе товарищи осмѣяли бы его.

— Хочется мнѣ сегодня убѣжать отсюда,—произнесъ Трепетовъ,—и убѣгу, непременно убѣгу.

— А понимаютъ если?

— Могутъ быть и не понимаютъ.... Отчего это, право, такъ сдѣлалось?... зачѣмъ насъ заставляютъ непременно здѣсь учиться?... Дома я могъ бы учить то же самое... даже лучше учился бы...

— Ты плачешь, кажется?

— Нѣтъ, что ты? зачѣмъ плакать. Я просто говорю, что дома учиться лучше было бы...

Сергѣевъ самъ понялъ, что о слезахъ не говорить въ бурсѣ. Трепетовъ смолкъ и призадумался.

— Вотъ что, шопотомъ произнесъ онъ, быстро обернувшись къ другу: ты трусь, или нѣтъ?

— А что?

— Хочешь сдѣлать сегодня со мною одно дѣло?.. Предупреждаю, что за него сильно вспороть могутъ.

— Ну, говори.

Трепетовъ наклонился къ самому уху товарища.

— Подождемъ-ка ночью училище!.. шопотомъ проговорилъ онъ. — Я, братъ, все думалъ сегодня объ этомъ, и рѣшилъ, что можно. Домъ смотрителя деревянный, на лѣстницѣ у него чуланъ есть — какъ разъ загорится; а потомъ нищи себя, кто зажогъ. Впрочемъ, если и поймаютъ—не убьютъ вѣдь...

Сергѣевъ обомлѣлъ и задохся отъ страха. Хотя онъ былъ по лѣтамъ не старше Трепетова, однако умѣлъ смекнуть, что другъ его затѣваетъ дѣло опасное и не практичное, потому что если сжечь это училище, такъ скоро выстроятъ другое; стѣны-то будутъ новыя, а люди тѣже, значить и впечатлѣнія тѣже. Трепетовъ этого не смекнулъ.

— Чтожъ ты? хочешь?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Сергѣевъ.

— Отчего?

— Я боюсь....

— Трусь и сволочь ты послѣ этого, — сказалъ ему Трепетовъ и, выругавшись всласть, вышелъ изъ класса.

Мысль о поджогѣ, возникшая въ припадкѣ ожесточенія, заняла Трепетова не на шутку, и онъ, по строгомъ размышленіи, порѣшилъ училище сжечь, и сжечь именно такъ, чтобы прежде всего сгорѣлъ смотритель. Два дня онъ мучился этою мыслью; ходилъ какъ сонный, механически ѣлъ, пилъ и выдерживалъ порку за незнанье урока, и, наконецъ, выбравъ ночь потемнѣе, рѣшился своей замыселъ исполнить. Выждавъ, когда всѣ уснули, онъ тихонько вышелъ изъ спальни, ваялъ спички, бересту и два полѣна, приготовленные заранѣе, и поднялся по смотрительской лѣстницѣ въ узкія

коридоръ. Тамъ ошупью отыскалъ онъ старшій чуланъ, нивогда не-заправшійся и находящійся какъ разъ подъ кабинетомъ смотрителя; потомъ приложилъ къ деревянной стѣнѣ чулана оба полѣна, наденуль подъ нихъ бересту, какъ это дѣлается при топкѣ печей, и началъ зажигать спичку. Надо признаться, что нашъ герой ве-доднялъ все это съ тѣмъ же присутствіемъ духа, съ каковымъ выно-силъ всѣ училищныя сѣченья и дѣлалъ всѣ прежніе опыты, и хотя чувствовалъ легкую нервную дрожь, но старался сдерживать ее. Въ снахъ, ему показались въ атомъ дѣлѣ. Въ тотъ моментъ, когда онъ торопливо портилъ спичку за спичкой, стараясь поджечь бе-ресту,—вверху отворилась смотрительская дверь, и оттуда кто-то вышелъ. При свѣтѣ всыхнувшей спички, Трететовъ увидѣлъ пе-редъ собою товарища, котораго весь классъ давно подозревалъ въ жульничествѣ.

— Это—ты Иудскій? окликнулъ его Трететовъ.

— Я, отыскавъ тотъ, узнавъ съ кѣмъ имѣеть дѣло. Иудскій растерялся и струсилъ, хотя былъ вдвое сильнѣе Трететова. Онъ былъ увѣренъ, что Трететовъ по порученію товарищей нарочно поджаривалъ его.

— А, такъ вотъ оно что?... произнесъ Трететовъ, и, схвативъ колѣно, онъ такъ огрѣлъ имъ Иудскаго по головѣ, что тотъ безъ чувствъ полетѣлъ съ лѣстницы. Опомился наконецъ и нашъ герой; на него напалъ ужасъ и онъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ. Его поймалъ привратникъ, стоявшій у училищныхъ воротъ.

Этимъ казусомъ кончилось образованіе и похижденіе Трететова въ училищѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ былъ публич-но наказанъ розгами и исключенъ изъ училища, не доганувъ двухъ мѣсяцевъ до окончанія училищнаго курса. О его поджогѣ такъ и не узналъ никто, а то бы не миновать ему гражданскаго суда.

Какого рода чувства и понятія, вынесъ Трететовъ изъ подобной практики—пусть судить самъ читатель....

III.

Освободившись такими радикальными средствами отъ училищной жизни, Трететовъ съ радостью поѣхалъ на родней пеластъ. Онъ по простотѣ душевной полагаалъ, что родители вмѣстѣ съ нимъ будутъ

ликовать и радоваться этому случаю, но конечно ошибся въ расчетѣ. Отецъ, узнавъ въ чемъ дѣло, испугался и едва не обезумѣлъ съ отчаянья; мать въ постель слегла; самъ Трепетовъ, неожиданнымъ такого эффекта, совершенно растерялся и счелъ себя погибшимъ на вѣки. Особенно сокрушало его отчаянье матери, которую любилъ онъ такъ, какъ никого никогда не любилъ. Она по цѣлымъ днямъ причитала надъ нимъ и, надрываясь отъ рыданья, внушала ему горькія истины своего глупаго опыта. Умоляла она сына смириться передъ начальствомъ и не сердить его, старалась доказать мальчику, что противъ силы ничего не подѣлаешь, что всѣ мы люди подневольные, съ которыми начальство можетъ распорядиться, какъ угодно; что всякое неповиновенье тяжело отзовется на всѣхъ ихъ семействѣ, и проч. Плакала мать, и ея слезы свинцомъ падали на дѣтское сердце Трепетова, и этотъ гордый, непокорный и безстрашный мальчикъ въ подобныя минуты готовъ былъ на всякія униженья, лишь бы помириться съ начальствомъ и утѣшить мать. Такова иногда бываетъ сила материнскаго вліянія!...

Отецъ долго плакать не сталъ и рѣшился снова немедленно хлопотать объ опредѣленіи сына въ семинарію. Приѣхавъ онъ съ нимъ въ городъ и сталъ настойчиво умолять объ этомъ мѣстныхъ властей. Мольбы шло долго; отецъ кланялся, плакалъ и тратился, наконецъ мѣстный «владыка» повѣрилъ ему, что мальчишка буйствовалъ единственно по глупости своей, и приказалъ зачислить его на казенное содержаніе въ низшій классъ семинаріи, что конечно и было исполнено.

Такимъ образомъ Трепетовъ снова очутился среди прежнихъ товарищей, хотя и при другой обстановкѣ. Скучно показалось ему и здѣсь; форменная, монотонная жизнь семинаріи сразу отшатнула его отъ себя; безответность и скромность товарищей его бѣсила; однако, помня наставленія матери, онъ воздерживался отъ всякихъ столкновеній съ начальствомъ, хотя подѣ часъ ему и трудно было сдерживать свои взысканія. Въ классѣ его томилъ сознаніе полного одиночества; къ товариществу относился онъ безъ интимности, а прежняго друга, Сергѣева, здѣсь уже не было: кажется, исключили его. Новые заглавія наукъ сначала заинтересовали Трепетова и онъ съ жадностью началъ было слушать учителей и читать записки по ихъ лекціямъ; но записки и лекціи скоро начали нагонять на него непобѣдимую зѣвоту... Не разъ онъ задавалъ себѣ вопросъ: «къ чему все это? зачѣмъ насъ учить?» и постичь не могъ этой тайны. А

между тѣмъ онъ слышалъ, что учиться необходимо: объ этомъ въ каждомъ письмѣ умоляла его мать, этого требовало и начальство, и Трепетовъ не на шутку задумался, какъ бы облегчить себѣ этотъ насильственный трудъ. Средство скоро было найдено: онъ занялся тщательнымъ переписываньемъ рукописныхъ учебниковъ. Это приносило ему двойную пользу: во-первыхъ, помогало убивать значительную часть празднаго времени, а во-вторыхъ, переписывая, онъ запоминалъ сущность уроковъ и безъ особеннаго труда могъ потомъ заучивать ихъ. Всю семинарскую жизнь онъ считалъ чѣмъ-то вѣшнимъ, постороннимъ, точно не касающимся его и смутно чувствовалъ потребность въ чемъ-то другомъ, болѣе интересномъ. Это *другое* доставлял ему книги же, только не учебныя, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочиталъ первый свѣтскій романъ, началось его самостоятельное развитіе: все остальное отошло на второй планъ.

Кто имѣлъ несчастье воспитываться въ закрытомъ учебномъ заведеніи или жить въ какомъ нибудь захолустьѣ, тотъ пойметъ, какое важное, спасительное значеніе имѣютъ здѣсь популярныя книги и журналы. Въ этихъ оторванныхъ или искусственно-изолированныхъ отъ жизни труппахъ нашего быта, они часто служатъ единственными проводниками развитія и отголоскомъ того, что дѣлается и о чемъ размышляется въ лучшихъ кружкахъ общества; для многихъ эти книги и журналы замѣняютъ лучшихъ друзей, потому что даютъ возможность отдохнуть и забыться среди окружающей грязи и невѣжества. Это испыталъ на себѣ и Трепетовъ. Только дѣло въ томъ, что въ семинаріи, гдѣ прозябалъ нашъ герой, подобныя *друзья* были строго запрещены. Тамъ, какъ и во всѣхъ почти закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитаніе было искусственное, составленное по напередъ написанной и утвержденной программѣ; поэтому здѣсь было дозволено къ чтенію только то, что возбуждало и укрѣпляло мысли назначенныя программой, и строго запрещалось все то, что наводило на мысли несогласныя съ программой. Но Трепетовъ страстно привязался къ чтенію свѣтскихъ книгъ, чувствовалъ уже на себѣ ихъ вліяніе и такимъ образомъ развивался втайнѣ, крадучись, какъ воръ, робѣющій, что его каждую минуту поймать могутъ.

Въ то недалекое, но безотрадное время, когда воспитывался Трепетовъ, (лѣтъ пятнадцать тому назадъ) въ нашей литературѣ преобладали элементъ чисто-романтическій и фантастическій; въ журналахъ цѣлыя сотни страницъ замѣщались стихами, въ повѣстяхъ и

романахъ описывались неземное счастье и неземное страданіе—и потому Тренетовъ поневолѣ погрязъ по уши въ эти неземныя описанія. Съ замираніемъ сердца прослѣдилъ онъ за тысячью, полусъумасшедшихъ героевъ и героинь, не на шутку задумывался о судьбѣ «таинственнаго монаха», даже видѣлъ во снѣ «чорную женщину» Греча, или какого нибудь Владимира съ Маріей и трелями соловья, и совсѣмъ не могъ спать, когда коварный Владимира покидалъ Марію... Это состояніе продолжалось года четыре, и въ теченіе этихъ несчастныхъ лѣтъ Тренетовъ измѣнился замѣтно къ худшему. Онъ такъ жадно впился въ отвлеченную поэтическую прелесть, что составилъ свой особый фантастическій міръ, полный разныхъ неземныхъ интересовъ.... И какъ жалка казалась ему грязная дѣйствительность съ ея практическимъ смысломъ, какъ апатично глядѣлъ онъ на все окружающее, или даже вовсе не замѣчалъ его. Онъ жилъ точно во снѣ или опьяненномъ полубабытьи, механически исполняя все то, чего требовало отъ него начальство или законы брэннаго тѣла. Къ концу этого періода онъ совсѣмъ превратился въ какую-то отвлеченную личность, строилъ воздушные замки, съ сладострастнымъ зампраньемъ напрягалъ свой мозгъ, представляя себѣ разныя картины романтической любви и идилліи, и услаждался ими до нервной дрожи, до истомы, близкой къ помѣшательству... А школьная жизнь между тѣмъ шла передъ нимъ такая простая и пустая, такъ дерзки равнодушная ко всему, что совершалось въ отуманенной головѣ Тренетова; товарищи устроивали прозаическіе скандалчики изъ-за лапши и кашки и даже какъ-то чуждались Тренетова. Очень рѣдко онъ принималъ участіе въ ихъ затѣяхъ, еще рѣже руководилъ ими, и дѣлалъ все это какъ-будто «между прочимъ». Чуть онъ оставался одинъ, мысль его, привыкшая къ извѣстнымъ занятіямъ, сама собою отправлялась въ заоблачную высь и далѣе, куда слѣдуетъ.

Въ это несчастное время умственного разврата, Тренетовъ, писавшій уже бездну стиховъ, рѣшился наконецъ написать повѣсть. И вотъ онъ соорудилъ какого-то бѣднаго художника, окруженнаго графами и князнями, словомъ лицами, которыхъ онъ ни разу нигдѣ не видалъ; затѣмъ послѣдовала любовь художника къ княжнѣ и разныя препятствія этой любви; въ заключеніи художнику заплатили деньги за работу, а тотъ пришелъ въ негодованіе, что «святое искусство вдохновенія толпа смѣетъ оцѣнивать презрѣннымъ металломъ» и проч. Словомъ, повѣсть вышла недурная. Тренетовъ за-

печатавъ ее и отправилъ въ Петербургъ, въ одинъ изъ самыхъ-убогихъ журнальцевъ, который онъ выбралъ собственно по авторскому смиренію. Это было при переходѣ его въ старшій классъ. Съ замираньемъ сердца прождалъ онъ два мѣсяца, и наконецъ получилъ повѣстку на 20 р. Видно, редакція была въ самомъ дѣлѣ убога, что она не только напечатала повѣсть, но даже просила и еще такого товару. Третьетовъ послѣдняго ужь никакъ не ожидалъ. Задыхаясь отъ радостнаго волненія, побѣжалъ онъ въ слѣдующій праздникъ въ мѣстную городскую библиотеку, отыскалъ тамъ послѣдній № журнала и прочиталъ себя. Строки мелькали передъ нимъ, въ глазахъ явились слезы; видѣлъ онъ, что многое тутъ измѣнено, но мысль-то все-таки его собственная. Съ какою гордостью онъ гулялъ въ этотъ день по городу; съ какимъ чванствомъ смотрѣлъ на толпу; какъ хотѣлось ему сказать каждому встрѣчному, что онъ поэтъ и литераторъ... Впрочемъ благоразуміе заставило его открыть свое высокое призваніе только очень немногимъ своимъ товарищамъ, и тѣ хотя посмотрѣли на него съ уваженьемъ и гордостью, однако до начальства это дѣло не дошло. Грубое, прозаическое начальство семинаріи поэзію ни въ грошъ не ставило.

Скоро Третьетовъ принялся сочинять поэму.

Эти годы имѣли огромное и, надо правду сказать, вредное вліяніе на характеръ и вообще развитіе Третьетова. Эти года приучили мозгъ его къ безцеленной идеализаціи, разстроили его нервную систему, сообщили его характеру болѣзненную мягкость и вялость, такъ что потомъ много ему надо было употребить энергическаго труда и самообладанія, чтобы по возможности уничтожить всѣ слѣды этихъ напрасныхъ увлеченій и вліяній. На что же дѣлать, если въ замкнутой обстановкѣ, на готовомъ корму и среди общей апатіи въ существеннымъ интересамъ мозга, мыслящей головѣ не было другихъ занятій, кромѣ чтенія, а литература того времени вообще, а пробивавшаяся въ семинарію въ особенности, была чисто-идеальная. И не удивительно, что этотъ фантастическій, прежде неизвѣстный Третьетову, міръ — увлекъ его; что по этимъ обольстительнымъ вымысламъ, онъ судилъ о жизни и дѣятельности другаго, лучшаго общества и такимъ образомъ дошелъ до своихъ художниковъ съ графинями. Кто изъ лицъ окружающихъ его тогда могъ объяснить ему настоящія требованія и интересы жизни? Кто могъ тогда образумить его?.. Счастливъ еще былъ Третьетовъ тѣмъ, что

увлекся романтической поэзіей въ самые юные годы своей жизни, что еще въ эти годы онъ почувствовалъ ее насильемъ и на собственной шкурѣ испыталъ ея влияние и результаты, за то впоследствии онъ не могъ осмысленнѣе понять ея бесполезность и отрицать этотъ одуряющій и ведущій къ апатіи развратъ уметвенный. Почему знать, можетъ быть, воспитавшись на другихъ, болѣе суровыхъ началѣхъ и гораздо неже отвѣдавъ ядовитой сладости романтической и мистической поэзіи, онъ до того увлекся бы ея заманчивою прелестью, что его не спасло бы отъ этого болѣзненнаго {увлеченія никакое логическое лекарство, и лечить его тогда было бы такъ затруднительно, какъ лечить востока, привыкшаго къ опиуму и хашину. А теперь Трететовъ переживалъ поэзію, какъ эпидемическую болѣзнь, какъ неизбежную дань вѣку, и для неѣ есть еще спасенье, потому что онъ не видалъ еще обратной стороны медали и не навѣдалъ наслажденія отъ другой, болѣе здоровой дѣятельности.

Переломъ скоро совершился.

Почти въ каждомъ городѣ, въ настоящее время, найдутся люди хорошие, представители высшихъ интересовъ молодой молодежи, которые своими бесѣдами и влияніемъ забрасываютъ въ окружающее общество тѣ великія мысли, которыя служатъ для него зачатками будущаго возрожденія. Въ нихъ воплотились лучшіе соны народа, они «свѣтъ свѣта» городовъ нашихъ, они предвѣстники будущаго рассвѣта. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ ихъ становится больше и больше, но въ началѣ пятидесятихъ годовъ такіе люди были еще рѣдкостью, да и общество не понимало и чуждалось ихъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и братъ Березинъ. Онъ былъ ученикъ московскаго университета, поклонникъ Грановскаго, жилъ очень скромно, и силою разныхъ случайныхъ обстоятельствъ былъ такъ крѣпко прикованъ къ городу, что не имѣлъ никакой возможности отлучиться изъ него, хотя подъ часъ и желалъ бы. Этому человеку пришлось произвести реформу въ головѣ Трететова и своимъ влияніемъ направить его на хорошую дорогу. Трететовъ встрѣтился съ нимъ въ городской публичной библіотекѣ, куда, по знакомству съ библіотекаремъ, онъ заходилъ по праздникамъ и наслаждался чтеніемъ. Библіотекарь, хорошо знакомый съ Березинимъ, представлялъ ему Трететова, какъ страстнаго любителя чтенія. Тотъ возмалъ ему руку и они тотчасъ же и познакомились.

— Что же вы больше читаете? спросилъ Березинъ.

— Что придется. Больше, конечно, люблю беллетристику... Я и самъ даже пробовалъ свои силы въ литературѣ... посвѣшивъ прихвостнуть Трепетовъ. Юнъ еще очень былъ.

— Вотъ какъ? Приятно слышать... Позвольте однако узнать, въ какомъ родѣ трудъ вашъ?

Трепетовъ назвалъ свою повѣсть и журналъ, пріотившій ее. Онъ надѣялся пріятно изумить незнакомца, но вмѣсто того Березинъ мелькомъ скорчилъ гримасу.

— Вы читали? замирающимъ голосомъ спросилъ Трепетовъ.

— Читайте-съ, — отвѣтилъ тотъ, внимательно разсматривая фигуру писателя. Произошло нѣкоторое замѣшательство съ той и другой стороны.

— Съ вами можно говорить откровенно? спросилъ Березинъ.

— О чемъ-съ?

— Скажите, по чистой совѣсти, съ какою цѣлью вы написали вашу повѣсть?

— Какъ, съ какою цѣлью?

— Извините, я спрошу еще прѣмѣ: что вамъ за охота была писать такую чушь?

Трепетовъ совсѣмъ растерялся и могъ пробормотать только: «конечно... но... съ вашей точки зрѣнія...»

— И знаете ли, почему ваша повѣсть не понравилась мнѣ? продолжалъ Березинъ воодушевляясь, — въ вашей повѣсти слишкомъ сквозитъ барство и какое-то искусственное отвращеніе отъ толпы, которую, конечно, вы нисколько не знаете... Я думалъ, что это писалъ какой-нибудь избалованный баричъ, но никакъ не семинаристъ «сынъ толпы». Я плебей и кровный врагъ батства... Понимаете-ли вы, что я хочу сказать?..

Трепетова наконецъ задѣли эти слова за живое. Онъ вспыхнулъ.

— Я самъ плебей!.. закричалъ онъ приподнимаясь, я не баринъ... Вы не знаете меня!..

— Тише господа! прошипѣлъ испугавшійся бібліотекаръ, но его уже не слушали. И Трепетовъ, и Березинъ были еще слишкомъ молоды, чтобы удержаться отъ спора, и споръ закипѣлъ. Трепетовъ доказывалъ необходимость отвлеченной поэзіи и ея назначенія «смягчать нравы», говорилъ, что для пониманія ея надобно имѣть особые нервы, что она умиротворяетъ душу, и проч. Березинъ, напротивъ, увѣрялъ, что романтическая поэзія, роскошь, вредная въ на-

стоящую минуту потому, что отводитъ вниманіе образованнаго общества отъ нуждъ народа, что, усыпая, умъ, она поддерживаетъ нашъ общественный застой, что въ ней въ настоящую минуту нѣтъ ни малѣйшей пользы, что Европа, становясь на реальную почву, далеко опередила насъ и т. п. Березинъ горячо нападалъ на бездѣйствіе образованныхъ классовъ, на крѣпостное право и проч. Онъ увлекся своею задушевною, горячею рѣчью и съ жаромъ и жолчью сообщалъ Трепетову фактъ за фактомъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя тогда имѣлись на лицо, и все это свелъ къ тому заключенію, что порядочному и мало-мальски мыслящему человѣку стыдно заниматься такимъ бесполезнымъ писательствомъ, а надо понемногу изучать бытъ нашъ и отыскивать себѣ болѣе полезную дѣятельность. Трепетовъ смолкъ и чутко прислушивался къ новымъ, еще неслыханнымъ имъ рѣчамъ, а въ головѣ его уже закипала работа... Если бы, повторяю, Трепетовъ былъ «въ душѣ поэтомъ», онъ не сталъ бы и слушать Березина. Есть одна извѣстная черта, за которой баловство уже обращается въ потребность, за которой организмъ до такой степени привыкаетъ къ дѣятельности и ощущеніямъ какимъ-нибудь, что становится неисправимымъ, какъ спившійся съ кругу пьяница, для котораго водка стала уже потребностью организма. Но Трепетовъ не перешелъ еще эту границу; его идеализмъ былъ напускной, отъ нечего дѣлать, и потому, когда ему заговорили о новыхъ сторонахъ жизни, еще незнакомыхъ ему, — онъ будто очнулся, и ему даже стыдно стало за себя и за своего «художника съ графинями». Онъ чувствовалъ, что въ словахъ Березина есть неотразимая, хотя и горькая правда...

— Что же вы посоветуете мнѣ прочесть? спросилъ Трепетовъ послѣ глубокаго раздумья.

— Да что... Сказать по правдѣ: у насъ почти нечего читать *). Вы знаете какойнибудь иностранный языкъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Трепетовъ.

— Плохо. Знаете ли, чтобы вполне оцѣнить общественное положеніе и нужды нашего народа, надо ознакомиться съ жизнью цивилизованнаго запада и потомъ сравнить, — что сдѣлано на западѣ и что есть у насъ. Изученіе запада, его исторіи и литературы подѣй-

*) Слѣду повторить, что разговоръ этотъ происходилъ лѣтъ 13 тому назадъ. «Авт.»

ствуешь на васъ развивающимъ образомъ и разъяснить вамъ много. Тамъ литература стоитъ высоко и касается самыхъ насущныхъ вопросовъ общества, во всѣхъ отношеніяхъ... Изучайте языки: будете потомъ благодарны.

— А отчего же у насъ литература не такая? наввно допытываеь Трепетовъ.

— Какъ бы вамъ сказать?.. Все зло конечно въ томъ, что мы начали развиваться очень поздно, да и приемы нашего воспитанія слишкомъ рутинны. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и въ вашей бурсѣ, есть тоже опредѣленная программа, по которой воспитываютъ насъ. Все, что развиваетъ насъ въ томъ, или другомъ педагогическомъ направленіи, наши воспитатели возводятъ въ догматы, а что не подходитъ подъ программу и можетъ пробудить противоположныя ей мысли, то воспитатели старательно устраняютъ. Поэтому у насъ выходятъ только специалисты: доктора, священники, чиновники, офицеры и проч., которые уже по привычкѣ не могутъ интересоваться тѣмъ, что не касается ихъ специальности. Оттого-то у насъ литература больше специальная, подведенная подъ разныя программы.

— Значить, почти всѣ мы люди *искусственные*?

— Значить.

— И выходитъ, что, кромѣ казеннаго, педагогическаго воспитанія, надо еще самостоятельно учиться?

— Выходить.

Оба они замолчали и приадумались. Березинъ наконецъ всталъ и взялъ фуражку.

— Будемте знакомы, проговорилъ онъ, сжимая руку Трепетова. Заходите ко мнѣ потолковать въ свободные часы. Я живу тамъ-то.

— Очень радъ, отвѣтилъ Трепетовъ, и въ самомъ дѣлѣ радъ былъ этому знакомству. — Посовѣтуйте же мнѣ, какую книгу взять отсюда? спросилъ онъ.

— Да я вамъ говорю, что нечего. Вы читали, конечно, Бѣлинскаго?

— Пробовалъ, да мнѣ скучно показалось...

— Ну вотъ, займитесь имъ пока: онъ будетъ теперь для васъ понятнѣе и приучитъ къ болѣе серьезнымъ мыслямъ. Подумайте надъ «Мертвыми душами» Гоголя, а главное, заходите почаще ко мнѣ: мы вѣстѣ читать будемъ.

Они разстались.

Огромное значеніе имѣлъ этотъ случай въ жизни Третьякова. Ошеломленный, разсѣянный явился онъ въ семинарію, точно его разбудили во время сладкаго сна, точно кто передъ нимъ распахнулъ сундукъ съ непонятными диковинками, тогда какъ прежде онъ не зналъ, что этотъ сундукъ раскрывается, и любовался только наружной отделкой его. На все окружающее онъ поспѣвалъ теперь другимъ взглядомъ и на первый разъ уже замѣтилъ многое, чего не замѣчалъ прежде. Но переломъ этотъ отъ сна къ действительности былъ слишкомъ быстръ и неожиданъ, — старыя привычки не уступили сразу напору новыхъ силъ, и вотъ началась въ головѣ его работа мучительная, беспокойная: старое муталось съ новымъ, и жалко было покинуть ему это старое, да и новые вопросы начали сверлить его мозгъ до боли. Какъ рѣшить эти вопросы? Съ нетерпѣньемъ ждалъ онъ праздничныхъ дней, чтобы сбѣгать къ Березину и потолковать съ нимъ. Березинъ, какъ опытный педагогъ, руководилъ его развитіемъ осторожно, начиналъ съ азбуки и старался, чтобы Третьяковъ, при его пособіи, самъ додумывался до истины, потому что только въ этомъ случаѣ истина переходитъ въ полную собственность мозга, какъ слѣдствіе его субъективной работы. Бѣлинскій увлекъ Третьякова и пробудилъ въ немъ множество новыхъ вопросовъ, сообщая мимоходомъ о такихъ вещахъ, которыя были новостью для Третьякова. Подъ влияніемъ Бѣлинскаго у него довилась ненасытная любознательность и захотѣлось ему учиться, только не тому, чему учатъ въ семинаріи. Книжки онъ бралъ уже серьезныя, хотя и спеціальныя, въ журналахъ тоже читалъ преимущественно серьезныя статьи, и хотя большаго усилія стоило ему приучить свой напѣшанный мозгъ къ этой сосредоточенной работѣ, одна одѣло понемногу двигалось впередъ. Въ свободные часы онъ занимался также и иностранными языками. Березинъ далъ ему легкое понятіе о значеніи этихъ языковъ въ дѣлѣ развитія; сообщилъ ему вкратцѣ, что нѣмцы наредъ хитры и умны, но очень сухой и работаютъ преимущественно для будущаго, въ пользу абсолютной истины, и что литература ихъ мало отражается на политической жизни народа; что французы, напротивъ, австрогиваютъ животрепещущіе и практическіе вопросы жизни, и въ литературѣ ихъ много политическаго энтузіазма и жизненнаго смысла... На основаніи такихъ разсужденій, Березинъ советовалъ Третьякову на первый разъ заняться изученіемъ фран-

цузскаго языка. Заниматься однако приходилось ему урывками, потому что классныя занятія шли своимъ чередомъ и тоже требовали нѣкотораго вниманія. Зато съ какою злостью теперь принимался онъ за учебникъ или заданное сочиненіе.

Слушая рассказы Березина о жизни и литературѣ запада, Трепетовъ не разъ ощущалъ патриотическое недовольство и думалъ: «отчего это у насъ литература такъ односторонняя? Неужели въ самомъ дѣлѣ печего писать изъ русской жизни, когда ея недостатки и нужды сами собою бросаются въ глаза. Онъ рѣшился снова попытать свои силы въ писательствѣ и такимъ образомъ заглядить старые грѣхи. Не сказавъ никому ни слова, онъ написалъ небольшую замѣтку о недостаткахъ семинарскаго воспитанія и подъ строгимъ секретомъ отослалъ ее въ Петербургъ, въ одинъ изъ лучшихъ журналовъ. Онъ уже заранѣе предчувствовалъ, что Березинъ похвалитъ его за этотъ трудъ и мечталъ удивить его сюрпризомъ, но черезъ два мѣсяца онъ получилъ изъ редакціи коротенькое письмо, въ которомъ говорилось, что статья его очень хороша, но она напечатана быть не можетъ по независящимъ и т. д. Опечалился Трепетовъ; пошелъ онъ къ Березину и повѣдалъ ему свое горе. Березинъ назвалъ его за это *дитей*....—Учитесь лучше, совѣтовалъ онъ ему между прочимъ, тогда и писать научитесь.

— Такъ вотъ оно что, подумалъ Трепетовъ, учиться надо... И злость забрала его.

Однако ему во что бы то ни стало захотѣлось высказать кому нибудь свои новыя мысли, и онъ, въ видѣ опыта, слуду, рѣшился сообщить ихъ своему семинарскому начальству. Для этой цѣли, воспользовавшись однимъ изъ заданныхъ ему въ классѣ сочиненій, онъ вставилъ въ него нѣсколько разсужденій, вовсе неподходящихъ къ семинарской программѣ, и въ такомъ видѣ подалъ начальству. Это былъ одинъ изъ тѣхъ опрометчивыхъ, но важныхъ опытовъ, которые онъ бывало дѣлалъ на погостѣ. Результатъ вышелъ очень сиверный. Трепетова призвалъ къ себѣ ректоръ семинаріи, далъ ему строгій выговоръ и сказалъ, что за подобныя сочиненія его въ монастырь сослать бы слѣдовало.

— Ты, я слышалъ, въ городѣ къ Березину шляешься? спросилъ его ректоръ.

— Хожу-съ.

— Ну, такъ впередъ не смѣй ходить. Это онъ развращаетъ тебя.

Въ шпатулкѣ Трепетова послѣ этого былъ сдѣланъ обыскъ; отобрали у него нѣсколько книгъ, запрещенныхъ программой, и перестали отпускать въ городъ. Трепетовъ, внѣ себя отъ злости, въ тотъ же день произвелъ ужасный скандалъ, попалъ въ карцеръ и если бы не одумался во время, онъ подвелъ бы себя подъ красную шапку. Но дѣлать нечего, надо было покориться, и для Трепетова съ этого дня началась мучительная пытка безсильной злобы и ненависти; его натура неудержимо рвалась къ прерваннымъ занятіямъ и бесѣдамъ, а его держали въ тискахъ и начальство смотрѣло за нимъ въ оба. Душно, невыносимо душно показалось ему въ семинаріи и отъ души проклялъ онъ эту форменную, подневольную жизнь, которой насильно заставляли его подчиняться. А тутъ еще мать прислала съ погоста письмо съ своими вѣчными просьбами «учись, Коля, ради меня учись и не ссорься съ начальствомъ!» и т. д. Что было дѣлать? Онъ написалъ Березину отчаянное письмо и просилъ совѣта. Березинъ отвѣтилъ ему, что рано или поздно это должно было случиться, что духовенство вообще считаетъ его, Березина, волтеріанцемъ и человѣкомъ опаснымъ, но что все это сдѣлалось къ лучшему. Въ концѣ письма онъ просилъ его дотянуть до окончанія курса и понемногу готовиться къ университету, причемъ предлагалъ и самую программу для приготовленія. Трепетовъ поразмыслилъ и — смирился.

Цѣлый годъ еще послѣ того томился онъ въ семинаріи переживая апатично день за днемъ и считая сколько осталось до послѣдняго дня. Приготовляясь понемногу къ университету онъ въ это же время особенно заинтересовался богословскими и философскими науками и перечиталъ по этому предмету всѣ бывшія у него подъ руками книги. Работа была головоломная, но, надо правду сказать, Трепетовъ могъ уяснить себѣ очень немного....

Пришелъ и послѣдній день.

— Наконецъ я на свободѣ! воскликнулъ Трепетовъ, уходя изъ семинаріи; всѣ мускулы его играли, члены расправлялись и ощущали особую свѣжесть и силу, точно въ самомъ дѣлѣ на нихъ до этого лежали цѣпи.

Долго въ этотъ счастливый вечеръ онъ просидѣлъ у Березина и братски-задушевно была ихъ бесѣда.

— А вы можете быть и расу еще надѣнете? спрашивалъ его между прочимъ Березинъ съ улыбкой.

— Нѣтъ на надѣну, отвѣтилъ Трепетовъ. Я не способенъ къ этому званію.

— То-то. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы не пришлось вамъ жить, помните, мой другъ, что надо жить не безъ пользы... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Я еще до этого увижусь съ вами, и мы еще потожуемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданья, Трепетовъ продалъ всѣ свои классныя записки, закупилъ книги, необходимыя для университетской программы, и вмѣстѣ съ своимъ землякомъ по погосту, Маевскимъ, отправился на родину. Онъ рассчитывалъ прожить тамъ мѣсяца два не болѣе, такъ чтобы осенью опредѣляться въ университетъ. Но...

Но не могъ онъ предвидѣть всего, что случится съ нимъ въ эти два мѣсяца.

IV.

Теперь мы пригласимъ читателя заглянуть въ одинъ изъ самыхъ благодатныхъ уголковъ нашей земли, въ глушь непроходимую, но привѣтливую, — словомъ на тотъ холмъ, на которомъ суждено было нашему герою родиться и провести первые годы своего дѣтства.

При впаденіи рѣчки Глыбовки въ рѣчку Диную, на высокомъ холмѣ, отдѣльно отъ всего живого міра, состоитъ небогатый погостъ Емельяновскій. По скату холма раскинуто кладбище съ покосившейся деревянной оградой, при кладбищѣ стоитъ старинная, каменная церковь съ высокимъ зеленымъ шпиромъ, а противъ церкви въ разныхъ позахъ понастроено нѣсколько деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ день за днемъ переживаетъ мѣстный причтъ. Два священника съ женами и дѣтьми, два дьячка съ женами и дѣтьми, пономарь холостой и просвирня—вдова, вотъ все словесное население погоста, но все это такъ прочно связано въ одну семью, такъ крѣпко сжилось съ мѣстомъ и его принадлежностями, что составляетъ будто нераздѣльную, органическую часть холма Емельяновскаго. Сама природа рѣзко отдѣлила этотъ мірокъ отъ остальной земли и приподняла его ближе къ небу, потому что этотъ мірокъ благодатный: много мертваго народу пашло здѣсь успокоеніе и пріютъ вѣчный, да и живой народъ не лишенъ того же блаженнаго покоя и живетъ

такъ же тихо, и безмятежно, какъ и мертвые земляки, которые волею-неволею сроднились съ этимъ холмомъ, и такъ же, какъ и они — «срама не врутъ». Никто почти изъ постороннихъ людей не тревожитъ мира и тишины этого уголка, потому что на далекое пространство вокругъ нѣтъ ни одной души живой... Ближайшее село, Звучное, находится въ двухъ верстахъ отъ погоста. Тамъ живетъ около сотни обглодавшихся барщиною мужиковъ, изъ которыхъ только очень немногие приходятъ на погостъ въ праздничные дни, за разными требамъ; всѣ они свозятъ сюда только свою родную мертвечинну, но вообще особенной симпатіи къ погосту не питаютъ. За версту отъ нихъ въ ясный день виднѣется усадьба самого помѣщика Выхляева, который заглядываетъ на погостъ тоже не болѣе двухъ разъ въ годъ, потому что онъ вольтеріанецъ и, набожностью не отличается. Этотъ помѣщикъ Выхляевъ служитъ единственнымъ представителемъ «образованнаго» міра во всемъ здѣшнемъ околдѣ. Далѣе тянутся длинными вереницами села бѣдныя, люди невѣжественныя, среди которыхъ едва сотая часть сумѣетъ разобрать церковную печать, а гражданскую и того меньше. Правда, на погостѣ есть особое зданіе для сельской школы, однако это зданіе большею частію остается впускъ; развѣ зимою изрѣдка прибѣжитъ сюда съ пятокъ мальчишекъ поиграть въ снѣжки, или въ бабки подлѣ школьнаго зданія, но грамота вообще дается имъ плохо. Желая какъ нибудь водворить въ этомъ краѣ любовь къ наукѣ, старый священникъ отецъ Никита ежегодно въ храмовой праздникъ смазываетъ собравшимся прихожанамъ горячую проповѣдь «о пользѣ просвѣщенія», но мужики—невѣжи этой пользы никакъ понять не могутъ и потому просвѣщенію не сочувствуютъ.

Этими немудрыми обязанностями ограничиваются всѣ отношенія жителей погоста къ остальному міру.

И живетъ этотъ мизерный кружокъ своею особенною, изолированою жизнью, и всѣ ихъ жизненные интересы сосредоточены теперь только на небольшомъ пространствѣ холма. Каждый дѣлаетъ свое дѣло и благодумствуетъ по своему: покойники гниютъ себѣ попенногу, и замѣтно удобряютъ почву, которою питаются живые обитатели ея; деревья густо разрослись по холму и обильно цвѣтутъ весной, люди справляютъ потребности своей плоти: пьютъ и ѣдятъ, спорятся и мирятся, помогаютъ другъ другу убивать время, и нѣтъ имъ никакого дѣла до жизни и интересовъ остальнаго міра.

Кругомъ ихъ жръ выработываетъ общечеловѣческій прогрессъ, геройствуютъ Наполеоны и Гарибальди а они, сердечные, вовсе и не подозреваютъ такихъ диковинокъ; да если бы впрочемъ и узнали о нихъ, те и тогда нисколько не удивились бы и не отозвались бы сочувствіемъ къ общему дѣлу. И это происходитъ вовсе не потому, что они очень невѣжественны, а потому, что вполне довольны своею жизнью и другъ другомъ, и отвыкли думать и заботиться о чемъ нибудь кромѣ того, что касается ихъ лично. Если бы вдругъ ни съ того, ни съ сего провалилось куда-нибудь пол-свѣта, то это и здѣсь, вѣроятно, менѣе произвело бы впечатлѣнія, чѣмъ паденіе штука-турки съ карниза ихъ домашней церкви. Съ малолѣтства они сроднились со всѣми принадлежностями погоста и такъ привыкли видѣть передъ своими глазами эти принадлежности, что пропади изъ нихъ что нибудь — и жизнь становится не полна, чего-то для нея уже не достаетъ.

Жители Емельяновскаго погоста нигдѣ не бывали дальше ближайшаго губернскаго города, гдѣ они воспитывались въ мѣстной семинаріи. Туда же и теперь они ѣздятъ поочередно разъ или два въ годъ, но только на самое короткое время, и то по крайней необходимости, по консисторскимъ вызовамъ или для неизбѣжныхъ житейскихъ закупокъ. Во время пребыванія своего въ городѣ они испытываютъ непонятную тревогу и страхъ какой-то; они чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ, и старательно отыскиваютъ въ средѣ духовнаго званія, такихъ лицъ которыя ближе подходили бы къ нимъ по складу понятій. Дико и неловко кажется имъ въ постороннемъ обществѣ и всѣми силами торопятся они вырваться оттуда и обратиться скорѣе до родного погоста.... А было время, когда и они что-то знали, о чемъ-то думали, чего-то желали. Священники тоже вызубрили множество мудреныхъ наукъ и въ молодости мечтали о какой-то лучшей жизни, хотѣли вліять на мѣстные нравы и даже запаслись на первое время книгами; но какъ поженились, да пообжились съ мѣстомъ: желанія куда то незамѣтно исчезли; науки, ни къ чему не пригодившіяся, остались неподвижно въ головномъ архивѣ и скоро заросли новымъ слоемъ мозга; книги и до сихъ поръ лежать по полкамъ и все еще не прочитаны; вліять ненаого; лучшей жизни не добьешься, — а кругомъ нужда бьетъ: землю обрабатывать надо. Тутъ даже совершилось нѣкое превращеніе, которое зачастую у насъ совершается при подобныхъ обстоятельствахъ. Вмѣсто того, чтобы вліять

на мужиковъ сосѣдей, сравнительно съ которыми они казались учеными людьми; вмѣсто того, что бы вносить въ ихъ бытъ начала лучшей жизни, — они, поѣздивъ по приходамъ, сами стали завистоваться отъ нихъ мудростью и опытомъ житейскимъ. И вотъ стали враздвигаться въ ихъ семейства сначала разные присловья и примѣты, а потомъ и предразсудки да суевѣрья. Дѣло началось, конечно, съ женскаго пола, который, какъ извѣстно, особенно любитъ все загадочное, мистическое, — а отъ нихъ оно перешло и къ главамъ семействъ и ихъ малымъ дѣтямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ они уже вмѣстѣ съ крестьянами вѣрили, что въ паровозахъ печистая сила есть, что по проволокамъ чортъ бѣгаетъ, что всякую болѣзнь заговорить можно, что лѣвой ногой нельзя сходить съ кровати и т. п. Отецъ Никита, какъ болѣе образованный и помнившій немного физку, иногда еще пробовалъ сомнѣваться въ томъ, напримѣръ, что въ паровозахъ сила нечистая скрывается, — «Тамъ паръ есть» объявлялъ онъ женѣ. — Паръ-то, паръ, отвѣчала та, а все таки и еще что то есть такое; вотъ наемни Антипка Сѣрый сказывалъ, что онъ видѣлъ разъ эту самую машину, и что она... и т. д. — Служасть, слушасть бывало отецъ Никита всѣ эти толки и рукою махнеть наконецъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что жильцы погоста приняли полный колоритъ мѣстности и только костюмомъ, должностью, да кое-какими природными замашками отличались отъ мѣстныхъ крестьянъ. Словомъ они сдѣлались тѣми добродушными и робкими существами, которыхъ мы привыкли представлять подъ именемъ «сельскихъ священниковъ.»

Всѣ обитатели погоста знали и понимали другъ друга какъ свои пять пальцевъ, потому что у всѣхъ ихъ жизнь шла открыто и гласно и на одно малѣйшее желаніе или фраза, ни одинъ домашній поегуность каждаго жильца не могъ укрыться отъ наблюдательнаго вниманія другихъ жильцовъ. Весь ходъ жизни каждаго индивидуума обступался всѣмъ погостомъ и имѣлъ надъ собою общій гласный контроль. Каждый зналъ до точности, сколько у его сосѣда бѣлья в посуду, что онъ ѣсть и пить, какинъ мыломъ моется, какіе сны видать. Затеряется ли у кого деревянная ложка, прорвется ли сапогъ, зану ли пересохнутъ хозяйка, всѣ эти новости ставовятся общимъ достояніемъ погоста и поднимаетъ продолжительные толки и ахавья. Этотъ обобщенный надзоръ простирается даже и на живот-

ныхъ, которымъ пришлось связать свои судьбы, съ судьбами холма; новости короля; лошадиныя; собачьи и кошечьи тоже подвергались общему обсужденію и смотря по качеству новости, принимались разныя мѣры. Всѣ сообща выработывали себѣ миръ и тишину и устраняли всѣ вѣшнія причины, могущія нарушить эту тишину. Самые характеры ихъ, съ теченіемъ времени, такъ освоились и приновились другъ къ другу, что если паримѣръ въ характерѣ одного были какія-нибудь угловатости и неровности,—то въ характерѣ другаго были непременно соответствующія имъ вогнутости и впадины, такъ что всѣ они другъ другу не мѣшали, были необходимы другъ другу и тосковали не на шутку если кому нибудь изъ нихъ приходилось отлучиться на нѣсколько дней въ городъ, или въ дальнее село. Впрочемъ, какъ я уже замѣтилъ, подобныя отлучки бывали очень рѣдко и вообще правильное теченіе жизни на погостѣ нарушалось очень рѣдко. Развѣ только пріѣдетъ на ревизію благочинный и не реполошитъ здѣшній людъ, или дьячки подерутся изъ за лопаты, или какая сплетня скандальная выйдетъ и проч.

Всѣ обитатели погоста знакомы и намъ отчасти. Во всѣхъ ихъ есть нѣчто родное, близкое намъ, гдѣ-то прежде видѣнное нами. И это очень естественно, потому что холмъ, помѣщавшій на себѣ погостъ, состоялъ изъ земли русской, и потому конечно сообщилъ своимъ обитателямъ тѣ же типичныя черты и свойства, какія мы можемъ встрѣтить по всему остальному пространству русской земли. Въ самомъ дѣлѣ; кто изъ насъ не знаетъ солиднаго и полнаго самодовольствія о. Никиту, или смиреннаго о. Василія, философа Захарыча и няницу-пономара? Кто не встрѣчалъ здѣшнюю профессорню, Степаниду Петровну, вѣчно слезливую и охающую, которая однако не прочь при случаѣ уязвить ближняго и насмѣливаться на него? Все это—наши кровные...

Отецъ Никита, какъ старшій священникъ, смотреть на другихъ обитателей холма свысока; онъ аристократъ погоста и потому считаетъ себя вправѣ читать всѣмъ замѣчанья. Съ нимъ живетъ его жена; Дарья Никитична, дочка лѣтъ четырнадцать и сиротка. Та-ня, дѣвушка на возрастѣ. О. Никита привередливъ въ семействѣ, вѣчно ворчатъ, вѣчно чѣмъ-то недоволенъ и особенно злится на то, что жена въ грошъ его не ставитъ и наводитъ все дѣлать какъ бы на зло ему. Часто между ними бываютъ крупныя ссоры, послѣ которыхъ жена на нѣсколько времени смиряется и дѣло кончается

домнымъ примиреньемъ. Эти ссоры однако не возмущаютъ жильцовъ погоста, потому что всё тѣмъ имъ привыкло и смотрѣли какъ на дѣло обыкновенное. О. Никита не отпѣтый самодуръ, не изъ злости ссорится онъ съ семьей, а просто изъ за принципа «жена даботся своего мужа», который онъ двадцать лѣтъ силится водворить въ своемъ домѣ. Въ сущности дѣла онъ любитъ семью и часто, устроивъ какой нибудь скандалъ, или выгнавъ всѣхъ изъ дому, онъ потомъ неутѣшно плачетъ, что всё его бросили, что никто его не любитъ, а только боятся, и т. п.

При такомъ впрочемъ характерѣ о. Никиты очень легко могли бы случаться частыя столкновенія между нимъ и вторымъ священникомъ, отцомъ Василиемъ, но эти столкновенія хотя и бывали, но очень рѣдко, потому что о. Василий отличался полною безотвѣтностью. Василий Петровичъ Трепетовъ, отецъ нашего героя, былъ миролюбивѣйшее и смиреннѣйшее существо, которымъ легко управлять могъ всякій; кому вздумается. Это смиреніе и безотвѣтность были въ немъ, впрочемъ, не природныя, а благопріобрѣтенныя, вынесенныя изъ житейскаго опыта. По природѣ онъ былъ человѣкъ очень не глупый, но житейская практика еще въ бурсѣ начала заѣдать его, и постепенно приучила къ полному безгласію передъ старшими. Рано постигъ сей старецъ великій смыслъ народной пословицы: «береженого и Богъ бережетъ», рано испыталъ на самомъ себѣ великое значеніе въ нашемъ быту всякаго поклона и смиренія, и эти качества, какъ очень выгодныя, онъ искусственно привилъ къ себѣ смолоду. Поклонами прошелъ онъ незамѣтно черезъ бурсу и дошелъ до философіи, откуда его исключили за малоуспѣшность; поклонами добился должности посошника, при иѣстномъ архіереѣ; потомъ сдѣлался дьякономъ на какомъ-то бѣднѣйшемъ погостѣ; и наконецъ переведенъ сюда вторымъ священникомъ. Теперь ужъ его карьера кончена: онъ достигъ апогея своего положенія въ свѣтѣ, дальше которой ему идти уже некуда. Казалось бы, что теперь и кланяться больше не къ чему, и можно было бы самодовольно наслаждаться плодами своего смиренія; а нѣтъ: онъ до сихъ поръ по привычкѣ кланяется и уступаетъ всякому, кто старше его чиномъ или лѣтами; и теряется отъ страха при видѣ благочиннаго, хотя не чувствуетъ за собой никакой провинности. Иногда, очень рѣдко, у него прорвется нечаянно, какое нибудь, по его мнѣнію, смѣлое слово, но потомъ самому страшно сдѣлается за свое смѣ-

лость и онъ спѣшитъ поправить дѣло неудачною лестью, или искусственнымъ, робкимъ смѣхомъ; иногда, присутствуя при разговорѣ и спорѣ старшихъ, онъ ясно понимаетъ въ чемъ дѣло и какъ разрѣшить его, но сказать безъ спросу боится, что бы не обидѣть кого. Отъ продолжительной дѣятельности въ этомъ направленіи, организмъ Василія Петровича скоро отвыкъ отъ всякой самостоятельности. Механически переживаетъ онъ день за днемъ за обыденными механическими занятіями, и, отъ долгаго житья на одномъ мѣстѣ и въ однихъ формахъ, въ немъ постепенно угасли самыя потребности лучшей жизни и обстановки. Правда, изрѣдка заговаривалъ онъ съ женою о томъ, что хорошо было бы, если бы на примѣръ прибавили жалованья «хоть малость самую», или если бы въ городъ, папримѣръ, къ знаменью перевели: «тамъ доходы-то не такіе», но Василій Петровичъ, выражая подобные идеалы счастья, самъ сознавалъ, что это только одни пустые разговоры, и что этому никогда не бывать; скажетъ онъ, бывало такую штуку, да самъ и вѣвнеть первый. Если бы даже его насильно пересадить теперь въ другую, лучшую обстановку, онъ скоро соскучился бы о своемъ погостѣ, подобно тому, какъ выросшая въ клеткѣ птица, полетавъ по вольному воздуху, снова вернется опять въ свою клетку. Впрочемъ это послѣднее свойство, то есть привязанность къ наситенному мѣсту, можно отнести ко всемъ безъ исключенія жителямъ погоста, даже къ четвероногимъ и другимъ животнымъ, проживающимъ здѣсь. Еще недавно отецъ Никита, въ видѣ наказанія, завезъ свою домашнюю кошку за пѣсколью верстъ отъ погоста, но та черезъ нѣскольکو дней опять-таки явилась сюда, и потомъ уже никакія силы не могли заставить ее покинуть этотъ благодатный уголокъ.

И живутъ всѣ эти отшельники мирно и тихо, безъ всякаго вреда себѣ и другимъ; и проживутъ они еще долго и никакой памяти, никакаго слѣда не останется отъ нихъ и послѣ смерти; развѣ выростетъ изъ нихъ потомъ лопухъ какой-нибудь, который съ аппетитомъ сожретъ корова, еще не родившаяся теперь. Конечно они тоже наслаждаются жизнью, но такъ же, какъ наслаждается ею пономарскій баранъ, или какъ паразитъ, поѣдающій жирную шею того же барана.

Но объ этихъ наслажденіяхъ читатель узнаетъ ниже.

Понятно съ какииъ нетерпѣннѣемъ ждали на подгостѣ такихъ го-

стей, какъ нашъ Трепетовъ и Маевскій. На нихъ здѣсь смотрѣли, какъ на своихъ, какъ на продукты того же, милаго имъ холма Емельяновскаго; смотрѣли даже съ нѣкоторою патриотическою гордостью, какъ на людей непосрамившихъ честь погоста и заработавшихъ аттестаты съ правами на іерейскій санъ, — а это не шутка. Всѣ смутно чувствовали, что, съ прїѣздомъ гостей, обычный ходъ жизни долженъ нѣсколько взмѣниться; предвидѣлись свадьбы, разныя пиршества и проч.

Ждали ихъ съ часу на часъ. Матушка Трепетова была въ особенной ажитациі и при каждомъ трескѣ подъѣзжавшей телѣги у ней захватывалось дыханье. Василій Петровичъ подсмѣивался надъ ней, а самъ все-таки глядѣлъ на всѣхъ царемъ праздника, точно уѣздный чиновникъ, который вычиталъ изъ газетъ о своемъ производствѣ и, въ ожиданіи патента, чувствуетъ уже въ себѣ задатки будущей радости и свысока глядѣть на товарищей. Всѣ прачтъ смотрятъ на отца Василя съ какою-то завистью, точно онъ награду большую получить долженъ.

— Сыночка поджидаете? говорить ему подобострастно дьячокъ послѣ обѣдни.

— Вотъ жду, на дняхъ долженъ прибыть, — отвѣчаетъ съ наружнымъ спокойствіемъ отецъ Василій, а у самого радостно замираетъ сердце.

— Ну, дай Богъ ему... Вотъ и пономаръ тоже сына да племянника ждетъ...

Наконецъ мальчишки съ испуганнымъ видомъ, вбѣжали однажды на погостъ и впопыхахъ объявили, что около Мокраго лѣса телѣга видна, и что рядомъ съ телѣгой идутъ какіе-то господа.

— Это они, рѣшила матушка, и опроретью выбѣжала на улицу.

— Чего-жъ ты, мать... заговорилъ было вслѣдъ ей отецъ Василій, но и самъ не выдержалъ: взобрался на колокольню и оттуда подтвердилъ, что это дѣйствительно они.

Не безъ тревоги вступили наши юноши на родную землю. Трепетовъ улыбался полной счастья улыбкой; хотѣлъ было онъ, по бурсацкому обычаю, сдавить свои ощущенія, но не смогъ и упалъ въ объятія зарывавшей матери. Она такъ и повисла на немъ, страстно прижалась къ сыну любимцу, котораго не видала столько лѣтъ, и сладко было ей плакать...

На другомъ концѣ погоста происходила другая сцена: тамъ по-

юмарь встрѣчалъ сына Боголюбова и племянника Маевского. Изъ дверей и оконъ домовъ выставились всѣ старыя и малыя обитатели ихъ и съ любопытствомъ созерцали такое, давно невиданное зрѣлище; на всѣхъ фюзіономіяхъ выразилось нѣчто необычайное, бессмысленно-сладкое; даже сама степенная Степанида Петровна, и та впопыхахъ совсѣмъ позабыла, что стоитъ безъ чепца, съ плѣшивой головою.

— Ну, что-жь ты?—тормошилъ отецъ Василій жену, —веди сына въ горницу. Чай онъ съ дороги-то голодень: поѣсть бы надо.

— Не говори ты мнѣ, отецъ; дай наглядѣться на моего ненагляднаго!.. завопила мать и снова припала къ груди сыновней. Наконецъ она очнулась.

— И впрямь, что же я такое? Можетъ ты и взаправду ѣсть хочешь?

— Пойдемъ въ горницу, матушка, тутъ народъ посторонній, — произнесъ взволнованный Трепетовъ,

— Какой это народъ, Богъ съ тобой? Это все наши, емельяновскіе.

Вошли въ горницу. Отецъ чинно благословилъ сына, поздоровался еще разъ, потомъ спросилъ про отца ректора и инспектора. Нѣсколько минутъ, по обыкновенію, прошло въ замѣшательствѣ, потому что слишкомъ много накопилось у нихъ разговоры и все это хотѣлось высказать вдругъ... А потомъ безъ перерыву потекли торопливые рассказы о всемъ, что пережито и перечувствовано за это время. Больше и шибче всѣхъ говорила сама матушка, Катерина Ивановна, впопыхахъ сообщая сыну, какъ она упала однажды съ телѣги, какъ у нихъ корова околѣла, и т. п. Прижавшись къ стѣнѣ, въ углу скромно стояли двѣ дѣвочки, сестры Трепетова, и робко разсматривали брата...

Долго говоръ не умолкалъ. А между тѣмъ, во все это время, мимо открытыхъ оконъ трепетовскаго дома шныряли дьячки и дьячихи, стараясь хоть однимъ глазомъ заглянуть на чужое счастье. На погостѣ подобныя минуты переживались рѣдко...

И. А. Благовѣщеніѣ.

(Продолженіе будетъ).

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ.

I.

Извѣстно, что предметы, разсматриваемые слишкомъ издалека, представляются не въ настоящемъ ихъ видѣ, а гораздо красивѣе. Тоже самое и съ историческими событіями. Самыя обыкновенныя добродѣтели древняго Рима кажутся теперь чѣмъ-то поразительно-величественнымъ и совершенно не подъ силу нынѣшнимъ людямъ; а пороки и злодѣйства гораздо менѣе ужасными, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Эта ошибка, какъ и большая часть человѣческихъ ошибокъ, заключается исключительно въ той стадности, по которой люди охотно идутъ по пробитой разъ кѣмъ нибудь дорожкѣ и считаютъ однимъ изъ величайшихъ удобствъ жизни не затруднять себя размышленіемъ, если есть возможность жить не думая.

По отношенію къ римскому величію, служащему для многихъ идеаломъ государственной мудрости и до сихъ поръ, удобство такого путешествія по готовой дорожкѣ создало римское право и тѣхъ ученыхъ, которые бѣжали въ Италію послѣ завоеванія Константинополя турками.

Въ мрачныя времена среднихъ вѣковъ жить было конечно скверно и гораздо хуже, чѣмъ во времена римской республики; поэтому очень естественно, что когда убѣжавшіе ученые стали знакомить итальянскую молодежь съ древнимъ римскимъ бытомъ и съ добродѣтелями грековъ и римлянъ блестящаго періода ихъ жизни, то споспѣшныя ученики, отличавшіеся, какъ и всѣ южные жители, богатствомъ запасомъ воображенія и горячей кровью, не только представили себѣ прошедшее болѣе красивымъ, чѣмъ оно было, но, проникнувшись римскимъ патриотизмомъ, предприняли кое-что противъ тѣхъ,

зѣмь они были недовольны, и охотно превращались въ бротовъ и жасіевъ. Не нашлось только Лукрецій.

Но не одна молодежь обращала свои взоры назадъ и искала въ немъ поученія. Мужи посѣдѣлые и, слѣдовательно, хладнокровные точно также увлекались римской мудростью и старались всеми силами жить римскимъ умомъ. Безъ римскаго языка и римской науки не было спасенія, потому что еще не доставало силъ выдумать свое собственное.

Все это очень просто и понятно: если чужой умъ лучше и чужое знаніе полезнѣе, то выгоднѣе жить чужой мудростью, чѣмъ своей глупостью. Европа въ этомъ отношеніи поступала вполне разсудительно, потому что какъ бы ни было дурно многое римское, оно было все-таки лучше средневѣковой грубости, средневѣкового невѣжества и кулачнаго права. Потому и Карлъ Великій поступалъ, пожалуй, умно, взявъ себѣ образцомъ Римскую имперію, ибо если бы вздумали сбичпать что нибудь свое, то надѣлали бы большей кутерьмы; чужой умъ сблегчилъ Карлу умственный трудъ и спасъ Европу отъ худшаго.

Такимъ образомъ средніе вѣка поступали вполне благоразумно. Но вотъ, благодаря привычкѣ въ мысли и римской, и греческой наукѣ, Европа стала наконецъ думать своимъ умомъ, и создала науку совершенно незнакомую древнему міру. Очевидно, что нужно было разстаться съ древнимъ міромъ на вѣки, и вмѣсто того, чтобы оборачиваться назадъ, надо было смотрѣть впередъ и искать поученій и уроковъ въ своемъ собственномъ опытѣ.

На дѣлѣ вышло однако иначе: римское право, римское величіе, идея римскаго всемірнаго государства закрались такъ глубоко въ понятія образованныхъ людей и заняли въ ихъ головахъ такъ много мѣста, что новыя мысли съ великимъ трудомъ проникали въ этотъ мракъ не альнсіи старины, гдѣ для нихъ или вовсе не оказывалось помѣщенія, или очень тѣсное. Даже такіе люди, какъ Наполеонъ I, въ умѣ которыхъ никто не сомнѣвается, были однако такъ имъ небогаты, что вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ духъ своего времени, отправлялись за справками въ римскую исторію и тревожили даромъ тѣни почтенныхъ людей древности, которые хотя и были умны для своего времени, но конечно не на столько были проникательны, чтобы запастись мудростью, годною для насъ.

Если бы Наполеонъ не вздумалъ совѣтоваться съ Юліемъ Цеза-

решъ, то разумѣется, Европа не испытала бы и половины тѣхъ бѣдствій, которыя достались на ея долю, благодаря находчивости Наполеона. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ былъ отличный полководецъ, но онъ никогда не былъ государственнымъ человекомъ. Только поэтому онъ и не умѣлъ понять ни своего времени и роли, какую ему слѣдовало бы играть, ни Юлія Цезаря и его времени. При большей провидительности, Наполеонъ увидѣлъ бы ясно, что между послѣдними временами римской республики и республикой французской не было ничего общаго; первый народъ склонился къ упадку, второй воднялся, чтобы идти въ гору; но Наполеонъ принялъ восходъ за закатъ, задумавъ разыграть роль Юлія Цезаря и свалился. Этого бы, разумѣется, не случилось, если бы Наполеонъ былъ въ состояніи понять, что даже Цезарь, превосходящій его талантами, былъ плохой историческій дѣятель и игралъ не ту роль, какую ему слѣдовало. Но Наполеонъ увлекся честолюбіемъ военнаго генерала, предъ матеріальной силой котораго должно все склониться: онъ домыль все, какъ стѣнбобитная машина, и наконецъ сломился самъ. Такимъ образомъ единственное сходство Наполеона съ Юліемъ Цезаремъ заключается въ томъ, что оба они не попали потребностей своего времени и за это заплатились довольно дорого.

Къ сожалѣнію, исторія не давала до сихъ поръ уроковъ практической мудрости даже людямъ сильнаго ума; поэтому нечего удивляться, что люди обыкновенные читають въ ней совсѣмъ не то, что надо читать, и не понимаютъ смысла прочитаннаго. Не слѣдуетъ удивляться также и тому, что, послѣ урока даннаго дядѣ, племянникъ занимается сочиненіемъ исторіи Юлія Цезаря и, вѣроятно, дастъ его историческому значенію такое невѣрное толкованіе, которое еще на сто лѣтъ будетъ сбывать съ толку людей, неспособныхъ жить собственнымъ умомъ. Все это было бы неважно, если бы за ошибку платился только тотъ, кто ошибается; но за ошибки историческихъ дѣятелей расплачиваются обыкновенно люди невинные; роль Юлія Цезаря, разыгранная Наполеономъ, стоила Европѣ 8,000,000 жизней, не считая разореній и тѣхъ политическихъ бѣдствій, которыя были слѣдствіемъ этой дурной игры дурного актера.

Ничего бы этого не было, если бы настоящее не искало наставленій въ томъ давно отжившемъ, которое было худо даже въ свое время, и ужъ никакъ поэтому не можетъ быть полезнымъ при обстоятельствахъ совершенно иного рода.

Иначе, однако, думают люди, изучающие жизнь не в самой жизни, а в римском правѣ и в теоріяхъ средневѣковой Европы, и потому считающие себя очень мудрыми. Имъ нѣтъ ровно никакого дѣла до того, какъ думаютъ и къ чему стремятся люди; всѣ вопросы новой жизни они считаютъ вздоромъ, потому что объ нихъ не говорится ни слова въ пандектахъ Юстиніана и не было ничего извѣстно при Карлѣ Великомъ. Эти казуистическія засушенки приносили во всѣ времена величайшее бѣдствіе Европѣ; изъ нихъ выходили люди, способные на всякую жестокость, на всякую несправедливость и обладавшие при этомъ великимъ искусствомъ замаскировывать ложь, клевету и насиліе разными красивыми юридическими софизмами. Впрочемъ; они не всегда принимали на себя благовидную наружность, случалось, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ или въ забывчивости они высказывали изъ своей овечьей кожи, хотя въ сущности маскаррадъ этотъ былъ совершенно излишенъ. Ненужно также думать, чтобы юридическія засушенки знали всегда юридическую науку; многія изъ нихъ не знали ровно ничего, и весь талантъ ихъ заключался въ способности смотрѣть назадъ, а не впередъ. Люди такой счастливой организациі могутъ въ теченіи десяти лѣтъ пережѣвить сорокъ разъ свои убѣжденія, какъ они мѣняются бѣлье, напр., Фуше, Талейранъ; или же, не владея змѣиной мудростью, они разыгрываютъ простую роль топоровъ и рубятъ съ одинаковымъ усердіемъ все, что заставляеть ихъ рубить руна, ими управляющая; руна можетъ пережѣвиться, ихъ могутъ заставить рубить свое собственное мясо—и усердіе ихъ отъ того не уменьшится. Такими покорными орудіями были члены революціоннаго трибунала во время терроризма. Объ нихъ Шлоссеръ — человекъ ужъ конечно не революціонный и судья вполне непристрастный—говоритъ слѣдующее: «надобно сказать, что всѣ ужасы революціи были произведены людьми стараго образованія, а не народомъ и не людьми новаго времени; народъ всегда служилъ только молоткомъ и мечемъ. Слуги стараго порядка имѣли давнишнюю привычку быть орудіями всякихъ несправедливостей и облекать всякое дѣло въ приличные фразы.» Можно бы привести много фактовъ подобнаго рода, чтобы показать на сколько люди сознательно или безсознательно—по тупости, трусости, или по денежнымъ причинамъ, изъ боязни встать безъ хлѣба, или прямо подкупленные—служили такому дѣлу, которому при лучшемъ образованіи и при большомъ умѣ они служить бы не стали. Но ста-

рина еще сильна и древній Римъ своимъ государственнымъ величіемъ и правомъ сбиваетъ съ толку большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей; а глядя на нихъ, сбивается съ толку и та молодежь, которая черпаетъ свою мудрость изъ старыхъ источниковъ. Изъ этой-то молодежи, посредственныхъ способностей, образуется обыкновенно та цивилизованная чернь, которая, смотря по обстоятельствамъ, то разыгрываетъ разные либеральные фарсы и комедіи, то съ неменьшимъ усердіемъ исполняетъ роль молотковъ.

Плѣнительность древне-римскаго величія представлялась во всѣ времена въ римской идеѣ государства и въ томъ значеніи, которое имѣло *право*. Все это было бы дѣйствительно достойно удивленія, если бы идея государства и *право*, какъ ихъ понимали въ древности, дали бы Риму дѣйствительную государственную прочность; но этого-то именно и не было. Изъ 800 или 900 лѣтъ жизни Рима только 100 лѣтъ представляютъ блескъ и силу. Первые 250 л. (періодъ царей) онъ росъ и устроивался, затѣмъ 100 лѣтъ щеголялъ своими республиканскими добродѣтелями, и потомъ пошелъ постепенно въ упадку. Ужъ этого расчета совершенно достаточно, чтобы видѣть, что основа была невѣрна, потому что иначе—выросло бы прочное и долговѣчное благосостояніе и сила.

Въ основѣ римскаго государственнаго быта лежало военное, завоевательное начало, что и не могло быть иначе, потому что у людей того времени бродила еще сырая, черноземная сила. Нужно было выбирать одно изъ двухъ: или бить, или быть битымъ. Римляне рассчитали, что бить лучше, и организовали весь свой внутренній порядокъ именно въ этомъ направленіи.

Сенатъ, въ которомъ, въ цвѣтущую пору, засѣдали дѣйствительно люди способные, который представлялъ замѣчательное собраніе талантовъ и нравственныхъ силъ, умѣлъ всегда ловко пользоваться народомъ для своихъ государственныхъ цѣлей. Даже религія служила ему исключительно, какъ политическое орудіе. Жрецы Рима не были духовенствомъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается нынче. Они были просто государственные люди или чиновники, пользовавшіеся народными предразсудками и суевѣріемъ для политическихъ цѣлей. Все богослуженіе было чисто-свѣтскимъ дѣломъ, даже авгуры или высшіе жрецы-предсказатели были не больше, какъ сановники, истолковывавшіе волю боговъ чисто въ правительственныхъ интересахъ.

Такъ какъ высокое могущество было главной цѣлью всѣхъ стрем-

лений римской правительственной аристократіи, потому что только война давала богатство и господство надъ сосѣдями, то принимались всѣ мѣры, чтобы въ народѣ и въ молодежи развивать и поддерживать военный духъ и плѣнять ихъ воображеніе героическими подвигами болѣе отважныхъ людей. Для этого благородные патриоты не гнушались выдумками и разукрашиваніемъ, и преувеличиваніемъ фактовъ, лишь бы только достигалась цѣль и распалалось воображеніе юношей. Для этого же служило имъ и римское право съ его беспощадностью и неумолимостью, точно будто бы оно—законъ природы, а не выдумка самихъ римлянъ. Строгость, послушаніе, дисциплина, неуклонное исполненіе долга и обязательствъ, вотъ тѣ особенности юридическаго воспитанія римлянъ, которыя выразились въ страшной общей неумолимости и суровости отношеній домашнихъ, частныхъ, общественныхъ, и государственныхъ.

Изъ этихъ двухъ основъ римскаго воспитанія явились факты того грубаго и хладнокровнаго убійства и самоубійства, которымъ любители воинственныхъ упражненій придають слишкомъ преувеличенное значеніе, выставляя ихъ, какъ подвиги высокаго самопожертвованія и мужества. Приведу нѣсколько фактовъ. Въ первыя времена республики составился заговоръ въ пользу стараго порядка. Въ числѣ заговорщиковъ были и два сына консула Юнія Брута, которыхъ отецъ приговорилъ къ смерти, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, и велѣлъ при себѣ привести приговоръ въ исполненіе, и смотрѣлъ совершенно хладнокрово на убійство своихъ дѣтей. Этотъ фактъ служилъ для всего римскаго юношества поучительнымъ примѣромъ подчиненія долгу. — Урокъ впрочемъ не пропалъ и для послѣдующихъ поколѣній, когда Римъ уже не существовалъ. Такъ венеціанскій дожъ Фоскари выказалъ подобное же пониманіе своихъ гражданскихъ обязанностей. Когда его сынъ, по ложному доносу измученный до полусмерти нѣсколькими страшными пытками и приговоренный къ ссылкѣ, просилъ отца добыть ему разрѣшеніе провести свои послѣднія минуты жизни дома, то отецъ отвѣтилъ ему: «ступай и повинуйся безъ ропота повелѣнію отечества». Фраза конечно громкая, если не затруднять себя вопросами: точно ли звѣрство и произволъ Совѣта Десяти было то отечество, для котораго нужно жертвовать собой. Римляне, подобные Юнію Бруту и Фоскари, являлись и въ новой исторіи, и только потому, что они не затрудняли себя размышленіемъ надъ тѣмъ, что такое государство.

Нельзя также вѣдѣть достаточный запасъ здраваго смысла и въ Маркъ Курціѣ. На форумѣ, въ Римѣ, образовалась отъ землетрясенія пропасть, и хитрые жрецы объявили, что она закроется, если римляне бросать въ нее самую дорогую для нихъ вещь. Но что же могло быть дороже патриотизма и мужества? И вотъ горячій юноша, Маркъ Курцій, облачившись во всѣ доспѣхи, на конѣ, прыгнувъ, при огромномъ стеченіи народа, въ пропасть, и она тотчасъ же закрылась. Фактъ придуманъ искусно; но юнецъ Курцій все таи не больше, какъ сумасбродъ, разыгравшій печальный фарсъ для большаго утвержденія суевѣрнаго народа въ его суевѣріи. И это плодъ того же римскаго величія. А вотъ и еще одинъ плодъ: Манцій Торкватъ запретилъ, подѣ смертной казнью, вступать, во время одной войны съ латинянами, въ единоборство. Сыпъ его, встрѣтаясь во время рекогносцировки съ однимъ непріятельскимъ военначальникомъ, не утерпѣлъ, принялъ его вызовъ и убилъ. Когда юноша прінесъ съ торжествомъ въ лагерь голову убитаго имъ врага, то отецъ приказалъ казнить юнаго героя.

Конечно, этими средствами римляне поддерживали дисциплину въ своемъ войскѣ и придавали ему необычайную силу; но вѣдь кромѣ мировоззрѣнія съ точки военной дисциплины, есть и другая, посправедливѣе и пошире—ее, то и не могло быть въ римскомъ, чисте военномъ государствѣ.

Впрочемъ для практическихъ римлянъ, которымъ матеріальная сила приносила все — богатство, власть, мировое значеніе, — становиться на эти широкія точки зрѣнія не было никакого повода; они шли своимъ военнымъ путемъ и пришли куда онъ велъ. Римъ создалъ удивительно дисциплинированныя легіоны. Свою военную доблесть римскіе легіоны показали особенно во времена Суллы, бывшимъ тоже однимъ изъ совѣтниковъ Наполеона. Сулла съумѣлъ сдѣлать себя кумиромъ солдатъ и ловко воспользовался ихъ талантами, чтобы перерѣзать всѣхъ тѣхъ, кто мѣшалъ ему, а такихъ мѣшающихъ людей оказалось ни больше, ни меньше, какъ 100,000 человекъ. Это конечно почище первой французской революціи. И для чего же пролилась вся эта кровь? Только для того, чтобы дать перевѣсъ аристократическимъ учрежденіямъ. —Послѣ Суллы вошло уже въ систему привязывать къ себѣ солдатъ дозволеніемъ имъ убійствъ и грабежей и доставать всѣхъ цѣлей военной силой. Такъ поступалъ Цезарь, Помпей, Антоній, Октавіанъ и друг. Про-

скрипции понравилась и гуртовое умерщвление цѣлыхъ сословій казалось благоразумной политической мѣрой. Мстя за смерть Цезаря, т. е. конечно по наружности, а въ сущности стремясь къ достиженію личной цѣли — его друзья, составившіе впоследствии второй триумvirатъ, распорядились такъ остроумно, что вся старшинная аристократія Рима, изображавшая собой цвѣтъ римской образованности, погибла подъ руками убійцъ. Погибли также и все богатые люди. Конечно посмѣ этого императору Августу не мудро было имѣть покорный сенатъ.

Несправедливо однако изобрѣтеніе подобныхъ рѣшительныхъ мѣръ приписывать Суллію, хотя конечно у него — человека рѣзавшаго людей систематически, хладнокровно, даже не оправдываясь ни политикою, ни государственной необходимостью, какъ это дѣлали слабохарактерные злодѣи, любившіе принимать на себя видъ невмѣстности — достало бы на столько ума и изобрѣтательности. Еще Тарквиній Гордый, не желая сказать прямо, что для успѣха одного его предпріятія нужно вырѣзать всехъ его главныхъ противниковъ, далъ понять это тѣмъ, что сбивалъ у себя въ саду высокія макавы головки. Онъ же поспраивалъ доносы, наушничества, имѣя тайный советъ. Такимъ образомъ эта система составляла очень древній видъ человѣческой изобрѣтательности и находила себѣ полное оправданіе въ римскомъ правѣ и въ римской идеѣ о государствѣ.

Въ римской идеѣ о государствѣ не заключалось вовсе понятія о благосостояніи каждаго отдѣльнаго римлянина; напротивъ того, каждое отдѣльное лицо приносилось въ жертву государствѣ. Все вопросы сводились къ одной видимой политикѣ, къ завоеваніямъ, расширеніямъ предѣловъ, къ господству надъ міромъ, къ приобретенію богатствъ путемъ военнаго насилія. Римъ высасывалъ соки изъ всехъ своихъ провинцій, плодами завоеваній пользовался, только знатныя семейства. Народъ же хлонялъ глазами, шумѣлъ по временамъ на улицахъ, да бѣгалъ смотрѣть на кровавыя представленія, которыми отводили его вниманіе отъ дѣла и покупали расположеніе. Не давать народу подачки изъ награбленнаго было нельзя, потому что въ его силѣ нуждались для достиженія личныхъ цѣлей; да онъ наконецъ и не согласился бы смотрѣть равнодушно на то, что все богатства проходятъ мимо его рта только въ руки нѣкоторыхъ.

Какъ дорого обходилось провинціямъ и покореннымъ народамъ

это успокоиваніе римской черни, можно видѣть изъ того, что напр. Юлій Цезарь, устроивая народамъ игры, задолжалъ богѣ тридцати милліоновъ руб. Эти деньги слѣдовало, разумѣется, возвратить, и они брались въ видѣ военной контрибуціи и другихъ насильственныхъ поборовъ съ провинцій. Главнокомандующіе наживались иногда несмѣтно даже отъ одного похода; и всѣ баснословныя богатства Суллы, Лукулла, Красса, Лусція и имъ подобныхъ создались путемъ военныхъ грабежей или обираниемъ провинцій во время наѣстничествъ. Чиновничье воровство было системой и отличалось крайней беззастѣнчивостью, и провинціи служили оброчными статьями не только для намѣстниковъ и ихъ подчиненныхъ, но и доставляли поживу знатнымъ гражданамъ, жившимъ въ Римѣ. Многие изъ нихъ, кромѣ участія въ откупахъ, разъѣзжали подъ предлогомъ государственныхъ надобностей собственно для того, чтобы вымогать дорогіе подарки.

Даже прославленный римскій патриотизмъ потерялъ много изъ своего блеска, когда правители познакомились короче съ выгодами, представляемыми золотомъ. Сципіона Африканскаго потребовали къ суду за то, что онъ, будто бы, взялъ съ Антиоха III деньги за заключеніе выгоднаго мира. Сципіона Азіатскаго обвинили въ томъ же и взыскали съ него значительный денежный штрафъ. Если бы все это было чистой клеветой, то уже самая возможность подобной клеветы, противъ первыхъ людей въ государствѣ, показывала, что она не далека отъ правды. Югурта, хорошо знавшій Римъ, сказалъ: «Римская республика продается за деньги, и пужно только, чтобы у кого нибудь ихъ нашлось достаточное количество, чтобы купить ее». Югурта въ этомъ случаѣ конечно авторитетъ, потому что онъ подкупилъ на своемъ вѣку не одного знатнаго римлянина.

Но что же дѣлалъ во всемъ этомъ народъ или, правильнѣе, римскіе граждане? Они были всегда послушнымъ орудіемъ того, кто умѣлъ съ ними обращаться. Даже республиканское воспитаніе народа служило во время борьбы партій — а когда же ихъ не было? — только для того, чтобы одолѣть противника. На клевету не скупилась и выборы средствъ не затруднялись. Когда богатый всадникъ, Спуриій Мелій, желая помочь народу во время голода, раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ бесплатно или по низкой цѣнѣ, то аристократы, испугавшись, что онъ приобрететъ большое вліяніе, распустили слухъ, будто онъ стре-

митя къ царской власти, и потребовали его въ суду. Въ томъ же обвинили и спасителя капитоліа, Мація Капитолина, истратившаго почти все свое состояніе, чтобы помочь народу задолжавшему послѣ галльской войны. Богатые и знатные испугались его вліянія на народъ, и начали распускать противъ него слухъ, что онъ имѣетъ цѣлительскіе замыслы. Наконецъ патриціямъ удалось посадить его въ тюрьму; выпущенный народомъ, онъ не спасся однако отъ преслѣдованія знати и былъ низвергнутъ съ Торпейской скалы. Даже Тиберій Грахъ не избѣгнулъ подобной клеветы. Когда, желая объяснить народу, что его (Граха) жизнь грозитъ опасность, Тиберій показал на свою голову, то аристократы перетолковали это тѣмъ, что онъ требуетъ у народа царской короны.

Такимъ образомъ искусные люди играли народомъ, какъ хотѣли, и пока въ Римѣ были еще истые республиканцы, съ ихъ суровыми, но великими добродѣтелями — и народъ годился для великихъ дѣлъ; но когда пора нравственнаго мужества начала проходить, военный грабежъ и несмѣтные богатства измѣнили прежнихъ суровыхъ римлянъ въ утонченныхъ аристократовъ, занимавшихся исключительно мотовствомъ и политическими интригами, то они развратили и народъ. Государство, государственная польза сдѣлались пустыми словами; никто не понималъ, что и кто государство. Аристократы думали, что государство составляютъ они, и что государственный интересъ есть ихъ личный интересъ. Народъ же, не желая знать политической философіи своихъ господъ и не обременяя себя размышленіями, къ которымъ, правда, его никогда и не приучали, считалъ себя вполнѣ счастливымъ, если его потѣшали зрѣлищами. Когда республиканцы, убивъ Цезаря, обратились къ народу, призывая его къ свободѣ, то народъ слушалъ съ недоумѣніемъ, не понимая ничего, точно будто съ нимъ говорили по персидски. Въ немъ не было уже ни какого гражданскаго смысла и большинство осталось недовольно заговорщиками, но вовсе не за убійство, а просто потому, что это убійство разрушило мечты народа, надѣявшагося, что Цезарь доставитъ ему много зрѣлищъ и удовольствій.

Все это было необходимымъ слѣдствіемъ основного политическаго принципа. Римское государство составляло союзъ людей, создавшихъ себѣ цѣлью высшій завоеванія, военное могущество и пріобрѣтеніе средствъ существованія на счетъ покоренныхъ народовъ. Въ строгомъ смыслѣ это было отлично организованное разбойничье

учрежденіе, въ которомъ все клонилось къ тому, чтобы воевать и побѣждать. Странно было бы считать Тиберія, Калигулу, Нерона, Геліогабала людьми въ здоровомъ разсудкѣ. Калигула приводилъ свою любимую лошадь къ себѣ въ столовую и кормилъ ее золоченымъ овсомъ; оттого конечно у нея разстроивался только желудокъ. Задумавъ приобрести военную славу, онъ выступалъ въ походъ, и впереди его мели и позывали дороги, чтобы императоръ не запылится. Отправившись противъ бриттовъ, онъ выстроилъ свои легіоны на берегу канала и приказалъ имъ собирать выброшенные водой раковины, какъ дань побѣжденнаго океана. Не увидѣвъ ни одного непріятеля, Калигула воротился въ Римъ и устроилъ себѣ триумфъ, въ которомъ огромнаго роста галлы, переодѣтые въ германцевъ, изображали побѣжденных враговъ. — Пожъшательство нерона было основано на томъ, что онъ — великій поэтъ, музыкантъ и возница. Когда намѣстникъ Галліи, возмущенный тиранствомъ Нерона, поднялъ противъ него галловъ, то Неронъ огорчился совсѣмъ не возмущеніемъ, а тѣмъ, что намѣстникъ назвалъ его въ своихъ прокламаціяхъ плохимъ музыкантомъ; въ послѣднія же минуты жизни, когда свергнутый съ престола, онъ велѣлъ заколѣть себя своему отпущеннику, Неронъ повторилъ нѣсколько разъ: «бакого художника терять во мнѣ міръ!» Этотъ художникъ, между прочимъ, сжегъ Римъ, горѣвшій шесть дней и семь ночей, и, лебучась на пожаръ съ крыши одного высокаго зданія, декламировалъ стихи о разрушеніи Трои. Геліогабалъ ввелъ служеніе Ваалу и Молоху и приносилъ человѣческія жертвы; онъ каждый день надѣвалъ новое платье, посыпалъ свои комнаты золотымъ и серебрянымъ порошкомъ, назначилъ свою лошадь консуломъ, кучеровъ опредѣлялъ на самыя важныя должности; чтобы возбудить удивленіе къ величію Рима, онъ велѣлъ собрать по всему городу пауину, которой оказалось дѣйствительно очень много и т. п. Все это факты полнаго, несомнѣннаго помѣшательства, доказывающіе между прочимъ и то, что весь Римъ былъ похожъ на домъ сумасшедшихъ, если могъ быть управляемъ такими безумцами. Кто же изображалъ тутъ государство и чьи интересы составляли интересы государства? —

Римскому праву нероны и геліогабалы нанесли тоже порядочный аеронтъ. У Римлянъ между плебеизмомъ и патрицизмомъ шла постоянная борьба за уравниваніе правъ, пока при Неронѣ равенство это не дошло до того, что онъ заставлялъ самыхъ почтенныхъ представителей древнихъ аристократическихъ семей и первыхъ саповниковъ

государства паясничать на сценѣ наравнѣ съ комедіантами и гладіаторами, что по римскимъ понятіямъ было самымъ унижительнымъ дѣломъ и занятіемъ рабовъ. Болѣе этого сравнять римлянъ было уже нельзя.

Конечно, въ жизни Рима были и весьма свѣтлыя минуты, встрѣчались черты высокаго гражданскаго мужества, но этихъ свѣтлыхъ точекъ слишкомъ мало.

Въ исторіи цивилизаціи Европы, Римъ представляетъ первый опытъ государственнаго устройства на одностороннемъ началѣ военнаго могущества. — Опытъ неудавшійся и кончившійся паденіемъ государства и его учреждений. Неудовлетворительность этой односторонности чувствовалось уже во времена существованія Рима, и протестомъ противъ рабства и личной подавленности человѣка, ради отвлеченнаго понятія о государствѣ—явилось христіанство, съ котораго и начинается второй моментъ въ исторической судьбѣ Европы.

II.

Обыкновенно употребляемое историками выраженіе — «Римъ палъ» имѣетъ то неудобство, что возбуждаетъ мысль о какой-то внезапности, о рѣзкомъ переходѣ отъ Рима къ чему-то другому. Въ дѣйствительности это было иначе.

Римскія учрежденія, право и вообще цивилизація проникали не только во всѣ римскія провинціи, но даже и къ варварамъ; съ появленіемъ христіанства оно точно также стало проникать повсюду, Когда Римъ пересталъ быть правительственнымъ центромъ, явились и перемѣны въ политическихъ границахъ: — вмѣсто одного государства образовалось нѣсколько. Но въ каждомъ такомъ отдѣльномъ государствѣ утвердились еще гораздо ранѣе римскія и христіанскія начала, и изъ смѣшенія ихъ образовалось то, что зовется исторіей среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ Римъ въ своей идеѣ не палъ; онъ или постепенно растворился въ началахъ новой жизни, провозглашенныхъ христіанствомъ, или сталъ съ ними рядомъ и создалъ тотъ дуализмъ, который дѣйствовалъ во всей силѣ въ средніе вѣка и окончательная борьба съ которымъ составляетъ задачу новѣйшаго времени. Римскія идеи легли въ основу свѣтской власти, а католическая

церковь явилась представительницей христіанства. Отъ этого средневѣковое государство не представляло единства древняго міра—оно было духовно-свѣтскимъ, съ двумя головами: папой и императоромъ. Эта двойственность проходила повсюду, въ учрежденіяхъ и во всемъ общественномъ бытѣ. «Мое царство не отъ міра сего» сказалъ Христосъ, и потому католическая церковь отдѣлила избранныхъ отъ дѣтей сего міра. Первыми были духовные, вторыми—міряне. Въ гражданскихъ отношеніяхъ явилось подобное же подраздѣленіе—дворяне и народъ. Право управленія принадлежало только избраннымъ т. е. духовенству и дворянству; первые завѣдывали церковными дѣлами, вторые — свѣтскими. Папа былъ прямымъ намѣстникомъ апостола Петра, который вручилъ ему ключи церкви; даже свѣтская власть требовала духовнаго освѣщенія. Какъ епископы заимствовали свою власть отъ папы, такъ дворянство отъ государей. Церковь взяла на себя заботы о душевномъ спасеніи вѣрующихъ, а государство, какъ представитель свѣтскихъ интересовъ,—поддержаніе общаго мира, спокойствія и гражданскихъ правъ. Такова была теорія, положенная въ основаніе государственныхъ учрежденій среднихъ вѣковъ.

Практика однако не соотвѣтствовала этой теоріи, и въ дѣйствительности, вмѣсто мира, явилась постоянная внутренняя война, такъ что императорская власть, учрежденная для поддержанія народныхъ правъ и общаго спокойствія, скоро увидѣла, что ей нужно заботиться не о другихъ, а защищать свое собственное существованіе, за что она и принялась съ большимъ усердіемъ и замѣчательной энергіей.

Отдѣльнымъ гражданамъ грозила опасность также со всѣхъ сторонъ, и отсюда явились союзы и корпораціи, виѣ которыхъ человекъ оставался вполнѣ безпомощнымъ. Эту корпоративность воспитывали цѣлыя поколѣнія въ индивидуализмъ и эгоизмъ т. е. въ стремленіи пріобрѣтать выгоды на счетъ другихъ. А какъ пріобрѣтеніе выгодъ на счетъ другихъ не могло дѣлаться мирнымъ путемъ, то приходилось по необходимости ссориться и воевать, потому что каждая попытка корпораціи усилиться и добыть себѣ новыя выгоды или привилегіи была въ сущности посягательствомъ на выгоду другой корпораціи. Корпораціи и привилегіи были единственнымъ якоремъ спасенія и виѣ ихъ существованіе человека было невозможно.

Въ этой борьбѣ христіанскій принципъ былъ, повидимому, совсѣмъ подавленъ римскимъ началомъ насилія и войны; завѣщаніе Іоанна:

«дѣти, братья, любите другъ друга! казалось тогдашнимъ людямъ неприимнымъ; да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было любить брата, который нарочно отнять у брата собственность, а пожалуй и жизнь? и потому дѣти и братья распорядились такъ, какъ имъ казалось безопаснѣе, т. е. какъ древніе римляне — чѣмъ быть битымъ, лучше бить другихъ.

Не смотря на это, между древнимъ міромъ и средними вѣками была все-таки большая разница. Въ древности личность совершенно исчезала въ государствѣ, только государство давало цѣну и значеніе лицу; государство завѣдывало религіей, поглощая ее въ себѣ; государство завѣдывало средствами существованія народа, владѣя землей и распредѣляя ее между гражданами; оно давало право на занятія и промыслы и т. д. Взамѣнъ этого, частное лицо принадлежало тѣломъ и душой государству: оно прыгало въ пропасть, если людямъ, державшимъ въ своихъ рукахъ судьбу государства, это казалось полезнымъ; оно закалывалось, отравлялось или закалывало и отравляло другихъ, когда того требовалъ государственный интересъ. И все это дѣлалось весьма простодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ величественнымъ видомъ, не затрудняя себя вопросомъ, что такое государство и чьи интересы оно изображаетъ? Интересомъ же государства было не частное благополучіе, а военное могущество и величіе Рима. Служеніе этой отвлеченной идеѣ, требовавшей только жертвъ, а взамѣнъ ихъ надававшей ничего, кончилось полнымъ нравственнымъ упадкомъ личности, а вмѣстѣ съ ней и паденіемъ государства.

Средніе вѣка были счастливѣе, потому что христіанство дало имъ понятіе о личной свободѣ, и идея древняго рабства такимъ образомъ исчезла и человѣкъ пересталъ быть рабомъ челоуѣка и государства. Какъ ни было сильно римское начало, но и христіанская идея была тоже сильна; она-то и придавала среднимъ вѣкамъ тотъ переходный характеръ, который сдѣлалъ ихъ предисловіемъ новаго времени. Въ то время, какъ въ древнемъ Римѣ государство поглощало все и представляло одно неразрывное цѣлое, въ средніе вѣка явилось, напротивъ множество государствъ въ государствѣ. Религія стала дѣломъ особаго сословія; каждая корпорація составляла тоже особнякъ, заботившійся самъ о своихъ нуждахъ; каждое сословіе хотѣло жить своей жизнью — однимъ словомъ, все расплывалось врознь отъ государства и какъ бы стремилось къ личной независимости.

Но отъ стремленія до цѣли было еще далеко; люди бродили, какъ въ потьмахъ, путаясь по разнымъ дорожкамъ, потому что римская наука закрывала имъ глаза, какъ повязка. Средніе вѣка не имѣли своего знанія; они заимствовали всю мудрость изъ древнихъ источниковъ, переработывая, объясняя и пережевывая то, что придумали древніе, вмѣсто того, чтобы создавать знаніе самимъ изъ наблюдений надъ природой, новыми условіями обществѣ и новыми стремленіями. Такимъ образомъ истиннаго знанія не было, а было только мертвое школьное образованіе (схоластика), чуждое настоящаго.

Такой порядокъ не могъ продолжаться, потому что жизнь требовала, чтобы люди жили своимъ умомъ, а не чужимъ, и стремленіе въ мысли и въ дѣйствіяхъ выразилось, наконецъ, въ томъ великомъ историческомъ явленіи, которое зовется реформаціей. Со времени ея наступаетъ къ судьбѣ Европы третій историческій моментъ.

Обыкновенно подъ словомъ реформація предполагаютъ Лютера и его церковныя преобразованія. Дѣйствительно Лютеръ былъ сильнымъ дѣятелемъ, но рядомъ съ нимъ стоятъ и другіе люди, являшіеся представителями остальныхъ общественныхъ интересовъ, которыхъ Лютеръ не касался. Люди эти имѣли болѣе широкій взглядъ на реформу и шли гораздо дальше. Ихъ стремленія не имѣли успѣха въ XVI столѣтіи; они осуществились, и то не вполне, въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ. Такимъ образомъ эти новаторы были настоящими людьми будущаго. Роль эта обошлась имъ не дешево; кромѣ того, что они заплатились за нее жизнью, на нихъ еще клеветали и послѣ смерти, и клеветамъ этимъ вѣрили почти триста лѣтъ, благодаря тому, что историки повторяли безъ всякой провѣрки рассказы ихъ враговъ. Только въ послѣднее время явилась имъ безпристрастная оцѣнка и опредѣлилось ихъ отношеніе къ нашему времени.

III.

Задолго до появленія Лютера и другихъ новаторовъ, Германія уже подготовилась къ реформаціи, и въ народной массѣ копилась и зрѣли элементы будущаго переворота. Общее народное настроеніе было повсюду одинаково; тамъ и здѣсь являлись даже отдѣльныя попытки измѣненія прежнихъ обществѣнныхъ условій; но этимъ по-

пыткамъ недоставало общей связи. Связь эту создало религиозное движеніе, соединившее народъ въ его стремленіяхъ къ одной общей цѣли.

Учителемъ народа и человѣкомъ движенія былъ собственно не Лютеръ, а другіе люди, которые, исходя съ Лютеромъ изъ однихъ началъ, пришли къ другимъ выводамъ, и это произошло совѣмъ не потому, чтобы они понимали ученіе неправильно, а потому что они понимали его иначе. Точно также и народъ въ своемъ практическомъ смыслѣ понималъ евангельское ученіе о христіанской свободѣ не однимъ освобожденіемъ совѣсти отъ человѣческихъ предацій, но и освобожденіемъ отъ барщины и крѣпостного быта. Поэтому народные проповѣдники нисколько не ошибались, когда они соединяли вмѣстѣ понятіе о религиозной и гражданской свободѣ, и объявляли рабство между дѣтьми одного отца несовмѣстимымъ съ христіанскимъ ученіемъ. Такъ ихъ понималъ и народъ.

Въ то время, какъ Лютеръ уклонился идти народно-революционнымъ путемъ, другіе—частью его товарищи или послѣдователи—съ особенной любовью выступили именно на этотъ путь. Были между ними такіе, которые изъ слова божьяго сдѣлали своеобразные политическіе выводы и весьма странныя заключенія, и хотя сердца этихъ мыслителей бились самой горячей любовью къ народу, но между ними было много и самыхъ дикихъ фанатиковъ. Кромѣ этихъ даровитыхъ и честныхъ людей, было много такихъ, которые по своимъ способностямъ стояли гораздо ниже своего дѣла; а были и такіе, которыми управляли однѣ низкія, своекорыстныя побужденія. Такъ бывало всегда.

Въ то время, какъ Лютеръ переводилъ въ Вартбургѣ библію, выпускались въ народѣ цѣлыя массы летучихъ листовъ, содержаніе и заключенія которыхъ имѣли всегда одинъ и тотъ же смыслъ, что дѣла не могутъ идти такъ, какъ они шли и, что все должно измѣниться.

Но проповѣди странствующихъ проповѣдниковъ дѣйствовали еще сильнѣе листовъ. Люди всѣхъ званій — ученые и не ученые, дворяне и не дворяне, всѣ, кѣмъ овладѣвалъ духъ проповѣди, переходили, какъ нѣкогда апостолы, изъ мѣста въ мѣсто, изъ страны въ страну и поучали народъ. Поученія ихъ имѣли цѣль довольно жрайную; они хотѣли ни больше, ни меньше, какъ вызвать общее движеніе, чтобы создать новую христіанскую республику. Въ ихъ

проповѣдяхъ религія перемѣшивалась съ политикою; библейскими текстами они поясняли вопросы современнаго народнаго быта; безпошадно разбирали обычаи и нравы свѣтской и духовной власти и доставляли народу самое большое наслажденіе, «когда щекотали его уши возгласами противъ сильныхъ и богатыхъ».

Эти проповѣдники являлись представителями трехъ главныхъ направлений. Одни хотѣли кореннаго религіозно-церковнаго преобразованія; другіе имѣли чисто-политическія цѣли; третьи соединяли политику съ религіей, придавая однако своимъ тенденціямъ болѣе религіозный характеръ.

Дѣло этихъ людей было проиграно, и въ этомъ заключается конечно главная причина, почему даже исторія относилась къ нимъ не съ тѣмъ безпристрастіемъ, какого бы слѣдовало ожидать. Или, выражаясь точнѣе, настоящей исторіи этой части реформаціонной эпохи и не было, потому что историки ограничивались большею частью повтореніемъ того, что писала партія Лютера и тѣ, чьи интересы были задѣты. Еще хуже:—этимъ людямъ приписали всѣ нечестности и безумія, которыхъ они никогда не думали дѣлать. Съ такой аттестаціей пустили ихъ имена на поученіе міру, и Германія три съ четвертью вѣка читала эти невѣрные сказанія и поучалась, и каждый юнецъ заучивалъ на всю жизнь, что Томасъ Мюнцеръ былъ съумасшедшій, потому что такъ было напечатано въ учебникѣ исторіи. Но теперь нѣмецкіе юнцы, читая Циммермана, могутъ узнать ту правду, которой не знали ихъ отцы и дѣды.

При оцѣнкѣ Мюнцера не обращали обыкновенно вниманія на его лѣта. Онъ дѣйствовалъ какъ юноша и умеръ какъ юноша. Этимъ объясняется многое въ его поступкахъ.

Томасъ Мюнцеръ родился въ 1490 или въ 1493 году, и лишился отца очень рано. По одному сказанію, отецъ его былъ повѣшенъ графомъ Штальбергомъ, но причина и годъ казни неизвѣстны. Это обстоятельство, если оно правдиво, имѣло конечно вліяніе на направленіе Томаса Мюнцера.

Очень рано обнаружилось въ немъ реформаторское стремленіе. Послѣ серьезныхъ ученыхъ занятій, Мюнцеръ получилъ званіе доктора теологіи, и даже противникъ его, Меланхтонъ, сознается, что онъ былъ сведѣнъ въ св. писаніи. Всякую свою мысль Мюнцеръ умѣлъ всегда подтвердить библіей. Гораздо раньше Лютера и совершенно независимо отъ него и его товарищей выступилъ Мюнцеръ противъ като-

лической церкви. Еще до Лютера видѣлъ онъ въ библіи единственный источникъ религіознаго ученія, и напелъ, что ни верховный глава видной церкви, ни высшіе и низшіе служители не соответствовали тому первоначальному образу церкви христовой, съ которымъ познакомило его изученіе библіи.

Совсѣмъ юношей, почти ребенкомъ, находясь еще въ латинской школѣ, онъ составилъ тайный союзъ противъ архіепископа Эрнста II. Цѣлью союза было «преобразовать духовенство.» Въ 1513 году, Мюнцеръ былъ прабатомъ въ женскомъ монастырѣ въ Фриза, и уже тогда при исполненіи мессы онъ отступалъ отъ правилъ католическаго ученія. Вскорѣ послѣ этого, онъ занялъ мѣсто учителя въ духовной школѣ въ Брауншвейгѣ, потомъ исповѣдника въ женскомъ монастырѣ въ Вейсенфельсѣ, а въ 1520 г. сдѣлался проповѣдникомъ въ Маріанской церкви въ Цвикау. Здѣсь уже онъ началъ горячо нападать «на слѣпыхъ пастырей слѣпыхъ овецъ», но его проповѣди, основанныя на чисто-евангельскомъ ученіи, встрѣтили сильное противоѣдѣйствіе со стороны богатыхъ нищенствующихъ монаховъ. Одинъ изъ нихъ поучалъ съ кафедры, «что проповѣдывать исключительно по евангелію, значитъ проповѣдывать дурно, потому что придется противорѣчить постановленіямъ людей, которыя слѣдуетъ сохранять въ строгости. Къ евангелію должно было быть прибавлено многое, и нельзя идти тѣмъ путемъ, который оно указываетъ. Если бы бѣдность признать евангельскимъ основаніемъ, то короли и проч. не должны бы собирать богатствъ; имъ слѣдовало бы, какъ пастырямъ душъ, быть бѣдными и нищими».

Въ это время Мюнцеръ былъ горячимъ поклонникомъ Лютера, и ожидалъ, что онъ, какъ докторъ теологіи и профессоръ въ Виттенбергѣ, покровительствуемый сильнымъ государемъ, сдѣластъ многое, и гораздо больше того, что можетъ сдѣлать онъ самъ на своемъ незначительномъ мѣстѣ, и притомъ въ странѣ, государь которой противился всѣмъ нововведеніямъ. Но скоро Мюнцеръ замѣтилъ, что Лютеръ идетъ совсѣмъ не такъ далеко, какъ онъ надѣялся, и не имѣетъ намѣренія преобразовать такимъ кореннымъ образомъ, какъ это считалъ необходимымъ Мюнцеръ.

Послѣ выступленія Лютера на путь реформы, Мюнцеръ принялся еще разъ за изученіе теологіи; «бува библіи» его не удовлетворяла, и это новое изученіе возбуждало въ немъ много сомнѣній, которыхъ онъ прежде не зналъ... Неудовлетворенный своимъ вслѣдо-

ваніями и вмѣстѣ съ тѣмъ видя непослѣдовательность и даже противорѣчія Лютера, Мюнцеръ впалъ въ мистицизмъ и, какъ чело-вѣкъ поэтически-эксцентрической натуры, онъ, не смотря на всю силу своего ума, поддаѣлся чувству и воображенію. Мистики средних вѣковъ сдѣлались его любимыми авторами, и особенно читалъ онъ тѣхъ, которые говорили о своихъ неземныхъ видѣніяхъ и сношеніяхъ съ небесными силами. Между ними пророкъ XII столѣтія, аббатъ Іоахимъ, имѣлъ на него самое сильное вліяніе.

Іоахимъ жилъ въ тѣ времена, когда сухой схоластикой думали замѣнять сердечное христіанское ученіе, когда церковь достигла уже силы и когда церковныя и свѣтскія злоупотребленія стали давать себя чувствовать угнетенному народу. Многіе были недовольны настоящими и стремились душой къ лучшимъ временамъ. Это-то будущее и показалъ Іоахимъ въ мистическомъ зеркалѣ. Онъ предсказывалъ судъ божій, когда Христосъ изгонитъ изъ храма бичомъ всѣхъ покушниковъ и торговцовъ, когда наступитъ время духа, а съ нимъ любви, радости и свободы; когда все книжное ученіе исчезнетъ и духъ выступитъ свободно изъ мертвой буквы. Онъ говорилъ, что евангеліе писанное есть нѣчто временное, проходящее; но вѣчно только евангеліе духа; что не пришло еще время объявить его людямъ, потому что они понять его не въ состояніи; но это время наступитъ, и духъ уважетъ людямъ, истину. Тогда-то наступитъ на землѣ братская община сыновъ духа, которымъ святое писаніе будетъ служить живой водой, — писаніе писанное на бумагѣ перомъ и чернилами, но силой Святого Духа въ книгѣ человѣческаго сердца. Органы, которыми божественное сообщалось до сихъ поръ людямъ — духовныя и наставниці, — существовать не будутъ, потому что сыны духа не будутъ нуждаться въ такомъ посредничествѣ; самъ духъ будетъ ихъ наставникомъ; внутреннее откровеніе займетъ мѣсто внѣшняго авторитета; религія станетъ внутреннимъ, непосредственнымъ созерцаніемъ божества; всѣ тайны откроются, и исполнится пророчество Іереми, что самъ Богъ будетъ учителемъ каждаго и напишетъ свой законъ въ мысляхъ и сердцахъ всѣхъ, и все земное величіе посрамится предъ небеснымъ. (31, 33. 4).

Эти мысли на такого челоуѣка, какъ Мюнцеръ, должны были про-явиться глубокое впечатлѣніе, и произвели въ дѣйствительности. Но мистицизмъ не убилъ въ немъ здравый смыслъ, какъ думали нѣко-

рые. Мюнцеръ понималъ многія вещи гораздо свѣтлѣе Лютера и его послѣдователей. Будь это иначе, онъ не имѣлъ бы столько послѣдователей. Прежде всего Мюнцеръ былъ понятнѣе народу въ своихъ проповѣдяхъ, потому что не толковалъ исключительно о вѣрѣ, какъ это дѣлали ученики Лютера, а напротивъ, требовалъ христіанской дѣятельности. — Лютеръ, говорилъ Мюнцеръ, поднимаетъ вѣру слишкомъ высоко, а дѣла опускаетъ низко; онъ оставляетъ народъ въ его старыхъ грѣхахъ, и его мертвыя проповѣди о вѣрѣ вредятъ евангелію больше, чѣмъ папистское ученіе. — Съ этимъ согласился впоследствии и Лютеръ, когда онъ писалъ, что нынче люди одержимы семью бѣсами, тогда какъ прежде были одержимы только однимъ.

Въ тѣ времена всеобщей восторженности повсюду явленіе очень обыкновенное при подобномъ религіозномъ настроеніи. Все и повсюду было возбуждено; религіозный элементъ проникалъ вездѣ и всему придавалъ особенный характеръ. Наклонность къ мистицизму и къ фанатизму составляла общую черту времени. Но больше всего грѣшила въ этомъ отношеніи тюрингенская мѣстность, гдѣ даже процвѣтала еще старинная секта духоборцевъ, называвшихъ себя крестовыми братьями. Эти братья явились наконецъ и тамъ, гдѣ проповѣдывалъ теперь Мюнцеръ. Сektаторы отвергали тѣлесное присутствіе Христа въ евхаристіи, церковныя церемоніи и священство. Въ то же время они хвалились непосредственнымъ откровеніемъ, созерцаемъ божественнаго и явленіями, и сами вѣрили въ это твердо. Главой братства былъ нѣкто Никлаасъ Шторхъ, суконщикъ, полагавшій, что ему дано свыше основать «тысячелѣтнее царство». По примѣру Христа, онъ окружилъ себя двѣнадцатью апостолами и семьдесятю двумя учениками. Братство проповѣдывало приближеніе суда божьяго, который истребитъ всѣхъ грѣшныхъ и безбожныхъ, очистить міръ кровью и оставить въ живыхъ только добродѣтельныхъ. Тогда-то наступитъ на землѣ царство божіе и будетъ одна вѣра, одно крещенье.

Меланхтонъ вполне вѣрилъ въ этихъ, какъ ихъ называли, цвингаускихъ пророковъ. «Изъ многихъ признаковъ видно, говорилъ онъ, что въ нихъ присутствуетъ извѣстный духъ». Курфирстъ Фридрихъ Саксонскій долго не рѣшался дѣйствовать противъ нихъ, потому что боялся подавить въ нихъ орудіе божіе. Но Лютеръ думалъ иначе; однако, когда разъ, въ доказательство своего небеснаго посланія и

дара предвидѣнія, пророки сказали Лютеру, что онъ думаетъ, и когда они удачно угадали, что онъ склоняется въ ихъ пользу, то и самъ Лютеръ призналъ въ нихъ присутствіе духа или силъ, но, по своему обыкновенію, не божественныхъ, а земли демонической, сатанинской». Этимъ способомъ Лютеръ обыкновенно объяснялъ все то чего онъ не понималъ.

Лютеръ не вѣрилъ въ ихъ даръ пророчества, но и не возсталъ на нихъ, потому что думалъ воспользоваться ими, какъ орудіемъ. Онъ даже принималъ открыто ихъ сторону, хвалилъ съ кафедры Никласа Шторка и думалъ уже приступить къ реформѣ въ ихъ духѣ, когда городской совѣтъ запретилъ имъ проповѣдывать. Мюнцеръ утверждалъ, что нужно дозволить имъ проповѣдь; но совѣтъ стоялъ на своемъ, и когда они выступили враждебно противъ церковныхъ церемоній и магистрата, то слишкомъ горячившихся пророковъ посадили въ тюрьму.

Духовидцамъ это не понравилось; они видѣли, что имъ не взять перевѣса, и потому большая часть партіи оставила городъ. Одни отъправились въ Виттенбергъ, другіе въ Богемію. Между послѣдними былъ и Мюнцеръ.

Богемія, гдѣ дѣйствовали гусситы, была, повидимому, хорошей почвой для Мюнцера. Онъ выступилъ здѣсь смѣло и рѣшительно, и сказалъ въ Прагѣ горячую проповѣдь, совершенно въ тонѣ пророка и челоуѣка посланнаго свыше, призывая богемскихъ братьевъ на очищеніе міра отъ зла и обѣщая имъ честь и славу, что у нихъ осянется обновленная апостолическая церковь и распространится по всему свѣту. Чтобы возстать рѣзко на духовенство въ такомъ большомъ городѣ, какъ Прага, среди народа ему совершенно незнакомаго, нужно было имѣть, разумѣется, не только много смѣлости, но и полное убѣжденіе въ своемъ призваніи. А это-то именно убѣжденіе и давало смѣлу Мюнцеру. Въ душѣ его было много смутнаго и дикаго, того, что создаетъ фанатика; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ согрѣтъ такой любовью къ челоуѣчеству, что всѣ силы своей страстной природы, все, что въ немъ было хорошаго и дурнаго, направилъ къ одной цѣли — освобожденію своего народа. Это стремленіе, развившееся до восторженности, овладѣло Мюнцеромъ такъ сильно, что ему казалось, что его влечетъ высшій, нисходящій на него духъ, и что онъ именно призванъ совершить то дѣло, за которое вѣлся. Но Мюнцеръ не былъ фанатикомъ сбытовеннаго разбора:

онъ не мечталъ, не плавалъ въ одномъ туманѣ; онъ рассчитывалъ, соображалъ, обдумалъ все строго и дѣйствовалъ по опредѣленному плану. Мюнцеръ имѣлъ большое сходство съ Магометомъ, но онъ былъ молодъ, мало развитъ политически, не имѣлъ военныхъ талантовъ, и потому въ своей горячности увлекся на дѣло, превышавшее его силы.

Горячая проповѣдь Мюнцера кончилась тѣмъ, что онъ долженъ былъ оставить Богемію; преслѣдованіе не охладило его, и трудности его не пугали; онъ безъ боязни смотрѣлъ на терновый вѣнецъ народнаго избавителя и считалъ безбожнымъ не уподобиться Христу страданіями.

Въ Альтштетѣ, въ Тюрингенѣ, гдѣ онъ является послѣ этого въ должности проповѣдника, онъ устроилъ всю службу на нѣмецкомъ языкѣ. Проповѣди его по библіи, по евангелію привлекали народъ толпами; народъ изъ дальнихъ и ближнихъ окрестностей валилъ въ Альтштетъ, чтобы слушать Мюнцера. Самъ же онъ, иди все дальше и дальше, задумалъ наконецъ употребить государей для распространенія новой проповѣди силой. Онъ писалъ, между прочимъ, саксонскимъ курфюрстамъ: «Господь сказалъ: я пришелъ водрузить не миръ, а мечъ. Что же должны вы имъ дѣлать? Ничего больше, какъ удалить злыхъ и противниковъ евангелія, если вы хотите остаться слугами божьими. Христосъ строго повелѣлъ: возьмите мнѣхъ враговъ и изрубите ихъ предъ моими глазами. (Лука 19, 27). За что? За то, что они портили царство Христа. Тѣ, кто противится божьему откровенію, должны быть удалены безъ всякой пощады, какъ были разогнаны служители Ваала Іосіей, Даниломъ и Ильей, ипаче христіанская церковь не можетъ придти къ ея первоначальной чистотѣ. Нужно вырвать плевелы изъ вертограда господня во время жатвы. Богъ повелѣлъ: вы не должны миловать идолослужителей, но разрушите ихъ алтари и столбы ихъ да сокрушите, и дубравы ихъ да посѣчете, и ваянія боговъ ихъ да сожжете огнемъ.»

Когда онъ увидѣлъ, что его предложеніе не принимаютъ, онъ задумалъ обратиться къ помощи народа и составить общій громадный союзъ для возстановленія новаго царства божія, царства братскаго равенства, свободы и непорочности. Все что портитъ Христову паству, все что погружаетъ народъ въ бѣдствія, всякая деспотія буквы и все мѣшающее свободному развитію должно быть устранено. Весь нѣмецкій народъ, всѣ христіане должны быть привлечены въ

союзъ и приглашены для совокупной борьбы, для освобожденія міра и для возстановленія христіанскаго равенства. И государи не должны быть исключены изъ этого союза; имъ нужно тоже напомнить объ общемъ братствѣ, и можно дѣйствовать противъ нихъ только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ соединенія. Все должно быть общимъ: трудъ и собственность; каждому дается по его нуждѣ и обстоятельствамъ.

Чтобы устроить союзъ на такихъ началахъ, Мюнцеръ разослалъ людей по всѣмъ концамъ Германіи, и самъ въ то же время говорилъ на эту тему проповѣди и напечаталъ цѣлый рядъ брошюръ и листовъ, чтобы распространить свои мысли по Германіи. Тогда-то на него возсталъ Лютеръ. Онъ писалъ въ саксонскимъ курфирстамъ, что такъ какъ ложные пророки не хотятъ остановиться на словѣ, по думаютъ пустить въ дѣло и кулаки и возстать на власть силой, то онъ проситъ государей вооружиться противъ такого безчинства. Мюнцеръ же, съ своей стороны, упрекалъ открыто Лютера въ томъ, что онъ церковь, исторгнутую отъ папы; передалъ въ руки государей и хочетъ самъ сдѣлаться новымъ папой. Что онъ нападаетъ только на бѣдныхъ монаховъ, поповъ и купцовъ, тогда какъ безбожныхъ правителей никто не судитъ и не наказываетъ, хотя они попираютъ Христа ногами и не хотятъ отказаться отъ своихъ притѣсненій и поборовъ. Что онъ прежде возставалъ и на прелатахъ, и даже недавно еще, чтобы удовлетворить народъ, онъ писалъ, что дурные правители сокрушаются по слову божію; но, какъ видно, по выѣ виттенбергскій папа сдумалъ опять сойтись съ государями: онъ даритъ имъ монастыри и церкви, чтобы они остались имъ довольны. Курфирсты, разумѣется, приняли сторону Лютера, и Мюнцеръ долженъ былъ оставить Саксонію.

Нужно замѣтить, что Мюнцеръ обладалъ огромной силой рѣчи: каждое слово его было, какъ молотъ; его вдохновеніе и восторженность дѣлали изъ него настоящаго пророка. Зная библію, какъ свои пять пальцевъ, Мюнцеръ изъ нея ковалъ свое оружіе; когда нужно было опровергать существующее, говорилъ противъ церкви или свѣтскаго управленія, онъ громилъ ихъ библейскими текстами и картинами патриархальныхъ добродѣтелей; его рѣчь гремѣла, какъ буря, и изумленный народъ вливался въ своего учителя, слѣдя за каждымъ его словомъ, движеніемъ, взглядомъ. Мюнцеръ зналъ хорошо, какую онъ имѣетъ силу надъ народомъ. Разъ онъ проповѣ-

дывалъ противъ изваяній и изображеній, употребляемыхъ въ католическихъ церквяхъ; а недалеко отъ города находилась капелла, куда стекались въ большомъ числѣ богомольцы. Народъ, возбужденный рѣчами Мюнцера, началъ грозить капеллѣ, и Мюнцеръ предупредилъ жившаго въ ней монаха. Только-что тотъ успѣлъ удалиться, какъ народъ бросился на капеллу, разбилъ все, что въ ней было, и сжегъ ее. Это-то обстоятельство и было одной изъ причинъ, что Лютеръ обратился противъ Мюнцера къ курфирстамъ.

Лютеръ возсталъ рѣзко противъ Мюнцера и всѣхъ тѣхъ народныхъ проповѣдниковъ, ученіе которыхъ не сходилось съ его собственнымъ. Вѣроятно, онъ боялся, что они могутъ помѣшать его дѣлу. Въ этомъ случаѣ Лютеръ дѣйствовалъ весьма непослѣдовательно. Вооружаясь противъ безбожнаго насилія и духовной тираніи католическихъ правительствъ, онъ самъ поступалъ точно такъ же относительно своихъ евангелическихъ противниковъ. «Противъ ихъ хитростей и обмановъ, — говорилъ онъ открыто, — я, ради спасенія души, считаю для себя все дозволеннымъ». Свобода печати, которой онъ самъ пользовался безусловно, не существовала для его противниковъ; онъ добился строгаго преслѣдованія ихъ полиціей, запрещенія печатать и публиковать ихъ листки и сочиненія, уничтоженія того, что уже напечатано, изгнанія ихъ типографчиковъ и даже ихъ семействъ. Въ особенности несправедливъ былъ Лютеръ противъ Карльштата, своего прежняго друга. Самъ Лютеръ, еще въ 1520 г., говорилъ о немъ, «что это человекъ невообразимой учености, что онъ превосходѣйшимъ образомъ объяснилъ Августина и что его сочиненіе «Мистическая нѣмецкая теологія» послѣ библіи и Августина есть лучшая книга». Долго шли они вмѣстѣ, такъ что Лютера звали большимъ свѣтомъ, а Карльштата малымъ. Болѣе пылкій и радикальный, чѣмъ Лютеръ, Карльштатъ выступалъ рѣзче на реформаціонный путь. Въ Виттенбергѣ народъ, возбужденный его рѣчами, уничтожилъ иконы въ соборѣ; онъ возсталъ противъ нищенства монаховъ, говорилъ, что въ христіанской мирѣ нищихъ не должно быть, что пусть молодые монахи займутся ремеслами или искусствами; студентамъ онъ посовѣтовалъ тоже отправиться домой и приняться за ремесла или за земледѣліе; онъ говорилъ, что, подобно апостолу Павлу, каждый проповѣдникъ обязанъ добывать свой хлѣбъ ремесломъ. Самъ Карльштатъ отправился въ деревню къ своему тестю, надѣлъ крестьянскій кафтанъ, велѣлъ звать себя не докторомъ, а просто

сосѣдомъ или братомъ Андреемъ. Слова и примѣръ Карлыштата не дѣйствовали на студентовъ такъ, что университетъ опустѣлъ. Это взбѣсило Лютера; онъ прѣхалъ изъ Вартбурга въ Виттенбергъ, куда воротился также и Карлыштатъ, — и Лютеръ объявилъ, что онъ не находитъ ничего особенно неправильнаго въ церковныхъ нововведеніяхъ Карлыштата, но только сатана слишкомъ принудила его поспѣшить. Не всякому принадлежать право дѣлать все то, что справедливо; но достаточно, если будетъ исполнять одинъ; кому это повелѣно. Многія изъ нововведеній, начатыхъ Карлыштатомъ, Лютеръ впослѣдствіи продолжалъ; но его задѣло то, что Карлыштатъ его предупредилъ, дѣйствовалъ безъ его согласія и вмѣшался въ его дѣла. Поэтому Лютеръ обрушился на него всей силой своей проповѣди и сталъ уничтожать всѣ его нововведенія. Это было первой ссорой между прежними друзьями. Но когда въ своихъ нападкахъ на Карлыштата онъ требовалъ, чтобы ему запретили проповѣдывать, и хотѣлъ изгнать его изъ Орнамюнде, — гдѣ народъ принималъ его съ радостью и гдѣ, напротивъ, Лютеръ потерпѣлъ великій скандалъ, такъ что только поспѣшнымъ стѣздомъ спасся отъ руготни и каменьявъ, которыми уже приготовились въ него кидать, — съ этихъ поръ судьба Карлыштата была рѣшена, и Лютеръ настоялъ, чтобы онъ и его другъ Рейнгардъ были изгнаны изъ Саксоніи. Въ особенности же вооружило Лютера противъ Карлыштата то, что послѣдній какъ равъ въ это время сталъ отвергать пресуществленіе и что это ученіе было принято первыми людьми въ Обергеймѣ, страсбургцами и даже Цвингли; — или, какъ выражался Лютеръ, что ядъ Карлыштата проникъ повсюду. Ошибка Лютера въ этомъ случаѣ была въ томъ, что, положивъ въ основу своего религіознаго движенія свободное изслѣдованіе, онъ допускалъ его безгранично только въ примѣненіи къ своему собственному дѣлу и не хотѣлъ, чтобы оно шло дальше тѣхъ границъ, которыя онъ ему назначилъ. Между тѣмъ тѣ, кто пошелъ инымъ путемъ, чѣмъ Лютеръ, тѣ, кто послѣ изслѣдованія религіозной истины обратился къ изслѣдованію истинъ политическихъ, — поступали только какъ люди, которымъ Лютеръ завоевалъ право свободнаго мышленія. Они хотѣли воспользоваться этимъ правомъ — и больше ничего; слѣдовательно, вооружаясь противъ нихъ, Лютеръ вооружался противъ собственного дѣла. Если право свободно мыслить и говорить принадлежало Лютеру — оно принадлежало и всѣмъ; если же имъ не могли

пользоваться всё—не могъ пользоваться имъ и Лютеръ. Но реформаторъ не понималъ и не предвидѣлъ, что пробитый имъ путь поведетъ къ болѣе разностороннему умственному движенію, чѣмъ то, которое было доступно его пониманію, и, при своей пылкой, огневой натурѣ, онъ обрушился всѣми силами на тѣхъ, кто не хотѣлъ вращаться въ начерченномъ имъ кругѣ.

Если бы Лютеръ понималъ вполне свою историческую роль, онъ бы не заперся въ свой тѣсный, замкнутый кругъ, изолировавъ себя отъ всѣхъ тѣхъ, кто шелъ тѣмъ же путемъ. Ему не слѣдовало отвергать ни Мюнцера, ни Карльштата, ни Цвингли, ни Кальвина, а напротивъ, соединиться съ ними и составить одинъ общій планъ дѣйствій. Крайности бы смягчились, раздраженіе и противодѣйствіе, улежавшее нерѣдко людей дальше того, куда имъ было идти не разсчитать, не существовали бы, и Германія, да и все человѣчество выиграло бы отъ реформации гораздо больше при дружеской работѣ первыхъ, лучшихъ людей вѣка, чѣмъ при той войнѣ; какую они вели другъ съ другомъ. Въ этой враждебности и упорствѣ реформаторовъ на мелочахъ, которыя не стоили вниманія, заключается величайшая ихъ ошибка. И больше всѣхъ ошибался въ этомъ отношеніи Лютеръ; другая его ошибка въ томъ, что онъ не хотѣлъ сдѣлать ни одного шагу для улучшенія свѣтскихъ—общественныхъ отношеній. Отказавшись отъ полятики, онъ заставилъ тѣмъ рѣзче выступить на этомъ поприщѣ Мюнцера и Генриха Пфейфера.

Пфейферъ былъ тоже монахъ и выступилъ проповѣдникомъ по примѣру Лютера. Но, кромѣ церковнаго поученія и борьбы съ церковными злоупотребленіями, Пфейферъ пошелъ и противъ злоупотребленій свѣтскихъ. Его двѣнадцать пунктовъ, составленные для Мюльгаузена, были первообразомъ подобныхъ же требованій и въ другихъ мѣстахъ Германіи, и послужили впоследствии для Мюнцера знаменемъ, вокругъ котораго собралось его франкенгаузенское ополченіе. Этими пунктами заявлялось требованье, чтобы всѣ поля, виноградники и луга, принадлежащіе церкви, и всѣ монастырскія имѣнья были проданы и затѣмъ платили бы узаконенные налоги; чтобы народъ не былъ обязанъ служить графамъ и дворянамъ; подати, десятины и барщина, какого бы ни было происхожденія—церковнаго или свѣтскаго,—никто не обязанъ болѣе платить, за исключеніемъ только тѣхъ, которые существовали дѣйстви-

лѣтъ назадъ. Воды, выгоны и охота составляютъ общую собственность, и каждый можетъ ими пользоваться, на сколько ему пужно. Никакой горожанинъ и крестьянинъ не могутъ быть заключены въ тюрьму за обыкновенныя вины, а только въ случаѣ обвиненія въ уголовномъ преступленіи. Даже наказаніе виновныхъ должно быть мягкое, человѣческое.

Писать подобныя пункты было старымъ обычаемъ. Простой чело-вѣкъ обозначалъ въ нихъ свои неудовольствія и жалобы. — Вслѣдъ за пунктами Поейфера явились протестаціи крестьянъ и въ другихъ мѣстахъ. Число пунктовъ бывало, разумѣется, разное, смотря по пуждамъ народа и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ Вюрцбургѣ, на-примѣръ, крестьяне составили 50 пунктовъ, во Франкфуртѣ 41, въ Мюнширѣ 31, въ Пیتالѣ 19 и т. д. Но самое большое значе-ніе приобрѣли знаменитыя верхошвабскіе 12-ть пунктовъ, сдѣлав-шіеся общимъ манифестомъ и съ быстротою молніи распространив-шіеся по всей Германіи. Пункты эти касаются тѣхъ же общихъ основныхъ вопросовъ — личной свободы и облегченія матеріальныхъ тягостей, но они замѣчательны по своему тону. Чтобы познать съ ними читатели ближе, я приведу нѣкоторыя. Въ первыхъ двухъ пунктахъ говорится о выборѣ священниковъ, проповѣди, десятинѣ. Пунктъ третій: «Въ-третьихъ, до сихъ поръ былъ обы-чай, чтобы насъ держать, какъ собственность, что достойно сожа-лѣнія, ибо Христосъ искупилъ и освободилъ всѣхъ своею драго-цѣбною пролитою кровью — какъ послѣдняго пастуха, такъ и са-маго высокаго челоуѣка, безъ исключенія. (Исаи. 53. 1. Петр. 1. 1. Кор. 7. Рим. 13). Поэтому-то и говорится въ писаніи, что мы свободны; и мы хотимъ быть свободными. (Кн. Прем. 6. 1. Петр. 2.) Но это не значить, чтобы мы не хотѣли имѣть началь-ства: тому Богъ насъ не учить...» и т. д. — «Въ-четвертыхъ, былъ до сихъ поръ обычай, что ни одинъ бѣдный челоуѣкъ не смѣлъ ловить звѣря, птицу или рыбу въ текущихъ водахъ, что кажется намъ непристойнымъ и не братскимъ, своекорыстнымъ и несо-гласнымъ съ словомъ божьимъ. Также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на-чальство, во вредъ намъ, бережетъ дикихъ животныхъ, и такимъ образомъ, Богомъ данное челоуѣку на пользу пожирается даромъ бесполезными звѣрями, и мы должны еще молчать, хотя это противъ Бога и противъ ближняго. Когда Богъ создалъ челоуѣка, онъ далъ ему власть надъ всѣми звѣрями, надъ всѣми птицами въ воздухѣ

в надъ всѣми рыбами въ водахъ. (1. Мое. 1. Дѣя. Ап. 19. 1. Тим. 4. 1. Кор. 10. Колос. 2)...» и т. д.—Въ двѣнадцатомъ пунктѣ крестьяне говорятъ: «если одинъ или многіе изъ изложенныхъ пунктовъ несогласны съ словомъ божьимъ несогласіе это будетъ указано намъ и доказано священнымъ писаніемъ, то мы отступаемся отъ своего требованья.»

Изъ самаго способа изложенія этихъ пунктовъ, въ которыхъ каждая мысль подтверждена ссылками на св. писаніе, можно видѣть, какое значеніе они имѣли для народа и какую твердую вѣру имѣлъ народъ въ свою правоту. И дѣйствительно, если его учили вѣрить св. писанію, а писаніе говоритъ, что съ нимъ обращаются не такъ, какъ велѣлъ Богъ, то кому же больше вѣрить, Богу или людямъ? Оттого-то простой человѣкъ и сказалъ въ заключеніе: докажите мнѣ словомъ божьимъ, что я ошибаюсь, и я отступлюсь отъ своихъ словъ. Онъ зналъ, что доказать этого ему нельзя. Этимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ божественную правоту своихъ требованій объясняется и увѣренность крестьянъ, что Богъ ихъ заступникъ и что перевѣсъ остается на ихъ сторонѣ.

Въ этомъ былъ убѣжденъ и Мюнцеръ, который однако не полагался на исключительную божью помощь, и потому не пренебрегалъ и другими вещами, особенно когда дѣло шло о томъ, чтобы имѣть вліяніе на народъ. Такимъ образомъ онъ охотно заимствовалъ отъ анабаптистовъ нѣкоторые религіозные знаки и формы, считая ихъ годными для своей дѣли.—Кстати замѣчу, что Мюнцера напрасно обвиняли въ анабаптизмѣ, а другіе даже видѣли въ немъ основателя этой секты,—все это ложь. Ни онъ, ни его ученики не были никогда анабаптистами, а Мюнцеръ только пользовался болѣе вымглыми сектаторами для своего дѣла.—Мюнцеръ увѣрялъ, что онъ имѣлъ откровенія во снѣ и въ видѣніяхъ. И когда, уединившись въ своей комнатѣ и предавшись своимъ размышленіямъ, онъ начиналъ иногда говорить громко, то, вѣроятно, ему и самому вѣрилось, что онъ велъ бесѣду съ духомъ, и ужь конечно онъ не разувѣрялъ въ противномъ и народъ. Такъ, когда онъ жилъ еще въ Альтштедтѣ, къ нему приходилъ разъ одинъ его послѣдователь и слышитъ, что въ комнатѣ говорятъ двое. Отворивъ дверь и найдя Мюнцера одного, онъ спросилъ, кто былъ съ нимъ? — Я,—отвѣтилъ Мюнцеръ,—спрашивалъ духа, что я долженъ дѣлать завтра. — Ну, и что же? онъ сейчасъ и далъ отвѣтъ? — Да, сказалъ Мюнцеръ. —

Онъ бралъ на себя роль пророка не потому, чтобы онъ ее выдумалъ и разыгрывалъ, какъ театральную сцену, а потому, что въ его восторженной натурѣ были всѣ элементы для того, чтобы считать себя призваннымъ на такое дѣло. Лютера еще ни одинъ иѣмецъ не считалъ ни притворщикомъ, ни лгуномъ, но и Лютеръ былъ убѣжденъ, что его устами говорить духъ, и многіе изъ народа считали его «божьимъ человекомъ», и Меланхтонъ писалъ, и говорилъ о немъ, какъ о «пророкѣ». Наконецъ извѣстно, что Лютера посѣщали галлюцинаціи; такъ, въ Вартбургѣ явился къ нему разъ чортъ, и Лютеръ пустилъ въ него чернильницей. Чернильное пятно на стѣнѣ и до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ. Подобныя же галлюцинаціи, но чаще, посѣщали и Мюнцера. Тогда былъ вѣкъ религиозной восторженности, и цѣлыя секты, напр. пивгаускіе проповѣдники, анабаптисты, духовидцы, состояли перѣдко изъ людей, имѣвшихъ галлюцинаціи и иллюзіи.

Народной восторженности, его вѣрѣ въ своихъ проповѣдниковъ и въ ожиданіе чего-то чрезвычайнаго способствовали разныя явленія въ природѣ и галлюцинаціи цѣлыхъ народныхъ массъ. То видѣли вокругъ солнца три круга и горящій факелъ, то два круга вокругъ мѣсяца съ крестомъ посрединѣ. Въ Венгріи видѣли на небѣ сражавшихся коронованныхъ людей; на Рейнѣ, среди бѣлаго дня, слышали въ воздухѣ шумъ и трескъ оружія, точно будто бы происходила битва. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родились отъ животныхъ невиданные уроды; въ другихъ—аисты или вороны п галви вели сильную вражду. На югѣ толковали о землетрясеніи. Въ Швабіи, Баваріи и Австріи свирѣпствовала болѣзнь въ родѣ чумы. Къ этому присоединились еще ливни, кометы, особенности во временахъ года. Въ послѣдніе три года зима была такъ тепла, что бѣдные люди ходили босикомъ и мухи летали, какъ лѣтомъ; въ февралѣ цвѣли вишни. Но за то на святой наступила зима. Плоды погибли и во многихъ мѣстахъ наступила нужда. Все это, разумѣется, сильно дѣйствовало на народное воображеніе; всѣ ждали чего-то необычайнаго и ожиданіе это было не только въ простомъ народѣ, но и въ томъ сословіи, которое пользовалось мудростью астрологовъ. Астрологи же предсказывали, что въ 1524 году произойдутъ такія измѣненія, о какихъ никто никогда не слыхивалъ. А въ народѣ сложилась поговорка: «кто въ 1523 году не умретъ, въ

1524 устоятъ и въ 1525 не будетъ убитъ, тотъ можетъ говорить о чудесахъ.

Въ то время, какъ народные проповѣдники и посланцы Мюнцера и Поейфера волновали Германію, а дворянство и духовенство еще болѣе разжигали народное неудовольствіе своею неуступчивостью, лучшіе изъ народа составили совѣтъ, чтобы порѣшить, какъ помочь родинѣ. Совѣтъ этотъ собрался въ Гейльбрунъ и составилъ слѣдующій «проектъ необходимыхъ преобразованій на пользу благочестивыхъ и для благосостоянія всѣхъ христіанскихъ странъ.»

1) Всѣ духовные, какъ высшіе, такъ и низшіе, будутъ реформированы и получать необходимое для ихъ существованія; ихъ имуществу поступаютъ на общественныя надобности.

2) Всѣ свѣтскіе господа будутъ реформированы, чтобы бѣдный человѣкъ не былъ ими утѣсняемъ въ ущербъ его христіанской свободѣ: всѣ будутъ пользоваться одинакими правами, высшіе и низшіе. Государи и благородные должны защищать бѣдныхъ и держать себя по братски, довольствуясь честнымъ доходомъ.

3) Всѣ города и общины будутъ реформированы по божественному и естественному праву для христіанской свободы.

4) Никакой докторъ римскаго права не можетъ быть допущенъ въ судѣ или въ совѣтѣ правителей. Но въ каждомъ университетѣ будетъ по три доктора императорскаго права, чтобы обращались къ нимъ за совѣтомъ въ случаѣ нужды.

5) Никакой духовный, высшій или низшій, не можетъ засѣдать въ правительственномъ совѣтѣ, не можетъ имѣть никакой свѣтской должности.

6) Всѣ свѣтскія права имперіи, существовашія до сихъ поръ, отмѣняются и кончаются; дѣйствуетъ только божественное и естественное право, чтобы и бѣдный человѣкъ имѣлъ такой же доступъ къ праву, какъ сильный и богатый. Во всѣхъ судахъ имперіи, безъ исключенія, засѣдаютъ всѣ четыре сословія; но такъ, что народъ имѣетъ въ каждомъ судѣ четырьмя голосами болѣе.

7) Всѣ пошлины прекращаются, исключая необходимыхъ для мостовъ и дорогъ.

8) Всѣ дороги свободны.

9) Подати прекращаются всѣ, кромѣ императорской, собираемой разъ въ десять лѣтъ.

10) Одна монета для всего вѣмецкаго народа.

11) Вездѣ одна мѣра и одинъ вѣсъ.

12) Ограниченіе роста большихъ мѣнялъ, привлекающихъ всѣ деньги въ свои руки и утѣсняющихъ бѣдныхъ и богатыхъ.

13) Освобожденіе дворянства отъ духовно-леннаго обязательства.

14) Прекращеніе отдѣльныхъ союзовъ государей, господъ и родовъ: вездѣ защита и покровительство только императора.

Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ составляютъ для Германіи и до сихъ поръ мечту. Но тогда политическія преобразованія казались людямъ легко-достижимыми. И дѣйствительно, если весь расчетъ основывался на народѣ, то конечно препятствій не встрѣтилось бы никакихъ. Но кромѣ народа были еще и государи, и поддержка ихъ была всего необходимѣе. Изъ всѣхъ государей былъ только одинъ, на котораго можно было рассчитывать: самый вліятельный и лучший изъ всѣхъ — Фридрихъ Мудрый саксонскій. Когда начались народныя волненія, онъ сказалъ: «это божій судъ и наказаніе, которое свѣтскіе и духовные государи и господа навлекли на себя жестокостями и тираніей противъ подданныхъ и неисполненіемъ евангелія». Умирая, онъ собралъ вокругъ себя всю свою домашнюю челядь и обратился къ ней съ слѣдующими словами: «любезныя дѣти, если я обидѣлъ кого-либо изъ васъ, простите меня ради Бога. Мы, государи, дѣлаемъ бѣднымъ людямъ многое, чего не слѣдуетъ». Это былъ единственный государь того времени, который управлялъ своими народами не огнемъ и мечомъ, а кротостью и любовью; онъ никогда не хотѣлъ присоединяться къ тѣмъ, кто думалъ умирять волненія казнями и насиліями; онъ хотѣлъ предоставить все Богу, и совѣтовалъ другимъ государямъ облегчить народныя тягости, снять съ подданныхъ ярмо и этимъ привести ихъ къ послушанію. Если предназначено, чтобы народъ пришелъ къ господству, говорилъ онъ, то никто не устоитъ противъ этого; если же на это нѣтъ божьей воли, то всѣ эти волненія продолжатся недолго. Только Фридриху Мудрому Лютеръ обязанъ своею жизнью и своимъ дѣломъ; безъ него Лютеръ погибъ бы, можетъ быть, подобно Гуссу. Къ этому-то государю и задумали обратиться свѣтскіе реформаторы, чтобы начать свои гражданскія преобразованія. Но когда они рѣшили это, Фридрихъ умеръ и дѣла пошли тѣмъ кровавымъ путемъ, на которомъ и народъ, и государи точно будто бы хотѣли превзойти другъ друга жестокостью.

И не смотря даже на смерть Фридрихъ Мудраго, дѣла могли бы

еще поправиться, если бы Лютеръ захотѣлъ стать во главѣ гражданской реформы. Послѣ появленія двѣнадцати пунктовъ, онъ было вздумалъ явиться примирителемъ; онъ говорилъ властямъ объ ихъ насилияхъ, онъ говорилъ, что не народъ возстаетъ на нихъ, но самъ Богъ, и что нужно ослабить утѣсненія и дать бѣдному человѣку воздухъ и мѣсто, чтобы онъ могъ свободно дышать и жить; «нужно сдѣлать уступки, нужно удовлетворить человѣческому праву», писалъ Лютеръ.

Этотъ добрый порывъ былъ, однако, непродолжителенъ. Лютеръ скоро бросился на свой старый путь. Много было причинъ тому. Во-первыхъ, его оскорбляло неуваженіе народа, который высказывалъ полную симпатію къ своимъ проповѣдникамъ и не обращалъ вниманія на Лютера, когда тотъ думалъ убѣждать его къ покорности. Далѣе, во главѣ народа стояли его злѣйшіе враги, Карльштатъ и Мюнцеръ, которыхъ онъ ненавидѣлъ всею силой своей страстной натуры. Наконецъ, какъ на бѣду, пришло извѣстіе объ убійствѣ графа Гельфенштейна—дѣло, въ которомъ въ сущности не было ровно никого виноватыхъ, а ужъ если бы и приходилось кого винить, то конечно графа, за его прежнія вѣроломныя убійства крестьянъ.—Противники реформации, въ родѣ герцога Георга, приписали не только это дѣло, но и все народное движеніе винѣ Лютера и его реформы. По ихъ мнѣнію, если бы Лютеръ не вздумалъ подняться противъ Папы, то и христіане сидѣли бы смирно. Это окончательно взбѣсило Лютера. Забывъ о томъ, что онъ самъ одобрилъ 12-ть пунктовъ, не разобравъ, отчего случилось убійство Гельфенштейна и кто былъ виноватъ въ этомъ, Лютеръ обрушился не на тѣхъ, кто бралъ приступомъ замокъ графа, а на всѣхъ крестьянъ Германіи безъ исключенія, и написалъ воззваніе «противъ убійцъ и разбойниковъ крестьянъ».

«Теперь они стоятъ совсѣмъ внѣ закона, писалъ онъ; ихъ нужно преслѣдовать, рубить, колоть, тайно и явно, кто можетъ, убивать, какъ бьютъ бѣшеную собаку»... «Начальство, говоритъ онъ въ концѣ, которое медлитъ, дѣлаетъ грѣхъ, потому что крестьянинъ не удовлетворяется тѣмъ, что становится самъ чортомъ, но онъ принуждаетъ къ злу и къ гибели многихъ благочестивыхъ. Поэтому, любезные господа, освободите и спасите ихъ; колите, бейте, рубите, кто можетъ. А останешься ты мертвымъ на мѣстѣ — благо тебѣ; болѣе спасительной смерти ты никогда не достигнешь». Католическіе враги Лютера слазали тогда.—«Онъ самъ зажегъ этотъ огонь, а теперь

разжигаетъ начальство, чтобы колоть, рубить, убивать, и убѣждаетъ ихъ достигнуть этимъ путемъ царства небеснаго; и когда загорится всюду, онъ захочетъ опять тушить, но уже нельзя будетъ помочь». Съ этихъ же поръ, слыша лютеранскій колоколъ, сзывающій на проповѣдь, паписты говорили: «вотъ бьютъ въ колоколъ убійствъ». Такимъ образомъ Лютеръ, желавшій, въ началѣ реформации, идти мирнымъ путемъ и называвшій Мюнцера и его послѣдователей «пророками убійствъ», самъ сдѣлался такимъ же пророкомъ и былъ одной изъ главныхъ причинъ дальнѣйшихъ кровопролитій крестьянской войны.

Когда дѣла стали въ такое положеніе, то о мирномъ исходѣ, конечно, нельзя было и думать. Мюнцеръ не хотѣлъ торопиться; онъ желалъ, чтобы народное возстаніе организовалось въ цѣлое и окрѣпло. Онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ, но боялся только, чтобы господа не перехитрили мужиковъ. И надобно согласиться, что Мюнцеръ былъ правъ, потому что крестьяне въ эту войну теряли постоянно оттого, что попадались въ ловушку. Но не такъ случилось, какъ рассчитывалъ Мюнцеръ. Поейферъ думалъ, что они своей медленностью упускаютъ удобный случай, и, не обращая вниманія на доказательства Мюнцера, что они недостаточно сильны, побуждалъ его выступить въ поле. Мюнцеръ былъ монахъ, ученый, а не воинъ. Подъ Франкенгаузеномъ, въ первой стычкѣ съ Филиппомъ, ландграфомъ гессенскимъ, былъ разбитъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ остатками своего войска, уцѣлѣвшаго отъ канібальства наемниковъ Филиппа. Мюнцеръ скрылся въ одномъ домѣ въ Франкенгаузенѣ, былъ узнанъ и приведенъ въ побѣдителямъ. Эти спросили его, зачѣмъ онъ увлелъ бѣдный народъ и подвергнулъ его такому кровопролитію?—И онъ съ той силой духа, которая отличала его, какъ проповѣдника, отвѣчалъ, что онъ поступилъ правильно, начавъ войну для наказанія тѣхъ правителей, которые противятся евангелію; что они дѣйствуютъ безъ милосердія противъ христіанской свободы и что за это ихъ слѣдовало обуздать. Если же при этомъ были побиты крестьяне, то это его не касается, потому что они и сами не хотѣли дѣйствовать иначе. Тогда двадцати-однолѣтній ландграфъ Филиппъ вздумалъ читать лютеровское наставленіе о повинновеніи старшимъ этому человѣку, которому внимала съ энтузіазмомъ вся Германія, который былъ страшенъ своимъ словомъ даже самому Лютеру. Мюнцеру показалось это уже слишкомъ навывнымъ, и онъ

не удостоилъ ландграфа отвѣтомъ изъ гордости, а тотъ потомъ говорилъ, что ему удалось переспорить реформатора. Не диспутомъ, разумѣется, кончилось дѣло. Мюнцера подвергли страшной пыткѣ, и когда боль заставила его крикнуть, то герцогъ Георгъ сказалъ ему съ добродушіемъ: «видишь, Томасъ, тебѣ дѣлаетъ это боль, а подумай-ка, каково бѣднымъ людямъ, которые по твоей милости сегодня побиты?» И Георгъ, вѣрно, думалъ, что онъ разсуждаетъ по христіански и умно. Пыткой, однако, они ничего не добились отъ Мюнцера, и потому отправили его къ мастеру этого дѣла, жестокому графу Эрнсту Мансфельдскому. Здѣсь съ нимъ распорядились иначе, такъ что въ придачу лихорадки отъ ранъ, сдѣланныхъ пыткой, онъ выпилъ двѣнадцать кружекъ воды. Герцогъ Георгъ и нѣкоторые изъ графовъ присутствовали на пыткѣ и допрашивали его о соучастникахъ; но онъ показалъ только тѣхъ, кто палъ въ битвѣ, но никого изъ живыхъ.

Псѣйферъ былъ разбитъ въ другомъ мѣстѣ и взятъ въ плѣнъ съ 92 человекъ. Всѣхъ ихъ привели въ Мюльгаузенъ и казнили вмѣстѣ. Псѣйферъ умеръ, не произнеся ни слова, безъ страха, съ презрѣніемъ къ смерти воина.

Мюнцера привели тоже въ Мюльгаузенъ прикованнымъ къ телѣгѣ. Когда вывели его на казнь, то подошли къ нему князья, и герцогъ Георгъ обратился къ реформатору съ увѣщаніями, желая конечно вразумить, по его мнѣнію, неразумнаго. «Худо поступилъ ты, Томасъ, что оставилъ свой орденъ, снялъ клобукъ и взялъ жену.» А молодой ландграфъ успѣшилъ дополнить поученіе: «не это худо, Мюнцеръ, сказалъ онъ, а худо то, что ты взволновалъ народъ.»

Выслушавъ все это, прикованный поднялся и съ спокойствіемъ и твердостью духа, котораго не сломила пытка и физическія страданія, обратился къ окружающимъ. Онъ сказалъ, что предпринялъ дѣло, превышавшее его силы, и просилъ государей и князей, стоявшихъ подлѣ, чтобы они съ бѣдными людьми, своими подданными, не были слишкомъ жестоки, если не желаютъ подвергнуться той опасности, какой подвергались. Чтобы они внимательно читали св. писаніе и особенно книги Самуила и Царствъ, гдѣ найдутъ довольно поучительныхъ примѣровъ — и пусть это да послужитъ имъ урокомъ.

Мюнцеръ замолчалъ и ждалъ смертнаго удара. Затѣмъ палачъ сдѣлалъ свое дѣло, и голова Мюнцера скатилась.

Головы Мюнцера и Псѣйфера еще долго послѣ этого были выставлены на колыяхъ—на большихъ дорогахъ.

IV.

Существуетъ мнѣніе, довольно распространенное, что въ каждой странѣ и въ каждое время есть запасъ великихъ людей, которымъ недостаетъ только случая обнаружить свои силы. Въ примѣръ приводятъ Наполеона, который при иныхъ обстоятельствахъ остался бы, можетъ быть, весь свой вѣкъ артиллерійскимъ поручикомъ. Если подъ величіемъ понимать односторонность, то конечно справедливо и мнѣніе, правленъ и примѣръ; но если великими людьми считать только тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые служили полными представителями стремленій своего народа въ извѣстную эпоху, то, за исключеніемъ Вашингтона, новая исторія цивилизованнаго міра не представляетъ другого примѣра. Реформація лучше всего подтверждаетъ справедливость этого заключенія.

Едва ли обстоятельства могли быть болѣе благопріятны для обнаруженія и развитія талантовъ отдѣльныхъ личностей, какъ въ это время общей восторженности и сильнаго напряженія умовъ.

Все что Германія имѣла въ себѣ замѣчательнаго, все выступило впередъ — Лютеръ, Мюнцеръ, Кальвинъ, Цвингли. Лютеръ и Кальвинъ, какъ представители болѣе односторонняго, Мюнцеръ и Цвингли — болѣе широкихъ стремленій. Но ни въ одномъ изъ нихъ не соединялось все, что было необходимо для той полной реформы, въ какой нуждалась страна. Только нѣжный, боявшійся сквознаго вѣтра, Меланхтонъ могъ думать, что общее движеніе, обратившее нѣсколько миллионъ, и столкновеніе самыхъ широкихъ и разнообразныхъ интересовъ могли быть покончены домашнимъ, мирнымъ образомъ. Слѣдовательно, кромѣ вѣщной учености и монашескихъ добродѣтелей, реформаторамъ нужно было имѣть и военные таланты, но ни въ одномъ изъ нихъ не было и зерна военнаго смысла. Если бы реформой, во всемъ ея широкомъ объемѣ, долженъ бы былъ управлять одинъ человѣкъ, то онъ могъ бы быть приготовленъ только въ ла-

бораторіи, — для этого нужно бы было истолочь въ ступкѣ Лютера, Мюнцера, Кальвина, Цвингли, Юлія Цезаря и Наполеона, и изъ этой смѣси вылѣпить гиганта и поставить его во главѣ дѣла. Но такихъ людей нельзя готовить въ лабораторіи, если не дѣлаетъ ихъ сама природа; а потому, при враждебности, какую обнаружили реформаторы другъ къ другу, нужно было ожидать, что они выполнятъ только десятую долю своей задачи, а остальное предоставятъ закончить будущимъ поколѣніямъ. И не въ недостатокъ народнаго сознанія было дѣло — программа была составлена; но въ Германіи не нашлось человѣка способнаго ее выполнить. Даже и свою одностороннюю задачу Лютеръ разрѣшилъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Однимъ словомъ, Германія въ реформаціи поступила такъ же, какъ поступала она всегда и поступаетъ еще и въ наши дни — отлично сообразила теоретическую часть, а когда коснулось дѣло до практики, то мудрецы оказались слабы и не нашлось вождей.

Но и при всѣхъ своихъ слабыхъ сторонахъ, реформація обнаружилась таковую зрѣлость народной мысли и была такъ плодотворна для всего міра, что конечно исторія древняго Рима не представляетъ ничего подобнаго.

Римскій народъ зналъ только одно: обращаясь къ своимъ правителямъ, онъ кричалъ: «хлѣба и зрѣлицъ»! Его не смущало ни рабство, ни жизнь чужимъ трудомъ, ни полное поглощеніе его личности государствомъ. Принципы, заявленные людьми, вызвавшими и создавшими реформаціонное движеніе, — уже не этого закала. Здѣсь личность стремится къ полной свободѣ. Реформаторы говорятъ: мы хотимъ, чтобы община сама назначала себѣ проповѣдника и могла бы его смѣщать; проповѣдникъ долженъ былъ проповѣдывать по евангелію, не прибавляя къ этому ничего изъ послѣдующихъ человѣческихъ ученій; духовники не могутъ занимать никакихъ общественныхъ должностей и выполнять свѣтскихъ обязанностей. Всѣ люди свободны и равны передъ закономъ, а потому человѣкъ не можетъ составлять собственности человѣка, и всѣ — богатые и бѣдные, сильные и слабые, — пользуются одинакими правами и одними, общими для всѣхъ законами. Никто ни на кого не долженъ работать даромъ: каждый трудъ долженъ получать свое вознагражденіе. Судьи должны судить безпристрастно; а для этого въ нихъ засѣдаютъ всѣ сословія. Наказанія не должны быть жестоки, въ тюрьму могутъ быть заключаемы только обвиняемые въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Въ каждомъ изъ этихъ основаній проглядывало стремленіе къ самостоятельности въ духовныхъ и въ матеріальныхъ интересахъ. Авторитетъ папы въ дѣлахъ церкви отвергнуть; судьей совѣсти уже не онъ, спасеніе идетъ не отъ него; а всему основой вѣра, т. е. личное сознаніе человѣка, внутреннее свидѣтельство его духа.

Въ вопросахъ свѣтскаго, общественнаго значенія, хотя сдѣланы только намеки и нѣтъ того развитія, какого достигли вопросы духовнаго содержанія, но и въ этомъ немногомъ указано прочное основаніе и отдѣлены, какъ ихъ назвали реформаторы, «человѣческія выдумки» отъ законовъ природы и естественнаго права существовавшаго ранѣе государства. Основываясь на разумной натурѣ человѣка, реформаторы хотѣли, чтобы существовало право, вытекающее изъ потребностей этой природы и независимое отъ авторитета государства, подобно искусственному римскому праву.

Въ государствѣ они видѣли общественный порядокъ, учрежденный людьми для защиты своихъ правъ, вольностей, благосостоянія. Каждый находится въ государствѣ ради своего благосостоянія. и правительство обязано это частное благосостояніе имѣть своей задачей. Мюнцеръ считалъ этотъ вопросъ до того важнымъ, что даже въ послѣднія минуты своей жизни обратился еще разъ къ государямъ и просилъ ихъ не забывать своихъ обязанностей относительно своихъ подданныхъ.

Однимъ словомъ, вмѣсто прежнихъ, весьма широкихъ, но отвлеченныхъ и невыгодныхъ римскихъ понятій, гдѣ государство было все, а человѣкъ — ничто, реформаторы провозгласили гражданскую свободу каждаго отдѣльнаго человѣка, народное право, народное благосостояніе. Все это было заявлено какъ требованіе, какъ теорія; но со смертью Мюнцера, когда дѣло свѣтскихъ реформаторовъ было проиграно, даже и теорія эта должна была искать себѣ пріюта болѣе безопаснаго, чѣмъ какой представлялся ей въ Германіи. Съ этихъ поръ отвергнутый принципъ жилъ только въ ученіяхъ отдѣльныхъ сектъ и только сектаторы являются представителями прогрессивной исторіи.

Вромѣ ученія Мюнцера, на образованіе и развитіе послѣдующихъ сектъ имѣли наибольшее вліяніе анабаптисты. Они стремились не только къ полному преобразованію церкви, исправленію нравовъ и общественныхъ порядковъ, но и хотѣли учредить общину истинно-вѣрующихъ, хорошихъ, нравственныхъ людей. Они думали осуществ-

вить вполне христіанское ученіе о братской любви и составить своимъ союзомъ вѣрующихъ особое политическое царство, какъ видимое проявленіе на землѣ царства божія. Чтобы попасть въ этотъ союзъ, нужно было принять новое крещеніе и отказаться отъ всей прежней мірской грѣховности. Анабаптисты проповѣдывали общеніе имуществъ и полное отреченіе отъ всякаго насилія и пролітія крови. Поэтому анабаптисты не могъ принять начальническаго мѣста, поступить въ военную службу, употреблять смертоносное оружіе, дать присягу. Вѣруя, что непосредственное божественное вдохновеніе и откровеніе нисходятъ на каждого члена союза, и что всѣ имѣютъ одинаковое право на благодать, они не допускали ни священства, ни особаго сословія духовныхъ наставниковъ. Каждый братъ, почувствовавшій вдохновеніе, могъ поучать другихъ. — Послѣ пораженія анабаптистовъ, они разсыпались по всей Европѣ, пока Меннокъ не собралъ ихъ въ Нидерландахъ и въ сѣверной Германіи въ нѣсколько небольшихъ общинъ. По имени этого священника, они назвались Меннонитамъ. Меннопиты не признаютъ священника, крещенія дѣтей, не даютъ присяги, не поступаютъ въ военную службу, не ведутъ тяжбъ, отличаются строгимъ, простымъ образомъ жизни и благочестіемъ.

Квакеры держатся такихъ же основаній. Непосредственное откровеніе составляетъ ихъ основной догматъ. Они убѣждены въ томъ, что каждый можетъ удостоиться божественнаго откровенія, если углубится съ полной вѣрой и чистымъ сердцемъ въ самосозерцаніе. Такое личное вдохновеніе каждого они ставятъ выше поученія библіи, и полагаютъ, что для людей, посѣщаемыхъ этимъ внутреннимъ свѣтомъ, не нужны уже никакія внѣшнія или наружныя выраженія божественныхъ таинствъ. Допуская, такимъ образомъ, одну духовную церковь, оплотвергаютъ священство, внѣшніе обряды, они не признаютъ военной службы, не даютъ присяги, считаютъ всѣхъ вполне и совершенно равными, и потому смотрятъ на власть нѣсколько иначе. Секта эта, находящаяся въ прямой связи съ анабаптизмомъ, была основана въ Англии, почти чрезъ 120 лѣтъ послѣ казни Мюнцера, сапожникомъ Фоксомъ, въ 1649 г.; явилась она вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какія создавали и другія секты. Фоксъ былъ пораженъ общимъ развратомъ и грѣховностью, утѣсненіемъ, которыя терпятъ слабые и бѣдные, и ради спасенія людей пошелъ проповѣдывать покаяніе и соединеніе ихъ въ союзъ друзей.

Но самой важной, по своему историческому значенію, является секта пуританъ или индепендентовъ. Это были люди строгихъ, простыхъ нравовъ, глубоко-пропихнутые христіанскимъ ученіемъ и вѣрой въ божье всемогущество. Познаніе этого высшаго существа считали они величайшей цѣлью жизни. Богъ и совѣсть—вотъ единственные руководители человѣка. Свѣтская власть занимаетъ, по ихъ ученію, уже второстепенное мѣсто; она заслуживаютъ уваженія и повиновенія только въ той мѣрѣ, на сколько удовлетворяетъ правосудію и нравственности. Дѣйствуя иначе, она навлекаетъ на себя гнѣвъ божій и гибнетъ. Погруженные въ помыслы о высшихъ интересахъ человѣка, пуритане усвоили суровый взглядъ на всѣ земныя отношенія, почести и отличія. Они одинаково смотрѣли на знатныхъ и простыхъ, сильныхъ и слабыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, потому что все людское величіе и сила ничтожны предъ божьимъ всемогуществомъ. Это безграничное поклоненіе Богу и увѣренность, что они его единственные избранники, давали пуританамъ необыкновенную нравственную мощь; они съ превѣніемъ смотрѣли на богатыхъ и сильныхъ, считая себя богаче всѣхъ, какъ осѣненные высшей благодатью. Такой взглядъ на жизнь и на людскія отношенія могли усвоить, конечно, только люди сильные духомъ, и вся исторія пуританъ показала, что они именно были такими. Въ ученіи пуританъ немалая доля принадлежитъ вліянію Мюнцера.

Всѣ эти качества были не такого свойства, чтобы могли обратить на пуританъ благосклонное вниманіе англійскаго правительства. Особенно не нравилось ихъ притязаніе на свободное мышленіе и духовную независимость. Даже Елисавета, обязанная своимъ престоломъ протестантской религіи, смотрѣла неблагоклонно на пуританъ. «Кто нападаетъ на церковныя учрежденія, говоритъ она, тотъ оскорбляетъ меня, какъ власть установленную Богомъ; паписты—мнѣ личные враги; а сектаторы—враги всякаго королевскаго правительства».—На пуританъ поднялись гоненія; но они были не такого сорта люди, чтобы это могло ихъ смирить; напротивъ, они становились мрачнѣе и строптивѣе, и составили наконецъ сильную партію. Крайніе выдѣлялись изъ нихъ подъ названіемъ индепендентовъ; это были представители полной личной свободы и демократическихъ началъ—свободы въ религіи, въ мысли, въ рѣчи и въ печати.

Во время междоусобной войны въ Англии, индепенденты перенесли свои свободныя воззрѣнія съ церкви на государство и пошли противъ короля. Какимъ значеніемъ пользовались они въ войнѣ парламента съ королемъ, видно изъ донесенія Ферфонкса парламенту. Когда Кромвель, глава индепендентовъ, хотѣлъ оставить войско, то Ферфонксъ писалъ, что Кромвель ему необходимъ, что только онъ одинъ можетъ начальствовать надъ копницей, и что гдѣ онъ съ своимъ богобоязненнымъ войскомъ бьется во имя Господне, тамъ всегда побѣда. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого королевское войско было разбито и совершенно разсѣяно индепендентами. Съ восшествіемъ на престолъ Карла II начались гоненія на пуританъ.

Если устранить всѣ чудачества и все мистическое, заключающееся въ ученіи анабаптистовъ, квакеровъ и даже пуританъ, то останется очень простая сущность, — а въ ней-то и главное дѣло, потому что все остальное только оболочка, дѣйствующая на вышнія чувства и воображеніе. Всѣ эти сектаторы хотѣли общаго братства и равенства въ гражданскихъ отношеніяхъ; нѣкоторые же, для устраненія бѣдности, допускали и общеніе имущества; они требовали строгой нравственной жизни, доходившей у нѣкоторыхъ до такой суровости, что они не допускали даже никакихъ свѣтскихъ удовольствій; они требовали согласія, мира, справедливости и евангельской любви; всякое насиліе и произволь исчезали при этомъ, конечно, сами собой; наконецъ они хотѣли полной свободы совѣсти, мысли и слова.

Но именно въ этой простотѣ и заключается вся трудность. Если бы во время реформаціи всѣ люди были способны понимать и дѣйствовать такъ, какъ понимали и дѣйствовали реформаторы, то конечно не было бы особеннаго труда водворить на землѣ то благоденствіе, о которомъ мечтали патриоты. Если бы всѣ люди были способны жить нравственной и суровой жизнью пуританъ и квакеровъ, то реформаторамъ пришлось бы умереть съ голоду, потому что реформировать имъ было бы нечего. Въ томъ-то и дѣло, что исполненіе простыхъ житейскихъ правилъ, проповѣдуемыхъ новыми христіанскими учителями, требовало тѣхъ же качествъ, которыя встрѣчаются у людей только хорошей натуры, у людей лучшихъ. И какъ эти лучшіе люди не были въ состояніи заставить всѣхъ держаться своихъ правилъ, то имъ осталось только одно — выдѣлиться и составить свои отдѣльные союзы. Такимъ образомъ, на секты вре-

мень реформаціи нужно смотрѣть, какъ на выдѣленіе изъ общества благонамѣренныхъ и энергическихъ людей, желавшихъ жить иною жизнью и имѣвшихъ для того достаточно твердости характера и силы воли. Теперь будетъ понятно, почему пуритане пользовались такимъ нравственнымъ вліяніемъ во времена Карла I и при Кромвелѣ; почему они и квакеры лучше согласились подвергнуться всѣмъ случайностямъ переселенія въ незнакомую и дикую страну, чѣмъ измѣнить хотя на іоту своимъ принципамъ. Такъ поступаютъ только люди очень честныхъ убѣжденій и желѣзнаго характера. Результатъ этого переселенія читателю извѣстенъ—явился союзъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, — это дѣтище реформаціи, практическое осуществленіе выраженныхъ тогда стремленій. Уже разумѣется, Лютеръ никакъ не предполагалъ, что вслѣдствіе его богословскаго спора явится за океаномъ новое, самое сильное, богатое и цвѣтущее государство, съ населеніемъ болѣе тридцати милліоновъ!

Въ то время, какъ пуритане и квакеры устроивали въ Америкѣ свое новое государство и освобождали его отъ метрополіи, континентъ Европы знакомился все болѣе и болѣе съ принципами, заявленными въ реформаціи, и наконецъ на столько освоился съ ними, что почувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы измѣнить средневѣковыя учрежденія. Это случилось въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Слѣдовательно Европѣ понадобилось триста лѣтъ, чтобы осуществить желанія и стремленія лучшихъ людей времени реформаціи; между тѣмъ эти желанія принадлежали не двумъ-тремъ энтузіастамъ или утопистамъ, не исключительно Мюнцеру или Пейферу; напротивъ, и Мюнцеръ, и Пейферъ, и всѣ ихъ ученики были только сознательнымъ, яснымъ выраженіемъ того, что не умѣли формулировать милліоны нѣмецкаго народа, представителемъ нуждъ котораго они явились. А сторонники медленнаго прогресса все увѣряютъ, что нужно идти тише. Неужели и это скоро? Фактъ этотъ можетъ пригодиться для тѣхъ горячихъ и скорыхъ людей, которые быстроту своего личнаго развитія хотятъ сдѣлать масштабомъ развитія народа или вліятельныхъ, такъ называемыхъ образованныхъ сословій. Вѣдь только для этихъ образованныхъ нѣмцевъ и потребовалось триста лѣтъ, потому что народъ былъ согласенъ на всѣ преобразованія еще въ 1522 году. Не одна горячая надежда разбилась объ этихъ образованныхъ людей, да вѣроятно еще долго-

долго будутъ изображать они собой подводные камни житейскаго моря. И не смотря на то, что Европа переживала триста лѣтъ все одну и ту же мысль, осуществленіе ея не было вовсе такъ легко и просто, какъ бы можно было ожидать.

Съ XIX-го вѣка наступилъ для передовыхъ государствъ Европы четвертый историческій моментъ — разрѣшеніе вопросовъ преимущественно экономическаго порядка. Это не значить однако, чтобы всѣ старые вопросы были покончены, чтобы съ идеи римскаго величія Европа распростилась окончательно, чтобы гражданское равенство установилось вполне, чтобы появленіе новаго Наполеона I было невозможно, чтобы римское право не изсушило мозговъ юристовъ, судей и всякихъ законниковъ, чтобы жестокія наказанія были вполне отиѣнены, чтобы не существовало случаевъ произвола и насилія, чтобы благополучіе каждаго отдѣльнаго человѣка было бы задачей всѣхъ правительствъ, однимъ словомъ, чтобы евангельское равенство, справедливость и согласіе, о которомъ хлопотали реформаторы XVI столѣтія, вытѣснило бы вполне римскую сухость и каменность, съ его военнымъ громомъ. Барабанъ еще гремитъ и труба трубить, и солдатъ ловчится колоть штыкомъ и стрѣлять въ цѣль, и радуется, если попадетъ въ сердце, и практическіе, умные люди говорятъ, что безъ всего этого обойтись нельзя.

Чтобы осуществить мечты анабаптистовъ и квакеровъ, нужно воспитывать новыя поколѣнія въ началахъ гуманности и отвращенія отъ всякаго насилія и создать каждому отдѣльному человѣку матеріальное обезпеченіе и благосостояніе, ибо только тотъ гражданинъ — вполне свободный человѣкъ, у кого есть вѣрный кусокъ хлѣба. Въ этомъ стремленіи и заключается историческая задача нашего вѣка.

в. Шкелумовъ.

ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Леопарди)

Мадьяръ, будь вѣренъ неизмѣнно
Родной странѣ своей!
Въ ней свѣтъ увидѣлъ ты впервые,
И ляжешь въ землю въ ней.
Она тебя раститъ, лелѣетъ,
Пускаетъ въ дальній путь,
Ты на груди ея по смерти
Ложисься отдохнуть.

На всемъ, на всемъ обширномъ свѣтѣ
Другого мѣста нѣтъ,
Гдѣ-бъ ты нашель такія ласки
И дружбу, и привѣтъ.
Здѣсь для борьбы съ своей судьбою
Носить ты долженъ мечъ,
Здѣсь долженъ ты и жить, и биться,
И славно въ землю лечь.

Мадьяръ, будь вѣренъ неизмѣнно
Родной землѣ своей!
Уже не разъ кровь нашихъ предковъ
Лилась рѣкой на ней.
И цѣлый рой воспоминаній
Живетъ на той землѣ,
Сверкая яркими звѣздами
Въ простертой всюду мглѣ.

Герой Арпадъ свои дружины
Здѣсь грозно вель на бой,
И съ ними доблестно сражался
За свой очагъ родной.

Здѣсь мечъ героя Гуниада
 Враговъ своихъ крошилъ,
 И силу ихъ, и нго рабства
 Надолго сокрушилъ.

Свобода! часто развѣвалъ пень
 Твоя знамена здѣсь
 И за тебя вставалъ съ восторгомъ
 Нашъ край родимый весь.
 И наши лучшие собратья,
 Краса родной земли,
 Въ борьбѣ кровавой, неустанной
 Костями здѣсь легли.

О, край родной! Ударовъ много
 Ты видѣлъ отъ судьбы,
 Потрясса ты до основанья
 Отъ гибельной борьбы;
 Но и подъ бременемъ ударовъ
 И бѣдствій, и невзгодъ,
 Остался живъ, хотя согбенный,
 Нашъ доблестный народъ.

Онъ живъ, онъ живъ—и неустанно
 Взываетъ къ міру онъ,
 И громко по свѣту несется
 Его великій стонъ.
 Тысячелѣтнія страданья
 Ужасно вопіють,
 И жизнь или смерть родному краю
 Настойчиво зовутъ.

Не можетъ быть, чтобъ столько крови
 Впивалось землей
 Лишь для того, чтобъ былъ позоромъ
 Покрытъ нашъ край родной;

Не можетъ быть, чтобъ, видя муви
Своей родной земли,
Сердца высокiя бесплодно
Страданiя несли!

Не можетъ быть, чтобъ эти силы,
И теплыя сердца,
И этотъ духъ высоко-мощный,
И храбрость безъ конца—
Лишь потому погибли жалко
Въ борьбѣ съ своей судьбой,
Что тяжело лежитъ проклятье
Надъ нашею страной.

Не можетъ быть!.. Пора иная,
Соотчичи, придетъ,—
Придутъ тѣ дни, которыхъ каждый
Съ такою вѣрой ждетъ;
Тѣ дни, что цѣлыя милльоны,
Упавши ницъ въ мольбѣ,
Съ глубокой, гжучею тоскою
Давно зовутъ къ себѣ!

А если намъ тѣ дни увидѣтъ
Не суждено судьбой,
То смерть придетъ—и въ морѣ крови
Все унесетъ съ собой.
Придетъ она за всѣми нами,
И грудь земли тогда
Надъ трупомъ цѣлаго народа
Сомкнется навсегда.

И будутъ чуждые народы,
Раскрывъ свои сердца,
Смотрѣть на страшную могилу
Народа—мертвеца.

И обратятъ туда милльоны
 Печальные глаза,
 И въ тѣхъ глазахъ сверкнетъ печально
 Сочувствія слеза!

Такъ будь же вѣренъ неизмѣнно,
 Мадьяръ, странѣ своей!
 Въ ней свѣтъ увидѣлъ ты впервые
 И ляжешь въ землю въ ней.
 Она хранитъ тебя, лелѣетъ,
 И павшаго тебя
 Привѣтнымъ дерномъ покрываетъ,
 Страдая и любя!

На всемъ, на всемъ широкомъ свѣтѣ,
 Другого мѣста нѣтъ,
 Гдѣ-бъ ты нашелъ такія ласки
 И дружбу, и привѣтъ.
 Здѣсь для борьбы съ своей судьбою
 Носить ты долженъ мечъ,
 Здѣсь долженъ ты и жить, и биться,
 И славно въ землю лечь!

И. Вейнбергъ.

МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.

(Изъ воспоминаній прошлаго).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ П Р О В И Н Ц И И.

I.

Воспитаніе мое было очень плохое. Если бы мнѣ привелось родиться отъ образованныхъ родителей, съ которыми бы я прожилъ лѣтъ пятнадцать, если бы при этомъ я имѣлъ хорошихъ товарищей и получилъ реальное образованіе, изъ меня, можетъ быть, на девятнадцатомъ году вышелъ бы человекъ порядочный и на столько развитой, на сколько можно при реальномъ образованіи развиться въ эти года. Но родитель мой, при бѣдности своей, былъ пьяница, человекъ грубый, и все его образованіе состояло въ томъ, что онъ умѣлъ кое-какъ сочинить письмо, въ которомъ, какъ я замѣтилъ въ чтеніи, описывались нужды и жалобы на то, что онъ обиженъ судьбою. Мать моя, которую я не помню, говорятъ, была добрая женщина, красавица и умница. На сколько была она умна, я не знаю, да и воспитатели мои не могли объяснить это. Запало ли что нибудь въ мою кровь изъ ея свойствъ, была ли во мнѣ частичка ея характера, я, не выдавши ее, судить не могу; только воспитатели говорили, что я похожу на нее, упрямъ такъ же, какъ и она, и такъ же, какъ и она, люблю постоять на своемъ. Воспитатели мои, дядя и

тетка, были люди неразвитые, непонимавшіе, что такое книги; при бѣдности своей, они думали, что если я буду учиться въ гимназіи, имъ не на что будетъ кормить меня и одѣвать. Дядя нигдѣ не учился, выросъ на заводѣ, рано поступилъ въ почталыоны и въ продолженіе всей своей службы думалъ только о томъ, какъ бы приобрѣсти побольше денегъ, да получше угодить своему начальству. Разныя неудачи привели его къ тому заключенію, что если начальство беретъ доходы, то отчего же и ему не брать ихъ, но если начальство дѣлаетъ пакость, ему какое дѣло... Дома онъ жилъ такъ: придетъ со службы, раздѣнется молча; молча обѣдаетъ со мной или теткой, и если скажетъ что нибудь, такъ только какое нибудь замѣчаніе; послѣ обѣда спать ляжетъ; если ему не спится, онъ долго курить лежа или играетъ на скрипкѣ: «барыню», «среди долины ровныя» и «выйду-ль я на рѣченьку». Больше онъ не умѣлъ играть, и эта тяжелая музыка, надобѣдавшая часто мнѣ, продолжалась иногда очень долго. Если не хотѣлось ему играть; онъ пѣлъ тѣже «среди долины ровныя», «я вечеръ во лугахъ гуляла» и «возлѣ рѣчки, возлѣ мосту», причемъ ему подтягивала тетка очень не громко, себѣ подъ носъ, гнусливымъ голосомъ. Но дядя игралъ и пѣлъ больше послѣ чаю. Послѣ чаю, если ему не зачѣмъ было идти въ почтовую контору, онъ очень скучалъ; пѣсни ему надобѣдали, съ женой говорить нечего; онъ шелъ въ халатѣ въ почталыонскую холостую и тамъ или игралъ съ почталыонами въ карты-бабки, или только смотрѣлъ на играющихъ, или слушалъ разныя разсказы о разныхъ почтмейстерахъ; шелъ въ контору и тамъ тоже слушалъ разныя сплетни, но самъ не сплетничалъ. Видимо дядя скучалъ и, ненавида вообще всякія книги, которыя онъ называлъ вадоромъ, онъ не зналъ, какъ провести время, и потому очень любилъ свое занятіе по своей должности въ конторѣ и дѣлалъ почти все самъ. Поэтому онъ ничего не могъ дать хорошаго для моего развитія, да если бы я сказалъ ему: «вы меня не развиваете, а мѣшаете моему развитію, у меня голова кружится отъ моихъ мыслей», онъ обругалъ бы меня, не понималъ бы меня — какое-де ему надо развитіе, и сказалъ бы мнѣ: убирайся вонъ... Онъ былъ убѣжденъ, что сдѣлалъ все для моего развитія: онъ воспиталъ меня, хлопоталъ за меня въ то время, когда я дѣлалъ большія глупости не во лѣтамъ, отдалъ меня въ увадное училище и имѣетъ теперь мой аттестатъ объ окончаніи курса въ этомъ училищѣ, и промѣ этого, я подъ его руководствомъ узналъ

всю жечтовую премудрость. Онъ видѣлъ, что я расту съ него; мнѣ разговоръ моихъ замѣчалъ, что я знаю больше его; зналъ, что я умѣю красиво переписать, кое-что сочинить, даже что-то такое, о чемъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, — и радовался этому. Радовался онъ этому потому болѣе, что я кончила курсъ въ уѣздномъ училищѣ, имѣю права, могу служить, могу получить чинъ — и, стало быть, чего же мнѣ еще надо? Я долженъ благодарить его, что онъ на ноги меня поставилъ... А что мнѣ еще нужно учиться — это онъ считалъ нелѣпностью. Также съ нимъ соглашалась и жена его, моя тетя. Эта женщина была очень неразвита. Воспитывалась она очень бѣдно, съ десяти лѣтъ торговала на рынкѣ кашками, на семнадцатомъ сдѣла въ лавочкѣ и на восемнадцатомъ году вышла замужъ за почтальона, которому она понравилась лицомъ и которому она впоследствии очень полюбила. Не обученная грамотѣ, путавшаяся въ денежныхъ расчетахъ, она хороша была для мужа тѣмъ, что умѣла хорошо стряпать и печь, умѣла шить, любила чистоту и старалась во всемъ угодить *самому*, который былъ для нея выше всего на свѣтѣ. Ей ничего не нужно было, кромѣ того, чтобы мужъ ее былъ здоровъ. Безъ мужа она бы погибла, потому что на чужихъ людей ей стыдно было работать, а ремесла она никакого не знала. При мужѣ она была сыта, спала въ волю, верила впакекетство только съ тѣми, кто ей нравился: больше ей ничего не нужно было, даже религiя для нея послѣ мужа была на второмъ планѣ. — Могла ли эта женщина развить мой умъ? Нисколько. Она учила меня быть честнымъ, не воровать, любить и почитать старшихъ для того, чтобы они любили меня, а если старшіе будутъ любить меня, я буду жить такъ же, какъ и ее мужъ, мой дядя. — Часто я что нибудь рассказывала ей изъ исторiи; она удивлялась, но черезъ недѣлю забывала. Она даже забыла много молитвъ, не знала, кто раньше жилъ: Авраамъ или Христосъ, вѣрила предрасудкамъ и снамъ, гадала въ карты, ходила въ вороженья и т. п. Изъ моихъ рассказовъ она выводила то заключеніе, что я очень уменъ, и удивлялась: отчего это я много знаю, а она и дядя ее ничего не знаютъ? Я говорилъ ей, что я еще ячкого не знаю, мнѣ надо еще многому учиться; она морщилась и говорила: «будетъ. Зачитаешься — съ ума сойдешь. Еще чернокожижникомъ сдѣлаешься»..

Но былъ ли я на самомъ дѣлѣ уменъ, какимъ считали меня дядя и тетя? По ихъ разумѣнію, я былъ уменъ и мнѣ больше образо-

вываться нѣтъ надобности, такъ какъ они думали, что я уже все знаю, знаю больше ихъ, и слава Богу. Не хотѣли они большаго моего образованія потому еще, чтобы я не зазнался и не отдѣлился отъ нихъ. По моему же понятію выходило то, что хотя я и зналъ больше дяди, но зналъ очень мало.

Въ дѣтствѣ я принялъ много побоевъ, изучилъ хорошо различные способы воровства, за что былъ крѣпо наказываемъ. Моя тяжелая жизнь дѣтства, прошедшая безъ ласкъ, безъ утѣшеній, сдѣлала меня задумчивымъ; и я часто не на шутку задумывался: что я за человѣкъ такой? для чего я живу и какую я припошу пользу? Я сталъ приглядываться къ жизни, къ людямъ, наблюдалъ надъ взглядами и манерами людей, потомъ сравнивалъ ихъ съ собою, съ дядей и теткой, но выходилъ какой-то хаосъ. Проводя большую часть дня безъ дѣла дома или на рѣкѣ, или въ лѣсу, я крѣпко задумывался о многомъ. Простору было много, но толку все-таки не выходило. Часто случалось, что я, сидя на рѣкѣ въ лодкѣ, глядѣлъ куда нибудь вдаль, глаза останавливались на одномъ мѣстѣ, а въ головѣ чувствовалась какая-то тяжесть и вертѣлись только слова: «какъ же это?.. отчего же это?..» и въ отвѣтъ ни одного слова. Очнешься и плюнешь въ воду; начнешь удить и думаешь: ахъ если бы у меня были деньги, я бы купилъ книгъ много, много, я бы все выучилъ... и человѣка бы такого надо, который бы объяснилъ мнѣ все это. Въ головѣ чортъ знаетъ что; осердишься, вздохнешь и скажешь: зачѣмъ же они взяли меня къ себѣ, измучили, сдѣлали изъ меня дурака? Зачѣмъ же я не остался такимъ же дуракомъ, какъ и почтальоны, нигдѣ не учившіеся, которые только и думаютъ объ томъ, какъ бы имъ паѣться, напиться, поспать, да угодить начальству?.. И жилъ бы я какъ животное, а то вотъ все думаешь. все хочется узнать что и какъ, и отъ чего, и почему происходитъ. Узнаю я, другихъ буду учить, пользу какую нибудь принесу, спасибо скажутъ, а то что же за человѣкъ, когда я ничего не знаю, когда я гожусь только въ переписчики!

Многого мнѣ хотѣлось, много хотѣлось знать мнѣ, но мнѣ мѣшали, меня ругали за это желаніе; и чтобы я не думалъ много, не сидѣлъ понапрасну долго и не маралъ понапрасну бумагу, дядя рѣшилъ опредѣлить меня на службу, какъ можно скорѣе. До сихъ поръ чиновный людъ я понималъ такъ, что они только пишутъ и за это получаютъ деньги и чины, но я не думалъ, чтобы они при-

носили кому набудь какую-нибудь пользу. Для кого же они пишут-то? думалъ я, и спрашивалъ дядю. Онъ говорилъ, что они служатъ.

— Кому? спрашивалъ я.

— Царю и отечеству.

-- Что же они дѣлаютъ?

— Служать.

Значить, думалъ я, кто пишетъ и кто носить форменную одежду, тотъ служить царю и отечеству. Что же они дѣлаютъ? Дядя не объяснялъ, его знакомые тоже не объясняли и я думалъ: ужели у царя и отечества такъ много дѣла?.. Да, думалъ я, значить они служатъ и за это имъ даютъ чины такого рода, что они возвышаются во мнѣніи другихъ людей, гордятся этимъ, а раньше полученія чина, хлопочуть, чтобы получить этотъ первый чинъ. Дядя говорилъ, что получить чинъ не всякій можетъ, что чиновникъ избавляется отъ тѣлеснаго наказанія и не платитъ никакихъ податей. — «Чтожъ, думалъ я, поступлю и я на службу, коли ужъ дядѣ не хочется, чтобы я учился; буду и на службѣ учиться. — Это самое важное—служба коронная, говорилъ дядя, на эту службу не всякъ можетъ поступить, и чиновника никакъ нельзя сравнить съ купцомъ или мѣщаниномъ, или солдатомъ, такъ же какъ нельзя сравнить почтальона съ сортировщикомъ или почтмейстеромъ. Дядя говорилъ это по своему понятію, и потому что онъ очень рано поступилъ на коронную службу; служить купцу или вообще частному лицу онъ считалъ послѣднимъ дѣломъ, не смотря на то, что у этихъ господъ служащіе получали гораздо больше жалованья, чѣмъ коронные. — «Тамъ служить кто?—мѣщане... А мѣщане подати платять, рекрутство ставить; да и понравишься ты купцу—ладно, не понравишься—прогонитъ; а въ нашей службѣ, шалишь, на все законъ, силой пе выгонишь». Но какъ дядя ни рассуждалъ, а я чувствовалъ, что мнѣ не стерпѣть этой тяжелой службы, что мнѣ долго придется служить до чину, и я завидовалъ такимъ людямъ, которые на пятнадцатомъ году были уже чиновниками или на девятнадцатомъ году, кончивши курсъ въ университетахъ, поступали столоначальниками губернскихъ присутственныхъ мѣсть или становыми приставами. . «Служи, говорилъ дядя, я тридцать лѣтъ служу и все жду чина»...

II.

Дядя ждалъ первый чинъ какъ нѣчто великое, особенное, что должно передѣлать его. Онъ никакъ не думалъ, что Богъ пошлетъ ему эту благодать, потому что ни отецъ его, ни вся его родня не имѣли чиповъ. Я тоже ждалъ этотъ чинъ и думалъ: что это такое? какъ изъ мечиновнаго дядя превратится въ чиновника?—Четыре раза по какимъ-то причинамъ ему отказывали отъ чина и дядя каждый разъ печаллся отъ этихъ отказовъ. Чинъ ему нуженъ былъ еще и потому, что ему хотѣлось получить должность почтмейстера, а безъ чина его не хотѣли опредѣлять, хотя онъ и исправлялъ, во время отсутствія почтмейстеровъ, ихъ должности. Каждую почту онъ справлялся въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ»: произведенъ ли онъ въ чинъ, и одинъ разъ самъ своими глазами увидалъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» свою фамилию и производство его въ коллежскіе регистраторы. Съ неописаннымъ восторгомъ дядя сообщилъ это теткѣ, которая отъ радости заплакала, но все еще плохо вѣрила.

— Ты бы хорошенько посмотрилъ.

— Ужь не безнокойся... Произведенъ.

— Слава тебѣ Господи. А ты бы еще посмотрилъ.

Но этому случаю тетка, посившая на головѣ косынку, купила теперь шляпку. Она была того убѣжденія, что шляпку слѣдуетъ носить только чиновницамъ.—Особенной переживны я не замѣтилъ ни въ дядѣ, ни въ теткѣ: дядя только хвалился своимъ чиновничествомъ.

— Теперь меня ни одна свинья не смѣетъ обижать, говоритъ онъ храбро.

— Ты бы того... Да у тебя въ второмъ мѣстѣ чинъ-то?

— Чинъ въ головѣ!

Тетка не понимала: она предполагала въ чинѣ какое нибудь отличіе.

— Все бы надо что-нибудь...

— На бумагѣ произвели — прямо въ коллежскіе регистраторы. — Да.

— Ты бы сюртугъ съ позументомъ заказалъ.

— Закажу, когда буду почтмейстеромъ... А мнѣ, слышь, плохо

звѣрится, что я произведенъ въ чинъ. Чинъ,—чинъ говорить... Они бы звѣду какую нѣбудь дали.

— То-то. А то чиновникъ говорить, а кто тебя узнаеть, что ты чиновникъ.

— Въ головѣ, сказано, чинъ...

Повидимому, дядя обижался, что ему не дали такого отличія, по которому бы его всё люди знали, что онъ чиновникъ. Онъ ходилъ по прежнему въ контору въ сюртукъ, дома въ халатъ, но съ почтальонами уже не игралъ въ карты; по прежнему ѣлъ, пилъ, спалъ, пѣлъ и скучалъ, только почтальоны при встрѣчѣ стали спигать ему свои шанки, чего прежде не дѣлывали. Тетка надѣла новую шляпку, и эта шляпка была ей не къ лицу, какъ мнѣ показалось съ перваго раза и какъ показалось также почтальонкамъ, да и самой ей какъ то неловко было идти по улицѣ; такъ вотъ и казалось, что она думала: меня всё знаютъ, всё удивятся, что я чиновница. Дѣйствительно, нечиновныя ея знакомки удивлялись такому наряду и спрашивали:

— Чтой-то съ тобой? али муженекъ-то чинъ получилъ?

— Получилъ, слава тѣ Господи; первый чинъ получилъ.

— Слава тѣ Господи! Гляньсь... а шляпка-то ровно у тѣ бѣкомъ, матра...

Тетка досадовала на это замѣчаніе. Раньше она многимъ почтальонкамъ говорила вы, теперь ей казалось неприлично говорить такъ и она говорила на ты, что очень обижало почтальонковъ; онѣ говорили промежъ собой: завналась дѣвка!.. не къ лицу это сѣдло напялила, и ругали мужей за то, что они, вахлаки, не купятъ ниъ шляпки для того, чтобы протереть глаза модницамъ, моей теткѣ.

Это произшествіе случилось какъ разъ въ то время, когда я кончилъ курсъ въ уѣздной училищѣ, т. е. на девятнадцатомъ году моего существованія въ мірѣ семъ. По введенному издавна порядку, дядѣ слѣдовало сдѣлать поздравку для почтовыхъ, на томъ основаніи, что онъ получилъ большую радость, которую должны раздѣлять и почтовые; но дядя не сдѣлалъ поздравки, говоря напращивающимся: она важность, что я чинъ получилъ! А сколько я до него служилъ-то? Потрите-ка вы лямку-то...

— Да вѣдь вы получили и должны на радостяхъ сдѣлать поздравку.

— За што? Безъ васъ произвели бы — выслужилъ, значить.

Сталъ онъ просить губернскаго почтмейстера назначить его уѣзднымъ почтмейстеромъ; тотъ представилъ другого за сто рублей; открылась вакансія помощника почтмейстера въ одномъ богатомъ уѣздномъ городѣ; попросилъ онъ почтмейстера, тотъ отказалъ. Дядя послалъ прошеніе выше. До этого времени, онъ, въ надеждѣ на опредѣленіе, былъ нѣсколько веселъ и любезенъ съ теткой. Особенно онъ хвалилъ себя:

— Наткось, и я чиновникъ.

— И я чиновница, говорила тетка.

— Конечно, ты не кухарка какая нибудь... А все это по моей милости.

— У, ты мое золото!.. Тетка цѣловала дядю; дядя тоже цѣловалъ ее щетинистыми губами. А это случалось очень рѣдко, потому что онъ не любилъ любезничать, и я рѣдко замѣчалъ, какъ дядя цѣлуетъ тетку.

— Да, толкуй тутъ, а я свой родъ возвеличилъ! хорохорился дядя.

— Все божья воля.

— Ну ужь... А я все-таки одинъ изъ всего своего рода чинъ получалъ и тебя чиновницей сдѣлалъ, и Петиньку чиновникомъ сдѣлаю... Вотъ каковъ я!

Дядю опредѣлили помощникомъ почтмейстера туда, куда онъ просился. По этому случаю онъ сдѣлалъ поздравку—обѣдъ, на который пригласилъ почтовую аристократію. Тетка прилежно стряпала, послѣ стряпни нарядилась въ шелковое платье, бѣгала, суежилась, ворчала на меня; дядя тоже суетился и просилъ тетку не подгадить. Мнѣ велѣно было сидѣть въ кухнѣ за дверьми. Я никогда не бывалъ среди «аристократіи» и потому мнѣ очень хотѣлось узнать, что это за штука таія. Въ двѣнадцать часовъ стали собираться гости со-всѣмъ трезвые, поздравляя дядю и тетку съ чиномъ и съ должностью. Когда собрались всѣ, выпили по рюмгѣ водки и вели разговоры какъ-то натянуто, какъ-будто находя, что они пришли къ человѣку низшаго сорта. Выпили по двѣ и по три, развязались языки, поздравляли дядю и тетку, за обѣдомъ больше молчали и отшучивались, подсмѣиваясь надъ угловатостью дяди. Дядя и тетка усердно подчивали, говорили имъ любезности, и особенно усердствовали передъ губернскимъ почтмейстеромъ, которому они льстили, поддакивали и старались ловить каждый его разговоръ. Дядя бывалъ въ

такихъ обществахъ, но все какъ-то велъ себя принужденно, загибая лѣвую руку назадъ, а правой почесывая правый високъ, тетка не бывала въ такихъ обществахъ,—робко подносила кушанья и убирала посуду. По ея неряшеству оказывались невымытыя ложки, ножи, о чемъ ей замѣчали любезно:

— Пожалуйста, возьмите ложку, я не хочу больше.

— И, полноте! у меня другія есть.

Впрочемъ она старалась пустыми мелочами угодить гостямъ: подносила другія салфетки, просила ѣсть больше; гости подсмѣивались надъ ней. Но больше всего гости разсуждали про меня.

— Ну что ваше-то чадо?

— Кончилъ курсъ.

— Дѣло. А какой господинъ замѣчательный!.. Бѣдовый паренъ!

— Что дѣлать, смучился...

— Я бы не сталъ такого держать.

— Теперь онъ ничего. Не знаю куда опредѣлить бы его. Денегъ нѣтъ.

— Полно-ка. Поди, ящики у тебя ломаются, говорилъ почтмейстеръ по дружески.

Подъ конецъ гости тоже разсуждали по дружески, и повидному, вспомнѣ остались довольны поздравкой.

III.

Въ губернскомъ городѣ дядя не прискалъ мнѣ мѣста и повезъ меня съ собой въ уѣздный городъ. Этотъ городъ вдвое больше и богаче губернскаго, поэтому дядя и разсчитывалъ на богатые доходы; но онъ не умѣлъ сойтись съ почтмейстеромъ, который забралъ все доходы себѣ; особенно почтмейстеру не понравилось то, что ему въ помощники назначенъ не тотъ, о которомъ онъ просилъ, а мой дядя, который хвалился честностью. На первыхъ порахъ онъ не далъ дядѣ казенной квартиры; потомъ говорилъ корреспондентамъ, что ему послали помощника невѣжу, незнающаго свое дѣло. Дядя написалъ въ губернский городъ, что его обижаютъ, и вслѣдствіе этой жалобы почтмейстеръ очень не залюбилъ дядю и все-таки далъ ему казенную квартиру. Въ губернской почтовой конторѣ дядю уважалъ почт-

шефстеръ, не смотря на то, что онъ былъ сортировщикомъ; сюда онъ бѣжалъ какъ начальникъ, для отдыха, и какова же была его досада, когда почтмейстеръ говорилъ всѣмъ объ немъ очень худо и заставлялъ его заниматься наравнѣ съ почтальонами и каждую недѣлю ѣздить на станціи разбирать жалобы проѣзжающихъ на ящичиковъ и смотрителей? Дядя ничего не могъ сдѣлать съ почтмейстеромъ и былъ доволенъ только тѣмъ, что получалъ порядочное жалованье и занималъ три комнаты и свою кухню. Такъ какъ комнаты были расположены дурно—на два семейства, то мнѣ комнаты не полагалось, а были отведены антресоли въ прихожей между двумя комнатами, которыя я называлъ полатами; тутъ-то и устроилъ свой кабинетъ, гостиную и спальню, въ которыя надо было влѣзть по лѣстницѣ, стоявшей у печки. Но моя палата была тѣмъ хороша, что изъ гостиной дяди меня никто не могъ видѣть, а я все могъ видѣть. Теперь мнѣ, какъ кончившему курсъ, было разрѣшено курить табакъ и читать книги. Я покупалъ махорку и, къ радости дяди, сталъ выживать имъ нелюбимыхъ гостей. Книги мнѣ свѣтло было читать, и я доставалъ всякія безъ разбору у теткинскихъ знакомыхъ; но всѣ эти книги были пустыя, потому что у дяди не было образованныхъ знакомыхъ.

По почтовому вѣдомству дядя не хотѣлъ меня опредѣлить; притомъ здѣсь у него не было такихъ людей, которые бы приняли меня на службу. Одинъ только уѣздный судья былъ ему знакомый. Этотъ судья и рѣшилъ мое дѣло. Онъ согласился принять меня въ уѣздный судъ.

Идти въ судъ зачѣмъ нибудь дядя считалъ за безчестіе, — такъ былъ ему сомонъ судъ. Поэтому можно судить, каково было мнѣ забалитъ себя на службу въ этою мѣстѣ. Поплакавъ я съ дуру ночью, а утромъ почтальонъ привелъ меня въ судъ. Я шелъ туда съ намѣреніемъ узнать, что такое судъ, научиться дѣлопроизводству и потомъ перейти куда нибудь въ другое мѣсто, со временемъ, когда дядя познакомится съ важными должностными лицами. Въ судѣ я ничего худого по шаружности не замѣтилъ: стѣны вычекатурены и бѣлыя, на стѣнахъ два портрета, служащіе одѣты прилично. Только мнѣ не нравилось, какъ говорили служащіе, оглядывая меня:

— Это что за лица?

— Вѣрно на службу... Всякую дрянъ принимають.

Судья мнѣ ничего не сказалъ, а призвавъ какого-то Загибина въ

сѣренкомъ пальто, велѣлъ ему взять меня къ себѣ. Я сѣлъ смиренно, меня окружили шесть служащихъ, въ числѣ которыхъ были и коложе меня. Всѣ они спрашивали меня, кто я такой, гдѣ учился, что новаго въ губернскомъ городѣ, скоро ли къ нимъ будетъ губернаторъ?.. Сталъ я вглядываться къ служащимъ. Многие изъ нихъ писали очень скоро, перья сильно скрипѣли, многие шептались, некоторые перекривались. Вонъ всталъ одинъ, сидѣвшій на концѣ стола, взявъ въ губы перо и чуть не бѣгомъ пришелъ къ шкафу, откуда онъ скоро вытащилъ какое-то дѣло, посмотрѣлъ въ него и опять бросилъ въ шкафъ. Къ нему подошелъ высочій служащій и ударилъ верхушку его головы рукой, предварительно плюнувъ на ладонь; какой-то служащій, смотрѣвшій на это, захихикалъ, а получившій любезность схватилъ за волосы обидчика и такими манерами притянулъ его къ полу, тотъ вскрикнулъ: отпусти, торты!.. Вонъ какой-то служащій среди тишины сказалъ на всю канцелярiю: Пичужкивъ, дай табачку... На это ему отвѣтили: хера не хонь ли?.. Вонъ изъ другой комнаты выбѣжалъ въ шапкѣ и въ пальто долговазый служащій; его остановилъ сидѣвшій на углу: «куда?..» — «Ханать!» сказалъ служащій въ сѣромъ сюртугѣ, продолжая писать... Вонъ привели арестантовъ, подвели ихъ къ какому-то столоначальнику; тотъ съ одного просить за что-то деньги... Но это не такъ занимало меня, какъ занимало меня сидѣвшій противъ меня за однимъ столомъ человекъ лѣтъ сорока пяти въ горнозаводскомъ сюртугѣ. Лицо варявое, давно небритое, глаза плутоватыя; на переноси торчатъ очки съ засаленными стеклами въ вѣдной оправѣ. Онъ то и дѣло выглядывалъ изъ-за очковъ, то на меня, то на обѣ стороны и часто сморкался на полъ, придерживая одну половину носидрей, держа перо въ зубахъ. Онъ, согнувши спину, наклонивши голову на лѣвый бокъ и высунувши языкъ на лѣвую сторону къ усамъ, писалъ очень старательно косыми строчками, такъ и казалось, что онъ не пишетъ перомъ, а елоблнть. У дверей въ прихожую какой-то служащій съ гербовымъ листомъ бумаги беретъ отъ женщины, бѣдно одѣтой, вѣдныя деньги.

— Ишь собана! много ли дала? спросилъ мой визави у этого служащаго, считавшаго деньги.

— Молчи, варявая рожа, отвѣчалъ тотъ.

— Будь ты проклятъ песь! сказала рожа.

Вдругъ подскочилъ къ нему Загибинъ и ударилъ его по головѣ

линейкой; онъ плюнулъ на него и попалъ какъ разъ плевкомъ въ лѣвую щоку. Къ нему подошли еще трое служащихъ и, трепля его, приговаривали ему: формочка, формочка! Усь! усь!.. Онъ злился, плевался, ругался, отмахивался линейкой...

У меня попросили папиросъ и я отправился курить.—Судъ помѣщался во второмъ этажѣ; внизу помѣщался земскій судъ. Служащіе уезднаго и земскаго судовъ зимой и лѣтомъ курили на крыльцѣ подъ уездно-судейской лѣстницей. Сойдется человекъ восемь изъ обонхъ судовъ: кто свою курить папироску, а кто и на счетъ другого пробавляется; одна папироска часто курится четыремя, и ховяину ея рѣдко достается окурокъ. Здѣсь они занимаются, между прочимъ, *политикой*, т. е. говорятъ о новостяхъ и сообщаютъ другъ другу разныя свѣденія, не касающіяся службы. Отъ судебныхъ служащихъ я узналъ, что въ судѣ три столоначальника, одинъ занимаетъ должность надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ и приходо-расходчика, котораго любить судья, и этотъ судья такъ довѣрился ему, что даже опредѣляетъ и увольняетъ служащихъ по его желанію и назначаетъ жалованье по его же совѣту; писцовъ штатныхъ шесть, вольнонаемныхъ тринадцать. Во всей канцеляріи только два чиновника. Всей суммы на канцелярію полагается въ мѣсяцъ сто пять рублей и такъ какъ ея немного, то многіе писцы получаютъ только по три рубля, а новички по два мѣсяца служатъ даромъ.

Второй и третій день я привыкалъ къ служащимъ, и уже не дичился ихъ. До прихода секретаря служащіе ничего не дѣлали, а разсказывали разныя исторіи, сообщали другъ другу разныя свѣденія, бранились и корили другъ друга чѣмъ нибудь, не обижаясь впрочемъ ругательствами. Приходилъ секретарь, ему кланялись, не вставая со стульевъ и табуретокъ, разбѣгались по своимъ мѣстамъ и начинали писать. Секретарь здоровался за руку только съ надсмотрщикомъ, на служащихъ онъ глядѣлъ гордо, вообще держалъ себя по секретарски и говорилъ всѣмъ: «на, перепиши! Дай мнѣ такое-то дѣло.» Засѣдателямъ отдавали тоже такую честь, какъ и секретарю, и они тоже здоровались только съ надсмотрщикомъ. При нихъ служащіе уже крѣпко занимались, но держали себя по прежнему вольно. Судья приходилъ въ судъ тихо, но какъ только служащіе завидятъ его въ прихожей, столпившіеся разбѣгутся на свои мѣста, схватываютъ перья и дѣлаютъ видъ, что они пишутъ, или показываютъ,

что они чинят перья. Незанятые ничѣмъ, служащіе тоже держатъ въ рукахъ что нибудь, или томъ свода, или какую нибудь бумагу. Въ это время всё затихаютъ. Показался въ канцеляріи судья, загремѣли стулья вразъ, вразъ всё встали, каждый пошевелилъ губами: здравствуйте, моль! Судья важно кланяется два раза на обѣ стороны и молча проходитъ въ присутствіе. Случалось, что судья заставлялъ канцелярію въ расплохъ, какъ бывало въ училищѣ грозный смотритель или инспекторъ, тутъ служащіе терялись: стоявшіе не смѣли идти на свои мѣста, говорившіе на своихъ мѣстахъ точно присѣдали еще ниже. Выходило очень смѣшно. Въ присутствіи начинался говоръ, оживлялась и канцелярія; начинался гвалтъ, крикъ, драка. Выходить секретарь изъ присутствія и говорить грозно: тише вы!.. Канцелярія смолкаетъ, потомъ опять слышны хихванья и гвалтъ. — Смирно вы, сволочь! говоритъ секретарь... Такъ и проходило время въ судѣ. Каждый служащій долженъ былъ непременно придти на службу вечеромъ, не смотря ни на какую погоду и на то, что онъ жилъ далеко. Служащіе готовы были заниматься прилежнѣе дѣломъ до пяти часовъ, только бы имъ не ходить по вечерамъ; они даже совѣтовались объ этомъ между собой, но предложить судѣ не смѣли, да судья, пожалуй и не разрѣшилъ бы этого, имѣя въ виду расходъ на свѣчи.—Вечеромъ служащіе очень мало занимались дѣломъ, потому что судья никогда вечеромъ не бывалъ въ судѣ, а засѣдатели бывали очень рѣдко, и когда приходили, то разговаривали съ столоначальниками о чемъ нибудь. Вечеромъ служащіе рассказывали другъ другу или компаніи человѣкъ въ пять о своей удали, хвастались, какъ они разбили стекла въ какомъ-то открытомъ домѣ и какъ надули такую-то дѣвицу за доставленное такому-то судейскому ловеласу удовольствіе. Меня очень злили эти разговоры, но приводилось ихъ слышать каждый день, потому что они забавляли служащихъ да и кромѣ этого предмета не о чемъ было говорить.

IV.

Въ первый день моей службы я переписывалъ копію и плохо понималъ ея содержаніе, потому что переписывалъ съ неразборчиваго почерка очень старательно, боясь пропустить какую нибудь строчку

или букву. — Миѣ стыдно было, когда я что либудъ приписывалъ лишнее, и это лишнее нужно было скоблить; и краснѣлъ, когда мой столоначальникъ говорилъ миѣ: «вы соврали немножко, нужно поправить». А безъ опомбокъ я никакъ не могъ переписать бумаги, вѣроятно потому, что такое занятіе было для меня новостью. На другой день миѣ дали переписать рапортъ въ губернское правленіе. Я долго ломался, не зная какъ начать; два раза прочиталъ черновое и ничего не понималъ, что надо уѣздному суду, чего-то онъ просить докорнѣйше и о чемъ-то имѣть честь донести. Слово донести было для меня новостью. Миѣ показали, какъ нужно писать; я писалъ очень старательно, выводилъ какъ можно красивѣе буквы, и въ это время думалъ: неужели мое занятіе или моя служба въ томъ заключается, чтобы выводить на бумагѣ красивые буквы? Оно на первый разъ такъ и вышло: я протянулъ *p* очень далеко, поставилъ не русское; засѣдатель велѣлъ переписать миѣ. Все-таки я считался переписчикомъ лучшаго сорта, и поэтому миѣ давали переписывать рапорты и донесенія. Занятія въ судѣ было много, такъ что я занимался и дома; время шло незаметно, но развитія для меня все таки не было. За то темерь я былъ уже служащій человекъ и самъ получалъ жалованье. А получалъ я уже три рубля серебромъ въ мѣсяць. Я понималъ, что я служу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ, и гордился этимъ, хотя, новикому, никто изъ ваццеларскихъ братій не гордился своей службой. Дядя интересовался моей службой. Приду я домой, — онъ уже спитъ. Встанетъ къ чаю и спрашиваетъ:

— Ну что, какъ служба?

— Ничего.

— Судья ничего?

— Ничего.

— Ты-бы попросилъ, чтобы онъ прибавилъ ему жалованья, а то и на сапоги не достанетъ, просила тетка дядю.

— Они вѣдь, скоты, все любятъ, чтобы имъ даромъ дѣлали.

— Да и работы-то палата, все копнн.

Дядя обижался, что миѣ давали мало жалованья, онъ понималъ, что я смыслю сочинять, но просить судью не хотѣлъ и думалъ, что я вѣрно самъ того заслуживаю. Я не обижался такимъ жалованьемъ, потому что служащіе, поступившіе раньше меня, получали по рублю и меньше, да миѣ и хорошо жилось у дяди. Такъ

прошло два мѣсяца. Наконецъ, получился указъ губернскаго правленія о зачисленіи меня на службу. Дядя обрадовался этому. Нужно было принимать присягу на вѣрность службы.

Присяжныхъ листовъ на этотъ предметъ въ судѣ не имѣлось; служащіе наизусть присяги не знали. Поэтому я цѣлые два дня ходилъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и только въ одномъ нашелъ добраго человѣка, который снабдилъ меня присяжнымъ листомъ. Попалъ я въ соборъ, стоящій противъ суда. Тамъ я попросилъ священника привести меня къ присягѣ, но онъ запросилъ рубль; я попросилъ другого, тотъ сказалъ, что ему некогда. Въ судѣ говорили, что меня можно привести въ присутствіи при всѣхъ членахъ, и тогда я ничего не заплачу священнику. Въ нашъ судъ почти каждый день ходилъ одинъ священникъ и приводилъ къ присягѣ арестантовъ при отобраніи депрессакъ. Въ этотъ день онъ былъ въ присутствіи, и я вошелъ туда съ присяжнымъ листомъ и попросилъ секретаря объ этомъ предметѣ.

— Батюшка, вѣкъ еще этого приведите къ присягѣ, сказалъ секретарь священнику.

— Этого? Неужели такой молодой попался?

— На службу опредѣланъ.

— А! Да мнѣ некогда. Ужо, въ другой разъ.

Отложивъ до другого разу. На этотъ разъ священника просилъ самъ судья. Мнѣ велѣли стать къ столу и поднять руки къ верху. Судья и члены смотрѣли на меня. Я, молчалъ и смотрѣлъ въ окошко, дожидаясь слова присяги.

— Вслухъ говоритъ! прикрикнулъ на меня судья. Я сталъ повторять слова шопотомъ, смотря въ окно, клялся, забывая все окружающее. Повторяя слова, я думалъ: зачѣмъ я измѣню?.. Я буду вѣрно служить, не такъ какъ они; буду служить для пользы людей... Когда, вечеромъ, я легъ спать, я долго думалъ объ этой присягѣ. «Не лгалъ-ли я?» — Нѣтъ, я клялся отъ чистаго сердца, и когда я представилъ себѣ всѣхъ служащихъ, всѣ ихнія дѣланія, я ужаснулся: гдѣ же клятва? гдѣ же тѣ желанія? Отчего ата. присяга имѣетъ свою силу только тогда, когда произносятся слова ея... Неужели то же будетъ и съ мной? Отъ этого я перешелъ къ тому, что я въ судѣ служу честно, не реписываю, знакомлюсь съ служащими, нахожусь въ ихъ обществѣ—и только; я получаю жалованья три рубля, хотя и стараюсь каждую бумагу

переписать на отличку, и если я грѣшу чѣмъ-нибудь противъ присяги, такъ развѣ тѣмъ, что я досажаю, что мнѣ даютъ немного жалованья. Отдавая дядѣ три руала, я вполне обезпеченъ: у меня есть теплая квартира—полата, меня одѣваютъ, кормятъ, мнѣ даютъ деньги на махорку. Больше мнѣ ничего не нужно было. Я даже думалъ, что я все буду жить у дяди и буду служить честно; потомъ дядя похлопочетъ за меня, и судья сдѣлаетъ меня столоначальникомъ, и я буду получать жалованья десять рублей, изъ которыхъ пять я буду отдавать дядѣ, а половину буду держать у себя... При этомъ я представлялъ себѣ положеніе бѣдныхъ служащихъ. Многие изъ нихъ получали отъ пяти до семи рублей и жили съ женами на квартирахъ; кромѣ этого они пили водку въ компаніи, ходили въ разные увеселительныя заведенія... Я думалъ, что жить на такомъ жалованьи нельзя, имѣть постороннюю работу невозможно при судейскихъ занятіяхъ, и сначала я обвинялъ служащихъ въ пьянствѣ; и въ томъ, что они не умѣютъ беречь деньги, но потомъ и самъ разсудилъ, что жить честно на пятирублевымъ жалованьи совершенно невозможно въ большомъ городѣ, и что нужно пріобрѣтать какіе-нибудь доходы,—брать взятки. Но вѣдь это не честно... А жить если нечѣмъ? Голодомъ живи?.. А для каковаго чорта?... Долго ядумалъ, и сбившись совсѣмъ съ толку, заснулъ, но и во снѣ мнѣ мерещились разные страшныя хари, которыя я почему-то называлъ судейскими.

И сталъ я служить въ уѣздномъ судѣ и прослужилъ уже полгода и многому насмотрѣлся я тамъ, многое я изучилъ тамъ; но мнѣ не приводилось получать доходовъ, потому что я только переписывалъ то, что мнѣ дадутъ члены и мой столоначальникъ.

У.

Дома я постоянно сидѣлъ на полатахъ и читалъ книги. Книги религіознаго содержанія почему-то мнѣ наскучили и я читалъ разные повѣсти или романы, разные старыя газеты, какія я только доставалъ у теткихъ знакомыхъ. Дядя и тетка на мое чтеніе смотрѣли равнодушно, называя меня уже большимъ человекомъ, которому можно читать книги для того, чтобы не дичиться передъ людьми;

но могъ ли я не дичиться, забившись на полатахъ? Если къ теткѣ или дядѣ приходили гости, они не рекомендовали меня имъ, а гнали прочь: чего сидишь, пошелъ на свое мѣсто... Съ своей стороны, и я не желалъ знакомиться съ гостями, отъ которыхъ я кромѣ хвастовства ничего не слыхалъ хорошаго.—Ходилъ къ дядѣ помощникъ казначея, повидимому не глупый человѣкъ и шутникъ до того, что я, сидя на полатахъ, заслушивался его, и ежели слышалъ что-нибудь смѣшное, хохоталъ, зажавши ротъ. Разъ я не утерпѣлъ и высунулъ съ полатей голову. Чиновникъ рассказывалъ о какихъ то старинныхъ своихъ похожденіяхъ и о карточной игрѣ и взглянувъ на полатахъ, струхнулъ.

— Это что у тебя за звѣрь? спросилъ онъ дядю. Я тотчасъ же спрятался и сталъ слушать.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

— Это мой племянникъ.

— Какъ онъ меня испугалъ! Я часто вслушивался: что это такое скрываютъ тамъ?..

— Это онъ. Я тебѣ шельма! Что ты тамъ не сидишь смирно!..

— Я ничего, сказалъ я.

— Что-же ты не покажешь его мнѣ.

— Не для чего. И дядя принялся рассказывать съ разными красками исторію про меня. Я злился и досадовалъ, что рекомендуетъ меня очень худо.

Этотъ чиновникъ часто ходилъ къ дядѣ для того, чтобы онъ отправлялъ его письма во всякую пору; за что онъ угощалъ дядю виномъ. Онъ былъ богатый человѣкъ, имѣвшій много знакомыхъ, но сколько дядя ни просилъ его пристроить меня въ казначейство, онъ говорилъ, что нужны для этого деньги. Казначей также не любилъ его, какъ и дядю почтмейстеръ и эти два пріятели постоянно ругали своихъ начальниковъ, съ тою только разницею, что дядя ругалъ рѣшительно всѣхъ, а его пріятель хвалился тѣмъ, что ему председатель обѣщалъ мѣсто казначея. Странно мнѣ казалось то: почему это помощникъ казначея не познакомитъ мою тетку съ своей женой и самъ рѣдко приглашаетъ къ себѣ дядю, хотя онъ и жилъ очень близко отъ почтовой конторы. Когда онъ приходилъ къ намъ, постоянно говорилъ какія-нибудь любезности теткѣ, которыя даже казались ей приторными. Тетка въ свою очередь справлялась у дя-

динаго пріятеля о здоровьѣ его жены и послала ей свой пошлонтъ, хотя никогда и не видала ее. «Моя жена такая хвора, занятая дѣтьми...» говорилъ обыкновенно чиновникъ, а на самомъ дѣлѣ это была тучная женщина, въ родѣ африканокъ, живущихъ на верховьяхъ Нила, но рѣдко встававшая съ постели. Жизнь этихъ обонхъ супруговъ, какъ надо полагать, была очень легкая, время шло незамѣтно. Онъ впрочемъ разсказывалъ, что онъ женился на богатой, образованной воспитанницѣ какого-то московскаго института и жена ему каждый годъ исправно рождаетъ ребенка. Поэтому дядя и прозвалъ жену своего пріятеля *утробой*, а тетка—модинцей, за томъ основаніи, что она, т. е. жена пріятеля, ничего не дѣлаетъ. Впослѣдствіи пріятель сталъ ужъ очень надоѣдать дядѣ своими письмами, частыми посѣщеніями, отъ которыхъ дядя выпивалъ двѣ лишнія рюмки водки, буянилъ дома, втянулся въ карточную игру и всегда проигрывалъ деньги. Тетка начала сначала съ неудовольствіемъ принимать дядинаго пріятеля, говоря: вы человекъ богатый, вамъ ничего не значить проиграть десять рублей, а у насъ гдѣ деньги-то.

— Ну, ну! Поди, у васъ тысячи водятся. Нечего прикидываться-то, говорилъ пріятель.

Тетка хмурилась. Стала она бранить дядю, что, какъ придетъ его пріятель, водки и папирсъ много выходитъ; полъ онъ вымаралъ плевками и проч.

Сначала дядѣ весело было съ нимъ; но потомъ и онъ соскучился; онъ былъ сосредоточенный человекъ и любилъ больше одиночество.

Дядя часто скучалъ по губернекомъ городѣ, гдѣ у него было много знакомыхъ, жилось хорошо, можно было порыбачить; а здѣсь народъ гордый, городъ скверный, рыбачить далеко. Въ самомъ же дѣлѣ у него въ губернекомъ городѣ хотя и было много знакомыхъ, но ни эти знакомые не ходили въ нему въ гости; ни онъ не ходилъ къ нимъ—значить, шапотное знакомство; конечно, ему бы можно приглашать ихъ и ходить къ нимъ, но у него не было много денегъ, чтобы играть съ ними въ стуколку, безъ чего дружба въ губернекомъ городѣ была не мыслима. Здѣсь у него было много знакомыхъ того времени, когда онъ еще былъ почталыономъ въ здѣшней канторѣ, но многие его знакомые изъ бѣдняковъ сдѣлались теперь богачами, золотопромышленниками, у которыхъ все власти были въ рукахъ и у которыхъ эти власти эти прямики. Таки

люди уже, конечно, за стыд считали водить прежнюю дружбу съ дадей. Злился дядя на этихъ людей, очень злился еще потому, что онъ весь вѣкъ мается для другихъ, и чортъ знаетъ для чего онъ мается.

— Хоть бы до пенсiи, будь она проклята, дали дослужить, а то съѣдятъ, подлецы, раньше гроба... Тогда бы и я на боку лежалъ или пошелъ бы на пароходъ въ капитаны... И злился же дядя очень, представляя свое незавидное положенiе. — «Скоро пятьдесятъ лѣтъ будетъ, какъ я живу на семь свѣтѣ; сколько городовъ изъѣздишь, сколько людей видашь, а что нажилъ для себя?.. Ну-ка вы, свиньи эдакіе, ткните сундучишко-то! Вы говорите я богатъ; ткните-ко; все переворачайте... Скажите, гдѣ я запряталъ деньги?.. Подлецы, вотъ что я вамъ скажу! Напрасно только обижаете бѣд-аго человѣка. Если бы я во ъ овалъ, да обманывалъ, — сталъ бы я развѣ служить? Я бы торговлю открылъ; а то какъ жилъ честью, и ничего не нажилъ. Умри я, жена по миру пойдетъ. Къ роднѣ ей, что-ли, идти — свои деньги неси, такая же голь... И чортъ это знаетъ, зачѣмъ человѣкъ родится? Живешь — все зависть беретъ, все мало, все бы хапалъ... А и завидно опять, что люди хорошо живутъ, ты ни то, ни се; да они же и смѣются надъ тобой, понукаютъ тобой, проклятые...

— Ну, полно, унимаетъ его тетка, на Бога надѣйся.

— Ты надѣйся, а я усталъ.

— О-о-хо-хо, грѣхъ тяжкій.

— Гдѣ грѣхъ? Ну-ка скажи, что я худое сдѣлалъ? Обидѣлъ ли я когонибудь.

— Нѣтъ, а все же...

— Ну то-то и есть. Ты вотъ молишься, а все комунибудь хочешь отомстить. Все на мужнину шею надѣешься. Ну, что ты сдѣлала для меня?

Тетка въ слезы. Она дѣйствительно немного сдѣлала для дяди: она была ему жена, любила его, стряпала на него, шила на него а деньги приобреталъ все-таки онъ. На себя она ничего не приобрѣла, потому что мать ея была бѣдная, а потомъ она сама не умѣла нажить денегъ.

Съ-почтмейстеромъ дядя не могъ ладить. Главное обстоятельство, послужившее къ атому, было то, что почтмейстеръ, во-первыхъ, былъ сынъ председателя, во-вторыхъ, женившійся на бога-

той, и въ-третьихъ, называлъ дядю невѣжей, необразованнымъ и свиньей. Почтмейстеръ подъ конецъ предоставилъ ему простую корреспонденцію, т. е. письма и пакеты. Приходилъ почтмейстеръ въ контору раньше дяди. Дядя приходилъ, подавалъ ему руку; почтмейстеръ нехотя протягивалъ ему свою лѣвую руку, ядовито улыбаясь, или говорилъ: поздненько пришли.

Дядя садился на свое мѣсто молча или, когда былъ сердитъ, говорилъ: что мнѣ здѣсь дѣлать? Вѣдь я здѣсь вмѣсто мебели у васъ.

Почтмейстеръ злился, но, какъ вѣжливый человѣкъ, говорилъ: все же вы вѣдь помощникъ, должны раньше меня приходиться.

Дядю взорветъ и онъ скажетъ: что же, по вашему, я долженъ на стѣны смотрѣть, да слушать, какъ корреспонденты будутъ ругаться?

— Ну, хоть бы и такъ, все же вы должны приходиться раньше меня.

— А отчего вы запираете печать? Чѣмъ я буду письма запечатывать?

— До меня оставьте. Я приду и выну казенную печать.

— Покорно благодарю... Да и вы не приказываете мнѣ принимать денежныя и страховыя письма.

— Разумѣется.

— Дядя чтонибудь скажетъ про себя шопотомъ.

— Скотина! скажетъ почтмейстеръ.

Такъ и сидятъ почтмейстеръ съ помощникомъ, какъ два медвѣдя; сидятъ молча, косятся другъ на друга и каждый думаетъ: вотъ съ какими чортомъ Богъ сподобилъ меня служить.

Почтмейстера не любилъ весь городъ за то, что онъ, во первыхъ, спускался изъ своей конторы внизъ поздно, и не довѣрялъ помощнику принимать и выдавать корреспонденцію, для того чтобы онъ не получалъ доходовъ; корреспонденты дожидались его по долгу въ приемной конторы, ругая его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Когда онъ приходилъ, то отпускалъ такихъ корреспондентовъ, которые часто слали ему подарки, а тѣ, которые не присылали подарковъ, проставляли до перваго часу, когда почтмейстеръ уходилъ и приходилъ на другой день, а потому и случалось, что они ходили цѣлую недѣлю. Писать жалобу на почтмейстера не стоило, потому что губернская контора на такія жалобы «плевать хотѣла». Если ктонибудь замѣчалъ почтмейстеру: «вѣдь у васъ помощникъ есть», онъ говорилъ: «а это дрянная боюсъ, вредный человѣкъ»... Корреспонденты знали дядю за чест-

наго человѣка, дивились слышанному и пересказывали дядѣ все, что слышали. Во вторыхъ, почтмейстеръ никому не отдавалъ мелкой сдачи. Напр., если нужно сдать одну или три коп., онъ говорилъ: а сдачи нѣтъ, послѣ дамъ; или, на томъ свѣтѣ жаромъ разсчитаемся.

Чтобы избавиться на нѣкоторое время отъ дяди, почтмейстеръ, то и дѣло, посылалъ его разбирать жалобы проѣзжающихъ на ямщиковъ и станціонныхъ смотрителей. Дядя не могъ противиться волѣ почтмейстера и развѣжжалъ почти каждую недѣлю. Съ ямщиками и смотрителями онъ поступалъ добросовѣстно. Жалобы писались капризными проѣзжающими, которые думали, что если дорога худая, такъ въ томъ непремѣнно виноваты ямщики. Но случалось обыкновенно такъ, что ямщики, жалѣя своихъ лошадей и зная, сколько имъ полагается ѣздить въ часъ версты, гнали ихъ, какъ имъ вздумается, итѣ въ виду то, что этимъ лошадямъ придется еще раза два сбѣгать до этой станціи; случалось, что смотрители пьянствовали болѣе ямщиковъ, которые изъ злобы къ смотрителю старались ему чѣмъ нибудь насомить. Дядя дѣлалъ по совѣсти, стараясь выслужиться передъ губернской конторой, но съ управляющими вольныхъ почтъ и смотрителями онъ ничего не могъ сдѣлать, потому что они дарятъ начальство по начальству, и отъ этого бывало то, что вольныя почты лишали дядю мѣсячнаго жалованья, и ямщики все-таки не получали никакого удовлетворенія; смотрители отдавали все свое жалованье почтмейстеру, при жалобахъ дарили его; почтмейстеръ писалъ на дядю доносы, что онъ беретъ съ ямщиковъ деньги, и потомъ прекращалъ дѣла по своему усмотрѣнію. Дядя злился, называлъ всѣхъ подлецями, и говорилъ: а гдѣ же правда-то, черти вы эдакіе!

Меня почтмейстеръ не любилъ, никогда не кланялся на мои поклонны, и такъ какъ я былъ посторонній въ конторѣ человѣкъ, онъ не приказывалъ пускать меня въ контору. Я часто ловилъ рыбу неводомъ и послѣ рыболовства всегда развѣшивалъ неводъ посреди двора, а когда онъ просыхалъ, починивалъ прорванные мѣста. Дворникъ почтмейстерскій часто гналъ меня прочь съ неводомъ, по тому случаю, что куры почтмейстерскія, будто бы, ломали свои лапы объ ячейки невода. Я не слушалъ дворника; развѣсилъ неводъ по заплоту, и тогда дворникъ разовралъ неводъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. За это я, какъ только увидалъ около невода любимую почтмейстерскую курицу, свернулъ ей голову и потомъ бросилъ въ отхожее мѣсто. Это было ночью. Почтмейстеръ рѣшилъ, что это сдѣлалъ я, и при

выдачѣ дядѣ жалованья удержалъ изъ него пять рублей. Дядя злился, но деньги отдалъ и все-таки велѣлъ мнѣ развѣшивать неводъ. Разъ я починялъ неводъ. Почтмейстеръ сидѣлъ у окна съ женой, дядя у своего окна. Я съоса поглядывалъ на почтмейстера и по старой привычкѣ высунулъ ему языкъ. Вдругъ почтмейстеръ сказалъ:

— Ты, скотина, опять тутъ съ неводомъ.

Я посмотрѣлъ на дядю, тотъ мигнулъ мнѣ, какъ будто говоря: не показывай виду, что я здѣсь.

— А что? спросилъ я.

— Конечно, вотъ пошлю дворника, бюджетъ что, скотъ....

— Съѣмъ что ли, я вашъ-то дворъ?

— Тебѣ коли сказано нельзя тутъ развѣшивать—и баста.

— А что такое баста?

— А то, что если ты еще развѣсѣшь, я велю собрать и запру въ кладовую.

— Ну и будешь ты хорошій мошенникъ.

Я взглянулъ на дядю, тотъ показалъ мнѣ кулакъ.

— Поговори ты еще-плуть ты эдакой.

— Самъ плуть! Колбасы берешь, сдачи не отдаешь...

— Это что такое значить, щенокъ ты эдакой!

Вышелъ почтальонъ. Почтмейстеръ увидалъ его и сказалъ ему: сбри неводъ и принеси ко мнѣ. Почтальонъ не зналъ, что дѣлать.

— Не тронь! заревѣлъ дядя. Вы не смѣете брать мою вещь, потому что она моя и дарить вамъ я ее не намѣренъ. А если надо, то я подарю вамъ на саванъ, отнесся онъ почтальону.

— Молчи грубиянъ!

— Дворъ не вашъ, а казенный, сказалъ я.

— У, врючковворъ! сказалъ почтмейстеръ неизвестно кому.

Послѣдствіемъ этой ссоры было то, что дядю вытребовали въ губернскую контору, откуда его послали исправлять должность какого-то почтмейстера, на время его отпуска. Я развѣшивалъ неводъ на другомъ дворѣ, съ хозяевами котораго тетка была знакома.

Почтмейстерша была гордая женщина, какъ ее называли всѣ почтовые женщины. Она, кромѣ одной почтальонки, исправлявшей у нее должность горничной и повѣренной ея сердечныхъ тайнъ, никого изъ почтовыхъ не принимала, да и посторонніе бывали у нея рѣдко, и она такъ была недоступна, что дядя прозвалъ ее китайскимъ императоромъ, о которомъ я когда-то вычиталъ ему изъ ка-

кой-то книги. Тетку она никогда не принимала; не принимала ее даже и тогда, когда тетка въ большіе праздники приходила къ ней съ визитомъ. Тетка была женщина тоже не уступчивая, и послѣ того, какъ ее почтмейстерша не приняла два раза, она въ третій плюнула въ ея дверь почтмейстерскую, а двери не отворила, и тѣмъ прекратила всякія путешествія въ почтмейстерскія обиталища. Почтмейстерша обывала тетку разными заворочными словами, говорила всѣмъ своимъ знакомымъ, что ея помощница грубая, необтесанная женщина. Если случалось почтмейстершѣ встрѣтиться съ теткой, она отворачивала голову въ противоположную сторону; тетка смотрѣла въ землю, какъ-будто не примѣчая почтмейстерши.

VI.

Въ этомъ городѣ, да и во многихъ городахъ нашего православнаго отечества жены любятъ присвоивать себѣ накую-то мнимую власть надъ другими женщинами, такъ же какъ и мужчины надъ мужчинами. Жена чиновника, просто на просто писца, — уже модница, считаетъ себя дворянкой, хотя бы мужъ получилъ чинъ на пятидесятомъ году своего служебнаго поприща; считаетъ за необходимость носить шляпки, брезгаетъ не чиновницами, забывая свое прошлое, и терпѣть не можетъ, если, не чиновница, жена писца, мѣщаница, солдата, одѣвается приличнѣе ея, носить шляпки. Жена столоначальника уже требуетъ, чтобы жены писцовъ, служащихъ въ столѣ ея мужа, приходили къ ней съ визитомъ, т. е. поздравить съ рождествомъ, новымъ годомъ и пасхой. Жена начальника принимаетъ уже женъ помощниковъ ея мужу, ведетъ себя съ достоинствомъ, требуетъ отъ нихъ цвиновенія, капризничаетъ, заставляетъ ждать себя подолгу, и если женщина чѣмъ нибудь не понравилась ей, она никогда не приметъ ее въ свое общество, какъ бы та не добивалось этого. Такова была тетка и почтмейстерша. Тетка уже западалась, обижалась тѣмъ, что къ ней зачѣмъ нибудь приходили почтальонки, никогда не угощала ихъ, не ласкала по прежнему, говоря: онѣ не стоятъ чести... Она хотѣла, чтобы къ ней ходили съ визитами, приходили прощаться въ прощельный день, и если кто не дѣлалъ этой чести, она высказывала какой нибудь почтальонкѣ свое не расположеніе. Съ своей сто-

троны, почтальонки старались выслужиться передъ ней, надѣясь на то, что ихъ мужьямъ будетъ не большое облегченіе, потому что тетка попросить объ нихъ дядю, а тотъ напишетъ въ губернскаѣ Сортировщицы приходили съ визитами только ради формы, и у тетки не заискивали ничего, зная отъ мужей, что дядя въ конторѣ ни рыба, ни мясо. Но тетка не хотѣла заводить знакомства съ женщинами неравными ей, т. е. по должности ея мужа. Она хотѣла знакомиться и вести дружбу съ женщинами такими, мужья которыхъ занимали важныя должности. Но при бѣдности дяди, при томъ, что она не любила гулять, ходить въ театръ, была не развита и даже неугодна, въ такомъ большомъ городѣ ей трудно было свести знакомство. Она бы свела знакомство съ старушками и съ женами другого меньшого городка, гдѣ по своему характеру, можетъ быть, скоро бы нашла такихъ женщинъ.

То же почти было и съ почтмейстершей. Почтмейстерша хотя и была угомонная, но жила прежде въ глухомъ уѣздномъ городѣ и была купеческой породы. Воспитанная на богатый манеръ, вышедши замужъ и попавши въ большой городъ, она возмечтала, что она въ этомъ городѣ важная птица, тѣмъ болѣе, что почтмейстеръ не признавалъ надъ собой никакого начальства въ этомъ городѣ и гордился тѣмъ, что онъ почтмейстеръ первоклассной конторы. Поѣхала она съ визитами, ее вездѣ приняли сухо; заговорили съ ней по французски, она не знаетъ; заговорили о какихъ-то глубокомысленныхъ предметахъ, она сказала глупость, и ее никто не сталъ приглашать, да и въ городѣ должность почтмейстера считали за пустую, безтолковую, на которую можно посадить кое-какого грамотнаго. Поэтому почтмейстерша должна была всегда сидѣть дома. Если она являлась въ клубъ или въ театръ нарядившись, ее осмѣивали, и смѣялись болѣе надъ ея фizioноміей, пазывая ее коровой, а шляпку коровьимъ сѣдломъ. Были у нея, правда, двѣ-три постоянныя гостьи, но и эти были такія же «коровы», никуда неприняемые и всѣми осмѣиваемыя.

Отчего жена почтмейстера и ея пріятельницы, жены стряпчачо и канцача, не могли сойдтись съ обществомъ города, видно изъ того во первыхъ, что ихъ мужья занимали незначительныя должности, во вторыхъ, они были не образованы и не умѣли вести себя хорошо въ аристократическомъ обществѣ, и въ-третьихъ городское общество раздѣлялось на три особыя общества. Главное и первое общество въ

этомъ городѣ тогда состояло изъ богатыхъ купцовъ, торговыхъ людей и золотопромышленниковъ, большею частію единовѣрцевъ и различныхъ сектаторовъ, которые знали только съ своимъ кругомъ, дѣлали вечера по своему и приглашали къ себѣ своихъ людей, даже прикащиковъ, и гнушались чиновниковъ, которые «ѣли пряники» и заводили своимъ женамъ шелковыя платья. Второе общество состояло изъ горныхъ инженеровъ и вообще горныхъ чиновъ, представителемъ которыхъ былъ главный начальникъ этого горнаго люда и всѣхъ горныхъ заводовъ. Такъ какъ этотъ городъ былъ горный, имѣлъ свое горное воинство, главнаго начальника, свои управленія, свою полицію и свои горныя порядки, чиновники были люди бывалые, и большинство ихъ щеголяло высшимъ образованіемъ, то они относились къ другимъ чиновникамъ, не изъ ихъ круга, съ презрѣніемъ, называя ихъ не своими людьми, людьми грубыми и необразованными и поэтому конечно считали не приличнымъ знакомиться съ чиновниками низшаго сорта и льнули къ купцамъ, желая выжать изъ нихъ какую нибудь пользу для себя. Остальные чиновники составляли не большой кругокъ, оставленный большинствомъ въ сторону и презираемый всѣми. Они, съ своей стороны, презирали горныхъ, и жили здѣсь исключительно для службы, погрязли въ службѣ, никакъ не хотѣли развиваться, называя себя единственными дѣловыми людьми. Такимъ образомъ въ этомъ городѣ и до сихъ поръ существуютъ двѣ враждующія партіи, изъ которыхъ горная, какъ самая сильная имѣетъ свои права, и такое вліяніе производитъ на остальные партіи, что имъ необходимо нужно подчиняться горному элементу. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, три четверти населенія состоитъ изъ горныхъ людей — чиновниковъ, мастеровъ и рабочихъ, а оставшая четверть состоитъ изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя самостоятельнымъ, и раздѣляется на четыре, не зависямыя другъ отъ друга, мѣста: суды съ магистратомъ и думой, мѣста финансовъ, почта и училища съ гимназіей. Въ этомъ же числѣ и горные учителя, купцы, мѣщане и праздный пріѣзжій народъ. Каждое изъ этихъ обществъ дѣлаетъ собранія и вечера для своего общества. Такъ, купцы и мѣщане имѣютъ свои собранія подъ предѣтельствомъ своего туза — городского головы; свои вечера, на которыхъ, ради только приличія, приглашаютъ главныхъ лицъ, которыхъ нужны очень богатому человѣку, какъ напр. губернаторъ, главный начальникъ, генералы и прочая подначальная знать, въ кото-

рую никакъ не входятъ судья или какой нибудь почтмейстеръ съ начеємъ. Богатые люди знаютъ тоже, кого нужно пригласить. Горное вѣдомство имѣетъ свои собранія, похожія на губернскую аристократію и благородное собраніе, гдѣ собираются исключительно горные — генералы, инженеры, управляющіе заводами и купцы съ женами и дочерьми, которыя особенно славятся красотой, а главное хорошии приданымъ, потому что оно часто попадаетъ въ руны инженеревъ. Остальные чиновники собираются кое у кого только для картъ; дамы сплетничаютъ и рассказываютъ городскія новости, полученныя или отъ мужей, или отъ дѣтей, или отъ знакомыхъ людей, и большею частію отъ прислуги.

Почтмейстеру, какъ илюблющему сношеніе со всѣми горожанами, можно бы было попасть во всѣ кружки городскихъ обществъ. Но онъ почему-то очень зазнался и никого не хотѣлъ знать; очень грубъ и не образованъ, и на вечерахъ затѣвалъ какой нибудь скандалъ. Кромя этого онъ къ себѣ никого не приглашалъ, отъываясь бѣдностью. Впрочемъ онъ иногда и дѣлалъ вечера, но это были вечера глухіе, осмѣиваемыя остальными обществами. Онъ ходилъ даромъ въ театръ и влюблялся въ актрисъ, и этихъ-то актрисъ принималъ къ себѣ съ танцмейстеромъ, а потомъ самъ отправлялся изъ театра къ какой нибудь актрисѣ. Такимъ образомъ онъ изъ артистическаго искусства извлекалъ очевидную пользу и злилъ свою жену. Особенно хвастался знакомствомъ съ однимъ сочинителемъ, учителемъ уѣзднаго училища, который сочинялъ эпиграмы и кое-какіе стихи, которые онъ дарилъ разнымъ барышнямъ. Этого учителя рѣдкіе принимали, потому что онъ былъ очень вспыльчивъ и рассказывалъ разные сплетни.

VII.

Дядя не любилъ этого сочинителя за то, что тотъ, встрѣчаясь съ нимъ въ конторѣ, не кланялся ему; да и дядя говорилъ, что этотъ сочинитель только людей обманываетъ, опиваетъ и объѣдаетъ ихъ. За то онъ полюбилъ другого сочинителя, какаго-то господскаго челоуѣка, живущаго въ городѣ и промышленнаго сочинителемъ разныхъ прошеній, частью клеузныхъ, частью довольно правдивыхъ. Чиновники городскіе, особенно горные, не любили его. Этотъ сочинитель

называлъ себя литераторомъ, говоря, что онъ помѣщаетъ разные сочиненія въ періодическихъ изданіяхъ. Поэтому его боялись въ городѣ и ненавидѣли за то, что въ какой-то газетѣ былъ описать городской скандалъ, и этотъ сочинитель разболталъ своимъ знакомымъ, что скандалъ описалъ онъ, и еще послалъ въ редакцію что-то уморительное. Больше всѣхъ его уважалъ почтмейстеръ, говоря, что онъ либераль, не терпитъ неправды, не слушаетъ главнаго начальника края, который приказывалъ не отсылать въ редакцію статьи этого сочинителя; а болѣе онъ уважалъ его за то, что онъ похвалилъ почтмейстера опять въ той же газетѣ. Этотъ литераторъ часто былъ приглашаемъ къ дядѣ, который, считая его за правдиваго человека, просилъ его отдѣлать почтмейстера и помочь мнѣ въ чемъ нибудь. Въ это время я сочинялъ одну драму изъ дѣлъ суда, показавъ ее судѣ, судья похвалилъ ее, но не рѣшился хлопотать напечатать ее въ какомъ нибудь журналѣ. Въ это время я постоянно мечталъ сдѣлаться сочинителемъ, быть извѣстнымъ, и танить, чтобы меня уважали и черезъ меня дали бы хорошее мѣсто дядѣ. Дядя на мои сочиненія смотрѣлъ, какъ на глупость. Я часто сидѣлъ долго по ночамъ и дядя злился. Придетъ онъ ко мнѣ къ окошку, долго смотреть на меня, двѣ папироски выкурить и скажетъ:

— Какую ты черную немочь пишешь?

— Я свое пишу.

— Кому?

— Да напечатать хочу.

— Я вотъ-тѣ напечатаяю. Гаси огонь, пошелъ спать!

— Я деньги получу. Вонъ судья тоже хватилъ.

Подойдетъ въ другой разъ. Опять долго стоитъ и скажетъ: смотри, паренъ, чтобы тебѣ худа не было!..

Я разсержусь, что дядя не уважаетъ моего труда, и хочу сказать: я вѣдь вамъ не мѣшаю, а скажу: я своихъ свѣчъ куплю.

— Никогда не смѣй писать. Только бумагу марашь. Читалъ бы лучше законы, да изъ суда послалъ бы писать, чтобы жалованья больше дали.

А въ это время я много мечталъ объ себѣ. Еще когда я учился, то писалъ все проповѣди. Потомъ я понялъ, что я проповѣдями никого не удивляю, бросилъ писать проповѣди и сталъ сочинять стихи. Стиховъ я писалъ много, все большею частью оды, читалъ ихъ товарищамъ, тѣ говорили, что они сами лучше меня сочинять и чи-

тали свои стихи, которые действительно казались мнѣ лучше мнѣхъ. Учителя говорили, что я не умѣю сочинять, но не рассказывали, какъ нужно писать, и смѣялись. Только разъ я удивилъ въ училищѣ однимъ разказомъ о какомъ-то разбойникѣ, и меня тогда еще прозвали сочинителемъ. Но кромѣ этого разказа я ничего не могъ выдумать. Когда я поступилъ на службу, то постоянно писалъ стихи. Стихи писать мнѣ казалось легко, прозой я не умѣлъ писать. Стихи я писалъ большею частью про судью, засѣдателя и секретаря, читалъ ихъ служащимъ, которые меня слушали. Когда я былъ въ театрѣ, я вздыхалъ, сердце щемилось и я думалъ: погодите—я вотъ свою драму скоро дамъ для представленія, самъ буду сидѣть въ парадизѣ; всѣ будутъ хвалить драму, хлопать въ ладоши, меня будутъ вызывать; я спрячусь... Про меня всѣ будутъ говорить.

И я постоянно мечталъ о себѣ много: лежу я, — мнѣ хочется написать хорошее; во снѣ я бредилъ хорошими знакомствами; шелъ куда нибудь,—я воображалъ себя сочинителемъ; на службѣ ненавидѣлъ служащихъ и думалъ: погодите, будете вы бояться меня; погодите, я самъ получу со временемъ должность судьи, и заведу такіе хорошіе порядки, что всѣ будутъ довольны мной. Но я былъ еще далеко неразвить въ это время: я читалъ только старыя книги, и то повѣсти и романы; ученаго я не понималъ и не хотѣлъ читать...

Дядя хотѣлъ пристроить меня куда нибудь въ домашніе учителя, но, при всемъ его знакомствѣ, ему не удалось этого сдѣлать. А хотѣлось ему, чтобы я былъ учителемъ, для того, чтобы я получалъ побольше денегъ. Горные служащіе занимались этимъ и получали въ мѣсяць отъ 5 до 10 р. за уроки, но ихъ считали за людей образованныхъ, и ихъ однихъ только нанимали, да и они не занимались службой послѣ обѣда. Богатые купцы нанимали учителей изъ училищъ и платили имъ большія деньги. Найти же мнѣ какое нибудь постороннее занятіе, кромѣ службы, было довольно трудно и неудобно, потому что я одѣвался въ худенькое пальтишко, былъ робокъ, застѣнчивъ, не умѣлъ отвѣчать на вопросы и не умѣлъ занять человека разговоромъ; кромѣ этого въ пять часовъ вечера я долженъ былъ идти на службу. Дядя злился, что мнѣ Богъ не даетъ счастья получать деньги изъ-за службы, и называлъ меня дармоѣдомъ, бумагомарателемъ. Но онъ не велѣлъ мнѣ брать взятокъ въ судѣ, не получать тамъ никакихъ доходовъ и не заводить дружбы съ служащими. Онъ думалъ, что брать взятки, значитъ сдѣлаться плу-

тожь и нигуда негоднымъ челоѣкъ; если онъ получалъ самъ доходы, то называлъ ихъ дѣломъ безгрѣшнымъ, и даже злился тогда, когда какой нибудь богатый корреспондентъ давалъ только одному почтмейстеру; а если получать доходы въ судѣ — значить, стать наравнѣ съ служащими, а служащихъ судейскихъ онъ ненавидѣлъ.

Долго дядя ломалъ голову надъ тѣмъ, какую бы такую прискать мнѣ работу, и ничего не придумалъ. Былъ у насъ въ судѣ служащій Прохоровъ. Онъ, не смотря на то, что крѣпко пилъ водку, постоянно переписывалъ комедіи, драмы и водевили для ролей актерамъ. Изъ театра ему платили по три и по пяти рублей за комедію или драму, и если работа была спѣшная, требовалась къ утру, онъ просиживалъ всю ночь. Работы у него было много, и часто онъ, пьяный, не могъ поспѣть къ утру. Я подлаживался къ нему, просилъ у него его работы и онъ удѣлялъ мнѣ половину, обѣщая заплатить рубль. Я переписывалъ цѣлую ночь; дядя съ теткой радовались, что я тружусь. Такимъ манеромъ я писалъ цѣлую недѣлю и за работу получилъ только одинъ рубль, потому что Прохоровъ остальныхъ денегъ не заплатилъ. Дядя называлъ Прохорова подлецомъ, велѣлъ мнѣ пожаловаться на него судѣ; но я жаловаться не сталъ. Дядя наконецъ придумалъ: хорошо бы мнѣ переписывать сочиненія у уважаемаго имъ литератора, потому-де, что я самъ умѣю сочинять и потому могу переписать безъ ошибокъ.

Этотъ литераторъ Николаевъ былъ какъ-то разъ въ конторѣ вечеромъ, онъ справлялся, не вышелъ ли такой-то журналъ, въ редакцію котораго онъ послалъ свою статью. Дядя затащилъ его къ себѣ, но предварительно велѣлъ теткѣ убрать какъ можно чище и наряднѣе комнату.

— Какого ты лѣшаго зазвалъ опять? спросила тетка сердито.

— Молчи; сочинителя Николаева... Онъ для него годится.

— Ну ужъ. Какой нибудь влязникъ! Наживешь ты съ нимъ бѣды.

Все-таки тетка вымела комнату, убрала съ дивана валявшіяся вещи, скатерти на столахъ приладила, цвѣты на огнѣ поправила. Наконецъ вошелъ дядя съ постороннимъ челоѣкомъ. Я торчалъ на полатяхъ и, притаившись, закурилъ трубку.

— Милости просимъ! милости просимъ, пожалуйста, говорилъ дядя вошедшему съ нимъ литератору.

— Вотъ вы гдѣ обитаете?

— Извините, что хата-то дырвата! съострилъ дядя. Подлецъ

почтмейстеръ вонъ куда меня стурилъ. А мнѣ, сами знаете, не такія должно имѣть комнаты.

— Скотина.

— Садитесь, пожалуйста. Извините—мебель-то у меня дрянъ. Бѣдность, съ житьемъ смучился.

— Да, нынче все дорого.

Дядя принесъ графинъ водки и двѣ рюмки; тетка принесла закуски.

— Выпьемъ-те. Извините...

— Я не пью-съ... Простую я не могу.

Дядя досталъ изъ шкафа дареную ему бутылку хересу, напѣвая какую то пѣсню, вѣроятно отъ радости, что онъ можетъ угостить гостя и дорогимъ виномъ. Литераторъ выпилъ рюмку хересу и похвалилъ вино. Я выглянулъ изъ-за полатей въ комнату: что, молъ, это за штука сочинитель?

Эта штука была не высоваго роста, съ долгими волосами, маленькимъ, блѣднымъ лицомъ, обросшимъ бакенбардами и бородой. На немъ былъ сюртукъ, жилетка съ цѣпочкой, вѣроятно, отъ часовъ. Онъ, то и дѣло, поправлялъ галстукъ и загибалъ голову къверху. Наружность его мнѣ очень не понравилась.

— Ну, какъ дѣла ваши? спросилъ его дядя.

— Да пока ничего. Вотъ только въ прошлый разъ редакція не приняла статью, назадъ возвратила.

— Экіе скоты! — Дядя не зналъ еще въ то время, что такое редакція.

— Впрочемъ я передѣлалъ. Въ другую редакцію хочу... Да и эта редакція за одну статью мнѣ и спасибо не сказала.

— А туда вы еще не посылали?

— Нѣтъ. Тамъ лучше платятъ.

— Это хорошо, что платятъ. Они скоты рады на доровщанку-то жить.

— Свиньи... Вотъ я теперь написалъ хорошую статью о мастеровыхъ. Я всегда съ маленькихъ начинаю, а потомъ гдѣнибудь влею главное начальство.

— Это хорошо. Оно и выходитъ не замѣтно.

— Они-то замѣчаютъ. Потомъ ночи не спятъ, тагъ ихъ, знаютъ, и подергиваетъ... Ужъ они думаютъ, думаютъ, какой это шельма отдѣлалъ ихъ.

Дядя захохоталъ.

— А если бы не наша братья, не то бы было. Повѣрьте, было бы хуже. Мы только и урезониваемъ ихъ: свиньи вы этакіе, что вы дѣлаете-то? поглядите-ка, какъ объ васъ весь свѣтъ судить.

— То-то, то-то.— Ну-съ!

— И въ нашей братьи есть тоже дрянн. А кто у насъ сочяненіями занимается?—управляющіе заводами, разные богатые люди, которые дальше носу ничего не видятъ.

— Подлецы!.. Пожалуйте рюмочку.

Послѣ выпивки, литераторъ вытащилъ изъ кармана тетрадку, спитую изъ почтовой бумаги. Я видѣлъ, что на ней было что-то написано мелко, изчервано, запачкано разными цвѣтами — краснымъ и зеленымъ...

— Вотъ я эту статью посылалъ въ редакцію. Видите какъ изчерчено?.. А тутъ вонъ цѣлый уголъ оторвали, я ужъ самъ по памяти записалъ... Теперь я передѣлалъ.

— А!.. Я думаю, сколько вы это писали?

— Это все въ сутки.

— Ну-те-ка прочитайте .. А еще винца?

— Нельзя. Я прочитаю.

Литераторъ сталъ читать, но я ничего не понималъ: ужъ больно хитро было написано, да и самъ-то онъ едва разбиралъ.

— Видите, какъ я мелко пишу? Просто всѣ глаза испортилъ, да и въ редакціяхъ, поди, ругаютъ меня.

— Вы бы переписать отдали.

— О! наврутъ; да еще перескажутъ, пожалуй.

Литераторъ принялся читать; читалъ долго что-то такое, чего я не могъ понять, часто останавливался; дядя заглядывалъ въ тетрадку съ боку, улыбался. Въ такомъ умиленіи я рѣдко видалъ дядю; такъ онъ улыбался, когда клалъ въ мѣшокъ любимую имъ рыбу, приговаривая: вшь шельма!.. Когда литераторъ кончилъ, дядя сказалъ: такъ ихъ скотовъ и надо! Литератору это повнилось и онъ захохоталъ. Потомъ литераторъ началъ выхвалять свои достоинства: даромъ что я нигдѣ не обучался, а тоже ставлю имъ шишки. Ужъ больно я соловъ имъ: какъ, говорятъ, такая бестія вонъ что пишетъ. Боятся, каналы. Вонъ тоже есть чиновнички литераторы: начнутъ съ конца, да и кончатъ началомъ; такъ тѣ въ хорошіе дома вхожи, потому что они дворяне, а я, ничто, по ихъ мнѣнію, выхожу.

Тоже печатать посылаю. Вонъ хоть, по примѣру, Гавриловъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью объ улучшеніи нашей промышленности напечаталъ, да такую дрянь, что чортъ знаетъ что! въ свою пользу такъ и наровитъ пригнуть... Писали мнѣ, что ему за эту статью прислали пятьдесятъ рублей, тогда какъ она и копейки не стоитъ, да и онъ, знаете, тысячами ворочаетъ. Меня въ то время не было. Приѣзжаю я сюда, здѣсь по всему городу только и новостей, что Гавриловъ статью напечаталъ. Что, говорятъ мнѣ: Гавриловъ-то каковъ! у Гаврилова протекція есть. Ну, вотъ я и накаталъ опроверженіе, просто бѣда...

— А за это ничего? Не посадятъ?

— За что?.. — Ну, и послалъ въ «Сѣверную пчелку»; ждалъ мѣсяць, ждалъ два. Написали: нельзя принять. Я письмо туда, прошу назадъ, черти, пришлите, денегъ послалъ. Возвратили. Значитъ брезгають, что я не чиновникъ.

— То-то нынѣ времена-то сѣверныя: каждый такъ и наровитъ напакостить другому.

— Это такъ. Вотъ меня и подергиваетъ обличить это.

— Ну ужъ это тоже загвоздка.

— Ничего. Лишь бы только не мѣшали мнѣ.

— Это главное... Ну, такъ у васъ какъ теперь?.. Вы печатаете гдѣ нибудь?

— Теперь меня три редакціи приглашали печатать, самыя лучшія: «Сѣверная Пчела», «Современникъ» и «Отечественныя Записки».

— Что же тамъ, какъ?

— Тамъ можно все такое забористое писать, и платять тамъ хорошо.

— А вы черезъ кого деньги получаете?

— Мнѣ высылаютъ черезъ одного здѣшняго купца... Такъ-то неловко... Да я и посылаю больше не по почтѣ, и своей фамиліи не подписываю.

— А! боитесь, значитъ... Какой хитрецъ!

Литераторъ захохоталъ.

— Ужо я принесу вамъ свою печатную повѣсть...

— Хорошо. Я никогда не читаю книжекъ, не охотникъ, а вашу прочту.

— Моя — маленькая, веселая: животъ надорвете отъ смѣху и юмору... Эффекты какіе, виды; чувства сколько...

— Ишь ты какой храбрый! Не врешь, такъ правда, подумалъ я. А тотъ, то и дѣло, хвалить себя. Дядѣ онъ, повидимому, надоѣлъ: дядя не любилъ хвастливыхъ людей, тѣмъ болѣе такихъ, которые не живутъ въ ладу съ людьми. Сочинителей онъ считалъ за шарлатановъ, которые на службу не ходятъ, а пишутъ про себя и куда-то посылаютъ. Дядя рѣшительно не понималъ, за что этотъ литераторъ получаетъ деньги? Тотъ говорилъ, что за то, что онъ матеріалы доставляетъ. Дядя обругалъ редакцію и спросилъ: а имъ на что матеріалы?.. Печатать, сказалъ тотъ. Дядя понялъ, но спросилъ: вѣрно они богаты тамъ? Литераторъ растолковалъ ему, что редакція издаютъ книжки на счетъ подписчиковъ, и оставшуюся сумму отъ расходовъ за печатаніе дѣлятъ съ сотрудниками; что редакторы-издатели поэтому очень богатые люди. Дядя дивился, слушалъ, повидимому, литератора съ удовольствіемъ, но у него часто вырывались слова: я васъ хотѣлъ... Но литераторъ не давалъ договорить дядѣ и ораторствовалъ о своихъ дѣянiяхъ очень горячо. Наконецъ-таки дядя сказалъ:

— Я васъ хотѣлъ попросить на счетъ моего парнишки...

— А у васъ развѣ сынъ есть?

— Нѣтъ, племянникъ, въ уѣздномъ судѣ служить.

— Большой?

— Да вотъ ужъ двадцатый годъ пошелъ

— Велико ли жалованье получаетъ?

Начался разговоръ о моей службѣ; оба ругали судъ, судью и служащихъ судейскихъ; литераторъ хотѣлъ видѣть меня.

— Онъ гдѣ у васъ теперь?

— Не знаю. А онъ съ большими способностями... Самъ что-то пишетъ:

— А! что же онъ пишетъ, стихи?

— Не знаю... Петенька, что ты пишешь? вскричалъ дядя.

— Ничего, сказалъ я.

Лицо у меня при этихъ словахъ покраснѣло; я озлился на дядю, не зналъ сказать ли, что я пишу, но мнѣ очень хотѣлось спуститься съ полатей и показать ему драму.

— Дуракъ! тебя спрашиваютъ! закричалъ дядя.

— Да я такъ, ничего... Я драму пишу.

— О, нынче трудно писать драмы. Мечта одна... Я послалъ одну драму, пропала въ редакціи.

— Вотъ я хотѣлъ попросить васъ, чтобы вы прочитали его сочиненіе, а потомъ похлопотали бы о деньгахъ.

— Хорошо, если время будетъ, похлоспochу. Знаете тутъ работы много.

По уходѣ этого литератора, дядя обругалъ его плутомъ. «Всю бутылку, шельма, выпилъ, а какъ заикнулся за парня заступиться—и домой пошелъ. Сквалыга, право!»... Черезъ недѣлю этотъ литераторъ былъ у дяди и просилъ его отправить страховое письмо въ какую-то редакцію даромъ, потому-де, что у него теперь нѣтъ ни копѣйки денегъ, и помимо почтмейстера, потому что почтмейстеръ, пожалуй, прочитаетъ его статью и разболтаетъ въ городѣ. Дядя сказалъ, что онъ письмо, пожалуй, отправитъ, но у него, впрочемъ, нѣтъ казенной печати, да и онъ боится отправить письмо, чтобы не нажить себѣ бѣды. Литераторъ остался не доволенъ этимъ. Черезъ нѣсколько времени кто-то сказалъ дядѣ, что литераторъ Николаевъ собирается описать въ газетѣ почтмейстера, помощника съ племянникомъ за ихъ-де тупоуміе. Дядя озлился, обругалъ Николаева, меня проклиналъ и обозвалъ какъ-то всякія книжки и всѣхъ сочинителей. Съ этихъ поръ на мои занятія онъ со злостью смотрѣлъ; одинъ разъ даже оплеуху мнѣ засвѣтилъ, и я писалъ секретно, когда не было дома дяди и тетки, или лежа съ карандашемъ на полатахъ.

VIII.

Развитіе мое плохо подвигалось. Въ судѣ я только переписывалъ очень скоро безмысленныя бумаги, въ которыхъ рѣшительно не понималъ, къ чему онѣ и для чего такая формальность безтолковая? Дѣла мнѣ не давали читать, потому что меня считали не достойнымъ этой чести; читалъ я законы, но ихъ мудрое изрѣченіе плохо понималъ: читаешь какую нибудь статью, не понимаешь; а если и поймешь, такъ забудешь гдѣ ее найти, такъ они отбиваютъ охоту отъ чтенія. Но все-таки я понялъ въ судѣ очень много, даже больше, чѣмъ другіе служащіе, прослужившіе въ судѣ два года. Я, напри- мѣръ, научился составлять бумаги: отношенія, указы, донесенія и рапорты, и форма ихъ изложенія казалась мнѣ безтолковою и пустою; по одной бумагѣ я слѣдилъ за ходомъ дѣла; въ копіяхъ съ рѣше-

ний я видѣлъ цѣлое короткое дѣло и представлялъ себѣ положеніе обвиняемыхъ людей въ такомъ видѣ, что они не виноваты. Зная очень хорошо тѣхъ людей, которые сочиняли проекты рѣшеній, тѣхъ людей, съ которыми я служилъ, — я думалъ, что они пишутъ рѣшенія не такъ, какъ должно: я сравнивалъ ихъ съ хвастливымъ литераторомъ Николаевымъ, который, по моимъ понятіямъ, писалъ не дѣло, а фантазію. Но сочинять рѣшенія мнѣ казалось довольно труднымъ и тяжелымъ дѣломъ: я думалъ, что я въ рѣшеніи ниѣмъ дѣло съ людьми; содержаніе дѣла казалось мнѣ неполнымъ; мнѣ хотѣлось самому поговорить съ обвиняемымъ: какъ было дѣло, а тамъ уже писать проектъ рѣшенія, не опираясь на показанія и разныя бумаги, составляющія дѣло. Кромѣ этого мнѣ страшно показалось рѣшать участь человѣка. Я понималъ теперь, что я служу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются участи людей, откуда человѣкъ выходитъ запятанный позоромъ на всю жизнь или теряетъ все свое достояніе. Вотъ я и сталъ читать бумаги и дѣла, заглядывалъ въ разныя мѣста, читалъ различныя копіи, реестры и все то, что попадалось мнѣ на глаза. Когда я былъ дежурнымъ, то рылся вездѣ, гдѣ не было заперто, и узналъ очень многое. Страшная небрежность, и хаосъ такъ-таки и царилъ тогда въ нашемъ судѣ: бумаги и дѣла разбросаны такъ, что ихъ или не скоро отыщешь, или совсѣмъ не найдешь; многія дѣла вовсе не запирались, а оставлялись служащими на окнахъ, когда они уходили домой; все дѣлалось такъ, какъ кому захочется, дѣлалось машинально, принужденно, такъ и казалось, что служащіе или вовсе не знаютъ своего дѣла, или только пишутъ для денегъ цѣлый мѣсяцъ, цѣлый годъ и цѣлую жизнь, пишутъ и сидятъ въ судѣ для должностей, или для чиновъ, или для пенсін, или только изъ-за куска хлѣба... Отъ нихъ я ничего не могъ пріобрѣсти хорошаго. Соберутся они рано, поздороваются, обругаютъ другъ друга, расскажутъ какую нибудь новость, или что нибудь интересное для нихъ, напр. похождения кого набудь въ открытые дома, какъ кто нибудь словилъ на бульварѣ дѣвицу и обманулъ ее, или какъ кто нибудь изъ нихъ у какой-то Машки разбилъ стекла въ окнѣ, выказывая свою удалъ и храбрость. Неучаствующіе въ этихъ разговорахъ, люди большею частью чиновные и заваленные работой, перемолвливались о томъ: сколько то имъ дадутъ за этотъ мѣсяцъ жалованья, когда-то будетъ ревизоръ и губернаторъ, и утѣшались тѣмъ, что судья и засѣдатели получили выговоръ. Члены разсуждали только о

картахъ и о городскихъ скандалахъ, да кричали на служащихъ. Служащіе ничего не читали хорошаго, да имъ и некогда, и нечего было читать, развѣ кромѣ сказокъ и смѣшнаго. Въ судѣ хотя и получались губернскія и сенатскія вѣдомости, но тамъ читались только распоряженія правительства и начальства, указы, производства и объявленія.

Черезъ годъ меня сдѣлали столоначальникомъ горнозаводскаго стола и я крѣпко принялся за изученіе дѣлъ. Дѣлъ было немного и я одинъ справлялся со всѣмъ, что у меня было въ шкафу. Больше меня занимало сначала то, что у меня въ карманѣ ключъ отъ шкафа, а въ этомъ шкафѣ дѣла, которыя ввѣрены мнѣ для храненія, и въ этихъ дѣлахъ заключаются судьбы, счастье и горе нѣсколькихъ людей. Дѣла въ моемъ столѣ были: о кражѣ горнозаводскаго имущества, казеннаго и частнаго, о спорныхъ лѣсныхъ дачахъ, о лѣсныхъ порубкахъ, объ уничтоженіи межевыхъ знаговъ и спорныхъ дѣла объ имѣніяхъ мастеровыхъ. Многіе изъ этихъ дѣлъ лежали по пяти и десяти лѣтъ, не многіе рѣшались скоро, или отсылались къ заводскимъ исправникамъ для перепслѣдованія. Я тотчасъ принялся за лежалыя дѣла, сталъ читать ихъ и рѣшительно не понималъ: кто правъ, кто виноватъ и что дѣлать? По своему соображенію я писалъ доклады, несъ дѣла въ присутствіе, членъ откладывалъ читать до другого разу. Мои доклады оказались нигуда негодными; членъ свазалъ мнѣ, что я не знаю дѣла и долженъ спрашивать своего предмѣстника; тотъ мнѣ или указывалъ, что дѣлать, или говорилъ: право не знаю, спросите горнаго члена.—Такъ какъ я былъ одинъ въ столѣ, то мнѣ, при всемъ моемъ стараніи, никакъ не удавалось упрсить читать большія дѣла, да если я и читалъ, такъ не зналъ, что тутъ нужно дѣлать? Справившись въ законѣ, найдешь что-то подходящее къ этому дѣлу, прочитаешь въ законѣ дальше, другія статьи другое говорятъ... и думаешь, хлопаешь глазами; думаешь: какъ? что же дѣлать-то?—Такъ долго сидишь, въ жаръ тебя бросить, отупѣешь и бросишь дѣло въ шкафъ... А чортъ съ нимъ! скажешь. Въ другой разъ хорошенько займусь. Черезъ мѣсяць займешься, и опять тоже самое. И досадно мнѣ, что у меня лежать такія старья и тяжелыя дѣла, досадно, что я понять содержаніе ихъ не могу, зачѣмъ пишутъ такъ непонятно, досадно, что другіе столоначальники въ одинъ день прочитаютъ дѣло и на другой напишутъ по этому дѣлу прозектъ рѣшенія.

Пробовалъ и я писать проекты рѣшеній, но сочинялъ ихъ цѣлую недѣлю, потому что раза по три переписывалъ, но горный членъ не читалъ моихъ рѣшеній, а сочинялъ самъ. Поэтому, чтобы пріохотить его къ занятію и сбыть скорѣе дѣла, я уседно принялся писать доклады, и, хотя горный членъ передѣлывалъ ихъ, дѣла въ моемъ шкафу долго не залеживались. За это мнѣ давали жалованья сначала семь рублей, а потомъ, когда я сталъ ссориться съ судьей, мнѣ опять стали давать по три рубля въ мѣсяць.

Въ два года я узналъ все, что дѣлалось въ судѣ и, мнѣ ужасно тяжело было служить тамъ. А служилъ я вотъ съ такими людьми.

IX.

Судья и засѣдатели получали не большое жалованье, но все-таки имъ на это жалованье было можно жить, если не допускать излишней роскоши. За то имъ платили отъ заводовъ, потому что тогда была крѣпостная зависимость. Въ судьи попадалъ человекъ, состоявшій въ роднѣ съ правителемъ губернаторской канцеляріи или совѣтникъ губ. правленія; въ засѣдатели — столоначальники губ. правленія, люди мало знающіе судебную часть. Нашъ судья былъ человекъ богатый, родня правителю канцеляріи губернаторской, нигдѣ не кончившій курса, человекъ добрый, но пріѣхавшій въ судъ учиться судопроизводству и для того, чтобы считаться въ уѣздѣ важнымъ лицомъ. Приходилъ онъ на службу въ первомъ часу и выходилъ въ четвертомъ. По приходѣ начиналъ разговаривать съ засѣдателями о карточной игрѣ и о прочемъ постороннемъ цѣлзый часъ, потомъ начиналъ распечатывать пакеты. Онъ читалъ только предписанія и указы начальства, и на всѣхъ бумагахъ писалъ число и мѣсяць. Это продолжалось съ часъ. Остальное время онъ употреблялъ на подписыванье журналовъ, бумагъ и протоколовъ, прошеній и вставокъ въ рѣшенія опредѣленія времени наказанія или числа розогъ и плетей. Число и время въ рѣшеніяхъ онъ выставлялъ по своему желанію; противъ поля въ журналѣ обыкновенно выставлялось засѣдателемъ, число: отъ 30 до 40 ударовъ или отъ 3 мѣсяцевъ до 6 м., а судья писалъ «тридцатью пятью ударами», «на четыре мѣсяца». Случалось, что ему приходила охота заняться дѣломъ,

но доклады ему было лѣнь читать, потому что ихъ было много.— Полагаясь вполне на членовъ и секретаря, онъ спрашивалъ ихъ:

— О чемъ этотъ докладъ?

Членъ объяснялъ ему.

— Ну-съ, какъ по вашему?

— Да ничего. Надо журналъ писать.

— Какъ вы находите?

— Надо въ Сибирь сослать.

— Ну ужъ эта Сибирь! Наполнивъ же мы ее всякими людьми. Экіа каналы, не живетъ имъ на одномъ мѣстѣ.

— Мы свое дѣло сдѣлали, а тамъ Палата пусть по своему рѣшаетъ.

— То-то и есть.

— Вотъ я не знаю только, какъ имъ не стыдно писать намъ выговоры? говорить другой засѣдатель.

— Что эти выговоры! Стоитъ обращать вниманіе. Знаемъ мы, сколько они сами-то получаютъ выговоровъ....

До положенія служащихъ судья не касался и считалъ ихъ за черно-рабочихъ людей. Онъ только опредѣлялъ и увольнялъ ихъ и зналъ только столоначальниковъ. Впрочемъ онъ давалъ на канцелярію къ новому году и къ пасхѣ по десяти рублей изъ своихъ денегъ.

Засѣдателей было въ то время два. Одинъ по уголовной части, котораго называли «сальной бочкой», а другой по гражданской, и этого звали «пряничнымъ пѣтушкомъ». Сальная бочка и пряничный пѣтушокъ знали свое дѣло и извлекали изъ него каждый пользу для себя, но если случалось, что одному засѣдателю нельзя быть въ судѣ, то другой занималъ его должность и въ его должности ничего не смыслилъ. Оба засѣдателя гдѣ-то учились, но нигдѣ не кончили курса, а на службу поступили копѣистами чуть ли не съ пятинадцатилѣтняго возраста. Каждому было по пятидесяти лѣтъ и каждый не одинъ разъ былъ подъ судомъ, изъ подъ котораго каждый локко вывернулся. Прежде они писали рѣшенія и различные доклады, когда же сдѣлались засѣдателями, то восчувствовали барство, облѣнились и всю обязанность сочиненія докладовъ и рѣшеній предоставляли столоначальникамъ, или простымъ канцелярскимъ служителямъ, которые исключительно занимались только рѣшеніемъ дѣла и получали за это жалованье больше столоначальниковъ. Большую часть времени засѣдатели проводили въ разгово-

рѣ съ судьей, секретаремъ, повѣренными отъ заводовъ, съ знаками просителями и съ столоначальниками. Къ своему дѣлу они относились какъ-то шутя, подписывали бумаги, распекали столоначальниковъ, писали въ настольныхъ журналахъ резолюціи и при этомъ говорили, что они «о-охъ, какъ ужасно смущались!.. Когда имъ бывало скучно дома, они приходили въ судъ по вечерамъ, не для занятій по дѣламъ, а для препровожденія времени разговорами съ секретаремъ, надсмотрщикомъ и столоначальниками, и при этомъ дѣлали видъ, что они это дѣлаютъ какъ-будто изъ милости къ маленькимъ людямъ. Вечеромъ они только мѣшали занятіямъ; впрочемъ служащіе рады были услышать какую нибудь сплетню отъ засѣдателя и потомъ перетолковать ее по своему. Когда убрали «сальную бочку», въ судъ пріѣхалъ Добрынинъ, имѣвшій чинъ коллежскаго регистратора и тридцать три года. Онъ приходился судьѣ родней по женѣ, и дѣла рѣшительно не смыслилъ. Помню я, когда ему положили въ первый разъ кучу дѣлъ безъ докладовъ и настольный реестръ со входящими бумагами, и онъ, желая показаться знающимъ дѣло, долго перебиралъ дѣла, но и эта переборка ему стала не подъ силу. Онъ призвалъ столоначальника.

— А зачѣмъ вы дѣла ко мнѣ положили?

— Для того, чтобы вы прочитали.

— А вы на что столоначальникомъ сдѣланы?

— У меня очень много дѣлъ.

— А сколько?

— Да дѣлъ восемьдесятъ не рѣшенныхъ.

— Такъ вы и напишите по всемъ доклады; тогда и дѣла подайте.

— Времени нѣтъ.

— А я судьѣ пожалуюсь.

Судья сказалъ Добрынину, что столоначальникъ правъ, потому что по закону доклады долженъ писать самъ членъ. Послѣ этого Добрынинъ ласково просилъ столоначальника избавить его отъ сочиненій и обидѣлся, что столоначальникъ не уноситъ книгу и бумаги.

— Зачѣмъ они лежатъ тутъ?

— Вы резолюціи должны написать.

— Какія?

— А что сдѣлать съ бумагой. Которую нужно приобщить къ дѣлу, такъ вы пишете: «приобщить къ дѣлу, строго подтвердить или увѣдомить...» или какъ найдете лучше.

Засѣдатель, не понимая сущности дѣла, такъ и сдѣлалъ. Столоначальникъ показалъ всѣмъ служащимъ книгу и служащіе прозвали его пробкой, а дѣла по его части началъ читать и поправлять секретарь.

Эти засѣдатели едва умѣли читать и подписывать свою фамилію; бывали и такіе, которые, по безграмотству, прикладывали свои печати. Они были въ земскомъ судѣ въ то время, когда они нужны были для подписыванія бумагъ. Больше они не нужны были ни на какія потребности, и хотя они носили форму, но служащіе земскаго суда часто посылали ихъ за водкой и колотили пьяныхъ. Эти засѣдатели—люди изъ вѣрстанъ и выбираются въ засѣдатели сельскимъ обществомъ. Въ селахъ они дѣйствительно полезнѣе всякихъ ученыхъ засѣдателей, потому что при словесномъ разбирательствѣ они обсуждаютъ дѣло вѣрнѣе всякаго судейскаго засѣдателя, не зная грамоты. Но въ суды ихъ приглашаютъ не для словесныхъ разбирательствъ, а для подписыванія бумагъ, въ которыхъ они ничего не смыслятъ и которыя во многихъ случаяхъ рѣшаютъ судьбу человека. Такой засѣдатель знаетъ, что онъ подписываетъ въ судахъ бумаги, а судъ онъ понимаетъ также, что тамъ рѣшаются дѣла такія, какія рѣдко, или вовсе не бываютъ на словесномъ разбирательствѣ. Онъ боится подписывать, опасаясь за отвѣтственность, чувствуетъ, что это дѣло не его, но его силою заставляютъ, не даютъ жалованья, а отказаться онъ не можетъ, потому что таковъ существующій законъ и таковы понятія дѣйствительныхъ членовъ суда, которые на свою должность смотрятъ, какъ на препровожденіе времени и на поживу.

Нужно, на примѣръ, одного изъ засѣдателей, и идетъ изъ уѣзднаго суда въ земскій писецъ. Тамъ спрашиваетъ онъ сторожа:

- Гдѣ засѣдатель?
- Сельскій?
- Ну.
- На рынокъ ушелъ.
- Отыщи его пожалуйста.

Сторожъ отыщетъ сельскаго засѣдателя гдѣ нибудь въ кабакѣ и приведетъ въ уѣздный судъ.

- Эй ты, засѣдатель! Поди подписывай, справь службу.
- Не могу, братцы, хмылень больно.
- Ну-ну!

И его за волосы притащатъ въ присутствіе уѣзднаго суда, а дорогой надають подзатыльниковъ, издѣваясь надъ его мужичествомъ.

— Пиши, морда!.. Пиши свою тамгу!—И засѣдателя щелкають по лбу.

— Што писать?

— У, дубина. Пиши фамилію; вотъ здѣсь... И столоначальникъ колотить засѣдателя въ спину.

— А тутъ што?

— Ну, еще спрашивать вздумалъ. Какъ скажу судьѣ, онъ тѣ задасть.

И подписываетъ засѣдатель бумаги, или прикладываетъ въ нимъ печать.... Если же онъ слишкомъ пьянъ, то у него берутъ его печать и безъ его вѣдома прикладываютъ ее. Если трезвый и толковый засѣдатель захочетъ читать бумаги, ему не дають читать, говоря: не твое дѣло; коли старшіе подписали, подписывай.

— А если я подъ судъ попаду?

— Эка важность.

И подписываетъ засѣдатель, самъ не зная, что заключается въ бумагѣ...

Не лучше этихъ засѣдателей были также бургомистръ и ратманы.

Бургомистръ и ратманы вообще выбирались изъ богатыхъ купцовъ, и эти господа, попавши какимъ нибудь образомъ на такія почетныя должности, старались долго удержаться на нихъ: Они шли на нихъ ради формы и почета и имѣли большое вліяніе на податное сословіе города. Они рѣдко занимались дѣлами даже по магистрату, предоставляя всякія разбирательства и рѣшенія магистратскому секретарю, который могъ сдѣлать съ своими начальниками все, что хотѣлъ, и получалъ за свои труды отъ нихъ большое жалованье. Купецъ занять весь день коммерческими дѣлами и всякому говорилъ, что онъ не знаетъ, зачѣмъ это его выбрали еще на должность въ магистратъ, какъ будто не знаютъ, что у него и безъ магистрата много дѣлъ. «Ужь этотъ мнѣ магистратъ!... Я бы съ радостью уступилъ свое мѣсто другому»... говорилъ обыкновенно этотъ должностной человекъ и бранилъ судью и прочихъ тѣмъ, что они не дають ему покою съ своими бумажонками, до которыхъ ему, коммерческому человѣку, нѣтъ дѣла. Но посторонніе знали, что этотъ купецъ лицемеритъ. Всякій видѣлъ, что бургомистръ и ратманы загибали голову передъ своими товарищами, говорили свы-

вока, жили дружно съ тѣми, отъ кого зависѣли выборы и утверженіе ихъ въ должностяхъ, и очень любили свою форму. Въ магистратъ они ходили рѣдко, а въ уѣздный судъ ихъ едва могли призвать, потому что они отговаривались недосугомъ. Такъ какъ нѣкоторыя дѣла не терпятъ отлагательствъ, то секретарь посылалъ имъ докладъ и разныя бумаги на домъ. Если есть у купца охота читать, онъ станетъ читать дѣло, но онъ напередъ знаетъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ ничего не понимаетъ, и если секретарь что говорить, стало быть это такъ и должно, на то онъ и секретарь, на то и выписанъ изъ губернскаго города. Купецъ даже обидится, если секретарь попроситъ прочитать его дѣло.

— Поди-ка мнѣ есть время читать тутъ всякую дрянь... Стану я заниматься!... У меня и безъ эвтихъ дѣловъ своего дѣла много, жважнѣе этого... Ты, значить, секретарь и долженъ все знать, за то ты и деньги получаешь.

Поэтому бургомистръ и ратманы только носили званіе, одѣвались въ форму, ѣздили въ магистратъ для приличія и занимались только подписываніемъ бумагъ. Когда назначалось въ уѣздномъ судѣ общее присутствіе уѣзднаго суда съ магистратомъ, то магистратскихъ членовъ приглашали въ судъ. Въ это присутствіе являлся обыкновенно одинъ ратманъ и бургомистръ, а другой ратманъ подносилъ журналъ или протоколъ на дому. Придутъ купцы въ длинныхъ мундпрахъ, сядутъ на назначенныя имъ мѣста и начнется разговоръ о торговлѣ, или о городскихъ новостяхъ. Станетъ секретарь читать докладъ, купцы слушаютъ и хлопаютъ глазами.

— А ну, какъ по вашему? спросилъ судья.

— Что?

— А рѣшеніе.

— Да ничего, ровни ладно. Мы вѣдъ эвто дѣло не знаемъ... Уж вы и рѣшайте.

Случалось что они и спорили, но едва ли это дѣло было не по нимъ, потому что, во первыхъ, они не знали сущности дѣла, а во вторыхъ, если и знали, то соблюдали свой интересъ; въ этомъ случаѣ они горячо заступались за своего брата, ругая судью и всѣхъ судебныхъ членовъ, на что судья имъ замѣчалъ о приличіяхъ и намекалъ на ихъ должности. Купцы утихали, молчали и стояли на своемъ, что звать не хотятъ судъ, что они выше суда и никакихъ

дѣловъ послѣ этого не хотѣть имѣть съ судомъ. Ихъ просили написать свое мнѣніе тутъ-же, по они уѣзжали домой, а потомъ просили секретарей сочинить протестъ. А такъ какъ по дѣламъ ихъ всегда просили и они ненавидѣли вообще приказныхъ, то часто случалось, что они не соглашались съ мнѣніемъ суда, а потомъ, когда судья пугалъ ихъ опозовкой, они дарили его.

Все-таки купцы были очень осторожны: они никогда не подписывались раньше подписи судейскихъ членовъ. Они говорили, что «они отъ короны служатъ, они и должны за все отвѣчать. Подпиши они и мы подпишемъ. А то кто ихъ знаетъ, что они тамъ напелли! Ужь если подѣ судѣ идти, такъ всѣмъ». Купцы, конечно, не боялись идти подѣ судѣ, потому что они были богатые, и они всегда радовались, если чиновниковъ отдавали подѣ судѣ.

И такъ, значитъ, секретарь главное лицо въ судѣ. Вся вина обыкновенно падаетъ на него: отдадутъ членовъ подѣ судѣ, — отдадутъ и его, да еще члены обругаютъ его; сдѣлаютъ нѣмъ выговоръ, — сдѣлаютъ и секретарю выговоръ, да еще члены обругаютъ его, что «это мы по вашей милости влопались». Секретарь долженъ прочитать каждое дѣло, прочитать каждый докладъ и каждую бумагу и знать наизусть все, что есть въ судѣ: знать все содержаніе всѣхъ дѣлъ и всѣхъ судейскіе порядки. Понятно, каковъ долженъ быть секретарь?.. Нашъ секретарь прошелъ огонь и воду: онъ служилъ сначала въ канцеляріи губернатора, потомъ въ губернскомъ правленіи, оттуда его за пьянство сослали въ какой-то судѣ, онъ опять поѣхалъ въ губернское правленіе, оттуда въ нашъ судѣ. Въ этомъ судѣ онъ служилъ столоначальникомъ во всѣхъ столахъ, нѣсколько разъ былъ смѣняемъ съ должностей за пьянство, и только послѣ женитьбы на богатой экононкѣ богатой купчихи попалъ въ секретари. Ему очень трудно было слѣдить за всѣми порядками въ судѣ; у него очень много было работы, а такъ какъ въ нашемъ судѣ было очень много всякихъ дѣлъ, то онъ, запутавшись въ нихъ, заставляялъ столоначальниковъ сочинять рѣшенія, доклады и занимаясь только чтеніемъ дѣлъ, поправками докладовъ и подписаніемъ бумагъ. За то если ему случалось сочинять, то всѣ его сочиненія утверждались безъ всякихъ помарокъ. Судья не даромъ называлъ его своею *правою рукой*; а секретарь называлъ себя *хозяйномъ суда*.

Всѣхъ служащихъ въ судѣ было пятнадцать человѣкъ. Изъ нихъ штатныхъ было девять человѣкъ, въ томъ числѣ столоначальникъ съ надсмотрщикомъ, а остальные служащіе — по найму. Изъ дворянъ были только одинъ судья, а изъ канцелярской братіи только два чиновника. Каждому изъ канцелярскихъ были распределены занятія: одни сочиляли рѣшенія и больше ничѣмъ не занимались, другіе докладами, третьи журналами, четвертые протоколами; переписки вообще было не много. Здѣсь два разряда работы: одна машинная, другая умственная. Къ машинной причисляются переписка бумагъ, записка ихъ въ книги и написаніе журналовъ. Умственная работа — это было сочиненіе бумагъ и все то, что требовало соображеній. Сидить, напримѣръ, столоначальникъ или писецъ, сочиняетъ отношеніе, и долго долго онъ мучится; ужъ кажется, привыкъ къ сочиненіямъ отношеній, но все какъ-то ему хочется сочинить лучше, для того, чтобы сбыть бумагу поскорѣе или чтобы она понравилась члену. Впрочемъ людямъ привычнымъ къ канцелярскому строченію, подобная работа ничего не значила: они въ одинъ присѣсть написывали по рѣшенію и были довольны тѣмъ, что отдали его въ присутствіе, а тамъ цензурой кто хочешь, потому что, какъ ни сочиняй, какъ ни старайся отличиться, — а все безъ помарокъ не обойдется.

Ф. Рѣшетниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Т Е Р Е З А .

І .

Мы — дядя мой, докторъ Яковъ Вагнеръ, старая служанка его Лизбета и я, — жили тихо и мирно въ деревнѣ Анштатъ, среди нѣмецкихъ Вогезъ. Дядя Яковъ взялъ меня къ себѣ, когда умерла сестра его Христина. Мнѣ было около десяти лѣтъ; я былъ бѣлокурый, розовый и свѣжій, какъ херувимъ. Носилъ я бумажный колпакъ куртку коричневаго бархата, перешитую изъ старыхъ дядинныхъ панталонъ, старше хощевые штаны и деревянные башмаки, скрашенные сверху клочкомъ шерсти. Въ деревнѣ звали меня маленькимъ Фрицелемъ. Дядя Яковъ, всякій вечеръ, возвращаясь отъ больныхъ, сажалъ меня къ себѣ на колѣни и училъ читать по французски по «Естественной исторіи» Бюффона.

Передо мною живо рисуется наша низенькая комната, по потолку которой идутъ закопченныя балки. Я точно еще вижу на лѣво маленькую дверь изъ гарридора и дубовый шкафъ; на право альковъ, задернутый зеленой саржевой занавѣской; въ глубинѣ проходъ въ кухню, подлѣ него чугунную печку съ большими вылитыми украшеніями, изображающими двѣнадцать мѣсяцевъ года, — оленя, рыбу, козерога, водолѣя, снопъ и т. д., а со стороны улицы, два не большія окошечка, выглядывавшія изъ-за виноградной зелени на площадь съ фонтаномъ.

Какъ теперь вижу я и дядю Якова, высокаго роста, съ большимъ лбомъ, окаймленнымъ славными бѣлокурыми волосами, граціозно обрисовывающими его широкіе виски, его носъ съ небольшимъ горбомъ, голубые глаза, округленный подбородокъ, нѣжныя и добрыя губы. На немъ черныя ратиновые панталоны, небесно-голубаго цвѣта, сюртукъ съ мѣдными пуговицами, мягкіе сапоги, съ свѣтло-желтыми отворотами и съ висточкой спереди. Вижу я, какъ онъ сидитъ въ своемъ кожаномъ креслѣ, положивъ руки на

столь, и читаетъ, а солнце играетъ черезъ виноградную зелень на лицѣ его, нѣсколько продолговатомъ и загорѣломъ.

Дядя былъ человѣкъ сентиментальный и миролюбивый; ему было около сорока лѣтъ, и онъ считался лучшимъ докторомъ во всемъ околodкѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ увлекался теоріями общаго братства, и что связки книгъ, что приносились по временамъ почтальономъ Фрицомъ, трактовали объ идеѣ всеобщаго братства.

Все это я будто вижу; вижу и нашу Лизбету, нашу морщинистую и улыбающуюся старуху, въ синей холщевой кофтѣ и юбкѣ, сидящую за пряхой въ углу, вижу и кота Роллера, который, сидя на хвостѣ за печкой, о чемъ-то мечтаетъ, выпучивъ большіе глаза, свѣтящіеся въ потемкахъ, какъ глаза совы.

Мнѣ кажется, что стоитъ мнѣ пройти только корридоръ, и я попаду въ кладовую, благоухающую овощами; стоитъ только подняться на лѣстницу, и я очутюсь въ моей комнатѣ, гдѣ я выпускалъ зеленыхъ и лазоревыхъ птичекъ, которыхъ мы ловили съ Гансомъ Аденомъ, сыномъ сапожника, приманивая ихъ дудочкой. Маленькая Лиза Мейеръ, дочь бургомистра, часто приходила смотреть на птичекъ и выпрашивала ихъ у меня; и когда всѣ мы, Гансъ Адентъ, Людвигъ, Францъ Сенель, Карлъ Штенгеръ и я, отправлялись вмѣстѣ къ Биркенвальду пасти коровъ и козъ, она всегда прицѣплялась къ моей курткѣ, говоря мнѣ:

— Фрицель, дай я погоню вашу корову... не прогоняй меня!

И я давалъ ей свой хлыстъ; мы разводили на дугу огонь и пекли въ золѣ картофель.

Хорошее было время! Какъ все вокругъ насъ глядѣло тихо и мирно! Какъ все шло весело! никогда ни малѣйшаго безпокойства: понедѣльникъ, вторникъ, среда, всѣ дни недѣли проходили совершенно одинаково.

Всякій день мы вставали въ одинъ и тотъ же часъ, одѣвались и садились ѣсть мучной супъ, приготовленный Лизбетой. Дядя уѣзжалъ верхомъ, а я отправлялся устраивать силки и петли для сѣрыхъ дроздовъ, воробьевъ или зеленыхъ дубоносокъ, смотря по времени года.

Въ двѣнадцать часовъ мы возвращались и ѣли сальникъ съ капустой, лапшу или клецки. Потомъ я отправлялся или пасти, или осматривать силки, или, въ жаркій день, купаться въ Квечѣ.

Вечеромъ, къ концу ужина, когда по комнатѣ разстилался полумракъ отъ сѣровой ночи, въ корридорѣ раздавались тяжелые шаги, дверь отворялась; и на порогѣ показывался коренастый, широкоплечій мужчина, въ большой пуховой шляпѣ.

—Здравствуйте, господинъ докторъ, говорилъ онъ.

— Садитесь, кротоловъ, отвѣчалъ дядя. Лизбета, отвори кухню. Лизбета отворяла дверь, и красное пламя, игравшее въ очагѣ, освѣщало кротолова, сидѣвшаго за нашимъ столомъ и смотрѣвшаго своими маленькими, сѣрыми глазами на нашу ѣду. Физиономія его очень походила на морду полевой мыши: длинный носъ, маленькій ротъ, сѣзанный подбородокъ, четыре волоска рыжихъ, торчавшихъ вмѣсто усовъ. Его сѣрый холщевой парусинникъ едва доходилъ до низа спины, широкой красный жилетъ съ огромными карманами болтался на бедрахъ, а въ громадныхъ, отъ пыли пожелтѣвшихъ, башмакахъ были вбиты толстые гвозди, блестяшіе спереди, какъ боги, до самаго верха подошвъ.

Кротолову было, по всей вѣроятности, лѣтъ пятьдесятъ; волосы его начинали сѣдѣть, глубокія морщины испещряли его красноватый лобъ, а бѣлыя брови, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, падали ему почти на глаза.

Его постоянно встрѣчали, или въ полѣ, разставляющимъ канкавы, или у дверей его косаго улья, въ пустошахъ Биркенвальда, въ маскѣ изъ проволочной сѣтки, въ толстыхъ холщевыхъ рукавицахъ и съ большой острой ложкой для подрѣзыванія пчелинаго меда.

Въ концѣ осени онъ уходилъ изъ деревни на цѣлый мѣсяцъ, съ котомкой за спиной, неся съ одной стороны большой горшокъ съ медомъ, а съ другой куски желтаго воска, который онъ отправлялся продавать окрестнымъ попамъ для церковныхъ свѣчей.

Таковъ былъ кротоловъ.

Осмотрѣвъ внимательно столъ, онъ говорилъ:

— Это сыръ... это орѣхи...

— Да, отвѣчалъ дядя, милости просимъ.

— Благодарю; теперь я лучше выкурю трубку.

Затѣмъ онъ вынималъ изъ кармана черную трубку съ мѣдную крышечкою и маленькою цѣпочкою. Онъ тщательно набивалъ ее, не переставая все смотрѣть, потомъ отправлялся въ кухню, бралъ своей мозолистой рукой уголь изъ печки и клалъ его на табакъ. Я точно вижу его передъ собою, съ его мышиною мордочкой, какъ онъ, закинувъ голову, выпускалъ передъ яркимъ пламенемъ очага большіе клубы дыма; потомъ входилъ въ комнату и садился, положивъ ногу на ногу, въ тѣни, въ углу печки.

Кромѣ кротовъ, пчель, воска и меда у кротолова было еще одно важное занятіе: онъ предсказывалъ будущее по полету птицъ, по количеству кузнечиковъ и гусеницъ, и по нѣкоторымъ преданіямъ,

записаннымъ въ толстой книгѣ съ деревяннымъ переплетомъ, которая досталась ему по наслѣдству отъ старой его тетки изъ Геминга.

Но, чтобы заговорить о предсказаніяхъ, ему необходимо было присутствіе друга его, Коффеля, столяра, токаря, часовщика, собачьяго лекаря, ветеринара, словомъ самаго, талантливаго человѣка въ Анштатѣ и окрестностяхъ.

Коффель былъ, что называется, человѣкъ на всѣ руки: онъ чинилъ битую посуду, связывая ее проволокой, лудилъ кастрюли, исправлялъ старую поломанную мебель, приводилъ въ порядокъ органъ, когда портились въ немъ флейты и мѣхи; дядѣ Якову пришлось даже просить его не мѣшаться въ докторскую практику и не лечить сломанные руки и ноги. Кротоловъ сильно восхищался имъ и говорилъ иногда: «Досадно, что Коффель не ученъ... Досадно!» У деревенскихъ кумушекъ онъ считался человѣкомъ всевѣдущимъ.

Но изъ всего этого похлебки не сварить, и потому Коффель прибѣгалъ къ болѣе вѣрному источнику. Осенью онъ отправлялся, съ выдвижнымъ ящикомъ въ видѣ корзинки и со стругомъ за спиной, шинковать кислую капусту, покрикивая у каждой двери: «капусты, не надо ли капусты?». Вотъ какъ вознаграждаются великіе умы!

Маленькій и гениальный Коффель, съ черной бородой и черными волосами, съ тонкимъ носомъ, прямымъ, какъ у дикой утки, также являлся къ намъ по вечерамъ. Онъ входилъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ кротолова и, подходя тихими шагами, говорилъ:

— Хлѣбъ-соль, господинъ докторъ.

— Не покушаете ли съ нами? отвѣчалъ дядя.

— Поворно благодарю; мы ѣли сейчасъ салатъ; салатъ я всего больше люблю.

Послѣ этихъ словъ, Коффель садился за печкой и не трогался до тѣхъ поръ, пока дядя не приказывалъ:

— Ну, Лизбета, зажги свѣчку и убери со стола.

Тогда дядя, въ свою очередь, набивалъ трубку и подвигался къ печкѣ. Разговоръ шелъ о дождѣ, о хорошей погодѣ, объ урожаѣ и т. д. о томъ, что кротоловъ поставилъ въ тотъ день столько-то вапкановъ, отвелъ во время грозы воду отъ такого-то поля, или о томъ, что онъ срѣзалъ столько-то меду на своемъ пчельникѣ, что пчелы его должны скоро роняться, что у нихъ начался шумъ и что онъ заранѣе приготовлялъ короба для принятія молодого роя.

Коффель же вѣчно мечталъ о какомъ нибудь изобрѣтеніи; онъ то говорилъ о своихъ часахъ безъ гирь, въ которыхъ, въ то время, какъ они были двѣнадцать, должны были являться двѣнадцать апостоловъ, пѣть пѣтухъ, а смерть косить; то мечталъ о телѣжкѣ,

которая, когда ее заведешь, какъ часы, сама ѣздила, или о какомънибудь другомъ чудесномъ открытіи.

Дядя слушалъ серьезно, поддакивалъ и кивалъ головою, думая о своихъ больныхъ.

Лѣтомъ, передъ нашими открытыми окнами на каменную скамейку садились сосѣдки и болтали съ Лизбетой о хозяйственныхъ предметахъ: одна соткала въ прошлую зиму столько-то аршинъ холста, у другой куры снесли нынче столько-то яицъ въ одинъ день и т. п.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я убѣгалъ въ конецъ деревни, въ кузницу Кляпеля, свѣтъ отъ которой видѣлся въ потьмахъ издали. Гансъ Адень, Францъ Сепель и многіе другіе сидѣли уже тамъ. Мы смотрѣли, какъ, точно молніи, вылетали искры изъ подъ молотка и свистѣли подъ шумъ наковальни. Когда приводили ковать какуюнибудь старую влячу, мы помогали поднимать ей ногу. Мальчики постарше пробовали курить орѣховые листья, отчего ихъ мутило; нѣкоторые гордились тѣмъ, что по воскресеньямъ ходятъ танцовать,—такимъ было лѣтъ пятнадцать, шестнадцать. Они носили шапки на бекрень и курили съ важнымъ видомъ, засунувъ руки въ карманы.

Въ десять часовъ вся ватага расходилась; всякій отправлялся во свояси.

Такимъ образомъ проходили шесть дней въ недѣлѣ. Но по недѣльникамъ и по пятницамъ дядя получалъ Франкфуртскую газету, и въ эти дни у насъ дома собиралось больше народа. Кромѣ кротолова и Коффеля, къ намъ приходили нашъ бургомистръ Христіанъ Мейеръ и Каролусъ Рихтеръ, внукъ стараго слуги графа де-Сальмъ-Сальма. Ни тотъ, ни другой не хотѣли подписаться на газету, а любили слушать ее на даровщинку.

Сколько разъ съ тѣхъ поръ припоминалъ я нашего толстаго бургомистра съ красными ушами, въ шерстяной курткѣ и бѣломъ бумажномъ колпакѣ, сидящаго въ креслѣ, на обычномъ мѣстѣ дяди! Онъ, казалось, размышлялъ о вещахъ глубокомысленныхъ; но главное стараніе его заключалось въ томъ, чтобы запомнить новости и рассказать ихъ потомъ женѣ, добродѣтельной Варварѣ; управлявшей подъ его именемъ деревней.

Длинный Каролусъ, походившій на борзую собаку, ходилъ въ охотничьемъ платьѣ и въ кожаной фуражкѣ. Онъ былъ самый большой ростовщикъ околodka и смотрѣлъ на всѣхъ крестьянъ свысока, потому что дѣдъ его служилъ лакеемъ у Сальмъ-Сальма. Каролусъ, въ видѣ одолженія, курилъ чужой табакъ и постоянно го-

ворилъ о паркахъ и птичьихъ дворахъ съ фазанами, о большихъ охотахъ и травляхъ, о правахъ и привилегіяхъ Сальмъ-Сальма. Какъ часто снилось мнѣ, что онъ ходитъ передо мною взадъ и впередъ по нашей низенькой комнатѣ, слушаетъ, хмурия брови, вдругъ засовываетъ руку въ широкій карманъ дяди за кисетомъ съ табакомъ, набиваетъ трубку, закуриваетъ ее на свѣчѣ и говоритъ: «повольте!»

Да, все это я будто еще вижу.

Бѣдный дядя Яковъ, добродушно позволялъ курить свой табакъ; да онъ съ такимъ вниманіемъ читалъ новости, что не замѣчалъ даже этого. А новости были съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе интересныя. Республиканцы овладѣли Палатиномъ; они спустились по Рейну, осмѣлились стать противъ трехъ курфирстовъ, короля прусскаго Вильгельма и императора Юсифа.

Всѣ присутствующіе дивились ихъ смѣлости.

Господинъ Рихтеръ говорилъ, что такъ продолжаться не можетъ, и что всѣ эти дрянные бродяги будутъ истреблены.

Дядя заканчивалъ всегда чтеніе какимъ нибудь разсужденіемъ; складывая газету онъ обыкновенно говорилъ:

— Поблагодаримъ Бога, что живемъ въ лѣсахъ, а не въ виноградникахъ, въ неплодныхъ горахъ, а не въ плодородной долинѣ. Этимъ республиканцамъ здѣсь нечѣмъ поживиться; поэтому мы, слава Богу, безопасны и можемъ спокойно спать. Но сколько другихъ терпятъ отъ ихъ грабежа! Эти люди хотятъ взять все силой: а между тѣмъ сила никогда не создавала ничего хорошаго. Они говорятъ намъ о любви, о равенствѣ, о свободѣ, не примѣняя однако на дѣлѣ этихъ истинъ; они полагаются больше на свои руки, чѣмъ на справедливость своихъ убѣжденій. Еще очень задолго до нихъ тоже приходили люди освобождать міръ: тѣ не дрались, не разрушали, а погибали сами тысячами, и послѣдующія поколѣнія представляли ихъ себѣ, какъ агнцевъ, пожранныхъ волками. Можно было подумать, что объ этихъ людяхъ не останется и воспоминанія, а между тѣмъ они побѣдили міръ; правда, они побѣдили не плоть, а душу человѣчества,—но въ душѣ заключается все! — Отчего же эти не слѣдуютъ ихъ примѣру?

Послѣ этого Каролушъ Рихтеръ восклицалъ тономъ презрѣнія:

— Отчего? оттого, что они смѣются надъ душою и завидуютъ мірской власти. Прежде всего, всѣ эти республиканцы—отъ перваго до послѣдняго—атеисты; они не уважаютъ ни престола, ни церкви; они ниспровергли вещи, установленныя споконъ вѣка; дворянства они не признаютъ, какъ будто дворянство не основа всего

на землѣ и на небесахъ, точно будто не признано, что одни рождаются для рабства, другіе для господства; какъ будто не тотъ же порядокъ мы видимъ и въ природѣ: мохъ ниже травы, трава ниже кустарника, кустарникъ ниже деревьевъ, а деревья ниже свода небеснаго. Точно такъ же и крестьянство ниже мѣщанства, мѣщанство ниже чиновнаго дворянства, чиновное дворянство ниже военнаго дворянства, военное дворянство ниже короля, король ниже папы, представителями котораго служатъ его кардиналы, архіепископы и епископы. Вотъ естественный порядокъ вещей!

— Что ни говори, а чертополоху не сравняться съ дубомъ, и никогда мужикъ не будетъ держать меча, какъ потомокъ изъ знаменитаго рода воиновъ.

— Эти головорѣзы достигли нѣсколькихъ кажущихся успѣховъ, и этимъ они обязаны удивленію, произведенному ими на міръ своею, дѣйствительно-поразительною храбростью и отсутствіемъ здраваго смысла. Отрицая всѣ правила и всѣ установленные принципы, они поразили людей благоразумныхъ,—въ этомъ единственная причина перевсротовъ. Какъ иногда случается видѣть быка или вола, вдругъ останавливающагося и бѣгущаго при видѣ выскочившей изъ земли и остановившейся передъ нимъ мыши, такъ и наши солдаты удивлены и даже смущены такою смѣлостью. Но всему этому будетъ конецъ, и я увѣренъ, что когда пройдетъ первое удивленіе, наши старше генералы семилѣтней войны побьютъ порядкомъ эту кучку босоногихъ шалопаевъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ, не вернется въ свою несчастную страну!

Провозгласивъ все это, Каролусъ снова закуривалъ трубку и продолжалъ ходить взадъ и впередъ съ самодовольнымъ лицомъ, заложивъ руки за спину. Всѣ остальные обдумывали слышанное ими. Послѣ нѣкотораго молчанія, говорилъ обыкновенно кротоловъ.

— Чему быть—тому не миновать, такъ начиналъ онъ. Если республиканцы эти выгнали своихъ господъ и аббатовъ, значитъ такъ и было написано на небесахъ отъ сотворенія міра: Богу было угодно! Отъ него зависитъ также—возвратиться ли имъ, или нѣтъ.

— Готовъ объ закладъ биться, закричалъ опять Каролусъ Рихтеръ, что Коффель думаетъ тоже.

Тогда маленькій столяръ, до сихъ поръ молчавшій, отвѣчалъ, подмигивая глазомъ:

— Господинъ Каролусъ, еслибъ я имѣлъ счастье быть внукомъ лакея какого нибудь Уери Петера или Сальмъ-Сальма, и если бы я наследовалъ послѣ него богатства, которыя дали бы мнѣ возможность жить въ изобиліи и въ бездѣйствіи, тогда я сказалъ бы,

что трутни—работники, а пчелы—тунеядцы. Мнѣ же въ моемъ положеніи приходится нуждаться во всемъ, чтобы жить, и потому я не скажу ничего. Я молчу. Но все-таки думаю, что всякому слѣдовало бы получать по заслугѣ своей.

— Дорогіе друзья мои, начиналъ тогда серьезнымъ тономъ дядя, не будемъ касаться этихъ предметовъ, мы не сойдемся другъ съ другомъ. Миръ! миръ! вотъ что намъ надо. Миръ доставляетъ людямъ благоденствіе и даетъ каждому свое. Война, напротивъ, будитъ всѣ дурныя наклонности — къ убійству, грабежу и т. д. Поэтому, всѣ безпутные люди любятъ войну; для нихъ это единственный способъ сдѣлаться чѣмъ нибудь. Въ мирное время они были бы ничтожествомъ, потому что вся несостоятельность ихъ мысли, инициативы и стремленій обнаружилась бы слишкомъ ясно. Богъ создалъ человѣка для мира, для труда, для любви своего семейства и своихъ ближнихъ. Война, которая идетъ противъ всего этого, представляетъ настоящее бѣдствіе.—Но вотъ бьетъ десять часовъ, и мы могли бы проспорить хоть до завтра, ни въ чемъ не убѣдивъ другъ друга. Предлагаю разойтись спать.

Тогда всѣ обыкновенно вставали, и бургомистръ, опираясь толстыми ладонями на ручки кресель, восклицалъ:

— Дай Богъ, чтобы ни республиканцы, ни пруссаки, ни австрійцы, не проходили бы здѣсь, потому что всѣмъ имъ хочется ѣсть и пить! Но такъ какъ пить свое вино самому пріятнѣе, чѣмъ смотрѣть, какъ его глотаютъ другіе, то и мнѣ гораздо лучше слышать такія вещи изъ газетъ, чѣмъ видѣть ихъ собственными глазами. Вотъ мое мнѣніе.

Съ этими словами онъ направлялся къ двери; остальные слѣдовали за нимъ.

— Доброй ночи! говорилъ дядя.

— Прощайте, отвѣчалъ кротоловъ, удаляясь по темной улицѣ.

За ними затворялась дверь, и задумчивый дядя говорилъ мнѣ:

— Ну, Фрицель, спокойной ночи.

— И вамъ также, дядюшка, отвѣчалъ я.

Мы съ Лизбетой поднимались на лѣстницу.

Четверть часа спустя, во всемъ домѣ царствовала глубокая тишина.

II.

Разъ въ пятницу вечеромъ, въ ноябрѣ 1793 года, Лизбета растворяла послѣ ужина тѣсто, приготавлиаясь, по своему обыкновенію,

печь домашній хлѣбъ. Такъ какъ изъ этого же тѣста должны были выйдти и хлѣбная лепешка, и сладкій яблочный пирогъ, то я вертѣлся около нея въ кухнѣ, смотря на нее и предаваясь самымъ пріятнымъ мечтаніямъ.

Когда тѣсто было готово, въ него положили живныхъ дрожжей, отскобили вокругъ квашню, и наложили на нее толстый пуховикъ, чтобы дать тѣсту выходиться; потомъ Лизбета сгребла угли изъ очага въ печку и пихнула туда шестомъ три связки хворосту, вспыхнувшія подъ чернымъ сводомъ. Наконецъ, когда огонь хорошо разгорѣлся, она закрыла печь заслонкой и сказала мнѣ:

— Теперь, Фрицель, пойдемъ спать; завтра, когда встанешь, пирогъ будетъ готовъ.

Мы пошли къ себѣ въ комнаты. Дядя Яковъ ужъ цѣлый часъ храпѣлъ въ глубинѣ своего алькова. Я легъ, мечта о заманчивыхъ вещахъ, и тотчасъ заснулъ.

Это длилось довольно долго, но ночь еще не миновала и мѣсяцъ ясно свѣтилъ въ мое маленькое окошечко, когда я былъ разбуженъ страннымъ шумомъ. Можно было подумать, что вся деревня высыпала на улицу: издали слышалось, какъ отворялись и затворялись двери, какъ цѣлая толпа переходила черезъ грязныя лужи улицы. Въ нашемъ домѣ тоже поднялась бѣготня, и на моихъ окнахъ стали отражаться тѣни огней.

Можете себѣ представить мой ужасъ!

Послушавъ нѣсколько минутъ, я потихоньку всталъ и отворилъ окно. Вся улица была полна народомъ, и не только улица, но даже полисадники и боковые переулки: вездѣ ходили высокіе молодцы въ огромныхъ трехугольных шляпахъ, въ длинныхъ синихъ плащахъ съ красными отворотами, съ широкими бѣлыми перевязями черезъ плечо и съ большой косою, висѣвшей на спинѣ; о сабляхъ и лядункахъ, болтавшихся на бедрахъ, которые я видѣлъ въ первый разъ въ жизни, и говорить нечего. Они сложили ружья пирамидой передъ нашимъ овиномъ; вокругъ шагало двое часовыхъ; прочіе входили въ дома, какъ въ свои собственные.

Въ углу конюшни ржали три лошади. Далѣе, передъ мясной лавкой Сепеля, по ту сторону площади, у стѣны съ крюкомъ, гдѣ обыкновенно кололи телятъ, висѣлъ цѣлый быкъ, освѣщавшійся поднимавшимся и опускавшимся пламенемъ разведеннаго на площади огня; голова и спина быка лежали на землѣ. Одинъ изъ этихъ людей, засучивъ рукава рубашки на своихъ мускулистыхъ рукахъ, потрошилъ его; онъ распоролъ его сверху до низу; спневатыя шип-

ки падали вмѣстѣ съ кровью въ грязь. Видѣ этого человѣка, съ его обнаженной шеей и косою на спинѣ, былъ ужасенъ.

Я тотчасъ же понялъ, что республиканцы внезапно явились въ деревню, и, одѣваясь, призывалъ на помощь императора Юсифа, о которомъ такъ часто говорилъ Каролусъ Рихтеръ.

Французы пришли въ нашу деревню, едва она успѣла заснуть, но общая суматоха подняла всѣхъ на ноги. Когда я наклонился, спускаясь по лѣстницѣ, я увидѣлъ трехъ человѣкъ, тоже съ засученными рукавами рубашки, какъ у мясника, вынимавшихъ хлѣбъ изъ нашей печи, нашею же лопатю. Они избавили Лизбету отъ труда печь, какъ другой солдатъ избавилъ Сепеля отъ труда заколоть быка. Эти люди умѣли дѣлать все, и ничто ихъ не затрудняло.

Лизбета сидѣла въ углу, скрестивъ на колѣняхъ руки, и смотрѣла на нихъ довольно спокойно, такъ какъ первый страхъ ея уже прошелъ. Увидавъ меня на верху у перилъ, она сказала:

— Сходи, Фрицель... они не тронуть тебя!

Я сошелъ; хлѣбопеки продолжали работу, не обращая на меня вниманія. Дверь на лѣво въ корридоръ была отворена, и я увидѣлъ въ кладовой, гдѣ были овощи, еще двухъ не прошенныхъ гостей мѣсившихъ тѣсто для втораго и третьяго печенья. Наконецъ, на право, черезъ полуотворенную дверь залы, я увидѣлъ дядю Якова, сидѣвшаго на стулѣ подлѣ стола; на креслѣ сидѣлъ коренастый человѣкъ съ большими рыжими бакенбардами, короткимъ и круглымъ носомъ, выдающимися бровями, торчащими ушами и съ косяю коноплянаго цвѣта, толщиною съ руку; онъ съ аппетитомъ рѣзаетъ и ѣтъ одинъ изъ нашихъ окороковъ. Держа въ своихъ большихъ загорѣлыхъ рукахъ — въ одной вилку, въ другой ножъ, онъ то и дѣлаетъ, что поднимаетъ и опускаетъ ихъ, шевели вмѣстѣ съ тѣмъ толстыми, мускулистыми щеками. Отъ времени до времени онъ бралъ стаканъ, поднимаетъ локоть, порядочно отпиваетъ и снова продолжаетъ свое дѣло.

На немъ были эполеты свинцоваго цвѣта, большая сабля въ желѣзныхъ ножнахъ, рукоятка которой торчала выше локтя, и сапоги до того грязные, что, кромѣ желтыхъ отворотовъ, начинавшихъ просыхать, ничего не было видно. На шляпѣ его, лежавшей на буфетѣ, торчалъ пучекъ красныхъ перьевъ, колыхавшійся отъ сквознаго вѣтра, потому что, не смотря на холодъ, окна были отворены; передъ ними ходилъ часовой, останавливавшійся отъ времени до времени и поглядывавшій на столъ.

Не переставая рѣзать и ѣсть, человѣкъ съ рыжими бакенбардами говорилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Такъ ты докторъ? говорилъ онъ дядѣ.

— Да, господинъ командиръ.

— Называй меня просто «командиромъ» или «гражданиномъ комендантомъ», какъ я ужъ говорилъ тебѣ; господа и госпожи вышли изъ моды.— Но къ дѣлу, ты долженъ знать мѣстность страны; деревенскій докторъ вѣчно рыскаетъ по дорогамъ. Сколько миль отсюда до Кайзерлаутерна?

— Семь миль, командиръ.

— А, до Ширмазенса?

— Около восьми.

— А до Ландау?

— Должно быть добрыхъ миль пять.

— Оволо.... должно быть.... почти.... такъ развѣ можетъ говорить человекъ, живущій въ странѣ? Мнѣ кажется, ты трусишь; ты боишься, что, когда здѣсь будутъ проходить бѣлые мундиры, тебя повѣсятъ за твои отеругія. Выбрось это изъ головы: ты подъ защитой французской республики.

И потомъ, взглянувъ своими сѣрыми глазами прямо на дядю онъ воскликнулъ, поднявъ стаканъ:

— За здравіе республики единой и нераздѣльной!

Они чокнулись, и дядя, поблѣднѣвъ какъ полотно, выпилъ за республику.

— Ну-ка, продолжалъ командиръ, не видать ли тутъ около австрійцевъ?

— Нѣтъ, командиръ.

— Ты въ этомъ увѣренъ? Ну-ка, посмотри мнѣ въ глаза.

— Я не видалъ.

— Не ѣздилъ ли ты недавно въ Рееталь?

За три дня передъ этимъ дядя былъ въ Рееталь. Думая, что кто нибудь изъ крестьянъ говорилъ объ этомъ командиру, онъ отвѣчалъ:

— Да, командиръ.

— Да! — И тамъ не было австрійцевъ?

— Нѣтъ.

Командиръ опорожнилъ стаканъ, и бросивъ на дядю Якова подозрительный взглядъ, взялъ его за руку съ страннымъ видомъ.

— Ты говоришь, что нѣтъ?

— Да, командиръ.

— Ты врешь!

И онъ прибавилъ тихимъ голосомъ:

— Мы не вѣшаемъ, но разстрѣливаемъ иногда тѣхъ, кто насъ обманываетъ!

Дядя поблѣднѣлъ еще болѣе, но, поднявъ голову, онъ повторилъ довольно твердымъ голосомъ:

— Командиръ, честию увѣряю васъ, что три дня тому назадъ въ Рееталѣ не было австрійцевъ.

— А я, вскричалъ республиканецъ, глаза котораго горѣли подъ нависшими густыми рыжими бровями, говорю тебѣ, что они тамъ были. Понимаешь?

Съ минуту длилось молчаніе. Всѣ бывшіе въ кухнѣ, обернулись; выраженіе лица командира не обѣщало ничего добраго. Я заплакалъ, вошелъ въ комнату, чтобы защитить дядю, и сталъ за его стуломъ. Республиканецъ смотрѣлъ на насъ обоихъ, нахмуривъ брови, что не мѣшало ему съѣсть еще кусокъ ветчины, какъ будто для того, чтобы дать себѣ время обдумать. Въ кухнѣ Лизбета громко рыдала.

— Командиръ, твердо продолжалъ дядя, вамъ можетъ быть неизвестно, что есть два Реетала, одинъ со стороны Кайзерлаутерна, другой на Квечѣ, мили три отъ Ландау. Австрійцы, можетъ быть, были тамъ; но съ этой стороны, въ среду вечеромъ, я ихъ не видалъ.

— Вотъ какъ! сказалъ командиръ ломанымъ нѣмецкимъ лотарингскимъ нарѣчіемъ, шутливо улыбаясь, это не глупо. Но и мы, жители Витча и Саргеюнда, не глупѣе васъ. Если ты не докажешь, что есть два Реетала, я долженъ сказать тебѣ, что тебя арестуютъ и будутъ судить военнымъ судомъ.

— Командиръ! вскрикнулъ дядя, протягивая руку, доказательство, что существуетъ два Реетала, можно видѣть на любой картѣ страны.

И онъ указалъ на нашу старую карту, висѣвшую на стѣнѣ.

Тогда республиканецъ обернулся, не поднимаясь съ кресла, и сказалъ:

— А! это карта страны? Дай-ка ее сюда.

Дядя снялъ карту и, разложивъ ее на столѣ, указалъ обѣмъ деревни.

— Правда, сказалъ командиръ, ну и хорошо; лучшаго доказательства мнѣ и не надо!

Онъ облокотился обоими локтями на столъ и, положивъ голову между рукъ, сталъ разсматривать карту.

— Отлично, отлично, говорилъ онъ. Откуда у тебя эта карта?

— Ее сдѣлалъ мой отецъ. Онъ былъ геометромъ.

Республиканецъ улыбался.

— Да, лѣса, рѣки, дороги, все обозначено, говорилъ онъ; я узнаю ихъ... мы тамъ проходили... хорошо... очень хорошо.

Приподнявъ голову, онъ сказалъ по нѣмецки:

— Карта эта вѣдь ненужна тебѣ, гражданинъ-докторъ; мнѣ же она нужна, и я требую ее у тебя для службы республики. Ну, теперь удовлетвореніе по чести. Выпьемъ еще, для скрѣпленія праздниковъ согласія.

Можете себѣ представить, съ какой быстротой Лизбета сбѣгала въ погребъ за новой бутылкой вина.

Между тѣмъ дядя Яковъ видимо успокоился. Командиръ, глядѣвшій тогда на меня, спросилъ его:

— Это сынъ твой?

— Нѣтъ, племянникъ.

— Мальчуганъ славно сложенъ. Мнѣ очень понравилось, что онъ пришелъ къ тебѣ на помощь. — Ну, подойди, сказалъ онъ, притянувъ меня за руку.

Погладивъ меня по головѣ, онъ сказалъ голосомъ, хотя и грубымъ, но все-таки добрымъ:

— Воспитай мальчугана этого въ любви къ правамъ человѣка. Вмѣсто того, чтобы пасти коровъ, онъ можетъ сдѣлаться, какъ всякій другой, командиромъ или генераломъ. Теперь всѣ пути открыты, каждому доступны всѣ мѣста; для удачи надо только сердце и счастье. Вотъ и я самъ, ни больше, ни меньше, какъ сынъ кузнеца въ Саргемюндѣ; не будь республики, я и теперь колотилъ бы по наковальнѣ; нашъ долговязый графъ, что теперь съ австрійцами, былъ бы орломъ, а я осломъ; теперь же, благодаря другимъ порядкамъ, вышло на оборотъ.

Онъ запомъ осушилъ стаканъ и, лукаво прищуривъ глаза, сказалъ:

— Въ этомъ есть маленькая разница.

Подлѣ окорока стояла лепешка, испеченная республиканцами раньше, при первой топкѣ; командиръ отрѣзалъ мнѣ кусокъ.

— Проглоти молодцомъ, сказалъ онъ мнѣ уже совсѣмъ весело, и постарайся стать человѣкомъ!

Потомъ, обернувшись къ кухнѣ:

— Сержантъ Лафлешъ! закричалъ онъ громовымъ голосомъ.

На порогѣ показался старый сержантъ съ сѣдыми усами, сухой какъ копченая селедка.

— Сколько хлѣбовъ, готово?

— Сорокъ.

— Надо, чтобы черезъ часъ было пятьдесятъ; при десяти печкахъ пятьсотъ: три фунта на человѣка

Сержантъ вышелъ въ кухню.

Мы съ дядей смотрѣли на все, не трогаясь съ мѣста.

Командиръ опять облокотился надъ картой, положивъ голову на руки.

На улицѣ стали показываться свѣтъ сѣренькаго дня; передъ окнами видѣлась тѣнь ходившаго взадъ и впередъ часового съ ружьемъ на плечѣ. Вездѣ было тихо; большинство республиканцевъ, вѣроятно, спало, прислонясь головами къ мѣшкамъ, вокругъ разведеннаго или большаго огня; нѣкоторые отдыхали въ домахъ. Часы медленно постукивали, огонь все еще трещалъ на очагѣ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ на улицѣ поднялся страшный шумъ; вылетѣло и разбилось окно, съ трескомъ отворилась дверь, и сосѣдъ нашъ, Юсифъ Спикъ, цѣловальникъ, сталъ кричать:

— Помогите! горимъ!

Но въ деревнѣ никто не шевельнулся; всѣ были слишкомъ довольны, что могутъ не выходить изъ дому. Командиръ слушалъ.

— Сержантъ Лафлешъ! сказалъ онъ.

Сержантъ пошелъ посмотрѣть, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся.

— Что случилось? спросилъ командиръ.

— Какой-то бурбонъ цѣловальникъ отказывается исполнить требованіе гражданки Терезы, съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ сержантъ.

— Пусть приведутъ его сюда!

Сержантъ вышелъ.

Минуты черезъ двѣ, корридоръ нашъ наполнился народомъ; дверь отворилась; на порогѣ показался Юсифъ Спикъ въ маленькой курткѣ, широкихъ холщевыхъ штанахъ и въ колпакѣ фризированной шерсти, между четырьмя державшими его солдатами республиканской арміи, съ желтыми, какъ пряники, лицами, въ старыхъ шляпахъ, съ продранными локтями, съ большими заплатками на колѣняхъ и съ дырявыми башмаками, зашитыми нитями, что, однакожъ, не мѣшало имъ задираить голову и быть гордыми, какъ орлы.

Засунувъ руки въ карманы куртки, согнувъ спину, съ плоскимъ лбомъ и отвислыми щеками, Юсифъ не держался болѣе на своихъ длинныхъ ногахъ, а смотрѣлъ въ землю, какъ безумный.

Сзади, въ тѣни, видѣлась голова блѣдной и худой женщины, тотчасъ же привлечшей мое вниманіе: у нея былъ высокій лобъ, прямой носъ, продолговатый подбородокъ и синевато-чернаго цвѣта волосы. Волосы спускались на щеки широкими прядями и, подо-

бранные за уши, были тамъ заплетены, что вытягивало лицо ея, профиль котораго былъ закрытъ. Глаза у нея были большіе и черные. На головѣ она носила пуховую шляпу съ трехцвѣтной кокардой, а подъ шляпой красный платокъ, завязанный у подбородка. До тѣхъ поръ я видать въ нашей мѣстности только бѣлокурыхъ или смуглыхъ женщинъ, а эта, не смотря на мою молодость, произвела во мнѣ удивленіе и восхищеніе; я смотрѣлъ на нее, совершенно смущенный; казалось, дядя былъ удивленъ не менѣе меня; она вошла въ сопровожденіи пяти или шести республиканцевъ, одѣтыхъ такъ же, какъ и первые, и мы во все время ея присутствія не спускали съ нея глазъ.

Когда она вошла въ комнату, на ней надѣтъ былъ большой синій суконный плащъ, съ тремя воротниками, падавшими ниже локтей, маленькій боченокъ, привязанный черезъ плечо, наконецъ, на шеѣ толстый черный шелковый галстукъ съ длинной бахромой, вѣроятно, какая нибудь военная добыча, очень ловко украшавшая эту спокойную и гордую голову.

Командиръ ждалъ, чтобы всѣ вошли, и глядѣлъ, почти не спуская глазъ съ Иосифа Спика, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Потомъ, обратившись къ женщинѣ, приподнявшей шляпу, движеніемъ головы, онъ сказалъ:

— Ну, Тереза, что случилось?

— Вамъ извѣстно, командиръ, что на послѣднемъ привалѣ у меня не было уже ни капли водки, сказала она твердо и ясно; явившись сюда, я прежде всего обѣжала деревню, чтобы достать водки, само собою разумѣется, не даромъ. Но здѣшніе люди все прячутъ, и только съ полчаса тому назадъ я увидала елку на дверяхъ этого человѣка. Капралъ Мерло, фузелеръ Цинциннатъ и барабанщикъ Гораціо Коклессъ ходили со мной, чтобы помогать мнѣ. Мы вошли, спросили вина или водки, но у *кайзерлика* ничего не оказалось; онъ не понималъ насъ, и притворялся глухимъ. Тогда мы принялись искать и шарить во всѣхъ углахъ, и наконецъ въ глубинѣ дровяного двора открыли таки входъ въ погребъ, заложенный хворостомъ. вмѣсто того, чтобы разсердиться, на что мы имѣли полное право, мы спустились, нашли вино, сало, кислую капусту и водку; тогда мы налили свои боченки, взяли сала и пошли потихоньку на верхъ. Увидавъ, что мы возвращаемся не съ пустыми руками, этотъ человѣкъ, спокойно сидѣвшій у себя въ комнатѣ, сталъ вдругъ кричать, какъ бѣшеный, и вмѣсто того, чтобы взять, ассигнаціи, которыя мы ему вручили, разорвать ихъ, схватилъ меня за руку и дернулъ изъ всей мочи. Цинциннатъ поло-

жилъ ношу свою на столъ, взялъ этого долговязаго за шиворотъ и выбросилъ его за окно его балагана. Вотъ тогда-то и пришелъ сержантъ Лафлешъ.

Проговоривъ все это, Тереза отошла и стала позади другихъ. Тогда впередъ выступилъ маленькій, худощавый человѣчекъ, сухой и живой, съ шляпою на бекрень и длинной палкой съ мѣднымъ набалдашникомъ, въ видѣ луковицы, подъ мышкой, и сказалъ:

— Командиръ, гражданка Тереза говорила вамъ о негодованіи и неприятности каждаго, кому пришлось бы столкнуться носомъ къ носу съ *кайзерликомъ*, липеннымъ всякаго гражданскаго чувства и воображавшимъ...

— Хорошо, прервалъ его командиръ, съ меня довольно показаній гражданки Терезы!

И обратившись къ Юсифу Спиду, онъ сказалъ ему по нѣмцки, нахмутивъ брови:

— Ну-ка, отвѣчай: хочешь, чтобы тебя разстрѣляли? Стоитъ только свести тебя въ твой же садъ! Развѣ ты не знаешь, что бумаги республики лучше вашего золота? На этотъ разъ я прощаю тебя, взявъ во вниманіе твое невѣденіе, но если тебѣ случится еще разъ прятать припасы и не брать въ уплату ассигнацій, я велю разстрѣлять тебя на деревенской площади, въ примѣръ другимъ. — Ну, убирайся, долговязый дуракъ!

Командиръ выразительно произнесъ эту маленькую рѣчь, и потомъ, обратившись къ маркитанткѣ, сказалъ:

— Хорошо, Тереза, ты можешь теперь наполнить боченокъ, человѣкъ этотъ не станетъ мѣшать тебѣ. — А вы отпустите его.

Толпа вышла, Тереза впереди всѣхъ, Юсифъ сзади. Бѣдняга былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; вѣдь онъ едва спасся.

Между тѣмъ разсвѣло.

Командиръ всталъ, сложилъ карту и положилъ ее въ карманъ. Потомъ онъ подошелъ къ одному изъ оконъ и сталъ смотрѣть на деревню. Мы съ дядей стали смотрѣть въ другое окно. Тогда было часовъ около пяти.

III.

Я никогда въ жизни не забуду эту тихую улицу, набитую спящими людьми: одни лежали въ растяжку, другіе положили головы на мѣшки. Передо мною живо рисуются грязныя ноги, продранныя подошвы, заплатанная одежда, молодыя, загорѣлыя лица и старыя морщи-

нистыя щеки, закрытыя вѣки, большія шляпы, выпвѣтшія эпо лет
пишки на киверахъ, шерстяныя одѣяла съ красными мохнатыми
каемками, совершенно продранные, сѣрые плащи и салома, разбро-
санная по грязи. Помню я эту глубокую тишину, послѣ усиленной
ходьбы, этотъ покой, напоминающій смерть, голубоватый полусвѣтъ,
охватывающій все своею колеблющеюся тѣнью, солнце, встающее
въ туманѣ, избы съ широкими соломенными крышами, глядящія
черными маленькими окошечками, а вдали, съ обонхъ концовъ де-
ревни, на Альтенбергѣ и Реепокелѣ, надъ фруктовymi садами и
коноплинниками, между потухающими звѣздами, блескъ штывковъ
часовыхъ; нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этого страннаго зрѣлища.
Я былъ тогда еще очень молодъ, но такія воспоминанія никогда
не сглаживаются.

По мѣрѣ приближенія дня, одушевлялась и картина: поднималась
кабая нибудь голова, облакачивалась на локоть, смотрѣла, зѣвала
и снова ложилась. Потомъ вдругъ вскакивалъ какой нибудь ста-
рый солдатъ, стряхивалъ съ себя солому, надѣвалъ шляпу и на-
чиналъ складывать свое вѣтхое одѣяло; другой свертывалъ свой
плащъ и пристегивалъ его ремнями къ мѣшку; третій вытаскивалъ
изъ кармана трубку и высѣкалъ огонь. Первые поднявшіеся собра-
лись въ кучку и разговаривали между собою; къ нимъ подходили
другіе, похлопывая ногами о землю, таеъ какъ на дворѣ было хо-
лодно въ это время; огонь, разведенный на улицѣ и площади, уже
погасъ.

Противъ насъ, на небольшой площадкѣ, стоялъ фонтанъ; нѣ-
сколько республиканцевъ, окруживъ обросшую мхомъ колоду, мылись,
смѣясь и подшучивая, не смотря на холодъ; другіе подходили къ
золобу и прикладывали рты, чтобы напиться.

Потомъ мало по малу стали отворяться дома и изъ нихъ на-
чали выходить солдаты, наклоняясь, чтобы не задѣть въ дверяхъ
своими большими шляпами и ранцами. Почти у всѣхъ въ зубахъ
торчали закуренныя трубки.

На право отъ нашего овина, передъ харчевней Слика, стояла
тележка маркитантки, крытая холстомъ; это была двухколесная
одноколка, и оглобли ея лежали на землѣ.

Сзади одноколки стоялъ мулъ, прикрытый старой шерстяной по-
поной, съ красными и синими влѣтками, и вытягивалъ изъ напихъ
яслей длинный клочекъ сѣна и сентиментально жевалъ его, прищу-
ривъ глаза.

Маркитантка сидѣла у окна противоположнаго дома и чинила

маленькіе панталоны, наклоняясь, отъ времени до времени, чтобы взглянуть подъ навѣсъ.

Тамъ барабанщикъ Горацій Коклесъ, Цинциннатъ, Мерло и еще одинъ высокій, веселый и сухопарый парень сидѣли другъ за другомъ верхомъ на вязанкѣ сѣна; они плели одинъ у другаго косу, поплеывая въ руку и приглаживая ея; Горацій Коклесъ сидѣлъ спереди и напѣвалъ пѣсенку, которую остальные подтягивали въ полголоса.

Рядомъ съ нимъ, прислонившись къ двумъ старымъ бочкамъ, спалъ маленькій барабанщикъ лѣтъ двѣнадцати, бѣлокурый какъ я, и сильно интересовавшій меня. На него-то и заглядывала маркитантка, чиня, по всей вѣроятности, его штаны. Маленькій красный носъ его торчалъ на воздухъ, ротъ былъ полуоткрытъ, а спиною онъ прислонился къ двумъ бочкамъ, положивъ одну руку на барабанъ; барабанныя палочки лежали съ аммуницией, а на ногахъ, прикрытыхъ нѣсколькими клочками соломы, лежала грязная курчавая собака, согрѣвавшая его. Собака поднимала ежеминутно голову и глядѣла на него, какъ бы говоря: «мнѣ очень хотѣлось бы прогуляться по деревенскимъ кухнямъ!» Но мальчикъ не двигался, онъ сладко спалъ! Когда вдали раздавался лай, собака зѣвала; она не прочь была бы тоже залаять.

Вскорѣ изъ сосѣдняго дома вышли два офицера, хорошо сложенные, молодые, съ затынутою тальею. Когда они проходили мимо насъ, командиръ закричалъ имъ:

— Дюшенъ! Рихтеръ!

— Здравствуйте, командиръ, сказали они обернувшись.

— Смѣнены ли посты?

— Да, командиръ.

— Ничего новаго?

— Ничего.

— Черезъ полчаса трогаемся въ походъ. Рихтеръ, веди бить сборъ. Дюшенъ, зайди сюда.

Одинъ изъ офицеровъ вышелъ, другой направился подъ навѣсъ и сказалъ нѣсколько словъ Горацію Коклесу. Я разсматривалъ вошедшаго къ намъ офицера. Командиръ велѣлъ принести бутылку вина; они стали пить его, въ то время, какъ на дворѣ поднялся какой-то шумъ: это били сборъ. Я побѣждалъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Горацій Коклесъ, стоя съ поднятою вверхъ палкою передъ пятью барабанщиками, изъ которыхъ самый маленькій стоялъ слѣва, приказывалъ бить дробь. Дробь били, пока онъ держалъ палку вверхъ. Республиканцы сходились со всѣхъ сторонъ деревни,

они равнялись въ два ряда передъ фонтаномъ, и сержанты начали переключку. Мы съ дядей были поражены порядкомъ, царствовавшимъ у этихъ людей; на переключку сержантовъ, они отвѣчали такъ скоро, что казалось, будто со всѣхъ сторонъ раздается говоръ. Они взяли ружья и держали ихъ какъ попало, на плечѣ и прикладами къ землѣ.

Послѣ переключки водворилось молчаніе, и нѣсколько человѣкъ изъ каждаго взвода, выйдя подѣ предводительствомъ капраловъ, пошли за хлѣбомъ. Гражданка Тереза впрягала мула въ одноколку, Черезъ нѣсколько минутъ солдаты возвратились, неся мѣшки и корзинки съ хлѣбомъ. Началась раздача.

Такъ какъ по приходѣ въ деревню республиканцы ѣли супъ, то хлѣбы они стали привязывать другъ другу къ ранцамъ.

— Ну, закричалъ командиръ веселымъ голосомъ, въ путь!

Онъ взявъ плащъ свой, набросилъ его на плечи, и, не простившись съ нами, вышелъ.

Мы думали, что уже на вѣки избавились отъ этихъ людей.

Когда командиръ выходилъ, бургомистръ, пришелъ звать дядю къ себѣ, говоря, что жена его захворала, увидавъ республиканцевъ,

Они тотчасъ же вмѣстѣ ушли. Лизбета стала разстановливать стулья и мести залу. На улицѣ слышалась команда офицеровъ: «Впередъ! маршъ!» Барабанъ загремѣлъ; маркитантка кричала: «Ну! пошелъ!» и батальонъ двинулся уже въ путь, какъ вдругъ въ концѣ деревни раздался страшный трескъ. Послышались выстрѣлы, то по нѣскольку вдругъ, то по одиночкѣ.

Республиканцы уже входили въ улицу.

— Стой! вскрикнулъ командиръ, приподнявшись на стременахъ. глядя и прислушиваясь.

Я бросился къ ову и увидалъ, что всѣ эти люди внимательно прислушивались, а офицеры, выступивъ изъ рядовъ, съ жаромъ о чемъ-то говорили съ начальникомъ.

Вдругъ на поворотѣ улицы показался солдатъ; онъ бѣжалъ съ ружьемъ на плечѣ.

— Командиръ, издали кричалъ онъ, едва переводя духъ, кроаты! Они разбили аванпостъ... и идутъ сюда!..

Услыхавъ это, командиръ тотчасъ же повернулъ, маршъ-маршомъ, бросился къ линіи и закричалъ:

— Стройтесь въ каре!

Офицеры, барабанщики, маркитантка тотчасъ же придвинулись къ фонтану, а роты между тѣмъ сходились, перекрещиваясь, какъ колода картъ; они въ одну минуту образовали каре изъ трехъ ря-

довъ, оставивъ первыхъ посреднѣ. Почти въ то же время на улицѣ послышался страшный шумъ, кроаты мчались такъ, что земля дрожала! Какъ теперь вижу ихъ на поворотѣ улицы, въ широкихъ красныхъ плащахъ, развивавшихся, сзади какъ складки пятидесяти знаменъ, наклонившимися впередъ надъ сѣдлами, что почти совсѣмъ скрывало ихъ костлявыя и смуглыя лица съ желтоватыми усами.

Въ дѣтяхъ точно бѣсъ сидитъ; по крайней мѣрѣ, вмѣсто того, чтобы спрятаться, я остался, и тарашилъ глаза, глядя на битву, хотя я и очень трусиль, но любопытство взяло верхъ.

Пока я смотрѣлъ и дрожалъ, кроаты уже прискакали на площадъ. Въ ту же секунду послышался крикъ командира: «Пали!» Раздался ударъ грома и въ ухахъ у меня все затрещало. Вся сторона каре, обращенная къ улицѣ, сразу выстрѣлила; стекла въ нашихъ окнахъ посыпались съ трескомъ; комнаты наполнились осколками картечи, дымомъ и запахомъ пороха.

Волосы у меня стали дыбомъ, но я продолжалъ смотрѣть, какъ кроаты, приподнявшись на своихъ большихъ лошадяхъ, подскакивали, падали и снова подскакивали, въ сѣромъ дыму, какъ будто желая влѣзть на каре; сзади постоянно подѣзжали кроаты и дикимъ голосомъ кричали: «впередъ! впередъ!»

— Второй разъ пали! крикнулъ командиръ, среди ржанія лошадей и безконечныхъ криковъ.

Голосъ его былъ такъ ровень, какъ будто онъ говорилъ у насъ въ комнатѣ.

Раздался снова ударъ грома; черепицы попадали съ крышъ, небо и земля точно смѣшались, а Лизбета, сзади въ кухнѣ, кричала такъ провозительно, что, не смотря на весь гамъ, крики ея раздавались какъ свистки.

Послѣ залпа цѣлаго взвода, началась перестрѣлка бѣглымъ огнемъ. Видно было, какъ ружья второй шеренги наклонялись, выстрѣливали и поднимались; первая шеренга, стоя на колѣняхъ, держала штывки на отлетѣ, а третья заряжала ружья и подавала второй.

Кроаты бушевали вокругъ каре, издали ударяя большими шапками; отъ времени до времени падала чья нибудь шляпа, а иногда и человѣкъ. Одинъ изъ кроатовъ, поднявъ лошадь на дыбы, скакнулъ такъ сильно, что перелетѣлъ всѣ три шеренги и попалъ въ средину каре, но республиканскій командиръ бросился на него и страшнымъ ударомъ точно притвоздилъ его къ спинѣ лошади. Я видѣлъ, какъ республиканецъ вытащилъ красную до рукоятки саблю, и у меня по кожѣ точно морозъ пробѣжалъ. Я, хотѣлъ бѣжать

но не успѣлъ еще встать, какъ кроаты круто повернули и ускакали, оставивъ на площади кучу людей и лошадей.

Лошади пытались вставать, и опять падали. Пять или шесть кавалеристовъ, попавшихъ подъ лошадей, всѣми силами старались освободить свои ноги; другіе въ крови ползли на четверинкахъ съ поднятою рукою и, боясь быть добытыми, жалобнымъ голосомъ молили: «прости, французъ!» (Pardonne Française!); нѣкоторые отъ нестерпимой боли молили докончить ихъ. Большая часть лежала безмолвно.

Въ первый разъ я вполне понялъ что такое смерть: эти люди, которыхъ за нѣсколько минутъ видѣлъ полныхъ жизни и силы, съ бѣшенствомъ нападавшихъ на враговъ, теперь лежали безчувственные, какъ булыжникъ на дорогѣ.

Въ рядахъ республиканцевъ тоже были пустыя мѣста, тѣла, лежавшія ницъ, и нѣсколько раненыхъ съ окровавленными щеками и лбомъ; они завязывали себѣ голову, придерживая ружья ногами и не выходя изъ рядовъ; товарищи помогали имъ бинтовать раны и надѣвать сверху шляпы.

Командиръ, верхомъ на лошади, стоялъ около фонтана; уголь большой шляпы его съ перьями касался спины, въ рукѣ онъ держалъ саблю и приказывалъ шеренгамъ сдвинуться; подлѣ него рядомъ стояли барабанщики, а нѣсколько поодаль, подлѣ колоды маркитантка и ея одноколка. Трубы кроатовъ трубили отступление. Они остановились за поворотомъ улицы; тамъ, за угломъ сборнаго дома, стоялъ ихъ часовой — и виднѣлась только голова лошади. Изрѣдка раздавались еще выстрѣлы.

— Прекратить огонь! скомандовалъ командиръ.

Наконецъ все стихло, только издали слышалась труба.

Маркитантка стала обходить по рядамъ, наливая солдатамъ водки, а семь или восемь здоровыхъ дѣтннъ пошли къ фонтану почерпнуть деревянными чашками воды для раненыхъ, жалобнымъ голосомъ просившихъ пить.

Всунувшись изъ окошка, я глядѣлъ на конецъ опустѣвшей улицы, спрашивая себя: осмѣлятся ли красные плащи опять явиться? Командиръ смотрѣлъ туда же, разговаривая съ однимъ изъ своихъ офицеровъ, который стоялъ подлѣ него, облокотившись на его сѣдло. Вдругъ капитанъ пробѣжалъ вѣре, раздвинулъ шеренги и бросился къ намъ, закричавъ:

— Хозяинъ дома?

— Онъ вышелъ.

— Ну, такъ... ты... сvedi меня къ вамъ на чердакъ... скорѣе!

Я оставилъ на мѣстѣ свои деревянные башмаки, и, какъ вѣкса,

взобрался вверхъ по лѣстницѣ, находившейся въ концѣ корридора. Капитанъ шелъ за мной. На верху онъ съ перваго взгляда замѣтилъ лѣстницу на голубятню и вошелъ przede меня. Въ голубятнѣ онъ облокотился обѣими руками на низенькое слуховое окно и сталъ смотрѣть. Я глядѣлъ черезъ его плечо. Вся дорога, на сколько ее можно было видѣть, была покрыта кавалеріей, инфантеріей, пушками, зарядными ящиками, красными плащами, зелеными тулупами, бѣлыми мундирами, касками, латами, рядами пивъ, штыковъ, лошадей, и все это двигалось въ деревнѣ.

— Это цѣлая армія! прошепталъ капитанъ.

Онъ быстро повернулся, чтобы спуститься, но вдругъ у него блеснула какая-то мысль и, указывая мигъ вдоль деревни, выстрѣла за два, на красные плащи, входившіе въ углубленіе между фрунтовыми садами; онъ сказалъ:

— Видишь эти красные плащи?

— Да.

— Есть тамъ проѣзжая дорога?

— Нѣтъ, но есть тропинка.

— Глубокъ ли оврагъ, идущій тамъ по серединѣ, прямо передъ нами?

— Да, глубоокъ.

— Можно ли проѣхать черезъ него въ телегахъ или въ одноколкахъ?

— Нѣтъ, нельзя.

Тогда, не спрашивая меня болѣе, онъ задомъ спустился съ верхней лѣстницы, какъ только могъ скоро, и потомъ сбѣжалъ со второй. Я бѣжалъ за нимъ; мы скоро были внизу, но не успѣли дойти до конца корридора, какъ дома уже задрожали отъ приближавшейся кавалеріи. Не смотря на это, капитанъ перешелъ черезъ площадь, раздвинулъ двухъ человѣкъ въ шверенгъ и скрылся.

Улица съ начала до конца огласилась тысячами криковъ, обрывистыхъ, странныхъ, похожихъ на карканье воронъ, «ура! ура!» почти заглушавшихъ топотъ лошадей.

Возгордившись объясненіемъ съ капитаномъ на голубятнѣ, я имѣлъ неосторожность показаться въ двери. Уланы мчались какъ выкрикъ, съ пивами на отлетъ, за синнами ихъ развѣвались долманы изъ мерлушекъ, уши были спрятаны въ огромныя мѣховыя шапки, глаза вытаращены, носы уткнуты въ усы, и за поясомъ по большому пистолету съ желѣзной ручкой. Все это представилось мнѣ, точно какое-то видѣніе. Я едва успѣлъ отскочить; кровь у меня точно за-

стыла въ жилахъ, и только, когда началась перестрѣлка, я очнулся въ глубинѣ нашей комнаты, противъ разбитыхъ оконъ.

Въ воздухѣ потемнѣло отъ дыма, а каре покрылось бѣлымъ паромъ. Сзади виднѣнъ былъ только командиръ, неподвижно сидѣвшій на лошади подлѣ фонтана; онъ походилъ на бронзовую статую, среди этихъ голубоватыхъ волнъ, изъ которыхъ выскакивали сотни яркихъ огоньковъ. Уланы, какъ громадные кузнечики, скакали вокругъ, вонзали и вытаскивали пики; нѣкоторые изъ нихъ въ четырехъ шагахъ отъ неприятельскихъ рядовъ выстрѣливали изъ своихъ большихъ пистолетовъ.

Мнѣ казалось, что каре стало подаваться, и это было такъ.

— Сомкнитесь тѣснѣе! Не поддавайтесь! спокойнымъ голосомъ кричалъ командиръ.

— Сомкнитесь тѣснѣе! Сомкнитесь! повторяли отъ времени до времени офицера.

Но каре отступало, образуя въ серединѣ полукругъ; задніе ряды почти прижались къ фонтану. Всякій ударъ пики отражался, какъ молніей, штыкомъ, но иногда съ ударомъ падалъ человѣкъ. Республиканцамъ некогда уже было заряжать, они больше не стрѣляли, а уланы все наѣзжали, все въ большемъ количествѣ, все смѣлѣе обружались и бушевали вокругъ каре, и, увѣренные въ побѣду, уже выпускали побѣдоносные крики.

Я тоже думалъ, что республиканцы погибли; но, въ самомъ сильномъ разгарѣ битвы, командиръ поднялъ свою шляпу на саблю и началъ пѣть пѣсню, отъ которой морозъ по кожѣ подиралъ; весь батальонъ, какъ одинъ человѣкъ, запѣлъ съ нимъ.

Въ одинъ мигъ вся передняя сторона каре двинулась, отбрасывая въ улицу всю массу улановъ, которые, сдвинутые такимъ образомъ, походили съ своими длинными пиками на поле съ колосьями.

Эта пѣснь точно приводила республиканцевъ въ бѣшенство; ничего ужаснѣе я не видывалъ! Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходило въ голову, что люди, разъяренные битвой, болѣе жестоки, чѣмъ хищные звѣри.

Послѣдніе ряды австрійской колонны, находившіеся въ концѣ улицы, не видя, что дѣлается впереди, все двигались, продолжая кричать «ура! ура!», такъ что первые ряды, отталкиваемые спереди штыками республиканцевъ, не могли отступать, и, бросаясь въ страшномъ безпорядкѣ, отчаянно кричали; большія ихъ лошади уколоты въ ноздри штыками, становились на дыбы, выпучивъ глаза, дико ржали и страшно брыкались. Я издали смотрѣлъ на этихъ несчастныхъ улановъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, видѣлъ, какъ

они обертывались и рукояткою пика били своихъ же, прочищая себѣ дорогу и убѣгая, точно зайцы, за домики.

Черезъ двѣ минуты улица опустѣла. На площади оставались замкнутыми человекѣ двадцать пять или тридцать. Они не видали, что товарищи ихъ бѣжали, и, не зная теперь куда дѣться, совсѣмъ растерялись; но и это длилось недолго: съ новымъ залпомъ, они легли на мѣстѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, бросившихся въ переулокъ кожевниковъ.

Остались только груды убитыхъ лошадей и людей; кровь текла по жолобу до нашей канавки.

— Не стрѣляй! вторично крикнулъ командиръ, заряжай ружья!

Въ эту минуту на церковной башнѣ пробило девять часовъ. Трудно описать, какой видъ представляла собою деревня: дома, испещренные пулями, окна, висящія на крюкахъ, разбитыя стекла, качающіяся трубы, улицы, полныя черепицъ и сломанныхъ кирпичей, прострѣленные насквозь крыши навѣсовъ и груды опрокинутыхъ лошадей, которыя бились, исходя кровью.

Республиканцы, потерявшіе половину своихъ, отодвинувъ свои большія шляпы на затылокъ, ждали съ оружіемъ въ рукахъ, глядя стойко и смѣло. Позади ихъ, за нѣсколько шаговъ отъ нашего дома, командиръ разсуждалъ съ офицерами. Миѣ ясно слышались слова его:

— Передъ нами цѣлая австрійская армія, отрывисто говорилъ онъ, дѣло въ томъ, чтобы уйдти цѣлыми. Черезъ часъ передъ нами будетъ двадцать, или тридцать тысячъ человекѣ; они съ инфантеріей обогнутъ деревню, и тогда мы всѣ пропадемъ. Я велю бить отступление. Есть противъ этого возраженіе?

— Нѣтъ, дѣло очевидно, отвѣчали другіе.

Они удалились. Минуты черезъ двѣ множество солдатъ вошли въ дома и стали набрасывать въ груды стулья, столы, шкапы, нѣкоторые бросали съ чердаковъ сѣно и солому; другіе привозили изъ подъ навѣсовъ одноколки и телѣги. Не болѣе чѣмъ въ десять минутъ при въѣздѣ въ улицу возвышалась высокая баррикада; сверху и снизу баррикады были наложены сѣно и солома. Барабанный бой отозвалъ людей, строившихъ баррикаду; вслѣдъ за этимъ огонь началъ пробѣгать змѣйками до верха баррикады, заматавая краснымъ пламенемъ боковыя крыши и распуская по деревнѣ черныя дымъ.

Съ другой стороны баррикады раздались громкіе крики; послышалось нѣсколько выстрѣловъ, но ничего не было видно, и командиръ отдалъ приказаніе отступать.

Я видѣлъ, какъ республиканцы проходили мимо насъ, твердымъ

и тихимъ шагомъ, съ сверкающими глазами, красными штыками, закопченными руками и ввалившимися щеками. Позади шли два барабанщика, но въ барабанъ они не били; одинъ изъ нихъ былъ тотъ маленькій, что спать подъ нашимъ навѣсомъ; барабанъ у него висѣлъ на плечѣ, онъ шель согнувъ спину; по круглымъ щекамъ его, почернѣвшимъ отъ пороха и дыма, текли крупныя слезы; товарищъ его говорилъ ему:

— Полно, Жанъ, не горюй!»

Но онъ, казалось, не слушалъ его.

И Гораций Коклесь и маркитантка — исчезли. Я провожалъ республиканцевъ глазами до поворота улицы.

Въ сборномъ домѣ били въ набать и издали долетали жалобные крики: «пожаръ! пожаръ!»

Я взглянулъ на баррикаду республиканцевъ; пламя охватывало дома и поднималось къ небу; съ другой стороны шумъ оружія наполнялъ улицу, и уже въ сосѣднихъ домахъ изъ слуховыхъ оконъ высовывались длинныя черныя пики, которыми разламывали горѣвшую баррикаду.

IV.

По уходѣ республиканцевъ, еще по крайней мѣрѣ съ четверть часа никто не показывался съ нашей стороны улицы. Всѣ дома казались точно пустыми. Но съ другой стороны баррикады смятеніе все увеличивалось, и крики: «горимъ! горимъ!» раздавались все жалобнѣе и жалобнѣе.

Испуганный пожаромъ, я вышелъ подъ навѣсъ. Ничто не двигалось, только огонь трещалъ и раздавались стоны раненаго, который сидѣлъ въ нашемъ хлѣбѣ, прислонившись къ стѣнѣ; у него въ поясницѣ засѣла пуля, и онъ подпирался обѣими руками, чтобы не упасть: это былъ кроатъ; на меня онъ глядѣлъ страшно и безнадежно. Нѣсколько поодаль, лежала на боку лошадь и, какъ мятникъ, качала головой на длинной шеѣ.

Въ то время, какъ я стоялъ и думалъ, что французы эти должны быть страшные разбойники, такъ какъ они безъ всякой причины подожгли насъ, за мной что-то слегка зашевелилось; я увидѣлъ въ глубинѣ навѣса, за клокьями соломы, упавшей съ балокъ, полуотворенную дверь нашей риги, и въ дверяхъ блѣдное, съ вытаращенными глазами лицо сосѣда нашего Слика. Высунувъ тихонько го-

лову, онъ прислушивался; потомъ, увѣрившись, что республиканцы ушли, онъ выскочилъ и, поднимая топоръ, закричалъ, какъ бѣшеный:

— Гдѣ эти негодяи, гдѣ они? Я всѣхъ ихъ перебью!

— А! сказать я, ушли; но бѣжите, вы догоните ихъ въ концѣ деревни.

Онъ искоса посмотрѣлъ на меня, и увидавъ, что я говорю не шута, побѣжалъ на пожаръ.

Тотчасъ же стали отворяться и другія двери; мужчины и женщины, выходили изъ нихъ, смотрѣли и, поднимая руки къверху, восклицали: «Будь они прокляты! будь они прокляты!» Потомъ они оспѣшно брали ведра и шли тушить.

Скоро около фонтана толпился кучами народъ; вокругъ не доставало мѣста; съ обѣихъ сторонъ образовались цѣпи до самыхъ стѣнъ угрожаемыхъ домовъ. Нѣсколько солдатъ, стоя на крышахъ, лили воду въ пламя; но все что можно было сдѣлать,—это предохранить сосѣдніе дома. Къ одиннадцати часамъ изъ баррикады поднялся голубой огненный столбъ: въ числѣ сложешныхъ въ баррикаду телѣгъ была одноколка маркитантки; два ея боченка съ водвой вспыхнули.

Дядя Яковъ находился тоже въ цѣпи съ другой стороны, подъ присмотромъ австрійскихъ часовыхъ; но, проходя черезъ дворъ, ему удалось однако ускользнуть, и онъ прошелъ домой огородами.

— Слава Богу! воскликнулъ онъ,—Фрицель спасенъ!

Этотъ случай показалъ мнѣ, что онъ сильно любилъ меня. Цѣпью меня, онъ спрашивалъ:

— Гдѣ же ты былъ, бѣдняжка?

— У окна, отвѣчалъ я.

Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и закричалъ:

— Лизбета! Лизбета!

Она не только не отвѣчала, но мы даже не могли найти ее, имъ пошли по всѣмъ комнатамъ, смотрѣли даже подъ постелями, и предположили, что она убѣжала спастись къ какой нибудь сосѣдкѣ.

Между тѣмъ пожаръ потушили и до насъ долетали крики австрійцевъ: «Съ дороги!.. съ дороги!.. назадъ!..»

Въ ту же минуту мимо насъ пронесся, какъ молнія, полкъ ерзковъ. Они бросились тотчасъ за республиканцами.—На слѣдующій день мы узнали, что они не догнали; французы добрались до Ротальскихъ лѣсовъ, начинавшихся за Пирмазенемъ. Только тогда поняли мы, зачѣмъ люди эти устроили на дорогѣ баррикаду и зажали дома: имъ хотѣлось задержать поговью кавалеріи, а это, конечно, показываетъ ихъ опытность въ военныхъ дѣлахъ.

Съ этихъ торъ и до шести часовъ это деревнѣ передъ нашими окнами все тянулись двѣ австрійскія бригады: уланы, драгуны, гусары; потомъ пунки, фургоны, зарядные ящики; часовъ около трехъ проѣхалъ главнокомандующій, окруженный офицерами, высочій старши въ трехъугольной шляпѣ и длинной бѣлой венгерскъ съ такою бездною иннуровъ и золотато шитья, что республиканскій командиръ, съ своею шляпой и истертымъ мундиромъ, походилъ въ сравненіи съ нимъ на простото капрала.

Бургомистръ и совѣтчики Анштата, въ суконныхъ платьяхъ съ широкими рукавами, безъ шапокъ, ждали его на площади. Онъ остановился минуты на двѣ, посмотрѣлъ на убитыхъ, наваленныхъ въ кучу около фонтана, и спросилъ:

— Сколько французовъ было здѣсь?

— Батальонъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ бургомистръ, перегнувшись въ дугу.

Генералъ не сказалъ ни слова, приподнять шляпу и поѣхалъ далѣе.

За генераломъ ѣхала вторая бригада: впереди тирольскіе охотники, въ зеленыхъ мундирахъ, черныхъ шляпахъ съ приподнятыми полями, вооруженные маленькими инспрукскими ружьями; за ними шла другая инфантерія, въ бѣлыхъ мундирахъ и небесно-голубыхъ штанахъ, съ штиблетами, доходившими до колѣнъ; потомъ тяжелая кавалерія изъ людей ростомъ въ шесть футовъ, обложенныхъ латами, изъ подъ касокъ которыхъ виднѣлись одни ихъ рыжіе усы; наконецъ арьергадъ составлялъ походный госпиталь, затянутый по обручамъ сѣрымъ холстомъ, и на самомъ задѣ слабые ноги, отстававшіе и трусы.

Хирурги арміи обошли площадь. Они подняли раненыхъ и посадили ихъ въ свои фуры; а одинъ изъ главныхъ хирурговъ, маленькій старичокъ въ бѣломъ парикѣ, сказалъ бургомистру, показывая на убитыхъ:

— Какъ можно скорѣе, велите похоронить все это.

— Радъ стараться, почтительно отвѣчалъ бургомистръ.

Наконецъ къ шести часамъ вечера уѣхали и послѣднія телѣги. Смеркалось. Мы съ дядей стояли на порогѣ нашего дома. Шаговъ на пятьдесятъ передъ нами, у фонтана, на всѣхъ ступеняхъ лежали въ порядкѣ тѣла, лицами вверхъ и съ широко-раскрытыми глазами: отъ потери всей крови, они казались бѣлыми какъ воскъ. Женщины и дѣти деревни прохаживались вокругъ.

Явился могильщикъ Жефферъ и сыновья его, Карлъ и Людвигъ, съ заступами въ рукахъ; бургомистръ сказалъ имъ:

— Возьмите съ собой человѣкъ двѣнадцать и выройте большую яму для всѣхъ этихъ господъ въ долину Вольфталъ; понимаете? Всѣ, у кого есть телѣги или дроги, должны дать ихъ, вмѣстѣ съ лошадьми, такъ какъ это общественная служба.

Жефферъ поклонился, и тотчасъ же отправился въ Вольфталъ съ своими работниками и съ другими взятыми имъ людьми.

— Гдѣ же однако наша Лизбета? сказали мнѣ дядя.

Мы возобновили наши поиски на чердакѣ и въ погребѣ, и только подъ конецъ, поднимаясь, увидали въ тѣни, за кадкой съ кислой капустой, между двухъ подушекъ, грудку грязнаго бѣлья, которую дядя сталъ разрывать. Лизбета тотчасъ же закричала жалобнымъ голосомъ:

— Не убивайте меня! Ради Бога, пожалѣйте меня!

— Встань, ласково сказали дядя, все кончено!

Но Лизбета была еще такъ разстроена, что не могла передвигать ногами, и мнѣ пришлось вести ее на верхъ, какъ ребенка, за руку. Только увидавъ свѣтъ въ своей кухнѣ, сбѣла она у очага и стала благодарить Бога за спасеніе: доказательство, что старые люди дожить жизнью, не менѣе молодыхъ.

Никогда мнѣ не забыть минутъ отчаянья, наступившихъ потомъ, и бѣготни дяди, принужденнаго ходить на зовъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Не проходило минуты, чтобы не являлась какая нибудь женщина или ребенокъ, восклицавшіе:

— Господинъ докторъ... поскорѣе... пусть придетъ... мужъ мой... братъ мой... сестра нездоровы!

Одинъ былъ раненъ, другой точно съ ума сошелъ отъ страху, третій лежалъ безъ всякихъ признаковъ жизни.

Дядя не могъ всюду поспѣть.

— Онъ тамъ-то, у такихъ-то, говорилъ я этимъ несчастнымъ, торопитесь!

И они уходили.

Онъ пришелъ домой очень поздно, часовъ около десяти. Лизбета нѣсколько оправилась отъ перепугу; она развела огонь въ очагѣ и накрыла на столъ, какъ обыкновенно; но штукатурка потолка, обломки рамъ и дерева еще лежали на полу. Посреди всего этого мы сѣли за столъ и стали молча ѣсть.

Дядя отъ времени до времени поднималъ голову и смотрѣлъ на факелы, съ которыми ходили около покойниковъ, на черныя телѣги съ маленькими лошаденками, стоявшія около фонтана, на могильщиковъ, на любопытныхъ. На все это онъ смотрѣлъ серьезно,

и вдругъ, въ концу ужина, протянувъ туда руку, сталъ мнѣ говорить:

— Вотъ что значитъ война, Фрицель! смотри и помни ее!.. Да, вотъ война: смерть и разрушеніе, бѣшенство и ненависть, забвеніе всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Когда Господь, выражая гнѣвъ свой, насылаетъ на насъ чуму и голодъ,—эти неизбежныя бѣдствія опредѣлены, по крайней мѣрѣ, его мудростью; а тутъ вѣдь самъ человѣкъ насылаетъ несчастье себѣ подобнымъ и самъ безжалостно вноситъ разрушеніе.—Еще вчера мы жили въ мирѣ, не прося ничего у другихъ и не сдѣлавъ никому зла, какъ вдругъ чужіе люди пришли бить, разорять и уничтожать насъ. Проклятіе этимъ честолюбцамъ! пусть они будутъ считаться позоромъ вѣка.

— Фрицель, помни это; на землѣ нѣтъ ничего хуже этого. Люди, незнающіе другъ друга, никогда не видавшіе другъ друга, вдругъ бросаются другъ на друга! Ужь это одно можетъ заставить увѣровать въ Бога, потому что за такія дѣла нуженъ мститель.

Такъ говорилъ дядя; онъ былъ сильно взволнованъ, а я, потупивъ голову, слушалъ со вниманіемъ и запоминалъ каждое слово его.

Мы просидѣли съ полчаса; на площади между тѣмъ начался какой-то споръ; до насъ доходили глухое ворчаніе собаки и голосъ нашего сосѣда, Слика, говорившаго съ раздраженіемъ:

— Пстой!.. погоди!.. негодная собачонка, я вотъ дамъ тебѣ затрепину лопатой. Ты такое же животное, какъ и хозяева твои: вишь, вздумали платить ассигнаціями и бранью, но не на такого напали! Собака заворчала еще сильнѣе.

Посреди ночной тишины слышались и другіе голоса, говорящіе:

— Право, странно... Смотрите... Не оставляетъ эту женщину... можетъ быть, она еще не умерла?

Дядя быстро всталъ и вышелъ. Я пошелъ за нимъ.

Нѣтъ ничего страшнѣе лицъ мертвецовъ, освѣщенныхъ красноватымъ свѣтомъ факеловъ. Хотя вѣтру и не было, но пламя колыхалось, и казалось, будто всѣ эти блѣдные мертвецы съ открытыми глазами шевелятся.

— Не умерла! кричалъ Сликъ, да что ты съ ума сошелъ, Жефферъ? Не бось, ты знаешь больше хирурговъ арміи? Нѣтъ... нѣтъ... дѣло ея покончено... и хорошо, что покончено... это вѣдь та женщина, что заплатила мнѣ за водку бумажками. Ну, пустите меня, я хвачу собаку, и всему будетъ конецъ!

— Что тутъ дѣлается? громкимъ голосомъ сказалъ дядя.

Всѣ стоявшіе обернулись, точно испуганные.

Могильщикъ снялъ шапку, а два или три человѣка посторонни-

лись, и мы увидѣли на ступени фонтана распростертую мариштантку, бѣлую какъ снѣгъ; ея прелестные черные волосы распустились въ кровавой лужѣ, на бедрѣхъ была еще маленькій боченокъ, а раскинутые руки лежали на мокромъ камнѣ, по которому текла вода. Вокругъ нея лежало еще нѣсколько труповъ; а мохнатая собачонка, которую я видѣлъ утромъ съ маленькимъ барабанчикомъ, оцѣтнѣвшися, сверкая глазами и дрожа губами, стояла у ногъ женщины, вращала и тряслась, глядя на Спика.

Не смотря на храбрость и заступъ, цѣловальникъ не смѣлъ приблизиться, понимая, что если онъ промахнется, собака вцѣпится ему въ горло.

— Что тутъ такое? повторилъ дядя.

— Тутъ стоитъ собака, смѣясь отвѣчалъ Спикъ, вотъ они и думаютъ, что эта женщина не умерла.

— Они правы, рѣзко сказалъ дядя, у нѣкоторыхъ животныхъ больше сердца и ума, чѣмъ у нѣкоторыхъ людей.— Отойди!

Онъ оттолкнулъ его локтемъ и, наклонившися, подошелъ прямо къ женщинѣ. Собака не только не бросилась на него, но, казалось, успокоилась и позволяла ему дѣлать, что угодно. Всѣ придвинулись; дядя сталъ на колѣни, отерълъ грудь женщины и положилъ ей руку на сердце. Всѣ молчали; водворилась мертвая тишина. Такъ прошло съ минуту.

— Хе, хе, хе! надо похоронить ее; не правда ли, господинъ докторъ? спросилъ Спикъ.

Дядя всталъ, нахмурилъ брови и, осмотрѣвъ Спика съ головы до ногъ, сказалъ:

— Несчастный! изъ-за нѣсколькихъ жалкихъ мѣровъ воды, за которыя эта бѣдная женщина заплатила тебѣ, чѣмъ могла, тебѣ хотѣлось бы видѣть ее мертвою или даже, можетъ быть, заживо погребенною!

— Господинъ докторъ, началъ съ наглостью цѣловальникъ, извѣстно ли вамъ, что есть законы, и что...

— Молчи! прервалъ его дядя, поступокъ твой мерзость!

И, обращаясь къ другимъ, онъ сказалъ:

— Жефферъ, перенеси эту женщину ко мнѣ; она еще жива.

Онъ бросилъ на Спика послѣдній взглядъ негодованія, а могильщикъ и сыновья его положили мариштантку на носилки. Всѣ мы пошли; собака побѣжала за дядей, прижимаясь къ его ногамъ. Цѣловальникъ, глядя намъ вслѣдъ, бормоталъ насмѣшливымъ тономъ:

— Женщина эта умерла, докторъ понимаетъ не больше моего заступа! Женщина умерла,... а что ее похоронять завтра, а не сегодня, въ этомъ разница не велика... посмотришь, кто изъ насъ правъ?

Переходя площадь, я увидѣлъ, что кротоловъ и Коффель шли за нами, что успокоило меня, потому что, съ воступленіемъ ночи, мною овладѣлъ какой-то страхъ, въ особенности, въ присутствіи покойниковъ, и я былъ радъ, что несъ много.

Кротоловъ шелъ передъ носилками и несъ большой факель; Коффель шагала подлѣ дяди и казался серьезнымъ.

— Ужасныя вещи, сказала она, продолжая идти.

— А, это вы, Коффель! сказала дядя. Да, да, духъ зля шарить въ воздухѣ, и появились духи тьмы!

Въ это время мы вошли въ маленькій корридоръ, заваленный обвалившейся штукатуркой; кротоловъ остановился на порогѣ, свѣта Жефферу и сыновьямъ его, ступавшимъ тяжелыми шагами. Всѣ мы вошли за ними въ комнату, и кротоловъ, поднявъ факель, торжественно воскликнулъ:

— Гдѣ они, дни спокойствія, минуты мира, отдыха и довѣрія послѣ трудовъ.... гдѣ они, господинъ докторъ? Увы! они вылетѣли во всѣ эти отверстія.

Тутъ только я хорошенько увидѣлъ жалкій видъ нашей старой комнаты, разбитыя стекла; ихъ острые края и блестящіе углы обрисовывались на черномъ фонѣ ночного мрака; я понялъ слова кротолова, и подумалъ, что мы очень несчастливы.

— Жефферу, положите ее на мою постель, сказала дядя съ грустью, не надо изъ-за своихъ бѣдствій забывать тѣхъ, которые еще несчастнѣе насъ.

Обратившись къ кротолову, онъ прибавилъ:

— Оставайтесь освѣтить мнѣ, а Коффель поможетъ намъ.

Могильщикъ и сыновья его поставили носилки на полъ, а женщину положили въ глубину алькова. Кротоловъ, кирочными щипцами котораго принялъ отъ фавеловъ алый отгѣнокъ, свѣтилъ имъ.

Дядя далъ нѣсколько крейцеровъ Жефферу, и тотъ вышелъ съ сыновьями.

Старая Лизбета пришла посмотрѣть; подбородокъ ея дрожалъ, она не смѣла подойти, и я слышалъ, какъ она потихоньку шептала «Ave Maria.» Страхъ ея началъ переходить и на меня, когда дядя вскричалъ:

— Лизбета, что у тебя въ головѣ? Побойся Бога, съ ума ты сошла, что ли? Не похожа ли эта женщина на другихъ, и не помогала ли ты мнѣ сотни разъ при моихъ операціяхъ? И вотъ.... вдругъ дурь взяла верхъ.... Пойди.... нагрѣй воды; большаго отъ тебя мнѣ не добиться.

Собака усѣлась передъ альковымъ и смотрѣла изъ подъ кудрявыхъ бровей на лежавшую на постели женщину, неподвижную и блѣдную, какъ покойница.

— Фрицель, сказалъ мнѣ дядя, затвори ставни, здѣсь будетъ теплѣе. А въ Коффель, затопите печку, на помощь Лизбеты разсчитывать нечего. Хоть бы сохранить спокойствіе среди столькихъ бѣдствій! Но всѣ бѣды идутъ вмѣстѣ: когда чортъ поскачетъ, не знаешь, гдѣ онъ остановится.

Такъ говорилъ дядя съ видомъ отчаянья. Я побѣжалъ затворять ставни, и слышалъ, что онъ затворялъ крючки изнутри. Взглянувъ на фонтанъ, я увидѣлъ, что оттуда отправлялись еще двѣ телѣги съ мертвыми. Войдя въ комнату, я весь дрожалъ.

Коффель развелъ огонь, трещавшій въ печкѣ; дядя разложилъ на столѣ инструменты; кротоловъ ждалъ, глядя на блескъ множества ножичковъ.

Дядя взялъ зондъ и подошелъ къ постели, раздвигая занавѣски, кротоловъ и Коффель пошли за нимъ. Меня одолѣло любопытство, я пошелъ смотрѣть: свѣча освѣщала весь альковъ; женщина лежала обнаженная до пояса, дядя разрѣзалъ на ней одежду; Коффель мылъ ей большой губкой шею и грудь, покрытыя запекшеюся кровью, собака сидѣла, не шевелясь и не спуская глазъ. Лизбета снова вошла въ комнату; она держала меня за руку и шептала какую-то молитву. Въ альковѣ всѣ молчали, и дядя, услыхавъ голосъ старой служанки, закричалъ на нее, серьезно осердившись:

— Замолчишь ли ты, старая дура? Ну, кротоловъ, подними руку.

— Красивая женщина, сказалъ кротоловъ, и какъ молода еще.

— Какъ она блѣдна! сказалъ Коффель.

Я подошелъ ближе и увидалъ женщину, блѣдную какъ снѣгъ, съ прекрасною грудью; голова ея была откинута назадъ и волосы распущены. Кротоловъ держалъ ея руку поднятою, и подъ нею между грудью и подмышкою, виднѣлась синеватая рана, изъ которой сочилась кровь. Стиснувъ зубы, дядя Яковъ зондировалъ рану; зондъ не входилъ. Никогда не выдавъ ничего подобного, я сталъ такъ внимателенъ, что все существо мое перенеслось въ глубину этого алькова, и я слышалъ, какъ дядя прошепталъ: «странно!»

Въ эту минуту женщина глубоко вздохнула, а собака, до сихъ поръ молчавшая, стала плакать жалобнымъ и кроткимъ голосомъ, точно человѣкъ; у меня волосы стали дыбомъ. Кротоловъ закричалъ:

— Молчать!

Собака замолчала, а дядя сказалъ:

— Кротоловъ, поднимите же руку. Коффель, пройдите сюда и придержите тѣло.

Коффель обошелъ за кровать и взялъ женщину за плечи; зондъ тотчасъ же глубоко вошелъ.

Женщина застонала, а собака заворчала.

— Ну, сказали дядя, она спасена. Смотрите, Коффель, видите: пуля прошла на ребра; она здѣсь подъ плечомъ, слышите ее?

— Слышу!

Дядя вышелъ и, увидавъ меня подъ занавѣской, воскликнулъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Смотрю.

— Ну такъ, теперь онъ смотритъ! Вѣрно такъ и надо, чтобы все шло на выворотъ.

Онъ взялъ со стола ножъ и снова вошелъ.

Собака смотрѣла на меня сверкающими глазами, что меня безпокоило.

Вдругъ женщина воскликнула, и дядя весело проговорилъ:

— Вотъ она!.. это пуля изъ пистолета. Бѣдняжка потеряла много крови, но ничего, поправится.

Пуля попала въ нее во время сильнаго запаха уланъ, сказалъ Коффель я былъ въ то время у старика Кромера, въ первомъ этажѣ; чистилъ его часы, и видѣлъ, что они выстрѣлили подѣзжая.

— Можетъ быть, отвѣчалъ дядя, которому только теперь пришло въ голову взглянуть на женщину.

Онъ взялъ свѣчку изъ рукъ Кротолова, и вставъ за кроватью, задумчиво смотрѣлъ нѣсколько минутъ на больную.

— Да, сказалъ онъ — красивая женщина и благородная голова! Какое несчастіе, что подобныя существа ходятъ за арміями! Не лучше ли было бы, если бы онѣ жили въ кругу честнаго семейства, окруженныя прекрасными дѣтьми, подлѣ хорошаго человѣка, осчастливленнаго ими? Жаль? Впрочемъ... это воля Господа...

Онъ вышелъ и кликнулъ Лизбету.

— Дай одну изъ своихъ рубашекъ этой женщинѣ, сказалъ онъ: и сама надѣнь на нее. — Кротоловъ, Коффель пойдите; выпьемте по стакану вина, сегодняшній день былъ для всѣхъ тяжелымъ днемъ.

Онъ самъ сходилъ въ погребъ и возвратился въ ту минуту, какъ старуха пришла съ рубашкой. Лизбета, видя, что маркитантка не умерла, сдѣлалась похрабрѣе; она вошла въ альковъ и задернула занавѣски, пова дядя откупоривалъ бутылку и открывалъ буфетъ,

доставая. оттуда стаканы. Кротоловъ и Каффель казались были довольны. Я тоже подошелъ къ накрытому еще столу, и мы досончили ужинъ.

Собака издали посматривала на насъ; дядя бросилъ ей нѣскольکو кусочковъ хлѣба, которые она однако не тронула.

Въ это время церковные часы пробилъ часъ.

— Это бьетъ половина, сказала Коффель.

— Нѣтъ, уже часъ; я думаю, намъ пора лечь спать, отвѣчалъ Кротоловъ.

Лизбета вышла изъ алькова; всѣ пошли взглянуть на женщину, одѣтую въ рубашку; она, казалось, спала. Собака сидѣла на заднихъ лапкахъ на краю кровати и тоже смотрѣла. Дядя погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Нечего больше бояться: она поправится... ручаюсь тебѣ!

Бѣднее животное точно поняло его, и вротко завмыло.

Наконецъ всѣ вышли.

Дядя проводилъ Коффеля и вротолова со свѣчой до низу, и, вернувшись, сказалъ намъ:

— Теперь идите лягте, пора спать.

— А вы, господинъ докторъ? спросила старая служанка.

— Я не буду спать... женщина эта въ опасности, да и крокъ того меня могутъ позвать въ деревнѣ.

Онъ подложилъ полѣно въ печку и растянулся позади въ креслѣ, свертывая клочокъ бумаги, чтобы закурить трубку.

Мы съ Лизбетой отправились по своимъ комнатамъ; но, не смотря на сильную усталость, я долго не могъ заснуть, потому что каждые полчаса слышался стукъ пробѣжавшей телеги и свѣтъ факеловъ, напоминавшіе мнѣ, что везутъ мертвыхъ.

Къ разсвѣту шумъ затихъ, и я крѣпко заснулъ.

V.

Любопытно было видѣть деревню на слѣдующій день, когда каждый размысливалъ, что у него оставалось и чего недоставало, и когда послѣдствія доказали, что множество республиканцевъ, улановъ, и вротовъ, пройдя въ дома съ задней стороны, все обчистили въ нихъ, тогда негодование было всеобщее, и я понималъ, какъ правъ былъ вротоловъ, сказавъ: «теперь дни спокойствія и мира вылетѣли въ эти отвѣстія!»

Чтобы видѣть произведенное олуствоженіе въ двери и окна были отворены настежь, вся улица завалена мебелью, тѣлѣгами, слотинами и весь народъ кричалъ: «о негоди!.. о разбойники!.. все вали!»

Одинъ искалъ утокъ, другой куръ; третій, заглянувъ подъ кровать, нашель вмѣсто сапоговъ старыя изношенные башмаки; четвертый, посмотрѣвъ въ печь, гдѣ еще наканунѣ утромъ варились колбасы и свиной жиръ, и увидѣвъ ее теперь пустою, приходилъ въ неописанную ярость; женщины, поднавъ руки въ небо, приходили въ отчаяніе, а дѣвушки казались смущенными.

Масло, яйца, табакъ, картофель, даже бѣлье,—все было взято; чѣмъ больше глядѣли, тѣмъ больше оказывался недочетъ.

Сердились всего болѣе на кроватовъ, потому что послѣ прѣзда генерала, когда нечего было бояться жалобъ на нихъ, они бросились въ дома, какъ стая голодныхъ волковъ, и Богъ знаетъ чего не приходилось имъ давать, чтобы выпроводить ихъ, не считая уже того, что они сами брали.

Какое несчастье однакожь, что у старой Германіи такіе солдаты, вторыхъ надо бояться болѣе, чѣмъ французевъ. Ибави Богъ въ другой разъ отъ ихъ помощи!

Мы же, дѣти, Гансъ Адель, Францъ Сенель, Никель, Юганъ и я, ходили отъ одной двери къ другой и разсматривая сломанныя черепицы, сломанныя окна, поваленные наѣвси, подбирая всякій хламъ, бумажныя трубочки отъ зарядовъ, пули, засѣвнія въ стѣны.

Эти находки такъ насъ радовали; что никому изъ насъ и въ голову не приходило идти домой ранѣе ночи.

Около двухъ часовъ, мы встрѣтили Заферн Шмука, сына плетельщика корзинъ; онъ задираля рыжую голову и казался важнѣе обыкновеннаго. Подъ блузой онъ что-то пряталъ; и когда мы спросили его: «что у тебя?» онъ показалъ намъ рукоятку большаго уланскаго пистолета.

Тогда вся ватага поняла за нимъ.

Онъ шелъ между нами, какъ генералъ, и встрѣчая каковагонибудь мальчику, мы говорили: «у него пистолеть!» Встрѣченный присоединялся къ гурьбѣ.

За цѣлое царство не отстали бы мы отъ Шмука; намъ казалось, что слава его пистолета распространяется и на насъ.

Вотъ каковы дѣти,—но таковы же и взрослые!

Мы всѣ хвѣлялись опасностями; перенесенными во время большой битвы.

— Я слышалъ, какъ свистѣли пули, говоритъ Францъ Сенель.

— А я видѣлъ, какъ проскакалъ уланскій генераль въ красной шляпѣ, кричалъ Гансъ Адень; это гораздо страшнѣе свиста пуль.

Я гордился всего болѣе тѣмъ, что республиканскій командиръ далъ мнѣ лепешки и сказалъ: «проглоти молодцомъ!» Послѣ этого я считалъ себя достойнымъ обладать такимъ же пистолетомъ, какъ Зафери; но никто не вѣрилъ мнѣ.

Проходя мимо дверей приказа, Шмукъ вскричалъ:

— Пойдемъ смотрѣть!

Мы поднялись за нимъ по большой лѣстницѣ; остановясь передъ большою дверью совѣта, въ которой было квадратное окошечко, онъ сказалъ намъ:

— Посмотрите, тамъ одежда убитыхъ... Дядя Жефферъ и господинъ бургомистръ привезли ихъ сюда сегодня утромъ въ тележкѣ.

Больше часа смотрѣли мы на платья, взбираясь другъ другу на плечи и вздыхая: «пусти и меня посмотрѣть, Гансъ Адень,.. теперь моя очередь!»

Одежда лежала въ кучѣ посреди большой пустой залы, плохо освѣщенной двумя высокими рѣшетчатыми окнами. Тамъ валялись и республиканскія шляпы, и уланскія шапки, перевязи и лядунки, голубые мундиры и красные плащи, сабли и пистолеты. Направо стояли ружья, прислоненныя къ стѣнѣ, а далѣе цѣлый рядъ пикъ.

Глядя на это, морозъ подиралъ по кожѣ, и у меня все ясно сохранилось въ памяти.

Черезъ часъ стало смеркаться; кому-то изъ насъ вдругъ сдѣлалось страшно: онъ побѣжалъ съ лѣстницы, крикнувъ отчаяннымъ голосомъ: «вотъ они!»

Тутъ вся ватага бросилась съ лѣстницы, поднимая руки, прыгая и соскакивая въ потьмахъ. Удивительнѣе всего, что никто не слюмалъ себѣ шен, такъ великъ былъ страхъ. Я остался позади всѣхъ и хотя сердце у меня страшно билось, но я обернулся внизу лѣстницы и взглянулъ: въ сѣняхъ все было въ полусвѣтѣ, и маленькое окошечко на правой сторонѣ слабо освѣщало черныя ступеньки; подъ темнымъ сводомъ не было слышно ни малѣйшаго движенія. На улицѣ вдали замирали крики. Мнѣ пришло въ голову, что дядя беспокоится обо мнѣ, и я пошелъ одинъ, не разъ обертываясь, такъ какъ мнѣ казалось, что за мною слѣдуютъ поспѣшные шаги, и я не смѣлъ бѣжать.

Передъ гостиницей «Двухъ ключей», окна которой горѣли во мракѣ, я остановился. Толпа пившихъ тамъ успокоила меня; взглянувъ въ форточку, отворенную въ залъ, гдѣ раздавалось множе-

ство голосовъ, я увидѣлъ Коффеля, кротолова, господина Рихтера и многихъ другихъ, сидѣвшихъ за длиннымъ сосновымъ столомъ, облокотившись локтями на столъ противъ кружекъ и стакановъ.

Угловатая фигура г. Рихтера, въ охотничьемъ платьѣ и кожаной шапкѣ, размахивала руками въ сѣроватомъ дымѣ подъ лампой.

— Вотъ — эти знаменитые республиканцы, говорили онъ: — эти страшные люди, которые должны были перевернуть міръ и для разсѣянія которыхъ довольно было тѣни фельдмаршала Вурмзера. Вы видѣли, какъ они, поджавши хвосты, стали улепетывать! Неговорилъ ли я вамъ сотни разъ, что всѣ ихъ великія предпріятія кончатся бѣгствомъ? Кротоловъ, Коффель, не говорилъ ли это я?

— Ну да, говорили! отвѣчалъ кротоловъ: — но это еще не причина такъ кричать. Садитесь, г. Рихтеръ, и велите подать бутылку вина; — мы съ Коффелемъ уже заплатили свою долю. Вотъ въ чемъ вся суть!

Г. Рихтеръ сѣлъ, а я отправился домой. Было часовъ семь; корридоръ нашъ уже вывели, окна вставили. Я вошелъ сначала въ кухню; Лизбета, увидѣвъ меня, вскричала:

— А! вотъ онъ!

Она отворила дверь въ комнаты и сказала, понизивъ голосъ:

— Г. докторъ, ребенокъ тутъ.

— Хорошо, сказалъ дядя, сидѣвшій за столомъ, — пусть войдетъ! Я заговорилъ громко.

— Тише! сказалъ мнѣ дядя, указывая на альковъ. — Садись, ты должно быть, голоденъ?

— Да, дядя.

— Гдѣ ты былъ?

— Ходилъ осматривать деревню.

— Ладно, Фрицель; я безпокоился о тебѣ, но радъ, что ты видѣлъ послѣдствія этого бѣдствія.

Лизбета принесла мнѣ хорошую тарелку супа, и, пока я ѣлъ, дядя прибавилъ:

— Теперь ты знаешь, что такое война. Не забывай этихъ вещей, Фрицель, и проклинай ихъ вѣчно. Это хорошій урокъ; что видишь въ дѣтствѣ, того не забываешь всю жизнь.

Онъ говорилъ какъ-будто разсуждая самъ съ собою; я продолжалъ ѣсть, уткнувъ носъ въ тарелку. Послѣ супа Лизбета принесла мнѣ овощей и говядину; но только что я хотѣлъ взять вилку, вдругъ увидѣлъ подлѣ себя на полу что-то, неподвижно смотрѣвшее на меня. Я испугался.

— Не бойся, Фрицель, улыбаясь сказалъ мнѣ дядя.

Я взглянуть и узналъ собаку маркитантки. Она важно сидѣла, подвявъ къверху морду, повѣсивъ уши и внимательно слѣди за мною.

— Дай ей овощей—и вы скоро подружитесь, сказалъ дядя.

Онъ поманилъ ее; собака сѣла подлѣ его стула и, казалось, была очень довольна, что дядя поклонивалъ ее по головѣ.

Омончивъ ужинъ, я хотѣлъ встать; вдругъ слышались неясныя слова. Дядя сталъ прислушиваться; маркитантка говорила очень скоро и тихо; эти неясныя таинственныя слова, раздававшіяся въ тишинѣ, смутили меня болѣе всего; я поблѣднѣлъ. Дядя, наклонивъ голову, смотрѣлъ на меня; но мысль его была далеко: онъ прислушивался. Собака тоже обернулась.

Женщина говорила много, нѣкоторыя слова произносила яснѣе: «Мой отецъ... Жанъ... убиты... всѣ... всѣ... родина!»

Взглянувъ на дядю, я увидѣлъ, что глаза его подернулись влагой и щеки дрожали. Онъ взялъ со стола лампу и подошелъ къ постели. Лизбета вошла убирать со стола; онъ обернулся и сказалъ ей:

— Начинается лихорадка.

Потомъ онъ раздвинулъ занавѣски; Лизбета пошла за нимъ. Я не трогался съ мѣста и не чувствовалъ болѣе голода. Женщина на минуту замолкла. На занавѣскахъ видѣлись тѣни дяди и Лизбеты; дядя держалъ женщину за руку. Собака была съ ними въ альковѣ. Я началъ трусить, оставшись одинъ въ темной комнатѣ. Женщина заговорила громче; тогда мнѣ показалось, что въ комнатѣ становится темнѣе, и я пошелъ къ свѣту. Но въ эту же минуту тамъ начало что-то биться: Лизбета, державшая лампу, отскочила, а женщина блѣдная какъ мертвецъ, съ открытыми глазами привстала, крича:

— Жанъ... Жанъ... защищайся!.. я иду!

Потомъ она открыла ротъ, вскрикнула: «да здравствуетъ республика!» и снова упала.

Дядя вышелъ встревоженный, говоря:

— Лизбета, скорѣе, скорѣе, сбѣгай на верхъ... тамъ въ шкапу... сѣрая стеклянка съ стеклянной пробкой... Живѣ!

И онъ снова вошелъ туда.

Лизбета побѣжала; я держался за дядинъ сюртукъ. Собака ворчала; женщина лежала какъ мертвая.

Старуха прибѣжала съ стеклянкой; дядя взглянулъ и сказалъ отрывистымъ голосомъ:

— Ложку!

Я побѣжалъ за своей ложкой; дядя вытеръ ее, налилъ нѣсколько капель и, поднявъ голову женщины, далъ ей выпить, говоря съ необыкновенной нѣжностью:

— Ну, ну!.. потерпите, дитя мое, потерпите!

Я никогда не слыхалъ, чтобы онъ такъ нѣжно говорилъ; отъ его голоса у меня сжалось сердце.

Женщина тихо вздохнула, и дядя положилъ ее на постель, поправивъ подушку. Онъ вышелъ совершенно блѣдный и сказалъ намъ:

— Отправляйтесь спать, оставьте меня одного... я не лягу..

— Г. докторъ, возразила Лизбета, вѣдь и прошлую ночь...

— Идите спать, повторилъ сердитымъ голосомъ дядя; мнѣ некогда слушать вашу болтовню. Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ. Богъ-внъ можетъ сдѣлаться серьезною.

Мы убрались. Поднимаясь на лѣстницу, Лизбета, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала мнѣ:

— Видѣлъ эту несчастную, Фрицель? Вѣдь, можетъ быть, умираетъ... а все-таки думаетъ о своей дьявольской республикѣ. Эти люди— настоящіе дикіе. Намъ остается только молить Бога простить имъ.

И она дѣйствительно начала молиться.

Я не зналъ, что и думать объ этомъ. Но, набѣгавшись и перемаравшись, я едва успѣлъ добраться до постели, какъ заснулъ глубочайшимъ сномъ, такъ что даже возвращеніе самихъ республиканцевъ и пальба ихъ не разбудили бы меня ранѣе десяти часовъ утра.

VI.

На другой день по уходѣ республиканцевъ вся деревня уже знала, что у дяди Якова лежитъ французенка, что у ней рана отъ пушечнаго выстрѣла и что она не скоро оправится. Но у всякаго было столько своихъ заботъ за починою крышъ, дверей и оконъ, что некогда было думать о другихъ, и только на третій день, когда почти все привелось въ порядокъ, снова вспомнили о женщинѣ.

Тогда же и Иосифъ Сликъ началъ распространять слухъ, что французенка приходила въ ярость и ужаснымъ голосомъ кричала: «Да здравствуетъ республика!»

Скрестивъ руки, опершись плечомъ объ стѣну и дѣлая видъ, что онъ куритъ трубку, негодяй этотъ становился на дорогѣ своего кабака, и говорилъ прохожимъ:

— Эй! Нивель... Юкель... послушай-ка... послушай-ва, какъ она кричить! Не отвратительно ли это? Не слѣдовало бы деревнѣ запретить это?

Дядя Яковъ, лучший изъ людей, дошелъ до такого негодованія на Слика, что я слышала, какъ онъ нѣсколько разъ повторялъ, что его слѣдовало бы повѣсить.

Къ несчастью, нельзя было отрицать, что женщина говоритъ о Франціи, о республикѣ и другихъ вещахъ, противныхъ установленному порядку; между тѣмъ эти мысли не выходили у нея изъ головы, и это немало смущало насъ, потому что всѣ кумушки, всѣ старыя Саломен деревни по очереди приходили къ намъ: одна со щоткою въ рукѣ, подобравъ юбку, другая воткнувъ въ волосы чулочныя иголки, съ чепцомъ на сторону, третья съ веретенемъ, будто намѣреваясь прясть около очага. Кто приходилъ попросить рѣшетку, кто купить горшокъ кислаго молока, кто спрашивалъ дрожжей, чтобы поставить опару. Какая гадость! у насъ въ корридорѣ появилось на два пальца грязи отъ ихъ башмаковъ.

И перемывая тарелки иль заглядывая въ горшки, Лизбетъ приходилось слушать ихъ стрекотанье, встрѣчать ихъ, присѣдать и пріятно изгибаться.

— А! здравствуйте, мадмуазель Лизбета! Давно васъ не видно!

— А! это вы, мадмуазель Урсула! Боже мой! какъ я рада васъ видѣть! Садитесь же! мадмуазель Урсула.

— Какъ вы добры, мадмуазель Лизбета... Славная погода сегодня утромъ.

— Да, мадмуазель Урсула, славная... хороша для ревматизмовъ.

— Хороша и для насморковъ.

— Да и для всѣхъ болѣзней. Какъ поживаетъ батюшка священникъ, что его ревматизмъ, мадмуазель Урсула?

— Да что тутъ и говорить, какъ поживаетъ: ревматизмъ бросается то туда, то сюда. Вчера былъ въ плечѣ, сегодня въ поясницѣ. Переходить. Все хвораетъ, все хвораетъ.

— Ахъ, какъ жаль... какъ жаль!

— Кстати, мадмуазель Лизбета,—не называйте меня любопытной, но вся деревня говорить:—ваша французенка все еще больна?

— Ахъ, мадмуазель Урсула, и не говорите; была одна такая ночь... такая!..

— Можеть ли быть? Такъ этой бѣдняжкѣ не лучше?

Кумушки всплескивали руками, наклонялись съ видомъ состраданія, поводили глазами и качали головой.

Первые два дня дядя, думая, что посѣщенія прекратятся, когда

любопытство будетъ удовлетворено, не говорилъ ничего. Но видя, что они не прекращаются, онъ разъ утромъ, когда у женщины была сильная лихорадка, вдругъ вошелъ въ комнату и довольно сердито сказалъ бабамъ:

— Что вамъ тутъ надо? Отчего вы не сидите дома? Развѣ у васъ тамъ нѣтъ дѣла? Стыдился бы проводить всю жизнь въ трескотнѣ, строить изъ себя барынь, когда сами простыя служанки. Это смѣшно и мнѣ надоѣло.

— Я пришла, отвѣчала одна изъ нихъ, купить горшокъ молока.

— Чтобы купить горшокъ молока, развѣ надо два часа? отвѣчалъ дядя ужъ совсѣмъ сердито.—Лизбета, дай ей горшокъ молока, пусть отправляется во свояси. Все это мнѣ наскучило. Я не позволю шпионить за собою, набираться у меня разныхъ слетней и равносить ихъ по деревнѣ.—Идите, и нечего больше ходить сюда.

Кумушки вышли совершенно сконфуженныея.

Въ тотъ же день у дяди былъ еще большой споръ. Господинъ Рихтеръ позволилъ себѣ сказать ему, что напрасно онъ интересуется иностранцами, пришедшими грабить страну, въ особенности женщиной, которая не богъ знаетъ что за важная птица, такъ какъ она пошла за солдатами.—Холодно выслушавъ его, онъ отвѣчалъ:

— Господинъ Рихтеръ, когда я исполняю долгъ челоѣволюбія, я не спрашиваю у людей: «изъ какой вы страны?» Однихъ ли вы со мною убѣждены? Можете ли отплатить мнѣ за то, что я для васъ дѣлаю? Я слѣдую движеніямъ моего сердца, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла. Француженка или нѣмка эта женщина, республиканскія у нея мысли или какія нибудь другія, пошла ли она за солдатами по доброй волѣ или по нуждѣ—мнѣ это все равно. Я видѣлъ, что она умираетъ, и я долженъ спасти ей жизнь; а теперь я обязанъ продолжать, что началъ съ божьей помощью. Что же касается до васъ, господинъ Рихтеръ, я знаю, что вы эгоистъ и не любите ближнихъ: вмѣсто того, чтобы оказывать имъ услуги, вы стараетесь извлекать изъ нихъ личныя выгоды. Вотъ основаніе вашихъ мнѣній обо всемъ. Но подобныя сужденія возмущаютъ меня, и потому я прошу васъ не посѣщать меня болѣе.

Онъ отворилъ дверь; Рихтеръ хотѣлъ возражать, но дядя, не дождавъ его, взялъ его учтиво за руку и вывелъ.

Кротоловъ, Коффель и я, всѣ мы присутствовали при этомъ, и твердость дяди Якова удивила насъ, потому что намъ никогда не случалось видѣть его такимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ.

Друзьями его остались кротоловъ и Коффель; они по очереди

проводили ночи около женщины, что не мѣшало имъ днемъ заниматься своими дѣлами.

Съ тѣхъ поръ у насъ водворилось спокойствіе.

Разъ утромъ, проснувшись, я увидѣлъ, что наступила зима; бѣлый свѣтъ освѣщаль мою комнату; бѣлыя хлопья мириадами валили съ неба и вертѣлись около моихъ оконъ. На улицѣ было тихо, не показывалось ни единой души, всѣ заперлись, куры не кудахтали, собаки сидѣли въ своихъ конурахъ, а въ сосѣднихъ лѣсочкахъ бѣдныя зеленныя дубоноски, дрожавшія подъ своими растрепанными перьями, оглашали окрестность жалобными криками.

Подперевъ голову рукою, совершенно ослѣпленный, я смотрѣлъ, какъ снѣгъ наваливался на края маленькихъ оконъ, и вспоминать прошедшія зимы: свѣтъ отъ нашей большой печки, падавшій по вечерамъ то дальше, то ближе по полу, согрѣвать кротолова, Коффеля и дядю, сидящихъ во кругъ съогнутыми спинами, съ трубками во рту и говорящихъ о всякой всячинѣ. Мнѣ слышакся даже въ тишинѣ стукъ Лизветиной самопрялки, походившій на шелестъ драблехъ крыльевъ ночной бабочки, слышалось, какъ нога ея была въ тактъ стонамъ сырого полѣна, плачущаго въ очагѣ. На дворѣ я представлялъ себѣ катанье по льду на саняхъ, битвы снѣжками, хохоть, трескъ разбивающагося окна, старуху, бранящуюся въ концѣ коридора, и разбѣгающуюся стремглавъ ватагу.

Все это въ одинъ мигъ пришло мнѣ на память, и я полу-печально, полу-радостно подумалъ: «Вотъ и зима!»

Потомъ, вспомнивъ, какъ хорошо сидѣть теперь передъ очагомъ и ѣсть мучной супъ Лизветиной стряпни, я соскочилъ съ постели и, весь дрожа, поспѣшно одѣлся. Потомъ, набросивъ куртку на одну руку, я скатился съ лѣстницы, какъ кубарь.

Лизбета мела корридоръ. Дверь въ кухню была отворена; и потому, не смотря на яркій огонь, трещавшій вокругъ висѣвшаго котла, я побѣжалъ въ комнату.

Дядя Яковъ только-что пришелъ отъ какого-то больного; его лисья шуба и бобровая шапка висѣли на стѣнѣ, а высокіе сапоги стояли подлѣ печки; они пили съ кротоловомъ, просидѣвшимъ эту ночь у больной, киршвассеръ. Оба казались въ хорошемъ расположеніи духа.

— Значить, кротоловъ, говорилъ дядя: — ночь прошла хорошо?

— Очень хорошо, господинъ докторъ; мы всѣ спали: больная въ постели, я въ креслѣ, а собака подъ занавѣской. Никто не пошевелился. Сегодня поутру, отворяя окошко, я увидѣлъ, что все бѣло, какъ пацъ, вылѣзающій изъ мучного мѣшка; превращеніе

совершеннось безъ шума. Когда я отворилъ окно, вы шли уже въ концѣ улицы; мнѣ хотѣлось крикнуть вамъ «здравствуйте», да она свала, и я боялся разбудить ее.

— Такъ, такъ, вы хорошо сдѣлали.— За ваше здоровье, кротоловъ!

— И за ваше, господинъ докторъ!

Они залпомъ выпили рюмки и, улыбаясь, поставили ихъ на столъ.

— Все идетъ хорошо, продолжалъ дядя: — рана заврывается, лихорадка проходитъ, не достасть только силъ,—бѣдная потеряла много крови. Но все пройдетъ со временемъ.

Я сѣлъ къ печкѣ. Собака вышла изъ алькова и стала ласкаться къ дядѣ, который, глядя на нее, заговорилъ:

— Славное животное! Взгляните, кротоловъ, можно подумать, что она понимаетъ насъ. Она точно повеселѣла сегодня? Меня никто не увѣритъ, что эти животныя не понимаютъ многого; у нихъ нѣтъ разсудка, но за то есть сердце.

— Это такъ, сказалъ кротоловъ. Во время лихорадки я постоянно смотрѣлъ на собаку и думалъ: «Она скучна, значить больной хуже!—Она весела, значить лучше!»—Да, я съ вами согласенъ, господинъ докторъ, я очень вѣрю животнымъ.

— Ну, кротоловъ, продолжалъ дядя: — еще рюмочку, на дворѣ, холодно, а старый киршвассеръ согрѣваетъ, какъ солнышко.

Онъ отворилъ буфетъ, принесъ хлѣбъ и два ножа, и сказалъ:

— Съѣдимъ по куску.

Кротоловъ кивнулъ головой, а дядя, увидавъ меня, сказалъ, улыбаясь:

— Ну вотъ, Фрицель, начнутъ снѣжки, ватанья по льду! Развѣ это не радуешь тебѣ?

— Радуешь, дядя.

— Да, да, веселись! самые счастливые годы въ жизни—твой, мальчуганъ. Только не дѣлай слишкомъ твердыхъ снѣжковъ. Кто дѣлаетъ твердые снѣжки, тотъ думаетъ не о весельи, а о вредѣ другимъ это злые мальчишки.

— Э! смѣясь сказалъ кротоловъ, я всегда дѣлалъ твердые снѣжки.

— И были неправы, кротоловъ, отвѣчалъ дядя; это доказываетъ, что въ глубинѣ души у васъ была злость. Къ счастью, вы преодолѣли ее разумомъ. Я увѣренъ, что вы раскаяваетесь, что валяли твердые снѣжки?

— Да! отвѣчалъ кротоловъ, не зная, что сказать:—хотя вѣдь и другіе дѣлали ихъ такими же.

— Никогда не надо указывать на другихъ; надо дѣлать то, что

подсказываетъ намъ наше доброе сердце, сказалъ дядя. Всѣ люди отъ природы добры, но ихъ увлекаютъ дурныя примѣры.

Во время этого разговора изъ альбова слышались какія-то слова; всѣ стали прислушиваться.

— Кротоловъ, прошепталъ дядя, это не бредъ, это хотя слабый, но естественный голосъ.

Онъ всталъ и раздвинулъ занавѣски. Мы съ кротоловомъ стали за нимъ, вытянувъ шею. Блѣдная и исхудалая женщина, казалось, спала; дыханіе ея едва было слышно. Но скоро она открыла глаза и съ удивленьемъ стала осматривать всѣхъ насъ по очереди, глубину альбова, окна, заваленныя снѣгомъ, шкафъ, старыя часы, собаку, которая поднялась на заднія лапы, положивъ переднія на постели. Это длилось съ минуту; потомъ она опять закрыла глаза, и дядя тихо проговорилъ:

— Она пришла въ себя.

— Да, такъ же тихо сказалъ кротоловъ.....она насъ увидѣла, но не знаетъ насъ, и теперь думаетъ о томъ, что видѣла.

Мы хотѣли выйдти, но женщина опять открыла глаза и, сдѣлавъ усиліе, хотѣла заговорить. Дядя ласково сказалъ ей:

— Не волнуйтесь, будьте покойны и не бойтесь... Вы у людей, которые сдѣлаютъ для васъ все, что нужно.... Вы были больны.... теперь вамъ лучше..... Но, пожалуйста, увѣрьтесь, что вы у друзей..... у истинныхъ друзей.

Пока онъ говорилъ, женщина глядѣла на него во всѣ глаза; видно было, что она понимала его. Однако, не смотря на его совѣтъ, черезъ минуту молчанія, она опять сдѣлала попытку говорить и тихо сказала:

— Барабанщикъ.... маленькій барабанщикъ....

Взглянувъ на кротолова, дядя спросилъ его:

— Понимаете?

Кротоловъ пощупалъ ея голову и сказалъ:

— Остатки бреда, докторъ, легваго бреда; пройдетъ.

Но женщина повторила нѣсколько громче:

— Жанъ.... маленькій барабанщикъ!

Я сталъ на цыпочки, внимательно прислушиваясь, и вдругъ мнѣ пришло въ голову, что она говоритъ о маленькомъ барабанщикѣ, котораго я видѣлъ въ день битвы спящимъ подъ нашимъ навѣсомъ. Я вспомнилъ, что она глядѣла на него изъ окна, чиня его маленькіе палтоны, и сказалъ:

— Дядя, она говоритъ, можетъ быть, о маленькомъ барабанщикѣ, что былъ съ республиканцами?

— Да, да.... сказала она,... Жанъ.... мой братъ!

— Тихе, не двигайтесь, проговорилъ дядя:—рана ваша можетъ открыться.—Кротоловъ, дайте сюда стулъ.

Онъ, взявъ меня подъ мышки, поднесъ къ ней и сказалъ:

— Расскажи, Фрицель, что ты знаешь. Помнишь ты маленькаго барабанщика?

— Помню; утромъ передъ сраженьемъ онъ лежалъ подъ нашимъ навѣсомъ, сабака лежала у него на ногахъ; онъ спалъ, я отлично его помню!—отвѣчалъ я, совершенно смутившись, потому что женщина пожирала меня глазами, какъ прежде дядю.

— И потомъ, Фрицель?

— Потомъ онъ былъ посреди батальона съ другими барабанщиками, когда прѣехали кроаты. И подъ конецъ, когда деревня загорѣлась и республиканцы уходили, я его видѣлъ позади ихъ.

— Раненаго? прошептала женщина такъ тихо, что едва можно было слышать.

— Нѣтъ! на плечѣ онъ несъ барабанъ и плакалъ, а другой барабанщикъ, побольше, говорилъ ему: «полно, маленький Жанъ, не горюй!» Но онъ не слушалъ его.... и по щекамъ его лились слезы

— Ты увѣренъ, Фрицель, что видѣлъ, какъ онъ ушелъ? спросилъ дядя.

— Да, дядя: мнѣ было жаль его; я смотрѣлъ на него все время, пока они шли по деревнѣ.

Больная закрыла глаза и мы услышали, какъ она внутренно рыдала. Слезы текли у нея по щекамъ, но безъ всхлипыванья. Тяжело было смотрѣть, и дядя тихо сказалъ мнѣ:

— Сойди, Фрицель, надо дать ей выплакаться на свободѣ.

Но когда я хотѣлъ слѣзть, она протянула руку и остановила меня, шепча какія-то слова:

— Вы хотите поцѣловать ребенка?

— Да, сказала она.

Онъ наклонилъ меня къ ея лицу; она поцѣловала меня, продолжая плакать. Я тоже началъ плакать.

— Хорошо, замѣтилъ дядя, хорошо. Вамъ надо теперь успокоиться; постарайтесь заснуть, здоровье возвратится.... Вы опять увидите вашего брата... Полноте!..

Онъ вывелъ меня и задернулъ занавѣски. Кротоловъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, лицо его было красно; онъ сказалъ:

— Да, господинъ докторъ, это хорошая женщина, честная женщина.... республиканка она или что другое—считать ее нехорошей можетъ только негодяй.

— Да, отвѣчалъ дядя, у нея благородное сердце, я это сейчас же увидѣлъ по лицу. Хорошо, что Фрицель помнилъ о ребенкѣ. Бѣдная женщина такъ страшно беспокоилась. Теперь мнѣ понятнѣе почему въ бреду она постоянно повторяла имя Жана. Все пойдетъ хорошо, кротоловъ, хорошо пойдетъ, слезы облегчаютъ.

Они вышли вмѣстѣ въ сѣни; я слышалъ, какъ они говорили еще о томъ же на порогѣ дома.

Я сѣлъ за печкой и, вытирая глаза рукавомъ, вдругъ замѣтилъ подлѣ себя собаку, кротко смотрѣвшую на меня. Она положила мнѣ на колѣни лапу и ласкалась; въ первый разъ я безъ страха взялъ въ обѣ руки ея мохнатую голову. Мнѣ казалось, что мнѣ уже давно друзья и что я никогда ее не боялся.

Поднявъ черезъ минуту голову, я увидѣлъ только-что вошедшаго дядю, который смотрѣлъ на меня.

— Видишь, Фрицель, какъ бѣдняжка любитъ тебя, сказалъ онъ; теперь она узнала твое доброе сердце и будетъ за тобой бѣгать.

И точно, съ тѣхъ поръ собака всегда ходила за мной, когда я ее звалъ, ходила съ важнымъ видомъ по всей деревнѣ, чѣмъ я гордился больше Завери Шмука, владѣтеля уланскаго пистолета; она садилась подлѣ меня лизать мою тарелку и дѣлала все, что мнѣ угодно.

VII.

Цѣлый день и всю ночь продолжалъ валить снѣгъ; всѣ надѣялись, что онъ занесетъ горныя дороги и этимъ избавитъ насъ отъ улановъ и отъ республиканцевъ; какъ вдругъ одно нустое происшествіе напомнило снова намъ о печальныхъ послѣдствіяхъ войны и навело на размышленія о несчастіяхъ сего міра.

Это случилось на другой день послѣ того, какъ женщина пришла въ себя, между восьмью и девятью часами утра. Дверь въ кухню была отворена, чтобы дать теплу пройти въ залу. Я стоялъ подлѣ Лизбеты, сбывавшей около очага масло. Обернувшись, я увидѣлъ дядю, сидѣвшаго у бѣлаго окна; онъ читалъ календарь и отъ времени до времени улыбался. Сидионъ (такъ звали собаку) неподвижно и важно сидѣлъ подлѣ меня и меланхолически зѣвалъ, въ то время, какъ я безпрестанно пробовалъ сливки изъ маслобойни.

— Что съ тобой, Фрицель? говорила Лизбета; если ты съѣшь всѣ сливки, у насъ не будетъ масла.

Въ залѣ медленно стучали часы; на улицѣ царствовала мертвая тишина.

Такъ прошло съ полчаса, и Лизбета уже положила сбитое масло на тарелку, какъ вдругъ на улицѣ раздались голоса; потомъ дверь въ корридоръ отворилась и кто-то сталъ стряхивать о порогъ снѣгъ съ сапоговъ. Дядя повѣсилъ на стѣну календарь и сталъ смотрѣть на дверь; въ комнату вошелъ бургомистръ Мейеръ, въ шерстяномъ колпакѣ съ двойными кисточками, нахлобученномъ на уши; воротникъ его былъ совершенно заиндивѣвшій отъ снѣга, а руки до локтей покрывались заячьими рукавицами.

— Здравствуйте, господинъ докторъ, здравствуйте! сказалъ толстякъ. Прихожу къ вамъ, не смотря на снѣгъ; но что же дѣлать, надо — дѣло!

Страхнувъ съ себя рукавицы, привязанныя тесемочкою къ шеѣ, онъ снялъ шапку и продолжалъ:

— Какой-то бѣдняга лежить, господинъ докторъ, въ Ребокскомъ дровяномъ дворѣ за грудой хвороста. Солдатъ онъ, капралъ или ваптанъ, не умѣю сказать. Онъ ушелъ туда, чтобы спокойно умереть во время битвы. Теперь надо бы составить свидѣтельство о смерти, а я не могу удостовѣрить, чѣмъ онъ умеръ, это не входитъ въ мои обязанности.

— Хорошо, бургомистръ, сказалъ вставая, дядя — я иду. Но вѣдь надо еще одного свидѣтеля?

— Михаилъ Фюрстъ внизу, сказалъ бургомистръ; онъ ждетъ меня въ снѣгахъ. Что за снѣгъ! что за снѣгъ! до колѣнъ, господинъ докторъ. Это хорошо для посѣвовъ и для войскъ его величества; они останутся зимовать. Господь съ ними! Пусть лучше останутся зимовать около Кайзерлаутерна, чѣмъ здѣсь: своя рубашка ближе къ тѣлу.

Во время разсужденій бургомистра, дядя надѣлъ сапоги, шубу, свою большую бобровую шапку и сказалъ:

— Я готовъ!

Они вышли, а за ними поспѣшилъ ускользнуть и я, не смотря на просьбы Лизбеты, желавшей остановить меня; мною одолѣло чертовское любопытство: мнѣ хотѣлось видѣть солдата.

По пустой улицѣ шли дядя Яковъ, бургомистръ и Фюрстъ; но по мѣрѣ того, какъ они проходили ее, въ окнахъ домовъ показывались лица и издали слышались отворявшіяся двери. Видя бургомистра, доктора и полевого сторожа, народъ думалъ, что случилось что нибудь необыкновенное; многіе даже выходили, но, не видя ничего, снова возвращались домой.

Придя въ домъ Ребока, — одинъ изъ *самыхъ старыхъ домовъ деревни, съ ригюю, конюшнями и навѣсомъ со стороны полей, и хлѣбами, покрытыми соломюю и обросшими мохомъ, на право — придя туда, бургомистръ, Фюрстъ и дядя вошли въ сѣни узенькія и темныя, усталыя изломанной плитюю.

Я вошелъ за ними, но они меня не замѣтили.

Старикъ Ребокъ, увидѣвъ ихъ изъ оконъ, отворилъ комнату, наполненную паромъ, какъ баня, гдѣ жили бабушка, два сына его и двѣ невѣстки.

Собака ихъ, съ длинной сѣрой шерстью и съ опущеннымъ хвостомъ, тоже вышла и начала обнюхивать Сципіона, пришедшаго со мной и гордо поднимавшаго голову, между тѣмъ какъ хозяйка обходила вокругъ него, чтобы завязать знакомство.

Я васъ проведу, сказали старыи Ребокъ; это тамъ, подальше... за ригюю.

— Нѣтъ, останьтсѣ, дѣдушка Ребокъ, отвѣчалъ дядя: — холодно, а вы стары, сынъ вашъ проведетъ насъ.

Но сынъ, найдя солдата, убѣждалъ.

Старикъ пошелъ впередъ; мы шли за нимъ по одиночѣ. Сѣни были совершенно темныя. Мы прошли черезъ хлѣвъ, освѣщенный окномъ въ крышѣ, — въ немъ стояло пять козъ съ раздутыми вымями, посмотрѣвшими на насъ своими золотыми глазами, и два козленка, закричавшіе жалобными и дрожащими голосами; потомъ прошли черезъ конюшню, гдѣ увидѣли двухъ быковъ и корову, проточенныя рѣшетки и подстилку изъ сухихъ листьевъ. Животныя молча обернулись.

Мы шли вдоль стѣны; что-то подвернулось мнѣ подъ ноги: это былъ кроликъ, убѣгавшій подъ ясли; Сципіонъ не бросился за нимъ.

Послѣ этого мы вошли въ низенькую ригю, до верху набитую соломюю и сѣномъ. Въ глубинѣ виднѣлось голубоватое слуховое окно, выходившее въ садъ; свѣтъ отъ него падалъ на груды дровъ и нѣсколько связокъ хвороста, уложенныхъ по стѣнѣ; ниже все было темно. — Странно, что въ слуховомъ окнѣ сидѣли пѣтухъ и двѣ или три курицы, засунувъ головы подъ крылья; ихъ темныя фигуры обрисовывались на свѣтѣ.

Сначала я ничего не могъ разглядѣть въ потьмахъ. Всѣ остановились. Курицы потихоньку закудахтали.

— Лучше было бы зажечь фонарь, сказали старикъ Ребокъ: плохо видно.

Въ то время, какъ онъ заговорилъ, я примѣтилъ вправо отъ окна,

у стѣны, между двумя связками, большой вытянутый плащъ; потомъ, посмотрѣвъ попристальнѣе, я увидѣлъ черную голову и длинные желтые усы: пѣтухъ соскочилъ съ окна и въ ригѣ стало свѣтлѣе.

Мною овладѣлъ страхъ, и не будь около меня Сципіона, я убѣжалъ бы.

— Вижу, началъ дядя, вижу.

И онъ подошелъ, говоря:

— Это кроатъ. Ну-ка, Фюрстъ, надо его вытянуть немного впередъ.

Но ни Фюрстъ, ни бургомистръ не двигались.

Тогда дядя взялъ его за ногу и вытянулъ на свѣтъ: лицо его было кирпичнаго цвѣта, глаза ввалились, носъ вытянулся, губы сжались, а на подбородкѣ виднѣлся клокъ рыжихъ волосъ.

Дядя отстегнулъ его плащъ, отбросивъ полы на дрова, и мы увидѣли въ рукѣ кроата саблю съ длиннымъ, изогнутымъ лезвиемъ. Съ лѣвой стороны мундира широкое черное пятно обозначало мѣсто, откуда текла кровь. Дядя разстегнулъ пуговицы и сказалъ:

— Онъ умеръ отъ удара штыка, вѣроятно въ послѣднюю стычку. Онъ ушелъ съ мѣста сраженія. Меня удивляетъ, дѣдушка Ребокъ, что онъ не постучался къ вамъ въ двери, а пошелъ умирать такъ далеко.

— Мы всѣ спрятались въ погребъ, отвѣчалъ старикъ; дверь въ комнату была заперта. Мы слышали, что кто-то ходилъ въ сѣняхъ; но вѣдь на улицѣ былъ такой шумъ! Мнѣ скорѣе кажется, что несчастный хотѣлъ скрыться въ домъ; только за домомъ нѣтъ двери. Вѣрно, какой нибудь республиканецъ, какъ дикій звѣрь, бѣжалъ за нимъ до самой риги. Въ сѣняхъ мы не видали крови. Тутъ въ потьмахъ они, должно быть, дрались, и французъ, ударивъ его штыкомъ, спокойно вышелъ. Вотъ что мнѣ кажется. Иначе, увидѣли бы гдѣ нибудь кровь; но ничего не было ни въ хлѣбѣ, ни въ конюшнѣ. И только сегодня утромъ, когда намъ понадобились дрова для печки, Сепель, войдя сюда, нашелъ этого несчастнаго.

Слушая эти объясненія, всякій представлялъ себѣ республиканца съ косой въ видѣ колбасы и большой трехъ-угольной шляпой, бѣжавшаго въ потьмахъ за кроматомъ, и всѣхъ пробрала дрожь.

— Да, сказалъ дядя, вставая и печально глядя на бургомистра; должно быть все это такъ и было.

Всѣ о чемъ-то задумались; молчаніе въ присутствіи этого мертвеца наводило страхъ.

— Смерть будетъ засвидѣтельствована черезъ минуту, замѣтилъ дядя; мы можемъ отправляться.

Потомъ, подумавъ прибавилъ:

— Есть, можетъ быть, средство узнать, кто онъ такой!

Онъ опять сталъ на колѣни, сунулъ руку въ карманъ мундира кроата и нашель бумаги. Въ то время онъ снялъ мѣдную цѣпочку съ его груди и изъ кармана панталонъ выпали большіе серебряные часы.

— На-те часы, сказалъ онъ бургомистру; я возьму бумаги, чтобы написать свидѣтельство.

— Возьмите все, господинъ докторъ, отвѣчалъ бургомистръ: — мнѣ не хотѣлось бы нести къ себѣ въ домъ часы, найденные на покойникѣ... нѣтъ, возьмите ихъ. Послѣ мы объ этомъ поговоримъ. Теперь можно намъ отправляться.

— Да и вы можете прислать Жеффера.

Замѣтивъ тогда меня, дядя сказалъ:

— Ты тутъ, Фрицель? Тебѣ надо все знать!

Онъ не сказалъ мнѣ ничего больше, и мы вмѣстѣ пошли домой. Бургомистръ и Фюрстъ отправились по домамъ.

На ходу дядя читалъ бумаги кроата. Отворивъ дверь въ комнату, мы увидали, что больная только-что поѣла супу, — занавѣски были еще отдернуты и тарелка стояла на ночномъ столигѣ.

— Ну, улыбаясь сказалъ дядя Яковъ: — лучше ли вамъ?

Она обернулась и, кротоко взглянувъ на него своими большими черными глазами, отвѣчала:

— Да, господинъ докторъ, вы спасли меня, — я чувствую, что оживаю. Потомъ, спустя минуту, прибавила тономъ сожалѣнія:

— Вы нашли еще несчастную жертву войны.

Дядя понялъ, что она слышала разговоръ, когда полчаса тому назадъ за нимъ приходилъ бургомистръ.

— Да, сказалъ онъ, да, мадамъ; еще одинъ несчастный, который не увидитъ кровли своей, и еще несчастная мать, которая не обниметъ болѣе сына.

Больная казалась тронутой и тихо спросила:

— Кто нибудь изъ нашихъ?

— Нѣтъ, кроатъ. Идя сюда, я прочелъ письмо, которое три недѣли тому назадъ писала ему мать. Бѣдная женщина просить его не забывать молиться по утрамъ и по вечерамъ и хорошо вести себя. Она пишетъ ему съ нѣжностью, какъ ребенку. А это между тѣмъ старый солдатъ, но для нея онъ остался такимъ же розовымъ и бѣлокурнымъ, какимъ, рыдая, обнимала она его въ послѣдній разъ.

Говоря объ этомъ, голосъ дяди дрожалъ; онъ глядѣлъ на женщину, казавшуюся тоже тронутую.

— Да, вы правы, сказала она: — должно быть ужасно узнать, что не увидишь больше своего ребенка. Я, по крайней мѣрѣ, утѣшаю себя тѣмъ, что не могу быть причиною горя людей, любящихъ меня.

При этомъ она повернула голову, а дядя, сдѣлавшійся серьезнымъ, спросилъ ее:

— Но вы не одиѣ же на свѣтѣ?

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери, отвѣчала она глухимъ голосомъ. Отецъ мой былъ командиромъ батальона, что вы видѣли; у меня было три брата; мы всѣ вмѣстѣ отправились въ 92 изъ Фенетранжа въ Лотарингію. Отецъ и два старшихъ брата умерли, и насъ осталось только двое: я и Жанъ, маленький барабанщикъ.

Говоря это, больная готова была залиться слезами.; Дядя, наклонивъ голову и сложивши руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Опять наступило молчаніе.

Вдругъ француженка проговорила:

— У меня есть до васъ просьба, господинъ докторъ.

— Что такое?

— Напишите матери несчастнаго кроута. Конечно, ужасно получить вѣсть о смерти сына, но постоянно ждать его, цѣлые годы надѣяться, что онъ возвратится, и видѣть, что онъ не возвращается даже въ послѣдній часъ, это еще ужаснѣе.

Она замолчала, а дядя задумчиво отвѣчалъ:

— Да... да... это мысль хорошая! Фрицель, принеси чернила и бумаги. Какое несчастье, Господи! думать, что, извѣщая о подобныхъ вещахъ, дѣлаешь доброе дѣло! О война... война!...

Онъ сѣлъ писать. Въ это время вошла Лизбета накрывать на столъ; она поставила тарелки и хлѣбъ на буфетъ. Боло полдень, больная точно заснула.

Наконецъ дядя кончилъ письмо, сложилъ его, запечаталъ, написалъ адресъ, и сказалъ мнѣ:

— На, Фрицель, брось это письмо въ ящикъ и торопись. Спроси газету у старухи Эбергартъ; сегодня суббота, мы узнаемъ что нибудь о войнѣ.

Я нутился бѣгомъ и бросилъ письмо въ ящикъ. Но газета не приходила; свѣга задержали Клеменца, что вовсе не удивило дядю, такъ какъ подобныя задержки случались почти каждую зиму.

VIII.

Возвращаясь съ почты, я издали увидѣлъ, на большомъ общественномъ лугу, за церковью, Ганса Адена, Франца Сепеля и бездну другихъ товарищей, катающихся по льду канавки. Они катались одинъ за другимъ, летали какъ стрѣлы, согнувъ спину и растопыривъ руки, чтобы сохранить равновѣсіе; до меня долетали стукъ ихъ деревянныхъ башмаковъ по льду и ихъ радостныя крики.

Какъ прыгало сердце мое, глядя на нихъ! какъ мнѣ хотѣлось покататься съ ними! Къ несчастью, дядя, Яковъ ждалъ меня тогда, и я воротился домой, только и думая объ этомъ весельѣ. Въ продолженіи всего обѣда мысль бѣжать туда не покидала меня ни на минуту; но я и не заикнулся объ этомъ дядѣ, такъ какъ онъ всегда запрещалъ мнѣ кататься по канавкѣ, боясь несчастья. Наконецъ онъ ушелъ изъ дому къ священнику, страдавшему ревматизмомъ.

Я дождался, пока онъ не вошелъ въ большую улицу, потомъ свиснулъ Сципіона и, какъ заяцъ, побѣжалъ въ улицу Гу. Собака скакала за мной, и мы перестали бѣжать только въ переулкѣ, набитомъ снѣгомъ.

На канавѣ я рассчитывалъ встрѣтить всѣхъ своихъ товарищей, но онѣ пошли обѣдать, и, повернувъ за церковь, я увидѣлъ поле уже пустое. Пришлось кататься одному, и такъ какъ было холодно, то черезъ полчаса мнѣ это надоѣло.

На возвратномъ пути въ деревню, изъ узенькаго переулка, между двухъ заборовъ, покрытыхъ инеемъ, выскочили вдругъ Гансъ Адень, Францъ Сепель и двое или трое другихъ, съ раскраснѣвшими щеками, въ бумажныхъ колпакахъ, нахлобученныхъ на уши, и съ засунутыми въ карманы руками.

— А! это ты, Фрицель! сказали Гансъ Адень; ты ужь уходишь?

— Да, я катался, а дядя Яковъ не любитъ, чтобы я катался по льду; я лучше уйду.

— А я, сказали Францъ Сепель, изломалъ себѣ сегодня башмакъ на льду, но отецъ починилъ мнѣ его. Посмотрите!

Онъ снялъ деревянный башмакъ и показалъ его намъ. Отецъ Франца Сепеля положилъ поперегъ листочекъ жести и привѣршилъ его четырьмя остроголовыми гвоздями. Мы разсмѣались, а Францъ Сепель вскрикнулъ:

— Не совсѣмъ-то удобно кататься! Вотъ что, лучше поѣдемте въ саняхъ; взберемся на Альтенбергъ, а оттуда скатимся вихремъ.

Мысль ѣхать въ саняхъ показалась мнѣ тогда такой заманчивой

что я уже воображалъ себя на саняхъ, скатывающимся съ горы, управляя пятками и крича во все горло: катай, валяй, катай валяй!

У меня духъ заняло.

— Хорошо бы, сказалъ Гансъ, но какъ добыть сани?

— Я ужь достану, отвѣчалъ Сепель, самый хитрый изъ всѣхъ насъ. У отца моего были сани въ прошломъ году, но они сгнили и бабушка сожгла ихъ. Все равно, идемте!

Мы пошли за нимъ, полные надеждъ и сомнѣній. Идя по большой улицѣ, мы останавливались у каждаго навѣса и, поднявши носы, завистливо смотрѣли на сани, повѣшенные на балкахъ.

— Вотъ, — говорилъ ктонибудь изъ насъ, — славныя сани, на нихъ мы удобно усѣлись бы всѣ.

— Да, отвѣчалъ ктонибудь другой; но ихъ не втащить на гору, слишкомъ тяжелы, вѣдь они изъ сырого лѣсу.

— Э! замѣчалъ Гансъ Аденъ, кабы дядя Гитцигъ далъ ихъ, ужь какъ нибудь да стащили бы; но онъ скупой, бережетъ сани для себя, какъ-будто сани могутъ изнашиваться.

— Идемте же! кричалъ Францъ Сепель, шедшій впереди.

И вся ватага двигалась. Отъ времени до времени вниманіе обращалось на Спиціона, бѣжавшаго подлѣ меня.

— У тебя славная собака, замѣчалъ Гансъ Аденъ, французская собака; у нихъ шерсть точно у овецъ, и онѣ даютъ себя стричь.

Францъ Сепель утверждать, что видѣлъ въ прошломъ году на ярмаркѣ въ Кайзерлаутернѣ французскую собаку въ очкахъ, умѣвшую считать на барабанѣ до ста. Она тоже умѣла отгадывать разные вещи, и бабушка Анна считала ее колдуньей.

Во время этихъ разговоровъ Спиціонъ останавливался и смотрѣлъ на насъ. Я страшно гордился имъ. Маленькій Карлъ, сынъ ткача, говорилъ, что если собака колдунья, то она можетъ достать намъ сани, но что за это надо въ промѣнъ дать ей душу, а никто изъ насъ не отдастъ ей души.

Такъ ходили мы изъ дому въ домъ. На церковной башнѣ пробило два часа, когда господинъ Рихтеръ проѣхалъ на саняхъ, погоняя свою тощую клячу, похожую на козу.

— Пошла, Шарлота, пошла!

Несчастная скотина ткнулась изъ всей мочи, а господинъ Рихтеръ, противъ обыкновенія, казался очень веселымъ. Проѣзжая мимо дома мясника Сепеля, онъ крикнулъ:

— Добрыя вѣсти, Сепель, добрыя вѣсти!

Онъ щелкнулъ бичомъ, а Гансъ Аденъ сказалъ:

— Господишь Рихтеръ немного подъ хмѣлькомъ; ему вѣрно удалось гдѣ нибудь вынуть на даровщинку.

Всѣ отъ души расхохотались, такъ какъ вся деревня знала, что Рихтеръ скуной.

Мы дошли до конца большой улицы, до дома дѣдушки Адама Шмидта, стараго солдата Фридриха II, получавшаго маленькую пенсию, хватавшую ему на хлѣбъ, табакъ и иногда на водку.

Адамъ Шмидтъ былъ въ семилѣтнюю войну и во всѣ компаніи въ Силезіи и Помераніи. Теперь онъ былъ дряхлымъ старикомъ, и со смерти сестры своей Резель жилъ одинъ въ краю деревни, въ маленькомъ домишкѣ, крытомъ соломой и состоящемъ изъ одной комнаты внизу, одной наверху и одной подъ крышей съ двумя слуховыми окнами. Сбоку у дома былъ тоже навѣсъ, сзади свинарня, а со стороны деревни маленькій садикъ, обнесенный живой изгородью, за которой усердно ухаживалъ дѣдушка Шмидтъ.

Дядя Яковъ любилъ этого стараго солдата; видя, что онъ проходить мимо, дядя стучалъ въ окно и кричалъ ему: «Адамъ, войдите же!»

Старикъ немедля входилъ, зная, что въ шкапу у дяди стоитъ настоящій французскій коньякъ, и что онъ звалъ его выпить рюмочку.

Мы остановились у его дома, и Францъ Сепель, наклонясь черезъ заборъ, сказалъ намъ:

— Взгляните-ка на эти сани. Я увѣренъ, что дѣдушка Шмидтъ дастъ намъ ихъ, если Фрицель смѣло войдетъ, приложитъ руку къ руку старика и скажетъ: «Дѣдушка Адамъ, одолжите намъ ваши сани.» Да я готовъ биться объ закладъ, что онъ дастъ ихъ намъ, — увѣренъ въ этомъ; надо только быть по смѣлѣе.

Я покраснѣлъ какъ ракъ; однимъ глазомъ я смотрѣлъ на сани, а другимъ на крошечное окно, почти вровень съ землею. Товарищи, стоя у угла дома, толкали меня въ плечо, говоря:

— Иди, онъ дастъ тебѣ.

— Не смѣю, шопотомъ говорилъ я имъ.

— Ты трусъ, отвѣчалъ Гансъ Адентъ; будь я на твоёмъ мѣстѣ я сейчасъ вошелъ бы.

— Дайте, я посмотрю въ какомъ онъ расположеніи духа.

Наклонившись къ окну и заглянувъ въ него, я увидѣлъ, что дѣдушка Шмидтъ сидитъ на скамейкѣ передъ плитою очага, гдѣ пылало нѣсколько угольевъ посреди кучи золы. Онъ сидѣлъ слишкомъ къ окну; намъ виднѣлась только его спина, изогнутыя плечи, короткая синяя холщевая куртка, такая короткая, что она даже не доходила до сѣрыхъ толстыхъ холщевыхъ штановъ, блокъ сѣдыхъ

волось, смускавшійся на смину, голубой бумажный колмакъ, съ кисточкой на лбу, большія красныя уши, стоящія торчкомъ, и его большіе деревянныя башманы, которыми онъ упирался въ плитку очага. Онъ куриль изъ глиняной трубки, торчавшей нѣсколько лѣвъ-за его впадой шеи.

Вотъ все, что я увидѣлъ, вмѣстѣ съ сломанными плитами пола, а въ глубинѣ, на лѣво, родъ лавки съ наваленной на нее соломой. Все это не придавало мнѣ мужества; я хотѣлъ ударить, но товарищи толкнули меня въ сѣни, шепча:

— Фрицель... Фрицель... онъ дастъ тебѣ... навѣрно дастъ.

— Нѣтъ.

— Да.

— Я не хочу.

Гансъ Адень отворилъ дверь и я, вмѣстѣ съ Сициономъ, очутился въ комнатѣ; товарищи стояли за мною, наклонившись, выпучивъ глаза и настороживъ уши.

О! какъ хотѣлось мнѣ ударить! Къ несчастью, Францъ Сенель держалъ снаружи дверь полуотворенною, такъ что въ нее могла просунуться только его голова и голова Ганса Адена, стоящаго за нимъ на цыпочкахъ.

Старикъ Шмидтъ обернулся.

— А, это вы, Фрицель! сказалъ онъ, вставая. Что надо?

Онъ отворилъ дверь; вся ватага разлетѣлась, какъ стая птицъ. Я остался одинъ. Старый солдатъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Что же вамъ надо, Фрицель? спросилъ онъ, взявъ съ очага уголь, чтобы закурить трубку.

Потомъ, увидѣвъ Сициона, онъ внимательно посмотрѣлъ на него, пуская большіе клубы дыма.

Я нѣсколько усмехнулся.

— Дѣдушка Шмидтъ, сказалъ я ему, они вонъ котятъ, чтобы я попросилъ у васъ ваши сани скатиться съ Альтенберга.

Старый солдатъ, глядя на собаку, подмигивалъ глазомъ и улыбался. Въмѣсто того, чтобы отвѣтить, онъ почесалъ за ухомъ, приподнял колмакъ и спросилъ меня:

— Это ваша собака, Фрицель?

— Да, дѣдушка Адамъ, это собака женщины, которая у насъ.

— Вотъ что! это, должно быть, солдатская собака, она вѣрно знаетъ службу.

Сиционъ, поднявъ голову, глядѣлъ на насъ, а старикъ Шмидтъ, вынувъ изъ рта трубку, сказалъ:

— Это полковая собака; она походить на старого Мишку, что былъ у насъ въ Силезіи.

Потомъ, поднявъ трубку, онъ вскрикнулъ: «Руки по швамъ!» такимъ громовымъ голосомъ, что хата его задрожала.

Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что Сципионъ сѣлъ на заднія лапы, повѣсилъ переднія и держался какъ солдатъ!

— Ха! ха! ха! вскрикнулъ старый Шмидтъ, я зналъ это!

Товарищи мои вернулись; одни глядѣли въ полурастворенную дверь, другіе въ окно. Сципионъ не трогался, а старикъ Шмидтъ, сдѣлавшись такъ же веселъ, какъ онъ былъ серьезенъ передъ этими, сказалъ ему:

— «Слушай!»

Потомъ, подражая звуку барабана и маршируя сзади на своихъ огромныхъ деревянныхъ башмакахъ, онъ началъ кричать:

— «Маршъ! Трамъ.... та... рарамъ.... там.... там.... Равъ.... два?... разъ.... два!

И Сципионъ ходилъ съ удивительно серьезнымъ видомъ, повѣсивъ на плечи свои длинныя уши и поднявъ хвостъ.

Картина была поразительная, сердце мое билось. Всѣ мальчики казались пораженными удивленіемъ.

— Стой!—вскрикнулъ Шмидтъ; Сципионъ остановился.

Послѣ этого я не думалъ больше о саняхъ; я такъ гордился талантами Сципиона, что хотѣлъ бѣжать домой и закричать дядѣ: «У насъ собака умѣетъ маршировать!» Но Гансъ Адель, Францъ Сепель и остальные, ободренные хорошимъ расположеніемъ стараго солдата, вошли въ комнату и стояли въ восхищеніи, обернувшись спиною къ двери и съ колпаками подъ мышкою.

— На мѣсто! спокойно! сказалъ Шмидтъ.

Сципионъ всталъ на всѣ четыре лапы, тряхнулъ головою и почесалъ лапою спину, какъ бы говоря:—«Ужъ минуты двѣ меня кусаетъ блоха, но во время службы нельзя чесаться!

Видя все это, я онѣмѣлъ отъ радости и не смѣлъ позвать Сципиона, боясь пристыдить его; но онъ самъ скромно подошелъ ко мнѣ, что доставило мнѣ громадное удовольствіе: я считалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ фельдмаршаломъ во главѣ своихъ армій: всѣ окружавшіе завидовали мнѣ.

Старикъ Шмидтъ нѣжно смотрѣлъ на Сципиона; видно было, что онъ напоминалъ ему его хорошее военное время.

— Да, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, это настоящая солдатская собака. Остается узнать, знаетъ ли она политику, такъ какъ многія собаки не знаютъ политики.

Онъ взялъ за дверь палку и, держа ее поперегъ, закричалъ:
— Слушай!

Сципионъ приготовился.

— За республику! крикнулъ старый солдатъ.

Сципионъ перескочилъ, какъ олень, черезъ палку.

— За генерала Гоша!

Сципионъ перескочилъ.

— За пруссаковъ!

Сципионъ съ очень рѣшительнымъ видомъ сѣлъ на заднія лапы, и старикашка началъ тихо улыбаться, прищуривъ глаза и говоря:

— Онъ знаетъ политику.... Хе! хе! хе! Ну-ка.... иди сюда!

Онъ потрепалъ его по головѣ, и Сципионъ казался очень довольнымъ.

— Фрицель, сказалъ мнѣ тогда старикъ Шмидтъ, собака ваша стоитъ вѣса золота; это настоящій солдатскій песъ.

И посмотрѣвъ на насъ, онъ прибавилъ:

— Такъ какъ у васъ превосходная собака, я дамъ вамъ свои сани; но вы должны привезти мнѣ ихъ въ пять часовъ, и смотрите, не сломайте шен!

Онъ вышелъ съ нами и снялъ сани съ балки.

Я разрывался между желаніемъ бѣжать и рассказать дядѣ о необыкновенномъ искусствѣ Сципиона и удовольствіемъ сватиться съ Альтенберга на саняхъ. Но посмотрѣвъ на Ганса Адена, Франца Сепеля и другихъ товарищей, тащившихъ сани, кто спереди, кто сзади, и скакавшихъ, какъ счастливыя, я не могъ противостоять удовольствію побѣжать вмѣстѣ съ ними.

Шмидтъ смотрѣлъ на насъ, стоя въ дверяхъ.

— Смотрите, не упадите! сказалъ онъ намъ еще разъ.

Потомъ онъ вошелъ въ домъ, а мы побѣжали по снѣгу. Сципионъ скакалъ рядомъ съ нами. Предоставляю вамъ судить о нашей радости, нашихъ крикахъ, нашемъ смѣхѣ во время ходьбы на гору. А когда мы взобрались на верхъ, Гансъ Адена усѣлся впереди, ухватившись обѣими руками за изогнутые коньки, остальные сѣли по трое в рядъ; Сципиона помѣстили въ серединѣ; и когда вдругъ сани повалились, качаясь въ колеяхъ и скользя по скатамъ, восторгъ былъ невыразимый!

Только разъ въ жизни бываешь молодъ!

Только-что сани тронулись, Сципионъ скакнулъ черезъ наши головы. Онъ предпочиталъ бѣжать, прыгать, лаять, какъ ребенокъ, валяться въ снѣгу, чѣмъ ѣхать въ саняхъ. Но все это не мѣшало намъ глубоко уважать его за его способности; всякій разъ, какъ мы

поднимались на гору, онъ шелъ подлѣ насъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, и кто бы не обернулся, продолжая тащить сани, всѣмъ говорилъ:

— Какой ты счастливецъ, Фрицель, что у тебя такая собака; Адамъ Шмидтъ говоритъ, что ее купить на вѣсь золота.

— Да, но вѣдь собака не ихъ, кричалъ кто нибудь, она французенкина.

Мысль, что собака принадлежитъ больной, приводила меня въ смущеніе, и я думалъ: «Хоть бы обѣ онѣ остались у насъ!»

Мы скатывались и поднимались до четырехъ часовъ. Когда начало смеркаться, вѣв вспомнили обѣщаніе, данное старику Шмидту. Мы направились къ деревнѣ. Приближаясь къ дому старика, мы увидали его стоящимъ на порогѣ. Онъ издали слышалъ нашъ смѣхъ и разговоръ.

— Ну, вотъ и вы, крикнулъ онъ; никто не ушибелъ?

— Нѣтъ, дѣдушка Шмидтъ.

— Слава Богу!

Онъ повѣсилъ сани подъ навѣсъ, а я, не прощаясь, помчалъ домой, довольный тѣмъ, что могу объявить дядѣ, что у насъ за собака. Эта мысль такъ восхищала меня, что я и не замѣтилъ, какъ прибѣжалъ домой; Сципіонъ бѣжалъ за мной.

— Дядя Львовъ! закричалъ я, отворяя дверь, Сципіонъ умѣетъ маршировать! Дѣдушка Шмидтъ сейчасъ узналъ, что это настоящая солдатская собака; онъ заставилъ ее ходить на заднихъ лапахъ, какъ какого нибудь гренадера, говоря только: «Разъ...два!»

Дядя читалъ за печкой; видя, какъ я взволнованъ, онъ положилъ книгу на уступъ печки и сказалъ мнѣ съ видомъ удивленія:

— Можетъ ли быть, Фрицель? Какъ!... какъ?!...

— Да! воскликнулъ я, онъ знаетъ тоже и политику: прыгаетъ за республику, за генерала Гоша и не хочетъ прыгать за пруссаковъ.

Тутъ дядя началъ хохотать я, взглянувъ на женщину, омерзевшуюся на локоть и тоже улыбающуюся въ альковѣ, серьезно сказалъ ей:

— А вы еще не говорили мнѣ о талантахъ вашей собаки. Правда ли, что Сципіонъ знаетъ столько хорошихъ вещей?

— Правда, господинъ докторъ, сказала она, лаская собаку, подбѣжавшую къ ея постели и съ радостью подставлявшую ей голову; да, онъ все это знаетъ, онъ былъ любимцемъ всего батальона; маленький Жанъ каждый день показывалъ ему что нибудь новенькое. — Не такъ ли, бѣдняжка Сципіонъ? ты игралъ въ шашки, предназначалъ имъ счастье, билъ зорю? Сколько разъ отецъ и оба старшихъ брата на большихъ привалахъ любовались, какъ ты стоишь на параулѣ?

Ты смѣнилъ все наше общество своимъ серьезнымъ видомъ и своими способностями; вокругъ тебя забывали усталость долгаго пути и хохотали отъ души!

Она растрогалась и говорила это кроткимъ голосомъ, но улыбаясь. Сиднионъ положилъ переднія ланъ на край постели и слушалъ похвалы себѣ.

Дядя Яковъ, видя, что эти воспоминанія все болѣе и болѣе растроиваютъ Терезу и могутъ повредить ей, сказалъ мнѣ:

— Очень радъ слышать, Фрицель, что Сиднионъ умѣетъ маршировать и знаетъ политику; ну а ты, что ты дѣлалъ съ обѣда?

— Мы катались въ саняхъ съ Альтенберга, дядя; дѣдушка Адамъ далъ намъ свои сани.

— Все это хорошо. Но всѣ эти происшествія заставляли насъ забыть господина Бюффона и Клопштока; если такъ продлится, Сиднионъ скоро будетъ знать больше тебя.

Послѣ этого онъ всталъ, взялъ въ шкафу *Естественную Историю* Бюффона и, поставивъ свѣчу на столъ, сказалъ мнѣ, улыбаясь на мое постное лицо, такъ какъ я рассказывался, что кришель рано:

— Ну, Фрицель, начнемъ!

Онъ сѣлъ и посадилъ меня къ себѣ на колѣни.

Послѣ восьми свободныхъ дней, мнѣ показалось очень горькимъ возвращаться къ господину Бюффону; но дядя своимъ терпѣньемъ вселялъ и въ меня терпѣнье, и мы начали нашъ французскій урокъ.

Урокъ длился съ часъ, до тѣхъ поръ, какъ Лизбета пришла накрывать на столъ. Тогда, обернувшись, мы увидали, что большая задремала. Дядя закрылъ книгу и задернулъ занавѣски, но Лизбета накрывала.

IX.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, дядя жолча курить за лавкой трубку. Я сушилъ низъ своихъ панталонъ, свѣдя передъ открытыми дверцами печки и положивъ голову Сидниона межъ колѣнъ и смотря, какъ красивый отсветъ пламени отдавался и приближался по полу. Лизбета, по обыкновенію, унесла свѣчу, и мы сѣдѣли въ потьмахъ; огонь бушевалъ, какъ въ большіе морозы, часы медленно стучали, а изъ кухни слышалась, какъ старуха мила тарелки надъ сточной трубой.

Сколько мыслей мелкало тогда у меня въ головѣ! Я думаю те

о мертвомъ солдатѣ въ ригѣ Ребока и чорномъ пѣтухѣ въ слуховомъ окнѣ, то о дѣдушкѣ Шмидтѣ, заставлявшемъ Сципіона маршировать, потомъ объ Альтенбергѣ и о скатываньи нашихъ саней. Все это припоминалось мнѣ какъ сонъ, а посвистываніе огня точно поддгрывало музыку подъ мои воспоминанья, и я чувствовалъ, какъ глаза мои потихоньку закрывались.

Такъ прошло около получасу, какъ вдругъ меня разбудилъ стукъ деревянныхъ башмаковъ по корридору; въ то же время дверь отворилась, и въ комнатѣ раздался веселый голосъ кротолова:

— Снѣгъ, господинъ докторъ, опять снѣгъ началъ идти! теперь на всю ночь!

Кажется, дядя тоже дремалъ, потому что онъ пошевелился только черезъ минуту и отвѣчалъ:

— Что же дѣлать, кротоловъ, теперь такое время; надо этого было ожидать.

Потомъ онъ всталъ и пошелъ въ кухню за огнемъ. Кротоловъ подошелъ въ потьмахъ ко мнѣ.

— Это что? Фринель тутъ! сказалъ онъ.— Да ты еще не спишь?

Дядя вошелъ. Обернувшись, я увидѣлъ кротолова въ зимней одеждѣ, въ старой куньей шапкѣ съ изношеннымъ хвостомъ на спинѣ, въ кафтанѣ изъ козьяго мѣха, шерстью внутрь, въ красномъ жилетѣ, карманы котораго болтались на бедрахъ, въ старыхъ коричневыхъ бархатныхъ штанахъ, заплатанныхъ на колѣняхъ. Онъ улыбался, прищуривая свои маленькіе глазки, и держалъ что-то подъ мышкой.

— Вы пришли слушать газету, кротоловъ? сказалъ дядя. Ее не принесли сегодня, почтальонъ не пришелъ.

— Нѣтъ, господинъ докторъ, нѣтъ, я пришелъ не для газеты.

Онъ положилъ на столъ старую квадратную книгу въ деревянномъ переплетѣ, толщиною по крайней мѣрѣ въ три линіи, и всю покрытую мѣдными бляхами въ видѣ виноградныхъ листьевъ; листья на ней были совершенно грязные и жирные отъ долгаго употребленія, и изъ каждой страницы торчали шнурочки и ниточки, отмѣчавшіе хорошія мѣста.

— Вотъ зачѣмъ я пришелъ! сказалъ кротоловъ; мнѣ не надо новостей; когда мнѣ хочется знать, что творится въ свѣтѣ, я раскрываю и смотрю.

Онъ улыбнулся и показалъ свои длинные, желтые зубы подъ четырьмя волосками усомъ, закрученными въ иголки.

Дядя, не говоря ни слова, пододвинулъ столъ къ печкѣ и сѣлъ въ уголь.

— Да, продолжалъ кротоловъ, тутъ есть все; но надо умѣть понимать... да, понимать,—замѣтилъ онъ задумчиво, указывая на свою голову.—Буквы ничего не значутъ; а духъ... надо понимать духъ.

Сказавъ это, онъ сѣлъ въ кресло, съ какимъ-то благоговѣніемъ положить книгу на свои тощія колѣна и открылъ ее. Дядя не спускалъ съ него глазъ.

— Господинъ докторъ, продолжалъ кротоловъ, я сотни разъ говорилъ вамъ о книгѣ тетки моей Розель изъ Гемминга; сегодня я принесъ ее вамъ, чтобы показать прошедшее, настоящее и будущее. Вы увидите, вы увидите! Все, что случилось въ послѣдніе четыре года, заранѣе было написано; я понималъ это и прежде, но не хотѣлъ говорить, изъ-за этого Рихтера, который смѣялся бы надо мной, такъ какъ онъ дальше своего носа ничего не видитъ. Будущее тутъ тоже показано, но я объясню его только вамъ, господинъ докторъ, вы человѣкъ умный, разсудительный и дальновидный. Вотъ зачѣмъ я пришелъ.

— Послушайте, кротоловъ, сказалъ дядя, я очень хорошо знаю, что въ нашемъ мірѣ много тайнъ, и я не такъ тщеславенъ, чтобы не вѣрить предсказаніямъ и чудесамъ, сообщеннымъ намъ такими серьезными людьми, какъ Моисей, Геродотъ, Фукидидъ, Титъ-Ливій и многіе другіе. Я слишкомъ чту волю Всевышняго, чтобы желать проникнуть тайны, хранимыя его безпредѣльной мудростью; въ вашей книгѣ я желаю бы болѣе увидѣть исполненіе прошедшаго, чѣмъ будущаго. Къ тому же, это будетъ гораздо яснѣе.

— Хорошо, хорошо, вы узнаете все, отвѣчалъ кротоловъ, довольный серьезнымъ видомъ дяди.

Онъ пододвинулъ кресло къ столу, положивъ на край его книгу; потомъ, порывшись въ карманъ, онъ вытащилъ старыя мѣдные очки, и надѣлъ ихъ на носъ, что придавало ему дѣйствительно странный видъ.

Можно представить себѣ мое вниманіе: я тоже придвинулся къ столу, положилъ на него локти, подперъ руками подбородокъ и смотрѣлъ, притаивъ дыханіе и выпучивъ глаза.

Эта сцена всегда будетъ мнѣ живо представляться: мертвая тишина въ комнатѣ, стукъ часовъ, шорохъ огня, свѣчка, стоящая посреди насъ и освѣщающая, какъ звѣзда, напротивъ меня дядя, сидящій въ темномъ углу, Сципіонъ у ногъ моихъ, и кротоловъ, нагнувшись надъ книгой предсказаній, за нимъ маленькія черныя окошечки, въ которыхъ виднѣется на темномъ фонѣ падающій снѣгъ; все это живо мнѣ представляется, и мнѣ даже кажется, что я еще слышу

голосъ и бѣднаго старика кротолова, и добраго дяди Якова, такъ давно уже соединенныхъ въ могилу.

Это была страшная сцена.

— Какъ, кротоловъ, сказалъ дядя, вамъ нужны очки, въ ваши годы? А я думалъ, что у васъ превосходное зрѣнiе.

— Мнѣ не надо очковъ для чтенiя вещей обыкновенныхъ, ни для того, чтобы смотрѣть на улицы, отвѣчалъ кротоловъ, — у меня хорошия глаза, и весною я вижу отсюда на Альтепбергъ всѣ тучки гнѣзда на деревьяхъ; но очки эти тетя моей Розель изъ Геминга, и ихъ надо надѣвать, чтобы читать эту книгу. Иногда они мнѣ мѣшаютъ, но я читаю или сверху, или изъ-подъ нихъ главное, чтобы они были надѣты.

— А, это другое дѣло, совершенно другое дѣло, серьезно замѣтилъ дядя.

У него было слишкомъ доброе сердце, чтобы выказать удивленiе кротолову.

И кротоловъ началъ читать.

«Годъ 1793. — Трава посохла и цвѣтъ опалъ, ибо на нихъ вѣлль вѣтеръ. Это значитъ, что зима: трава посохла, потому что на нее дулъ вѣтеръ!

Дядя кивнулъ головой, а кротоловъ продолжалъ:

— «Острова видѣли и ихъ обуялъ страхъ; края земли были испуганы; они соединились и пришли.» Видите, — господа нашъ докторъ, тутъ говорится, что Англія и даже острова, находящiеся далѣе въ морѣ, испугались республиканцевъ. — «Они соединились и пришли!» Всѣмъ извѣстно, что англичане высадились въ Бельгiю, чтобы воевать съ французами. Но слушайте дальше: «Въ это время, предводители народовъ будутъ какъ огонь посреди лѣса, какъ факель посреди сноповъ; они будутъ пожирать на право и на лѣво — всѣ страны.»

Тутъ кротоловъ съ важнымъ видомъ поднялъ палецъ и сказалъ:

— «Эти короли и императоры, двигающiеся посреди своихъ армій и пожирающiе все въ странахъ, черезъ вторыхъ проходятъ. Мы, къ несчастью, по опыту знаемъ эти вещи; наша бѣдная деревня долго этого не забудетъ.»

И такъ какъ дядя не отвѣчалъ, онъ продолжалъ:

— «Въ такое время, — горе пастырю ничтожества, который броситъ свое стадо; мечъ выпадетъ изъ руки его и онъ ослѣбитъ правыхъ окошъ.» Эти слова указываютъ намъ на Майенскаго епископа, бѣжавшаго въ прошломъ году съ своей кормилицей и пятью любовницами, при приближеніи генерала Кюстина. Онъ былъ чисто

пастыремъ ничтожества и срамите всю страну: у него выскоча рука и ослѣпъ правый глазъ.

— Не вспоминайте, протоловъ, возразилъ дядя, — опискомъ же одинъ такъ велъ себя; въ Германіи, Франціи и Италіи было много подобныхъ негодяевъ.

— Тѣмъ болѣе, господинъ докторъ, отвѣчалъ протоловъ, въ книгѣ говорится о всѣхъ на землѣ, «ибо, — продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на страницу, — ибо въ то время, говоритъ Всевышній, я уничтожаю на землѣ лжепророковъ, чудодѣевъ и духа порочности.» Что же это можетъ означать, докторъ Яковъ, какъ не людей, безпрестанно говорящихъ о любви къ ближнему, чтобы вытаснуть у насъ деньги, ни во что невѣрящихъ, а намъ грозившихъ адомъ, облачающихся въ пурпуръ и золото и иронизующихъ намъ о человеколюбіи, говорящихъ: «Оставь все свое и иди за Христомъ!» и наклоняющихъ богатства въ своихъ дворцахъ и монастыряхъ, людей, толкующихъ намъ о вѣрѣ и смѣющихся намъ дураками, слушающими ихъ?... Развѣ это не духъ порочности?

— Да, сказалъ дядя, это отвратительно.

— Ну, вотъ для нихъ-то и для всѣхъ дурныхъ пастырей эти вещи и написаны, сказалъ протоловъ.

— Онъ продолжалъ:

— «Въ это время въ горахъ послышится шумъ волны, какъ будто встаетъ великій народъ, шумъ собравшагося народа. Сосѣдніе народы будутъ слушать, и сердце человѣческое смилостивится. Гордые погнубутъ, міръ будетъ страдать, какъ женщина въ родахъ, добрые будутъ глядѣть другъ на друга съ пылающими лицами, они въ первый разъ услышатъ рѣчь о великихъ дѣлахъ, узнаютъ, что передъ Всевышнимъ всѣ равны, что всѣ рождены для правды, какъ деревья въ лѣсу для свѣта!»

— И это действительно написано, протоловъ? спросилъ дядя.

— Езгляните сами, отвѣчалъ протоловъ, передавая ему книгу.

Дядя началъ глядѣть въ смущеніи.

— Да, написано, тихо замѣтилъ онъ, написано! Ахъ! еслибъ Господь совершилъ въ наше время такія великія дѣла! еслибъ онъ порадовалъ сердца наши подобнымъ явленіемъ!

Онъ вдругъ остановился, точно пораженный своимъ энтузіазмомъ:

— Возможно ли, чтобы я въ мои года такъ волновался! Я ребенокъ, чистый ребенокъ.

Онъ отдалъ книгу протолову, который, улыбаясь, сказалъ:

— Я вижу, господинъ докторъ, что это мѣсто вы понимаете такъ

же, какъ и я: шумъ встающаго великаго народа и есть Франція, провозглашающая права человѣка.

— Какъ? вы думаете, что это относится къ французской революціи? спросилъ дядя.

— А то къ чему же? замѣтилъ кротоловъ; это ясно, какъ день.

Потомъ, надѣвъ опять очки, которые онъ снялъ, онъ прочелъ:

— Въ семьдесятъ недѣль можно совершить грѣхъ, искупить несправедливость и вызвать правосудіе вѣковъ. Послѣ этого люди бросятъ серебряныхъ идоловъ кротамъ и летучимъ мышамъ. И многіе народы скажутъ: «Передѣлаемъ шпаги на вилы, и алебарды на рѣзакі.»

Въ этомъ мѣстѣ кротоловъ, положивъ оба локтя на книгу, сталъ почесывать бороду, поднявъ носъ къ верху и, казалось, глубоко размышлялъ. Я не спускалъ съ него глазъ; мнѣ казалось, что въ тѣни, вокругъ насъ, происходятъ странныя вещи, движется невѣдомый міръ; слабый трескъ огня и вздохи Сципіона, уснувшаго подлѣ меня, представлялись мнѣ отдаленными голосами, даже молчаніе безпокойно меня.

Дядя Яковъ, казалось, возвратился къ обычному спокойствію. Онъ положилъ свою большую трубку, поднесъ къ ней свернутую бумажку и сталъ раскуривать ее, сильно затянувшись раза два-три и медленно выпуская дымъ. Онъ закрылъ крышку, вздохнулъ и растянулся на креслѣ.

— «Люди бросятъ серебряныхъ идоловъ», продолжалъ кротоловъ, это значитъ ихъ эку, флорины и всякія монеты. «Они бросятъ ихъ кротамъ» — значитъ слѣпымъ, такъ какъ вамъ извѣстно, господинъ докторъ, что кроты слѣпы; несчастные слѣпые, какъ дѣдушка Гарихъ, настоящіе кроты; среди бѣлаго дня они ходятъ въ потьмахъ, какъ-будто подъ землю. И такъ, люди этого времени отдадутъ свои деньги слѣпымъ и летучимъ мышамъ. Подъ летучими мышами подразумѣваются старья, престарья старухи, которыя не могутъ болѣе работать, лысыя и сидящія около печей, какъ Христина Бэмъ, которую вы знаете такъ же хорошо, какъ и я. Эта несчастная Христина такъ худа, у ней такъ мало волосъ, что всякій, глядя на нее думаетъ: «это летучая мышь.»

— Да, да, да! какимъ-то страннымъ тономъ говорилъ дядя, тихо качая головой, ясно, кротоловъ, совершенно ясно. Теперь я понимаю вашу книгу, — прелестная книга!

— И такъ, люди отдадутъ свои деньги слѣпымъ и несчастнымъ старухамъ по чувству благотворительности, продолжалъ кротоловъ, и этимъ положится конецъ бѣдствіямъ сего міра; бѣдныхъ больше

не будетъ. «Въ семьдесятъ недѣль,» тутъ подразумѣвается недѣля не изъ дней, а изъ мѣсяцевъ, и «они передѣлають шпаги свои въ вилы, чтобы обрабатывать землю и жить въ мирѣ.»

Это объясненіе кротовъ и летучихъ мышей до того меня поразило, что я такъ и замеръ, выпучивъ глаза и воображая, что это странное превращеніе совершается въ углу, гдѣ сидитъ дядя. Далѣе я не слушалъ; голосъ кротолова продолжалъ еще свое однообразное чтеніе, какъ дверь снова отворилась. Морозъ пробралъ меня по кожѣ, и я испугался бы не больше, если бы въ комнату вошли подъ руку старшій, слѣпой Гарихъ и старуха Христина, въ ихъ новомъ видѣ. Я обернулся, разинувъ ротъ, и вздохнулъ свободнѣе, въ комнату вошелъ другъ нашъ, Коффель; я два раза взглянулъ на него и только тогда узналъ его, такъ сильно овладѣли мною мысли о летучихъ мышахъ и кротахъ.

На Коффелѣ была его старая, сѣрая зимняя вязанная одежда, суконная шапка, нахлобученная до спины, и большіе стоптанные башмаки, на старыхъ носкахъ, которые онъ надѣвалъ, когда выходилъ со двора; онъ стоялъ, согнувъ колѣни и засунувъ руки въ карманы, какъ человѣкъ продрогнувшій; его совсѣмъ засыпало снѣгомъ.

— Здравствуйте, господинъ докторъ, началъ онъ, стряхивая въ сѣняхъ шапку; я прихожу поздно, меня много народу останавливалю по дорогѣ; въ «Красномъ Быкѣ» и въ «Золотой Кружкѣ.»

— Войдите, Коффель, сказалъ ему дядя. Хорошо ли вы заперли дверь въ сѣни?

— Да, докторъ Яковъ, не безпокойтесь.

Онъ вошелъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Сегодня нѣтъ газеты?

— Нѣтъ, да намъ ее и не надо, отвѣчалъ дядя какимъ-то добродушнымъ, но комичнымъ голосомъ, у насъ книга кротолова, въ которой говорится о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

— А говорятъ ли она о нашей побѣдѣ? спросилъ Коффель, подходя къ гечѣ.

Дядя и кротоловъ съ удивленьемъ взглянули другъ на друга.

— О какой побѣдѣ? спросилъ кротоловъ.

— Да о той, что была третьяго дня въ Кайзерлаутернѣ. Во всей деревнѣ только объ этомъ и говорятъ; Рихтеръ, господинъ Рихтеръ пріѣхалъ оттуда часа два назадъ и привезъ эту новость. Въ «Золотой Кружкѣ» осушили бутылку пятьдесятъ въ честь пруссаковъ; республиканцы совершенно разбиты.

Только что онъ произнесъ слово республиканцы, какъ мы взглянули на альковъ, вспомнивъ, что тамъ французенка и что она насъ

слушается. Это насъ огорчило, потому что она бывъ женщина хорошая, и мы боялись, что такая новость сильно оперчитъ ее. Дядя поднялъ руку, нечаявъ головой съ видомъ сожалѣнiя; потомъ онъ потихоньку всталъ и подмалъ занавѣски чтобы посмотрѣть спитъ ли больная.

— Это вы, господинъ докторъ? тотчасъ же сказала она: — я нѣмъ часть слушаю предсказанiя кротолова; я все слышала.

— Э! мадамъ Тереза, сказала дядя, это невѣрные слухи.

— Не думаю, господинъ докторъ. Если третьяго дня было сраженiе въ Кайзерлаутершъ,—мы были побиты, а иначе французы сейчасъ вошли бы на Ландау, чтобы заставить непрiятеля снять съ него осаду и отрѣзать австрiйцамъ возможность отступленiя; правое крыло ихъ прошло бы черезъ деревню.

Потомъ, возвысивъ голосъ, она сказала:

— Господинъ Коффель, не расскажете ли вы мнѣ подробности, какiя знаете?

Изъ всѣхъ давно прошедшихъ сценъ эта всего болѣе запечатлѣлась въ моей памяти, такъ какъ въ эту ночь мы узнали, какую женщину спасли, и поняли, что за раса эти французы, возставше поголовно чтобы преобразовать мiръ.

Кротоловъ взялъ со стола свѣчку, и мы всѣ вошли въ альковъ. Я сталъ въ ногахъ у постели, Сципионъ прижался къ ногамъ, молча смотря; я въ первый разъ замѣтилъ, что мадамъ Тереза такъ похудѣла и стала походить на мужчину: ея длинное, костлявое лицо, съ прямымъ носомъ, впавшими глазами и торчащимъ подбородкомъ, опиралось на сухую и смуглую руку, выходящую до локтя изъ модъ толстой Лизветиной рубашки; красный шолковый платокъ, завязанный на лбу, падалъ на костлявую спину; великолѣпныхъ волосъ не было видно, а за ушами, въ которыхъ были продѣты два большихъ золотыхъ кольца, торчало только нѣсколько волосковъ. Вниманiе мое прилевать всего болѣе, висѣвшiй у нея довольно нѣзко на шеѣ медальонъ красной мѣди, изображавшiй голову молодой дѣвушки съ шляпою, надѣтою въ видѣ каски; этотъ образокъ привлекъ мое вниманiе, и впоследствии я узналъ, что это изображенiе республики. тогда же воображалъ, что это Божья Матерь французовъ.

Когда Коффель поднялъ за нами свѣчку, весь альковъ освѣтился, и мадамъ Тереза показалась мнѣ больше обыкновеннаго, ноги ея встали подъ одѣялокъ конца постели. Я никогда прежде не замѣчалъ этихъ вещей, поразившихъ меня тогда. Она смотрѣла на Коффеля, неспускавшаго глазъ съ дяди Якова, какъ бы опираясь у него, что дѣлать:

— Это слухи, распространившіеся въ городѣ, сказалъ онъ съ за-
мѣшательствомъ; этому Рихтеру ни на грошъ нельзя вѣрить.

— Все равно, господинъ Коффель, разскажите мнѣ, сказала она,
господинъ докторъ позволяетъ. Не правда ли, господинъ докторъ,
вы позволите?

— Конечно, съ сожалѣніемъ сказалъ дядя.—Но не надо вѣрить
всему, что говорятъ.

— Нѣтъ... я знаю, что преувеличиваютъ; но лучше знать дѣло
какъ оно есть, чѣмъ беспокоить себя разными мыслями; это менѣе
мучительно.

Коффель началъ разсказывать, что два дня тому назадъ фран-
цузы осадили Кайзерлаутеръ и что они отчаянно дрались съ семи
часовъ утра до самой ночи, чтобы пробиться черезъ насѣпь; что
пруссакъ тысячами убивали ихъ, что во рвахъ, на горѣ, вдоль до-
рогъ и въ Лаутерѣ только и были видны тѣла убитыхъ, что фран-
цузы бросили все: пушки, зарядные ящики, ружья, патронташи, что
ихъ были всюду и что Брунсвийская кавалерія, посланная въ по-
гоню, кучами хватала ихъ въ плѣнъ.

Подпревъ подбородокъ рукою, устремивъ глаза въ уголъ алькова
и сжавъ губы, Тереза не говорила ни слова. Она слушала, и когда
Коффель иногда останавливался—такъ какъ ему было очень больно
разсказывать подобныя вещи при этой бѣдной женщинѣ, она—
вглядывая на него очень спокойно, и онъ продолжалъ, говоря: «го-
ворять еще и то, и это, но я не вѣрю этому».

Наконецъ онъ замолчалъ; въ продолженіи нѣсколькихъ ми-
нутъ мадамъ Тереза о чемъ-то думала. Потомъ, когда дядя сказалъ:
«Все это только слухи.... Ничего положительнаго неизвѣстно.... Вы
напрасно будете отчаяваться, мадамъ Тереза»,—она слегка припод-
нялась, чтобъ опереться на спинку кровати, и совершенно спокойно
сказала намъ:

— Выслушайте, мы очевидно были мобиты. Но не думайте, госпо-
динъ докторъ, что это приводитъ меня въ отчаянье;—нѣсколько; дѣ-
ло, которое вамъ кажется важнымъ, я считаю пустяками. Я видѣла,
какъ тотъ же самый Бруновикъ вторгнулся въ Шампаню, во главѣ
ста тысячъ человекъ, распространялъ прокламаціи, лишеныя вся-
каго здраваго смысла, грозилъ Франціи и потомъ отступилъ къ
самой Пруссіи передъ мужиками въ деревянныхъ башмакахъ. Отецъ
мой—бѣдный школьный учитель, сдѣлавшійся начальникомъ бата-
льона,—братья мой—бѣдные ремесленники, назначенные капита-
нами за ихъ храбрость,—и сзади ихъ я съ маленькимъ Жаномъ въ те-
лѣжкѣ, мы выпроводили его послѣ битвы подъ Аргонскими ущельями

и при Вальми. Не думайте, что подобныя вещи пугаютъ меня. Насъ не одна, не двѣ сотни тысячъ, насъ шесть милліоновъ мужиковъ, которые хотятъ сами ѣсть хлѣбъ, выработанный тяжкимъ трудомъ. Это справедливо, и съ нами Богъ.

Говоря, она одушевилась и протянула свою худую руку кротолову; дядя и Коффель смотрѣли съ удивленіемъ.

— Насъ не могутъ ослабить ни одна неудача, ни двадцать, ни сто продолжала она: когда одинъ изъ насъ падаетъ, десять другихъ уже встаютъ. Мы идемъ не за когонибудь, а идемъ за уничтоженіе различныхъ привиллегій, за свободу, за правосудіе, за права человѣка! Чтобы побѣдить насъ, надо уничтожить насъ до послѣдняго человѣка, замѣтила она, странно улыбаясь, а это не такъ легко, какъ думаютъ.

Послѣ этого она опять легла, а дядя Яковъ, пораженный справедливостью ея словъ, оставался нѣсколько минутъ безмолвнымъ.

Кротоловъ и Коффель молча смотрѣли другъ на друга; видно было, что разсужденія француженки поразили ихъ и что они думали: «эта женщина права!»

Только черезъ минуту дядя сказалъ:

— Успокойтесь, мадамъ Тереза, успокойтесь, все пойдетъ хорошо, о многомъ мы одного съ вами мнѣнія, и если бы отъ меня зависѣло, мы жили бы съ вами мирно.

— Да, господинъ докторъ, отвѣчала она, я это знаю, потому что вы человѣкъ справедливый, а мы только и хотимъ справедливости.

— Постарайтесь забыть все это, опять сказалъ дядя Яковъ, — для вашего здоровья вамъ теперь надо только спокойствіе.

— Постараюсь, господинъ докторъ.

Мы вышли изъ алькова, и дядя, задумчиво глядя на насъ, сказалъ:

— Скоро десять часовъ, пора спать.

Онъ проводилъ на улицу кротолова и Коффеля и, по обыкновенію, заперъ дверь на задвижку. Я уже поднимался на лѣстницу.

Въ эту ночь я долго слышалъ, какъ дядя ходилъ по комнатамъ; онъ ходилъ взадъ и впередъ тихо и твердо, какъ человѣкъ, размышлявшій о чемъ-то. Наконецъ все стихло, и я уснулъ.

ЧУЖІЕ МЕЖЪ СВОИМИ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЙ ОЦѢРКЪ.

I.

Въ воскресенье на хуторѣ у старика Дымова собрались гости. Говорю объ этомъ собственно для того, чтобы рассказать, — что за люди дѣйствующія лица моей повѣсти, такъ какъ они почти всѣ собрались здѣсь.

Самъ старикъ Дымовъ былъ добрый, чудачествующій, даже пѣсколько страдающій мозгами старикъ, который, немного лѣтъ назадъ, выйдя въ отставку съ чиномъ полковника, посвятилъ свои знанія и силы торговлѣ. Лѣтъ десять тому назадъ, Дымовъ имѣлъ случай посѣтить Туркестанъ, Хиву и Бухару, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ предприимчивый, то здѣсь у него внезапно возникла гениальная мысль о возможности завоеванія Азіи торговымъ путемъ. Напечаталъ онъ объ этомъ предметѣ проэктъ, хлопоталъ объ устройствѣ торговаго товарищества, но ничего изъ этого грандіознаго предпріятія не вышло, ибо Дымовъ былъ изобрѣтателемъ гениальнымъ, но ничимъ и непрактическимъ. — Гениальные, но нищіе и непрактическіе изобрѣтатели обыкновенно пли сходятъ съ ума или умираютъ голодною смертію, что очень понятно, такъ какъ они, хотя и заботятся о благоденствіи человѣчества, но не имѣютъ силъ и средствъ для собственнаго своего прокормленія. Съ голоду Дымовъ не умеръ потому только, что былъ заслуженный и израненный штабъ-офицеръ русской арміи, склонялся уже къ старости и въ наслѣдственномъ хуторѣ имѣлъ двухъ взрослыхъ дочерей; а что касается до съумасшествія, то оно въ старикѣ продолжало развиваться, хотя тихо и незамѣтно — по старчески.

Къ съумасшествію старикъ имѣлъ свои резоны. Явилась и окрѣпла въ немъ грандіозная мысль о завоеваніи торговымъ путемъ Азіи,—мысль эта не перешла въ дѣло, а такъ и осталась въ головѣ до болѣе благоприятнаго времени, — и ждалъ этого времени бѣдный старикъ, находя несказанное удовольствіе возбуждать и разрабатывать свою несчастную мысль. Устроилъ онъ, съ помощью богатаго сослуживца, неразсчетливо ввѣрившаго ему свои капиталы,—пароходное общество; но общество несло только громадныя убытки, а Дымовъ по прежнему мечталъ о завоеваніи Азіи. Съдиной покрылась уже голова Дымова; порой ныли и раскрывались старыя раны, что случалось больше осенью; и вотъ, въ какой нибудь дождливый, туманный вечеръ, лежитъ старикъ изнуренный и блѣдный на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, курить изъ длиннаго чубука азіатскій табакъ и съ глубокой тоской вспоминаетъ пустыни Хивы, караваны, бредущіе по этой пустынѣ, рѣдкія, безмолвныя рѣки... а между тѣмъ, несчастный проэктъ съ осязательною ясностью возникаетъ передъ нимъ и мучитъ бѣдную стариковскую голову... У него, я сказалъ, было двѣ дочери. Старшую звали Варварой Борисовной, а младшую—Александрой Борисовной, и жизнь этой-то младшей дочери Дымова хочу я рассказать между прочимъ.

Воспитаніе наше извѣстно. Съ самаго дѣтства скрываютъ отъ насъ жизнь въ ея настоящемъ свѣтѣ, не только скрываютъ, но нарочно даже представляютъ ее въ уродливомъ видѣ. Большая часть людей сживается съ этой уродливостью и, по силѣ привычки, считаетъ ее совершенно нормальною жизнью... Но есть и такіе люди, которые не сживаются съ уродливостью, организмъ которыхъ требуетъ воздуха не зараженнаго, а чистаго, пища не гнилой, отягощающей только желудокъ, а свѣжей и дѣйствительно питательной. Такіе люди не очень часто встрѣчаются, но бывають,—и имъ приходится работать самимъ, потому что ближніе ихъ свѣжаго ничего не имѣютъ и не вѣдаютъ. Начнутъ они сами работать, —и съ перваго же шагу оказывается, что жизни они вовсе не знаютъ, силы ихъ или уничтожены, или неравиты, и потому конецъ этихъ людей болѣею частью очень печаленъ.

Александра Борисовна родилась на хуторѣ. Организмъ ея скоро и легко привыкъ къ жизни на божьемъ свѣтѣ, потому что въ томъ краѣ, гдѣ живетъ она, нѣтъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду, отъ влажности къ сухости,—въ комна-тахъ хутора не стоялъ или колодъ, или удушающій, угарный жаръ, какъ въ жилищахъ бѣдняковъ, не было грязи и всякихъ мязмовъ. Дѣти бѣдняковъ могли умирать сколько угодно, по-павъ прямо изъ утробы матери въ обстановку своихъ роди-телей, въ которой недолго живутъ и взрослые,—а Сашѣ не изъ чего было умереть или много болѣть.

Затѣмъ она стала развиваться. Мать ея была женщина здоровая и сама кормила дѣтей, — значить, и въ отношеніи пищи не послѣдовало особенно рѣзкаго перехода. Саша бы-стро росла и крѣпла, тѣмъ болѣе, что жизнь давала много дѣятельности младенческимъ органамъ. Хочешь не хочешь, а смотри и слушай, а затѣмъ мозги сами станутъ работать. Уху же и глазу ребенка много задавалось работы... Шумѣлъ по-стоянно лѣсъ на разные тоны и голоса; вечеромъ стаями съ крикомъ летѣли въ лѣсъ птицы; за лѣсомъ на рѣкѣ пѣлись часто пѣсни; по дорогѣ, мимо хутора, ѣздили крестьяне, дребезжа-ли телѣги, ржали лошади; кругомъ цестрѣли цвѣты; ночью становились видны звѣзды и дрожаньемъ своимъ привлекали къ себѣ глаза ребенка; а отъ нихъ переходилъ глазъ къ облакамъ, мѣсяцу, млечному пути... Каждый предметъ и звукъ передавался мозгу и запоминался въ немъ. Сначала должны были быть одни только отдѣльныя впечатлѣнія отдѣльныхъ предметовъ и звуковъ; а потомъ видѣлъ ребенокъ, что каж-дый день утромъ блеститъ роса на растеньяхъ, свѣжо и про-хладно, потомъ жарко бываетъ, душно, точно пылъ носится въ воздухѣ; затѣмъ опять холодѣетъ, ложатся длинные тѣни, закатывается солнце и мало по малу становятся опять видны звѣзды; видитъ онъ все это много разъ, вѣчно въ одномъ и томъ же порядкѣ, и составляется у него понятіе о ходѣ дня. Видѣла Саша, что спать ли она хочетъ, ѣсть ли хо-четъ, голова ли у нея болитъ, — вѣчно ухаживаетъ за ней, жаскаетъ ее, поетъ ей пѣсни добрая женщина, которая учитъ Сашу произносить слово «мать», — и вотъ съ фигурой этой женщины, съ ея голосомъ и словомъ «мать» связывается у Сашки понятіе о существѣ, которое всегда готово утѣшить ее,

приласкать и помочь ей. Такъ-то узнавала понемногу Саша и ходъ времени, и значеніе окружающихъ ее предметовъ, и отношенія свои къ тѣмъ лицамъ, которыя жили вокругъ нея; опытомъ узнала она, что кошка царапается, а огонь жжется, и много еще она узнала; но еще больше оставалось явленій, которыя не могли войти въ обыкновенный ходъ ея жизни. Лѣсъ обыкновенно такъ тихо шумитъ, какъ-будто убаюкивается, — а вдругъ иногда пойдетъ въ немъ трескъ, свистъ и стоны, деревья качаются, листья летять по воздуху, — и смотритъ Саша съ страхомъ и недоумѣньемъ на лѣсъ. Небо обыкновенно ясно и чисто, идутъ по немъ красивыя облака, а иногда оно почернѣетъ, сдѣлается темно, блеститъ молнія — и опять страшно Сашѣ и въ недоумѣннн смотритъ она на небо...

Видѣла Саша, что каждый вечеръ птицы стаями летять въ лѣсъ, и захотѣлось ей узнать, что они тамъ дѣлаютъ? Вечеромъ, когда слетѣлись птицы съ полей, вышла Саша на дворъ, въ поле и пошла въ лѣсъ. Увидѣла она тамъ своими зоркими глазами, что на деревьяхъ въ лѣсу у птицъ есть свои дома, и поняла, что утромъ птицы вылетаютъ въ поля за кормомъ, а къ ночи опять слетаются въ свои гнѣзда, спать. Узнала Саша что такое птицы и полюбила ихъ.

Изъ лѣса пошла она мимо хутора по дорогѣ, идущей черезъ лѣсъ. Куда ведетъ эта дорога — Саша не знала, но хотѣлось ей узнать. И вотъ прошла она съ четверть версты по дорогѣ; лѣсъ кончился, и увидѣлъ ребенокъ внизу, въ покатыхъ берегахъ, широкую, свѣтлую рѣку. Солнце закатилось уже и рѣка блестѣла ровнымъ, одинаковымъ блескомъ на всемъ видимомъ длинномъ протяженіи; на берегу пестрѣли цвѣты; тихо шумѣла трава и всплески воды, взбѣгавшіе на берегъ. Въ первый разъ была Саша около рѣки, и глубоко было ея впечатлѣніе. Не въ красотахъ и не въ поэзіи было дѣло, а въ самомъ организмѣ. Грудь дышала въ высшей степени чистымъ воздухомъ, кровь обращалась ровнѣе, слухъ не поражался ни однимъ рѣзкимъ, ненормальнымъ звукомъ, зрѣнію не представлялось никакихъ быстрыхъ, лишенныхъ связи явленій. Глубокое спокойствіе и наслажденье было въ организмѣ ребенка.

Не мудрено, что послѣ этого Саша часто убѣгала къ рѣкѣ, играла на берегу, бѣгала, потомъ засыпала на травѣ, и слав-

но ей спалось въ здоровомъ воздухѣ. Хорошо живетъ на испорченному организму въ испорченной обстановкѣ!

И дѣлалъ здоровый организмъ Саша все, что онъ можетъ самъ по себѣ сдѣлать. А могъ онъ сдѣлать много: могъ усвоить все, кромѣ тѣхъ знаній, для которыхъ нужны вспомогательныя средства науки — микроскопы, телескопы, реторты и т. д. — и кромѣ того еще, для разъясненія чего нужно много фактовъ и данныхъ, какъ напр. для разъясненія дѣйствій обружающихъ Сашу людей, — а фактовъ Саша успѣла набрать еще очень немного. Жизнь мало по малу будетъ ей давать эти факты: факты будутъ производить впечатлѣнія, а впечатлѣнія создадутъ понятія. Значить, нужны ребенку только факты, а понятія создадутся сами и будутъ, конечно, вѣрнѣе понятій взрослыхъ людей, потому что организмъ ребенка не изувѣченъ, не свылся со всякими ненормальными положеніями, и поэтому они не покажутся ему обыкновенными. Гнилой воздухъ не покажется здоровому ребенку хорошимъ, потому что здоровыя легкія не свылись съ этимъ воздухомъ, и дышать ему будетъ тяжело. Значить, нужны ребенку только факты, и главное — факты, неприкрытые никакими покрывалами, незатѣвиненные никакими убѣжденіями большихъ людей, которые свылись въ всякихъ миазмахъ и воображаютъ, что дышать чистымъ воздухомъ, какой и нуженъ для человѣка. Свыкнется, пожалуй, съ этими миазмами и ребенокъ, и ему они будутъ казаться хорошимъ воздухомъ; но много страданій придется потомъ вынести ему въ теченіи жизни и на много лѣтъ сократится эта жизнь.

Пришла и для Саша нужда въ фактахъ и объясненіи ихъ. Гроза, громъ, молнія, буря въ лѣсу и на рѣкѣ дѣлали на нее сильное впечатлѣніе, но не нашлось въ ея памяти ни одного факта, въ которомъ бы она могла угадать причину этихъ явленій. Саша спросила у взрослыхъ людей: отчего лѣсъ шумитъ? отчего громъ? отчего молнія?.. Въ отвѣтъ на это слышала она, между прочимъ, рассказы о лѣшнихъ, о русалкахъ, о водяныхъ и проч. Страшенъ сталъ Сашѣ, послѣ такихъ рассказовъ, тѣнистый, прохладный и полный жизни лѣсъ; стала она боязливо смотрѣть на рѣку, около которой было ей такъ отрадно и легко; начала со страхомъ смотрѣть на небо, на которое смотрѣла прежде спокойно и весело. Много она уже испытала хорошаго

въ жизни и многое изъ этого хорошаго разомъ отняли у ней большіе люди.

Росла Сапа.

Работа доставляла ей наслажденье, поэтому она по цѣлымъ часамъ возилась въ саду, строила себѣ изъ досокъ домъ, пыталась сдѣлать сама столъ и стулья, но мало по малу отняли у ней и это наслажденье, подѣ тѣмъ предлогомъ, что она ужъ большая и шалить ей не надо.

Любила она смотрѣть въ саду, какъ развиваются цвѣты, какъ живутъ бабочки, муравьи, жуки; думала о томъ, какъ измѣняется все въ саду, на дорогѣ и въ полѣ послѣ дождя, въ лѣсу, и старалась угадать причину этихъ перемѣнъ и самый смыслъ ихъ. Разъ какъ-то, послѣ сильнаго дождя, она почувствовала, что ей дышется такъ же легко, какъ бывало дышалось около рѣки, растенія на берегу такъ же свѣжи, какъ здѣсь, послѣ дождя, и готово уже было у ней составиться самостоятельное понятіе, — но не составилось... Много силъ отняли у Саши большіе люди.

Затѣмъ отдали ее въ пансіонъ и окончательно отдѣлили отъ живой жизни. Изъ школы она не вынесла ничего пригоднаго въ жизни. вмѣсто понятія о живомъ организмѣ, она вынесла нѣсколько зоологическихъ названій, вмѣсто знанія земли, воздуха и всей неорганической природы, вынесла нѣсколько географическихъ терминовъ, а вмѣсто пониманія человѣческихъ отношеній, — нѣсколько десятковъ именъ давно стившихъ людей.

II.

Изъ другихъ лицъ, бывшихъ въ воскресенье на хуторѣ Дымова, я прежде всего расскажу о Братановѣ, потому во-первыхъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на жизненный путь Александры Борисовны, во-вторыхъ потому, что и самъ по себѣ Братановъ былъ человѣкъ оригинальный и замѣчательный. Человѣкъ этотъ былъ молодой и здоровый, съ широкими плечами и широкимъ лбомъ, размѣрами котораго можно объяснить его совершенное равнодушіе къ красивымъ выраженіямъ, поэтическимъ картинамъ, возвышеннымъ мыслямъ и къ заявленіямъ о разныхъ убѣжденіяхъ.

— Мнѣ, говорилъ онъ, до убѣжденій вашихъ нѣтъ никакого дѣла, а съ дѣйствіями вашими, пожалуй, познакомлюсь.

Вообще Братановъ въ выраженіяхъ былъ грубъ, потому отчасти, что былъ поповскій сынъ, обучался въ семинаріи, а выйдя оттуда, скоро убѣдился, что въ отношеніяхъ съ людьми не стоитъ особенно церемониться и для всякой мысли прибавлять смягчающія, а иногда и совсѣмъ каверкающія смыслъ выраженія. Мозги у него развились самостоятельно вслѣдствіе того, что въ низшихъ слояхъ русскаго люда по большей части не существуетъ никакихъ особенныхъ способовъ для притупленія мозговой силы. Растетъ себѣ ребенокъ на полной волѣ, бѣгаетъ, ѣстъ, спитъ, смотритъ и слушаетъ, т. е. принимаетъ всяческія впечатлѣнія, надъ которыми, хочешь не хочешь, а мозги работать стануть. Не стануть работать они тогда только, когда эта работа предупредится со стороны разныхъ воспитателей вложеніемъ въ голову ребенка уже готовыхъ сужденій, обыкновенно въ высшей степени белоглазовыхъ, и главное дѣло отвѣчающихъ на все, т. е. дѣлающихъ ненужною дальнѣйшую работу мозга. Этимъ можно объяснить, отчего дѣти, имѣющія очень мудрыхъ наставниковъ, не дающихъ ребенку даже шевельнуть мозгами, выходятъ обыкновенно дураками, хотя верѣдко обладаютъ громаднѣйшими знаніями. У Братанова не было не только мудрыхъ, но и какихъ бы то ни было воспитателей; поэтому онъ мозгами работаетъ самостоятельно.

Затѣмъ его отдали на обученіе въ семинарію, гдѣ тоже, благодаря рутинному преподаванію, семинарскія науки не могли сдѣлать на мальчика ни малѣйшаго впечатлѣнія, и мозгъ Братанова продолжалъ работать надъ объясненіемъ окружающихъ людей, надъ добытіемъ ѣды и прочей жизненной обстановкой; да кромѣ того, Братановъ пристрастился къ чтенію.

Я не берусь рѣшить, отчего ребенокъ, прочитавшій одну-двѣ книги, большею частью страстно привязывается къ чтенію. Думаю пока, что дѣло здѣсь заключается опять-таки въ мозговую работу, которая у дѣтей совершается гораздо настойчивѣе, потому что дѣтямъ безпрестанно представляются новыя впечатлѣнія, т. е. новыя предметы, сцены, дѣйствія и т. д.—Ничто не можетъ имѣть для ребенка такого интереса, какъ дѣйствія окружающихъ его большихъ людей; но яснаго понятія объ этихъ дѣйствіяхъ и причинахъ ихъ — у него нѣтъ. И вотъ эти первые двѣ-три книги показываютъ ребен-

ку не отдѣльные поступки, а иногда цѣлую жизнь, многихъ людей; показываютъ, повидимому, основанія порочныхъ и добродѣтельныхъ дѣйствій, — и конечно, ребенокъ съ жадностью станетъ читать, потому что чувствуетъ, что его впечатлѣнія связываются въ понятія. Основанія человѣческихъ дѣйствій безъ книгъ онъ узнаетъ позже, при помощи книгъ—раньше; и скажутъ родители въ послѣднемъ случаѣ: «ребенокъ этотъ развился рано», что и на самомъ дѣлѣ говорится родителями о читающихъ дѣтяхъ, такъ какъ дѣтей читающихъ очень мало сравнительно съ дѣтьми, пребывающими въ милой невинности. На самомъ же дѣлѣ, всѣ дѣти, даже и читающіе, развиваются поздно оттого, что взрослые всячески стараются скрывать отъ нихъ дѣйствительный смыслъ явленій за разными бессмысленными объясненіями, которыя большею частью прикрываютъ только собственное невинное невѣжество родителей и воспитателей.

Когда у ребенка составится довольно ясное понятіе о человѣкѣ и его жизни, тогда онъ самъ увидитъ, что его понятія о виѣшней природѣ сравнительно очень неопредѣленны, и тогда первая хорошая книга, объясняющая природу, увлечетъ его къ занятію наукой.

Пока, я держусь этого мнѣнія, отъ котораго не задумаюсь отказаться, если увижу другое, болѣе основательное. Прибавлю, что одно изъ самыхъ сильныхъ основаній для этого мнѣнія вижу въ томъ, что даже взрослый человѣкъ, изучившій основательно законы какихъ нибудь отдѣльныхъ явленій и усвоившій излѣдованія науки объ этихъ законахъ, начинаетъ чувствовать, что свѣдѣнія его о законахъ другихъ явленій очень шатки.

Это случилось и съ Братановымъ. Отъ чтенія онъ легко обратился къ наукѣ, и для занятія ею нашелъ лучшимъ перейти изъ семинаріи въ университетъ. Оттуда его выгнали,— за что, не знаю, но, вѣроятно, опять-таки за то, что онъ, не увлекаясь никакою величавостью и мощью, ерунду вездѣ называлъ ерундою, какими бы прелестями она ни была прикрыта.

И вышелъ Братановъ на жизненное поприще. Борода у него была уже густая, организмъ сильный и здоровый, а денегъ въ карманѣ не было. Онъ не сталъ отыскивать свое

призваніе, потому—былъ увѣренъ, что призваніе существуетъ только для людей съ одностороннимъ направленіемъ мыслей, т. е. съ болѣзненно-развившимися мозгами, а на дѣлѣ существуютъ только законы, по которымъ совершается жизнь и, на основаніи этихъ законовъ, разнообразныя потребности организма; безъ удовлетворенія этихъ потребностей, законы будутъ нарушены и жизнь прекратится; а отъ неполнаго удовлетворенія этихъ потребностей, думалъ Братановъ, и происходитъ всякое людское несчастье.

Прежде всего нуженъ былъ хлѣбъ. Для этого слѣдовало работать, а работа есть одна изъ первыхъ потребностей здороваго организма, потому что если работы дается именно столько, сколько требуетъ организмъ, то она доставитъ только удовольствіе, какъ пища, принятая въ мѣру. Поэтому Братановъ работы отнюдь не пугался. Но за какую работу взяться? спросилъ онъ и тутъ, какъ и тогда, когда принужденъ былъ разочароваться въ плодахъ своего ученія и почувствовать осязательно ясно, что жизнь идетъ не очень-то сообразно съ требованіями человѣческаго организма. Во всякомъ случаѣ, въ ожиданіи, пока жизнь перестроится на другой манеръ, нельзя было сидѣть безъ работы, хлѣба и прочаго. Думалъ Братановъ заняться учительствомъ, но нашель, что эта работа не соотвѣтствуетъ его характеру и потребностямъ.

— Поможешь, пожалуй, говорилъ онъ, ребенку понять что за штука такая—жизнь, передашь ему немногіе положительные факты, которые самъ знаешь, а потомъ, какъ выйдетъ питомецъ самъ на жизненное поприще, такъ и охватить его со всѣхъ сторонъ разныя прелести житейскаго.... Человѣкъ врядъ ли не испортится подъ ихъ вліяніемъ; потому—глупо предполагать, что какія бы то ни было научныя данныя подѣйствуютъ на организмъ сильнее, чѣмъ вся окружающая жизнь.....

— Какъ бы за самую жизнь приняться? раздумывалъ Братановъ.

— А вотъ какъ, сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ. Нужно дать самую возможность жить, а не готовить къ жизни. Деньги нужно добыть, забрать въ руки торговлю, и представится тогда возможность самому жить независимо и другимъ доставлять честную и нормальную жизнь.

Разсужденіе было хорошее, но денегъ у Вратанова не было. Впрочемъ, онъ не печалился этимъ обстоятельствомъ, потому что былъ здоровъ и имѣлъ еще въ виду ясную и опредѣленную цѣль, которая вовсе не была недостижимой или даже особенно трудной. Сталъ Вратановъ приглядываться и прислушиваться къ людямъ, и захотѣлось ему узнать болѣе настоятельныя и практическія потребности различныхъ русскихъ мѣстностей. Въ этихъ поискахъ онъ встрѣтилъ человѣка, какого ему и нужно было. Человѣкъ этотъ былъ индустристъ, пренебрегнутый бродяжничествомъ до послѣдняго мускула организма, неходившій или едва ходившій всю Россію. Какія могутъ быть основанія этой приваиванности къ бродяжничеству я уже говорилъ въ «Рулевѣ», на поводу Вальтера и самого Рулева. (*) Этотъ человѣкъ былъ таковаго же разбора — жупулистый, худой, съ загорѣлымъ лицомъ; онъ не могъ усидѣть долго безъ движенія, не могъ жить безъ чистаго воздуха полей и рѣкъ, — такъ привыкъ жить его организмъ; да и мудро не увлечся его вольной жизнью, если въ случаѣ необходимости приходится жить въ зараженномъ вѣяющимъ гніеніемъ воздухѣ, среди всякаго рода грязи и мерзости, и въ мертвящей бездѣятельности. Это былъ чистый самородокъ, добытый самостоятельнымъ взглядомъ на человѣческую жизнь безъ помощи науки, и поэтому, конечно, недокодировшій въ своихъ разновахъ до физиологическихъ данныхъ, а основывавшійся на томъ только, что когда человѣку бѣсть хочется и добыть онъ хлѣбъ, и хлѣбъ этотъ не отнимаютъ у него, то онъ доволенъ. Если человѣку нужно работать и не отнимаютъ у него возможности работать, не заставляютъ такъ работать черезъ силу, то и работа ему счастья приноситъ. Какъ выводъ изъ его понятія о жизни, я приведу слѣдующія, весьма обыкновенныя его слова:

— Не связывай мнѣ только руки и ноги, любезный, говаривалъ онъ, — не грабь меня и не мѣшайся въ мои дѣла, а счастье свое я ужъ и самъ по себѣ устрою.

Но это «не мѣшайся, не грабь и не связывай» было у него утопией; потому что въ послѣднее время онъ до того былъ ослобленъ на нашъ общественный строй, что за каж-

(*) См. XI и XII книжки «Русскаго Слова» за прошлый годъ.

даго человека, смотряль, какъ на врага, отъ котораго надо спасать свою независимость.

Для людей, которыхъ онъ ненавидѣль, это былъ страшный человекъ, потому главное, что подкупать его, увлечь какими нибудь прелестями, обольстить нельзя было. Всѣ его потребности ограничивались кускомъ хлѣба и мяса, табакомъ и движеніемъ; а дѣло противъ ненавистныхъ людей онъ велъ рассчитанно-хладнокровно, безъ необдуманныхъ порывовъ, которые могли бы повести къ тому, что люди, которыхъ онъ ненавидѣль, ему самому сломили бы шею.

Съ этимъ-то человекомъ сошелся Братановъ и рассказалъ ему свои расчеты. Чудака посмотрѣль на Братанова.

— Брр!.. протянулъ онъ, устлавшись въ землю и заложивъ руки въ карманы. — Гдѣ у меня до сихъ поръ башка-то была?..

Съ этимъ господиномъ Братановъ началъ въ нетронутомъ еще, дѣйствицномъ краю мелкую торговлю; но не прошло и полунода, какъ его товарища ограбили и зарѣзали на дорогѣ. Дорого отдалъ свою жизнь энергичный чудака, но Братанову было не легче отъ этого, потому что онъ опять-таки остался безъ денегъ.

Многое узналъ Братановъ отъ своего товарища, многія мысли окрѣпли въ немъ подъ вліяніемъ рассказовъ этого чудака, но страсть къ бродяжничеству не привилась Братанову. Не успѣль онъ втѣнуться въ степную жизнь. Затѣмъ ему пришлось принять предложеніе старика Дымова поступить къ нему, Дымову, помощникомъ управляющаго, такъ какъ старику нуженъ былъ человекъ, знающій этотъ край. Бѣдный старикъ мечталъ устроить какъ нибудь въ этомъ край парходство.

III.

Еще былъ на хуторѣ гость — Иванъ Ивановичъ Черноперовъ, угрюмый, безрѣдный и бездѣтный, содержащій въ городѣ книжную лавку и библиотеку для чтенія по дешевой цѣнѣ. Личность эта была странная, Высокій, худой, съ очень

выразительнымъ и очень блѣднымъ лицомъ, съ глубоко-впавшими глазами, вѣчно застегнутый въ свой старый, просторный сюртукъ наглухо, часто обутый въ заплатанные сапоги, онъ съ перваго разу бросался въ глаза. Онъ имѣлъ великолѣпную бороду, въ которой теперь уже выразительно пробивалась сѣдина.

На этомъ Иванъ Ивановичъ съ страшною ясностью сказалося, что мысль человѣческая не есть невѣсомый эфиръ, неимѣющий ни малѣйшаго вліянія на нервы, желудокъ и мускулы, а есть сила, и сила большая. Иванъ Ивановичъ пятнадцать лѣтъ думалъ о томъ, какъ лучше устроить жизнь свою; и хорошія, свѣтлыя были у него думы, но въ результатѣ его непрерывныхъ поисковъ за эти пятнадцать лѣтъ оказалось столько безотрадныхъ фактовъ, что Иванъ Ивановичъ, смотрѣвшій на жизнь честно и прямо, пришелъ къ тому убѣжденію, что его думы только думами и останутся. Мысль, непокидавшая его пятнадцать лѣтъ, не могла покинуть его и теперь, но теперь съ нею неразрывно связанъ весь его горькій жизненный опытъ, и рядомъ съ свѣтлою мыслью въ его головѣ припоминался рядъ фактовъ, доказывающихъ ея не осуществимость. Впрочемъ ходъ своей болѣзни Черноперовъ расскажетъ и самъ, а я повторю только, что ему теперь 35 лѣтъ, а между тѣмъ у него волосы уже быстро сѣдѣютъ. Еще скажу, что онъ былъ прежде крѣпокъ и силенъ, но и это жизнь уничтожила, такъ что теперь, если случится ему стать лицомъ къ лицу съ какой нибудь жерзостью, имъ овладѣваетъ уже нервная дрожь, сердце бьется ненормально-быстро и сильно, кровь стучитъ въ голову... Изболѣлъ человекъ.—Онъ большой пріятель старшей дочери Дымова, Варвары Борисовны, а самъ старикъ уважаетъ его, какъ практическаго и ученаго человѣка, хотя и не понимаетъ его вѣчнаго недовольства.

— Ну, чего еще тебѣ надо? говорилъ иногда старикъ Черноперову.—Щи да каша всегда есть; дома, не бось, сквозь крышу не каплетъ, на сапоги тоже хватитъ капитала... Чего еще?

— А вонъ у лавки твоего вши бабку стѣли, замѣчалъ мимоходомъ Черноперовъ. Жретъ онъ сегодня, чертъ знаетъ что, а завтра Богу душу отдастъ... Весело и смотрѣть!

Только съ Варварой Борисовной, которая искренно любила

его и очень вѣрно смотрѣла на него, какъ на тяжело больно-го, Черноперовъ былъ всегда отвороенецъ и будто отдыхалъ съ нею.

Варвара Борисовна росла почти такъ же, какъ и Саша, съ тою только разницею, что часто болѣла въ дѣтствѣ, а отъ этого была впечатлительнѣе. Послѣ болѣзней съ большою радостью убѣгала она изъ душныхъ комнатъ, воздухъ которыхъ смѣшивался съ ароматами всякихъ домашнихъ лекарствъ, — въ лѣсъ или на берегъ, къ рыбацъему куреню, и съ безотчетнымъ наслажденьемъ нѣжила она свое ослабѣвшее послѣ болѣзни тѣло, укладываясь на траву или сѣно въ тѣни курени, дыша влажнымъ, чистымъ воздухомъ и слушая тихій стеной, рѣчюй и лѣсной шумъ.

Не любила она своихъ домашнихъ, запиравшихъ ее въ душныя комнаты, недававшихъ ей ѣсть того, чего просилъ ее организмъ, — а безъ людей трудно живется ребенку, — и вотъ опять-таки шла она въ рыбацй курень или къ придорожному колодцу, у котораго отдыхали крестьяне, странники и всякй проходй людъ. У этого-то колодца наслушалась она разказовъ о далекихъ, многолюдныхъ городахъ, о дальнихъ пустынныхъ дорогахъ, по которымъ и день, и ночь идутъ странники, съ котомками за плечами; объ иновѣрныхъ племенахъ и о многомъ другомъ, новомъ, а потому интересномъ. Была и она въ школу, но заболѣла тамъ и опять домой воротилась, къ болѣе живому люду. Изъ школы она вынесла, впрочемъ, любовь къ чтенію и начала жадно читать, не бросая впрочемъ для книгъ свои, съ каждымъ днемъ расширяющіяся знакомства. Была она знакома и съ барынями, и со швеями, и съ бабами-хозяйками, и съ странницами. Съ этими огромными знакомствами и чтеніемъ быстро разви-лась Варвара Борисовна. Въ восемнадцать лѣтъ она полюбила какого-то господина, но, къ счастью, не вышла за него замужъ, и поэтому, когда она увидала вскорѣ всю гадость натурашки своего прежняго любимца, то ничто не помѣшало ей отъ всего сердца плюнуть на него. Дома ей приходилось высушивать за эту любовь много оскорбленій и разныхъ намековъ; Варвара Борисовна сильно задумалась, сдвинувъ свои черныя брови, и наконецъ порѣшила тѣмъ, что тайно ушла съ знакомыми странницами въ путешествіе. Путешествовала

она три мѣсяца, а вернувшись домой, сдѣлалась на хуторѣ полной хозяйкой, такъ какъ мать ея умерла во время ея отсутствія.

IV.

Александра Борисовна подружилась съ Братановымъ очень скоро. Люди, подобные Братанову, знаютъ свою силу, заботиться ни въ комъ не будутъ, честные и сознательные взгляды свои на жизнь не стануть прикрывать красивыми фразами, и вообще говорятъ искренно; поэтому люди, которымъ нравятся ихъ дѣйствія, сразу начинаютъ имъ вѣрить, а люди, которымъ ихъ дѣйствія не по душѣ, такъ же сразу начинаютъ ихъ ненавидѣть.—Братановъ долго говорилъ со старикомъ Дымовымъ о краѣ, въ которомъ онъ, Братановъ, дѣйствовалъ съ своимъ покойнымъ товарищемъ. Слушала его и Александра Борисовна, потомъ начала расспрашивать о подробностяхъ его походовъ,—и разговорилась молодежь. Братановъ говорилъ съ увлеченіемъ, потому что вообще приятно шепелить въ памяти здоровыя впечатлѣнія жизни: опять мозгъ начинаетъ работать въ прежнемъ направленіи, сообщаетъ организму прежнее настроеніе и опять дыханіе становится полнѣе, кровь течетъ быстро, глаза заблестятъ... Бользненно воспоминаніе объ энергичной дѣятельности только для тѣхъ, кто или состарѣлся и обезсилѣлъ, или у кого организмъ изнемогъ преждевременно, — потому бользненно, что для такихъ людей возвратъ къ прежней энергичной дѣятельности уже невозможенъ. Но для Братанова возвратъ былъ возможенъ и легокъ, потому что Братановъ сталъ сильнѣе и крѣпче прежняго, и на былыя впечатлѣнія откликнулись въ немъ новыя и свѣжія силы. Весело было Братанову. Дышалъ онъ полнѣе, голосъ былъ звученъ, глаза блестящи и легко ходилъ онъ по комнатамъ.

— Пойдемте гулять, Александра Борисовна, сказалъ онъ, взглянувъ въ открытое окно на темнѣющее поле.

Пошли они по дорогѣ черезъ лѣсъ. Братановъ съмахнулъ по дорогѣ вѣтку и безсознательно-весело началъ играть ею. Славно было его крѣпкому, сильному организму.

— Всегда вы въ такомъ настроеніи бываете?, спросила его Александра Борисовна.

— Почти всегда, отвѣтил Братановъ.

— Хорошо же, какъ видно, вамъ живется.

— А ничего, ладно.

— Вотъ какъ! — тихо и прозячно сказала Александра Борисовна.

— Что «вотъ какъ»?

— Счастливы, значить?..

— Пожалуй, и счастливы...

— Вотъ какъ! — повторила Александра Борисовна. — Теперь я не задумуюсь, когда стану говорить, что нѣтъ счастливыхъ людей — прямо на васъ и укажу: вотъ, скажу, счастливый человекъ.

— Сегодня придется сказать, такъ ничего, скажите... А то завтра я, пожалуй, и не очень буду счастливъ...

— А, это не то, сказала Александра Борисовна. — На одинъ день всякій бываетъ счастливъ. Вотъ другое дѣло знать, что ни завтра, ни черезъ годъ, никогда и ничто не разрушитъ моего счастья...

— Невозможно, Александра Борисовна, спокойно сказал Братановъ.

— Отчего?

Братановъ подумалъ.

— Нѣтъ, невозможно... Оттого, что какъ бы я, положимъ, силенъ ни былъ, а въ окружающей меня жизни все-таки небольшие силы.

— Въ жизни?... Не понимаю...

— То есть, въ людяхъ меня окружающихъ, въ воздухѣ, которыми я дышу, въ водѣ, въ землѣ...

— Ну?

— Большая сила... Что вотъ за радость человеку врать, грабить, болѣть, голодать? — А человекъ и крадетъ, и болѣетъ, и голодаетъ. Жизнь-то все одѣлаетъ, Александра Борисовна. Сегодня я, Братановъ, хороший человекъ, а завтра жизнь не дастъ работнѣ, голодомъ отниметъ силу, понуритъ мозгъ, а наконецъ, пожалуй, и верою одѣлаетъ. Сегодня я вотъ благодушествовую, смотрю на жизнь посмѣиваясь, а завтра жизнь подведетъ свои комбинаціи: переболѣетъ каждый нервъ, какъ

дый мускуль, къ организму притронуться будетъ страшно, — ну, я тогда плюну на жизнь и иначе поведу дѣло: я тогда или другихъ изуродую; или самъ себя убью...

— Живуть однако люди, сказала Александра Борисовна.

— Однако живуть... Даже не всё крадутъ и горло себя перерѣзываютъ, но всё каждый божій день морщатся и страдаютъ: одинъ въ одномъ чувствуетъ себя обиженнымъ, другой въ другомъ... Никому бы страдать не хотѣлось, а всё страдаютъ.

— Правда ваша — всё страдаютъ... Только неужели же, Николай Егорычъ, это всегда такъ будетъ?..

— Ну, всегда-то этого не будетъ... И теперь легче стало, потому что узнаемъ понемногу законы, по которымъ жизнь совершается, и слѣдуетъ только не идти противъ этихъ законовъ... Но все-таки пока еще трудно жить; потому что свои же возлюбленные братья на каждомъ шагу ногу подставляютъ...

— Притомъ вѣдь многое нужно для счастья...

— Ну, не очень...

— Немного?..

— Конечно... Да если хотите говорить откровенно, такъ я полагаю, что въ настоящую минуту вы сами чувствуете нѣкоторое довольство. Не правда ли?

Александра Борисовна не ожидала этого вопроса; она остановилась, посмотрѣла на Братанова и засмѣялась.

— Ну нѣтъ, не совсѣмъ, сказала она.

— Чего вамъ еще надо? равнодушно спросилъ Братановъ.

— Да я устала, сказала смѣясь Александра Борисовна.

— Экое горе!.. такъ сидѣте. .

Александра Борисовна сѣла на опрокинутую лодку и глубоко вдохнула. Они были на берегу рѣки. Съ рѣки несло свѣжестью, вѣтеръ съ нея дулъ, шелестилъ травой, тихо шумѣлъ по лѣсу и охватывалъ прохладой и нѣгой усталое тѣло Александры Борисовны.

— Ну, теперь хорошо? немного насмѣшливо спросилъ Братановъ.

— Хорошо, сказала Александра Борисовна. Досадно только, когда подумаешь, что завтра опять не будетъ хорошо.

— А отчего бы это?

— Не знаю....

— Хорошо; что не знаете... Необходимо нужно знать, что требуется для организма. А иначе, стужело; жизнь обижает; а что въ ней именно обижает насъ, противъ чего нужно всѣми силами бороться? — неизвестно.... Выидеть въ результатъ, что человекъ или станетъ глупе, беднѣтельно страдать, или выходить на слѣдную борьбу, въ которой большую частью самого же себя и уродуетъ... Такъ было до сихъ поръ: тѣснить жизнь человека то съ той, то съ другой стороны, тяжело ему живется — онъ и кончитъ тѣмъ, что порѣшитъ со всѣми своими остальными радостями: перерѣжетъ себя горло или въ келью запрется; то есть, выходить то, что, стараясь избѣжать боли въ одномъ органѣ, онъ превращаетъ весь свой организмъ въ гниющей трупъ...

— Что же нужно организму? спросила Александра Борисовна.

— Не богъ знаетъ фиміамы какіе... Необходимо-то вотъ что: чистый воздухъ, здоровая пища и работа....

— Работа?..

— Ну да... Дѣятельность, которой не было бы слишкомъ мало и которая не превышала бы силу организма.

Александра Борисовна молчала.

— Работы у васъ нѣтъ, продолжалъ Братановъ: — ну, и являются отъ этого безпредметныя томленія.

— Скажите, гдѣ-жъ ее взять?

— Мало ли работы... Бѣда въ томъ только, что человекъ, почувствовавшій нужду въ работѣ, требуетъ непремѣнно, чтобы работа была грандіозная... Хорошая штука!.. Только до начала грандіозной работы нужно пройти прежде работу мелочную, подготовительную... Есть, Александра Борисовна, нѣкоторое удовольствіе въ чувствѣ, что я не отступилъ передъ трудностями грандіозной работы, узнавъ, какія нужны для нея средства, приобрѣлъ ихъ... Знаній нѣтъ — приобрѣлъ внанія; денегъ нѣтъ — приобрѣлъ деньги; людей нѣтъ — нашелъ и людей.... Этакая работа, какъ видите, не всякому подъ силу — обыкновенная лучше.... Отдохнули вы?..

— Отдохнула....

— Ну, такъ поидемте домой.

Тихо и молча шли они домой, — потому собственно молча, что Александръ Борисовнѣ подумать хотѣлось надъ этими

новыми словами. И дома она сидела тоже молча и задумчиво. А Братановъ сыгралъ еще партю въ шахматы со старикомъ и собрался уходить... Черноперовъ тоже шелъ домой. Дымковъ предвзвѣлъ было имъ свою изиладъ, но Братановъ продолжительно объяснял, что наизиладъ прогулялся и пойдетъ въ городъ изиладъ.

Черноперовъ уже вошелъ на дворъ. Варвара Борисовна превозмужала его на ворота.

— Прощай, — сказала она тихо, крѣпко схватила его руку и поцѣловала его.

Видно уже совсѣмъ темно. На небѣ горѣли звѣзды, а въ темныхъ сѣняхъ свѣча Александры Борисовны освѣщала дорогу Братанову.

V.

Черноперовъ, надвинувъ шею на глаза фуражку, стучалъ своею здоровенной ногой по плотно укатанной дорогѣ и молча шелъ впередъ. Братановъ отсталъ немного. Въ пѣгѣ, далеко отъ дороги, горѣлъ огонь; съ другой стороны видѣлась черезъ дѣсу рѣка, какъ зеркало ровная и спокойная; не было кругомъ ни шума, ни говора, только вѣтеръ вѣвалъ путешникамъ въ лица и шелестилъ нескатой рожью.

Братановъ растегнулъ свѣтуху и жмется, онакъ тактичакъ и пошелъ быстрее. Хорошо ему чувствовалось, когда прохладный вѣтеръ вѣвалъ на его грудь и шею. Братанову всегда было, а Черноперовъ шелъ не-то усталый, не-то угрюмый.

— «Что въ немъ творится?» спросилъ самъ себя Братановъ.

— Сильно же любить васъ наши горожане, Иванъ Ивановичъ, сказалъ она, поровнявшись съ Черноперовымъ.

— Барство-то? спросилъ Черноперовъ.

— Ну, не одно барство...

— А все, что жирно жреть и сладко спать... Барство оно потому, что слышать не можетъ, чтобы его никуда изъ праву пренятствовали и изъ обычай въ грошъ не считали...

— Да резоновъ изъ нѣтъ дѣла?

— Нетъ. Да если бы и полюбостествовали, такъ врядъ ли бы вышла польза, потому что перержавѣвшій гвоздь скорѣе можно сломать, чѣмъ выпрямить... Во вторыхъ, не захватить тутъ давать резонансъ... Найдись у меня сила, такъ я ихъ отдалю, а окажись, что у нихъ силы побольше, такъ они меня при первомъ случаѣ раздавятъ.

Черноперовъ говоритъ тихо; но при свѣтѣ мѣсяца, освѣщавшаго его лицо, помупущенные глаза его нехорошо блестятъ.

Они прошли нѣсколько времени молча. Братановъ раздумывалъ объ этомъ барствѣ, потомъ взглянулъ на холмистую, широкую степь, на свѣтящуюся, какъ зеркало, глубокую рѣку, глубоко вздохнулъ и громко заплъ «хуторочекъ».

Твердо и ровно шли они по дорогѣ; деревья въ лѣсу точно пригнулись къ нимъ на встрѣчу; темная рожь въ полѣ точно убѣгла назадъ, и громко, выразительно плъ Братановъ.

— Эхъ, семинарія! сказала онъ въ заключеніе.

— Коронный голосъ, заплъ Черноперовъ.

— Писаніе-то ужъ больно задушевная, сказала Братановъ.. Жизнь простая.. Нароботайся и устань; — любить захотѣлось — люби: женщина хитрая, кругомъ лѣсъ шумитъ, соловей въ немъ поетъ; съ рѣки благодать тинная посылается на усталое чело... Стань тебѣ на дорогѣ къ счастью, испортили его, — ну, и види, куда натура твоя ведетъ, сбрасывай помѣху съ дороги, борись... Не отступай только передъ препятствіемъ, а хорошо ли, дурно ли — борись, — скажется въ этомъ силе: человеческая.. Эхъ, задушевная эта пѣсня!... Въ ней сила, а не отчаянне дохлое...

— Да, въ пѣснѣ хороша выходить человеческая сила, сказала Черноперовъ.

— Ну, а на дѣлѣ?

— А на дѣлѣ нѣтъ ее... мало очень...

Братановъ задумался на минуту.

— Мало, согласился онъ.

— Эхъ, Николай Егорычъ, — горько заговорилъ Черноперовъ, — знаю я, что жизнь можетъ быть хороша. Не только по теоріямъ въвожу, а вотъ жъ пѣсня ваша шебельнула во мнѣ свѣтлый взглядъ на жизнь, только видѣть-то я очень ужъ много всякой гадости и бесилія, и какъ поднимутся въ

памяти всё эти грозные факты, такъ право не до позѣи... Воздуха свѣжаго пѣтъ...

— Такъ надо добыть его.

— Свѣтло вы смотрите на жизнь, Николай Егоровичъ. Приглядитесь къ ней подристалльнѣе, лѣтъ этакъ съ десять...

— Ну, прервалъ Братановъ...

— Съ приобретеньемъ жизненнаго опыта, т. е. знашя всёхъ этихъ живущихъ субъектовъ право же руки опустятся...

— Такъ онъ и опустились, съ замѣтной насмѣшкой отвѣтилъ Братановъ.— Вотъ оно что!.. Жизнь-то мы мало видали, продолжалъ онъ отрывисто и сердито, обдумывая слова Черноперова.

Черноперовъ молчалъ.

— А ничего, громче и суровѣе заговорилъ Братановъ, поднимая голову. Мы тоже кое-что видали и кое-что работали, хоть работа-то и не грандиозная, а черная была. Притомъ, какъ дѣло не поворачивай во всё стороны, но только если смотреть на него прямо и честно, то въ результатѣ получится слѣдующее: либо эти опытные люди хоть маленько и работали, но терпѣли на каждомъ шагу пораженія и наконецъ изнурились, либо же они только посмотрѣли кругомъ, понюхали да и руки у нихъ за этимъ опустились...

— Такъ во всякомъ случаѣ что же? спросилъ Черноперовъ.

— А во всякомъ случаѣ плохи они, — вотъ что...

— Объяснитесь, холодно сказалъ Черноперовъ.

— Объяснюсь. Есть нѣкоторыя вредныя гадости, — ну, хоть болѣзни на примѣръ. Этими гадостями претъ теперь на насъ вся обстановка нашей жизни — и воздухъ, и вода, и люди. Поэтому, если мы, опытные люди, станемъ бороться только съ этими болѣзнями, то выкажемъ тупоуміе бевиримѣрное, ибо возмечтаемъ въ такомъ случаѣ уничтожить болѣзнь, не уничтожая ея источниковъ. Если же мы возьмемся за самые источники, — станемъ, на примѣръ, лицомъ въ лицу съ человекомъ, который только по тупоумію своему и невѣжеству производитъ и употребляетъ гнилой воздухъ, и съ нимъ ничего не подѣлаемъ, — то тутъ и толковать нечего. Мы въ такомъ случаѣ окажемся безсиленною дрянью, на дыханіе которой и смотреть не слѣдуетъ.

— Какой же выводъ изъ всего этого слѣдуетъ? спросилъ Черноперовъ.

— Тотъ, что всякій человѣкъ съ здоровымъ мозгомъ имѣеть возможность работать съ успѣхомъ, потому именно, что ему придется имѣть дѣло съ забитостью, тупоуміемъ и невѣжествомъ... Слѣдовательно, въ безнадежную апатію впадать не слѣдуетъ, — жить можно...

— Не въ апатію, горячо и съ досадою сказалъ Черноперовъ.

— Ну, а какъ же эта штука называется — опущеніе рукъ-то?..

— Изнуреніе, болѣзнь... Злостью одной, какая бы ни была натура, не проживете, потому что человѣку все-таки жить хочется; а какая тутъ жизнь, когда дышать чортъ знаетъ чѣмъ приходится?

— Какія еще яства медвяныя нужны? спросилъ Братановъ саркастически.

— Никакія яства ненужны. А если на каждомъ шагѣ все колеть глаза, рѣжетъ уши, кровь портить, мозгъ кровью обливается, — то не легко живется и трудно до сѣдихъ волосъ доживается. Отчего люди, которыхъ конечно и вы уважаете, мрутъ и спиваются?..

— Справедливо, что отъ изнуренія, отвѣтилъ задумчиво Братановъ. Я людей этихъ люблю и уважаю... Умирая, они говорили: «шествую тою же дорогой»; а не о томъ говорили, что ничего не подѣлаешь.

Братановъ говорилъ уже тихо и задумчиво; Черноперовъ тоже затихъ.

— Я только то говорю, тихо продолжалъ Братановъ, что если есть силы, такъ работай себѣ, пока руки работаютъ, ноги ходятъ и голова не оступѣла... Развеселое житье!.. Если не удалась работа, такъ не говори, что и никто тутъ ничего не подѣлаеть. У одного однѣ силы, у другого другія; одинъ идетъ этимъ путемъ, а другой пойдетъ къ той же цѣли другимъ...

— Предположите, тихо заговорилъ Черноперовъ, что на дорогѣ лежить камень, своротить который необходимо нужно, ради моей жизни; а гдѣ-жъ тутъ силы-то? Силы-то вать среди этихъ труповъ разлагающихся?

— Будто уж и трудн все? спросил насмѣшивно Братановъ.

— Ну да.

— Бдѣть цѣлуть и любятся — значитъ живы еще, отвѣдилъ Братановъ. Служайте показатъ мнѣ, что всякому удобнѣе будетъ, если одичнуть камнемъ, и тогда сами залюбуетесь, какъ онъ потѣшно полетитъ къ чорту...

Черноперовъ ничего не сказалъ. Они шли уже по городу.

— Вотъ моя квартира... До свиданья пока. Найдете нужнымъ говорить со мной, какъ милости просимъ, сказалъ Черноперовъ, остановившись у воротъ своей квартиры.

— Заду, отвѣчалъ Братановъ. Пока до свиданья!

VI.

Братановъ, закуривъ въ своей квартирѣ сигару, сѣлъ на окно и раздумывалъ опять о томъ краѣ, гдѣ погибъ его нудакъ товарищъ. Братановъ не тосковалъ объ этомъ краѣ, потому что и здѣсь хороша жилось, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ мѣсяцемъ, вкладъ въ карманъ заработанными деньгами, онъ чувствовалъ, что ближе и ближе отавоится время, когда онъ опять, съ новыми, крѣпкими силами, посѣлится эти степи и начнетъ самостоятельную дѣятельность. Въ томъ и была сила Братанова, что онъ не тосковалъ бесплодно, издалека свершая свою цѣль, а выслотрѣлъ дорогу, по которой, на его взглядъ, было лучше идти, и шель, не сворачивая.

— Тяжело идти, не зная дороги, говорилъ онъ когда-то умершему товарищу. Хороша у человека цѣль, да чортъ ли въ пей! Идетъ человекъ въ Нью-Йоркъ, а полживши пропадетъ по Мостови, проплутаетъ въ Китаѣ, забредетъ цалонецъ въ нивя: нибудь туманными странами, да и умретъ въ какихъ нибудь. Нужно знать и видѣть, что какой бы смертельной борьбы ни стоилъ намъ каждый шагъ, только съ каждымъ шагомъ мы ближе съ цѣли и столько-то: снѣ: шаговъ, осталось до желаннаго таномъ, что вотъ обогривавши своей жизни, доловѣть не издохнетъ танакшой, а закалитъ всякий мускулъ, каждый мускуль, и пить ему неопла, да слепотливо будетъ.

— Правильно ты судишь, отбивать ему обыкновенно его товарищъ.

Въ другой моментъ, къ сѣдней съ канатаей Братанова, тихо сплывать молвагость. Тамъ работаль, не смотря на позднюю ночь, къ сѣдъ Братанова, сапожника. Жизнь, — конечно, долее не разсудал о томъ, что дѣлаетъ, — поставила его поперекъ дороги Братанова, и Братанову пришлось вносѣдствами тяжело работать, чтобы опять прочистить себѣ свою дорогу. — Скажу объ этомъ сапожнику нѣсколько словъ. Всю жизнь его пересказывать не захѣмъ, потому что не только у него, но и у всякаго подобнаго ему рѣдко случаются данни, которыя помогали бы ему выйти изъ его вѣчнаго мѣста въ нашей общественной жизни. Вѣчнымъ мѣстомъ я называю вотъ что: фабричный работникъ вѣчно безъ воздуха, безъ души, вѣчно на изнурительной работѣ, и возможности у него нѣтъ покинуть это мѣсто. Паргной тоже безъ воздуха и безъ души, одни мускулы вѣчно работаютъ, другіе вѣчно спиваютъ, — и тоже у него нѣтъ силъ и средствъ занять другое мѣсто. Барникъ имѣетъ воздухъ и душу, но работи, т. е. собственно, силъ на дѣльную работу не имѣется. Сапожнику Григорьеву жизнь дада въ руки только, сапожные инструменты, и потому ему пришлось бороться съ окружающими субъектами съ помощью только дроты и пила, — другихъ же силъ и средствъ у него не было.

Съ средствами, данными данью, Григорьевъ могъ добыть только сидячую, однообразную работу, жалъ въ смертомъ воздухѣ, пилую душу, жалкую одежду и вѣвторое количество водки.

Громадное большинство этихъ вѣчныхъ работниковъ до того привыкаетъ къ смертому воздуху, гнилой душѣ, вѣчной работѣ и водкѣ, что это становится для нихъ нормальной данью. Эстерлендъ говоритъ, что арестантъ, просидѣвшій много лѣтъ въ тюрьмѣ, съ грустью покидаетъ ее. Рѣдко бываютъ процесиствія, которыя выведи бы работника изъ его вѣчнаго мѣста, но иногда бываютъ. Дастъ ненаянно жизнь какое нибудь неожиданное усталому, изморанному органу, разшевелитъ весь организмъ, и тогда вѣчно почувствуется ему боль въ другичъ органахъ. Дитое медораство жизни, — охата бороться съ нею, а средствъ и знанія жизни нѣтъ, — и выйдетъ

бойня съ закрытыми глазами, въ которой человекъ большею частью самого же себя уродуетъ.

Григорьевъ былъ еще молодъ. Полуныная жизнь среди миазмъ, блохъ, клоповъ и таракановъ сдѣлалась для него уже обыкновенною жизнью, но въ немъ не замерли еще впечатлѣнія дѣтства, въ которомъ мать ласкала его, потому что горячо любила своего сына. У большей части вѣчныхъ работниковъ не было этихъ впечатлѣній, а если и были, то скоро они замерли въ другой обстановкѣ жизни; но у Григорьева онѣ не изгладились еще, и поэтому онъ любилъ приласкать ребенка, чтобы и тотъ приласкался въ нему, потербилъ его бороду, погладилъ огрубѣлую шею и шевельнулъ въ немъ опять эти пріятныя впечатлѣнія. Легче становилось послѣ нихъ въ организмѣ.

Григорьевъ увидѣлъ какъ-то молодую дѣвушку, хорошенькую и веселую, и полюбилъ ее. Сталъ Григорьевъ мыть свои широкія, черныя ладони и угрюмое лицо, сталъ чаще мыть бѣлье и шилъ себѣ новые сапоги. Сталъ онъ засиживаться за работой до поздней ночи, — только деньги туго прибывали, — ничего не подѣлаешь. Трудно было ему бороться съ нуждою съ помощью шила и дратвы, а нужда вызывала на борьбу, и потому приходилось драться закрывши глаза. Угрюмо поглядывалъ въ послѣднее время Григорьевъ, не разъ останавливался у стѣны, заложивъ руки за спину, выпрямившись во весь высокій ростъ и неподвижно смотря на какойнибудь предметъ. Тронулся наконецъ онъ на борьбу: пропилъ всѣ скопленные деньги и новые сапоги, передрался съ пріятелями, но отрезвившись, опять угрюмо сѣлъ за работу, благо пропивать больше нечего было. И вотъ сидитъ онъ теперь, стучитъ молоткомъ, а кругомъ тишина мертвая, только храпятъ по угламъ подмастерья и мученикъ.

Наконецъ онъ оставилъ работу, высыпалъ изъ банки на ладонь табакъ, подумалъ и отправился къ Братанову. Дверь не была заперта. Братановъ безъ сюртука лежалъ на диванѣ, курялъ и читалъ книгу.

— Что скажете? спросилъ онъ, медленно поднимаясь.

— Бумаги одолжите, — сказалъ Григорьевъ тихо, облокотясь о косякъ двери и смотря на чистую, тонкую рубашку Братанова.

— На сигарку?

— На сигарку...

Братановъ подошелъ къ столу и началъ перебирать бумаги, а сапожникъ задумчиво осматривалъ уютную, чистую комнату. Братановъ подошелъ къ нему и посмотрѣлъ въ его задумчивое лицо.

— Что? спросилъ онъ, кладя руки на плечи сапожника.

— А пичего. Хорошо ужъ очень у васъ, отвѣчалъ сапожникъ.

Братановъ засмѣялся.

— Въ первый, что ли, разъ видите?

— Право, точно въ первый...

Братановъ пристально посмотрѣлъ въ его поблѣднѣвшее отъ усталости лицо.

— Сегодня мы что-то долго заработались, замѣтилъ онъ вопросительно.

— Много ли часовъ?..

— Ужъ два часа.

— Вы тоже работаете?...

— Я-то? спросилъ Братановъ. Нѣтъ, сегодня отдыхаю — книгу вонъ читалъ....

Сапожникъ помолчалъ немного; а Братановъ все еще держалъ руки на его плечахъ. Онъ любилъ Григорьева за тѣ проблески человѣчности, которые я уже указалъ въ Григорьевѣ.

— А много ли вы получаете въ мѣсяцъ? спросилъ сапожникъ...

— Жалованья-то?

— Жалованья.

— Много. Семьдесятъ пять рублей...

Сапожникъ покачалъ головой.

— А вы сколько зарабатываете? спросилъ Братановъ.

Сапожникъ только засмѣялся и махнулъ рукой.

— Вотъ и скверно становится, замѣтилъ Братановъ. Работаете вы чуть не больше моего, работа ваша тяжелѣе, а зать не на что.

— Что ужъ наша работа, — съ пренебреженіемъ сказалъ Григорьевъ.

— Тяжелая работа...

— Правда, что тяжелая...

— А неприбыльная, -- что уж тутъ ночи за ней просиживать! Плюньте...

— И радъ бы, да ничего не подѣлаешь... Куда большего дѣлаться?

Братановъ молчалъ.

— Ну, и спокойной ночи, сказалъ спокойно.

Невесело ему было.

VII.

Ради полной характеристики Братанова, считаю нужнымъ прибавить еще небольшую главу о швеѣ Вѣрочкѣ, тѣмъ болѣе, что безъ Вѣрочки знакомство Братанова съ Александрой Борисовной кончилось бы, вѣроятно, иначе.

Вѣрочка была очень красивая, стройная и задумчивая дѣвушка; притомъ дѣвушка умная, и если не совсѣмъ понимавшая нѣкоторыя мысли Братанова, то потому только, что не имѣла нужныхъ для этого пониманія фактовъ. Работница она была хорошая. Комнатка у ней была свѣтлая, чистая, богатая цвѣтами.

— Лучше работается въ чистой комнатѣ, обыкновенно говорила Вѣрочка.

Каждые три-четыре дня она отправлялась въ магазинъ Черноперова, предъявляла ему свой билетъ на полученіе изъ его библіотеки книгъ и большею частью съ полнымъ довѣріемъ говорила ему:

— Дайте мнѣ опять какую нибудь хорошую книгу.

Черноперовъ, конечно, давалъ ей дѣйствительно хорошія книги.

Получивъ хорошую книгу, Вѣрочка скорѣе обыкновеннаго оканчивала свою работу, раздѣвалась, ложилась въ постель и долго-долго читала, такъ долго, что иногда, наконецъ, встаетъ она, откроетъ окно, — а на небѣ ужъ невидны звѣзды, и вѣетъ въ ея лицо и грудь холоднымъ утреннимъ вѣтромъ. Отъ этого чтенія, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ накопиться богатый матеріалъ. Осмыслить его Вѣрочка могла и сама, но, вѣроятно, на это потребовалось бы много времени, и потому хорошо, что представился случай осмыслить его скорѣе.

Недавно Вѣрочка познакомилась съ Братановымъ, узнала, что это за человекъ, и искренно полюбила его. Она была молода, здорова и, слѣдовательно, организмъ неизбѣжно требовалъ любви.

Она была красивая и умная дѣвушка, говорила просто и откровенно, жила своимъ собственнымъ, независимымъ трудомъ, — значитъ, была человекомъ, какимъ, по мнѣнію Братанова, человекъ и долженъ быть.

— Хорошая дѣвушка, думалъ о ней Братановъ. — Сила въ ней если не развита, то и не сгнила еще, — значитъ, способна къ развитію.

Онъ тоже полюбилъ Вѣрочку.

Они уже высказались другъ передъ другомъ и были теперь искренними друзьями. Въ тотъ день, когда они откровенно высказались, произошла между ними небольшая сцена, которую я приведу здѣсь, потому что она характеризуетъ и искреннюю любовь Вѣрочки, и взглядъ Братанова на человека.

Въ тотъ вечеръ Вѣрочка вдругъ задумалась среди разговора, брови ея сдвинулись, губы сжались и тяжело стала дышать молодая дѣвушка.

— Что это? спросилъ Братановъ, пристально смотря на нее.

— Что я прежде дѣлала, заговорила Вѣрочка, положивъ шитье и задумчиво облокотившись на столъ. Это такъ недавно было... Глаза у меня болѣли, работать нельзя было, хлѣба не было, холодно....

Вѣрочка вдругъ зарыдала...

Братановъ отодвинулъ стулъ и зашелъ въ комнату.

— Ну, не буду, быстро сказала Вѣрочка и удержала слезы.

Братановъ опять сѣлъ.

— Слезъ не стойтъ, сказала онъ тихо.

— Тяжело видѣть.

Тяжело, Вѣрочка... Только жизнь и голодъ посильнѣе насъ съ тобой... Да и не въ томъ дѣло. — Видѣ ты справилась же?

— А вспоминать каково?..

— Слезъ не стойтъ... Изъ этого прошлаго видно только то, что ты хорошая женщина, и гадость эта не по душѣ тебѣ. Жизнь обезсилила тебя прежде, изморила голодомъ и

холодомъ, и тогда ужъ только столкнула въ эту гадость, да и то на минуту.... Прошлое доказываетъ только то, что ты хорошая женщина.

Братановъ не успокоился на этомъ, а много разъ возвращался къ этому разговору, пока наконецъ изъ возраженій и вопросовъ Вѣрочки увидѣлъ, что она вполнѣ поняла его мысль.

— Знаетъ теперь, въ чемъ гадость-то заключается, подумалъ онъ весело.

VIII.

Пришла и осень. Братановъ рѣже сталъ бывать на хуторѣ, куда отправлялся ради прогулки и для того, чтобы поиграть съ старикомъ Дымовымъ въ шахматы. Но долгу разговаривалъ Братановъ съ Александрой Борисовной, гулялъ съ ней и, какъ въ первый разъ, такъ и послѣ, всегда былъ одинаково искрененъ, спокоенъ и грубоватъ въ выраженіяхъ.

Александрѣ Борисовнѣ жить хотѣлось, и не мудрено, что она полюбила Братанова, — организмъ ея тоже требовалъ любви. Люби: — человекъ хороший, кругомъ лѣсъ шумить, соловей въ лѣсу поетъ, съ рѣчки прохладой вѣетъ на молодое чѣло. — Часто Александра Борисовна неподвижно останавливалась на берегу — и не смотреть ни на рѣку, ни на берегъ, ни на лѣсъ, а просто представится ей фигура Братанова, и задержать молодая дѣвушка дыханіе, припоминаетъ черты и слова Братанова и потомъ глубоко-глубоко вздохнетъ.

Не слѣдуетъ допускать въ подобныхъ случаяхъ какихъ бы то ни было симпатій и таинственныхъ узъ; дѣло даже и не въ сердцѣ, а въ головѣ и въ здоровомъ организмѣ. Прежде всего въ головѣ, въ впечатлѣніи, такъ какъ мысль вовсе не есть невѣсомый эфиръ, немогущій имѣть никакого вліанія на организмъ.

Въ первый разъ, когда Александра Борисовна встрѣтила Братанова, онъ разъяснилъ ея нѣкоторые недоумѣнія, вызвалъ ее на мысленную работу, и дѣвушка забыла свою безпредметную тоску, — легче ей стало. Много разъ потомъ Братановъ былъ на хуторѣ, и всегда въ разговорахъ съ ней

хорошо было Александрѣ Борисовнѣ, такъ что мало по малу съ воспоминаніемъ о Братановѣ соединилось у молодой да-
вушки чувство свѣтлаго и спокойнаго взгляда на жизнь, ко-
торое сообщалъ ей Братановъ. Поэтому ей было пріятно
чаще и чаще вспоминать о немъ; а затѣмъ это воспомина-
ніе стало являться и само собой... (*) Здоровый организмъ
сдѣлалъ остальное, и горячо полюбила Александра Борисов-
на Братанова.

Какъ-то она всплакнула, — всплакнула и грустно немного,
и сладко.

— Ты любишь Братанова? спросила ее сестра.

— Люблю, Варя, призналась молодая дѣвушка.

— Хорошій онъ человекъ, можно его любить, — тихо про-
говорила Варвара Борисовна, лаская сестру, и сама задума-
лась. Она знала, что Братановъ любитъ Вѣрочку, и немно-
го жаль ей стало сестру.

— Что же, Саша?

— Что?

— Что же ты дѣлать хочешь? спрашивала Варвара Бо-
рисовна.

— Что же дѣлать?.. нечего мнѣ дѣлать, отвѣчала Саша
и все плакала.

А былъ въ это время славный, тихій осенній вечеръ, —
лѣсъ потемнѣлъ, надъ рѣкой туманъ носился, птицы слета-
лись въ лѣсъ... И было все кругомъ спокойно, тихо и гар-
монично, такъ что, кажется, и нервы Черноперова испытали
бы здѣсь полное спокойствіе.

— Скажи ему все, говорила тихо старшая сестра...

Александра Борисовна все плакала...

— И люби, докопчила Варвара Борисовна.

— Что скажутъ, Варя? что скажутъ?..

У Варвары Борисовны глаза блеснули.

— Что хотять... Тебѣ какое дѣло?

Александра Борисовна задумалась.

— Что хотять... Ты живи, какъ живется, а не какъ другимъ
хочется, — горячо и тихо сказала Варвара Борисовна и ушла.

(*) Родъ помѣшательства, лучшимъ представителемъ сильнѣйшей степени
котораго служить Вергеръ. *Лет.*

Задумалась Александра Борисовна и надъ этими новыми словами.

IX.

Поцѣлуй между Варварой Борисовной и Черноперовымъ при прощаньи значилъ то, что Варвара Борисовна любила Черноперова, а Черноперовъ ее любилъ. Любовь этого изувѣченнаго человѣка была грустная любовь. Устанеть онъ послѣ добыванья насущнаго хлѣба, руготни или молчаливой переработки своихъ неотвязныхъ мыслей, ослабѣютъ нервы, члены опускаются, точно избитые, — вотъ въ такую-то пору и любилъ онъ уходить къ Варварѣ Борисовнѣ.

На этотъ разъ Варвара Борисовна пришла къ нему. Черноперовъ только что кончилъ читать полученныя отъ его друзей письма и, повѣсивъ голову и заложивъ руки за спину, рассказывалъ въ своемъ старенькомъ скрутокѣ по комнатѣ; Варвара Борисовна поцѣловала его блѣдный лобъ, потомъ посмотрѣла ему въ глаза и повачала головой.

— Плохо живется? спросила она.

— Живется пока, тихо отвѣчалъ Черноперовъ.

Потомъ онъ сѣлъ къ столу, облокотился на колѣни и задумчиво посмотрѣлъ на распечатанныя письма.

— Какъ эти господа хорошо пишутъ, сказалъ онъ тихо. Эхъ, Боже мой! Пишетъ вотъ одинъ хорошій человѣкъ, что «не затѣмъ много волноваться, потому что не требованья нужно предъявлять жизни, а понимать ее...» Красиво-то какъ, да удобно... Голова у меня болитъ, — такъ взялъ просто на просто и сказалъ, что не хочу я, чтобы она болѣла, а затѣмъ и выздоровѣлъ сейчасъ... Понимать жизнь, это у нихъ значитъ убѣдиться, что такое-то мое желаніе неисполнимо, и затѣмъ перестать желать. А какъ перевести, когда желается? Нуженъ мнѣ, положимъ, свѣжій воздухъ, воздуха этого нѣтъ и нельзя его достать — значитъ, по ихнему, нужно перестать желать, а какъ перестать желать, когда легкія ноютъ, дышать больно, задыхается человѣкъ?.. Любятъ они мысленно, ненавидятъ мысленно, а организмъ ни бѣ чемъ не участвуетъ.

Черноперовъ остановился на минуту.

— Лгутъ они, сказалишь онь коротко и горько. — За ихъ красивые слова жкъ раздавить бы можно было, прибавилъ онь вскинувъ, и разогъ разорвалъ письмо. Руки его дрожали.

— Будеть тебѣ, сказала Варвара Борисовна, обнимая его шею и жблуга. — Ну, какъ это можно? — дрожить весь...

— Не бойся, отвѣтилъ Черноперовъ. Я не жестикулирую: — если дрожу, такъ вѣрно нельзя не дрожать.

Варвара Борисовна ласкала его, и онь понемногу какъ-будто успокоился и заговорилъ о другомъ.

— Торгуемъ, говорилъ онь. Барыней большикъ нѣтъ, а кусокъ хлѣба всегда имѣемъ... Выписалъ сегодня съ полсотни книгъ, да написалъ, чтобы выслали еще на комиссію штукъ совино дешевикъ. Онь скорѣе раскодаеца.

— Знаешь что? спросила потомъ Варвара Борисовна.

— Что?

— Мнѣ кажется неврда, что ты не любишь меня.

— Скажи мнѣ твои основанія, тихо сказалъ Черноперовъ.

— Счастья тебѣ моя любовь не приноситъ.

Черноперову досадно стало.

— Не знаю... Люблю я тебя... Знаешь, что мнѣ кажется? — Кажется, что безмятежная любовь всѣхъ этихъ хорошихъ господъ не похвала имъ, а вызовъ не на живогъ, а на смерть... Кабы ты да я одни были въ большомъ мѣрѣ — ну, можно бы было порядочно жить. А те вѣдь кромѣ насъ много есть другихъ субъектовъ: одинъ глазъ козеть, другой по головашъ їздигъ; трудно, кажется, наслаждаться, а вѣдь этотъ народъ ухищраеця. Натура ужъ такая дубовая отъ мозга до послѣдняго нерва. Возьми такого челоука за руку, да подведи его къ гниющему субъекту и скажи ему, что вотъ, молъ, гниеть челоукъ, съ голоду ухищраеця — ну, тогда тотъ и снаметъ, что какъ-де это жалко. Скажи, что вонъ, молъ, челоукъ дереця — онь и скажетъ, что не слѣдуетъ драться, а у самого ни одинъ нервъ не дрогнетъ, — какъ отвернется, такъ и забудеть. Можно имъ вполне наслаждаться, когда не болѣють ни одинъ нервъ, ни одинъ мускулъ.

— И я дубовая? Ёспросила, улыбаясь, Варвара Борисовна.

— Будто тебѣ ни разу не было тяжело съ тѣхъ поръ, какъ ты меня нелюбила?

— Зналась часто.

— Ну, и прекрасно... Одному тяжело, другому легче... У одного нервы просто напряжены, у другого болят... Вонъ Братановъ: у него много ненависти, но ненависть до поры, до времени сдержана. Не изболѣлъ еще человекъ.

— А я болѣнъ, говорилъ потому Черноперовъ. Думаю будущей весной сдать магазинъ прикащику, взять за плечи чемоданъ и отправиться бродить, — отдохну, можетъ быть...

За свѣтлой мыслью по ходу его болѣзни вспомнились всѣ безотрадныя факты его бывшихъ странствованій и всей жизни.

— Не отдохну, сказалъ онъ.

Лицо его поблѣднѣло еще больше, губы сжались, началъ онъ дышать тяжело и холодныя слезы такъ и полились по его щекамъ. Видѣлась ему широкая Волга со своимъ бурлачествомъ, Донъ среди тихихъ полей, лиманы и многое еще, когда-то свѣтлое для него, неизувѣренное никакими страданіями. Долго и тяжело рыдалъ Черноперовъ.

X.

А черезъ нѣсколько дней къ Черноперову зашелъ Братановъ. Въ комнатѣ пахло водкой. На столѣ горѣла свѣча, а Черноперовъ спалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку.

Видѣлъ Черноперовъ во снѣ жизнь, далеко непохожую на ту, которая существовала на самомъ дѣлѣ. Прежде, въ теченіи многихъ лѣтъ, Черноперовъ мечталъ объ этой иной жизни, обдумывалъ ее, надѣялся дожить до осуществленія этихъ мечтаній, а въ послѣдніе годы, на основаніи многихъ фактовъ и горькихъ, безконечныхъ разочарованій въ людяхъ, пытался уничтожить эти вѣрованія и порѣшиться съ ними, какъ съ недостижимыми въ настоящее время мечтаніями. Много лѣтъ надѣялся Черноперовъ, обдумывалъ эту жизнь, полагалъ свое счастье только въ этой новой жизни, и не могли эти годы не оставить никакихъ слѣдовъ въ его организмѣ. Днемъ онъ уничтожалъ эти мечтанія сопоставленіемъ фактовъ, а ночью они являлись еще ярче... И видѣлъ теперь Черноперовъ во снѣ, что черезъ поля проложены въ его родинѣ желѣзныя дороги, на рѣгахъ толпятся суда подъ разными фла-

гнии, вѣсто зеленыхъ болотъ раскинулись нивы; видѣль онъ другой народъ; слышалъ другой языкъ.

Братановъ сѣлъ къ столу и началъ читать какую-то историческую книгу. Онъ просидѣль такъ съ полчаса и наконецъ прилегъ къ спинѣ стула и задумался. Черноперовъ тяжело дышалъ; на столѣ стучади его карманные часы, а комнату наполнялъ запахъ водки. Братанову тяжело становилось.

Черноперовъ наконецъ проснулся и сѣлъ на кровати. Лидо его было блѣдно, глаза красны, а на лбу выступилъ холодный потъ. Онъ взялъ со стола платокъ и вытеръ лобъ.

— Голова болитъ, связалъ онъ корѣткою, и опять прилегъ на подушку, подложивъ руку подъ щоку и смотря на Братанова. Братановъ молча смотрѣль въ его лихорадочно-горящие глаза.

— Сильно здѣсь пахнетъ водкой? спросилъ Черноперовъ.

— Сильно, повторишь Братановъ.

— Я сплю ужъ часа три, пьянъ сегодня...

— Какой вы вкусъ въ водкѣ находите? спросилъ Братановъ.

— Что за вкусъ?.. Никакого не нахожу.

Братановъ молча облокотился на столъ и продолжалъ смотрѣть на Черноперова...

Вы полагаете, что я пью ради возбужденія? спросилъ Черноперовъ. Ошибетесь въ этомъ случаѣ. Возбужденія я не люблю, а пью наповаль, т. е., чтобы послѣ питья осталась возможность только спать... Хорошо, если бы еще сновъ не было, прибавилъ онъ мимоходомъ.

— Что же? вамъ жизнь надоѣла? спросилъ Братановъ.

Черноперовъ задумался, какъ бы взглядываясь въ самого себя. Въ немъ мелькнуло какое-то ожиданіе, образъ Варвары Борисовны, всяческая ненависть, — и вышло смутное, тяжелое чувство.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Черноперовъ нерѣшительно. А нужна мнѣ водка, какъ лекарство больному. Дѣло въ томъ, что я устаю страшно, — не руки, не ноги устають, а устають мозгъ, прибавилъ онъ и сжалъ рукой лобъ.

— Отчего? спросилъ Братановъ. — Ему тяжело было въ этомъ воздухѣ налитанномъ водкой.

Черноперовъ сѣлъ на кровать.

— Отчего? повторилъ онъ. А оттого, мнѣ кажется, что мозгъ

мой устроенъ не по настоящей жизни, а жить приходится въ ней.—Жизнь всегда давала мнѣ вовсе не то, что нужно было моему организму. Когда я ребенкомъ былъ, мать меня раза два чуть не отравила молокомъ; но все-таки я остался, какъ видите, живъ и вышелъ въ жизнь съ человѣческими силами и стремленіями. Моимъ силамъ и стремленіямъ жизнь не дала мѣста. Началъ я думать о томъ, какъ бы создать себѣ иную жизнь, какая нужна мнѣ? и получилъ въ результатѣ, что иной жизни создать нельзя....

— Не думаю, сказалъ Братановъ.

— А я знаю... Но дѣло въ томъ, что теперь организмъ мой безпрестанно проситъ иной жизни, а память безпрестанно приводитъ факты, доказывающіе неисполнимость этого требованья... Вотъ отчего я устаю... Сердце обливается кровью... Я пьянъ, Николай Егорычъ,—скорѣе мозгъ обливается кровью, хоть и это вздоръ, потому что когда мозгъ обольется кровью, я сойду съ ума и умру... Но чувство-то мое бываетъ въ родѣ этого, и потому я устаю.

— Позвольте, заговорилъ Братановъ. На мой взглядъ, это не ладно — слова больше пустыя. Организмъ у васъ не по жизни, что ли, сложился, вы говорите?

— Мозгъ скорѣе...

— Мозгъ не по жизни сложился, повторилъ Братановъ...

Ну, хорошо.... Да вѣдь жизнь же ему дала направленіе извѣстное?

— Жизнь...

— Ну....

— Что же?..

— Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Не понимаю...

— Мозгъ создала жизнь, — какъ же онъ вышелъ не по жизни? пояснилъ Братановъ.

— Дѣйствительно нелогично, сказалъ Черноперовъ.. Видно, не одна дѣйствительная жизнь давала направленіе мозгу... А вотъ мы посмотримъ, какъ моя жизнь шла. Можетъ быть, и найдемъ разгадку.

Черноперовъ слѣзъ съ кровати, заложилъ руки въ карманы и началъ довольно твердо ходить по комнатѣ.

— Первое, сказалъ онъ, остановившись передъ Братано-

вымъ, — въ дѣтствѣ меня не ломали, и росъ я, значить, какъ слѣдуетъ рости человѣку.

Затѣмъ онъ опять началъ ходить. Братановъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ и, положивъ подбородокъ на спинку стула, смотрѣлъ на Черноперова.

— Дѣтство было нормально, повторилъ Братановъ.

— Второе, продолжалъ Черноперовъ, — въ школѣ съ самаго начала я тоже росъ недурно, ерунды всякой не долбилъ, а дрался, бѣгалъ, ѣлъ, смотрѣлъ, что совершается въ природѣ и какіе люди бываютъ... Людей явилось два разряда: одни, такіе же, какъ я, молодыя, растуція животныя, и хорошія животныя; а другіе насъ пороли немилосердо и требованья нашего организма въ грошъ не ставили.

Черноперовъ остановился прямо и близко передъ Братановымъ.

— Вышло раздвоеніе....

— Понятно... Ему и слѣдовало произойти, повторилъ Братановъ.

— Одну жизнь я любилъ, а другую ненавидѣлъ; къ однимъ людямъ былъ привязанъ, а другихъ готовъ былъ уничтожить, продолжалъ Черноперовъ и сталъ медленно ходить. Дальше набралось много фактовъ, которыхъ значеніе нужно было узнать: нужно было понять законы совершающейся кругомъ меня жизни — обратился я самъ уже къ наукамъ и книгамъ. И вынесъ я изъ этихъ книгъ много теорій, которыя сходились и съ требованьями человѣческаго организма, поэтому очень привлекательны были. Съ этими теоріями вступилъ въ жизнь...

— Раздвоеніе произошло, сказалъ Братановъ.

— Раздвоеніе.... Я порѣшилъ, что если не даютъ свѣжаго воздуха, такъ надо его добыть...

Черноперовъ остановился и скрестилъ на груди руки.

— Жилъ я больше въ лѣсахъ дремучихъ, продолжалъ онъ. Сходился съ людьми, о значеніи и существованіи которыхъ у насъ мало знаютъ; предложилъ въ кругу хорошихъ людей проектъ, который хорошихъ людей въ ужасъ привелъ... Ъздилъ, ходилъ, думалъ, толковалъ и пришелъ къ тому заключенію, что счастья мнѣ не найдти теперь.

Черноперовъ погладилъ бороду, слегка наклонился и началъ рассказывать по комнатѣ. У Братанова дрожь пробѣжала по

тѣлу. Ее вызвало блѣдное лицо Черноперова, его свержающіе глаза и сдержанный, но удивительно выразительный голос его, особенно, когда онъ превносилъ свое заключеніе.

— Въ романахъ, напримѣръ, безнадежная любовь къ женщинамъ весьма раздирательно описывается, но право же я сильнѣе люблю жизнь, которую мнѣ книги и организмъ вкуть указали, — произнесъ мимоходомъ Черноперовъ и опять прилегъ на кровать.

— А какъ я ненавижу... прибавилъ онъ черезъ минуту очень тихо и коротко; но Братанова такъ и повернуло этия шопотомъ...

— Отчего? спросилъ онъ рѣзко и вставал, отчего ненависть ваша ограничилась однимъ толкованьемъ и отчего сами вы стараетесь уничтожить даже *свои* личныя стремленія? Скажите, если наконецъ желаете толковать откровенно.

Черноперовъ тоже всталъ, засунувъ руки въ карманы и сжалъ кулаки. Приходилось окончательно выяснить мысли, которыя мучили его цѣлую жизнь; приходилось наконецъ взвѣснить и расчитать для самого себя, что ему осталось дѣлать въ жизни; да наконецъ онъ пьянъ былъ. Нервная дрожь овладела имъ, и онъ сжалъ кулаки и напрягъ всѣ мускулы, чтобы удержаться отъ вздрагиваній.

— Оттого, отвѣчалъ онъ, стоя неподвижно, что исполненіе желаній съ неба не падаетъ, и нужно для этого исполненія много жизни и работы... Гдѣ эти бойцы?

У Черноперова глаза злобно засвѣтились.

Братановъ сѣлъ.

— Гдѣ эти бойцы? повторилъ Черноперовъ.

— Если настоящая жизнь васъ сдѣлала, то можно предполагать, что подъ ея влияніемъ и другіе выросли, отвѣтилъ Братановъ.

— Не выросли, сказалъ Черноперовъ... У меня есть младшій братъ, — продолжалъ онъ и губы его задрожали. Онъ получилъ по наслѣдству тотъ же организмъ, какъ и я; росъ такъ же, какъ я; въ школь шель по моимъ слѣдамъ; но теперь онъ раздушенный господинъ и ѣсть сахаръ съ медомъ. Онъ чудесно говорить о человѣкѣ, о новой жизни, о томъ, что надо дѣлать, но спросите его, что онъ знаетъ, что искалъ, что сдѣлалъ? и скажите ему, что онъ лжець и мерзавецъ...

— А что же съ нимъ приключилось? Почему такая разница вышла?

— Ничего не приключилось... Жизнь обыкновенную велъ... Вы знаете ли что первое въ жизни?

— Что?

Привычка... втянуться пужно въ дѣло—это первое. Сядьте-ка лѣтъ на пять за карты — и десяти лѣтъ будетъ мало, чтобы заглушить эту страсть. Проведите вы десять лѣтъ въ пьянствѣ или въ развратѣ—и никакія силы земныя и небесныя не перенесутъ васъ на другую дорогу... А для того, чтобы выйдти человѣкомъ, какихъ теперъ нужно, — гдѣ практика, гдѣ можно втянуться въ дѣло?

— А вы?

— А я сказалъ вамъ, какъ я провель мою жизнь. Меня не притянула и не заманила меня никакая отрасль нашей общественной жизни...

— Одинъ въ полѣ не воинъ,—прибавилъ Черноперовъ и сѣлъ на кровать; потомъ прилегъ было головой на подушку и опять поднялся. Онъ взглянулъ на Братанова, налилъ стаканъ водки, выпилъ и легъ на кровать.

— Я иду, сказалъ Братановъ, вставая.

— Идите, оазалъ Черноперовъ, устало протягивая ему руку.

— Еще спрошу васъ: отчего вы хоть для будущаго не хотите работать? спросилъ Братановъ, держа его руку.

— Оттого, полагаю, что въ другое втянулся. У всякаго своя специальность. Вонъ въ этомъ домѣ артель каменщиковъ живетъ. Каждый изъ нихъ сѣумѣетъ ограду разбивать, а собирать матеріалы для разрушенія ограды — врядъ ли... Я тоже простой каменщикъ.

— Прощайте! сказалъ Братановъ.

— Прощайте!

И. Холодовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

(Изъ Гейне).

Черезъ лѣсъ широкій, зеленью одѣтый,
Всадникъ безъ оглядки, бѣшено несется;
Громко въ рогъ трубитъ онъ, громко распѣваетъ
И съ веселымъ взоромъ весело смѣется.

Онъ закованъ въ панцырь, крѣпкій какъ желѣзо,
Но желѣза крѣоче духъ его свободный.
То Ричардъ, что въ свѣтѣ прованъ Львинымъ—Сердцемъ,
Рыцарь знаменитый, воинъ благородный.

—«Здравствуй!»—восклицаютъ всѣ деревья,—здравствуй,
Ты, пришедшій снова къ своему народу!
Рады мы душевно, что съумѣлъ ты ловко
Изъ темницъ австрійскихъ выйдти на свободу!»

Весело Ричарду на просторѣ вольномъ,
Радостью и мощью гордо блещутъ взоры...
Вдругъ онъ вспомнилъ запахъ крѣпостей австрійскихъ—
И коню-красавцу далъ скорѣе шпоры.

В: Зиневъ.

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXXV

ГОСТИНИЦА ВЪ ШЭЛЪ.

Джоржъ Вавазоръ вышелъ изъ конторы мистера Скреби (читатель не забылъ конечно, что въ это свиданье съ мистеромъ Скреби нашъ герой имѣлъ случай убѣдиться въ необходимости, какъ можно скорѣе, раздобыться малою толикою денегъ),—и такъ, онъ вышелъ изъ конторы стряпчаго подѣ тѣмъ впечатлѣнiемъ, что дѣло, лежавшее у него на рукахъ, весьма неприятное дѣло: не по сердцу ему была необходимость занять денегъ у Алисы.

Всѣ мы знаемъ, что господа нечистые на руку, откалываютъ подѣ часъ очень грязныя штуки, и мы вообще склонны думать, что они находятъ извѣстнаго рода наслажденье въ откалываньи этихъ штукъ; но въ этомъ, мнѣ кажется, мы жестоко ошибаемся. Не легко обнищавшему дворянину выслушивать отказы; не легко ему получать подачку, которую кидаютъ ему съ презрѣнiемъ; но и того тяжелѣе достается ему подачка, которую даютъ ему съ видомъ довѣрiя къ его честности.—Чортъ возьми! говоритъ онъ самому себѣ въ подобныхъ исключительныхъ случаяхъ, этому человѣку я непременно заплачу,—а самъ знаетъ, какъ нельзя лучше, что этому человѣку онъ во всю жизнь не заплатитъ.

Джоржъ Вавазоръ становился въ туникъ, какъ ему сдѣлать первый шагъ къ присвоенiю себѣ кошелька Алисы? Когда онъ

пришелъ къ ней, прося ея любви, она отвернулась отъ него съ содроганьемъ; онъ зналъ очень хорошо, что въ просьбѣ о деньгахъ онъ не получитъ отказа, но какъ было ему заикнуться о деньгахъ въ томъ положеніи, въ которомъ онъ стоялъ относительно ея?

Наконецъ онъ рѣшился взвалить это дѣло на плечи сестрѣ. Кэтъ могла свободнѣе его объясниться съ Алисою; да и наконецъ, между женщинами вся жесткая сторона этихъ дѣловыхъ переговоровъ должна была сгладиться за романтическою фразеологіей, на которую самъ онъ былъ не мастеръ.

И такъ, Джоржъ порѣшилъ повидаться съ сестрою и съ этою цѣлью отправился въ Уэстморлэндъ, предупредивъ сестру, что остановится въ небольшой одинокой гостиницѣ въ Шэпъ, и попросивъ ее побывать у него пораньше утромъ на другой день его пріѣзда.

Часовъ около девяти вечера, темною, ненастною ночью, Вавзоръ прибылъ въ маленькую гостиницу.—И живутъ же люди въ этой проклятой странѣ, проворчалъ онъ сквозь зубы, и тутъ же порѣшилъ, что непременно продастъ Вавзорскій замокъ, безъ малѣйшаго уваженія къ связаннымъ съ нимъ семейнымъ преданіямъ, если онъ только когда нибудь попадетъ въ его руки.

— Вы ли это, мистеръ Джоржъ? встрѣтилъ его хозяинъ гостиницы. Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы васъ здѣсь не видали!

Но Джоржъ не испытывалъ ни малѣйшаго желанія пускаться въ разговоры съ хозяиномъ гостиницы и объяснять ему причину своего долгаго отсутствія. Онъ ограничился тѣмъ, что проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, вмѣсто отвѣта, и попросилъ приготовить для него небольшую отдѣльную комнату на верху. Вечеръ онъ провелъ въ одиночествѣ, не слишкомъ-то поощряя навязчивость хозяина, который, не смотря на то, раза три или четыре навѣдывался къ нему въ комнату, пока, наконецъ, Джоржъ не объявилъ, что у него болитъ голова и что онъ желаетъ остаться одинъ.

— Спокойнѣе вѣку онъ былъ такой необходимый, разсудилъ про себя хозяинъ гостиницы; никто отъ него никогда не слышалъ добраго слова. Точно, право, этотъ рубецъ, что обезобразилъ ему лицо, разсѣкъ ему и сердце.

Оставшись одинъ, Джоржъ принялся обдумывать, не лучше ли ужъ будетъ разомъ попросить у Алисы двѣ тысячи фунтовъ, чтобы избавиться отъ непріятной необходимости занимать у нея деньги до свадьбы въ нѣсколько пріемовъ. Не радостно у него было на душѣ. Вплоть до послѣдней минуты его не покидала увѣренность, что Алиса все еще его любитъ, и эта увѣренность, не смотря на всю жесткость и испорченность его природы, все же доставляла ему минуты чистаго наслажденія; но жолчное чувство замѣнило это наслажденіе въ послѣднее свиданье его съ Алисою. Онъ готовъ былъ отказаться отъ нея и отвергнуть ту, которая когда-то отвергла его; но онъ вспомнилъ, что нуждается въ ея деньгахъ, и удержался, внутренне обозвавъ себя подлецомъ.

Вавазорскій замокъ отстоялъ миляхъ въ пяти отъ Шэпа, и Катъ волей-неволей должна была сообщить дѣду о задуманной поѣздкѣ и ея цѣли.

— Куда это ты собираешься? спросилъ старикъ въ отвѣтъ на ея просьбу одолжить ей телѣжку.

Въ такихъ домахъ, какъ Вавазорскій замокъ, единственная хозяйская лошадь несетъ обыкновенно двойную службу: сегодня на ней развѣзжаетъ хозяйка дома, а завтра та же лошадь не брезгаетъ возить на возѣ. Обыкновенно бываетъ такъ, что самъ сквайръ ставитъ послѣднюю службу куда какъ выше первой. Владѣлецъ Вавазорскаго замка вполне раздѣлялъ это воззрѣніе, и всякого, кто обращался къ нему за разрѣшеніемъ проѣхать на его лошади, считалъ крайне дерзкимъ попрошайкой.

— Недалеко, дѣдушка: въ Шэпъ.

— Въ Шэпъ? Какого чорта тебѣ тамъ понадобилось? Вѣдь къ Шэпъ, кажись, нѣтъ магазиновъ?

— Я не за покупками туда отправляюсь, мнѣ надо тамъ повидаться съ однимъ человѣкомъ.

— Это съ кѣмъ?

Катъ подумала, что ужъ лучше сказать дѣду всю правду.

— Братъ пріѣхалъ туда и дожидается меня въ тамошней гостиницѣ, отвѣчала она. Я было не хотѣла вамъ говорить это, потому что положила себѣ не упоминать при васъ его имени, пока вы не согласитесь принять его здѣсь.

— А онъ рассчитываетъ пріѣхать сюда теперь, — такъ, что ли?

— О нѣтъ, сэръ! не думаю. Онъ просто прѣѣхалъ повидаться со мною,—но дѣламъ, если не ошибаюсь.

— Какія это такія дѣла? Ужь не подбирается ли онъ къ твоимъ деньгамъ?

— Чуть ли не по дѣламъ, касающимся его женитьбы; онъ, кажется, хочетъ, чтобы я уговорила Алису не откладывать свадьбу въ долгій ящикъ.

— Слушай, Кэтъ! если ты когда нибудь дашь ему денегъ взаймы изъ твоего капитала,—я съ тѣмъ и въ гробъ сойду, что не пущу его къ себѣ на глаза. И это еще не все, Кэтъ. Пока, не смотря на всѣ его продѣлки, я не хочу лишиться его наслѣдства; по моей смерти имѣнье перейдетъ въ его пожизненное владѣнiе; но если онъ приберетъ къ рукамъ твои деньги, то я уничтожу это завѣщанiе и смерть моя не обогатитъ его ни на одинъ шиллингъ.—Можешь сказать, чтобы тебѣ запрягали лошадь.

И нужно же было, чтобы подобная догадка пришла въ голову старику именно въ это утро! Кэтъ совсѣмъ было порѣшила предложить брату свое маленькое состоянiе. Сердце ея чуюло, что онъ прѣѣхалъ переговорить съ нею касательно денегъ Алисы; ее бросало въ краску при этой мысли, а она повторяла про себя, что надо, такъ или иначе, спасти его отъ подобнаго искушенiя. Будь Алиса только кузиною Джоржа, быть можетъ, Кэтъ ничего бы не имѣла противъ его намѣренья занять у нея денегъ; она была того мнѣнiя, что въ качествѣ Вавазоровъ всѣ они обязаны поддерживать будущаго главу семейства въ его предпрiятии, долженствовавшемъ сообщить новый блескъ всему ихъ дому; но она никакъ не могла помириться съ мыслью, что братъ ея воспользуется деньгами своей невѣсты. Наконецъ она пришла къ тому заключенiю, что единственный честный выходъ изъ этого затрудненiя,—занять денегъ у тетушки Гринау, которая не разъ уже предлагала Кэтъ воспользоваться ея кошелькомъ. За себя Кэтъ постоянно отказывалась отъ подобнаго рода предложенiй, но тамъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ брата, вся ея совѣстливость исчезала.

— Дѣдушка знаетъ, что ты здѣсь, Джоржъ, сказала она послѣ первыхъ привѣтствiй.

— Тѣмъ хуже, чортъ возьми! И кто тебя просилъ говорить ему?

— Я не допросилась бы у него экипажа, если бы не сказала ему, на что онъ мнѣ понадобился.

— Что за глупое оправданье! Точно ты не могла выдумать какойнибудь предлогъ. Я положительно не желалъ, чтобы онъ пронохалъ о моемъ прїѣздѣ.

— Я, право, Джоржъ, не вижу въ этомъ бѣды.

— Да я-то вижу, и очень большую бѣду. Быть можетъ, это навсегда уничтожить возможность моего примиренія съ нимъ.—Что онъ сказалъ, узнавъ что я здѣсь?

— Онъ не распространялся объ этомъ.

— Ни слова не говорилъ онъ о томъ, чтобы я прїѣхалъ къ нему?

— Ни слова.

— Да я бы и такъ не поѣхалъ. Ужь коли мириться, то мириться такъ, чтобы изъ этого вышелъ какой прокъ, чтобы заставить его измѣнить завѣщаніе въ мою пользу; а для этого понадобится слишкомъ много времени; и все-то имѣнье не стоитъ этихъ хлопотъ. Старикъ онъ до того взбалмошный и безтолковый, что надо грѣха сторониться. Но, Кэтъ, чтожь ты не поздравляешь меня съ предстоящей женитьбой?

— Я уже поздравляла тебя, Джоржъ, въ моемъ послѣднемъ письмѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я и забылъ. Ну, да особенно-то поздравлять, пожалуй, и не съ чѣмъ.

— Джоржъ!

— Видишь ли, Кэтъ, я не умѣю смотрѣть на вещи съ твоей романтической точки зрѣнія. А полдюжины дѣтей при ограниченныхъ средствахъ, право, не слишкомъ-то завидная перспектива для человѣка, желающаго составить себѣ карьеру.

— Но вѣдь ты же всегда желалъ назвать ее своей женою.

— Ну, этого я что-то не припомню. По этой части ты всегда находилась подъ вліяніемъ какой-то галлюцинаціи; впрочемъ, твое сватовство увѣнчалось успѣхомъ, и ты имѣешь полнѣйшее право торжествовать побѣду.

— Ты знаешь, что я ничего для себя не желаю.

— За то я скажу тебѣ, Кэтъ, чего я для себя желаю. Я желаю достать денегъ.—И онъ прїостановился, какъ бы выжи-

дея отвѣта, но она молчала, и онъ поневолѣ долженъ былъ продолжать:—Я далеко не увѣренъ въ томъ, что не даль маху, стараясь попасть въ парламентъ; чего добраго, цѣль, которую я помѣтилъ, слишкомъ высока для меня.

— Не говори этого, Джоржъ.

— Этой мысли у меня ничѣмъ не выбьешь. Нечего и говорить тебѣ, что я, съ своей стороны, готовъ пожертвовать всѣмъ, что имѣю; я, кажется, не задумался бы и передъ такимъ дѣломъ, черезъ которое, въ случаѣ неудачи, могъ бы —прогуляться вмѣсто парламента на висѣлицу. Но въ томъ-то и бѣда, что тутъ однихъ моихъ личныхъ жертвъ мало; денегъ у меня больше нѣтъ, а въ шеѣ моей, хотъ бы я и охотно поставилъ ее на карту,—проку мало.

— Все мое маленькое состояніе въ твоемъ распоряженіи,—проговорила Кэтъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Сколько ни вѣщицалась она, не могла она не предложить брату все что имѣла, хотъ угроза дѣда все еще раздавалась въ ея ушахъ и она понимала, что, дѣлая Джоржу подобное предложеніе, она его же губить.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я не возьму твоихъ денегъ.

— Но если бы ты зналъ, какъ охотно я ихъ отдаю тебѣ!

— А взять я ихъ все-таки не могу; я бы себѣ этого никогда не простилъ. Всего твоего состоянія еле-еле хватитъ на покрытіе моихъ расходовъ текущей минуты; къ тому же, я вовсе не желаю пустить тебя по мірѣ. Ну, да словомъ, дѣло это неподходящее и о немъ не стоитъ больше и говорить.

— Чего-жъ ты желаешь? спросила Кэтъ, а сама, между тѣмъ отлично догадывалась, чего онъ хочетъ.

— А вотъ, слушай: когда я женюсь на Алисѣ, за нею, конечно, укрѣпять часть состоянія на случай моей смерти; а такъ какъ старый сквайръ ей такой же дѣтъ, какъ и мнѣ, то я предложу передать ей все наше родовое имѣнье въ пожизненное владѣніе, на тотъ случай, если она переживетъ меня.

— Что же далѣе? проговорила Кэтъ.

— Какъ скоро мы условимся относительно этого, я не вижу, почему мнѣ не взять впередъ часть ея состоянія, которое конечно, при подобнаго рода сдѣлкѣ, перейдетъ послѣ свадьбы въ мои руки.

— Но старикъ можетъ оставить имѣнье кому ему заблагоразсудителѣ.

— Онъ нѣ за что не передастъ его въ чужія руки. Къ тому же, онъ будетъ радъ-радешенекъ предлагаемой мною сдѣлкѣ, ужъ нѣ за того одного, что лишитъ меня такимъ образомъ всякой власти распоряжаться имѣньемъ.

— Но сдѣланъ эта не можетъ состояться до вашей свадьбы.

— Слушай, Кэтъ: брось ты эту манеру возражать мнѣ; если ты не хочешь мнѣ помочь, то лучше такъ прямо и скажи, и я ворочусь въ Лондонъ.

— Я рада помогать тебѣ всѣмъ, что лежитъ въ моей власти; но не требуй отъ меня, чтобы я поступала противъ моей совѣсти.

— Этакъ-то могъ бы отвѣтить и всякій встрѣчный; что мнѣ въ твоей готовности помочь, коли ты ставишь подобнаго рода оговорки? Скажи-ка мнѣ лучше — согласна ты написать Алисѣ или, и того лучше, сама стѣздить въ Лондонъ и передать ей, что мнѣ нужны ея деньги?

— Какъ же могу я теперь ѣхать въ Лондонъ?

— Могла бы, если бы только захотѣла. Ну, да положимъ, что это ужъ слишкомъ большое требованье; за то написать-то ужъ, кажется, ничто тебѣ не мѣшаетъ? Тебѣ ловчѣ вести эти переговоры, чѣмъ мнѣ. Объясни Алисѣ, что мнѣ необходимо впередъ заплатить всѣ расходы по выборамъ, что безъ этого мнѣ нечего и думать объ успѣхѣ. Я не ожидалъ, что деньги понадобятся такъ скоро; но народъ этотъ знаетъ, что я человекъ не денежный, а потому очень естественно желаетъ заручиться своей платой, прежде чѣмъ переведетъ дѣло въ мою пользу. Скѣрби уже раза два надували кандидаты по столичнымъ выборамъ, и онъ далъ себѣ зарокъ, что въ третій разъ его не надувають.

И онъ замолчалъ, выжидая, что скажетъ Кэтъ.

— Джоржъ! проговорила она съ разстановкой.

— Ну-съ!

— Послушайся меня! Испробуй лучше другой какойнибудь, только не этотъ планъ.

— Другого плана нѣтъ. Ужъ вотъ сейчасъ видна женщина: ей говорятъ о единственномъ возможномъ выходѣ, а она его-то и не хочетъ.

— Мнѣ кажется, что тебѣ не слѣдуетъ брать деньги Алисы.

— Милая Кэтъ! предоставь ужь мнѣ, пожалуйста, самому судить о томъ, что мнѣ слѣдуетъ и что не слѣдуетъ дѣлать. Сама Алиса, какъ нельзя лучше, понимаетъ это дѣло. Она знаетъ, что безъ денегъ я не могу занять то положеніе, которое столько же желательно для нея, какъ и для меня, и она предложила мнѣ денежную помощь. Если я прошу тебя сказать ей, что деньги эти понадобились мнѣ именно теперь, то прошу тебя потому, что черезъ тебя мнѣ какъ-то ловчѣе вести эти переговоры. — Или я сильно ошибался до сихъ поръ въ твоемъ умѣ, или ты сразу поймешь, что я хочу сказать.

Кэтъ поняла его какъ нельзя лучше; она видѣла, что брать ея стыдится задуманнаго дѣла и потому хочетъ сдѣлать ее своей посредницей.

— Я бы желала, что быты написала ей безъ отлагательствъ, продолжалъ Джоржъ, ужь если ты не находишь нужнымъ безпокоиться и самой съѣздить въ Лондонъ.

— Не о безпокойствѣ тутъ рѣчь, отвѣчала Кэтъ. Я не полѣнилась бы пѣшкомъ сходить въ Лондонъ, если бы только могла этимъ доставить тебѣ деньги.

— Такъ ты думаешь, что Алиса откажетъ мнѣ въ нихъ?

— Напротивъ, я убѣждена, что она тебѣ дастъ ихъ; но мнѣ кажется, что тебѣ-то не слѣдовало бы брать ихъ у нея. Деньги той дѣвушки, на которой ты задумалъ жениться, должны бы быть для тебя, по моему, священны.

— Ужь какъ я ненавижу всѣ эти романтическія тонкости, проговорилъ Джоржъ, рассказывая по комнатѣ. Если бы ты только съ минуту подумала о томъ, что сказала, то увидѣла бы, что несешь страшную дичь. Мы съ Алисой готовимся стать мужемъ и женою; имущество, общественное положеніе, интересы — все у насъ будетъ общее; а между тѣмъ, къ ней-то, вишь, я и не долженъ обращаться за деньгами, которые мнѣ необходимы, чтобы упрочить какъ себѣ, такъ и ей лучшую будущность. И это, по вашему, называется деликатностью? — по моему, это просто гиль и чепуха.

— Слушай, Джоржъ, что я придумала: я попрошу тетюшку Гринау дать мнѣ взаймы нужную для тебя сумму денегъ.

— Не думаю, чтобы она раскошенилась для меня. Къ тому

же, деньги эти нужны мнѣ сейчасъ а тутъ еще письменные переговоры; всякая же проволочка для меня гибельна. Если ты не хочешь переговорить съ Алисой, то я буду принужденъ обратиться къ ней самъ; такъ скажи же, пожалуйста, хочешь ты или нѣтъ оказать мнѣ эту услугу?

Прежде чѣмъ Кэтъ собралась съ духомъ отвѣчать, кто-то постучался въ дверь и ей подали измятый клочекъ бумаги, только-что принесенный мальчикомъ изъ Вавазора. Записка была отъ ея дѣда и содержала въ себѣ слѣдующія слова:

«Если Джорджъ желаетъ побывать въ замкѣ, то пускай прійдетъ; если онъ удостоитъ извиниться передо мною, то я охотно приму его».

— Это что за записка? спросилъ Джорджъ.

Кэтъ передала ему записку.

— Ну, это онъ напрасно изволить беспокоиться, замѣтилъ Джорджъ. И что я выиграю тѣмъ, что поѣду къ нему?

— Страшно много выиграешь, отвѣчала Кэтъ. Если ты не воспользуешься настоящимъ случаемъ, то тебѣ никогда не переступить черезъ порогъ этого дома.

— Да, пока онъ не сдѣлается моимъ.

— Но въ томъ-то и бѣда, что онъ никогда не будетъ твоимъ, если ты покажешь старику, что не желаешь съ нимъ мириться; быть можетъ, когда нибудь ты и вступишь въ этотъ домъ, но не ты будешь хозяйномъ; онъ пойдетъ въ приданое за Алисой. Подумай объ этомъ, Джорджъ! Вѣдь не захочешь же ты всѣмъ быть ей обязанъ.

Джорджъ ходилъ по комнатѣ, бормоча сквозь зубы проклятiя.

— Ты еще не отвѣтила на мой вопросъ, проговорилъ онъ наконецъ. — Положимъ что, я поѣду къ старику; общаешься ли ты тогда написать Алисѣ?

— Нѣтъ, Джорджъ, я не могу писать Алисѣ о ея деньгахъ.

— Такъ ты не напишешь?

— Это свыше силъ моихъ.

— А, коли такъ Кэтъ, то дѣйствуй себѣ на здоровье съ старикомъ за одно; оно же и выгодно для тебя: коли ловко поведешь дѣло, то, можетъ статься, и уломаешь его оставить наслѣдство тебѣ.

— Я не заслужила этого упрека, твердо проговорила Кэтъ.

Если въ тебѣ осталась хоть капля сердца или совѣсти, ты и самъ долженъ это почувствовать.

— Ну, нельзя сказать, чтобы я страдалъ отъ избытка того или другого; да оно и лучше въ моемъ положеніи.

— Возьми, Джоржъ, мои деньги.

— Ни за что. Хотя совѣсти у меня вообще и не много, но все же малая толика ея удѣляла и во мнѣ.

— Позволь мнѣ написать тетушкѣ Гринау.

— Пиши, я ничего не имѣю противъ этого, но только врядъ ли что изъ этого выйдетъ.

— Какъ бы то ни было, я напишу ей. А теперь отвѣчай мнѣ, ѣдешь ты въ Вавазоръ или нѣтъ?

— Просить прощенья у этого полоумнаго старика? Слуга покорный. Я вовсе не въ такомъ расположеніи духа, и мой пріѣздъ раздражитъ его только еще больше. Скажи ему, мнѣ необходимо было возвратиться въ Лондонъ по спѣшнымъ дѣламъ.

— А жаль, очень жаль!

— Чтожь дѣлать, помочь я тебѣ не могу.

— Но подумай, вѣдь это можетъ имѣть вліяніе на всю твою будущность, настаивала Кэтъ.

— Слушай, Кэтъ, проговорилъ Джоржъ: я поѣду въ Вавазаръ и терпѣливо подвергнусь нахальству старика, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты взяла на себя переговоры по моему дѣлу съ Алисой.

Кэтъ начинала сдаваться; она чувствовала, что все на свѣтѣ готова сдѣлать, лишь бы помирить брата съ дѣдомъ.

— Но ты позволишь мнѣ попытать прежде счастья у тетушки Гринау? проговорила она. Вѣдь на это понадобится всего какихъ нибудь два, много три дня.

На это Джоржъ согласился съ такимъ видомъ, какъ-будто дѣлалъ сестрѣ невѣсть какую уступку; Кэтъ, съ своей стороны, обѣщалась, скрѣпя сердце, въ случаѣ отказа отъ тетушки Гринау, обратиться за деньгами къ Алисѣ. Затѣмъ Джоржъ милостиво отправился къ себѣ въ спальню уладывать свои вещи и собираться въ замокъ.

Дорогою братъ и сестра молчали вплоть до воротъ замка.

— Вы ли это, мистеръ Джоржъ? проговорила старая привратни-

ца, вышедшая отпереть имъ ворота. Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы васъ не видали?

Въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и съ тою же искренностью привѣтствовалъ Джоржа и хозяинъ гостиницы. Джоржъ никогда не умѣлъ снискать общее расположеніе въ этомъ околдѣ, но все же не даромъ онъ былъ наслѣдникъ Вавазорскаго замка!

— Мнѣ кажется, тебѣ лучше отправиться въ гостиную, проговорила Кэтъ; а я между тѣмъ схожу къ дѣду. Только вотъ жаль, что въ гостиной каминъ не топится.

— Дѣлай какъ знаешь; только, пожалуйста, не морозь меня слишкомъ долго. Господи, что за домъ! На дворѣ январь мѣсяцъ, а комнаты стоятъ нетопленныя.

— Да не забудь, Джоржъ, когда увидишь его, выразить ему твое сожалѣніе о томъ, что произошло между вами. Ужь разъ ты пріѣхалъ сюда, — не надо доводить дѣло до ссоры.

— А между тѣмъ безъ ссоры врядъ ли дѣло обойдется, проговорилъ Джоржъ. Только бы вотъ онъ мнѣ въ лошади не отказалъ доѣхать до Шэпа, если мы съ нимъ переругаемся. А вотъ онъ и самъ стоитъ на крыльцѣ, такъ что мнѣ не зачѣмъ идти въ нетопленную комнату.

Когда телѣжка остановилась у подъѣзда, старикъ протянулъ руку Кэтъ и помогъ ей выйти изъ экипажа, а самъ, между тѣмъ, не сводилъ глазъ съ Джоржа.

— И такъ, ты воротился подъ родной кровъ, обратился онъ къ нему.

— Да, сэръ, точь въ точь какъ блудный сынъ въ притчѣ.

— Но блудный сынъ воротился съ раскаяньемъ въ сердцѣ; надѣюсь, что и ты раскаяваешься.

— Какъ же, какъ же, сэръ; отъ души жалѣю объ этихъ прошлыхъ недоразумѣніяхъ и т. д.

— Вылѣзай, сердито крикнулъ старый свайръ. Захотѣлъ я отъ кого дождаться путнаго слова! Скорѣе жемчугу отъ свиньи дождешься.

Джоржъ послѣдовалъ за нимъ въ домъ и только пожалъ плечами, когда глаза его встрѣтились съ глазами сестры. Такъ состоялось примиреніе стараго свайра съ его наслѣдникомъ.

ГЛАВА XXXVI.

ХЛѢБЪ-СОЛЬ МИСТЕРА ЧИЗСАКЕРА.

По мѣрѣ того, какъ проходила зима, возрастало нетерпѣніе мистера Чизсакера привести къ желанной развязкѣ отношенія, связывавшія его съ интересной вдовушкой. Два опасенія не давали ему покоя: онъ боялся, что мистриссъ Гринау отдатъ себя и свои денежки въ распоряженіе этого прощальца, Бельфильда; и боялся, съ другой стороны, что она растрянжитъ свое состояніе такъ, что если владѣ въ одно прекрасное Утро и достанется ему, Чизсакеру, то достанется значительно поурѣзанный въ своей цѣнности. — Чортъ возьми! да она никакъ свой собственный экипажъ завела, проворчалъ онъ, повстрѣчавшись, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Норвичъ, съ мистриссъ Гринау, прокатившей мимо его въ красивомъ кабриолетѣ, вовсе непоходившемъ на извозничій.

Не беремъ судить, на сколько мистеръ Чизсакеръ былъ правъ въ первомъ своемъ опасеніи; но второе положительно не имѣло никакого основанія. Мистриссъ Гринау могла потягаться съ любой дамой въ цѣлой Англій въ умѣнны распоряжаться своими деньгами. Кабриолетъ, надѣлавшій мистеру Чизсакеру столько тревогъ, былъ просто наемнымъ и брался не помѣсячно.

Но страшнѣе кабриолета былъ для мистера Чизсакера капитанъ Бельфильдъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что капитанъ придерживался того правила, что на войнѣ да въ любви всякія хитрости позволены, иначе мы не можемъ вообразить, какъ только стало! у него безстыдства на тѣ чудовищныя выдумки, которыми онъ угощалъ мистера Чизсакера на каждомъ шагу. Да не подумаетъ читатель, что мистеръ Чизсакеръ вѣрилъ ему хоть на грошъ; онъ очень хорошо зналъ, что Бельфильду ни въ чемъ нельзя вѣрить, что онъ вотъ уже цѣлыхъ дѣсять лѣтъ только лганьемъ и промышляетъ; но бываетъ же такъ, что люди, извѣстные цѣлому свѣту за отъявленныхъ лжецовъ, успѣваютъ, при всѣмъ томъ, надувать другихъ. Мистеръ Чизсакеръ не выходилъ изъ самыхъ мучительныхъ сомнѣній во все время, какъ капитанъ Бельфильдъ про-

живалъ въ Нирвелѣ. Онъ не жалѣлъ денегъ на подкупъ Жанеты; даже миссъ Чарли Ферстеръ была у него на откупъ и онъ щедро награждалъ ее перчатками и цыплятами изъ Ойлимида, въ надеждѣ получить такимъ образомъ обстоятельнѣйшія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ злого коршуна, вившагося надъ его голубкой. Мало того, онъ подкупилъ самаго капитана, обязавъ его въ отплату за кое-какія денежные ссуды прекращеніемъ наступательныхъ дѣйствій противъ голубки. Онъ покусился даже было подкупить вдовушку и въ одно прекрасное утро, склонивъ передъ нею колѣна, поднесъ ей брошку, величиною съ нагрудникъ, при чемъ позволилъ себѣ предостеречь ее противъ хищническихъ покушеній злого коршуна.

Но вдовушка отвела рукою брошку — нагрудникъ и объявила, что послѣдній предметъ, сработанный для нея золотыхъ дѣлъ мастеромъ, — это кольцо съ прядью сѣдыхъ волосъ, которое она носитъ на память о бѣдномъ Гринау, и что она навѣки отеклась отъ всякихъ другихъ украшеній. Что же касается капитана, продолжала она, то напрасно мистеръ Чизсакеръ беспокоится — она совершенно равнодушно къ этому чело-вѣку. Впрочемъ это не должно падавать и мистеру Чизсакеру какія либо надежды, потому что сердце ея погребено подъ сырой землею. — Предосадное то было положеніе! А при всемъ томъ, въ самомъ процессѣ ухаживанья за мистрисъ Гринау заключалось своего рода удовольствіе, долженствовавшее мнѣ рять ея поклонниковъ съ неудачностью результата. Ну, съ какою дамою можно какъ ни въ чемъ не бывало усѣсться къ чайному столу, предварительно простоявъ передъ ней чуть не пол-утра на колѣняхъ? А съ мистрисъ Гринау это дѣлалось очень просто. Выслушавъ самыя страшныя увѣренія въ любви, она возвращалась къ своей роли хозяйки съ такою скромностью и радушіемъ, что у огорченныхъ поклонниковъ разомъ отлегалось отъ сердца. А тамъ, на прощанье она допускала долгое, долгое пожатіе руки, приговаривая только для формы: ну, будетъ, будетъ! перестаньте. Уходя отъ нея мистеръ Чизсакеръ обыкновенно клялся и божился, что она на слѣдующій же базарный день будетъ его, но увь! пріѣзжая въ слѣдующій понедѣльникъ въ городъ, онъ узнавалъ, что наканунѣ капитанъ Бельфильдъ цѣлый вечеръ просидѣлъ у чародѣйки, и еще онъ, Чизсакеръ нарочно ссудилъ этого подлеца пятью

фунтами, чтобы дать ему возможность провести это воскресенье въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ изъ Соффольскаго отряда волонтеровъ.

Доведенный, наконецъ, до отчаянiя, онъ рѣшился пригласить Бельфильда на мѣсяць къ себѣ, въ Ойлимидъ. Денежныя обстоятельства капитана были плохи, и онъ охотно принялъ приглашенiе.—Мы съ вами поохотимся, позаймемся стрѣльбою въ цѣль, сказала ему мистеръ Чизакеръ, только я, знаете ли, не желалъ бы, чтобы вы куда нибудь безъ меня отправлялись.—Бельфильдъ согласился. Каждый изъ соперниковъ смелъ про себя, въ чемъ состоитъ главная суть условiя; но все же, сдается мнѣ, прозорливѣйшимъ изъ двухъ оказался капитанъ Бельфильдъ. Онъ понялъ, что его ищутъ удалить отъ вдовушки, а впрочемъ онъ сообразилъ, что то же разстоянiе будетъ отдѣлять отъ нея самого радушнаго амфитриона. Миляхъ въ двухъ отъ Ойлимиды находилась станцiя желѣзной дороги, а оттуда до Норвича было всего какихъ нибудь полчаса пути. Весьма вѣроятно было, что мистеръ Чизакеръ будетъ коситься на отлучки своего гостя, но все же воспрепятствовать этимъ отлучкамъ онъ не могъ.

— Такъ вотъ какъ! вы отправляетесь въ Ойлимидъ! проговорила мистрисъ Гринау, когда капитанъ Бельфильдъ пришелъ съ ней проститься. При этомъ свиданiи присутствовала Чарли Ферстерсъ, такъ что капитанъ не могъ извлечь изъ него для себя всей той пользы, которую бы желалъ. По чести, продолжала вдова, такая трогательная дружба, какъ ваша съ мистеромъ Чизакеромъ, на рѣдкость.

— Эти мужчины ужъ всѣ такiе охотники шалить у холостяковъ, замѣтила Чарли Ферстерсъ, жизнь которой слагалась до сихъ поръ далеко не такъ удачно, какъ бы она желала.

— Ну, что до этого касается, отвѣчала Бельфильдъ, то я отъ души желаю этому добряку Чизи поскорѣе обзавестись женою. Онъ безъ жены совсѣмъ пропадетъ: шутка ли! хозяйство завелъ самое отчѣинное, и все-то это осталось въ тунѣ. Вотъ, что бы вамъ, миссъ Ферстерсъ, впречь его въ супружеское ярмо?

— Фермера-то! благодарю покорно! проговорила Чарли, которая имѣла свои причины не желать, чтобы добрая ея

покровительница, мистрисъ Гринау вышла за мужъ за мистера Чизсакера, и потому всячески старалась умалить его достоинства въ ея глазахъ.

— Передайте ему отъ меня дружескій поклонъ, проговорила мистрисъ Гринау, которой не понравилось непрощенное вмѣшательство.

— Да вотъ что, капитанъ Бельфильдъ, что бы вамъ съ мистеромъ Чизсакеромъ отобѣдать у меня въ воскресенье?

Капитанъ объявилъ, что съ своей стороны сочтетъ за величайшее счастье явиться на приглашеніе.

— И Чарли тоже приѣдетъ попытать счастья съ мистеромъ Чизсакеромъ, продолжала вдова, благосклонно поглядывая на капитана.

— Я приѣду съ большимъ удовольствіемъ, но только отнюдь не для этого, отвѣчала Чарли. Мать Чарли была дочь мелкопомѣстнаго сквайра, сдававшего свою землю на аренду, а потому не удивительно, что она относилась свысока къ какому нибудь фермеру.

Уговорившись на счетъ воскресенья, капитанъ Бельфильдъ отправился въ Ойлимидъ. Порядки этого дома были ему коротко знакомы и потому онъ нисколько не удивился, что вплоть до сумерокъ никто объ немъ и не освѣдомился.

Не удивило его и то обстоятельство, что вмѣсто одной изъ нарядныхъ спаленъ, съ мебелью краснаго дерева, ему отвели для ночлега дрянную комнату безъ камина, выходившую окнами на задній дворъ; капитану не впервые было нести послѣдствія своей бѣдности и онъ помирился бы съ этими неудобствами, если бы ихъ прошли молчаньемъ; но мистеръ Чизсакеръ будто на смѣхъ, вздумалъ извиняться.

— Ужь вы, дружище, не взыщите, обратился онъ къ своему гостю, — оно, конечно, парадныя спальни все равно стоятъ пустыя, да ужъ очень, знаете ли, хлопотливо вынимать бѣлье, да развѣшивать занавѣски; а вамъ и въ этой коморкѣ будетъ хорошо.

— Отлично, чего же лучше, отвѣчалъ капитанъ довольно утрумо.

— И точно, чего же лучше? Эта комната самая теплая въ цѣломъ дому, если хотите. Мистеръ Чизсакеръ не объяснилъ

почему эта комната была самая теплая въ цѣломъ дому. Должно полагать, что согрѣвалась она близостью конюшенъ.

За обѣдомъ нельзя сказать, чтобы оба пріятеля сошлись въ наилучшемъ расположеніи духа. Послѣ обѣда подали трубки и пуншъ. Бельфильдъ предпочелъ бы, конечно, сигары, но мистеръ Чизсакеръ находилъ что расходоваться для такой голи, какъ Бельфильдъ—ужь слишкомъ много будетъ чести. Впрочемъ пуншъ если и не улучшилъ расположеніе духа собесѣдниковъ, то, по крайней мѣрѣ, развязалъ ихъ языки. Капитанъ передалъ мистеру Чизсакеру приглашеніе мистрисъ Гринау. Сначала онъ погрузился было въ раздумье, ужь не лучше ли ему позабыть объ этомъ порученіи; но потомъ сообразилъ, что мистеръ Чизсакеръ для него не опасенъ и рѣшился исполнить порученіе.—Вы понимаете, надо же мнѣ было завернуть къ ней на минутку передъ отъѣздомъ, добавилъ онъ въ видѣ извиненія.

— Ну, необходимости-то я особенной и не вижу, замѣтилъ мистеръ Чизсакеръ.

— Эхъ, дружище, забрали же вы себѣ въ голову эту глупую ревность. Еслибы я не соблюлъ въ отношеніи ея простой вѣжливости, какъ вамъ бы того, кажется, хотѣлось, то я подалъ бы поводъ къ различнымъ догадкамъ.

— Съ чего вы взяли, что я ревную? Человѣку съ такими землями и угодыми, какъ мои, не приходится ревновать.

— Не знаю, какое тутъ значеніе могутъ имѣть ваши земли и угоды, ну, да объ этомъ мы, пожалуй, и не будемъ спорить.

— Земли и угоды въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не пустяки. Ужь если человѣкъ задумалъ жениться, то надо, чтобы у него хозяйство было въ порядкѣ. Пожалуй есть и такіе молодцы, которые не прочь пожить на женины денежки, но ужь это, по моему, послѣднее дѣло; я бы, кажется, скорѣе согласился землю копать. Такия рѣчи проняли бы кого хотите; проняли онѣ даже капитана Бельфильда; но, дѣлать нечего, онъ проглотилъ обиду, утѣшая себя надеждою на скорую расплату.

— На васъ не угодишь, проговорилъ онъ. Ну, да какъ бы тамъ ни было, я былъ у нея и она просила меня передать вамъ это приглашеніе. Что жъ? Ѣдемъ мы или нѣтъ?

Мистеръ Чизсакеръ отвѣчалъ не вдругъ, онъ, видимо, соображалъ что-то въ своей головѣ.

— Слушайте-ка, Бельфильдъ, заговорилъ онъ наконецъ, вѣдь вамъ нѣтъ рѣшительно никакого интереса быть у нея. и если вы не обидитесь, я поѣду одинъ. Мистрисъ Джонсъ изготавитъ вамъ къ обѣду, что вы ей тамъ сами закажете, а я угощу васъ, въ придачу, бутылкою стараго портвейна.

— Ну нѣтъ, пріятель, отвѣчалъ капитанъ, этимъ меня не поддѣнешь, она звала меня къ обѣду и я намѣренъ ѣхать. Я вовсе не желаю дѣлать видъ, что боюсь ея или васъ.

— И это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— А знаете ли что, продолжалъ мистеръ Чизсакеръ, пора бы вамъ отдать мнѣ хоть часть тѣхъ денегъ, которыя вы у меня занимали.

— А вотъ, погодите женюсь на вдовушкѣ, тогда заплачу вамъ все сполна, ха, ха, ха!

Первымъ движеніемъ мистера Чизсакера было сказать этому человѣку, чтобы онъ убирался изъ его дома; но подумавъ, онъ сообразилъ, что вѣдь тогда капитанъ Бельфильдъ прямымъ путемъ отправится въ Норвичъ гдѣ ему раздолье ухаживать за вдовушкой. — Ну, да вѣдь она тоже, небось, не дура, проговорилъ онъ наконецъ.

— А вотъ потому-то я и не вижу причины не ѣхать мнѣ къ ней въ воскресенье.

— Причина вамъ не ѣхать та, что вы мнѣ мѣшаете. Дернулъ меня чортъ рассказывать вамъ всѣ мои планы; я принималъ васъ за друга, да и на то полагался, что много я вамъ денегъ переплатилъ, чтобы пріобрѣсти въ васъ сообщника; а вы вмѣсто того, только и наровите, какъ бы подставить мнѣ ногу; жаль только, что вамъ не удастся.

— И что вы за дуракъ, посмотрю я на васъ, проговорилъ капитанъ Бельфильдъ послѣ небольшой паузы. Выслушайте-ка, что я вамъ скажу: вѣдь эта выдра, Чарли Ферстерсъ, непременно будетъ тамъ.

— Вы почему знаете?

— Да ужъ знаю. Небось при мнѣ ее приглашали. И я самъ своими ушами слышалъ, какъ она сказала, что и не подумаетъ ловить такого жеѣнаха какъ вы, потому что вы фермеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вишь какая добренькая, проговорилъ

мистеръ Чизсакеръ, краснѣя отъ злости. Да знаетъ ли она, что самъ-то я побрезгалъ бы дотронуться до такого влада какъ она; она и прикащику-то моему не годится въ жены, не только что мнѣ.

— Ну, да какъ бы то не было, надо же, чтобы кто-нибудь занялся ею въ воскресенье, если вы хотите чтобы ваше дѣло со вдовушкой пошло на ладъ.

— И съ какой стати приглашаетъ она къ себѣ эту дрянн!

— Нужно же ей имѣть кого-нибудь около себя для компаніи. Когда вы женитесь на ней, тогда отъ Чарли вамъ легко будетъ отдѣлаться.

— Отдѣлаться! Да я просто не пушу её черезъ порогъ моего дома. Я ее съ поконъ вѣку терпѣть не могъ.

— А все же вамъ предстоитъ отобѣдать въ ея обществѣ, замѣтилъ капитанъ Бельфильдъ; я же того мнѣнія, что въ подобныхъ случаяхъ четыре собесѣдника куда лучше трехъ.

Съ этимъ мистеръ Чизсакеръ принужденъ былъ нехотя согласиться. Вслѣдъ за тѣмъ мистрисъ Гринау получила отъ обоихъ пріятелей по запискѣ, въ которой они увѣдомляли ее что будутъ. Мистеръ Чизсакеръ писалъ въ единственномъ числѣ, игнорируя капитана, какъ онъ игнорировалъ бы своего лакея, если бы намѣревался взять его съ собою. Капитанъ удостоился выразиться во множественномъ числѣ.

— Для насъ этотъ день будетъ настоящимъ праздникомъ, писалъ онъ. Добрякъ Чизи съ радости послѣдній умъ потерялъ и уже принялся отчищать свою особу отъ принадлежностей скотнаго двора.

— Отъ принадлежностей скотнаго двора! повторила мистрисъ Гринау, прочитавъ эти строки. Не мѣшало бы капитану Бельфильду самому имѣть побольше того добра, которое называется скотными дворами.

ГЛАВА XXXVII.

Мистрисъ Гринау даетъ друзьямъ невольшой овадь.

Какимъ, какимъ хитростямъ не надоумить любовь! Когда настало утро торжественнаго дня, мистеръ Чизсакеръ потихоньку, стащилъ во дворъ чемоданъ, набитый всевозможными туа-

летными принадлежностями; чего, чего тутъ не было: п мозговая помада для волосъ, и рубашка съ необыкновеннымъ шитьемъ на груди и лакированные сапоги, словомъ полный приборъ. Но увь! Напрасно думалъ мистеръ Чизсакеръ скрыть эти приготовления отъ Бельфильда, въ надеждѣ, что капитанъ не догадается заpastись съ своей стороны перемѣннымъ платьемъ. Слыханное ли дѣло, чтобы такой хватъ — капитанъ упустилъ изъ виду, что либо касавшееся его внѣшности? Возвращаясь домой черезъ кухню Чизсакеръ наткнулся на порогъ на другой чемоданъ, по видимому столь же плотно набитый, какъ и его собственный.

— На какого чорта упаковали вы все это добро? спросилъ онъ капитана.

— Да на такого же, на какого вы положили свой чемоданъ на задокъ телѣжки, какъ я видѣлъ изъ окна моей комнаты, отвѣчалъ Бельфильдъ.

— Проклятое окно! воскликнулъ мистеръ Чизсакеръ. За тѣмъ оба пріятеля сѣли завтракать. — И кто васъ проситъ такъ кромсать ветчину, заговорилъ мистеръ Чизсакеръ. Не бось, не ваше добро, такъ за чѣмъ его беречь? — Это ужъ было изъ рукъ вонъ грубо; даже Бельфильду ветчина стала послѣ подобной выходки поперегъ горла и онъ принялся за лица. — Если вы не хотите ветчины, то за чѣмъ же было ее кромсать? продолжалъ мистеръ Чизсакеръ.

— Однако, Чизсакеръ, вы заходите слишкомъ далеко, проговорилъ капитанъ чуть не на взрыдъ.

— Это еще что такое?

— Не видалъ я что ли вашей ветчины?

— Да какъ видно не видали, не то не стали бы ее такъ рѣзать.

— Нѣтъ, Богъ съ вами, не нужно мнѣ вашей хлѣба-соли. Развѣ такъ порядочные люди поступаютъ? Зазвать человѣка въ домъ, а тамъ наговорить ему чортъ знаетъ чего. Нѣтъ, мистеръ Чизсакеръ, я не привыкъ къ подобнаго рода обращенію.

— Та, та, та.

— Вамъ хорошо говорить: та, та, та; а я желаю, чтобы со мною обращались какъ съ джентльменомъ. Мы съ вами давнишніе знакомые и въ уваженіе этого я многое спускалъ вамъ, чего не сталъ бы спускать другому. Но всему есть мѣра...

— Скажите, пожалуйста, Бельфильдъ, можете ли вы заплатить мнѣ мой долгъ? перебилъ его мистеръ Чизсакеръ, пристально глядя ему въ глаза.

— Нѣтъ, не могу, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

— А коли такъ, то завтракайте себѣ, да молчите.

Послѣ этихъ словъ капитанъ дѣйствительно замолчалъ и принялся уплетать завтракъ, обходя, впрочемъ, ветчину; въ душѣ онъ давалъ себѣ торжественныя обѣты мщенія. Впрочемъ вслѣдствіе этого разговора поѣздка въ Норвичъ состоялась гораздо миролюбивѣе, чѣмъ можно было ожидать. Чизсакеръ сознавалъ, что онъ уже немного пересолилъ и потому, садясь въ телѣжку, предложилъ своему спутнику сигару; капитанъ не отказался и выкурилъ трубку мира.

— А теперь намъ надо условиться, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, въѣзжая во дворъ гостиницы: гдѣ вы думаете провести утро?

— Да думаю провѣдать кое-кого изъ своихъ офицеровъ.

— Ладно. Такъ смотрите же, Бельфильдъ, уговоръ лучше денегъ; вы отнюдь не явитесь къ ней раньше четырехъ часовъ—

— Раньше четырехъ часовъ ни за что не явлюсь.

— То-то же, смотрите. Если вы обманете меня, то я не возьму васъ съ собою назадъ въ Ойлимидъ.

Но на этотъ разъ у капитана и въ мысляхъ не было обмануть своего пріятеля. Капитанъ Бельфильдъ зналъ по опыту, что самый ранній гость не всегда бываетъ самымъ желаннымъ въ дамскомъ обществѣ. И такъ, соборные часы давно уже пробили четыре, когда Бельфильдъ вошелъ въ гостиную мистрисъ Гринау; тамъ онъ засталъ мистера Чизсакера, разодртаго и распомаженаго.

— Вы еще не видали ее? спросилъ капитанъ почти шопотомъ.

— Нѣтъ, угрюмо отвѣчалъ Чизсакеръ.

— И Чарли Ферстерсъ не видали?

— Не видалъ, не видалъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла мистрисъ Гринау въ сопровожденіи своей гостыи.

— Вотъ это мило, джентльмены, что вы такъ аккуратно явились въ назначенный часъ, заговорила она. Такой аккуратности я никакъ и не ожидала отъ васъ, особенно въ базарный день.

— Что мнѣ до базара, когда я собирался къ вамъ, отвѣчалъ мистеръ Чизакеръ. Что же касается до капитана Бельфильда, то онъ просто обратился съ какимъ-то комплиментомъ къ Чарли, предпочитая держаться выжидательной политики.

Пышно красовалась вдова въ своемъ траураомъ нарядѣ. Строго соблюдая букву законовъ, установленныхъ высокопочтенными авторитетами, относительно внѣшнихъ проявленій вдовьей скорби, она умѣла чрезвычайно ловко обойти духъ этихъ законовъ. Траурный чепецъ кокетливо сидѣлъ на ея головѣ и выказывалъ ровно столько волосъ; сколько было нужно для приданія ея физиономіи маложавости. Мистеръ Чизакеръ порицалъ ее къ душѣ за деньги, которыя она тратила на экипажъ; но едва ли не дороже кабриолета обходился ей креплъ, который на ней никогда не рыжѣлъ и не мялся. Буквою закона не воспрещалось ношеніе кринолина, а потому вдоль одежда раскидывалась пышными складками вокругъ ея стана. Траурная косынка была заколота подъ самое горло и плотно облежала грудь; но Жанета, прищипливавшая ее, знала свое дѣло, да и госпожа Жанеты была себѣ на умѣ.

Мистрисъ Гринау продолжала оплакивать покойнаго мужа, точно потеряла его только вчера, но она какъ-то запомнила число и утверждала, что несчастье постигло ее годъ и три мѣсяца тому назадъ, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, со дня кончины мистера Гринау не прошло и девяти мѣсяцевъ. Какъ бы то ни было, никто изъ близкихъ, или не домашнихъ ей лицъ не считалъ нужнымъ освѣжить ея память, и Чарли Ферстерсъ, не краснѣя, утверждала съ ея голоса, что мистеръ Гринау умеръ годъ и три мѣсяца тому назадъ.

— Вы находите, что у меня цвѣтущій видъ! отвѣчала мистрисъ Гринау на одинъ изъ комплиментовъ мистера Чизакера. Да, на здоровье я, слава Богу, не могу пожаловаться; но еслибы вы схоронили любимую жену всего какихънибудь полтора года тому назадъ, то вы поняли бы, почему я такъ равнодушно смотрю на всѣ эти вещи.

— Я никогда и женатъ еще не былъ, отвѣчалъ мистеръ Чизакеръ.

— Потому-то вы и не можете понимать меня; вамъ все улыбается въ жизни. Будь я на вашемъ мѣстѣ, мистеръ

Чизсакеръ, я ни за что бы не рѣшилась на этотъ рискованный шагъ.

За братковременное счастье приходится платиться слишкомъ большими страданіями. — И она привела въ дѣйствиіе носовой платокъ.

— А все же я намѣревался попытать счастья, пѣжно проговорилъ мистеръ Чизсакеръ.

— Желаю вамъ счастья въ вашей попыткѣ, мистеръ Чизсакеръ, дай Богъ, чтобы смерть не слишкомъ рано похитила ее у васъ. Обѣдъ готовъ, Жанета?—хорошо. Мистеръ Чизсакеръ, потрудитесь подать руку миссъ Ферстерсъ.

Капитану Бельфильду, какъ человѣку военному, досталась честь вести хозяйку дома къ столу. Но Чизсакеръ смотрѣлъ на это дѣло съ нѣскольکو иной точки зрѣнія. Онъ никакъ не могъ забыть, что капитанъ жилъ за послѣднее время на его счетъ, пріѣхалъ въ Норвичъ по его же милости и задолжалъ ему порядочную сумму.—Я за все расплачиваюсь чистоганомъ, ужъ это одно, казалось бы, должно было дать мнѣ преимущество надъ такимъ оборванцемъ капитанишкой; да еще и капитанъ ли онъ? Мнѣ что-то сильно сдается, что нѣтъ.—Съ этими сѣтованьями обротился онъ въ тотъ же вечеръ къ миссъ Чарли Ферстерсъ. — Военному чину всюду оказывается почетъ, отвѣчала миссъ Ферстерсъ; ужъ очень обидно ей показалось, что мистеръ Чизсакеръ ей же самой жалуется на то, что принужденъ былъ вести ее къ столу.— Вотъ еслибы вы были судьей, мистеръ Чизсакеръ, то и у васъ было бы совсѣмъ другое общественное положеніе. — Чарли Ферстерсъ знала, что мистеръ Чизсакеръ сильно хлопоталъ попасть въ мировые судьи, но не успѣлъ въ этомъ.

— Ахъ ты мерзкая ободранная кошка! подумалъ про себя мистеръ Чизсакеръ и отвернулся отъ своей собесѣдницы.

Между тѣмъ мистрисъ Гринау не положила охулки на свое хлѣбосолюство. Обѣдъ былъ какъ разъ такой, какимъ и долженъ быть дружескій обѣдъ за просто. Жанета ловко подавала кушанья и все шло какъ нельзя болѣе удачно.

Скорбь, удручавшая мистрисъ Гринау, не портила ее аппетита и она съумѣла подавить на время свои личныя печали такъ, что онѣ не мѣшали ей исполнять обязанности гостеприимной хозяйки. Она умѣла такъ безпристрастно распредѣ-

лять свои улыбки между обоими соперниками, что даже Жанета не могла подмѣтить, къ которому изъ нихъ оно относится благосклоннѣе; она болтала сама, вызывала на болтовню другихъ, такъ что наконецъ мистеръ Чизакеръ просіялъ не смотря на свою ревность.

— Теперь, проговорила она, вставая изъ за стола, мы съ вами, Чарли, предоставимъ этихъ джентльменовъ на полчасака самимъ себѣ; а тамъ, милости просимъ къ намъ на верхъ.

— Съ насъ и десяти минутъ будетъ довольно, отвѣчалъ мистеръ Чизакеръ, желавшій выгадать какъ можно больше времени.

— Нѣтъ ужъ, я сказала полчаса, ни больше, ни меньше, осадила его мистрисъ Гринау съ легкимъ отбѣнкомъ повелительности въ голосѣ.

Бельфильдъ проводилъ дамъ до дверей и получилъ въ награду отъ вдовушки прощальный взглядъ. Чизакеръ подмѣтилъ этотъ взглядъ и счелъ нужнымъ обидѣться.—Знаете ли что, Бельфильдъ, заговорилъ онъ, угрюмо грѣясь у камина, я не хочу, чтобы вы таскались сюда, пока это дѣло окончательно не рѣшится.

— Про какое это вы дѣло говорите? спросилъ Бельфильдъ, наливая себѣ вина.

— Вы очень хорошо знаете про какое.

— Да ужъ больно долго вы съ нимъ возитесь что-то.

— Совсѣмъ нѣтъ; этакое дѣло никакъ нельзя скоро обдѣлать. Со смерти того, перваго-то, прошло только девять мѣсяцевъ и ужъ я многое успѣлъ обработать.

— Да я-то чѣмъ вамъ помѣха?

— А тѣмъ, что вы разстроиваете меня и ее разстроиваете. Вы думаете, я не вижу, что вы все это дѣлаете нарочно? Слушайте-ка что я вамъ предложу: если вы согласитесь уѣхать изъ Норвича на одинъ мѣсяць, я обещаюсь дать вамъ займы двѣсти фунтовъ въ тотъ день, когда она сдѣлается моею женою.

— Куда же это вы мнѣ прикажете уѣхать?

— Да, прїѣзжайте жить въ Ойлимидъ, если хотите; но съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы вы дѣйствительно жили тамъ и не таскались то и дѣло сюда.

— А вы будете попрекать меня тѣмъ, что я будто кром-

саю ветчину, потому что она не моя? Слуга покорный! Эхъ, Чизсакеръ! сказать вамъ что ли откровенно мою мысль?

— Что вы хотите сказать?

— А то, что женщина эта и въ мысляхъ не имѣетъ идти за васъ за мужъ. Выкиньте-ка эту затѣю изъ головы и не тратьте по пустому денегъ на шитыя рубашки, да на лакированные сапоги. Дѣло, видите-ли, въ томъ, Чизсакеръ, что отъ васъ подь часъ разить скотнымъ дворомъ, да и слишкомъ ужъ вы начали говорить про свои деньги, а мистрисъ Гринау такихъ не любитъ. Еще вы могли бы надѣяться на успѣхъ, еслибы взяли примѣръ съ меня и откровенно говорили ей про ея денежки, но теперь ваши дѣло въ конецъ проиграно.

И говоря это Бельфильдъ какъ ни въ чемъ не бывало почивалъ вино и казался въ высшей степени доволенъ самимъ собою. Чизсакеръ былъ такъ изумленъ, слушая такія рѣчи отъ человѣка, котораго онъ поилъ и кормилъ изъ милости, что у него не хватало голоса и словъ, чтобы ему отвѣчать.

— Такъ-то, милѣйшій вы мой Чизи, продолжалъ капитанъ, я высказалъ вамъ свою мысль безъ утаекъ и вы, право, хорошо сдѣлаете, если послушаете моего совѣта. Она и не думаетъ идти за васъ за мужъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, она выдетъ за меня, но, если бы даже и не такъ, то за васъ-то она ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ.

— Скажите, сэръ, намѣрены вы отдать мнѣ мой долгъ? вымолвилъ наконецъ, мистеръ Чизсакеръ, не находя другаго болѣе дѣйствительнаго способа задѣть своего противника.

— Какъ же намѣренъ, непремѣнно.

— Но когда, позволите спросить?

— Когда я женюсь на мистрисъ Гринау; а потому я и рассчитывалъ на ваше содѣйствіе въ этомъ предпріятіи. Выпьемъ-ка за ея здоровье. Вы всегда будете у насъ самымъ дорогимъ гостемъ, Чизи, и мы не будемъ дѣлать вамъ замѣчаній, если вы какъ нибудь случайно искромсаете ветчину.

— Вы мнѣ за все это заплатите, сэръ, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, задыхаясь.

— Ну да, дружище, конечно заплачу вдовушкиными деньгами. Однако полчаса уже прошло, намъ пора къ дамамъ.

— Я выведу васъ на свѣжую воду.

— Ну, полноте, за что такая немилость.

— Не удостоете ли вы мнѣ сказать, капитанъ Бельфильдъ, гдѣ вы намѣрены провести сегодняшнюю ночь?

— Знаю одно только, что я проведу ее въ Ойлимидѣ не иначе, какъ если вы мнѣ обѣщаетесь отвести для начлега одну изъ парадныхъ спаленъ съ мебелью изъ краснаго дерева.

— Никогда нога ваша не переступитъ черезъ порогъ моего дома, въ этомъ я вамъ ручаюсь. Подлецъ вы, милостивый государь.

— Полноте, полноте, Чизи, не хорошо затѣвать ссору въ гостяхъ у дамы. Что-жь вы не допиваете вино? Выпили бы еще стаканъ и мы пошли бы на верхъ.

— Вашъ скарбъ остался въ Ойлимидѣ и я не выдамъ вамъ его, пока вы не выплатите мнѣ моихъ денегъ до послѣдняго шиллинга. Посмотримъ, какъ-то вы попляшете безъ него; не бось, у васъ дома и рубашки не осталось.

— По счастью я захватилъ съ собою перемѣнную рубашку изъ Ойлимида; вотъ такъ во время догадался, не такъ ли Чизи? Однако, если вы не хотите больше пить вина, я могу позвонить, чтобы Жанета его убрала. — И, позвавъ Жанету, капитанъ легкою поступью отправился въ гостиную.

— Былъ онъ здѣсь на дняхъ? спросилъ Чизсакеръ, кивнувъ головою въ слѣдъ капитана.

— Кто, капитанъ? И нѣтъ! онъ теперь не больно то часто сталъ ѣздить.

— Онъ отъявленный мерзавецъ.

— Что это вы говорите, мистеръ Чизсакеръ.

— Да ужъ такъ, такъ! и мнѣ что-то сдается, что и иные прочіе немногимъ лучше его.

— Если вы это про меня намекаете, мистеръ Чизсакеръ, то, видите Богъ, вы взводите на меня большую напраслину.

— Не даромъ же онъ такъ зазнался.

— Ничего-то я не знаю про ихнія дѣла, мистеръ Чизсакеръ; а что я завсегда держала вашу сторону, сэръ, такъ ужъ это точно что завсегда. — И Жанета приложила къ глазамъ носовой платокъ.

Мистеръ Чизсакеръ направился къ двери, но, озаренный вне-

запною мыслью, остановился и, вынуть из кармана полерону, вручил ее Жанетѣ. Жанета присѣла и еще разъ повторила свое послѣднее увѣреніе, что завсегда держала сторону мистера Чизакера.

Когда Чизакеръ вошелъ въ гостиную, глазамъ его представилось слѣдующее зрѣлище: капитанъ Бельфильдъ сидѣлъ на диванѣ возлѣ вдовушки и разсматривалъ вмѣстѣ съ нею альбомъ фотографическихъ портретовъ. Мистриссъ Гринау поклонилась такъ низко, что край ея воротника пришелъ какъ-то разъ въ соприкосновеніе съ усами капитана, причемъ на лицѣ капитана изобразилось чувство удовлетвореннаго самолюбія.

— Да, говорила мистриссъ Гринау, вы видите его на этой карточкѣ, какъ живого.—Милый Гринау, продолжала она, обращаясь къ карточкѣ усопшаго мужа, добрый другъ мой! если я не свято сохранила вѣрность твоей памяти, то да лишусь я единственнаго утѣшенія, оставшагося мнѣ въ жизни. Пускай твой духъ перестанетъ тогда посѣщать меня въ моихъ сновидѣніяхъ.—И говоря это, она нажимала мизинцемъ мизинецъ Бельфильда, придерживавшаго вмѣстѣ съ нею альбомъ.

Подъ обаяніемъ ея краснорѣчія Бельфильдъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ заглянулъ въ альбомъ; онъ увидѣлъ передъ собою неказистую, дюжинную фізіономію старика съ глазами, напоминавшими пороссячи, и съ беззубымъ ртомъ. То было одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ, по настоящему, никогда бы не слѣдовало отдавать себя на жертву безпощадной правдивости солнца-портретиста. Всякая другая вдова, если бы сохранила въ своемъ альбомѣ портретъ такого мужа, то ни за что не отважилась бы обратить на него вниманіе постороннихъ.—Вы не видали этого портрета, мистеръ Чизакеръ, продолжала мистриссъ Гринау.

— Я видѣлъ его въ Ярмоутѣ, угрюмо проговорилъ мистеръ Чизакеръ.

— Этого портрета вы никакъ не могли видѣть въ Ярмоутѣ,—возразила мистриссъ Гринау даже съ легкимъ оттѣнкомъ упрека въ голосъ,—по той простой причинѣ, что его вовсе и не было со мною въ Ярмоутѣ. Можетъ статься, вы видѣли другой, большой портретъ, который всегда стоитъ и будетъ стоять у моего изголовья.

— Ну нѣтъ, ужь что до этого касается, то мы похлопочемъ, чтобы вышло иначе,—подумалъ пресебя капитанъ Бельфильдъ.

Подали кофе, и капитанъ съумѣлъ и тутъ досадить мистеру Чизакеру; онъ взялся накладывать сахаръ и передвигать чашки остальному обществу. Онъ даже подалъ чашку своему врагу.

— Покорнѣйше благодарю, капитанъ Бельфильдъ, я не хочу кофе, проговорилъ мистеръ Чизакеръ, и по тону его мистриссъ Гринау угадала, что соперники перессорились.

Мистеръ Чизакеръ твердо рѣшился не уходить, пока у мистриссъ Гринау будетъ сидѣть капитанъ Бельфильдъ; затѣмъ онъ положилъ непремѣнно добиться отъ вдовушки рѣшительнаго отвѣта, если не нынче, то, по крайней мѣрѣ, завтра; а до тѣхъ поръ ему ничего болѣе не оставалось, какъ пассивно переносить свое незавидное положеніе. И такъ, онъ сидѣлъ и дулся, между тѣмъ, какъ Бельфильдъ такъ и сыпалъ милой болтовней; въ душѣ мистеръ Чизакеръ утѣшалъ себя размышленіями о томъ, какой онъ достаточный человѣкъ и что за голь этотъ капитанъ, и съ какимъ наслажденіемъ онъ, мистеръ Чизакеръ, при первомъ же случаѣ, откроетъ мистриссъ Гринау глаза относительно этого прощальнаго.

Къ удивленію его, случай для этого представился гораздо ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Едва пробило семь, какъ капитанъ всталъ и началъ прощаться. Прежде всѣхъ онъ обратился къ миссъ Ферстерсъ; потомъ перешелъ къ своему недавнему амфитріону. — Покойной ночи, Чизакеръ, проговорилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и затѣмъ пожалъ руку вдовы и проворковалъ ей что-то на прощанье.

— Какъ! вы развѣ не гостите въ Ойлимидѣ? воскликнула мистриссъ Гринау.

— Я пріѣхалъ оттуда сегодня утромъ, отвѣчалъ Бельфильдъ.

— Но назадъ онъ туда больше не поѣдетъ, въ этомъ ручаюсь вамъ, вмѣшался мистеръ Чизакеръ.

— Вотъ какъ! Надѣюсь, что у васъ не вышло никакихъ неприяностей, сказала мистриссъ Гринау.

— О, розно никакихъ, отвѣчалъ капитанъ, и вышелъ изъ коннаты.

— Я обѣщалась маменькѣ воротиться въ семи часамъ. до-
отд. I.

мой, проговорила Чарли Ферстерсъ, вставая. Должно полагасть, что она желала угодить своимъ уходомъ отнюдь не мистеру Чизсакеру, а мистриссъ Гринау; она, правда, не совѣмъ была увѣрена, что мистриссъ Гринау желаетъ остаться наединѣ съ своимъ поклонникомъ, но все же считала болѣе безопаснымъ удалиться; за это на нее ни въ какомъ случаѣ не могли быть къ претензіи, тогда какъ если бы она осталась, то еще богъ знаетъ, какъ бы на это взглянули.

— Мнѣ очень прискорбно видѣть, что между вами и капитаномъ вышло какое-то недоразумѣніе, заговорила мистриссъ Гринау, оставшись съ мистеромъ Чизсакеромъ вдвоемъ.

— Мистриссъ Гринау! воскликнулъ собесѣдникъ, вскакивая съ своего мѣста, — человекъ этотъ отъявленный негодяй.

— Что это вы говорите, мистеръ Чизсакеръ!

— Увѣряю васъ, что такъ. Онъ вамъ рассказываетъ, что былъ подъ Ингерманомъ, а я знаю, что онъ чуть ли не все это время просидѣлъ въ тюрьмѣ.

Мистеръ Чизсакеръ зналъ, что капитанъ раза два подвергался аресту, и на основаніи-то этого факта взводилъ на него вышесказанное обвиненіе.

— Да онъ врядъ ли когда и порохъ-то нюхалъ.

— Что-жь, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды.

— А ужъ какъ онъ вретъ, такъ это ума помраченье! И притомъ, у него нѣтъ ни гроша за душой.—Какъ бы вы думали, прихвѣрно, сколько онъ мнѣ долженъ?

— Сколько бы онъ ни былъ вамъ долженъ, надѣюсь, что вы слишкомъ порядочный человекъ, чтобы это разглашать.

— Ну да, ну да, конечно, поправился мистеръ Чизсакеръ. Но знаете ли, что онъ мнѣ сказалъ, когда я спросилъ его, скоро ли онъ намѣренъ отдать мнѣ мой долгъ? Онъ отвѣтилъ, что отдастъ мнѣ его тогда, когда приберетъ ваши денежки къ рукамъ.

— Мой? онъ не могъ этого сказать.

— Ей Богу же сказалъ, мистриссъ Гринау! Такъ-таки и сказалъ: я расплачусь съ вами тогда, когда приберу вдовушкины деньги къ рукамъ.

— Однако, въ лестныхъ же выраженіяхъ вы отзываетесь обо мнѣ, господа, за моей спиной.

— Что до меня касается, мистриссъ Гринау, то я въ жизнь

свою, ничего непочтительнаго про васъ не смѣлъ не только вымолвить, но и подумать. Вотъ онъ — такъ другое дѣло. О, онъ говорить ужасныя вещи.

— Какія же такія уже ужасныя вещи?

— Этого я не могу вамъ сказать, но вѣрьте мнѣ, что ужасныя. Да ужь чего хорошаго ожидать отъ человѣка, которому завтра не во что будетъ переодѣться? Гдѣ онъ нынѣшнюю ночь проведетъ?— вотъ это для меня загадка: если не ошибаюсь, у него и полкроны не наберется ваниталу.

— Бѣдный Бельфильдъ!

— Да, бѣденъ-то онъ очень бѣденъ.

— Но какъ благородно переноситъ онъ свою бѣдность!

— Ну, по моему, такъ очень неблагородно.

На это мистриссъ Гринау ничего не отвѣчала, и мистеру Чизакеру показалось, что теперь какъ разъ можно приступить къ задуманному объясненію.

— Мистриссъ Гринау! заговорилъ онъ, — или, быть можетъ, вы позволите мнѣ называть васъ Арабеллою?

— Что это значить, мистеръ Чизакеръ?

— Какъ, неужто не позволите? Полноте, мистриссъ Гринау, вѣдь вы, какъ нельзя лучше, понимаете, что я хочу сказать; къ чему же отлынивать?

— Отлынивать, мистеръ Чизакеръ? Въ первый разъ слышу подобное выраженіе. Ну а что, если я пожелаю вамъ спокойной ночи и попрошу васъ ѣхать себѣ домой, — вы это тоже назовете отлыниваньемъ?

— Простите меня, мистриссъ Гринау, воскликнулъ мистеръ Чизакеръ, клянусь вамъ, я не хотѣлъ васъ обидѣть!

Раскаянье его было такъ глубоко и искренно, что вдовушка положила гнѣвъ на милость. Не въ ея характерѣ было ссориться съ кѣмъ бы то ни было, и всего менѣе съ окружавшими ее поклонниками. — Хорошо, я прощаю васъ, проговорила она, но помните же, мистеръ Чизакеръ, никогда не говорите дамѣ, что она отлыниваетъ. Да вотъ что еще, мистеръ Чизакеръ: если вамъ когда нибудь доведется не на шутку ухаживать за женщиной...

— Да ужь чего менѣе не на шутку, чѣмъ теперь! перебилъ ее мистеръ Чизакеръ.

— Так смотрите тогда, побольше говорите ей о своей любви и поменьше о своем кошелькѣ.—Теперь, покойной ночи.

— Но вѣдь мы остаемся друзьями?

— О да, совершеннѣйшими друзьями.

Возвращаясь домой, Чизсакеръ старался утѣшить себя въ своей неудачѣ, живо воображая себѣ затруднительное положеніе капитана Бельфильда, оставленнаго имъ въ Норвичѣ безъ перемѣннаго платья. Но у самыхъ воротъ его дома ему встрѣтились двѣ человѣческія фигуры, изъ которыхъ одна несла чемоданъ, другая же шляпный картонъ.

— Не пугайтесь, Чизи, это я, послышался голосъ капитана Бельфильда. Я сейчасъ только пріѣхалъ за своими вещами по желѣзной дорогѣ и уѣзжаю опять въ Норвичъ съ девятичасовымъ поѣздомъ.

— Если вы обокрали меня, то я развѣдаю съ вами судебнымъ порядкомъ, проревѣлъ ему Чизсакеръ въ догонку.

Конецъ первой части.

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ.

I.

Въ средневѣковыхъ государствахъ господствовала такая путаница политическихъ элементовъ, о которой человекъ XIX столѣтїа съ трудомъ можетъ составить себѣ ясное и отчетливое понятїе. О разграниченіи судебныхъ, административныхъ и законодательныхъ властей нечего было и думать. Невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается господство церковной іерархіи и гдѣ начинается дѣятельность свѣтской власти. Все зависѣло отъ частныхъ обстоятельствъ, мѣста и времени. Все обуславливалось наклонностями, дарованїями и минутными интересами отдѣльныхъ личностей, державшихъ въ своихъ рукахъ ту или другую отрасль общественной власти. Разумѣется, хаосъ былъ всего сильнѣе въ первые вѣка послѣ великаго переселенїа народовъ. Всѣ умные правители, начиная отъ Теодориха Великаго, старались распутывать и приводить въ порядокъ нестройные элементы общественной жизни. Но хаосъ на всѣхъ пунктахъ упорно отстаивалъ свое нелѣпое существованїе. То, что называется духомъ времени — именно, мысли, чувства и страсти тогдашнихъ людей — шло въ разрѣзъ съ самыми умными и добросовѣстными попытками организаторовъ. Что сильный и гениальный человекъ устроялъ въ теченїе цѣлой жизни, съ изумительною настойчивостью и съ громадными усилїями, то разваливалось послѣ его смерти само собою или разстроивалось въ какое нибудь десятилѣтїе, слабыми и глупыми преемниками, безъ малѣйшаго труда. Личныя страсти, неукротенныя образованїемъ, рвали и ломали всѣ рамки общественной жизни. Чтобы эти страсти улег-

лись и подчинились контролю разума, необходима была не желѣзная воля какой нибудь одной, хотя бы и гениальной личности, а долговременное, постоянное, глухое, но неотразимое вліяніе цѣлыхъ вѣковъ. Надо было, чтобы дикари переродились въ гражданъ, а всякія перерожденія органическихъ существъ совершаются въ природѣ съ такою невыносимою медленностью, которая всегда приводитъ въ отчаяніе всѣхъ историческихъ дѣятелей, успѣвшихъ переродиться раньше своихъ современниковъ. — Для католической іерархіи средневѣковая путаница общественныхъ отношеній была очень выгодна. Пользуясь хаосомъ понятій и учреждений, іерархія захватила въ свои руки всю жизнь средневѣкового общества и начала диктаторскимъ тономъ произносить свои приговоры въ такихъ дѣлахъ, которыя никакое благоустроенное государство въ мірѣ никогда не рѣшится отдать въ распоряженіе церкви. Конечно, европейскіе дикари были совсѣмъ не такіе люди, чтобы безусловно подчиняться кому бы то ни было, когда это подчиненіе было черезчуръ невыгодно или стѣснительно. Въ самые золотые вѣка римскаго владычества, личныя страсти сплошь и рядомъ брали верхъ надъ суевѣріемъ. Полудикій баронъ или рыцарь, изобинженный камнемъ нибудь черезчуръ задорнымъ аббатомъ или епископомъ, садился на коня, бралъ въ руки какое нибудь дреколье, колотилъ крестьянъ своего обидчика, вытаптывалъ ихъ поля, при случаѣ захватывалъ въ плѣнъ неприкосновенную личность самого церковнослужителя, прикасался къ этой личности очень безцеремонно и, закусивши такимъ образомъ удила, не смирялся даже передъ проклятіями соборовъ и папъ. Но церковь все-таки одерживала верхъ. Дикіе феодалы умѣли только драться, а представители іерархіи умѣли, кромѣ того, интриговать, аргументировать, опутывать своихъ противниковъ кляузными трактатами, поддѣлывать старинные документы и, что всего важнѣе, вести общими силами стройную и послѣдовательную политику тамъ, гдѣ ихъ свѣтскіе и безграмотные противники дѣйствовали въ разсыпную, безъ всякаго плана, по внушенію личной страсти или подъ вліяніемъ ближайшаго, мелкаго и мнутаго интереса. — На средневѣковомъ латинскомъ языкѣ слово *clericus* имѣло два значенія. Во-первыхъ, — церковникъ, причетникъ. Во-вторыхъ, — грамотный человекъ. Соединеніе этихъ двухъ значеній въ одномъ словѣ показываетъ ясно, что было время, когда всѣ грамотные люди входили въ составъ духовенства. вмѣстѣ съ грамотностью, духовенство удерживало въ своей средѣ и скудные остатки классической образованности. Это обстоятельство, разумѣется, давало духовенству огромный перевѣсъ надъ

представителями свѣтской власти. Духовныя лица занимали важнѣйшія государственныя должности и, пользуясь самымъ высокимъ положеніемъ, поддерживали съ нетерпимою энергіею всѣ интересы своего сословія и всѣ неумѣреннѣйшія требованія церковной іерархіи. Когда грамотность начала распространяться между свѣтскими людьми, когда свѣтскіе люди начали составлять себѣ общія понятія о теченіи государственныхъ дѣлъ, тогда они увидѣли, что церковь захватила все, и что императоры, короли, герцоги и всѣ прочіе властители земли превращены *de jure*, если и не *de facto*, въ вѣрностныхъ работниковъ римскаго первосвященника. Тогда началась борьба, не такая, какую вели прежде разрозненные буяны, а борьба систематическая, въ которой уже обѣ стороны, — папство и свѣтская власть, стали драться и оружіемъ, и аргументами, и насиліемъ, и надувательствомъ, и ссылками на вымышленные или подложные историческіе документы. Разсматривать причины или предлоги каждой отдѣльной схватки я, конечно, не буду. Причина, въ сущности, была всегда одна и та же: обѣимъ властямъ хотѣлось развернуться пошире; а предлогъ найдти было ужь очень не трудно, при тогдашней неопредѣленности всѣхъ правъ, обязанностей и отношеній. Гораздо интереснѣе будетъ бросить бѣглый взглядъ на приемы, употреблявшіеся въ этой борьбѣ обѣими сторонами. Любопытно посмотрѣть, на какія общественныя силы опирались, съ одной стороны, Папа, съ другой стороны, императоръ и король. Не мѣшаетъ также взвѣсить и измѣрить количество той добросовѣстности и деликатности, которую обнаруживали обѣ стороны въ выборѣ и употребленіи полемическихъ средствъ. — Для достиженія этихъ двухъ цѣлей, всего удобнѣе будетъ рассказать нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ изъ этой драматической борьбы. Разсказы эти покажутъ читателю, въ чемъ заключалось вліяніе этой борьбы на умственную жизнь средневѣковой Европы. Я начну съ XIII вѣка, потому что фізіономія предыдущихъ столѣтій была уже очерчена мною въ статьѣ «Историческое развитіе европейской мысли», напечатанной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Слова» за 1864 годъ.

II.

Въ 1198 году, на папскій престолъ вступилъ, подъ именемъ Иннокентія III, тридцати-семилѣтній, умный и энергическій итальянецъ, графъ Сенни. Онъ тотчасъ началъ борьбу противъ свѣтской

власти, въ самомъ Римѣ, въ Италиі и во всей Европѣ. Онъ повторилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни всѣ требованія Григорія VII, подчинившаго папской власти, по крайней мѣрѣ въ теоріи, всѣхъ государей католическаго міра. Прежде всего онъ разрѣшилъ жителей Рима и другихъ городовъ папской области отъ присяги императору; всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ императоромъ, онъ или смѣнилъ, или подчинилъ себѣ. Чтобы навсегда загородить нѣмцамъ путь въ среднюю Италию, онъ убѣдилъ тосканскіе города составить федерацію, подобную той, которая уже давно существовала въ Ломбардіи и которая уже не разъ дѣлала императорамъ много хлопотъ и неприятностей. Работая, такимъ образомъ, противъ свѣтской власти, папа поневолѣ принужденъ былъ опираться на республиканскій и демократическій элементъ. Но такъ какъ этотъ элементъ былъ опасной игрушкой въ рукахъ римскаго первосвященника, то Иннокентій избралъ другое оружіе для борьбы съ свѣтскою властью, а именно интригу и обманъ одного властителя на счетъ другого,—смотря по надобности. Соперники зорко слѣдили другъ за другомъ, подсиживали одинъ другого и пользовались всѣмъ, что могло ослабить или опрокинуть оплошавшаго врага. И мнѣ еще не разъ придется замѣтить, что, взаимно подкапывая другъ друга, представители двухъ враждующихъ принциповъ, оказывали, совершенно помимо собственнаго желанія, драгоценнѣйшія и незамѣнимыя услуги развитію народной свободы и прогрессивному движенію европейской мысли.

Въ первые двѣнадцать лѣтъ своего царствованія, неумолимый Иннокентій III успѣлъ перессориться со всѣми сильнѣйшими государями католическаго міра. Въ 1199 году, онъ отлучилъ отъ церкви Филиппа-Августа французскаго; въ 1208—Іоанна Безземельнаго англійскаго; въ 1210—Оттона IV германскаго. Проклиная государей, Иннокентій въ то же самое время вытягивалъ изъ нихъ государствъ людей и деньги. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ успѣлъ направить въ разныя стороны три крестовыя похода: одинъ въ Палестину, другой — въ Испанію, противъ Мавровъ, третій въ южную Францію, противъ еретиковъ. Эти подвиги Иннокентія тѣмъ болѣе замѣчательны, что крестовыя походы въ это время уже потеряли прелесть новизны; они продолжались уже цѣлое столѣтіе; Европа была утомлена жертвованіями и неудачами; надежда слабѣла, энтузіямъ угасалъ; рождалось печальное подозрѣніе, что деньги расходятся по карманамъ итальянскихъ прелатовъ; подозрѣніе это высказывалось даже такъ громко, что Иннокентій, приказавши духовенству проповѣдывать новый крестовый походъ, былъ принуж-

день сдѣлать особенное распоряженіе. «Онъ объявилъ, говорить Шлюсеръ, что жертвуетъ на крестовый походъ десятую часть своихъ доходовъ, и обложилъ все духовенство западной церкви сборомъ на это предпріятіе по полтора процента со всѣхъ церковныхъ доходовъ; когда же стали говорить, что онъ возьметъ эти деньги себѣ, Иннокентій приказалъ, чтобы каждый епископъ, при содѣйствіи одного іоаннита и одного тампліера, раздавалъ собранныя суммы крестоносцамъ своей епархіи» (Т. VII. Стр. 131). Хотѣлъ или не хотѣлъ Иннокентій зажить по жертвованія благочестивыхъ католиковъ, это — дѣло его личной совѣсти, которой приходится рѣшать много подобныхъ вопросовъ. Для историка же чрезвычайно важенъ и интересенъ тотъ фактъ, что, уже въ началѣ XIII вѣка, общественное мнѣніе, такъ или иначе, контролировало поведеніе папъ, и что даже такой желѣзный человекъ, какъ Иннокентій III, не могъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ неопредѣленному говору толпы. Чтобы снова поднять на ноги утомленную Европу, Иннокентій употреблялъ всѣ средства; въ циркулярахъ своихъ онъ повторялъ съ дикою энергіею насмѣшки магометанъ надъ безсиліемъ христіанской религіи. «Гдѣ, говорилъ онъ отъ лица магометанъ, гдѣ вашъ Богъ, когда онъ не можетъ избавить васъ изъ нашихъ рукъ? Смотрите! мы осквернили ваши святилища, мы простерли впередъ наши руки, мы взяли съ перваго приступа, мы держимъ въ обиду вамъ эти ваши желанныя мѣста, въ которыхъ зародилось ваше суевѣріе. Гдѣ же вашъ Богъ? Пускай поднимется! Пусть придетъ спасать васъ и самого себя!—Если ты въ самомъ дѣлѣ сынъ божій, защити себя, если можешь; вырви изъ нашихъ рукъ страну, въ которой ты родился. Возврати поклонникамъ креста твой крестъ, который мы захватили.» Этотъ риторическій приѣмъ Иннокентія имѣетъ, конечно, свои достоинства; онъ могъ подѣйствовать, какъ шпанская мушка или какъ хорошій ударъ кнута на чувство утомленныхъ, но искреннихъ католиковъ. Онъ могъ вызвать еще нѣсколько судорожныхъ усилій; но нельзя не замѣтить, что, пуская въ ходъ такое краснорѣчіе, папа ставилъ на карту отчаянно-крупный кушъ. Онъ самъ ревностно распространялъ въ массѣ католическаго населенія ту чрезвычайно-опасную и соблазнительную мысль, что истинность и достоинство религіи могутъ и даже должны измѣряться успѣхомъ чисто-земного предпріятія. И эта мысль прививалась особенно легко къ умамъ тогдашнихъ европейцевъ. Ордалин и судебный поединокъ считались въ то время превосходными юридическими доказательствами. Если какойнибудь Иванъ обвинялъ какуюнибудь Марью въ томъ, что она

завела себя любовника, то Марья не зачѣмъ было оправдываться фактическими и логическими аргументами; надо было только, чтобы ея любовникъ или какой нибудь другой человекъ убилъ или изувѣчилъ Ивана въ назначенное время, на опредѣленномъ мѣстѣ и при законныхъ свидѣтеляхъ; тогда Ивана объявляли подлымъ клеветникомъ, а Марью—цѣломудренною женщиною. Если приводили въ судъ старуху, обвиненную въ колдовствѣ, то судьи не зачѣмъ было разбирать вопросы, дѣйствительно ли она совершила взведенное на нее преступленіе и возможно ли такое преступленіе вообще?—Бросить старуху въ прудъ! командовалъ судья.—Старуху раздѣвали и бросали; если она шла ко дну, ее вытаскивали и отправляли домой; если она оставалась на поверхности воды, ее сжигали, потому что тогда уже невозможно было сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно колдунья и любовница сатаны.—Въ одномъ народномъ собраніи германцевъ возникъ вопросъ: должны ли дѣти вступать во владѣніе отцовскимъ наследствомъ при жизни своего дѣда? Одни говорили въ пользу дѣтей, другіе поддерживали права дѣда. Голоса раздѣлились поровну; тогда положено было рѣшить спорный вопросъ судомъ божьимъ. Каждая сторона выдвинула одинаковое число бойцовъ. Партія дѣтей побѣдила, и законъ былъ составленъ въ ихъ пользу. Гражданскія тяжбы, уголовные процессы и законодательные вопросы съ одинаковымъ успѣхомъ рѣшались испытаніемъ или поединкомъ, немѣющимъ ничего общаго съ внутреннимъ смысломъ разбираемаго дѣла. — Понятно, что простые и недалекновидные люди были не прочь отъ того, чтобы прикладывать тотъ же самый, привычный масштабъ къ религиознымъ вопросамъ. Простодушный фанатикъ Францискъ, основавшій, съ разрѣшенія Иннокентія III, орденъ нищенствующихъ монаховъ, францисканцевъ, вздумалъ проповѣдывать христіанство египетскому султану, и при этомъ дошелъ до такого пафоса, что предложилъ испытать посредствомъ суда божія, которая изъ двухъ религій лучше,—христіанство или магометанство? Прикажи, говорилъ онъ, зажечь два востра: на одинъ я брошусь, а на другой пусть бросится кто нибудь изъ твоихъ имамовъ: кто изъ насъ останется живъ и здоровъ, тотъ и правъ. Султану это предложеніе показалось остроумнымъ, но неисполнимымъ. Нанихъ имамовъ, замѣтилъ онъ, на эту штуку не поймашь: они знаютъ безъ всякихъ испытаній, что человекъ неудобно лежать въ огнѣ. Но единовѣрцамъ Франциска его предложеніе вовсе не казалось забавнымъ; они были твердо увѣрены въ томъ, что Богъ непременно долженъ творить, по первому востребованію, чудеса для своихъ усердныхъ и заблуждаю-

нихся поклонниковъ. Римская іерархія старалась поддерживать и эксплуатировать эту увѣренность во всѣхъ мелкихъ случаяхъ ежедневной жизни. Въ мелкихъ случаяхъ эта тактика была дѣйствительно очень удобна, потому мелкое чудо можно было поддѣлать разными дешовыми средствами. Такъ оно и дѣлалось. Но во всемъ надо знать мѣру. Не слѣдуетъ уподобляться глупому сарягѣ, зарѣзавшему золотоносную курицу. Католическіе іерархи ни подъ какимъ видомъ не должны были выходить изъ безопасной области мелкаго чудотворенія. Подвергать свой принципъ такому испытанію, которое, по своей міровой колоссальности, не допускало никакой подтасовки, — значило ставить на карту основной капиталъ, съ котораго можно было постоянно получать самые приличные проценты. Многимъ отдѣльнымъ папамъ, епископамъ и монахамъ крестовые походы доставили много денегъ, почета и могущества, но для теократическаго принципа они были губительны. Всѣ проповѣдники крестовыхъ походовъ говорили въ сущности то же самое, что говорилъ Иннокентій III, хотя, быть можетъ, въ ихъ выраженіяхъ было меньше горечи и энергій. Всѣ они, такъ или иначе, возбуждали въ своихъ простодушныхъ слушателяхъ страстную надежду и фанатическую увѣренность, что самъ Богъ поведетъ крестовое войнство къ желанной цѣли и поразитъ нечестивыхъ враговъ истинной религіи. «Того хочетъ Богъ! того хочетъ Богъ!» кричали на клермонтскомъ соборѣ тысячи народа, выслушавъ рѣчи Петра Пустынника и папы Урбана II; и эти тысячи кинулись въ крестовый походъ совершенно слѣпо, безъ денегъ, безъ провіанту, почти безъ оружія и безъ малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ лежитъ Святая земля и далеко ли до нея, и какія встрѣчаются на пути трудности и опасности. Взрывъ религіознаго чувства былъ очень грандіозенъ, но за то и реакція была ужасно сильна. Извѣстно, что безпорядочныя массы, пошедшія за Петромъ Пустынникомъ, за Вальтеромъ Голякомъ и за Готиналькомъ, погибли, большею частью, даже не добравшись до Малой Азіи. А массы эти были очень значительны: въ нихъ было слишкомъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ; и эти люди принадлежали къ самымъ низшимъ слоямъ народонаселенія. Легко представить себѣ, какое глубокое и неизгладимое впечатлѣніе долженъ былъ произвести трагическій исходъ великаго предпріятія на всѣхъ родственниковъ, друзей и сосѣдей погибшихъ фанатиковъ. Эти родственники, друзья и сосѣди были такъ неразвиты и такъ задавлены трудомъ, бѣдностью и притѣсненіями, что имъ было невозможно слѣдить за событіями политическаго и религіознаго міра; что бы ни дѣлали папы и пре-

латы, императоры и короли, — эти простые люди все-таки не пустились бы въ критическія размышленія. Но тутъ, когда всемірная исторія проникла въ каждую бѣднѣйшую хижину, когда колоссальная борьба двухъ религій дала себя почувствовать каждому отдѣльному семейству, когда католическая политика отняла мужа у жены, брата у сестры, сына у матери, отца у малолѣтнихъ дѣтей, тогда поневолѣ вся Европа, отъ мала до велика, призадумалась надъ своими утратами и стала задавать себѣ вопросы: ведутъ ли къ чему нибудь всѣ эти пожертвованія? И дѣйствительно ли того хочетъ Богъ? — То воодушевленіе, которое обнаружилось на клермонтскомъ соборѣ, не повторилось больше никогда. Такіе порывы усердія обходятся слишкомъ дорого и, вслѣдствіе этого, ведутъ за собою горькое разочарованіе. Послѣ перваго крестоваго похода, религіозная температура Европы вдругъ понизилась на значительное число градусовъ. Европу пришлось подогрѣвать искусственными средствами, и всѣ эти подогрѣванія, всѣ проповѣди Бернара изъ Клерво, Фулька изъ Нельси и другихъ монаховъ, всѣ циркуляры папъ производили только частичное, мѣстное вліяніе. Время общаго, свѣжаго, естественнаго энтузіазма прошло безвозвратно. Теперь спрашивается: умѣстно ли, благоразумно ли, политично ли было писать такія неистовыя воззванія, какія пускать въ ходъ Иннокентій III? Одно изъ двухъ: или народы католической Европы могли слѣпо повѣрить словамъ папы, или же они могли отнестись къ нимъ съ сомнѣніемъ. Второй случай крайне неудобенъ для теократическаго принципа, потому что папа, которому не вѣрятъ на слово, превращается въ простаго смертнаго, но этотъ второй случай все-таки лучше перваго, потому что если бы католики повѣрили Иннокентію совершенно слѣпо, если бы они рѣшились испытать достоинство католицизма посредствомъ судебного поединка, произведеннаго въ громаднхъ размѣрахъ, то Иннокентій навѣрное оказался бы послѣднимъ папою. Судебный поединокъ кончился бы для католицизма полнѣйшимъ пораженіемъ, а тотъ крестовый походъ, который былъ устроенъ самимъ Иннокентіемъ, оказался не въ примѣръ скандальнѣе, безобразнѣе и неудачнѣе всѣхъ остальныхъ. Крестоносцы попали въ кабалу къ венеціанскимъ купцамъ, которые заставили ихъ платить натурою, и притомъ впередъ, за провозъ въ Палестину. Плата натурою состояла въ томъ, что крестоносное воинство принуждено было сдѣлать сначала для венеціанцевъ нѣсколько завоеваній въ Далмаціи. Когда кончилась эта работа, тогда явилась вдругъ совершенно непреувидѣнная необходимость вмѣшаться въ дѣла дряхлой Византіи-

свой имперіи. Крестоносцы взяли Константинополь, разграбили его раздѣлили между собою провинціи покореннаго государства, основали такъ называемую Латинскую имперію и, удививши весь міръ совершенно не крестоноснымъ характеромъ своихъ подвиговъ, сочли свое дѣло оконченнымъ, хотя они даже издали не видали не только стѣнъ Іерусалима, но даже береговъ обѣтованной земли. Другой крестовый походъ, затѣянный также Иннокентіемъ и направленный противъ еретиковъ южной Франціи, оказался несравненно удачнѣе палестинскаго предпріятія. Въ южную Францію сбѣжалась со всѣхъ сторонъ такая огромная толпа вооруженной сволочи, что еретики были совершенно задавлены и истреблены, не смотря на свое отчаянное сопротивленіе. Неуспѣхъ палестинскаго похода, предпріятого въ 1202 году, и успѣхъ альбигойской войны, начавшейся въ томъ же десятилѣтіи, именно въ 1208 году, составляютъ вмѣстѣ взятые, важное барометрическое указаніе для мисіянца историка. Въ палестинскомъ походѣ религіозный мотивъ долженъ былъ стоять на первомъ планѣ. Путь былъ далекъ; трудности и опасности значительны; добыча совершенно ничтожна, потому что уже въ XIII столѣтіи можно было сказать о Палестинѣ:

Вотъ у ногъ Іерусалима.
 Богомъ сожжена,
 Безглагольна, недвижима
 Мертвая страна.

Значить, для успѣха предпріятія требовалось непременно религіозное воодушевленіе. Напротивъ того, въ альбигойской войнѣ можно было покончить все дѣло безъ дальнѣйшаго нагрѣванія католическихъ сердецъ. Театръ войны лежалъ подъ руками; дорога была отсюда легкая и открытая; страна, «обреченная мечу и пожарамъ», была богата и привлекательна во всѣхъ отношеніяхъ; значить, надо было только найти добрыхъ людей, способныхъ рѣзать, жечь, грабить и безчинствовать. Такихъ людей въ тогдашней Европѣ было слишкомъ достаточно. Эти люди были очень невѣжественны и, вслѣдствіе этого, разумѣется, довольно суевѣрны. Когда этимъ людямъ указали на легкую добычу, тогда они кинулись на нее съ величайшимъ удовольствіемъ. Когда же за любовное для нихъ дѣло разбоя и безчинства имъ посулили отпущеніе грѣховъ, тогда, разумѣется, они охотно повѣрили этому обѣщанію и еще усерднѣе принялись за свою работу. Герои альбигойской войны вѣрили всему, что имъ говорили аббаты и монахи, но вѣрили преимущественно потому, что еще не выучились ни въ чемъ сомнѣваться. Стремя-

тельная сила религіознаго чувства, воодушевлявшаго людей XI вѣка, уже значительно ослабѣла въ XIII столѣтіи. Массы еще ни въ чемъ не сомнѣвались сознательно, но ко многотому относились уже очень спокойно, и дѣйствовали усердно въ пользу католицизма только тамъ и тогда, гдѣ и когда интересы католицизма совпадали съ ихъ собственными, личными наклонностями и матеріальными выгодами. Мнѣ кажется, что конецъ XI вѣка, именно время клермонтскаго собора и перваго крестоваго похода, составляетъ верховный пунктъ религіознаго энтузіазма въ католическомъ мірѣ. Послѣ этого начинается довольно быстрое пониженіе. Въ XIII столѣтіи, горячій и поэтический элементъ католическаго фанатизма уже въ значительной степени успѣлъ улетучиться. Дальновидные защитники клерикальныхъ принциповъ начинаютъ тревожиться и суетиться, имъ уже чего-то недостаетъ. Иннокентій III мечется во всѣ стороны, ругается, проклинаетъ, интригуетъ, учреждаетъ ордена нищенствующихъ монаховъ, и вообще показываетъ историкю своею изумительною дѣятельностью и подвижностью, что вліяніе папства на умы уже требуетъ ремонта, и что чувства католиковъ уже нуждаются въ подогрѣваніи.

III.

Ссоры Иннокентія III съ королями французскимъ и англійскимъ показываютъ очень наглядно, что папскія проклятія начинаютъ понижаться въ цѣнѣ. Въ 1193 году, французскій король Филиппъ-Августъ, страдавъ безденежьемъ, хроническою и наследственною болѣзнію всѣхъ королевскихъ династій прекрасной Франціи, предложилъ руку и сердце сестрѣ датскаго короля, Ингеборгѣ, у которой наличныхъ денегъ было очень много. Бракосочетаніе совершилось въ августѣ 1193 года. На другой день послѣ свадьбы, когда новая королева должна была короноваться, супругъ ея объявляетъ совершенно неожиданно, что никакъ не можетъ жить съ нею, потому что чувствуетъ въ ней непреодолимое отвращеніе. Къ деньгамъ же ея Филиппъ чувствовалъ, напротивъ того, непреодолимую нѣжность, и поэтому, разумѣется, никакъ не могъ разстаться съ ними. Поправивъ на нѣкоторое время свои денежные обстоятельства и озадачивъ Ингеборгю такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Филиппъ весело и спокойно началъ составлять новые планы брачнаго союза, точно будто инвюдь съ Ингеборгю никогда не существовала. Французскіе епископы, по приказанію короля, объа-

били его бракъ недѣйствительнымъ и подали Ингеборгѣ добродушный совѣтъ удалиться обратно въ Данію или поселиться въ какомъ нибудь французскомъ монастырѣ. Ингеборга не соглашалась ни на то, ни на другое, но ея согласія никто и не спрашивалъ, и Филиппъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, посадилъ ее въ монастырь, гдѣ съ нею, какъ говорить Шлоссеръ, «обходились чрезвычайно дурно». Тогдашній папа, дряхлый старикъ Целестинъ III, нашелъ всю эту процедуру не совсѣмъ правильною и передалъ это дѣло на разсмотрѣніе собора французскаго духовенства. Но между французскими прелатами нашлось мало охотниковъ ссориться съ Филиппомъ; «епископы вели себя, по выраженію одного современнаго писателя, какъ нѣмцы собаки, которыя, боясь за свою шкуру, не смѣли лаять» (Шлоссеръ т. VII. стр. 115). Въ 1196 году, Филиппъ, совершенно игнорируя Ингеборгу, продолжавшую сидѣть въ монастырѣ, женился на Маріи Агнесѣ, дочери герцога меранскаго, владѣвшаго обширными землями въ Германіи и находившагося въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ Генрихомъ VI. Въ продолженіе двухъ лѣтъ ничто не нарушало счастья обоихъ супруговъ. Но Иннокентій III, сдѣлавшись папою, поднялъ всю старую исторію Ингеборги съ самаго начала. Увидѣвъ со стороны Филиппа необходимое упорство, онъ въ 1199 году наложилъ на Францію папскій интердиктъ, то есть, запретилъ французскому духовенству совершать богослуженіе и церковныя требы. Ударъ былъ хорошъ, но коса нашла на камень. Сразившись съ Филиппомъ, Иннокентій встрѣтилъ себѣ такого противника, который не уступалъ ему ни въ энергіи, ни въ изобрѣтательности. Папскій интердиктъ сдѣлался для короля новымъ источникомъ доходовъ. Чуть только какой нибудь епископъ или аббатъ обнаруживалъ наклонность повиноваться папскому приказанію, Филиппъ тотчасъ отрѣзалъ его отъ должности и бралъ въ казну его имѣніе; такъ же круто поступалъ онъ и съ баронами, которые, опираясь на папскій указъ, перестали считать короля своимъ сюзереномъ; если какой нибудь городской магистратъ держалъ сторону папы, Филиппъ облагалъ городъ огромнымъ налогомъ. Папа принужденъ былъ уступить; онъ призналъ разводъ Филиппа и приказалъ своему легату созвать соборъ французскаго духовенства, для того, чтобы придать всему дѣлу наружный видъ благообразія и законности. Но Филиппъ не согласился даже на этотъ послѣдній компромиссъ. Не обращая никакого вниманія на то, что происходитъ на соборѣ, онъ взялъ Ингеборгу къ себѣ во дворецъ и сталъ жить открыто съ двумя женами. А Иннокентій въ 1201 году даже призналъ законными обоихъ дѣтей Ма-

рин Агнесы.— Во всей этой исторіи, Филиппъ, какъ частный человѣкъ, поступалъ безсовѣстно, но какъ политическій дѣятель, онъ держалъ себя превосходно. Папа заступился за оскорбленную и ограбленную женщину. Это очень похвально и великодушно съ его стороны; но какъ онъ заступился? Онъ наложилъ интердиктъ на Францію; если бы его приказаніе было выполнено въ точности, то, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ, на всемъ пространствѣ французской территоріи, новорожденные дѣти оставались бы некрещенными, женихи и невѣсты—необыкновенными, больные умирали бы безъ исповѣди и причастія, и мертвецы зарывались бы въ землю безъ отпѣванія. Когда папское слово обладаетъ такою силою, которая мгновенно могла парализировать дѣйствія духовенства въ цѣломъ королевствѣ, тогда, разумѣется, жители этого королевства вѣровали горячо и искренно въ непогрѣшимость папы, Стало быть, когда интердиктъ не былъ пустымъ словомъ, тогда онъ былъ жестокимъ наказаніемъ. А на кого падало это наказаніе? На массу народа, на толпу простодушныхъ бѣдняковъ; и съ особенною тяжестью ложилось оно именно на ревностѣйшихъ защитниковъ папы, на его лучшихъ друзей, на самыхъ искреннихъ и усердныхъ католиковъ. Чтобы насолить сильному врагу, папа билъ въ самое чувствительное мѣсто своихъ слабыхъ и бѣдныхъ друзей. Интердиктъ клонился всегда къ той цѣли, чтобы возбудить въ государствѣ волненія и, посредствомъ этихъ волненій, довести провинившагося государя до необходимости покориться волѣ папы. Штука придумана недурно, но посмотрите, что изъ этого выходитъ. Положимъ, что цѣль интердикта достигнута; волненіе произошло; король смирился передъ папою; папа простилъ короля; миръ заключенъ къ обоюдному удовольствію высокихъ особъ; а потомъ что? Потомъ, разумѣется, король, успокоивши и обезпечивши себя со стороны духовнаго начальства, принимается очень серьезно и совѣтъ не ласково за тѣхъ подданныхъ, которые своею непокорностью заставили его смириться передъ папою. Происходить въ грандіозныхъ размѣрахъ та сцена изъ «Ревизора», когда городничій, послѣ отъѣзда Хлестакова, бесѣдуетъ съ купцами. «А самоварники! жаловаться?» — Непріятно было положеніе самоварниковъ, но положеніе возмущавшихся подданныхъ было еще гораздо неудобнѣе. Размѣры всей сцены были грандіозны; начинались пытки, вѣшанія, колесованія, четвертованія. И на кого сыпался всѣ эти неприятели? Именно на самыхъ лучшихъ католиковъ, на тѣхъ, которые шли безтрепетно на самую опасную борьбу, лишь бы только избавиться отъ невыносимаго для нихъ интердикта. А папа чего смотрѣлъ? Да папѣ до этого и дѣла никакого не было; до него, можетъ быть,

и слухи объ этихъ казняхъ не доходили; велика важность, что два три десятка безпокойныхъ людей отправятся на плаху, на висѣлицу, въ застѣнокъ и на колесо; въ средніе вѣка на подобныя мелочи ни одинъ порядочный челоуѣкъ не обращалъ никакого вниманія. Да и не могъ же папа требовать отъ короля, что бы онъ остановилъ въ своихъ владѣніяхъ правильный ходъ уголовного правосудія. Мятежниковъ слѣдуетъ наказывать, и церковь можетъ только напутствовать ихъ своими молитвами. Вотъ настоящее значеніе того механизма, который назывался интердиктомъ и который не разъ пускался въ ходъ съ самымъ полнымъ успѣхомъ, въ цвѣтущія времена клерикальнаго абсолютизма. Теперь не трудно будетъ понять, почему я замѣтилъ выше, что Филиппъ-Августъ дѣйствовалъ въ ссорѣ своей съ папою, какъ превосходный политическій дѣятель. Папа, по обыкновенію, смотрѣлъ на массу народа, какъ на средство, какъ на *chair à canon*, какъ на подножіе своего святительскаго престола. Ему не было дѣла до того, что народъ будетъ страдать отъ прекращенія богослуженія, что онъ будетъ волноваться и что за эти волненія его будутъ бить и разорять. Такъ оно и должно быть, думалъ папа.; народъ на то и созданъ, чтобы держать на своихъ плечахъ все бремя моего могущества. Въ мирное время онъ долженъ давать мнѣ свои деньги, въ военное время—свою кровь. Безъ этого и папой быть не стоитъ, да и невозможно. Но Филиппъ-Августъ поставилъ вопросъ иначе. Ты, святой отецъ, думалъ онъ, на кого сердиться? На меня? Прекрасно. За что? За то, что я на двухъ женахъ женатъ? Превосходно. Вотъ ты и ухитрись наказать меня, именно меня, преступнаго двоеженца. Попробуй достать меня, если руки не коротки. А французовъ моихъ не трогай. Они тутъ не при чемъ. Имъ отъ моихъ двухъ бракосочетаній не досталось ни денегъ, ни удовольствій. А кто вздумаетъ исполнять твое глупое приказаніе и тиранить моихъ подданныхъ, отказывая имъ въ томъ, что для нихъ составляетъ глубочайшую нравственную потребность, съ тѣмъ я сумѣю распорядиться по своему. — Умъ и твердость Филиппа сдѣлали то, что грозный интердиктъ остался для Франціи мертвою буквою. Не было ни безтолковыхъ волненій, ни бесплодныхъ казней. Глубокій и роковой трагизмъ того положенія, въ которомъ уже съ XIII вѣка находилась римская теократія, заключается именно въ томъ, что самыя энергическія мѣры, предпринимаемыя для возвышенія и укрѣпленія папскаго авторитета, обращались неизбежно во вредъ тому дряхлѣющему принципу, который они должны были поддерживать. Разумѣется, папство въ XIII

вѣкъ было еще очень сильно, но оно уже не могло ни подниматься къверху, ни даже остановиться на той высотѣ, которую оно занимало. Оно неизбежно должно было спускаться внизъ, и никакія услія даровитыхъ личностей, подобныхъ Иннокентію III, могущественныхъ корпорацій, подобныхъ монашескимъ орденамъ, и специальныхъ учреждений, подобныхъ инквизиціи, не могли остановить этого необходимаго паденія. Чего-чего только не придумывалъ Иннокентій, и все шло совсѣмъ не туда и не такъ, куда и какъ слѣдовало бы идти, по его клерикальнымъ соображеніямъ. Поднялъ крестовый походъ — вышелъ еврейскій скандалъ, крестоносцы осрамялись; ѣхали они въ Палестину, а пріѣхали въ Константинополь. Вступился за угнетенную женщину, закатѣлъ пострадать безсовѣстнаго супруга, — вышла ничтожнѣйшая демонстрація, отъ которой потомъ самому пришлось отказываться. Супругъ по прежнему остался безсовѣстнымъ, и папѣ пришлось поощрять двоеженство, признавая законность дѣтей, родившихся отъ второй жены, при жизни первой. Наступали тяжелыя времена.

IV.

Тенденціи XIII вѣка воплотились съ особенною силою въ личности и дѣятельности германскаго императора Фридриха II, того самаго Фридриха, который, въ дѣтствѣ своемъ, будучи королемъ сцилійскимъ, находился подъ опекою Иннокентія III. — Фридрихъ былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, передовымъ человѣкомъ своего времени. Но, произнося о немъ такое сужденіе, мы должны твердо помнить, что передовые люди XIII вѣка вѣсколько не похожи на передовыхъ людей XIX столѣтія. Въ наше время передовой человѣкъ долженъ быть непременно умнымъ, честнымъ и гуманнымъ человѣкомъ; онъ долженъ работать всѣми своими силами на пользу своихъ согражданъ и современниковъ, долженъ любить свою полезную дѣятельность больше всего на свѣтѣ и долженъ понимать совершенно сознательно, къ чему клонятся всѣ его труды и пожертвованія. Но въ XIII вѣкѣ *такихъ* передовыхъ людей не было и не могло быть. А были *другіе* передовые люди, и самымъ крупнымъ изъ этихъ другихъ, какъ по положенію, такъ и по личнымъ талантамъ, былъ императоръ Фридрихъ II. Сильный умъ составляетъ необходимое условіе для всѣхъ передовыхъ людей, къ какому бы вѣку они ни принадлежали. Передовые люди отличаются отъ массы своихъ современниковъ именно тѣмъ, что прямо, смѣло

и сознательнѣе ихъ ставить и рѣшаютъ общіе вопросы, вытекающіе изъ данныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Гдѣ масса бредеть ошупью, робѣя и спотыкаясь на каждомъ шагу, тамъ передовой человѣкъ идетъ твердой и развязной походкой. Для такой твердости и развязности, очевидно, необходима природная сила ума, укрѣпленная возможно-лучшимъ образованіемъ. Но честность, гуманность, сознательное стремленіе къ общей пользѣ, разныя другія хорошія качества, перечисленныя мною выше, вовсе не составляютъ во всякое время необходимыхъ атрибутовъ передового человѣка. Напротивъ того, бывають такія историческія эпохи, когда эти качества именно въ передовомъ человѣкѣ совершенно невозможны и немислимы. Бывають такія эпохи, когда передовые люди, то есть, умнѣйшіе, неизбѣжно дѣлаются безчестными, жестокими и своекорыстными личностями. Отсталые же люди, въ это самое время, могутъ блистать самыми трогательными и возвышенными добродѣтелями. XIII вѣкъ представляетъ намъ одну изъ такихъ трагическихкихъ эпохъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости моего замѣчанія, стоитъ только сравнить передового человѣка, Фридриха II, съ отсталымъ человѣкомъ, Людовикомъ IX. У перваго безсовѣстность была возведена въ принципъ; второй никогда въ жизни не измѣнялъ данному слову. Если бы Фридрихъ II и Людовикъ IX оба были живы теперь, то, разумѣется, я бы вамъ сказалъ: держите ухо востро съ первымъ и смѣло довѣряйте второму ваши деньги, вашу честь, вашу сестру, жену или дочь, словомъ все, что хотите. Но вѣдь достоверно извѣстно, что оба они скончались; поэтому и разсуждать о нихъ слѣдуетъ совсѣмъ не такъ, какъ мы разсуждаемъ о живыхъ людяхъ, способныхъ насъ обокрасть, зарѣзать или ошельмовать. Когда мы становимся на всемірно-историческую точку зрѣнія, то есть, когда мы задаемъ себѣ вопросъ: какимъ путемъ шло человѣчество къ своему теперешнему положенію? — тогда всѣ отдаленныя личности, Фридрихи, Людовики, Иннокентіи, Колумбы, Лютеры, Гуттенберги, становятся для насъ отвлеченными величинами. Встрѣчаясь съ каемъ нибудь собственнымъ именемъ, мы прежде всего задаемъ ему вопросъ: ты что такое? Ты — плюсъ или минусъ? То есть, другими словами: куда ты толкалъ людей—впередъ или назадъ? А чьимъ толкалъ—добродѣтелями или пороками, умомъ или глупостью, дѣятельностью или праздною?—Это вопросы, которые мы задаемъ себѣ не для того, чтобы хвалить или порицать толкавшую личность, а для того, чтобы изучить въ подробностяхъ самый механизмъ толканія. Поэтому, встрѣчаясь съ Фридрихомъ II, мы говоримъ: это—плюсъ; это—передовой человѣкъ, который шибко тол-

каль людей впередъ. А чѣмъ толкали? Умомъ и безсовѣстностью. Встрѣчаясь съ Людовикомъ IX, мы говоримъ: это—мишусь; это отсталый человѣкъ; онъ упорно тянулъ людей назадъ. А чѣмъ? Тупоуміемъ. Спрашивается теперь, почему же въ политическомъ мірѣ XIII вѣка умъ и добросовѣстность взаимно исключали другъ друга? То есть, почему передовой политической дѣятель того времени и настоящій двигатель общечеловѣческаго прогресса, никакъ не могъ быть честнымъ человѣкомъ? А вотъ видите ли: бывають въ исторіи эпохи органическія и эпохи критическія или, другими словами, эпохи положительныя и эпохи отрицательныя. Во время эпохъ органическихъ или положительныхъ система вѣрованій, идей и бытовыхъ формъ складывается, растетъ, у и укрѣпляется. Во время эпохъ критическихъ или отрицательныхъ готовая система дряхлѣетъ и разрушается. Въ XII вѣкѣ закончилась органическая эпоха католицизма. Съ XIII вѣка уже ясно начинается для него критическая эпоха. Въ IX, въ X, и въ XI вѣкѣ умнѣйшіе европейцы были еще искренними католиками. Умнѣйшіе европейцы XIII вѣка оказываются уже индифферентистами и скептиками. И если бы въ умахъ тогдашнихъ европейцевъ не совершился этотъ поворотъ, то на земномъ шарѣ до настоящей минуты не было бы ни желѣзныхъ дорогъ, ни электрическихъ телеграфовъ, ни телескопа, ни микроскопа, ни химіи, ни физіологіи, ни медицины. Папская власть систематически давила бы въ зародыши научнаго изслѣдованія. Всякому же извѣстенъ тотъ фактъ, что римская инквизиція осудила Галилея за астрономическія открытія, и что въ училищахъ церковной области будутъ отрицать движеніе земли до тѣхъ поръ, пока Викторъ-Эммануиль или его преемники не овладѣють Римомъ. Стало быть, кто дорожить пріобрѣтеніями европейской науки и произведеніями европейской промышленности, тотъ долженъ сказать прямо, что индифферентизмъ къ папскому принципу XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ былъ безусловно необходимъ для нашего теперешняго благосостоянія. Но индифферентистъ, очевидно, не можетъ обладать тѣми симпатичными качествами характера, которыми отличается мечтатель и энтузіастъ. Но само собою разумѣется, чистый типъ энтузіаста, какъ и все чистое, бываетъ во всякое время чрезвычайно рѣдкомъ. Въ эпохи повальнаго энтузіазма обыкновенный человѣкъ всегда бываетъ только *немножко* энтузіастомъ, и это *немножко* плаваетъ въ его натурѣ на значительномъ количествѣ ноздревскихъ, чичиковскихъ, плюшкинскихъ или какихъ нибудь другихъ помесей такого же высокаго достоинства. Эти нѣгіе энтузіасты, разумѣется, любятъ другъ друга

немножко, а грызутъ другъ друга много, потому что поступки ихъ опредѣляются преимущественно ихъ личною грязью, а не общимъ ихъ воодушевленіемъ. Если хотите взглянуть на чистаго энтузіаста, возьмите Людовика IX. Чище его вы не найдете, да и врядъ ли найдете другого такого человѣка между политическими дѣятелями католическаго міра. Но этотъ поборникъ папскаго принципа могъ развернуть свои силы съ пользою для человѣчества въ VI или въ VII вѣкѣ, а никакъ не въ XIII. Ему надо было жить во времена Григорія I и дѣйствовать заодно съ миссіонеромъ Бонифаціемъ, обращавшимъ въ христіанство прирейнскихъ германцевъ и погибшимъ смертью мученика въ землѣ дикихъ фризевъ. При такихъ условіяхъ, Людовикъ былъ бы передовымъ и полезнымъ человѣкомъ, потому что, во времена миссіонера Бонифація, историческая задача, стоявшая на очереди, заключалась въ томъ, чтобы связать единствомъ какой нибудь высшей идеи разрозненныя племена европейскихъ дикарей. Но въ XIII вѣкѣ стояла на очереди совсѣмъ другая историческая задача. Надо было, во что бы то ни стало, поколебать силу папства. А кто могъ въ то время сражаться съ папствомъ и одерживать надъ нимъ побѣды? Разумѣется, не теоретики, не ученые, не мыслители. На всѣ аргументы этихъ людей папство отвѣчало бы тѣми неопровержимыми доводами, которыми оно побѣдило вольнодумцевъ южной Франціи. Мудрено аргументировать противъ такого принципа, который отстаиваетъ свою непоколебимость огнемъ и желѣзомъ. Борьбѣ съ папствомъ могли въ XIII вѣкѣ только тѣ люди, которые сами держали въ рукахъ огонь и желѣзо.—Но какія побудительныя причины должны были вовлечь свѣтскую власть въ борьбу съ папствомъ? За какую нибудь идею свѣтская власть бороться не могла; энтузіазма невозможно ожидать отъ ея представителей. Въ XIII столѣтіи не зарождались еще идеи сознательнаго человѣколюбія и безконечнаго прогресса XVIII вѣка. Столкновеніе между папствомъ и свѣтскою властью могло произойти только изъ-за личныхъ, узкихъ и мелкихъ интересовъ. Деньги и господство—вотъ яблоко раздора между клерикалами и феодалами. Властолюбіе и корыстолюбіе—вотъ двигатели важнѣйшихъ историческихъ событій, поколебавшихъ зданіе папства. Вѣрять въ непогрѣшимость папы умные политики XIII вѣка уже не могли; любить людей и работать для общаго блага они еще не умѣли. Стало быть, имъ оставалось только жить, по возможности, въ свое личное удовольствіе, копить или тратить награбленные деньги, вести опустошительныя войны и безсовѣстныхъ интригъ единственно для того, чтобы наслаждаться оцѣн-

щеніемъ собственнаго могущества, физическаго и умственнаго. И чѣмъ умнѣе былъ политическій дѣятель того времени, тѣмъ безграничнѣе была его безсовѣстность. А выработать себѣ новыя идеи онъ все-таки былъ не въ состояніи, какъ бы ни былъ онъ гениаленъ. Въ той жизни, которая его окружала, не было еще никакихъ матеріаловъ для выработки этихъ новыхъ идей. И поэтому, для умнаго политика XIII вѣка существовало только одно нравственное правило: не зѣвай, то есть, умѣй всегда, какими бы то ни было средствами, устроить такъ, чтобы матеріальная сила была на твоей сторонѣ. Такими передовыми людьми XIII столѣтіе было очень богато; и такіе люди, похожіе на хищныхъ звѣрей, опасные для союзниковъ и для враговъ, оказали своею дѣятельностью незамѣнимую услугу развитію европейскаго ума. Ихъ дрянныя страсти, ихъ полнѣйшая безсовѣстность, ихъ неукротимая энергія и ихъ изворотливый умъ, взятые вмѣстѣ и соединенные притомъ съ матеріальною силою, сдѣлали ихъ такими опасными бойца и, противъ которыхъ никакъ не могло устоять папское могущество, если бы даже оно рѣшилось держать въ отношеніи къ нимъ строго-оборонительную тактику. А когда дрянныя страсти властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ политиковъ расшатали папское зданіе, тогда явилась для европейцевъ возможность наблюдать, размышлять, учиться, дѣлать открытія и распространять знанія въ обществѣ.—Теперь мы можемъ обратиться къ біографіи Фридриха II, умнѣйшаго и безсовѣстнѣйшаго изъ передовыхъ людей XIII вѣка. Это—Филиппъ Августъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ.

V.

Сицилійское королевство Фридриха II, лежавшее по обѣ стороны Мессинскаго пролива, было самымъ промышленнымъ, самымъ богатымъ и самымъ образованнымъ государствомъ тогдашней Европы. Сицилія и южная Италия были наполнены арабами и евреями; здѣсь, какъ и вездѣ, эти двѣ народности, отличаясь трудолюбіемъ, предпріимчивостью и смелостью, дали сильнѣйшій толчокъ экономическому и умственному развитію страны. Земледѣліе, фабричная промышленность и торговля Сицилійскаго королевства находились въ цвѣтущемъ состояніи. Умственная жизнь страны сосредоточивалась въ трехъ знаменитыхъ училищахъ, привлекавшихъ въ предѣлы государства тысячи любознательныхъ иностранцевъ. Въ Салерно славилась школа медицины и естественныхъ наукъ; преподавателями

были арабы и евреи; благодаря ихъ усилюмъ, скептическая философія арабовъ, отрѣшившихся въ то время отъ поклоненія корану, пускала корни въ умы разноплеменныхъ слушателей, которые потомъ распространили тѣ же идеи во всѣхъ концахъ католической Европы. Другая школа, въ Амальфи, формировала юристовъ, смотрѣвшихъ на государственныя учрежденія совѣтъ не такъ, какъ того желали клерикалы. Эти средневѣковые законовѣды во всѣхъ столкновеніяхъ церкви съ свѣтскою властью, поддерживали послѣднюю всѣми правдами и неправдами утомленной юридической діалектики. Тутъ безсовѣстность облекалась всегда въ приличные и величественныя формы.—Третья школа, въ Неаполѣ, была также посвящена правовѣденію. Роскошный климатъ Сициліи и блестящая обстановка богатаго двора развили въ молодомъ Фридрихѣ наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ; сдѣлавшись королемъ на третьемъ году жизни и выросши, безъ отца и безъ матери среди придворныхъ льстецовъ, онъ остался до самой смерти страстнымъ и непреклоннымъ властолюбцемъ. Получивши блестящее образованіе, онъ смотрѣлъ на поэзію, на искусства и на науки очень благосклонно, какъ на хорошее средство украшать и разнообразить жизнь различныхъ меценатовъ, подобныхъ ему самому. Онъ любилъ держать при своемъ дворѣ мыслителей и поэтовъ; онъ даже самъ въ свободныя минуты занимался рифмоплетствомъ, вмѣстѣ въ своимъ канцлеромъ и другомъ, Петромъ а-Винсисъ. Арабы, евреи, поэты, мыслители, придворные, все что окружало молодого Фридриха, все было насквозь пропитано скептицизмомъ, не слишкомъ глубокимъ, но очень заразительнымъ. Двусмысленныя распоряженія королевскаго опекуна, Иннокентія III, заускавшаго безъ церемоніи свою клерикальную лапу въ сундуки сицилійскаго казначейства, давали ежедневно новую пищу остроумію дворцовыхъ скептиковъ, и Фридрихъ, рано начавшій тяготиться непрошеною и убыточною опекою, по всей вѣроятности, слушалъ съ удовольствіемъ и поощрялъ насмѣшки своихъ приближенныхъ надъ политикою римскаго іерарха. Такимъ образомъ выработывался изъ даровитаго мальчика, сидѣвшаго на сицилійскомъ престолѣ, — образованный эпикуреецъ, суровый властитель и совершенный космополитъ въ дѣлѣ религіи. Фридриху нравились обычаи магометанъ: онъ любилъ носить ихъ костюмъ; онъ держалъ въ своемъ дворцѣ роскошный гаремъ, составленный большею частью изъ магометанокъ; онъ находился въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ магометанскими государями Европы, Азии и Африки; онъ обмѣнивался съ ними подарками и пользовался ихъ

уваженіемъ; но къ ученію корача онъ относился равнодушно, насмѣшливо и даже презрительно. При его дворѣ жили сыновья знаменитаго арабскаго ученаго Аверроэса, открыто смѣявшіеся надъ Магометомъ. «Однѣ свиньи, говорилъ Аверроэсъ, могутъ считать ученіе этого человѣка разумнымъ, единственно потому, что Магометъ принялъ свиней подъ свое покровительство, запретивъ людямъ употреблять въ пищу свиное мясо.» — Фридрихъ рано возмужалъ; ему было всего пятнадцать лѣтъ, когда у него родился первый законный сынъ, Генрихъ; незаконныя дѣти рождались, быть можетъ, еще раньше. Двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1215 году, онъ принялъ въ Ахенѣ корону германскаго короля и, вслѣдствіе этого, три года воевалъ съ императоромъ Оттономъ IV. Война эта кончилась смертью Оттона, въ 1218 году. Фридрихъ два раза обманулъ папу, чтобы привлечь его на свою сторону. Во-первыхъ, онъ обѣщаль ему, что сицилійская корона никогда не будетъ соединена съ германскою. Сицилію онъ обязался отдать своему старшему сыну Генриху, отказываясь за него отъ всякихъ притязаній на Германію и на императорскую корону. Поступилъ же онъ какъ разъ наоборотъ. Онъ оставилъ за собою и Сицилію, и Германію, и сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы имперскіе князья выбрали Генриха его преемникомъ. Онъ вполне достигъ своей цѣли, и тогда написалъ къ папѣ, что государственные чины выбрали его сына безъ его вѣдома. Къ счастью для Фридриха, папою былъ уже не Иннокентій, а Гонорій III, котораго было не трудно успокаивать выдумками и обѣщаніями. Вторая уловка Фридриха состояла въ томъ, что онъ, при своемъ коронованіи, далъ торжественную клятву отправиться въ крестовый походъ. Ему, отъявленному скептику и другу магометанъ, было, разумѣется, очень смѣшно говорить торжественно о религіозной войнѣ и о благочестивой ненависти къ невѣрнымъ. Однако онъ выдержалъ свою роль превосходно, повторилъ обѣщаніе въ Римѣ, принимая изъ рукъ папы, въ 1220 году, императорскую корону, и, въ теченіе тринадцати лѣтъ (1215—1228) морочилъ всю Европу, показывая видъ, будто дѣлаетъ колоссальныя приготовленія для завоеванія Палестины. Благонамѣренная маска крестоносца была полезна для Фридриха въ двухъ отношеніяхъ во-первыхъ, она задобрила папу въ то время, когда Оттонъ былъ еще живъ и когда Фридрихъ еще не былъ императоромъ; а во-вторыхъ, она, въ теченіе многихъ лѣтъ, давала Фридриху возможность вооружаться и собирать вокругъ себя рыцарей, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ тѣхъ людяхъ, противъ которыхъ вооруженное рыцарство должно было направиться. Вся политика Фри-

Фридрихъ клонилась преимущественно къ одной главной цѣли: ему хотѣлось, во что бы то ни стало, стереть съ лица земли федерацію ломбардскихъ городовъ и утвердить навсегда императорскую власть сѣверной Италіи. Не трудно понять, почему ломбардскіе города сосредоточивали на себѣ все вниманіе Фридриха. Независимая федерація этихъ городовъ разрѣзывала пополамъ его владѣнія; сверхъ того, только эта федерація, державшая въ своихъ рукахъ ключи альпійскихъ проходоу, могла сколько нибудь обезпечить самостоятельность папы. Если бы Фридриху, господствовавшему въ Германіи и владѣвшему южной Италіей, удалось завоевать Ломбардію, то папа мгновенно превратился бы въ императорскаго чиновника. Возобновились бы тогда времена Карла Великаго и Оттоновъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ, папы временъ Фридриха II поддерживали постоянно самый тѣсный союзъ съ ломбардскою демократією; за нападеніе на эти города папа всегда гнѣвался, бранился и испилъ, какъ за личное оскорбленіе. Занимаясь интригами и мелкими войнами въ сѣверной Италіи, путешествуя постоянно изъ Германіи въ Сицилію и обратно, Фридрихъ въ то же время нѣсколько разъ распускалъ слухи, что въ такой-то день, въ такомъ-то приморскомъ городѣ онъ непременно сядетъ на корабль и поплыветъ въ Палестину. Кораблей у него, какъ у короля сицилійскаго, всегда было достаточно, и онъ дѣйствительно держалъ ихъ наготовѣ, такъ что слухи оказывались чрезвычайно правдоподобными. Имъ вѣрили и папа, и европейскіе государи, и тѣ благочестивые авантюристы, которые стремились загладить свои прегрѣшенія войной съ невѣрными. Въ 1217 году, въ Палестину отправилось многочисленное и чрезвычайно разноплеменное крестоносное воинство подъ начальствомъ многихъ отдѣльныхъ вождей. Не сдѣлавъ ничего путнаго въ Палестинѣ, многіе изъ этихъ крестоносцевъ вернулись домой, другіе отправились воевать съ Египетъ. Фридрихъ въ это время по своему обыкновенію, дѣлалъ видъ, что собирается выступить въ походъ противъ невѣрныхъ. При этомъ онъ постоянно поддерживалъ тайныя дипломатическія сношенія съ магометанскими государами. Разумѣется, походъ его не состоялся, и онъ жестоко повредилъ успѣху всего предпріятія именно тѣмъ, что обѣщалъ принять въ немъ участіе и обнаруживалъ притворную готовность исполнить свое обѣщаніе. Крестоносцы, отправившіеся въ Египетъ, ожидали его со дня на день, и въ этихъ бесплодныхъ ожиданіяхъ провели цѣлый годъ; когда же они, наконецъ, рѣшились дѣйствовать безъ Фридриха, тогда благоприятная минута оказалась упущенною; магометане, успѣвши уладить свои домашнія дѣла, встрѣ-

тили христіанъ съ такимъ единодушїемъ, что весь крестовый походъ кончился мирнымъ договоромъ, по которому крестоносцы получили позволеніе уйти изъ Египта по-добру, по-здорову. Фридрихъ отъ души смѣялся съ своими приближенными надъ неудачнымъ исходомъ священной войны, и, для поддержанія своей благочестивой роли, отправилъ къ берегамъ Египта сорокъ галеръ тогда, когда эти галеры не могли принести крестоносцамъ ни малѣйшей пользы. Разумѣется, эти галеры прогулялись по Средиземному морю и вернулись назадъ, а Фридрихъ сталъ писать къ папѣ раздражительныя письма о бѣдственномъ положеніи святой земли, обмѣниваясь въ то же время дружескими комплиментами съ египетскимъ султаномъ. Въ 1223 году, Фридрихъ повидался съ папою, наговорилъ ему несмѣтное множество хорошихъ словъ, показалъ себя усерднѣйшимъ изъ крестоносцевъ и взялъ себѣ только двухлѣтнюю отсрочку, доказывая неопровержимо, что такая отсрочка должна непременно обезпечить успѣхъ всего предпріятія. Для большей убѣдительности, Фридрихъ тогда же обручился съ Иолантою, дочерью іерусалимскаго короля, Іоанна Бриенскаго. Прошло два года, и Фридрихъ, разумѣется, не тронулся съ мѣста. Но чтобы еще разъ показать свое крестоносное усердіе, онъ въ 1225 году женился на Иолантѣ или, «правильнѣе, какъ говоритъ Шлоссеръ,» взялъ ее въ свой гаремъ, къ другимъ женамъ.» Совершивъ такой великій подвигъ, Фридрихъ почувствовалъ необходимость отдохнуть и потребовалъ себѣ отъ папы новую двухлѣтнюю отсрочку, объявивъ торжественно, что если и черезъ два года онъ не разгромитъ магометанъ, тогда пусть отлучаютъ его отъ церкви. Женвшись на Иолантѣ, Фридрихъ принялъ титулъ и приобрѣлъ права іерусалимскаго короля; «права же эти, по словамъ Шлоссера, были ему полезны тѣмъ, что давали ему возможность, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, усиливать флотъ и войско на суммы, жертвуемыя благочестивыми людьми для религіозныхъ цѣлей.» Желая показать, что онъ смотритъ серьезно на свой новый титулъ, Фридрихъ послалъ въ Палестину епископа амальфійскаго съ порученіемъ принять отъ іерусалимскихъ бароновъ присягу.— Наступилъ новый срокъ, торжественно назначенный самимъ Фридрихомъ. Нѣсколько тысячъ крестоносцевъ собралось къ этому времени въ южной Италіи; другіе отправились впередъ въ Палестину. Разумѣется, всѣ эти ожиданія оказались совершенно напрасными; крестоносцамъ пришлось разбѣжаться по домамъ, но большая часть изъ нихъ умерла въ Апуліи отъ жаркаго климата. Осенью 1227 года, преемникъ папы Гонорія III, Григорій IX, произнесъ надъ Фридрихомъ отлуче-

ніе отъ церкви. Если бы Фридрихъ просто уклонился отъ крестоваго похода, то папа врядъ ли рѣшился бы на такую энергическую мѣру. Отерочка слѣдовала бы за отсрочкою, и дѣло понемногу заглохло бы само собою. Но Фридрихъ, въ послѣднее время, слишкомъ усердно хлопоталъ о завоеваніи Ломбардіи, и тогда папа, изъ чувства самосохраненія, принужденъ былъ пустить въ холъ противъ предприимчиваго императора всю тяжелую артиллерію напсикихъ ругательствъ и проклятій. Къ сожалѣнію, Фридриха было очень мудрено запугать какимъ бы то ни было оружіемъ, свѣтскимъ или духовнымъ. На проклятія папы онъ отвѣчалъ рѣзкими манифестами. Въ то же время, онъ такъ успѣшно велъ противъ папы сложныя и запутанныя интриги, что въ пасху 1228 года римскій народъ выгналъ папу изъ Рима. И въ это же самое время онъ доказывалъ въ своихъ циркулярахъ, что онъ—покорный сынъ церкви и угнетенная невинность, а папа—жестокосердый тиранъ, терзающій и проклинающій, по своимъ личнымъ расчетамъ, самыхъ усердныхъ защитниковъ католицизма. И циркуляры были написаны такъ убѣдительно, факты были подобраны и освѣщены такъ искусно, что Европа поневолѣ изумлялась и вѣрила. Осенью 1228 года, Европѣ пришлось изумиться особенно сильно: Фридрихъ поѣхалъ въ Палестину по приглашенію египетскаго султана Камеля и приобрѣлъ отъ него Іерусалимъ и другія свята мѣста, не проливши ни одной капли крови. Дѣло въ томъ, что Камель искалъ себѣ въ Фридрихѣ надежнаго союзника противъ своихъ единовѣрцевъ и ближайшихъ родственниковъ. Камель, подобно Фридриху, держался того правила, что въ государственныхъ дѣлахъ слѣдуетъ руководствоваться не религіознымъ чувствомъ, а политическимъ расчетомъ. Весною 1229 года, заключивъ съ Камелемъ мирный договоръ, Фридрихъ вступилъ въ Іерусалимъ, самъ надѣлъ на себя корону въ церкви святаго гроба и, вслѣдъ за тѣмъ, возвратился въ Европу. Въ это время папа набралъ себѣ солдатъ и опустошалъ южную Италію, пользуясь отсутствіемъ Фридриха. Тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Европу, Фридрихъ разогналъ шайки бандитовъ и немедленно заявилъ всѣмъ правительствамъ католическаго міра, что папа ограбилъ его владѣнія въ то время, когда онъ, Фридрихъ, совершалъ въ Палестинѣ богоугодныя дѣла. Папа, съ своей стороны, старался доказать, что эти дѣла совсѣмъ не богоугодны, и что Фридрихъ заключилъ въ Палестинѣ союзъ съ дьяволомъ, то есть, съ Камелемъ; но общественное мнѣніе Европы рѣшительно склонилось на сторону императора, и Григорій IX, въ 1230 году, принужденъ былъ снять съ него отлученіе отъ церкви.

VI.

Въ 1231 году, Фридрихъ обнародовалъ для своего Сицилійскаго королевства новый сводъ законовъ, составленный его канцлеромъ, Петромъ а-Виниссь. Чтобы господствовать въ Германіи, чтобы раздавить ломбардскую федерацію, чтобы окончательно смирить папу, Фридриху необходимо было располагать постоянно огромными суммами денегъ. Поэтому, финансы составляли центръ всей системы его управленія. Онъ, вмѣстѣ съ своимъ канцлеромъ, старался разрѣшить слѣдующую политическую задачу: брать съ подданныхъ какъ можно больше денегъ, но такъ, чтобы самые источники государственныхъ доходовъ не истощались, то есть, чтобы основной капиталъ народа не уменьшался. Для этого, очевидно, надо было устроить такъ, чтобы, по возможности, всѣ деньги, собираемыя съ народа, поступали въ государственное казначейство, и чтобы какъ можно меньше народныхъ денегъ уходило въ карманы частныхъ лицъ и корпорацій; кромѣ того, надо было, по возможности, устранить все то, что мѣшало народу трудиться, промышленя, торговать и совершенствоваться въ различныхъ отрасляхъ ремесленной, фабричной, художественной и научной дѣятельности. Фридрихъ II и его канцлеръ поняли свою задачу именно такимъ образомъ; оба они смотрѣли на Сицилійское королевство такъ, какъ дѣльные хозяева смотрятъ на доходныя имѣнія. Народъ былъ для нихъ оброчною статьею, но, по крайней мѣрѣ, оба они, какъ люди очень умные, понимали довольно вѣрно тѣ условія, при которыхъ эта оброчная статья можетъ постоянно приносить значительные доходы. Этого правильнаго пониманія было совершенно достаточно для того, чтобы поставить законодательство и администрацію Фридриха неизмѣримо выше всей теоріи и практики его современниковъ. Въ новомъ кодексѣ было много постановленій, ограждавшихъ права короля и народа отъ неумѣренныхъ притязаній духовенства; евреямъ и магометанамъ предоставлялась полная религіозная свобода; церковныя помѣстья облагались податью наравнѣ съ другими землями; духовныя лица должны были подчиняться гражданскимъ законамъ наравнѣ со всѣми остальными подданными; всѣмъ сицилійцамъ запрещалось продавать или дарить родовыя имѣнія церквямъ, монастырямъ и монастырскимъ рыцарскимъ орденамъ. Ордаціи, то есть, различныя судебныя испытанія водою, желѣзомъ, огнемъ, совершенно отмѣнялись; судебный поединокъ допускался только въ очень немногихъ случаяхъ; говоря о судебныхъ поединкахъ, кодексъ Фрид-

риха открыто выражаетъ ту мысль, очень смѣлую для XIII вѣка что побѣда зависитъ отъ силы и ловкости бойца, а не отъ правоты его дѣла. «Свидѣтельствуя объ обширномъ, независимомъ умѣ Фридриха,—говоритъ Шлоссеръ,—этотъ кодексъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ доказательствомъ, что въ Италіи общественная жизнь въ то время была болѣе развита, чѣмъ гдѣ либо; это видно, между прочимъ, изъ того, что Фридрихъ счелъ нужнымъ опредѣлить, какую часть съ цѣнности предмета процесса пмѣлъ право адвокатъ требовать отъ кліента. Слѣдовательно, юридическая защита въ судахъ уже была тогда необходима. То же самое доказывается и постановленіями о медицинской полиціи: въ нихъ точно опредѣлялись обязанности врача, плата за носѣщеніе больныхъ, и все, касающееся аптекъ; а отъ всякаго, желающаго практиковать или преподавать медицину, требовался строгій экзаменъ и указывалось, какъ приобрести необходимыя свѣдѣнія» (т. VII, стр. 265). Медицинская школа, находившаяся въ Салерно, пользовалась постояннымъ покровительствомъ Фридриха; ученые могли спокойно заниматься своимъ дѣломъ, не боясь ежеминутно, что ихъ обвинять въ безбожіи или въ колдовствѣ. Изъ ненависти къ верхне-итальянскимъ городамъ, Фридрихъ основалъ въ Неаполѣ превосходный университетъ. Студентамъ неаполитанскаго университета были предоставлены такія права и привилегіи, какими никогда и нигдѣ еще не пользовались средневѣковые студенты. Фридрихъ довелъ свою внимательность къ учащейся молодежи до такихъ неслыханныхъ размѣровъ, что особымъ эдиктомъ гарантировалъ иностранцамъ, желавшимъ учиться въ Неаполѣ, безопасность дороги, дешевизну жизни и полную свободу во время всего пребыванія ихъ въ предѣлахъ Сицилійскаго королевства. Въ этомъ эдиктѣ были даже опубликованы цѣны квартиръ, и объявлялось, кромѣ того, что правительство заботится о кредитѣ для учащихся и о хорошемъ качествѣ помѣщеній. Если бы Фридрихъ издавалъ такіе необыкновенные эдикты изъ безкорыстной любви къ просвѣщенію, то его смѣло можно было бы поставить рядомъ съ Элоивою, родившею на свѣтъ сына и непашедшею для него лучшаго имени, какъ *Астролябія*. Покровительствовать просвѣщенію—дѣло прекрасное; но когда правитель обширнаго государства публикуетъ въ своихъ эдиктахъ цѣны студенческихъ квартиръ и гарантируетъ своевластно кредитъ для учащихся юношей, тогда, очевидно, любовь къ наукѣ превращается у этого правителя въ мономацію, которая можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для всѣхъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства. Но ясный,

глубокой и холодной умъ Фридриха былъ совершенно обезпеченъ противъ всякой мономаніи. Необыкновенный эдиктъ о квартирахъ и о кредитѣ былъ вызванъ не любовью императора къ наукѣ и къ студентамъ, а его враждебными отношеніями къ городамъ верхней Италіи, и преимущественно къ Болоньѣ, которая была богата и вѣльна, единственно благодаря своему знаменитому университету, привлекавшему ежегодно болѣе двѣнадцати тысячъ иностранцевъ. этихъ иностранцевъ Фридриху желательно было перетянуть въ Неаполь для того, чтобы купцы, ремесленники и домохозяева Болоньи остались на бобахъ и заскрежетали зубами. Разоряя обывателей города Болоньи, новый неаполитанскій университетъ, кромѣ того, солилъ также самымъ чувствительнымъ образомъ всегдашнему благопріятелю Фридриха, папѣ. Болонскій университетъ находился подъ покровительствомъ папы и, проводя въ своемъ преподаваніи теократическія тенденціи, распространялъ клерикальныя идеи по всей католической Европѣ; посредствомъ тѣхъ двѣнадцати тысячъ иностранцевъ, которые ежегодно упились болонскою премудростью. Въ Неаполѣ же любознательнымъ иностранцамъ предлагалась, всѣстѣ съ кредитомъ и дешевыми квартирами, премудрость совсѣмъ другого сорта. Въ неаполитанскомъ университетѣ господствовала философія Аристотеля въ совершенно неискаженномъ видѣ. Многія важнѣйшія кафедры были заняты арабами и евреями; скептическое направленіе преподаванія нисколько не считалось предосудительнымъ; при такихъ условіяхъ, рьяный католицизмъ былъ, очевидно, немислимъ. По приказанію Фридриха, ученые неаполитанскаго университета въ первый разъ перевели всѣ сочиненія Аристотеля прямо съ греческаго языка на латинскій; до того времени, Европа знала Аристотеля только по переводамъ, сдѣланнымъ изъ вторыхъ рукъ, съ арабскихъ переводовъ. Новый, настоящій Аристотель быстро распространился по всѣмъ тогдашнимъ университетамъ; клерикалы, и во главѣ ихъ самъ папа, старались остановить это умственное движеніе. Григорій IX, въ 1231 году, запретилъ католикамъ читать сочиненія Аристотеля о философіи природы до тѣхъ поръ, пока эти книги не будутъ исправлены и очищены учеными богословами. Запрещеніе это ни къ чему не повело; Аристотель остался неочищеннымъ, и студенты всѣхъ націй продолжали читать его съ неимовѣрною жадностью. Всмотриваясь въ такіе факты, какъ основаніе неаполитанскаго университета и переводъ Аристотеля, мы повелѣ должны изумляться дальновидности Фридриха II. Этотъ властолюбивый эпикуреецъ, невѣрившій въ безсмертіе души и презиравшій судъ исторіи, умѣлъ однако, подобно всѣмъ гениальнымъ лю-

дямъ, смотрѣть впередъ, въ далекое будущее, и, независимо отъ своей собственной воли, по непосредственной гениальности своего ума, выбиралъ противъ своихъ враговъ такія средства, которыя подрывали ихъ могущество въ основномъ принципѣ, и которыя дѣйствовали на многія поколѣнія, дѣйствовали тогда, когда уже и в самъ Фридрихъ, и всѣ его личные враги давнымъ давно лежали въ могилахъ.

VII.

Установивъ на прочныхъ основаніяхъ внутреннее управление Сицилійскаго королевства, Фридрихъ II, съ 1236 года сосредоточилъ все свое вниманіе на покореніи Ломбардіи. Ломбардцы защищались отчаянно. Къ нимъ примкнули морскія державы Италіи: Генуя и Венеція. Папа старался сперва урезонить властолюбиваго императора, но Фридрихъ попросилъ его разъ навсегда не вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Тогда папа, вовсе не желая исполнить эту нескромную просьбу, открыто присоединился къ союзу верхне-итальянскихъ городовъ, и въ 1239 году снова отлучилъ отъ церкви своего стариннаго врага. Съ этой минуты, до самой смерти Фридриха, то есть, до 1250 года, борьба его съ папствомъ уже не прекращалась. Воюющія стороны осыпали другъ друга проклятіями, ругательствами и публичными обвиненіями. Фридрихъ писалъ ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что папа — воръ, цыганица и развратникъ. Григорій IX объявлялъ, съ своей стороны, что императоръ — негодий, еретикъ и безбожникъ, невѣрующій въ Христа и осмѣивающій таинства религіи. — «Недостойный намѣстникъ Христа, писалъ Фридрихъ, сидитъ въ своемъ дворцѣ, какъ купецъ въ лавкѣ, и за золото продаетъ отпущеніе грѣховъ, пишетъ и подписываетъ векселя и пересчитываетъ деньги. Онъ только потому и преслѣдуетъ меня своею ненавистью, что я не согласился женить на его племянницѣ моего побочнаго сына Энціо, теперешняго короля Сардиніи... Среди церкви, продолжаетъ онъ, возсѣдаетъ бѣснующійся кудесникъ, человѣкъ лжи, святитель, оскверненный преступленіями и развратомъ... Онъ пьяница и, хмѣльной, называетъ себя повелителемъ неба и земли.» — Григорій, разумѣется, не оставался въ долгу и отвѣчалъ блистательными ругательствами на обличительное краснорѣчіе Фридриха. — «Изъ волнъ морскихъ, возвѣщаетъ папа, вышелъ звѣрь, на которомъ написано крупными буквами его имя: «богохульство.» — Оказывается, что этотъ звѣрь ничто иное, какъ

самъ Фридрихъ II.—«Онъ (то есть, звѣрь или Фридрихъ) утверждаетъ ложно, что я взбѣшенъ по поводу несостоявшагося брака между моею племянницею и его побочнымъ сыномъ. Онъ лжетъ еще болѣе безсовѣстнымъ образомъ, утверждая, что я продалъ мою вѣру ломбардцамъ.» — Доминиканцы, бывшіе постоянно самыми твердыми защитниками папства, неумоимо проповѣдывали противъ Фридриха въ самыхъ низшихъ слояхъ европейскаго народонаселенія; любимую тѣмъ ихъ проповѣдей были извѣстныя сношенія Фридриха съ магометанскими правителями; при этомъ не забывались, разумѣется, и тѣ права, которыми пользовались въ Сицилійскомъ королевствѣ евреи и арабы. Изъ всѣхъ этихъ неопровержимыхъ и совершенно достовѣрныхъ фактовъ усердные монахи выводили то очень натянутое заключеніе, что Фридрихъ совершенно отказался отъ христіанства и ставается истребить его оружіемъ, учеными сочиненіями и дерзкими насмѣшками. Для большей убѣдительности и для красоты слога, проповѣдники приписывали Фридриху разныя нелѣпыя кощунства, которыхъ, разумѣется, никогда не позволилъ бы себѣ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, умный и осторожный правитель, особенно, если принять въ соображеніе, что этому правителю было уже слишкомъ сорокъ лѣтъ, и что онъ, съ самой ранней молодости, выучился владѣть собою и обманывать всю Европу своимъ лицемѣріемъ. Ходили, правда, какіе-то темные слухи о какой-то таинственной книгѣ, говорили, что эта книга наполнена дерзкими выходками противъ христіанства и что ее написалъ самъ Фридрихъ или, по крайнѣй мѣрѣ, его канцлеръ, Петръ а-Винсисъ; но книга эта до насъ не дошла; извѣстія о ней чрезвычайно отрывочны и смугны; ссылаются на эту книгу злѣйшіе враги Фридриха II; а на самомъ дѣлѣ очень трудно повѣрить тому, члобы серьезные государственные люди, заваленные разнообразнѣйшими заботами по всѣмъ отраслямъ законодательства, дипломатіи, судопроизводства, финансовой и гражданской администраціи, вздумали сочинять нелѣпый памфлетъ, отъ котораго они не могли ожидать себѣ ничего, кромѣ хлопотъ и неурядицъ. Всего правдоподобнѣе, что вся эта книга есть чистый мифъ, созданный епископами и монахами Сицилійскаго королевства. Само собою разумѣется, что всѣ клерикалы южной Италіи и Сициліи были озлоблены до глубины души законодательною и административною дѣятельностью Фридриха, которому постоянно помогать его канцлеръ. Выразиться въ вооруженномъ возстаніи это озлобленіе не могло, потому что Фридрихъ былъ очень бдителенъ и поступалъ очень круто съ нарушителями общественнаго спокойствія. Зна-

чить, надо было мстить осторожно, посредствомъ клеветы; а клевету всего удобнѣе было направить противъ той стороны въ личности Фридриха и его канцлера, которая дѣйствительно вызвала въ народѣ толки и сомнѣнія. Императоръ ведетъ дружбу съ невѣрными — чего же лучше? Сейчасъ можно прицѣпить къ этому обстоятельству обвинене въ отступничествѣ, въ безбожїи, въ насмѣлкѣ надъ святынею. И разумѣется, не зачѣмъ было останавливаться на неопредѣленныхъ толкахъ; можно было сочинитьцѣлые рассказы съ именами дѣйствующихъ лицъ, съ указанїемъ мѣста и времени, съ приведенїемъ антастическихъ заглавій, принадлежащихъ несуществующимъ сочиненїямъ. Въ то время, когда Фридрихъ, отлученный отъ церкви, ругался съ папою передъ лицомъ всей католической Европы, въ то время, когда доминиканцы громили его въ своихъ проповѣдяхъ, — францисканцыстояли за него горою и распространяли въ народѣ разные слухи, невыгодные для папства. Генераль францисканскаго ордена, Илія, непосредственный преемникъ ятого Франциска, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха. Этотъ глубокий раздоръ клерикаловъ между собою показываетъ особенно наглядно ветхость католицизма. Если можно было оставаться католикомъ, монахомъ и проповѣдникомъ, поддерживая заклятыхъ враговъ папы, людей, отлученныхъ отъ церкви и обвиненныхъ въ безбожїи, то, очевидно, католицизмъ переставалъ быть дѣломъ искренняго убѣжденїя и превращался въ мертвую массу условныхъ формальностей даже для тѣхъ людей, которые, по своему официальному положенїю, были обязаны проводить и поддерживать словомъ и дѣломъ католическія идеи. Впрочемъ Фридрихъ съ своей стороны старался, по возможности, разными подвигами благочестїя, облегчать трудную задачу услужливыхъ францисканцевъ, взявшихъ на себя его защиту. Чтобы доказать католической Европѣ, что онъ не совсѣмъ пропавшїй — человекъ и что лютые доминиканцы взводятъ на него чистѣйшую напраслину, Фридрихъ преслѣдовалъ, пыталъ и сжигалъ въ верхней Италїи тѣхъ самыхъ еретиковъ, которыхъ папа, со времени альбигойской войны, беспощадно истреблялъ въ южной Франціи. Но Григорїй IX ни за что не хотѣлъ уступить Фридриху въ двуличности. Григорїй принялъ итальянскихъ еретиковъ подъ свое покровительство и сталъ проклинать Фридриха за его жестокость, въ то самое время, когда папскїе легаты и доминиканскїе инквизиторы продолжали свирѣпствовать противъ еретиковъ южной Франціи. Одинъ мучилъ и казнилъ такихъ людей, которыхъ онъ, очевидно, считалъ

совершенно невинными; а другой, изъ менависти къ первому, оплакивалъ этихъ несчастныхъ, которыхъ. отъ самъ, въ другое время, охотно изжарилъ бы на медленномъ огнѣ. И оба усердѣйшимъ образомъ выводили другъ друга на свѣжую воду; оба всѣми возможными средствами старались убѣдить Европу въ томъ, что папа и императоръ рѣшительно никуда не годятся. Мудрено ли, что Европа, прислушиваясь къ ихъ скандальнымъ словамъ и присматриваясь къ ихъ безсовѣстнымъ поступкамъ, понемногу начала терять довѣріе, какъ въ царство, такъ и въ священную римскую имперію. Взаимно истребляя другъ друга, царство и священная римская имперія оказали Европѣ незабвенную услугу, тѣмъ болѣе важную, что ея не могла оказать никакая третья, посторонняя сила. Освобожденіе европейской мысли могло возникнуть только изъ этой роковой ошибки двухъ величайшихъ авторитетовъ. Жизнь Фридриха II наполнена самыми черными преступленіями; всѣ мрачныя стороны его неукротимой личности выдвинулись впередъ и обрисовались особенно рельефно во время его послѣдней, продолжительной, ожесточенной и совершенно безуспѣшной, борьбы съ городами верхней Италіи раздраженный непобѣдимымъ сопротивленіемъ свободныхъ итальянцевъ, непреклонный деспотъ превратился въ отчаяннаго игрока, для котораго исчезли всякія соображенія, неотносящіяся къ начатой игрѣ. Монголы угрожали Германіи съ востока, неаполитанцы и сицилійцы роптали претивъ невыносимыхъ налоговъ, уходившихъ на военные расходы, ломбардцы просили мира и предлагали выгодныя условія, но Фридрихъ, какъ страстный игрокъ, не обращалъ вниманія ни на что. Онъ требовалъ безусловной покорности и, приводя своихъ враговъ въ отчаянне неумѣренностью этого требованія, продолжалъ беспощадную и безплодную войну, разорялъ своихъ подданныхъ, разорялъ своихъ враговъ и позволялъ монголамъ опустошать Венгрію и тревожить восточныя области германской имперіи. И между тѣмъ, этотъ безсовѣстѣйшій человекъ, неотступавшій ни передъ грабежомъ, ни передъ насиліемъ, ни передъ юридическимъ убійствомъ, до такой степени соответствовалъ требованіямъ своего вѣка и своего народа, что народъ долго любилъ и помнилъ его энергическую личность. Нѣмцы восцѣли и преславили въ немъ именно ту черту, его дѣятельности, что онъ не давалъ простыхъ людей въ обиду духовенству. Фридрихъ, тотчасъ послѣ своей смерти, сдѣлался героемъ народныхъ глосендъ, и этотъ легендарный образъ, очищенный народной фантазіей, отъ всякой грязной примѣси, надѣлалъ много хлопотъ одному изъ лучшихъ

просвѣтитель Фридриха, Рудольфу Габсбургскому, «Какъ ни благотворительно было управленіе Рудольфа, — говоритъ Шлоссеръ, — но память о Горемитауфенахъ жила еще въ народѣ. Было даже повѣрье, что Фридрихъ II воскреснетъ и преобразуетъ испорченную религію; вслѣдствіе того, въ Германіи появлялось множество самозванцевъ. Изъ 20 или 30 подобныхъ людей, одинъ приобрѣлъ такое значеніе что Рудольфъ долженъ былъ лично выступить противъ него, но и тутъ онъ дѣйствовалъ съ обычнымъ хладнокровіемъ, умомъ и умѣренностью. Этотъ самозванецъ, Тиле Колушъ или Деревянный Банникъ, бѣжалъ простой крестьянинъ изъ окрестностей Кельна, но обумѣлъ такъ повести дѣло, что привлекъ къ себѣ все населеніе отъ Кельна до Майнца, и даже многихъ рыцарей. Ему хотѣно вѣрныи, вслѣдствіе общаго ожесточенія противъ духовенства, и потому, что были еще живы многіе солдаты Фридриха, обогатившіеся въ итальянскихъ походахъ. Рудольфъ долженъ былъ приступить къ Майнцу, гдѣ находился Тиле, но жители отказались его выдать, такъ что императору пришлось начать осаду. Желая кончить дѣло широкимъ путемъ, онъ послалъ въ городъ бурграфу нюрнбергскаго и графа фонъ-Налценелленбома, которые доказали народу, по повѣрсту Тиле, что онъ не можетъ быть Фридрихомъ II. Тогда Тиле бѣжалъ въ Веттерау и попалъ въ плѣнъ; его осудили за народобѣство и сожгли, но предварительно имперскій маршалъ вынулъ изъ него золотую сферу» (т. VII, стр. 396). Такимъ образомъ, уже во второй половинѣ XIII вѣка, нѣмецкій народъ размышлялъ или, вѣрнѣе, мечталъ о преобразованіи испорченной религіи. И трудъ этого преобразованія отъшуртчалъ въ своихъ мечтахъ не какому нибудь своему оптимисту, а напротивъ того, знаменитому государственному человѣку и отъявленному врагу папѣ.

VIII.

Доминиканцы были постоянно самыми надежными оружіями тираническаго деспотизма, въ ордены францисканцевъ, вскоре послѣ своего основанія, примкнули къ британской папству и даже заразили еретическими доктринами, тиранически опасными для римской церкви. Въ концѣ XIII вѣка были написаны какія-то неизвестныя ящомъ странная книга, носившая названіе «свѣдѣній о евангеліи». Эта книга произвела на своихъ первыхъ читателей такое сильное впечатлѣніе, что о ней тотчасъ составилась легенда. Стала рѣшена-

зывать, что подлинникъ этого сочиненія, написанный на мѣдныхъ доскахъ, былъ принесенъ съ неба ангеломъ и врученъ священнику Кириллу, который передалъ его аббату Іоакиму. Этотъ Іоакимъ былъ извѣстенъ въ католическомъ мѣрѣ безукоризненною чистотою своей жизни и глубокою искренностью своего благочестія; когда онъ былъ живъ, его считали угодникомъ божьимъ и пророкомъ; послѣ его смерти, римская церковь причислила его къ лику своихъ святыхъ. Ясно, стало быть, что имя Іоакима пользовалось между клерикалами сильнымъ авторитетомъ. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ его смерти, книга «вѣчное евангеліе» стала распространяться въ монастыряхъ францисканскаго ордена; къ этой книгѣ было уже въ это время придѣлано введеніе, объяснявшее ея смыслъ и написанное Іоанномъ Пармскимъ, генераломъ францисканцевъ. Въ этомъ введеніи Іоаннъ доказывалъ, что угодникъ и пророкъ Іоакимъ, проникнувшись идеями «вѣчнаго евангелія», считалъ дѣло римской церкви совершенно оконченнымъ и предсказывалъ ей неизбѣжное паденіе. Далѣе, введеніе Іоанна раскрывало значеніе мистическихъ образовъ, наполнявшихъ эту таинственную книгу, и давало имъ такія толкованія, которыя никакъ не могли понравиться папству. Іоаннъ говоритъ, что божественный промыслъ ведетъ человѣчество черезъ различные эпохи или періоды; во время ветхозавѣтнаго или еврейскаго періода, мѣръ находился подъ непосредственнымъ господствомъ Бога-Отца; во время христіанскаго періода, надъ міромъ господствовалъ Богъ-Сынъ; теперь же, говоритъ онъ, наступаетъ царство Бога-Духа Святого. Въ этомъ новомъ царствѣ вѣра перестанетъ быть необходимою, потому что все будетъ совершаться по законамъ разума и мудрости. Эти законы заключаются, по его словамъ, въ «вѣчномъ евангеліи», которое должно замѣнить собою новый завѣтъ, подобно тому, какъ новый завѣтъ сталъ на мѣсто ветхаго завѣта. Папа Александръ IV проклялъ еретическую книгу и сталъ преслѣдовать ея адептовъ. Доминиканцы, облеченные инквизиторскою властью, съ особеннымъ удовольствіемъ принялись ловить, пытать и жечь своихъ соперниковъ, францисканцевъ. Много еретиковъ, называвшихъ себя *спиритуалистами*, и много одземляровъ опасной книги погибло отъ руки папача. Говеніе произвело свое обыкновенное дѣйствіе. Броженіе умовъ усиливалось и число фанатиковъ, готовыхъ терпѣть мученіе и смерть за «новое ученіе», стало быстро увеличиваться. Въ орденахъ францисканцевъ произошло странное раздвоеніе: нѣкоторые монастыри измѣнили обѣту нищенства и вступились въ роскош; другіе продолжали вести воз-

держный и суровый образъ жизни, заставляя своихъ монаховъ ходить по городамъ и селамъ, питаться подаемъ и постоянно говорить проповѣди простому народу. Эти нищие проповѣдники, настоящіе духовные дѣти святого Франциска, могли сильно дѣйствовать на умъ и чувство простыхъ людей; но именно эти суровые ненавистники всякой роскоши заразились до мозга костей идеями «новаго ученія». Они проповѣдывали неутомимо, но для папства было бы гораздо лучше, если бы они не говорили ни слова. Ихъ проповѣди только усиливали и осмысливали то негодованіе, съ которымъ простые люди давно уже смотрѣли на эпикурейскую жизнь епископовъ, аббатовъ и монаховъ. Въ концѣ XIII вѣка, одинъ изъ обожателей «вѣчнаго геванелія» написалъ истолкованіе апокалипсиса и раздѣлялъ въ этомъ сочиненіи христіанскую эпоху на семь отдѣльныхъ періодовъ: первый — проповѣдь апостоловъ; второй—страданія мучениковъ; третій—борьба съ еретиками; четвертый—подвиги отшельниковъ; пятый—господство монастырской системы; шестой—низверженіе антихриста; седьмой—наступленіе блаженнаго тысячелѣтія (Millenium). Авторъ истолкованія утверждалъ, что его современники живутъ въ шестомъ періодѣ, что настало время низвергнуть антихриста и что подъ этимъ послѣднимъ именемъ слѣдуетъ подразумѣвать папу. Римскую церковь онъ называлъ блудницею, облегченную въ пурпуръ; онъ говорилъ, что вся ея іерархія сдѣлалась излишнею и ни на что негодною, что ихъ дѣло сдѣлано и что «ихъ приговоръ запечатанъ послѣднею печатью». Идеи этого писателя были подхвачены на лету тысячами нищенствующихъ монаховъ и пробрались съ ужасающею быстротою въ низшіе слои европейскаго народонаселенія. Францисканскіе фанатики проповѣдывали публично, что духовенство развращено, что папа—антихристъ и человекъ грѣха, что церковныя таинства потеряли свою спасительную силу, что пришла пора покаяться и начать новую жизнь. У нѣкоторыхъ францисканскихъ общинъ оппозиція противъ господствующей церкви дошла даже до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что онѣ поставили своего патрона, Франциска, выше самого Спасителя. Все это совершалось за двѣсти лѣтъ до Лютера. Въ это тревожное и зазорное время, въ самомъ концѣ XIII и въ самомъ началѣ XIV вѣка, на папскомъ престолѣ сидѣлъ страстный и взбалмошный человекъ, Бонифацій VIII, усердный, но неудавшійся подражатель Григорія VII и Иннокентія III. Притязанія Бонифація были безгранично-широки; онъ говорилъ съ королями католической Европы тономъ полновластнаго диктатора; но за то, кро-

мѣ властолюбія и корыстолюбія у этого задорнато шны не было никакихъ политическихъ дарований; перевѣсъ матеріальной, денежной и даже умственной силы былъ на сторонѣ его противниковъ; Бонифаціи умѣлъ только раздражать своихъ враговъ ругательствами и проклятіями; никто изъ нихъ не чувствовалъ къ нему ни страха, ни уваженія; смѣшная безтактность его диктаторскихъ замашекъ втянула его въ жестокую борьбу съ свѣтскою властью, которая, собравши вокругъ себя всѣхъ многочисленныхъ противниковъ папства, воспользовалась этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нанести смертельный ударъ теократическому принципу римской елериальной полетики. Послѣ Бонифаціи, папство стало превращаться въ блестящій анахронизмъ, опасный только для епромныхъ кабинетныхъ мыслителей и совершенно безвредный для политическихъ дѣятелей. — Главнымъ противникомъ и счастливымъ побѣдителемъ неосторожнаго Бонифаціи былъ французскій король, Филиппъ IV Красивый, одинъ изъ крупныхъ представителей того типа, съ которымъ я познакомилъ моихъ читателей въ характеристикѣ императора Фридриха II. Споръ между двумя властями возникъ, разумѣется, изъ-за денегъ. Обѣ стороны съ одинаковымъ усердіемъ старались молотить рожь на обухѣ. Филиппъ чеканилъ фальшивую монету, ограбилъ всѣхъ евреевъ своего королевства и наконецъ подѣбхалъ съ самыми хищными наміреніями къ имуществамъ церквей и монастырей, неплатившихъ никакихъ податей. Бонифаціи, съ своей стороны, торговалъ епископскими должностями и кардинальскими шапками, отбиралъ деньги у нищенствующихъ монаховъ, доказывая имъ очень убѣдительно, что они должны нищенствовать, а не богатѣть, — и наконецъ придумать устроить въ 1300 году юбилейный годъ, то есть, объявилъ, что всѣ люди, желающіе получить полное отпущеніе грѣховъ, должны, въ теченіе этого года, побывать въ Римѣ на богомольѣ. Само собою разумѣется, что два виртуоза, подобные Филиппу и Бонифацію, непременно должны были столкнуться между собою на тернистомъ пути систематическаго обирания. Бонифаціи не умѣлъ уступать и не понималъ необходимости дѣйствовать осторожно; а Филиппъ видѣлъ, что ему выгодно унижить папу, и что ему не зачѣмъ съ нимъ пережониться. Передъ глазами Филиппа находился очень поучительный примѣръ: его современникъ и ближайшій соедъ, англійскій король Эдуардъ I, безъ всякаго шума и кровопролитія принудилъ свое духовенство нести часть государственныхъ повинностей. Англійскіе епископы и аббаты долго отказывались платить подати, но Эдуардъ приказалъ

судьямъ всего королевства вслушивать всѣ жалобы, поступающія въ суды противъ духовенства, и въ то же время отвергать безъ разбора всѣ жалобы, подаваемыя самими духовными. Кто не платитъ налоговъ, говорилъ Эдуардъ, тотъ не имѣетъ права пользоваться покровительствомъ законовъ. При такомъ порядкѣ вещей, англійскимъ епископамъ и аббатамъ пришлось такъ жутко, что они очень скоро покорились и согласились платить подати наравнѣ съ свѣтскими землевладѣльцами. Этотъ примѣръ былъ очень соблазнителенъ для Филиппа, тѣмъ болѣе, что у него также находились подъ руками опытные юристы, готовые, по первому его приказанію, рѣшать въ ту или въ другую сторону, съ соблюденіемъ всѣхъ тончайшихъ приличій, самые запутанные вопросы гражданскаго, уголовнаго, каноническаго, государственнаго и всякаго другого, естественнаго или неестественнаго права. Въ 1296 году, Бонифацій издалъ буллу «*Clericis laicos*», въ которой онъ запрещалъ духовенству платить подати свѣтской власти. Въ отвѣтъ на эту буллу, Филиппъ запретилъ вывозить изъ Франціи драгоцѣнные металлы, оружіе и лошадей. Вслѣдствіе этого, Бонифацій потерялъ значительную часть своихъ доходовъ; кромѣ того, всѣ итальянскіе купцы начали кричать, что папа своими глупыми выдумками подрываетъ ихъ торговлю. Бонифацій попробовалъ запугать Филиппа новою буллою, еще болѣе рѣзкою, но Филиппъ въ своихъ манифестахъ заговорилъ объ изнѣженности духовенства и высказалъ такъ много горькихъ истинъ, что папа смягчился и началъ извиняться, говоря, что буллы его совсѣмъ не относятся къ Франціи. Polemica между королемъ и папою прекратилась, но Бонифацій недолго помнилъ данный ему урокъ. Въ 1301 году, поссорившись съ Филиппомъ изъ-за одного епископа, онъ объявилъ въ буллѣ «*Ausculta fili*», что папѣ принадлежить верховный судъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Филиппъ, окруженный умными, учеными, хитрыми и опытными совѣтниками изъ юристовъ, тотчасъ счумѣлъ дать своей новой ссорѣ съ Бонифаціемъ такой характеръ, что она превратилась въ дѣло всего французскаго народа. Король сказалъ, что, защищая по своей обязанности національную независимость и честь Франціи, онъ отвергаетъ торжественно всѣ незаконныя притязанія римскаго первосвященника. Папская булла была публично сожжена въ Парижѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, Филиппъ созвалъ депутатовъ дворянства, духовенства и городовъ и, въ этомъ собраніи государственныхъ чиновъ (*états-généraux*), несмотря на робкую оппозицію клерикаловъ, требованія Бонифація были объявлены совершенно

безразсудными. Бонифацій издавалъ новыя буллы, созывалъ въ Римѣ соборы, ругалъ и проклиналъ короля и его совѣтниковъ, наконецъ отлучилъ Филиппа отъ церкви, но всѣ эти рѣзкія мѣры не нанесли ни малѣйшаго вреда никому, кромѣ самого папы. Общественное мнѣніе Франціи было обработано такъ ловко, съ одной стороны учеными юристами, съ другой стороны нищенствующими монахами, ругавшими богатое духовенство на всѣхъ перекресткахъ, что весь народъ смотрѣлъ на своего корыстолюбиваго короля, какъ на естественнаго защитника французской чести и самостоятельности. Понимая свою силу, юристы Филиппа быстро перешли изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Въ 1303 году, совѣтники короля, и во главѣ ихъ Вильгельмъ Ногаре, доказали новому собранію государственныхъ чиновъ, что Бонифацій VIII незаконнымъ образомъ присвоилъ себѣ напскую тиару, что онъ торгуетъ церковными должностями, предается распутству, не вѣруетъ въ Бога, отрицаетъ безсмертіе души, глумится надъ величайшими таинствами религіи. Въ этомъ обвиненіи, какъ и во всѣхъ средневѣковыхъ, обвиненіяхъ, несомнѣнныя истины были перемѣшаны съ нелѣпѣйшими выдумками. Взвѣда на Бонифація всѣ преступленія, когда-либо совершенныя на земномъ шарѣ, усердные обвинители пришли къ тому заключенію, что такого отъявленнаго негодяя слѣдуетъ низложить, арестовать и предать суду вселенскаго собора. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ обвинителей, и въ томъ же 1303 году Филиппъ, не желая болѣе тратить время на безплодныя перебранки, отправилъ Вильгельма Ногаре въ Италію съ большими денежными суммами и векселями. Ловкій агентъ французскаго короля соединился съ римскою фамиліею Колонна, которая уже давно старалась погубить Бонифація. Нанявши толпу вооруженныхъ людей, искусные и смѣлые союзники захватили папу въ плѣнъ, и при этомъ случаѣ, французскій чиновникъ Вильгельмъ Ногаре далъ прежнему Григорію VII и Иннокентію III ту знаменитую пощочину, которая на вѣчныя времена записана въ исторіи. Бонифацій умеръ въ томъ же 1303 году, такъ что судъ надъ нимъ не состоялся. Слѣдующій пана, Бенедиктъ XI, прожилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, а преемникъ Бенедикта, французъ Бертранъ, архіепископъ бордосскій, принявшій имя Климента V, сдѣлался папою по милости Филиппа Красиваго, и оставался подъ его вліяніемъ въ теченіе всей своей жизни. По требованію Филиппа, онъ перенесъ свою резиденцію изъ Рима въ южную Францію, въ городъ Авиньонъ. вмѣстѣ съ Филиппомъ, онъ засудилъ и ограбилъ богатыхъ

тамплиеровъ. Самый орденъ тамплиеровъ былъ уничтоженъ, имѣнія его раздѣлены между папою и королемъ, а рыцари, обвиненные во многихъ, чрезвычайно неправлоподобныхъ и грязныхъ преступленіяхъ, были измучены тюремнымъ заключеніемъ и пытками, а потомъ, какъ водится, сожжены. Въ Авиньонѣ папы жили весело и роскошно почти семьдесятъ лѣтъ. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія ихъ вавилонское плѣненіе окончилось; Григорій XI воротился въ Римъ, но величіе и нравственное могущество папства оказались невозвратимыми. На папскія проклятія почти никто не обращалъ уже вниманія. Миланскій герцогъ Варнава Висконти, получивъ папскую буллу, отлучавшую его отъ церкви, заставилъ кардиналовъ, вручившихъ ему это грозное посланіе, съѣсть цѣликомъ весь пергаментъ, на которомъ оно было написано, вмѣстѣ съ свинцовой печатью и съ полковымъ снуркомъ. Въ Англіи уже проповѣдывали въ это время ученый мыслитель Уиклефъ и неукротимый фанатикъ Джонъ Болль. Одинъ дѣйствовалъ на высшіе классы общества; другой волновалъ народныя массы; оба съ одинаковою силою возставали противъ злоупотребленій римской іерархіи, осуждали роскошь духовенства и старались возстановить чистоту и простоту первобытнаго христіанства. Идеи Уиклефа перелетѣли на материкъ; въ Богеміи заговорилъ, въ началѣ XV вѣка, неустрашимый проповѣдникъ Іоаннъ Гуссъ. Въ то время, когда старое зданіе католицизма трещало и разваливалось повсемѣстно, кардиналы ухитрились выбрать двухъ папъ, которые начали ругать и проклинать другъ друга. Соборъ, созванный кардиналами въ Пизѣ, низложилъ обоихъ папъ и выбралъ третьяго. Но низложенные папы не признавали компетентности собора; на его приговоры они отвѣчали проклятіями, и такимъ образомъ, къ изумленію всѣхъ католиковъ, сохранившихъ еще средневѣковую наивность міросозерцанія, оказалось разомъ три папы, и взаимная брань дошла до послѣднихъ предѣловъ неприличія. Въ 1416 году, констанскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ императора Сигизмунда, положилъ конецъ этимъ безпорядкамъ и, для возстановленія древняго благочестія, осудилъ Іоанна Гусса на смертную казнь, не смотря на охранную грамоту, данную ему тѣмъ же самымъ Сигизмундомъ. Гуссъ сгорѣлъ на кострѣ, но цѣль осталась недостигнутою, древнее благочестіе не возстановилось, и въ половинѣ XV вѣка, ученый и умный католикъ Эней Сильвій, говоритъ съ холоднымъ отчаяньемъ: «вѣра умерла католическій міръ превратился въ тѣло безъ головы, въ республику, неимѣющую ни правительства, ни законовъ. Папа и импера-

торы могут блистать величіем своихъ титуловъ и пышностью своихъ костюмовъ; но они не въ силахъ повелѣвать, и никто не расположенъ имъ повиноваться.» Начинается новая жизнь. Еврейская мысль старается заявить свою самостоятельность и равноправность по всемъ отраслямъ научной и практической дѣятельности. Корабль Колумба причаливаетъ къ берегамъ новаго міра. Телескопъ Галилея отрываетъ тысячи невиданныхъ звѣздъ. Типографскій станокъ создаетъ на развалинахъ римской духовной власти небывающую общественную силу. Тяжелый средневѣковой кризисъ оканчивается блистательнымъ выздоровленіемъ.

А. Писаревъ.

—

ЗН

ВК

ТОРКВЕМАДА.

(изъ Лопефелло).

Въ то блистательное время, какъ Испанію цѣлой
Фердинандъ-Католикъ правилъ вмѣстѣ съ мудрой Изабеллой,
Королемъ-же съ королевой Торквемада управлялъ
И, какъ главный инквизиторъ, во главѣ всего стоялъ, —
Въ старомъ замкѣ, защищенномъ неприступными стѣнами
И отъ глазъ людскихъ сокрытомъ вѣковѣчными дѣлами,
Жилъ гидалго, (такъ гласитъ намъ старая хроника языкъ),
Вѣчно мрачный, молчаливый и надменнѣйшій старикъ.
Ужъ его погибло имя вмѣстѣ съ этими стѣнами
И со всѣми, имъ на свѣтѣ совершенными дѣлами;
Но изъ этихъ дѣлъ спаслося отъ забвенья лишь одно, ...
Лучшебъ, еслибъ съ остальными позабылось и оно!

Этотъ сумрачный гидалго признавалъ за день потери
Каждый день, въ который только не входилъ онъ въ храма двери;
Если шествіе съ дарами онъ на улицѣ встрѣчалъ, —
То молился и крестился, и волѣни преклонялъ;
Исповѣдывался часто, и съ мятежными страстями
Неустанно онъ сражался, точно съ дикими звѣрями;
Въ постъ, глубоко ваясь, дѣлалъ истязанья надъ собой,
За процессією каждой шелъ съ склоненной головой.
А въ часы отдохновенья только тѣмъ и забавлялся,
Что въ столѣтней чашѣ дѣла за свирѣпымъ вопремъ гнался;
Иль въ осѣдній городъ шибко погонялъ своихъ муловъ,

Поспѣшая насладиться странной битвою быковъ,
 Иль въ часы, когда взводили на костры жидовъ толпой,
 Между зрителей тѣснился онъ съ зажженною свѣчой...
 И при видѣ этихъ казней ощущалъ онъ наслажденье;
 Демонъ злой, который любить только смерть и разрушенье,
 Потрясалъ въ немъ струны сердца и какъ громъ гремѣлъ на нихъ:
 «Бей, губи и пусть Всевышній обрѣтаетъ слугъ своихъ!»

Въ старый замокъ, окруженный неприступными лѣсами,
 Разъ двѣ дѣвушки явились; обѣ были дочерями
 Молчаливаго гидадьго, и изъ стѣнъ монастыря,
 Кончивъ курсъ, къ отцу вернулись. Точно свѣтлая заря,
 Эти гости лѣсъ дремучій красотою освѣтили
 И черты жены умершей предъ гидадьго воскресили...
 Много лѣтъ съ тѣхъ поръ умчалось, какъ красавицу-жену
 Онъ привезъ впервые въ эту непривѣтную страну,
 Но въ душѣ его мерцало все о ней воспоминанье,
 Какъ надъ грустною пустыней свѣтитъ мѣсяца сіянье...
 Умерла— и не осталось ничего ему отъ ней,
 Кромѣ этихъ двухъ цвѣтущихъ, двухъ прелестныхъ дочерей...
 И теперь, любуясь ими, ощущалъ онъ наслажденье...
 Но смѣнило скоро радость злое, мрачное сомнѣнье...
 «Берегись!» кричало что-то въ глубинѣ его души;
 Смутно чуялъ онъ несчастье... Свѣтлымъ днемъ, въ ночной тиши,
 Точно духъ какой-то злобный шелъ за нимъ, не отставая,
 Сердце мучилось боязнью, что грозитъ бѣда большая;
 Мысль о скрытомъ преступленьи заѣдала старика
 И въ сравненьи съ этой жизнью смерть былабъ ему легка.
 Съ подозрительностью злобой въ сердцѣ, совѣсти лишенномъ,
 За дѣтьми родными началъ онъ вездѣ ходить шпиономъ;
 То въ дверяхъ полу-открытыхъ разговоры ихъ слѣдилъ,
 То по комнатамъ неслышнѣю, незамѣтно проходилъ;
 Безпрестанно ихъ онъ мучилъ наблюденьями своими:
 Не успѣютъ оглянуться—онъ стоитъ уже за ними,
 На прогулку выйдутъ—смотреть онъ украдкой изъ окна
 И суровымъ подозрѣньемъ каждый мигъ душа полна;
 Промелькнетъ ли въ чащѣ лѣса ряса бѣднаго монаха,
 Пробѣжитъ ли гдѣ цыганка—весь трепещетъ онъ отъ страха
 И украдкой созываетъ приближенныхъ слугъ своихъ,
 И съ сердитымъ недовѣрьемъ слышитъ онъ отвѣты ихъ:

Что цыганки не видали, а монахъ, должно быть, нищій,
Приходившій въ чашу лѣса позаимствоваться пищей...

Дни за днями проходили въ этихъ мукахъ. Наконецъ,
Сдѣлавъ страшное открытѣе подозрительный отецъ,—
И открытѣе это разомъ въ немъ на вѣки сокрушило
Гордость имени и рода, всѣ надежды, что хранило
Сердце старое, и славу предковъ доблестныхъ его,—
Отъ величія былого не осталось ничего!
Въ часъ полночный, въ темной спальнѣ, не мечтая о надзорѣ,
Душу дочери гидальго отводили въ разговорѣ,
А отецъ стоялъ подъ дверью, по привычкѣ, какъ шпионъ,
И ужаснѣйшую тайну въ этотъ мигъ услышалъ онъ.
Все узнать онъ,—и изъ замка, съ сердцемъ полнымъ адской муки,
Въ садъ вбѣжалъ и къ своду неба съ страшнымъ крикомъ поднялъ
руки,
И одно лишь слово: «ересь!» громко, дико повторялъ, —
И, какъ эхо,—«ересь! ересь!» садъ дремучій отвѣчалъ.

По аллеямъ долго-долго онъ ходилъ во мракѣ ночи,
Сердце билось, какъ въ горячкѣ, какъ огонь сверкали очи,
То, какъ вкопанный, на мѣстѣ останавливался онъ,
То впередъ бѣжалъ, какъ-будто чѣмъ-то страшнымъ пораженъ. —
Садъ былъ пустъ,—и только демонъ видѣлъ дикое волненье,
И родительскую нѣжность превратилъ онъ въ отвращенье,
Потрясалъ въ немъ струны сердца и какъ громъ гремѣлъ на нихъ:
«Бей, губи, и пусть Всевышній обрѣтаетъ слугъ своихъ!»

Встало утро. Засверкали листья влагою росистой,
По деревьямъ запорхали птицы стаей голосистой, —
И тогда гидальго только возвратился въ замокъ свой,
И священника сѣдого онъ привелъ туда съ собой.
Грозно дѣвушекъ къ отвѣту онъ потребовалъ, и много
Было здѣсь разспросовъ всякихъ: то настойчиво и строго
Онъ приказывалъ сознаться, то просилъ и умолялъ,
То судьей являлся грознымъ, то колѣни преклонялъ, —
Тщетно! дѣвушки давали лишь короткіе отвѣты,
Не смущали ихъ ни крики, ни моленья, ни совѣты,
Ни священника сѣдого увѣщанья... Наконецъ,—
«Пусть же судъ святой разсудитъ!» — глухо вымолвилъ отецъ.

Въ это время Торквемада, грозной власти обличенный,
 Былъ въ стѣнахъ Вальделиде. Имъшной свитой окруженный,
 Онъ прѣхалъ въ этотъ городъ и зажиточныхъ жидовъ
 Началъ мучить или ссылкой, или пламенемъ костровъ.
 И пошелъ къ нему гидальго... Въ тайной комнатѣ, со страхомъ
 Онъ стоялъ предъ сѣдовласымъ инквизиторомъ-монахомъ;
 Сокрушительное пламя мрачно бѣгало въ глазахъ
 Инквизитора; держалъ онъ рогъ таинственный въ рукахъ, —
 Рогъ, всѣ чары разгонявшій, сокрушавшій силу ада...

Фанатическая ярость мозгъ гидальго охватила
 И въ отцовскомъ сердцѣ жалость безпощадно сокрушила...
 Въ преступленіи грѣховномъ обвинилъ онъ дочерей,
 И, покрытыя позоромъ и проклятыями людей,
 Обѣ жертвы въ тоже утро были взяты въ заточенье,
 И судилище святое обрекло ихъ на сожженье...

И пошелъ гидальго снова къ Торквемадѣ и сказала:
 «Здѣсь испрашиваю, отче, — нарубить въ лѣсу вѣтвей
 «Для костра моихъ преступныхъ еретичекъ-дочерей.»
 Помолчавъ съ минуту, глухо отвѣчаетъ Торквемада:
 «Церкви сынъ! своєю вѣрой ты спасешь себя отъ ада,
 «Довершай святую жертву, какъ душа тебѣ велитъ,
 «Пресвятая наша церковь всѣ грѣхи твои проснитъ!»

Поспѣшилъ отецъ проклятый въ лѣсъ, которымъ окружался
 Старый замокъ: въ этомъ лѣсѣ онъ когда-то любовался
 На своихъ малютокъ милыхъ, ненаглядныхъ дочерей,
 Подъ деревьями идравшихъ вмѣстѣ съ матерью своей...
 Лѣсъ теперь былъ пустъ и мраченъ; точно съ воплями печали,
 Обнаженными вѣтвями дубы старые качали,
 И изъ гнѣздъ къ свинцовымъ тучамъ, что на небѣ улеглись,
 Стаи вороновъ злобщихъ съ дикимъ карканьемъ неслись...
 Нарубилъ старикъ деревья въ самъ, отцовскими руками,
 И муловъ своихъ, стоявшихъ подъ цвѣтными чепраками,
 Нагрузилъ всей этой ношей и погналъ опять туда,
 Гдѣ должно было свершиться повелѣніе суда...

И вернувшись въ городъ, снова онъ предсталъ предъ Торкве-
 маду.

«Вотъ — сказали, — дрова готовы, но какъ высшую награду
 «Я прошу: позволъ мнѣ, отче, самому зажечь костеръ,
 «На которомъ исполняться будетъ смертный приговоръ!»
 И опять все также глухо отвѣчаетъ Торквемада:—
 «Щедрки сыны! такая вѣра— мнѣ великая отрада!
 «Вѣчно будетъ прославляться нашей церковью святой
 «Это славное дѣянье... Миръ да будетъ надъ тобой!»

Вотъ на площади обширной эшафотъ стоитъ высокій;
 По угламъ его статуи—то еврейскіе пророки;
 Съ равнодушіемъ суровымъ ужъ давно глядятъ они
 На ~~посрамившее~~ мѣсто человѣческой рѣзни.
 Площадь вся кипитъ народомъ; всѣ углы, всѣ окна полны;
 Массы зрителей проходятъ, какъ бунтующія волны;
 Есюду говоръ, всюду крики; все волнуется и ждетъ
 И съ горячимъ нетерпѣньемъ окружаетъ эшафотъ.

Звонъ раздался—и изъ церкви вышли съ пѣснями монахи;
 Звукъ трубъ и эти пѣсни ужъ доносятся до плахи...
 Ближе, ближе... Вотъ хоругви, вотъ и факеловъ огни...
 Ровнымъ шагомъ къ мѣсту казни всѣ приблизились они.
 Жертвъ къ статуямъ привязали... Раздались сильнѣе звуки
 Трубъ и пѣсень—и гидальго взялъ сурово факель въ руки...
 Пламя вспыхнуло—и, встрѣтивъ взоръ молящій дочерей,
 Отъ него, какъ отъ убійцы, въ бѣгство бросился злодѣй...

Той же ночью дымъ и пламя взвились грозными столбами
 Изъ суровой чащи лѣса; огненными языками
 Всѣ окрестныя селенья освѣтились, точно днемъ,—
 Затрещалъ старинный замокъ, весь охваченный огнемъ.
 И въ окнѣ одной изъ башенъ, передъ испуганной толпою,
 Злой убійца появился; съ преклоненной головою,
 Блѣдный, сумрачный, молитвы онъ отчаянно шепталъ...
 А огонь зловѣщимъ свѣтомъ на лицѣ его игралъ
 И все ярче, ярче небо озарялъ онъ дикимъ блескомъ...
 Жарко молится гидальго... Вдругъ, подъ намъ, съ ужаснымъ трескомъ
 Полъ досчатый провалился и въ паденіи увлекъ
 Тѣло стараго злодѣя въ огнедышащій потокъ ..

Надъ его истлѣвшимся прахомъ больше трехъ вѣковъ про-
чалось,

Никакихъ слѣдовъ на свѣтѣ отъ гидальго не осталось,—

Прекратился родъ старинный; даже имя старика

На скрижали дѣль минувшихъ стерла времени рука.

Но о грозномъ Торквемадѣ не замолкнуло сказанье:

Имя стараго монаха, какъ громаднѣйшее зданье,

Все объятое пожаромъ, изъ прошедшаго глядитъ

И грядущимъ поколѣньямъ о прошедшемъ говорить!

И. Вейнберга.

НЕ ТРЕБУЕТЪ ЛИ НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ЗНАНІЙ НОВОЙ НАУКИ?

Когда человѣческая мысль потребовала полной ликвидаціи средневѣковыхъ заблужденій и глубочайшаго отупѣнія европейскихъ народовъ, это новое стремленіе было встрѣчено общимъ враждебнымъ недоуміемъ и клеветой. Люди, требовавшіе отчета отъ старыхъ рутинныхъ понятій и осудившіе ихъ на вѣчную неподвижность, провозглашены были людьми опасными, нарушителями общественнаго спокойствія. Ихъ преслѣдовала инквизиція и папская власть, ихъ сжигали костромъ и тюрьмой, надъ ними составлялись торжественные суды и производились еще болѣе торжественныя казни. Но, благодаря именно этимъ гоненіямъ, смѣлость человѣческаго генія возрастала и съ упорствомъ шла на встрѣчу всѣмъ препятствіямъ. Чѣмъ сильнѣе было, съ одной стороны, давленіе на такихъ мыслителей, какъ Галилей, и на такихъ фанатиковъ, какъ Савакаролла и старые германскіе реформаторы, тѣмъ, съ другой стороны, было сдѣлано больше усилій преодолѣть эту косную и угнетающую силу. По общему механическому закону, оппозиція увеличивалась по мѣрѣ того, какъ противоудѣйствовало ей матеріальное насиліе.

Въ наше время поято, что употреблять подобныя мѣры противъ прогресса идей—совершенно бесполезно, и потому только самое грубое невѣжество еще разсчитываетъ на такія мѣры. Съ тѣмъ вмѣстѣ понятно и то, что истинная двигающая сила, устремленная къ обновленію человѣческой жизни, заключается не въ одномъ знаніи, а въ той совокупной дѣятельности всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ, которые составляютъ современную цивилизацію. Знаніе, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, указываетъ только на болѣе вѣрныя и ближайшія средства для достиженія извѣстныхъ реформъ, подвигающихъ человѣчество впередъ. Знаніемъ можно поль-

зоваться различно, и, смотря по тому, кто имъ пользуется, оно можетъ быть дѣйствительнымъ благодѣяніемъ или дѣйствительнымъ зломъ. Я убѣжденъ, напримѣръ, что абстрактная философія въ рукахъ обскурантовъ была величайшимъ орудіемъ для угнетенія европейскаго ума.... Не даромъ Наполеонъ I покровительствовалъ идеологамъ и поощрялъ ихъ занятія. Онъ очень хорошо зналъ, что, пока люди будутъ оставаться въ отвлеченныхъ сферахъ мышленія, подъ носомъ у нихъ можно совершать все, что угодно, не нарушая ни паразитнаго спокойствія ихъ, не возбуждая и негодованія въ ихъ холодномъ, филистерскомъ сердцѣ.

Тенерь для самаго недалекаго наблюдателя становится ясно, что такое знаніе положительно хуже всякаго незнанія. Если наука стоитъ въ борьбѣ съ дѣйствительными интересами человѣка и общественной его жизни, то она безъ особеннаго огорченія для насъ можетъ отойти въ область почтеннаго и никому ненужнаго археологическаго мусора. Что, напримѣръ, могло произойти путнаго отъ такой науки, какъ геральдика? А между тѣмъ человѣкъ ухитрился и эту дребедень возвести на степень систематическаго и спеціальнаго изученія. А мало ли придумано подобныхъ наукъ или, вѣрнѣе, много ли въ нашемъ обладаніи такихъ знаній, которыхъ результаты имѣли бы въ виду, строго-реальную сторону, человѣческихъ обществъ? Вотъ почему и въ наше время наступаетъ необходимость ликвидировать болѣе половины недвижимыхъ имуществъ человеческого ума и замѣнить ихъ движимыми и живыми приобретеніями.

На каждый вѣкъ и на каждое мыслящее поколѣніе приходилось по своей задачѣ. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы пересмотрѣть, объяснить и привести въ общее сознаніе идею общественной жизни, измѣнивъ ея условія, на сколько они полезны общечеловѣческому благосостоянію. Поэтому возникаетъ потребность въ новой, по преимуществу *наукѣ общественной*. Какова бы ни была судьба ея впоследствии, но она станетъ во главѣ всего умственнаго движенія и будетъ управлять ходомъ мировыхъ событій. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно и то, что средневѣковая схоластика не воротится назадъ и не вытѣснитъ собою новыхъ понятій, завоеванныхъ на ея подусгнившемъ трупѣ. Попытки создать общественную науку, съ ея всемірнымъ и чисто-прагматическимъ значеніемъ, уже давно начинаютъ проявляться; съ этою цѣлью составляются ученые конгрессы, съѣзды, обмѣнъ идей и наблюденій становится быстрое и шире, но все это только одиѣ попытки, которыя дають дѣтствовать, что потребность въ новомъ знаніи дѣйствительно су-

ществуетъ. Потребность же эта вызывается измѣненіемъ общечеловѣческихъ отношеній, для которыхъ старыя понятія дѣлаются неудовлетворительны, и потому обновленіе научныхъ началъ, методовъ и приѣма наблюдений, пересмотръ и дополненіе прежнихъ выводовъ существенно необходимы. Благодаря тому, что современное естествознаніе сумѣло стать въ разрѣзъ съ старыми рутинными приѣмами научнаго изслѣдованія и разорвало всякую связь съ метафизическими пошлостями, оно привлекло на свою сторону самыя энергическіе умы и стало лучше другихъ наукъ удовлетворять требованіямъ настоящаго поколѣнія. Я не сомнѣваюсь, что естественныя науки въ будущемъ развитіи чедовѣчества займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ, но напрасно думаетъ наша молодежь, что на этомъ должна остановиться работа современнаго мыслящаго чедовѣка. Если естествознаніе ограничится одними научными выводами, не имѣя въ виду общественныхъ вопросовъ,—оно попадетъ въ ту же филлистерскую колею, въ которую попала и отвлеченная философія. Вотъ почему, мнѣ кажется, между общественной наукой и естествознаніемъ долженъ произойти — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — обмѣнъ главныхъ силъ ихъ, т. е. одна можетъ позаимствоваться у другога превосходнымъ методомъ, и дать ему, въ свою очередь, превосходныя стремленія...

Главный недостатокъ общественной науки заключается именно въ отсутствіи правильнаго метода и той массы фактовъ, которые необходимы для окончательной постройки ея. Самое точное изъ общественныхъ знаній, *статистика*, далеко еще не располагаетъ средствомъ, нужнымъ для удовлетворенія громаднхъ требованій, предъявляемыхъ новыми общественными условіями. Статистическія данныя необходимы для удовлетворительнаго рѣшенія важнѣйшихъ *политико-экономическихъ* и *финансовыхъ* вопросовъ и, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы облегчить рѣшеніе многихъ антропологическихъ задачъ. Но, какъ ни драгоцѣнны заслуги нѣкоторыхъ дѣятелей этой науки, она далека еще отъ положительныхъ результатовъ; привести ее въ такое положеніе—трудъ, превышающій силы самыхъ даровитыхъ и энергическихъ личностей, отдѣльно взятыхъ. Сравнительная статистика еще, можно сказать, въ зародышномъ состояніи. По мѣрѣ ея развитія, съ одной стороны все рельефнѣе обрисовывается ея польза, съ другой оказывается, какъ неудовлетворительная полнота ея, при которой она могла бы получить все свое законное практическое вліяніе. *Соціальная экономія* усилѣла въ новѣйшее время облегчить нѣкоторыя изъ золъ, причиненныхъ меркантильною теоріею, и пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Но едва ли

можно ожидать, чтобы она имѣла прочныя основы. Большая часть ея обширной области—еще *terra incognita*: Она не можетъ указать почти ни одного, окончательно и со всѣхъ сторонъ рѣшеннаго, ни одного безспорнаго вопроса. Тѣ немногія общія истины, которыми она можетъ похвалиться (напр., что всякая свободная дѣятельность выгоднѣе несвободной) были скорѣе *уадами*, чѣмъ *доказаны* гениальными мыслителями. Только по мѣрѣ практическаго приложенія этихъ истинъ накаплиются доказательства въ ихъ пользу. Потому-то онѣ и примѣняются такъ медленно. Не смотря на осязательность доводовъ, противники все еще имѣютъ возможность противопоставлять имъ тѣ или другія невыясненные факты, и такимъ образомъ спутывать понятія. Но такихъ общихъ и въ высшей степени важныхъ истинъ социальная экономія можетъ выставить весьма немного, можетъ быть двѣ-три, и притомъ даже онѣ не вполне сформированы въ точные законы, потому что изъ нихъ сами экономисты подчасъ допускаютъ изъятія. Затѣмъ, даже важнѣйшіе вопросы любимыхъ отдѣловъ экономистовъ—производство и потребленіе,—не рѣшены окончательно,—въ чемъ не трудно убѣдиться, слѣдивъ любыхъ два или три политико-экономическихъ трактата. Что касается вопросовъ распределенія богатства, то, даже до настоящаго времени, люди, выходящіе въ нихъ съ надлежащею смѣлостью и глубиной, выслушаютъ страхъ и недовѣріе большинству экономистовъ. Наконецъ извѣстно всякому, занимавшемуся этою наукою, что самая терминологія ея, часто смѣшпающая, подъ тѣмъ же словомъ разнородныя понятія, представляетъ на каждомъ шагу самыя серьезныя затрудненія. При ближайшей повѣркѣ, оказывается, что самыя сильныя мыслители, работавшіе надъ этою наукою, не всегда преодолевали эти затрудненія.—Но и тутъ опять надо сказать, что, при всемъ добромъ желаніи экономистовъ, едва ли имъ удастся двинуть впередъ свою науку, пока они не будутъ имѣть несравненно большую массу матеріаловъ для своихъ выводовъ. Вся логика, безспорно, первоклассныхъ современныхъ мыслителей, стоящихъ во главѣ различныхъ экономическихъ школъ, не можетъ пополнить пробѣловъ, производимыхъ недостаткомъ надлежащаго количества фактовъ. Подобно всѣмъ органическимъ законамъ, управляющимъ жизнью, экономическіе законы вѣрнѣе всего могутъ быть открыты рядомъ наблюдений. Конечно, иногда можетъ удаваться открыть ихъ и априорически,—только и тутъ, какъ вообще, гораздо больше шансовъ *противъ*, чѣмъ *за*. Это вполне подтверждается медленными успѣхами науки со времени Адама Смита, не смотря на большое количество появив-

шихся трактатовъ. При такомъ состояніи политической экономіи, чисто-*финансовыя* вопросы сводятся на трескотню фразъ, до того избытка, что жизнь и теорія не имѣютъ никакой надобности справляться другъ съ другомъ.

Эго, какъ нельзя лучше, выяснилось, между прочимъ, лозаннскимъ международнымъ конгрессомъ о налогахъ (1860 г.). Въмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась и беспомощность науки. Конгрессъ превосходно выполнилъ критическую часть своей задачи, доказавъ нераціональность всѣхъ существующихъ налоговъ. Но онъ не могъ согласиться относительно какой нибудь новой системы. Большинство составилось посредствомъ компромисса между двумя мнѣніями, какъ-будто бы дѣло шло о торжествѣ политической партіи. Наконецъ, въ самыхъ заключеніяхъ этого коалиціоннаго большинства высказалось недовольство противъ слабыхъ политико-экономическихъ познаній публики, недовольство, которое въ данномъ случаѣ справедливо было бы направить противъ недостатка положительныхъ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи самой политической экономіи. Обращаясь къ сферѣ юридическихъ наукъ, найдемъ то же самое. *Международное право* гораздо сильнѣе, въ настоящую минуту, практическими представителями, чѣмъ теоретическими. Вопросы, стоящіе въ немъ на очереди рѣшаются обыкновенно съ плеча, посредствомъ условявшихся дипломатическихъ приемовъ, безъ всякихъ справокъ съ дѣйствительными интересами народовъ. *Криминалисты* до сихъ поръ еще не покидаютъ усердныхъ, но безплодныхъ попытокъ создать удовлетворительную уголовную теорію; а между тѣмъ правительства продолжаютъ свои репрессалии, не вдаваясь въ разборъ юридическихъ тонкостей о разумности и справедливости наказаній. Усилія почтенныхъ дѣятелей науки ясно доказываютъ необходимость реформъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ сомнѣваться, чтобы ихъ наука достигла существенныхъ результатовъ, пока не оставитъ своей метафизической почвы и не станетъ на болѣе прочныя опоры. Въ то время, какъ криминалисты тщетно придумываютъ философское оправданіе установленію, быть можетъ, и неизбѣжному при устарѣвшихъ социальныхъ отношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ глубоко-оскорбительному для человѣчества по своему значенію, глубоко-возмутительному по своимъ непосредственнымъ результатамъ, установленію, дающему людямъ на выборъ дилемму безнадежной испорченности или безконечной глупости, — втихомолку, почти незамѣтно для массъ, совершается одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій новой цивилизаціи. Подъ это установленіе, подъ самыя основы патронирующей его науки подкапываются изслѣдованія, нови-

димому, совершенно чужды ему. Естественныя науки, укладывая метафизику въ архивъ ненужнаго хлама, колеблютъ въ самыхъ основахъ нынѣшнія уголовныя теоріи.— Столь же сильно келеблетъ цивилизація, во всѣхъ ея формахъ, старинныя *гражданскія* отношенія, покоющіяся на пресловутомъ юстиньяновскомъ кодексѣ... Нѣкоторыя изъ этихъ отношеній, чисто-юридическаго характера, уже преобразованы практически у многихъ народовъ. Въ короткое время они успѣли дать такую громадную массу данныхъ въ пользу этихъ новыхъ формъ, что въ сферѣ гражданского права сомнѣнія и споры о нихъ сдѣлаются положительно невозможными, какъ скоро эти результаты будутъ тщательно подобраны и приведены въ систему. Напротивъ, всѣ вопросы гражданского права, касающіеся экономическихъ отношеній, принадлежатъ къ величайшимъ изъ спорныхъ вопросовъ, занимающихъ человѣчество, и для научнаго разъясненія ихъ имѣется еще чрезвычайно мало фактовъ.

Тѣ же мысли можно примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ наукамъ. Такъ, напримеръ, упреки, сдѣланные *исторіи* незабвеннымъ, такъ рано похищеннымъ у человѣчества авторомъ «Исторіи цивилизаціи Англіи», безусловно справедливы. Но, опять-таки, нельзя не сказать, что вполне основательныя его требованія рѣшительно невыполнимы, по отсутствію собранныхъ данныхъ. Его собственный примѣръ доказалъ, что попытка написать исторію даже одной страны—какъ онъ понималъ это дѣло,—требуетъ усилій, слишкомъ несообразныхъ съ настоящими условіями знанія. А геройское самопожертваніе каждаго отдѣльнаго мыслителя, подобнаго ему, составляетъ для человѣчества слишкомъ чувствительную утрату. О другихъ наукахъ не буду упоминать, чтобъ не увеличивать размѣровъ статьи;—приведенныхъ положеній достаточно для уясненія моей главной идеи. А идея эта состоитъ въ томъ, что въ настоящее время понятія и отношенія измѣняются такъ быстро, а возникающія изъ нихъ требованія становятся такъ велики, что общественная наука не въ состояніи удовлетворить имъ при своихъ нынѣшнихъ средствахъ. Отъ нея требуютъ законовъ, управляющихъ жизнью,—а она должна еще заниматься черною работою собиранія матеріаловъ, безъ которыхъ нельзя вывести ни одного положенія. Весь матеріалъ, накопленный прежними поколѣніями, оказывается недостаточнымъ или неудовлетворительнымъ. Его приходится собирать по вершишкамъ изъ огромныхъ кучъ разнаго негоднаго старья, очевидно затрудняющаго и замедляющаго работу. Причиной этого, конечно, коренное измѣненіе понятій. То, чему прежнія поколѣнія придавали первостепенное значеніе, считается нынѣшними совер-

меню некорректны. И потому въ поддонахъ старыхъ обществъ искать чего нибудь поучительнаго нѣтъ никакой надобности, развѣ только необходимо уловить нить явленія, напримеръ, тамгѣ, какъ инуверизмъ и рабство, котораго корни лежатъ въ безобразныхъ массахъ исторической земли, происходившей въ организации человѣческихъ отношеній. Ясно, что, при подобной разницѣ воззрѣній, прежнее время не могло приготовить матеріаловъ для рѣшенія вѣнѣйшихъ вопросовъ, нынѣ занимающихъ. Это одно. Другое, не менѣе важное обстоятельство, — въ томъ, что территориальная разграниченія, которыхъ держались въ большей части научныхъ вопросовъ, оказываются слишкомъ тѣсными; законы, управляющіе обществами, не могутъ быть выведены изъ наблюденій надъ отдельными частіцами обществъ. А между тѣмъ, общественная нужда хотя и пробовала прилагать къ нѣкоторымъ изъ занимающихъ ихъ вопросовъ сравнительный методъ, пользуясь данными, доставляемыми различными націями, но никогда не примѣняла его въ надлежащей полнотѣ; болышею частью она ограничивалась данными строгочными, часто неравобразными критически. Даже статистика, самая точная изъ общественныхъ наукъ, а потому дѣйствующая успешнѣе другихъ, не даетъ матеріаловъ для рѣшенія многихъ общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ на первый планъ развивающейся цивилизаціею, законы, напримеръ, вопросы о распредѣленіи богатства, о законахъ рожденія и смертности, прибыли и убыли народонаселенія.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на солидарность, возрастающую между науками по мѣрѣ ихъ развитія. Чѣмъ очевиднѣе становится ихъ значеніе для современныхъ обществъ, тѣмъ сильнѣе онѣ должны опираться одна на другую. Экономисту, историкъ становится рѣшительно возможно продолжать своихъ изслѣдованій безъ знанія, по крайней мѣрѣ, главныхъ положеній естественныхъ наукъ. Въ свою очередь, ихъ науки могли бы значительно облегчить трудное дѣло естествоиспытателей, открывая законы, управляющіе обществами, или, по крайней мѣрѣ, доставляя осмысленные факты и достовѣрные данныя. Взаимное содѣйствіе каждой изъ этихъ наукъ, какъ я уже замѣтилъ выше, не только полезно, а положительно необходимо, но по мѣрѣ того, какъ этотъ кругъ принимаетъ правильную форму, становится ясно, что ему недостааетъ центра.

Созданіе такой центральной и верховной науки было бы важно во всѣхъ отношеніяхъ. Ея содержаніе опредѣляется само собою, когда присматриваешься къ современному направленію и содержа-

нiю всѣхъ наукъ вообще. [Отвлеченныя теорiи такъ изолировались и опочлѣли, даже въ глазахъ ихъ лучшихъ представителей, что нмѣ нивогда уже не поправить своего рухнушаго кредита. Научныя изслѣдованiя преимущественно имѣють въ виду живое общество, со всѣми его нуждами и потребностями. Между гѣмъ, нѣтъ науки, которая бы занималась этимъ предметомъ въ его полномъ объемѣ, въ его многочисленныхъ видоизмѣненiяхъ. Нѣтъ науки, которая изучала бы современный организмъ живущихъ обществъ въ такой, полнотѣ, въ какой мы желаемъ узнать его у отжившихъ обществъ, изучая исторiю. Множество наукъ знакомятъ насъ съ его различными частями, но его общiй видъ, остается внѣ изслѣдованiя. Удивительно ли, что исторiи не удается возстановить его вполне за прежнее время? Можетъ ли быть вполне плодотворно изученiе частей, когда цѣлое остается неизвѣстнымъ? Да и можетъ ли при такомъ условiи это частичное изученiе быть вполне удовлетворительнымъ? Физиологiя и теперь не можетъ похвалиться слишкомъ большими успѣхами,—но что было бы съ нею, если бы она распалась на науку о мозгѣ, науку о сердцѣ, науку о желудкѣ, и затѣмъ забыла бы, что совокупная дѣятельность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ факторовъ образуетъ живой организмъ? Одна такая мысль возбуждаетъ улыбку. Развѣ не менѣе странно, что общественныя науки, изучая различныя части общественнаго организма, оставляютъ безъ вниманiя самый организмъ, самое общество, въ которомъ проявляется совокупная дѣятельность этихъ частей? — Мысль нѣмецкихъ ученыхъ желавшихъ имѣть въ статистикѣ «остановившуюся исторiю» или прокошущую дѣйствительность», была вѣрна въ томъ смыслѣ, что подобная наука дѣйствительно необходима. Но они ошибались, желая обратить въ такую науку статистику, имѣющую свой спеціальныи кругъ изслѣдованiй, въ который нѣтъ возможности умѣстить всѣхъ социальныхъ вопросовъ.

Все это приводитъ къ той мысли, что нынѣшнее развитiе знанiй требуетъ новой науки, *науки объ обществѣ* (социалогiя). Она должна обнимать очеркъ положенiя и размѣровъ высшаго вида страны, ея социальный характеръ, то есть, все, могущее дать понятiе о важнѣйшихъ моментахъ общества: развитiе городской и сельской, мѣстной или центральной жизни,—значитъ, характеръ городовъ и сель, удобства сообщенiй, торговые и промышленные центры; дѣленiе народа на сословiя или касты (политическое и юридическое дѣленiе); эконоическое дѣленiе по занятiямъ; численныя отношенiя классовъ; внутреннiя числовыя отношенiя по полу и возрасту равновѣсiе половыхъ отношенiй и политическая равенправность муж-

цнѣ и женщинѣ; внутренній общественный бытъ: нравы, обычаи, предрассудки, одежда и т. д.; размѣры; характеръ производствъ и рабочая плата; валовой доходъ и надлющіе на него налоги; расходы взимающія и употребленія ихъ (не съ финансовой, а съ социальной точки зрѣнія); правящая властная организація; образованіе и средства распространенія его въ массѣ; характеръ преступленій и наказаній; степень образованія и экономическое состояніе преступниковъ.

Тому, кто не вникнетъ въ сущность дѣла, подобная наука можетъ, съ перваго взгляда, показаться утопией или комплиментомъ данникъ и въ всѣхъ другихъ наукъ. Но человѣкъ мыслящій, конечно, не сдѣлаетъ подобнаго возраженія. Безспорно, каждая изъ современныхъ наукъ должна будетъ доставить данныя для социолога. Но въ ней всѣ эти разрозненные части получаютъ видъ члена общественнаго организма. Говоря иносказательно, социологъ дастъ имъ душу, вдохнетъ въ нихъ геній. Онъ будетъ относиться къ географу, статистику, юристу, политико-эконому почти такъ же, какъ фیزیологъ къ анатому. Онъ представитъ географическія мѣстности, населенныя живыми людьми, съ ихъ нравами, обычаями, предрассудками, вѣрованіями, добродѣтелями, пороками, — словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что разумомъ такъ часто совѣтуетъ презирать и ненавидѣть, а сердцемъ не можетъ перестать любить. Онъ оживитъ цифры, раскрывъ ихъ дѣйствительный смыслъ, рассказавъ ихъ тайную, неэгажимую и ужасную силу, приподнявъ ихъ покровъ, скрывающій песчинки наслажденій и горы страданій и мучъ. Онъ сниметъ съ подложныхъ истинъ и общепринятыхъ кумировъ лучезарный ореолъ правды, ослѣпляющій человѣчество, и заставитъ внимательно рассмотреть ихъ. Словомъ, онъ потребуетъ полной ликвидаціи отжившихъ понятій и принятія новыхъ, имѣющихъ дѣйствительную цѣнность. Данныя, доставляемыя другими науками, будутъ для него большею частью только сырымъ матеріаломъ. Ему придется приводить ихъ въ систему, группировать, дополнять, провѣрять, выводить ихъ причины и послѣдствія. Но несравненно большую массу матеріала доставитъ ему непосредственные наблюденія надъ общественной жизнью, свои и чужія. Тысячи житейскихъ подробностей, ускользающихъ отъ другихъ наукъ или пренебрегаемыхъ ими, какъ мелочи, пустяки, — найдутъ себѣ мѣсто у него, какъ истинныя сокровища. Помощью ихъ, онъ, можетъ быть, уяснитъ людямъ, что въ жизни обществъ, какъ въ природѣ, нельзя провести черты между великимъ и малымъ, ничтожнымъ и важнымъ!

На трудъ этотъ, конечно, потратится много силъ и времени,

прежде чѣмъ достигнутся удовлетворительные результаты, но тутъ каждая минута труда и каждая капля потраченной силы будутъ имѣть наибольшее приращеніе въ благосостоянію людей — этой первой и главной задачею челоѣческой дѣятельности. Для насъ, русскихъ, этотъ трудъ тѣмъ легче, что за нами нѣтъ такихъ традицій, съ которыми бы стоило вести напряженную борьбу, — а передъ нами еще такъ много нетронутыхъ вопросовъ, что разрѣшеніе ихъ, благодаря развитію общественной науки, приметъ болѣе правильный и короткий путь.

Весьма вѣроятно, что при достаточномъ развитіи общественной науки влияние ея на сродныя ей науки обнаружится особенно сильно въ двухъ отношеніяхъ: излагая результаты наблюдений и выводы заключенія изъ сравненія цѣлаго ряда наблюдений, она будетъ наукою строго-опытною. Весьма вѣроятно, что она укажетъ возможность, сроднымъ ей наукамъ, усвоить себѣ сравнительный методъ. Это сильно помогло бы ихъ развитію. Априорическій и гипотетическій методы, которыхъ держится большая часть изъ нихъ, имѣютъ неоспоримыя достоинства; но употребленные отдѣльно, безъ контроля болѣе точныхъ методовъ, они живутъ бросающиеся въ глаза недостатки: они обыкновенно приводятъ къ предвзятымъ результатамъ и не исключаютъ возможности одному гадательному предположенію противопоставить другое. Поэтому-то многія общественныя и всѣ философскія науки и представляютъ такое множество разнорѣчивыхъ системъ, неприводящихся къ положительнымъ результатамъ и даже необъясняющихъ ихъ въ далекомъ будущемъ. Только усвоивъ себѣ точные методы, могутъ онѣ надѣяться разъяснить мало по малу хаосъ мнѣній и понятій. — Во-вторыхъ, можно надѣяться, что социалогія ускорила бы реформу въ самомъ содержаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ наукъ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ яснѣе люди будутъ понимать составъ общества и условія жизни большинства, тѣмъ быстрѣе будутъ измѣняться ихъ нѣгнѣшнія понятія. Очень можетъ случиться, что правильное и подробное сравненіе быта, привычекъ, понятій, образованныхъ и необразованныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, трудящихся и привилегированныхъ классовъ различныхъ странъ, заставитъ измѣнить многіе изъ обиходныхъ взглядовъ о племенныхъ преимуществахъ, народныхъ свойствахъ, врожденныхъ понятіяхъ, различныхъ экономическихъ явленіяхъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, измѣнятся ли эти взгляды или укрѣпятся, ихъ можно будетъ проверить обширнымъ сравненіемъ, при которомъ будетъ видна вся обстановка основныхъ фактовъ. Если статистика успѣла въ короткое время бросить свѣтъ на нѣкоторые обществен-

ные и нравственные вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ отвлеченное мышленіе напрасно трудилось цѣлыя вѣка, то общественная наука, вѣроятно, будетъ дѣйствовать еще успѣшнѣе въ томъ же смыслѣ: при одинаково точномъ методѣ, она обниметъ не только большее количество явленій, но обниметъ ихъ полнѣе, многостороннѣе.

Пришлось бы написать очень много страницъ, чтобы перечислить всѣ выгоды, которыя могла бы доставить, социалогія. Но ихъ сразу оцѣнить всякій, кто вникнетъ въ значеніе двухъ приведенныхъ предположеній. Къ нимъ надо развѣ прибавить нѣсколько соображеній, относящихся, такъ сказать, до экономіи знаній. Громадное количество социалогическаго матеріала разсыяно въ отдѣльныхъ книгахъ и статьяхъ, иногда научнаго, чаще чисто-литературнаго содержанія. Для развитія знаній, онъ незамѣтно приноситъ свою пользу, и въ этомъ видѣ. Но пока его не соберутъ въ одно цѣлое, онъ вовсе не служитъ къ изученію и открытію исторіи общихъ законовъ. Часть его попадаетъ въ разныя науки, гдѣ приводится въ подкрѣпленіе какихъ нибудь отдѣльныхъ, часто опровергающихъ другъ друга положеній; но еще больше пропадаетъ безслѣдно. Какое множество наблюдательныхъ умовъ упражняетъ свои силы въ писаніи повѣстей и романовъ. Не спорю, многіе изъ нихъ имѣютъ весьма важное, даже общечеловѣческое значеніе. Но, смотря на предметъ съ точки зрѣнія экономиста, невольно придаешь вопросу такой оборотъ: слѣдуетъ ли радоваться обществу, имѣющему вдоволь необработанной земли и нуждающемуся въ хлѣбѣ, когда лучшіе работники обращаются къ кондитерскому производству? Громадная масса наблюдательной силы, искажаемая теперь вымысломъ и идущая въ этомъ видѣ на увеселенія досуговъ праздныхъ людей, могла бы послужить, въ общественной наукѣ, къ уясненію вопросовъ, важныхъ для всего человѣчества.—Очевидно также, какое громадное количество труда сберегла бы наука будущимъ поколѣніямъ.

Не думаю, чтобы было нужно долѣе настаивать на общечеловѣческомъ значеніи и пользѣ общественной науки. Трудно, чтобы ее сталъ оспаривать свѣдущій и образованный человѣкъ. Главный вопросъ въ томъ, какъ создать эту науку? Очевидно, громадность труда требуетъ совокупныхъ усилій весьма значительнаго числа лицъ. Отъ каждой страны и отъ каждой мѣстности въ странѣ потребуется много дѣятелей и разнородныхъ специальныхъ познаній. Поэтому, новѣйшая мысль объ основаніи ученыхъ обществъ,

сѣздовъ и о постоянномъ обмѣнѣ идей всего лучше примѣняется къ разработкѣ общественной науки.

Я вполне сознаю, что было бы и приличнѣе, и дѣйствительнѣе, если бы заявленіе этой мысли сопровождалось хорошимъ социальнымъ сочиненіемъ, хотя бы по одной мѣстаости. Къ несчастью, хорошія мысли слишкомъ часто приходятъ людямъ, неимѣющимъ никакой возможности осуществить ихъ. А кто имѣетъ эту возможность, тому я могу предсказать и успѣхъ, и наслажденіе свѣжаго и благотворнаго труда. Вотъ почему я обращаюсь къ молодому поколѣнію и указываю ему превосходный исходъ его умственнаго непотизма и шатанія отъ одной идеи къ другой... Облегчить людямъ ихъ будущія страданія должно быть большимъ наслажденіемъ, но облегчить ихъ силой ума и науки есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величайшій подвигъ.

Если до сихъ поръ не создалась общественная наука, то это только доказываетъ, что люди предшествовавшихъ поколѣній не вполне создавали солидарность, связывающую все человѣчество, не вполне понимали, что его существованіе управляется извѣстными законами. Нынѣшнія поколѣнія доразвились до такого пониманія, благора массѣ накопленныхъ знаній, и потому они могутъ создать эту науку.

И. Серго-Соловьевичъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МЫСЛЯЩІЙ ПРОЛЕТАРИАТЪ.

(ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО. ДВА ТОМА: С.-Пб.: 1865 г.)

(Посвящается Н. А. Благовѣщенскому).

I.

Чтобы обрисовать авторскую личность Помяловскаго, я разберу подробно двѣ главныя его повѣсти, «Мѣщанское счастье» и «Молотова.» Эти двѣ повѣсти связаны между собою личностью героя, Егора Иваныча Молотова. Въ первой повѣсти Молотовъ является 22-хъ лѣтнимъ юношей, только что кончившимъ курсъ въ университетѣ. Во второй—33-хъ лѣтнимъ мужчиной, достаточно ознакомившимся съ практической жизнью. По своему характеру и по общему складу своей дѣятельности, Молотовъ очень похожъ на Штольца. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что ихъ авторы смотрятъ на нихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Г. Гончаровъ смотритъ на Штольца снизу вверхъ, а Помяловскій на Молотова сверху внизъ. Г. Гончаровъ относится къ Штольцу съ восторженнымъ благоговѣніемъ, а Помяловскій къ Молотову съ дружелюбнымъ и неоскорбительнымъ состраданіемъ. Г. Гончаровъ говорить: давай намъ Богъ

такихъ людей, какъ Штольцъ, а Помяловскій говоритъ: какъ жаль, что большинство хорошихъ людей принуждено оставаться въ положеніи Молотова! Для г. Гончарова Штольцъ есть идеаль, о которомъ едва позволительно мечтать. Для Помяловскаго Молотовъ есть *minutit*, на которомъ едва ли позволительно останавливаться. Сами герои смотрятъ на себя такъ, какъ смотрятъ на нихъ ихъ творцы. Штольцъ сияетъ самодовольствомъ. Я-ли, дескать, не уменъ, я-ли не великъ, я-ли не полезенъ. Я соль земли и спаситель отечества. Молотовъ, окончательно сформировавшійся, напротивъ того, тихъ, скромнень, утомленъ и грустенъ. Онъ самъ говоритъ, что его жизнь—честная чичиковщина. О соленіи земли и о спасеніи отечества онъ, конечно, и не заикается. Именно поэтому, Штольцъ — деревянная кукла, а Молотовъ—живой человѣкъ. Деревянность Штольца происходитъ именно оттого, что г. Гончаровъ нечаянно вложилъ въ него внутреннее противорѣчіе. Штольцъ, въ одно и то же время, и уменъ, и глупъ. Уменъ, потому что лихо устроиваетъ свои дѣла и пикантно разсуждаетъ о разныхъ психологическихъ тонкостяхъ. Глупъ, потому что усматриваетъ въ себѣ героя и лѣзетъ на пьедесталь. И получается поэтому въ общемъ результатъ глупо-умная, то есть, невозможная и деревянная фигура. А Молотовъ постоянно уменъ, и въ практическихъ дѣлахъ, и въ теоретическихъ разсужденіяхъ, и во взглядѣ на свою собственную личность. «Подлости я никакой не сдѣлалъ, думаетъ онъ, но мнѣ все-таки грустно и совѣстно быть только не мошенникомъ. Упрекать я себя ни въ чемъ не могу, но и радоваться, и гордиться мнѣ нечѣмъ. Молодымъ дѣтелямъ, которымъ, быть можетъ, удастся совершить подвиги *положительной* честности и активной любви, я скажу только: друзья мои, не судите меня строго. Не считайте меня тунеядцемъ и рабочь лѣнивымъ, зарывшимъ свой талантъ въ землю. Разсмотрите внимательно мою жизнь, поставьте себя на мое мѣсто, взвѣсьте все, и размѣры моихъ силъ, и обстоятельства, и понятія моихъ современниковъ, и тогда вы, чего добраго, узнаете, что я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. И тогда вы, можетъ быть, съ дружескимъ чувствомъ пожмете мою руку за то, что я всегда ѣлъ хлѣбъ, заработанный собственнымъ трудомъ. Трудъ мой рѣдко приносилъ пользу обществу, да вѣдь что же съ этимъ дѣлать? Откуда взять такой трудъ, который былъ бы дѣйствительно полезенъ? Стоить, напримѣръ, на улицѣ извозчикъ. Каждая копейка достается ему тяжелымъ и честнымъ

трудошъ. Чтобы привезти вечеромъ домой какихъ нибудь два цѣлковыхъ, сколько онъ въ день натерпится и отъ снѣга, и отъ пыли, и отъ дождя, и отъ вѣтра, и отъ мороза! А развѣ трудъ его дѣйствительно полезенъ для общества? Развѣ все концы, сдѣланные извозникомъ, дѣйствительно были необходимы? Развѣ силы лошади и человѣка не тратились большею частью на то, чтобы возить празднопатающихъ шалопаевъ къ другимъ празднопатающимъ шалопаямъ, которые вовсе не желаютъ ихъ видѣть, и которые, тѣмъ не менѣе, считаютъ своею обязанностью выражать въ подобныхъ случаяхъ притворную радость, неспособную обмануть даже маленькихъ дѣтей?— А вѣдь извозникъ тутъ все-таки ничѣмъ не виновать.— Вотъ и я, продолжаетъ Молотовъ, былъ постоянно точно такимъ же извозникомъ. Титанъ, геній, сильный талантъ пробили бы себѣ дорогу къ общеплезному труду. Но я не геній, не титанъ, даже не сильный талантъ. Я не могу и никогда не могъ сказать людямъ такое слово, которое заставило бы ихъ глубоко задуматься или очнуться отъ глубокаго сна. Я просто неглупый и, вслѣдствіе этого, не подлый человѣкъ. И прошу я васъ, молодые дѣятели, только объ одномъ: поставьте меня въ вашемъ мнѣніи не выше и не ниже того извозника, который возитъ шалопаевъ, но, не смотря на то, обращается совершенно честно и съ хозяиномъ, и съ сѣдоками, и съ лошадыю. Героемъ я себя не считаю, на пьедесталъ не лѣзу, но уваженіемъ умныхъ и честныхъ людей дорожу.»—И дѣйствительно, никакіе молодые дѣятели будущаго времени, никакіе титаны въ мірѣ не имѣютъ возможности смотрѣть съ презрѣніемъ на того обыкновеннаго человѣка, который, подобно Молотову, скромно сознавая свою обыкновенность и понимая невозможность передѣлать обстоятельства обыкновенными и изолированными силами, сосредоточилъ все свое вниманіе на той простой задачѣ, чтобы совершенно честно прокормить свою собственную личность. Если бы Штольцъ былъ возможенъ, то онъ былъ бы смѣшонъ и гадокъ. Ему надо было бы дать щелчокъ въ носъ, чтобъ онъ слетѣлъ съ пьедестала, на который его суконное рыло не даетъ ему ни малѣйшаго права. Молотовъ, напротивъ того, совершенно возможенъ и очень симпатиченъ своею свѣтлою и тихою грустью. Причина его грусти очень понятна. Онъ сознаетъ, что трудъ его бесполезенъ для общества. Онъ чувствуетъ, что, при другихъ условіяхъ, онъ могъ бы приносить людямъ дѣйствительную пользу. Но создать эти условія онъ не въ со-

стояніи. Для этого нужно, чтобы общество, глубоко проникнутое инстинктивнымъ стремленіемъ въ новой жизни, воплотило эти стремленія въ гениальной личности; чтобы эта личность своею дѣятельностью сгруппировала и осмыслила разрозненные силы многихъ честныхъ и неглупыхъ людей, подобныхъ Молотову; чтобы эти соединенныя силы дружно взялись за работу и превратили инстинктивное стремленіе общества въ разумный планъ и въ живое дѣло. Тогда Молотовъ былъ бы веселъ и счастливъ. Онъ, быть можетъ, все-таки остался бы чернорабочимъ; но какое счастье быть чернорабочимъ въ томъ дѣлѣ, которое любишь, уважаешь и понимаешь во всѣхъ его подробностяхъ и послѣдствіяхъ! Кто читалъ въ прошлогоднемъ «Русскомъ Словѣ» превосходный романъ Шпильгагена: «Два поколѣнія», тотъ, разумеется, помнитъ чернорабочаго Каіуса, который, сломавши себѣ правую руку, продержалъ лѣвою рукою корректуру длинной передовой статьи «*in praesidentem.*» Въ каждомъ дѣлѣ такіе чернорабочіе дѣйствительно возможны. И каждому дѣлу такіе чернорабочіе безусловно необходимы.

II.

Помяловскій въ своихъ двухъ повѣстяхъ хотѣлъ показать, какимъ образомъ живъшій полегоньку шупаеетъ ребра умному и развитому пролетарію, и какимъ образомъ пролетарій, опираясь исключительно на силы своего развитаго ума, можетъ, не смотря на всѣ медвѣжьи ласки жизни, остаться свѣжимъ, неискалеченнымъ и неразвращеннымъ человѣкомъ. «Среда заѣла», «жизнь изломала», «обстоятельства погубили» — все это мы слышали много разъ, все это повторялось, и кстати, и не кстати, такъ часто, что все это превратилось наконецъ въ совершенно вывѣтрившуюся и очень вредную фразу. Сначала слова эти проносились умными людьми, размышлявшими объ участи другихъ умныхъ людей, потрудившихся на своемъ вѣку и сошедшихъ въ преждевременную могилу, не сдѣлавъ въ жизни того, что они хотѣли и могли бы сдѣлать при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Тогда эти слова имѣли смыслъ. Тогда человѣкъ, произносившій эти слова, зналъ очень досконально, путемъ наблюденія и даже личнаго опыта, что это за штука *среда* и *жизнь*, и *обстоятельства*, и по какимъ причинамъ, и какими

средствами, и для какой цѣли производятся разныя *задания* и *ломанія*, и *погубленія* людей умныхъ и много потрудившихся на своемъ вѣку. Умные люди, произносившіе слова, всегда прилагали ихъ къ какому нибудь третьему лицу, сошедшему со сцены. Но слова эти спустились въ низшіе слои умственного міра, и тогда пошла писать губернія. Определенный смыслъ словъ выдохся, и дряблые людишки стали этими словами заживо читать себѣ отходную. Меня заѣла среда—говорилъ какой нибудь Поздревъ, воротившись съ ярмарки съ опустошеннымъ карманомъ и съ оципанными бакенбардами. Меня изломала жизнь—тоскливо произносилъ Тряпичкинъ, когда какая нибудь редація возвращала ему въ цѣлости толстыя кнѣ его безграмотныхъ повѣстей и стихотвореній. Меня погубили обстоятельства — сладко и томно твердилъ лейтенантъ Жевакинъ, которому какая нибудь Жилинтриса Кирбитьевна наплевала за излишнюю предприимчивость въ его тусклые, бараньи глаза. И уѣздные города, и резиденціи сельскихъ джентльменовъ на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества переполнились людьми заѣденными, погубленными и изломанными, которые однако, не смотря на весь трагизмъ своего положенія, ѣли, пили, спали, жирѣли и тупѣли во всю свою волю. О достойные сограждане! О филейныя части человѣчества! Развѣ вы чѣмъ нибудь отличаетесь отъ среды, жизни и обстоятельствъ, на которыя вы такъ бессмысленно жалуетесь? И развѣ можетъ какая нибудь сила въ мірѣ заѣсть, изломать или погубить то, что рыхло, мягко, дрябло и жирно, подобно вамъ? И какой же человѣкъ, дѣйствительно способный почувствовать на своей особѣ медвѣжью лапу жизни, среды и обстоятельствъ, скажетъ когда нибудь: *меня* заѣли, изломали или погубили? Самому признать себя заѣденнымъ, изломаннымъ и погубленнымъ, значить заживо лечь въ могилу, значить бѣжать съ пашни на лежанку въ то время, когда работаютъ сохи и бороны честныхъ и умныхъ сосѣдей, друзей и родственниковъ. Пока человѣкъ живъ, до тѣхъ поръ онъ борется и не признаетъ себя побѣжденнымъ; если онъ бѣденъ—онъ трудится, то есть, борется съ своею бѣдностью; если онъ неучъ—онъ учится, то есть, борется съ своимъ невѣжествомъ; если онъ болѣнъ—онъ лечится, то есть, борется съ своею болѣзною. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не одерживаетъ побѣды надъ своимъ врагомъ, или до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не падаетъ замертво на полѣ сраженія. Въ первомъ случаѣ, *by* *человѣку*

не зачѣмъ говорить о своей изломанности или заѣденности; тутъ онъ самъ, напротивъ того, погубилъ, заѣлъ и изломалъ то, что мѣшало ему быть счастливымъ. А во второмъ случаѣ, человѣку, упавшему замертво, уже некогда осыпать свою могилу цвѣтами сочувственнаго краснорѣчія; надгробное слово произнесутъ надъ нимъ другіе люди. Такимъ образомъ, люди умные и энергическіе борются до конца, а люди пустые и никуда негодные подчиняются безъ малѣйшей борьбы всѣмъ мелкимъ случайностямъ своего бессмысленнаго существованія. Надо сказать правду: люди вполне умные и люди безнадежно пустые во всѣхъ человѣческихъ обществахъ почти одинаково рѣдки. Огромное большинство состоитъ вездѣ изъ людей посредственныхъ, которые, съ одной стороны, пороку не выдумаютъ, но, съ другой стороны, по выраженію г. Щедрина, сальныхъ свѣчъ не ѣдятъ, стекломъ не утираются. Эти люди могутъ быть дѣятельными или праздными, гуманными или жестокими, полезными или вредными, смотря по тому, въ какую сторону направляется въ данную эпоху господствующее теченіе идей. Ходячія фразы имѣютъ значительное вліяніе на это человѣческое стадо, и важнѣйшая задача здоровой и честной литературы заключается именно въ томъ, чтобы всегда пускать въ обращеніе такія фразы, которыя въ данную минуту могутъ дѣйствовать благотворно на умъ и на волю безцвѣтныхъ и несамостоятельныхъ людей, составляющихъ большинство. При этомъ надо умѣть во время мѣнять эти фразы, чтобы онѣ не затаскивались и не покрывались плѣсенью. Это производство и передвижаніе общепользныхъ фразъ составляетъ прямую обязанность беллетристики и чисто-литературной критики, то есть, тѣхъ отраслей словесности, которыя всего ближе прикасаются къ чувствамъ, интересамъ и условіямъ частной нравственности и будничной жизни.—Читатель не долженъ смущаться словомъ *фраза*. Каждая фраза появляется на свѣтъ, какъ формула или вывѣска какой нибудь идеи, имѣющей болѣе или менѣе серьезное значеніе; только впоследствии, подъ руками безцвѣтныхъ личностей, фраза опошляется и превращается въ грязную и вредную тряпку, подъ которую скрывается пустота или нелѣпость. Даровитые писатели чувствуютъ тотчасъ, что формула выдохлась и что пора выдвинуть на ея мѣсто новый пароль.—Я показалъ въ началѣ этой главы, какимъ образомъ фразы о средѣ, о жизни и объ обстоятельствахъ, имѣвшія сначала глубокой смыслъ, превратились понемногу въ нелѣпость, прикрывающую собою

ность дряблыхъ тунеядцевъ. Помяловскій своимъ здоровымъ чувствомъ и свѣтлымъ умомъ понялъ, какъ нельзя лучше, что пора повернуть потокъ оразъ въ другую сторону. До Помяловскаго эта потребность чувствовалась многими изъ нашихъ лучшихъ беллетристовъ. Самая полезная сторона въ дѣятельности Тургенева клонилась именно къ тому, чтобы изобразить внутреннее ничтожество нашихъ домашнихъ Гамлетовъ, праздно тоскующихъ о вредномъ вліяніи жизни, среды и обстоятельствъ. Большая часть тургеневскихъ повѣстей говорить ясно и выразительно: тѣ люди, которые жалуются на свое безсміе, нигуда не годятся. Къ этому сужденію Помяловскій своими двумя новѣстами придѣлалъ естественное продолженіе: а тѣ люди, которые на что нибудь годятся, борются съ неблагоприятными обстоятельствами и, по меньшей мѣрѣ, умѣютъ отстоять противъ нихъ свое собственное нравственное достоинство.—И каждый здоровый и неглухой человѣкъ скажетъ на это съ полнымъ убѣжденіемъ: правда твоя, честный и даровитый труженикъ; правда твоя, бѣдный и забытый бурсакъ, умѣвній счистить съ своего ума и съ своего чувства всю грязь, наложенную на нихъ бурсацкими розгами! И спасибо тебѣ, Помяловскій, за то, что ты сильнымъ и убѣдительнымъ твоимъ словомъ заступился рѣшительно за святыню человѣческой личности, въ силѣ которой усомнились слабодушные охотники оплакивать несовершенства жизни, среды и обстоятельствъ! Человѣкъ — продуктъ среды и жизни; но жизнь въ то же время вкладываетъ въ него активную силу, которая не можетъ быть мертвымъ капиталомъ для существа дѣятельнаго. Жизнь — дѣло въ высшей степени прогрессивное, и главныя двигательныя пружины ея прогресса сосредоточиваются въ мысляхъ и стремленіяхъ лучшихъ, то есть, самыхъ здоровыхъ и нормально-организованныхъ представителей нашей породы. Поэтому, склоняясь передъ неизбѣжными законами вѣчной природы, современный мыслитель продолжаетъ сознательно вѣрвать въ преобразующія и обновляющія силы человѣческаго ума. Все должно быть такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Согласенъ. Но если я недоволенъ тѣмъ, что я вижу вокругъ себя, то и недовольство мое также должно быть, и не можетъ не существовать. Если мое недовольство наводитъ меня на рядъ размышленій и поступковъ, то и размышленія и поступки входятъ также въ общій планъ природы. Стало быть, сознавать необходимость всѣхъ явленій, совершающихся

ся въ природѣ, совѣмъ не значить складывать руки и погружаться въ фанирское созерцаніе. Я—также явленіе; и если я чегонибудь хочу, ищеть, домогается, то зачѣмъ же стѣснять его естественныя стремленія?

III.

Помяловскій хотѣлъ представить въ Молотовѣ умнаго и развитаго пролетарія безъ всякой примѣси сословныхъ элементовъ или предрасудковъ. Молотовъ—человѣкъ, совершенно сторванный отъ всякой почвы; у него ни кола, ни двора, ни родныхъ, ни покровителей, совѣмъ ничего нѣтъ, кромѣ умной головы и двухъ здоровыхъ рукъ. «А гдѣ же тѣ липы, спрашиваетъ у себя Молотовъ, подѣ которыми прошло мое дѣтство? Нѣтъ тѣхъ липъ, да и не было никогда.» Молотовъ—сынъ бѣднаго мѣщанина, слесаря, одного изъ тѣхъ одинокихъ бобылей, которые очень нерѣдки въ сословіи ремесленниковъ. Жизнь его съ отцомъ шла не очень дурно. Отецъ былъ малый добрый, и маленький Егорка не чувствовалъ передъ нимъ никакого раболѣпнаго страха. «Мальчикъ свободно относился къ отцу, точно взрослый, да и житье онъ дома не безъ пользы: онъ и въ лавочку сбѣгаетъ, и заказъ отнесетъ, съумѣетъ и кашу сварить, и инструментъ отточить, и пьянаго отца раздѣнетъ, спать уложить, да еще приговариваетъ:

— Ну, ложись!.. ишь ты нарѣзался!..

— Молчи, Егорка!

— Ладно, не разговаривай, лежи себѣ.

Вотъ въ подобныхъ случаяхъ выпадали тяжелыя минуты въ жизни Егорки. Иногда придетъ отецъ сильно пьяный, злой, непокладный, и ни съ того, ни съ другого поколотить сына.

— Не озорничай, тятка!.. чортъ этакой!.. право чортъ! отвѣчаетъ ему сынъ.

— Врешь, каналья, врешь!.. Я тебѣ овчину-то натреплю...

При этомъ отецъ ломить Егорку за вихоръ и обижаетъ его. На другой день отецъ все припомнитъ: ему совѣстно, онъ не знаетъ, какъ и взглянуть на Егорку, какъ приступить къ нему. Отецъ молчитъ; у обонхъ лица пасмурныя. Подѣ вечеръ, взглянувъ изъ подлѣбья, отецъ сказалъ:

— Полно, Егорка; ну, тебя...

— А! теперь и рожу въ сторону!.. стыдно, не бось стало?.. а ты не дерись!..

— Да ну тебя...

— Ишь нарѣзался, на стѣны лѣзеть!

Отецъ замолчалъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ. Отецъ тяжело вздохнулъ на всю комнату. Егорка взглянулъ сердито и сказалъ:

— Въ лавочку, что-ли, надо? давай! Чего молчишь-то? тутъ нечего молчать!

Такая уступка со стороны Егорки служила шагомъ къ примиренію, и у отца отлегло отъ сердца» (Стр. 37. 38.). «Дѣтская жизнь Егора Иваныча, говоритъ Помяловскій въ другомъ мѣстѣ, совершилась въ грязи, въ бѣдности, а вотъ и теперь онъ вспоминаетъ ее съ добрымъ чувствомъ.» (Стр. 36.) И не мудрено. Каждый читатель, непритупленный фразами грошоваго либерализма, согласится, что отношенія между Егоркою и его отцомъ были такъ просты, естественны и здоровы, что они должны были дѣйствовать самымъ живительнымъ образомъ на первоначальное развитіе физическихъ и даже умственныхъ силъ дѣтскаго организма. Трепаніе овчины, разумѣется, не заключаетъ въ себѣ ничего прелестнаго и душеспасительнаго, но вѣдь это нѣчто въ родѣ лѣтняго дождя, совершенно неспособнаго превратить ясную погоду въ пасмурную. А общій колоритъ отношеній совершенно ясенъ и свѣтелъ. Хорошо въ нихъ именно отсутствіе педагогическихъ тенденцій. Отецъ совѣмъ не воспитываетъ своего Егорку, не муштруетъ его, ничего ему не внушаетъ; онъ просто живетъ съ нимъ, кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ его; а затѣмъ молодому организму, укрытому отъ слишкомъ тяжелыхъ столкновеній съ голодомъ, съ холодомъ, съ грубостью постороннихъ людей, — предоставляется полная свобода жить дѣйствительною жизнью, воспринимая «всѣ впечатлѣнія бытія,» доступныя людямъ его соціальнаго положенія. Между жизнью и ребенкомъ нѣтъ той нечѣпой стѣны, которою тщательно обносятся со всѣхъ сторонъ благовоспитываемыя дѣти. Егорка собственными глазами смотритъ на подробности своего быта, собственными ушами слушаетъ разные толки, умные и глупые, и собственнымъ, неиспорченнымъ ребяческимъ разсудкомъ составляетъ себѣ понятія о томъ, что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно, что правда и что

вранье. Ошибается онъ часто, но ошибается самъ. Никакой мудрый педагогъ не завязываетъ ему глазъ и не ведетъ его, съ благими цѣлями, къ такимъ ошибкамъ, которыя питомецъ, рано или поздно, непременно долженъ осмѣять и отвергнуть. Въ сердатую или пьяную минуту, отецъ задастъ Егорѣ выволочку, но онъ никогда не унижаетъ его нравственнаго достоинства и не извращаетъ его самостоятельнаго сужденія непрощеннымъ и насильственнымъ вмѣшательствомъ въ процессъ его мысли. Онъ не требуетъ отъ Егорки, чтобы тотъ считалъ его образцовымъ человѣкомъ и непогрѣшимымъ авторитетомъ. Онъ самъ смиренно кается Егорѣ въ своихъ грѣхахъ. «Отецъ бесѣдовалъ съ Егоркою, какъ со взрослымъ, разговаривалъ обо всемъ, что занимало его: побранится ли съ кѣмъ, получить ли новый заказъ, болить ли у него съ похмѣлья голова,— все расскажетъ сыну.

— Башка трещить, Егорка: вчера хватилъ лишнее. Выростешь, не пей много.

— Я, тятка, пиво буду пить...

— И молодецъ!... ты у меня молодецъ вѣдь?

— Еще бы! отвѣчаетъ сынъ.» (стр. 36).

Отколотивши сына ни за что, ни про что, Иванъ Молотовъ не считаетъ себя правымъ и не требуетъ отъ Егорки, чтобы тотъ лобызалъ карающую десницу. Такіе побои не унижительны. Когда ребенокъ имѣетъ право дуться на своего отца и когда ему позволяется открыто выражать свое неодобреніе и неудовольствіе, тогда ребенокъ не озлобляется и не оподляется. Тятка его за вихоръ, а онъ тятку въ глаза чортомъ выругаетъ: вотъ они и квиты; и къ вечеру опять начинается у нихъ дружелюбіе и глубокомысленныя бесѣды. Отецъ не смотритъ на себя, какъ на деспота *de jure*. Сынъ не смотритъ на себя, какъ на существо безправное и безгласное. Да и вообще, ни отецъ, ни сынъ никакъ не смотрятъ на себя. У нихъ нѣтъ никакой теоріи взаимныхъ правъ, обязанностей и отношеній. Они живутъ въ первобытномъ состояніи, безъ кодекса, и прекрасно дѣлаютъ, потому что кодексъ они, при своей неразвитости, составили бы прескверный, а по натурѣ оба они ребята добродушные и, стало быть, неспособные постоянно пилить и обижать другъ друга. Хорошую теорію правъ, обязанностей и отношеній составить очень трудно, а плохая теорія гораздо хуже, чѣмъ полное отсутствіе всякой теоріи. А сынъ совершеннаго неуча, Ивана Молотова, несравненно свѣжѣе и

счастливѣе, чѣмъ семейства богатыхъ и полуграмотныхъ купцовъ, куралесящихъ въ драматическихъ произведеніяхъ Островскаго. Всѣ нищіе духомъ, всѣ алчущіе и жаждущіе грязи, извѣстной подъ названіемъ почвы, возрадуются и начнутъ уличать насъ, озорниковъ и отрицателей, въ непослѣдовательности. Вотъ видите, скажутъ убогіе сотрудники «Эпохи», вотъ и вы же признаете въ русской жизни свѣтлыя явленія. Вотъ и вы же находите, что воспитаніе Егорки, совершавшееся въ русской бѣдности и въ русской грязи, было здорово и полезно для мальчика. — Торжество нашихъ близорукихъ противниковъ будетъ очень непродолжительно и повернется тотчасъ противъ ихъ же собственныхъ идей. Я нахожу воспитаніе Егорки здоровымъ и полезнымъ именно потому, что въ немъ нѣтъ никакихъ специально-почвенныхъ элементовъ. Что такое отецъ Егорки? Это человекъ, который трудится цѣлый день, чтобы подъ вечеръ съѣсть горшокъ гречневой каши, и ѣсть горшокъ гречневой каши, чтобы потомъ опять, проспавши на голыхъ доскахъ нѣсколько часовъ, трудиться цѣлый день. — Если замѣнить горшокъ каши блюдомъ варенаго картофеля, да если, кромѣ того, дать въ руки Ивану Молотову менѣе допотопные инструменты, то жизнь Молотова окажется похожею, какъ двѣ капли воды, на жизнь бѣднаго ирландца или бѣднаго нѣмца. Трудиться, чтобы ѣсть, — ѣсть, чтобы трудиться, таже исторія и завтра, и послѣ завтра, и десятки лѣтъ подъ рядъ — съ этимъ, воля ваша, не разгуляешься, и о создаваніи какихъ нибудь чисто-національныхъ теорій и бытовыхъ формъ не станешь задумываться, по той простой причинѣ, что некогда и что національныя теоріи нисколько не помогаютъ человѣку ни во время труда, ни во время пищеваренія. Человѣкъ начинаетъ систематизировать свои отношенія къ другимъ людямъ только тогда, когда у него является досугъ и когда его умственные силы не поглощаются безраздѣльно заботами о кускѣ хлѣба. Первые попытки систематизированія бываютъ обыкновенно такъ же уродливы, какъ вообще всякія первыя попытки. Голый фактъ, самъ по себѣ очень безобразный, возводится, безъ дальнѣйшаго анализа, въ теоретическій принципъ и черезъ это становится еще безобразнѣе. Взрослый мужчина сильнѣе всѣхъ другихъ членовъ своего семества, и, вслѣдствіе этого, тузитъ ихъ кулакомъ или плетью. Когда начинается систематизированіе отношеній, тогда мужчина говоритъ: я имѣю право и на мнѣ лежитъ даже священная обязанность учить васъ, дураговъ. — Когда побои пе-

рстають, такимъ образомъ, быть дѣломъ свободной фантазіи и принимать на себя догматически-обязательный характеръ, тогда положеніе подначальныхъ членовъ семейства становится гораздо хуже прежняго, потому что малѣйшее возраженіе съ ихъ стороны и малѣйшая попытка защищаться вмѣняется имъ, по теоріи, въ преступленіе, заслуживающее усугубленнаго наказанія.—Я не такой знатокъ русскаго быта, чтобы я могъ выдавать мои соображенія за достовѣрные факты, но мнѣ кажется, что систематическое порабощеніе женщинъ и дѣтей гораздо значительнѣе въ семейной жизни достаточнаго купечества, чѣмъ въ семейной жизни бѣдныхъ крестьянъ и мѣщанъ, принужденныхъ постоянно работать изъ-за куска насущнаго хлѣба. Въ бѣдномъ семействѣ главная задача состоитъ постоянно въ томъ, чтобы общими силами бороться противъ голода и холода; жизнью бѣднаго семейства управляютъ не принципы, а ежедневные толчки суровой необходимости. И мужъ, и жена, и дѣти— всѣ должны работать, и работать часто врознь; каждый членъ семейства является такимъ образомъ до нѣкоторой степени самостоятельнымъ производителемъ; онъ самъ высматриваетъ свои выгоды, самъ принаровляется къ обстоятельствамъ, самъ отвѣчаетъ за свои поступки. Трудъ иногда изнуряетъ его силы, но тотъ же трудъ обезпечиваетъ за нимъ нѣкоторую долю неотъемлемой самостоятельности. Въ семействѣ русскаго капиталиста, крупнаго или мелкаго, еще нетронутаго общечеловѣческимъ образованіемъ, жизнь складывается иначе. Отецъ семейства кормитъ всѣхъ своихъ домочадцевъ процентами съ своего капитала и держитъ ихъ въ самой полной экономической зависимости. Кроме того, кусокъ хлѣба всегда обезпеченъ, и потому живутъ эти люди не такъ, какъ велать жить обстоятельства, а такъ, какъ сами они считаютъ должнымъ и приличнымъ, то есть, такъ, какъ жили отцы и дѣды. Поэтому, жизнь достаточнаго русскаго человѣка, не увлекшагося грѣховными прелестями лукаваго запада, представляетъ собою самый грязный и самый мрачный уголокъ нашего отечественнаго быта. Тутъ нѣтъ ни физическаго труда, ни знанія, то есть, нѣтъ именно тѣхъ двухъ элементовъ, которые одни только и могутъ сохранить человѣческую природу отъ полнѣйшей деморализаціи. Тотъ слой нашего общества, который выведенъ на свѣжую воду комедіями Островскаго, составляетъ дѣйствительно самое темное пятно среди множества темныхъ явленій нашей народной жизни. Это—темное пятно, именно потому, что въ немъ могли

сохраниться въ полнѣйшей неприкосновенности принципы, выработанные русскою жизнью и нашедшіе себѣ превосходное выраженіе въ извѣстномъ Домостроѣ попа Сильвестра. Съ этимъ темнымъ пятномъ цѣлуются и обвиняются славянофилы и почвенники; но увы и ахъ! Это темное пятно съ каждымъ десятилѣтіемъ становится меньше. Сверху на него давить европейская или общечеловѣческая наука; снизу его тормозать и подтачиваютъ запросы физическаго труда; то есть, говоря проще, очень богатые капиталисты посылаютъ своихъ дѣтей въ университеты, а очень бѣдные поневолѣ берутся за ремесло и начинаютъ жить со дня на день, заботясь не столько о неприкосновенности дѣдовскихъ нравовъ, сколько о насыщеніи вошіюющихъ желудковъ. Съ этимъ темнымъ пятномъ русской жизни и со всѣми специально-сѣверными особенностями почвы воспитаніе Егора Молотова не имѣло ничего общаго. По смерти своего отца, маленькаго Егорку взялъ къ себѣ на воспитаніе старый холостякъ, отставной профессоръ. Молотовъ прошелъ черезъ гимназію и черезъ университетъ и, такимъ образомъ, присоединился къ той небольшой горсти мыслящихъ пролетаріевъ, которые ничѣмъ не связаны съ почвою и которые, по своему положенію и образованію, могутъ относиться совершенно безпристрастно ко всему въ нашей общественной жизни.

IV.

Слишкомъ двадцать лѣтъ жизнь обращалась съ Молотовымъ довольно милостиво. Она не баловала его излишнею роскошью, но и не томила его суровою нуждою. Помяловскому было необходимо обставить первую молодость своего героя такими благопріятными условіями. По размѣрамъ своихъ умственныхъ силъ, Молотовъ—человѣкъ обыкновенный. Если бы такой человѣкъ съ дѣтства былъ поставленъ въ необходимость страдать и бороться за свою нравственную самостоятельность, то онъ не выдержалъ бы такой ранней и тяжелой борьбы; онъ превратился бы въ человѣка забытаго, притупленнаго и развращеннаго. Самъ Помяловскій вышелъ побѣдителемъ изъ своей четырнадцатилѣтней борьбы съ бурсою, но для этого надо быть Помяловскимъ, да и Помяловскій, не смотря на атлетическое сложеніе своего тѣла и своего ума, вынесъ съ собою изъ бурсы

роковое наследство — ѣдкую и неизлѣчимую печаль о потерянномъ времени и, что еще того хуже, несчастную привычку топять эти невыносимо-тяжелыя ощущенія въ простомъ винѣ. Но Помяловскій не хотѣлъ и не могъ мѣрить людей и жизнь на свой аршинъ. Что могъ сдѣлать Помяловскій, то оказалось бы по силамъ только немногимъ избраннымъ личностямъ. Если бы Помяловскій въ лицѣ Молотова вздумалъ изобразить самого себя, то его произведеніе не имѣло бы того практическаго смысла, который оно имѣетъ теперь. Тогда обыкновенные люди имѣли бы право сказать, что жизнь Молотова ни въ какомъ отношеніи не можетъ служить имъ урокомъ и примѣромъ. Мы люди маленькіе, сказали бы они, а Молотовъ—вонъ какой большой. Надо было непремѣнно, чтобы Молотовъ былъ человѣкомъ обыкновеннаго роста. Надо было, чтобы борьба съ жизнью началась для него только тогда, когда физическія и нравственныя его силы были уже совершенно сформированы. Повѣсть «Мѣщанское счастье» представляетъ именно первое суровое столкновеніе юнаго Молотова съ шероховатостями вседневной дѣйствительности. Въ «Мѣщанскомъ счастьѣ» онъ узнаетъ на практикѣ двѣ житейскія истины: во-первыхъ, что поступками людей управляютъ, въ общей сложности, не чувства, а интересы; и во-вторыхъ, что очень мягкій и любящій человѣкъ можетъ иногда грубо и безжалостно наступить ногою на живое человѣческое тѣло, способное чувствовать самую жгучую боль. — Первую истину выясняютъ ему помѣщикъ Обросимовъ и его супруга. Вторую почерпаетъ онъ изъ своихъ отношеній къ *мисейной* дѣвушкѣ, Лепочкѣ. Дѣло Молотова съ семействомъ Обросимовыхъ чрезвычайно просто, и только на мягкаго двадцатилѣтняго юношу, совершенно непотертаго жизнью, оно могло произвести прочное впечатлѣніе. Молотовъ поступилъ къ Обросимову домашнимъ секретаремъ; его хозяева, люди вовсе не грубые и не злые, обращались съ нимъ вѣжливо и ласково; Молотовъ, съ искренностью, свойственною его лѣтамъ, привязался къ нимъ очень скоро и вообразилъ себѣ, что они тоже ужасно какъ любятъ его и видятъ въ немъ задушевнаго друга и почти близкаго родственника. На повѣрку же выходитъ то, чего всегда слѣдовало ожидать. Обросимовы смотрятъ на него, какъ на наемника, изучаютъ внимательно и хладнокровно выгодныя и невыгодныя стороны его характера, критикуютъ въ своемъ кругу его привычки, держатъ съ нимъ ухо востро и тщательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ

за свое ничтожное жалованье какъ можно больше разнообразнѣйшихъ порученій, за которыя Молотовъ, по своей юношеской наивности, берется даже съ особеннымъ удовольствіемъ, усматривая въ этихъ порученіяхъ доказательства дружеской безцеремонности и откровенности. — Одинъ простой разговоръ между помѣщикомъ и помѣщицею, нечаянно услышанный Молотовымъ, разрушилъ совершенно въ его глазахъ фантастическую идиллію обросимовскаго дружелюбія. Выписываю отрывокъ изъ этого очень безобиднаго діалога.

«Они, я говорю, образованный народъ, продолжала жена; но все-таки народъ чернорабочій, и все какъ-будто подачки ждутъ...

— Что же? можно сдѣлать ему подарокъ какойнибудь. Онъ стоитъ того.

— Я думаю, часы подарить...

— Это привяжетъ его... А что ни говори, жена, — эти плебеи, такъ или иначе пробивающіе себѣ дорогу, вотъ сколько я ни встрѣчалъ ихъ, удивительно дѣльный и умный народъ... Семинаристы, мѣщане, весь этотъ мелкій людъ — всегда способные, ловкіе господа.

— Ахъ, душенька, всѣ голодные люди умные... Ты дворянинъ, тебѣ не нужно было правдой и неправдой насущный хлѣбъ добывать; а этотъ народецъ изъ всего долженъ выжимать копейку. И посмотри, какъ онъ ѣсть много. Намъ, разумѣется, не жаль этого добра; но... постоянный его аппетитъ обнаруживаетъ въ немъ плебея, человѣка, воспитаннаго въ черномъ тѣлѣ и невидавшаго порядочнаго блюда... Не худо бы подарить ему, душенька, голландскаго полотна, а то, представь себѣ, по буднямъ манишки носить, — вѣдь неприлично!..

— Я не замѣчалъ этого...

— Гдѣ жъ вамъ, мужчинамъ, замѣтить...

— О бѣдность, бѣдность! сказалъ со вздохомъ Обросимовъ. » (Стр. 125 и 126).

Разговоръ этотъ замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ. Но прежде, чѣмъ я буду разсматривать его въ подробностяхъ, я замѣчу мимоходомъ, что не только Молотовъ, но даже самъ Помяловскій смотритъ на этотъ разговоръ не совсѣмъ вѣрно. Юный Молотовъ обидѣлся, захандрилъ, укротилъ свой демократическій аппетитъ и даже, вскорѣ послѣ того, уѣхалъ отъ Обросимовыхъ. Это все понятно. Молотовъ пылалъ любовью и уваженіемъ къ Обросимову, и вдругъ, вмѣсто взаимности, увидѣлъ въ перспективѣ кусокъ гол-

ландскаго полотна и часы. И пришлось юношѣ, влюбленному въ добродѣтельнаго помѣщика, сказать вмѣстѣ съ Шиллеромъ:

Er ist dahin, der süsse Glaube
An Wesen, die mein Traum gebar,
Der rauhen Wirklichkeit zum Raube
Was einst so schön, so göttlich war.

(Она погибла, сладкая вѣра въ существа, порожденныя моею мечтою, и добычею суровой дѣйствительности сдѣлалось то, что было такъ прекрасно, такъ божественно.) Все это понятно. Но странно то, что, слишкомъ десять лѣтъ спустя, опытный и разсудительный мужчина Молотовъ, припоминая этотъ случай, говоритъ: «помѣщикъ оскорбилъ меня, приходилось оставить мѣсто.» (Стр. 267.) Въ сущности оскорбленія не произошло ни малѣйшаго; помѣщикъ оказался только не «прекраснымъ» и не «божественнымъ», и добродѣтели этого помѣщика, сочиненныя самимъ Молотовымъ, сдѣлались, подобно шиллеровскимъ идеаламъ, «добычею суровой дѣйствительности». А вѣдь разочарованіе и оскорбленіе—двѣ вещи совершенно различныя. Изъ нѣкоторыхъ очень умныхъ разсужденій Помяловскаго видно, что онъ выводитъ слова Обросимовыхъ изъ аристократизма, барственной спѣси, неразвитости и слабоумія. Но мнѣ кажется, что причины ихъ страннаго взгляда на Молотова лежать глубже. Такой взглядъ неизбеженъ вездѣ, гдѣ одинъ человекъ нанимаетъ или, другими словами, *покупаетъ на время* другого человека. — Весь разговоръ между Обросимовымъ и его женою вытекаетъ естественно и неизбежно изъ того обстоятельства, что Обросимовъ — наниматель, а Молотовъ — наемникъ. И будь Обросимовъ умнѣе перваго финансиста въ мірѣ, мистера Гладстона, все-таки онъ могъ бы говорить съ своею женою о Молотовѣ такъ, какъ онъ говоритъ въ повѣсти Помяловскаго. Обросимовъ долженъ непременно думать о Молотовѣ такъ: я тебя, другъ любезный, купилъ, и въ извѣстные сроки аккуратно плачу тебѣ деньги за твою же собственную особу. Ты малый ловкій; — съ одной стороны, это хорошо; но съ другой стороны, это опасно. Хорошо потому, что купленный мною товаръ, вслѣдствіе этого, оказывается годнымъ на всякую подѣлку. Опасно потому, что этотъ ловкій и юркій товаръ можетъ ежеминутно выскользнуть у меня изъ рукъ. Ты, о товаръ, можешь надуть меня, ты можешь слыш-

комъ много отдыхать, отхлыпывать отъ работы и въ тоже время отводить мнѣ глаза твоею зловредною ловкостью. Ты, о товаръ, повидимому, чувствуешь ко мнѣ симпатію. Но я не дуракъ. Я знаю, зачѣмъ ты обнаруживаешь это чувство. Ты собираешься ускользнуть у меня изъ рукъ, ты начинаешь отводить мнѣ глаза, ты хочешь подвести подкопы подъ мое чувствительное сердце, чтобы я, распутивши нюни, не мѣшалъ тебѣ бить баклуши и произвелъ тебя изъ купленныхъ товаровъ въ полноправные человѣки. О шельма ты, шельма! Ловкость твоя мнѣ нравится. На, тебѣ гривенникъ на водку и ступай, бестія, работать.—Мы знаемъ уже, что въ исторіи Молотова *гривенникъ на водку* принялъ на себя облагороженный видъ голландскаго полотна и часовъ. И все-таки я утверждаю, что во всѣхъ размышленіяхъ Обросимова нѣтъ ничего оскорбительнаго для Молотова. Тутъ нѣтъ столкновенія личностей; тутъ сталкиваются только двѣ отвлеченныя величины, наниматель и наемникъ. Имѣеть ли Молотовъ какое нибудь разумное основаніе чувствовать себя, именно *себя*, обиженнымъ, когда съ нимъ обращаются не хуже, чѣмъ со всѣми остальными честными и умными людьми, поставленными въ его положеніе? По моему мнѣнію, не имѣеть. Онъ обидѣлся, потому что былъ юнъ; доживши же до зрѣлаго возраста, онъ бы долженъ былъ осудить безусловно строй отношеній и оправдать также безусловно личность Обросимова.—Въ разговорѣ Обросимова съ женою любопытны двѣ слѣдующія черты. Во-первыхъ, замѣчаніе помѣщицы о сильномъ аппетитѣ плебея; во-вторыхъ, восклицаніе помѣщика: «о бѣдность, бѣдность!» вырвавшаяся у него по поводу молотовскихъ манишекъ. Есть на свѣтѣ люди, для которыхъ немѣнне цѣльныхъ голландскихъ рубашекъ составляетъ симптомъ вопіющей бѣдности. Каково, думаютъ такіе люди, этотъ господинъ ѣсть со мною за однимъ столомъ, разговариваетъ со мною, какъ съ равнымъ, и вдругъ— у него нѣтъ голландскаго бѣлья. О бѣдный, о несчастный человѣкъ! И какъ близко мы, баловни судьбы, сталкиваемся въ жизни съ непокрытою нищетою. — Эта трогательная филантропія по поводу манишки показываетъ очень наглядно, до какой степени праздный богачъ можетъ одурѣть и избаловаться, и до какой замѣчательной искусственности онъ можетъ довести весь свой образъ жизни. Но законы природы никогда не нарушаются безнаказанно. Замѣчаніе помѣщицы о плебейскомъ аппетитѣ даетъ намъ понятіе о неизбѣжномъ наказаніи. Аппетитъ убавляется, силы

убываютъ, здоровье слабѣетъ, порода мельчаетъ и тупѣетъ въ тѣхъ людяхъ, которые постоянно потребляютъ, не производя ровню ничего и не освѣжаясь никогда живительными волнами физическаго и умственнаго труда. Это — явленіе повсемѣстное.

V.

У одной небогатой сосѣдки Обросимовыхъ есть дочь, молодая дѣвушка, Леночка. Эта барышня простодушно заигрываетъ съ Молотовымъ, и, безъ всякой задней мысли, пишетъ къ нему нѣжное письмо, въ которомъ, ни съ того, ни съ сего, назначаетъ ему любовное свиданіе. Письмо написано такъ: «Егоръ Иванычъ! У васъ есть чувство, и вы завтра въ 6 часовъ придите на рѣку къ мельницѣ вечеромъ, и здѣсь встрѣтите даму, и, если любите, узнаете ее; а если нѣтъ, я останусь «по гробъ вѣрная вамъ и любящая». (Стр. 82.) Подписи нѣтъ. Молотовъ, юный и застѣнчивый, подвергается этимъ письмомъ въ величайшее недоумѣніе. Молодое воображеніе разыгрывается, хотя милая безтолковость письма и «сатальные» слова: «по гробъ вѣрная и любящая» значительно умѣряютъ его порывы. Онъ приходитъ къ назначенному мѣсту очень сконфуженный, и конфузится еще сильнѣе, увидѣвъ Леночку, которая, съ своей стороны, уже и сама не рада собственной смѣлости. Выходитъ уморительная сцена. Невинные любовники ведутъ между собою солидный разговоръ о достоинствахъ погоды, и затѣмъ расходятся по домамъ, не сказавши другъ другу ни слова о письмѣ и о томъ, зачѣмъ они встрѣтились. «Странно было смотрѣть на молодыхъ людей. Леночка не менѣе Молотова боялась разговора о письмѣ. Она лишь только увидала Егора Иваныча, ей страшно стало за свой легкомысленный поступокъ, который она, кажется, сдѣлала такъ, проста, по птичьей»..... «Леночка теперь сама поняла, что слѣдовало бы надрать ей хорошенькое ея ушко»..... «Она чуть не плакала, и въ первую минуту едва не сказала:

— «Егоръ Иванычъ, не говорите мамашѣ, ... я больше не буду.» Но увидѣвъ, что Молотовъ едва ли не больше ея струсилъ, она сказала себѣ: «онъ не страшный, онъ такой добрый,» и рада была, что Молотовъ не говоритъ ничего о письмѣ. Теперь она была спокойна.

Егоръ Иванычъ наклонился и сорвалъ цвѣтокъ.

— Дайте мнѣ цвѣтокъ, сказала Леночка.

— Извольте.

— Это мнѣ на память.

— Развѣ нельзя помнитъ безъ цвѣтка?

Молотовъ сорвалъ другой цвѣтокъ. Леночка опять:

— Дайте мнѣ цвѣтокъ.

— И этотъ на память?

— Дайте же, сказала Леночка строго, вырвала неожиданно цвѣтокъ и ударила имъ по рукѣ Молотова. Все это сдѣлалось какъ-то ужъ очень извѣсно. Оба засмѣялись». (Стр. 93).

Славная дѣвочка эта Леночка! Она не ловитъ себѣ женика, она не кокетничаетъ съ Молотовымъ. Она именно заигрываетъ съ нимъ, какъ здоровая дѣвушка, въ которой близость здороваго и красиваго мужчины возбуждаетъ радостное волненіе. Совершенная непосредственность и неподкрашенность простого физиологическаго влеченія составляетъ весь секретъ ея граціи. Въ изображеніи этой женской фигуры Помяловскій является чистымъ натуралистомъ. Базаровъ говорить о Феничкѣ: «чего ей стыдиться? Она мать, стало быть, и права.» Помяловскій смотритъ на Леночку совершенно такъ, какъ Базаровъ на Феничку. Леночка и неразвита, и не умна, и не сияетъ никакими особенными добродѣтелями. Это просто живой и здоровый организмъ, и Помяловскій откровенно любитъ этимъ превосходнымъ произведеніемъ природы; и нельзя не любоваться. Здоровому человеку свойственно любить жизнь во всѣхъ ея неизуродованныхъ проявленіяхъ. А когда здоровый человекъ становится мыслящимъ человекомъ, тогда любовь къ міровой жизни дѣлается еще сильнѣе, потому что онъ получаетъ возможность изучать то, чѣмъ онъ прежде безсознательно любовался. Тургеневъ любитъ свою Асю. Помяловскій любитъ свою Леночку. Но Тургеневу, чтобы полюбить Асю, было необходимо сдѣлать изъ нея какое-то особенное, странное, оригинальное и, мнѣ кажется, полу-фантастическое существо. Ему необходимо было окружать ее развалинами прирейнскихъ замковъ, сдѣлать изъ нея эффектную дикарку и показать читателю, что въ ея нетронутомъ умѣ таятся богатые задатки будущаго развитія. Словомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ «высшею натурою» (*une nature délicate*), и Тургеневъ ни подъ какимъ видомъ не позволилъ бы своей Асѣ написать безграмотное *billet-doux* съ подписью «по гробъ вѣрная и

любящая.» Его покорило бы отъ этой тривіальности, похожей на поэзію конфектныхъ билетиковъ. Помяловскій, напротивъ того, какъ реалистъ по складу своихъ убѣжденій и какъ совершенно послѣдовательный плебей, не дѣлитъ людей на высшія и низшія натуры, на дюжинныя и не дюжинныя, на пошлыя и изящныя. Онъ совершенно безстрашно подходитъ къ самой мелкой, самой будничной прозѣ жизни, даже не къ сермяжнымъ ея явленіямъ, — сермяга имѣетъ въ себѣ своего рода эффектность, — а къ ситцевымъ и къ кисейнымъ; и даже тутъ его неисчерпаемая любовь къ жизни вообще, и къ человѣку въ особенности, не измѣняетъ себѣ ни на минуту. Леночка все не дикарка. Она чисто одѣтая и гладко причесанная барышня. Она нисколько непохожа на пушкинскую Татьяну. Это не тихій омутъ, въ которомъ черти водятся. Она совсѣмъ не отличается тишиною, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать въ ней присутствіе какихъ нибудь чертей. Она вся какъ на ладони, и ее чрезвычайно легко понять съ перваго взгляда. Такіе характеры обыкновенно рисуются художниками на второмъ планѣ, только для того, чтобы отгѣнить контрастомъ натуру высокую, изящную, глубокую, тихую и наполненную скрытыми чертами. Леночка похожа на сестру Татьяны, Ольгу, о которой говорить Онѣгинъ:

Бѣла, круглa лицомъ она,
 Какъ эта глупая луна
 На этомъ глупомъ небосклонѣ.

Похожа она также на ту Агафью Матвѣвну, которая прельщала Обломова толстыми локтями. И кажется мнѣ еще, что мать Базарова, Арина Власѣевна, въ молодости своей сильно смахивала на *кисейную дьвушку*, Леночку. Но пушкинская Ольга поставлена на второмъ планѣ, и авторъ относится къ ней такъ же пасмѣшливо, какъ самъ Онѣгинъ. Агафья Матвѣевна выведена на сцену единственно для того, чтобы сдѣлаться живою эмблемою того паденія, которое постигло Обломова за его предосудительную лѣньность. Если она, такимъ образомъ, представляетъ собою воплощенное пугало, то, разумѣется, объ искреннемъ и непокровительственномъ сочувствіи автора къ ней не можетъ быть и рѣчи. Объ Аринѣ Власѣевнѣ нечего и говорить; мы видимъ ее въ той порѣ жизни, когда она уже давно перестала быть женщиною. Сына любить, пороку не выдумаетъ, вотъ и все, что можно о ней сказать. Поэтому надо согласиться,

что Помяловскій выбралъ себѣ и разрѣшилъ совершенно новую задачу, нетронутую до него ни однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ писателей. Онъ взялъ совершенно обыкновенную дѣвушку, такую, отъ которой даже и въ будущемъ ничего нельзя ожидать, кромѣ дюжины толстомордыхъ ребятъ, и къ этой простѣйшей изъ простыхъ смертныхъ онъ отнесся съ безпримѣрною кротостью и нѣжностью. Онъ самъ знаетъ очень хорошо, что вся Леночка ничто иное, какъ здоровое и красивое тѣло, но это его нисколько не смущаетъ и не оттапливаетъ. Онъ отъ нея и не требуетъ ни сильнаго ума, ни глубокаго чувства. Онъ говоритъ себѣ: этотъ молодой организмъ ищетъ и проситъ себѣ любви, счастья, наслажденія, того, что для него необходимо, какъ теплота, свѣтъ, воздухъ и сырость необходимы для растенія. Что мнѣ за дѣло до того, что этотъ глуповатый организмъ понимаетъ любовь, счастье и наслажденіе не такъ, какъ понимаютъ ихъ мыслящіе люди? Неужели я буду осуждать кисейную дѣвушку за то, что она не умѣетъ и не можетъ быть счастлива *по моему*? Напротивъ того, я отъ души желаю, чтобъ она была счастлива *по своему*. Я горячо сочувствую ея радости, ея горю, ея тревогѣ и ея томленіямъ, не потому, что я самъ способенъ такимъ же образомъ и по такимъ же причинамъ радоваться, горевать, тревожиться и томиться, а потому, что въ ней-то, именно въ ней, всѣ эти ощущенія совершенно естественны, неизбѣжны и неподдѣльны. — Вы скажете, что ея ощущенія слабы и мелки. Для васъ—да. Но для нея они не мелки и не слабы. Они соотвѣтствуютъ размѣрамъ ея силъ и широтѣ ея пониманія. Для самого себя, каждое живое существо есть центръ и смыслъ всего мірозданія; для самаго ничтожнаго субъекта, его собственныя радости, огорченія, усилія и заботы важнѣе и крупнѣе міровыхъ переворотовъ, совершающихся безъ его участія и неизбѣжныхъ вліянія на судьбу его личности. — Я до сихъ поръ ни разу не встрѣчалъ писателя, у котораго было бы такъ много самородной гуманности, какъ у Помяловскаго. Тургенева называютъ *симпатичнымъ* художникомъ, и я ничего противъ этого названія не имѣю. Но даже Тургеневъ улыбнется тонкою саркастическою улыбкою при встрѣчѣ съ такими явленіями, на которыхъ Помяловскій съ неутомимою, пантентическою любовью останавливаетъ свой кроткій, задумчивый, безгранично-нѣжный и, не смотря на то, глубоко-умный взоръ. А между тѣмъ, Помяловскій прослылъ и до сихъ поръ слыветъ у нашихъ журнальныхъ кликушъ грубымъ и

грязнымъ обличителемъ, человѣкомъ чорствымъ и безчувственнымъ.— Одинъ изъ новѣйшихъ мудрецовъ «Эпохи», попавшій въ эту журнальную богадѣльню изъ губерніи, догадывается даже, что Помяловскаго сгубило именно его циническое отвращеніе ко всему нѣжному и изящному. Онъ требуетъ отъ Помяловскаго, чтобы тотъ выводилъ на сцену облагороженныхъ бурсаковъ, а не такихъ, которые говорятъ *отчехвостить, стилибонить, смазь вселенская* и т. д. Кроме того, онъ въ ноябрьской книжкѣ той же грязной богадѣльни выражаетъ уморительную надежду, что реалисты, и преимущественно авторъ «Нерѣшеннаго вопроса», откажутся отъ солидарности съ безнравственными повѣстями Помяловскаго. Истинно можно сказать: велика и обильна наша матушка Россія. Какія въ ней, подумаешь, бывають удивительныя губерніи, и какія въ этихъ мепостыжннмыхъ губерніяхъ появляются иногда невиданныя свѣтила! И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не употребить выразительное слово *louscocheko* въ разговорѣ о томъ источникѣ, изъ котораго льются мысли, подобныя вышеупомянутымъ хитросплетеніямъ. Помяловскій всегда говоритъ рѣзкими и грубыми словами о томъ, что рѣзко и грубо въ дѣйствительности; но подъ твердою оболочкою рѣзкихъ и грубыхъ выраженій таятся такая женственная нѣжность чувства, которая ощутительна и понятна для всякаго, мало-мальски неглупаго и не бездушнаго человѣка. О Помяловскомъ можно вполнѣ справедливо сказать то, что Берне говоритъ о Байронѣ. «Его сердце было окружено сплошною стѣною твердыхъ и острыхъ колючекъ, *damit das Vieh nicht daran nage*» (чтобы его не глодала скотина). И дѣйствительно, какъ только къ подобному сердцу сунется какаянибудь тупая скотина, такъ она сейчасъ и отскочитъ назадъ, съ окровавленной мордою и съ выраженіемъ комическаго негодованія въ своихъ оловянныхъ глазахъ.—*Dixi et animam laevavi!* По русски эти латинскія слова можно перевести такъ: выругался во все свое уловство!

VI.

Помяловскій съ такою глубокою гуманностью относится къ своей впесейной Леночкѣ, что онъ даже не осмѣливается рѣшить окончательно вопросъ: дѣйствительно ли изъ нея никогда не можетъ соор-

мироваться мыслящее существо? Да и въ самомъ дѣлѣ, какое мы имѣемъ право, глядя на живого и шаловливаго ребенка, произнести надъ нимъ рѣшительный приговоръ, въ родѣ некрасовской колыбельной пѣсни:

Ты чиновникъ будешь съ виду,
И подлець въ душѣ.

Чтобы произносить такіе приговоры, надо читать безошибочно характеръ и будущее людей по выпуклостямъ ихъ черепа и по чертамъ ихъ лица. Но подобнымъ умѣньемъ еще не обладаетъ никто, и, слѣдовательно, приговоръ отверженія можетъ иногда обрушиться на такихъ людей, которые способны подняться, окрѣпнуть и развиться. Въ самыхъ дюжинныхъ личностяхъ, поставленныхъ въ самую безцвѣтную среду, бываютъ иногда такіе взрывы мысли и чувства, которые вдругъ какою-то молніею освѣщаютъ передъ глазами обыкновеннаго человѣка и безграничное величіе всего живого міра, и неизвѣданную глубину собственной потрясенной души. Есть такіе взрывы и у кисейной Леночки, и кто же осмѣлится утверждать, что они совершенно бесплодны, что они исчезнутъ безъ всякаго слѣда и что врожденная пошлость возьметъ непремѣнно верхъ надъ лучшими впечатлѣніями, если даже эти лучшія впечатлѣнія будутъ повторяться часто и послѣдовательно? Одинъ разъ Леночка рѣзвилась и шалила съ Молотовымъ, и потомъ вдругъ затосковала, да такъ, что даже слезы досады и непонятной грусти выступили на ея живые, черные глаза. Объяснить, чего ей хотѣлось, она, разумѣется, не умѣла. Но понятно, что ее тяготила пустота, отсутствіе любимой мысли, дорогого чувства, отсутствіе всего, что даетъ цвѣтъ и смыслъ человѣческому существованію. Молотовъ старается ее утѣшить, но при этомъ говорить только бесполезныя слова; въ подобныхъ случаяхъ требуется не краснорѣчіе, а серьезная и дѣятельная помощь, такая помощь, которая бы перевернула всю жизнь тоскующаго человѣка. А когда не хочешь или не можешь оказать такой помощи, тогда ужъ просто молчи и пропускай мимо ушей всѣ жалобы твоего собесѣдника.

— «Читайте, учитесь, продолжалъ Молотовъ и вдругъ остановился, вспомнивъ, что юноши наши всегда предлагаютъ это универсальное лекарство отъ всѣхъ дамскихъ болѣзней.» (стр. 107). Эти слова могутъ навести читателя на мысль, что самъ Помяловскій сомнѣ-

вается въ дѣйствительности «универсальнаго лекарства.» Сомнѣвается ли онъ или пѣтъ, во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что лекарство ни въ чемъ невиновато. Недѣйствительность его происходитъ оттого, что «наши юноши», въ томъ числѣ и Молотовъ, предлагаютъ это лекарство чрезвычайно безтолково. «Читайте, учитесь!» Легко сказать! Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Эти слова: «читайте, учитесь!» напоминаютъ мнѣ очаровательный куплетъ изъ стихотворенія Гейне, помѣщеннаго въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Слова.»

Въ морозы, прибавилъ онъ, надо всегда
Въ постели какъ можно теплѣй укрываться,
И тутъ же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровою пищею питаться.

Въ жалгой конурѣ подъ крышею, два человѣка, мужчина и женщина, умерли въ морозную ночь отъ холода и отъ истощенія силъ. Пришелъ докторъ свидѣтельствовать ихъ трупы, и вотъ онъ-то именно и даетъ, при семъ удобномъ случаѣ, разсудительные совѣты на счетъ здоровой пищи и теплаго одѣяла. Еще болѣе разсудительные совѣты даютъ «наши юноши», когда они произносятъ слова: «читайте, учитесь!» Бѣдняку не откуда взять теплое одѣяло и кусокъ ростбифа; но если вы ему дадите то и другое, то онъ управится съ этими предметами безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Но если вы дадите десятки умнѣйшихъ книгъ такому человѣку, который никогда не читалъ, не учился и не размышлялъ, и который, кромѣ того, живетъ въ совершенно неподвижномъ обществѣ, то вы не принесете ему рѣшительно никакой пользы. Надо сдѣлать такъ, чтобы онъ самъ потянулся къ книгѣ, и чтобы онъ собственною энергіею побѣдилъ скуку и трудности перваго начала. Тогда все пойдетъ хорошо, и не зачѣмъ будетъ произносить безполезныя слова: «читайте, учитесь!» Но для того, чтобы возбудить въ человѣкѣ желаніе и дать ему возможность читать и учиться, надо постоянно дѣйствовать на него словомъ и примѣромъ; надо много, долго, откровенно и задушевно говорить съ нимъ обо всемъ, что расширяетъ нашъ умственный горизонтъ; надо ловить въ немъ каждую минуту его раздумья и его одушевленія; надо, однимъ словомъ, сдѣлаться его лучшимъ другомъ и неутомимымъ руководителемъ. Когда дѣло происходитъ между мужчиною и женщиною, тогда вопросъ ставится еще проще. Если вы любите или расположены полюбить данную

особу, тогда смѣло и серьезно принимайтесь за великую дѣятельность просвѣтителя; если же нѣтъ, тогда оставьте въ покоѣ тоскующую женщину и уходите отъ нея подальше, потому что ваши безсильныя утѣшенія и непримѣнимыя совѣты не дадутъ ей ровно ничего, кромѣ лишняго горя. Брошенные на вѣтеръ слова: «читайте, учитесь!» составляютъ двойное кощунство; во-первыхъ,—падѣ безпомощнымъ положеніемъ огорченной женщины, живущей въ такомъ обществѣ, гдѣ все мѣшаетъ читать и учиться; а во-вторыхъ,—надѣ святынею «универсальнаго лекарства», которое дѣйствительно оказывается безсильнымъ только тогда и тамъ, когда и гдѣ его безтолково сыпать на полъ, вмѣсто того, чтобы подавать его въ руки пациенту. Поэтому «нашимъ юношамъ» дѣйствительно не помѣшаетъ намотать себѣ на усь, что проповѣдывать о величій науки въ пустынѣ или въ конюшнѣ, значитъ превращать святую и великую истину въ бессмысленную фразу, надѣ которою съ особеннымъ наслажденіемъ стануть хохотать всѣ многочисленныя подлецы и идиоты. Возбуждать такой хохотъ вредно, и слѣдовательно, надо говорить о наукѣ и о разумномъ чтеніи только тѣмъ лицамъ, которыхъ вы намѣрены серьезно просвѣщать и руководить. Да и вообще *говорить о наукѣ* не зачѣмъ, а надо постоянно употреблять науку въ дѣло, какъ орудіе, разбивающее нелѣпость и расширяющее умственный горизонтъ всякаго человѣка, безъ различія пола и общественнаго положенія.

Заигрыванія Леночки съ Молотовымъ доходятъ до того, что она его цѣлуетъ. Онъ держитъ себя совершенно пассивно, то есть, не отталкиваетъ ее прочь и не говоритъ ей ни слова о любви. Она ему нравится, ея ласки волнуютъ его, но онъ постоянно смотритъ на нее сверху внизъ, такъ что ему и въ голову не приходитъ мысль о возможности посвятить всю жизнь этой кисейной дѣвушкѣ. Дѣйствительно ли правъ Молотовъ въ своемъ высокомѣрномъ взглядѣ на Леночку? Дать на этотъ вопросъ прямой отвѣтъ очень трудно. Молотовъ, какъ человѣкъ обыкновенный по размѣрамъ своего ума, не можетъ смотрѣть на Леночку иначе. У Молотова нѣтъ той сильной и горячей вѣры въ человѣческую природу, которая дается только очень даровитымъ и глубокимъ натурамъ, и которою обладалъ въ такой значительной степени самъ Помяловскій. Плебей Молотовъ былъ баринкомъ въ отношеніи къ Леночкѣ, баринкомъ очень снисходительнымъ и милостивымъ, но тѣмъ болѣе неспособнымъ поставить

кисейную дѣвushку съ собою на одну доску. Ему бросались въ глаза тривіальныя выраженія Леночки, какъ госпожѣ Обросимовой бросались въ глаза тривіальныя манишки и тривіальный аппетитъ Молотова. — Шокируясь выраженіями, онъ забывалъ о томъ, что вызывало эти выраженія, о томъ, что искало и не умѣло найти себѣ выхода изъ души искренней, простой, честной и любящей дѣвushки. Она бросилась къ нему на шею безъ разчета, безъ условій, безъ кокетливыхъ уловокъ, именно по птичьей, такъ какъ Богъ на душу положилъ.

VII.

Въ прощальной сценѣ Молотова съ Леночкой, бухгалтерская безкорызненность юнаго Егора Ивановича доходитъ просто до комизма, и кисейная дѣвushка, на которую Молотовъ взираетъ съ величественною снисходительностью, оказывается, по энергіи и задушевности чувства, неизмѣримо выше, прекраснѣе и сильнѣе умнаго и развитаго мужчины, только что соскочившаго съ университетскій скамейки. Являясь рядомъ съ Леночкой, Молотовъ уподобляется какому-то печену яблону, и Помяловскій превосходно понимаетъ его безсиліе и несостоятельность. Прощальная сцена до такой степени замѣчательна, что я разберу ее очень подробно, хоть бы мнѣ пришлось написать о ней страницъ десять. Критикѣ не часто приходится встрѣчаться съ такими явленіями, какъ повѣсти Помяловскаго, и когда встрѣтнись съ ними, тогда ужъ не хочется и разставаться. — Молотовъ приходитъ къ Леночкѣ черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ услышалъ убійственный разговоръ о манишкахъ и объ аппетитѣ. Онъ до такой степени разстроены этимъ разговоромъ, что отношенія къ Леночкѣ представляются ему только докучливою прибавкою къ обуревающимъ его заботамъ. «Еще Леночка! еще Леночка на моихъ рукахъ!» повторяетъ онъ про себя, и отправляется къ ней съ твердымъ намѣреніемъ все покончить.

Я напомиу здѣсь читателю то величественное равнодушіе и невозмутимое хладнокровіе, съ которымъ Базаровъ выслушиваетъ и отражаетъ дерзости Павла Петровича. Будь Базаровъ на мѣстѣ Молотова, онъ бы и вниманія не обратилъ на обросимовскія разсужденія, и не подумалъ бы пзъ-за такой ничтожной причины отказываться отъ удоб-

наго мѣста. Ъль бы онъ по прежнему за четверыхъ, потому что, при заключеніи условій, ему не было поставлено въ обязанность сидѣть впроголодь; и манишки посылъ бы онъ, нисколько не смущаясь, а когда бы ему поднесли кусокъ голландскаго полотна и часы, тогда бы онъ спокойно замѣтилъ,—это лишнее, потому что, заключая условія, помѣщикъ не выговорилъ себѣ права дѣлать ему, Базарову, какіе бы то ни было подарки. И тогда Обросимовы уразумѣли бы, что Базарова пельзя ласкать по произволу, а надо сначала приобрести его уваженіе, для того, чтобы онъ позволилъ любить и ласкать себя. Базаровъ не сталъ бы говорить: «еще Леночка!» Отношенія къ любящей женщинѣ стояли бы въ его глазахъ постоянно на первомъ планѣ, и для него было бы даже просто непостижимо, какимъ образомъ можно, хотя на минуту, поставить рядомъ съ этими серьезными и обаятельными отношеніями какую нибудь дурацкую болтовню о неприличіи манишекъ и здороваго аппетита? Но мелочное самолюбіе Молотова оскорблено такъ сильно, что, подъ вліяніемъ обросимовскаго разговора, въ его умѣ поднимается безтолковѣйшая буря безсвязныхъ размышленій о жизни, о призваніи, о дѣятельности, о назначеніи человѣка. Ни къ чему эти размышленія не приводятъ, но Молотовъ до такой степени занятъ ими, что, придя къ Леночкѣ съ намѣреніемъ объясниться и проститься навсегда, онъ прежде всего начинаетъ гамлетствовать, что, очевидно, нисколько не относится къ главному предмету. Леночка, по обыкновенію, встрѣчаетъ его нѣжными, веселыми и довѣрчивыми ласками. Видя его торжественную мрачность, она тревожно и заботливо разспрашиваетъ его о здоровьѣ; въ голосъ ея слышатся слезы; она старается развеселить его шуткой.—«Ишь какой! сказала Леночка:—что дуться то? муху, что ли, проглотилъ?» (Стр. 160). Но лучъ веселости не проникаетъ въ мрачную душу Молотова, наполняемую манишками, аппетитомъ и «еще Леночкой». И вдругъ Молотовъ начинаетъ задавать своей собесѣдницѣ міровые вопросы.—«Что бы вы сказали, говорить онъ, когда бы привели къ вамъ кого нибудь и спросили: дайте этому человѣку дѣло на всю жизнь, но такое, чтобы онъ былъ счастливъ отъ него?—Зачѣмъ это вамъ?—Нужно.—Да этого никогда не бываетъ.—Бываетъ».—(Стр. 161). И вретъ. Дѣйствительно никогда не бываетъ, чтобы приводили одного человѣка къ другому и чтобы этотъ другой на всю жизнь пристроивалъ перваго и доставлялъ ему полное счастье, на кото-

рое первый рѣшительно ничѣмъ не приобрѣлъ себѣ разумнаго права. Счастье завоевывается и вырабатывается, а не получается въ готовомъ видѣ изъ рукъ благодѣтеля. И самая трудная часть задачи состоитъ именно въ томъ, чтобы составить себѣ понятие о счастьи и отыскать себѣ ту дорогу, которая должна къ нему привести. Когда жизненная борьба уже превратилась въ сознательное стремленіе къ опредѣленной цѣли, тогда человѣкъ можетъ уже считать себя счастливымъ, хотя бы ему пришлось упасть и умереть на дорогѣ, не вступивши въ ту обѣтованную землю, которую покойный А. Григорьевъ такъ ириво называетъ *бълою Аранією*. Но сознательность стремленій также вырабатывается трудомъ и борьбою, и ни одинъ благодѣтельный мудрецъ въ мірѣ не можетъ переложить эту сознательность изъ собственной головы въ неокрѣпшія головы своихъ учениковъ и прозелитовъ. — «Леночка задумалась, наклонила голову и затихла. Хорошо выраженіе лица дѣвушки, когда она занята серьезною мыслью, а Леночка почувствовала женскимъ инстинктомъ, что ей не пустой вопросъ заданъ. Она, ей богу, отъ всей души желала бы разрѣшить его, но ничего не смыслила тутъ. — Не знаю, сказала она и посмотрѣла на Молотова, — что съ нимъ будетъ. — Онъ усмѣхнулся». (Стр. 161). — Молотовъ, доѣзжающій Леночку глупо-возвышенными вопросами, чрезвычайно похожъ на двѣнадцатилѣтняго гимназиста, щеголяющаго на каникулахъ передъ сестрами лонгигметриєю, планиметриєю, аористами и всякими другими мудреными вещами. Молотовъ очевидно спрашиваетъ не затѣмъ, чтобы получить удовлетворительный отвѣтъ, а затѣмъ именно, чтобы усмѣхнуться, и чтобы въ эту усмѣшку влить малую толику своей клокочущей жолчи. Вотъ, дескать, они мои манишки осмѣяли, и я имъ за это ничего не могу сдѣлать, а теперь я твое невѣжество осмѣю, и ты со мною тоже ничего не сдѣлаешь. Молотовъ, сторѣлъ бы отъ стыда, если бы онъ совершенно ясно отдалъ себѣ отчетъ въ этомъ движеніи мелкой и дрянной злости, и бѣдная, простодушная Леночка, разумѣется, не стала бы такъ добросовѣстно ломать свою нехитрую голову надъ неразрѣшимымъ вопросомъ, если бы она знала, что ея ненаглядный Егорушка ищетъ только случая поважничать и поломаться. Но въ томъ-то и бѣда Леночкина, что она черезчуръ благоговѣтъ передъ умомъ и образованностью своего кумирчика; если бы она благоговѣла поменьше, тогда, можетъ быть, и кумирчавъ не оттолкнулъ бы отъ себя прочь ея чистую и нерасчетливую лю-

бовъ. — Послѣ своей усмѣшки надъ незнаніемъ Леночки, Молотовъ продолжаетъ пускать мрачныя и глубокомысленныя рулады. Наприкѣръ, вотъ этакія:— «Неужели моя жизнь пропадетъ даромъ?... Гдѣ моя дорога?... Неужели такъ я и не нуженъ никому на свѣтѣ?... Онъ крѣпко задумался. Елена все смотрѣла на него, ожидая признаній; но при послѣднихъ словахъ Молотова, она неожиданно обвила его шею руками и осыпала все лицо поцѣлуями крѣпкими и жаркими, какими еще никогда не цѣловала его. — Егоръ Иванычъ!... душка!... ты герой!.. — Молотовъ пожалъ плечами и чуть вслухъ не сказалъ: «Душка!... герой!... — вонъ куда хватила!...» Поцѣлуи не разогрѣли его, не смотря на то, что Леночка первый разъ охватила его такъ страстно. Молотовъ ничего не замѣтилъ. Онъ смотрѣлъ угрюмо въ землю...» (Стр. 162).

Я замѣтилъ въ предыдущей главѣ, что бываютъ и у кисейной дѣвушки такіе великолѣпные взрывы чистаго и могучаго чувства, которые, хоть наминуту, поднимаютъ ее неизмѣримо выше мелкой и копѣечной пошлости ея будничной жизни. Читатель видитъ теперь, что замѣчаніе мое не было брошено на вѣтеръ. Взрывъ описанъ у Помяловскаго такъ превосходно, что первый художникъ въ мірѣ не прибавилъ бы ни одной черточки къ выписаннымъ мною строкамъ. Но что же значить этотъ взрывъ, который такъ естественно сдѣланъ кисейной дѣвушкой, «по гробъ вѣрной и любящей?» — И почему Молотовъ для нея «душка» именно въ ту минуту, когда онъ хмурится и грубіянитъ? И почему она видитъ въ немъ «героя» именно тогда, когда онъ слабѣетъ и упываетъ? И то, и другое совершенно понятно. Ты чувствуешь себя одинокимъ и никому ненужнымъ, думаетъ она. Тѣмъ лучше. Я для тебя все въ эту минуту. Никто и ничто не становится между мною и тобою. Хоть бы ты никому на свѣтѣ не былъ нуженъ, — ты мнѣ нуженъ. И жизнь твоя не можетъ пропасть даромъ, потому что я возьму ее себѣ и она дастъ мнѣ полное счастье. Когда все на свѣтѣ смотритъ на тебя холодно и равнодушно, тогда я одна вырастаю въ твоихъ глазахъ, ты сильнѣе обыкновеннаго привязываешься ко мнѣ, и я тоже особенно сильно люблю тебя, потому что понимаю, какъ полезна тебѣ моя помощь въ эти тяжелыя минуты. И, кромѣ того, ты самъ ошибаешься. Человѣкъ, котораго можно любить такъ, какъ я тебя люблю, никогда не сдѣлается на свѣтѣ лишнимъ и ненужнымъ человѣкомъ. Если

тебя действительно стоитъ любить, то ты непременно найдешь себѣ въ жизни хорошее дѣло. Ты унываешь не оттого, что ты слабъ и негоденъ, а оттого, что ты не удовлетворяешься тѣми гнилыми крупяцами, которыя подбирають съ такимъ усѣхкомъ мелкіе и дрянныя людишки. Твое уныніе не можетъ быть продолжительнымъ. Являясь спокойное размышленіе, вспыхнетъ съ новою силою твоя мужественная энергія, и опять закипитъ у тебя подъ руками честное и полезное дѣло. И я въ то время буду смотрѣть на тебя и радоваться, и гордиться тобою, и гордиться тѣмъ, что въ твоей бодрости есть частица моего живительнаго и утѣшающаго вліянія. И вездѣ, и всегда я буду рядомъ съ тобою. И трудъ, и лишенія, и опасности, и тревогу, и сомнѣнія, и горе—все пополамъ. Я на все готова, и эта готовность удесятеряетъ мои силы.—Слившись въ неопредѣленный, но чрезвычайно сильный порывъ страстной любви, весь этотъ рядъ мыслей промелькнулъ съ неудовимою быстротою въ голевѣ Леночки, когда она бросилась на шею къ Молотову, и когда вся фигура ея выросла и просіяла подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на нее, но новыхъ и непонятныхъ для нея ощущеній. Молотовъ ничего этого не понималъ, по той простой причинѣ, что все его раздумье вытекало изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Всѣ безсвязные возгласы о дорогѣ, о жизни, о собственной ненужности выражали собою въ сущности только плачь и скрежетъ зубовъ надъ посрамленными манишками. Когда его назвали героемъ, то ему сдѣлалось совѣстно, что его манишки залетѣли въ такіе высокіе хоромы. Но вмѣсто того, чтобы откровенно назвать самого себя дуракомъ за мелочность своего огорченія, онъ въ душѣ обругалъ дурую Леночку за наивную преувеличенность выраженій, которыя, впрочемъ, вовсе не были бы преувеличенными, если бы слова Молотова о разныхъ высокихъ матеріяхъ были действительно глубоко продуманы и прочувствованы, а не напущены со стороны глупымъ разговоромъ Обросимовыхъ.

Значить, Леночка провинилась только тѣмъ, что повѣрила на слово любимому человѣку, то есть, выражаясь яснѣе, тѣмъ, что любила глубоко и сильно. Въ ту минуту, когда она осыпала своими «горячими и бѣшенными» поцѣлуями постную фигуру Молотова, проглотившаго муху и не умѣющаго съ нею справиться, въ умѣ ея возлюбленнаго шевелились, по всей вѣроятности, очень мелкія и буржуазныя мысленки. Да, думалъ онъ о себѣ съ подавленою злобою, ѣсть много, неприличныя манишки носить, и ко всему бы

этому великолѣбно еще жену приобрести, «мо гробъ вѣрною и любящую,» которая при всѣхъ будетъ на шею вѣшаться и, ни къ селу ни къ городу визжать: «душка» и «герой.» Куда какъ интересно!—Опять тривиальность выражений заслонила собою въ глазахъ честнаго Чичикова величіе искренняго чувства.—Красота Леночки, просвѣтленной своимъ порывомъ, осталась незамѣчною для ея собесѣдника, погруженнаго въ мучительное созерцаніе манишекъ и собственной ненужности.

VIII.

Молотовъ пришелъ къ Леночкѣ за тѣмъ, чтобы сбыть ее съ рукъ. Но онъ до такой степени углубленъ въ свое собственное копѣечное раздумье, что, повидимому, совершенно забываетъ настоящую цѣль своего прихода. Если бы онъ нарочно хотѣлъ причинить Леночкѣ какъ можно больше страданія, то онъ не могъ бы придумать нравственную пытку утонченнѣе той, которую онъ заставилъ ее выдерживать по своей непростительной невнимательности.

Если онъ пришелъ съ твердымъ намѣреніемъ все покончить, то съ какой стати онъ задаетъ ей мудреные вопросы, интересные только для него и неимѣющіе для нея ровно никакого значенія? Деликатно ли, позволительно ли искать себѣ утѣшенія и совѣта у той самой дѣвушки, которую рѣшился и собираешься оттолкнуть? Вѣдь это въ сущности хуже, чѣмъ если бы Молотовъ на прощаніе выпросилъ у нея денегъ взаймы. И какъ онъ осмѣлился принимать ее поцѣлуи, съ какого права называлъ ее до послѣдней минуты Леночкой, когда въ головѣ его участь этой Леночки была уже окончательно рѣшена? Значить, онъ до послѣдней минуты воровалъ ее поцѣлуи и ласки. Онъ разбудилъ въ ея головѣ совершенно непривычную для нея работу мысли, онъ расшаталъ всю ея первную систему красивою наружностью своего дрянного горя, онъ далъ ей полное право думать, что пришелъ къ ней подѣлиться заботами и сомнѣніями, онъ раздражалъ ее чуть не до истерики,—и все это для того, чтобы сказать ей вѣжливо-бухгалтерскимъ тономъ: сударыня, честь имѣю съ вами раскланяться!—Не напоминаетъ ли это вамъ, господа, гоголевскаго Ивана Иваныча, который бесѣдуетъ съ голоднымъ нищимъ о говядинѣ, о галушкахъ, о горѣлкѣ, и потомъ, наболтавшись досыта, говорить съ замѣчательною кротостью: «ну,

ступай же, любезный, вѣдь я тебя не бью!» — Теперь мнѣ придется сдѣлать очень большую выписку.

— Елена Ильинишна, сказалъ онъ серьезно.

— Что?

— Намъ пора объясниться...

У Леночки сжалось сердце. Она предчувствовала какое-то горе; никогда Егоръ Иванычъ не говорилъ такъ съ нею.

— Развѣ мы не объяснились? спросила она. (Совершенно справедливое замѣчаніе. Какое тутъ еще требуется объясненіе, когда люди давно цѣлуются?)

— Нѣтъ, не объяснились; все у насъ было, кромѣ объясненій. (Аккуратному Егору Иванычу желательно, чтобы все дѣлалось по формѣ, но безалаберная Леночка врядъ ли способна понять, чтобы объясненія были еще необходимы тогда, когда уже было «все.» Впрочемъ, это «все» не должно пугать читателя. Это «все» ограничивалось невиннымъ обмѣномъ поцѣлueвъ. Собственно поэтому, формалистъ Молотовъ и не считаетъ себя связаннымъ.)

— Ну, скажите, отвѣтила Леночка, боязливо глядя на собесѣдника.

— Вы меня любите? (Какой дурацкій вопросъ!)

Леночка хотѣла обнять его. Онъ уклонился. (Леночка, очевидно, предпочитаетъ мимическія объясненія словеснымъ, но Молотову уже становится совѣстно продолжать кражу поцѣлueвъ.)

— Я васъ очень люблю... (Какъ много дѣло подвинулось впередъ отъ этого отвѣта!)

— Но, разумѣется, можете привыкнуть къ той мысли, что мы не всегда будемъ поддерживать наши отношенія? (Представьте себѣ, что въ уголовную палату призываютъ преступника и говорятъ ему: вы, разумѣется, можете привыкнуть къ той мысли, что васъ будутъ драть плетью на площади?—Преступникъ на это отвѣчаетъ:—воля ваша, а привыкнуть къ такой мысли я никакъ не могу.—Чтожъ дѣлать, топ шер, говорятъ ему, постарайтесь привыкнуть.—Чтобы вы, читатель мой, подумали о такихъ судьяхъ, которые позволяли бы себѣ подобныя шутки? Вы бы, вѣроятно, назвали ихъ большими негодяями? А вѣдь Молотовъ, по своей деревянной неловкости, поступаетъ точно такимъ же образомъ, только не съ преступникомъ, а съ доброю и милою дѣвушкою, которая его любитъ. Къ чему клонится его вопросъ? Скажетъ ли она да, скажетъ ли нѣтъ,

не все ли равно? Развѣ ея отвѣтъ измѣнить, хоть въ чемъ нибудь, его рѣшеніе? Она это предчувствуетъ и уклоняется отъ отвѣта.)

— Къ чему же объ этомъ говорить? (Вотъ это правда).

— Подумайте, пожалуйста, и выскажитесь откровенно. (Скажите на милость, чего этотъ анафема отъ нея добивается? Зачѣмъ онъ изъ нея душу тянетъ?)

Ей никогда не приходилъ такой вопросъ на умъ, и она съ замѣшательствомъ отвѣчала: — Да, я васъ люблю... (Ничего больше она и сказать не можетъ. Отвѣчаетъ она такъ не потому, что «ей никогда не приходилъ такой вопросъ на умъ,» а потому, что вопросъ Молотова изъ рукъ вонъ глупъ и оскорбителенъ. Ей надо было или пропустить этотъ вопросъ безъ вниманія, или отвѣчать на него рѣзкимъ упрекомъ. Если сформулировать вопросъ Молотова яснѣе, то получится слѣдующій результатъ: «вѣдь вамъ, разумѣется, все равно, кого не цѣловать, меня ли, другого ли мужчину?» — Бѣдной, добродушной Леночкѣ въ голову не приходило, чтобы Егорюшка рѣшился нанести ей такое незаслуженное оскорбленіе. Поэтому, если даже она разобрала въ вопросѣ Молотова этотъ гнусный смыслъ, то она немедленно отбросила прочь это предположеніе, увѣрила себя, что она поняла невѣрно, и, вслѣдствіе этого, съумѣла только повторить съ замѣшательствомъ свою незатѣливую пѣсенку: «да, я васъ люблю.» Тутъ Молотовъ находить, что онъ уже достаточно приготовилъ преступницу къ принятію плетей, и начинаетъ дѣйствовать.)

— Простите же меня, Елена Ильинишна, я вамъ не могу отвѣчать тѣмъ же .. (Какъ вамъ нравится эта перемѣна декорацій! «Да плюй же, плюй ему прямо въ лохань!» какъ выражаются «хорошіе люди» города Глухова). — Леночка взглянула на него испуганнымъ взглядомъ и вскрикнула (Подумаешь, какъ это странно! Преступница кричитъ, точно будто ее не готовили заранѣе къ сильному ощущенію). Болѣзненно отозвался этотъ крикъ въ душѣ Молотова — Вотъ она такъ любила! подумалъ онъ.

— Елена Ильинишна, кто жъ виновать? кто жъ виновать? вы должны помнить, что не я первый... Молотовъ оборвался на полуфразѣ, потому что невольно почувствовалъ угрызеніе совѣсти. — «Что жъ такое, что не я первый?» шевельнулось у него въ душѣ, и онъ кончилъ иначе, нежели началъ: — Боже мой, что же это на меня напало?.. (Здѣсь опять авторъ съ изумительною твердостью выдер-

жалъ характеръ своего героя. Это не мерзавецъ, хладнокровно играющій чужимъ счастьемъ; это—милая и добрая размазня, способная только отсиживаться отъ всякой напасти. Для него немислимы крупный активный поступокъ: вмѣсто того, чтобы съ самаго начала, съ перваго свиданія спугнуть глупую бабочку, которая летитъ прямо на свѣчку, онъ умѣетъ только отмалчиваться; вмѣсто того, чтобы теперь, когда бабочка уже обожгла себѣ крылья, махнуть на все рукою и смѣло повести ее подъ вѣнецъ, не заботясь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, онъ умѣетъ только сидѣть и добродушно сокрушаться. Подлецомъ его, пожалуй, и нельзя назвать: онъ не завлекалъ, онъ не обѣщалъ, онъ и теперь страдаетъ искренно; но вѣдь вотъ въ чемъ штука: бываютъ въ жизни такіе случаи, когда мямля можетъ насолить ближнему не хуже отъявленнаго негодяя.)

.....«Послышалось всхлипываніе и тихое, ровное, мучительное рыданіе; запрется въ груди звукъ, надтреснетъ, переломится и разрѣшится долгой потой плача; слезы катились градомъ...

— Никому мы не нужны... кому любить такихъ?

Она зарыдала сильнѣе.» (Стр. 164, 165, 166.).... Жаль, невысимо жаль стало ему этой бѣдной дѣвушки... глупенькой, вѣсейной дѣвушки... Она такъ жить хотѣла, такъ любить хотѣла, и доживала послѣднюю лучшую минуту жизни. Впереди ея пошлость, позади тоже пошлость. Теперь она могла бы воскреснуть и развиться, но .. суждено уже такъ, что изъ нея выйдетъ не человекъ жепщина, а баба-женщина. Молотовъ чувствовалъ это. Страшно ему было за Лепочку. «Пропадетъ она!» думалъ онъ.» (Стр. 169.) И, думая такимъ образомъ, онъ все-таки отталкивалъ ее прочь отъ себя, назадъ, въ ту трясищу пошлости, изъ которой бѣдная дѣвушка старалась высвободиться съ такими судорожными усилиями, съ такими горькими и мучительными рыданіями. И все это оттого, что онъ, изволите видѣть, не любилъ ее. Точно будто нужно любить человека какою нибудь особенною любовью для того, чтобы протянуть ему руку, когда онъ зоветъ васъ къ себѣ на помощь. Точно будто, доставляя другому человеку счастливое и разумное существованіе, мы не наслаждаемся вмѣстѣ съ нимъ, и даже гораздо больше его самого, тою свѣтлою жизнью, которую мы ему доставили. Осчастливить ту женщину, которую мы сами любимъ страстно—это, разумѣется, очень пріятно. Но подарить счастье той женщицѣ, которая любитъ насъ,—это также очень недурно,

тѣмъ болѣе, что человѣку свойственно приваиваться очень сильно къ тѣмъ людямъ, которымъ онъ сдѣлалъ добро. Счастье мыслящаго человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы играть въ жизни милыми игрушками, а въ томъ, чтобы вносить какъ можно больше свѣта и теплоты въ существованіе всѣхъ окружающихъ людей. Молотовъ еще плохо понимаетъ эту простую истину, и это обстоятельство показываетъ ясно, что онъ подходитъ гораздо ближе къ тщедушному идеалу г. Гончарова, чѣмъ къ сильнымъ и мужественнымъ реалистамъ новѣйшаго времени. Молотовъ такъ наивно неделикатенъ, что онъ, уже измучивъ бѣдную Леночку, все еще эксплуатируетъ въ свою пользу ея безпредѣльную доброту. Послѣ сцены рыданія, когда ему надо было уйти прочь безъ оглядки, чтобы не мозолить ей глаза, онъ все сидитъ, да не только сидитъ, а открываетъ ей свою душу, то есть, рассказываетъ ей какъ его обидѣли Омбросимовы. «Она слушала его съ увлеченіемъ, положивъ на его плечо свою хорошенькую головку. Тогда она не сказала ему свое оригинальное: «да этого не бываетъ»...

— Я ихъ не люблю, сказала она горячо...

Молотовъ поцѣловалъ ее, но это былъ не страстный, а добрый поцѣлуй (И даже глупый.).

— Богъ съ ними, сказалъ онъ... (Какое великодушіе!)

— Никогда ихъ не буду любить... Я тебя люблю; я не сержусь на тебя. (Вотъ тутъ, дѣйствительно, кротость и доброта доходятъ до величественныхъ и, пожалуй, даже до безобразныхъ размѣровъ. Онъ ее оскорбилъ, онъ оттолкнулъ прочь ея святую любовь, онъ осудилъ ее на безвыходно-пошлое существованіе, и она уже утѣшаетъ и успокоиваетъ его, она же принимаетъ горячо къ сердцу трагическую участь его манишекъ. Это, наконецъ, глупо и отвратительно. Любить и прощать—прекрасное занятіе, но много осла не иѣшаетъ и по мордѣ треснуть, чтобы заставить его одуматься.).

Они разстались добрыми друзьями, но Леночка всю ночь проплакала и все понять не могла, «отчего же насъ любить нельзя?... отчего?» (Стр. 170.) Э, Леночка, Леночка! Охота тебѣ изъ-за одного дурака задавать себѣ такіе радикальные вопросы! Васъ можно любить, и васъ будутъ любить, и вы сдѣлаетесь умными, мыслящими и полезными людьми. Никакого въ васъ органическаго порока не оказывается. Но, чтобы увидеть и развернуть тѣ задатки здраваго ума, которые въ васъ таятся, надо обладать не такими си-

лами, какими располагалъ твой ненаглядный Егорушка Дрянной народъ тѣ мужчины, съ которыми вамъ приходится имѣть дѣло. Оттого вы такъ часто и плачете.—Каждая слеза, которую проливаетъ въ современныхъ обществахъ любящая женщина, есть тяжелое обвиненіе противъ мужчины. Взявъ женщину подъ свою опеку, отнявъ у нея самостоятельность, ослабивъ ея умъ и ея физическія силы, — такъ умѣй же, по крайней мѣрѣ, дать ей за это счастье. А не умѣешь, — такъ на что же годится твоя дурацкая опека?

IX.

Читатель, по всей вѣроятности, уже давно замѣтилъ, что статья моя, такъ сказать, соскочила съ рельсовъ. Я хотѣлъ разобрать обѣ главныя повѣсти Помяловскаго, но увлекся романомъ кисейной дѣвушки, и такъ заговорился объ этомъ эпизодѣ, что вторую повѣсть «Молотова» надо будетъ отложить до другого раза. Вслѣдствіе этого, произошло довольно странное разногласіе между названіемъ статьи и ея содержаніемъ. Статья называется «мыслящій пролетаріатъ», и это заглавіе было бы очень умѣстно, если бы описывались здѣсь труды Молотова, который можетъ служить очень хорошимъ представителемъ образованной массы, добывающей себѣ хлѣбъ разнообразною умственной работою. Но случился такой грѣхъ, что на первый планъ выдвинулась Леночка, которая — совсѣмъ не «пролетаріатъ», и ни сколько не «мыслящій.» Попавши въ такое затруднительное положеніе, я утѣшаю себя тою мыслью, что точно такой же грѣхъ случился съ самимъ Помяловскимъ. Опъ назвалъ свою первую повѣсть — «Мѣщанское счастье», а потомъ, дописавши ее до конца, вдругъ спохватился, что счастья-то именно и нѣтъ. «Гдѣ же счастье? спроситъ читатель; въ заглавіи счастье обѣщано. — Оно, читатели, впереди. Счастье всегда впереди — это законъ природы» (Стр. 172.) Значитъ, и я могу сказать точно такъ же, что мыслящій пролетаріатъ впереди; и выйдетъ у меня также пріятный каламбуръ. И оба мы, Помяловскій и я съдѣсь г. Постороннему Сатирику снова представляется удобный случай подразнить мы «Русскаго Слова» за излишнюю самонадѣянность), увлеклись однимъ и тѣмъ же предметомъ, — личностью кисейной дѣвушки. Есть же, должно быть, въ этой личности что нибудь особенно привлекательное и интересное. Дѣйстви-

тельно есть, и я несколько не упрекаю себя за то, что говорилъ о ней такъ подробно. «Насъ много такихъ дѣвушекъ», замѣчаетъ сама Леночка. «У насъ не мало встрѣчается такихъ женщинъ, какъ Леночка», прибавляетъ отъ себя Помяловскій. И это правда. Къ типу добродушной кисейной дѣвушки подходятъ всѣ женщины, не отличающіяся сильными и блестящими умами, не получившія порядочнаго образованія и, въ тоже время, еще неиспорченныя и не сбитыя съ толку шумомъ и суетою такъ называемой свѣтской жизни. У этихъ женщинъ развита только одна способность, о которой заботится уже сама природа, именно способность любить. Вся судьба такой женщины рѣшается безусловно тѣмъ, кого она полюбитъ. Попадется хорошій и умный человѣкъ, — и она сама тоже сдѣлается хорошою, даже умною женщиною, потому что отъ природы она не глупа, а только никогда не имѣла ни возможности, ни надобности упражнять и укрѣплять свой умъ. Попадется дуракъ и негодяй — тогда въ ней замереть даже способность любить, и превратится она въ автомата, который будетъ рожать, кормить, нянчить и обливаться слезами дѣтей, не умѣя ни вразумить, ни защитить ихъ противъ самодурства супруга. Женщина, подобная Леночкѣ, быть можетъ, ни при какихъ условіяхъ не сдѣлается совершенно самостоятельною и сильною личностью; она всегда, болѣе или менѣе, будетъ искать себѣ опоры и руководителя въ любимомъ мужчинѣ; но, не смотря на это врожденное стремленіе къ нѣкоторой зависимости, такая женщина не была бы тягостною и вредною обузою даже для очень умнаго и развитаго мужчины. Она была бы способна увлекаться совершенно искренно широкими планами и титаническими стремленіями любимаго человѣка; можетъ быть, она довольно смутно понимала бы необходимую связь между отдѣльными мыслями; можетъ быть, строгая теорія или дѣловой прозекъ представлялись бы ей въ неопредѣленныхъ и расплывающихся очертаніяхъ, свойственныхъ воздушнымъ замкамъ. Но за то воодушевленіе, овладѣвающее любимымъ человекомъ, находило бы во всемъ ея существѣ ясный, полный и совершенно безыскусственный отголосокъ. Она не стала бы пилить любимаго человѣка безтолковыми ворчаніемъ или мелкими жалобами въ то время, когда онъ чувствуетъ потребность подѣлиться съ нею результатами своихъ размышленій, набросанными планами и смѣлыми надеждами. Этого, конечно, мало, но вѣдь гдѣ же и взять теперь много такихъ женщинъ, которыя были бы способны серьезно рабо-

тать вмѣстѣ съ своими мужьями? Ужь и то было бы хорошо, если бы женщины не мѣшали работать. А какимъ образомъ онѣ могутъ мѣшать, это всего лучше будетъ видно изъ самаго простаго и скромнаго примѣра. Представьте себѣ, что вамъ предлагаютъ два мѣста. Одно совершенно соотвѣтствуетъ вашимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ. Другое — совсѣмъ напротивъ. Первое даетъ вамъ 60 рублей въ мѣсяцъ, второе — 80. Вы приходите домой, рассказываете все, какъ есть, вашей женѣ, и объявляете ей, что вы хотите взять мѣсто въ 60 рублей. Жена тарачитъ на васъ глаза и говоритъ, что вы съ ума сошли, что 20 рублей на улицѣ не валяются, и что такія капризы вамъ совсѣмъ не по состоянію. — Да пойми же ты, другъ мой, убѣждаетъ вы, что на томъ мѣстѣ я буду просто мученикомъ. Оно мнѣ противно. Мнѣ гадко будетъ смотрѣть на самого себя. — Скажите, пожалуйста, какія нѣжности, отвѣчаетъ супруга. А это, не бось, не гадко смотрѣть, что жена въ стоптаныхъ башмакахъ ходитъ! — И много другихъ варіацій разыгрывается на ту же самую, вовсе не интересную для васъ, тему. Если вы человѣкъ твердый, то вы остаетесь непоколебимы и берете все-таки 60-ти рублевое мѣсто; но за то ваша семейная жизнь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль скрипитъ, какъ намазанная телѣга. Если же вы такой размазня, какъ огромное большинство русскихъ людей, то вы уступаете, жена даетъ вамъ за вашу разсудительность несчетное число «безешекъ», и черезъ нѣсколько времени ваше отвращеніе къ подлой должности исчезаетъ, потому что, подъ вліяніемъ развращающей обстановки, весь строй вашихъ понятій медленно понижается. Такимъ образомъ общество, по милости вашей супруги, потеряло въ вашей особѣ полезнаго работника и приобрѣло лишняго эксплуататора. Но такія супруги формируются только изъ тѣхъ женщинъ, которыя совершенно сбиты съ толку криволиниями, гуляньями, шляпками и тряпками. Женщины же, подобныя Лепочкѣ, понимаютъ очень хорошо, что шелковое платье и счастье жизни — двѣ вещи разныя; и эти послѣднія женщины не промѣняютъ любимаго человѣка не только на шляпку, но даже и на цѣлый бурнусъ. Если вы станете объяснять Лепочкѣ, почему вы не хотите или не можете взять мѣсто въ 80 рублей, она, можетъ быть, и не совсѣмъ успѣшно пойметъ ваши доводы, но она, во всякомъ случаѣ, повѣритъ вамъ. Она увидитъ, что вамъ было бы тяжело на томъ мѣстѣ, и этого будетъ для нея совершенно достаточно. Словомъ, простые женщи-

ны, подобныя Леночкѣ, умѣютъ, по крайней мѣрѣ, любить, а эт умѣнье совсѣмъ не такая ничтожная вещь, которую, при нашей непокрытой бѣдности, было бы позволительно пренебрегать. Разумѣется, зѣбная мудрость лучше голубиной кротости, но на нѣтъ и суда нѣтъ. За неизмѣнимъ лучшаго, умѣйте и голубиную кротость обращать себѣ въ пользу. А извлекать изъ нея пользу очень возможно, потому что человѣку, измученному и утомленному ежедневною борьбою съ глуностью и подлостью, не только пріятно, но даже необходимо имѣть возлѣ себя честное, кроткое и любящее существо, у котораго всегда можно найти неподдѣльную ласку и безкорыстное участіе. Теперь читатель понимаетъ, что типъ кисейной дѣвушки имѣетъ очень важное значеніе, тѣмъ болѣе, что такихъ женщинъ много. Надо объяснить обществу, что эти силы, хорошія и здоровыя, хотя и не блестящія, не должны пропадать даромъ. Надо объяснить преимущественно умнымъ и образованнымъ юношамъ, что на этихъ простыхъ женщинахъ они должны смотрѣть не только безъ высокоумнаго предубѣжденія, но даже съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Путь жизни длиненъ и труденъ. Работа утомительна. Отдыхъ для обыкновенныхъ людей необходимъ. Умныхъ женщинъ мало. Поэтому, если вамъ встрѣтится Леночка, и если она съ ребяческою довѣрчивостью бросится къ вамъ на шею, подумайте, серьезно подумайте, существуетъ ли дѣйствительно какая нибудь необходимость отворачиваться отъ союза съ этимъ милымъ ребенкомъ. — Леночка не дастъ вамъ того великаго, безмѣрнаго счастья, которое даетъ только мыслящая женщина, но, по крайней мѣрѣ, она не превратитъ васъ ни въ подлека, ни въ филистера, ни въ закабаленнаго батрака. Она не будетъ васъ эксплуатировать; у нея есть искренность, а это — свойство очень драгоценное. Но, какъ бы вы ни рѣшили вопросъ о вашихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ той или другой Леночкѣ, не смѣйте ни въ какомъ случаѣ смотрѣть свысока на этихъ женщинъ и обращаться легкомысленно съ ихъ чувствами. Существуетъ на Руси поговорка, что женскія слезы — вода; эта поговорка, подобно многимъ другимъ, доказываетъ только весьма наглядно, что на Руси во всякое время было достаточное количество дураковъ и подлецовъ. Вы умнѣе, вы образованнѣе, вы крѣпче Леночки; вы не заплачете о томъ, о чемъ она заплачетъ; всѣ ваши доблести и преимущества при васъ и остаются; но все это не даетъ вамъ никакого права думать, что вы чувствуете глубже ея, и что всѣ ея маленькія огорченія скользятъ съ нея, какъ съ гуся вода. Абсолютной мѣрѣ для

глубины чувства не существуетъ. Всякому свои слезы солонны, и кто, своимъ легкомысліемъ, заставляетъ плакать безответное существо, подобное Леночкѣ, тотъ поступаетъ глупо и подло, хотя, быть можетъ, опъ и не дуракъ, и не подлець. Важнѣйшее житейское искусство состоитъ именно въ томъ, чтобы пробираться бережно и осмотрительно въ путаницѣ личностей и интересовъ, не наступая никогда нечаянно на живое человѣческое тѣло. — Мудреное искусство жить и дѣйствовать, не обижая безвредныхъ людей, приобретается не вдругъ. Молодымъ людямъ случается часто наступать на живое тѣло безъ всякаго злого или подлога умысла, по неопытности, по неловкости, по неумѣнью ясно разсмотрѣть ту пограничную черту, гдѣ кончаются естественныя права собственной личности и гдѣ начинаются естественныя права сосѣда. Это наступаніе на живое тѣло производитъ съ одной стороны боль, съ другой — стыдъ и угрызеніе совѣсти. Такіе уроки не проходятъ даромъ. Кто наступилъ одинъ разъ и кто пережилъ всѣ тяжелыя ощущенія, развивающіяся изъ такого событія, тотъ постарается на будущее время вести свои дѣла внимательнѣе и осторожнѣе. Опытъ здѣсь, какъ и вездѣ, дѣйствуетъ сильнѣе всякаго кабинетнаго размышленія. Но подобные опыты обходятся слишкомъ дорого, и было бы очень полезно замѣнить ихъ, на сколько это возможно, трудами теоретическихъ размышленій. Польза беллетристики и литературной критики состоитъ преимущественно въ томъ, что онѣ заставляютъ читателя размышлять о такихъ житейскихъ вопросахъ и формировать себѣ взгляды на такія стороны и явленія вседневной жизни, которыя незнакомы читателю по собственному опыту. Читая, напримѣръ, простую исторію Молотова съ Леночкой, неопытный молодой человѣкъ задумывается надъ нею, вглядывается въ слова и поступки обѣихъ личностей и произноситъ надъ ними свое сужденіе; было бы очень неосновательно думать, что такое упражненіе мысли остается совершенно безплоднымъ и не имѣетъ никакого вліянія, прямого или косвеннаго, на собственные поступки юнаго читателя. Литературная критика должна поддерживать, усиливать и направлять ту работу мысли, которую пробуждаетъ въ головѣ читателя беллетристическое произведеніе. Разбирая романъ или повѣсть, я постоянно имѣю въ виду, не литературное достоинство даннаго произведенія, а ту пользу, которую изъ него можно извлечь для міросозерцанія моихъ читателей. — Легко можетъ быть, что читателя утомляютъ иногда мои длинныя микроскопическія изслѣдованія надъ такими мелкими явленіями, какъ любовныя радости и огорченія

какой нибудь ничтожной Леночки. Читателю досадно, зачѣмъ я анализирую почти каждое движеніе, и комментирую почти каждое слово Молотова и кисейной дѣвушки. Но мнѣ кажется, что досада читателя неосновательна. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что эти микроскопическія явленія, эти будничныя мелочи наполняютъ собою цѣлую жизнь дѣлныхъ милліоновъ людей. Изъ необдуманнхъ словъ, изъ мелкихъ непослѣдовательностей, изъ незамѣтныхъ оплошностей складывается мало по малу большая часть человѣческихъ страданій и человѣческихъ подлостей. Вѣдь Молотовъ поступилъ съ Леночкою очень подло; онъ и самъ сознается себѣ въ этомъ; а между тѣмъ, скажите по совѣсти, мои двадцатилѣтніе читатели, многіе ли изъ васъ сдумали бы или рѣшились бы, на мѣстѣ Молотова, поступить такъ, чтобы не вышло подлости? Вотъ и надо было показать подробнѣйшимъ анализомъ, какинъ образомъ отвратительный ядъ подлости слагается изъ самыхъ невинныхъ и безвредныхъ элементовъ. Подлость Молотова именно тѣмъ и поучительна, что Молотовъ самъ нисколько не подлецъ. Я относился къ нему очень жестко, когда я разбиралъ его отношенія къ Леночкѣ; тамъ я смотрѣлъ только на одну сторону дѣла; я констатировалъ вредъ и боль, нанесенные кисейной дѣвушкѣ, существу совершенно невинному и беззащитному. Теперь мнѣ надо возстановить въ глазахъ читателя репутацію Молотова, на котораго мы можемъ сердиться за его неуклюжесть, но котораго было бы несправедливо презирать. Собственно, полная реабилитация Молотова возможна только тогда, когда мы познакоимся съ дальнѣйшимъ ходомъ его жизни. Молотовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ все въ жизни дается довольно туго. Поэтому, тридцатилѣтній Молотовъ гораздо лучше двадцатилѣтняго. Толчки и удары жизни шлифуютъ и закаляютъ его. Онъ превосходно пользуется опытомъ. Что пережито имъ, то уже оставляетъ неизгладимую черту въ его умѣ и въ его характерѣ. Но у Молотова нѣтъ того, чѣмъ обладаютъ очень даровитыя личности, подобныя Базарову. У него нѣтъ умѣнья угадывать жизнь; онъ не можетъ силою творческой и анализирующей мысли забѣгать впередъ и рѣшать заранѣе, совершенно безошибочно, такія задачи, которыхъ еще не задавала ему дѣйствительная жизнь. Молотовъ выходитъ изъ университета розовымъ птенцомъ, простирающимъ во всѣ стороны свои объятія, тоскующимъ, когда ему приходится обнимать пустое пространство, и робѣющимъ, когда въ его объятія попадаетъ живая дѣвушка, принявшая его безпредметное доброжелательство за опре-

дѣлившееся чувство. Базаровъ входитъ въ жизнь сильнымъ, страстнымъ, смѣлымъ и энергическимъ мужчиною, уже выработавшимъ себѣ, въ мѣрѣ книжныхъ занятій, драгоценное умѣніе кое-что ненавидѣть, многое презирать, къ очень многому относиться равнодушно и все на свѣтѣ подвергать анализу. Базаровъ на видъ гораздо страшнѣе и свирѣпѣе Молотова. Та женщина, которая съ радостною довѣрчивостью подходитъ къ Молотову, едва осмѣлилась бы заговорить съ Базаровымъ, или даже при Базаровѣ. Одинъ взглядъ Базарова, быстрый и небрежный, совершенно смутилъ сестру Одинцовой, Катю. А между тѣмъ, Молотовъ гораздо опаснѣе Базарова. Базаровъ только смутитъ или испугаетъ, а Молотовъ, безъ всякаго злого умысла, истерзаетъ женщину и изуродуетъ ея жизнь. Если бы Базаровъ получилъ письмо Леночки, «по гробъ вѣрной и любящей», то онъ тотчасъ рѣшилъ бы, какъ ему дѣйствовать, вести ли дѣло впередъ, или оборвать его въ самомъ началѣ. Въ первомъ случаѣ, Леночка сдѣлалась бы счастливѣйшею женщиною. А во второмъ случаѣ, Базаровъ сразу такъ обжогъ бы ее насмѣшливымъ взглядомъ и правдивымъ словомъ, что Леночка тотчасъ убѣжала бы со свиданія домой и навсегда отказалась бы писать нѣжныя цыдулки къ молодымъ людямъ. Леночка стала бы говорить о Базаровѣ, что онъ и злой, и гордый, и страшный, но Леночкѣ не пришлось бы рыдать на дерновой скамейкѣ, не пришлось бы плакать на пролетѣ цѣлыя ночи и не пришлось бы повторять съ безвыходнымъ отчаяніемъ ужасныя слова: «никому мы не нужны!.. Кому любить такихъ?..» И злой, гордый, демоническій Базаровъ оказался бы здѣсь, какъ и вездѣ, гораздо лучше добраго, нѣжнаго, ласковаго Молотова.—Однако, я хотѣлъ оправдывать Молотова, и, вмѣсто того, опять началъ его преслѣдовать. Ну, дѣлать нечего. Статья рѣшительно соскочила съ рельсовъ, и поэтому надо поскорѣе ее заканчивать. Оправданіе Молотова и разсужденія о «мыслящемъ пролетаріатѣ» откладываю до другого раза. Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и черезъ полгода, смотря по тому, будутъ ли у меня другія срочныя работы, не терпяція отлагательства. Впрочемъ, когда бы мнѣ ни пришлось представить читателю продолженіе этой безалаберной статьи, это рѣшительно все равно. Говорить о Помяловскомъ всегда встаети.

Д. Писаревъ.

ФРЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОСТУПКОВЪ:

(Le monde des Coquins, par Moreau-Christophe. Paris. 1864).

I.

На свѣтѣ больше всего такихъ людей, для которыхъ мыслить самостоятельно гораздо труднѣе, чѣмъ пользоваться чужими, готовыми мыслями. Люди эти, думающіе не своей головой, зовутся людьми рутинны. Какъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ характеръ внѣшней жизни зависитъ отъ 95,0/0 простонародья, такъ и всей европейской общественной жизни даютъ тонъ люди рутинны, потому что ихъ — легионъ. Сила этого легиона громадн; онъ дѣйствуетъ во всемъ и вездѣ; нѣтъ такой вѣтви общественной жизни, гдѣ бы не преобладали рутинеры: они и между государственными людьми, между политиками, между военными, чиновниками, купцами, земледѣльцами, литераторами, учеными. Рутинеры образуютъ тотъ средний уровень, который своимъ матеріальнымъ перевѣсомъ заставляетъ всѣхъ остальныхъ соображаться съ его теоріей медленнаго прогресса. Правда, что за рутинерами стоятъ еще масса людей идиотствующихъ, но эти господа неопасны, потому что даже рутинеры считаютъ ихъ глупцами. Что же касается до авангарда, изображаемаго передовыми людьми, то рутинеры зовутъ ихъ мечтателями, утопистами, энтузіастами, фантазерами и т. п., что, однако, не мѣшаетъ рутинерамъ смотрѣть на фантазеровъ съ чувствомъ скрытой зависти и идти тѣмъ путемъ, какой они указываютъ имъ.

Рутинеры вездѣ и всегда не кстати; но больше всего неумѣстны они въ литературѣ; здѣсь печатное поддержаніе всякой лжи, ученыхъ предразсудковъ и суевѣрія приносятъ обществу громадны

вредъ, потому что публика, по своей наивности, и до сихъ поръ вѣрить всему печатному, и на каждаго пишущаго рутинера смотреть, какъ на оракула и мудреца. Публику, конечно, въ этомъ винить нельзя; на то она и публика, чтобы вѣрить всякому вздору и думать чужой головой; но нельзя также винить и рутинеровъ, потому что иначе они сдѣлались бы передовыми людьми, что также совершенно невозможно. Такимъ образомъ, всякій дѣлаетъ, что можетъ, и всѣ правы: рутинная публика наслаждается рутинными литературными и учеными произведеніями, укрѣпляется въ рутинномъ образѣ мыслей и приобретаетъ рутинныя знанія; а рутинные писатели упражняются въ рутинномъ бумагомарательствѣ. Подобная солидарность представляетъ выгоду въ томъ отношеніи, что уподобляетъ общественную жизнь стоячему пруду и создаетъ невозмутимый покой, доводящій человѣка до ожиренія мозга и полного тупоумія. Многимъ это очень нравится, а другіе думаютъ, что шевелить безтолковымъ образомъ мозгами, значить думать,—и производится повсемѣстно нескончаемое шевеленіе мозгами, и добрые люди, незнакомые съ физиологическими процессами, принимаютъ пищевареніе за мышленіе, — и всѣ довольны; значить, всѣмъ хорошо.

Рутинные писатели не отгачаются никакими внѣшними признаками отъ людей мыслящихъ самостоятельно; въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ рутинеры обнаруживаютъ нерѣдко значительную долю таланта и даже остроумія и этимъ вводятъ въ обманъ неопытныхъ читателей; рутинеры разсуждаютъ обо всемъ, начиная съ повседневныхъ вопросовъ до такихъ отвлеченностей, какъ разные, никому непопятные, метафизическіе вопросы; но въ особенностяхъ они любятъ толковать о духѣ, о моральныхъ принципахъ и о предметахъ еще болѣе отдаленныхъ.

II.

Передо мной довольно странная книга: «Le monde des coquins» (Міръ мошенниковъ) Моро-Кристофа. Господинъ этотъ отличается тѣмъ рутиннымъ добродушіемъ (оно же и скудоуміе), которое доставило ему уже давно почетное мѣсто между рутинными писателями Франціи, разсуждающими съ глубокомысленнымъ видомъ о нравственности и морали, оплакивающими упадокъ человѣческой до-

бродѣтели, предлагающими допотопныя средства исправленія людей, толкующими громко и съ сильными жестами о честности и благородствѣ и считающими высочайшимъ для себя счастьемъ благосклонную улыбку Наполеона III и крестъ Почетнаго легіона, замѣняемый ими до времени извѣстнымъ суррогатомъ — гвоздичкой.

Моро-Кристофъ видѣлъ и читалъ много; онъ былъ посланъ нѣкогда французскимъ правительствомъ въ Англію, Голландію, Швейцарію, Бельгію, гдѣ изучалъ на мѣстѣ тамошніе уголовные законы, систему исправленія правдивности преступниковъ, систему тюремнаго заключенія, былъ во Франціи главнымъ инспекторомъ тюремъ, и вся эта многолѣтняя практика и множество фактовъ, собранныхъ имъ по своему предмету, привели только къ тому, что французская литература обогатилась семью многотомными сочиненіями, заключающими иногда довольно любопытные факты и всегда самыя глупыя, рутинныя разсужденія.

По складу головы, Моро-Кристофъ похожъ на того астронома Фридриха II, который, самъ не желая того, доставилъ своему брату славу великаго предвѣщателя погоды. Извѣстность послѣдняго сдѣлалась наконецъ такъ велика, что Фридрихъ пожелалъ его видѣть. — «Какимъ образомъ ты предсказываешь погоду?» спросилъ его Фридрихъ. — «Очень просто, отвѣчалъ тотъ: когда мой братъ, придворный астрономъ вашего величества, говоритъ, что будетъ хорошая погода, я говорю, что будетъ дурная, и всегда случается по моему.» — Совершенно такъ же нужно поступать съ Моро-Кристофомъ и со всѣми рутинными писателями: всѣ ихъ разсужденія нужно понимать въ обратномъ смыслѣ, и тогда получится та правда, до которой эти господа рѣшительно не въ состояніи дойти своимъ умомъ.

Впрочемъ, этотъ способъ возстановленія истины, не смотря на свою простоту, не можетъ принести большой практической пользы, потому что для этого слѣдовало бы опубликовать имена всѣхъ рутинныхъ писателей. Но какъ это невозможно — впрочемъ, совсѣмъ не потому, чтобы составленіе такого списка было трудно, а потому, что рутинеры, отличающіеся великой солидарностью, хотя и притворяются, что изысканіе истины составляетъ для нихъ дѣло жизни, и иногда даже, для оптического обмана легковѣрныхъ читателей, вступаютъ въ полемику, — какъ это можно замѣтить и у насъ, между московскими и петербургскими газетами, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они составляютъ такую тѣсную ассоціацію, что, конечно, перекричатъ

своихъ немногочисленныхъ мыслящихъ противниковъ и всегда найдутъ поддержку въ рутинномъ большинствѣ, которому они понятнѣе. Видъ только поэтому рутинныя мысли и находятъ такую обширную практику.

Моро-Кристофъ въ своемъ «Мирѣ мошенниковъ» (*Le monde des Coquins*) является соперникомъ «Несчастливыхъ» Виктора Гюго. — Соперничество, конечно, возможное, потому что основная мысль «*Les Misérables*» недостаточно развита, но не для Моро-Кристофа съ его рутинными, чиновничьими понятіями; для этого, кромѣ смѣлости, нужна еще и вѣрѣная голова, которой не достааетъ у автора «*Мира мошенниковъ.*»

Викторъ Гюго хотѣлъ показать наглядно, что причиной преступлений—бѣдность и недостатокъ образованія: сдѣлайте людей богатыми или, по крайней мѣрѣ, обеспеченными и дайте имъ знаніе—преступленія исчезнутъ. Всѣ личности, выведенныя Гюго въ романѣ и нужны ему для подкрѣпленія его мысли, такъ симпатичны, имѣютъ въ себѣ столько прекраснаго и благороднаго, что нельзя не согласиться, что можно прожить очень счастливо въ обществѣ подобныхъ преступниковъ весь свой вѣкъ, не вспомнивъ ни разу о людяхъ добродѣтельныхъ. Главные герои романа—всѣ люди добрые, хотя они и заклеены уголовнымъ судомъ. Для подобныхъ личностей дюжинный масштабъ Моро-Кристофа совершенно непримѣнимъ, и нужно умѣть понять, что Викторъ Гюго хотѣлъ олицетворить въ своихъ страшныхъ образахъ всѣмъ извѣстную истину, что судъ общества надъ совѣстью человѣка нисколько не служитъ доказательствомъ дѣйствительной вины обвиняемаго, что очень хорошо знаетъ и Моро-Кристофъ. Гюго разрѣшилъ эту задачу превосходно; при этомъ, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что дюжинные люди тутъ не годятся и вывелъ на сцену личности исключительныя, но возможные, и хотя рѣдко, но попадающіяся въ дѣйствительной жизни.

Во всѣхъ остальныхъ личностяхъ своего романа Викторъ Гюго проводитъ ту же мысль, а Моро-Кристофъ усиливается доказать вездѣ, что Гюго ошибается, и обнаруживаетъ особенную ярость, когда дѣло касается нравственности. Моро-Кристовъ—великій моралистъ, преисполненный страшнаго негодованія, когда дѣло касается такъ называемыхъ падшихъ женщинъ. Здѣсь онъ сыплетъ фразами и знаками восклицанія съ такой щедростью, какъ-будто имѣетъ собственную словолитню. Выговоривъ слово «проституція», Моро-Кристофъ пускается въ такую декламацию: «при этомъ словѣ сердце возмущается и негодованіе превращаетъ въ грязь всѣ цвѣты, которыми

Викторъ Гюго не побоялся увѣнчать свою Фантину. (Одна изъ героинь романа). И здѣсь, какъ и вездѣ, Викторъ Гюго видается въ крайности, перескакивая отъ крайностей добра въ крайностямъ зла, не признавая между ними никакого посредствующаго отгѣнка, кромѣ аналогіи, и допуская даже между ними однородности натуры. Его перо, какъ и его умъ, дѣйствуютъ на подобіе термометра, переходя отъ одной крайней точки къ другой,⁴ обозначая степень температуры атмосферы, то теплой, то холодной, смотря по капризу погоды, и, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ:—система, по которой безобразное становится на одну линію съ прекраснымъ, ложное на одну линію съ истиннымъ и т. д. какъ то, такъ и другое, имѣя одно начало, вытекая изъ одного принципа, не различаясь, не удаляясь и не приближаясь одно къ другому, какъ только разницей въ степени, въ тонѣ, какъ *ut* и *si* въ гаммѣ, какъ сѣверный и южный полюсъ въ земной сферѣ, какъ карликъ отъ великана въ человѣческомъ ростѣ» и т. д. (Моро щедръ на слова—оттого и не совѣсть ясенъ). Нѣчто подобное, какъ мнѣ кажется, хотѣлъ сказать Прудонъ, своей, повидимому, парадоксальной аксіомой, что всякое предложеніе справедливо на столько, на сколько справедливо предложеніе противоположное. Пусть оспариваютъ эту мысль въ метафизикѣ, схоластикѣ,—все это до извѣстной степени возможно. Но въ морали это бессмысленно, невозможно, чудовищно. Нравственно Викторъ Гюго ошибся и погрѣшилъ сильно, заставивъ у ногъ павшей добродѣтели куриться тотъ самый фимиамъ, который горитъ на алтарѣ добродѣтели безъ упрека.—«Отецъ, говоритъ дочь Фантины Жану Вальжану, пылѣющую ночь я видѣла во снѣ свою мать. У нея было два большихъ крыла. Моя мать сдѣлалась, вѣрно, святой. — Да, мученичествомъ, отвѣтилъ Вальжанъ». — «Козеттъ, сказалъ въ другой разъ Вальжанъ своей воспитанницѣ, пришло время сказать тебѣ имя твоей матери. Она звалась Фантиной. Запомни хорошенько это имя—Фантина; становись на колѣни всякій разъ, какъ мы будемъ произносить его. Для нея было несчастьемъ все то, что для тебя служить счастьемъ. Это удѣлъ божій.»—Святость путемъ не цѣломудрія! Мученичество путемъ проституціи! Проституція—удѣлъ божій!.. Какая отвратительная профанация словъ и вещей!» Все это говорю не я, а Моро-Кристофъ. Изъ-за чего же онъ такъ сердится? Для чего такъ много знаковъ восклицанія? Фантина по любви отдавалась одному развратному юношѣ и тотъ скоро бросилъ ее. Плодомъ

ихъ связи была Козеттъ. Бѣдная мать, лишенная средствъ существованія, продаетъ свою косу, продаетъ дантисту свои прекрасные зубы, что выходитъ въ романѣ весьма эффектно, потому что дергать здоровые зубы очень больно. И все это, чтобы спасти себя и дочь отъ голодной смерти. Только человѣкъ очень скудоумный могъ подогрѣть себя на фразы, выражающія, повидимому, негодованіе; чтобы по старой рутинѣ обвинить женщину, виноватую только тѣмъ, что ее обманули, что ей приходится умирать съ голоду и пройти безъ всякаго негодованія мимо человѣка, бывшаго причиною всего этого. Ужъ если нужно непременно сердиться, то справедливѣе метать громы по поводу соблазнителя, чѣмъ по поводу такъ называемой жертвы. Но Моро-Кристофъ не такой господинъ, чтобы отступилъ отъ рутинной морали; если ему выгодно, то онъ умѣетъ даже перевернуть факты и дѣлаетъ пзъ нихъ совершенно обратные выводы, нисколько, какъ видно, и не подозревая, что его факты и выводы противорѣчатъ одинъ другимъ.

Даже и по заглавію сочиненія можно заключить, что Моро-Кристофъ, не смотря на многолѣтнюю практику и кажущееся знакомство съ дѣломъ, не скажетъ ничего, ни поваго, ни поучительнаго. Что такое «міръ мошенниковъ»? Неужели это нѣчто изолированное и стоящее совершеннымъ особнякомъ отъ міра честныхъ людей, такъ что мошенники и честные люди составляютъ два отдѣльныхъ круга, двѣ противоположности? Да и что значитъ мошенникъ? Мазуряка, упражняющагося весь свой вѣкъ въ опоражниваніи чужихъ кармановъ, каждый назоветъ мошенникомъ, потому что онъ посвятилъ себя мошеннической специальности; разбойника и специалиста-убійцу можно тоже безъ труда причислить къ «міру мошенниковъ», потому что ихъ дѣятельность очерчена слишкомъ рѣзко. Но гдѣ та черта, гдѣ кончается честный человѣкъ и начинается мошенникъ? И составляютъ ли честные люди, въ противоположность «міру мошенниковъ», свой независимый міръ, такъ чтобы можно было сказать, что на землѣ есть особый міръ честныхъ людей? Ни одному самому пылкому и добродѣтельному романисту не можетъ придти мысль написать романъ или сочиненіе подъ заглавіемъ «міръ честныхъ людей», потому что вопіющая нелѣпость такой мысли очевидна даже для всякаго фантазера-моралиста. Только Моро-Кристофъ могъ думать, что существуетъ «міръ мошенниковъ», да и то, можетъ быть, больше потому, что заманчивость заглавія обѣщала сбытъ книгъ.

Но, конечно, Моро-Кристофъ не на столько же глупъ, чтобы утверждать, что существуетъ на свѣтѣ черта, раздѣляющая честныхъ и безчестныхъ людей, и что людей можно принимать за отдѣльные сосуды, наполненные — одни исключительно нектаромъ добродѣтели, — а другіе — ядомъ порока. Всѣ даровитые наблюдатели, романисты и историки давно уже доказали, что въ каждомъ человѣкѣ сидитъ свой Фаустъ и Мефистофель; съ той только разницей, что въ одномъ больше Мефистофеля, а въ другомъ — Фауста. Поэтому, ни одна добродѣтель не можетъ обойтись безъ большей или меньшей дозы порока и ни одинъ порокъ безъ большей или меньшей дозы добродѣтели. Такимъ образомъ ироническое сравненіе ума и пера Виктора Гюго съ термометромъ падаетъ обвиненіемъ на автора сравненія, обличая его неумѣнье пользоваться слабыми сторонами разбѣраенаго писателя. Впрочемъ, какъ рутинеръ, Моро-Кристофъ и не могъ поступить иначе: оттого-то онъ и хвалитъ въ Викторѣ Гюго все рутинное и стглаое и осуждаетъ все прогрессивное.

Не смотря на то, что Моро-Кристофъ увѣряетъ, что существуетъ особенный «миръ мошенниковъ», изъ другихъ мѣстъ его книги можно заключить, что такого міра въ дѣйствительности вовсе нѣтъ, и что добродѣтель, ослабѣвая постепенно, переходитъ незамѣтно въ порокъ. Вотъ факты: во Франціи существуетъ 35,000 полевыхъ сторожей, 30,000 сторожей частныхъ, 30,000 таможенныхъ, 15,000 жандармовъ, 10,000 лѣсныхъ сторожей, 3,000 полицейскихъ комиссаровъ и 3,000 ихъ помощниковъ, 3,000 полицейскихъ агентовъ, кромѣ того десятки тысячъ военныхъ постовъ, національная гвардія, городскіе сержанты, которыхъ въ одномъ Парижѣ до 20,000; 3,500 ежегодныхъ присяжныхъ, 38,000 полицейскихъ конторъ и отдѣленій, 6,475 разныхъ сортовъ исправительныхъ заведеній, тюремъ, рабочихъ домовъ и т. п. заведеній, придуманныхъ для исправленія людской нравственности; всего въ цѣломъ болѣе 240,000 мѣстъ и лицъ, и все это копошится, шныряетъ, ищетъ, судитъ, наказываетъ почти день и ночь. Результатъ этой неустанной дѣятельности слѣдующій: 207 тысячъ обнаруженныхъ преступленій и 182 тысячи наказанныхъ ассизными и исправительными судами, да 300,000 разныхъ полицейскихъ нарушеній. Открытыхъ же, но ненаказанныхъ преступленій болѣе 25,000. А сколько преступленій неоткрытыхъ? Сколько опять преступленій, неуловимыхъ для полицейскаго и уголовного суда — разныхъ домашнихъ насилій, разныхъ мелоч-

ныхъ, болѣе или менѣе тонкихъ, обмановъ и надувательствъ, совершаемыхъ такъ называемыми честными людьми; сколько проступковъ и преступлений предупрежденныхъ? И все это совершается «миромъ мошенниковъ?» Въ такомъ случаѣ авторское самолюбіе Моро-Кристофа должно быть вполнѣ удовлетворено, потому что его «миръ мошенниковъ» очень—очень великъ, и если бы слово «мошенникъ» не звучало такъ сиверно и имѣло болѣе смягченный и общій смыслъ, въ родѣ «Мефистофеля», то никому бы не было обидно согласиться съ тѣмъ, что въ каждомъ изъ насъ есть частичка этого рода мефистофелевскаго элемента, выражающагося частью въ разнообразныхъ видахъ злорадства, начинающагося простымъ, невиннымъ удовольствіемъ напасть на немножко ближнему и кончающагося крупнымъ злорадствомъ смертоубійства, и частью слабость поживиться чужой собственностью, начинающаяся невиннымъ зажиливаніемъ и кончающаяся воровствомъ. На эту-то прогрессивность Моро-Кристофъ и не обратилъ вниманія или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ избѣгать указанія на нее, потому что иначе его «миръ мошенниковъ» расплылся бы въ остальномъ мирѣ, пользующемся другой, болѣе благовидной репутаціей, и, вмѣсто пегодованія и обильныхъ знаговъ восклицанія противъ «мира мошенниковъ», пришлось бы направить эти заряды противъ всего человѣчества, что для моралиста не совсѣмъ послѣдовательно.

Конечно, послѣдовательность не есть еще необходимое условіе каждаго добродѣтельнаго человѣка и рутиннаго писателя. Это знаетъ очень хорошо и Моро-Кристофъ; поэтому-то онъ и старается приводить всегда такіе факты, которые постоянно противорѣчатъ его выводамъ. Такая странность случается постоянно со всѣми тѣми, кто хочетъ старья рутинныя понятія примирить съ новыми научными изслѣдованіями, и пользуется послѣдними для оправданія первыхъ. Моро-Кристофъ не испугался даже прибѣгнуть къ фокусничеству, что для моралиста ужъ совсѣмъ нехорошо. Для своихъ фокусовъ, Моро-Кристофъ пользуется физиогномикой, хиромантіей и даже френологіей, подбирая изъ нихъ какъ разъ именно то, чему не вѣрить ни одинъ здравомыслящій человѣкъ.

По какимъ признакамъ можно узнать мошенника? спрашиваетъ Моро-Кристофъ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ. Во всѣ времена люди обнаруживали особенное любопытство опредѣлять по внѣшнимъ признакамъ душевное состояніе и способности

людей. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть важнѣе искусства различать по внѣшности Кайна отъ Авеля, честнаго человѣка отъ плута? Но возможно ли это? Разные признаки послѣдовательно или взятые вмѣстѣ служили въ равныя времена для этой цѣли: тѣло сложене, признаки враніологическіе, физиогномическіе, хиропномоническіе, пластическіе, мимическіе. И всѣ эти признаки Моро-Кристоффъ старается изслѣдовать.

Еще древніе замѣчали, что извѣстнымъ внѣшнимъ признакамъ сложения, т. е. той или другой пропорціи членовъ, тому или другому цвѣту кожи, извѣстнымъ физическимъ привычкамъ и т. д. соотвѣтствуютъ довольно постоянно извѣстныя расположенія ума и страсти. Наблюденія привели къ составленію ученія о темпераментахъ. Четыре основныхъ темперамента составили четыре основныхъ типа характеровъ, которые въ полной чистотѣ никогда не встрѣчаются, но всегда смѣшанными; притомъ перевѣсомъ одного темперамента надъ другими опредѣляется характеръ, наклонности и способности человѣка.

Люди жолчные, отличающіеся особенной нравственной силой, бываютъ опаснѣе другихъ; они легче другихъ дѣлаютъ великія дѣла и великія преступленія. Они отличаются смѣлой, рѣзкой физиогноміей, блестящими глазами, сухимъ, нерѣдко желтымъ лицомъ, черными какъ смоль волосами, иногда курчавыми, худощавымъ тѣломъ, но съ сильными мускулами и сильнымъ, рѣзкимъ пульсомъ. Между заключенными и каторжными много людей этого темперамента.

Но не меньше мошенниковъ и темперамента совершенно противоположнаго — флегматическаго или лимфатическаго. Люди этого сорта отличаются вялой, незначительной физиогноміей, гладкими, не рѣзкаго цвѣта волосами, тусклыми глазами, слабыми, хотя и полными мускулами, медленными и умѣренными движеніями и медленнымъ, слабымъ пульсомъ. И въ нравственныхъ качествахъ флегматики совершенно противоположны холерикамъ. Они не знаютъ крайностей: умѣренны и въ добродѣтеляхъ, и въ порокахъ, въ чувствахъ и въ идеяхъ; это люди самые способные для обыкновенной, дюжинной жизни. Не смотря однако на свою медленность и умѣренность во всемъ, флегматики, стремящіеся преимущественно къ покою, берутъ мало по малу верхъ надъ людьми ихъ окружающими и, какъ замѣчаетъ Моро-Кристоффъ, они господствуютъ въ тюрьмахъ не только надъ своими товарищами по заключенію, но даже и надъ сторожами.

Меланхолики имѣютъ большею частью печальную физиогномію, блѣдное лицо, впавшіе, мрачнаго выраженія, глаза, черные волосы, высокое, тонкое, худощавое тѣло, длинныя конечности, пульсъ слабый и медленный. Не смотря на свою кажущуюся физическую слабость, они отличаются большой тѣлесной силой, могутъ легко переносить трудныя, утомительныя работы, причѣмъ отличаются большимъ терпѣніемъ и необычайнымъ упорствомъ. Въ ихъ страстяхъ замѣчается также упорство, такъ сказать, оттѣнокъ вѣчности, что дѣлаетъ ихъ иногда до крайности опасными. Отличаясь постоянствомъ въ дружбѣ, они бываютъ въ то же время неумолимыми врагами. Естественная робость дѣлаетъ ихъ подозрительными, а недовѣріе въ самимъ себѣ — ревнивымъ. Эти двѣ особенности получаютъ важность отъ безпокойнаго воображенія, которое у меланхолика работаетъ безпрестанно, такъ что самыя незначительныя, повидимому, впечатлѣнія доводятъ меланхоликовъ до весьма серьезныхъ поступковъ. Мошенники этого темперамента самыя опасныя изъ всѣхъ.

Менѣе опасны и менѣе многочисленны мошенники-сангвиники. Не смотря на то, сангвиники, по живости характера и по увлеченію, легко переступаютъ предѣлы, установленный между обычаемъ и злоупотребленіемъ. Къ счастью, для сангвиниковъ, чувства и стремленія ихъ непрочно, не отличаются непреклонностью и страстностью и что сангвиники утѣшаются легко, т. е. новыя впечатлѣнія быстро снимаютъ у нихъ одно другое. Сангвиники неспособны къ сильному, продолжительному размышленію; все, что требуетъ большой внимательности, строгой послѣдовательности въ мысляхъ и упорства — антипатично ихъ натурѣ. Поэтому, изъ нихъ образуются хорошіе узники, кроткіе, спокойные, терпѣливые и даже веселые. У нихъ не достаетъ нравственной силы на борьбу съ тюремными порядками. Мошенники-сангвиники отличаются умѣреннымъ ростомъ и полнотой, пропорциональными членами, веселымъ, цвѣтущимъ лицомъ, живыми глазами, волосами каштановаго, рыжеватаго или рыжаго цвѣта, нѣжной бѣлой кожей, иногда съ краснымъ оттѣнкомъ, свободными, легкими движеніями. Вообще это веселые и счастливые люди.

Но одинъ темпераментъ еще не даетъ безошибочныхъ данныхъ для вѣрнаго заключенія о человѣкѣ. Благодаря трудамъ Галля, явилось другое мѣрило для опредѣленія наклонностей и способностей людей. Въ явленіяхъ органической жизни френологи отличаютъ отправленія растительныя и животныя. Первые считаются безсознательными,

второя—сознательными и исключительно зависящими отъ мозга—органа, создающаго исключительно всё процессы, называемые въ ихъ совокупности животною жизнью.

Въ способностяхъ животныхъ вообще френологи отличаютъ инстинкты отъ способностей умственныхъ. Къ первымъ причисляютъ инстинктъ самосохраненія, продолженія своего рода, любовь къ дѣтямъ, склонность къ разрушенію или къ убійству, инстинктъ собственности, склонность къ воровству, хитрости и т. д. Умственные способности приписываются исключительно людямъ; сюда принадлежатъ: гордость, самолюбіе, религіозность, чувство справедливости, способность къ языкамъ, способность чисель, къ музыкѣ и т. д. Въ свѣдѣніяхъ замѣчу, что Моро-Кристофъ придерживается старыхъ понятій объ инстинктѣ. По своему рутинному добродушію, онъ удовлетворяется вполнѣ тѣмъ, что у животныхъ—инстинкты, и что только у одного человѣка—способности. За это строгое разграниченіе держатся моралисты руками и ногами, потому что на немъ основана вся ихъ теорія исправленія людей. Стоитъ только поставить инстинкты и способности въ одну категорію животныхъ проявленій, какъ феномены одного и того же чувствующаго организма, различающіеся не качествомъ, а степенью или количествомъ, — и Моро-Кристофу придется положить перо и похоронить себя заживо, чего онъ и подобные ему травоядные люди не захотятъ ни за что на свѣтѣ.

Въ какомъ же мѣстѣ мозга сидятъ всѣ перечисленные способности? Какими внѣшними признаками они обнаруживаются? Для всѣхъ двадцати семи, а, по ученію другихъ френологовъ, тридцати семи способностей, есть въ мозгѣ свои исключительныя мѣста, и каждая способность обнаруживается на черепѣ особенной шишкой или желвакомъ. Въ этомъ отношеніи Моро-Кристофъ оказывается довольно передовымъ человѣкомъ, потому что не вѣрять въ френологическое значеніе шишекъ, въ размежеваніе человѣческихъ способностей и въ френологическую географію. Онъ даже сознается откровенно, что очень трудно судить по черепу о преобладаніи у человѣка тѣхъ или другихъ способностей, тѣхъ или другихъ инстинктовъ (нельзя же безъ инстинктовъ). Очень часто у вора находятъ шишку убійства и ни малѣйшаго признака шишки стяжанія или пріобрѣтенія; точно такъ же, какъ у убійцы находятъ шишку воровства и не находятъ способности разрушенія. Всѣ политическіе убійцы, не имѣли шишки

смертоубійства. Но и многіе изъ обыкновенныхъ убійць—въ сущности только воры, ищущіе собственно денегъ и убивающіе только потому, что обстоятельства сложились такимъ образомъ. Вообще нужно замѣтить, что головы уголовныхъ преступниковъ, какъ и головы всѣхъ остальныхъ людей, не представляютъ рѣзкихъ особенностей, которыя выказывали бы непремѣнное расположеніе къ пороку или къ добродѣтели; даже каторжные имѣютъ черепы общаго, обыкновеннаго устройства. Не смотря на это, Моро-Кристофъ все-таки думаетъ, что главная трудность для различенія френологическимъ путемъ честнаго человѣка отъ мошенника заключается въ невозможности ощупывать головы людей и въ препятствіи, представляемомъ волосами, закрывающими именно тѣ части; гдѣ помѣщаются инстинкты, что, по мнѣнію Моро-Кристофа, равносильно дурнымъ наклонностямъ. Поэтому онъ считаетъ френологію безсильной или, по крайней мѣрѣ, недостаточной для безошибочнаго различія честнаго человѣка отъ мошенника и призываетъ на помощь физиогномику.

Физиогномія, говоритъ Моро-Кристофъ, есть не болѣе, какъ отраженіе нашихъ впечатлѣній. Поэтому она, кажется, назначена объяснять наши инстинкты и склонности, тайны которыхъ скрыты для френолога подъ волосами и прической. Всякая черта лица имѣетъ свое собственное физиогномическое значеніе, ей исключительно свойственное, и по отдѣльнымъ чертамъ составляются частныя заключенія. Но прежде всего бросается въ глаза игра всей физиогноміи и вся совокупность чертъ. «Богъ, разсуждаетъ Моро-Кристофъ, избралъ лицо, чтобы сдѣлать его зеркаломъ мысли и души. Поэтому, желая, чтобы человѣкъ обращалъ лицо къ небу, Богъ снабдилъ его, т. е. лицо, всѣми органами чувствъ, которые концентрируютъ въ немъ всѣ впечатлѣнія души. Въ лицѣ выражается вся жизнь; только на немъ горитъ свѣточъ разума. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ тѣла мы находимъ только формы матеріальныя, лишеныя оживленія, но только одно лицо одушевляется мыслью. Это—книга сердца, открытая тому, кто умѣетъ ее читать, поэтому-то лицо открыто у всѣхъ народовъ.»—Я нарочно привелъ это мѣсто почти цѣликомъ, чтобы читатель могъ самъ судить о литературномъ и ученномъ приѣмѣ Моро-Кристофа, и не обвинялъ бы меня въ бездоказательности, когда я говорю о его ученой и умственной несостоятельности.

Единственная часть тѣла, одаренная способностью краснѣть, человѣческое лицо, въ своихъ различныхъ оттѣнкахъ представляетъ

такіе ясныя признаки внутренняго состоянія души, въ которыхъ не ошибется ни одна физиогномистъ. Краснотою глазъ обнаруживается краска досады; краснотою лба — чувство любви; краской щекъ и ушей — стыдъ. И въ самой краснотѣ есть различныя оттѣнки. Краску злости и досады легко отличить отъ краски стыда. Последняя имѣетъ яркій, живой цвѣтъ, тогда какъ первая, вызванная сильнымъ приливомъ крови и стѣсненіемъ дыханія, имѣетъ мрачный, синеватый оттѣнокъ. Тоже самое и съ блѣдностью. Простой испугъ только обезцвѣчиваетъ лицо, тогда какъ ревность, зависть, ненависть или другая злобѣщая страсть производятъ блѣдность тусклую, съ мѣднымъ или свинцовымъ отливомъ.

Физиогномія зависитъ вполне отъ мозга и вполне подчиняется движенію чувства и мысли. Электрическими опытами доктора Дюшена доказано, что каждый отдѣльный нервъ приводитъ въ движеніе свой мускулъ и производитъ въ лицѣ извѣстное, опредѣленное выраженіе. Эти выраженія можно вызвать искусственнымъ образомъ и снять фотографически. Раздраженіемъ отдѣльныхъ нервовъ, Дюшенъ вызвалъ 33 различныхъ выраженій, изображающихъ главные состоянія души — ужасъ, радость, глубокое презрѣніе, горькую усмѣшку, сладострастіе и т. д.

Придавая огромное значеніе физиогноміи, Моро-Кристофъ увѣряетъ, что довольно взглянуть пристально въ лицо человѣка, чтобы прочесть, что происходитъ на днѣ его души. Но для этого, будто бы, лучше всего смотрѣть въ профиль, потому что онъ представляетъ линію болѣе опредѣленную и чистую, и слѣдовательно является меньшій рискъ ошибки, чѣмъ при взглядѣ на лицо прямо. Изъ такого важнаго значенія профиля Моро-Кристофъ выводитъ важность силуэта и моду на нихъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда съ легкой руки Лафатера всѣ принялись изучать физиогноміи другъ друга и смотрѣть на собственные силуэты.

Не смотря, однако, на всю физиогномическую важность профиля, Моро-Кристофъ нелагаетъ, что есть еще лучшее средство опредѣлять, что скрывается подъ красивымъ или безобразнымъ лицомъ — душевное безобразіе или красота. Средство это заключается въ томъ, чтобы взглянуть на человѣка лицомъ къ лицу въ моментъ его хорошаго или дурнаго дѣла. Разумѣется, это средство напоминаетъ секретъ ловить веробьевъ, посыпавъ имъ на хвостъ соли; но Моро-Кристофъ не смущается такой малочью и смѣло увѣряетъ, что это средство

лучшее изъ всѣхъ. «Если вы встрѣтите въ обществѣ, что и случается очень часто, людей весьма безобразныхъ и, не смотря на то, снабженныхъ хорошими качествами, или разбойничью душу подъ привлекательной наружностью, то постарайтесь уловить игру физиогноміи красавца въ моментъ какого нибудь его сквернаго дѣла. Вы увидите, на сколько прекрасное лицо удаляется отъ типа красоты, не дѣлавшей никогда ничего дурного. Такъ же точно и некрасивое лицо въ моментъ прекраснаго, великодушнаго дѣла освѣтится огнемъ благородной страсти, и вы увидите въ самомъ даже безобразіи ту тонкую красоту, которая сопровождаетъ всегда добродѣтель.» Все это, конечно, хорошо и правильно, но, къ сожалѣнію, противорѣчитъ всему тому, что говорилъ ранѣе о физиогноміяхъ авторъ «міра мошенниковъ»: не по лицу приходится опредѣлять человѣка, а по его поступкамъ.

Далѣе Моро-Кристофъ разсматриваетъ отдѣльныя части лица: лобъ, глаза, носъ, уши, ротъ, щеки, подбородокъ, зубы, волосы; но все, что онъ говоритъ по этому предмету, повторяя Лафатера и его послѣдователей, имѣетъ столько же практической важности, какъ и приведенное выше средство опредѣлять безобразную душу подъ прекрасной наружностью. Впрочемъ, изрѣдка Моро-Кристофъ дѣлаетъ и предостереженія. Такъ, онъ говоритъ: черный глазъ, живой и чистый, блестящій, какъ алмазъ, — хорошъ; но глазъ совершенно черный, который горитъ, какъ раскаленный уголь (признаки вообще трудно уловимые), обозначаетъ существо скупое и злое, котораго нужно остерегаться. — Не довѣряйте блѣднымъ женщинамъ, сказалъ Балзакъ; но довѣряйте глазамъ мрачнымъ и въ то же время блестящимъ, провозглашаетъ Дебароль, а за нимъ и Моро-Кристофъ. Не довѣряйте, продолжаетъ онъ, людямъ, у которыхъ постоянно улыбка на устахъ, а также и тѣмъ, у кого косой ротъ. — Затѣмъ другихъ предостереженій не дается.

Есть и еще физиогномическіе признаки, играющіе, по мнѣнію Моро-Кристофа, довольно важную роль при опредѣленіи нравственныхъ качествъ человѣка — это сходство его съ тѣмъ или другимъ животнымъ. — Въ каждомъ человѣкѣ сидитъ какое нибудь животное, а иногда даже и нѣсколько, и если взглянуть на людей, то едва ли можно отвергать, что свѣтъ состоитъ изъ барановъ, волковъ, тигровъ, львовъ, коршуновъ, сорокъ, лисицъ, пѣтуховъ, собакъ, голубей, ословъ, кабановъ, индѣекъ въ человѣческомъ образѣ, съ истинными и характеристическими признаками кротости, жестокости, глупости, хи-

гости, тщеславія и скромности, непорочности и цинизма и т. д., которые природа дала каждому изъ этихъ животныхъ. Совершенно несомнѣнно, что между животными и людьми существуетъ поразительная аналогія, и что въ людяхъ, черты которыхъ напоминаютъ известное животное, встрѣчаются непремѣнно въ большей или меньшей степени и его качества. При опредѣленіи этой аналогіи наблюдатель долженъ обращать особенное вниманіе на форму лба, положеніе и разстояніе глазъ и на центральную линію рта. Вотъ нѣкоторыя частности.

Люди съ профилемъ льва встрѣчаются весьма рѣдко. Они отличаются обыкновенно энергіей, наглостью и чувствомъ собственнаго достоинства. Противоположность имъ составляютъ люди съ профилемъ кабана. Низкій ротъ — признакъ грубой чувственности; въ глазахъ видна фальшивость и злость, и низость души. Баранья физиогномія, т. е. довольно высویи, но круглый лобъ, обозначаетъ тупость, а линія рта и расположеніе зубовъ указываютъ на отсутствіе энергии и способности противиться силѣ силой. Люди съ лицомъ, напоминающимъ собаку, въ особенности собаку съ висчаными ушами, отличаются преданностью; но за то люди съ волчьей физиогноміей вовсе не склонны къ привязанности и внушаютъ боязнь. Птичья физиогномія встрѣчается преимущественно у женщинъ, въ особенности куриныхъ, голубиныхъ и перепелныхъ. Это — признаки сильнаго развитія чувства любви къ семейству. Въ мужчинахъ чаще сходство съ птицами хищными, что служитъ признакомъ смѣлости характера, возвышенности мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и отсутствія расположенія къ нѣжнымъ ощущеніямъ. Люди съ круглыми, подвижными глазами, съ узкимъ, тонкимъ носомъ, съ убѣгающими назадъ лбомъ и вздорнымъ, напоминающимъ сороку, отличаются обыкновенно скупостью. Есть даже люди съ физиогноміями пресмыкающихся и рыбъ. Сходство съ пресмыкающимся, особенно съ змѣей, служитъ выраженіемъ какихъ-то скверныхъ, зловѣщихъ наклонностей, но какихъ, этого не объясняетъ даже и творецъ этой науки, Лафатеръ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что дѣло ясно и само собой. А если неясно? — Моро-Кристофъ же предлагаетъ прочесть какую-то книгу, подъ названіемъ «Змѣя» (должно быть что нибудь ужасное; хорошо еще, что никто не знаетъ этой книги). — Накопецъ, сходство съ карпией, лососемъ, камбалой, щукой обозначаетъ тупость и ничтожность.

Кромѣ этихъ признаковъ, природа, по словамъ Моро-Кристофа,

чтобы дать возможность различать честнаго человѣка отъ мошенника, представляетъ намъ картину подъ тысячью разнообразныхъ формъ, подобно брилланту, котораго facets бросаютъ тысячи различныхъ цвѣтовъ, образуемыхъ однимъ и тѣмъ же камнемъ (что-то неясно, не такъ у Моро-Кристофа.) Поэтому каждый человѣкъ носить съ собою исторію своей жизни, совершенно ясную для посвященныхъ. Однаго только не объяснилъ краснорѣчивый авторъ: кто это посвященные и какимъ путемъ обмывованный человѣкъ можетъ попасть въ закодированный кругъ подобной мудрости, чтобы отличать съ такой же легкостью, какъ Моро-Кристофъ, многоцвѣтные брилланты добродѣтели отъ чернаго, какъ уголь, пороша? По мнѣнію Моро-Кристофа, Провидѣніе положило на всѣ вредныя существа особенную печать. Въ этимъ вредоноснымъ созданіямъ причисляетъ Кристофъ распутныхъ женщинъ, воровъ и убійцъ. По какимъ признакамъ можно различать распутныхъ женщинъ, авторъ не говоритъ, но открываетъ секретъ для распознаванія по хирогномическимъ даннымъ воровъ и убійцъ. — Воры имѣютъ вообще пальцы длинные, худощавые, сухіе, лопатообразные или заостренные; на бугоркѣ Меркурія (это хиромантия) находится у нихъ свѣтъ пересѣгающихся линій или крестъ и т. д. — все выписывать скучно. Убійцы имѣютъ очень красную или зеленоватую кожу. Краснолицые дѣлаютъ убійства или отъ злости, или вслѣдствіе распутства. У первыхъ глаза блестящіе и взглядъ притальный, у вторыхъ тусклые, сухіе, съ выраженіемъ жестокости. У тѣхъ и у другихъ руки сложены дурно, пальцы корявые и большой палецъ короткій, кончающійся шарообразно. Меркурій у убійцъ играетъ тоже важную роль, но вмѣстѣ съ нимъ является и плоскость Марса, на которой если находится крестъ, то онъ означаетъ человѣка задорнаго, горячаго и легко рискующаго. — Если читатель изъ этого описанія еще не научился отличать воровъ и убійцъ отъ людей, неимѣющихъ такихъ неопозволительныхъ привычекъ, то я въ этомъ невиноватъ, потому что и у Моро-Кристофа нельзя тоже понять ничего. Чувствуя неудовлетворительность своей кабалистики, Моро-Кристофъ прибавляетъ, что, изслѣдуя тѣнь истины, угадываютъ наконецъ и самую истину; но едва ли въ томъ мракѣ, куда забрался Кристофъ, можно различить хоть что нибудь. Какое же исцаніе истины въ потьмахъ!

О пластическихъ и мишическихъ признакахъ я говорить уже не стану. Они такъ же непопятны, какъ всѣ тѣ, на основаніи которыхъ

Моро-Кристофъ отличаетъ честныхъ людей отъ мошенниковъ. Но Моро-Кристофъ думаетъ иначе, и для убѣжденія скептиковъ представляетъ даже цѣлый рядъ доказательствъ. Познакомлю читателя и съ ними. Начинается съ доказательствъ френологическихкихъ.

Въ июль 1676 года, умерла во Франціи на эшафотѣ знаменитая отравительница — Марія д'Обрай, жена маркиза Бренвилье, обвиненная въ послѣдовательномъ отравленіи своего отца, своихъ двухъ братьевъ, своего ребенка, своего мужа. Черепъ этой женщины хранился въ версальскомъ музеумѣ и показывался всѣмъ любопытнымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, докторъ Леруа доказалъ подложность этого черепа слѣдующимъ образомъ. Осмотрѣвъ черепъ, онъ сказалъ: «черепъ этотъ не можетъ принадлежать госпожѣ Бренвилье, потому что онъ, хотя и обличаетъ твердость характера и способность разрушенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ и такіе органы, которыхъ нельзя согласить съ извѣстными всѣмъ свойствами отравительницы: именно чадолубіе и благоговѣніе, соединенныя съ любовью къ приобрѣтенію и съ суетностью, развитыми до крайней степени. Состояніе костей указываетъ, что особа эта была много моложе Бренвилье, казненной старше пятидесяти лѣтъ. Кромѣ того, размѣръ черепа не соответствуетъ росту маркизы, точную мѣру котораго сохранила современная хроника...» Кому же принадлежала эта голова? Подъ однимъ изъ номеровъ инвентаря бібліотеки стояла надпись: голова госпожи Тике. Консерваторъ навелъ справки въ «causes célèbres» и тамъ нашелъ, чего искалъ. О госпожѣ Тике говорилось слѣдующее: оставшись рано сиротой, Анжелика Кордые, красавица собой, выбрала изъ множества обожателей себѣ въ мужа совѣтника Тике, умѣвшаго щедростью и безразсудными расходами похвалить болѣе всѣхъ ея суетности. — Послѣ двухъ лѣтъ супружества, безмѣрно расточительной жизни и неудачныхъ спекуляцій, Тике разорился. Жена его, лишившись возможности удовлетворять своему тщеславію, вздумала избавиться отъ него, чтобы выйти за другого. Подкупленный консьержъ ихъ отеля убилъ г-на Тике изъ пистолета, въ упоръ. Госпожа Тике разыграла ловко комедію и никто сначала не заподозрилъ въ убійствѣ сильно горевавшую супругу; однако потомъ, по нѣкоторымъ обвиняющимъ обстоятельствамъ, ее арестовали. Передъ отправленіемъ въ тюрьму, она просила увидѣться съ своимъ ребенкомъ, котораго любила страшно, и, обливаясь слезами, покрыла его поцѣлуями. Осужденная на смерть! она пожелала видѣть священника и приняла съ

глубокимъ благоговѣніемъ религіозное утѣшеніе. Наконецъ въ мигъ казни она обнаружила большую твердость. — Такимъ образомъ френологическое объясненіе доктора Леруа подтвердилось вполнѣ. Въ защиту френологіи, Моро-Крестовъ прибавляетъ, что наука эта даетъ безошибочные отвѣты только тогда, когда у нея спрашиваютъ не болѣе того, на сколько она можетъ отвѣчать. Но такое объясненіе похоже на палку о двухъ концахъ, потому что ею такъ же хорошо можно защищаться, какъ и нападать.

Въ одномъ университетѣ студентамъ удалось добыть голову толь-ко-что казеннаго преступника. Галль, увидѣвши ее, сказалъ: «о безобразная голова!» Разсмотрѣвъ потомъ черепъ, профессоръ прибавилъ: «эта голова должна принадлежать осужденному, увлеченному въ преступленіе крайнимъ развитіемъ животности. Сладострастіе съ грубымъ, животнымъ стремленіемъ къ его удовлетворенію брало перевѣсъ надъ всѣми страстями этого несчастнаго. Онъ имѣлъ ограниченный умъ, мрачный характеръ и склонность къ разрушенію. Его экзальтированныя желанія, искаженныя уединеніемъ и лишеніемъ, должны были привести его къ такой необузданной страстности, что всѣ средства и въ особенности смертоубійство годились для удовлетворенія его животныхъ склонностей.» Что же оказалось по справкѣ? Читатель, можетъ быть, думаетъ, что я ставлю ему ловушку и что знаменитый Галль ошибся. О снисходительный читатель! зачѣмъ же подозрѣвать во мнѣ такое коварство, а главное считать Моро-Крестова человѣкомъ совершенно неловкимъ и неопытнымъ? Кто же приводитъ факты противъ самого себя? Галль точно угадалъ то, что нужно Моро-Крестову, и вотъ какіе ужасы были открыты судамъ. Казенный преступникъ, Леже, подъ вліяніемъ мрачной меланхоліи, удалился 28-ми лѣтъ подъ скалу внутри одного дикаго лѣса и жилъ дичью, которую онъ ловилъ, какъ звѣрь, безъ всякихъ искусственныхъ, человѣческихъ способовъ и поживалъ ее сырую. Разъ дѣвушка лѣтъ пятнадцати проходила мимо берлоги Леже. Онъ выскочилъ, какъ голодный волкъ, бросился на перепуганнаго ребенка, увлекъ его въ глубь лѣса, удовлетворилъ свою страсть и затѣмъ дѣвочку съѣлъ. Впрочемъ, онъ съѣлъ ее не сразу, а въ три дня; да и то не совсѣмъ. Какъ увѣряетъ Моро-Крестовъ, Леже помѣшали вороны. Человѣкъ этотъ, небовавшійся ничего, испугался воронъ, которымъ хотѣлось тоже поживиться трупомъ, и убѣжалъ. Тутъ его поймала полиція. Когда

судья спросилъ его, зачѣмъ онъ пилъ кровь убитой имъ дѣвушки, онъ отвѣтилъ очень спокойно: мнѣ хотѣлось пить.

Доказавъ безошибочность френологической географіи, Моро-Кристофъ переходитъ къ физиогномикѣ.

Инспектируя тюрьмы департамента Варъ, Моро-Кристофъ встрѣтилъ заключеннаго изъ породы человѣка-волка. Это былъ господинъ очень худощавый, съ маленькими, свѣтлыми, стекловидными глазами, съ выдающейся впереди челюстью, вооруженный длинными клыками, съ странными тѣлодвиженіями, хватавшій пищу какимъ-то особеннымъ образомъ, какъ-то не по человѣчески. Онъ былъ обвиненъ въ убійствѣ въ лѣсу ребенка. Рядомъ съ этимъ господиномъ сидѣлъ другой заключенный, не менѣе страннаго вида. У этого былъ толстый, длинный носъ, лобъ и подбородокъ убѣгающіе назадъ, кроткіе глаза и длинные волосы, падавшіе прядями по сторонамъ лица въ родѣ ушей курчавой собаки. Онъ былъ обвиненъ въ сообщничествѣ съ человѣками-волками. Когда Моро-Кристофъ, удивленный его кроткимъ видомъ, спросилъ, какъ это онъ могъ рѣшиться на такія дурныя дѣла? — то заключенный отвѣтилъ: «что дѣлать, онъ заставлялъ меня всегда слѣдовать за собой, какъ собаку.» Въ той же тюрьмѣ заключался еще третій, съ видомъ левретки или газели. Доказавъ такимъ образомъ, что есть люди-волки, люди-собаки и люди-газели, Моро-Кристофъ указываетъ примѣръ человѣка-льва. То былъ тоже убійца, человѣкъ страшной силы, подвергавшійся прппадкамъ необычайной свирѣпости, и въ этомъ видѣ ненавидѣвшій всѣхъ. Въ остальное время онъ былъ кротокъ и въ глазахъ его выражалась тихая меланхолія. И изъ всѣхъ окружающихъ, только докторъ могъ укрощать этого льва. Онъ подходилъ къ нему, погружалъ въ его черные, густые волосы руку, устремляя пристальный взглядъ, и человѣкъ-левъ, утихая по немпогу, наконецъ успокаивался совершенно. Но иногда онъ говорилъ доктору: «не гладите руку ко мнѣ на голову: можетъ случиться несчастье, совершенно отъ меня не зависящее.» Этотъ могучій человѣкъ не хотѣлъ быть жертвой палача и умерилъ себя голодомъ:—тридцать восемь дней онъ не ѣлъ ничего.

Но полнѣйшее торжество физиогномики обнаружилось въ слѣдующемъ случаѣ: въ январѣ 1829 года, въ Монморанси, были убиты мужъ съ женой, содержатели харчевни. Убійцами были двое бѣглыхъ каторжныхъ, вся жизнь которыхъ представляла непрерывный

рядъ преступленій. (Это подраженіе живописному языку Моро-Кристофа, которому ни френологія, ни хиромантія, ни физиогномика не помогли отдѣлаться отъ стариннаго дѣтскаго взгляда на сущность человѣческихъ поступковъ). Одинъ изъ убійць назывался Дома-Дюпенъ, отставной военный, человѣкъ грамотный, но до того ужасной наружности, что одна изъ дѣвъ Парижа, которой онъ предложилъ, отказалась отъ него единственно потому, что его видъ заставлялъ ее дрожать. — Если Моро-Кристофъ не привралъ, то человѣкъ этотъ былъ дѣйствительно некрасивый. — Другой, Робертъ Сен-Клеръ, имѣлъ слабую наружность и, не смотря на свою кажущуюся хилость, обладалъ необычайной силой и такой страшной жестокостью, что сдѣлался ужасомъ даже ваторжныхъ.

Совершивъ убійство, товарищи раздѣлили добычу, разстались и исчезли. Черезъ нѣсколько времени, Дома-Дюпена поймали въ Италіи, привезли во Францію и казнили. Сенъ-Клеръ же исчезъ безъ слѣдовъ. Носились слухи, что онъ ушелъ въ Турцію, поступилъ тамъ въ военную службу, оказалъ чудеса храбрости и былъ убитъ въ одномъ сраженіи.

Гдѣ же тутъ торжество физиогномики, думаетъ читатель: одинъ злодѣй казненъ, другой убитъ — драма, значить, кончилась. Въ такой же обманъ былъ введенъ, по своему простодушію и я, тѣмъ болѣе, что послѣ приведеннаго мною выше разказа у Моро-Кристофа поставлена черточка и затѣмъ начинается такой разказъ: «Въ 1830 году, въ прекрасный осенній день многочисленное общество путешественниковъ сидѣло вокругъ стола въ гостиницѣ Hôtel de l'Europe, въ Валансѣ.» Ужъ какъ я радовался, думая, что вотъ уличу Моро-Кристофа въ бездоказательности; очевидно, что онъ отъ старости сбился съ толку и позабылъ, что говорилъ ранѣе. Но увы! Моро-Кристофъ жестоко наказалъ меня за самонадѣянность и, показавъ, чего можно ожидать отъ моралиста, когда онъ, кромѣ огромной эрудиціи, обладаетъ еще литературнымъ талантомъ Вальтера-Скота. — Вотъ что случилось въ 1830 году, въ прекрасный осенній вечеръ, въ Hotel de l'Europe. Разговоръ склонился на френологію и физиогномику, которыя были тогда въ модѣ, и одинъ «черный господинъ» — оказавшійся потомъ докторомъ — доказывалъ, что главныя событія, имѣющія вліяніе на нашу жизнь, оставляютъ на лицѣ человѣка глубокіе слѣды, и что, согласуя черты лица съ френологическими признаками, можно опредѣлить не только на-

ловности человека, но дурные поступки, въ которые человекъ былъ вовлеченъ. Докторъ прибавилъ, что въ подобныхъ случаяхъ онъ никогда не ошибался. Понятно, что общество потребовало отъ него доказательствъ, и онъ удовлетворилъ всѣхъ, рассказавъ каждому его хорошія или дурныя похождения. Всѣ были удовлетворены, за исключеніемъ одного. Этимъ невѣрующимъ оказался одинъ блѣдный господинъ, сидѣвшій безмолвно на концѣ стола, и до тѣхъ поръ не обращавшій на себя ничьего вниманія.—Если все, что говорите вы, замѣтилъ доктору блѣдный господинъ, и, разумеется, мрачнымъ голосомъ, — совершенная правда, то слѣдовало бы сжечь того колдуна, который бы открылъ правосудію подобный секретъ, потому что это значило бы похищать тайны природы, а природа слишкомъ добрая мать, чтобы обличать своихъ дѣтей. (Если всѣ эти рассужденія не сочинены самимъ Моро-Кристофомъ, то нельзя сказать, чтобы блѣдный господинъ рассуждалъ умно). Ваша система, продолжалъ онъ, чистая ложь, и если она иногда открываетъ правду, то не болѣе какъ случайно. Вы это знаете сами очень хорошо.—«Дѣйствительно вы правы, возразилъ черный господинъ, устремивъ на противника пристальный взглядъ, потому что, чѣмъ болѣе я смотрю на васъ, тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, я читаю на вашемъ лицѣ убѣдительные признаки преступленія, которые находятъ на немъ мое фальшивое знаніе. Если моя наука говоритъ правду, то конечно не въ настоящемъ случаѣ она открываетъ истину случайно — вы, должны быть, просто или убійца, или воръ.» Оскорбленный незнакомецъ вскочилъ, схватилъ стулъ и собирался уже исколотить доктора, какъ вошелъ внезапно жандармъ и объявилъ, что въ домѣ сдѣлана кража серебра и что онъ имѣетъ приказаніе обыскать всѣхъ присутствующихъ. Взгляды всѣхъ устремились невольна на блѣднаго незнакомца; обыскъ начался съ него и украденное серебро было дѣйствительно найдено въ его чемоданѣ. Блѣдный господинъ оказался Робертомъ Сень-Клеромъ и его, какъ водится, казнили. Весь вопросъ теперь только въ томъ, не составляетъ ли исторія черного господина плода счастливой изобрѣтательности Моро-Кристофа? Если же авторомъ ея не Моро-Кристофъ, то какойнибудь подобный ему фразеръ, которыхъ во Франціи легіонъ. Для людей, сочиняющихъ цѣлыя историческіе мемуары, конечно ничего не значить сочинить хорошенькій, эффектный разсказецъ о черномъ и блѣдномъ госпо-

динѣ, тѣмъ болѣе, что имѣется главнѣйшее въ виду дѣйствовать на воображеніе легковѣрныхъ читателей.

Приведа еще нѣсколько доказательствъ, Моро-Кристофъ кончаетъ Ласнеромъ. Это господинъ весьма типическій, но только непонятно, въ подтвержденіе какой мысли привелъ его авторъ «міра машинниковъ»: Ласнеръ годится только для того, чтобы именно опровергнуть всю теорію Моро-Кристофа, построенную, какъ наша сказочная избушка, на куриныхъ ножкахъ.

Ласнеръ происходилъ отъ самостоятельныхъ родителей, получилъ хорошее воспитаніе, имѣлъ разнообразныя таланты, между прочимъ писалъ стихи и сочинялъ пѣсни, и въ тоже время творилъ дѣла довольно исключительныя для человѣка его положенія и воспитанія. Ласнеръ говоритъ: «если я встрѣчаю на своей дорогѣ столбъ — я его срубаю и ѣду дальше; если я встрѣчаю на своемъ пути дерево — я его срубаю и ѣду дальше; если я встрѣчаю человѣка, точно также я его срубаю и ѣду дальше.»— «Въ политикѣ, какъ и въ игрѣ, продолжалъ онъ, можно быть только или обманутымъ, или плутомъ. Политика—страсть: для удовлетворенія своей страсти люди играютъ своей головой. Моя страсть—золото. Я прихожу въ ужасъ, когда мой кошелекъ пустъ. Средства должны быть въ гармоніи съ цѣлью. Я убиваю человѣка такъ же, какъ выпиваю стаканъ вина» Адвокатъ защищавшій его, и должно быть, еще незнавшій тогда моральной теоріи Моро-Кристофа, говорилъ довольно основательно: «сердце этого человѣка т. е. не Моро-Кристофа, а Ласнера, —мраморъ. Душа его окаменѣла. Ни малѣйшей тѣни раскаянія, никакого слѣда укора совѣсти! Равнодушный какъ матерія, онъ не знаетъ ни боязни, ни надежды, и убиваетъ безъ всякаго смущенія. Эта холодная нечувствительность при видѣ своей жертвы, это спокойствіе передъ судомъ, не имѣющее ничего аффектированнаго, эта постоянная улыбка, эта свобода мысли, позволяющая ему сочинять стихи и пѣсни наканунѣ приговора, это упорство въ атеизмѣ и хладнокровіе передъ эшафотомъ, — все это поражаетъ меня и заставляетъ меня думать, что человѣкъ этотъ, выдающій себя за мудреца, не болѣе, какъ *monialъ*, большой, помѣшанный... Аббатъ присутствовавшій при казни Ласнера, говоритъ, «что онъ умеръ какъ жилъ, безъ страха и угрызенія совѣсти, и безъ предсмертнаго покаянья». — Френологи, раскинувъ на черепѣ Ласнера френологическую сѣть, нашли у него особенно раз-

витыми шишку разрушенія и тщеславія, шишка воровства была гораздо меньше, а религіозности не было совсѣмъ.

Какой же выводъ дѣлаетъ изъ всего этого Моро-Кристофъ? Въ сущности никакого. Между тѣмъ онъ подобралъ именно такого рода факты, на основаніи которыхъ можно придти къ выводамъ совсѣмъ противоположнымъ, и боясь, чтобы его не обвинили въ мысляхъ, обыкновенно ненаграждаемыхъ почетнымъ легиономъ, Моро-Кристофъ спѣшитъ оговориться и прибавляетъ: предпологая мат математически доказаннымъ моральное значеніе разныхъ физическихъ признаковъ, представляемыхъ анатомической организаціей человѣка и въ особенности устройствомъ мозга, слѣдуетъ ли заключать, что человѣкъ есть слѣпое орудіе, пассивное проявленіе своей роковой судьбы, избѣгнуть которой онъ не имѣетъ никакой возможности? Слѣдуетъ ли думать, что онъ, какъ необходимое слѣдствіе причинъ, кроющихся въ самой его организаціи, долженъ совершить неизбежно путь, предназначенный ему заранѣе, и совратить съ котораго его уже ничто не можетъ?

Вопросъ этотъ, отвѣчаетъ самъ себѣ Моро-Кристофъ, чрезвычайно великой важности, тѣмъ болѣе, что онъ соединяется съ другими, не менѣе важными—вопросами теологическими, о первоначальномъ паденіи человѣка, сдѣлавшемъ его «рабомъ грѣха».

Съ какою цѣлью мѣшаетъ Моро-Кристофъ теологическіе вопросы съ физиологическими,—сказать трудно; но очевидно, что этимъ путемъ невозможно придти къ разрѣшенію ни тѣхъ, ни другихъ. Можетъ быть, какъ моралистъ, Моро-Кристофъ поступаетъ и послѣдозательно; но въ такомъ случаѣ ему совсѣмъ не слѣдъ забираться въ область физиологій.

Но Моро-Кристофъ думаетъ иначе; онъ даже увѣряетъ, что вопросъ о свободной волѣ можетъ быть разрѣшенъ только подобнымъ соглашеніемъ противоположностей. Онъ думаетъ и еще болѣе—будто бы онъ проникъ въ самую глубину этого вопроса, взятаго съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, и предлагаетъ читателю прочесть свое будущее сочиненіе по этому предмету, которое должно явиться подъ заглавіемъ: «Органологія страстей.» Здѣсь, какъ увѣряетъ, не краснѣя, Моро Кристофъ, читатель найдетъ разрѣшеніе этой важной проблемы. Конечно, не будучи пророкомъ, можно предсказать, что никто не найдетъ въ этомъ сочиненіи никакого разрѣшенія.

Въ «мірѣ же мошенниковъ» Моро-Кристофъ ограничивается увѣ-

реніемъ—не представляя впрочемъ никакихъ другихъ доказательствъ кромѣ тѣхъ, которыя какъ разъ противорѣчатъ его выводу,—что вдвойнѣ ошибаются люди, злоупотребляющіе принципомъ причинности и увѣряющіе, что человѣкъ не имѣетъ ровно никакой власти надъ направленіемъ своихъ дѣйствій, потому будто бы, что они составляютъ неизбежное слѣдствіе или наслѣдственность грѣха или условій организаціи. Вѣдь существуетъ же гимнастика для мускуловъ, дѣлающая слабого сильнымъ; отчего же не быть гимнастикѣ умственной и моральной, которая бы измѣнила свойства мозга? Развѣ мы не видали часто, что темпераментъ естественный, съ которымъ родится человѣкъ, измѣняется въ темпераментъ искусственный или приобретенный, образующійся долгимъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, которымъ подвергается человѣкъ?

Все это кажется Моро-Кристофу весьма убѣдительнымъ, доказательнымъ и возможнымъ; но бѣднякъ и не замѣчаетъ, что онъ ставитъ самъ себѣ западню. Гимнастика дѣйствительно укрѣпляетъ мускулы, и слабого человѣка можетъ укрѣпить; но она все-таки не дѣлаетъ чудесъ, и не только не создаетъ человѣку руки или головы, если ихъ у него нѣтъ, но даже и мускулы укрѣпляетъ только до извѣстнаго предѣла. Умственная же и моральная гимнастика еще хитрѣе; прежде всего потому, что нѣтъ для нея гимнастическихъ профессоровъ. Съ кѣмъ же заниматься этой гимнастикой и кто будетъ создавать людямъ новые, очень нравственные и умные мозги? Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, оно знаетъ очень хорошо, что слѣдуетъ дѣлать людей умнымъ и идобродѣтельными—и исчезаетъ грѣхъ и преступленіе. Но знаніе это не привело до сихъ поръ ни къ чему; такъ что, не оскорбляя авторскаго самолюбія Моро-Кристофа, можно объявить ему торжественно, что онъ вовсе не авторъ предполагаемаго имъ средства, а только повторяетъ бесплодно въ миллионный разъ старую поговорку. Вся эта болтовня, въ которой упражняется Моро-Кристофъ, давно уже надоѣла практическимъ людямъ, потому что декламации и назиданія не превратили еще ни одного злодѣя въ олицетворенную добродѣтель, какъ это думалъ достигнуть Моро-Кристофъ своей моральной гимнастикой. Не теорія и слова, а практика создаетъ людей съ ихъ добродѣтелями и пороками, и самъ Моро-Кристофъ признаетъ это, рассуждая объ искусственномъ темпераментѣ, образующемся долгимъ вліяніемъ вѣшнихъ обстоятельствъ.

Онъ же самъ утверждаетъ, что между мошенниками, какъ и между честными людьми, вообще не существуетъ рѣзко выдающихся личностей, такъ что между тѣми и другими бросаются въ глаза только посредственности. Отчего же однѣ посредственности хороши, а другія худы? И у самого же автора моральной гимнастики есть и отвѣтъ на этотъ вопросъ:—потому что на разныхъ людей дѣйствуютъ разныя внѣшнія обстоятельства. Къ чему же тутъ особая моральная гимнастика? Очевидно, что нужно создать иныя обстоятельства—и сами люди станутъ другими. Въ этомъ смыслѣ моральная гимнастика понятна и возможна: при иныхъ обстоятельствахъ тѣ же самыя способности получать другое направленіе и приведутъ къ другимъ результатамъ. Теперь люди стали лучше, чѣмъ они были прежде; но со временемъ они будутъ лучше, чѣмъ теперь, такъ что тотъ же самый Сень-Клеръ, Дома-Дюпенъ и даже Ласнеръ должны будутъ обратить свои способности на дѣятельность иного характера. Конечно, къ такимъ результатамъ приведетъ не азбучная мораль Моро-Кристофа и не сочиненія въ родѣ его «Le monde des Coquins; точно такъ же, какъ перемены эти случатся не сегодня, не завтра и не послѣ завтра. Время, т. е. сотни лѣтъ создадутъ эту перемену, какъ они создали то многое хорошее, чѣмъ пользуемся мы и что не подрѣвали наши почтенные пращуръ. Переводя слово «время» на понятіе болѣе ясное, слѣдуетъ сказать, что всѣ перемены, о которыхъ мечтаютъ нынче люди, создаются знаніями и умственнымъ развитіемъ, т. е. перевѣсомъ знанія надъ царствующимъ нынче повсюду невѣжествомъ, и ума надъ глупостью. Но для этого нужно ждать еще долго-долго, пережить человечеству то неопредѣленное число лѣтъ и пройти путь того постепеннаго практическаго воспитанія и развитія, которое совмѣщаютъ обыкновенно въ одномъ словѣ «время». Есть для этого будущаго много работниковъ нынче, какъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ были передовые люди, работавшіе для насъ. Всего этого Моро-Кристофъ, какъ видно, не признаетъ и не хочетъ имѣть дѣла не только съ передовыми людьми нашего времени, но даже и послѣднихъ столѣтій, и въ этомъ, конечно онъ правъ. Правъ не потому, чтобы его мысли были лучше, а потому, что онъ уже не въ такихъ лѣтахъ, когда еще возможна прогрессивность. Какъ френологъ, Моро-Кристофъ знаетъ конечно хорошо, что только до известнаго возврата мозгъ способенъ для прогрессивной работы. И возрастъ этотъ не только въ человѣкѣ, но и въ живот-

ныхъ имѣетъ свою собственную норму или предѣлъ для каждаго недѣлимаго. Моро-Кристофъ уже дошелъ до этого предѣла, и проживи онъ хотя Мафусайловы гѣды, онъ не внесетъ ни одной крупицы новой мысли въ мѣръ знанія; слѣдовательно, съ того момента, какъ онъ остановился въ своемъ развитіи, онъ сталъ совершенно не нуженъ для прогресса или, перефразируя извѣстное изрѣченіе Мальтуса—онъ сталъ лишнимъ на землѣ, и нѣтъ ему мѣста на общественной трапезѣ мысли. Какъ ни проста эта мысль, но ни Моро-Кристофъ, ни подобные ему люди не понимаютъ ея. Они пишутъ безконечно, пишутъ и посрамляются, и все-таки пишутъ до послѣдняго издыханія. Только одна смерть избавляетъ типографіи отъ труда набирать и печатать ихъ печальныя произведенія, и только вымираніемъ подобныхъ мыслителей совершается прогрессъ. Ихъ мѣста займутъ другіе люди, съ другими мыслями и знаніями.

III

Моро-Кристофъ особенно неукротимъ, когда дѣло касается «падшихъ женщинъ». Онъ ставитъ ихъ не только въ одинъ рядъ съ ворами и убійцами, но даже обнаруживаетъ замѣчательную лютость въ выраженіяхъ, заставляющую предполагать, что или подобныя женщины когда нибудь очень подсолили автору «міра мошенниковъ», или что они, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ опаснѣе убійць. И за что такой гнѣвъ? За что, наприимѣръ, по поводу Фантины Моро-Кристофъ истратилъ такую кучу восклицательныхъ знаковъ? Молоденькая, красивая женщина, можетъ быть нѣсколько легкомысленная, она полюбила красиваго молодого человѣка, полюбила искренно. Если вина ея въ томъ, что она легкомысленна, то это преступленіе еще не такъ велико, потому что на свѣтѣ не существуетъ лавовъ, гдѣ бы можно было покупать глубокомысліе, а рецепты мудрости Моро-Кристофа совсѣмъ не такого свойства, чтобы они могли принести пользу хотя одной живой душѣ. Конечно, образцы нравственности, плѣняющіе старческое сердце Моро-Кристофа, не поступаютъ такъ, какъ поступила Фантина; но будто бы причиной этого ихъ особенное глубокомысліе? Моро-Кристофъ не разрѣшаетъ этого вопроса; онъ только сердится, бранится, принимаетъ видъ глубо-

ко-оскорбленнаго добродѣтельнаго человѣка и затѣмъ предлагаетъ свою моральную гимнастику. Средство, повидимому, хорошее, но очень старое. Другое неудобство леченія Моро-Кристофа заключается въ его старческой брачивости, наводящей нескончаемую тоску и отбывающей всякую охоту слушать даже и дѣльныя мысли, высказываемыя иногда авторомъ. Вообще Моро-Кристофъ и люди его убѣжденій похожи на ворчливыхъ старухъ, которыми все, что дѣлаетъ молодежь, кажется глупымъ и легкомысленнымъ. Доводы старухъ не убѣждаютъ никого, потому что въ нихъ нѣтъ ни логики, ни знанія; молодежь идетъ себѣ впередъ и впередъ, а старухи стоятъ на одномъ мѣстѣ, смотря въ слѣдъ удаляющимся и только ворчатъ и бранятся, потому что идти за молодежью у нихъ нѣтъ силъ, а молодые стоять на одномъ мѣстѣ тоже не могутъ. И эта борьба старыхъ и новыхъ поколѣній повторяется каждый день и каждый часъ, съ тѣхъ поръ, какъ явились старики и молодые, и побѣда остается всегда на сторонѣ молодыхъ. Стоитъ ли бороться, когда побѣда невозможна? Кажется бы и такъ; но у старухъ есть двѣ весьма основательныя причины, почему онѣ никогда не перестаютъ ворчать: во-первыхъ, онѣ только себя считаютъ правыми и умными, руководствуясь въ этомъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что только старый дубъ приноситъ зрѣлыя жолуди; а во-вторыхъ, онѣ постоянно убѣждены, что молодежь пойметъ наконецъ свое легкомысліе и неосновательность и обратится на путь истины. Какой же поводъ въ виду надежды на побѣду отказываться отъ борьбы?

Совершенно такую же ошибку дѣлаютъ и молодые. Имъ все кажется, что они убѣдятъ наконецъ стариковъ, и потому они только напрасно расходуются на краснорѣчіе и тратятъ свой пылъ въ безплодной борьбѣ съ вѣтреными мельницами. Люди, совершенно убѣжденные въ томъ, что тысячелѣтнюю египетскую мумію нельзя сдѣлать живымъ франгузомъ, надрываются, чтобы переубѣдить Моро-Кристофовъ; какъ-будто это не одно и тоже! Можетъ быть, старые люди были бы и податливѣе, если бы были убѣждены, что ихъ никто не потревожитъ доживать свой вѣкъ по старому, въ родѣ того, какъ доживаютъ сверхштатные чиновники, оставленные на жалованьи. Но именно этого-то убѣжденія въ нихъ и нѣтъ. Они боятся живости и энергіи новыхъ людей; за юношескимъ пыломъ молодежи имъ мерещатся громъ и молнія, всеобщій пожаръ и всякіе ужасы.

Ошибка тѣмъ болѣе непростительная, что ее нельзя согласить съ теоріей о зрѣлыхъ жолудяхъ, производимыхъ только старыми дубами.

А между тѣмъ, и въ безусловномъ смыслѣ, и относительно, въ новыхъ знаніяхъ и теоріяхъ гораздо больше выгоды и для стариковъ, и для молодежи, т. е. для всѣхъ, чѣмъ въ знаніяхъ прежнихъ временъ, выгодныхъ только для нѣкоторыхъ. И конечно, если бы старики были убѣждены, что они останутся на жалованьи до смерти, то утратили бы свою брыжливость. Но можно ли вложить въ нихъ это убѣжденіе?—Нельзя, читатель, рѣшительно нельзя. И остается только одно средство — пусть пишутъ и старые, и новые люди: старыхъ будутъ слушать старые, новыхъ — новые, и каждый выберетъ себѣ то, что ему по вкусу и по способностямъ. Этой теоріи держался и я въ настоящей моей статьѣ.

т. з.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія Дж. Стюарта Милля. Въ трехъ частяхъ. Часть II. Статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 1-й, Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. 1865.—Гарнье-Паже. Исторія революціи 1848 г. Франція. 1-й томъ: февральская революція. Спб. 1862. 2-й томъ: 24 февраля. Спб. 1864. Изданіе Бакста.—Сынъ, разсказъ изъ временъ XVII вѣка Н. Костомарова. Изданіе Ахматовой. Спб. 1865.—Разсказы и Очерки Н. П. Грохова. М. 1865.

Въ октябрьской книжкѣ прошлаго года я представилъ замѣчанія на историческую часть «Разсужденій и изслѣдованій» Милля. Въ то время я сказалъ, что статьи, заключающіяся въ этой части, не заслуживаютъ названія изслѣдованій и, какъ журнальныя рецензіи, не имѣютъ для насъ особеннаго интереса. Этотъ отзывъ, вполне справедливый, по моему мнѣнію, для первой части книги Милля, никакъ не можетъ быть распространенъ на тѣ статьи ея, которыя входятъ въ составъ вышедшаго теперь выпуска, заключающаго въ себѣ политическія и экономическія статьи. Четыре изъ нихъ, а именно: «Цивилизація», «Арманъ Каррель», «Право труда» и «Французская», революція 1848 г.» вполнѣ соответствуютъ заглавію книги и представляютъ значительный интересъ, совершенно независимый отъ сочиненій, которыми онѣ были вызваны и которыя никогда не имѣли серьезнаго значенія. Пятая статья этого выпуска — «Нѣсколько

замѣчаній о французской революціи (1789 г.)» — могла бы тоже имѣть живой интересъ, если бы не была такъ кратка.

Вопросъ, возбуждаемый Миаллемъ въ статьѣ «Цивилизація,» самъ по себѣ очень важенъ. Это тотъ старый вопросъ, который дижонская академія предлагала Руссо: составляетъ ли цивилизація благо или зло? Извѣстно, какъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ авторъ «Соціального договора» и какъ далеко расходится общепринятое мнѣніе съ его отвѣтомъ. Миалль, признавая цивилизацію источникомъ множества благъ, полагаетъ однако, что она въ то же время не только не производитъ многія изъ нихъ, но даже нѣкоторыя уничтожаетъ.

Собственно говоря, весьма странно задавать себѣ подобныя вопросы; еще страннѣе то обстоятельство, что гениальные люди съ успѣхомъ защищали мнѣніе о вредѣ цивилизаціи, и что въ наше время такой учелый, какъ Миалль, полагаетъ возможнымъ до нѣкоторой степени оправдать такое мнѣніе. Но если мы вспоминаемъ, какъ различно можетъ быть понимаема сущность цивилизаціи и какъ разнообразны критеріумы, по которымъ рѣшался этотъ вопросъ, то фактъ этотъ не покажется столь страннымъ.

Мнѣніе, что цивилизація есть абсолютное благо для людей — мнѣніе большинства, основанное на однихъ вышнихъ признакахъ, по которымъ составляется понятіе о прогрессѣ человѣческихъ обществъ. Поэтому неудивительно, что мнѣніе это и защита его лишены всякаго внутренняго смысла. Миалль говоритъ, что подъ словомъ эмпіѣ подразумѣваются два различныхъ понятія. Въ одномъ случаѣ, цивилизованною называется страна, если она сравнительно «высоко развита, болѣе богата хорошими личностями, далѣе подвинулась на пути прогресса, болѣе счастлива, болѣе благородна, болѣе умна.» — «Въ другомъ смыслѣ, продолжаетъ Миалль, словомъ: цивилизація обозначаются только тѣ улучшения, которыя отличаютъ богатую и могущественную націю отъ дикарей и варваровъ.» Полагаю, что этими словами Миалль не даетъ удовлетворительнаго понятія о томъ, что понимается различными людьми подъ словомъ: цивилизація. Первое понятіе есть престо наборъ словъ, который можно толковать, какъ угодно; тутъ говорится не о сущности дѣла, а о сравнительномъ его значеніи. Но вслѣдствіе этого понимаетъ, что страна можетъ быть *сравнительно* богата, развита, счастлива, благородна и пр., не будучи вовсе цивилизована. Россія при Петрѣ I обладала всѣми этими качествами *сравнительно* съ Хивой и Кабуломъ, однако никто не

скажетъ, что она была странною цивилизованною; Мадагаскаръ и теперь можетъ считаться обладателемъ этихъ благъ по сравненію съ областями дагомейскаго короля, оставаясь тѣмъ не менѣе странною совершенно дикою. Что жѣ касается до второго понятія о цивилизаціи, то я не понимаю, какъ можно противопоставлять его первому: это то же самое, но выраженное въ болѣе краткой и удобной формѣ. Но всѣ толковавшіе и спорившіе о цивилизаціи не принимали слово это въ такомъ смыслѣ: цивилизація для всѣхъ есть нѣчто опредѣленное, положительное, а не сравнительное. Можно говорить, что одна страна болѣе цивилизована, чѣмъ другая, но предполагая, что во всякомъ случаѣ обѣ онѣ вышли изъ варварства и находятся въ положеніи противоположномъ варварству. Конечно, нельзя провести рѣзкой границы, гдѣ начинается цивилизація и кончается варварство; нельзя сказать, что такая-то страна такого-то числа сдѣлалась цивилизованною, будучи наканунѣ варварскою; переходъ отъ варварства къ цивилизаціи совершается слишкомъ медленно и постепенно, чтобы можно было опредѣлить такую границу. Но тѣмъ не менѣе, говоря, что данная страна цивилизована, мы понимаемъ это въ положительномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ этимъ, что она уже вышла изъ варварства, а вовсе не то, что она цивилизованнѣе, т. е. образованнѣе, умнѣе и благороднѣе другой страны.

Возрѣніе большинства на сущность цивилизаціи лучше всего выражено джонской академіей въ ея вопросѣ, на который взялся отвѣчать Руссо: «способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ улучшенію нравственности?» Такимъ образомъ, подъ цивилизаціей большинство понимаетъ присутствіе или отсутствіе въ странѣ наукъ и искусствъ, выработанныхъ самимъ обществомъ. Поэтому никто не будетъ говорить о цивилизаціи страны, гдѣ нѣтъ ни науки, ни искусства, кромя привозныхъ для потѣхи двухъ-трехъ человѣкъ; никто не станетъ разсуждать о цивилизаціи Мадагаскара, хотя бы варварство этой страны было несравненно грубѣе варварства, представляемаго дагомейскими владѣніями.

Понимая цивилизацію такимъ образомъ, большинство разсуждаетъ, что такъ какъ сущность ея, т. е. наука и искусство возвышаютъ умъ и душу, смягчаютъ нравы, образуютъ разсудокъ, совершенствуютъ чувство и т. д., то слѣдовательно цивилизація есть благо. Но здѣсь все невѣрно, отъ понятія цивилизаціи, до критеріума; поэтому не только Руссо, а еще богъ знаетъ сколько лѣтъ до Руссо,

Тащить прославляя варварство и унижая передъ нимъ цивилизацію. Дѣло въ томъ, что большинство видитъ только себя и свои интересы, когда разсуждаетъ такимъ образомъ. Но на самомъ дѣлѣ это большинство есть незаконно-малое меньшинство, на каждого размышляющаго такимъ образомъ о благахъ цивилизаціи приходится по тысячѣ людей, вовсе неразсуждающихъ, а трудомъ своимъ дающихъ ему возможность смягчать свои нравы, развивать свой умъ, совершенствовать чувство, словомъ, пользоваться наукой и искусствомъ, составляющими, по его мнѣнію, сущность цивилизаціи, и восхищаться ея благодѣяніями. Отъ этого умные люди всегда могли побѣдоносно оспаривать мнѣіе большинства о благахъ цивилизаціи и приводить его своими доводами въ конфузъ. Дѣло наконецъ дошло до того, что многіе, понимающіе цивилизацію въ этомъ смыслѣ, принялись съ жаромъ декламировать противъ нея и трагически проклинать ее за науперизмъ и другія современныя бѣдствія. Но все это не болѣе, какъ забавное недоразумѣніе, происходящее отъ ложнаго пониманія дѣйствительнаго смысла словъ. Тѣ, кто разсуждаетъ подобнымъ образомъ, принимаютъ за сущность явленія то, что составляетъ лишь одинъ изъ признаковъ его, и притомъ признакъ весьма обманчивый. Кромѣ того, они руководствуются совершенно ложнымъ критеріумомъ.

Цивилизація существуетъ или не существуетъ для цѣлой страны; слѣдовательно, на вопросъ: благо она или зло, можно отвѣчать такъ или иначе, смотря потому, какіе результаты получаются отъ нея въ общей суммѣ, для всего народонаселенія, а не для нѣкоторой только части его. Науки и искусства въ этомъ отношеніи вовсе не составляютъ сущности цивилизаціи. Онѣ могутъ быть, подобно другимъ относительнымъ благодѣяніямъ, привилегіей одного сословія и орудіемъ эксплуатаціи большинства. Если въ странѣ процвѣтаютъ искусства, если въ ней много первоклассныхъ живописцевъ, архитекторовъ, музыкантовъ, лириковъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что вся страна благоденствуетъ. Изъ этого слѣдуетъ только то, что есть кучки сытыхъ людей, которымъ пріятно возвысить свою душу художественными произведеніями въ то время, когда большинство народонаселенія отдаетъ все свое время и все свой трудъ суровой и мозольной дѣятельности текущаго дня. И такъ, вопросъ рѣшается прямо: цивилизація только тогда составляетъ благо страны, когда плодами ея пользуется вся масса населенія.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ своемъ значеніи, цивилизація

есть дивѣстная степенъ матеріальнаго благосостоянія страны, т. е. возможно-большаго числа ея обитателей. Понятно, что послѣ таковаго опредѣленія нельзя уже задавать вопросъ: полезна ли цивилизація? Это все равно, что спрашивать: полезно ли благо? Съ матеріальнымъ благосостояніемъ тѣсно и непосредственно связаны всякія другія блага: и смягченіе нравовъ, и возвышеніе чувствъ, и развитіе ума, и т. д.

Не трудно показать, что сущность цивилизаціи заключается именно въ этомъ, а не въ процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Времена варварства дадутъ намъ множество примѣровъ процвѣтанія этихъ вѣщныхъ признаковъ цивилизаціи, не представляя ни одного случая, гдѣ бы можно было сказать, что варварскій народъ пользуется матеріальнымъ благосостояніемъ. Феодалная эпоха оставила послѣ себя произведенія искусствъ, особенно здѣшства, которыми удивляются доселѣ, и имѣла множество знаменитыхъ ученыхъ и писателей. Достаточно вспомнить Абеляра, Данта, Петрарку, Р. Божопа, Шазъ де-Мираццолю, Сильвестра II, Аверроэса, Маймонида, Альберта Великаго и множество другихъ. Однако во всякомъ учебникѣ эпоха эта называется варварскою. Наоборотъ, если Греція Перикла заслуживаетъ названіе цивилизованной страны, если до сихъ поръ мы говоримъ о *греческой цивилизаціи*, то же изъ уваженія къ учености Аристотеля и Платона или произведенія греческихъ художниковъ, а въ уваженіе того развитія матеріальнаго благосостоянія, котораго она достигла. Поэтому, процвѣтаніе искусствъ есть ложный признакъ цивилизаціи, и скорѣе можетъ быть отрицательнымъ, а не положительнымъ ея достоинствомъ. А изъ наукъ только тѣ должны считаться критеріумомъ цивилизованной націи, которыя способствуютъ увеличенію матеріальнаго благосостоянія страны.

Слѣдовательно, если въ странѣ очень много людей такъ называемаго классическаго образованія, много риторовъ, поэтовъ, ориенталистовъ, эллинистовъ, латинистовъ, нумизматовъ, геральдиковъ, тактиковъ и проч., если въ ней много пѣвцовъ, актеровъ, музыкантовъ, акробатовъ, живописцевъ и т. п., то это доказываетъ, что положеніе большинства крайне незавидно, потому что всѣ эти паразиты имѣютъ возможность существовать на счетъ дѣятельнаго и полезнаго населенія. И чѣмъ больше этого люда, тѣмъ хуже, потому что тѣмъ большій гнетъ долженъ тяготѣть надъ большинствомъ и тѣмъ хуже его матеріальное положеніе. Неудивительно, стало быть, что когда сущность цивилизаціи полагается въ развитіи ис-

куство и наука, неприносящих обществу пользы, то умные люди говорят, что цивилизация — зло. Они были правы, но доводы их поражали лишь то, что ложно называлось цивилизацией, а не сущность ее.

В наше время и в виду тех явлений, которые совершаются на наших глазах, относительно истинного значения цивилизации могут ошибаться только самые ограниченные люди. Все европейские общества явно стремятся к тому, чтобы как можно больше увеличить число людей в стране, пользующихся материальным благосостоянием. Стремление это, причины и корни которого кроются очень глубоко, имеет сознательный и определенный характер лишь у немногих сравнительно передовых людей; но события с каждым годом влекут общества к этой отдаленной цели, и почти всякое десятилетие увеличивает число людей, приглашенных к пользованию плодами цивилизации. Такой ход дела подготовлен всеми предыдущими веками европейской истории, и задержать его нет возможности. В нем-то и состоит прогрессивное движение европейского общества на пути цивилизации. Как не много еще остается сделать вперед для того, чтобы достигнуть полного результата, т. е. участия в пользовании материальными благами всей массы народа, но, оглянувшись назад, нельзя не заметить, что в последние семьдесят лет пройден довольно значительный путь, и зрелище это должно поддерживать бодрость в тех, кто боится предстоящих трудностей.

В этом отношении Милль говорит хорошо:

„Нам пужло только попросить читателя составить себе понятие обо всем, что заключается в словах: возвышение среднего класса, и затем подумать о громадном возрастании численности и собственности этого класса в Великобритани, Франци, Германи и других странах в каждое последующее поколение, и о новой обстановке рабочего класса, получающего такую заработную плату, которая обыкновенно получается теперь почти всеми фабричными, т. е. самую многочисленную часть ремесленных классов Англии, — и спросить себя, нельзя ли от таких неслыханных причин ожидать и неслыханных последствий?“ (стр. 5).

Действительно, еще далеко то время, когда меньшинство, пользующееся благами, составляло столь незаметную часть всей массы народонаселения, что европейские государства едва ли заслуживали название цивилизованных, не смотря на процветание в них

искусствѣ и наукѣ. Въ настоящее время число лицъ, составляющихъ это меньшинство, стало въ нѣсколько сотъ разъ болѣе прежняго, и средній классъ, составляющій цынѣшнее меньшинство, постоянно увеличивается. Но наконецъ, что всего важнѣе, существуетъ уже не только стремленіе, но видны и средства, которыми къ участию въ пользованіи матеріальными благами можетъ быть призвана вся масса народонаселенія. Но къ этому вопросу мы возвратимся впоследствии, а теперь рассмотримъ другіе взгляды Милля на европейскую цивилизацію.

Событія, вызывавшія эту цивилизацію, естественнымъ образомъ вызывали и порождали множество другихъ явленій, сопровождавшихъ ее, подобно тому, какъ дождь, помогающій всходу хлѣбовъ, въ то же время вызываетъ на поверхность земли и грибы, крапиву, лебеду и всякую другую дрянь, совершенно бесполезную или даже вредную. Впрочемъ, я не хочу сказать этимъ, что всѣ историческія явленія, сопровождавшія успѣхи матеріальнаго благосостоянія европейскихъ обществъ, были безъ исключенія бесполезны или вредны. Такое мнѣніе было бы нелѣпо. Но съ другой стороны, весьма понятно также, что было бы самою жалкою ошибкою отнестъ всѣ явленія, происходившія одновременно съ развитіемъ цивилизаціи, за неизбѣжное слѣдствіе ея или необходимое условіе, или наконецъ за постоянный признакъ ея.

Милль совершенно правъ, говоря, что, по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи, благосостояніе и могущество переходятъ отъ меньшинства къ большинству, отъ индивидуумовъ къ массѣ. Иначе и быть не можетъ, и явленіе это прямо вытекаетъ изъ сущности цивилизаціи, потому что, пока масса находится въ дурныхъ матеріальныхъ условіяхъ,—она находится въ неподвижномъ, окаменѣломъ состояніи. Поэтому нельзя не согласится съ Миллемъ, когда онъ говоритъ, что

«вслѣдствіе естественнаго развитія цивилизаціи, могущество переходитъ отъ индивидуумовъ къ массамъ, и весь и значеніе личности, въ сравненіи съ массою, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ.» (стр. 10).

Статья Милля «Право труда» и нѣкоторыя замѣчанія, высказанныя имъ въ статьѣ о французской революціи 1848 служатъ дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ его взгляда на цивилизацію:

«Каждому безкорыстному и здравомыслящему челоуку должно казаться, что земля прежде всего принадлежитъ ея обитателямъ, говоритъ Милль; что каждое живое лицо должно имѣть все необходимое для сво-

его существованія, прежде чѣмъ кто либо будетъ пить или пить; что каждый, кто работаетъ надъ чѣмъ нибудь полезнымъ, долженъ быть достаточно сытъ и одѣтъ, прежде чѣмъ другой, способный къ работѣ, будетъ получать хлѣбъ для своей праздности. Все это нравственныя аксіомы“ (Стр. 166).

Такимъ образомъ, въ сознаніи образованныхъ людей являлось убѣжденіе въ необходимости доставить всей массѣ народонаселенія участіе во всемъ, что производитъ страна. Убѣжденіе это Миалль снѣло называетъ нравственною аксіомою. Онъ полагаетъ, что оно возникло влѣдствіе того толчка, который былъ данъ Мальтусовымъ закономъ объ отношеніи возрастанія народонаселенія къ усиленію производительности страны. Однако на этотъ разъ Миалль заходитъ слишкомъ далеко въ благоговѣніи къ Мальтусу. Благоговѣніе это тѣмъ непонятнѣе, что самъ Миалль тутъ же говоритъ, что законъ Мальтуса былъ понятъ ложно и повелъ къ ложнымъ выводамъ, а именно, онъ укрѣпилъ убѣжденіе въ томъ, что неравномѣрное пользованіе продуктами труда, бѣдность и униженіе большинства, и эксплуатація его меньшинствомъ составляетъ непреложный законъ природы, пытаться измѣнить который было бы безразсудно. Миалль говоритъ, что мнѣніе это господствовало до Мальтуса, и законъ Мальтуса, будучи ложно понятъ, лишь усилить его. Но на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ говорить не о ложномъ пониманіи закона, а о внутренней ошибочности его. Впрочемъ здѣсь не мѣсто вдаваться въ разсмотрѣніе такихъ специальныхъ вопросовъ. Какъ бы то ни было, Миалль во всякомъ случаѣ неправъ, приписывая соображеніямъ Мальтуса возникновеніе вопроса о разномъ правѣ всѣхъ на пользованіе матеріальными благами. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ не какою нибудь книгою и не соображеніями ученыхъ, а историческимъ ходомъ событій. Когда въ прошломъ вѣкѣ всѣ униженные и угнетенные заявили свои права на извѣстную долю въ благосостояніи, которымъ владѣла только небольшая часть европейскихъ обществъ, то вопросъ этотъ возникъ уже совершенно ясно въ сознаніи людей, помимо всякихъ книжекъ. Вышло такъ, что изъ всей массы людей, борющихся за участіе въ пользованіи продуктами труда, только немногіе сравнительно достигли этой предположенной цѣли борьбы. Естественно, что остальные не захотѣли отказаться отъ своихъ справедливыхъ притязаній и продолжали искать себѣ удовлетворенія. Вопросъ — этотъ разъ будучи поставленъ, можетъ считаться разрѣшен-

ннѣ только тогда, когда всѣ достигнуть той цѣли, къ которой стремятся. Разумѣется, не для всѣхъ это одинаково выгодно, и потому многие стараются тормозить ходъ историческихъ событій, но его можно задержать, а остановить не можетъ никакая враждебная сила. Между тѣмъ это торможеніе совершенно бесполезно усиливаетъ вражду между участвующими на праздникѣ жизни и только еще сжидаютъ его.

Сознавая неудобства такого положенія, гдѣ обѣ стороны постоянно должны держать наготовѣ другъ противъ друга камень за пазухой, и убѣждаясь, что филантропія совершенно недостаточна для примиренія враждующихъ сторонъ, Д. Ст. Милль признаетъ, что каждый имѣетъ право на продукты своего труда, словомъ, признаетъ *право труда*.

Признаніе этого права есть великій шагъ цивилизаціи 'впередъ. Остается только, чтобы принципъ, провозглашенный въ теоріи, осуществился въ жизни: чтобы европейскія общества достигли такой степени цивилизаціи, какой еще никогда не представляла ни одна страна въ мірѣ. Къ этому и должны быть направлены усилія лучшихъ людей нашего времени. Надо помнить при этомъ, что въ общественныхъ дѣлахъ признаніе какого нибудь принципа въ теоріи есть не менѣе половины дѣла, потому что осуществленія его въ жизни никогда не приходится долго ждать.

Милль представляетъ намъ любопытный примѣръ; онъ не сочувствуетъ экономической реформѣ въ томъ видѣ, какъ понимаютъ ее лучшіе представители нашего времени, а между тѣмъ поддерживаетъ ея принципы. Такъ, говоря объ англійской аристократіи, онъ выражается:

«Никто изъ здравомыслящихъ людей, говоритъ онъ, не будетъ стоять за отвлеченную справедливость того порядка, при которомъ только малое меньшинство человечества рождено для наслажденія всеми внѣшними благами, которыя можетъ дать жизнь, и притомъ не за какую-либо услугу, не за свой трудъ, тогда какъ огромное большинство, съ самаго дня рожденія, обречено на нескончаемую, непрерывную, работу, которая вознаграждается скуднымъ и, вообще говоря, невѣрнымъ существованіемъ.» (Стр. 168).

Высказавъ столь прекрасный взглядъ на дѣло, Милль не можетъ однако скрыть, что, понимая и даже высказывая его, онъ тѣмъ не менѣе вовсе не сочувствуетъ ему. Только — что назвавъ данное положеніе общества несправедливымъ, онъ на слѣдующей страницѣ утверждаетъ

дасть, что было бы также несправедливо измѣнять его. Довольно странно — называть несправедливостью уничтоженіе несправедливости.

Другое замѣчаніе его имѣетъ не болѣе смысла, но ему оно кажется болѣе разумнымъ и онъ очень часто возвращается къ нему:

«Нельзя, говорить онъ (стр. 168), утверждать, чтобъ это было само въ себя справедливо (т. е. неравномѣрность вознагражденія за трудъ, но возможно доказывать, что это полезно на практикѣ».

Замѣчаніе очень важное; польза или вредъ — такой важный доводъ, за или противъ чего бы то ни было, что если бы Милль было «возможно доказать» пользу неравномѣрности вознагражденія за трудъ, то онъ имѣлъ бы право торжествовать. Но прежде всего надо спросить: кому полезно или вредно то обстоятельство, о которомъ идетъ рѣчь? Милль отвѣчаетъ весьма неопредѣленно; онъ хочетъ сказать, что это полезно обществу. Но мы знаемъ, что при такихъ условіяхъ, полезность которыхъ онъ беретъ защищать, современное общество раздѣлено на два враждебные лагеря, и интересы этихъ лагерей діаметрально-противоположны. Поэтому нельзя сказать, что условіе это полезно цѣлому обществу; оно можетъ быть полезно той или другой части его, а не цѣлому обществу. Которому же лагерю полезно это условіе? Очевидно меньшинству, потому что самъ Милль говоритъ, что для большинства оно — несправедливое зло. Но какой же это доводъ? Кто же сомнѣвается, что несправедливость, совершающаяся въ пользу одной стороны, полезна ей? Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Что же касается до большинства, то оно находится въ такомъ положеніи, что ему терять нечего, и потому переимѣна можетъ быть только полезна ему. Однако Милль несогласенъ съ этимъ. Онъ полагаетъ, что большинству предстоитъ только выборъ между кулькомъ и рогожкой, огнемъ и полымемъ. Съ этою цѣлью онъ цитируетъ «Исторію жирондистовъ» Ламартина, эту жалкую книгу, представляющую двойное доказательство тупости политическихъ изгладовъ автора и отсутствія всякихъ убѣжденій въ немъ, какъ въ писателѣ.

Трудность до сихъ поръ всегда заключалась въ томъ, чтобы согласовать равенство благъ съ различіемъ достоинствъ, способностей и труда, которые отячляютъ одного человека отъ другого, — говоритъ авторитетъ Милля. Между дѣятельнымъ и бездѣйствующимъ членомъ равенство благъ есть несправедливость, потому что одинъ производитъ, а другой только потребляетъ. Чтобы всеобщее пользованіе благами было справедливо, мы должны предположить во всемъ человечествѣ одинаковомъ

совѣстливость, одинаковое прилежаніе и одинаковое достоинство. А также предположеніе несбыточно. Какой же общественный порядокъ можетъ быть проченъ, если онъ опирается на такое фальшивое основаніе? Что нибудь одно изъ двухъ: или общество, постоянно господствуя и будучи непогрѣшимымъ, должно имѣть право принуждать каждаго члена къ одинаковой работѣ и къ одинаковому принесенію пользы.— что тогда станетъ со свободою? Поступая такимъ образомъ, общество сдѣлалось бы всеобщимъ рабствомъ.—Или же общество должно каждый день своими собственными руками раздавать блага каждому, согласно его труду, и давать именно такую часть, которая соответствуетъ работѣ и услужать каждаго во всеобщей ассоціаціи. Но въ этомъ случаѣ кто же будетъ судьей?

«Несовершенная человѣческая мудрость, продолжаетъ риторъ, нашла, что гораздо легче, умнѣе и справедливѣе сказать каждому: будь своимъ собственнымъ судьей, вознаграждай самъ себя богатствомъ или нищетою» (стр 174).

Конечно, такому господину, какъ Ламартинъ, иначе говорить и не приходится. Весьма естественно, что ему примерещилось, будто нынѣшнія общественныя условія развились не изъ тѣхъ средневѣковыхъ событій, которыя породили всѣ прочія стороны жизни европейскихъ народовъ, а были въ одно прекрасное утро учреждены «несовершенною человѣческою мудростью», ставшею въ тупикъ передъ дилеммою, которая и по нынѣ мучитъ розовыхъ поетовъ, разсуждающихъ о дѣлахъ и вопросахъ, неподлежащихъ ихъ разуму. Не мудрено также, что *monsieur de*-Ламартину, какъ онъ себя называетъ въ своей исторіи 1848 года, пришла въ голову подобная дилемма; не мудрено, что онъ находить затруднительнымъ допустить равномѣрное пользованіе продуктами труда на томъ основаніи, что, пожалуй, кто нибудь пообѣдаетъ въ тотъ день, когда не трудился, и считаетъ подобный случай вполне основательнымъ аргументомъ въ защиту своей системы. Но можетъ показаться страннымъ, что Милль ссылается на такой жалкій авторитетъ и считаетъ его разсужденія здравыми. Однако въ статьѣ «Право труда» Милль самъ повторяетъ то же и говоритъ вещи еще несравненно худшія. Онъ соглашается, что высшіе классы должны позаботиться объ улучшеніи участи низшихъ и говорятъ по этому случаю много либеральныхъ изрѣченій. Но оказывается, что либерализмъ этотъ былъ не безъ заднихъ мыслей, не безъ коварства. Онъ весьма лукаво подкарауливаетъ людей, симпатизирующихъ рабочему пролетариату:

«Существуютъ и теперь, говоритъ онъ, такія состоянія общества,

въ которыхъ каждый владѣлецъ земли обязанъ не только наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ живущіе и работающіе на ней были одѣты, накормлены и помѣщены приличнымъ образомъ, но гдѣ онъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, отвѣтственъ за ихъ хорошее поведеніе — до того, что обязанъ вознаграждать вѣсть, кого они оскорбили, которыхъ нанесли какойнибудь убытокъ. Вотъ, по всей вѣроятности, то идеальное состояніе общества, котораго такъ ревностно желаютъ наши новые филантропы. Кто же эти счастливые рабочіе, наслаждающіеся подобнымъ положеніемъ?—Русскіе крестьяне (стр. 107).

Но торжество совершенно напрасно, потому что ловушка слишкомъ незамысловата, чтобы не разгадать ея. Здѣсь, по меньшей мѣрѣ, три софизма: первый тотъ, что положеніе нашихъ крестьянъ до освобожденія изображено въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ; второй софизмъ, — что «новые филантропы» желаютъ рабства; третья и главная ложь, на которой основано все это подкарауливаніе, что высшіе классы не могутъ иначе улучшить положеніе низшихъ, какъ лишивъ ихъ свободы. Налгать такъ много въ столь немногихъ словахъ—своего рода подвигъ, хотя совершенно бесполезный. Обратимъ вниманіе на главную ложь, что большинство можетъ достигнуть матеріальнаго благосостоянія лишь потерю своей свободы. Ложь лежитъ въ основѣ самаго положенія, которое уже невѣрно потому, что большинству такая потеря не можетъ грозить, такъ какъ ему въ этомъ отношеніи нечего терять. Для современной науки очень ясно, что науперизмъ есть своего рода рабство, что пролетарій ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ крѣпостного. Д. С. Миллю непростительно игнорировать такую истину. Поэтому, всякое преніе возможно только въ томъ случаѣ, если вопросъ будетъ измѣненъ такъ: возможно ли достигъ въ одно и то же время независимости и болѣе равномернаго распредѣленія продуктовъ труда? Отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ только утвердительный. Мало того: такъ какъ вся масса можетъ достигъ благосостоянія лишь при рациональномъ распредѣленіи продуктовъ труда, а экономическая независимость возможна только при матеріальномъ обезпеченіи существованія, то обѣ цѣли эти достигаются однимъ путемъ, такъ что, добившись общаго участія въ пользованіи продуктами труда, общество вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляется и съ рабствомъ.

Всѣ эти подкарауливанія производятся по злобѣ на «новыхъ филантроповъ» за то, что они толкуютъ высшимъ классамъ объ обязанности ихъ возвысить матеріальное положеніе низшихъ классовъ.

Милль не брезгаетъ даже такими высказываніи, какъ повтореніе до-
стоинныхъ упресковъ передовымъ людямъ Франціи прошлаго столѣ-
тія за то, что они, говоря о правахъ человѣка, не разглашаютъ
всѣхъ о его *обязанностяхъ*. На это еще болѣе вѣсть когда было
отвѣчено, что объ *обязанностяхъ* людямъ говорили много и долго
и что поэтому не мѣшало бы вспомнить и о правахъ его. Но эта ис-
тертая мораль заимствуется Миллемъ у реставраціонныхъ писателей
за тѣмъ, чтобы подорвать «новыхъ филантроповъ» за ихъ совѣты
богатымъ....

«Было бы совершенно неумѣло предполагать, повергать сны (стр.
140), будто бѣдные не подолшмають этого разговора (о томъ, что бѣд-
ные должны позаботиться о нихъ) только потому, что опъ назначает-
ся не для нихъ.»

Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе плачевныхъ послѣдствій такова под-
слушиванья. Но я полагаю, что бѣднымъ некогда подслушивать интим-
ные разговоры, которые ведутъ между собою богатые классы. Я
полагаю, что если бы уши бѣдныхъ были постоянно наводстрены, то
богатые и ихъ сообщники не рѣшились бы высказывать такихъ ве-
щей, которыя высказываются теперь во всеуслышаніе политико-эко-
номистами, и въ томъ числѣ Миллемъ. Къ числу такихъ вещей при-
надлежать, напримѣръ, его разсужденія о несовѣстности само-
стоятельнаго общественнаго положенія съ равноправностью на поль-
зованіе продуктами труда.

Послѣ либеральныхъ разсужденій о правѣ труда, Милль, на стр.
166, продолжаетъ:

«Временное (французское) правительство не припимало въ сообра-
женіе, да и всѣ его критики едва ли обраќали вниманіе на то, что
хотя каждый члвпкъ всего человѣческаго братства имѣетъ нравственное
право занять мѣсто за трапезой, приготовленной совокупными трудами
цѣлой націи, но никто изъ членовъ не смѣетъ приглашать туда посто-
роннихъ людей безъ согласія всѣхъ прочихъ.»

Конечно, думаетъ читатель, это такъ ясно, что и говорить не о
чемъ; да и кто же могутъ быть эти посторонніе люди? иностранная
войска, что ли, какъ было въ 1815 году во Франціи,—переселенцы,
туристы? Но иностранная войска никто и не думаетъ приглашать
къ трапезѣ, а если кто нибудь вздумаетъ, какъ напр. Людовикъ XVI,
то конечно главная вина не въ приглашеніи къ трапезѣ, а въ со-
вершеніи другого рода обстоятельствъ. Переселенцы же сами не

пойдутъ, если трапеза скудна; что же касается туристовъ, то это народъ безвредный, не богъ знаетъ сколько съѣдятъ.— Удивляется читатель, какихъ это постороннихъ людей не желаетъ видѣть Милль за общественной трапезой? Дѣло объясняется самымъ чрезвычайнымъ и неожиданнымъ образомъ. Д. С. Милль продолжаетъ:

«А если кто рѣшается на это, то все потребленное этими посторонними должно быть вычтено изъ доли тѣхъ, которые ихъ пригласили. Готоваго можетъ быть достаточно, только для тѣхъ, которые уже рождены, но не можетъ хватить и для тѣхъ, которые *могутъ* родиться.»

И такъ, дѣло объясняется очень просто: посторонніе за трапезой оказываются дѣтьми; подъ приглашеніемъ подразумѣвается ни что иное, какъ рожденіе дѣтей; немѣние права приглашать постороннихъ, значитъ немѣние права производить потомство, «безъ согласія всѣхъ членовъ общества». Угрозы, направленные противъ приглашающихъ, имѣютъ цѣлью отклонить людей отъ преступнаго дѣла родять потомство. Далѣе все это объясняется, метафоры отбрасываются въ сторону, и проповѣдь мальтузіанской воздержности является во всемъ блескѣ своего безобразія. Надо имѣть много смѣлости, чтобы говорить, подобно Миллю:

«Большинство думаетъ, что рожденіе дѣтей есть дѣло, относительно котораго два ли существуетъ какое нибудь нравственное обязательство, и въ которомъ личное желаніе каждаго не можетъ быть стѣснено ничѣмъ; это предразсудокъ, на который будутъ со временемъ смѣтрять съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ смѣтрять на есъ понятія и обычаи дикарей.» (стр. 167).

Здѣсь не знаешь, чему больше удивляться, тупости преподаваемой морали или беззащѣивости, съ которою она высказывается? Высказывать это въ странѣ, гдѣ работники умѣютъ читать, — гораздо опаснѣе, чѣмъ все, что говорятъ «новые филантропы.» Стоять только, чтобы нашелся добрый человѣкъ, который бы посоветовалъ пролетаріямъ прочесть подобныя строки, чтобы та ненависть, которая уже существуетъ между богатыми и бѣдными классами Англіи, дошла до величайшей напряженности. Здѣсь уже дѣло идетъ не о томъ, чтобы обсчитать голоднаго пролетарія въ пользу сытого буржуа, а о томъ, чтобы забраться во внутренній міръ бѣднаго человѣка и лишить его не только хлѣба, но и всего того, что составляетъ единственный, сколько нибудь свѣтлый лучъ въ его жизни. Между тѣмъ это та цѣна, за которую Милль согласенъ

продать бѣднякамъ насущный хлѣбъ ихъ. Онъ на столько обязателенъ, что соглашается,

«Чтобы все живущіе люди согласились гарантировать другъ другу посредствомъ государства, которое есть ихъ органъ, возможность снимать трудомъ надлежащее существованіе, но (требуется опъ) чтобы они также отвергли право распространять свой родъ, по собственному желанію, безъ всякаго ограниченія». (стр. 166—67).

И такъ, бѣдные должны позволить своимъ благодѣтелямъ, дающимъ имъ кусокъ хлѣба, ежечастью контролировать самыя драгоценныя человѣческія чувства, каждую минуту имѣть возможность стать между мужемъ и женою, зорко наблюдать за тѣмъ чувствомъ, которое въ каждомъ такъ робко и стыдливо прячется отъ чужихъ взоровъ, наконецъ, въ ущербъ ихъ здоровью, мѣшать естественному отправленію ихъ организма... И въ награду за это—теплый уголь, кусокъ хлѣба и отеческая власть капиталиста! Здѣсь будетъ полезно напомнить, какъ страшно и беспощадно бичуетъ это вопіющее лицемеріе гениальный человѣкъ, котораго недавно лишился свѣтъ:

«Школа Мальтуса, которая при всякомъ удобномъ случаѣ свидѣтельствуеетъ свое глубокое уваженіе къ религіи, обнаруживаетъ по вопросу о народонаселеніи грубое невѣріе. Проводя постоянно *laissez-faire, laissez-passer*, упрекая социалистовъ въ замѣненіи законовъ природы своими мечтами, протестуя противъ всякаго вмѣшательства государства и съ громкими криками требуя свободы, она не колеблется, когда рѣчь заходитъ о супружеской жизни, и говоритъ мужьямъ и женамъ: «Стойте, несчастные! Какой злой духъ искушаетъ васъ? Развѣ вамъ нельзя любить другъ друга, не рождая дѣтей? Развѣ вы забыли, что народонаселеніе стремится возрастать въ геометрической прогрессіи, а средства къ существованію только въ арифметической?»

«Короче сказать, школа Мальтуса учитъ, что такъ какъ народонаселеніе, богъ вѣсть почему, возрастаетъ слишкомъ быстро, то нужно положить этому обузданіе. Мы обязаны великой благодарностью г. Жозефу Гарнье за то, что у него хватило наконецъ духу послать стыдъ къ чертямъ и категорически объяснить, въ чемъ состоитъ предупредительное средство Мальтуса.

.....

«Сколько мнѣ помнится, говоря гдѣ-то о морали мальтузианцевъ, я выразился: *мораль свиней!*. Прошу извиненія за эту грубость, которую я не обращаю ни къ кому лично. Но что долженъ чувствовать человѣкъ при зрѣніи этого собранія самозванныхъ экономистовъ, давнишнихъ практиковъ ограниченной нравственности, передѣлывающихъ законы стыдливости, пишущихъ каррикатуры на „Пятикнижіе“, съ важною рывающими, что необходимо излечить народъ отъ его мнительно-

сти относительно супружеской инстинктивности, я все-таки во имя легкого учения, которое было бы позоромъ для науки, если бы даже не было позоромъ для нравственного чувства?

«Засѣданія эти происходятъ во дворцѣ института, въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ этомъ высшемъ трибуналѣ французскихъ нравовъ. Лица, принимающія участіе въ совѣщаніяхъ, занимаютъ высокое положеніе въ администраціи и преподаваніи. Г. Дюноа былъ префектомъ; г. Дюшатель—министромъ; г. Леонъ Фоше—министромъ; Гизо—министромъ и профессоромъ; его прозвали, не знаю по чему, строго-нравственнымъ; Рессе былъ профессоромъ, Ж. Б. Сэ тоже, г. Жозефъ Гарнье — профессоръ; все они—защитники религіи, нравственности, брака и семейства противъ анти-мальтузіанскаго социализма, приверженцы *laissez-faire, laissez-passer* во всемъ, кромѣ воспроизведенія дѣтей.

«Посмотрите на французское юношество, слушающее лекціи въ Collège de France и въ Сорбоннѣ, на всѣхъ этихъ студентахъ школы правовѣденія, медицинской, нормальной, политическаго, горной, путей сообщенія, посмотрите, какъ въ 18 лѣтъ они изучаются прилагать на практикѣ предупредительное ограниченіе, переходя отъ уроковъ Мальтуса къ упражненіямъ въ *Comité des Lilas* и приготавливаясь свободной любовью, гарантированной отъ произведенія потѣмства, къ брачному беззачетію, которое имъ придется проповѣдовать народу въ качествѣ судей, профессоровъ, врачей, инженеровъ! Г. Тьеръ не претендуетъ на репутацію строгой нравственности, однако имѣлъ несчастье назвать этотъ развратъ *оскорбленіемъ природы*: ему доказали, что онъ не въ здравомъ умѣ. И въ самомъ дѣлѣ долженъ быть гауль тотъ, кто придаетъ серьезное значеніе труду, собственности, наследственности, не замѣчая, что все экономическій и социальный вопросъ разрѣшается такъ просто, *истребленіемъ дѣтородженія*.” (*Essais d'une philosophie populaire*; № 3, стр. 135 и 140—141).

Вопросы политическіе уже давно вступили въ столь тѣсную связь съ социальными, что человѣкъ, смотрящій на послѣдніе съ точки зрѣнія Милля, не можетъ отличать особенною дальновидностью и относительно первыхъ. Относительно событій, ознаменовавшихъ 1848 годъ во Франціи, это особенно вѣрно. Въ событіяхъ этихъ политическій характеръ такъ тѣсно связанъ съ экономическимъ, что, заговоря о первомъ, нельзя не коснуться второго; и Милль подтверждаетъ это, потому что въ статьѣ своей безпрестанно обращается къ социальнымъ вопросамъ. Мы уже видѣли, до какой степени безобразенъ его взглядъ на нихъ, видѣли, что, оправдывая слова Прудона, онъ не нашелъ ничего лучше сказать объ этомъ, кромѣ упрямыхъ Временному правительству за

то, что оно не проводилось народу шалтувизанской вездариности. Поэтому мы не можем ожидать ничего хорошаго и отъ политическxъ взглядовъ Милля. Все, чего мы можемъ ожидать отъ него, это вѣрной оцѣнки тѣхъ немногихъ фактовъ, которые остаются въ области часто-политическихъ вопросовъ. Ожидая только этого, мы не ошибаемся, потому что Милль, какъ одинъ изъ умѣйшихъ современныхъ наблюдателей этихъ событий, могъ оцѣнить ихъ лучше другихъ. Въ этомъ отношеніи вѣрность его взгляда весьма замѣчательна; статья объ Арманѣ Каррелѣ доказываетъ, какъ вѣрно умѣлъ онъ оцѣнить политическія событія. Статья эта писана за нѣсколько лѣтъ до февральской революціи (въ 1837 году), когда тронъ Людовика-Филиппа былъ совершенно проченъ. Между тѣмъ все, что Милль говоритъ въ ней о правительствѣ этого короля, могло быть безъ всякаго измѣненія написано въ 1848 году и даже позднѣе. Въ то время должно было показаться весьма страннымъ, что Милль называетъ июльскую революцію несчастіемъ для Франціи и отзывается такъ неблагопріятно о вышедшемъ изъ нея правительствѣ. Въ 1837 году Милль говорилъ объ этомъ то же, что другіе начали говорить только десять лѣтъ спустя: что июльская революція ничего не совершила, потому что не только не измѣнила существенныхъ условій общественной жизни, но не провела даже никакой политической реформы. Положеніе народа, законодательства, представительства, прессы не измѣнилось ни на волосъ. Произошло простое перемѣщеніе лицъ, стоящихъ во главѣ общества; это была не реформа, а скорѣе перемѣна министерства, до того незначительно было измѣненіе, произведенное ею въ массѣ общества, до того ничтожно число людей, положеніе которыхъ она преобразовала. Между тѣмъ, такъ какъ она произошла вовсе не случайно, не была coup d'état, а была вызвана настоятельными нуждами общества; то весьма естественно, что долженъ былъ произойти вторичный перерывъ, такъ какъ послѣдствія перваго исполнью не удовлетворяли. Затѣмъ Милль, задолго еще до крупныхъ скандаловъ, какъ биржевыя спекуляціи Тьера, процессы Теста, дѣло де-Пролена, указываетъ на характеръ безцѣльности и безнравственности июльскаго правительства. Во всемъ этомъ Милль далеко не видитъ залоговъ прочности и для монархіи Люв-Филиппа. Эти замѣчанія овою ставимъ объ Арманѣ Каррелѣ словами почти пророческими:

„Множество безпристрасныхъ людей во всѣхъ частяхъ Франціи, на

короткое время такъ задушевно отвѣчавшихъ на его голосъ, слова потребуетъ тѣхъ правъ, которыя въ мигу паническаго страха они отдали правительству, нелюбимому и неуважаемому ими, которому повинуются и даже поддерживаютъ его противъ его враговъ только изъ чаянія достигнуть чегонибудь лучшаго. . . . .

«Прискорбно потерять такого человѣка (какъ Каррель), прискорбнѣе того потерять его въ жалкой дуэли. Но плохо придется правительству, которое можетъ радоваться смерти такого врага; и, можетъ быть, настанетъ время, когда оно отдадо бы свои самыя дорогія сокровища, чтобы вызвать изъ могилы жертву, которую злоба его намѣренно или не намѣренно, погребла въ ней. . . . . Такое правительство, какъ существующее теперь во Франціи, не можетъ долго оставаться». стр. 90 и 91).

Оно осталось дѣйствительно недолго, но не ему пришлось пожалѣть благороднаго А. Карреля. Что касается до соображеній Миля касательно событій и дѣятелей 1848 г., то я еще буду имѣть случай коснуться ихъ въ разборѣ «Исторіи революціи 1848 года» Гарнье-Паже, въ которому и перехожу.

Событія 1848 года принадлежать исторіи, и потому безпристрастная оцѣнка ихъ очень возможна. Сочиненіе Гарнье-Паже само по себѣ не имѣетъ никакихъ достоинствъ, и когда авторъ пускается въ разсужденія, то, какъ говорится, хотъ святыхъ вонъ выноси. Тѣхъ не менѣе книга стоитъ прочтенія, какъ единственная исторія февральской революціи, существующая на русскомъ языкѣ, и потому что авторъ ея былъ не только очевидцемъ, но и дѣятелемъ въ этихъ событіяхъ, а разсказъ его отличается достаточной ясностью и живостью. — До сихъ поръ вышли три тома. Въ первомъ описано начало революціи въ Италіи, во второмъ—событія во Франціи, предшествовавшія революціи, въ третьемъ—событія 24 февраля. Такъ какъ о первыхъ двухъ томахъ уже говорилось въ «Рус. Словѣ», то я ограничусь здѣсь разборомъ послѣдняго тома.

Въ событіяхъ 24 февраля замѣчательно съ одной стороны поведеніе короля и окружающихъ его лицъ, а съ другой тѣхъ лицъ, которыхъ этотъ день поставилъ во главѣ Франціи. Первое служитъ хорошей характеристикой правительства предшествовавшихъ семнадцати лѣтъ и объясняетъ его паденіе, а второе можетъ служить комментариемъ къ послѣдующимъ событіямъ.

Въ приложенияхъ къ третьему тому исторіи Гарнье-Пажо находится, между прочимъ, одинъ весьма любопытный документъ, а именно рапортъ префекта полиціи министру отъ 19 января 1847. Рапортъ этотъ начинается слѣдующими словами:

Господинъ министр!

Я всегда приписывалъ особенную важность тому, чтобы строго *слѣдить и изучать въ своемъ кабинетѣ, въ минуты ихъ выхода, всѣ политическія и экономическія сочиненія враждебнаго характера, для того, чтобы указывать высшей судебной власти на тѣ изъ нихъ, которыя, по моему мнѣнію, угрожаютъ опасностью правительству или обществу. При этомъ я имѣлъ случай слѣдить за развитіемъ революціонныхъ идей и за тактикой политическихъ партій. Я думаю, господинъ министр, что съ этой послѣдней точки зрѣнія для вашего превосходительства, *благосклонно принявшаго работы подобнаго рода, которыми я имѣлъ честь (!) прежде представить вамъ, не будетъ вамъ безинтересенъ краткій обзоръ (!) всѣхъ подобныхъ сочиненій, вышедшихъ въ 1846 году.**

Полагаясь на ту систему, на которую указываетъ Мильт, на подкупы, жадность буржуазіи и кабинетныя работы префектовъ, правительство Люи-Филиппа не сомнѣвалось въ своей прочности. Отчасти такая самоувѣренность оправдывалась; въ 1789 году противъ правительства были всѣ; директорія хотя не имѣла сильныхъ враговъ, но за то и сама была безсильна, такъ что каждый толчокъ могъ легко ниспровергнуть ее; правительство имперіи, могущественное военною силою, побѣдами, завоеваніями и гениемъ своего главы, зависѣло всегда отъ военнаго счастья, постоянно ставило на карту все, и потому, если много выигрывало, за то всегда рисковало все проиграть. Реставраціонное правительство имѣло противъ себя нѣсколько сильныхъ, организованныхъ партій, было покрыто позоромъ союза съ врагами Франціи и, вдобавокъ, съ 1820 года принялось гоняться за неосуществившимися цѣлями, которыя должны были непременно погубить его. Но правительство, вышедшее изъ переворота 1830 года, могло рассчитывать на поддержку могущественнѣйшаго изъ сословій, буржуазіи, на все либеральное чиновничество; оно имѣло въ своихъ рукахъ большую власть и военную силу, никогда не рисковало, а напротивъ, тщательно избѣгало всего, что бы могло повредить или поколебать его могущество, имѣло за себя либеральныя преданія июльской революціи и реставраціонной оппозиціи, и постоянно придерживалось золотой середины, слегка прогрессируя и слегка реагируя, избѣгая всякихъ скандаловъ и явныхъ насилій. Правда,

недъ конецъ еѣ поразили многія несчастія: выжили за сѣбѣю воду кое-какіе грѣшны, которые съ большими удобствами могли бы остаться неизвѣстными; пришлось прибѣгнуть къ явно-революционнымъ мѣрамъ, подавшимъ поводъ къ бесполовенному куту; жизнь главы правительства подвергалась постоянной опасности, и между рабочими классами развивались несообразныя идеи. Но все это были мелочныя неудобства, безъ которыхъ прожить невозможно, но которые не представляютъ серьезной опасности. Если и были грѣшны за многими представителями правительства, то оно полагало, что за нихъ должны быть ответственны эти лица, а не вся система. Какъ ни присорбно было доходить до крайностей, но нельзя же было предположить, что главная ошора правительства, буржуазія, рѣшится допустить революцію изъ-за того, что попржижутъ немного прессу и зашумятъ какіе нибудь неблагонамѣренныя банкеты. Идеи, овладѣвшія рабочимъ классомъ, если и были съ одной стороны неприятны, за то съ другой служили ручательствомъ за вѣрность буржуазіи, а на случай смятеній всегда были въ запасѣ маршалъ Сульть и маршалъ Бюже съ достаточнымъ количествомъ войска. Наконецъ опасность, окружавшая короля, хотя и была положительнымъ зломъ, но во всякомъ случаѣ грозила лишь ему лично, а не цѣлой системой и династіи. Всѣ эти соображенія были такъ основательны, что Мильтъ обнаружилъ весьма рѣдкую дальновидность, усумнившись въ 1837 году въ прочность июльскаго переворота. Да и онъ, вѣжета, черезъ нѣсколько лѣтъ успелось за нее, потому что послѣ неблагопріятныхъ отзывовъ о французскомъ правительствѣ 1837 года, въ 1845 году онъ говорилъ о застарѣлѣ, слезанымъ Гизо, какъ министромъ, не только Франціи, но «всему цивилизованному міру» (Разсужденія и послѣдованія. Часть I, стр. 75.)

Но если и были люди, твердо убѣжденные въ томъ, что июльская монархія предержитоя недолго, то сама она никоимъ образомъ не предчувствовала этого событія. За годъ до революціи, Людовикъ Филиппъ, радуясь успѣху выборовъ, сказалъ, что «Франціей можно управлять только посредствомъ чиновниковъ.» Онъ же сознавалъ, что сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы довести до блистательнѣйшихъ размѣровъ господство бюрократіи. Онъ обратилъ въ чиновниковъ большую часть Франціи. Не говоря уже о томъ, что армія, наука, литература, депутатское собраніе и перство были чиновниками, — чиновниками стали всѣ фабриканты, лавочники, капиталы-

собственников; они стали или черезъ національную гвардію и въ силу той увѣренности, что необходимо слушать имъ своему правительству, чтобы отвратить потрясающія несчастія. Поэтому 20 февраля 1848 король самодовольно говорилъ сенскому префекту:

«Меня не заставятъ врасплохъ. Я не повторю ошибокъ Карла X. Я лучше лучше принять свои шпры и лучше защищать себя.»

Такъ какъ въ послѣднее время министерство дошло до крайней безчестности и принялось распоряжаться по своему, отложивъ всякій стыдъ въ сторону, то могло статься, что это вооружило наконецъ и буржуазію. Въ такомъ случаѣ дѣло было дѣйствительно серьезно, но серьезно только для министерства, а не для короля. Король очень хорошо понималъ, что, въ случаѣ неудовольствія со стороны буржуазіи, ему предстояло только замѣнить Гизо господиномъ Моле или въ самой крайности Тьеромъ, и все кончится. Если это и было неприятно, то все-таки не на столько, чтобы много думать о томъ, тѣмъ болѣе, что со временемъ, когда азартъ пройдетъ, можно будетъ снова возвратиться къ Гизо.

Утромъ 22 февраля король, по словамъ Гарнье-Паже, былъ очень веселъ и обнаруживалъ не малую игривость. Замѣтивъ толпу у дворца, разгоняемую драгунами, король съ улыбкой на лицѣ сдулъ кучку пепла, просыпанную на бумагу, и сказалъ, обращаясь къ О. Верне:

«Стоять мнѣ захотѣть, и все это разметится, какъ этотъ пепелъ.»

У короля было въ Парижѣ 40,000 войска, не считая національной гвардіи, которая хотя на этотъ разъ не обнаруживала желанія стрѣлять въ народъ, но въ случаѣ нужды могла быть направлена къ тому нѣкоторыми небольшими уступками либеральнымъ желаніямъ буржуазіи. Сверхъ того, правительство, въ случаѣ серьезнаго сопротивленія, могло править войска изъ окрестностей. Пока же, волненіе было такъ опасно, что король не хотѣлъ даже сдѣлать ничтожную уступку для того, чтобы имѣть на своей сторонѣ національную гвардію. По этому поводу утромъ 22 февраля у короля происходилъ слѣдующій разговоръ съ однимъ офицеромъ національной гвардіи:

— Такъ вы говорите, сказалъ король, прилужденно улыбаясь, что національная гвардія не будетъ драться?

— Не будетъ, в. в.

— Но что же мы сдѣлали дурного для націи? сказала королева.
Неужели дѣти мои недостойны любви французевъ?

— Но видъ народъ и не имѣть ничего противъ вашего семейства; онъ раздраженъ противъ политики министерства.

— Однако, по вашему, продолжалъ король, есть средство поправить дѣло?

— Есть, в. в., но я не смѣю...

— Говорите, я хочу знать, я наконецъ требую.

— Если вы приказываете, государь, я говорю: нужно сегодня же вечеромъ переменить министерство; завтра будетъ уже поздно.

Король съ видомъ сожалѣнія отпустилъ батальоннаго командира.

(Гарнье-Паже. Т. II, стр. 269).

Однако убѣжденіе батальоннаго командира было неословательно; король очень ясно понималъ вещи и не видѣлъ надобности дѣлать уступки, пока можно обойтись безъ нихъ. Черезъ нѣсколько часовъ, когда волненіе не прекращалось, король счелъ нужнымъ уступить буржуазіи и поручилъ Моле составить кабинетъ. Это было нѣсколько несообразно; слѣдовало прямо приняться за Тьера. Король поступился недостаточно. Совѣтъ нельзя было и сообразить, чѣмъ Моле либеральнѣе или вообще лучше Гизо? Не смотря на свою опытность и ловкость, король ошибся въ той дозѣ либерализма, которую слѣдовало отпустить по этому случаю. Ему повредило на этотъ разъ то, что составляло его силу, а именно его привычка справляться съ буржуазіей. Ему слишкомъ часто удавалось поправлять дѣла гомеопатическими дозами уступокъ. Но въ этотъ разъ дѣла запутались больше обыкновеннаго, и дозу слѣдовало усилить. Въ оправданіе его опытности можетъ служить описаніе того впечатлѣнія, которое произвела перемѣна министерства:

«Въ городѣ паденіе министерства произвело живую и почти всеобщую радость. Какъ всегда бываетъ при сильныхъ кризисахъ, самыя разнообразныя чувства и противоположныя убѣжденія слились въ одно общее чувство. Нѣкоторые видѣли въ паденіи министерства униженіе короля, другіе—спасеніе монархической власти. Одни радовались побѣдѣ, такъ легко доставшейся, другіихъ восхищало то, что дѣло обошлось безъ большого кровопролитія. Реформисты поздравляли себя съ полнымъ успѣхомъ. Консерваторы, за исключеніемъ очень немногихъ, радовались, что цѣною нѣсколькихъ уступокъ искушалось спасеніе цѣлой страны. На всѣхъ перемѣна министерства произвела самое благоприятное впечатлѣніе. Даже люди самыя хладнокровныя ко всему радовались ей, какъ новости. Однимъ словомъ, восторгъ былъ всеобщій, и во многихъ мѣстахъ раздавались крики „Vive le roi“ (Гарнье-Паже, т. I, стр. 307).

Такимъ образомъ, даже обычная гомеопатическая доза либерализма

дала въ первыя минуты самыя благоприятныя результаты. Поэтому Людовикъ-Филиппъ, видя это, могъ поздравлять себя съ успѣхомъ, которымъ былъ обязанъ своей проникательности, опытности и знанію той части народа, которая служила ему опорой. Было бы несправедливо ставить ему въ обвиненіе, что онъ не догадался, что на этотъ разъ ни онъ, ни буржуазія не могутъ оставаться нпчѣмъ движеніе, которое, разъ начавшись, уже не можетъ прекратиться, пока не разыграется борьбой на жизнь и смерть. Словомъ, онъ не могъ понять, хотя бы былъ во сто разъ хитрѣе и опытнѣе, что начинающійся переворотъ не политическій, а социальный. Ошибку эту раздѣляли съ нимъ всѣ, за исключеніемъ самаго ограниченнаго кружка; побѣдители его, подобно ему, думали вечеромъ 24 февраля, что революція кончилась, и никто изъ нихъ не видѣлъ, что кончиться она можетъ только такимъ рѣшеніемъ, которое восполздовало въ іюнѣ.

Какъ бы то ни было, но король вскорѣ убѣдился, что обыкновенный пріемъ уступокъ не дѣйствуетъ. У новаго президента совѣта, назначеніе котораго должно было усмирить народъ, отняли карету для баррикады. Послѣ такого страннаго поступка, графъ Моле самъ сообразилъ, что не годится служить въ настоящемъ случаѣ успокоительнымъ средствомъ, и посоветовалъ королю призвать въ министерство Тьера и Одилона Барро. Большую разницу между этими господами и Моле или Гизо могли видѣть только люди, дальновидность которыхъ была нѣсколько ослаблена тѣмъ, что много лѣтъ дѣятельность ихъ не выходила за стѣны палаты. Въ палатѣ Барро принадлежалъ къ лѣвой сторонѣ, Тьеръ къ лѣвому, а Моле къ правому центру. Поэтому людямъ, дальше палаты невидѣвшимъ, казалось, что напр. между Барро и Моле существуетъ цѣлая пропасть. Самъ Гарнье даже вѣрилъ, что если бы король прямо призвалъ въ министерство Тьера, то все обошлось бы благополучно. Точно также и Тьеръ, послѣ неудачи Моле, вообразилъ, что теперь онъ единственный человѣкъ, могущій спасти Францію. Король же, хотя и изумленный тѣмъ, что на этотъ разъ народъ не восхитился замѣщеніемъ Гизо—Моле, однако не считалъ дѣло столь значительнымъ, чтобы рѣшиться на такой шагъ, какъ назначеніе Тьера. Притомъ король питалъ личную антипатію къ вождю династической оппозиціи; въ бытность свою министромъ, этотъ господинъ примѣненіемъ политическихъ извѣстій, бывшихъ въ его рукахъ, къ биржевой игрѣ такъ опростоволохился, что могъ, конечно, возбуждать къ себѣ полное презрѣніе; впрочемъ Лю-

Филиппъ былъ неразборчивъ въ этомъ отношеніи и даже прощалъ людямъ малейшія слабости; апатизма его въ Тверь происходилъ изъ другихъ источниковъ. Между прочимъ, противясь его назначенію, король принималъ въ соображеніе и дипломатическое значеніе его. Только въ 2 часа ночи 24 числа события въ городѣ и особенно на бульварѣ Капуциновъ принудили его согласиться на эту уступку. Свиданіе короля съ своими торжествующими спасителями весьма оригинально. Король, покорясь необходимости, чувствовалъ поэтому порядочную злобу на Тверя и, призвавъ его, не утерпѣлъ, чтобы не пошпиговать его. Онъ двадцать лѣтъ возмужавъ съ злыми людьми и очень хорошо зналъ, что властолюбіе и честолюбіе, слишкомъ грезидныя сравнительно съ разнороднѣе ихъ малыми душонокъ, дѣлало ихъ вполне нечувствительными къ оскорбленіямъ, когда имъ представлялась возможность овладѣть соблазнительнымъ положеніемъ.

Тверь было закупилъ удача, чувствуя съ своей стороны, что, какъ бы тамъ ни было, а королю онъ необходимъ. Показавъ такимъ образомъ, что они другъ друга нуждаются, Тверь и Люн-Филлиппъ начали мирно толковать о новомъ кабинетѣ. Тверь потребовалъ распушенія палаты, грозя въ противномъ случаѣ отпасть отъ министерства. Однако король зналъ, что президентское пресмо не такая вещь, отъ которой бы у Тверя хватило духу отъзаться. Поэтому онъ настроивъ отвѣтилъ, что палату распускать не будетъ, на что Тверь болѣе настаивать не сталъ и отправился на-бираться кабинетъ.

Между тѣмъ король принималъ и другія мѣры, не вѣряясь вполнѣ результатамъ либеральныхъ средствъ. Энергическій маршалъ Бюже былъ назначенъ главнокомандующимъ парижской арміей и національной гвардіей, не смотря на слабыя возраженія Тверя.

Въ 8 часовъ утра Тверь и Барре были министрами; оставалось только убѣдить народъ, что обстоятельство это удовлетворяетъ всѣ его желанія и что, следовательно, ему совершенно нѣтъ надобности продолжать «загоревывать прѣзвсія дороги, оставляя на нихъ разные матеріалы и другія, всякія бы те ни было, вещи, затрудняющія свободный прѣздъ», какъ декламатно выражалось министерство Гизо о баррикадахъ.

Но народъ былъ другого мнѣнія. Отъ соображенія то, что обыкновенно бывалъ не въ силахъ сообразить, а именно, что перемена министерства есть просто либеральный фейерверкъ, отъ котораго ему

да тамъ же, ни холодитъ. Министры увидѣли, что для того, чтобы действительно смести короля, имъ придется сдѣлать то же, что съ тариномъ на усѣбномъ, какъ и они, могли сдѣлать Гизо или Моне, а именно пустить въ ходъ маршала Вюжо. Тьеру это было ни по чемъ, но Барро всегда такъ неумѣренно либеральничалъ, что ему это было бы нѣсколько неудобно. Поэтому, по свидѣтельству Гарнье-Паже, онъ неколебимо принялъ власть, обаявавшую его къ такого рода вступанью. Чтобы разсѣять его сомнѣнiя, Тьеръ пустилъ въ ходъ свое возмущенное праспорѣчiе, а

«генералъ Ламорисьеръ, рассказываетъ Гарнье-Паже, возбужденный его словами, почувствовалъ, что въ немъ зашевелились все чувства воинскаго долга; онъ съ откровенною энергiей поддержалъ доводы Тьера. — Влiянiе слова могущественно! — Барро переступилъ порогъ Тюльери.» (Гарнье-Паже. Т. III, стр. 32).

Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что Барро, подчинившагося влiянiю слова, и Ламорисьера, почувствовавшаго шевеленiе чувствъ воинскаго долга, черезъ нѣсколько часовъ удаившима взять въ свои руки бразды республиканскаго правленiя, а Гарнье-Паже, съ пафосомъ и умиленiемъ рассказывающiй это, сдѣлался членомъ Временнаго правительсва французской республики во имя самодержавнаго народа!

Но возвратимся къ королю. При вторичномъ приходѣ къ нему Тьера, онъ снова принимается щекотать его, весьма забавно подсмѣиваясь надъ его еще робкою, но тѣмъ не менѣе страстною радостью быть министромъ.

— «Ну, что же, мой любезнѣйшiй министръ? встрѣтилъ онъ его. Тьеръ отвѣчаетъ, замирая еле въ своей преданности, что онъ пока все еще не министръ.

— Сейчасъ будете министромъ, насильственно усвоивааетъ его Люк-Фиданпъ.»

Но Тьеръ махуетъ, что въ Парижѣ еще никто не знаетъ, что онъ министръ. Затѣмъ онъ отправляется возвѣщать народу эту радость.

Однако народъ отвѣчаетъ криками: «долой Тьера!» Это приводитъ его въ колебанiя; Тьеръ терпитъ, и дѣятельность его на этотъ разъ кончается тѣмъ, что энергичнѣйшiй Вюжо запираетъ его въ свой кабинетъ, говоря, что ему нужно имѣть при себѣ другого энергичнаго человѣка.

Когда такимъ образомъ народъ отвергъ уже почти всю палату, съ крайней правой и до лѣваго центра, ему предлагается послѣдній и лучшій перлъ административной мудрости — Одильонъ Барро. Но народъ вовсе не приходитъ въ восторгъ и отъ этого назначенія. Отправляясь поздравлять народъ съ своимъ выборомъ и уговаривать его удовольствоваться по крайности этимъ, онъ забираетъ съ собой республиканца Паньера, чтобы представиться поприличіе народу. Республиканецъ Паньеръ выступаетъ въ путь, чтобы украшать передъ народомъ своею особою новаго министра. Въ то же время выступаетъ и Ламорисьеръ объявить народу о назначеніи Тьера и Барро министрами, а Бюжо и его самого, Ламорисьера, начальниками военныхъ силъ. Замѣтивъ, что народъ вовсе не радуется Тьеру и Бюжо, достойный генералъ начинаетъ лгать, говоря о назначеніи только себя и Барро.

Однако народъ отвергаетъ и этотъ послѣдній выборъ, который могла ему сдѣлать июльская монархія. Мало того: Барро и Ламорисьера встрѣчаютъ криками: «*A bas Louis-Philippe!*» — Положеніе короля становится критическимъ.

Людовикъ-Филиппъ перестаетъ корить несчастнаго Тьера. Въ Тюльери становится довольно мрачно. Герцогъ немурскій находитъ, что у нихъ нѣтъ средствъ сопротивляться. Гарнье-Паже находитъ, что это замѣчаніе было сдѣлано «хладнокровно и съ достоинствомъ». Но особеннаго достоинства въ этомъ признаніи незамѣтно.

Самъ же Людовикъ-Филиппъ, услышавъ, что дѣло уже идетъ о его отреченіи, объявляетъ, что готовъ умереть, а не уступить. Тогда и герцогъ немурскій, забывъ о своемъ признаніи, энергически восклицаетъ: «И такъ, впередъ!» Но приходитъ Кремье (этотъ почтенный господинъ, который утромъ являлся съ совѣтами къ королю, а вечеромъ былъ членомъ республиканскаго правительства) и подаетъ королю надежду, что еще возможно поправить дѣла, составивъ министерство изъ самыхъ лучшихъ перловъ парламентскаго либерализма. Эта идея, послѣ мысли объ отреченіи, такъ понравилась Людовику-Филиппу, что онъ сказалъ Тьеру:

«И такъ, мой милый Тьеръ, вы такъ же непопулярны, какъ и я. Я хотѣлъ вамъ сдѣлать довольно неприятный подарокъ, поручивъ вамъ власть въ такую минуту. Теперь я не много отнимаю у васъ.»

Каждое изъ этихъ словъ для «шлага Тьера» — острая шпилька. Намеки на неприятный подарокъ слишкомъ напоминаютъ басню «И-

сица и виноградъ». Положеніе невытанцовавашаго министра самое скверное. Давно ли онъ воображалъ, что народъ возсталъ, чтобы сдѣлать его министромъ? Давно ли, съ видомъ великодушнаго врага, соглашался взять на себя трудъ спасти монархію? и теперь, черезъ какіе набудь 3—4 часа послѣ всего этого, выслушивать эти насѣшки! Обидно!

Однако оказывается, что Кремье наболталъ вздору и что никакіе административные перлы не могутъ угодить прихотливому вкусу людей, «засорившихъ проѣзжія дороги». Въ Тюльери поднимается суматоха. Во дворцѣ сыновья короля требуютъ отъ него того же, чего народъ на улицахъ — отреченія. Герцогъ Монпансье торопитъ старика, который соглашается, и сыновья его первые слѣшатъ распространить эту радостную новость. Принцессы плачутъ и выказываютъ ненависть герцогинѣ орлеанской, начиная подозрѣвать, что всѣ несчастія произошли именно отъ этой женщины. Королева обнаруживаетъ самыя энергическія чувства, рѣзко выдающіяся среди всеобщаго унишя.

«Ты не отречешься, говоритъ она мужу. У тебя хотять вырвать скипетръ, но ты одинъ только въ состояніи держать его въ рукахъ. Лучше умереть съ храбростью, чѣмъ отречься! Садись на лошадь, армія пойдетъ за тобою!»

Король бы охотно послѣдовалъ совѣтамъ жены, если бы могъ. При малѣйшемъ благопріятномъ извѣстіи, онъ слѣшпитъ заявлять, что не далъ письменнаго отреченія. Но народъ у Тюльери. Король спрашиваетъ, можно ли защищать дворецъ, но получаетъ отрицательный отвѣтъ. Безконечно-старый и больной маршалъ Жераръ садится во фракъ на лошадь и отправляется увѣщевать народъ, держа въ рукѣ пальмовую вѣтвь. Но на дорогѣ соображаетъ, что было бы гораздо лучше имѣть, вмѣсто пальмовой вѣтви, актъ отреченія короля. Герцогъ Монпансье, который вообще въ этотъ день не забывалъ пословицы: «своя рубашка ближе къ тѣлу», снова приступаетъ къ отцу съ требозаньемъ, чтобы онъ поскорѣе письменно отрекся. Видя такую настойчивость, Людовикъ-Филиппъ принялся писать; дѣло это было не легкое, и не мудрено, что онъ медлилъ, потому что каждая буква была шагомъ впередъ, въ Англию. Герцогъ Монпансье, пока онъ пишетъ, выражаетъ свое нетерпѣнье энергическими жестами: это было единственное проявленіе энергіи, обнаруженное герцогомъ въ этотъ день.

Вскорѣ послѣ того королевское семейство выступаетъ изъ Тюльери. Когда они шли садомъ, упала лошадь одного національнаго гвардейца, сопровождавшаго ихъ.

«Герцогъ Монпансье невольно задрожалъ, крѣпко сжалъ руку Кретила, быстро осматриваясь во всѣ стороны, спросилъ:—Какъ вы думаете, могутъ ли пасть на короля?.... Бѣдный молодой человекъ!» вскрикнула королева, бросившись на помощь къ національному гвардейцу. Люя-Филиппъ, протянувъ руку къ лошади, загромодившей дорожку, повторилъ съ какимъ-то дикимъ испугомъ: «Оттащите эту лошадь». (Гарнье-Паже. Т. III. стр. 447).

На площади ихъ ждали экипажи. Когда король подошелъ къ каретѣ, она уже была занята принцессами и дѣтьми. — «Выходите всѣ», сказалъ онъ имъ. Герцогъ Монпансье, какъ можно себя представить, также не опоздалъ занять мѣсто; жена и сестра его были принуждены остаться по недостатку мѣста.

Такимъ образомъ июльская монархія сошла со сцены. Черезъ нѣсколько часовъ Франція была республикой; но имена членовъ Временнаго правительства не обѣщали ничего хорошаго. — Въ этомъ спискѣ не достаетъ еще только развѣ Бюжо, Сентъ-Арно и Тьера. Когда выйдутъ слѣдующіе томы исторіи Гарнье-Паже, мнѣ придется говорить о томъ, что сдѣлалось съ Франціей, представителями которой были такіе люди.

Историческій рассказъ г. Костомарова «Сынъ» — весьма замѣчательное и рѣдкое явленіе въ нашей литературѣ. Въ послѣдніе времена мы вообще не забалованы беллетристикой, а историческіе романы и повѣсти у насъ всегда не удавались. Тѣмъ неожиданнѣе встрѣтить историческую повѣсть, не только хорошо рассказанную, но полную смысла и интереса.

Рассказъ этотъ относится къ одному изъ важнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка, и представляетъ собою эпизодъ изъ великой драмы возстанія Стеньки Разина. Но сюжету повѣсти эта больше всего напоминаетъ «Калиташскую дочку» Жуковина, хотя сходство это, впрочемъ, только чисто-внѣшнее. Въ рассказѣ Пушкина интересъ сосредоточивается на мелочахъ, и событія, къ которымъ онъ относится, отодвигаются на второй планъ, и притомъ являются въ обезображенномъ видѣ. Народная жизнь играетъ въ немъ едва—ли не послѣднюю роль; авторъ

совершенно не сумѣлъ воспользоваться всѣми выгодами, которыя представлялъ ему предметъ разсказа. Онъ довольно бессмысленно рисовалъ историческія картинки, что рѣзко бросается въ глаза мыслящему читателю, когда авторъ переноситъ разсказъ изъ оренбургскихъ селеній въ петербургскія окрестности.

При этомъ отъ самого автора совершенно ускользаетъ весь смыслъ контраста между событіями въ первой мѣстности и во второй. Онъ совершенно неспособенъ ни къ чему, кромѣ простого описанія нѣкоторыхъ сценъ и мѣстностей. Поэтому отъ него нельзя и ожидать, чтобы онъ остановилъ вниманіе читателя на внутреннемъ смыслѣ изображаемыхъ имъ явленій.

Разсказъ г. Костомарова, вѣроятно, значительно уступаетъ пушкинскому въ художественномъ отношеніи, и я не сомнѣваюсь, что гг. Анненковъ и Эдельсонъ найдутъ въ немъ множество недостатковъ. Но я долженъ, къ сожалѣнію, признаться, что въ этомъ отношеніи смыслу очень мало, а потому не колеблюсь отдать преимущество «Сыну» передъ «Капитанскою дочкою». Въ разсказѣ г. Костомарова я нахожу все то, чего, по моему мнѣнію, нѣтъ въ повѣсти Пушкина. Уже самая сущность разсказа имѣетъ несравненно больше интереса, чѣмъ содержаніе «Капитанской дочки». — Сынъ богатаго помѣщика, Осипъ Нехорошевъ, возвратившись домой изъ похода въ Малороссію, находитъ мать свою въ гробу и видитъ на тѣлѣ ея признаки насильственной смерти. Онъ узнаетъ, что она убита его отцомъ, который влюбленъ въ сосѣдку. Тогда Осипъ отправляется въ сосѣдній городъ, Саранскъ, — къ воеводѣ съ доносомъ на отца. Но саранскому воеводѣ и безъ того много дѣла, потому что народъ уже поговариваетъ о батюшкѣ Степанѣ Тимофеевичѣ, отряды котораго уже неподалеку. Народное волненіе въ Саранскѣ и признаки приближающейся бури, настроеніе народа и безпокойство властей описаны здѣсь г. Костомаровымъ превосходно. Саранскій воевода оказывается добрымъ другомъ отца Осипа, и потому, получивъ допись, отвѣчаетъ, что не можетъ принять его, такъ какъ дѣти по закону не могутъ подавать жалобъ на родителей. Затѣмъ воевода, пригласивъ къ себѣ отца Осипа, въ его присутствіи велитъ наказать сына батогами. Сцена эта неподражаема по правному добродушію воеводы, въ которомъ авторъ прясно выразилъ всѣ тогдашнія понятія о семейныхъ отношеніяхъ и человѣческомъ достоинствѣ. Но Осипъ, человекъ для своего времени передовой, принимаетъ наказаніе не такъ добродушно,

какъ воевода даетъ его, и на другой день, узнавъ, что мятежники овладѣли сосѣднимъ Ашешаромъ, уходить къ нимъ. Въ Ашешарѣ онъ находитъ казакаго атамана и своего стараго знакомаго, запо-рожца Кручу, который «посланъ отъ батюшки отамапівъ творить: кого громада наставитъ, порядку та звичаю козацкому научать.» Затѣмъ слѣдуетъ описаніе взятія Саранска, умерщвленія воеводы, погоня Осипа за отцомъ, плѣнъ и казнь его. Здѣсь, между прочимъ, превосходно описаніе того, какъ казакъ Круча вводилъ въ Саранскѣ казаціе обычаи и наставлялъ народъ уму-разуму.

Чтобы дать читателю образчикъ достоинствъ разсказа г. Костомарова, я выписываю слѣдующую сцену, полную интереса и блистательно доказывающую знакомство автора съ обычаями и нравами времени, которое онъ описываетъ:

«Въ воскресенье у кабака за посадомъ (въ Саранскѣ), близъ того мѣста, гдѣ казнили преступника, собралось много народу. Тамъ стояла толпа скомороховъ; было ихъ человекъ до двадцати, одни играли на волынкахъ, били въ бубны и накры, другіе представляли передъ народомъ дѣйства. Изъ раскинутаго шатра, который они съ собой всегда возили, вышелъ параженный знатнымъ господиномъ скоморохъ въ высокой черной шапкѣ изъ дубовой коры, сѣлъ на колоду, подперся въ бока и уродливо надулся, оттопыривши плечную губу; двое съ униженнымъ видомъ кланялись ему въ ноги и подносили въ лукошкѣ вучу щегля и песку, на которой лежалъ свертокъ изъ лопушника: это напоминало челобитчиковъ, подносящихъ воеводѣ повинныя съ челобитною, свернутою обыкновенно въ трубку.

— Выслушай, милостивецъ! говорили они жалобно-смѣшнымъ тономъ, не побрезгуй нашимъ добромъ!

Сидящій начиналъ ихъ бранить. Въ это время выскакивали изъ ряда скомороховъ двое другихъ, селись воеводѣ на плечи и кричали:

— Ой, бояринъ, ой воевода! Любо тебѣ было хорохориться, да поминки брать, да людей безвинныхъ обижать! ну-ка, братъ, вози теперь пасъ на расправу надъ самимъ собой!

И они начинали его тузить и грозили утопить въ водѣ. Потомъ двое одѣтыхъ въ лохмотья и обутыхъ въ лапти тормошили и гоняли то въ ту, то въ другую сторону прутьями толстяка съ огромнымъ уродливымъ брюхомъ, а всѣ другіе хоромъ кричали: «Добрые люди, посмотрите, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ!» Потомъ являлся купецъ и начиналъ считать

деньги, представляемыя камешками, а другіе скоморохи тормозили его и загребали у него изъ подъ рукъ деньги, приговаривая: «Давай, давай сюда! дѣлнсь съ нами. Побралъ съ народа за гнилой товаръ, теперь подѣлись-ка съ нами, съ голыдьбою!»

Черному народу очень нравились такія представленія. Веселость толпы удвоилась, когда скоморохи, выпивши по доброй чаркѣ вина, стали въ вругъ и, прихлопывая въ ладоши, кричали:

Ребятунки! праздникъ, праздникъ!
 У батюшки праздникъ, праздникъ!
 На матушкѣ Волгѣ праздникъ!
 Сходися, голыдьба, на праздникъ!
 Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Эхъ вы, купцы богатые, бояре тороватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчатые, принимайте гостей голыихъ, босыихъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мушцвую, пеумытую!»

Вдругъ разнеслось въ толпѣ: «воевода, воевода!» Въ самомъ дѣлѣ изъ города показался воевода верхомъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ. Скоморохи съ удивительною скоростью подобрали свои хари, которыя надѣвали на лицо, свернули свой шатеръ, убрали бубны и волышки и пустились въ разсыпную. Вся толпа побѣжала опрометью во всѣ стороны. Воевода прискакалъ на мѣсто и не засталъ уже нпкого.

— Что здѣсь за дѣйство? кричалъ воевода на цѣловальника, стоявшаго непоколебимо у своего кабака: — тутъ воровскія дѣйства представляются! Гдѣ воры? ловить ихъ!

— Да кого ловить-то? сказалъ цѣловальникъ. Гдѣ ихъ ловить, коли они убѣжали, напугавшись? Это все свои честные люди; въ кабакъ царевъ погулять пришли; воровъ никакихъ не было!

— Какъ не было? кричалъ воевода: — гуляціе, бѣглые люди, скоморохи!

— И, батюшка, воевода — кормилецъ! говорилъ цѣловальникъ, какіе это бѣглые? чтожъ такое, что скоморохи?

— Да то, что у меня въ наказѣ написано такихъ ловить и хари у нихъ брить и на огнѣ жечь, да и тѣхъ, кто ихъ слушаетъ и на ихъ богопротивныя дѣйства смотреть, бить кнутомъ.

— Эхъ, бояринъ, па всяко чиханье не наздравствуешься! Ужъ будто всяко лыко въ строну? Чтожъ за важность, что въ наказѣ на-

писано? Коли намъ ихъ гонять, такъ и въ царской казнь-недоборъ будетъ; да у тебя-жь, кормилецъ, въ наказѣ написано, чтобы головѣ кабацкому, что съ откупа взялъ кабаки въ Саранскѣ, на посадѣ ни во что не мѣшаться. Вѣстимо, ты воевода, такъ и власть у тебя есть; да вѣдь коли почнешь ихъ гонять, такъ весь народъ посадскій осерчаетъ на тебя, да и у насъ нить не стануть. А воровского тутъ нѣтъ ничего.

Воевода повернулъ нося и уѣхалъ навадь». (Смыслъ стр. 90—94).

Остается пожалѣть, что г-жа Ахматова назначила за эту книжку въ 8^{1/2} листовъ по 12 несообразную цѣну, рубль серебромъ. Это изумительно дорого по сравненію съ обыкновенными цѣнами русскихъ книгъ. Очень жаль, что, вѣроятно, это обстоятельство помѣшаетъ книжкѣ разойтись такъ, какъ было бы желательно.

Уже давно не было видано ничего подобнаго тому, что совершаетъ г. Грековъ въ своихъ разсказахъ. Разсказы эти можно раздѣлить на великосвѣтскіе и о чертовщинѣ. Въ великосвѣтскихъ авторъ описываетъ аристократическую жизнь свою и другихъ. Вообще личность г. Грекова всегда занимаетъ видное мѣсто въ его повѣстяхъ. Обыкновенно, когда въ повѣсти на сценѣ является я, то я это—такое же вымышленное лицо, какъ и всѣ прочія. Но у г. Грекова я есть всегда дѣйствительно самъ г. Грековъ. Этому я прочія дѣйствующія лица говорятъ комплименты на счетъ его стиховъ (потому что, какъ извѣстно, г. Грековъ — поэтъ) и перевода Фауста. Остальные лица увѣряютъ г. Грекова, что готовы поклоняться ему, что выписываютъ изъ журналовъ и зубрятъ паизустъ его стихи, что имъ жизнь не въ жизнь безъ грековского Фауста и т. д.

Весьма, должно быть, пріятно умѣть писать повѣсти челоуѣку, подвизающемуся и на другихъ литературныхъ поприщахъ. Взявъ, сочинилъ дожину лицъ и заставилъ ихъ говорить себѣ комплименты. Послѣ этого можно презирать зоиловъ:

Зоиль бранить, поэтъ не ропщетъ.

Впрочемъ г. Грековъ не прочь сказать себѣ комплиментъ и отъ своего собственнаго лица. Но эти комплименты обращены не на поэтическій талантъ его, а на великосвѣтскія манеры, умѣнье обращаться въ бонтонномъ обществѣ и говорить по французски. Въ повѣстяхъ своихъ г. Грековъ постоянно изображаетъ себя говорящимъ по французски и, вѣроятно для контраста съ собою, любитъ выводить на сцену людей, дурно говорящихъ по французски. Надъ

этими несчастными онъ безшощадно глумится, обнаруживая много злобности и злости. Одного доктора онъ заставляетъ говорить: «Dans la semaine vous portez bien; cela n'est rien, je vous assure-lagatelle; un petit accès de fièvre. За то самъ онъ говорить съ шипеньемъ, отборными фразами напр. «Vraiment, notre premiere rencontre ressemble à celle de Faust avec Marguerite: vous reveniez de confession; или: il se laisse dans les compliments, le cher homme. Savez vous, qu'il me rendra, j'aiour vous êtes totalement absorbée par sa personne» (Это все шепотомъ своей); или: Qu'admirez tu, ma belle amie? (Это сунушкинцъ) и т. д. Всякъ переломъ французскаго краснорѣчія г. Грекова, разсѣянныхъ въ его разсказѣ, не соберешь.

А то въ другомъ мѣстѣ авторъ изображаетъ себя бонтонно разговаривающимъ съ своимъ великосвѣтскимъ другомъ о клубничкѣ. Собесѣдники—премиальные гонѣс, и разговоръ ихъ—веркъ совершенства. Другъ г. Грекова разсказываетъ своему другу о печалѣ и кожаной ланой-то Софи Мясной, выходящей замужъ за «un bon diable, Рунискій... Муринскій... что-то такое». На это г. Грековъ аристократично замѣчаетъ: «Mais c'est une mésalliance, mon cher,» на что моншеръ возражаетъ: «Vous ne venez pas du Japon, j'espère? Avec 100 mille r. de rentes, on ne fait pas de mésalliances». И затѣмъ лукаво замѣчаетъ, что «ce malingre ser ajustement le mari, qu'il nous faut: Sophie est une fine mouche». На сие авторъ весело хохочетъ и, вѣроятно настроенный этой бесѣдой на клубничныя пожелановенія, проситъ своего великосвѣтскаго друга познакомить его съ une courtisane.—Шалунишка однако этотъ господинъ Грековъ!

Вообще автору «Разсказовъ» живется педурно. Онъ ѣздитъ въ коляскахъ на базы, танцуетъ въ залахъ, «попныхъ того обаянія, которое приносить съ собою молодыя и прекрасныя женщины»; слушаетъ пѣніе дѣвицъ, въ голосахъ которыхъ «вѣетъ живительный воздухъ весны, пахнетъ росою, слышится сердце, любящее все прекрасное, ему говорятъ комплименты, хорошенькія дамы свидѣтельствуютъ ему съ румянцемъ на лицѣ: je veux être tout à toi, интересныя графини повѣствуютъ ему о своихъ любовныхъ несчастіяхъ. Словомъ, не житье г. Грекову, а масляница! Немногіе терніи, которыя попадаютъ ему на пути,—самыя безвредныя. Такъ напр., идя на одинъ балъ, разоранченный и благоухающій свѣтскостью, ему пришлось «пробиваться» (ей богу правда, посмотрите на стр. 7) «черезъ живую стѣну (народа), разившую сивухой и

коровьимъ масломъ». Я вполне сочувствую г. Грекову въ этой постигнутой его неприятности, но позволилъ бы себѣ замѣтить, что сивуха и коровье масло еще не богъ знаетъ какія бѣдствія, если бы, по рассказамъ его, я не видѣлъ, что жизнь его отравлена дѣйствительно страшною горечью.

Дѣло это разъясняется въ тѣхъ рассказахъ г. Грекова, гдѣ рѣчь идетъ о чертовщинѣ. Оказывается, что г. Грековъ есть новѣйшая Кассандра. Среди самаго безмятежнаго счастья, онъ глубоко несчастливъ, потому что предвидитъ всѣ бѣдствія, которыя предстоятъ ему въ будущемъ. Факты, рассказываемые имъ, дѣйствительно поразительны. Вообразите, напр., что у г. Грекова былъ братъ Теодоръ, отличавшійся «игривымъ и острымъ умомъ, безгранично доброй и благородной душой и необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ». Однажды г. Грековъ увидѣлъ двойникъ своего брата, в что же? Ровно черезъ 14 лѣтъ послѣ того братъ этотъ умеръ! Поэтому г. Грековъ отвергаетъ заблужденіе Фейербаховъ, Бюхнеровъ, и Молешотовъ и рассказываетъ много другихъ замѣчательныхъ фактовъ чертовщины (это его выраженіе). Самый любопытный фактъ— это пребываніе чорта въ избѣ бабы Фіоны, занимавшагося кусаньемъ и щипаньемъ ея 12 тилѣтной дочери, бросаньемъ скамеекъ, ломаньемъ спицъ и путаньемъ шерсти. По поводу этого страннаго чорта, г. Грековъ замѣчаетъ, что «хотя не пишетъ диссертациа о привидѣніяхъ»; но полагаетъ, что «для человѣка нѣтъ ничего вполне объяснимаго, развѣ только такіа истины, какъ дважды два — четыре». Всѣ подобные казусные случаи, какъ забавы чорта у Фіоны, двойникъ Теодора и кассандровскій даръ самого г. Грекова, онъ называетъ общимъ именемъ чертовщины, но находятъ весьма естественнымъ. Увѣряю читателя, что всего этого я не выдумываю и что любопытный найдетъ все это и еще безконечное множество другихъ курьезовъ въ рассказѣ: «Странные случаи».

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ усмотрѣть, что рассказы г. Грекова гораздо забавнѣе даже произведеній Кузьмы Пруткова.— Но хорошенькаго понемножку.

В. Зайцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Французская демократія теряетъ одновременно двухъ знаменитыхъ своихъ представителей: Шарра и Прудона.—Образъ жизни и по сльднія минуты Прудона.—Похороны его.— Столкновеніе по этому поводу между народомъ и войскомъ.— Отношеніе Прудона къ политическимъ партіямъ Франціи.— Отличительная черта его дятельности.— Жизнь и смерть Шарра.— Погребеніе его тѣла въ Швейцаріи.— Рѣчь Эдгара Кине надъ гробомъ Шарра.— Характеръ его политической дятельности.— Впечатльнѣе, произведенное окружнымъ посланіемъ Пія IX въ Итали и во Франціи.— Взаимная антипатіи свѣтской и духовной власти въ католической Европѣ.— Кто кого раздавить? — Слухъ о томъ, что Пальмерстонъ пишетъ свои мемуары, подобно Наполеону III, сочиняющему жизнь Юлія Цезаря.— Какъ выгодно польстить императорско-авторскому самолюбію.— Насажденіе англійскимъ правительствомъ новыхъ плодовъ въ Индіи—опіума и латинской грамматики.— Прусскіе либералы и г. Бисмаркъ.— Советъ мой либераламъ отправиться домой—разводить капушту и курить кнастеръ.— Новые успѣхи сьверо-американской арміи.— Взрывъ форта Фишера пловучей пороховой машиной.— Важныя послѣдствія паденія форта Фишера.— Упадокъ духа плантаторовъ.

Французская демократія одновременно потеряла двухъ изъ своихъ знаменитыхъ представителей: Шарра и Прудона.

Прудонъ умеръ на 56 году, вслѣдствіе сильной одышки и постоянной работы, которая истощила его могущественный мозгъ и, безъ сомнѣнія, отвяла бы его еще раньше, если бы онъ не поддер-

живаль себя такимъ здоровымъ образомъ жизни и еслибъ его привычки не были такъ просты. Нѣтъ никакой возможности производить такія идеи, которыми мѣръ обязанъ этому гениальному человѣку, и не устать раньше времени. Онъ это зналъ и чувствовалъ очень хорошо, когда писалъ въ своей книгѣ о *Справедливости*, которая, быть можетъ, стоила ему огромнаго труда: «Работа есть рядъ усилій, постоянное расходованіе жизни,—она составляетъ рядъ постепенныхъ смертей». Но, не смотря на это, онъ продолжалъ работать съ неутомимой энергіей.

Уже довольно давно, онъ чувствовалъ приближеніе смерти; но оставался по прежнему веселъ и не измѣнялъ ни одной изъ своихъ привычекъ, только сталъ гораздо разсвѣтливѣе употреблять свое время и сдѣлался ибъжше къ своей женѣ и двумъ дочерямъ. Онъ жилъ вообще очень просто, даже бѣдно, существуя только отъ продажи своихъ книгъ, изъ которыхъ послѣднія раскупались очень плохо; противъ нихъ было молчаливое осужденіе демократовъ и шумныя рукоплесканія католиковъ и легитимистовъ. Жизнь этого, единственнаго въ своемъ родѣ, человѣка была довольно мрачна; за исключеніемъ семейныхъ отношеній, онъ не имѣлъ, кромѣ воспоминаній и надеждъ, ничего, что бы могло подкрѣпить его въ постоянныхъ работахъ; затѣмъ онъ могъ наслаждаться дружбою немногихъ, оставшихся вѣрными ему, и, пожалуй, удивленіемъ нѣвольныхъ энтузіастовъ. Учениковъ онъ болѣе не имѣлъ, онъ самъ отказалъ имъ, одному за другимъ; а тѣ, которые остались съ нимъ и считали себя принадлежащими къ его школѣ, въ дѣйствительности представляли его близкихъ друзей.

Онъ умеръ—разсказывалъ его докторъ, — совершенно спокойно, такъ что окружающимъ за нѣсколько минутъ до его смерти казалось, что ему становится лучше. Но онъ самъ чувствовалъ приближеніе своей кончины:—«Оставайтесь подлѣ меня, говорилъ онъ, не уходите; мамъ остается очень немного минутъ провести вмѣстѣ.»

Онъ былъ похороненъ на другой день послѣ смерти. Правительство, не испугавшееся выслать въ одинъ прекрасный день за предѣлы Франціи болѣе пятисотъ лучшихъ людей ея, съ нѣкотораго времени бонси всякаго уличнаго шума, и потому оно хотѣло уложить Прудона въ могилу подъ сурдинку. Многіе не могли даже узнать о смерти его; но не смотря на то, вокругъ его гроба собралось до трехъ тысячъ человѣкъ. День былъ пасмурный, дуть сырой вѣтеръ, улицы были грязныя. Собраніе было торжественное и вовсе не походило на то, которое обыкновенно толнится за катафалками политическихъ знаменитостей. Каждый пришелъ изъ

религіозной обязанности къ человѣку, котораго не стало, — къ бывшему дѣятелю 1848 г.; каждый пришелъ, не смотря на осужденіе, не смотря на протестъ, который онъ ч. вствовать себя обязаннымъ произнести противъ человѣка, возбуждавшаго такой сильный гнѣвъ въ лагерѣ друзей и въ лагерѣ враговъ; каждый думать, что придетъ почти одинъ, и былъ сильно удивленъ, очутившись въ многочисленной толпѣ. Эта толпа состояла, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ людей, студентовъ, еще непринимавшихъ участія въ нашихъ гражданскихъ расприхъ и только-что вступившихъ въ новое политическое поколѣніе; здѣсь были также республиканцы 1848 г., которыхъ считали совсѣмъ вымершими. Эти суровые и непреклонные люди, видѣвшіе столько общественныхъ бѣдствій, на этотъ разъ измѣнили своей желѣзной твердости и плакали у гроба Прудона. Тамъ были и молодые, и старые. Въ воздухѣ чувствовалось что-то необыкновенное; сердца начинали сильно биться при наплывѣ новыхъ чувствъ, отъ которыхъ уже отвыкли.

Вдругъ проходитъ армейскій полкъ, съ музыкою впереди. Какая-то электрическая дрожь пробѣгаетъ по толпѣ; всѣ выпрямяются и инстинктивно, безъ всякаго оружія, идутъ на встрѣчу вооруженнымъ войскамъ и загораживаютъ имъ дорогу: — «Прочь музыку! Прочь музыку! Здѣсь въ домѣ лежитъ покойникъ. — Это Прудонъ!»

Неожиданная манифестація, какъ обыкновенно бываетъ при взрывѣ народныхъ чувствъ, оглушаетъ войска. Солдаты вопросительно смотрятъ на полковника, который не знаетъ самъ, что ему дѣлать. Замѣшательство продолжалось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Затѣмъ раздались повелительные крики: «Командуйте назадъ! Командуйте назадъ!» Этотъ крикъ увлекъ всѣхъ нервнительныхъ. Полковникъ сдѣлалъ салютъ шпагой и войска прошли мимо Прудона, отдавши ему честь.

Тогда послышалось нѣсколько криковъ: — «Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ 92 полкъ!» Затѣмъ проходитъ батальонъ гвардіи, точно также предшествуемый музыкой. Сердца, на минуту разогрѣтыя, тотчасъ же оледенѣли. Въмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу солдатамъ, толпа послала депутатомъ городского сержанта (каковъ посланникъ!), чтобы напомнить имъ военныя постановленія, которыя запрещаютъ играть музыкѣ передъ тѣмъ домомъ, гдѣ есть мертвый. Офицеръ, командовавшій батальономъ, трубо отвѣчалъ, что онъ не желаетъ получать приказанія отъ полицейскаго агента. Тогда нѣкоторые изъ присутствующихъ объяснили ему, что въ этого дома должны скоро вынести гробъ Прудона. Полковникъ сдѣлалъ знакъ, солдаты пошли тихо и все было кончено.

Тѣмъ бы все и кончилось; но журналы это происшествіе рассказали, сопровождая его похвалами 92 полку, что сильно скандализировало высшихъ особъ. Полковника потребовали къ отвѣту; къ тому же, онъ оказался племянникомъ слишкомъ извѣстнаго Піетри. Ему дали хорошій урокъ, и для того, чтобы прекратить рассказы о томъ, что была публично отдана честь Прудону, этому кошмару реакціи, полковникъ получилъ приказаніе опровергнуть официальнымъ письмомъ фактъ, свидѣтелями котораго было нѣсколько сотъ человѣкъ. Всякій зналъ, что отдача этой чести была произведена нѣкоторымъ образомъ безсознательно, что тутъ дѣйствовало магнетическое вліяніе массы; никто не воображалъ, что армія присоединилась къ социалистамъ. Приятно было думать, что офицеръ, командовавшій полкомъ, оказался порядочнымъ человѣкомъ, — и вдругъ этотъ офицеръ публично протестуетъ, доказывая, что онъ просто трусь *).

Процессъ погребенія принялъ трагическій характеръ; на могилѣ Прудона были произнесены трогательныя рѣчи; на гробъ его бросали вѣнки изъ цвѣтовъ.» — Многіе повторяли слова одного изъ ораторовъ: — Бойцу за справедливость будетъ отдана справедливость!»

Одна рѣчь была произнесена отъ имени французскихъ франкмасоновъ.

На другой день, одинъ изъ студенческихъ журналовъ: «Лѣвый Берегъ», появился съ черной каймой на заглавномъ листѣ.

Прудонъ умеръ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы оставить что нибудь на свои похороны. Его друзья взяли на себя расходы погребенія и назначили пансіонъ его вдовѣ и дѣтямъ.

Мы не сообщаемъ никакихъ біографическихъ подробностей изъ жизни Прудона, который принадлежалъ къ числу людей, надѣлавшихъ больше всего шума въ свѣтѣ. Здѣсь будетъ встать сообщить нѣсколько данныхъ относительно полковника Шарра, одного изъ дѣятелей 1848 года. Онъ былъ воспитанникомъ Политехнической Школы, изъ которой вышелъ въ 1830 г. Въ июльскіе дни онъ былъ въ числѣ сражавшихся. Онъ никогда не скрывалъ чувствъ и громко высказывалъ свои убѣжденія, вслѣдствіе чего, не смотря на свои та-

* (Конечно, съила цѣлая масса отвѣтовъ на письменный протестъ полковника. На одно изъ такихъ писемъ, подписанное аптекаремъ, полковникъ Піетри имѣлъ нелѣпость отвѣчать вызовомъ на дуэль, предоставивъ противнику право выбрать какое угодно оружіе, за исключеніемъ клестриной трубки. На это аптекарь отвѣчалъ: «Это оружіе именно и есть то, которое человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ употребить противъ такого человѣка, какъ вы.»

ланты и семилѣтніе походы въ Алжирѣ, онъ не быстро повышался. Въ концѣ 1844 года онъ былъ назначенъ начальникомъ батальона и въ этомъ положеніи его засталъ 1848 годъ. Онъ тотчасъ же былъ сдѣланъ помощникомъ государственнаго секретаря въ военномъ министерствѣ, и даже управлялъ имъ до генерала Кавеньяка. Но повышение его въ военной службѣ окончилось чиномъ полковника, дагѣ котораго онъ не желалъ переступить. Во все продолженіе республики, его дѣятельность была болѣе парламентская, чѣмъ военная; онъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ полезныхъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ лѣвой стороны Временнаго правительства. Онъ противился перевороту, который замышляла буржуазія въ соединеніи съ партією легитимистовъ и католиковъ, и самъ сдѣлался жертвой наполеоновскаго переворота. Въ ночь на 2-е декабря онъ былъ арестованъ въ постели, затѣмъ вмѣстѣ съ другими отведенъ въ тюрьму Мазисъ, а потомъ вывезенъ на границу. Его имя находилось въ числѣ лицъ, назначенныхъ декретомъ къ изгнанію изъ Франціи. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, была объявлена амнистія, гордость не позволила ему возвратиться. Передъ смертью онъ завѣщалъ, чтобы тѣло его осталось въ гостеприимной странѣ, Швейцаріи, которая такъ радушно пріютила его во время изгнанія; онъ просилъ, чтобы его останки были отданы Франціи только тогда, когда они могутъ быть погребены въ свободной землѣ.

Онъ умеръ отъ сильнаго воспаления брюшины, соединеннаго съ тифомъ. При первыхъ припадкахъ онъ почувствовалъ, что болѣзнь будетъ имѣть роковой исходъ, привелъ въ порядокъ свои бумаги и простился съ семействомъ и друзьями. За нѣсколько дней до смерти ему пришла трогательная фантазія. Онъ попросилъ привести ему воды изъ французскаго источника въ Танѣ, гдѣ онъ провелъ свои счастливые дни *), и выпилъ ее въ послѣдній разъ за здоровье своего семейства, родины и болѣе счастливой Франціи.

Онъ умеръ на 55 году, тѣхъ же лѣтъ, какъ и Прудонъ, и, подобно ему, жилъ и умеръ свободнымъ мыслителемъ.

Швейцарскіе офицеры считали за честь нести тѣло. Многочисленные депутаціи швейцарцевъ и альзасцевъ участвовали въ процессіи; даже Парижъ прислалъ нѣсколькихъ изъ своихъ гражданъ. Великій изгнанникъ, Эдгаръ Кинэ, произнесъ на его могилѣ рѣчь, которая отличалась торжественнымъ и вмѣстѣ печальнымъ

*) Онъ былъ знакомъ тамъ съ одной богатой и знатной жезщиной, которая, спустя нѣсколько времени, отправилась къ бѣдному изгнаннику, чтобы жить съ нимъ на чужой землѣ.

краснорѣчіемъ. Впечатлѣніе, произведенное ею, выражено чрезвычайно вѣрно господиномъ Барри, профессоромъ исторіи въ женеvскомъ атенеѣ:

«Потеря такого человѣка составляетъ несчастье для каждаго изъ насъ. Характеры подобнаго закада слишкомъ рѣдки и слишкомъ дороги; они соединяютъ гражданское мужество съ военнымъ, и владѣютъ перомъ такъ же хорошо, какъ и шпагой, пользуясь первымъ, когда вторая лежитъ въ ножнахъ. Они слишкомъ рѣдки и слишкомъ дороги, эти великіе граждане, чтобы ихъ не оплакивали всѣ свободные люди, когда они покидаютъ ихъ, въ особенности, если это происходитъ еще въ то время, когда не совсѣмъ окончено ихъ дѣло.

«Шарра былъ оплаканъ, какъ онъ этого заслуживать. Я еще никогда не видалъ столько слезъ. Какую лучшую похвалу я могу привести относительно заслугъ полковника Шарра? У гроба его были представители четырехъ лучшихъ націй, и всѣ они одинаково глубоко чувствовали потерю этого непоколебимаго и единственнаго друга человѣчества.»

Смерть Прудона и Шарра была замѣчена большинствомъ публики и произвела сильное впечатлѣніе на французовъ и особенно на республиканскую партію. Оба эти человѣка служили противовѣсомъ одинъ другому. Первый былъ замѣчательной личностью между мыслителями XIX вѣка; второй принадлежалъ къ людямъ *дѣйствія*. До сихъ поръ французская демократія раздѣлялась на два лагеря, которые часто доходили до вражды другъ съ другомъ; Ледрю Ролленъ долго принадлежалъ къ одной, а Люи-Бланъ къ другой партіи. Общія несчастія сблизили мало по малу враждующихъ братьевъ. Смерть помирила ихъ передъ могилою враждовавшихъ предводителей. Въ сущности смерть Прудона облегчила демократическую партію, тогда какъ смерть Шарра была незамѣнимой потерей;—ими Прудона раздѣляло, ими Шарра сблизало.

Поговоримъ сперва о Прудонѣ:—сдѣлалъ ли онъ больше добра, чѣмъ зла, или больше зла, чѣмъ добра? Рѣшить это чрезвычайно трудно. Знаменитый авторъ *Философіи бѣдности* былъ самъ живымъ противорѣчіемъ. Среди его титаническихъ работъ онъ такъ же легко создавалъ плодотворныя идеи, какъ и уничтожалъ ихъ; одной рукой онъ творилъ, а другой—разрушалъ. Онъ признавалъ, что война гнусна, потому что она свята, справедлива и необходима. Онъ изучилъ различныя системы налоговъ, доказалъ, что они дурны и разорительны во всѣхъ отношеніяхъ, и кончилъ, говоря, что ихъ слѣдуетъ сохранить. Въ его знаменитой книгѣ о *Справед-*

живости, которую онъ дорожилъ больше всѣхъ другихъ, одна треть идей превосходна, другая порядочна а, послѣдняя отвратительна. Какъ мыслителя, какъ философа и какъ экономиста, мы не ставемъ ни хвалить, ни порицать Прудона, потому что въ настоящее время нѣтъ возможности разобрать что нибудь въ его разнорѣчивыхъ взглядахъ, гдѣ онъ, объ одномъ и томъ же, говоритъ *да* и *нѣтъ*, и ни *да*, ни *нѣтъ*. Въ настоящее время будетъ еще одинаково ложно—какъ оправдывать, такъ и осуждать Прудона, поэтому мы скажемъ только, что онъ былъ чрезвычайно честный писатель и, вслѣдствие этого, очень опасный софистъ и одинъ изъ самыхъ полезныхъ людей для возбужденія европейской мысли, особенно французскаго гения, отупѣвшаго въ послѣднее время до небывалой пошлости. Прудонъ не давалъ заснуть послѣднимъ мыслящимъ людямъ Франціи и нарушалъ постыббденный блаженный сонъ легіона парижскихъ филистеровъ. Въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Что же касается его философской теоріи, двоившейся между отвлеченнымъ ученіемъ Гегеля и его собственнымъ реальнымъ взглядомъ на экономическіе вопросы, то въ основѣ ея лежало обоготвореніе свободной человѣческой личности, политическая индивидуальность, безъ которой для Прудона не могло быть вполне развитой общественной жизни. Англійское *self-he'p* онъ назвалъ изъ ненависти изъ французской бюрократіи—анархіей.

Для того, чтобы понять этого страннаго человѣка, никогда не слѣдуетъ забывать, что онъ слишкомъ увлекался споромъ, и съ такою силою наносилъ удары, преслѣдуя противника, что самъ падалъ на землю.

Онъ болѣе предпочиталъ бить сильно, чѣмъ вѣрно. Его постоянная тактика въ отношеніи его противниковъ состояла въ томъ, чтобы выхватить у своего соперника оружіе и тѣмъ же самымъ оружіемъ, если не поразить, то оглушить его. И когда онъ успѣвалъ это сдѣлать, тогда восторгъ его не имѣлъ границъ, и, въ порывѣ одного изъ подобныхъ лирическихъ увлеченій, онъ воспѣлъ *Пронію*, свою великую богиню. Онъ упивался діалектикой, какъ виномъ, и любилъ свое пьянство; онъ восторженно увлекался силлогизмами, какъ поэты упиваются рифмами. Онъ требовалъ логики, требовалъ много и сдѣлать еще больше. Конечно неудивительно, что, при такомъ характерѣ, враги не понимали его, а друзья и того меньше; точно также не удивительно и то, что онъ сердился болѣе на друзей за ихъ непониманіе, чѣмъ на враговъ.

Какъ политическій дѣятель, онъ ничѣмъ не отличался отъ экономиста. Не было личности, не было революціонной партіи, на которую

бы не нападалъ этотъ человѣкъ, нанося ей такіе же страшные удары, какъ и буржуазіи. Онъ нападалъ на всѣхъ, на фурьеристовъ, сенсимонистовъ, на послѣдователей Кабе, Бастіа, Пьера Леру, Огюста Конта, Люи-Блана-Ледрю Роллена и всѣмъ имъ наносилъ тяжкія раны. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ преслѣдовалъ извѣнниковъ-демократовъ. Въ то время, когда французскіе республиканцы вступали въ болѣе или менѣе притворный союзъ съ партией буржуазіи, Прудонъ былъ почти одинъ на столько благороденъ и мужественъ, что остался при прежнемъ мнѣніи и протестовалъ изъ своего угла памфлетами, напечатанными въ «Типографіи пустыни».

Прудонъ и 60, какъ ихъ называютъ, поддерживали до конца знамя своей партіи, не сдаваясь на компромиссъ и соглашеніе съ имперіей, Прудонъ и его друзья первые рѣшились защищать свое дѣло послѣ кровопролитныхъ іюньскихъ дней и отвѣчать на предписанныя Кавеньякомъ и т. п. беззаконныя изгнанія и ссылки парижскими выборами, пославшими Дефлотта въ Національное Собраніе. Послѣ декабрьской ночи, когда Франція молчала въ страхѣ и ужасѣ, Прудонъ первый пришелъ въ чувство и написалъ книгу, замѣчательную по смѣлости, силѣ, слыслу и негодованію, прикрытому притворнымъ видомъ простоты. Эта книга, какъ и большая часть сочиненій Прудона, была предметомъ разнообразныхъ толковъ и сужденій, пока не была понята, какъ слѣдуетъ.

Въ то время, когда всѣ были испуганы, Прудонъ былъ смѣлъ; въ то время, когда всѣ измѣняли, онъ остался честенъ. — Исторія не забудетъ этой черты.

Разсказавъ эти событія, дѣлающія честь великому гражданину, слѣдуетъ также прибавить, что мало людей сдѣлали, подобно ему, такъ много вреда республиканской партіи. Онъ осмѣивалъ людей дѣла и опровергалъ людей мысли, тогда какъ, скорѣе, долженъ былъ бы ихъ уважать, какъ своихъ союзниковъ. Онъ разочаровалъ и оттолкнулъ множество преданныхъ и умныхъ людей, которые, по милости Прудона, уже болѣе ни въ кого не вѣрили, ни даже въ самого Прудона. Приводя въ уныніе республиканцевъ, онъ въ то же время наводилъ ужасъ на буржуазію, показывая ей *красный спектръ*, — произведеніе его фантазій.

Такимъ былъ Прудонъ, по крайней мѣрѣ, таковъ его портретъ, написанный, по возможности, вѣрно. — Онъ выражаетъ, быть можетъ, посмертную справедливость, возданную человѣку передъ его могилой.

Не знаемъ, справедливо ли это, только этотъ человѣкъ, который

наканунѣ своей смерти былъ почти изгнанъ изъ демократіи и котораго превозносили до пошлостей католическіе и легитимистскіе журналы за его ненависть къ Итали, какъ-будто бы вышелъ изъ своей могилы; мы слышали, какъ нѣкоторые говорили, что Прудонъ родился въ день своей смерти.

Какъ бы то ни было, если уваженіе и симпатія сопровождаютъ имя Прудона, лежащаго въ могилѣ, то все-таки не слѣдуетъ забывать, что во время своей жизни онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые раздѣляютъ, а не соединяютъ.

Шарра, совсѣмъ напротивъ, былъ, какъ мы уже сказали выше, одинъ изъ тѣхъ людей, которые соединяютъ ровность характера съ мужественной честностью, и поэтому онъ внушалъ уваженіе къ себѣ всѣмъ партіямъ. Какъ человѣку дѣла, ему не приходилось защищать ту или другую идею и принимать сторону одной доктрины противъ другой. Ему давало особенное положеніе между республиканцами еще то обстоятельство, что онъ былъ очень способнымъ офицеромъ и на хорошемъ счету въ арміи. Послѣ июньскихъ и декабрьскихъ событій, французская демократія убѣдилась, что на армію ей полагаться нельзя, и поэтому, думала распустить войска и переформировать ихъ по образцу швейцарскихъ, т. е. дать всѣмъ гражданамъ военное образованіе, чтобы каждый, прослуживъ мѣсяць или недѣль шесть въ лагерѣ, возвращался затѣмъ къ себѣ домой. Если такимъ образомъ вся нація будетъ вооружена, то въ случаѣ нападенія легко въ очень короткій срокъ образовать значительную армію, но при этомъ не будетъ необходимости содержать громадныя постоянныя войска, которыя пожираютъ миллиарды за миллиардами. Однако для того, чтобы объявить уничтоженіе французской арміи и распустить солдатъ по домамъ, нужно говорить извѣстнымъ языкомъ, быть снисходительнымъ къ нѣкоторымъ щекотливымъ вопросамъ, однимъ словомъ, нужно для этого ѣсть изъ одной чашки съ ними. Поэтому во всѣхъ предположеніяхъ и приготовленіяхъ, замышляемыхъ избранными изъ людей дѣла, Шарра постоянно занималъ мѣсто военнаго министра или даже диктатора. Въ этомъ отношеніи всѣ партіи одинаково были расположены къ Шарра, и надо сказать, что едва ли кто нибудь изъ современныхъ французовъ заслуживалъ такого довѣрія.

Какъ генераль, диктаторъ и историкъ сраженія при Ватерлоо, онъ въ данномъ случаѣ навѣрное бы имѣлъ за себя всѣ голоса.

Этого достаточно, для того, чтобы объяснить, почему его преждевременная смерть навела такое уныніе на людей всѣхъ отгѣн-

ковъ передовой партіи. Какъ диктаторъ или какъ президентъ, онъ вѣроятно былъ бы главнымъ дѣятелемъ новаго порядка, и умереть, не успѣвши исполнить тѣхъ великихъ дѣяній, которыя отечество ожидало отъ этого честнаго гражданина.

Такимъ образомъ разомъ скончались два человѣка, изъ которыхъ одинъ представлялъ будущность французской націи, а другой — прошедшее ея республики. Тѣ, кто провожалъ Прудона на кладбище, спрашивали другъ у друга новостей о Шарра, который уже лежалъ на одрѣ смерти.

Съ того времени, какъ Прудонъ померъ и погребенъ, всѣ ясно поняли, что этотъ человѣкъ родился, какъ политикъ и литераторъ, въ 1848, вмѣстѣ съ революціею, и съ нею же умеръ. Онъ былъ представителемъ ея ошибокъ, крайностей, страстей и борьбы, ея противорѣчій, нетерпѣнія и невообразимой неосторожности, но онъ былъ представителемъ и ея добродѣтелей, ея рѣдкаго безкорыстія, великодушія, простоты и проблесковъ гения.

Движеніе 1848 года можно считать оконченнымъ; съ этихъ поръ оно принадлежитъ исторіи. Мы не рѣшаемся судить о немъ, но замѣтимъ только, что, съ точки зрѣнія нашихъ психологовъ, оно представляетъ въ высшей степени замѣчательное явленіе.

Политика «итальянской эхидны», какъ называють папскую политику остроумный Нелптанъ, продолжаетъ разливаться своей ядъ среди бѣднаго народонаселенія Италіи. Прелаты и легіоны другихъ черныхъ людей на тысячи разныхъ голосовъ читають съ церковныхъ кафедръ, комментируютъ и объясняютъ апостолическое посланіе Пія IX. Впрочемъ надо отдать справедливость тому образованному меньшинству итальянской націи, которое понимаетъ, что поджаривать еретиковъ и душиять свободу совѣсти и мысли во всякомъ случаѣ несвоевременно. Поэтому, въ нѣкоторыхъ городахъ папская булла была принята съ достойнымъ негодованіемъ.

Во Франціи и посланіе Пія IX произвело другого рода эффектъ. Мы уже говорили, что Наполеонъ III, одинъ изъ самыхъ преданныхъ сыновъ св. отца, запретилъ читать въ церквяхъ нѣкоторыя (разумеется, самыя рѣзкія) мѣста окружнаго посланія. Но такъ какъ между духовенствомъ и свѣтскою властью уже давно нарушено доброе согласіе и они по временамъ даютъ другъ другу самыя любезныя вещи, то многіе епископы прикинулись мучениками, готовыми пострадать за непркосновенность своихъ правъ. Не смотря на угрозы министра вброшеннаго, мужиковатаго г. Бароша, нѣкоторые мо-

монсеньеры сообщили своимъ паствамъ окружное посланіе во всей его цѣлости. Одинъ изъ нихъ, самый хвастливый и задорный, монсеньеръ де-Брезе, считающій въ своей латинской грамотѣ четырнадцать дворянскихъ поколѣній, выпелъ на кафедре съ запрещеніемъ въ карманѣ. «Министръ духовныхъ дѣлъ, сказалъ онъ, запретилъ мнѣ читать вамъ окружное посланіе; но такъ какъ преступно думать, чтобы министръ зналъ столько же, сколько папа, и могъ бы поправлять главу католической церкви, то я и рѣшился лучше повиноваться св. отцу, чѣмъ его грѣховному снну. И такъ, внимайте мнѣ и поучайтесь!»

Г. Барошъ, извѣщенный о поступкѣ де-Брезе, сильно разсердился; онъ принялъ за личное оскорбленіе своеводіе монсеньера и донесъ государственному совѣту, что епископъ превысилъ свою власть и выказалъ презрѣніе къ императорскому декрету. Но что же изъ всего этого будетъ? Совѣтъ соберется и послѣ многочисленныхъ рапортовъ и совѣщаній напишетъ г. де-Брезе слѣдующее любезное посланіе:

«Монсеньеръ! Государственный совѣтъ, по долгомъ и зрѣломъ обсужденіи, рѣшилъ, что вы вашимъ поведеніемъ превысили свою власть.» А монсеньеръ отвѣтитъ: «а мнѣ-то какое дѣло до вашей власти?»—Да и въ самомъ дѣлѣ: нашли чѣмъ испугать человека стоящаго во главѣ шестисотъ священниковъ, трехсотъ тысячъ благочестивыхъ прихожанъ и получающаго сто тысячъ годового дохода. Ну-ка уязвите такого господина! Пока правительство не присвоитъ себѣ власть раздавать своимъ подданнымъ епископскія шапки и рясы, монсеньеры могутъ спокойно класть въ карманы не только императорскіе декреты, но и свою собственную совѣсть.

Находчивый Абу разрѣшилъ епископскій вопросъ въ одномъ изъ лучшихъ фельетоновъ, которые когда-либо онъ писалъ. Я позволяю себѣ выписать здѣсь нѣсколько строкъ изъ этого письма, адресованнаго его превосходительству, г. Барошу.

«Я знаю, говоритъ Абу отъ лица анонимнаго епископа, какой опасности подвергаетъ меня моя откровенность, но я рискую. Законъ вашей страны, который былъ когда-то гораздо лучше, позволилъ вамъ возвестить меня въ епископскій санъ, но онъ не даетъ вамъ права отнять его у меня. Онъ васъ уполномочилъ поселить меня въ богатомъ дворцѣ, но не уполномочилъ вывести меня изъ него. Онъ вамъ далъ право выдавать мнѣ ежегодно ленту, въ видѣ довольно круглой суммы, но не даетъ вамъ средствъ отнять ее у меня. *Dura Lex, sed Lex*; я принялъ его безъ всякой борьбы какъ и все, что меня нисколько не стѣсняетъ...»

«In iHo tempore, при Бурбонахъ старшей линіи, мы не были ультрамонтанами. И зачѣмъ намъ было быть ими? я васъ спрашиваю. Зачѣмъ искать точки опоры за Альпами, когда мы ее можемъ найти въ самомъ Парижѣ? Тотъ не знаетъ характера духовенства: кто утверждаетъ, что оно хочетъ преобладать надъ всѣмъ, и всѣмъ управлять: наша натура гораздо сложнѣе. Намъ нужны не только слуги, но также и начальники; мы любимъ не только, чтобы насъ слушали, но и сами нуждаемся въ томъ, чтобы кого нибудь слушать: мы были бы въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, даже въ-сколько стѣснены, если бы заставляли исполнять наши желанія и сами бы не подвергались этому, если бы намъ вѣрили на слово и мы не имѣли бы удовольствія отдавать кому нибудь въ распоряженіе свой разумъ, ничѣмъ несвязанный.

«Кто говорить о католическомъ духовенствѣ,—говорить о промежуточномъ, среднемъ элементѣ, проникнутомъ гордостью и униженіемъ, непреклоннымъ деспотизмомъ и совершенной покорностью. Вотъ почему Карлъ X былъ изъ нашихъ; вотъ почему Людовикъ Филиппъ, возвысившійся на основаніи какихъ-то quasi-выборовъ, не имѣлъ на насъ никакого вліянія. Его царствованіе заставило насъ искать точки опоры внѣ Франціи. Римскій дворъ протянулъ къ намъ свои объятія. Гдѣ найти, кромѣ Рима, правительство неподвижное, непоколебимое, непогрѣшимое и неоспоримое, какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ?

«Запишите въ бумагахъ, господниъ министръ, что мы принимаемъ все, исключая разсужденій. Власть оскорбляетъ насъ время отъ времени, самовластие тяготитъ насъ, надменные фантази старцевъ, часто ограниченнаго, стѣсняють насъ или досаждаютъ намъ; во все это легкія раны:—разсужденія убиваютъ насъ.

.....
 «Но чтобы закончить это посланіе и безъ того уже слишкомъ длинное, я хочу васъ предостеречь противъ коварнаго совѣта, который вамъ дѣютъ наши враги.

«Изверги ада, утонувшіе въ тинѣ журналистики, кричатъ вамъ на всѣ тоны: «Церковь хочетъ быть свободной, — сдѣлайте ее свободной, отдѣливъ ее отъ государства. Предоставьте ей исповѣдывать, проповѣдывать и писать, какъ ей взумается, но уничтожьте ту солидарность, которая связываетъ васъ такъ плотно съ нею. Позвольте ей удовлетворять свои нужды помощью подаянія отъ вѣрующихъ и вычеркните ее изъ вашего бюджета.

«О безумная политика! развѣ это значитъ быть свободнымъ, если насъ заключать въ узкіе предѣлы духовной власти? Свѣтская власть

намъ такъ же дорога, такъ же необходима, какъ и св. отцу. Только королевская власть можетъ удовлетворить нужды папы. Г. Тьеръ доказалъ это. Точно такъ же, и на томъ же самомъ основаніи, каждый изъ насъ можетъ, хочетъ и долженъ царствовать въ своей епархіи, жить во дворцѣ, выѣзжать въ каретѣ, полными горстями черпать изъ бюджета, назначать и смѣнять гражданскихъ чиновниковъ. Къ чему бы намъ послужило право свободно учить кого-либо катехизису, если мы не могли бы преслѣдовать невѣрующихъ? Мы не хотимъ, чтобы церковь составляла государство въ государствѣ, но хотимъ, чтобы она была сама государствомъ, чтобы церковныя имущества, этотъ священный залогъ, отнятыя у насъ демагогами, были возвращены нашей братіи, чтобы наши священники не подлежали гражданскому суду; чтобы граждане, обвиненные въ невѣріи или въ святотатствѣ, отдавались на самый компетентный судъ, именно нашъ. Мы требуемъ права разсматривать предварительно всѣ рукописи, предназначаемыя къ печати, права дозволять или запрещать, въ виду интересовъ религіи, такъ называемыя ученныя открытія; права подавлять промышленныя и торговыя оргіи, которыя громадными богатствами развращаютъ націи.

«Говоря въ двухъ словахъ, мы не желаемъ, чтобы насъ сдѣлали свободными, но чтобы мы были господами. Взамѣнъ этого, мы обѣщаемъ умѣренно пользоваться своею абсолютною властью и поддерживать силой своего авторитета свѣтскую власть. Железныя дороги будутъ терпимы, употребленіе пара и электричества будетъ дозволено въ благоразумныхъ границахъ; евреевъ не будутъ преслѣдовать; мы выстроимъ достаточной величины Gettò (еврейскій кварталъ въ Римѣ) для того, чтобы въ немъ могли удобно помѣститься Ротшильдъ, Перейра и tutti quanti вмѣстѣ съ своими семействами.

«Всякое другое устройство намъ покажется стѣснительнымъ и заставитъ возстать противъ императорской власти, какъ насъ, такъ и нашихъ священниковъ, монаховъ и всѣхъ послѣдователей. Если вы не желаете принять мои условія, то вы не должны терять время: торопитесь раздавить насъ, иначе мы васъ раздавимъ.

«Съ чувствомъ истиннаго католика, имѣю честь быть вашимъ, господинъ министръ, всепокорнѣйшимъ слугою.

Эдмондъ Абу.»

Въ такомъ положеніи стоятъ другъ передъ другомъ свѣтская и духовная власть во Фрэнціи и почти во всей католической Европѣ. Кто изъ нихъ раздавить прежде другъ друга—это угадать не трудно.

Между тѣмъ, какъ Наполеонъ III оканчиваетъ жизнеописаніе Юлія Цезаря, лордъ Пальмерстонъ приступаетъ къ сочиненію своихъ мемуаровъ; такимъ образомъ міру предстоитъ обогатиться двумя великими произведеніями государственннхъ умовъ. Только намъ кажется страннымъ, почему Наполеонъ III избралъ для своего пера такую ветхую и никому ненужную эпоху, какъ времена римскаго полководца, и не пожелалъ повѣдать свѣту хоть, напримѣръ, объ основаніи второй французской имперіи. Исторія этого событія, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ былъ бы самъ авторъ, представляла бы гораздо болѣе интереса и поучительныхъ выводовъ, чѣмъ жизнь Юлія Цезаря. Но «такъ угодно было Богу», говоритъ одинъ изъ клерикальныхъ журналовъ, «чтобы выборъ французскаго императора остановился именно на Юліѣ Цезарѣ; чтобы одинъ великій человекъ нашелъ себѣ историка въ другомъ великомъ человекѣ.»

Нельзя не отдать справедливости авторской заботливости Наполеона III, который, какъ самая чадолюбивая мать, ухаживаетъ за своимъ твореніемъ. Онъ самъ перечитываетъ послѣднюю корректуру, самъ избираетъ шрифтъ и виньетки для украшенія своей книги, самъ назначаетъ переводчиковъ на иностранныя языки, приглашаетъ своихъ друзей по пятницамъ и читаетъ имъ на сонъ грядущій по нѣскольку страницъ изъ Юлія Цезаря. Всѣ, разумѣется, слушаютъ съ восторгомъ, и кому нужна левта или доходное мѣсто, тотъ особенно удивляется гениальному произведенію и счастливому выбору предмета. Рассказываютъ по этому поводу очень забавный анекдотъ въ парижскихъ кружкахъ. Одинъ бѣдный художникъ, у котораго сохранилась рѣдкая коллекція классическихъ портретовъ, и въ числѣ ихъ Юлія Цезаря, былъ привезенъ изъ Алжиріи и представленъ Наполеону III. На вопросъ императора: «чѣмъ преимущественно занята Алжирія въ настоящее время?» ловкій художникъ отвѣчалъ безъ запинки и не моргнувъ глазомъ:—«выходомъ въ свѣтъ сочиненія вашего величества». Гениальному автору никакъ не могло придти въ голову, что кабилы—народъ очень умный, исключительно занятый своими превосходными баранами и совершенно равнодушный къ Юліямъ Цезарямъ. Тѣмъ не менѣе кстати подкурившій художникъ получилъ на другой день мѣсто секретаря въ императорскомъ музеумѣ. Когда его провожалъ камердинеръ Наполеона III, то шеннулъ ему на ухо: «молодецъ вы, чортъ побери,—сразу угадали, чѣмъ понравится; теперь все пойдетъ, какъ по маслу.»

Не знаю, какъ велико авторское самолюбіе Пальмерстона и когда Англія увидитъ его славные мемуары, но я нахожу очень полезными

для европейскаго спокойствія такія мирныя занятія двухъ столбовъ современной политикѣ. Пусть ихъ упражняются въ невнимномъ сочинительствѣ, — человѣчеству отъ этого не хуже. Одной лишней войной будетъ меньше; въ Китаѣ меньше повестъ мятежныхъ тайнинговъ, въ Мексикѣ меньше разстрѣляютъ захваченныхъ въ плѣнъ гверильясовъ, въ самой Англійи и Франціи меньше натворятъ глупостей, подобныхъ дипломатическимъ словопречіямъ Джона Росселя и предложенію графа де-Мори — составить новый государственный фондъ, обложивъ колоніи подушнымъ налогомъ.

Но все это — васильковыя цвѣтки по сравненію съ тѣми плодами, которые насаждаеть англійское правительство въ Индіи. Оно пріобрѣло еще нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ самой лучшей земли по берегамъ Ганга для разведенія опиума, которымъ оно уже давно отравляетъ восточныя племена. Брайтъ, намекая на это злодѣяніе, сказалъ, что такой цивилизованной странѣ, какъ Англія, нужны стада идіотовъ на Востокѣ, чтобы эксплуатировать ихъ, не чувствуя ни стыда, ни угрызений совѣсти. Въ то время, какъ готовятся новыя запасы опиума для отравы физическаго организма, въ индійскихъ школахъ просвѣщенная англійская филантропія разводитъ другого рода опиумъ, — для нравственнаго отупѣнія бѣдныхъ населеній. Въ 1859 году эти школы были преобразованы, и туземному юношеству былъ предоставленъ свободный выборъ — учиться на индійскомъ или англійскомъ языкѣ. Классическая дребедень, которой набиваютъ головы англійской молодежи, не была обязательной для индійца. Онъ могъ не учиться греческой и латинской грамматикѣ, употребивъ это время на что нибудь болѣе полезное и дѣйствительно-развивающее умъ. Но вотъ почему-то найдено необходимымъ, чтобы индійцы знали наизусть гексаметры Гомера и оды Горация, и классическій мусоръ вошелъ въ число обязательныхъ предметовъ для учебныхъ заведеній. Теперь посыпятся бамбуковыя палки на спины мальчишковъ, начнутся разныя мелкія истязанія для того, чтобы вдолбить въ голову юноши какого нибудь классическаго дурака Саллюстія, Ограничится ли это одними внушеніями или такими же мѣрами, какими уничтожалась національная жизнь индійцевъ во времена ея прежнихъ правителей, — это пока неизвѣстно, но намѣренія ясно видны и слова Брайта получаютъ настоящій свой смыслъ.

Когда намъ приходится говорить о Германіи и въ особенности о Пруссіи, то мы испытываемъ чувство того больного, которому

докторъ запрещаетъ ѣсть соленые огурцы и развлекать себя пустыми разговорами. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ европейская пресса толкуетъ о жалкомъ состояніи представительнаго сословія въ Пруссіи, а дѣла его все такъ же плохи. Борьба министерства съ національнымъ парламентомъ снова началась. Въ продолженіи почти цѣлаго года, дѣлами безконтрольно управлялъ г. Бисмаркъ; администрація дѣлала все, что хотѣла, нисколько не заботясь объ общественномъ мнѣніи и объ его представителяхъ.

Чтобы судить о взаимныхъ отношеніяхъ палаты и кабинета, не мѣшаетъ только вспомнить королевскій декретъ прошлаго года, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что нужно было бы отказаться отъ всякой надежды на примиреніе. Слова эти были истолкованы, какъ рѣшительная мѣра или, по крайней мѣрѣ, какъ угроза снова распустить палату.

Но г. Бисмарку не было необходимости этого сдѣлать. Онъ изловчился парализовать дѣятельность представительнаго собранія и обезсилить оппозицію другими мѣрами. Онъ избрѣлъ датскую войну, отвлекъ вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ внѣшними событіями.

Теперь примиреніе становится еще болѣе невозможнымъ. Желанія членовъ парламента и министра Бисмарка такъ различны, что согласить ихъ можетъ только, одинъ кризисъ. Оппозиція, безъ всякаго сомнѣнія, была бы готова оставить свой страдальный постъ и опять отправиться по домамъ разводить капусту и курить на чистомъ воздухѣ самый крѣпкій кластеръ, но что же скажетъ нація и что подумаетъ о прусскомъ либерализмѣ европейская публика? Къ тому же, раздраженное безсиліе ужасно любитъ поставить на своемъ.

Въ отвѣтъ на рѣчь короля, палата во второй разъ избрала вице-президентомъ г. Грабова, но избраніе было сдѣлано такъ робко и нерѣшительно, что при первомъ натискѣ г. Бисмарка оппозиція показала бы пятки.

Г. Грабовъ, едва только вступилъ въ свою должность, тотчасъ же поднялъ брошенную ему г. Бисмаркомъ перчатку.—«Господа, сказалъ онъ, во время послѣдняго засѣданія министерство отказалось уже отъ всякой надежды на согласіе съ этой палатой. Затѣмъ преслѣдованія свободнаго книгопечатанія, дисциплинарныя мѣры противъ либераловъ-чиновниковъ, неутвержденіе общественныхъ выборовъ, недовѣріе, клевета на либеральныхъ гражданъ—вотъ поступки, начинающіе проявляться гораздо въ большихъ, противъ прежнихъ лѣтъ, размѣрахъ. Свободное мнѣніе уничтожено; преданность своимъ

убѣжденіямъ, самая лучшая сторона прежнихъ пруссаковъ,—былъ предметомъ вовсе не-пруссакаго преслѣдованія».

«Между тѣмъ совѣсть прусскаго народа и избранныхъ его представителей не преклонится ни предъ какимъ дѣйствіемъ нивкакой власти въ мірѣ, если дѣло касается до сохраненія святости конституціонныхъ правъ короны и народа.»

Но развѣ не то же самое говорилось три года тому назадъ?—И тогда взаимное положеніе палаты и кабинета было то же самое. «Я не отступлю ни на одинъ дюймъ, говорило министерство.»—«А я, отвѣчала палата, не могу уступить ни одной тысячной доли метра.» Но обѣ стороны потребовали на размышленіе годъ времени, и черезъ годъ воротились къ тѣмъ же увѣреніямъ.

По крайнѣй мѣрѣ, мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что г. Бисмаркъ послѣдовательнѣе оппозиціи. Онъ разсуждаетъ очень логически, что безъ денегъ и безъ войска представители могутъ, сколько угодно, упражняться въ парламентской риторикѣ, но онъ, первый министръ Пруссіи, останется полномочнымъ распорядителемъ государственной механики; что если оппозиція любитъ такъ много говорить и такъ мало дѣлать, то можно и не обращать на ее вниманія...

И такъ, мы еще разъ спросимъ почтенныхъ прусскихъ либераловъ: не лучше ли имъ отправиться домой разводить капусту, чѣмъ терять время въ пассивной и бесполезной оппозиціи? Говоря по совѣсти, я рѣшительно склоняюсь въ пользу перваго пункта или совѣтую дѣйствовать послѣдовательно.

Американская война, громадная по своимъ размѣрамъ, кровопролитная по числу жертвъ, упорная и продолжительная, представляетъ такое замѣчательное явленіе нашего времени, которому нѣтъ ничего равнаго въ исторіи XIX вѣка. Звѣрскія и грандіозныя войны Наполеона I были слѣдствіемъ личнаго честолюбія, опьянѣвшаго отъ побѣдъ и униженія народовъ. Эти войны не имѣли другой цѣли, кромѣ грабежа и мести геніальнаго полководца. Другое дѣло—американская война. Она ведется за права человѣка, за великій принципъ свободы, и каждую изъ своихъ жертвъ отдаетъ за приобрѣтеніе лучшаго будущаго американской республики. Кромѣ того, въ этой войнѣ мы слѣдимъ за развитіемъ колоссальныхъ силъ народа, могуществу котораго можетъ только изумляться старая Европа и учиться въ этой школѣ борьбы за права человѣка. Вотъ

почему мы такъ часто говоримъ нашимъ читателямъ объ этой войнѣ, сообщаемъ всѣ главныя событія ея и надѣемся, что наша хроника не утомитъ ихъ вниманія. Только тупость можетъ оставаться равнодушной къ этой великой борьбѣ и глумиться надъ такими явленіями, какъ необыкновенныя усилія нѣсколькихъ милліоновъ людей освободиться отъ рабства.

Послѣднія событія показываютъ, что конецъ войны уже недалекъ. Дѣло свободы идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и защитники рабства начинаютъ отчаяваться; правда, они еще не теряютъ присутствія духа, но это не имѣетъ никакого значенія, когда вѣра въ успѣхъ уже утрачена.

Пораженіе, испытанное недавно федеральной арміей передъ фортомъ Фишеръ, защищавшемъ Вильмингтонскій проходъ, блистательнымъ образомъ заглажено: этотъ фортъ палъ послѣ вторичной бомбардировки, продолжавшейся почти тридцать часовъ, за которой слѣдовала кровопролитная битва. Событіе это представляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ цѣлой войнѣ, но, кромѣ того, оно имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи осады, и съ этой стороны заслуживаетъ подробнаго описанія.

Узкая полоса земли, покрытая сосновымъ лѣсомъ, тянется отъ сѣвера къ югу, между моремъ и рѣкою Кеп-Фиръ. Фортъ Фишеръ находится на разстояніи почти 2 километровъ отъ южнаго конца этого полуострова, и господствуетъ, въ одно и то же время, на рейдомъ входа, устьемъ и водами самой рѣки. Другія укрѣпленія, сильно вооруженныя, лежатъ на сѣверъ отъ форта и мѣшаютъ неприятелю взять его съ фланга; а на самой оконечности земли конфедераты устроили родъ холма изъ земли, съ высоты котораго они обѣщали уничтожить выстрѣлами панцирные суда, которыя бы рискнули перейти отмель. Далѣе къ югу тянется треугольный островъ, покрытый у береговъ каменьямъ слоесми отдѣленный отъ материка каналомъ, который защищало нѣсколько фортовъ. Однако федералистамъ не было необходимости обращать вниманіе на всѣ укрѣпленія, имъ достаточно было уничтожить фортъ Фишеръ, который защищала сѣверное устье, чтобы принудить неприятеля оставить всѣ остальные укрѣпленія.

Флотъ адмирала Портера, опоздавъ около 10 дней, частью влѣдствіе бури, а также и оттого, что не все еще было готово, прибылъ 23 декабря въ Вильмингтонскій заливъ и остановился на довольно большомъ разстояніи отъ берега, для того, чтобы неприятель не могъ его замѣтить. Одинъ только корабль отдѣлился отъ всего флота и отважно направился на буксирѣ къ завалу. Это былъ пла-

вающій пороховой погребъ, содержавшій около полумилліона фунтовъ пороха, на которомъ экипажъ состоялъ изъ волонтеровъ. Борты его были выкрашены свѣтлой краской, подобно большей части англійскихъ судовъ, имѣющихъ обыкновеніе нарушать блокаду. Подойдя къ берегу, онъ встрѣтилъ контрабандный корабль, которому удалось счастливымъ образомъ пробраться мимо флота, и чтобы войти въ гавань, ему только оставалось повторить сигналы этого судна. Гарнизонъ форта Фишера ни въ чемъ не подозрѣвалъ незнакомаго посѣтителя, и экипажъ могъ спокойно, подведя судно, набитое порохомъ, къ берегу на 250 метровъ отъ форта, убѣжать, зажегши фитиль, который, съ помощью особеннаго механизма, долженъ былъ по прошествіи двухъ часовъ сообщить огонь пороху. По мнѣнію изобрѣтателей этой мины, взрывъ долженъ былъ произвести чрезвычайно важный результатъ: форту слѣдовало быть срыгнута, уничтоженнымъ и поднятымъ на воздухъ со всѣми орудіями и гарнизономъ. Но это была мечта. Пятсотъ тысячъ фунтовъ пороха взорвало, образовавъ великолѣпный столбъ огня, похожій на изверженіе вулкана. Матросы флота, который въ это время приближался, чувствовали что-то въ родѣ землетрясенія; фортъ Фишеръ тоже пошатнулся на своемъ основаніи, но тѣмъ не менѣе это не причинило ему ни малѣйшаго вреда, и гарнизонъ конфедератовъ думалъ просто, что произошелъ взрывъ какого нибудь корабля *янки*. Генералъ Броунъ поторошился послать въ Ричмондъ радостную новость.

Притомъ же, если бы взрывъ произвелъ ожидаемое дѣйствіе, то кораблямъ Портера слѣдовало быть поблизости, для того, чтобы тотчасъ же начать бомбардировку и воспользоваться страхомъ, наведеннымъ на весь гарнизонъ. Флотъ подошелъ спустя нѣскольво часовъ, и только 24-го числа, послѣ полудня, раздалась канонада. Фрегатъ «Новый броненосецъ» шелъ впередъ, за нимъ слѣдовали *мониторы* и другіе фрегаты, затѣмъ корветы, канонерки и особые суда, называемыя двуконечными. Цѣлый градъ разныхъ снарядовъ, вакого еще не видали во все продолженіе войны, посыпался на фортъ. По оффиціальному рапорту количество выпущенныхъ бомбъ и ядеръ простиралось до ста штукъ въ минуту, почти два снаряда въ секунду. Не лзябыло выдержать подобнаго урона, и командиръ форта тотчасъ же отдалъ приказаніе солдатамъ спрятаться въ казематы. Глиняные валы были пробиты какъ рѣшето, но не срыты, и спрятавшіеся солдаты нисколько не терпѣли отъ этой массы ядеръ, которыя пролетали надъ ихъ головами.

Въ продолженіе ночи, съ 24 числа на 25, генералъ Бутлеръ

пришелъ на урочное мѣсто вмѣстѣ съ войскомъ для высадки, и на разсвѣтѣ корабли, подойдя къ берегу на разстояніе нѣсколькихъ кабельтовъ, снова начали канонаду. При помощи этого адскаго огня, солдаты Бутлера могли безъ всякаго затрудненія высадиться на берегъ на разстояніи около 4 километровъ къ сѣверу отъ форта Фишера. Едва высадившись, передовые сртѣлки выбили конфедератовъ изъ лѣсу, въ которомъ они скрывались; затѣмъ на ходу овладѣли двумя фортами, забравъ при этомъ около 300 плѣнниковъ. Уже 6,000 человекъ высадились на полуостровъ и направились съ южной стороны къ форту Фишеру. Нѣсколько человекъ приближались даже къ самому основанію укрѣпленій и были ранены бомбами адмирала Портера. Въ фортѣ между тѣмъ продолжала царствовать совершенная тишина, и защитники его все еще сидѣли подъ сводами казематовъ.

Казалось, эта минута была очень удобна для нападенія, и солдаты нетерпѣливо ожидали сигнала флоту о прекращеніи огня, но ожидали напрасно. Генераль Вейтцель, между прочимъ очень хорошій офицеръ, думалъ, что укрѣпленія недостаточно еще повреждены бомбардировкой, и совѣтовалъ генералу Бутлеру не давать приказа о штурмѣ. Главнокомандующій былъ того же мнѣнія и отдалъ приказъ объ отступленіи, не смотря на то, что еще ни одинъ непріятельскій солдатъ не показывался у амбразуръ. Солдаты были очень недовольны этимъ неожиданнымъ отступленіемъ.

Матросы флота и населеніе сѣвера пришли въ страшное негодованіе, когда узнали о случившемся. Адмираль Портеръ обвинялъ во всемъ Бутлера за то, что онъ не исполнилъ своей обязанности; а этотъ упрекалъ Портера въ томъ, что онъ опоздалъ 10 днями передъ тѣмъ, какъ можно было напасть на непріятеля врасплохъ. Грантъ, въ свою очередь, вмѣшался въ споръ и утверждалъ, что Бутлеръ дурно понялъ приказанія. Уволенный отъ командованія, за недостатокъ смѣлости, Бутлеръ увидѣлъ свою карьеру, какъ солдата, неожиданно оконченною; но тѣмъ не менѣе, не смотря на послѣднюю ошибку, онъ приобрѣлъ на родинѣ славное имя своими талантами—какъ администраторъ, вѣрностью политическихъ взглядовъ и рѣшительностью, которую онъ доказалъ въ первые годы войны.

Тѣмъ не менѣе, ни генераль Грантъ, ни адмираль Портеръ не могли оставить дѣло неоконченнымъ передъ фортомъ Фишеромъ, и не прошло трехъ недѣль послѣ первой бомбардировки, какъ флотъ снова появился передъ крѣпостью и возобновилъ огонь. На другой день, генераль Терри высадился на сушу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ армія Бутлера производила рекогносцировку; затѣмъ поставилъ часть своихъ войскъ поперегъ полуострова, для того, чтобы запе-

реть дорогу, по которой могли придти подкрѣпленія изъ Вильмингтона въ крѣпость. Будучи увѣренъ съ этой стороны, генераль Терри подалъ условенный сигналъ: канонада перестала громить наружныя укрѣпленія форта Фишера, и войска пошли на приступъ съ сѣверной стороны, а высадившіеся моряки, въ то же самое время, атаковали ту сторону, которая обращена къ морю. Битва началась въ три часа послѣ полудня, и только въ десять часовъ вечера штыки перестали работать. Наконецъ, на помощь къ осаждающимъ пришла резервная бригада, послѣ чего остатокъ гарнизона принужденъ былъ сдаться. Въ рукахъ федералистовъ осталось до 2,000 человекъ плѣнныхъ. Въ слѣдующіе дни сами конфедераты взорвали всѣ работы, которыя защищали южный входъ, и федеральныя канонерки могли, наконецъ, перейти опасный барьеръ, который въ продолженіе четырехъ лѣтъ защищаль торговлю рабочей конфедерациі съ такъ называемою свободной Англіей.

Ударъ, нанесенный солдатами Терри рабовладѣльцамъ, чрезвычайно важенъ онъ принадлежитъ къ самымъ сплннымъ послѣ паденія Виксбурга и открытія Миссисипи для союзнаго флота. Съ этихъ поръ восточная группа рабовладѣльческихъ штатовъ окончательно заключена въ желѣзныи кругъ; они не будутъ болѣе имѣть возможности сообщаться съ сосѣднимъ міромъ, и пушки, порохъ, военные запасы, а также и фунты стерлинговъ, не нарушатъ болѣе блокады. Южныя арміи принуждены теперь довольствоваться своими средствами, которыя уже ничтожны и не замедлятъ совершенно истощиться. вмѣстѣ съ тѣмъ освободилась часть федеральнаго флота, поддерживавшаго блокаду: взятіе форта Фишера возвращаетъ Соединеннымъ Штатамъ полтораста судовъ.

Эти новыя событія произвели сильный упадокъ духа между плантаторами и подали надежду тѣмъ, которые въ средѣ юга постоянно оставались вѣрными союзу. Съ этихъ поръ, у рабовладѣльцевъ нѣтъ военной позиціи, которую бы не могли, съ достаточными силами, взять федералисты; и вотъ, въ самомъ дѣлѣ, Шерманъ съ своими пятидесятью тысячами человекъ атакуеть Чарльстоунъ, затѣмъ Ричмондъ.

Конфедераты знаютъ по себѣ, съ какою ловкостью онъ умѣлъ маневрировать отъ Чатаногы къ берегамъ Атлантики; приближеніе его приводитъ въ ужасъ, какъ-будто въ рукахъ его заключается ихъ участь; до сихъ поръ они не могли задержать его на дорогѣ ни однимъ серьезнымъ препятствіемъ. Напротивъ того, вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, народонаселеніе просило мира; города Георгіи выбираютъ меровъ и совѣтниковъ, извѣстныхъ по своему располо-

женію къ союзу; Саванна просить его забыть прошлое; Сѣверная Каролина прямо выбирала комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ, даже сама Южная Каролина не охотно уже повинуется ричмондскому конгрессу; наконецъ, замѣчательная вещь: южные негоціанты вспоминаютъ о своихъ долгахъ кредиторамъ на Сѣверѣ и какъ ни въ чемъ не бывало добровольно платятъ имъ. Дѣйствительно, война приближается къ концу и сенаторъ Футъ имѣлъ основаніе желать удалиться изъ ричмондскаго конгресса, боясь, чтобы зданіе не обрушилось на него и не погребло его вмѣстѣ съ товарищами.

Въ то время, когда въ конгрессъ южныхъ штатовъ начинается закрадываться безпокойство и многіе обращаются съ покорнымъ видомъ къ великодушному Линкольну, народонаселеніе Сѣвера, приготавлиаясь праздновать свой будущій триумфъ, уничтожаетъ остатки ненавистнаго рабства. Штатъ Миссури, который еще прежде принялъ нѣсколько мѣръ, по которымъ рабство должно было постепенно уничтожиться, теперь измѣнилъ свое мнѣніе и, посредствомъ новаго закона, объявилъ, что съ этихъ поръ всѣ рабы свободны. Тенесси, составлявшій когда-то бульваръ рабскихъ штатовъ, призванъ въ настоящее время своимъ конвентомъ для подтвержденія подобнаго же рѣшенія, такъ что въ настоящее время изъ всѣхъ пограничныхъ штатовъ, только Кентукки и Делавора не смыли еще съ себя пятно рабства. Они должны торопиться, если хотятъ сами отдѣлаться отъ этого позора, потому что иначе очень можетъ быть, что конгрессъ самъ признастъ рабство уничтоженнымъ на всемъ протяженіи республики. Не достаетъ только нѣсколькихъ голосовъ для полученія большинства двухъ третей, необходимыхъ для санкціи этого закона; но надѣются, что необходимые голоса будутъ вскорѣ пріобрѣтены. Если же этого не будетъ то новый конгрессъ можетъ быть законнымъ образомъ созванъ 4 мая, и тогда ему будетъ принадлежать честь вторично заложить и на болѣе прочномъ основаніи, великую американскую республику.

Какъ Декабрь.

ДОМАШНЯЯ ЛЬТОНИСЬ.

ПРОВИНЦІЯ.

Провинція и провинціальный Мефистофель. — Опасность, которой подвергается корреспондент провинции. — Общий характер Вологодской губернии. — Вліяніе холода на здоровье и на производительная сила русскаго населенія. — Лѣса и болота Вологодской губерніи, и вліяніе ихъ на экономическую дѣятельность края. — Бѣдная жемъ и тощая природа. — Искусство воложанъ расчищать почву изъ подъ лѣсовъ и обрабатывать землю. — Сколько въ Томьтѣ экономическихъ производителей? — Паразитическое существованіе вдовъ въ нашихъ городахъ. — Нищія. — Причины расстроенаго нищенства. — Разговоръ мой съ мальчикомъ, выпрашивающимъ милостыню. — Наглядный примѣръ провинціальной нищій. — Образъ жизни ея. — Разныя категоріи русскаго нищенства.

Если въ каждомъ изъ насъ сидитъ свой Фаустъ и Мефистофель, то конечно ни въ одной человѣческой душѣ нѣтъ такого простора Мефистофелю, какъ въ душѣ провинціала. Мефистофель въ провинціи не допускаетъ надъ собой никакой узды; онъ облачается въ халатъ и располагается въ провинціальной душѣ, какъ въ пустомъ домѣ, съ безперемежностью столичнаго чиновника, пріѣхавшаго на ревизію волостного правленія. Отъ этого происходитъ то, что провинціалы — люди вообще самыя добродушные, безмятежные и равнодушные ко всему въ мірѣ: — взберошкиваютъ себѣ волосы, прици

жають свирѣпый или другой, по ихъ мнѣнію, внушающій видъ, стараются непремѣнно импонировать и отличаются необыкновенной щекотливостью и обидчивостью. Никто во всемъ мірѣ не требуетъ такого почтенія и уваженія и не страдаетъ такой болѣзненной чувствительностью самолюбія, какъ провинціалъ.

Самолюбіе это, по его своеобразности, можно назвать специально-провинциальнымъ. Оно проявляется почти исключительно въ формѣ личной обидчивости, даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло касается предметовъ, неимѣющихъ, повидимому, никакой связи съ возмущившимся провинціаломъ. Конечно, обидчивости этой придается невозможное благообразіе, потому что провинціалъ знакомъ теоретически съ тѣмъ, что называется чувствомъ собственного достоинства, и обладаетъ неизвѣрнымъ желаніемъ правиться. Но провинціала губить не теорія, а практика; онъ постоянно ошибается въ внутреннемъ значеніи словъ, давая своимъ порывамъ такія иностранныя прозвища, какія къ намъ вовсе не идутъ. Такъ, напримѣръ, если вы замѣтите провинціалу, что истинный патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы люди, выросшіе на одной почвѣ, стремились къ устройству у себя безобиднаго и выгоднаго для всѣхъ порядка жизни, а не въ томъ, чтобы кричать неистовымъ голосомъ противъ всего совѣта и размахивать руками въ угрожающей позѣ. Замѣтите это провинціалу самымъ хладнокровнымъ тономъ, и онъ непремѣнно обидится.—И какое имѣете вы право считать меня глупцомъ и ерыгой? Я вамъ этого не позволю, потому что это оскорбляетъ мое достоинство, мою честь, мое самолюбіе. Или дѣлайте то, что дѣлаю я, или не смѣйте быть въ моемъ обществѣ.—Послѣдшій человѣкъ, пожалуй, скажетъ, что такъ называемый патріотизмъ сводится въ этомъ случаѣ къ дѣлу личнаго самолюбія; прямо на этотъ вопросъ я не отвѣчаю; но думаю про себя, что если я могу принудить васъ къ чему нибудь силой, то конечно правъ не я и страдаетъ не моя честь и гордость. А впрочемъ провинціальный Мефистофель большой шутникъ, и логика у него своеобразная.

Поэтому, рѣшившись поговорить о провинціи, я напередъ знаю, чему подвергаюсь за нескромность нѣкоторыхъ цифръ и отзывовъ; я рискую, что называется, провалиться во мнѣніи провинціаловъ, а если провинціалъ возненавидитъ, то пощады уже болѣе не ждите. Боюсь ошибиться, но сколько мнѣ помнится, то подобная опасность угрожала въ прошедшемъ году одному корреспонденту изъ Рыбинска, о

-чемъ онъ и заявить печатно. Отчего же провинциала возмущаетъ
 более всего критика его общественной деятельности? Оттого, что
 если онъ умѣетъ построить такую хитрую связь сиколожовъ, что
 простую жалобу на бесполезно болтающихся собакъ и коровъ прев-
 ращаетъ въ личное оскорбленіе, то общественная его дѣятельность,
 въ которой онъ участвуетъ непосредственно, даетъ ему возмож-
 ность построить сиколожамъ еще болѣе хитрыя. Провинциалъ въ
 этомъ случаѣ разсуждаетъ такъ. Говорите сколько хотите, о моей
 общественной и политической дѣятельности, но не смѣйте касаться
 моей семейной жизни, потому что домашній очагъ есть святыня,
 куда посторонній глазъ не долженъ проникать. Что угодно гово-
 рите о лужахъ и болотахъ на улицахъ, но бора изъ ясовъ не вы-
 носите, потому что изба безъ сору у насъ немояма. Сбооразивъ
 все это, я сначала хотѣлъ говорить вообще о провинціи, но на-
 валъ мѣстности; но такъ какъ вооружилъ противъ себя все провин-
 ціи разомъ еще хуже, чѣмъ одну, то я и рѣшился выбрать изъ
 нихъ самую безобидную, а именно Вологодскую губернію, а въ ней
 король Тотму, увѣренный, что предметъ этихъ очерковъ ничѣмъ
 не потеряетъ въ своемъ общеніи, потому что въ наши провин-
 ціи ходятъ другъ за друга, какъ два глиняные горшка; стоишь
 только изменить имена, цифры и другія частности, и затѣмъ при-
 мѣнять общую характеристику то къ тому, то къ другому городу—
 черты останутся совершенно одинаковыми для всякаго географическаго
 широты.

Условныя географическія выраженія, совершенно удовлетворитель-
 ны для послышавшихъ, не представляютъ такой же ясности для
 обыкновенныхъ читателей. И потому если бы я сказалъ, что Во-
 логдская губернія лежитъ между 58° и 65° сѣвѣрной широты и
 восточной долготы, то читатель или не обратитъ
 никакого вниманія, или же, если обладаетъ ив-
 естною географическою наукою, спроситъ бы, что же это значить? Зна-
 чить это слово много, потому что отъ географическаго положенія
 зависитъ все то, что дѣлаетъ ее такой ужас-
 ною для каждаго неволожанина.

Прежде всего это значитъ, что въ Вологодской губернии очень холодно; холодно такъ, что сидѣть бы цѣлый день въ теплой избѣ и на высууду бы неса на уиду. Вологодскіе морозы доходятъ до размѣра совершенно неслыханнаго ни въ одной христіанской европейской землѣ. Только одна Сибирь да самый сѣверъ Архангельской губернии не уступаютъ въ этомъ отношении описываемой мною медвѣжьей берлогѣ. Но про Сибирь и говорить печега; ея репутація установилась не только у насъ, но и на всемъ Западѣ, такъ что если сказать французу *Sibirie*, то съ нимъ сейчасъ же сдѣлается дикорадка. Мы, русскіе, стоимъ въ этомъ отношении гораздо выше западныхъ европейцевъ, во-первыхъ потому, что не обнаруживаемъ малодушнаго страха ни предъ какииъ морозомъ; а во-вторыхъ, считаемъ наши холода такой принадлежностью русской природы, что сдѣлали ихъ предметомъ нашей патріотической гордости и рассказываемъ иностранцамъ о своихъ морозахъ съ тѣмъ же чувствомъ самодовольства, какъ если бы говорили, что въ головѣ каждаго изъ насъ сидитъ по Ньютону или по Архимеду.

Но если морозы могутъ быть съ одной стороны предметомъ нашей справедливой патріотической гордости, то съ другой въ нихъ столько зловереднаго вліянія на нашу экономическій бытъ, что почтенные устьемъ-солъскіе, солъвычегодскіе и другіе граждане Вологодской губернии, не оскорбляя своего патріотизма, могутъ смотрѣть на свои морозы, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, что имъ сѣверно жить на свѣтѣ.

Въ Вологодской губернии, растянувшейся въ длину почти на тысячу верстъ, конечно должны представляться значительныя климатическія различія; но эти различія не на столько велики, чтобы могли уподобить какой нибудь уголокъ губернии южному берегу Крыма или апельсиннымъ рощамъ Мессины. Въ Вологодской губернии холодъ трещитъ вездѣ; разница только въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ холодно, а въ другомъ еще холоднѣе. Напримѣръ, въ Вологдѣ, расположенной на самомъ югѣ губернии, морозы достигаютъ 25°, а въ подорскомъ краѣ до 40°, такъ что птица мерзнетъ на лету. Читателю о сорокаградусномъ морозѣ, сидя передъ каминомъ, совсѣмъ не то, что испытывать его жгучее свойство на своемъ носу и щекахъ, когда человекъ одѣтъ хорошо, или на всемъ тѣлѣ, когда человекъ одѣтъ плохо. Поэтому я боюсь, что читатель не усвоитъ себѣ ясной идеи о томъ, что значитъ не только сорокаградусный, но даже и двадца-

Тысятъ градусами морозъ. Могутъ убиты отъ мороза въ зиму, въ
 1777 году 100000 челоу въ такомъ морозъ ноябрь. Имъ думаютъ не ра-
 ботать; а хочешь съдѣлать на полднѣ лантъ похлебъ. Колоча, при-
 вильна съ морозъ много; потому что въ оладскѣ втрое больше мучае-
 отъ похл буренной блинны, но зато и въ Петербургѣ втрое больше
 имать отъ въ оладскѣ морозъ. Въ Тихвинѣ образовать сонныи
 въпрѣвъ въ дѣ мушкетеръ; но въ оладскѣ не въ Петербургѣ, рабршашъ
 съ топычно въ мѣлу; чулонскія Назавира (въ мѣлу) вѣроят
 в Вологда въ морозъ обнаружилась съ оладскѣ лантъ на
 термистрадѣ, что въ оладскѣ не было бы было болъшой бѣды. Но мо-
 розъ значить съ оладскѣ: то: 1. Морозъ нах, въ оладскѣ челоу, холадъ
 съ оладскѣ, какъ челоу — жонь. Холадъ убивае съ оладскѣ
 челоу природу; оладскѣ подавляетъ челоуна, оладскѣ мѣла оладскѣ
 оладскѣ, вѣроятъ челоуна въ оладскѣ: съ оладскѣ: периды, кон-
 чающа съ оладскѣ животны оладскѣ силнои. Въ поладскѣ апа-
 чельчонъ находитъ челоу въ оладскѣ: оладскѣ холадъ: Русскѣ
 челоуна вѣроятъ челоуна въ оладскѣ: съ оладскѣ: оладскѣ, оладскѣ
 на: гворитъ челоуна что русскѣу здорова, то вѣроятъ оладскѣ; а на-
 вѣратъ оладскѣ въ оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: чтобы предать
 та съ оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 на: оладскѣ, на: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 оладскѣ: въ оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 въ оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ
 оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ: оладскѣ

экземпляр, или два образца: представьте болотамъ тѣмъ, что вы
 вынулъ изъ нашей изгороди: не растуть въ ней оушница. Въ на-
 слѣдствіе таковыя находитя иже: Вологодская губернія. Я знаю,
 что вологодская губернія сѣмъ гордостью. Я болотамъ: Вологодская губер-
 ния, которая ласкаетъ: болотамъ: Вологодская губернія, потому что тамъ на-
 тать горюхи: въ даже: болотамъ; но самый лучший: болотамъ:
 согласенъ; это: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 Но города: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 леса, — леса: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 губернія: и: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 смертный: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 ния: самое: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:

Картина тундры: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 она: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 она: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 она: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:
 она: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ: болотамъ:

говорится тамъ, за исключеніемъ мѣстъ, расчищенныхъ и рукою человека осушенныхъ и немногихъ возвышенныхъ грядъ, изрѣдка встречающихся, можетъ назваться однимъ, болѣе или менѣе глубокимъ, болѣе или менѣе тонкимъ, на нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль раскинувшимся и поросшимъ лѣсомъ болотомъ.

Если губернію называютъ болотомъ, поросшимъ лѣсомъ, то очевидно, что въ ней можно найти только то, что бываетъ въ лѣсахъ и на болотахъ: всякое дальнѣйшее желаніе будетъ нескромнымъ и несправедливымъ притязаніемъ. А если притомъ и таланты мѣстныхъ обитателей соответствуютъ климатическимъ условіямъ, то отъ ихъ взаимодѣйствія должны получиться самыя скромныя результаты.

Если вся губернія есть лѣсъ на болотѣ, то въ ней должно быть мало угодій, да и тѣ не могутъ быть хороши. Такой выводъ подтверждается вполне статистическими данными. Въ Вологодской губерніи считается: подъ усадьбами 25,290 десятинъ, подъ пашнями 720,465 дес., подъ выгонами 17,817 дес. и подъ сѣнокосами 381,920 дес., всего 1,148,492 десятины. Что же это, хорошо или дурно? Поспѣшный человекъ конечно не удержался бы отъ похвалы или прищанья, но мы съ вами, читатель, сдѣлаемъ только такой выводъ: вся губернія занимаетъ 34 1/2 милліона десятинъ, следовательно невоздѣланныя пространства составляютъ въ ней 33 милліона, а воздѣланныя только 1 1/2 милліона десятинъ, т. е. 4 1/2 %.

Малое пространство воздѣланныхъ земель заставляетъ предполагать слабое населеніе. И этотъ выводъ подтверждается статистическими данными: въ 1862 году считалось въ Вологодской губерніи 465,611 мужчинъ и 508,563 женщины, всего 974,174 человека.

Рѣдкое населеніе можетъ быть или оттого, что страна начала колонизоваться недавно, или по какимъ нибудь другимъ мѣстнымъ причинамъ. Вологодская губернія была населена еще въ глубокой древности финскимъ племенемъ, известнымъ въ летописяхъ подъ именемъ «Заволоцкой чуди». Новгородцы стали населять этотъ край тоже въ глубокой древности. Прошла тысяча лѣтъ, и на пространствѣ 34 1/2 милліоновъ десятинъ живетъ едва милліонное населеніе.

Очевидно, что предположеніе о недавней колонизаціи края невозможно. Сѣверная Америка 250 лѣтъ тому назадъ не имѣла ни одного европейца, а теперь считаетъ 33-хъ милліонное населеніе. По этой прогрессіи Вологодская губернія должна бы имѣть теперь 132 милліона жителей, а въ ней только 975 тысячъ. Ясно, что въ самыхъ условіяхъ

Очевидно, что предположеніе о недавней колонизаціи края невозможно. Сѣверная Америка 250 лѣтъ тому назадъ не имѣла ни одного европейца, а теперь считаетъ 33-хъ милліонное населеніе. По этой прогрессіи Вологодская губернія должна бы имѣть теперь 132 милліона жителей, а въ ней только 975 тысячъ. Ясно, что въ самыхъ условіяхъ

и извѣстнѣе, что нибудь мало привлекательное для водое-
вѣдѣнія, а въ физическихъ качествахъ населе-
нія, — что нибудь недостаточное для сообщенія краю привлекательности.
Человѣкъ и природа дѣйствовали другъ на друга, и силы ихъ про-
падали въ борьбѣ. Но природа была сильнѣе, и потому она околѣ-
вала вездѣ человѣка. Какого же рода были эти силы природы? За-
ключались ли они въ такихъ элементахъ, противъ которыхъ бессильна
наука и современное человѣческое знаніе? Представляла ли страна
нѣчто подобное цѣлому ряду огнѣдышащихъ горъ, сполнимаго гра-
нитнымъ массажемъ периодическимъ наводненіямъ океана, глетчерамъ
или гренландскимъ льдамъ? Ничего такого не было никогда въ Во-
логдской губерніи; она всегда была лѣсомъ на болотѣ, переходя-
щимъ въ тундру только на крайнемъ сѣверѣ. Следовательно, вся
борьба происходила съ лѣсомъ, нужно было расчистить лѣсную по-
верхъ и обратить ее въ пашню, или въ сѣнокосъ. Какъ же выпол-
няло эту задачу население, живущее въ Вологодской губерніи тыся-
чу лѣтъ?

Узлы: Грязовецкій, Вологодскій и Кадниковскій, по своему зем-
ледію почти ничѣмъ не отличаются отъ губерній средней полосы
Россіи. Поля обрабатываются довольно старательно; засѣвается столяр-
ко, сколько можно увозить, и вообще сельско-хозяйственная му-
дрость населенія стоитъ на одномъ уровнѣ съ мудростью большей
части среднихъ губерній. Такое похвальное развитие сельско-хозяй-
ственного интеллекта югозападныхъ вологжанъ находить награду въ
томъ, что не только ихъ запасные магазины наполнены хлѣбомъ,
но они отправляютъ еще избытки въ Петербургъ и даже заграни-
цу. Конечно, все это еще не должно вести къ преувеличеннымъ ожи-
даніямъ. Памятная книжка Вологодской губерніи удостовѣряетъ, что
крестьяне боронятъ деревянными боронами, и что въ домашнемъ
быту и при полевыхъ работахъ употребляютъ телеги *перьдко* съ
окованными колесами. Это «перьдко» имѣетъ такой смыслъ, какъ
если бы въ похвалу богатству вологжанъ говорилось, что они «пе-
рьдко» вѣдятъ ананасы.

Узлы: Никольскій, Вельскій, Тотемскій, Устюжскій и Сольвыче-
годскій составляютъ вторую сельско-хозяйственную группу. Здѣсь
человѣкъ, перейдя отъ звѣроловства къ земледію, замѣнилъ
въ первообразной его формѣ. Сущность этого первообраза заклю-
чается въ томъ, что для полученія хлѣба истребляется лѣсъ. И

который бы не походил на кочкарное болото; цѣтъ ни одного сѣносея, на котором бы не росла осока и мхи; наконецъ въ то, что въ большей части мѣстностей здѣсь рѣжутъ траву не косами, а горбунами — инструментомъ въ родѣ серпа, которымъ дѣйствуютъ наклонившись, — потому что коса заѣзжится и сломается о первую ковку и червѣй пень. Печальное состояніе вологодскаго луговодства подтверждается еще и тѣмъ, что недостатокъ корма заставляетъ здѣшнихъ крестьянъ продавать часть своего скота на убой и отправлять тушу въ Архангельскъ и Петербургъ. Петербургскіе жители изъ этого факта, пожалуй, выведутъ заключеніе объ изобиліи въ здѣшней губерніи скота, но безпощадная «Памятная книжка», которой я пользуюсь, разбиваетъ такую иллюзію безъ всякой пощадки. Петербургскій андартропъ, покупающій на сѣнной вологодскую говядину, увидявъ, что не отъ избытковъ мѣстнаго хозяйства пропущена она въ Петербургъ, за тысячу верстъ, а потому что бѣдной коровенкѣ необходимо было переселиться въ царство усопшихъ отъ голода, и что поводили ее въ Петербургъ потому, что ближе тысяча верстъ нельзя было найти покупщика, — предпочтетъ конечно вологодскую говядину черкасской, отъ петербургскихъ мясниковъ. Каковы же избытки скота въ Вологодской губерніи, читатель увидитъ изъ слѣдующаго: всѣхъ лошадей въ губерніи считается 189,000 или 1 на 5 человѣкъ; коровъ и быковъ 340,000 или 1 на 3 человѣка; овецъ 263,000 или тоже около 1 на 3-хъ; свиней 43,000 или 1 на 23 человѣка, и козъ 300, т. е. 1 на 3,250 человѣкъ. Кажется очень мало, а и тѣхъ нельзя прокормить и нужно убивать для предупрежденія падежа отъ голода. После такихъ очевидныхъ фактовъ, читателю должно быть совершенно ясна доварная роль тимоеевоы травы въ распространеніи невѣрныхъ толковъ о вологодскомъ луговодствѣ.

Климатическія условія второй сельско-хозяйственной группы соотвѣтствуютъ, повидимому, вполне остроумію ея сельскихъ обывателей. Они сѣютъ по преимуществу ячмень, потому что этотъ хлѣбъ посѣваетъ скорѣе другихъ; овса же сѣютъ очень мало, ибо онъ не всегда дозрѣваетъ. Утренніе морозы бываютъ въ этой полосѣ въ маѣ, іюнѣ и даже іюль, а въ сентябрѣ начинаются морозы — предвѣстники зимы. Можетъ ли при такихъ климатическихъ условіяхъ существовать сельское хозяйство, если оно основано на рациональной теоріи краснокожихъ американскихъ дилларей? И вотъ

Богъ стоитъ въздъ на одномъ мѣстѣ потому, что Богъ дасть много лѣсу, что благодаря климату и гигиеническимъ понятіямъ мужичковъ потомство ихъ увеличивается съ черепашьей быстротой, что по случаю местной скудости Вологодская губернія не производитъ изъ себя охотниковъ. И можетъ такой перядокъ тянуться еще много вѣка, пока есть избытокъ въ лѣсѣ и недостатокъ въ животнѣхъ. А! между тѣмъ американцы и другіе западные варвары, познавшіеся сельско-хозяйственной химіи, придумаютъ разводить лѣнь по какой-нибудь новой рациональной методѣ и вытѣснятъ съ европейскими рынками нашу вологодскій лѣнь, какъ они вытѣснили уже нашу новороссійскій хлѣбъ. И станутъ волноваться тогда члены нашихъ агрономическихъ обществъ, и будетъ написано много журнальныхъ статей и предложено много совѣтовъ, и не выйдетъ ничего путнаго изъ всѣхъ этихъ воплей и писаній, потому что время было упущено. И обвинять потомки насъ, и скажутъ, что мы ничего не сдѣлали для предупрежденія такой бѣды, и будутъ это совершенно справедливо.

Въ то время, когда мы стояли въ зенитѣ самодовольства и, благодаря краснорѣчію нашихъ Булгариновъ, удивившись въ исполненской быстротѣ русскаго прогресса, растянулись на Лаврахъ, чтобы предаться сну, хитрые пѣмцы и французы или все впередъ и впередъ, и въ какіе-нибудь тридцать лѣтъ ушли такъ далеко, что мы отстали отъ нихъ теперь гораздо дальше, чѣмъ не хотню лѣтъ, когда не было ни тѣхъ машинъ, ни тѣхъ изобретеній и измѣнъ, которыя создали въ послѣднее время богатство и прогрессъ западной Европы. Какъ ни утѣляемся мы теперь шарами скорбе, но Западъ шагаетъ шабче, и ни съ однимъ изъ западныхъ народовъ, даже съ отсталыми австріянами, боремся мы не въ состояніи ни въ умственномъ, ни въ матеріальномъ богатствѣ. Нашъ соборъ на всѣхъ торговыхъ пунктахъ хлѣбъ нашъ не будетъ нуженъ, потому что Америка доставитъ его дешевле и лучше; наши конья, сало, щетина также не найдутъ сбыта, чѣмъ же мы станемъ торговать за границей и что отдавать иностранцамъ въ замѣнъ ихъ произведеній? Да ничего, потому что все это добудутъ у людей болѣе насъ энергическихъ и знающихъ, и все это будетъ лучше и дешевле, и честнѣе нашего. Что же будетъ тогда съ нами? когда никому не понадобится русскій произведеній? Видеть только то, что мы никакъ распредѣлимъ свой трудъ, и вмѣсто того, чтобы сидѣть или слеза

дум — въ чемъ улучшается теперь наше сельское население почти ввѣдуя, не только тогда для заготовить продукты, которые, за невозможности, обдѣлывать у себя дома, мы вывозимъ за границу, мы присекаемъ въ дѣлѣ работы изъ своихъ собственными руками. И явится у насъ больше народнаго труда, а съ нимъ и больше богатства, на всѣхъ отрасляхъ дѣла. Какъ же придетъ бы поскорѣе къ этому дѣланию и кто намъ мѣшаетъ? Очевидно скоро къ этому придетъ нельзя, потому что привычки мы къ небольшому шагу и вдругъ увидеть себя невозможно — скоро устанешь, что же касается до того, кто намъ мѣшаетъ — да мы же сами. У насъ насъ еще много сумбурна въ мысляхъ, а знаний нѣтъ никакихъ; только потому мы считаемъ своими дѣлоуменными тѣхъ, кто насъ любить всей душой и приноситъ пользу, а другими тѣхъ, отъ кого, кромѣ дѣлоуменства, нельзя было ожидать и не было ничего другого. По своей наивности, мы принимаемъ вредные совѣты за полезные, а полезные за вредные, и въ то же время каждый изъ насъ цѣнитъ свои личныя таланты и силы необычайно высоко, и всякую придуманную имъ штуку выдаетъ за самородный гений, а всякое чужое мнѣнiе считаетъ чепухой. А впрочемъ все это мало идетъ къ сельскому хозяйству Вологодской губернии, хотя и нельзя сказать, чтобы было совершенно неумѣнно къ вологодцамъ.

Къ третьей группѣ принадлежатъ уѣзды Ярославскій и Устьсысольскій. Это дѣлать даже и для Вологодской губернии. «Замѣчательно», говоритъ «Дѣятельный индустриалъ», что въ Устьсысольскомъ уѣздѣ и принадлежатъ къ тому частямъ Ярославскаго и Соликамскаго почти нѣтъ слѣдовъ, которыхъ при перевѣлкѣ сельскихъ произведеній замѣняются дровами цѣлеслѣнными и дрѣвными». Не знаю, замѣчательно, это или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ весьма характеристичный, заставающій среднимъ образомъ, особенно развитое состоянiе дѣлѣ общества, да и въ народѣ, въ образованности, мыслительныхъ способностей.

«Во всякомъ случаѣ и у насъ въ краѣ», говорится тамъ же, «наиболѣе развитыя фабрики въ северной уральскій тѣлѣ, да и при сильномъ уваженiи на фабрикахъ нѣтъ быстрое развитiе индустриальнаго — отъ самаго друга до самаго третиго завода же и нѣсколько и сѣмянъ не собирается. Часто, правда, дорожки распы и драннiе и при этомъ индустриальныя изъ валакъ лѣса и не претворенiе себя и семействамъ. Нерѣдко бывающъ изъ валакъ много и глубокой спѣлки, самаго дѣла, на много

покрыть поля, засыпанные золой: полевые травы на торфяных
 полях в это время засыхают, и тогда в это время
 В такой местности, где в это время много воды, она
 она составляет леса и болота, где все расчищенное
 ния пространства закупают больше полутора миллиона
 так что на душу приходится едва полторы десятины
 лодной земли, населению остается только пахать
 лесу и в том, что в нем живет. Поэтому ворман
 давних пор пользовались своим лесами, как одним из
 ныйших источников своего существования, и были
 внимательны, что источнику пришлось наконец
 луга, на 30 верстах кругом уже степь. Но дорога
 к Устьесольному, на протяжении 900 верстах,
 видны только вдаль, по болатам. Да и эти
 уверяет «Памятная книжка», — темны только
 и представляют жалкие остатки старинных
 реи. Разумеется, непроходимы дебри — вещь
 цивилизованных странах люди стараются
 ными. Того же начала держались и в
 их теория «проходимость» вышла
 у остальных народов кавказской расы,
 как водворилось в здешних лесах
 раздо меньше проходима, чем были
 рубки, производимы в здешних
 раз сильнее, то и это было бы не
 них, а в подъяхъ и выжиганяхъ,
 называется технически «лядным
 безотопного хозяйства, огонь,
 лесъ, попользеть и ходить на
 иногда на громадномъ пространствѣ,
 время такихъ пожаровъ, въ
 видать солнца, затлугаго
 верстахъ». Въ видѣ
 «ка» прибавляетъ, что въ
 стражи и строгость наказаній
 поддоговѣ». Вудъ и
 бы не поблагодарилъ составителя
 элементъ. Въ сѣверо-восточныхъ,
 малонаселенныхъ, уздахъ, если

огонь огня, обжарит дѣло, тр. остается только одно — возложить упование на Бога и ожидать, чтобы съ неба свалился океанъ воды. Но такъ, по крайней мѣрѣ, никогда не бываетъ, то огонь, кончая свое дѣло, обыкновенно беретъ всякой помѣли, а затѣмъ на мѣстѣ пожара происходитъ дѣлующее, удивительное превращеніе. Опавшій дѣло, простираясь нѣсколько дѣтъ и подгнивъ въ корнѣ, при первомъ болѣе сильномъ вѣтрѣ, падаетъ и ложится въ одномъ направлении. Но онъ ложится особеннымъ образомъ, какъ бы на четвереники, умалось въ вершинѣ на сучья, а въ основаніи на вывороченный корень, такъ что, стволъ держится на отвѣсѣ, аршина на два отъ земли. На веролю, поваленны такимъ образомъ въ одномъ направлении, валятся, претъ нѣсколько времени и остальные, удержавшіяся еще на корнѣ, и если буря прошла съ другой стороны, то вторыя деревья лягутъ на перекрестъ первымъ и образуется весьма своеобразный подостъ, иногда на десятки верствъ въ длину и ширину. Если и не еще, одичъ, весьма хорошій способъ истребленія лѣса, поражающій исключительно кедръ. Способъ этотъ заключается въ томъ, что для добирания кедровыхъ шишекъ срубаютъ деревья, падѣныя, и можетъ быть, червухъ новгородскихъ поселенцевъ. О новгородскихъ поселенцахъ я сказалъ совѣтъ, не потому, чтобы славилъ кедромъ въ заслугу, что они ихъ вилѣли, я хотѣлъ сказать только, что кедръ очень толстъ и что не смотря на исполнскую толщину, ихъ легче рубить, чѣмъ на нихъ взобраться. А впрочемъ, копроуна зырянъ и русенхъ собирателей орѣховъ, все-таки замѣтательно. Вязовская губернія считается страной по преимуществу земледѣльческой, не смотря на недостатокъ обработанныхъ земель, на избытокъ лѣсовъ, болотъ и суровый климатъ. А если даже при такихъ условіяхъ, неблагоприятныхъ для селскаго хозяйства, оно составляетъ главный источникъ существованія жителей и при всей своей важности ведется весьма планомернымъ образомъ, то очевидно, что источники второстепенные должны находиться въ положеніи еще болѣе значительномъ и доставлять еще менѣе средствъ. У человека съ посредственными способностями все посредственно; у малосильнаго — все малосильно. Планомъ сельскій хозяинъ плетъ не только въ своемъ полѣ, но и въ лѣсу, на охотѣ, и въ рыболовствѣ, и на фабрикѣ или заводѣ. Однимъ словомъ, все строитъ у него на одномъ уровнѣ, а

уровень результатовъ зависитъ отъ уровня знаній, способностей и энергій.

Послѣ этого очерка Вологодской губерніи, я не думаю, чтобы было нужно вдаваться въ подробности относительно того, въ какомъ количествѣ вологжане продаютъ мясо, сало, салныя свѣчи, деготь, смолу, скипидаръ, сажу, дичь, рыбу и проч. Всего этого добывается мало и самыми безтолковыми способами, которые возможны потому, что въ губерніи есть еще пока 33 милліона десятинъ лѣсной почвы. Въ улучшеніяхъ поэтому нѣтъ нужды: живется и безъ нихъ, правда плохо, но живется.

Думалъ было я сдѣлать нѣ заключеніе параллель между Вологодской губерніей и Пруссіей, которая такой же величины; но къ чему бы повело это? Вѣдь вы, читатель, знаете очень хорошо, что такое Пруссія; вы вѣрно были и въ Берлинѣ, и въ Кейнгсбергѣ, и въ Бреславлѣ; вы видѣли и прусскія поля, и тамошніе опрятные лѣса, видѣли многое и другое, что въ первый разъ даже поразило васъ, не смотря на то, что вы попали въ Берлинъ прямо изъ Петербурга. Къ чему бы послужила въ такомъ случаѣ параллель? Для ироніи, что ли? Не для того я пишу эту статью, чтобы глумиться надъ бѣдностью Вологодской губерніи, а пишу я ее потому, что, можетъ быть, вы, читатель, знаете Пруссію и Францію лучше своей родины; въ этомъ случаѣ моя статья можетъ быть вамъ и пригодится. Параллели точно бываютъ иногда хороши, да только не тогда, когда думаютъ сравнивать бѣдняка съ Ротшильдомъ, потому что отъ такихъ параллелей нѣтъ никакой пользы. И безъ всякихъ параллелей вы знаете теперь, что Вологодская губернія бѣдна, дика и пустынина; что въ ней холодно, страшно холодно, и что безсильный человѣкъ, хоть онъ и принадлежитъ къ способнѣйшей кавказской расѣ, но подавленъ здѣсь совершенно окружающею его суровой природою. — Холодно, читатель, холодно.

II.

Сколько въ Тотмѣ экономическихъ производителей.

На 64 страницѣ «Памятной книжки» сказано, что «на р. Сухонѣ есть «два первенствующіе по богатству и населенности уѣзныя города — Тотма и Великій-Устюгъ». Если это замѣчаніе прочитать

человѣка, т. е. ровно половина. А если на эту половину взглянуть еще попристальнѣе, то она сократится, по меньшей мѣрѣ, еще на четверть. Съ этой коварной цѣлью я приглашу читателя заняться со мною слѣдующимъ, впрочемъ весьма нехитрымъ вычисленіемъ. Въ общемъ населеніи Тотьмы есть производители прямо и исключительно экономическіе, а есть и такіе, которыхъ къ этой категоріи причислить нельзя. Въ смыслѣ собственно городского населенія нужно по настоящему считать однихъ мѣщанъ и купцовъ, какъ дѣйствительныхъ, прямыхъ горожанъ. Если читатель, согласился со мною въ этомъ, то онъ конечно признаетъ и несомнѣнность моего вывода. Но для этого я попрошу его замѣтить, что населеніе моложе 17 лѣтъ—т. е. считая всѣхъ грудныхъ, до-пятилѣтнихъ карапузиковъ, мальчишекъ и дѣвочекъ, занятыхъ исключительно ѣдой и невинными забавами, въ родѣ полосканья въ лужахъ,—составляетъ въ Тотьмѣ 37%. Теперь начинается расчетъ:

Чинovníковъ, дворянъ и духовныхъ въ Тотьмѣ 450 человекъ, кромя монаховъ. Если исключить изъ этого 37% дѣтей, то взрослое населеніе составитъ 284 человекъ.

Сдѣлавъ подобное же вычисленіе съ остальнымъ населеніемъ получимъ, вмѣсто 3078 человекъ, только 1968.

Наконецъ, выключивъ людей старѣе 55 лѣтъ, или всего 398 ч., останется взрослыхъ, сильныхъ, цвѣтущихъ людей только 1854.

Но и эту цифру я еще урѣжу, и вотъ какимъ образомъ:

Если прямыми экономическими производителями считать только тѣхъ людей, которые принимаютъ непосредственное, личное участіе въ производствѣ предметовъ потребления и ихъ мѣнѣ, то всѣ остальные люди, какъ бы они ни были необходимы въ другихъ отношеніяхъ, не могутъ быть причислены къ экономическимъ производителямъ.

Къ числу этихъ людей, неучаствующихъ прямо въ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія, слѣдуетъ причислить 284 человекъ, упомянутыхъ уже мною въ первой категоріи; потому 100 человекъ регулярнаго войска, а всего 384 человекъ. Значить, цифра взрослого, экономически-производительнаго населенія будетъ 1470.

Но мы условились считать городскимъ населеніемъ только горожанъ, а между тѣмъ въ вѣдомости жителей Тотьмы показаны разныхъ сортовъ крестьяне: государственные, удѣльные, бывшіе помещицы, заводскіе и какіе-то еще непонятные люди, называемые тех-

нически на языкѣ русскихъ статистиковъ «лицами, непринадлежащими къ вышеозначеннымъ разрядамъ». Всѣ эти не городскіе люди составляютъ 597 человекѣ.

Такимъ образомъ собственно, городское и экономически-производительное населеніе Тотьмы составятъ 873 человекѣа, считая въ томъ числѣ мужчинъ и женщинъ.

Чтобы узнать, сколько въ этой величинѣ мужчинъ и сколько женщинъ, придется держаться, разумѣется, приблизительнаго разсчета. Въ Тотьмѣ всего 1681 мужчина и 1847 женщинъ т. е. женщины составляютъ $52\frac{1}{2}\%$ общаго населенія. Поэтому въ цифрѣ 873 будетъ женщинъ 459 и мужчинъ 414. По условіямъ тотемскаго экономического быта только мужчины представляютъ по преимуществу производительную силу; женщины же сидятъ болѣею частью или сляжа руки, или производятъ ими очень невинныя и нѣжныя движенія, неведущія къ прямымъ экономическимъ результатамъ. Такимъ образомъ первоначальная, валовая цифра населенія Тотьмы сократилась до величины довольно микроскопической, составляющей всего $11,75\%$ всего числа жителей.

Я бы не сталъ утомлять вниманіе читателя, а особенно читательницъ—въ читательницахъ, признаться, я не особенно увѣренъ, развѣ только тотемскій прекрасный полъ полюбопытствуетъ заглянуть въ эту статью, да и то болѣе потому, что не найдется ли въ ней какая нибудь на ихъ счетъ дерзость; — и такъ, я бы не сталъ утомлять вниманіе читателя (теперь уже не скажу—читательницъ) этимъ скучнымъ разсчетомъ, если бы онъ не имѣлъ и другого, болѣе широкаго примѣненія. По составу населенія, Тотьма имѣетъ большое сходство со всѣми русскими городами. Поэтому думаю, что безъ большой ошибки можно къ населенію каждаго нашего города примѣнить приемъ, употребленный мною выше, и редуцировать экономически-производительное населеніе до 12% . Во всякомъ случаѣ, эта цифра будетъ очень близка къ дѣйствительной. И въ такомъ случаѣ въ нашихъ главнѣйшихъ городахъ окажется слѣдующее число собственно-городскихъ жителей, составляющихъ основное, производительное ядро или сокъ экономической силы. Въ Петербургѣ 62,400 человекѣ; въ Москвѣ 46,356, въ Саратовѣ 7,656, въ Кіевѣ 7,272, въ Харьковѣ 5,412, въ Твери, Пензѣ, Самарѣ 3020, во Владимирѣ, Пермь, Уфѣ 1600, въ Черниговѣ и Екатеринославлѣ 1500.

Въ вѣдомости числа жителей Тотьмы заключаются двѣ не сов-

вѣтъ ясныя цѣры, и изъ нихъ одна поразила меня особенно. Въ графѣ «семейное положеніе» значится 528 вдовъ, а въ графѣ «занятій» 2692 мужчинъ и женщинъ, занятія которыхъ совсѣмъ не опредѣлены, т. е. въ началѣ графы перечислены чиновники, духовенство, земледѣльцы, торговцы, ремесленники, прислуга, а о 2692 ч. или о 77% всего населенія сказано, что эти люди не входятъ въ предыдущіе разряды. Куда же они входятъ, если они не чиновники, не духовенство, не земледѣльцы, не торговцы, не ремесленники и не прислуга? Что же это кирасиры или драгуны, студенты или гимназисты, или просто праздные джентельмены, прогуливающіеся по улицамъ? Видите, читатель, какой удобный, для запальчиваго критика, случай обрушить все свое негодованіе на составителя статистики Вологодской губерніи. По этому поводу можно бы щегольнуть и своимъ остроуміемъ, и ѣдкостью выраженій или выказать какіе нибудь и другіе литературные таланты; но такъ поступаютъ только очень юные писатели, мудрый же человѣкъ, какъ извѣстно, смотритъ въ корень; а смотрѣніе въ корень успокоиваетъ всякое негодованіе, потому что научаетъ понимать. Такъ какъ я хочу быть непременно мудрымъ, то и поступаю такъ: — узнавъ, что въ Тотмѣ 528 вдовъ, или ровно шестая часть населенія, что въ Петербургѣ было бы равносильно 100,000, я прихожу сначала въ изумленіе и затѣмъ отправляюсь по городу отыскивать вдовъ. Изъ всѣхъ моихъ розысканій и соображеній оказалось, что цифра 528 не въ мѣру преувеличена, по все же тотемскихъ вдовъ приходится не менѣе 7% всего населенія.

Заговорилъ же я о вдовахъ потому, что нѣтъ въ мірѣ хуже положенія бѣдной вдовы, которой мужъ, переселившись въ царство тѣней, оставилъ только голодныхъ ребятишекъ. Скверно быть пролетаріемъ, а вдовой еще хуже, особенно тотемской. Вдовство въ мѣстности, гдѣ и здоровый мужчина зачастую сидитъ безъ дѣла, есть положительное нищенство, потому что женщина, лишенная средствъ добывать все, что ей нужно, своимъ личнымъ трудомъ, должна по необходимости прибѣгать къ помощи постороннихъ людей. Вотъ почему пожилыя или больныя женщины и ребятишки составляютъ по преимуществу нищенствующее населеніе. Конечно, есть много нищихъ, занимающихся нищенствомъ, какъ ремесломъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ нищіе были мазурики. Нищіе и вдовы, лишенные средствъ существованія, занимаютъ самую

низшую ступень экономической лѣстницы; въ противоположность сливкамъ—онѣ поддопки общества, и потому всякое описаніе экономического быта народа, претендующее на основательность и глубокомысліе, должно начинаться съ разслѣдованія положенія вдовъ и нищихъ, какъ высшей степени бѣдности не только матеріальной, но и нравственной. Теперь, надѣюсь, читателю ясно, почему я такъ усиливался опредѣлить число тотемскихъ вдовицъ; только этииъ числомъ можно уяснить себѣ размѣръ самой горькой, безпомощной бѣдности и отношеніе ея къ остальному, менѣе бѣдствующему и обеспеченному населенію. Но прежде, чѣмъ начать рѣчь о тотемскихъ вдовицахъ, мнѣ нужно разъяснить еще težный вопросъ о 77% населения, которыхъ «Памятная книжка Вологодской губерніи» поставила въ положеніе песьма двусмысленное, заставляя предполагать, между прочимъ, что, можетъ быть, это голодные оборванцы, прогуливающиеся праздно по улицамъ.

Nonni soit qui mal y pense, сказалъ какой-то французскій или англійскій король. Пусть будетъ стыдно и тому, кто дурно подумаетъ о 77% тотемскихъ гражданъ и о памятной книжкѣ Вологодской губерніи. Что тотемскіе граждане не заппаются прогулками по улицамъ, въ этомъ можетъ легко убѣдиться всякій. Я живу, какъ мнѣ кажется, на главной улицѣ, по крайней мѣрѣ на той, по которой на масляницѣ катается все населеніе, и не смотря на то, въ обыкновенные дни пройдетъ по ней въ день едва три человѣка, считая въ томъ числѣ и меня, такъ какъ я каждый день прохожу по этой улицѣ. Что же касается до «Памятной книжки», то ее будетъ такъ же справедливо обвинять, какъ, напримѣръ, нашу академію наукъ за то, что она издаетъ календарь въ одной, а не въ двухъ частяхъ. Конечно, если бы Памятная книжка вышла въ двухъ частяхъ, то во второй явилось бы и разъясненіе всего непонятнаго или слишкомъ коротко упомянутаго въ первой. Но какъ этого не случилось, то нужно довольствоваться тѣмъ, что есть, тѣмъ болѣе, что въ другихъ губерніяхъ не вышло даже и подобной книжки, и статистическіе комитеты безмолвствуютъ, подобно могиламъ. Разъясненіе вопроса о занятіяхъ 77% тотемцевъ будетъ впрочемъ гораздо легче, чѣмъ вопросъ о вдовахъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что цифра 2692 (т. е. 77%) невѣрна, потому что «Памятная книжка», перечисливъ подъ рубриками—военныхъ, чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, исключи-

тельно взрослое население, всѣхъ остальныхъ отнесла къ «неходящимъ въ предыдущіе разряды», сюда попали жены и дѣти чиновниковъ, военныхъ, торговцовъ, ремесленниковъ и затѣмъ всѣ дѣвочки, всѣ вдовы, однимъ словомъ все, что не служить, не работаетъ своими руками въ мастерской, не сидитъ лично за прилавкомъ. Отъ этого вышла особенно поразительная цифра женщинъ: мужчинъ, неходящихъ въ предыдущіе разряды, только 959, а женщинъ 17°3. Изъ числа всѣхъ женщинъ, малыхъ и большихъ, «Памятная книжка» нашла занятіе только 114, изъ нихъ 85 прислуги. Чтобы опредѣлить истинную цифру женскаго рабочаго населенія, надо исключить 37% дѣтей, 232 вдовы, живущія почти исключительно нищенствомъ, и 314 жонъ и дочерей чиновниковъ, духовенства и купчества, что вмѣстѣ составитъ 985, и слѣдовательно рабочихъ женщинъ останется 748. Но и эта цифра выше дѣйствительной, потому что почти въ каждомъ семействѣ найдется многолѣтняя бабушка, распаривающая свои старыя кости на печкѣ, въ ожиданіи смертнаго часа. Предположивъ, что одна такая бабушка приходится на четыре семейства, на всю Тотьму нужно считать ихъ около 110, или женское рабочее населеніе понизится до 637, и въ этомъ числѣ мѣщанокъ будетъ около 400. Такъ какъ я представилъ выше несомнѣнныя доказательства того, что тотемскіе жители прогулками не занимаются, то провинциальный читатель отдастъ только долгъ справедливости, если весь рабочій прекрасный полъ представить себѣ въ видѣ трудолюбивыхъ женщинъ, преданныхъ мирнымъ занятіямъ преимущественно, по примѣру Пенелопы. На сколько занятіе тотемскихъ Пенелопъ способно поселить въ нихъ отвращеніе къ труду, я скажу дальше, а теперь считаю себя совершенно счастливымъ, что представилъ читателю неопровержимые факты порядочности прекрасныхъ тотемскихъ мѣщанокъ, потому что Пенелопа считалась во всѣ времена образцомъ семейныхъ добродѣтелей. Что же касается до 959 мужчинъ, заподозрѣнныхъ нами сначала въ праздничатательствѣ, то изъ числа ихъ нужно исключить дѣтей и стариковъ, и тогда останется тоже около 400 человекъ не лѣнтяевъ и гулякъ, а честныхъ и хорошихъ людей, занятыхъ разпообразнымъ трудомъ. Положимъ, что трудъ этотъ не такъ энергиченъ и утонченъ, какъ трудъ англчанъ и американцевъ, но трудъ все-таки честный и на столько интенсивный, на сколько онъ

можетъ быть въ Россіи и особенно въ холодныхъ и пустынныхъ предѣлахъ Вологодской губерніи.

III.

НИЩІЕ.

Большинство нищихъ, которыхъ я видѣлъ,—люди честные и добродушные. Строгіе моралисты обвиняютъ нищихъ въ отсутствіи нравственнаго чувства и утверждаютъ, что человѣкъ съ достоинствомъ не протянетъ руки за милостыней. Но я не знаю, случалось ли моралистамъ умирать когда нибудь съ голоду; если они умирали и наконецъ умерли, не протянувъ руки за кускомъ хлѣба, то конечно имъ было пріятнѣе умереть голодной смертью, чѣмъ сохранить себѣ жизнь кускомъ чужого хлѣба. Въ этомъ случаѣ они имѣютъ право рассуждать о чувствѣ собственнаго достоинства. Если же строгій моралистъ выражаетъ свое негодованіе, сидя въ покойномъ креслѣ и послѣ тучнаго обѣда, то я бы попросилъ такого господина переселиться на время въ лачугу черную, сырую, холодную, въ которой единственно теплое мѣсто на печкѣ; попросилъ бы я его превратиться въ вдову, одѣться въ лохмотья, не поѣсть ничего три дня—и даже тогда не повѣрилъ бы его искренности. И вотъ почему:

Наша главная бѣда въ томъ, что мы привыкли кокетничать красивыми фразами, вычитавъ ихъ въ журналахъ, и полагаемъ, что порядочность и гражданское достоинство выражается только въ строгомъ осужденіи забытыхъ, загнанныхъ и голодающихъ бѣдняковъ. Поэтому въ салонахъ и передъ высшими мы облачаемся въ многообразныя доскутья модныхъ, ходячихъ выраженій и превращаемся въ такихъ благоухающихъ рыцарей всевозможныхъ гражданскихъ и разныхъ другихъ человѣческихъ доблестей, что каждый неопытный человѣкъ или иностранецъ, незнающій насъ покороче, подумаетъ:—какое счастье жить съ подобными людьми. Но мы съ вами, читатель, жили съ подобными людьми и знаемъ хорошо это счастье. Мы знаемъ, что на добродѣтель бываетъ такая же мода, какъ на штаны и жилеты. Мы знаемъ, что если съ кокетничающаго господина снять надѣтые имъ панталоны добродѣтели, то обнаружится та же неблаговонная нагота, которую мы видѣли съ вами еще

недавно въ ея натуральномъ видѣ. Маскарадъ сдѣлался теперь такой модной вещью, что даже сѣдовласые старцы облачаются въ непривычныя имъ одежды и уподобляются, въ ущербъ своему достоинству, лгушимъ сивымъ меринамъ. И прежде мы лгали много, но теперь стали лгать еще больше, а главное лгать съ невиданной до сихъ поръ наглостью. Только одинъ сортъ людей не лжетъ въ дѣйствительности — тѣ, кто говоритъ своими словами; кто понимаетъ, откуда явилось то, что называютъ обыкновенно добродѣтелию, и то, что зовутъ обыкновенно порокомъ. Люди этого сорта знаютъ, что добродѣтель и порокъ — плоды одного и того же дерева, какъ всевозможные сорта чаю — листья одного и того же чайнаго куста. Если вы читатель щеголяете въ панталонахъ добродѣтели, то я прошу васъ снять ихъ на время чтенія этой статьи, чтобы не затруднять себя необходимостью приходить въ благородное негодование отъ моихъ вроткихъ отзывовъ о нищихъ и другихъ, по вашему понятію, дурныхъ людяхъ, которыхъ я считаю такими только потому, что имъ нельзя было сдѣлаться другими. Вѣдь и мы съ вами, читатель, дѣлаемъ много-много дурного, а въ негодование на себя однако не приходимъ. Отчего бы это такъ? Ну конечно, то мы съ вами! мы всегда дѣйствуемъ по извѣстнымъ причинамъ, мотивамъ, обстоятельствамъ и такъ далѣе, а у другихъ всего этого, какъ намъ кажется, нѣтъ — вотъ они и виноваты. Вообще негодование, кромѣ того, что оно служитъ доказательствомъ неспособности нашей понимать вещи правильнымъ образомъ, какъ прилично разсудительнымъ людямъ, служитъ лучшимъ признакомъ нашего безсилія. Человѣкъ, имѣющій возможность сдѣлать худое хорошимъ, не станетъ портить свою кровь ненужной горячкой, потому что это только напрасный трудъ: проще превратить худое въ хорошее безъ крику и опасности получить кровяной ударъ. Человѣкъ же, сознающій свое безсиліе, начнетъ горячиться, приходитъ въ негодование, даже станетъ подогрѣвать себя и, намахавши руками, сколько ему кажется соотвѣтственнымъ данному случаю, наконецъ успокоится, не сдѣлавъ ровно ничего. Все это плѣзеть, повидимому; слабую связь съ нищими, потому что по поводу ихъ обыкновенно не горячатся и не размахиваютъ руками. Мы горячимся обыкновенно по поводу отдѣльныхъ личностей, напримѣръ если дворянинъ огрѣветъ какого нибудь петербургскаго франта метлой, или городской скажетъ какой нибудь дамѣ грубую фразу, вовсе не изъ же-

лания нагрубить, а потому что въ полку, гдѣ онъ служилъ, галантерейностямъ его никто не обучалъ. Въ подобныхъ возмутительныхъ случаяхъ «Голосъ» и «Петербургскія Вѣдомости» принимаютъ съ распростертыми объятіями каждое обличительное слово и вмѣстѣ съ огрѣтымъ метлою франтомъ приходятъ въ негодование, конечно въ законной мѣрѣ. Затѣмъ «Полицейскія вѣдомости» откроютъ свои страницы вознегодовавшимъ въ свою очередь дворнику и городовому, и окажется, что «Голосъ» и «Петербургскія Вѣдомости» возмущались совершенно напрасно, потому что описанныхъ ими фактовъ никогда не существовало. Конечно, возмущаемся мы также и фактами болѣе крупными, на примѣръ, если генералъ скажетъ грубое слово прапорщику, или какой нибудь предсѣдатель обойдется нехорошо съ своими столоначальниками. Но наше негодованіе никогда не выходитъ изъ узенькаго кружка частныхъ личныхъ случаевъ; обобщеній дѣлать мы еще не умѣемъ и потому гоняемся за отдѣльными жалавшими насъ комарами, не подозрѣвая, въ своей умственной певинности, что нужно бы поразслѣдовать, отчего рождаются вообще комары и отчего есть мѣстности въ которыхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ или очень мало, а въ другихъ ихъ очень много? Пока мы не приучимъ свою мысль къ обобщеніямъ, мы будемъ бесплодно тратить свое время и свои силы въ пустомъ хлопаньи мухъ; моралисты будутъ негодовать, болтуны — болтать и, сердясь на отдѣльныхъ людей, мы никогда не догадаемся, что у общихъ широкихъ явленій есть и общія широкія причины. Но за то когда это случится и мы пораскинемъ мозгами пошире, то станеть всѣмъ намъ лучше, станеть меньше и нищихъ.

Каждый день, между 8 и 10 часами утра, являются ко мнѣ на дворъ маленькіе мальчики, одѣтые большею частью хорошо, т. е. такъ, какъ одѣваются всѣ русскія крестьянскія дѣти. У каждаго такого мальчика виситъ на рукѣ корзинка. Мальчики приходятъ поодиначкѣ, по-двое, а иногда и по-трое. Особенной робости я въ этихъ мальчуганахъ не замѣтилъ; напротивъ, они отличаются рѣшительными манерами, такъ что если дверь у моего крыльца заперта вблизи на засовъ, то они стучатъ весьма настойчиво, точно пришли въ свой собственный домъ. Забравшись на верхъ, мальчуганъ пропоеть въ сѣняхъ тонкимъ голосомъ, не повышая и не понижая тона: «милостыни Христа ради». Затѣмъ отворяется дверь хозяйской кухни, высовывается благодѣтельная рука и опускается въ

корзинку мальчика ломоть чорнаго хлѣба. Получивъ дань, мальчуганъ отправляется въ лачужкѣ, стоящей на нашемъ дворѣ, гдѣ живетъ старая вдова, содержащая бѣдненькій постоялый дворъ для бѣдныхъ мужиковъ, прїѣзжающихъ въ городъ, и тѣмъ же однообразнымъ тономъ пропоетъ свое «милостынки Христа ради». И бѣдная вдовица даетъ ему отъ своей скудости тоже ломоть хлѣба. Получивъ и здѣсь, мальчуганъ отправляется дальше и обходитъ всѣ дома, въ которыхъ опъ имѣетъ практику. Если же войдутъ во дворъ, въ одно время, два мальчика, то производится маневръ довольно любопытный. Мальчики не знаютъ конкуренціи, напротивъ, ихъ связываетъ солидарность; безъ всякаго враждебнаго чувства, съ полной увѣренностью, что каждый изъ нихъ получить свою порцію, они условливаются сначала, въ какой домъ каждый изъ нихъ долженъ идти, и затѣмъ раздѣлившись — одинъ взбирается въ сѣни къ мнѣ хозяевамъ, а другой идетъ къ вдовицѣ. Пропѣвъ унисономъ «милостынки Христа ради» и получивъ хлѣбъ, мальчуганы быстро мѣняются мѣстами: мальчикъ отъ насъ бѣжитъ къ вдовицѣ, а мальчикъ отъ вдовицы къ намъ, и опять тѣ же благодѣтельные руки снабжаютъ ихъ ломтями чорнаго хлѣба.

Одного такого мальчугана затащилъ я разъ къ себѣ и произошелъ между нами слѣдующій разговоръ: — Отчего ты просишь милостыню? спросилъ я. — Оттого, что сирота, отвѣтилъ мальчикъ. — Какъ сирота? — Отецъ и маѣ умерли, значить два года. — Съ кѣмъ же ты живешь? — Съ бабушкой. — Гдѣ? — Подъ соборомъ. — Какъ поѣ соборомъ? — Бабушка купила домъ, тамъ и живемъ. — Чѣмъ же вы живете? — Милостыней. — А бабушка? — Просить тоже. — Сколько ей лѣтъ? — 82. — И еще можетъ ходить по міру? — Да. — А ты долго будешь ходить? — Пока вырасту. — А тебѣ сколько лѣтъ? — 10. — А какъ вырастешь? — Буду работать. — Что же ты будешь работать? — А все. — За чѣмъ же работать? — Большому милостыню не подадутъ. — Что вы ѣдите? — А вотъ, и мальчикъ показалъ глазами на корзину съ хлѣбомъ, висѣвшую у него на руцѣ. — Только одинъ хлѣбъ? — Одинъ — Я далъ мальчику булки, сахару и денегъ. — Что ты сдѣлаешь со всѣмъ этимъ? — Отдамъ бабушкѣ. — И деньги тоже? — И деньги. — Что же вы купите на деньги? — Говядины. — А часто ли вы ѣдите говядину? — Никогда. — Какъ никогда! развѣ вамъ не даюгъ денегъ? — Нѣтъ, только одинъ хлѣбъ. — Но вѣдь хлѣбъ у васъ остается и вы его продаете? — Нѣтъ,

все съѣдаемъ. — Гдѣ же вы возьмете соли, гдѣ достанете платье, что носишь ты и бабушка? — Купимъ. — А откуда деньги? — Бабушка торгуетъ. — Чѣмъ? — Покупаетъ здѣсь что нибудь и продаетъ въ деревняхъ, а потомъ наберетъ милостыни въ деревняхъ и продаетъ здѣсь. — Ну, а еще чѣмъ? — Служить. — Какъ служить, гдѣ? — Служить въ пнянкахъ и конить. — У кого служить? — У В... — Значить тамъ и живеть? — Да. — Значить и ѣсть тамъ? — Да. — А ты гдѣ? — И я тоже. — Значить и ты ѣшь тамъ же? — Да. — Такъ вы живете не въ своемъ домѣ? — Нѣтъ. — Домъ стоитъ пустой? — Нѣтъ, есть жилецъ. — Что онъ платитъ вамъ? — 20 копѣекъ. — Во сколько времени? — Въ мѣсяцъ — Въ мѣсяцъ? — Въ мѣсяцъ. — Замѣтивъ, что завражся, мальчикъ началъ отъ меня отходить и отступать понемногу къ выходной двери. А сколько бабушка получаетъ жалованья? — Три четвертака. — И деньги копить? — Копить. — А ты? — И я накопилъ: о святой набралъ денегъ — всѣ давали: Проневскій, Кокоревъ... тутъ мальчикъ совсѣмъ подошелъ къ двери и, не докончивъ перечисленіе фамилій, улизнулъ.

Что же слѣдуетъ изъ этого разговора? Если вы, читатель, петербургскій или московскій житель, то вотъ что: мальчикъ мошенникъ, и бабушка его, если это только бабушка, а не мать, — каналья. Бабушка учитъ его шлаться и просить, рассчитывая на сердоболіе добродушныхъ провинціаловъ; мальчикъ, выросши, сдѣлается окончательнымъ мазурикомъ, проворуется, попадетъ въ острогъ, а пожалуй в дальѣ. Они совсѣмъ не нищие, потому что имѣютъ свой домъ, живутъ на готовой квартирѣ и даже копятъ деньги; а извѣстно, что изъ нищихъ есть люди съ состояніемъ въ нѣсколько тысячъ... Я не хочу дальѣ выписывать нашихъ разсужденій, потому что они могутъ быть безконечны и все на ту же тѣму — мошенникъ, мазурикъ, каналья, воръ и т. д., и потому еще, что статья моя и такъ грозитъ раздуться до нестерпимаго для журнала раздѣра. Но всѣ эти столичныя разсужденія къ провинціи рѣшительно не применимы. Если бы вы видѣли сами этого бѣлокураго, бѣленькаго, съ свѣтлыми голубыми глазами мальчика, если бы вы слышали его искренній токъ, вамъ бы стало стыдно за свое неумѣнье узнавать людей. Будь мальчикъ агуниска, онъ не соскочилъ бы съ рельсовъ, а лгалъ бы гладко, сначала до конца. Мой же мальчуганъ поступилъ иначе: онъ не лгалъ, онъ только хотѣлъ разжалобить, чтобы получить что нибудь повкуснѣе чорнаго хлѣба. А ужъ будто бы мы съ вами не преувеличиваемъ никогда

непріятность своего положенія? будто вы, читатель, — я предполагаю васъ помощникомъ столоначальника, а если хотите, пожалуй, и столоначальникомъ, — никогда, во всю свою жизнь не старались умилить своего начальника отдѣленія или директора? А вѣдь вы еще чиновникъ, вамъ, можетъ быть, сорокъ лѣтъ, у васъ есть дѣти. Маленькая ложь мальчугана-нищяго, которому бѣлый хлѣбъ кажется сладше чорнаго—совершенная невинность въ сравненіи съ пріемами людей изъ образованнаго сословія для возбужденія сердоболія сильныхъ. Конечно, и невинная дѣтская ложь не дѣлается еще добродѣтелью оттого, что есть взрослые, агущіе сильнѣе. Но я не моралистъ и рассуждаю не о людскихъ добродѣтеляхъ, а о томъ, что мы всё плоды одного дерева и что общественныя условія выработали во всѣхъ насъ тотъ особенный типъ, по которому мы называемся русскими и отличаемся отъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ. — Это будетъ опроверженіемъ вашего перваго обвинительнаго пункта. Второй пунктъ, что мальчикъ сдѣлается мазурикомъ и попадетъ въ Сибирь, точно также ошибоченъ: мальчикъ по всей вѣроятности, не увидитъ никогда даже и острога, и вотъ почему. Онъ проситъ милостыню потому, что ему нужно пить и ѣсть; работать ему нечего, потому что и взрослымъ приходится зачастую сидѣть безъ дѣла; но съ другой стороны странствованіе по міру тоже трудъ, работа, потому что мальчикъ обѣгаетъ въ утро версты десять и устанетъ не меньше дровосѣка или пильщика. Если бы мальчикъ былъ изъ зажиточнаго или, какъ говорятъ здѣсь, изъ прожиточнаго дома, то разумѣется, онъ не бѣгалъ бы отъ однихъ дверей къ другимъ; но отъ этого его образъ жизни и занятій не сдѣлался бы поучительнѣе и примѣрнѣе образа жизни мальчугана, странствующаго съ хлѣбной корзиной. Въмѣсто того, чтобы бѣгать изъ дома въ домъ съ дѣлами, прожиточный обѣгаетъ по улицамъ безъ дѣла, и въ сущности это болѣе праздное занятіе, чѣмъ шатанье нищяго. Нравственныя правила компаніи, въ которой живетъ мальчикъ-нищій и всякій другой здѣшній мѣщанскій мальчикъ, рѣшительно не представляютъ такого рѣзкаго контраста, чтобы одинъ обрекался въ геенну огненную, а другой на вѣчное блаженство. Ужасъ нищенства, представляющійся строгимъ книжнымъ моралистамъ въ формѣ самаго чорнаго самоуниженія, не кажется такой страшной вещью русскому простонародью. Не только простолюдины, но и мы, не простые люди, смотримъ на личную просьбу

даже и въ ущербъ своему достоинству, совѣлъ не такъ строго. А про крестьянъ и говорить нечего. Посмотрите какъ всякій извозчикъ, ящикъ, поденщикъ, ремесленникъ, не чувствуя ровнѣ никакого нравственнаго стѣсненія, заявляетъ весьма развязно желаніе получить съ васъ даромъ деньги *на водку*. Посмотрите, и на просительскіе приемы крестьянина, обращающагося по дѣлу къ волостному писарю, головѣ, окружному начальнику, становому, исправнику. Вѣдь для всего этого нужно особенное нравственное мировоззрѣніе и особая привычка, пріобрѣтенная въ молодости; а между тѣмъ просители эти не были никогда нищими. Жить благодѣяніями и изъ милости у насъ не особенная рѣдкость. Въ Тотмѣ есть, напри- мѣръ, старушка, изъ сравнительно хорошаго дома, занимающаяся продажей по домамъ устюжскихъ конюшъ. Это еще ничего, потому что можно возносить товаръ и торговать имъ съ чувствомъ собственнаго достоинства. Но, положимъ, Павла Ивановна поступаетъ нѣсколько иначе, она производитъ торговлю съ полнымъ сознаніемъ своего ничтожества и неизмѣримости величія своихъ погунщиковъ, которые представляются ей могущественными благотворителями. Она переноситъ всякія шуточки и насмѣшки, и даже нисколько не прикрашенная грубости съ стоицизмомъ обтерпѣвавшаяся и привычнаго человѣка. И что понуждало ее привыкать? Нужда?—Нѣтъ. Просто домашнее воспитаніе и вся окружающая жизнь. Если мы станемъ подниматься по общественной лѣстницѣ выше, то на каждой ступени найдемъ свою Павлу Ивановну или подобнаго ей какаго нибудь Ивана Ивановича. Мы еще плохо понимаемъ возможность взаимныхъ безобидныхъ услугъ и неоскорбительныхъ отношеній; ломающийся благотворитель никакъ еще не можетъ взять у насъ въ толкъ, что онъ наноситъ своему достоинству большее оскорбленіе, чѣмъ тому, кому хочетъ показать свое превосходство. Мальчуганъ нищій, выросшій въ понятіяхъ, что кланчить и притягивать руку не имѣетъ въ себѣ ничего дурнаго, можетъ быть во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хорошимъ человѣкомъ. Ему нѣтъ никакой необходимости сдѣлаться ни воромъ, ни разбойникомъ и попасть въ острогъ или въ Сибирь. Мальчикъ проситъ только потому, что у него нѣтъ силъ, способностей и возможности добыть себѣ средства другимъ образомъ; если бы была въ Тотмѣ фабрика, онъ конечно пошелъ бы въ нее, какъ нанимаются теперь дѣти погонять лошадей на смѣжномъ соляномъ заводѣ; если бы была въ Тотмѣ мода ѣздить четверикомъ на вы-

ность, мальчикъ пошелъ бы въ фореиторы; но куда идти теперь ребенку 10—12 лѣтъ, когда его силы никому не нужны и когда у него есть еще бабушка 82 лѣтъ? Ребенокъ добываетъ хлѣбъ по своему, т. е. просить, потому что ничего другого дѣлать ему не остается, да и пельзи. Но вотъ дитя подростетъ, войдетъ въ сплу и тогда станетъ добывать свой хлѣбъ другимъ образомъ. Мальчуганъ отвѣтилъ мнѣ совершенно правильно, что онъ будетъ работать все: онъ пойдетъ въ лямку, станетъ пахать, колотъ и рубить дрова, трепать ленъ и дѣлать все то, что дѣлаютъ и другіе тотемскіе мѣщане, неимѣющіе спеціальнаго занятія. Какъ только мальчуганъ сдѣлается парнемъ, онъ перестанетъ быть нищимъ и превратится совершенно въ такого же мужика, какъ и всѣ остальные мужики обширной Вологодской губерніи. Думаю, что этого объясненія вполнѣ достаточно для устраненія и втораго обвинительнаго пункта. Теперь пунктъ третій: обвиненіе въ копленіи денегъ и въ богатствѣ. Я не стану опровергать того факта, что бывали нищія, оставлявшіе по смерти десятки тысячъ. Такіе франты попадались вездѣ, встрѣчались и у насъ. Но то, что возможно въ Нарьянѣ или въ Петербургѣ, невозможно въ Тотмѣ. Откуда здѣсь набрать нищенствомъ тысячи, когда всѣ жители по богатству ушли немного дальше отъ почтенной 82 лѣтней бабушки мальчугана, вызвавшего всѣ эти разсужденія? Здѣсь подадутъ только хлѣбомъ, и по размѣру корзины нищихъ можно полагать, что дневной сборъ едва ли можетъ быть болѣе четырехъ фунтовъ. Дешьгами мѣщане не помогаютъ, а помогаютъ господа, т. е. чиновники и купцы, по большому враздвѣканью, да и то въ такомъ неширокомъ размѣрѣ, что и во сто лѣтъ не скопить ста рублей, если откладывать въ губышку даже все подаяніе. Если эти голословныя объясненія не удовлетворяютъ читателя и онъ потребуетъ отъ меня доказательствъ, то я отвѣчу ему, что доказательства добыть довольно трудно. Отъ нищихъ узнать объ ихъ денежномъ доходѣ рѣшительно невозможно, потому что они и сами не знаютъ, сколько перепадетъ имъ въ годъ денегъ. Вообще, русскій человѣкъ счетоводствомъ не занимается, а живетъ изо дня въ день, не зная ни того, что онъ получаетъ, ни того, что онъ проживаетъ. Я переспросилъ здѣсь, можетъ быть, болѣе пятнадцати дѣвушекъ и женщинъ, чтобы узнать, сколько онѣ заработаютъ въ годъ, и ни отъ одной не могъ добиться толку. Съ нищими это дѣло еще труднѣе, потому что они живутъ изъ

мелочь, на копѣйки; а копѣйка отъ копѣйки стоитъ у нихъ такъ далеко, что пока они добудутъ вторую — первая забыта. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, неграмотному человѣку запомнить всѣ копѣйки, которыя пройдутъ въ годъ чрезъ его руки, когда мы, грамотные люди, не умѣемъ вести своихъ счетовъ безъ ошибки и не знаемъ, что мы получаемъ и прожываемъ? Впрочемъ, чтобы не оставить читателя въ полномъ невѣдѣнн о денежномъ доходѣ здѣшнихъ нищихъ, я попытаюсь сдѣлать приблизительный расчетъ. Въ Верхоязьи—пасады Вологодской губернии, лежащій во ста верстахъ отъ Тотмы, — живетъ, оставившій уже торговлю, богатый купецъ Пестеревъ. Каждый годъ, къ Рождеству и къ Святой онъ присылаетъ здѣшнимъ нищимъ по 1 р. 50 к. на человѣка. Слѣдовательно, на долю бабушки придется такимъ образомъ въ годъ 3 рубля. Мѣстные благотворители дадутъ въ годъ не болѣе 1 руб. Отдача дома въ наемъ дастъ въ годъ 2 руб. 40 коп. Жалованье за нянчанье 9 руб. Но это нянчанье—случайность, и тотъ годъ, когда бабушкѣ пришлось добыть себѣ подобное мѣсто и отдать свой домъ въ наемъ, слѣдуетъ считать для нея равносильнымъ открытiю американцами калифорнскаго золота. Впрочемъ, чтобы успокоить строгихъ статистиковъ, чувствующихъ особенную нѣжность къ среднимъ числамъ, я предполагаю 11 р. 20 к., добываемыхъ старухою въ годъ отъ дома и нянчанья, ея постояннымъ среднимъ доходомъ. Это значитъ, что нянчанье, дающее бабушкѣ 9 руб., должно быть не меньше выгоды, доставляемой ей, въ другое время, торговлей нанищенствованными въ городѣ и деревняхъ скудными предметами. Такимъ образомъ доходъ бабушки равенъ 15 р. 40 к. въ годъ или 1 р. 28 $\frac{1}{3}$ к. въ мѣсяцъ. По читатель мнѣ замѣтитъ, что бабушка живетъ на чужомъ хлѣбѣ, и слѣдовательно ей остается только отвлаживать свои 1 р. 28 $\frac{1}{3}$ к. въ кубышку. И такое замѣчанiе было бы вполне правильно, если бы бабушкѣ и ея внуку можно было бы ходить въ костюмѣ, употребляемомъ жителями острововъ Товарищества. Къ сожалѣнiю такой костюмъ для жителей Вологодской губернии не по климату; кромѣ того, между тотемцами чай составляетъ такую необходимую житейскую принадлежность, безъ которой не обходится ни одинъ нищій. Поэтому, безъ всякихъ преувеличенiй, можно предположить, что если бабушка и скопитъ что нибудь въ нынѣшнемъ году, то, оставивъ мѣсто нянчки, опять и проживетъ свою калифорнiю, и балансъ будетъ равенъ 0.

Приведенный мною примѣръ бабушки и мальчугана, разумѣется, не удовлетворитъ тѣхъ, кто требуетъ, чтобы нищій былъ бы непремѣнно человѣкъ изуродованный. Настоящій эффектный нищій долженъ или ползати на колѣняхъ, или имѣть сухую руку, или въ носу полипа или рагъ; однимъ словомъ, какой нибудь ужасъ, производящій тошноту даже въ докторѣ. Кромѣ того, нищій долженъ быть одѣтъ въ лохмотья, дрожать отъ холода и имѣть исхудалое, зеленоватое или съ сѣрымъ оттѣнкомъ лицо, а пожалуй и все тѣло. Но такіе субъекты, какъ мнѣ кажется, меньше всего пищіе; это промышленники, аферисты или сѣумасшедшіе, которыхъ нужно лечить или въ клиникѣ, или въ желто-мъ домѣ. Настоящій нищій вовсе не факиръ, не вдиотъ и не фокусникъ. Онъ дѣйствительно бѣдный человѣкъ, у котораго не достаетъ силы добыть для себя все своими собственными средствами. Онъ можетъ быть немощенъ, слабъ, хилъ; но ему не зачѣмъ быть уродомъ и пугаломъ всѣхъ беременныхъ женщинъ. Поэтому нищенство не есть постоянное гражданское или социальное положеніе; быть нищимъ не то, что быть мѣщаниномъ или крестьяниномъ. Нищенство есть только экономическое состояніе, прямо зависящее отъ средствъ существованія въ данный моментъ. Отъ этого человѣкъ, побирающійся сегодня и оттого называемый нищимъ, можетъ завтра очутиться въ положеніи, при которомъ ему не зачѣмъ христарадничать. Здѣсь есть много старухъ, которыя и работаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прибѣгаютъ къ помощи, потому что заработка для нихъ недостаточна. Какъ вы назовете такую старуху? Она и нищая, и не нищая. Я приведу примѣръ такой женщины ниже, когда буду говорить о формѣ переходной къ обыкновенному тотемскому мѣщанскому быту. А теперь продолжаю о тѣхъ нищихъ, которыхъ я видѣлъ и посѣтилъ. Эффектовъ у меня не будетъ, потому что я хочу не поражать ваше воображеніе, читатель, а рассказать вамъ правду, какъ она есть; не разжалобить и разчувствовать васъ на минуту, а представить факты для спокойнаго размышленія.

Нищая, съ которой я начну, покажется вамъ, пожалуй, вовсе не нищей. Но если вы согласитесь держаться сдѣланнаго мною опредѣленія, что нищенство есть такое состояніе, при которомъ человѣкъ не имѣетъ возможности добыть всего ему необходимаго своимъ личнымъ трудомъ, то намъ спорить будетъ не о чемъ. Для тотемскихъ читателей прибавлю, что эта нищая живетъ въ Зелени. Домикъ, у нищейки очень печальный, покривившая избенка въ два окна, до

того низенькая, что высокій человекъ достапетъ, пожалуй, рукой до конька крыши. Ни забора, ни воротъ у домика нѣтъ; а стоитъ онъ себѣ спокойно въ пустомъ пространствѣ, ничѣмъ неогороженный, вѣроятно потому, что не зачѣмъ имѣть заборъ и ворота, когда нечего запираеть. Около дома замѣтна чистота и порядокъ: снѣгъ подметенъ и стоятъ двѣ сажени дровъ. Свирѣпый человекъ скажетъ, какая же это пищая, когда у нея есть дрова? Но свирѣпый человекъ, вѣроятно, не хочетъ обратить вниманія на то, что безъ дровъ обходятся только волки и медвѣди, но человекъ въ Вологодской губерніи необходима искусственная теплота. Я удивляю свирѣпаго человека еще болѣе, когда доведу до его свѣдѣнія, что у нищей есть четыре курицы, одинъ пѣтухъ и корова, и не смотря на такое очевидное благосостояніе, моя нищая все-таки нищая. Какъ же это такъ? Очень просто. — Внутренность избенки устроена совершенно по той же теоріи, какъ и всѣ русскія избы: кругомъ лавки, столъ, божница, шкѣпчикъ для посуды, печка и больше ничего. Изъ движимыхъ предметовъ находится въ избенкѣ люлька съ груднымъ ребенкомъ, самоваръ, три горшка, нѣсколько плошекъ и деревянныхъ ложекъ, и хоть я самъ не видѣлъ, но ячю полное основаніе предполагать, что въ ящикѣ стола хранится ножъ, исполняющій весьма разнообразную службу, и ржавая вилка. Освѣщеніе производится лучиной. Кромѣ грудного ребенка, обитаютъ въ жилищѣ женщина лѣтъ сорока или менѣе и мальчикъ лѣтъ десяти, ея сынъ. Обстановка, повидному, вполне удовлетворительная, есть все, какъ и у большей части русскихъ мѣщанъ и крестьянъ. Нѣтъ только одного — взрослого мужчины, и вотъ въ чемъ причина нищенства. Когда мы — это «мы» вовсе не та грамматическая форма, которую многие принимаютъ ошибочно за деликатность души и литературную скромность — наше «мы» состояло въдѣйствительности изъ двухъ лицъ: меня и П. Д. Волкова. П. Д. Волкову я считаю пріятнымъ здѣсь долгомъ заявить свою глубочайшую признательность, потому что онъ съ готовностью, которую русскіе выказываютъ только путешествующимъ иностранцамъ и ревизующему начальству, а отъ своихъ младшихъ соотечественниковъ держать въ глубочайшей тайнѣ, замѣняя ее величественной суровостью — сообщилъ мнѣ разнообразныя свѣдѣнія о Тотмѣ и обошелъ со мной множество улицъ и домовъ, представляющихъ статистическій интересъ. Когда мы вошли въ избу и, увидѣвъ люльку, спросили бабу, чей тамъ ребенокъ, то она съ искренностью

разсудительнаго человѣка, дала намъ такой отвѣтъ:—Что грѣха таить, хитрить я не стану: прижила отъ солдата. — Гдѣ же солдатъ?— Умеръ нынче лѣтомъ.— Дѣло въ томъ, что баба эта, сама солдатка безъ мужа, жила съ отставнымъ солдатомъ и дѣла ихъ шли недурно. Но вотъ солдатъ умеръ и баба осталась съ груднымъ ребенкомъ. Чѣмъ ей жить? Идти въ какую нибудь работу? Съ ребенкомъ не возьмутъ, а оставить его нельзя. Четыре курицы и пѣтухъ, и даже корова, хотя, повидному богатство и большое, но, во-первыхъ, куры зимой не несутся, пѣтухъ теряетъ зимой всѣ свои свѣтскія достоинства, не обнаруживаетъ къ курамъ никакой пѣтливости, а потому своимъ хозяевамъ не доставляетъ никакой выгоды, значить отъ него толку еще менѣе; наконецъ корова хотя и даетъ молоко, но за то ѣсть и сѣно: сѣно нужно купить, а молоко продать некому, потому что въ Зелени живутъ все голыши. Ясно, что лучше всего съѣсть это молоко самимъ. Конечно, если читатель представляетъ себѣ нищаго непремѣнно съ вывороченными глазами, то въ такомъ случаѣ молоко пожалуй и роскошь. Но если нищій обладаетъ благополучіемъ здороваго зрѣнія, если у этого нищаго осталось еще отъ его прежняго достатка корова и четыре курицы, то какъ вы прикажете ему расправиться съ ними? Съѣсть что ли? Прежде всего однако нищій человѣкъ съ такимъ же стремленіемъ къ улучшенію своего быта, какъ и мы съ вами. Далѣе, нищій, какъ и всякій его согражданинъ, обладаетъ хотя небольшой, но все-таки достаточной порціей разсудительности, которая даетъ ему возможность различать менѣе выгодное отъ болѣе выгоднаго и стремиться къ послѣднему. Наконецъ, тѣ нищіе, о которыхъ я говорю и которые не имѣютъ ничего общаго съ петербургскими и московскими факирами, торчащими весь свой вѣкъ на углу какой нибудь улицы на колѣняхъ или съ протянутой высохшей рукой,—имѣютъ всѣ достаточную долю той крестьянской порядочности, по которой имъ бы желательно воротить свое прошлое житье. И слава Богу, что у этой нищей есть четыре курицы, пѣтухъ и корова; а еще бы лучше, если бы всего этого было у нея вдвое. Поэтому я не вижу ровно никакой причины ставить ей въ упрекъ здоровые глаза, руки и ноги, и считать себя огорченнымъ, что она не подошла подъ вашъ идеалъ нищаго, съ выколупаннымъ глазомъ. Точно такъ же, какъ изъ уваженія къ кавказскому происхожденію славянъ и изъ патріотизма, я вовсе не желаю, чтобы въ Россіи умиралъ кто нибудь съ голоду.

Но четыре курицы съ пѣтухомъ в корова все-таки не богъ и вѣтъ какое благополучіе. Однимъ молокомъ прожить нельзя: нуженъ хлѣбъ, нужна одежда, нужно прокормить корову и куръ, нужно добыть дровъ и лучину на освѣщеніе. Откуда же добывается все это? Мать сидитъ дома, у нея грудной ребенокъ, котораго оставить ей нельзя; нужно натопить печь, приготовить обѣдъ, вместе: въ домѣ и около него, накормить корову и куръ, возиться съ ребенкомъ, чинить платье себѣ и домашнимъ; однимъ словомъ, дѣла много и о заработкѣ на сторонѣ думать рѣшительно невозможно. Къ счастью, что въ домѣ есть мальчикъ; безъ него чистая погибель и голодная смерть или ужасающее нищенство съ ребенкомъ на рукахъ. Мальчикъ теперь выручаетъ всю семью; онъ собираетъ хлѣбъ, достанетъ, можетъ быть, иногда и денегъ, и всё сыты, начиная съ куръ до хозяйки дома. Совершивъ свой дневной обходъ, мальчикъ не успокоивается на лаврахъ; дома много разной мелочной работы: натаскать воды, принести дровъ, нащепать лучины; а вечеромъ мать сажаетъ своего кормильца-сынка за работу, отъ которой, когда я бывалъ у нихъ, пальцы мальчугана всё распухли и бѣдняжка со слезами говоритъ, что ему не въ силу. Занятіе это, заслужившее особенное вниманіе пѣмцкихъ моралистовъ и филантроповъ, за свое чудодѣйственное вліяніе на нравственность преступниковъ, и введенное ими въ тюрьмахъ, какъ единственное средство, умягчающее человеческое сердце и пробуждающее совѣсть, заключается въ щипаніи каната на паялу для конопатки судовъ и домовъ. Хотя въ этомъ душеопаительномъ занятіи мать и помогаетъ своему сыну, но и ихъ обоеюдное усердіе не на столько велико, чтобы они могли изщипать всё тотемскіе канаты; поэтому, остающійся досугъ посвящается пряжѣ и сученью льна, которымъ такъ славится Вологодская губернія. Говоря коротко, люди заняты съ утра до вечера. Особенной теплоты я въ избѣ ихъ не нашелъ; ѣдятъ они плохо; одѣты тоже; мальчикъ набиваетъ себѣ ноги, бѣгая за ломтями хлѣба и моволить руки о канаты; мать трудится тоже безъ отдыха. Праздные ли это люди? Хороша ли ихъ жизнь? Производителемъ и обезпечиваетъ ли ихъ трудъ? Я знаю, что отвѣтить читатель на эти три вопроса. На первый онъ скажетъ: люди эти не правды; на второй — жизнь скверная; на третій — трудъ необезпечивающій бѣдняковъ и убыточный для общества на столько, на сколько оно должно почитать

его непроезводительность. Если мнѣ удалось привести читателя къ этимъ отвѣтамъ, то это все, чего я желаю.

Описанная мною нищая принадлежитъ еще къ аристократіи, не только по размѣру домашнихъ средствъ, въ которыхъ корова избражаетъ дѣйствительно звѣзду первой величины, но еще и потому, что у нищенки есть сынъ. Положеніе было бы иное, если бы вмѣсто сына была дочь. Такихъ нищихъ здѣсь нѣсколько.

Послѣ довольно подробнаго описанія быта нищей, сдѣланнаго выше, читателю не трудно уже вообразить себѣ картину семейнаго счастья, когда нѣтъ въ домѣ ни коровы, ни куръ; когда мальчика замѣняетъ дѣвочка, лѣтъ шести или даже меньше. Холодно и голодно въ такой печальной жизни; потому что человѣкъ никогда не согрѣется и не наѣстся, сколько ему нужно. Вѣчно хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ; развѣ иногда перепадетъ копѣчка и бѣдняки попробуютъ похлебки съ говядиной или отогрѣются чайкомъ. Нищая, имѣющая сына — крѣзь въ сравненіи съ нищей, имѣющей дочь. Сынъ подрастетъ, станетъ работникомъ, и матери его обезпечена покойная старость на теплой печкѣ. Перспектива отрадна; хоть бы дождаться только возраста сына. Но у нищей, съ маленькой дѣвочкой, нѣтъ этой блестящей будущности. Дѣвочка, сдѣлавшись дѣвушкой, всѣтаи женщина, а не мужчина. Заработокъ женщинъ вездѣ составляетъ только четверть или половину заработка мужчинъ, а въ Тотьмѣ и гораздо меньше. Поэтому старухѣ матери едва ли придется отдыхать на печкѣ, по крайней мѣрѣ съ той спокойной увѣренностью въ прочность и безмятежность этого наслажденія, какая достанется на долю нищей, имѣющей сына. Если дочь вырастетъ красавицей, то... читатель конечно думаетъ, что она выйдетъ замужъ, но увы! Тотемскіе женихи не менѣе расчетливы, какъ и петербургскіе; самая бѣдная невѣста должна принести какое нибудь приданое, по меньшей мѣрѣ корову, а чуть жепухъ получше, то потребуеъ и денегъ рублей, пожалуй, пятьдесятъ. Нужно бытъ красавицей писаной, чтобы привлечь къ себѣ жениха, а особенно хорошаго. Большой дѣвкѣ просить милостыню стыдно: скажутъ всѣ — работай; а что работать? — щипать канатъ или прясть жепъ? Я скажу въ слѣдующей статьѣ, на сколько это дѣло выгодно. А между тѣмъ нужда гнететь, старуха-мать ворчитъ, что дочь добываетъ мало; дѣвка на возрастѣ, кровь ходитъ; ну, дѣло и обойдется безъ брака; къ тому же, и трудъ пріятный, и жизнь веселая,

особенно какъ наступить рекрутскій наборъ или подвернется наемщикъ. Я былъ въ домѣ, гдѣ есть старуха-мать, дочь лѣтъ двадцати и мальчикъ лѣтъ семп. Старухи дома не было — ушла за милостыней, а у дочери въ гостяхъ сидѣлъ наемщикъ, и полагаю, что имъ было не скучно и ей не убыточно. Думаете ли вы, читатель, что дочку за это слѣдуетъ побить камнями? И она знаетъ, не хуже насъ съ вами, что лучше бы выйдти за мужъ, да жить своимъ хозяйствомъ и стоять выгодно въ общественномъ мнѣніи; а не то, чтобы каждый пьяный рекрутъ тыкалъ на нее пальцами и называлъ «Катенькой». Хорошо, если «Катенькѣ» посчастливится: выйдеть замужъ а если нѣтъ, то проживъ молодость, можетъ быть и не въ довольствѣ, но по крайней мѣрѣ весело, она покончитъ свою старость, какъ начала молодость, — ниществомъ.

Еще хуже положеніе совершенно одинокихъ женщпнъ. Такихъ я видѣлъ нѣсколько. Это обыкновенно безсемейныя вдовы, достигшія или большой старости, или безталанныя женщины, у которыхъ какъ-то все валится изъ рукъ. Родилась, напримѣръ, Прасковья Архипова съ безобразной, огромной и толстой нижней губой. Родители ея (т. е. Архиповой) были люди прожиточные, за Прасковьей давали сто рублей и ей нашелся мужъ. Но мужъ былъ не изъ хитрыхъ, въ родѣ самой Прасковьи; деньги прежилась, супругъ умеръ и Прасковья осталась одна съ своей толстой губой. При такомъ безобразіи рассчитывать на второе супружество было невозможно, тѣмъ болѣе, что не было вторыхъ ста рублей. Сначала продавалось добро, какое было можно; но тамъ и продавать оказалось нечего. Прасковья Архиповой теперь 60 лѣтъ; ходитъ она въ лохмотьяхъ и живетъ подаяніемъ. Это уже послѣдній видъ бѣдности: бѣднѣе быть невозможно, потому что далѣе слѣдуетъ только голодная смерть.

Такимъ образомъ мы пришли къ началу всѣхъ началъ — къ смерти. Какъ одинъ изъ видовъ экономическаго состоянія, трупъ человека, умершаго голодной смертью, имѣетъ ту особенность, что въ каждомъ наблюдателѣ возбуждаетъ совершенно справедливую мысль о томъ, что гораздо лучше умереть совершенно, чѣмъ жить умирая. Образчики подобнаго экономическаго состоянія мнѣ случалось видѣть на Оби, между осятками. Не знаю—впрочемъ это я говорю только изъ скромности,—падаютъ ли такіе образчики въ другихъ мѣстахъ. Но если даже и на сто миллионъ людей прихо-

дится одинъ умершій съ голоду, то и этого довольно, чтобы осудить экономическій строй, допускающій подобныя явленія. Относительно экономического быта Тотмы подобнаго суроваго приговора сдѣлать нельзя. Ни лѣтописи, ни устные преданія, ни современныя хроникеры не сохранили никакихъ фактовъ, по которымъ бы можно было заключить, чтобы въ Тотмѣ существовала когда-либо эта первая степень экономического состоянія. Ну, и слава Богу! Здѣсь экономическое состояніе начинается со второй степени, представительницей которой является Просковья Архипова. Конечно, есть образчики полѣтамъ и безпомощности еще болѣе видныя, напримѣръ, семидесятилѣтнія старухи; но Архиповой даетъ право на первенство ея нижняя губа, сообщающая нищенству Архиповой особенной эффектъ. — Я знаю, что люди изъ школы славянофиловъ, прочитавъ эти строки, награждать меня презрительной улыбкой, какъ человека, неумѣющаго выражаться приличнымъ языкомъ или глумящагося надъ безпомощностью. Но со стороны словянъ это будетъ невѣжливостью и выѣстъ съ тѣмъ доказательствомъ, что они читали мою статью безъ вниманія; наконецъ, что они ошибаются, если полагаютъ, что любовь къ людямъ выражается только слезами и кислыми гримасами похороннаго характера.

Вторая степень, съ которой я и началъ описаніе экономического быта Тотмы, есть тотъ видъ крайней бѣдности, при которомъ нищета достигаетъ уже извѣстной степени беззастѣнчивости. Въ цѣломъ свѣтѣ просить милостыню считается стыдомъ и если человѣку есть возможность добыть подаваніе, не жертвуя своимъ личнымъ достоинствомъ, то онъ такъ и дѣлаетъ. Поэтому безпомощныя бабушки и маманьки, имѣющія внучатъ или маленькихъ дѣтей, посылаютъ за милостыней ихъ, а сами не ходятъ. Только въ крайности, когда посылаютъ рѣшительно некого, нищая начинаетъ ходить сама. Трудно лишь начало; но послѣ нѣсколькихъ обходовъ застенчивость исчезаетъ и дѣло идетъ уже легко. Такія одинокія нищія, принужденныя просить милостыню лично — самыя бѣдныя изъ нищихъ, эта нищенская демократія составляетъ низшій слой общества, его настоящіе поддопки. Нищія семейныя, у которыхъ только дѣти просятъ, а большіе сидятъ дома, работаютъ и хозяйничаютъ, но главнымъ своимъ промысломъ считаютъ все-таки нищенство, составляютъ уже переходъ къ другому виду бѣдности, не называемому обыкновенно нищенствомъ.

Въ этомъ третьемъ видѣ бѣдности люди стараются добывать себѣ средства существованію къ трудомъ. Какъ они не бѣдны, но въ нихъ еще столько чувства достоинства и самолюбія, что они дорожатъ общественнымъ мнѣніемъ и усиливаются сохранить во всей внѣшней обстановкѣ порядочность, незнакомую настоящимъ нищимъ, для которыхъ, напротивъ, лохмотья составляютъ существенную принадлежность, вывѣску ихъ общественного положенія. Бѣдные третьяго сорта, не смотря на свое усиліе жить исключительно трудомъ, не могутъ все-таки обойтись безъ посторонней помощи. Бьются они какъ рыба объ ледъ, и кончаютъ все-таки тѣмъ, что должны просить. Но они просятъ не публично, не во всякомъ встрѣчномъ домѣ, какъ настоящіе нищіе, но имѣютъ своихъ благотворителей. Благотворители занимаютъ ихъ къ себѣ работать—мыть полы, бѣлье, носить воду— и кромѣ платы за трудъ вообще очень скудной— дарятъ имъ по праздникамъ или такъ иногда, разныя обноски или гривенничекъ, или муки, крупъ, сахару и чаю, и т. п.

Въ четвертомъ видѣ бѣдности человѣкъ уже можетъ обойтись безъ благотворителей; такому человѣку бываетъ иногда очень тошно въ жизни, но за то, благодаря своимъ силамъ, онъ находится въ томъ счастливомъ положеніи, когда его никто не оскорбляетъ помощью, никто не ломается надъ нимъ, корча изъ себя благотворителя и требуя отъ бѣднаго человѣка униженія.

Съ этого самостоятельнаго экономическаго положенія начинается уже та цѣнь разнообразныхъ денежныхъ состояній, которую замыкаетъ наконецъ Ротшильдъ.

Между перечисленными степенями экономическаго состоянія не существуетъ рѣзкихъ границъ. Начиная отъ Ротшильда, богатство распускается постепенно, безъ замѣтныхъ переходовъ, въ низшія степени и кончается наконецъ голодной смертью. Это гора, составленная изъ тѣсно другъ подлѣ друга стоящихъ людей, въ которой каждый стоитъ выше или ниже кого нибудь: но гдѣ никакой математикъ и землемѣръ не сумѣетъ найти линіи, раздѣляющія одинъ сортъ экономическихъ единицъ отъ другого. Даже къ голодной смерти есть постепенный переходъ. Поэтому припатыя мною дѣленія составляютъ искусственныя границы, служащія собственно для выясненія вопроса.

Сколько мнѣ удалось разузнать, хотя это дѣло не очень трудное, въ Тотмѣ бѣдныхъ людей втораго сорта человѣкъ пятьдесятъ. Изъ

ныхъ около двадцати одинокихъ старухъ нищихъ и около тридцати семейныхъ.

Для любителей статистическихъ процентныхъ отношеній прибавлю, что тотемскія нищія составляютъ 2, 6 % всего женскаго населенія города, 3 % собственно взрослога женскаго населенія, и 20 % женщинъ старѣе 55 лѣтъ. Последняя цифра самая вѣрная, потому что всѣ нищія—старухи.

Но эти величины, взятая сами по себѣ, не даютъ еще ровно никакого опредѣлительнаго понятія. Сдѣлаю сравненіе. Въ Петербургѣ, въ 1863 году, въ вѣденіи комитета для разбора и призраженія нищихъ находилось 2,554 человекъ, въ томъ числѣ женщинъ 1,169, а какъ женское населеніе Петербурга нѣсколько болѣе двухъ сотъ тысячъ, слѣдовательно нищія-женщины составляютъ 0,58 % или на 2 % меньше, чѣмъ въ Тотьмѣ. Правда, Петербургъ многогородныхъ нищихъ высылаетъ, а собственно петербургскихъ пристраиваетъ въ мѣстамъ; но съ другой стороны, Петербургъ заключаетъ въ себѣ такія средства существованія, какихъ Тотьма не имѣетъ.

Слѣдующую статью я начну описаніемъ быта бѣдняковъ третьяго сорта. Жизнь этихъ людей составляетъ постоянное колебаніе между второй и четвертой степенью бѣдности. Обезпеченное состояніе для нихъ—Эльдорадо, котораго они почти никогда не достигаютъ, но зато они особенно легко превращаются въ настоящихъ нищихъ.

И. Шелгуновъ.

БУРЯ ВЪ СТАКАНЪ ВОДЫ, ИЛИ КОПЪЕЧНОЕ ВЕЛИКОДУШЕ Г. ПОСТОРОННЯГО САТИРИКА.

Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ г. Посторонній сатирикъ выходитъ изъ себя противъ «Русскаго Слова» и угрожаетъ рѣшительно истребить его. «Разобью я васъ! восклицаетъ онъ, отпраздную и надъ вами блистательную побѣду», и при этомъ удобномъ случаѣ доставляетъ читателямъ «Современника» даровое зрѣлище, состоящее изъ сильнаго маханія руками и всевозможныхъ ужагающихъ жестовъ. Г. Постороннему сатирику очень спокойно говорятъ, что «Русское Слово» вовсе не боится его — да и никому онъ не страшенъ, — что угрозы его болѣе смѣшны, чѣмъ серьезны, что для уместенныхъ его силъ слишкомъ довольно и одного г. Косицы, что въ его полемическихъ статьяхъ, оторванныхъ вмѣстѣ съ осенними дождями, гораздо больше задору, чѣмъ идей, что въ каждомъ отдѣлѣ «Литературныхъ мелочей» на полторы мысли ставится, по меньшей мѣрѣ, до пяти сотъ вопросительныхъ знаковъ, что въ концѣ концовъ все это не больше, какъ буря въ стаканѣ воды. Но г. Постороннему сатирику ужасно хочется казаться опаснымъ и изъ самаго невиннаго и безвреднаго смертнаго обратиться въ громовержца. Противники едва удостоиваютъ его отвѣта, а онъ все-таки не унимается и грозитъ истребить не только того, съ кѣмъ полемизируетъ, но и родственниковъ его до седьмого колѣня. Но желалъ бы я знать, гдѣ же эти налицные фонды, которыми разбиваютъ и истребляютъ? Одного презабавнаго маханія руками тутъ мало. Если человѣкъ дѣйствительно глубоко проник-

нуть отвращеніемъ къ извѣстному сорту идей, тогда онъ противопоставляетъ имъ свои идеи, и только въ силу этихъ новыхъ и оригинальныхъ идей приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя и сокрушаетъ своего врага; но тогда нѣтъ надобности прибѣгать къ разнымъ сплетнямъ и клеветамъ, какъ это дѣлаете вы, г. Посторонній сатирикъ, и какъ я докажу вамъ ниже. Прочитайте, наприимѣръ, въ «Рус. Словѣ» статью Берне, въ которой онъ расправляется съ Менцелемъ, и поучитесь, какъ надобно полемизировать. Изъ этой статьи вы увидите, что человѣкъ съ полной горстью великолѣпныхъ идей, насколько не пародируя громовержца, въ дѣйствительности дѣлается имъ; затѣмъ вы усмотрите, что человѣкъ, которому дѣйствительно дорога не одна его распрелюбезная личность, а и торжество того направленія, которому онъ преданъ, съумѣетъ стать выше какихъ нибудь мелкихъ столкновеній и не пожертвуетъ—имъ своей любимой идеей.

Но вамъ, конечно, такъ же далеко до Берне, какъ кроткому агнцу до лютаго звѣря, а все же иногда не мѣшаетъ поучиться у него. А теперь я опять обращаюсь къ угрозамъ г. Посторонняго сатирика противъ «Рус. Слова». «Нѣтъ, продолжаетъ онъ, вы не отлынивайте отъ моихъ тезисовъ, не на того вы напали.» А на кого же? Вѣроятно здѣсь подразумѣвается другой сатирикъ «Современника», котораго можно назвать *домашнимъ* въ отличіе отъ *посторонняго* и который, какъ извѣстно, открылъ прошлый годъ «Современника» пусканіемъ замаскированныхъ стрѣлъ въ «Рус. Слово». Теперь онъ, нашъ великій ювеналь, почіетъ, вмѣсто лавровъ, на связкѣ казенныхъ бумагахъ.—Миръ праху его!) И такъ, снова восклицаетъ г. Посторонній, «я заставаю его (т. е. «Рус. Слово») отказаться отъ «Нерѣшеннаго вопроса» и расхлебать кашу, которую оно заварило.» Ну, какъ же послѣ этого не испужаться? Легко сказать, вотъ ужъ четвертый мѣсяць, какъ угрожаетъ человѣкъ живьемъ съѣсть за то, что его назвали лукошкомъ.

Но прежде чѣмъ явиться на трапезу, предлагаемую г. Постороннимъ сатирикомъ, я спрашиваю его: когда же онъ намѣренъ поставить эту вашу на столъ и изъ угрожающаго положенія перейти къ самому дѣлу? Кажется, давно пора перестать махать руками и заговорить хладнокровно. Если же онъ намѣренъ только угрожать и ставить по тридцати тезисовъ въ каждой своей статьѣ, то я убѣжденъ, что читателями «Современника» могутъ предложить редакціи этого журнала своего рода такой тезисъ: «вѣдь вы, господа, при всемъ вашемъ безкорыстіи, не совсѣмъ даромъ даете намъ такія шутов-

внѣя представленія, и другихъ заставляете заниматься ими.» А «Русское Слово» въ правѣ сказать г. Постороннему сатирику, что пусть онъ самъ прежде отвѣтитъ на слѣдующіе тезисы: 1) дѣйствительно ли оно, «Русское Слово», заварило кашу, которую онъ приглашаетъ насъ хлебать вмѣстѣ съ собою? Не заварилъ ли ее самъ «Современникъ» съ помощію своего *домашняго* ювенала? Кто первый началъ заниматься бросаніемъ «замаскированныхъ стрѣлъ» — «Русское Слово» или «Современникъ»? Ну-ка отвѣчайте категорически, г. Посторонній. 2) Ужь если нужна пунктуальность юриста г. Лохвицкаго въ полемикѣ между «Русскимъ Словомъ» и «Современникомъ», то пусть г. Посторонній сатирикъ и самъ не отлыниваетъ отъ нашихъ вопросовъ, и потому благоволитъ отвѣчать: считаетъ ли себя «Современникъ» солидарнымъ съ прошлогодними фельетонами *домашняго* сатирика и желаетъ ли онъ эту размазю скушать самъ или пригласитъ и насъ расхлебать ее? Такъ какъ этими двумя вопросами совершенно ясно опредѣляется характеръ нашей полемики, то обойти ихъ фигурой умолчанія нельзя, и г. Постороннему сатирику неизбежно отвѣтить на нихъ прежде, чѣмъ предлагать свои тринадцать или сто-тринадцать тезисовъ. Но я ужъ знаю рыцарскіе приемы г. Посторонняго Сатирика, и потому напередъ могу сказать, какъ онъ повернетъ дѣло. — «А, мон души и милашки, схажеть онъ, вотъ вы и струслия, когда вамъ сказали, что разобьютъ васъ». Но такіа увертки ни къ чему не ведутъ, и г. Постороннему сатирику, не отказываясь отъ послѣдовательности, надо такъ или иначе отвѣчать: считаетъ ли «Современникъ» себя солидарнымъ съ январьскимъ фельетономъ прошлаго года? А потомъ мы спросимъ: какими рыцарскими побужденіями руководствовался *домашній* сатирикъ, опровергаясь противъ «Рус. Слова» всей батареей своего разухабистаго остроумія? И какими это гуманнѣйши идеями проникся «Современникъ», печатающій этотъ фельетонъ противъ «Рус. Слова»? Вѣдь сослаться на корректора тутъ нельзя, а на счетъ особеннаго безкорыстія тоже распространяться мелко. И придется сознаться, что размазня, предлагаемая г. Постороннимъ сатирикомъ, заварена самимъ же «Современникомъ», и могу увѣрить его, что онъ одиень ее и оушмаеть.

Впрочемъ я не намѣренъ здѣсь обобщать моего спора съ г. Постороннимъ сатирикомъ и считаю себя не въ правѣ ломать чужіи

за моихъ уважаемыхъ сотрудниковъ гг. Писарева и Зайцева, и потому ограничусь нѣсколькими замѣчаніями, лично меня касающимися.

Прежде всего замѣчу, что г. Посторонній сатиричь безсознательно имеетъ смѣло обвинять меня въ томъ, что я будто бы, «какъ повѣствуетъ одинъ знатокъ истории литературы», писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» ушорительныя polemiki противъ «Современника» и въ особенности противъ вышеупомянутаго «лица», которое онъ (т. е. я) укорялъ въ мнѣніи за то, что оно оставило «Отечественныя Записки» и сообщило свое дурное направленіе «Современнику». (См. Современ. лив. книж. 1865 г. Литерат. мелочи., Стр. 168). Навертъ цѣлые три короба и свалить это на какого-то знатока истории литературы—ну, съ чѣмъ это сообразно, г-жа рыцарская polemika? Неужели же ваша злость противъ «Рус. Слова» такъ велика, что вы готовы вѣрить всякому вздору, который вамъ скажутъ? Неужели ваши познанія въ истории русской литературы простираются не дальше вчерашняго дня? Если это такъ, то почему же это вы не справились сами съ тѣмъ, о чемъ рѣшаетесь говорить, и говорить съ явнымъ намѣреніемъ залѣзть въ чужую совѣсть и поддѣривать ея ошибки? Вѣдь вы же сами, нѣсколько выше, совѣтуете «не вносить въ polemiku никакихъ слуховъ и сплетней», и тутъ же подхватываете какую-то сплетню и, на основаніи ея, стречите довольно гнусное обвиненіе. Какимъ именемъ я долженъ назвать подобный поступокъ? Какъ хотите, а это выходитъ почище разухабистыхъ эпитетовъ г. *домашняго*. И это вы называете polemикою безъ азарта и безъ скрежета зубовъ? Не умѣе ли было бы поступить вамъ такъ: вмѣсто того, чтобы давать дурачить себя какому-то знатоку истории литературы, вы обратились бы прямо къ г. Краевскому, и, я увѣренъ, что онъ не отказалъ бы вамъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія вамъ нужно откопать въ моей прошлой литературной дѣятельности; онъ убѣдилъ бы васъ, что я никогда въ его органѣ, ни однимъ словомъ, не укорялъ «одно лицо» въ мнѣніи за то, что оно оставило «Отечественныя Записки» и сообщило свое дурное направленіе «Современнику». Онъ объяснилъ бы вамъ лучше всякаго знатока истории литературы, что въ продолженіи всего моего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ» я ни единымъ словомъ не воспользовался «одного лица», ни его мнѣній, ни его общественной дѣятельности. При томъ всѣ мои статьи всегда подписывались собственнымъ именемъ, и вы могли бы перечитать ихъ прежде,

чѣмъ лгать печатно. Что же касается моихъ уморительныхъ полемикъ противъ «Современника», въ которомъ «одно лицо» тогда еще не участвовало, то я долженъ сказать вамъ, что «Современникъ» того времени былъ еще уморительнѣе. Вы можете взглянуть хоть на его обложку и увидите тамъ тѣхъ же сотрудниковъ, которые теперь пасутся на зеленыхъ лугахъ «Русскаго Вѣстника». Вообще я замѣчу вамъ, что вы очень неделикатно пользуетесь защитой «одного лица», и когда вамъ приходится жутко, вы причесаетесь за его авторитетъ. Это значитъ злоупотреблять чужими милостями. Притомъ я думаю, что «одно лицо» не считаетъ себя непогрѣшимымъ, потому что одни дураки присвоиваютъ себѣ это качество, и потому вамъ не кстаети заступаться за чужую непогрѣшность, еслибъ даже кто нибудь и сталъ оспаривать ее. Наконецъ, считаю нелишнимъ предупредить васъ, что если вы намѣрены и на будущее время касаться нравственной стороны моихъ убѣжденій и лгать, подобно приведенному мною случаю, то прошу васъ ставить подъ такими обвинениями ваше собственное имя; иначе, я принужденъ буду снять съ васъ маску и показать своимъ читателямъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Это одно изъ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ приличій, которыя не забывались не только настоящимъ рыцаремъ, но и оруженосцемъ его Санчо.

Что же касается вашего копѣчнаго великодушія въ отношеніи бѣдствующаго литератора г. М. Воронова, то я совѣтую вамъ обратиться съ вашимъ предложеніемъ къ г. Старчевскому, потому что г. М. Вороновъ теперь участвуетъ въ «Сынѣ Отечества» (см. воскресный № 24 янв. 1865 г.) и не имѣетъ никакихъ отношеній къ «Рус. Слову». Я же лично не нуждаюсь въ вашемъ великодушіи и не имѣю надобности брать у васъ уроки относительно обязанностей въ отношеніи дѣйствительно-бѣдныхъ и честныхъ литераторовъ, которыхъ я не смѣшиваю съ праздношатающимися шалопаями. Впрочемъ вы и сами не изъ такихъ великодушныхъ, и прикидываетесь имъ только изъ злости къ «Рус. Слову», а потому мнѣ нечего вамъ говорить, что у меня нѣтъ винокуренныхъ заводовъ; вы очень хорошо знаете, что я живу исключительно трудомъ, и деньги моихъ подписчиковъ не считаю такою собственностью, которою можно располагать, какъ мнѣ угодно. Я посредникъ между тѣми, кто выписываетъ «Рус. Слово», и тѣми, кто участвуетъ въ немъ, и потому, если я не имѣю права проигрывать въ карты деньги

моихъ подписчиковъ или заводить на нихъ псовыя охоты, то точно также не имѣю права благотворить ими такимъ бѣдствующимъ, какъ г. М. Вороновъ. Но, можетъ быть, вы станете настаивать на вашемъ великодушїи, то я письменно могу указать вамъ въ Москвѣ на одно бѣдное семейство, которое, благодаря г. М. Воронову, находится въ крайнемъ положенїи. — Помогите лучше ему. Вотъ куда зашли вы, г. Посторонній сатирикъ, съ вашей конфектной филантропїей и съ вашими подсиживанїями «Русскаго Слова».

Гр. Благосветловъ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 1-му за 1865 годъ.

ОТВѢТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ, ПРОСИВШИМЪ УВѢДОМЛЕНІЯ О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ЗА ИЗДАНИЕ «РУССКАГО СЛОВА» ВЪ 1865 ГОДУ.

Отъ Нарѣз. лег. батареи 40 арт. бригады изъ Георгіевска получено 7 р. за 1-е полугодіе.

- Казанскаго Землѣдѣльческаго училища изъ Казани, 14 р. за 1 экз.
- Нижегородской Казенной Палаты, 14 р. за 1 экз.
- Библ. 13-го пѣх. Бѣлоз. полка въ г. Велюнь, 14 р. за 1 экз.
- г. Патерсона изъ ур. Царскіе Колодцы, 14 р. за 1 экз.
- Г. Романова изъ Саткинскаго завода, 14 р. за 1 экз.
- Сухумкальскаго Карантинно-Таможенной конторы, 16 р. за 1 экз.
- Правленія Харьковскаго Университета, 14 р. за 1 экз.
- г. Директора Орловской гимназіи, 14 р. за 1 экз.
- Отъ Керчьнскаго Карантиннаго правленія, 14 р. за 1 экз.
- Кавказскаго линейнаго № 14-го батальона, 14 р. за 1 экз.
- Самарскаго Губернскаго Правленія, 14 р. за 1 экз.
- Вятскаго Губернскаго Правленія, 14 р. за 1 экз.
- г. Штаг. Смотрителя Зміевскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Библ. 6-го стрѣльковаго батальона 21 р. за 2 экз. (за 1 экз. 14 р. и за 2-й 7 р. за 1-е полугодіе).
- Харьковскаго окружнаго артиллерійскаго управленія, 14 р. за 1 экз.
- Орловской-Бахтина Военной Гимназіи, 14 р. за 1 экз.
- Владимірской Палаты Госуд. Имуществъ, 14 р. за 1 экз.
- г. Литвинскаго изъ Могилева, 14 р. за 1 экз.
- Г. Директора Орловской гимназіи для училищъ Елецкаго и Ливенскаго 28 р. за 2 экз.
- Библ. 9-й обл. бат. 21 арт. бригады, 14 р. за 1 экз.
- г. Штагнаго Смотрителя Новгородскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Казанскаго губ. Акцизнаго Управленія, 14 р. за 1 экз.
- Штаба Харьк. Военнаго округа, 14 р. за 1 экз.
- Библіотеки Кіевскаго Университета, 28 р. за 2 экз.
- г. Савицкаго изъ Витебска, 5 р. за 1-ю треть.
- Штагнаго Смотрителя Саранульскаго училища, 28 р. за 2 экз.

- Тамбовскаго Губернскаго Правленія 14 р. за 1 экз.
- 108 пѣхотнаго Саратовскаго полка 14 р. за 1 экз.
- Орловскаго Губернскаго Правленія 14 р. за 1 экз.
- Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса 14 р. за 1 экз.
- Въ Симбирскъ г. Арнольдovu, 6 р. сер. за 1-ю треть получены; Редакція согласна на ваши условія.
- Въ Бобринецъ г. Родкевичу. Редакція согласна на ваше предложеніе, 7 р. за 1-е полугодіе получены.
- Отъ Штатнаго смотрителя Крестецкихъ училищахъ, 14 р. за 1 экз.
- Управл. 3-й Гренад. артил. бригады, 14 р. за 1 экз.
- Въ Новую Прагу г. Торчинскому, 14 р. за изданіе Рус. Слова въ 1865 году получены, №№ 10, 11 и 12 за 1863 посланы вамъ *сторично* 28 декабря.
- Въ Лохвицу г. Сокольскому, 14 р. получены, № 6 за 1864 г. посланы *сторично*.
- Отъ Библ. 13-го Лейб. гренад. Эриванскаго Е. В. полка 7 р. за 1-е полугодіе.
- Гродненской палаты Госуд. Имуществъ. 14 р. за 1 экз.
- Въ Дерптъ г. Рыкачеву, Редакція согласна высылать въ бібліотеку, студентамъ Дерптскаго Университета Рус. Слово за 7 руб.
- Отъ Штатнаго Смотрителя Бѣльскаго училища 14 р. за 1 экз.
- Нарвн. Лег. бат. 26 арт. бригады, 14 р. за 1 экз.
- г. Соболева въ Москвѣ 14 р. за 1 экз.
- Въ Стерлитамакъ г. Падейскому. Редакція согласна на ваше предложеніе.
- Отъ Шт. смотр. Т. Х. Журинской окружной школы, 14 р. за 1 экз.
- Орловской палаты Госуд. Имуществъ, 14 р. за 1 экз.
- Комитета соиз. суммъ 4 Грен. Песв. Баркляя де-Толли полка, 14 р. за 1 экз.
- 1-го Отдѣленія Управленія Башкирани, 14 р. за 1 экз.
- Канцелярїи Тифлискаго Генералъ-Губернатора, 14 р. за 1 экз.
- Штатнаго Смотрителя Симбирскихъ училищъ, за 1864 годъ 14 р.
- Директора Николаевской гимназїи, 14 р. за 1 экз.
- Войсковаго правленія Забайкальскаго Казачьяго войска. 14 р. за 1 экз.
- Кишиневской Дворянской опеки, 14 р. за 1 экз.
- Штатнаго Смотрителя Витебскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Касенскаго приходскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Штатнаго Смотрителя Пятигорскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Черниг. Палаты Госуд. Имуществъ, 14 р. за 1 экз.
- 14-го Стрѣлковаго Батальона, 7 р. за 1-е полугодіе.
- г-жи Быковой изъ Мурома, 14 р. за 1 экз.
- Штатнаго Смотрителя Макарьевскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Штат. Смотрителя Лихвинскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Штатн. Смотрителя Крапивненскаго училища, 14 р. за 1 экз.
- Тобольскаго Губернскаго суда, 14 р. за 1 экз.
- Гродненскаго Губернскаго правленія, 14 р. за 1 экз.
- Свѣскаго Уезднаго училища, 14 р. за 1 экз.

- Бябл. 3 го пѣхот. Мянскаго полка 14 р. за 1 экз.
- 45-го пѣхот. Азовскаго полка 14 р за 1 экз.
- Директора 3-й Харьковской гимназій 14 р за 1 экз.
- Штаба 2-й арт. бригады 14 р. за 1 экз.
- Штаб. Смотр. Чухломскихъ училищъ 14 р. за 1 экз.

(Продолженіе: будетъ въ слѣдующей книжкѣ.)

Р. С. При этомъ Редакція проситъ тѣхъ гг. подписчиковъ, которые прислали уведомленія только изъ желанія увѣриться въ полученіи денегъ, а не для приложенія этого уведомленія, какъ документа къ отчетамъ, — принять полученіе 1-й книжки за доказательство полученія Редакціей денегъ, разумеется отъ тѣхъ изъ гг. подписчиковъ, которыми они были высланы.

Нижепоименованные гг. подписчики прислали лишніе, противъ стоимости годоваго изданія журнала, деньги; поэтому Редакція предлагаетъ имъ или получить тѣ изъ изданій которыя, поименованы на обложкѣ журнала, какія кто пожелаетъ и которыхъ стоимость, разумеется, равняется излишне высланной суммѣ, или возвратить эти деньги обратно, или же наконецъ зачесть ихъ въ счетъ подписки на слѣдующій годъ.

- Сухумкальская Карантинно-Таможенная контора выслала лишнихъ 2 р.
- Г. Петрашъ изъ ст. Михайловской 1 р.
- Управленіе командующаго войсками на лѣвомъ берегу р. Алазани 1 р.
- Г. Семеновъ изъ Александрополя 2 р.
- Г. Ивановъ изъ Чернаго Яра 2 р.
- Г. Юшковъ изъ Мамыжа 2 р. 50 коп.
- Г. Емельяновъ изъ Олькужъ 3 р.
- Г. Камепецкій изъ Ставрополя 2 р. 50 коп.
- Г. Янисо ст. Банешты 2 р. 50 коп.
- Г. Лобовиковъ изъ села Галапова 2 р.
- Г. Харитоновъ съ ст. Архипской 2 р.
- Войсковое правленіе Забайкальскаго Казачьяго войска 50 коп.
- Г. Веретенниковъ изъ Игумень 2 р.
- Г. Мартыновскій изъ Вознесенска 2 р. 50 коп.
- Г. Савулякъ-Савицкій изъ Кіева 2 р.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.)

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го ма 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и Ко.

РАБОЧИЯ АССОЦІАЦІИ.

I.

Платонъ разсказываетъ, что Юпитеръ, желая отпраздновать рожденіе Венеры, задалъ богамъ пиръ. Во время пиршества у воротъ дворца боговъ стояла молодая, исхудалая женщина, неѣвшая ничего два дня и надѣявшаяся утолить свой голодь остатками юпитеровскаго обѣда. Въ самый разгаръ пиршества, Порю, богу изобилія, вѣдумалось съ чего-то оставить залъ, и бѣдная женщина, невидѣвшая его никогда, подошла къ молодому богу, чтобы съ нимъ познакомиться. Поръ былъ въ хорошемъ духѣ и потому принялъ молодую женщину не только любезно, но даже съ нѣкоторымъ сердечнымъ влеченіемъ. О дальнѣйшихъ подробностяхъ Платонъ умалчиваетъ; но всѣмъ мифологамъ извѣстно въ точности, что молодая женщина родила сына, красиваго и свѣжаго, какъ его отецъ, и такого же голыша, какъ сама. Новый полубогъ и все его потомство отличались необычайнымъ плодородіемъ и народили всю ту массу бѣдныхъ людей, которая населяла землю во времена Платона. Такъ греческій мудрецъ объясняетъ происхожденіе бѣдности. По его мнѣнію, это нѣчто неизбежное, узаконенное самими богами. Но ошибаются и мудрецы.

Платонъ жилъ въ такіа времена, когда не согласился бы жить ни одинъ англійскій фабричный рабочій. То, что разсказывается обыкновенно въ исторіяхъ о жизни древнихъ грековъ и римлянъ, конечно хорошо, но, къ сожалѣнію, исторіи оставляютъ читателя въ недоумѣніи на счетъ того, кому именно жилось хорошо и на сколько людей съ веселыми физиономіями приходилось людей съ мрачными

лицами. Конечно, двадцати тысячамъ афинскихъ гражданъ было хорошо. Они прятались отъ солнечнаго зноя подъ портиками, они ѣли всякія вкусныя вещи и пили всякіе прохладительные напитки; они услаждали свой вкусъ и слухъ разными превосходными скульптурными и архитектурными издѣліями, и музыкой; они развлекались разнообразными зрѣлищами и вообще проводили время въ весьма усладительной праздности. Въ то же время двѣсти тысячъ афинскихъ рабовъ жарились подъ палящимъ солнцемъ въ полѣ, ѣли чуть не землю, не знали другой ласки, кромѣ плети, и доводились своими господами до состоянія животныхъ. И ни одинъ самый изящный и самый передовой грекъ не видѣлъ въ этомъ ничего, кромѣ весьма естественнаго порядка, установленнаго самимъ Юпитеромъ Олимпійскимъ и веселымъ Поромъ, которому послѣ сытнаго обѣда явилась охота полюбозничать съ голодной женщиной.

Вотъ почему люди лучшихъ способностей измышляли только разныя утопіи, вмѣсто того, чтобы предлагать социальныя реформы. Платонъ былъ первый исторически извѣстный утопистъ.

Вторымъ утопистомъ явился канцлеръ Генриха VIII, англійскаго, Томасъ Моръ. Ему пришла мысль представить картину идеальнаго общества, и онъ написалъ свой государственный романъ — Утопія. Это островъ, на которомъ живутъ счастливые люди, подъ управленіемъ счастливаго правительства. При сочиненіи своей утопіи, Моръ придерживался, большею частью, идей Шавона. На Утопіи существуетъ полнѣйшій коммунизмъ имущества: платье, рабочіе инструменты и все остальное роздается жителямъ правительствомъ; оно же управляетъ ходомъ работъ и назначаетъ каждому, что онъ именно долженъ дѣлать; работа въ день составляетъ только шесть часовъ. Такое малое время труда позволяетъ счастливымъ жителямъ посвящать всѣ остальные часы досугу и удовольствіямъ. При описаніи ихъ, Моръ впадаетъ въ малѣйшія подробности и рисуетъ картины дѣйствительно улагодительныя для тѣхъ, кто любитъ хорошія, многолюдные обѣды и шумные праздники. Но, допуская общее владѣніе имуществомъ, Моръ являетъ въ Утопіи отношеніе. Золото и серебро изгнано на Утопіи совершенно изъ обращенія; и благородные металлы употребляются тамъ только для ношеной посуды и для кандаловъ галерниковъ преступниковъ.

Вся правительственная система Утопіи основана на выборахъ. На каждыя 30 семействъ выбирается одинъ эмбаркъ, а каждые десять

архивархы избирають изъ себя одного протоархиварха. Эти господа, вмѣстѣ съ выборнымъ сенатомъ, составляютъ высшую административную власть. Но выше ихъ — король. Король избирается на всю жизнь, тогда какъ всѣ остальные правительственные лица только на годъ.

На Утопіи такіе превосходные во всемъ порядки, механизмъ правительственной и общественной жизни устроенъ такъ хорошо, напоказъ, люди такъ добродѣтельны, умны и кротки, что никто не знаетъ ни слезъ, ни горя, ни лишений: всѣ счастливы и довольны, точно ангелы на небесахъ.

Утопія Мора понравилась всѣмъ; ее почитали, подумали о томъ, что какъ бы хорошо, если бы и повсюду стало такое же счастье и довольство, и водились такіе превосходные люди, и на этомъ успокоились. Но какъ однихъ мечтаній было еще недостаточно, а кромѣ мечтаній не придумывалось ничего, то и не было никакой причины, чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. Такимъ образомъ, время мечтаній и неосуществимыхъ стремленій къ идеаламъ должно было продолжаться.

Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ Мора, итальянскій монахъ Кампанелла сочинилъ новую утопію. Въ ней описывается островъ Топобрана, открытый однимъ генуэзскимъ морскимъ капитаномъ. На Топобранѣ еще лучше, чѣмъ на Утопіи. Учрежденія въ ней такъ превосходны, что дѣлають рѣшительно невозможными ни одинъ изъ тѣхъ недостатковъ и неустройствъ, какими страдала тогда Европа. На Топобранѣ не знаютъ ни ссылокъ, ни тюремъ, потому что живутъ въ ней только люди добродѣтельные, недѣлающіе никогда никакихъ преступленій. Единственное наказаніе, существующее въ этомъ счастливомъ государствѣ, заключается въ томъ, что провинившагося челоуѣка лишаютъ участія въ общественныхъ обѣдахъ или запрещаютъ ему быть въ обществѣ съ другимъ положъ. Все дѣлается тамъ вмѣстѣ и сообща, личнаго имущества не существуетъ, всѣ занятія опредѣляются, распределяются и управляются чиновниками, конечно, такими же добродѣтельными, какъ и все остальное населеніе. Но кромѣ удивительныхъ добродѣтелей, чиновники отличаются еще удивительной неутомимостью и баснословной дѣятельностью. Они не только управляютъ рѣшительно всѣмъ трудомъ жителей, но они указываютъ каждому, гдѣ онъ долженъ жить и спать; они выбираютъ жениховъ и невѣсты, и устриваютъ брачныя пары, руковоуствуютъ

исключительно тѣмъ соображеніемъ, чтобы супруга производила здоровыхъ дѣтей.

Послѣ Кампанеллы много людей выступало на тоже поприще — Геррингтонъ, Сен-Пьеръ, Фенелонъ, Морелли, Ретель де-Бретонъ и другіе. Все это были лучшіе люди своего времени, съ умомъ критическимъ. Они хорошо видѣли экономическіе и общественные недостатки, среди которыхъ жили, и если многое изъ того, что они написали, слѣдуетъ разсматривать, какъ чистыя утопіи, — потому что преобразовательные проекты писались не для людей, какими они есть, а для ангеловъ, и сами авторы, подобно Платону, совсѣвали, что для осуществленія созданныхъ ими идеаловъ общества требуются и идеальные люди, — за то ихъ критическія оцѣнки существующаго произвели огромную пользу, потому что указали на многіе общественные недостатки и научили многихъ понимать то, чего они прежде не понимали. Даже и фантастическій характеръ утопій нельзя поставить въ упрекъ ихъ авторамъ. Пусть все это неосуществимо теперь, пусть многое ошибочно, но что же изъ этого? Идеаль отъ того не становится хуже, что его нельзя осуществить теперь; а между тѣмъ, онъ расшевеливаетъ челоуѣка и указываетъ ему на отдаленную блестящую точку лучшаго будущаго и заставляетъ стремиться къ ней. Все это движеніе, а не вѣстой.

Чтобы показать, въ какомъ видѣ утописты относились къ своему настоящему, чего они хотѣли и какую связь имѣють съ ученіями новѣйшаго времени, я изложу сущность системы, придуманной Морелли. Онъ требовалъ общаго употребленія орудій производства и продуктовъ, одинаковаго воспитанія для всѣхъ. Онъ говорилъ, что работа должна быть распредѣляема сообразно силамъ производителей, а продукты — по потребностямъ и нуждамъ каждаго. Чтобы въ кругу каждаго поселенія было сохранено количество земли достаточное для прокормленія всѣхъ его жителей. Чтобы въ одномъ мѣстѣ было соединено, по меньшей мѣрѣ, тысяча челоуѣкъ, чтобы, разбитые сообразно своимъ силамъ и способностямъ, и потребляя соразмѣрно своимъ потребностямъ и вкусу, они могли бы образовать достаточную совокупную силу, результаты труда которой превышали бы общее потребленіе. Не давать никакихъ преимуществъ таланту, кромѣ права управлять трудами, предпринимаемыми въ интересахъ общины; то же самое и при распредѣленіи продуктовъ; и въ послѣднемъ случаѣ основываться на потребности, которая является раньше и

лента и его нерешительность. Не дѣлать денежнаго вознагражденія, во первыхъ потому, что капиталъ есть орудіе производства, которое должно оставаться въ полномъ распоряженіи администраціи; а во-вторыхъ, что всякое денежное вознагражденіе или безполезно, или вредно: безполезно, когда трудъ, свобода избранная, создается обильно и разнообразіе предметовъ, превалирующее надъ потребностями, и вредно, если сезонности и влущь не позволяютъ человѣку исполнять полезныхъ обязанностей. Это бы значило дать лицу средство ничто не дѣлать и избавиться отъ общественной обязанности, не отказываясь отъ правъ, которыя она обеспечиваетъ.

Французская революція 1789 года погасила вѣнецъ всякъ мечтаній и увесій. Прожніе нерешительные люди думали, что моренныя преобразованія совершенно невозможны, и утѣшались мечтами и фантазіями; но теперь, когда привилегіи дворянства и духовенства были уничтожены, когда третье сословіе вступило въ свои права, когда было провозглашено равенство всѣхъ передъ закономъ,—прежніе утѣшители увидѣли, что и они могутъ выступить на общественную арену уже не съ тѣмъ оружіемъ, съ какимъ являлись прежде. Изъ мечтателей они превратились въ людей активных и, переставъ писать государственныя романы, начали составлять проекты преобразованій и пытаться осуществить на практикѣ свои экономическія реформы, какъ это удалось политикамъ съ своими реформами въ сферѣ политической.

II.

Скромная и уединенная мѣстность, въ которой пишется настоящая статья, обладаетъ несчѣтнымъ количествомъ самыхъ горячихъ патриотовъ. Конечно, объ этомъ обстоятельстве, весьма пріятномъ для каждаго русскаго, не было бы особенной причины упоминать, потому что кто же не знаетъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого множества патриотовъ, какъ у насъ, въ Россіи. Не говоря уже о Москвѣ, но и самыя отдаленныя города исполнены такой горячей любви къ своей родинѣ, что во многихъ случаяхъ Москва должна сознаться, что сильная любовь живетъ не въ одномъ ея сердцѣ. И замѣчательно, что чѣмъ городъ отдаленнѣе и чѣмъ онъ уединѣннѣе, тѣмъ въ немъ больше патриотическаго пылу. Такъ какъ

обстоятельство это очень хорошо всѣмъ извѣстно, то распространяться о немъ особенно нѣтъ никакой причины. Но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстенъ характеръ уѣзднаго патриотизма. Патриотизмъ этотъ очень шумный, очень заносчивый и очень самонадѣянный. Пока, все дѣло ограничивается разговорами, имѣющими характеръ пересудовъ, въ родѣ того, что Кузьма большой пьяница и звѣрь съ своими домашними, или что Иванъ Ивановичъ великій взяточникъ и честно онъ только разсуждаетъ, но не поступаетъ,—все идетъ хорошо, и патриотъ доволенъ собой, и кажется ему, что такими пріятными пересудами онъ доказываетъ любовь къ своей родинѣ. Но стоитъ только нѣсколько обобщить тѣ же самые факты—и патриотъ приходитъ въ великій азартъ, потому что сейчасъ же представитъ себѣ, что, пожалуй, и его считаютъ Кузьмой и Иваномъ Ивановичемъ. Любовь къ родинѣ патриота доходитъ въ этомъ случаѣ до своего крайняго предѣла, и, въ пылу увлеченія, патриотъ безъ всякаго смущенія начинаетъ выискивать факты, доказывающіе несомнѣнность того, что въ Англіи совершаются убійства, грабежи и кражи, во Франціи и въ Америкѣ тоже, и что, слѣдовательно, въ уѣздномъ геродѣ, гдѣ живетъ горячій патриотъ, люди гораздо развитѣе и цивилизованнѣе, чѣмъ въ Англіи и во Франціи.

Эти уѣздные патриоты имѣютъ и своихъ представителей въ литературѣ. Конечно, литераторы развитѣе тѣхъ, кого они представляютъ, и обладаютъ большими, чѣмъ тѣ, знаніями; но сущность и характеръ ихъ отчизнолюбія совершенно тотъ же, какъ и у уѣздныхъ патриотовъ. Тѣмъ и другимъ больше всего хочется, чтобы Россія развивалась изъ своихъ силъ, сама изъ себя, какъ-будто развитіе можетъ быть извнѣ. Они очень негодуютъ на Западъ, что тотъ снабдилъ насъ стульями, столами, диванами, разныхъ сортовъ посудой, платьемъ, окружилъ насъ удобствами жизни, научилъ сѣять картофель, приготовлять сахаръ изъ свекловичны и вообще поставилъ насъ на путь промышленной производительности. Разумѣется, все это со стороны Запада очень дурно, но вѣдь нельзя же намъ оправдывать и себя. Кто же велѣлъ намъ завести стулья, кресла и диваны? Сидѣли бы мы себѣ на жесткихъ лавкахъ, ѣли бы морковницу или толокно съ брусничкой, и все было бы такъ же хорошо и удобно, какъ и во всякой крестьянской избѣ.—Еще коварнѣе поступилъ съ нами Западъ, сообщивъ намъ свои научныя знанія, научивъ насъ тому, что земля стоитъ не на трехъ,

китахъ; что звѣзды приводятся въ движеніе не тѣмъ механизмомъ, какъ это думалъ Тустановскій, и что многое другое совсѣмъ не то, что мы думали прежде. Въ особенности нехорошо, что Западъ передалъ намъ свои историческія, юридическія и т. п. знанія, имѣющія ближайшее примѣненіе къ общественной и государственной жизни. Все это мы выдумали бы и сами, своимъ собственнымъ умомъ; а теперь бери готовое, да еще западное, а не восточное, — совсѣмъ досадно! Но самое ужасное, что, подъ влияніемъ петровской реформы, мы не успѣли выработать саомытной формы общественной жизни, создать свою экономическую и общественную жизнь. Положимъ, что ни одинъ изъ уѣздныхъ патриотовъ, проживающихъ въ Петербургѣ, не знаетъ, когда бы совершилось подобное радостное и пріятное для русскаго самолюбія событіе; положимъ, что онъ не знаетъ и того, въ чемъ бы заключалась эта своеобразность, и слѣдовательно, не можетъ судить, хорошо или дурно, что цивилизація пошла у насъ такъ, а не иначе. Наконецъ — и что самое главное, — если бы не было Петра Перваго, то развѣ наше развитіе пошло бы иначе? Безъ Петра мы пошли бы только тише — и больше ничего; но вполне бы подчинились влиянію западной цивилизаціи, какъ и теперь, на основаніи того простого закона, что все слабое, примкнувъ къ сильному, должно ему подчиниться. — Есть въ Европѣ два очень отсталыхъ государства — Турція и Молдавія. Въ нихъ не производилось ничего въ родѣ нашего петровскаго перелома; но, находясь въ Европѣ и живя европейской политической жизнью, имъ невозможно было избѣгнуть европейскихъ формъ въ общественной и гражданской жизни. Живя въ Европѣ, нужно и быть Европой; а кому этого не хочется, — пусть уходитъ въ Азію или Африку, въ какойнибудь Авганистанъ или Туркестанъ, да и развивается тамъ органически и изъ собственныхъ началъ. Но не только Авганистанъ, даже и Битай не спасется отъ европейскаго влияния и европейской цивилизаціи. Начало уже положено, и явись или нѣтъ въ Битаѣ реформаторъ, въ родѣ нашего Петра, разница выйдетъ только во времени, а не въ сущности. Однимъ словомъ, Европа поглотитъ своимъ влияніемъ весь свѣтъ, и наступитъ пора, когда европейская цивилизація и наука водворятся на всея земномъ шарѣ и вездѣ будетъ Европа.

Можно бы еще сожалѣть о томъ деревѣ, которое должно было дать полезный и спасительный для человѣка плодъ, но оно не дало,

потому что его срубили. Но какой спасительный плод росъ на древѣ московской Руси? Любители старины, оглядывающіеся вѣчно назадъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть впередъ, жалѣютъ о московской цивилизации; да въ чемъ же она заключалась и чѣмъ она лучше цивилизаціи европейской? Они говорятъ: вы, западники, надѣли цѣмцкій кафтанъ и хотите всѣхъ русскихъ сдѣлать пѣмцами, и все это оттого, что въ васъ нѣтъ настоящаго русскаго сердца, что вы не умѣете любить.

Наконецъ, послѣ того, что совершилось въ Западной Европѣ въ послѣдніе полтора ста лѣтъ, послѣ того переворота, который совершился тамъ во всемъ и измѣнилъ весь строй общественной и политической жизни, — что за ребячество говорить пустыя фразы о какой-то непонятной любви и отыскивать особенную мудрость въ московской Руси! Конечно, англичанинъ, возвращающійся ко временамъ Генриха VIII и звѣздной палаты, и полагающій, что только тамъ можно найти неподдѣльный англійскій гений, показался бы наивнымъ всѣмъ разсудительнымъ людямъ, но развѣ, не такъ же поступаютъ наши сантиментальные патріоты? Если бы они были въ состояніи оцѣнить правильно свою дѣятельность, то конечно, никогда бы не говорили того, что они говорятъ. Наговорить громкихъ и трогательныхъ фразъ по поводу любви къ ближнему — можно, разумѣется, много, но это будетъ только болтовня и больше ничего. Пусть же они попытаются изложить коротко и ясно, что выработала московская Русь? какъ слѣдуетъ поступать, чтобы быть истиннымъ русскимъ, а не кургузымъ западникомъ? и тогда имъ придется сознаться, что такой программы составить невозможно, потому что русскій человѣкъ еще не сказалъ до сихъ поръ своего слова.

Характеръ всей нашей телерешней патріотической литературы подтверждаетъ вполнѣ правильность этого вывода. Все, что мы пишемъ русскаго объ Россіи, имѣетъ чисто-описательный характеръ и изложеніе неизвѣстныхъ еще фактовъ или же представляетъ разное слезливое, сантиментальное, или восклицательное разглагольствованіе, лишенное всякаго положительнаго содержанія и ставящее читателя въ великое недоумѣніе относительно того, кому все это нужно и для кого пишется. Чтобы сказать какое нибудь дѣло, что нибудь новое, передовое въ области общественныхъ вопросовъ, мысли или науки, намъ необходимо обращаться къ иностранцамъ; только ихъ книги и ихъ жизнь даютъ намъ матеріалъ для этого, потому что

своего материала у насъ еще нѣтъ. Но не беремъ же мы все это отъ иностранцевъ совершенно безъ измѣненій, не паломникъ на товаръ печатать своего русскаго ума, какъ это кажется нашимъ воспитанникамъ. Не дѣти же мы, въ самомъ дѣлѣ, а не обезьяны. А въ этой русскаго печати и заключается все, что могутъ требовать наши защитники органической теоріи. И почему мы непременно—особыя существа, созданныя по иному закону, чѣмъ всѣ остальные люди? Англичане заимствуютъ у французовъ, французы отъ англичанъ, нѣмцы тоже берутъ отъ своихъ сосѣдей, что имъ нужно, а даютъ имъ въ замѣнъ того что нибудь свое, и только мы, русскіе, должны жить иначе, точно будто въ насъ однакъ заключается весь бюджетъ человѣческой мудрости. Или намъ обидно, что мы должны только заимствовать, а своего предложить еще не можемъ? Проживемте еще 300 лѣтъ и тогда и въ намъ пойдутъ сосѣди за чѣмъ нибудь, имъ необходимомъ.

Всю эту длинную исторію я говорилъ собственно по поводу настоящей статьи. Вопросы, которые будутъ въ ней излагаться, выработаны не русскою жизнью и не русскимъ умомъ; а между тѣмъ, вопросы эти для насъ такъ же важны, какъ и для остальнаго западнаго человечества. Не хуже же оттого всѣ эти теоріи, что ихъ придумала Франція, а не Россія, и не зачѣмъ намъ проходить школу французской исторической жизни, чтобы придти къ нимъ, когда онѣ могутъ достаться намъ путемъ болѣе легкимъ. Да и гдѣ въ русской жизни даже зародышъ тѣхъ идей, которыя бы привели насъ къ подобному же разрѣшенію экономическихъ вопросовъ? Не жить же намъ 300 лѣтъ, чтобы придумать своимъ умомъ то, что уже придумано давно другими; не отказываться же намъ отъ кресель и рессорныхъ экипажей, потому что они—иностранная выдумка, и изъ патріотизма сидѣть на жесткихъ скамьяхъ и ѣздить въ трясуцихъ телегахъ!

Но, можетъ быть, ничего этого и не думаютъ восточники; можетъ быть, они не хотятъ только безтолковыхъ заимствованій и перенесенія на русскую почву вредныхъ растений, которыхъ на Западѣ много? Боюсь, чтобы западные илевеи не дожили въ нашу русскій вертоградъ, они, вѣроятно, полагаютъ, что наши ботаническія познанія позволяютъ намъ возрастить новые цветы, какихъ еще не видѣлъ міръ: цветы исключительно медовые, пражисполненные лишь спасительнаго настара и незаключающіе ни капли яду? Все это можетъ

быть. А если это такъ, то зачѣмъ же сомнѣваться въ русскихъ способностяхъ? Если мы умны и даровиты, то нечего бояться, что мы сдѣлаемъ глупость; если же допустимъ случай противный, то какое основаніе бояться записствованій?

III.

Въ общественныхъ и экономическихъ вопросахъ Франція—единственное континентальное государство, стоявшее впереди всѣхъ. Въ ней создавались первыя теоріи и въ ней же теоріи эти испытывались практически. Для чего люди, во всей ихъ массѣ, созрѣли, то приминалось; для чего нѣтъ—оставалось теоріей, чтобы сдѣлаться практикой при первой возможности. Нѣтъ ни одного политическаго и экономическаго вопроса, котораго бы не разобрала теоретически и практически Франція, и всѣ новыя для большинства русскихъ мысли и теоріи этого порядка давно уже передуманы и пережиты Франціей. Однимъ словомъ, вполне новое для насъ—совершенно старое тамъ, и русскій передовой человѣкъ, большею частью, передовой только относительно. Исключеній мало. Поэтому, если приходится говорить о теоретическомъ и практическомъ развитіи социальна-экономическихъ вопросовъ, то это значить говорить только объ экономической исторіи Франція, потому что всѣ остальные государства шли сзади и повторяли, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, то, что уже было передумано или испробовано французами.

Во времени первой революціи экономическое бѣдствіе Франціи дошло до такой степени, что кризисъ былъ неизбеженъ, и Франція, при всѣхъ ужасахъ революціи, спаслась отъ гибели только рядомъ реформъ. Всѣ путешественники, посѣщавшіе тогда Францію, говорятъ, что какъ только оставишь Парижъ, то повсюду видишь лишь печальныя, обнаженные поля и населеніе, состоящее изъ полуголодныхъ, исхудалыхъ, запуганныхъ и загнанныхъ людей, при взглядѣ на которыхъ приходишь къ печальной мысли: какъ много можетъ вынести человѣкъ, не умирая. О состояніи Франція въ началѣ XVII столѣтія можно составить понятіе изъ описанія этой страны, оставленнаго маршаломъ Вобаномъ. Онъ говоритъ, что въ теченіе сорока лѣтъ объѣхалъ всѣ провинціи, отъ перваго до послѣдняго мѣстечка, и нашелъ, что бѣдность дошла повсюду до своего по-

слѣднаго предѣла, и что всѣ дороги и улицы въ городахъ и селеніяхъ наполнены голодными, обнаженными нищими. Онъ прибавляетъ, что изслѣдованіе, которымъ онъ занимался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, привело его къ убѣжденію, что почти десятая часть населенія Франціи состоитъ изъ дѣйствительныхъ нищихъ, и что изъ остальныхъ девяти частей— пять не въ состояніи подать имъ ни малѣйшей милостыни, потому что и сами почти нищіе. Изъ остающихся затѣмъ четырехъ частей три живутъ въ очень стѣсненномъ положеніи и обременены долгами и процессами, и что только о послѣдней части, заключающей въ себѣ менѣе десяти тысячъ семействъ, можно сказать, что они пользуются экономическимъ благосостояніемъ.—Въ другомъ мѣстѣ Вобанъ говоритъ: «Соль, вслѣдствіе ея дороговизны, составляетъ такую рѣдкость, что въ королевствѣ царствуетъ особый видъ нужды отъ голода; простой челоѣкъ не въ состояніи солить мясо; каждое семейство могло бы выкормить свинью, но оно не дѣлаетъ этого, потому что нечѣмъ солить.» Кольберъ, умирая, сказалъ: «такъ не можетъ идти дальше», и не смотря на то, стало еще хуже, потому что, нѣсколько лѣтъ спустя, о голодныхъ временахъ, описанныхъ Вобаномъ, говорилъ, какъ о лучшей эпохѣ. Фенелонъ говорилъ: «народъ не живетъ уже болѣе такъ, какъ должны жить люди; на его терпѣнье разсчитывать далѣе нельзя. Старая машина при первомъ толчкѣ развалится.» Въ 1737 г. показали Людовику XV хлѣбъ бѣдныхъ, испеченный изъ папѣртника и травы! Епископъ шартрескій сказалъ королю, что люди въ его діоцезѣ ходятъ на выгонъ вмѣстѣ съ своими овцами и ѣдятъ траву. Король отвѣтилъ: «если бы я былъ подданнымъ, то возмущался бы. Народъ имѣетъ права; это уже слишкомъ—терпѣть такъ много.» Хотя это и не относится прямо къ предмету, но я все-таки замѣчу, что, отвѣчая такимъ образомъ, Людовикъ больше ничего, какъ кокетничалъ красивымъ выраженіемъ, которое въ королевскихъ устахъ становилось еще красивѣе. Кто же мѣшалъ Людовику доказать на дѣлѣ, что народъ имѣетъ права, и почему Людовикъ во все свое царствованіе не поступилъ ни разу такъ, какъ бы можно было ожидать, судя по приведенной фразѣ?

Чѣмъ ближе приближалась Франція къ 1789 году, тѣмъ меньше, говоритъ Мишле, приносила земля. «Какъ слишкомъ измученное животное скорѣе ляжетъ на землю и умретъ, чѣмъ пойдетъ впередъ, такъ ждала смерти французская земля и не хотѣла ничего произво-

дять. Свобода не только жизнь людей, но и природы». Последняя фраза отличается, правда, французской риторикой, но в ее сущности лежит несомненная правда. Конечно, природа не нуждается в томъ, чтобы человекъ давалъ ей или нѣтъ свободу: для красоты рѣчи Мишле совралъ; но правда то, что рабъ, подобный негру, не имѣетъ тѣхъ силъ и способностей, какія нужны, чтобы заставить природу показать и ему свою силу. «Въ XVII столѣтїи Франція производила болѣе хлѣба, чѣмъ въ XVIII. Брестяне не были въ состоянїи платить податей, и отъ нихъ отбирали скоть. Мужчины, женщины и даже дѣти впрягались въ плугъ и сами пахали землю. Навозъ былъ рѣдкостью. Во многихъ мѣстахъ вырывали даже впоноградную лозу».

Общее бѣдствїе отъ нищеты и ослабленїя производительности земли вызвало въ народѣ самыя мрачныя мысли и представленїя. Пошли толки о концѣ міра; всѣ упали духомъ, ждали чего-то ужаснаго, никто не зналъ чего именно.

Въ XVIII столѣтїи во Франція было 10 такихъ голодныхъ годовъ, о какихъ теперь рѣшительно французы не могутъ составить и понятїя, и десять разъ гектолитръ хлѣба стоялъ дороже 50 франковъ, т. е. наша четверть около 3 р. 50 к. сер. Цѣна баснословная! А въ 1794 г. гектолитръ дошелъ до 72 франковъ, или четверть 4 р. 50 к. Наконецъ, во времена Людовика XVI, бѣдствїе страны перевернуло до того всѣмъ головы, что противъ него вздумали принимать мѣры насилїя и хотѣли изгнать нищету королевскими повелѣнїями. Декретомъ 13 іюля 1777 года повелѣно всѣхъ здоровыхъ людей отъ 16 — 60 лѣтъ, неимѣющихъ средствъ и неживущихъ трудомъ, сослать на галеры! Ужь это совсѣмъ безумїе; но безумїе понятное, потому что нужда дошла до послѣдней степени. Неккеръ рассказываетъ, что разъ онъ нашелъ во дворцѣ цѣлую массу курьеровъ, прискакавшихъ съ разныхъ концовъ Франціи съ донесенїями, что народъ буквально погибаетъ отъ голоду. Мысль, что въ одно прекрасное утро Парижъ, проснувшись, не найдетъ у себя ни зерна хлѣба, преслѣдовала Неккера каждую ночь, не давала ему спать, приводила его въ содроганїе и кончилась тѣмъ, что онъ получилъ болѣзнь сердца.

При такой общей нуждѣ, число нищихъ было громадное. Изъ королевскаго повѣленїя 1777 года видно, что въ это время считалось во Франціи 1,200,000 нищихъ. Въ 1767 было арестовано 50,000

нищихъ, и какъ ихъ некуда было помѣстить, то ихъ снова всѣхъ распустили. Что можно было предпринять съ такой массой бѣдняковъ, составлявшихъ цыганское населеніе, да и что оставалось дѣлать имъ? На первый вопросъ французское правительство не нашло другого отвѣта, кромѣ преслѣдованія нищихъ разными видами запретительнаго характера; а второй нищія разрѣшали по своему, довольно послѣдовательно: они дѣлались ворами и разбойниками, составляли нищенскія корпораціи и шлялись по странѣ вдоль и поперекъ.

IV.

Причины великой бѣдности, существовавшей во Франціи до революціи, объясняются, между прочимъ, тѣмъ, что работа была привилегіей и что пролетарій не могъ заниматься свободно ремеслами. Пристронуться къ какому нибудь ремеслу стоило великаго труда, потому что для этого требовались довольно значительныя средства; слѣдовательно, никакой бѣднякъ, если онъ владѣлъ даже самыми разнообразными способностями и сильнѣйшимъ желаніемъ посвятить ихъ извѣстному дѣлу, не могъ достигнуть своей цѣли, не имѣя денегъ. Каждый мастеръ могъ, по закону, имѣть только одного ученика, и этотъ ученикъ во все время своего ученія былъ буквально собственностью хозяина, такъ что тотъ могъ заставлять его работать совершенно тѣми способами, какъ заставляютъ плантаторы работать негровъ. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія, хозяинъ былъ обязанъ содержать ученика, но платы ученикъ не получалъ никогда. Между тѣмъ, ученику предстояли постоянно весьма значительныя расходы. Во время ученія онъ долженъ былъ выплачивать весьма разнообразныя и нѣрѣдко значительныя налоги; онъ долженъ былъ вносить болѣе или менѣе значительную сумму при поступленіи въ ученіе; наконецъ, онъ долженъ былъ платить, чтобы сдѣлаться мастеромъ. За поступленіе во второстепенное, незначительное ремесло, ученикъ долженъ былъ заплатить 500 ливровъ (125 р.); чтобы сдѣлаться ученикомъ золотыхъ дѣлъ мастера требовалось внести 1800 ливровъ (450 р.). Расходы на поступленіе въ ученики были такъ велики, что многіе умирали прежде, чѣмъ имъ удавалось скопить необходимую сумму. При поступленіи въ ученики заключалось у нотариуса

условіе и составлялся актъ, называвшійся «brevet», историкъ ученикъ обязывался слушать своему хозяину въ теченіе известнаго числа лѣтъ, безъ всякой платы. При регистраціи акта въ цехъ, ученикъ выплачивалъ разныя повинности (*droits de cire, de chapele, de confrérie, de bien venir*). Срокъ ученія продолжался обыкновенно восемь лѣтъ, и въ теченіе этого времени ученикъ долженъ былъ выплачивать своему хозяину известную сумму. Не смотря на плату за ученіе, хозяинъ все-таки не училъ своего ученика вполне своему дѣлу, и обыкновенно нарочно не посвящалъ его въ тайны своего ремесла, чтобы не создать себѣ будущаго соперника. Располагая своимъ ученикомъ вполне, хозяинъ, въ случаѣ своей болѣзни, могъ перепродать его другому; а если умиралъ, не перепродавъ, то ученикъ поступалъ въ вѣденіе гильдіи, которая и находила ему неваго хозяина. Если ученикъ хотѣлъ освободиться совершенно, то это ему позволялось за известную плату, какъ позволяется и всякому рабу выкупать свою свободу; но и тутъ ученикъ не былъ полнымъ своимъ господиномъ, потому что ему не позволяли жениться. Если ученикъ переходилъ отъ одного хозяина къ другому, т. е. когда хозяинъ перепродавалъ его, то и тутъ обязанъ былъ заплатить 30 ливровъ за передаточную надпись на старомъ «brevet».

Сдѣлавшись подмастерьемъ, ремесленникъ получалъ уже жалованье; но за то онъ и платилъ больше, и въ этомъ повоиъ положеніи долженъ былъ пробыть вдвое или втрое долѣе, прежде чѣмъ могъ сдѣлаться хозяиномъ. Чтобы получить званіе мастера, нужно было заплатить, по меньшей мѣрѣ, 2000 ливровъ (500 р.). Плата за званіе мастера бралась даже въ такихъ отрасляхъ промышленности, для исполненія которыхъ не требуется ровно никакого мастерства. Такъ, напримѣръ, чтобы сдѣлаться *Maître bouquetiere* или по просту продавальщицей сдѣланныхъ ею же самой букетовъ естественныхъ цвѣтовъ, нужно было заплатить 200 ливровъ (50 р.), и прежде того пробыть ученицей четыре года, т. е. учиться четыре года тому, какъ взять вистѣ нѣсколько цвѣточковъ и перевязать ихъ ниткой — знаніе, приобретаемое въ 10 минутъ. Простой хлѣбникъ обязанъ былъ пробыть ученикомъ пять лѣтъ и подмастерьемъ четыре года, и только послѣ девяти лѣтъ удостоивался званія мастера, тогда какъ въ годъ онъ изучалъ свое ремесло до тонкости.

Кажется, все это ужь очень глупо, но еще глупѣе были отноше-

нія между собой цеховъ. Каждый цехъ составлялъ совершенно замкнутую корпорацію, нѣчто въ родѣ отдѣльнаго государства, и строго оберегалъ свои права и интересы отъ всякаго посторонняго вмѣшательства и подрыва со стороны другого цеха. Изъ этого вышло то, что башмачники не позволяли тѣмъ, кто занимался починой старыхъ башмаковъ, шить башмаки для собственнаго употребленія; слесари не смѣли дѣлать сами необходимыхъ имъ для замковъ мелкихъ гвоздей, потому что приготовленіемъ гвоздей занимались особые ремесленники; торговцы платьемъ не позволяли, чтобы ветошники продавали старыя лохмотья и платье; цирюльники могли только брить и перевязывать лишь такія раны, которыя не угрожаютъ опасностью жизни; такъ что если опасно раненаго приносили къ цирюльнику, то этотъ, даже для спасенія жизни человѣка, не смѣлъ перевязать ему рану, а долженъ былъ отправить больного къ «*chirurgien de robe*». Въ шляпномъ ремеслѣ заключалось, напримѣръ, пять отдѣльныхъ ремеселъ, и ни одно изъ нихъ не смѣло нарушить привилегій другого. Но въ человѣческихъ дѣлахъ, какъ бы онѣ ни были устроены мудро, нѣльзя избѣгнуть ошибокъ и несправедливостей; а потому подобнаго рода прискорбныя обстоятельства встрѣтились и въ цеховомъ устройствѣ. Напримѣръ, сѣдельники, когда они оставались безъ работы, имѣли право шить башмаки, а башмачники въ подобномъ же случаѣ дѣлать сѣделъ не смѣли.

При такой организаціи цеховъ были неизбежны между ними безпрестанныя столкновенія. Цехи спорили между собой, ссорились, заводили процессы и вообще чудодѣйничали, какъ неразумныя дѣти, потому что безпрестанно являлись случаи, когда одинъ цехъ забирался въ область другого. Особенно отличались въ этомъ случаѣ портные и ветошники или чинильщики стараго платья; потому что первые имѣли право класть подъ платье только новую подкладку, исключая платья для буржуазіи. Платье этого сорта они могли подбивать подкладкой со стараго платья дворянъ, если только оно не было изношено. По поводу такого, повидимому, пустого обстоятельства, затѣялся между тѣми и другими процессъ, продолжавшійся съ 1530 по 1770 годъ или 240 лѣтъ, стоившій необычайныхъ судебныхныхъ издержекъ и по поводу котораго было составлено 20,000 парламентскихъ постановленій и отъ 4 до 5,000 приговоровъ.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій подобнаго цеховаго устройства былъ застои промышленности и невозможность промышленныхъ

открытій и усовершенствованній. Когда Аргантъ изобрѣлъ известную стѣпную лампу съ воздушной тягой, то съ нимъ затѣяли процессъ лудильщики, мѣдники, жестянники и слесаря, и каждый цехъ утверждалъ, что только ему принадлежитъ право приготовить лампы. Приготовление лакированной жести было тогда тоже невозможно, потому что для этого требовались инструменты, принадлежащіе разнымъ цехамъ. Чтобы дѣлать такую жечь, нужно было принадлежать къ нѣсколькимъ цехамъ, а это не дозволялось закономъ.

Такимъ образомъ, индустрія становилась монополіею или привилегіею немногихъ. Званіе мастера сдѣлалось почти наследственнымъ и переходило почти исключительно отъ отца къ дѣтямъ или къ друзьямъ. Такъ называемая мастерская работа, т. е. та работа, за которую давалось званіе мастера, служила совсѣмъ не для того, для чего была придумана первоначально, а только для большаго укрѣпленія монополіи старыхъ мастеровъ, потому что подмастерье могъ произвести чудо промышленнаго искусства и все-таки никто бы не призналъ работу чудомъ, если мастерамъ почему нибудь не захотѣлось принять въ свой кругъ новаго мастера. Поэтому подмастерья проходили Францію вдоль и поперекъ, не находя нигдѣ ни одного города, гдѣ бы имъ дали званіе мастера, чтобы водвориться въ томъ мѣстѣ. Измученные всѣми непріятностями и неудачами, бѣдняки возвращались съ пустыми кошельками домой и за известную плату добывали отъ какого нибудь мастера право работать подъ его именемъ. Но эта штука была опасная, потому что грозила конфискаціей имущества и процессомъ: продавать издѣлія можно было только подъ секретомъ, не имѣя собственной лавки; слѣдовательно, приходилось жить подъ вѣчнымъ страхомъ. Такимъ образомъ, талантливые люди гибли и пропадали въ бѣдности.

Въ тѣ времена аристократическое начало съ его неподвижностью проходило повсюду; моды, въ томъ смыслѣ, какъ пыньче, не существовало; все работалось по старымъ рисункамъ и фасонамъ; платья переходили по наследству отъ бабушекъ къ внучкамъ, и отборная публика заявляла во всемъ великое желаніе стоять непремѣнно на одномъ мѣстѣ. Эта отборная публика, состоявшая изъ короля, придворныхъ, офицеровъ, дворянъ и духовенства обнаруживала также консервативное вліяніе и на всю индустрію. Только въ кругу этой публики дозволялась роскошь; ватѣмъ все остальное, какъ бы оно ни было состоятельно, должно было пользоваться самымъ простымъ

и обыкновеннымъ; никто, кромѣ высшихъ, не имѣлъ вербовъ и не носилъ оружія, не имѣлъ своихъ вилложей, не ѣздъ на хорошей поудѣ, и если бы кто изъ буржуазіи вздумалъ подражать аристократіи въ употребленіи какого-нибудь предмета роскоши, то онъ сейчасъ же исповалъ изъ моды, какъ вещь, получившая мѣщанскій характеръ. Оптого, что направлеміемъ индустрии управлялъ самый тѣсный кругъ, состоявшій изъ очень ограниченного числа людей, а все остальное было исключено, — воѣ ремесла и искусства должны были подѣлываться въ виду и понятіямъ этого меньшинства, зароженаго разными политическими и церковными предрассудками, бѣднаго идеями и потому имѣвшаго самое мертвящее вліяніе на ходъ всей промышленности и убивавшаго всѣ таланты и способности. Даже искусство не существовало тогда въ томъ смыслѣ, какъ оно существуетъ нынѣ, и художникъ не отдался отъ ремесленника. Единственное различіе заключалось въ томъ, что одни мастера работали на короля и дворъ, другіе — на дворянство; и кто работалъ на короля, тотъ считался художникомъ и представителемъ искусства, хотя бы онъ дѣлалъ не больше, какъ половія шотки; а кто занимался дѣйствительно искусствомъ, но работалъ на публику второстепенную, тотъ былъ ремесленникомъ.

Еще къ счастью для Франціи, что у нея не достало силы довести принципъ неподвижности до ея крайняго послѣдовательнаго развитія, и при всемъ стѣсненіи, которому подвергалась промышленность и великій рабочій, были однако въ ней и убѣжища, гдѣ подавленный человѣкъ могъ дышать и дѣйствовать свободно. Не слѣдуетъ, однако, полагать, чтобы это дѣлалось собственно для промышленности. Причина была проще: такъ какъ для должниковъ и преступниковъ существовали убѣжища, въ которыхъ ихъ не преслѣдовалъ законъ, то такое же убѣжище было предоставлено и рабочимъ. Въ Парижѣ было нѣсколько мѣстъ, гдѣ ремесленники могли заниматься вполне свободно своей работой, не зная ни цеха, ни стѣсненій, установленныхъ законами; такъ, напр. Сентъ-антуанское предмѣстье, округъ Тампль, часть улицы Лурдинъ, предмѣстье С-тъ Марсо и др. Сюда-то и убѣгали люди, которымъ не было мѣста въ спискахъ цеха, которымъ не давали права на мастерство, которыхъ хотѣли уморить голодомъ за то, что они были, можетъ быть, умнѣе сѣдыхъ парижковъ, засѣдавшихъ въ цехѣ, и которымъ не хотѣли дать право на работу. На эти убѣжища цехи смотрѣли, однако, весьма

сурово, а на тамошних обитателей, какъ на зачумленныхъ; къ ста эти отдѣлялись отъ другихъ мѣсть желѣзными рѣшетчатыми воротами, точно будто бы тамошних обитателей слѣдовало заперать, какъ прикованныхъ, и свободныхъ работниковъ цеха называли «faux ouvriers». Но, не смотря на это презрительное прозвище и на рѣшетчатые тюремныя ворота, люди, хотѣвшіе дышать свободно, шли толпами въ безопасныя убѣжища; такъ, въ Сэнтъ-антуанскомъ предмѣстьи поселились передъ революціей 70,000 рабочихъ. Каждый свободный уголъ былъ занятъ и даже переполненъ рабочими, которымъ общество отказывало въ правѣ добывать себѣ хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ и на право труда смотрѣло, какъ на привиллегію.— Теперь будетъ понятно, почему Сэнтъ-антуанское и другія предѣстья играли такую громкую роль въ революціи 1789 года; а также понятно и то, почему свободные сэнтъ-антуанскіе рабочіе и вообще всѣ «faux ouvriers», нестѣсняемые регламентаціей, оказались послѣ революціи самыми гениальными и способными мастерами, изъ рукъ которыхъ выходили лучшія произведенія.

V.

Французы времени реставраціи говорили, что пролетарій созданъ революціей. Если подъ пролетаріемъ понимать то, что понималось въ древнемъ Римѣ, т. е. бѣдняковъ, неимѣющихъ никакой собственности, то мнѣніе это ошибочно, потому что изъ приведенныхъ фактовъ видно, до какого ужаснаго экономическаго бѣдствія было доведено населеніе Франціи несчастной правительственной системой. Но если подъ пролетаріемъ подразумѣвать мыслящаго бѣдняка, хорошо понимающаго свое положеніе, бѣдняка, знающаго, что мѣшаетъ ему развить свои способности, какія права нужны ему, чтобы быть гражданиномъ на дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, и что слѣдуетъ устранить, чтобы избавить его отъ ежеминутной боязни голодной смерти, то реставраторы не ошиблись. Но если они не ошиблись въ сущности, то ошиблись все-таки въ размѣрѣ значенія пролетарія своего времени. Въ первую французскую революцію пролетарій только проснулся; но еще долго онъ не могъ притти въ себя. Пролетарію очень понравилась свободная уличная жизнь и право дѣлать разныя безчинства; его разрушительный инстинктъ дошелъ дѣйствительно до гениальнаго

размітра; но онъ, по своему простодушію, никакъ не могъ понять, что все, что онъ дѣлаетъ,—дѣлаетъ не для себя, и что его эксплуатируетъ буржуа. Въ этомъ смыслѣ и ошибались реставраторы: пролетарій точно проснулся во время революціи, но созданъ не ею, потому что онъ, какъ неизмѣннѣйшій человѣкъ, существовалъ и ранѣе; напущивъ въ первую революцію только для буржуазіи, онъ еще не понималъ хорошенько, что ему нужно дѣлать для себя, и въ такомъ раздумьи застала его реставрація; только впоследствии пролетарій сдѣлалъ нѣсколько попытокъ устроить и свое собственное дѣло, но уже тогда реставрація кончилась. Следовательно, полное сознание своихъ стремленій, нуждъ и желаній, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ, дѣлающее бѣдняка пролетаріемъ нашего времени и отличающее его отъ тупоумнаго римскаго пролетарія, не существовало еще въ полномъ своемъ развитіи ни во время первой французской революціи, ни во время реставраціи.

Во время первой революціи пролетарій не дошелъ еще до сознанія, какъ ему поступать и что ему дѣлать, т. е. до того умственнаго развитія, до котораго онъ дошелъ нынѣ. Какъ только среднее сословіе обрушило всю свою ненависть на аристократію—и не только быть аристократомъ, но даже имѣть аристократическую наружность или носить лайковыя перчатки считалось преступленіемъ, за которое можно было лишиться головы,—аристократическій уровень внезапно понизился. Фраки исчезли; всѣ старались одѣваться какъ можно проще; бархаты и шолкъ замѣнялись шерстяными матеріями; предметы роскоши, заготовлявшіеся прежде для графовъ и маркизовъ, смѣнились вещами простыми, и масса рабочихъ, занимавшаяся прежде приготовленіемъ блестящихъ пустанковъ для мотовъ и легкомысленныхъ придворныхъ, начала дѣлать то, что было нужно для людей болѣе простаго быта и чего они прежде не имѣли. Такимъ образомъ, вся промышленность получила, въ самый короткій срокъ, тотъ демократическій характеръ, которымъ она отличается теперь, и начала направлять свои силы на удовлетвореніе потребностей большинства, а не того крошечнаго меньшинства, которое прежде держало ее въ застоѣ. Переходъ былъ поразителенъ. Франція повернула круто на новый путь и пошла къ тому промышленному положенію, какому теперь она пользуется. До революціи, когда для всякой матеріи были предписаны правительствомъ рисунокъ, цвѣтъ, ширина, толщина, когда вкусъ немногихъ людей высшаго слоя, державшагося

старыхъ традицій, мертвилъ всю народную дѣятельность, Франція изобрѣтала изъ себя погоней — промышленный Китай; а законодательницей моды была Англія, гдѣ промышленность не стѣснлась. Съ отъѣздомъ же всѣхъ старыхъ промышленныхъ постановленій французъ началъ думать свободно, и подумавъ, оиъ занявъ въ промышленности то мѣсто, которое принадлежеть ему по его свободамъ и талантамъ. Тому, кто знаетъ теперешнюю Францію, съ ея лихорадочной подвижностью, кто знаетъ ея разнообразіе и вкусомъ французскихъ издѣлій и изобрѣтательностью французскъ въ двѣхъ моды, будетъ довольно трудно представить себѣ французскій Китай, совершенно несогласный съ духомъ народа. А между тѣмъ, французы были китайцами, и только свободныя учрежденія сдѣлали изъ теперешнихъ французовъ.

Въ то время, какъ рабочій почувствовалъ, что ему уже очень свободно и что оиъ можетъ не только ломать и бить все, что ему не понравится, но его преслать иногда объ этомъ и даже платить деньги, чтобы оиъ безчинствовалъ, какъ можно колоссальнѣе, — оиъ вспоминалъ, что у него есть нѣкоторые счеты и съ его старыми хозяевами. Старые хозяева были дѣйствительно народъ свертный: они не всегда исправно платили деньги; они утѣсняли рабочаго и даже поколачивали его, на что имѣли законное право, и вообще любили показать, что между работникомъ и хозяиномъ есть великая разница и что работники сдѣланы природой изъ матеріала менѣе благороднаго. Какъ только рабочій почувствовалъ, что его руки ходять совсѣмъ свободно, оиъ сейчасъ же сообразилъ, что ему можно будетъ теперь поговорить съ своимъ хозяиномъ, и, безъ дальнихъ околичностей, потребовалъ отъ него отчета въ доходахъ отъ работы. Такое требованье показалось, разумѣется, хозяину необычайнымъ, потому что никогда не существовало ничего подобнаго, — и вотъ что изъ этого вышло. Предводители рабочихъ, управлявшіе дѣломъ, были указаны правительству испугавшимися хозяевами, и буржуазія, увидѣвшая, что подобная несообразность со стороны пролетарія можетъ помѣшать ей, набила биткомъ парижскія тюрьмы негодьями-рабочими, заявившими подобное дерзкое требованье. Кромѣ того, буржуазія распорядилась окружить предместье Монмартръ, гдѣ жили негодяи, войсками и пушками, и выслать всѣхъ рабочихъ въ провинціи, въ которыхъ они родились, 4,000 рабочихъ были, такимъ образомъ, выведены изъ Парижа подъ конвоемъ

національной гвардіи. Конечно, такое невѣжество очень огорчило рабочихъ, и тѣ, кто остался въ Парижѣ, написали къ Мара слѣдующее письмо: «Истинный защитникъ рабочихъ классовъ, позвольте намъ, рабочимъ, сообщить вамъ трудности нашихъ товарищей. Недовольные тѣмъ, что они на счетъ бѣдныхъ рабочихъ накопили необычайныя богатства, эти алчные притѣснители простерли такъ далеко свое безчеловѣчіе, что обратились къ закоподателямъ, чтобы провести противъ насъ варварскій декретъ, обрекающій насъ на голодную смерть. Задыхаясь въ своихъ богатствахъ, они одушевлены денежной алчностью и жестокостью. Какъ доказательство этого, мы укажемъ вамъ на бывшихъ нашихъ товарищей, а теперь хозяевъ, — каменщиковъ, которые начали сами съ подземники, а теперь обращаются съ бѣдными рабочими очень жестоко. Считаю себя сильнымъ, она хотятъ наложить на насъ тяжелѣйшее ярмо.» Мара, конечно, принявъ это посланіе съ особеннымъ удовольствіемъ и пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать, что подобныя алчныя и жадныя людямъ можно оказывать большое благодѣяніе, отрубивъ имъ головы. Каждый день Мара сталъ громить въ своихъ листкѣхъ притѣснителей рабочаго населенія, и никогда, даже при нападахъ на аристократію, онъ не говорилъ болѣе ужасныхъ вещей. Съ этихъ поръ между рабочимъ и буржуа легла пропастъ и начала разжигаться обобщая ненависть.

Рабочіе не могли помочь себѣ болѣе существеннымъ образомъ; потому что люди движенія увлеклись слишкомъ борьбой съ политическими привилегіями и не имѣли яснаго понятія о дѣйствительныхъ причинахъ бѣдности, и о томъ, какимъ могучимъ двигателемъ событій того времени было общее матеріальное бѣдствіе. Изъ этого непониманія происходила еще другая ошибка, бывшая въ сущности только слѣдствіемъ первой. Такъ какъ люди движенія противъ старой силы выставили силу новую и шли путемъ насильственнаго переворота, который находили единственно возможнымъ, то члѣмъ показавшись, что подобную же услугу можетъ оказать имъ насиліе и въ вопросахъ экономическихъ. Поэтому, они рѣшили, что будетъ лучше всего, если они займутся сначала краснорѣчивыми разговорами о бѣдствіяхъ голодающихъ людей и провознесутъ по этому случаю нѣсколько трогательныхъ рѣчей; а затѣмъ издадутъ ордеръ, строго повелѣвающій, чтобы бѣдность исчезла съ французской территоріи и переселилась бы куда ей надумается. Но такъ какъ, разумеется, одна эта мѣра не

могла быть вполне дѣйствительною, то предполагалось устроить государственную благотворительность въ невиданномъ еще до того мѣрѣ размѣрѣ. Послѣ сдѣланныхъ опытовъ, такое прямое разсужденіе оказалось ошибочнымъ, и какъ вожди не могли придумать сами собою ничего болѣе умнаго, то они и рѣшились заняться исключительно политическими дѣлами, и закрыли на все остальное глаза, вѣроятно, полагая, что одного закрытія глазъ совершенно достаточно, чтобы бѣдные люди превратились вдругъ въ богатыхъ.

Въ нѣсколько большихъ подробностяхъ дѣло это совершалось такъ. Франція привыкла ходить на помочахъ; простой народъ всегда и во всемъ руководился высшими классами, которые за него думали, рѣшали, что для него лучше, потому что дитя само не знаетъ этого, и устраивала ему жизнь такъ, какъ хотѣлось имъ, а не неразумному дитяти. Усвоивъ такую привычку, простой человѣкъ ожидалъ всегда всего отъ старшихъ и высшихъ, и своимъ умомъ думать рѣшительно не хотѣлъ. Когда ему было холодно, онъ ждалъ, что его оденетъ правительство; было ли ему голодно — онъ точно также ждалъ, что правительство настрѣляетъ и нажаритъ ему рябчиковъ и куропатокъ; а на себя онъ бралъ только пріятную обязанность ихъ съѣсть. Высшіе находили все это весьма естественнымъ, такъ какъ глушость простого человѣка была совершенно несомнѣнна, и охотно дѣлали для него все то, что было необходимо, чтобы онъ отъ излишняго голоду и холоду не приходилъ въ вредный для высшихъ азартъ. Такимъ образомъ, между простымъ человѣкомъ и высшими сложились довольно странныя отношенія, и если ему было холодно, онъ самъ не дѣлалъ для себя ни одного шагу, а ждалъ, когда ему устроить все, какъ слѣдуетъ, начальство. Незамѣтивъ, въ самомъ началѣ революціи, чтобы прежній голодъ смѣнился вкусными яствами и питіями, и чтобы на улицахъ Парижа выросли финики и бананы, простой человѣкъ приписалъ все это коварству начальства и началъ ворчать. По мѣрѣ того, какъ революція разгаралась, простой человѣкъ становился все смѣлѣе и смѣлѣе, а какъ ожидаемые имъ бананы по прежнему не появлялись ни на бульварахъ, ни въ Елисейскихъ поляхъ, то къ прежней воркотнѣ онъ присоединилъ угрозы. Старшіе трусили, и какъ всегда водилось, что выдумывать что нибудь новое и хорошее приходилось имъ, то они рѣшили, что этимъ нужно имъ заняться и теперь. Конституціонное собраніе въ 1791 году объявило, что должна быть учреж-

дена общественная благотворительность и открыты благотворительныя заведения для воспитанія нашедшихся, пенсiи бѣднымъ больнымъ и для доставленiя занятiй бѣднымъ рабочимъ. Вопросу о бѣдныхъ собранiе давало большое значенiе и ставило его въ первую очередь. Жанкуръ представилъ собранiю подробныя данныя для всесторонняго обсужденiя этого дѣла, и по всестороннемъ обсужденiи было рѣшено, что всю исторiю беретъ на себя государство; оно будетъ учреждать благотворительныя заведения, устраивать общины; оно же будетъ раздавать помощь и дѣлать все, чтобы обезпечить и иныя извѣстныя въ дѣтальномъ планѣ. Въ 1793 году, Конвентъ издалъ законъ, по которому вся эта система должна была быть примѣнена во всѣхъ департаментахъ. Причины подобнаго мѣра будутъ совершенно ясны читателю, если онъ обратитъ вниманiе на понятiя того времени.

Конвентъ объявилъ, что каждый бѣдный гражданинъ имѣетъ право на помощь правительства; что содержанiе бѣдныхъ родителей, обремененныхъ многочисленными семействами, содержанiе дѣтей, покинутыхъ родителями, и поддержка безпомощныхъ людей и больныхъ стариковъ составляетъ долгъ государства. Всѣ общинныя и другiя благотворительныя заведения должны были передать свои суммы въ руки правительства, и Конвентъ повелѣлъ завести большую книгу государственной благотворительности. Извлеченiе изъ этой книги служило бѣднымъ основанiемъ или документомъ, доказывающимъ имъ право на полученiе помощи, какъ подобное же извлеченiе изъ государственной долговой книги служило правомъ на полученiе ренты. Каждый годъ предполагался большой національный праздникъ въ честь бѣдныхъ и въ этотъ день положено было прочитывать публично книгу государственной благотворительности.

Противъ грациозности такого плана сказать рѣшительно нечего, точно такъ же, какъ нельзя ничего возразить противъ торжественности праздника въ честь бѣдныхъ и противъ той смертельной скуки, какую наводило бы на публику чтенiе большой книги. Но можно сдѣлать возраженiе противъ самой мысли устроить чепуху такого испанскаго размѣра. Въ этомъ, впрочемъ, убѣдились скоро и сами члены Конвента, не смотря на самоувѣренное обѣщанiе Робеспьера, что бѣдность не будетъ существовать на французской землѣ. Гигантскiй проектъ кончился тѣмъ, что дѣлги, отобранныя правительствомъ отъ прежнихъ общественныхъ и частныхъ благотворитель-

ныхъ учреждений, были истрачены; бѣдные остались безъ помощи; и наконецъ Законодательное собраніе, бывшее послѣ Конвента, возстало снова частными благотворительными заведеніями.

Теоретичность Конвента въ экономическихъ вопросахъ видѣе всего изъ его слѣдующаго силлогизма: каждый долженъ существовать своимъ трудомъ; тѣ, у кого нѣтъ работы или силъ, получаютъ вспомошествованіе; слѣдовательно, бѣдности въ странѣ быть не можетъ. Кажется бы, и только; но у Конвента явилось еще и другое «слѣдовательно». Онъ сообразилъ такъ: если бѣдности быть не можетъ, а между тѣмъ, она встрѣтится контрабандно, въ такомъ случаѣ она—нарушеніе закона, слѣдовательно, преступленіе, а всякій бѣднякъ есть преступникъ. Никогда Франція не имѣла такихъ строгихъ законовъ противъ нищихъ, какъ во время Законодательнаго собранія.

Все это произошло оттого, что тогдашнее движеніе Франціи было исключительно политическое, что въ вопросахъ соціального порядка вожди не понимали ровно ничего, и при рѣшеніи ихъ отдѣлялись или красными и громными фразами, или гигантскими проэтами, весьма заманчивыми на бумагѣ и негодными для дѣла, или строгими законодательными запрещеніями, по примѣру прежней королевской власти. Для вождей и ораторовъ вопросъ пролетарія не былъ жизненнымъ вопросомъ, потому что никто изъ нихъ никогда не сидѣлъ въ кожѣ пролетарія; они разсматривали бѣдность и ея причины очень издалека; а изъ бель-этажа она представляется со всѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ когда живешь съ нею вѣсколько лѣтъ рядомъ. Поэтому, не смотря на прежнія фразы вождей и ораторовъ, бѣдность составляла для нихъ вопросъ второстепенный; главнымъ — былъ политическій, и буржуазія обдѣлала его хорошо. Пролетарій болѣе всѣхъ шумѣлъ и безчинствовалъ, не понимая хорошо, для чего онъ все это дѣлаетъ; онъ изъ всѣхъ силъ ломалъ за буржуазію и кончалъ ея дѣло, а между тѣмъ, своихъ представителей въ Національное собраніе не выставилъ и своего дѣла не начиналъ.

VI.

Наполеонъ I произносилъ только монологи, но не любилъ слушать другихъ; онъ привыкъ повсемѣстно повелѣвать своей арміей и такъ

же хотѣлъ повелѣвать пролетаріями. Последнее ему и не удалось.

Стремясь къ административной централизаци, Наполеонъ нисколько не противорѣчалъ французской правительственной системѣ, которой одинаково держались и Людовикъ XIV, и Людовикъ XVI, и Національное собраніе, и Конвентъ. Поэтому-то французы такъ легко и дошли до тѣхъ крайностей управленія, которыя преподнесъ имъ ихъ императоръ.

Многія изъ профессій Наполеонъ сдѣлалъ привилегіей извѣстныхъ лицъ; другія исключительно монополіей казны или же ввѣрялъ ихъ управленію лицъ, избранныхъ правительствомъ.

Во всемъ этомъ у Наполеона была одна цѣль. Онъ хорошо понималъ, что революція, уничтоживъ цехи и корпораціи, вмѣстѣ съ тѣмъ должна была помочь развитію политическихъ ассоціаций. Такихъ вещей Наполеонъ не любилъ, и потому ему нужно было придумать что нибудь такое, что бы достигало старыхъ административныхъ цѣлей въ новой формѣ. Придумать было не особенно трудно: требовалось только, чтобы правительство или прямо вліявалось въ торговые и промышленныя дѣла, или чтобы на выборы и назначеніе членовъ промышленныхъ обществъ и товариществъ оно имѣло вліяніе. Возстановивъ, наприимѣръ, нрижскую торговую палату, отмененную республикой, Наполеонъ постановилъ, что члены ея избираются только пятьдесятью тремя избирателями, назначаемыми префектами. Понятно, что свободное представительство торговыхъ интересовъ стало невозможнымъ. Тѣмъ же способомъ Наполеонъ прибралъ къ своимъ рукамъ промышленность и соединилъ у себя и финансовыя интересы.

Все это было, разумѣется, очень хорошо только для личныхъ плановъ Наполеона, но что же онъ сдѣлалъ для пролетарія? Для пролетарія онъ не сдѣлалъ равно ничего, потому что имѣлъ легкомыслие предполагать, что министерскими распоряженіями можно разрѣшать соціальныя вопросы. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ не отступилъ ни на шагъ отъ принциповъ предшествовавшаго ему революціоннаго правительства. И принципъ этотъ опредѣлялся всего тремя словами: «право на вспомошествованіе».

При Наполеонѣ число шпіиокъ увеличилось въ страшномъ размѣрѣ. Наполеонъ понималъ хорошо, что терпѣливая, молчаливая мас-

са людей составляет, при всемъ своемъ терпѣнн, все-таки страшную силу, и что есть предѣлъ, далѣ котораго терпѣливость становится невозможной. Ему, для собственного могущества и блеска своего царствованія, нужно было сдѣлать что нибудь хорошее для бѣдныхъ людей; подумавъ, Наполеонъ рѣшилъ, что будетъ лучше всего, если онъ осуществитъ въ примѣненіи къ бѣднымъ слѣдующій аэропрямъ экономическій, придуманный еще во время республики: «право на вспомошествованіе», и затѣмъ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ составить планъ, чтобы нищество и нищету уничтожить во Франціи сразу. Министръ принялся усердно за работу, но не могъ ничего придумать; время, между тѣмъ, шло, — нищце не убавлялись; Наполеонъ разсердился и рѣшительнымъ образомъ приказалъ министру «искоренить бѣдность во Франціи въ теченіе мѣсяца». Министръ, который только и ждалъ этого, принялся тотчасъ же искоренять, построилъ 59 новыхъ убогихъ и нищенскихъ домовъ и посадилъ въ нихъ 22,550 нищихъ, бродягъ, публичныхъ женщинъ, престарѣлыхъ, беспомощныхъ и больныхъ рабочихъ, — однимъ словомъ, всѣхъ, кто попадался ему на улицахъ безъ дѣла.

Чтобы не пускаться въ утомительныя подробности о томъ, почему такая система никуда не годится, — что мыслящіе люди знали еще и тогда, но только не зналъ этого Наполеонъ, — я приведу лишь два факта, безъ всякихъ разсужденій. Послѣ изложенія Наполеона, большая часть департаментовъ вошла въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о закрытіи домовъ для нищихъ, и главной причиною этого выставили, «что дома эти были выстроены Бонапартомъ», а Ватвилль, генералъ-инспекторъ общественныхъ благотворительныхъ заведеній во Франціи, въ своемъ отчетѣ о нихъ, представленномъ имъ правительству нѣсколько лѣтъ назадъ, говорилъ слѣдующее: «Можно смѣло утверждать, что безъ общественныхъ благотворительныхъ заведеній положеніе бѣдныхъ нисколько не ухудшится. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ, въ которые общественныя управленія раздавали пособія, ни одинъ бѣдный не вышелъ еще изъ нужды и при помощи общественной благотворительности не всталъ на ноги и не сдѣлался самостоятельнымъ рабочимъ. Напротивъ, общественная благотворительность дѣлаетъ очень часто пауперизмъ наследственнымъ. Постоянныя періодическія пособія мѣшаютъ бѣднымъ выйдти изъ печальнаго положенія, въ которое поставили ихъ

обстоятельства. Помощь даже поселаятъ въ нихъ равнодушіе, ухудшающее еще болѣе ихъ положеніе. При нынѣшней системѣ выдается ежегодно 17,000,000 франковъ 14,000,000 бѣднымъ, число которыхъ въ концѣ года остается то же, если только еще не увеличивается».

Но все это говорилось о нищихъ, разныхъ калѣкахъ, старикахъ, вдовахъ и т. д. Что же сдѣлалъ Наполеонъ для пролетарія, поставилъ ли онъ его въ такое положеніе, чтобы имѣть всегда работу и жить самостоятельнымъ трудомъ? Нищимъ и немощнымъ Наполеонъ раздавалъ деньги и никого не сдѣлалъ богаче, а пролетарію онъ помогалъ подобнымъ же старымъ способомъ — и пролетарій по прежнему остался пролетаріемъ. Такимъ образомъ, оказалось, что есть на свѣтѣ вещи, которыхъ не одолѣетъ никакая сильная армія и никакой геніальный полководецъ. Но оказалось здѣсь еще и то, что геніальный полководецъ, предъ которымъ склонилось все, боялся бѣднаго, беспомощнаго пролетарія.

Для вспомошествованія пролетарію Наполеонъ I дѣлалъ все то, что дѣлаетъ теперь его племянникъ. Императорскіе дворцы были повсюду реставрированы, вновь мебелированы, строились большія дороги, поправлялись старыя, возводились безчисленныя общественныя зданія, водопроводы, фонтаны, набережныя, церкви и т. д. и все это главнѣйше для того, чтобы дать занятіе рабочимъ. Всего этого было, однако, еще недостаточно и неблагоприятный пролетарій по прежнему все что-то думалъ про себя. Наполеонъ зналъ, какъ нехорошо, если пролетарій размышляетъ, и по возвращеніи изъ Москвы потребовалъ отъ полицейскаго префекта, барона Паскье, отчета о состояніи парижскихъ рабочихъ. Отчетъ барона былъ самаго неутѣшительнаго характера. «Въ Сентъ-антуанскомъ предіѣстѣи и въ прилегающихъ къ нему частяхъ города, писалъ Паскье, есть рабочіе, которые входятъ въ лавки и магазины и требуютъ *работы или хлѣба*. Умы разгорячаются и среди дня прибываются къ стѣнамъ плакарды противъ императора. Я думаю, что арестованіе главныхъ предводителей было бы опаснымъ и бессильнымъ средствомъ. Было бы лучше поручить комиссарамъ благотворительныхъ бюро удвоить и утроить вспомошествованія, а также распространить ихъ на тѣхъ, кто живетъ en gâgne, и на тѣхъ, кто не имѣетъ совсѣмъ квар-

тиръ. Но все это должно быть сдѣлано, не возбуждая ничего вниманія.» Изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ полиціей, оказалось, что изъ 66,850 человекъ мужского рабочаго населенія Парижа 21,950 ч. были безъ работы. Чтобы помочь имъ, были придуманы правительствомъ новыя работы и заказы; для занятія рабочихъ зимой, многія работы въ Луврѣ отложены; однимъ словомъ, Наполеонъ хлопоталъ изъ всѣхъ силъ дать пролетарію дѣло.

Но такая ли работа была нужна пролетарію? Разрѣшался ли социальный вопросъ о бѣдности тѣмъ, что безчисленные агенты утонченнаго полиційскаго управления Парижа составляли самые meticulous списки о томъ, сколько плотниковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, слесарей и т. д. сидятъ безъ дѣла; что для празднаго не по своей волѣ человека сочинялась въ Луврѣ новая работа только для того, чтобы накормить голоднаго? Если вспомошествованіе деньгами нищимъ не дѣлало ихъ богаче, то отчего же вспомошествованіе временной работой должно было обезпечить пролетарія? Если первое не могло достигнуть своей цѣли, почему должно было достигнуть второе, когда сущность того и другого была одна и та же? Восстановляя старый социальный порядокъ, Наполеонъ не казалъ, что ему совершенно непонятны вопросы новаго времени и новыя стремленія Франціи. Прежде исторія представлялась для всѣхъ въ видѣ политики, и никто не думалъ, чтобы она могла быть чѣмъ-нибудь новымъ, потому что сущность замаскировывалась внѣшностью. Политика была вездѣ на первомъ планѣ, и за блестящей и громкой политическою внѣшностью никто не замѣчалъ экономической сущности и того, что исторія человечества есть исключительно исторія собственности. Въ чемъ заключались всѣ политическія движенія, начиная съ древняго Рима и кончая новой Франціей, какъ не въ стремленіи воставить собственность и право на нее въ другое отношеніе? Въ чемъ заключалась борьба партій и сословій, какъ не въ томъ, чтобы забрать въ свои руки силу и власть исключительно для возвышенія своего матеріальнаго положенія? Политика во всемъ этомъ была только орудіемъ и средствомъ, которыми достигались совсѣмъ иные цѣли. Если иногда и случалось, что общее движеніе вызывалось какъ-будто бы крупными причинами, то иждь это только казалось. Даже реформація, во снотрѣ на свой религіовный характеръ, была въ сущности борьбой за новыя отнюженія собственности и другія права на матеріаль-

ное благосостояніе. Может показаться, что Лютеръ изображалъ собой представительство чисто-духовныхъ и нравственныхъ интересовъ, а экономическое представительство явилось въ лицѣ Мюнцера и тѣхъ, кто затѣялъ крестьянскую войну. Но развѣ это вѣрно? Лютеръ въ сущности отстаивалъ матеріальные интересы духовенства и высшихъ сословій, и возсталъ противъ крайней привилегированной аристократіи въ лицѣ папы и высшихъ сановниковъ. Поэтому противники Лютера, какъ Мюнцеръ, изображавшій собой демократическіе интересы, должны были проиграть, какъ проиграли потомъ пролетаріи Франціи въ борьбѣ съ буржуазіей, потому что сила и способности были еще не на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ, и Лютеръ, и Мюнцеръ явились защитниками и бойцами за одно дѣло; но Лютеръ былъ представителемъ дворянства и правителей, а Мюнцеръ — народа, только въ этомъ и вся разница между ними. Если Мюнцеръ погибъ — это и должно было случиться. Также погибъ бы и Лютеръ, если бы онъ явился столѣтіемъ раньше.

Во французскомъ движеніи 1789 года совершилась та же самая сущность, хотя всѣ частности были другого рода. Буржуазіи нужно было другое экономическое положеніе, а его достигнуть она могла только однимъ: — забравъ въ свои руки власть и затѣмъ измѣнивъ всѣ законы и порядки внутренняго управленія такъ, чтобы львиная часть во всемъ доставалась ей. Что же могло достаться при этомъ пролетарію? Такъ какъ онъ самъ не могъ еще сдѣлать для себя ровно ничего и свои таланты обнаружилъ преимущественно въ особенной развязности въ уличныхъ схваткахъ и въ разныхъ угрожающихъ жестахъ и выраженіяхъ, то буржуазія позаботилась о пролетаріѣ ровно на столько, на сколько это было нужно, чтобы малое дитя вело себя смирно и не особенно сердилось.

Но экономическое могущество буржуазіи, конечно, противъ нея воли, подѣйствовало на пролетарія весьма наставительнымъ образомъ. Изъ этой школы онъ вынесъ полезный урокъ. Онъ понялъ, что дѣла идутъ неладно, что его гражданское положеніе находится въ разногласіи съ его экономическимъ значеніемъ и что необходимо измѣнить тѣ отношенія, въ которыя поставила пролетаріатъ революція 1789 года. Теперешнія усилія пролетарія направлены исключительно къ тому, чтобы поставить трудъ въ возможно-меньшую зависимость отъ капитала.

Рабочія ассоціаціи есть одно изъ тѣхъ средствъ, которыя придумалъ пролетарій, чтобы достигнуть этой цѣли, и потому для человека XIX вѣка нѣтъ ничего важнѣе знанія тѣхъ усилій пролетарія, которыми онъ надѣется достигнуть экономической самостоятельности.

И. Шкалгуновъ.

ВИНОВАТА-ЛИ ОНА?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

БЛАГОРОДНЫЙ ЛОРДЪ УМИРАЕТЪ.

Джоржъ Вавазоръ провелъ около четырехъ дней подъ кровлею своего дѣда. Скрѣпя сердце, рѣшилъ онъ пожертвовать этими четырьмя днями, чтобы дожидаться отвѣта отъ тетушки Гринау и, въ случаѣ отказа, понудить Кэтъ написать Алисѣ, какъ это было условлено между ними. Въ продолженіе этихъ четырехъ-пяти дней, тщетно уговаривала его Кэтъ быть пообходительнѣе съ дѣдомъ; Джоржъ и старикъ упирались каждый на своемъ и никто изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать перваго шагу. — Не говори ты мнѣ про этого злющаго гуська, отвѣчалъ старый сквайръ на ея увѣщанія; дуракъ я былъ, что пустилъ его къ себѣ въ домъ. — Пробовала Кэтъ урезонивать Джоржа, выставляя ему на видъ, что своимъ упорствомъ онъ только раздражитъ старика и доведетъ его, пожалуй, до того, что тотъ лишитъ его наслѣдства.

— На то его добрая воля, угромо отвѣчалъ Джоржъ.

— Если ты себя не жалѣешь, то уступи хоть ради Алисы.

— Алиса-то ужъ никогда не потребуетъ, чтобы я изъ корыстолюбивыхъ видовъ подчинялся безсмысленному самодурству. Что до меня касается, то я откровенно говорю, что люблю деньги, и не слишкомъ-то разборчивъ въ средствахъ тамъ, гдѣ

представляется возможность хорошей поживы. Но такая уступчивость выше моих силъ. Я никогда не дѣлалъ этому чловѣку ничего худого; я не пользовался отъ него ни однимъ шиллингомъ. Когда я было затѣялъ это дѣло по винной части, онъ мнѣ помогъ, обезпечивъ за мною имѣнье, которое все равно достанется мнѣ по его смерти. По своей неисправимой ограниченности, онъ даже не позаботился поближе заглянуть въ это дѣло и, Богъ вѣсть почему, вообразилъ себѣ, что я затѣваю пустое, тогда какъ, быть можетъ, единственный разъ въ жизни я затѣвалъ дѣло.

— Но онъ имѣлъ полное право поступить по своему усмотрѣнію, замѣтила Кэтъ.

— Конечно; но онъ былъ не въ правѣ вмѣнять мнѣ мою просьбу въ преступленіе. Надо было изъ послѣдняго ума выжить, чтобы отказать мнѣ въ ней; но за это я и не подумалъ бы съ нимъ враждовать; не его вина, что природа создала его такимъ дуракомъ. Но не могу же я валяться у него въ ногахъ, за то только, что осмѣлился къ нему обратиться съ самою разсудительной просьбой.

Дѣдъ и внукъ почти ни слова не говорили другъ съ другомъ; съ глазу на глазъ они оставались другъ съ другомъ всего какіе нибудь полчаса послѣ обѣда; старый сквайръ выпивалъ обыкновенно въ это время по три стакана портувейна и рассчитывалъ, что и внукъ послѣдуетъ его примѣру; но Джоржъ не притрогивался къ вину.

— Я совсѣмъ бросилъ пить вино послѣ обѣда, отвѣчалъ онъ, когда дѣдъ придвинулъ къ нему бутылку.

— То есть, ты хочешь сказать, что ничего не пьешь, кромѣ кларета, замѣтилъ старикъ далеко не въ примирительномъ тонѣ.

— Я просто на просто хочу сказать, что бросилъ пить вино послѣ обѣда, и никакой у меня нѣтъ при этомъ задней мысли.

Даже мистеру Вавазору показалось неловкимъ придратъ къ такому предлогу, чтобы разбраниться съ своимъ наслѣдникомъ; а между тѣмъ, въ немъ бродило какое-то смутное чувство обиды, и чувство это становилось все сильнѣе и сильнѣе при упорномъ молчаніи Джоржа, видимо нежелающаго поддерживать разговоръ.

— Но какого чорта ты тутъ сидишь, если не хочешь ни пить, ни говорить? промолвилъ старикъ.

— Этого я и самъ не знаю, отвѣчалъ Джоржъ. Впрочемъ, если я уйду, то вы набинетесь на меня съ бранью.

— Убирайся, сдѣлай милость; куда хочешь; какое мнѣ дѣло до тебя!

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что Джоржъ не въ добрый часъ пріѣхалъ въ замокъ своихъ предковъ.

На четвертый день пришелъ отвѣтъ отъ тетушки Гринау.—«Милая Кэтъ, писала она, я не могу сдѣлать того, о чемъ ты меня просишь. Я совсѣмъ не знаю моего племянника и не вижу, съ какой стати мнѣ ужъ такъ особенно хлопотать о доставленіи ему депутатства. Какое мнѣ дѣло до блеска вавазорскаго имени? Не позаботься я сама о себѣ, Вавазоры въ жизнь свою ничего бы для меня не сдѣлали. Такъ называемыя кровныя узы имѣютъ въ глазахъ моихъ мало значенія; я люблю тѣхъ, которые меня любятъ и кого я знаю. Такъ, я отъ души люблю тебя, и за то, что ты была добра ко мнѣ, я охотно бы дала тебѣ тысячу фунтовъ, если бы они тебѣ самой понадобились; но я, право, не вижу никакой необходимости раздавать мои деньги людямъ, которыхъ я не знаю. Если ты сочтешь нужнымъ передать содержаніе этого письма моему племяннику, то скажи ему, чтобы онъ не принималъ его за обиду.

Любящая тебя тетка

Арабелла Гринау.

P. S. Твой другъ Ч. ждетъ тебя, не дождется.»

— Этого заранѣе слѣдовало ожидать, проговорилъ Джоржъ, возвращая письмо сестрѣ; что я для нея?

— А я было рассчитывала на нее, сказала Кэтъ.

— Напрасно; она слишкомъ умная женщина, чтобы давать денегъ взаймы всякому встрѣчному.—Что это за другъ твой Ч., который ждетъ тебя, не дождется?

— Это одинъ господинъ, которому очень хотѣлось бы жениться на ней и на ея деньгахъ.

— Такъ чтожъ она толкуетъ, будто онъ тебя такъ ожидаетъ?

— Это она нелѣпую мысль забрала себѣ въ голову. Съ чего-то ей вздумалось утверждать, будто онъ влюбленъ въ меня.

— Богатъ онъ?

- Очень.
- Какъ его фамилія?
- Чивомеръ. Но полно, охота тебѣ разспрашивать о немъ.
- Если онъ богатъ и хочетъ на тебѣ жениться, то почему бы тебѣ и не выйдти за него?
- Помилуй, Джоржъ! во-первыхъ, онъ вовсе не желаетъ на мнѣ жениться; а во-вторыхъ, онъ весь ушелъ въ свой скотный дворъ.
- Чтожъ! скотный дворъ—дѣло хорошее.
- Ну да, вонечно; но бросимъ этотъ разговоръ.
- Скажу тебѣ только, что мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы ты сдѣлала хорошую партію; а теперь перейдемъ къ вопросу о деньгахъ. Тебѣ надо поскорѣе написать Алисъ.
- О, Джоржъ!
- Сама же ты мнѣ обѣщалась. Ты глупо сдѣлала, что не послушалась меня тогда и сразу не написала ей.
- Это свыше моихъ силъ.
- Другими словами, ты хочешь сказать, что берешь назадъ свое слово, что, заставивъ меня потерять здѣсь столько времени, ты не намѣрена исполнить свое обѣщаніе.
- Возьми мои деньги пока; ты заплатишь мнѣ ея деньгами послѣ свадьбы. Я сама первая потребую уплаты отъ нея... и отъ тебя.
- Все-то ты городишь вздоръ.
- Но почему же вздоръ? Ужь тебѣ-то, кажется, нечего стѣсняться со мной; вѣдь я же не задумалась бы обратиться за помощью къ тебѣ.
- Говорятъ тебѣ, Кэтъ, я этого не хочу и баста. Я оберу тебя до нитки и все же не покрою всѣхъ издержекъ по выборамъ, а заемъ при такихъ условіяхъ хуже, чѣмъ бесполезенъ.
- Ты желаешь, чтобы я попросила у нея больше двухъ тысячъ?
- Я желаю, чтобы ты попросила у нея пока всего на всего одну тысячу; эта сумма необходима мнѣ въ настоящую минуту, мнѣ нужно достать еѣ во что бы то ни стало. И Алиса знаетъ, что деньги мнѣ необходимы и что я рассчитываю на ея помощь. Не знаетъ она только, что именно теперь

прислѣло время для этой помощи; вотъ это-то ты и должна ей объяснить.

— Лучше бы я, вѣжета, отдала свою руку на сожженіе.

— Но этиѣ ты, къ сожалѣнію, все-таки бы мнѣ не могла. Слушай, Кэтъ: я настоятельно прошу тебя написать; если ты этого не сдѣлаешь, то я, конечно, напишу ей самъ; но отказъ съ твоей стороны я сочту за низкое предательство, и ужь конечно послѣ этого не увижусь больше съ тобой. Мнѣ не хотѣлось бы—по причинамъ, которыя ты пока угадаешь,—самому писать Алисѣ; я требую исполненія твоего обѣщанія. Если ты откажешься, то я буду знать, что мнѣ дѣлать.

Нечего и говорить, что она уступила; тяжело было у нея на сердцѣ и едва сгибались ея пальцы, медленно выводя буквы, когда она писала Алисѣ условленное письмо. Съ трудомъ ложились одна за другою накрахмаленныя фразы, и между строкъ легко было прочитатъ всю печальную и постыдную повѣсть этого письма. Алиса поняла, какъ нельзя лучше, при какихъ условіяхъ оно было написано, но поспѣшила увѣдомитъ кузину, что требуемая сумма въ самомъ скоромъ времени будетъ въ распоряженіи Джоржа.

Кэтъ еще недавно безмѣрно гордилась примиреніемъ между братомъ и кузиною, и радовалась, считая это примиреніе своимъ дѣломъ. Но куда дѣвалась теперь ея гордость и радость? Куда дѣвался восторженный тонъ ея писемъ къ Алисѣ, писемъ, наполненныхъ пророческихъ предсказаній о будущихъ великихъ дѣяніяхъ Джоржа въ парламентѣ и милыхъ намековъ на его неувядающую любовь? Да и самой Алисѣ было неловко упоминать въ письмахъ о Джоржѣ. Переписка между кузинами, по окончаніи денежныхъ переговоровъ, такъ и заглохла на цѣлую зиму. Кэтъ продолжала гостить въ Уэстморлэндѣ; измученная и не въ ладу съ собою, она молча выслушивала неприязненныя выходки старата свайра противъ внука и чувствовала, что уже не можетъ заступаться за брата, какъ бывало.

Джоржъ возвратился въ городъ, и еще въ послѣднихъ числахъ января получилъ черезъ своего банкира вомделѣнную тысячу фунтовъ: (Читатель догадается конечно, что эти деньги были выплачены мистеромъ Томбсомъ и поставлены имъ въ счетъ мистеру Грею). Когда понадобились деньги, Алиса ска-

зала объ этомъ отцу, какъ то было условлено между ними, а тотъ, въ свою очередь, помня свое обѣщаніе, досталъ ей ихъ безъ возраженій.—Я, конечно, должна буду подписать какую-нибудь бумагу? спросила Алиса.—Но отецъ отвѣчалъ ей, что это ужъ дѣло адвокатовъ, и она на этомъ успокоилась.

Когда Джоржъ явился въ контору мистера Скребби для передачи нужныхъ на выборы денегъ, мистеръ Скребби встрѣтилъ его словами:

— Слышали вы новость?

— Какую новость? спросилъ его Джоржъ.

— Маркизь, того и гляди, отправится *ad patres*.

— Такъ чтожъ! проговорилъ Джоржъ, не понимая важности этого извѣстія. Какой таковой маркизь? Ну, умереть онъ, найдется у него, конечно, наслѣдникъ.

— Ну да, найдется, въ этомъ-то и штука. Если маркизь Бонротти умереть, то наслѣдникъ его перейдетъ въ верхнюю палату, и мѣсто его въ палатѣ депутатовъ останется вакантнымъ.

— Какъ! такъ-таки сейчасъ и перейдетъ, до окончанія сессіи?— Тутъ только винулось Джоржу въ глаза все вліяніе, которое это событіе могло имѣть на его собственную участь.

— Ну да, конечно. Намъ-то оно было бы очень на руку, да бѣда только, что сторонники Треверса пронюхали объ этомъ прежде насъ, и только того и ждуть, чтобы маркизь испустилъ духъ, а тамъ живо подведутъ свои мины.

— Но стоитъ ли хлопотать теперь? Вѣдь ужъ сессія на исходѣ, проговорилъ Джоржъ.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ мистеръ Скребби.

— А тамъ заготовляй опять деньги для новыхъ выборовъ.

— И это правда, продолжалъ мистеръ Скребби; но при второмъ избраніи намъ обыкновенно удается сократить нѣсколько расходы. Если наша возьметъ теперь, то намъ легче будетъ одержать верхъ надъ Треверсомъ при слѣдующихъ выборахъ.

— Видѣлись вы съ Гримсомъ?

— Какже! Подлецъ, переходитъ на сторону Треверса. Повѣрите ли? Онъ имѣлъ безстыдство придти ко мнѣ и объявить, что не желаетъ имѣть дѣло съ такими господами,

которые оттягиваютъ у него его шальные денежки. Одно мнѣ досадно, зачѣмъ только мы ему дали эту росписку.

— Да, надо сказать, дали мы таки порядочнаго маху, проговорилъ Джорджъ, ядовито поглядывая на стряпчаго.

— Что дѣлать, мистеръ Вавзоръ, отъ этихъ случайныхъ ошибокъ не уберешься. Ужъ дѣло наше такое; бываетъ, иной разъ и хуже дашь промахъ. Еще вы Бога благодарите, что я самъ не перешелъ на сторону Треверса. Онъ тоже вѣдь, какъ вамъ извѣстно, либераль и пытался переманить меня на свою сторону.

Вавзоръ начиналъ сомнѣваться: да ужъ полно, въ самомъ ли дѣлѣ есть ему за что благодарить Бога, и не лучше ли было сдѣлать, если бы съ самаго начала отказался отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ? Теперь ему предстояло израсходовать, по крайней мѣрѣ, три тысячи изъ денегъ, принадлежавшихъ его кузинѣ, и для чего же? для того, чтобы попасть—и то, навѣрное, на нѣсколько мѣсяцевъ, — въ парламентъ. Онъ могъ, конечно, остаться при первомъ своемъ намѣреніи подождать общихъ выборовъ; но онъ зналъ, что если дать либералу занять открывавшееся теперь вакантное мѣсто, то мѣсто это, по всѣмъ вѣроятіямъ, останется за нимъ и при послѣдующихъ выборахъ.

— Ну-съ, сквайръ, такъ на чемъ же мы порѣшили?—И въ тонѣ, которымъ были сказаны эти слова, Джоржу послышалось нѣкоторое ослабленіе того уваженія, которое оказывали ему до сихъ поръ, какъ кандидату въ столичные представители, расплачивающемуся чистагапомъ.

— Но этотъ лордъ еще не умеръ, замѣтилъ Вавзоръ.

— Нѣтъ еще, не умеръ, это такъ, но ждать не приходится, каждая минута дорога. Я слышалъ, что онъ безнадеженъ; у него чуть ли не подагра бросилась въ желудокъ, либо водянка въ сердцѣ,—ну, словомъ такая болѣзнь, отъ которой не выздоравливаютъ.

— А дожидаться слѣдующихъ выборовъ нельзя?

— Ужъ если вы меня спрашиваете, то, по моему, нельзя. Говоря откровенно, я очень призадумуюсь взяться за это дѣло при подобныхъ условіяхъ: терпѣть не могу биться тамъ, гдѣ я навѣрное знаю, что буду побить. Вѣдь я тоже не бесовѣстный какой, мистеръ Вавзоръ, и не стану даромъ тратить чужія деньги.

— А измѣна Гримса не будетъ имѣть важности для насъ особой?

— Чего добраго, мошенникъ этотъ отобьетъ у насъ голосовъ до полутораэта; ну, да въ таномъ округѣ, какъ Чельсѣйскій, полтораэта голосовъ еще не Богъ знаетъ какая цифра. Штука въ томъ, что Треверсъ поскаредничалъ въ прошлые выборы и это ему сильно повредить.

— Но консервативная партія, не бось, тоже выставить своего кандидата.

— Не думаю. Вѣрнѣе, что они отложатъ до общихъ выборовъ.

И такъ, Джоржъ принужденъ былъ сказать, что попытается счастья, и мистеръ Скреби объявилъ, что примется хлопотать, не дожидаясь смерти стараго лорда. — Чтожъ! разсудилъ Джоржъ про себя, въ случаѣ неудачи, я всегда успѣю перерѣзать себѣ горло.

Не дешево досталась Джоржу и та тысяча фунтовъ, которую онъ уже забралъ у Алисы. Пока дѣло не было еще сдѣлано, онъ могъ легко относиться къ нему; но совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ смотрѣлъ онъ на него теперь. Стаща онъ, какъ обыкновенный ворюшка, чужой кошелекъ, и то на совѣсти его не лежало бы такого тяжелого бремени. Вотъ уже съ возвращенія его изъ Уэстморленда прошло болѣе мѣсяца, а онъ еще и глаза не показывалъ въ улицѣ Королевы Анны. Онъ старался себя завѣрить, что не ходитъ туда потому, что уязвленъ холодною Алисой; въ сущности же, его страшила мысль свидѣться съ нею, не заговоривъ о деньгахъ, или же, свидѣвшись, заговорить о нихъ.

— Читали вы послѣдній номеръ «Globe»? спросилъ кто-то у Джоржа, когда онъ вошелъ въ свой клубъ.

— Нѣтъ, не читалъ.

— Болонгги умеръ сегодня утромъ въ Исландіи. Вы, конечно, объявите себя кандидатомъ Чельсѣйскаго округа?

ГЛАВА II.

ПАРЛАМЕНТЪ ОТКРЫВАЕТСЯ.

Открытие парламента въ этотъ годъ происходило двѣнадцатаго февраля, и мистеръ Палливеръ былъ однимъ изъ первыхъ

членовъ нижней палаты, лившихся на своей постъ. Въ теченіе послѣдней недѣли сдѣлалось достовѣрно извѣстнымъ, что тогдашній канцлеръ казначейства покончилъ свое политическое поприще. Онъ еще существовалъ для вишняго міра, продолжалъ получать свое жалованье и исправлять рутинную часть своего дѣла, но не существовалъ уже болѣе для внутренняго, кабинетнаго міра. Ходили слухи, что онъ разошелся съ своимъ другомъ и главою, первымъ министромъ, по вопросу объ отиженіи уцѣлѣвшихъ прямыхъ налоговъ, и готовится съ небольшою горстью своихъ послѣдователей ринуться въ ярую оппозицію.

Интересный предметъ для наблюденій представляютъ эти земные боги съ своею тѣсною дружбою и непримиримою враждою. Если бы и у насъ, такъ же, какъ на древнемъ олимпѣ, одніи и тѣ же личности неизмѣнно оставались между собою либо друзьями, либо врагами, то дѣло не шло бы и половины своего интереса. Но на этомъ новѣйшемъ олимпѣ отношенія, то и дѣло, мѣняются; одно и то же божество пылаетъ сегодня самою ярою ненавистью противъ другого божества, а завтра преклоняется въ своему недавнему противнику самою нѣжною любовью. Правда, для людей посвященныхъ въ эти закулисныя тайны драма не имѣетъ и половины той занимательности, какою прельщаетъ она посторонняго наблюдателя; члены парламента и близкіе друзья ихъ очень хорошо знаютъ, что лордъ такой-то вовсе не ненавидитъ иждера такого-то, не считаетъ его виновникомъ отечеству и не желаетъ распятъ его на крестѣ; знаютъ они также, что сэръ Джонъ, канцлеръ казначейства, вовсе не думаетъ того, что говоритъ, когда утверждаетъ про своего друга, министра иностранныхъ дѣлъ, будто въ безкорыстіи, патриотизмѣ и гениальности нѣтъ ему равнаго. Но я не совѣтовалъ бы ни одному британцу въ испосвященнымъ заглядывать за кулисы, — вообще заглядывать за кулисы не годится, если хочешь энди въ наслаждаться представленіемъ.

Но, хотя канцлеръ казначейства и пересталъ завѣдомо существовать въ политическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе джентельменъ этотъ занималъ при открытіи парламента падающее ему почетное мѣсто. Мистеръ Паллигеръ, далеко не безусловно поддерживавшій министерство въ теченіе прои-

ной сессіи, сидѣлъ по ту же сторону залы, но нѣсколько поодаль; ближе къ переднимъ скамьямъ; рядомъ съ нимъ помѣщался мистеръ Ботъ. Лордъ Синкебарсъ предложилъ билль объ адресѣ, но предложилъ его, должно сознаться, крайне неудовлетворительно: изъ всего, что онъ сказалъ, никто не услышалъ ни единого слова. Предложеніе поддержалъ мистеръ Лофтусъ Фицговардъ; можно было подумать, что этотъ ораторъ поклялся задавить своего принципала, злополучнаго лорда Синкебарса, — такъ отчетливо, словно отчеканенное, выходило у него каждое слово. Преисполняясь, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все большаго и большаго самодовольства, онъ впадалъ наконецъ въ риторику, къ великому негодованію своей партіи, которая осталась, какъ нельзя болѣе, довольна рѣчью лорда Синкебарса. Ничто такъ не вредитъ успѣху юнаго оратора въ парламентѣ, какъ желаніе говорить краснорѣчиво; пускай его будетъ неточенъ въ своихъ показаніяхъ, пускай его вдается въ околичности, пускай его, наконецъ, горячится не въ мѣру—все это нехорошо, но еще можетъ сойдти ему съ рукъ; отъ одного только храни его Боже, отъ краснорѣчія.

Рѣчь королевы содержала одно мѣсто, гдѣ говорилось, впрочемъ въ довольно общихъ выраженіяхъ, объ отмѣненіи прямыхъ налоговъ. Королева обѣщалась не остановиться въ этомъ дѣлѣ на полдорогѣ, но отмѣнить и остальные, удержавшіеся до сихъ поръ налоги, если только подобная мѣра окажется осуществимою на практикѣ. Всѣмъ было извѣстно, что подобное обѣщаніе не могло быть дано съ одобренія канцлера казначейства. Лордъ, предложившій проектъ адреса, вовсе не вознудился вопроса, а юный ораторъ, поддерживавшій его, упомянулъ о немъ только мелькомъ. Но вотъ раздался голосъ грознаго оратора, человѣка, мастерски владѣвшаго даромъ слова и, повидимому, преисполненнаго самаго яраго негодованія; въ душѣ ораторъ этотъ былъ добрѣйшій малый и былъ только снѣдаемъ честолюбивымъ желаніемъ понасть въ синклитъ парламентскихъ боговъ; понятно, что онъ старался обратить въ свою пользу настоящее распадненіе кабинета на два лагеря. Началъ онъ съ того, что заявилъ полнѣйшую готовность вотировать за адресъ.—Ничто, продолжалъ онъ, не можетъ заподозрить его и людей его партіи въ мятежническомъ желаніи идти наперекоръ правительству. Они-ли не заявили своей

благонамѣренности безпримѣрнымъ долготерпѣніемъ.—Затѣмъ онъ перешелъ, какъ бы падая своихъ оппонентовъ, къ бѣглому перечню различныхъ вопросовъ, общааясь на словахъ не противорѣчить въ нихъ правительству, въ сущности же доказывая, что правительство дѣлало ошибку на ошибкахъ.—Но... тутъ его голосъ измѣнился и лицо приняло, свойственное ему въ подобныхъ случаяхъ, грозное выраженіе. Зевесъ министерскаго олимпа нахлобучилъ шляпу на глаза и принялся сладко улыбаться. Тѣ изъ депутатовъ, которые до сихъ поръ были заняты просматриваніемъ газетъ, наострили уши, публика въ галлерейхъ стала прислушиваться, а нашъ ораторъ принялся громить существующій кабинетъ, выставяя ему на видъ, что лозунгомъ его, когда онъ вступалъ въ управление страню, было отмѣненіе податей, на самыхъ широкихъ основаніяхъ; что онъ, между тѣмъ, запаматовалъ свой собственный лозунгъ, хотя цѣлому свѣту извѣстно, что канцлеръ казначейства вовсе не прочь отъ приведенія въ исполненіе этой мѣры. Такъ, канцлеръ казначейства не прочь, но онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ малодушіемъ, вѣроломствомъ и лживостью своихъ сотоварищей, изъ которыхъ самымъ лживымъ, малодушнымъ и вѣроломнымъ оказывался самъ Зевесъ, такъ сладко улыбавшійся въ эту минуту съ высоты своего олимпа.

Но Зевеу и его товарищамъ, повидимому, очень мало было дѣла до того, что про нихъ говорилъ гнѣвный ораторъ; мало того: видимымъ образомъ, и самъ ораторъ, при всемъ своемъ напускномъ азартѣ, и не думалъ гнѣваться въ душѣ; вся его цѣль заключалась въ томъ, чтобы придать своей филиппикѣ грозный колоритъ въ печати. Въ заключеніе онъ обратился къ министерству съ прямымъ вопросомъ, требуя, чтобы оно повѣдало пататѣ, кому оно намѣрено ввѣрить храненіе казны на олимпѣ?

Зевесъ, улыбаясь, всталъ съ своего мѣста и поблагодарилъ своего противника за полное сочувствіе къ правительству, выражавшееся въ его словахъ; затѣмъ онъ перебралъ, одинъ за другимъ, различные вопросы внутренней и внѣшней политики, причемъ съ такою же легкостью доказалъ, что все обстоитъ благополучно, съ какою противникъ его доказывалъ, что все идетъ шиворотъ на выворотъ. Когда же дѣло дошло до вопроса объ отмѣненіи податей, то онъ ограничился повторе-

ніемъ того мѣста въ рѣчи королевы, гдѣ намекалось на этотъ вопросъ, и выразилъ надежду, что высокоуважаемый другъ его, канцлеръ казначейства, съумѣетъ удовлетворить требованью палаты и нуждамъ народа.

Но этотъ уклончивый отвѣтъ не удовлетворилъ ни палату, ни публику, тѣснившуюся въ галлереяхъ. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ встанетъ самъ канцлеръ казначейства и заговорить—онъ же былъ большой охотникъ ораторствовать кстати и некстати;—но хранитель казны упорно безмолвствовалъ и, какъ ни подзадоривала его оппозиція, не выдавалъ своей сокровенной души. Наконецъ, когда засѣданіе было уже почти на исходѣ, всталъ мистеръ Паллизеръ, и битый часъ употребилъ на то, чтобы объяснить, какіе налоги правительство можетъ смѣло отмѣнить и какіе нѣтъ. Пока онъ говорилъ, члены собранія выходили одинъ за другимъ, и вскорѣ палата почти совсѣмъ опустѣла. Тѣмъ не менѣе, въ газетныхъ отчетахъ, появившаяся на слѣдующее утро его рѣчь стояла на первомъ планѣ, и общественное мнѣніе начало указывать на него, какъ на единственнаго человѣка, способнаго занять отгрывавшуюся вакансію.

Онъ возвратился домой въ высшей степени довольный своимъ успѣхомъ и засталъ лэди Гленкору одну. Она только-что пріѣхала въ этотъ день изъ Мэтчинга, гдѣ онъ было хотѣлъ удержать ее до пасхи, на что лэди Гленкора наотрѣзъ объявила, что не желаетъ болѣе оставаться въ деревнѣ безъ мужа. Пока мистеръ Паллизеръ гостилъ въ Монкпэдѣ, жена его получила письмо. Какими судьбами письмо это дошло до нея, этого лэди Гленкора никакъ не могла дознаться. Она нашла его въ своемъ письменномъ столѣ, и горничная, въ которой она обратилась съ разспросами объ этомъ загадочномъ фактѣ, отвѣчала ей такими убѣдительными увѣреніями въ томъ, что знать ничего не знаетъ, что лэди Гленкора должна была поневолѣ повѣрить ей.—Если подобный случай еще разъ повторится, то я принуждена буду принять свои мѣры, проговорила лэди Гленкора; я не могу дозволить, чтобы въ мою комнату подкидывали вещи безъ моего вѣдома.—Тѣмъ дѣло и кончилось.

Письмо было отъ Борго Фицджеральда и заключало въ себѣ прямое предложеніе бѣгства. «Я нахожусь въ Мэт-

чингѣ, въ гостиницѣ, писалъ онъ, но не смѣю къ вамъ глазъ показать изъ опасенія повредить вамъ. Вчера вечеромъ я бродилъ около вашего дома и смотрѣлъ на окна вашей комнаты. Если я ошибаюсь, предполагая, что вы меня любите, я ни за что въ мірѣ не желалъ бы оскорбить васъ своимъ присутствіемъ. Но если вы дѣйствительно еще любите меня по прежнему, то я умоляю васъ расторгнуть узы этого лживаго брака и отдаться тому человѣку, съ которымъ любовь должна бы была связывать васъ болѣе священными узами». — Онъ не просилъ у нея немедленнаго свиданья, но увѣдомлялъ ее, что, по собраніи парламента, снова побываетъ въ Мэтчингѣ, и умолялъ ее дать ему знать какимъ-нибудь способомъ, что чувства ея къ нему не измѣнились.

Лэди Гленкора никому не сказала о полученномъ ею письмѣ, но сберегла его и не разъ перечитывала про себя въ тишинѣ своей комнаты. Совѣсть упрекала ее за это, упрекала за скрытность передъ мужемъ, но она твердо рѣшилась не оставаться одной въ Мэтчингѣ, въ такой соблазнительной близости отъ Борго. Она и сама хорошенько не знала, чего хотеть; она свыклась съ убѣжденіемъ, высказаннымъ Алисъ, что для мужа же будетъ лучше, когда она уйдетъ отъ него; съ другой стороны, она твердила про себя, что любитъ Борго всѣмъ сердцемъ, что не на нее должна пасть вина, а на тѣхъ, которые заставили ее идти замужъ не любя. А между тѣмъ, она бѣжала въ Лондонъ изъ страха оставаться въ Мэтчингѣ, такъ близко отъ Борго. Письмо его она оставила безъ отвѣта. Она чувствовала потребность повидаться съ Алисой и рассказать ей всю повѣсть этого письма. Она походила на человѣка, который въ припадкѣ слумаспествія хочетъ броситься въ пропасть и въ то же время невольно лхнетъ къ другому человѣку, чтобы тотъ спасъ его отъ самого себя.

Мистеръ Пализеръ, съ которымъ она по приѣздѣ въ Лондонъ еще не видалась, привѣтствовалъ ее, какъ и подобало, поцѣлуемъ; но то былъ скорѣе поцѣлуй брата, чѣмъ мужа. Лэди Гленкора угадала чутъемъ истой женщины значеніе этой ласки.

— Ну что, какъ ты поживаешь? спросила она.

— Ничего, слава Богу! А ты? я думаю, устала съ дорога?

— Нѣтъ, не очень.

— А у насъ по поводу адреса было преніе въ парламентѣ. Рассказать тебѣ, что ли, какъ оно происходило?

— Расскажи, конечно, если оно лично до тебя касалось.

— И очень касалось.

— Тебя еще не назначили канцлеромъ?

— Нѣтъ; во время преній въ нижней палатѣ никого не назначаютъ въ должность. Но ты у меня, кажется, вѣкъ останешься плохимъ политикомъ.

— И мнѣ тоже кажется; но это не мѣшаетъ мнѣ желать тебѣ успѣха, какого ты самъ себя желаешь. Правду сказать, я не вижу собственно, изъ-за чего тебѣ такъ страшно работать; но ужъ если ты находишь въ этой работѣ наслажденье, то и я отъ души желаю, чтобы ты трудился не даромъ.

— Да, твоя правда, я нахожу наслажденье въ этой работѣ. У каждаго человѣка своя слабость: одни могутъ объѣдаться съ утра до ночи, другіе способны пристраститься къ лошади, — я же не могу ни того, ни другого.

Лэди Гленкора подумала, что есть еще и такіе люди, которые любятъ южное небо и женскіе взгляды, и въ нихъ находятъ свой рай;—она, по крайней мѣрѣ, знала одного такого человѣка. Но все это лэди Гленкора подумала только, а не сказала.

— Я говорилъ мимоходомъ съ лордомъ Брукомъ, продолжалъ мистеръ Паллизеръ (а Лордомъ Брукомъ звали у простыхъ смертныхъ великаго бога Зевеса).

— Что же сказалъ лордъ Брукъ?

— Онъ сказалъ всего нѣсколько словъ, но былъ со мной чрезвычайно любезенъ.

— Но какъ же это такъ, Пантагенеть? я было думала, что отъ него зависитъ твое назначеніе. Развѣ не онъ вѣдаетъ всѣми этими дѣлами?

— Ну да, если хочешь, то онъ... Эхъ! я, кажется, никогда тебѣ не втолкую этихъ вещей!—Тѣмъ не менѣе, онъ не полѣнился сдѣлать новую попытку и прочиталъ ей весьма обстоятельную лекцію объ англійской конституціи и о механизмѣ, управляющемъ политическими дѣлами этой страны.

Можно поручиться, что не у всякаго молодого мужа стало бы духу утѣшить свою молодую жену подобнаго рода лекціею. Лэди Гленкора слушала его, слушала, да и зѣвнула, прикрывъ

ротъ носовымъ платномъ. Движеніе это не ускользнуло отъ мистера Паллизера.

— Однако, я вижу, эти вещи мало тебя интересуютъ, за-мѣтилъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Не сердись, Пантагенеть. Ей богу, онѣ меня интересуютъ; но только, видишь ли, я такая дурочка и не могу всего сразу понять. Теперь же я немного устала, пора мнѣ въ постель.—А ты долго еще думаешь сидѣть?

— Да, мнѣ еще надо написать нѣсколько писемъ; завтра я тоже цѣлый день буду заваленъ работой. Да, кстати: завтра у насъ будетъ обѣдать мистеръ Ботъ.

— Мистеръ Ботъ? повторила лэди Гленкора, и по тону ея ясно было видно, что извѣстіе это не слишкомъ-то ей пріятно,

— Да, мистеръ Ботъ. Ты, кажется, недовольна?

— О нѣтъ, нисколько. Не лучше ли вамъ съ нимъ обѣдать вдвоемъ?

— Съ какой стати намъ съ нимъ обѣдать вдвоемъ? Почему бы и тебѣ не обѣдать вмѣстѣ съ нами? Мнѣ было бы очень прискорбно видѣть въ тебѣ неумѣстную разборчивость на знакомства. Мистрисъ Маршамъ въ Лондонѣ и, я убѣжденъ, пріѣдетъ, если только ты ее попросишь.

Такъ вотъ какъ! молодой женщиной разомъ навязывали обѣихъ ея дуэнь въ первый же день ея пріѣзда въ Лондонъ; этого лэди Гленкора, при всей своей рѣшимости быть терпѣливой, не могла стерпѣть. — А я такъ думала пригласить мою кузину, Алису Вавазоръ, проговорила она.

— Миссъ Вавазоръ! повторилъ мужъ. Говоря откровенно, мнѣ казалось, что миссъ Вавазоръ... Съ языка у него чуть было не сорвался ядовитый намекъ на злополучный эпизодъ въ развалинахъ аббатства, но онъ во время удержался.

— Надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ моего выбора, продолжала жена. Изъ всей моей родни, я одну только Алису и люблю.

— Я ничего не имѣю противъ нея: дѣвица она, какъ и слѣдуетъ быть дѣвицѣ. А все же мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобы ты пригласила мистрисъ Маршамъ.

Лэди Гленкора почувствовала, что требованье его безразсудно и жестоко, и что онъ обходится съ ней, какъ съ ребен-

комъ. Все это не могло predisполагать ее къ уступчивости.

— Я богъ знаетъ сколько времени не видала Алису, проговорила она, и я просила бы тебя, Платтагенетъ, позволить мнѣ на этотъ разъ поступить такъ, какъ я желаю. Мистрисъ Маршамъ—старуха, и очень естественно, что мнѣ не о чемъ говорить съ ней наединѣ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты сошлась съ мистрисъ Маршамъ на дружеской ногѣ.

— Дружба, Платтагенетъ, не является по заказу.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлай, конечно, какъ знаешь. Мнѣ очень жаль, что ты отказала мнѣ въ первой просьбѣ, съ которой я обратился къ тебѣ нынѣшній годъ.

ГЛАВА III.

МИСТРИСЪ МАРШАМЪ.

Прежде чѣмъ лечь спать, лэди Гленгора написала Алисѣ коротенькую записку, прося ее пріѣхать пораньше на слѣдующій день, чтобы имъ можно было до обѣда покататься.

«Обѣдать намъ предстоитъ въ обществѣ мистера Бота, писала она. Я знаю, что ужъ изъ-за этого одного вы непременно пріѣдете; ваше доброе сердце подскажетъ вамъ, что я сильно нуждаюсь въ вашей помощи. Крѣжъ мистера Бота, никого не будетъ, если только не пригласятъ безъ моего вѣдома мистрисъ Маршамъ.»

Написавъ это письмо, лэди Гленгора погружилась въ раздумье. Думала она преимущественно о томъ, какіе жестокіе бывають мужья на свѣтѣ. Въ тѣ дни, когда еще она не была замужемъ, всѣ шаперерывъ старались увѣрить ее, что Борго будетъ дурно съ ней обращаться, даже бить ее. Но какое дурное обращеніе, какіе даже побои могли быть хуже этого пошлаго, жертвеннаго безучастія, которое она встрѣчала въ настоящемъ своемъ мужѣ? Что же касалось до побоевъ, то самая мысль о нихъ казалась ей до того диною въ примѣненіи къ ея красавцу Борго, что она могла только улыбаться ей про себя. Да и наконецъ, не лучше ли бы было терпѣть съ

име побой отъ Борго, чѣмъ выслушивать въ глухую полночь лекціи объ англійской политикѣ? Если бы она вышла замужъ за Борго, она уѣхала бы въ страну солнца, въ Италію, и не о конституціи лились бы его рѣчи въ лунныя южныя ночи.

— Ты послала записку своей кузинѣ?—спросилъ у нея мистеръ Паллизеръ на слѣдующее утро. Въ голосѣ его явственно слышалось, что вчерашнее неудовольствіе забыто или подавлено.

— Да; я прошу ее пріѣхать утромъ и остаться къ обѣду. Если она согласится пріѣхать, я пошлю за ней экипажъ.

— Хорошо, кротко замѣтилъ мистеръ Паллизеръ; это дѣло устроилось такъ, какъ тебѣ хотѣлось, а потому ты, быть можетъ, не станешь упрямитъ и пригласишь мистрисъ Маршамъ.

— Но не отозвана ли она куда нибудь въ другое мѣсто?

— Нѣтъ, не думаю.—И за тѣмъ, какъ бы стыдѣясь босвенной лжи, заключавшейся въ его отвѣтъ, онъ добавилъ:—Я знаю навѣрное, что она нигуда не отозвана.

— Стало быть, она разсчитываетъ на мое приглашеніе?

— Если ты хочешь этимъ сказать, что я звалъ ее, то ты ошибаешься, Гленкора. Я не сталъ бы отъ тебя таиться, если бы это было такъ. Я сказалъ ей просто на просто, что не знаю, какъ ты думаешь распорядиться нынѣшнимъ днемъ.

— Если ужъ ты непременно этого желаешь, то я напишу ей, проговорила лэди Гленкора.

— Да, милая, напиши ей; ты меня премного этимъ обязуешь.

И такъ, лэди Гленкора написала мистрисъ Маршамъ приглашительную записку и получила отъ нея отвѣтъ, что будетъ непременно. Подобный же отвѣтъ получила она и отъ Алисы.

Свиданье обѣихъ кузинъ было самое дружественное. Глядя на лэди Гленкору, можно было подумать, что онѣ были съ Алисою подругами дѣтства, и, хотя подобнаго рода скороспѣлыя привязанности были и не въ характерѣ послѣдней, все же у нея недоставало духу обдать холоднойю водою ту, которая такъ къ ней ласкалась.

Долго сидѣли онѣ въ гостиной, болтая и грѣясь у камелька, и засидѣлись до того, что раздумали ѣхать кататься.

— Что за удовольствіе кататься въ этотъ холодъ безъ вся-

кой дѣла? замѣтила лэди Гленнора; намъ здѣсь, неправда ли, гораздо лучше?

Алиса вполне съ ней согласилась, такъ какъ мало было заманчиваго въ прогулкѣ по парку среди холодной мглы февральскаго дня.

— Вотъ, если бы Дэнди и Кокетка были здѣсь, тогда еще куда бы ни шло; но мистеръ Паллизеръ не желаетъ, чтобы я сама правила лошадьми въ Лондонѣ.

— Здѣсь это не совсѣмъ безопасно, замѣтила Алиса.

— Ну нѣтъ, онъ не съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣло; онъ просто на просто боится, чтобы это не придало мнѣ ухарскій видъ.

— И онъ совершенно правъ. Если бы я была мужчиной, тоже не позволила бы своей женѣ править самой лошадьми въ Лондонѣ.

— Это почему? — Какъ я вижу, и вы были бы такимъ же тираномъ, какъ и всѣ мужья. Что за бѣда позволить себѣ маленькую вольность съ виду, если только на дѣлѣ не позволяешь себѣ ничего неприличнаго? Бѣдные мои Дэнди и Кокетка! Имъ-то какое это лишеніе!

— Ну, это-то мистеръ Паллизеръ можетъ и упустилъ изъ виду.

— Упустилъ онъ изъ виду и еще кое-что другое, Алиса; ему дѣла нѣтъ до того, что это большое лишеніе для хозяйки Дэнди и Кокетки.

— Не говорите этого, Гленнора.

— Почему же мнѣ не говорить это вамъ?

— Я хочу сказать, не настройвайте себя на подобныя мысли. Я убѣждена, что онъ дозволилъ бы вамъ всякое удовольствіе, которое не считалъ бы предосудительнымъ.

— Какъ напримѣръ, нескончаемыя лекціи объ англійской конституціи? Я не хочу этимъ сказать ничего дурнаго, Алиса, я знаю, что онъ ею только живетъ и дышетъ, и очень жалѣю, что она для меня — китайская грамота. Но я еще вамъ не сказала, какая пріятная встрѣча ожидаетъ васъ за обѣдомъ.

— Какъ же! Вы писали мнѣ, что идете къ обѣду мистера Бота.

— Этого мало: будетъ еще мистрисъ Маршамъ. Когда я писала вамъ записку, я была въ сладкой увѣренности, что избавилась на этотъ разъ отъ ея посѣщенія; не тутъ-то было!

— Меня ея присутствіе нисколько не стѣснить, замѣтила Алиса.

— Да меня-то она стѣснить; она отравить намъ съ вами цѣлый вечеръ. Если не ошибаюсь, она васъ терпѣть не можетъ, и убѣждена, что вы научаете меня всевозможнымъ нечестивымъ дѣяніямъ. Какъ посмотрю я на нихъ, какъ же они всё глупы!

— То есть, кто же *есть они*, Глевкора?

— Да вотъ эта старушонка съ мистеромъ Ботомъ, и томъ... Ну, да не въ томъ дѣло. Досада меня беретъ, глядя на ихъ ослѣпленіе.—Алиса! вѣдь я не знаю, какъ и отблагодарить васъ за все, что вы для меня сдѣлали! Я вамъ, кажется, всёю обязана. — И говоря это, лэди Гленкора опустила руку въ карманъ, а въ карманѣ лежало роковое письмо.

— Полноте! что за пустяки! перебила ес Алиса.

— Нѣтъ, не пустяки, продолжала лэди Гленкора. Знаете ли, кто пріѣзжалъ въ Мэтчингъ въ мою бытность тамъ?

— Какъ, въ домъ къ вамъ? проговорила Алиса, догадываясь, что лэди Гленкора говоритъ о Борго Фицджеральдѣ.

— Нѣтъ не въ домъ.

— Если это тотъ человѣкъ, о которомъ я думаю—торжественно продолжала Алиса,—то умоляю васъ не упоминать его имени.

— Это почему? Я уже упоминала вамъ его имя и прежде, и ничего изъ этого, кромѣ добра, не вышло. Какой же вы мнѣ будете другъ, если мнѣ нельзя будетъ свободно говорить съ вами обо всемъ, что лежитъ у меня на душѣ?

— Но вамъ не слѣдовало бы и думать о немъ.

— Что за пустяки вы толкуете, Алиса! Не думать объ немъ... Развѣ я властна надъ своими мыслями? А вотъ посмотрите-ка лучше...

И говоря это, она сжала въ рукѣ письмо; еще минута, и письмо это было бы вынуто изъ кармана и полетѣло бы къ Алисѣ на колѣни, но въ эту самую минуту дверь распахнулась и слуга доложилъ о пріѣздѣ мистрисъ Маршамъ.

— Какая досада, что мы не побѣхали кататься! воскликнула лэди Гленкора такъ громко, что мистрисъ Маршамъ непременно бы услышала, если бы не была немного туга на ухо.

— Какъ поживаете, душа моя? заговорила, входя, мистрисъ Маршамъ. Я была тутъ по сосѣдству и подумала: дай-ка я зайду провѣдать ее. Этотъ визитъ въ счетъ не идетъ; по позднѣе я буду къ обѣду само собой. — Какъ ваше здоровье, миссъ Вавзоръ?—и говоря это, мистрисъ Маршамъ холодно поклонилась Алисъ.

Въ характерѣ мистрисъ Маршамъ были свои хорошия стороны. Она была бѣдна и безъ жалобъ несла свою бѣдность. Состоя въ родствѣ и свойствѣ съ людьми богатыми и знатными, она не преклонялась передъ ихъ богатствомъ и знатностью. Дружба ея была надежна, но за то и вражда—непримирима. У нея не было недостатка въ природномъ умѣ и жизненной опытности, съ ней можно было поговорить и о новѣйшемъ романѣ, и даже, въ случаѣ надобности, объ англійской конституціи. Въ свое время, она добросовѣстно исполняла обязанности жены и матери, хотя мужу ея подчасъ приходилось отъ нея жутко, а изъ дѣтей никто не любилъ ее тою любовью, какою дорожатъ большинство матерей. Съ другой стороны, и пороковъ видѣлось за ней не мало. Она любила власть и не отличалась большой разборчивостью въ средствахъ къ достиженію ея. Неспособная низкоклонничать передъ людьми, выше ея стоявшими въ общественной іерархіи, она была не прочь и покривить душою тамъ, гдѣ ей нужно было зарасположить къ себѣ человѣка. Не дозволяя себѣ прямой лжи въ словахъ, она была лжива въ своихъ поступкахъ. Эта-то женщина была когда-то другомъ матери мистера Паллизера и принимала теперь почти родственное участіе во всемъ, касавшемся его самого. Когда мистеръ Паллизеръ женился, до нея дошли слухи о романѣ лэди Гленкора съ Борго Фиджеральдомъ. Партія эта въ денежномъ отношеніи казалась ей подходящею, но сама невѣста не очень-то пришлась ей по душѣ. Она порѣшила сама съ собою, что за молодой женщиной нужны глаза да глаза, а кому было и усмотрѣть за нею, какъ не самой мистрисъ Маршамъ? Объ этомъ она не позволила себѣ прямо высказаться мистеру Паллизеру и назваться въ аргументахъ за его жену; она знала, что подобнаго рода предложеніе не будетъ принято имъ, но она повела рѣчь о томъ, что лэди Гленкора

еще очень молода, что дѣтская ея наивность очаровательна, и тутъ же намекнула, что такое юное существо жельва оставить безъ надзора. Мистеръ Палливеръ, который былъ далеко отъ ревнивыхъ подозрѣній и чорствой натурѣ котораго вообще были недоступны какъ тревоги, такъ и радости любви, согласился съ мистрисъ Маршамъ, что Гленнора еще очень молода. Онъ пуще всего заботился о томъ, чтобы жена его держала себя солидно и скромно. Онъ не боялся любовниковъ, но боялся, чтобы она не надѣлала глупостей, не простудилась и не уронила достоинства супруги канцлера казначейства. Вслѣдствіе этихъ-то соображеній, онъ отдалъ ее, а отчасти и себя подъ начало мистрисъ Маршамъ.

Гленнора не пробыла и сутокъ подъ однимъ кровомъ съ этой дамой, какъ уже угадала въ ней свою думну. Во многихъ вещахъ леди Гленнора была куда проницательнѣе и умнѣе своего мужа, хотя онъ и мѣтилъ въ канцлеры казначейства, а она ничего не смыслила въ англійской конституціи. Она знала тоже, что его легко провести, что, при всей изощренности его ума, ему недостаетъ того тонкаго чутья, которое сразу умѣетъ распознавать людей, съ которыми имѣетъ дѣло, и почти презрительно относилась къ нему за эту недалковидность. Можно бы было ему, кажется, понять, что Борго такой противникъ, съ которымъ шутить нельзя, и что мистрисъ Маршамъ не надежная думна. Когда женщина узнаетъ, что ее сторожить Церберъ, — не въ порядкѣ вещей, чтобы она не старалась перехитрить Цербера, да по дорогѣ провести и его господина.

Алиса встала и отвѣчала на поклонъ мистрисъ Маршамъ точно такимъ же холоднымъ поклономъ. Съ этой минуты женщины эти сдѣлались заклятыми врагами.

— Я напередъ знала, что застаю васъ дома, продолжала мистрисъ Маршамъ, обращаясь къ леди Гленноръ; вѣдь вы, я знаю, не охотница выходить изъ дому въ холодную погоду; развѣ взбрѣдетъ на умъ какаѣнибудь сумасбродная ночная прогулка — вотъ это по нашей части. — И мистрисъ Маршамъ побачала головою.

— Прогулка, про которую вы говорите, вовсе не была сумасбродною, отвѣчала леди Гленнора. Въ зимнемъ же катаньи по Лондону я не вижу ни малѣйшаго толку.

— Для здоровья необходимо гулять каждый день, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Терпѣть я не могу всё эти правила, воскликнула лэди Гленкора.

— А между тѣмъ, душа моя, безъ нихъ нельзя обойтись въ жизни, замѣтила мистрисъ Маршамъ. — Вѣдь вы, не бось, не скажете, что терпѣть не можете обѣдать?

— Напротивъ, подчасъ я дѣйствительно могу это сказать; а именно, почти каждый разъ, когда у насъ за столомъ бываютъ гости.

— Вотъ погодите: проживите еще сезонъ въ Лондонѣ и это чувство пройдетъ само собою,—отвѣчала мистрисъ Маршамъ, дѣлая видъ, будто ей показалось, что лэди Гленкора жалуется на свою застѣпчивость.

— Ну нѣтъ, не думаю, отвѣчала лэди Гленкора; время, вмѣсто того, чтобы ослаблять во мнѣ это чувство, только усиливаетъ его. У насъ обѣдаетъ сегодня мистеръ Ботъ.

Не понять этотъ послѣдній намекъ не было уже никакой возможности. А надо сказать, что мистрисъ Маршамъ, чувствуя себя не въ силахъ выбить тѣснаго соперника по довѣрью мистера Паллизера изъ занятой имъ прочной позиціи, рѣшилась вступить съ нимъ въ оборонительный союзъ.

— Чтожъ! мистеръ Ботъ — членъ парламента и человѣкъ очень полезный для мистера Паллизера, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Это не мѣшаетъ намъ съ Алисой питать къ нему сильнѣйшую антипатію. Вѣдь правду я говорю, Алиса?

— Что до меня касается, то я конечно его не жалею, отвѣчала Алиса.

— Полагаю, миссъ Вавазоръ, что вамъ особенно-то жаловать его или не жаловать не изъ чего, замѣтила мистрисъ Маршамъ. У васъ съ нимъ никакихъ особенныхъ дѣлъ не можетъ быть.

— Положительно никакихъ, отвѣчала Алиса. Правда, онъ разъ вздумалъ донять меня попыткою непрощенаго сближенія, но я осадилъ его разъ навсегда.

— Не знаю, какого такого сближенія могъ онъ добиваться съ вами, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Почему же вамъ и знать, мистрисъ Маршамъ!

— Но страннымъ мнѣ что-то кажется, что такой дѣльный, и занятый человекъ, какъ мистеръ Ботъ, сталъ терять время на приставанье къ молоденькой дѣвушкѣ, съ которой онъ совершенно случайно познакомился въ чужомъ домѣ.

— Вы, кажется, поняли слова Алисы такъ, будто мистеръ Ботъ за нею ухаживалъ! воскликнула лэди Гленкора, смѣясь. Но право же это не такъ. Воображаю, какимъ бы былъ мистеръ Ботъ въ роли вздыхателя!

— Ну, ухаживать-то онъ, пожалуй, и не ухаживалъ, ядовито замѣтила мистрисъ Маршамъ.

Терпѣнье Алисы лопнуло.

— Гленкора—заговорила она, вставая,—мнѣ, кажется, всего лучше оставить васъ съ мистрисъ Маршамъ вдвоемъ; я вовек не расположена пускаться въ разсужденія о характерѣ мистера Бота и выслушивать оскорбительные для меня намеки.

— Полноте, Алиса, удерживала ее лэди Гленкора. Неужели мы съ вами такъ и дадимъ себя разбить мистеру Боту и мистрисъ Маршамъ?

— Надѣюсь, Гленкора, что вы не считаете меня за своего врага? вмѣшалась мистрисъ Маршамъ.

— Но я буду смотрѣть на васъ, какъ на врага, если вы не оставите Алису въ покоѣ.

— Я вовсе не желала обидѣть миссъ Вавазоръ, процѣдила мистрисъ Маршамъ, искоса поглядывая на Алису: та ограничилась молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Затѣмъ мистрисъ Маршамъ удалилась, объявивъ на прощанье, что непременно вернется къ обѣду.

— Экая злоющая старая кошка! проговорила лэди Гленкора по уходѣ гостыи; при этомъ она скорчила такую уморительную гримасу, въ голосѣ ея было столько ребячески-комичнаго, что Алиса невольно расхохоталась.—Я ее насквозь знаю, продолжала она, да и сами вы очень скоро убѣдитесь, что ей ни подъ какимъ видомъ давать спуску нельзя; она на васъ зашипитъ, а вы не трогайтесь съ мѣста, и покажите ей, что и у васъ есть когти.

— Но я, съ своей стороны, вовсе не желаю уподобляться кошкѣ, отвѣчала Алиса.

— За то я покажу ей, что во мнѣ сидитъ тигренокъ, только сунься она обижать меня. Знаете ли, Алиса, я твердо рѣши-

лась не давать себя въ обиду. Если мужъ мой прикажетъ мнѣ что нибудь сдѣлать, — пока онъ мнѣ мужъ, я буду его слушаться, но обижать себя не позволю.

— Вспомните, что она была еще другомъ матери Пализера.

— Я это очень хорошо помню. Но что-жъ изъ этого? Ну, и прїѣзжай къ намъ изрѣдка въ гости. Скучновато оно конечно, — ну, да это еще такое неизбѣжное зло, съ которымъ, куда ни шло, можно было бы помириться.

— Въ такомъ случаѣ, чего-жъ вы опасаетесь? По всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ дѣло и кончится.

— Вотъ то-то и есть, что не кончится; а я не хочу, чтобы меня обижали. Если она станетъ докучать мнѣ совѣтами то я скажу ей, что не нуждаюсь въ нихъ. Она вздумаетъ говорить дерзости моимъ друзьямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя она намъ наговорила, а я и скажу ей въ глаза, что сидѣла бы она себѣ дома, такъ лучше бы было. Она, конечно, прямымъ путемъ отправится къ нему и насплетничаетъ на меня, но мнѣ-то что жъ дѣлать? Не хочу я, чтобы надо мной мудрили, да и только.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ дѣламъ, касавшимся Алисы, и не возвращался болѣе къ письму Борго. Такъ проболтали объ прїятельницы вплоть до того часу, когда имъ приспѣло время одѣваться къ обѣду. Алиса много говорила о мистерѣ Греѣ, но ни словомъ не упомянула о своей помолвкѣ съ Джоржемъ Вавазоромъ. Да и какъ было ей упомянуть объ этой помолвкѣ, когда она въ душѣ уже на половину рѣшилась взять свое слово назадъ?

Сойдя въ гостиную по окончаніи своего туалета, Алиса никого тамъ не застала, кромѣ мистера Бота. Лэди Гленкора была еще неготова и мистеръ Пализеръ не показывался.

— Вотъ прїятно, неожиданная встрѣча, проговорилъ мистеръ Ботъ, протягивая ей руку. — Пальцы Алисы коснулись его руки и она пробормотала какой-то неопредѣленный отвѣтъ.

— А не правда ли, миссъ Вавазоръ, славный мы съ вами мѣсяцъ провели въ Мѣтчингѣ?

— Что до меня касается, то я дѣйствительно очень прїятно провела тамъ время.

— Если не ошибаюсь, вы уѣхали на другой день послѣ

этой ночной прогулки по развалинамъ? Дорого же поплатилась бѣдная лэди Гленкора за эту прогулку! Вѣдь она послѣ нея не на шутку занемогла, такъ что, къ великому своему прискорбію, принуждена была отказаться отъ поѣздки въ Монкшэдъ. Пренеприятная вышла исторія! Лэди Гленкора не можетъ похвастаться особенно крѣпкимъ здоровьемъ. Всѣ мы, имѣющіе счастье стоять къ ней близко, никогда бы не должны были упускать это изъ виду.

— Я что-то не замѣчала, чтобы она была слабаго здоровья.

— Не замѣчали? Охъ, только не ошибаетесь ли вы, миссъ Вавазоръ?

Алиса собиралась протестовать, но въ эту минуту въ комнату вошелъ мистеръ Паллизеръ въ сопровожденіи мистриссъ Маршамъ. Джентльмены пожали другъ другу руки и затѣмъ мистеръ Паллизеръ обратился къ Алисѣ. Съ перваго же взгляда на него Алиса поняла, что присутствіе ея не слишкомъ-то ему по душѣ; онъ едва коснулся ея руки и небрежно освѣдомился, какъ она поживаетъ; затѣмъ онъ тотчасъ же отвернулся отъ нея и заговорилъ съ мистриссъ Маршамъ. Во всемъ его обращеніи было что-то глубоко-оскорбительное для Алисы; вся кровь кинулась ей въ лицо и она отъ души пожалѣла, что не сумѣла устоять въ своемъ первоначальномъ намѣреніи избѣгать всякаго сближенія съ своими знатными родственниками. Стояла ли лэди Гленкора, чтобы изъ-за нея Алиса подвергала себя такого рода выходкамъ, которыя разомъ ставили ее въ положеніе бѣдной приживалки?—Нѣтъ, она непременно объяснить Гленкорѣ, что дружественная корткость обиденныхъ отношеній—дѣло невозможное между ними.

— Являюсь съ повинной головою, заговорила лэди Гленкора, входя въ комнату. Передъ вами, Алиса, мнѣ нечего извиняться, потому что вы же меня задержали, но вотъ у мистриссъ Маршамъ я униженно прошу прощенья.

Мистриссъ Маршамъ, улыбаясь, изъявила полнѣйшее прощенье и напомнила лэди Гленкорѣ, что вѣдь она—свой человѣкъ и что съ ней церемониться нечего. Затѣмъ всѣ отправились къ столу, причемъ Алисѣ пришлось обойтись безъ кавалера. Лэди Гленкора хотѣла было уступить ей мистера Бота, потому не такъ-то легко было заставить поступиться честию вестив хозяйку дома къ столу.

За столомъ Алисѣ не пришлось почти сказать ни слова.

слова; мистеръ Паллизеръ былъ занятъ политическими разговорами съ мистрисъ Маршамъ. А мистеръ Ботъ усердно любезничалъ съ лэди Гленкорою, которая все же не отваживалась слишкомъ явно оборвать это въ присутствіи мужа. Тщегно старалась лэди Гленкора втянуть въ разговоръ Алису. Бываютъ минуты, когда сами боги какъ-будто налагаютъ печать молчанія на уста человѣческія, и одну-то изъ такихъ минутъ переживала наша героиня. Презрительная холодность со стороны окружающихъ была дѣломъ несправедливымъ для Алисы; всюду, куда она ни появлялась, она привыкла стоять на первомъ планѣ; но въ эту минуту непривѣтнымъ холодомъ вѣвали на нее роскошныя стѣны дома Паллизеровъ, и она сознавала, что тѣмъ скорѣе она уберется изъ этого дома, тѣмъ лучше.

Когда дамы возвратились въ гостиную, мистрисъ Маршамъ торжествовала; она видѣла, что одержала верхъ надъ Алисой и, какъ искусный полководецъ, рѣшилась, во что бы то ни стало, довершить пораженіе слабѣющаго противника.

— Миссъ Вавазоръ отправится дождь, конечно, пѣшкомъ? проговорила она.

— Съ какой стати ей идти пѣшкомъ такую даль? Она поѣдетъ въ нашей каретѣ.

— Или просто на просто въ кэбъ, вмѣшалась Алиса. Мнѣ не въ первый разъ разъѣзжать по Лондону въ наемномъ экипажѣ и безъ провожатаго.

— Ну, для молодой дѣвушки не совсѣмъ-то прилично разъѣзжать поудно вечеромъ въ этихъ нѣбахъ, замѣтила мистрисъ Маршамъ. Я было думала предложить миссъ Вавазоръ мою горничную въ провожатыя; она, человѣкъ пожилой—и для нея такая прогулка ровно ничего не значить.

— Позвольте поблагодарить васъ за Алису, отвѣчала лэди Гленкора, но я же сказала вамъ, что ее отвезутъ въ каретѣ.

— Такъ-такъ, душа моя, это очень мило съ вашей стороны, возразила мистрисъ Маршамъ, но джентльмены, какъ вамъ извѣстно, не слишкомъ-то любятъ, чтобы на ихъ лошадяхъ громили мостовую по ночамъ.

— Никто не тронетъ лошадей моего мужа, проговорила лэди Гленкора почти вѣ себя отъ бѣшенства. А мои лошади на то и существуютъ, чтобы возить кого и когда мнѣ заблагоразсудится.

Не часто вырвались у лэди Гленкору подобнаго рода намеки, показывавшіе, что она очень хорошо помнитъ, что громадное состояніе ея мужа въ сущности принадлежитъ ей; вообще, трудно было найти женщину, которая въ денежныхъ дѣлахъ отличалась бы болѣе строгою деликатностью; но послѣдняя выходка загадочной пріятельницы ея мужа вывела ее изъ обычной волеи.

— Ну да, ну да, конечно, вы совершенно правы, проговорила мистрисъ Маршамъ.

— Такъ-то и я думаю, продолжала лэди Гленкора. Мистеръ Поллизеръ на то мнѣ и далъ лошадей, чтобы я ими распорядилась по своему усмотрѣнію. Если онъ находитъ, что я не довольно берегу ихъ, то пускай его самъ мнѣ и скажетъ, а постороннимъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Но, милая лэди Гленкора, вы не такъ меня поняли, оправдывалась мистрисъ Маршамъ; у меня и въ мысляхъ ничего подобнаго не было.

— Какъ мнѣ досадно, что изъ-за меня вышло это недоразумѣніе, проговорила Алиса. И было бы изъ-за чего! А то вѣдь я отлично бы доѣхала въ кэбъ; я къ нимъ привыкла.

— Вѣрю, что вы привыкли, перебила ее лэди Гленкора, что-жъ тутъ такого особеннаго? Я бы, кажется, въ случаѣ надобности, поѣхала хоть въ тачкѣ. Но не въ томъ вопросъ, и мистрисъ Маршамъ отлично это понимаетъ.

— По чести, я ничего не понимаю, проговорила эта почтенная дама.

— Я понимаю одно только, проговорила лэди Гленкора, что во всѣхъ подобнаго рода дѣлахъ я намѣрена поступать такъ, какъ мнѣ хочется, и не нуждаюсь ни въ чьихъ указаніяхъ.—Однако, Алиса, что-жъ мы съ вами про кофе совсѣмъ забыли?

IV,

ВЫБОРЫ ВЪ ЧЕЛЬСІЙСКОМЪ ОКРУГѢ.

Насталъ мартъ мѣсяцъ, а канцлеръ казначейства все еще держался на своемъ мѣстѣ. Въ первыхъ числахъ марта было дано по этому поводу нѣчто въ родѣ объясненія парламенту.

которое впрочемъ ничего никому не объяснимо. Многоумныя головы кабинета состряпали какую-то сдѣлку, которая, судя по ихъ словамъ, должна была развѣ малымъ чѣмъ уступать въ долговѣчности звѣздамъ небеснымъ; но внѣ кабинета все въ одинъ голосъ говорили, что министерство близится къ своему паденію. Мистеръ Ботъ всюду объявлялъ, гдѣ ему только представлялся случай поораторствовать о политикѣ передъ болѣе или менѣе многочисленной публикой, что этотъ порядокъ вещей не можетъ долго продолжаться. По его мнѣнію, лорду Броку съ его теперешней политикой, мнрволившей и нашпмъ и вашпмъ, далеко не уѣхать.—Если онъ дѣйствительно ищетъ опоры въ мистерѣ Паллизерѣ, то пускай его такъ прямо и выскажется, за мистеромъ Паллизеромъ дѣло не станетъ, и тогда уже ему нечего болѣе никакой оппозиціи. Если же лорду Броку почему-либо заблаговразсудится обойтись безъ этой опоры, тогда онъ долженъ готовиться къ тому, что мистеръ Паллизеръ и его друзья... Мистеръ Ботъ не договаривалъ, что именно они сдѣлаютъ; но люди свѣдущіе въ подобныхъ дѣлахъ смекали, что онъ грозитъ лорду Броку открытою неприязнью мистера Паллизера и его великаго сподвижника.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы и сами поймете, что долго дѣла такъ не могутъ идти, твердилъ мистеръ Ботъ въ своемъ клубѣ чествованіямъ двумъ-тремъ изъ своихъ юныхъ пріятелей.

— И я такъ думаю, поддакнулъ Кальдеръ Джонсъ, членъ нижней палаты и великій специалистъ по части охоты.— Назвать Поля ни за что этого не потерпите.

— Но что же онъ можетъ сдѣлать? спросила другая, еще неоперившаяся членъ парламента, неуспѣвшій порывшись съ самимъ собою, къ какому знамени ему примкнуть.

— Что онъ можетъ сдѣлать? величаво переспросилъ мистеръ Ботъ. А вотъ вы въ скоромъ времени увидите, что онъ можетъ сдѣлать. Если лордъ Брокъ самъ о своей пользѣ не хочетъ порады, то мистеръ Паллизеръ и помимо его найдеть дорогу въ кабинетъ.

— Ужь не хотите ли вы сказать, что сама королева призоветъ къ себѣ Плэнта Поля?

— Я просто на просто хочу сказать, что королева призоветъ къ себѣ всякаго, на кого укажетъ ей палата депутатовъ, провозгласилъ мистеръ Ботъ. И какъ это, въ самомъ дѣлѣ,

никому не втолкуюешь, что королева тутъ, собственно говоря, не при чемъ.

— Ну, ну, Ботъ, уаъ вы заходите слишкомъ далеко; за мѣтлѣ Кальдеръ Джонсъ, върноподавническое чувство котораго было оскорблено крайнимъ империализмомъ своего политическаго союзника.

— Ничуть не бывало, отвѣчалъ мистеръ Ботъ. Отъ реду я не былъ охотникомъ до розовой водички, — не переначивать же мнѣ себя на старости лѣтъ. Все наши политическія преступленія противъ цивилизаціи происходятъ отъ невольнаго страха зайти, какъ вы говорите, слишкомъ далеко. Отчего въ Англии грамотность не такъ сильно распространена, какъ въ Америкѣ? Отчего даже въ императорской Франціи выборы происходятъ на болѣе разумныхъ основаніяхъ, чѣмъ у насъ? Отчего мы владимъ наше существованіе въ болѣе тѣсномъ рабствѣ, чѣмъ даже тѣ крѣпостные, цѣпи которыхъ недавно разбиты въ Россіи? Отчего даже испанцамъ и итальянцамъ лучше насъ живетъ на свѣтѣ? Все оттого, что люди, въ рукахъ которыхъ находились бразды правленія, боялись зайти слишкомъ далеко.

Ну, однако, не можете же вы совсѣмъ отстранить королеву отъ участія въ дѣлахъ правленія, проговорилъ юный членъ парламента, который удостоился чести быть представленнымъ ко двору и не успѣлъ еще окончательно отрѣшиться отъ старосвѣтскихъ воззрѣній, привитыхъ въ нему его маменькой.

— Я вовсе и не желаю того, отвѣчалъ мистеръ Ботъ; я не республиканецъ. — При всѣхъ своихъ конституціонныхъ стремленіяхъ, мистеръ Ботъ имѣлъ весьма неясное понятіе о значеніи послѣдняго слова. — Я воздаю должную дань уваженія престолу; но я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что вѣдательная сила, управляющая судьбами нашего великаго народа, заключается цѣликомъ и безраздѣльно въ четырехъ стѣнахъ палаты депутатовъ.

— Такъ вы думаете, что Пленге Поль будетъ первымъ министромъ? спросилъ Кальдеръ Джонсъ.

— Этого я такъ утвердительно не говорилъ; но не вижу въ этомъ ничего невѣроятнаго. По крайней мѣрѣ, изъ молодыхъ я не знаю ни одного болѣе способнаго занять этотъ постъ.

Знаю одно только, что если лордъ Брокъ не призоветъ его въ кабинетъ, то самому лорду Броку не долго продержаться.

Между тѣмъ, въ чельсѣйскомъ округѣ начинались выборы, и вся юго-западная часть столицы была запружена печатными объявленіями, разглашавшими имя Джоржа Вавазора. «Поддавайте голосъ за Вавазора и за плотину на Темзѣ!»—таковъ былъ бранный крикъ, съ которымъ онъ явился передъ своихъ избирателей. Должно полагать, что сокровенный смыслъ этого крика былъ вполне ясенъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ чельсѣйскихъ избирателей, за то большинство публики, читавшей объявленія, ровно ничего въ немъ не понимало и глумленьямъ не было конца, какъ со стороны друзей, такъ и со стороны враговъ нашего героя. Честь изобрѣтенія этого девиза принадлежала мистеру Скребби. Въ тѣ дни поговаривали какъ-то о томъ, чтобы устроить на Темзѣ плотину, которую предполагалось провести отъ зданія парламента и вплоть до пустырей дальняго Пимлинга. Мистеръ Скребби присовѣтовалъ своему кліенту объявить, что онъ будетъ хлопотать о приведеніи въ исполненіе этой мѣры, и даже потребуетъ, чтобы плотину довели до Баттерсѣйскаго моста.

— Нужно же вамъ отрекомендовать себя спеціальнымъ поборникомъ какого нибудь вопроса, сказалъ ему мистеръ Скребби; безъ этого ни одному новичку въ парламентѣ шагъ ступить нельзя. А вопросъ непременно долженъ представлять мѣстный интересъ; такой вопросъ, если только умѣючи за него взяться, сбережетъ вамъ тысячи фунтовъ при слѣдующихъ выборахъ.

— Да при настоящихъ-то онъ мнѣ ничего не сбережетъ.

— За то, мистеръ Вавазоръ, онъ обезпечитъ за вами представительство и доставитъ вамъ въ послѣдствіи популярности между вашими избирателями,—само собою разумѣется, если вы сами не ударите лицомъ въ грязь. Подумайте, какія громадныя суммы денегъ разойдутся среди прибрежнаго населенія, если только этотъ проэктъ состоится; вѣдь дѣло пахнетъ милліонами, сэръ!

— Но въ томъ-то и бѣда, что проэктъ этотъ никогда не состоится.

— Чго за бѣда! Ваше дѣло тщательно изучить этотъ вопросъ, чтобы имѣть возможность обсуждать его со всѣхъ сто-

ронъ. Выучите всё цифры наизусть, а такъ какъ, конечно, не найдется другого такого чудака, который одолѣлъ бы эту задачу, то возражать вамъ никто не станетъ. Проектъ, само собою разумѣется, всё въ вѣчные такъ и останется проектомъ, но это-то вамъ и на руку: если бы онъ не осуществился, то о немъ не могло бы быть болѣе и рѣчи. Тогда какъ теперь, во время каждой избирательной сумятицы, вы можете выступать его поборникомъ и постоянно можете требовать его осуществления въ парламентѣ. Я знавалъ людей, которые и съ худшимъ девизомъ умѣли доработаться до хорошаго мѣста, приносящаго тысячь этакъ до двухъ постояннаго дохода.

Джоржъ предоставилъ мистеру Скребби вести, какъ онъ зналъ, это дѣло и выступилъ поборникомъ плотины на Темзѣ. Объявленія объ этомъ, напечатанныя на огромныхъ картинныхъ вывѣскахъ, поддерживаемыхъ желѣзными подпорками, разносились цѣлою арміею посильщиковъ. Процессіи этихъ посильщиковъ, человекъ въ двадцать четыре и болѣе, расхаживали по улицамъ. — Мнѣ кажется, что если бы носить объявленія по одиночкѣ, то они болѣе кидались бы въ глаза, замѣтилъ Вавазоръ, высчитывая про себя, во сколько ему обойдутся эти процессіи. — Такъ-то, такъ, отвѣчалъ мистеръ Скребби, но двадцать четыре объявленія заразъ сильнѣе поражаютъ воображеніе. — Стѣны домовъ были сверху до низу покрыты афишами подобнаго же содержанія. Вавазоръ признавался, что ему совѣстно глаза показать между своими будущими довѣрителями, до того пресловуто стало его имя въ этой части города. Гримсъ все это видѣлъ и начиналъ не на шутку робѣть. Сначала онъ было пустилъ въ нихъ все свое кабацкое остроуміе, чтобы выставить въ смѣшномъ видѣ избранный Вавазоромъ девизъ. — И что онъ хочетъ сказать этой чепухой? говорилъ онъ. Утопиться онъ, что ли, задумалъ въ Темзѣ? — Но вскорѣ Гримсъ былъ вынужденъ сознаться, что мистеръ Скребби мастерски ведетъ свое дѣло, и готовъ былъ раскаться въ своей измѣнѣ.

Джоржу Вавазору между тѣмъ послѣ долгихъ хлопотъ удалось поднять вопросъ о плотинѣ. Онъ познакомился съ людьми, засѣдавшими въ городскомъ совѣтѣ (Metropolitan Board) и мужественно одолѣлъ цѣлые столбцы, фунтовъ шиллинговъ и пенсовъ. Онъ даже изловчился приходить въ кажущійся азартъ

каждый разъ, какъ ему возражали, что прозвѣтъ этотъ несущественнымъ, и вскорѣ нащель учениковъ, чистосердечно увѣровавшихъ въ его пропаганду. Такъ продолжалъ онъ работать въ потѣ лица; рѣчи, одна другой пламеннѣе, исходили изъ устъ его; онъ судилъ бѣднякамъ, заселявшимъ Челси, Пимликъ и Брамptonъ, что кварталъ ихъ въ скоромъ времени преобразится въ новѣйшій Чипсайдъ и затмитъ Бельгревию своимъ великолѣпиемъ. Всюду возникнутъ сѣверы, построятся дворцы для богачей, потому что вѣдь богачи хорошия потребители и плательщики; но дворецъ богача не помѣшаетъ бѣдняку оставаться полнымъ хозяиномъ плотины. На отстройку предполагаемой улицы, долженствовавшей сдѣлаться восьмымъ чудомъ свѣта, будетъ потрачено не менѣе трехъ съ половиною милліоновъ; но милліоны эти ни подъ какимъ видомъ не должны быть взимаемы съ чельсійскаго населенія; найдутся для нихъ другіе источники, хоть бы та же корпорация Сити, сундуки которой трещать отъ залежавшихся денегъ. — Мистеръ Скреби долженъ былъ сознаться, что ученикъ его выказываетъ необыкновенное умѣнье пользоваться средствами, находящимися у него подъ руками.

Но цѣльня полчища людей, разносящихъ громадныя вывѣски, угощенье по кабакамъ, на углу каждой улицы афиши съ буквами въ три фута величиной, — все это стоитъ денегъ. Тѣ немногія сотни, которыя Джоржъ вручилъ мистеру Скреби въ самомъ началѣ предпріятія, были израсходованы еще въ томъ предположеніи, что выборы состоятся не ранѣе сентября; не уснѣлъ Джоржъ оглянуться, какъ мистеръ Скреби снова потребовалъ отъ него тысячу пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, и потребовалъ въ такомъ тощѣ, который ясно говорилъ, что, пока эта сумма не будетъ выплачена, не появится ни одной афиши на стѣнахъ и ни одного послыщика съ объявленіемъ на улицахъ.

Требованье это застигло Вавазора такъ неожиданно, что ему не оставалось даже времени снестись съ сестрою Кэтъ, которая на новую просьбу его о посредничествѣ непременно отвѣтила бы сначала отказомъ и затянула бы переговоры въ долгій ящикъ. И такъ, онъ рѣшился прямо обратиться къ Алисъ и написалъ ей по этому поводу письмо. Онъ излагалъ ей обстоятельства дѣла, упоминалъ о томъ, что настоящіе выборы

застали его врасплохъ и что ему до зарѣзу нужны двѣ тысячи фунтовъ. Онъ добавлялъ, что не стѣняется обратиться за этой суммой къ кузинѣ, такъ какъ ему извѣстно, что старый сквайръ будетъ радъ-радошенекъ укрѣпить все имѣнье за Алисой въ уплату этого долга. Затѣмъ Джоржъ упомянулъ о своемъ долгомъ отсутствіи изъ дома кузины и объяснялъ его тѣмъ, что въ послѣднее свое свиданье съ нею онъ имѣлъ случай убѣдиться, что сама она желаетъ нѣкоторое время отдохнуть въ одиночествѣ. Но, продолжалъ онъ, если счастье мнѣ улыбнется въ настоящемъ моемъ предпріятіи, то я точно такъ же поспѣшу къ вамъ подѣлиться моею радостью; въ случаѣ же неудачи, я буду искать у васъ утѣшенія.

Черезъ три дня пришелъ отъ нея отвѣтъ: она писала, что деньги будутъ немедленно доставлены въ его распоряженіе; дѣлала ему успѣха въ его предпріятіи, — и только: въ письмѣ не говорилось ни слова о любви, не выражалось ни малѣйшаго желанія его видѣть.

Мистеръ Томбъ поспѣшилъ сообщить Джоу Грейю о поступившемъ къ нему запросѣ на новую сумму денегъ (мистеръ Томбъ находилъ, что для любовной шапши дѣло заходить слишкомъ далеко); но Грей телеграфировалъ ему, что уполномочиваетъ его израсходовать на Джоржа Вавазора, — если того потребуетъ мистеръ Джоржъ Вавазоръ, — до пяти тысячъ фунтовъ. Мистеръ Томбъ приподнял брови и подумалъ, какихъ-какихъ чудаконъ не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ; но денежныя обстоятельства Джона Грея были таковы, что у мистера Томба не могло оставаться и тѣни сомнѣнія относительно того, поступать ли ему такъ, какъ ему велятъ. — И такъ, требуемая сумма была выплачена Джоржу сдѣла.

Объ этомъ новомъ займѣ Джоржъ не забывалъ сестрѣ ни полсловомъ, не видя никакой надобности распространяться передъ нею о подобныхъ вещахъ. Да и вообще, около этого времени, онъ совсѣмъ пересталъ писать къ ней, хотя она слала ему письмо за письмомъ, настаивая на томъ, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, занялъ денегъ у нея; на это письмо Джоржу было не совсѣмъ ловко отвѣчать, не упоминая о томъ, что онъ уже раздобылся деньгами изъ другого источника; а потому онъ предпочиталъ отмалчиваться.

Между тѣмъ избирательная борьба шла съ ожесточеніемъ.

Мистеръ Гримсъ усердствовалъ, не щадя живота, враждебному кандидату. Про Вавазора онъ распускалъ самыя неблагопріятныя слухи; разъ даже вся армія вавазоровскихъ разнощикоувъ объявленій была постыдно загнана въ рѣчную тину, подъ предводительствомъ мистера Гримса. Все это раздражало Вавазора, который не умѣлъ сносить нападоувъ, направленныхъ противъ его личности, и самое имя, *Рѣчной плотины* стало ему ненавистно. — И, полноте, мистеръ Вавазоръ, утѣшалъ его мистеръ Скреби, то ли еще бываетъ! Былъ у меня одинъ кандидатъ, въ гамлетскомъ округѣ, если не ошибаюсь, такъ того всего закидали тухлыми яйцами, такъ что мѣста на немъ живого не осталось. И что же? Вѣдь отстоялъ же я его.

И Джоржа Вавазора мистеръ Скреби отстоялъ такъ же, какъ и гамлетскаго героя. Подъ конецъ выборовъ имя Вавазора стало во главѣ значительнаго большинства.

— Дешово же вы отдѣлались, мистеръ Вавазоръ, сказалъ ему мистеръ Скреби; вы то не забывайте, что округъ-то столичный. Теперь намъ всего на всего понадобится еще какихъ нибудь тысяча, тысяча сто—много-много тысяча триста фунтовъ для покрытія всѣхъ издержекъ. Еще одна такая удача, и послѣдующіе выборы вамъ уже ровно ничего не будутъ стоить.

И такъ, нужна была немедленно новая сумма въ тысячу триста фунтовъ! А тамъ, мѣсяцевъ черезъ шесть, Джоржу предстояло снова подвергнуться той же процедурѣ. Во всемъ этомъ мало было утѣшительнаго. Но, какъ бы то ни было, не шутка попасть представителемъ въ палату депутатовъ, хотя бы то было всего на какихъ нибудь шесть мѣсяцевъ, и Джоржъ Вавазоръ, болѣе чѣмъ кто либо, былъ способенъ упиться торжествомъ подобной побѣды.

(Продолженіе будетъ.)

ЧУЖИЕ МЕЖЪ СВОИМИ.

XI.

Недѣли за три предъ рождествомъ, Братановъ уѣхалъ по дѣламъ компаніи въ Нижній.

Въ одно изъ своихъ послѣднихъ предъ отъѣздомъ свиданій съ Александрой Борисовной, Братановъ, конечно безъ всякихъ заднихъ мыслей, а просто потому, что разговоръ коснулся этого предмета, — выяснилъ ей свой взглядъ на любовь вообще. Этотъ разговоръ далъ право Александрѣ Борисовнѣ не отчаиваться въ томъ, что Братановъ любитъ ее, и произвелъ въ ней упорную борьбу, вызвавъ горькія сомнѣнія въ разумности совершающейся кругомъ ея жизни.

Какъ ни тяжела была для Александры Борисовны эта борьба, но все-таки она не превышала ея силъ, потому что, какъ бы ни смутали, ни обезсилили люди дѣятельность ея мысли, какъ бы ни были ничтожны ея средства не только для борьбы съ жизнью, но даже и для вѣрнаго пониманія ея, — однакожъ организмъ Александры Борисовны все-таки былъ молодъ и здоровъ.

Я сказалъ, что люди обезсилили дѣятельность мысли Александры Борисовны, а теперь говорю, что организмъ ея былъ здоровъ, и, по моему мнѣнію, здѣсь нѣтъ противорѣчія, потому что поставить организмъ въ бездѣйствіе, значить, — лишить его *на время* возможности развитія и остановить его на той ступени, на которой онъ стоялъ въ дѣтствѣ. Громадное большинство нашихъ женщинъ на этой ступени и стоитъ до сихъ поръ, и походитъ на рапо развившихся дѣтей; но если возможно развитіе для ребенка, то оно возможно и для этихъ великовозрастныхъ дѣтей, потому что для совершеннаго пресѣченія

возможности дальнѣйшаго развитія необходимо нужно завязать этимъ дѣтямъ глаза и уши, остановить всѣ впечатлѣнія. Къ величайшему несчастью большинства отцовъ и воспитателей, — всякое отправление организма тѣсно связано со всѣми остальными отправлениями; поэтому отцамъ и воспитателямъ ежеминутно предстоитъ опасность, что какое нибудь, повидимому, невинное впечатлѣние сильно подѣйствуетъ на какую нибудь часть организма ихъ дѣтей и, въ силу упомянутой связи, разбудитъ и призоветъ къ дѣятельности всѣ наличныя средства молодого организма.

Хорошо, друзья мои, отцы и воспитатели, если во время этого пробужденія молодого, воспитываемаго вами существа — когда оно зорко смотритъ вокругъ, чутко прислушивается ко всему и дѣятельно пересуживаетъ видѣнное, слышанное и прожитое имъ, — хорошо, говорю, если вокругъ него и въ прожитой имъ жизни не найдется ни одного факта, противорѣчащаго проповѣдуемымъ вами мыслямъ. Въ этомъ случаѣ бѣдный ребенокъ опять будетъ вѣрить вамъ и опять впадетъ въ прежнюю спячку.

Къ моей радости и къ вашему унынію, теперь уже немного осталось такихъ унылыхъ подпольевъ, куда не пробралась бы, если не новая жизнь, то хоть слухи о ней, хоть слухи о новыхъ мысляхъ и новыхъ людяхъ. Значитъ, имѣемъ мы съ вами, отцы и воспитатели, основаніе предполагать, что пробудившееся существо всегда найдетъ факты и мысли, которые можно будетъ сравнить съ вашими мыслями и фактами вашей жизни; а изъ этого сравненія, по моему убѣжденію, необходимо выйдетъ развитіе, т. е. ребенокъ разовьется въ самостоятельнаго человѣка.

Это положеніе общее. Прослѣдимъ теперь его въ частномъ проявленіи — въ жизни Александры Борисовны.

Дѣятельность ея мозга сѣумѣли остановить на ребяческой ступени. Ростъ организма продолжался; съ ростомъ пришла потребность любви, — и Александра Борисовна полюбила Братанова. Если хочетъ читатель знать, что такое «пора любви», то пусть онъ не обращается къ романистамъ и повѣствователямъ сентиментальной школы, хотя бы даже славящимся описаніями любви и любовныхъ сценъ, — не найдетъ

читатель въ ихъ книгахъ ничего, кромя безсвязныхъ члепо-раздѣльныхъ звуковъ и туманныхъ образовъ.

Очень похорошѣла въ это время Александра Борисовна: движенія ея сдѣлались тверже и красивѣе, на щекахъ заиграли румянецъ, глаза заблестѣли ярче, сны, вслѣдствіе чуткости нервовъ и усиленной дѣятельности ума,—стали разнообразны и тревожны.

Скажу въ немногихъ словахъ, что—хорошо было это пробужденіе молодого организма, что не утомляла Сашу работа, что легко было ей читать хоть до поздней ночи, что при чтеніи у ней не пропадала незамѣтно ни одна новая мысль, что свѣжія и здоровыя впечатлѣнія природы воспринимались въ высшей степени легко. За этимъ перехожу къ тому неизбѣжному выводу, что, при такой силѣ и чуткости организма, ей хотѣлось жить цѣльною жизнью.

Хотѣлось Александрѣ Борисовнѣ, чтобы и у Братанова, какъ и у ней, хоть разъ задрожала рука, когда ихъ руки касались одна другой; чтобы онъ хоть разъ посмотрѣлся на нее, какъ она засматривалась на него. «Скажи ему и люби», слышались Александрѣ Борисовнѣ рѣзкія слова сестры, и вспоминался любящей дѣвушкѣ тотъ спокойный и твердый взглядъ, которымъ сопровождались эти слова.

Прежде, въ дѣтствѣ, когда ей хотѣлось бродить по лѣсу, играть на берегу рѣки, большіе люди смущали ея стремленія разсказами о лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ, примѣшивали къ ея впечатлѣніямъ отъ тишины и прохлады лѣса, блеска и красоты рѣки—уродливые и пугающіе образы. Но если бы тогда нашелся человѣкъ, который сказалъ бы ей: «иди, куда тебѣ хочется идти: — нѣтъ тамъ ни лѣшихъ, ни водяныхъ, ни русалокъ», то она и пошла бы туда, куда ей хотѣлось идти, стала бы жить такъ, какъ организмъ ея требовалъ.

Теперь-то оказалось, что не безслѣдно пропала самостоятельная работа ея мысли въ раннемъ дѣтствѣ. На сколько возможно было, порѣшила она съ этимъ представившимся вопросомъ, и быстро, съ логическою свѣтлостью перешла она къ его продолженію — къ другимъ жизненнымъ вопросамъ.

— Я хочу жить такъ, какъ нравится мнѣ, думала она; жить для себя, а не для другихъ. Поэтому, если я не хочу, чтобы другіе требовали отъ меня чего нибудь, то и я отъ нихъ

не должна ничего требовать. Я должна сама зарабатывать себя хлѣбъ и все, что мнѣ нужно....

— Что я могу сдѣлать? Что я знаю? Какъ я стану устроить свою жизнь? мелькнули у ней вопросы, бывшіе логическимъ продолженіемъ предшествовавшей мысли.

— Братановъ покажетъ дорогу, отвѣтила она и замечталась объ его дѣятельности.

Жаль, что не пошла она дальше въ своей мысленной работѣ. Можетъ быть, раньше поняла бы она, что такое жизнь и отчего плохо живется. — Повдню разурѣшила она эти вопросы.

ХП.

Рѣшимость Александры Борисовны еще болѣе ускорила исповѣдку сестры ея, исповѣдку, вызванной участіемъ любимого Варварой Борисовной—Черноперова. Исповѣдь эта, т. е., говоря проще, рассказъ Варвары Борисовны о своей жизни, выяснилъ взглядъ сестры ея на свое положеніе, потому что былъ новымъ фактомъ или, лучше, рядомъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни, — а Александръ Борисовичъ фактовъ именно и не доставало для того, чтобы рѣшиться окончательно—принять или отвергнуть то или другое понятіе о своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ ея людямъ и прочему міру.

Но прежде я расскажу судьбу Черноперова. Болѣзнь его выходила изъ того же порядка, о которомъ я уже говорилъ въ началѣ моей повѣсти, т. е. изъ начинающагося отъ самаго дѣтства скриванія и прикрашиванія жизни, которое приводитъ къ тому, что люди или остаются на вѣки-вѣчные слѣпыми ребятами, немогущими безъ руководства ступить шагу, или же, подчиняясь требованьямъ молодого, здороваго организма, сдѣланы жить болѣе сообразно съ этими требованьями.

Это хорошее стремленіе необходимо уничтожается вѣчнымъ скриваніемъ жизни, потому что обдумывается большею частью по теоріямъ, а не на основаніи совершающейся кругомъ жизни. Для излеченія больного организма, недостаточно знать жизнь человѣка вообще, общую физиологію и даже общую патологію, но необходимо еще знать всѣ личныя ненормальныя уклоненія и всѣ уцѣлѣвшія силы организма, за излеченіе котораго бе-

режся, и кромѣ того, всѣ особенности условій, которыми окруженъ этотъ организмъ. А между тѣмъ, и человѣка, и окружающую его жизнь представляли намъ съ самаго дѣтства въ ложномъ свѣтѣ.

Не смотря на это, хорошее стремленіе, о которомъ я говорилъ, существуетъ и обдумывается на основаніи глубокаго самосознанія и данныхъ науки. Для достиженія хорошихъ цѣлей, вызванныхъ этимъ стремленіемъ, тратится не мало времени. Въ это немалое время горячихъ исканій дѣйствительная жизнь необходимо должна открыться во всей своей неприкосновенной наготѣ, и тогда оказывается, большею частью, что мы напрасно шли столько лѣтъ по своему избранному пути, потому что по этому пути нельзя придти къ желаемому результату. Разсуждая резонно, слѣдовало бы поворачивать оглобли и выѣзжать на другую дорогу; а на дѣлѣ выходитъ обыкновенно апатія, *опущеніе рукъ*, — какъ выражается Братановъ. Этотъ фактъ я понимаю слѣдующимъ образомъ. Пройдетъ не мало времени, пока узнаются «печали и болѣзни», а также и силы, заключающіяся въ современномъ обществѣ, а въ это немалое время стремленіе, непокидающее мысль человѣка во время исканій и попытокъ, крѣпнеть съ каждымъ мѣсяцемъ, а затѣмъ нерѣдко превращается въ мономанію. Свойства мономаніи я слегка очертилъ въ «Степанѣ Рулевѣ», въ лицѣ механика-самоучки Скрыпникова.

При вступленіи на другую дорогу приходится надолго отложить осуществленіе своего стремленія, а иногда даже и убѣдиться, что собственно мнѣ-то и не дожить до его осуществленія. Значить, мономанію нужно отбросить, — а какъ ее бросить?

Правда, Скрыпниковъ радостно вышелъ на другую дорогу, потому что нашелъ средства для осуществленія своей мономаніи, — но есть люди, для которыхъ переходъ на другую дорогу связанъ съ горькимъ разочарованіемъ не только въ окружающихъ людей, но и во всей прожитой жизни.

Такимъ образомъ, мономанія, въ силу своего долготія, обращается въ привычку, да еще присоединяется къ ней разочарованіе въ людяхъ и своихъ собственныхъ силахъ. — Въ этомъ-то положеніи находился Черноперовъ и, понятно, искалъ средства хоть на время забыться отъ своей болѣзни.

Прибавлю, кстати, что людей, одержимых монотонией различного рода, т. е. страдающих односторонним развитием ума, — невыносимо-много. Въ обществѣ эта ненормальность известна подъ именемъ призванія. На первый взглядъ, разведение людей съ призваніемъ кажется полезнымъ въ обиходной жизни такъ же, какъ полезно разведеніе гусей съ громадной печенью, и свиней, состоящихъ почти изъ одного жира; но я полагаю, что, чѣмъ больше въ обществѣ людей здоровыхъ и способныхъ къ всестороннему развитію, тѣмъ лучше, потому что здоровый организмъ потребуеть и жизни здоровой во всякъ отношеніяхъ; а люди съ призваніемъ, — какъ мы знаемъ и по опыту, и по сказаніямъ исторіи, — могли уживаться во всякой обстановкѣ, лишь бы не мѣшали имъ слѣдовать своему призванію.

И такъ, Черноперовъ искалъ средства хоть на время забыться отъ своей болѣзни. Мы видѣли уже его пьянымъ и спящимъ въ своей одинокой квартирѣ; теперь остается еще прибавить, что его одинокое пьянство въ запертой комнатѣ въ послѣднее время случалось съ нимъ очень часто. Наконецъ Черноперову надоѣло пить одному.

Въ недѣлю предъ рождествомъ, вечеромъ, часовъ въ восемь, онъ проснулся послѣ похмѣлья, походилъ по комнатѣ, потомъ повязался шарфомъ, надѣлъ полушубокъ, старшій картузь, взялъ палку и вышелъ на улицу. Выдо вѣтренико, но вѣтеръ дулъ теплый, и наломиналъ о веснѣ, когда чолько-что скодить сибѣтъ и обнажаетъ прошлогоднюю траву, гдѣсь и груды почернѣвшіихъ подъ снѣгомъ листьевъ. Такой вѣтеръ былъ особенно хорошъ Черноперову послѣ его душнаго жилья, наполненнаго спиртнымъ ароматомъ. Вспомнилъ было Черноперовъ о веснѣ, но и самъ же осмѣялъ это воспоминаніе.

Весна-то! спрощилъ онъ, велухъ сарказмически и заглѣтъ молодецки смистичулъ.

— Все-одно, что весна, что осень; — подумалъ онъ: — ивѣточковъ рвать не приходится на старости лѣтъ.

Тило-сделъ онъ по улицѣ, постукивая своей дубинкой и поглядывая въ окна. А въ окнахъ видѣлъ онъ сапожниковъ он портниковъ, сидѣвшихъ, скрестивъ ноги на своихъ столахъ, и расцѣвлявшихъ ивѣсны; видѣлъ старухъ, шевелившихъ лицами при свѣтѣ салныхъ свѣчъ и лампадокъ; зашгѣтъ съ работающими

старухами, неизбежно видѣлъ онъ спящихъ кошекъ и собакъ, — а иногда и спящихъ въ креслахъ или на диванахъ дѣтей.

— Мирное и безмолвное житье, благодать божья, подумалъ Черноперовъ и искренно зѣвнулъ.

Увидѣлъ онъ потомъ стоявшаго передъ окномъ гимназиста, посѣщавшаго его библиотечку, а въ окнѣ увидѣлъ покойника, лежащаго на столѣ.

— Кто такой? спросилъ Черноперовъ.

— Чиновникъ, отвѣчалъ гимназистъ.

Черноперовъ облокотился на подоконникъ и долго смотрѣлъ на мертвого человѣка, лежащаго съ сложенными на груди руками; слушалъ, какъ, точно шумъ ключа, быстро стекавшаго въ рѣчку, раздавалось въ комнатѣ чтеніе.

— Какое впечатлѣніе дѣлаетъ на васъ эта сцена? тихо спросилъ Черноперовъ, повертываясь къ гимназисту.

— Странно какъ-то, отвѣчалъ юноша.

— Что же странно?

— Вчера еще онъ говорилъ, ѣлъ, мечталъ конечно, а сегодня ужь и не дышетъ.

— По моему мнѣнію, на человѣка не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ идеально. Возьмите для примѣра болѣе грубый предметъ, хоть бы бочку съ водой. Если мы сегодня видѣли, что бочка эта треснула и вода понемногу вытекаетъ, то мы нисколько не удивимся, найдя на другой день эту бочку совершенно пустою. Будетъ странно это въ такомъ только случаѣ, если мы не замѣчали ни трещины, ни постепеннаго уменьшенія воды. Человѣкъ—такая же бочка съ водой; только если эта бочка треснетъ, то мы обыкновенно не замѣчаемъ, не знаемъ этихъ трещинъ и потому удивляемся, когда въ ней вдругъ не оказывается воды.

— Я понимаю это, тихо сказалъ молодой человѣкъ. Мы понемногу изучаемъ человѣка, но все-таки даже и тогда, когда узнаемъ все его свойства, — онъ будетъ умирать.

— Будетъ умирать, только не неожиданно. Та же бочка... Вода будетъ испаряться, дерево гнить съ каждымъ днемъ и на нашихъ глазахъ... Тогда можно будетъ предсказывать, скоро ли нашей бочки не будетъ...

— Одно меня смущаетъ... съ искреннимъ чувствомъ заго-

ворилъ молодой человѣкъ и остановился, какъ-будто еще разъ сопоставляя и свѣряя свои мысли.

— Что такое? спросилъ Черноперовъ, внимательно смотря на его молодое, умное лицо.

— Дерево разрушается, желѣзо тоже разрушается, камень тоже, но вѣдь говорить же физиологія о человѣкѣ и животныхъ, что въ живыхъ существахъ происходитъ вѣчное движеніе, вѣчная замѣна отжившихъ частей—новыми... Живущему организму нѣтъ, слѣдовательно, причины идти въ сравненіи съ неорганическими веществами.

— Не знаю, прямо отвѣтилъ Черноперовъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на умершаго, подумалъ немного и пошелъ прочь. Молодой человѣкъ пошелъ за нимъ. Нѣскольکو времени они оба молчали.

— Да, заговорилъ опять Черноперовъ, угрюмо смотря въ землю. Вообще на человѣка не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ высоко, а на субъектовъ, подобныхъ покойному, — и того меньше. Смотрите на него просто, какъ на матеріаль, который, при случаѣ, можно съѣсть, по нуждѣ—можно употребить вмѣсто подставки или употребить вмѣсто мостика. Гибкій и удобообработываемый матеріаль... Впрочемъ, главное употребленіе этого матеріала все-таки на ѣду. Всю свою жизнь онъ трудится, какъ машина, худѣетъ, сохнетъ, горбится, уродуется и во всю жизнь свою не удовлетворитъ вполнѣ ни одной изъ своихъ потребностей, потому что все, что онъ ни сработаетъ, т. е. вымѣняетъ на свою плоть, кровь и потъ, — все это другими потребляется... Былъ покойникъ замѣчательнъ чѣмъ нибудь?

— Писецъ былъ удивительный.

— Каллиграфомъ, значитъ, былъ великимъ. Ну вотъ, даже и замѣчательность нашли... Гадко... То гадко, по моему, что и талантъ-то у него былъ такого рода, что хорошо устроенная машина или остроумный приборъ можетъ совершенно затмить замѣчательность этого человѣка. Имѣлъ онъ такое богатое, тонкое устройство, какого не имѣетъ ни одна машина, а между тѣмъ машина легко можетъ замѣнить его. — Фу! обидно.

— Дѣйствительно, замѣчательность плохая для человѣка... Только, по моему мнѣнію, это не унижаетъ человѣка вообще

и его способности... Что дѣлать, если его поставили въ такое положеніе!..

— Справедливо, сказалъ Черноперовъ. Давайте о человѣчествѣ, пожалуй, говорить.. Я знаю, что само изъ себя пп-чего не сдѣлается, что если даже растеніе вырыть съ корнями изъ земли и положить его въ банку, наполненную, вмѣсто воды или земли, битымъ стекломъ, такъ вся способность растенія къ жизни пропадетъ... Давайте о человѣчествѣ говорить. Что оно—глупо, слѣпо или до безтолковости зло?.. Человѣчество кормитъ курицу отборнымъ зерномъ, доставляетъ ей удобное жилье, заботится о ея потребностяхъ изъ за того только, что курица ему яйца доставляетъ. Человѣчество во время зны обвертываетъ соломой свои яблони, лѣтомъ очищаетъ ихъ отъ гусеницъ, освобождаетъ отъ иссохшихъ вѣтвей, отнимающихъ у здоровыхъ свѣтъ; а человѣка человѣчество въ грязь топчетъ. Неужели человѣкъ, съ своей дивной организаціей, не можетъ произвести ничего лучше куриного яйца или яблока? Что, —человѣчество слѣпо или глупо?— По моему, продолжалъ Черноперовъ, чѣмъ больше рукъ работаетъ, тѣмъ лучше; чѣмъ больше употребляется силъ на основаніе счастья человѣческаго, тѣмъ скорѣе оно устроится.. Не вѣрьте мнѣ на слово, а обсудите дѣло... Напримѣръ, наука, знаніе человѣка и природы намъ необходимо нужно?

— Необходимо.

— А много ли у насъ работниковъ по части естествознанія? Да и откуда имъ взяться, когда большинство нашего образованнаго общества занято переживаньемъ римской и греческой философіи и другими отвлеченностями, которыя только тормозятъ дѣло нашего развитія.—Глупо оно, или что такое?

— Слѣпо, тихо сказалъ молодой человѣкъ.

Черноперовъ ничего не сказалъ, и они нѣсколько времени шли по улицѣ молча.

— Что сей сонъ значить? спросилъ Черноперовъ, остановившись передъ освѣщенными окнами собранія.

Въ залѣ смирно сидѣло человѣкъ сорокъ мужчинъ и женщинъ, а передъ ними за столикомъ сидѣлъ господинъ съ книгой и, по-видимому, читалъ вслухъ, потому что моталъ головой, жестикулировалъ и широко разѣввалъ ротъ.

— Литературный вечеръ, —объяснилъ молодой человѣкъ,

— А! нетерпѣливо сказалъ Черноперовъ и пошелъ дальше. Знаю я эти штуки. Моду столичную подражаютъ, кожей играютъ, говорятъ отъ быстро. До того эти господа извѣчены, что мозгъ у нихъ только двумя-тремя частями двигается, а остальное спитъ себѣ сномъ невинности. Благодарятъ!.. Прочитай имъ смѣлый, сильный и живой вопрѣсъ, отъ котораго, кажется, духъ захватываетъ — ничего, ушами не тряхнуть... А прочитай имъ сцену любовную, произнеси выразительно, «что барыня ножку подняла», такъ всякая жилица затрепетаетъ, ротъ раскроется и глаза загорятся!.. Потѣха!..

Ни гимназистъ, ни Черноперовъ одною не заемѣлись.

— Прощайте однако, сказалъ, помолчавъ немного, Черноперовъ. Намъ не по дорогѣ.

Дѣйствительно было не по дорогѣ, потому что Черноперовъ пошелъ въ узкій, грязный и вонючій переулокъ, гдѣ были только кабаки и прочая жизненная сладость нашего люда.

Безпощадно и злобно ругая про себя чуть не весь человѣческій міръ, Черноперовъ вошелъ или, лучше, вѣлъ въ самый гадкій кабакъ.

Въ кабакѣ былъ знакомый уже намъ сапожникъ, Григорьевъ, и другой, подмастерье, принявшій при крещеніи, для различія отъ прочихъ сапожниковъ, — имя Никиты, но на дѣлѣ ничѣмъ почти неразвившійся отъ своихъ отупѣвшихъ, забытыхъ, грязныхъ и пьянствующихъ собратьевъ по ремеслу.

У Черноперова руки вздрагивали и глаза поблескивали нехорошо, когда онъ сѣлъ къ столу. Очень вѣжливо епросилъ онъ водки, а также закуску, и открыто, и ласково посмотрѣлъ на своихъ собесѣдниковъ.

— Очень бы мнѣ желательно было познакомиться съ вами, государи мои, — сказалъ онъ имъ вѣжливо и весело, а болѣзненная судорога такъ и силилась скривить и свести его тонкія губы.

Григорьевъ былъ уже сильно пьянъ, а у Никиты явилось непреодолимое желаніе выпить на счетъ Черноперова; но вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ, въ его неглупой отъ природы головѣ почувствовалось, что съ какою же стати онъ станетъ пить на чужой счетъ, когда не сдѣлалъ этому чужому человѣку ничего хорошаго?

— Благодаримъ поворно, сказалъ онъ, свертывая себѣ сн-

гаргу. Можетъ быть, и мы вамъ удовольствіе доставимъ, и вы памъ... Можетъ быть, и напередъ будетъ знакомы. Знакомить-ся вѣдь—не дѣтей родить... Вчера не были знакомы, завтра, можетъ, опять больше не увидимся, а сегодня поговорить можно... Отчего не говорить?..

— А ты кто такой? спросилъ Григорьевъ Черноперова.

— Прикащикъ. А вы кто такіе?

— Мы сапожники.—Чей прикащикъ?

— Черноперова.

— Правду говорятъ, что онъ нехристь? спросилъ Никита.

— Черноперовъ-то? спросилъ Черноперовъ и усмѣхнулся.

Чортъ его знаетъ!

— Вѣрно не за добро Богъ отъ него отступился, замѣтилъ Григорьевъ.

— Вѣрно не за добро.

— Старобрядецъ ты, братъ, что ли? спросилъ наконецъ тихо Григорьевъ, поглядывая на него.

— Ты, любезный, спроси лучше о томъ, какая у насъ нынче погода стоитъ или сколько я лѣтъ отъ роду имѣю, а до вѣры моей тебѣ дѣла нѣту...

Наступило молчаніе. Никита поглядывалъ то на того, то на другого.

— Года пятьдесятъ два, пятьдесятъ три есть? сказалъ онъ серьезно, хотъ наивно и даже глупо.

Черноперовъ усмѣхнулся.

— Поменѣ, сказалъ онъ насмѣшливо.

— Пятьдесятъ?

— Поменѣ...

— Ну, сорокъ восемь?

— Меньше...

— Сорокъ пять, значить?

— Сорокъ пять безъ десяти... Вѣрно будетъ, сказалъ огорчивисто Черноперовъ.

— Тридцать пять, значить? спросилъ Григорьевъ, поднявъ голову.

— Тридцать пять.

— Врешь, братъ!..

— Эка охота врать!.. Что волосы полусѣдые,—говорилъ Черноперовъ, отбросивъ назадъ волосы и смотря на сапожника

своимъ блестящимъ и твердымъ взглядомъ,—такъ это вздоръ. Что румянца на лицѣ нѣту, такъ и это вздоръ. Годы не по волосамъ идутъ, а по днямъ... Вѣрно?

— Вѣрно.

— То-то и есть. Посѣдѣлъ рано—значить, пожилъ въ волю; а пожилъ въ волю, значить, нечего и годовъ считать. Такъ ли?...

— Такъ.

То-то и есть. Значить, и горевать не о чемъ. Тебѣ-то вотъ лѣтъ не много меньше моего, а понѣжиться и пожить вѣрно есть еще охота?... Такъ ли?

— Такъ.

Черноперовъ захохоталъ.... Онъ пришелъ сюда уже въ возбужденномъ, почти въ лихорадочномъ состояніи,—а еще выпилъ немного, и первая дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Передъ дверью заиграла шарманка и запѣлъ дикій и усиленно-звонкій голосъ, смѣшивавшійся со свистомъ вѣтра и порывами вьюги. Голосъ, точно съ страшнымъ усиленіемъ, вырывался изъ стѣсненной морозомъ груди и, вырвавшись, выходилъ ненормально-звонко и дико, такъ-что скорѣе походилъ на торопливый крикъ.

— Въ шею его, угрюмо сказалъ Григорьевъ, услышавъ пѣніе.

— Дай деньги, тогда и гони въ шею, повторилъ Черноперовъ.

— Врешь ты! заговорилъ Григорьевъ. Плевать мнѣ на все. Хочешь ты слушать мое послѣднее слово?

— Сказывай.

— Завтра сяду я за работу и до воскресенья стану работать.—Слышишь ты?

— Ну, слышу.

— Въ воскресенье и въ понедѣльникъ все, что выработалъ,—процью. Слышалъ? спросилъ Григорьевъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Похвально.

— Вотъ тебѣ и весь сказъ! Ничего мнѣ не надо, не хочу я ничего, дьяволы проклятые!

Григорьевъ зло заругался.

Черноперовъ посматривалъ на него и поглаживалъ бороду.

— Слушай ты, дьяволъ, заговорилъ опять Григорьевъ.

- Еще что!
- Я человекъ хороший. Хочь купитьъ меня съ руками и ногами?..
- А дорого ли совсѣтъ-то стоить? спросилъ Черноперовъ.
- Нанаввай меня каждый день водкой—ничего больше.
- И трезваго не возмю.
- Не трезваго, дьяволь!.. Трезвый я дуракъ, а пьяный— что кошъ сдѣлаю: — прибить — ухажи только, шею сверну, украсть—душю унесу, ограбить—креста на братъ не оставлю. — Слышишь?..
- Были бы деньги, такъ я бы васъ всѣхъ, весь городъ живьемъ скупилъ, да другъ на друга натравилъ, — сказалъ Черноперовъ, надѣлъ картузь и пошелъ спать.

XIII.

Настало рождество. Цѣлую ночь гудѣли колокола; Черноперовъ часовъ въ семь вечера напился нянь, легъ спать и проснулся только огъ звона колоколовъ. Угрюмо поднялся онъ на кровати и слушалъ. Въ окна, на половину разрисованныя морозомъ, виднѣлось ясное, звѣздное небо; мѣсяць стоялъ, округленный красивыми облаками, а въ полумракѣ звучно и торжественно гудѣли колокола.

— Рождество, подумалъ Черноперовъ. Вспомнились ему съ этимъ словомъ многія сцены изъ дѣтства, и долго задумчиво сидѣлъ онъ на постели, подперевъ руками лобъ.

Эти воспоминанія пробудили въ немъ много свѣтлыхъ мыслей, создали въ немъ какое-то грустное ощущение. Ему не захотѣлось сидѣть одному. Онъ зажгъ свѣчу, умылся, надѣлъ чистое платье и вышелъ на улицу. Вездѣ мелькали въ домахъ огни, слыгъ хрустѣлъ подъ ногами и стояла въ воздухѣ тишина, хотъ свѣчу вынеси на дворъ.

Изъ домовъ на каждомъ шагѣ выходили люди; — пошелъ за ними и Черноперовъ.

Задумчиво пришелъ онъ къ собору, вошелъ въ него и сталъ около колонны. Народу было много, и все-то свѣтлыя лица, праздничныя платья. Много было огней; на высокихъ хорахъ слышались семинарскіе пѣвчіе. Вспомнилось Черноперову, что и онъ

когда-то пѣлъ въ подобномъ хорѣ, и съ тяжелой тоской слушаль онъ звучное, стройное пѣніе...

— Вопросы теперь всѣ они себѣ задаютъ: зачѣмъ, моль, пришелъ сюда этотъ нехристь?—продолжалъ онъ думать. И однако же, во всякомъ случаѣ, я тутъ чужой человѣкъ...

Черноперовъ пошелъ вонъ изъ церкви.

— Когда же мнѣ-то праздникъ придетъ? мелькнула въ немъ мысль, логично вышедшая, какъ продолженіе мысли о чужомъ праздникѣ. По обыкновенію, она шевельнула всѣ безотрадные факты, вынесенные Черноперовымъ изъ его исканій.

— Никогда, заключилъ онъ на основаніи этихъ фактовъ и опять горько усмѣхнулся.

Пошелъ онъ изъ собора по первой попавшейся дорогѣ и раздумывалъ объ этихъ радующихся людяхъ.

— Что же я-то за герой? спросилъ онъ самъ себя.

— Не герой, отвѣчалъ онъ, а такой же торгошъ, какъ и всѣ торгоши, только, кромѣ того... я человѣкъ, должно быть,—человѣкъ другого сорта... А отчего же мы чужіе-то?

— Не по той дорогѣ пошелъ я и втянулся въ эту дорогу, порѣшилъ онъ горько.

Онъ пришелъ на крутой берегъ рѣки. Съ берега внизъ шла длинная деревянная лѣстница; Черноперовъ облокотился на ея перила и смотрѣлъ въ бѣлую, покрытую снѣгомъ и туманную пустыню. Представлялись ему въ этой пустынѣ всѣ деревни, села и города; во всѣхъ теперь, вѣроятно, свѣтились огни, гудѣли колокола, вездѣ отдыхалъ на время народъ. Тяжело было Черноперову...

— Сила-сила,—твердилось ему. Долго смотрѣлъ онъ въ широкую, бѣлую равнину, и горько ему было. Онъ тяжело и злобно дышалъ.

Долго стоялъ онъ, смотря то вдаль, то на городъ, и потомъ пошелъ домой.

Снялъ онъ шубу, зажегъ свѣчу, сѣлъ къ столу и долго сидѣлъ, раздумывая.

— Что теперь дѣлать? спрашивалось ему.

Раскрылъ онъ книгу, посмотрѣлъ и опять закрылъ.

— Хороши они въ молодости—могутъ указать дорогу, а теперь дорога ужъ пройдена.—Пройдена ли? спросилъ онъ устало и задумался.. Дальше идти нельзя, назадъ нѣтъ охоты воро-

тяться, радостей нѣтъ... Пройдена, значить, дорога... Надо, значить, убираться... Не по кабакамъ же шляться.

— Что же? спросилось въ немъ.

Онъ прилегъ на кровати.

— Что же? спросилъ опять.

— Подождать? спросилъ онъ, поддразнивая себя. Стану я, умный человекъ, отъ козла молока ждать.

Черноперовъ всталъ и подошелъ къ зеркалу. Лицо его было блѣдно и исхудало, глаза свѣтились. Онъ заходилъ по комнатамъ. Онъ былъ спокоенъ, равнодушенъ и немного грустенъ. Онъ видѣлъ, что надо убираться, — не по кабакамъ же было та-саться.

Онъ стиснулъ вдругъ зубы.

— Обрадуются-то какъ, когда услышатъ, что Черноперовъ погибъ, — мелькнула въ немъ мысль.

— Ну, а свои — что? спросилъ онъ.

— Свои-то? свои-то? повторилъ онъ горько, и слезы у него навернулись на глазахъ. Плакать стануть и рѣчи произносить, отвѣтилъ онъ самъ себѣ ..

. . . . .

XIV.

На другой же день вечеромъ извѣстie о смерти Черноперова дошло съ пріѣхавшимъ гостемъ и до хутора. Варвара Борисовна пила чай въ то время, когда ей пришлось услышать, что Иванъ Ивановичъ Черноперовъ вчерашнею ночью умеръ. Варвара Борисовна страшно поблѣднѣла.

— Какая же причина этой смерти? спросила она, совладѣвъ съ собой.

— Пьянствовалъ очень въ послѣднее время, отвѣчали ей.

Варвара Борисовна допила чай, поговорила о постороннихъ, болѣе обыденныхъ и болѣе юмористическихъ происшествiяхъ, встала и очень спокойно прошла въ свою комнату. Здѣсь она прилегла лицомъ къ подушкѣ своей кровати и тяжело зарыдала. Рыданiя ея на секунду затихли, потому что она употребляла всѣ силы, чтобы сдержать эти рыданiя; но они все-таки

выривались съ новымъ силою. Тяжело ей было. Еще сегодня утромъ она думала, что пойдетъ съ сестрой въ городъ, уйдетъ вечеромъ къ Черноперову, и ожидала много наслажденья отъ этого свиданья, потому что горячо любила она Ивана Ивановича. А теперь пришлось ей, молодой, умной и сильной, видѣть себя точно лишеною свѣта и воздуха, точно запертой въ четырехъ душныхъ стѣнахъ, — потому что и прежде она относилась съ презрѣнiемъ къ прозаблудившимъ возружъ ея субьектамъ, а послѣ знакомства съ Черноперовымъ, презрѣнiе ея на нихъ стало еще сильнѣе, да кромѣ того, она потеряла вѣру и въ тѣхъ людей, слышавшихъ хорошия, о которыхъ молва проносилась здѣсь. Варвара Борисовна легла на постель, сложила надъ головой свои красивыя блѣдыя руки и, тлѣно дыша, начала раздумывать о новой жизни, которую приходилось ей начинать.

— Я жить стану... Не хочу я только знать васъ, — продолжала она, представляя себѣ весь двигающiйся и живущiй кругомъ ея, жалкiй, самодурствующiй людъ, и глаза ея загорѣлись.. Не хочу знать ихъ. Стану жить такъ, какъ жить захочется. Жить хочу, и стану жить — закончила она, и брови ея сдвинулись, губы сжались.

Свѣтилъ въ ея комнату съ звѣзднаго неба мѣсяць, и лучи его, проходя черезъ окно, ложились свѣтлой полосой на полу, на кровати и на блѣдномъ лицѣ Варвары Борисовны, лежавшей съ закинутыми за голову руками. Говоръ въ другихъ комнатахъ чуть слышался чрезъ затворенныя двери, а на дворѣ стояла мертвая тишина. Тихо было въ темной комнатѣ; не тревожили Варвару Борисовну люди, каждое движенiе, каждое слово которыхъ тяжело поражало бы ее теперь, — а видѣлись ей только верхи лѣса и далекое звѣздное пространство. Широко, хоть и грустно смотрится въ такихъ случаяхъ на жизнь, если только не раздражается человѣкъ обыкновенными, мелочными человѣческими глупостями, или даже хоть зрѣлищею отупѣвшихъ и изогавшихся человѣческихъ образовъ, т. е. лицъ.

И у Варвары Борисовны расширился взглядъ на жизнь при мысли о смерти Черноперова. Да и самый образъ его сдѣлался свѣтлѣе и ярче. Не мудрено — сильно любила его Варвара Борисовна.

Долго она раздумывала о немъ. Наконецъ пришла со свѣчей Александра Борисовна, посмотрѣла на сестру и задумчиво сѣла на свою кровать.

— Вотъ, Саша, и счастью конецъ, тихо сказала Варвара Борисовна.

Александра Борисовна молчала.

Варвара Борисовна встала, закурила папироску и опять легла.

— Нехорошо поступилъ Черноперовъ, сказала Саша.

— Отчего? спросила Варвара Борисовна. Ты думаешь, что онъ поступилъ такъ по слабости характера или изъ отчаянья? Неправда, Саша. Не такой былъ человекъ Черноперовъ, чтобы предъ этимъ народомъ струсить, — хорошій онъ былъ человекъ. Болѣнъ онъ былъ, Саша, да еще ошибся въ этихъ людяхъ: думалъ прежде, что въ нихъ есть хоть чтонибудь хорошее, а потомъ увидѣлъ, что въ нихъ ничего нѣтъ... Болѣнъ онъ былъ, обсила его всякая мелочь пошлая; — а вѣдь жизнь-то наша вся изъ пошлостей состоитъ, и поэтому всякій день его раздражало чтонибудь.

— Жилъ бы да ждалъ... Можетъ быть, и вышло бы чтонибудь хорошее...

— Нѣтъ, Саша... Что ужъ жить, когда никакихъ радостей въ жизни нѣтъ, ни одинъ день хорошій не выдается. Не могъ онъ жить... Изболѣлъ онъ совсѣмъ, силъ не стало, пить даже началъ, а вѣдь это ужъ гадко.

— Ты, Саша, хочешь спать? спросила сестру Варвара Борисовна.

Было уже часа два ночи, тишина была кругомъ глубокая.

— Нѣтъ, не хочется, отвѣчала та.

— Я тоже не хочу... Думаешь, право, думаешь, всю жизнь переберешь... А вѣдь хорошая, право, была жизнь; хочешь, я тебѣ расскажу ее, разберу всю?..

— Расскажи.

— Да ты раздѣвайся и ложись... Надоѣсть слушать, такъ засни; а не надоѣсть, такъ послушай и позавидуй тому, сколько я узнала.. Похоронимъ мы мою хорошую прежнюю жизнь, — теперь начнется новая... Смотрѣть на нее скучно. А прошедшая жизнь, славная была.

— А у меня такъ вотъ ничего нѣтъ за душой, забыла Сапа, попустилась, полутрустно.

— Хорошаго-то?

— Ни хорошаго, ни дурного — ничего нѣтъ. Рассказывать не о чемъ, точно я не жила еще.

— А это оттого, что ты хворая какал-то, отвѣтила Барвара Борисовна, приподнимаясь на локоть и поворачиваясь къ сестрѣ. — Сидить себѣ все у окошечка и «поутру рано, на зарѣ», и «въ ночи темная», какъ сказочная царица. Назовутъ тебя батюшка съ матушкой пообѣдать, такъ пойдешь — пойдешь; прикажутъ погулять пойдти, — такъ и погуляешь. А не дадутъ тебѣ въ руки ложку, не выведутъ за руку за дверь, такъ и такъ просидишь.

— О, Варя! сказала выразительно и съ упрямостью Александр Борисовна: — хорошо тебѣ говорить, когда ты не одна жила.

— Ну, это неправда, возразила Барвара Борисовна. Встрѣтился мнѣ Черноперовъ — хорошо, а не встрѣтился бы, такъ и безъ него прожила бы, какъ жила прежде... Въдѣ жила же прежде одна. Только я всегда была бай-барыня, а не такая хворая, какъ ты.

Барвара Борисовна встала, потянулась и вздохнула.

— Да, продолжала она, расплетая волосы: — хоть меня съ малолѣтства тоже чуть не загноили всякими мистурями, однако я не такая вышла, какъ мнѣ хотѣлось, и могу еще теперь поучить тебя. — Ты вотъ теперь благоправная, покорная и во всемъ невинная дѣвица. Нечего стыдиться. А я... Боже мой! Боже мой!.. сказала съ уныніемъ Барвара Борисовна и грустно покачала головой...

Барвара Борисовна приподнялась и начала ходить по комнатѣ. Потому она остановилась у окна и задумчиво смотрѣла на занесенный снѣгомъ лѣсъ. Много спань изъ ея дѣтства напоминалъ ей этотъ лѣсъ.

— Когда родители взяли тебя за руку и, не смотря на твой плачь, усадили за книжку, тогда я, бывало, вырвусь бѣгомъ или ползкомъ изъ комнаты, да и пойду себѣ, куда глаза глядятъ... Былъ здѣсь прежде курень рыбацкій...

— Помню, отозвалась Сапа.

— Въ куренѣ жила дѣвочка — рыбацкая дочка. А слав-

ная была дѣвочка—сильная, ловкая, веселая, голосья звонкій... Съ этой дѣвочкой я и праздновала свое выздоровленіе. Позднимъ вечеромъ купаться бѣжнть на сверо, попомъ зодку у ея родителей утащимъ, да кататься поѣдемъ, мѣсики поемъ... Ну, да гдѣ тебѣ, колесной барышнѣ, наши радости жонимать! прибавила Варвара Борисовна, всталовившись передъ кроватью сестры и махнувъ рукой... Лучше я раскажу тебѣ исторію моей первой любви... Хочешь? Можетъ быть, даже и придется.

Саша молчала.

— Знаешь ли, на кого я погала съ моей первой любовью? спросила Варвара Борисовна.

— На кого?

— Трудно назвать тебѣ это съ положительною ясностью: на мравца или на животное? Это съ первой-то, порячей любовью, когда, кажется, всѣ радости въ мирѣ простить можно за то только, что самой пришлось полюбить и пожить счастливо!—Вотъ какъ вышло, Саша. Право же хуже такнѣ людей, какъ мой первый предметъ, нѣтъ на свѣтѣ. Съ другими какъ встрѣтиться, поговоришь раза два-три, такъ и видишь сейчасъ, что все-то въ нихъ глухо, все изувѣчено и опошлено; а у такихъ, какъ мой первый предметъ,—физиономія приличная, рѣчи отборныя, даже возвышенныя, рука у нихъ на нехорошее дѣло не поднимется, слово вольное не вырвется. Кто же узнаетъ, что эти возвышенныя мысли или изъ книжекъ ими вычитаны, или, по знакомству, на прокатъ взяты?.. Кто знаетъ, что собственные ихъ головы могутъ переработывать только тѣ грязненныя и пошленныя помысленія, какими наше общество издавна жизнь свою услаждаетъ?—что и живутъ-то они, въ сущности дѣла, но тѣмъ же грязненнѣмъ помысленнѣмъ, хотъ и прикрываются возвышенными фразами?.. Видншь, какая я умница и какъ хорошо на косочкамъ разбираю. Меня не проведутъ темеръ. — Такъ вотъ какавъ-го былъ и мой предметъ: физиономія у него была выразительная, рѣчи очень благородныя и горячія. За это я его и полюбила. А за что онъ меня полюбилъ, такъ и это я могу тебѣ объяснить съ полною опредѣлительностью: за то, что глаза у меня были большіе и черныя, волосы тоже черныя и большіе, плечи красивыя, руки и ноги красивыя.

Варвара Борисовна остановилась на минуту и провела рукой по лбу. Въ памяти ея быстро шевельнулся рядъ сценъ изъ ея первой любви, и невыносимо обидны и гадки показались ей теперь эти сцены.

— Люди эти, милая моя, продолжала она горько и зло, говорить о любви божественно-хорошо; только лгутъ они, когда говорятъ это, потому что на самомъ дѣлѣ видятъ въ женщинѣ только кусокъ мяса или куклу, которою очень пріятно поиграть. Предметъ мой изъ такихъ же былъ... Только, бѣдняга, скоро онъ увидѣлъ, что я не гожусь въ такія куклы... Играть женщиной онъ любилъ и нашелъ себѣ на сторонѣ это развлеченіе, а мнѣ продолжалъ приносить увѣреніе въ нескончаемой любви, потому что все-таки я красива была.— Лгунишка былъ, ничего больше.

Варвара Борисовна остановилась, подумала, вспоминая подробности, и весело засмѣялась.

— Я его горько обидѣла,—лгунишкой назвала и разсорилась. Когда за эту потѣшную любовь отецъ съ матерью на меня напустились,—я и съ ними поссорилась и ушла странствовать... Вотъ кака я была смѣлая!..

Варвара Борисовна сѣла на постель Саши, пригладила волосы молодой дѣвушки и взяла ея руку.

— Ну, и странствовала я, продолжала она задумчиво. Хорошо тогда мнѣ жилось... Право, люди, большею частью, добры, только глупы и забиты. Когда поумнѣютъ они, станутъ прямо смотрѣть на вещи, тогда хорошо будетъ жить, — только мнѣ не дожить до этого.

— Расскажи теперь, Варя, какъ ты съ Черноперовымъ сошлась?..

— Съ Черноперовымъ?.. тихо повторила Варвара Борисовна, и губы ея немного дрогнули. — Очень просто это случилось. Лѣтомъ какъ-то я ходила по полю и по берегу. Жарко было — устала я, лицо разгорѣлось, — я и пошла къ ключу,—знаешь, къ тому, который течетъ во рву. Пить мнѣ хотѣлось и умыться. Пришла я къ ключу, а около него на травѣ сидѣлъ Черноперовъ. Я, какъ бойкая барыня, не струсилась его, сошла къ ключу и все сдѣлала, что мнѣ нужно было — и напилась, и умылась... Черноперовъ заговорилъ со мной. Ему, видишь, удивительно показалось: какъ такая неконфуз-

вая барыня на свѣтѣ живеть?.. Поговорили, познакомились... Онъ на хуторъ приходилъ, хоть не часто, правда, а все-таки я успѣла пересказать ему свою жизнь, а онъ мнѣ свою передалъ. Онъ мнѣ много помогъ въ жизни, и я ему не мало помогла... Хорошая была у насъ дружба...

Нѣсколько минутъ сестры молчали. Александра Борисовна нѣсколько разъ пристально взглядывала на сестру, какъ-будто рѣшаясь сказать что-то, но все раздумывала.

— Право, я тебѣ не вѣрю, Варя, сказала она наконецъ, серьезно и открыто смотря въ глаза сестры.

— Въ чемъ не вѣришь? серьезно спросила та.

— Ни тебѣ не вѣрю, ни Черноперову, ни наукѣ вашей.

Варвара Борисовна въ недоумѣніи посмѣтрѣла на молодую дѣвушку.

— Не вѣрю я вамъ, горько и твердо продолжала Саша. Наука ваша точно въ насмѣшку надъ нами, глупыми людьми, писана, — ничего въ ней нѣтъ понятнаго для насъ, невинныхъ. Черноперовы ваши точно полу-боги какіе, — только о борьбѣ съ богами помышляютъ, да подсмѣиваются надъ тѣмъ, что простые люди прозябаютъ, какъ цвѣты какіе нибудь, и воображаютъ, что живутъ по человѣчески... Смѣются только эти Черноперовы, а не думаютъ объяснить невинному человѣку жизнь и вывести его этимъ изъ его прозябанія... Право, вѣдь и имъ тогда было бы легче съ богами бороться... Всѣ вы точно съ небесъ на человѣческую жизнь смотрите... Выбѣется человѣкъ на хорошую дорогу, такъ вы подадите ему руку, уважать его станете; а не выбѣется, такъ, по вашему, и жалѣть не о чемъ, потому что дрянъ былъ человѣкъ... Общественная вы тоже много говорите, но такъ много въ васъ слѣпота эгоизма, такъ много презрѣнія къ людямъ... Ахъ! сказала Саша и отвернулась. Лицо ея было очень блѣдно и губы чуть-чуть дрожали.

— Правда, тихо сказала Варвара Борисовна; слѣдуетъ поправить дѣло...

— Поздно! горько сказала Саша.

— Какъ поздно?

— Теперь приходится дѣло дѣлать, а не изучать жизнь. Какъ могла, я обдумала, обсудила дѣло, но тяжело оно для меня,

Варя..... О, Боже мой! въ двадцать лѣтъ я ничего не знаю, ровно ничего.

— Что же это за дѣло предстоитъ тебѣ?

— Много дѣла, Варя. Прежде всего за меня сватается управляющій.

— Что же?

— Я не люблю его, а люблю Братанова; это второе дѣло.

— Ахъ, Саша, Саша! Что же ты рѣшила?

— Не пойду я за управляющаго. А Братанову скажу, что люблю его... Если онъ любить меня, такъ буду я его любить, а не любить, — такъ уйду куданибудь изъ дому, — я не хочу, чтобы меня потомъ допрекали управляющимъ и читали разные правоченья.

XV.

На слѣдующій день, часовъ въ одиннадцать ночи, пріѣхалъ Братановъ.

Въ валенкахъ, въ запытаныхъ въ нихъ старецькихъ брѣвкахъ, въ красной рубахѣ, задумчиво и чуть слышно ходилъ онъ по своей комнатѣ, понуривъ голову и машинально покуривая сигару. Изрѣдка останавливался онъ, медленно выпивалъ стаканъ чаю и опять начиналъ ходить, покуривая и почесывая голову. Голова у него болѣла, руки и ноги точно избиты были послѣ долгой дороги, а вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, лицо Братанова было очень блѣдно, глаза болѣзненно свѣтились и все тѣло немного согнулось. Не смотря на это болѣзненное разстройство, Братановъ все-таки ходилъ, курилъ, раздумывалъ и вовсе не торопился пить чай, изъ чего можно было заключить, что умъ его былъ въ сильномъ возбужденіи. Дѣйствительно, Братановъ задумывалъ покинуть компанію Дымова и самый городъ; онъ разсчитывалъ, что теперь возможно и слѣдуетъ начать самостоятельную работу, добывать деньги, средства и т. д.

Такому направленію мыслей Братанова не мало способствовала его встрѣча по дорогѣ на станціи съ однимъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ — Степаномъ Рулевымъ. Рулевъ былъ все такой же высочій, широкоплечій, загорѣлый молодой человѣкъ; только борода сдѣлалась у него гуще, больше

впали его глаза и смотрели они еще серьезнее, чем прежде.

— Рудевъ?! спросилъ Братановъ, только-что войдя въ пѣбу и только взглянувъ на тяжело расхаживавшаго по комнатѣ Степана Никитича.

Рудевъ остановился и пристально посмотрѣлъ на Братанова, медленно снимавшаго шубу и шарфъ. Братановъ снялъ наконецъ и шапку.

— Здравствуйте, Братановъ, сказалъ тогда Рудевъ и крѣпко пожалъ его руку.

Расхаживая по комнатѣ и разминая усталые члены, Братановъ въ нѣсколькихъ словахъ разказалъ причину своей пѣздки.

— Какъ видно, по добру по здорову живете? сказалъ потомъ Рудевъ.

— Живемъ, отвѣчалъ Братановъ.

— Ну, и ладно. А что подѣлываетъ Силычъ?

(Силычемъ звали того бродягу-авантюриста, о которомъ я упоминалъ въ началѣ повѣсти, какъ о другѣ и сподвижникѣ Братанова. Я говорилъ уже, что его зарѣзали киргизы.)

— Силычъ приказалъ долго жить, отвѣчалъ Братановъ.

Рудевъ посмотрѣлъ на него и почесалъ свой затылокъ.

— Гмъ! сказалъ онъ протяжно. А что сдѣлалось съ нимъ?

— Киргизы зарѣзали его на дорогѣ и ограбили.

Рудевъ замѣтилъ, что на Братанова не весело подѣйствовало это воспоминаніе.

— Плохъ Силычъ, сказалъ Рудевъ очень спокойно. Добѣхали же его киргизы. Они вѣдь это не въ первый разъ съ нимъ схватывались.

— Не въ первый? равнодушно спросилъ Братановъ.

— Развѣ Силычъ ничего не разказывалъ вамъ о «второмъ происшествіи»?

— Нѣтъ, не разказывалъ...

— А оригинальная исторія!.. Я какъ-то пришелъ къ нему и вижу, что нашъ Силычъ лежитъ въ постели, — исхудалъ, поблѣднѣлъ и рукой не пошевелить, только глазами моргаетъ... Плохо, думаю... — Что, говорю, съ тобой, Силычъ?.. Онъ посмотрѣлъ на меня. — Я, говоритъ, второе происшествіе совершаю, Степанъ Никитичъ. — Что за второе

происшествіе?—Оказывается, что онъ на дняхъ изъ-за какой-то издыхавшей лошади переругался чуть не съ цѣлымъ киргизскимъ ауломъ, да затѣмъ вступилъ еще въ драку... Его избили цѣлымъ обществомъ и оттащили уже бездыханнаго въ какой-то оврагъ, гдѣ его чуть не съѣли киргизскія собаки. Однако спасся кое-какъ. — Вотъ, говоритъ, поэтому теперь и совершаю второе происшествіе.—Ну, я его и спрашиваю: что, я говорю, ты, Силычъ, почувствовалъ, когда смерть-то въ глаза увидалъ?—Охъ, говоритъ, досада смертная взяла; чуть было совсѣмъ не расплакался...—О чемъ? спрашиваю.—Да вспомнилъ, говоритъ—подавиться бы этимъ азіатамъ проклятымъ,—что въ карманѣ у меня кошелекъ остался, а въ кошелѣ два рубля денегъ. Зналъ бы, говоритъ, напередъ, что такое побойще случится, такъ лучше пропилъ бы деньги, только бы киргизамъ не доставались...

Братановъ и Рулевъ отъ души расхохотались.

— Стоякъ былъ чистѣйшій, продолжалъ Рулевъ;—человѣкъ, которому ничего не стоило увлечь за собой сотни людей, и особенно простыхъ людей, потому что говорилъ онъ просто, дѣйствовалъ просто, а между тѣмъ, въ каждомъ словѣ и движеніи сказывалась такая сила, что всякій приковывался къ нему и шелъ туда, куда шелъ Силычъ.

— А что за народъ такой, съ которымъ вамъ теперь приходится имѣть дѣло? спросилъ уже серьезно Рулевъ, усаживаясь верхомъ на стулъ и поворачиваясь къ Братанову.

Братановъ засмѣялся.

— Народъ, какъ и вездѣ, Степанъ Никитичъ,—русскій, добродушный народъ... Какъ взглянуть лучше, такъ, видитъ Богъ, животь со смѣху надорвешь... Извѣстное дѣло, дерутся себѣ, обираютъ другъ дружку, по карманамъ другъ у дружки лазятъ, но вѣдь до того это благодушно дѣлается, что если разсердишься на нихъ, такъ вѣдь имъ какъ-то обидно и странно сдѣлается... Такъ и говорятъ, кажется, что ты лучше самъ прибай и ограбь меня, а не сердись, не тяни душу...

— Извѣстное дѣло, и къ тычкамъ, и къ грабежу съ дѣтства приучены, холодно сказалъ Рулевъ.

Братановъ медленно съ недоумѣньемъ взглянулъ на Рулева и заходилъ по комнатѣ; онъ сразу понялъ, что разошелся

съ Рулевымъ. Долго оба они молчали. Наконецъ Рулевъ медленно поднялся во весь свой ростъ, потянулся, такъ что кости затрещали, и бросилъ на полъ окурокъ папирсы.

— Очень ужъ вы благодущны, заговорилъ онъ сурово и взглянулъ въ лицо Братанову. Очень благодущны, повторилъ онъ, положивъ руку на плечо Братанова. — Благодущный взглядъ ведетъ къ примиренію, а, по крайнему моему разумѣнію, мириться не слѣдуетъ ни мнѣ, ни вамъ. Этимъ людямъ дать въ морду, такъ имъ ничего, не привыкать стать; а мнѣ дать въ морду—нельзя, не позволю. Ихнія радости и утѣхи мнѣ нутро поворотять. Значить, нельзя мириться; потому что, послѣ примиренія, они будутъ имѣть право каждый день плевать на меня, какъ и на своего собрата. А я имъ не свой... Я говорю, что отъ ихъ радостей у меня нутро воротить, а на ихъ невинныя заигрыванья я могу только кулакомъ отвѣтить. Значить, мнѣ не ужиться съ ними...

Рулевъ говорилъ сдержанно, но горько и зло.

Братановъ нѣсколько времени молчалъ.

— Отстаивать мои слова я не буду, сказалъ онъ наконецъ. — Въ самомъ дѣлѣ я заблагодушествовался...

Вотъ какого рода было свиданье Братанова съ Рулевымъ; и не мудрено, что Братановъ, разбитый именно въ то время, когда онъ, увлекшись панегирикомъ Рулева, мысленно ставилъ себя на одну доску съ Силычемъ, лихорадочно взялся за мысль начинать свое самостоятельное дѣло и оправдаться хоть въ собственныхъ глазахъ.

Здѣсь, пользуясь встрѣчей Рулева и Братанова, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе этихъ обихъ личностей. Я понимаю хорошо, что какъ Рулевъ, такъ и Братановъ очень и очень многимъ изъ моихъ читателей должны показаться личностями сочиненными или, говоря вѣрнѣе, придуманными, т. е. во всякомъ случаѣ, субъектами несуществующими въ нашей благодущной обществѣ. Основаніе этому заключается въ томъ, что какъ Рулевъ, такъ и Братановъ выводятся иной, какъ люди, которые сознали, что нужно дѣлать для ихъ благоденствія, высчитали, какъ удобнѣе это дѣлать, и затѣмъ, не уклоняясь ни вправо, ни въ лѣво, не запуская ни на одиночество, ни на безсиліе, — принялись

за дѣло; а такихъ людей, т. е. людей, дѣйствующихъ по плану, рассчитанному чуть ли не на всю жизнь, притомъ дѣйствующихъ до нѣкоторой степени безъ виляній на право и на лѣво, такихъ людей у насъ видомъ не видано, слыхомъ не слыхано.

Дѣйствительно, не всякому приходилось встрѣчать такихъ людей, потому что они являются пока, какъ исключенія; но дѣло все-таки въ томъ, что эти люди есть, и даже, по моему убѣжденію, именно теперь пришло время для ихъ появленія: они, значить, должны являться. До сихъ поръ у насъ было три разряда личностей. Во-первыхъ, больше всѣхъ было людей, трудящихся ради куска хлѣба, знаній никакихъ немѣющихъ и потому пребывающихъ въ положеніи незавидномъ. Во-вторыхъ, былъ довольно распространенный классъ личностей, ничего недѣлающихъ, познаній тоже никакихъ немѣющихъ и поэтому принужденныхъ жить безъ всякаго плана, какъ птицы небесныя, кормящіяся на нивахъ, не ими сѣянныхъ. Въ-третьихъ, было немного людей, получившихъ довольно ясное понятіе о человѣкѣ и его потребностяхъ, о мирѣ и его законахъ, а поэтому мыслящихъ и говорящихъ довольно здраво, а вслѣдствіе этого, расходящихся въ своихъ стремленіяхъ съ людьми, принадлежащими къ первымъ двумъ классамъ. До сихъ поръ эти немногіе мыслящіе люди только и дѣлали, что говорили о своихъ здоровыхъ мысляхъ и о нездоровіи мыслей, господствующихъ въ первыхъ двухъ разрядахъ; но такъ какъ первые разряды, по своей невинности, не имѣли никакихъ основаній понимать эти слова, то и не понимали ихъ, и продолжали жить по старому, унаслѣдованному отъ предковъ. Люди, красиво говорящіе и красиво страдающіе, поняли въ послѣднее время, что состраданія къ ихъ терзаніямъ ожидать не слѣдуетъ, потому что для массы эти терзанія непонятны, — оцѣнили свое безсиліе и горько осмѣяли другъ друга.

Болѣе здоровые изъ этихъ людей поняли наконецъ, что глупо отдавать себя на заѣденіе среды, что бесполезно прятать свои хорошія стремленія въ глубь страдающаго сердца, и что для осуществленія этихъ стремленій необходимо дѣйствовать въ практической жизни. А такъ какъ среда не успѣла еще заѣсть ихъ, и рисованіе своими страданіями не успѣло

еще отнять у нихъ охоты къ труду, то и особенныхъ препятствій къ начинанію у нихъ не было.

Такимъ образомъ, нѣкоторые и тронулись,—всякій сообразно своему взгляду на положеніе вещей. И Братанова, и Рулева мы видѣли:—одного конторщикомъ, другого учителемъ и комиссіонеромъ, слѣдовательно, въ положеніяхъ вовсе не исключительныхъ; а отсюда слѣдуетъ, что вся кажущаяся ненатуральность этихъ личностей происходитъ изъ того, что они находятся въ данныхъ положеніяхъ не потому, что ихъ толкнула сюда судьба или другой какой двигатель современнаго общества, а по расчету,—ради достиженія заданной цѣли. Дѣйствительно, одна изъ отличительныхъ чертъ нашихъ согражданъ заключается въ полномъ отсутствіи всякой системы въ дѣйствіяхъ и всякихъ предвзятыхъ цѣлей, т. е. живутъ они, имѣя кое-какія мечтанья, но вовсе не утруждая себя изысканіемъ путей къ достиженію этихъ мечтаній и неуклоннымъ слѣдованіемъ по этимъ путямъ. Пошлетъ Господь исполненіе желаній, свалится въ ротъ осуществленіе мечтаній — ладно; а нѣтъ, такъ и безъ этого какъ нибудь проживемъ. Иванъ Аксаговъ называетъ это качество смиреніемъ, а я назову, пожалуй, ожиреніемъ мозговъ. Въ виду этихъ благодушныхъ людей, я выставляю вдругъ Рулева, который говоритъ, напримѣръ, что «смиѣ, для моего благоденствія, нужно достигнуть вотъ этого и этого; для достиженія этого нужны знанія, деньги и люди». И сказавши это, Рулевъ не мечтаетъ только о своемъ благоденствіи, а принимается за пріобрѣтеніе знанія, денегъ и прочаго... Разумѣется, Рулевъ покажется лицомъ выдуманымъ... Впрочемъ, по моему мнѣнію, если даже читателю и слышать не приходилось о такихъ людяхъ, то все-таки онъ не долженъ отрицать возможности и своевременности существованія подобныхъ субъектовъ.

Послѣ этого объясненія, я нахожу возможность возвратиться къ Братанову, который, какъ я говорилъ въ началѣ этой главы, съ больной головой и усталыми отъ долгой дороги членами, ходитъ пос воей комнатѣ и, не смотря на усталость и головную боль, крѣпко раздумываетъ о своихъ предположеніяхъ и о предстоящей работѣ.

— Великая должна быть работа! насмѣшливо думаетъ читатель.— Не больно великая... На первый, напримѣръ, годъ

Братановъ располагалъ просто на просто перебзывать съ собственными своими возами, на собственныхъ своихъ лошадяхъ, изъ одного знакомаго ему края въ другой, тоже знакомый край, и перепродавать не весьма поэтическия продукты. Этой торговлей Братановъ занимался и съ Силычемъ. Дальше, Братановъ рассчитывалъ забрать, въ компаніи съ знакомыми ему мужичками, одну извѣстную ему землицу на аренду. Затѣмъ онъ предполагалъ, что его торговля будетъ постепенно расширяться до весьма грандіозныхъ размѣровъ, деньги будутъ прибавляться.

XVI.

Теперь нужно воротиться къ нашимъ сапожникамъ. На другой день послѣ приѣзда Братанова, она, т. е. Григорьевъ и благодумный Никита, загуляли до того, что къ вечеру Григорьевъ воротился въ мастеренку безъ денегъ и злой до бѣшенства, а Никита пришелъ и безъ денегъ, и безъ шапки, — однако же остался въ благодушномъ настроеніи.

Григорьевъ лежалъ на своей грязной постели, а Никита усѣлся у рабочаго стола, зажегъ самый отарокъ и весело заглялъ любовный романсъ. Дома не было никого, кромѣ нашихъ пьяныхъ друзей. Григорьевъ не спалъ, а потому сознательно принималъ впечатлѣнія, какъ изъ окружающей его среды, такъ и изъ состоянія своего собственнаго организма. Впечатлѣнія не были очень разнообразны, и сознавалось только, что болитъ голова, кружится голова, пахнетъ кожей, тараканы забрался подъ рубашку, на улицѣ ругаются, грязь развѣдываетъ памятое тѣло и т. п. Волная голова не останавливается ни на одномъ впечатлѣніи, а просто на простѣ чувствуетъ, что ей неприятно, и что Никита безсовѣтно уже деретъ своимъ зычнымъ любовнымъ романсомъ.

Садится Григорьевъ и потягивается, а Никита еще значнѣе распѣваетъ романсъ, и впечатлѣніе отъ его пѣнія необходимо становится самымъ преобладающимъ во всей массѣ нехорошихъ впечатлѣній, поневолѣ воспринимаемыхъ угрюмымъ Григорьевымъ. Злость его разбираеть.

— Какъ ты проклятая, думаешь Григорьевъ, злобно взгля-

дывая на широко-отверстыя уста Никиты, и со всей силы отхватываетъ его по шеѣ...

Никита обрывается, смотритъ пристально на Григорьева и показываетъ своему собрату огромный грязный кулакъ. Больно Никитѣ.

— Убью, говорить онъ сердито, и поднимается насупротивъ Григорьева.

— Держись, Никита, дальше, — злобно отвѣчаетъ Григорьевъ. У меня сердце не на мѣстѣ. — Зарѣжу!

— Чего дерешься?

— Смерть, говорю, Никита; послѣ прибеѣ, а теперь не трогай, — сердце, говорю, у меня не на мѣстѣ, — повторяетъ Григорьевъ и опять ложится на кровать.

Никита мгновенно ошалѣваетъ, видя, что его обидчикъ угрюмо укладывается и закрываетъ даже глаза, не смотря на грозящую ему таску; а за ошалѣваніемъ возвращается къ Никитѣ его благодушіе, и онъ опять садится и принимается за прерванный веселый романсъ...

— Дьяволъ, дьяволъ! — глухо и жалобно прерываетъ его Григорьевъ, поворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ и тяжело вздыхая.

Никита прислушивается къ его словамъ и вздоху, и опять начинаетъ романсъ какъ разъ съ того слова, на которомъ его прервали.

Наконецъ Никита кончаетъ пѣть, прислушивается къ шуму на улицѣ, вспоминаетъ, что деньги пропиты, шапка пропита, и тоже впадаетъ въ меланхолію. Закуриваетъ онъ сигарку, но и сигарка не услаждаетъ его.

— Григорьевъ! бери, братъ, сигарку, — говорить Никита черезъ минуту.

Григорьевъ садится на кровати, беретъ сигарку и начинаетъ задумчиво покуривать и поплевывать.

— Знаешь, братъ, что? спрашиваетъ онъ потомъ.

— Что?

— А меня вѣдь испортили.

— Испортили? Всяко бываетъ, въ недоумѣнья говорить Никита.

— Видитъ же Богъ, хоть въ гробъ ложись. Въ жизнь никогда этого со мной не было... Коли водки не выпью, — такъ завоюетъ сердце, точно его змѣи какія сосутъ.

— А какъ выпьешь?

— Тогда полегчаетъ немного; да за то и въ хитрыхъ волъ становлюсь, за самого себя болзну дѣлаюся.

— А это ничего. Выпить бы, братъ, какъ съ тобой пойдти теперь.

— А казна есть?

— Я и шапку пропилъ, добродушно возразилъ Никита, поглаживая себя по волосамъ.

— Есть, значить, водки три локхани, да не напяти ее пить губами, замѣтилъ Григорьевъ.

Наступило молчаніе. Никита опять началъ затягивать какую-то станичку.

— Глотка твоя намазаная, сквозъ зуби ругнулся Григорьевъ.

— Научить, братъ, тебѣ, какъ съ твоей тоски вылечиться? спросилъ Никита.

— Научи.

— Пить давай...

Григорьевъ весьма выразительно плюнулъ. Никита опять заглѣлъ. Григорьевъ слушать, слушать и наконецъ началъ подтягивать, причемъ Никита задралъ голову и выгравъ всеми своими голосовыми органами. Григорьевъ поддѣлывался, поддѣлывался подъ его лѣніе, но наконецъ изъ смѣхъ выскочилъ, вспотѣлъ и плюнулъ.

— Ковлиная ты глотка, сказалъ онъ, удержался на своей постель.

Никита однако же не сконфузился и кончилъ пѣсню.

— Тебѣ бы, братъ, жениться, скивалъ смѣхъ добродушно и искренно, поглядывая на Григорьева.

Григорьевъ не сказалъ ни слова и мысленно выругался еще крупнѣе прежняго.

— Ей Богу же, — продолжалъ Никита. Мамоньки моя пошла бы сватать. У вей я платя есть хорошия; только по враздникамъ ихъ надѣваетъ. Я ужъ попросилъ бы ее, — она бы и сходила, потому для меня мамоньки все сдѣлаетъ. — Право, братъ...

— А какой лѣшій за меня поидеть? зло сказалъ Григорьевъ.

— А я ужъ знаю, кто поидеть, отвѣтилъ Никита, воднивая глазами.

Григорьевъ хотѣлъ было сказать вѣсконово вѣрнѣе словъ

на счетъ того, что врать будетъ пелего, но въ это время въ мастерскую ващля двѣ женщины. Одна была — предметъ Григорьева, Маша, бойкая, смазливая дѣвушка; а другая — женщина лѣтъ подлѣ тридцать, серьезная на видѣ, но да самомъ дѣлѣ развеселая и умная баба.

— Хозяева, видно, ушли? спросила она

— Хозяева гуляютъ, а мы дома, сказали Никита.

— Съ вами-то намъ дѣлать нечего, замѣтила Маша.

— Будто ужъ и нечего?

Григорьевъ подошелъ къ столу и молча свернулъ сигарку.

— А мы вотъ жениться хотимъ.... Объ этомъ и толкуемъ, продолжать Никита.

— Вотъ какъ! сказала Маша, пристально взглянувъ на Григорьева. Ну, дай вамъ Богъ счастья.

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ Никита Машѣ. Только дѣло у насъ плохо ладится; Григорьевъ вонъ не вѣритъ.

Григорьевъ закурилъ сигарку, ватаулся и отплюнулъ.

— Продадимъ и тамъ, сказалъ онъ, откинувъ движеніемъ головы волосы.

— А я вѣтъ только дооглижусь короненько, да и лепнись, коли попадется хорошая дѣвка или вдова... Мнѣ это все равно. Мнѣ вонъ и маменька тоже совѣтуетъ: женись, говоритъ, такъ и тебѣ легче будетъ, и я въ гробъ лягу спокойнѣе, — говорилъ Никита съ полной искренностью и задумчивостью.

— А вы вотъ меня возьмите, предложила вдругъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ подружка Маша.

Никита посмотрѣлъ прежде на нее, потомъ на дѣль и какъ-то неловко себя почувствовалъ.

— Васъ-то? повторилъ онъ, сконфузившись.

— Право же... Вамъ сколько теперь лѣтъ?

— Мнѣ-то? — сорокъ третій пошелъ, отвѣчалъ Никита.

— А мнѣ двадцать семь лѣтъ.

Никита задумчиво снималъ и разнималъ свои грязные кулаки и изъ подлюбы поглядывалъ на свой предметъ.

— Только приданого за мной ничего ужъ нѣтъ, прибавилъ предметъ совершенно серьезно, и только глаза у нея лукаво свѣтились.

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ. Нѣтъ, такъ ужъ ничего не подѣлаешь, добродушно заговорилъ Никита. Маменька тоже гово-

рить: не женись, говоритъ, на богатой, а возьми добрую, да работающую дѣвушку, такъ и тебѣ хорошо будетъ жить, и я помру спокойно. Опять же я не такой, какъ другіе подмастерья. Они сегодня работаютъ, а завтра, глядишь, пьянъ подмастерье; сегодня пьянъ, а завтра опохмѣляется.. А я сегодня пьянъ, завтра пьянъ, а потомъ сѣлъ, да въ недѣлю шесть паръ новыхъ сапоговъ и спилъ. И работать-то я могу хоть въ рынокъ, куда хочешь.

Въ это же время происходилъ слѣдующій разговоръ между Машей и Григорьевымъ.

— Вы что сегодня злой такой? спросила Маша.

— А я всегда такъ, такимъ и родился, отвѣчалъ Григорьевъ. Работаю—сердить; гуляю—еще сердитье.

— Загулялись, я думаю, на праздникахъ?

— Ничего, погуляли...

— Вы вотъ хоть догадались бы мнѣ нарядъ какойнибудь подарить... А то другія наряжаются на святкахъ, а мнѣ и надѣтъ нечего, — сказала Маша и вдругъ закусилла губы и покраснѣла. Ей совѣстно стало. Григорьева она вѣсье не любила.

У Григорьева точно огонь по жиламъ пробѣгалъ. Онъ пристально взглянулъ на дѣвушку, и у него губы болѣзненно дрогнули, глаза нехорошо блеснули.

— Можно, сказалъ онъ съ угрюмой усмѣшкой и опустил глаза въ землю.

— Не любить она меня, думаетъ онъ почему-то. А мнѣ плевать на это. Не любить, такъ не люби, а деньги добыть всегда можно... Какъ не добыть? — можно..., думалъ онъ съ какой-то злобой.

— Смотрите же, не забудьте, напомнила ему Маша, уходя съ своей подругой.

Григорьевъ все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и думалъ онъ вотъ что: видѣлъ онъ вчера вечеромъ въ щолку, что Братановъ пересчитывалъ деньги и положилъ ихъ въ маленькую шкатулку, а шкатулку поставилъ на верхнюю полку этажерки, стоявшей около окна, выходящаго въ палисадникъ; значить, деньги можно было добыть... Григорьевъ обдумалъ свое предприятие, и ни одной совѣстливой мысли не явилось въ немъ во время этого обдумыванья. Съ завистью и злобой смотрѣлъ онъ

въ это время на всѣхъ людей. Затѣмъ онъ вышелъ на дворъ, постоялъ на крыльцѣ и послушалъ.

— Пьяны всѣ, дьяволы, подумалъ онъ.— Голова у него болѣла, губы дрожали, и на всемъ организмѣ его точно лежала какая-то тяжесть, такъ что вздохнуть было трудно, кровь точно остановилась въ жилахъ. Обидь ктонибудь теперь его — онъ убилъ бы обидчика; погибай ктонибудь передъ его глазами — онъ засмѣялся бы только. Дѣло было въ томъ, что человѣку невтерпежъ стало, долготерпѣнiе лопнуло, и вышелъ человѣкъ съ завязанными глазами на борьбу съ жизнью. Часовъ въ одиннадцать ночи, Григорьевъ благополучно кончилъ свое предпріятіе и пришелъ въ мастерскую угрюмый, блѣдный и злой. Посмотрѣлъ онъ кругомъ, подумалъ, выругалъ Никиту и пошелъ къ Машѣ...

XVII.

Весь этотъ день Братановъ и не заглядывалъ въ свою квартиру. Утромъ отправился онъ къ Дымову, передалъ ему о результатахъ своей поѣздки и объявилъ, что находитъ нужнымъ оставить его контору.

Дымовъ не удерживалъ его, не потому, чтобы не дорожилъ Братановымъ, а скорѣе потому, что его богатый компаньонъ оставлялъ компанію, и теперь у ней имѣлось въ виду въ скоромъ будущемъ рѣшительное разореніе. Въ послѣднее время Дымовъ впалъ въ совершенную апатію.

Оставивъ бѣднаго старика, Братановъ пошелъ къ Вѣрочкѣ и просидѣлъ у ней до поздней ночи, такъ что домой вернулся уже въ двѣнадцать часовъ. Сначала онъ лѣниво, но въ полномъ благодушiи сбросилъ шубу, закурилъ папиросу и началъ расхаживать по комнатѣ, раздумывая опредѣляющемъ отъѣздѣ, о Вѣрочкѣ и о другихъ, вовсе не печальныхъ вещахъ. Потомъ онъ почувствовалъ, что согрѣвается плохо, что въ комнатѣ точно струится холодный воздухъ. Онъ остановился и пожался отъ холода. Въ домѣ была мертвая тишина; пламя свѣчи по временамъ вздрагивало, и Братанову вдругъ стало тяжело и неловко.

— Безъ меня здѣсь былъ кто-то, думалось ему.— Подъ влія-

ниемъ этой мысли, онъ быстро подошелъ къ этажеркѣ. Штатулки съ деньгами не было, а въ неплотно-притворенную форточку такъ и врвался холодный вѣтеръ.

Кровь хлынула у него къ головѣ. Братановъ остановился неподвижно, съ закушенными губами, опущенной головой и съ страшно поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Кто укралъ? Какъ отыскать деньги? естественно думалъ онъ, и мозгъ его напряженно работалъ надъ выясненіемъ средствъ, которыми можно было сдѣлать хоть что нибудь къ возвращенію украденнаго.

— Чорта съ два сдѣлаешь въ этой труппѣ, порѣшилъ онъ наконецъ, злобно кусая губы.

Порывисто и зло захлопнулъ онъ форточку, открылъ въ печкѣ отдушникъ, бросилъ на диванъ сюртукъ и началъ ходить по комнатѣ. Изъ отдушника несло тепломъ; становилось жарко; потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ Братанова; и много разъ останавливался онъ, проводилъ рукой по лбу и по волосамъ, и опять начиналъ ходить. Наконецъ онъ остановился и закурилъ сигару.

— Пронало, рѣшилъ онъ угрюмо. Всѣ расчеты разомъ разбились, всѣ давно обдумываемые планы приходилось опять перестраивать; опять приходилось работать изъ-за куска хлѣба, справлять подеящину, добывать деньги,—однимъ словомъ, опять приходилось начинать съизнова подготовительную работу.

— Ну, и начнемъ, угрюмо думалъ Братановъ. Эхъ!—подумалъ онъ о вѣтрѣ и махнулъ рукой. Что? развѣ такъ слали съ ногъ, что ужъ и встать нельзя? Вздоръ, встанемъ! Заблагодумствовался ужъ очень;—а не хочешь ли теперь по старому, пѣшкомъ, подъ выюгой, по морозцу путешествовать, рѣдкую съ квасомъ и хлѣбомъ ѣсть, курить махорку, а то и совсѣмъ ничего не курить?...

— Можно, думалъ онъ. Отчего нельзя? Такъ теперь и слѣдуетъ. Не пьянствовать же начинать съ тора! Сюртукъ по боку, книги тоже по боку, натягивай на плечи полушубокъ и бреди пѣшечкомъ въ страны привольныя!...

Братановъ вынулъ изъ сюртука портмонэ, раскрылъ его, выложилъ нѣсколько рублей денегъ, пересчиталъ ихъ, пересчиталъ на ладони рубль три серебряной монеты и присвистнулъ.

— Съ такой благодатью да умирать стать подумалъ онъ,

закуривая потухшую сигару. Держи карманъ шире!.. еще торговлю заведешь, да пѣсни запоешь...

Онъ обернулся, посмотрѣлъ вокругъ себя на мебель, книги платъе и усмѣхнулся.

— Жить можно!...

Скрестилъ Братановъ на груди руки и началъ опять рассказывать по комнатѣ, покуривая и разсуждая о предстоящей работѣ.

— Грандіозная, должно быть, работа, думаетъ насмѣшливо читатель.

Не очень, читатель. Разсчитывалъ Братановъ, много ли денегъ выручить онъ продажей своего домашняго скарба, сколько обойдется путешествіе пѣшкомъ въ страны привольныя, сколько придется употребить денегъ на покупку лошади и на закупку одного сельскаго продукта, не весьма поэтическаго, но очень употребительнаго и дающаго по перевозкѣ барыши, что уже было испытано Братановымъ въ товариществѣ съ Силычемъ.

Какъ видите, Братановъ даже очень далеко думалъ отступить отъ своихъ разсчетовъ. И, вѣроятно, долго еще продумалъ бы объ этомъ Братановъ, если бы въ это время не послышался шорохъ въ сѣняхъ и не отворилась дверь.

— Ужъ не «на счетъ ли грабежа» приходятъ свѣдѣнія? натурально подумалъ Братановъ.

Вошла Александра Борисовна.

— Здравствуйте, Александра Борисовна. Какими судьбами ко мнѣ заѣхали? спросилъ Братановъ, сильно удивившись.

Александра Борисовна сняла шубку и сѣла.

— Я была на вечерѣ и теперь вздумала заѣхать къ вамъ, сказала она тихо. Мнѣ хотѣлось бы переговорить съ вами.

Братановъ посмотрѣлъ на нее и молча сѣлъ.

Александра Борисовна очень измѣнилась въ послѣднее время: похудѣла, глаза впали, губы сжались серьезнѣе и брови сдвинулись... Она закурила папиросу, причемъ Братановъ замѣтилъ, что и руки молодой дѣвушки очень похудѣли.

— Вы отказались отъ вашего мѣста въ конторѣ? спросила наконецъ Александра Борисовна и повернула къ Братанову поблѣднѣвшее лицо.

— Отказался.

— И, вѣроятно, думаете уѣхать?

— Дня черезъ три, вѣроятно, ѣду, а черезъ недѣлю непремѣнно, сказалъ Братановъ.

Опять наступило молчаніе. Александра Борисовна блѣднѣла больше и больше, и наконецъ ею овладѣла легкая лихорадочная дрожь.

— Вы больны, Александра Борисовна? спросилъ Братановъ, глядя на нее.

— Нѣтъ, не беспокойтесь... я здорова.

Братановъ опять внимательно посмотрѣлъ на нее, и на этотъ разъ слишкомъ ясно видѣлъ, какъ Александра Борисовна вздрогнула, покраснѣла, а затѣмъ опять поблѣднѣла и опустила голову, когда встрѣтила его пристальный, спокойный взглядъ. Братановъ опустилъ голову и задумчиво пошелъ по комнатѣ.

— Такъ вотъ что! думалъ онъ. Бѣдная, бѣдная дѣвушка! П пришла-то она въ такое время, когда мнѣ самому помогай Богъ на ногахъ удержаться... Скажетъ бѣдная, что я, молю, Николай Егорычъ, люблю васъ... Мнѣ-то что же сказать? Я, Александра Борисовна, не люблю, молю, васъ; притомъ люблю другую, и, кромѣ того, мнѣ теперь приходится изъ-за куска хлѣба пробиваться.. Эхъ, натура дураковатая, хоть бы слова какія нибудь нѣжныя придумать!...

— Значить, вы начинаете вашу работу, о которой мы съ вами говорили лѣтомъ? тихо спросила Александра Борисовна. — Поэтому, должно быть, вамъ легко уѣхать наконецъ отсюда?

— Ну, не очень...

— Отчего? чуть слышно спросила молодая дѣвушка.

— Эхъ! злобно подумалъ Братановъ и крѣпко почесалъ затылокъ... Да дѣло-то, видите ли, Александра Борисовна, не совсемъ по моему расчету выходитъ. Сегодня мнѣ, ради праздника, большой сюрпризъ сдѣлали, говорилъ Братановъ. (Экія слова-то полѣзли! думалъ онъ про себя). Обворовали меня сегодня.....

— Какъ такъ? быстро спросила Александра Борисовна.

— Такъ; почти всѣ капиталы украли....

— Какъ же вы думаете быть?

— Да снова начинать, приобрѣтать ихъ буду; что больше то дѣлать?

— Вы можете обойтись безъ посторонней помощи?

— Конечно обойдусь.

— Послушайте, Николай Егорычъ, мы вѣдь были, кажется, хорошими друзьями. Могу я помочь вамъ чѣмъ нибудь?

— Право же, я легко поправлюсь собственными силами, — тихо отвѣчалъ Братановъ, и не утерпѣвъ, подвинувъ стулъ и сѣлъ противъ молодой дѣвушки. Никакихъ почти затрудненій и лишеній не будетъ. Вы знаете, что я всегда говорилъ правду. И теперь тоже не имѣю никакихъ резоновъ вратъ предъ вами; гѣмъ болѣе, что привыкъ всегда обходиться собственными силами. Поэтому, если я говорю вамъ, что справлюсь безъ помощи другихъ, то вы такъ и понимайте, что я не обращаюсь къ другимъ за помощью. Если я говорю вамъ, что принужденъ идти нѣсколько сотъ верстъ пѣшкомъ, принужденъ пытаться хлѣбомъ и квасомъ, такъ вы такъ и понимайте, что я *никогда* пѣшкомъ и буду ѣсть только *хлѣбъ*, а вовсе не въ томъ смыслѣ понимайте, что я помощи прошу.

— И вы пойдете пѣшкомъ?

— Пойду...

— Зачѣмъ же вы такъ мучиться хотите?

— Ошибаетесь, Александра Борисовна... Я, съ своей стороны, смотрю на это, какъ на занимательную и полезную прогулку...

— Значить, рѣшено? Вы утѣжаете?

— Рѣшено.

Александра Борисовна долго смотрѣла на него, румянецъ повемногу сходилъ съ ея лица, и вдругъ она, закусивъ губы, начала дышать медленно, тяжело и на глазахъ показались слезы.

— А вѣдь я люблю васъ..... Неужели вы этого не видите? спросила она чуть слышно, прилегла къ рукѣ Братанова и заплакала.

Долго она плакала. Наконецъ подняла голову, стерла слезы, и грустная, съ заплаканными глазами, облокотилась на столъ. Братановъ поцѣловалъ ея блѣдный лобъ и всталъ.

— Видите вы, какія тутъ комбинаціи выплили, сказали онъ нетвердымъ голосомъ.

— Да, тяжело, сказала Александра Борисовна. — Послушайте еще..... Мы съ вами были вѣдь хорошими друзьями....

— Во всякомъ случаѣ, я всегда правду говорю. Не имѣю привычки вратъ.

— Ну, хорошо... Дѣло въ томъ, Николай Егорычъ... Мож-

ните, вы говорили мнѣ какъ-то, что всякому человѣку необходимо нужно работать, и самостоятельно работать?

— Необходимо.

— Теперъ мнѣ нужно начинать самостоятельную работу.

— Это хорошо, сказалъ Братановъ, сильно упирая на свое областное о.

— Дѣло въ томъ, Николай Егорычъ, что меня хотятъ выдать замужъ за человѣка, котораго я не только не люблю, но и не уважаю даже.

— Ну, разумѣется, такому господину слѣдуетъ дверь указать, рѣзко сказалъ Братановъ.

— Конечно... это я знаю... И отецъ знаетъ, что я не терплю этого господина, но все-таки хочеть, чтобы я вышла за него.

— А пускай хочеть...

— Конечно!.. Я думаю такъ, Николай Егорычъ, продолжала молодая дѣвушка:—если я не хочу, чтобы отецъ требовалъ отъ меня чего бы то ни было, то и я не должна, и не имѣю никакого права ничего отъ него требовать.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Братановъ.

— Поэтому, мнѣ слѣдуетъ жить своимъ собственнымъ трудомъ. Я хочу уѣхать отсюда хоть бы въ Петербургъ. Тамъ скорѣе можно найти работу.—Что вы мнѣ на это скажете?

Братановъ задумчиво ходилъ по комнатѣ.

— За какую думаете вы взяться работу? спросилъ онъ наконецъ, останавливаясь:

— Это все равно... Я готова быть горничной, швей, за прилавкомъ сидѣть,—только бы работа нашлась.

— Видите что, заговорилъ Братановъ задумчиво: — намѣренье ваше хорошо и честно. Только мой совѣтъ вамъ вотъ какой. Стерпите немного, не смотря ни на что, останьтесь все-таки на годъ, на полтора дома и приготовьтесь къ работѣ: изучите ремесло какое нибудь, да пожалуй и не одно, а два-три и больше,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Я и самъ думалъ объ этомъ, и отъ другихъ слыхалъ, что женщинѣ, хотя, бы и умной, и энергичной, но мало знающей,—нѣтъ почти никакихъ средствъ пропитываться своимъ собственнымъ честнымъ трудомъ.—Не рискуйте, Александра Борисовна...

— Чѣмъ? тихо и горько спросила молодая дѣвушка.

— Жизнью, рѣзко отвѣтилъ Братановъ.

— А мнѣ что въ ней?

— Это ужъ ваше дѣло... По моему, если живете, такъ есть охота жить;—а если вы жить хотите, да еще жить не такъ, какъ другіе живутъ, такъ рассчитывайте и взвѣшивайте каждый шагъ... Иначе васъ раздавятъ.

— Такъ вы не вѣрите въ мои силы? спросила Александра Борисовна, вставая.

— Не вѣрю...

Молодая дѣвушка улыбнулась и взяла руку Братанова.

— Встрѣтима ли мы съ вами когда нибудь? сказала она, задумчиво смотря на него сквозь слезы.

Братановъ молчалъ.

— Поздно однако же, продолжала Александра Борисовна, взглянувъ на часы, и опять пристально стала смотрѣть на Братанова.

— Теперь прощайте, сказала она наконецъ грустно и склонилась головой къ груди Братанова.—Подождите, встрѣтите вы меня когда нибудь самостоятельной, независимой женщиной, говорила она сквозь слезы.

— Дай Богъ, задумчиво сказалъ Братановъ.

— Непремѣнно... Ну, прощайте же, и, поцѣловавъ въ послѣдній разъ Братанова, она вышла изъ комнаты...

. . . . .
А въ другомъ концѣ города, въ грязномъ и душномъ кабацѣ, дико гулялъ угрюмый Григорьевъ съ цѣлой толпой пьяныхъ и жалкихъ работниковъ. Злобно и ѣдко ругался Григорьевъ, и по прежнему благодушный Никита зычно распѣвалъ любовный романсъ.

XVIII.

Въ эту ночь Братановъ мало спалъ, да и этотъ недолгій сонъ былъ очень тревоженъ. Одно сновидѣніе смѣнялось другимъ, и сновъ этихъ было много. Сновидѣній обыкновенно не бываетъ тогда только, когда никакія особенныя впечатлѣнія, звуки и ощущенія не тревожатъ спящаго, когда дѣятельность мысли не была ненормально-возбуждена чѣмъ нибудь, а если

и была, то до такой степени сильно, что истощилась, обезси-
лѣла. Въ этомъ случаѣ сновидѣній не бываетъ. Братанову
много пришлось перечекуствовать и передумать въ этотъ день,
но онъ былъ молодъ и здоровъ; приходилось ему переносить
прежде и не такія передвѣя, слѣдовательно, напряжение его
мысли не могло быстро истощиться, и продолжалось еще и во
время сна.

Видѣлись Братанову больше знакомыя мѣста въ свѣти: ни-
рокая, необлѣтная равнина, замкнутая вдали горами, рѣка,
спутанныя лошади, телеги, огонь на берегу, — и вдругъ, со сто-
роны горъ, изъ темныхъ ущелій дико раздавался вопль зарѣ-
заннаго Силыча...

Братановъ всталъ рано и поднялся съ своей постели съ той
же мыслью, съ которой заснулъ. Проснувшись Братановъ не от-
того, что отдохнулъ и освѣжился сномъ, а скорѣе оттого,
что привыкъ всегда вставать въ это время. Потому не мудре-
но, что мозгъ, напряженно проработавшій половину дня и всю
ночь, утомился наконецъ поутру, — и Братановъ поднялся съ
болѣзненной апатіей.

Устало обдумавъ онъ свое положеніе, вспомнилъ мимохо-
домъ о Вѣрочкѣ и апатично жатнулъ рубашку.

— Пропадетъ, такъ пропадетъ!.. Много ихъ пропадаетъ,
за всѣхъ не заплачешься!.. Если во всякому человѣку въ нѣж-
ки напрашиваться, такъ самому придется съ голоду умереть.

Апатично, чуть не машинально выпилъ онъ стаканъ чаю,
закурилъ папиросу и, не докуривъ, бросилъ ее на полъ, одѣ-
ся и пошелъ къ Вѣрочкѣ.

— Вѣрочка — дѣвушка хорошая, твердая и понимать вещи
можетъ, думалъ онъ дорогой: — съ ней не придется теревливать
изъ пустого въ порожнее, мазать по губамъ красивыми сло-
вами и излечивать ненормальное положеніе организма благо-
родными мыслями. Любовь да любовь, благодушіе да благоду-
шіе... Благодать чортова это благодушіе! Любовью да благо-
душіемъ въ наше время не проживешь, потому скука заѣстъ.
Вотъ ненавистью — такъ проживешь, въ волю можно прожить.

Усталый и апатичный пришелъ онъ къ Вѣрочкѣ, пожалъ
ей руку и молча сѣлъ на окно. «Прямо развѣ и бухнуть, что
прощай, милая! удираю»... подумалъ онъ.

— Что съ тобой такое? спросила Вѣрочка, подходя къ нему

— Что, блѣденъ развѣ?—спалъ плохо, сказали Братановъ:

— Болѣнъ?

— Нѣтъ обстоятельства подошли табія...

— Какія-жъ обстоятельства? спросила Вѣрочка, приподня-
мая его водосы, опустившіеся на добъ.

— Плохо, Вѣрочка... Теперь приходится всѣ планы пере-
строить и начинать работу съизнова. Шагнулъ бы широко,
да ноги подломились... Вчера меня обокрали, Вѣрочка.

Вѣрочка вздрогнула и поблѣднѣла.

— Въ то время, когда ты у меня былъ?

— Въ то время.

— И много украли?

— Всѣ отложенныя на дѣло деньги.

— О, Боже мой! Что же ты теперь дѣлать станешь?

Вѣрочка была глубоко поражена, потому предвидѣла, что
Братанову, пожалуй, уѣхать придется, и неизвѣстно—поѣдетъ
ли она съ нимъ, или не поѣдетъ, но во всякомъ случаѣ жизнь,
какую она мечтала устроить впоследствии съ Братановымъ,
оказывалась теперь неосуществимою. Поѣдетъ она съ Брата-
новымъ—тогда что будетъ впереди? Не поѣдетъ—тогда опять
пустыля и обезцвѣчивалась ея жизнь. Тяжело было Вѣрочкѣ.

— Поѣду я съ нимъ, не могу не ѣхать, думала она. Не
могу я жить безъ него.

А теорію приложить къ практикѣ,—будто отвѣчалъ Брата-
новъ,—прежнія мои измышленія осуществить на дѣлѣ! Гово-
рилъ вѣдь я прежде, что если собою съ ногъ, такъ нужно
опять подниматься, если отбросить назадъ, такъ опять впе-
редь бросаться нужно, пока живъ... Ну, и поѣдемъ впередъ,
опять работать станемъ съизнова. Что же больше-то дѣлать?

— Такъ ты уѣзжаешь отсюда? спросила наконецъ Вѣроч-
ка, крѣпко сжимая руку Братанова.

— Уѣду.

— Когда?

— Дня черезъ три, черезъ четыре.

— Поѣдемъ вмѣстѣ...

— Нѣтъ, сказали Братановъ очень тихо. Нельзя, Вѣрочка!..

Вѣрочка съ удивленіемъ взглянула на него и отступила на-
задъ.

— Ну, и тутъ приходится наняться, жолчно подумаль

Братановъ. Эхъ, народъ!... Нельзя безъ того, чтобы не повѣситься любезному другу на шею! — хотъ неловко, да тащи ихъ, — обязанность, говорить, твоя такая...

— Отчего нельзя? спросила Вѣрочка...

— Оттого, молчно отвѣтилъ Братановъ, — оттого, что ты свяжешь мнѣ руки.

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, всталъ и началъ ходить по комнатѣ; а Вѣрочка вогмнула вслѣдъ ему, облокотилась на столъ и сидѣла блѣдная, неподвижная съ опущенными глазами; казалось ей, что теперь погибла жизнь ея.

— Убилъ! горько подумалъ Братановъ и взглянулъ на нее. Честное и простое слово сказалъ, а на ея языкѣ оно озаывается подлымъ словомъ. Правъ, значить, Рулевъ, когда говоритъ, что ихъ жизнь — не наша жизнь, ихъ радости — не наша радости... Ну, промахнулся, значить, съ Вѣрочкой... По ея жизнию, самая сладкая жизнь тогда только, когда въ ней самоотверженіе царствуетъ, жертвы всякія совершаются. А по моему, ты о себѣ думай, а я о себѣ стану думать; ты для себя живи, а я стану жить для себя... И хорошо, кажется, и удобно, а нѣтъ, ломаютъ себя и свою собственную натуру, и другикъ къ тому обязываютъ...

— Ты меня не любилъ, тихо сказала наконецъ Вѣрочка.

— Любилъ.

— Такъ не любишь теперь.

— Не люблю, горько отвѣтилъ Братановъ и продолжалъ ходить.

— За что же? спросила дѣвушка.

— За то, что ты хочешь связать меня, хочешь мою жизнь связать съ твоей... Это я ненавижу.

Вѣрочка облокотилась на колѣни и закрыла руками лицо. Что ей думалось? Я полагаю, что ничего не думалось... Всѣ планы, всѣ расчеты разрушились, уничтожилась всякая связь между мыслями, и не на чемъ было остановиться. — Не любилъ онъ меня, думала она прежде. — Любилъ, отвѣтилъ Братановъ. — Не любишь теперь. — Не люблю, отвѣчала ей. — За что же разлюбилъ? — За то, отвѣчали, что хочешь свою жизнь связать съ моею...

Вѣрочка вдругъ поняла, что Братановъ дѣйствительно другой человѣкъ, что ей нельзя жить съ нимъ, что она не знала

его, не понимала и все-таки горячо любила. — Конечно, все это думала она съ глубокой тоской.

— Еще, Вѣрочка, заговоришь наконецъ Братановъ: — я пришлю тебѣ мой адресъ. Если тебѣ будетъ нужна моя помощь, ты, вѣроятно, обратишься ко мнѣ. Все-таки я люблю тебя, какъ хорошую и добрую дѣвушку.

— Ничего, сказала Вѣрочка и даже не взглянула на него.

— Прощай, Вѣрочка! сказалъ Братановъ, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и остановился передъ ней.

Вѣрочка отвернулась отъ него и зарыдала.

XIX.

Опять предвѣій зимній вечеръ. Послѣ послѣдней сцены прошло недѣли полторы. Въ домѣ, гдѣ жилъ Братановъ, въ мастерской самокниговъ стучали молотки, шурпала продѣваемая сквозь кожу драфта и шли благодушные разговоры между подмастерьями. Тутъ работали и Григорьевъ; работали и нанятый Никита. Никита по старому расцѣвлялъ романсы и пѣсни, по старому безобидно ругался и нечесывалъ грязное тѣло; но видно было, что не по старому живетъ Григорьеву. Похудѣлъ онъ, постарѣлъ, работалъ апатично, говорилъ мало, а если и говорилъ, то каждое слово его было топоромъ вырублено, — рѣзко и ядовито сказывалось каждое словцо. Чувствую я, что иначе смотреть онъ теперь на жизнь, смотреть на нее не какъ на вѣчную смѣну ѣды и работы, сна и работы, работы и ѣды, не какъ на вѣчную грязную работу, услаждаемую благодушными разговорами. Иначе смотреть. Испробовать онъ, какъ живетъ тогда, когда можно дѣлать все, что душа запроситъ, и не думаю, чтобы могъ онъ относиться примирительно къ своему «вѣчному мѣсту», могъ не тосковать объ непробованной привольной жизни. Рвется онъ къ этой привольной жизни. — А жить хочется всякому.

Ради этой привольной жизни, далеко, верстъ за двѣсти отъ этого города, по пустынной дорогѣ, обозначенной каленями, натканными въ снѣгъ елками, подъ вьюгой, среди мертвой тишины, идетъ Братановъ, приближаясь къ незвидному пол-

легу въ какой нибудь дымной и грязной деревенской избѣ. Распахнулъ онъ верблюжій плащъ, надѣтый на полшубокъ, снялъ рукавицы съ вспотѣвшихъ рукъ, и страшно сгорбленной рисуется на снѣгу его длинная тѣнь, — а мечтаетъ онъ создать въ будущемъ вольную, хорошую жизнь, даже не для одного только себя.

Ради этой привольной жизни, далеко отъ города ѣдетъ въ этотъ вечеръ Александра Борисовна, оставившая для этой ожданной жизни прежнюю благодушную жизнь, сложившуюся вокругъ нея съ самаго дѣтства. Оставила эту жизнь Александра Борисовна. Лучше было бы, еслибъ она приняла совѣтъ Братанова, но знаю я, что не могла она въ этомъ случаѣ повѣрить его словамъ. Въ томъ, по моему мнѣнiю, и состоитъ темная сила сложившейся кругомъ насъ жизни, что не знаемъ мы ее, не знаемъ, какія знанiя и силы требуются для совладанiя съ нею, а поэтому не можемъ оцѣнить и тѣхъ силъ, которыя уже имѣются въ насъ. Много приходилось мнѣ знать людей, мечтавшихъ, при выходѣ на борьбу съ рутинной, о независимомъ устройствѣ своей собственной жизни, вѣрившихъ въ эти мечтанiя сильно и кончившихъ, большею частью, незавидно. Конечно, жаль этихъ людей, но выводъ все-таки тотъ, что ни вовсе не было въ нихъ силы, или мало было ея.

XX.

Мой рассказъ конченъ. Впрочемъ, можетъ быть, нужно связать нѣсколько словъ о томъ, какъ кончила свою жизнь Александра Борисовна. Распространяться много не захѣмъ, потому что я пишу не романъ, преисполненный безчисленными неожиданными, а повѣсть, въ которой хотѣлъ бы, по возможности, меньше вдаваться въ описанiя какихъ бы то ни было жизненныхъ случайностей.

Александра Борисовна, вышедшая въ жизнь безъ средствъ и силъ, не могла хорошо кончить. Она уѣхала въ Петербургъ. Мечталась молодой дѣвушкѣ тяжелая, трудовая, но независимая жизнь.

— Буду я знать, думала она дорогой, что кусокъ хлѣба, который я ѣмъ, добытъ собственными моими руками, башмаки,

которые я ношу, добыты моимъ собственнымъ трудомъ. Пусть никто отъ меня не требуетъ ничего, потому что не имѣетъ права требовать. Последней тряпкой на моемъ тѣлѣ я себѣ буду обязана, и никому больше. Велики были силы ея молодого ума, если, не смотря на все уродованье его, не смотря на тщательное скриванье отъ нея жизни, она, на основаніи немногихъ фактовъ, которые пришлось ей видѣть въ ихъ настоящемъ значеніи, выработала такой свѣтлый и честный взглядъ на жизнь. Чистая и хорошая она была женщина. Она не сподличала бы, не украдала бы, не потому, чтобы боялась какого бы-то ни было наказанія, а потому просто, что это противно ея натурѣ. Она не терпѣла, чтобы надъ ней имѣли право надругаться, имѣли бы право заставить покраснѣть ее, потому что этимъ независимость ея уничтожалась бы.

— Трудиться буду, думала она дорогой; попраздновала, теперь—довольно. Буду, пожалуй, гувернанткой; если нужно будетъ, пойду за прилавокъ, въ контору, швей сдѣлаюсь, хоть въ горничныя пойду. Работа найдется.

А въ Петербургѣ работы много было: вездѣ требовались дѣльные люди, но для Александры Борисовны не было работы, да и быть не могло, потому что она не знала ничего, даже употребленія шила и дратвы, которое все-таки можетъ доставить работнику и тепло, и хлѣбъ; не имѣла она даже простой мускульной силы, не знала, куда можно приложить силы, которыя были въ ней, потому что жизни не видала,—терпѣть голодъ и холодъ не могла, да наконецъ и помощи просить не научилась.

Долго ходила она по Петербургу, заглянула пристальнѣе въ жизнь, и страшно ей стало, когда пришлось прикладывать свои силы къ жизни. Не оказалось никакихъ силъ.—Деньги уходили.

— Написать къ сестрѣ? мелькнула въ ней какъ-то мысль, когда Александра Борисовна грустно посмотрѣла изъ окна своей комнаты на темные дома и огни въ домахъ, и чувствовала, что во всемъ громадномъ городѣ, во всей совершающейся кругомъ ея жизни, она совершенно чужая.

— Нѣтъ, назадъ не пойду, отвѣтила она съ какой-то злобой, и губы ея сжались, глаза заблестѣли.—И дома мнѣ нечего дѣлать.. И тамъ нѣтъ для меня ничего хорошаго.

Нашлось, наконецъ, мѣсто наборщика въ типографіи. Горячо было обрадовалась Александра Борисовна, но скоро не по силамъ

оказалась работа, и молодая девушка заболела. Слегла она в больницу. Разстроенному организму мало пошло. Помимо глубокого отчаянья, не только в возможности своего счастья, но даже в возможности жить, — разочарованіе в самой себѣ и в своих силахъ. Организмъ постепенно ослабѣвалъ, и, чрезъ мѣсяць послѣ вступленія в больницу, она, къ счастью, умерла.

По моему мнѣнію, обвинять ее не за что. И если можно обвинить кого нибудь, такъ ужъ лучше обвинить ту жизнь, в которой здоровому человеку жить нельзя.

И. Хлодовъ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

(Статья вторая)

Физиологическое преобладаніе славяно-русскаго племени надъ всѣми сибирскими племенами многообразно выражалось и выражается въ метисаціи, въ скрещеніи его съ этими племенами. Скрещеніе это было необходимо, въ силу общаго физиологическаго закона. «Если область обширна, говоритъ Дарвинъ, то отдѣльные округа ея будутъ, по большей части, представлять разныя жизненныя условія; и тогда, при видоизмѣненіи и усовершенствованіи вида естественнымъ подборомъ, на границахъ или въ предѣлахъ каждаго округа будетъ происходить скрещеніе между индивидуумами различныхъ разновидностей или расностей. И дѣйствіе скрещенія, въ этомъ случаѣ, едва ли будетъ взвѣшено естественнымъ подборомъ, стремящимся видоизмѣнить всѣ особи каждаго округа, сообразно господствующимъ въ немъ условіямъ; ибо въ непрерывной области жизненныя условія одной полосы большею частью незамѣтно переходятъ въ условія другой полосы. Въ Сибири, съ самаго начала русской колонизаціи и до позднѣйшаго времени, смѣшеніе и скрещеніе племенъ совершалось въ широкихъ размѣрахъ и различными путями. Одни пути вели прямо къ физиологическому сліянію и смѣшенію инородческихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ, посредствомъ метисаціи, скрещенія. Другими путями племена, посредствомъ различныхъ условий сосѣдства и сближенія, обобщались съ русскими колонистами, усвоили ихъ языкъ, образъ жизни и занятій, нравы и обычаи, и такимъ образомъ, путемъ постепеннаго внѣшняго обрусѣнія, подготовлялись къ совершенному физиологическому

бъединенію и слянію съ русскимъ народомъ, вслѣдствіе постепеннаго отрѣшенія отъ своихъ племенныхъ особенностей путемъ послѣдовательнаго, морально-физическаго и внѣшне-бытового видоизмѣненія въ русскую народность.—Укажемъ теперь на непосредственные способы и физиологическіе результаты скрещенія.

Во-первыхъ, похищеніе или взятіе въ плѣнъ инородческихъ женщинъ, въ видѣ ясыря, и сожителство съ ними естественно вело къ смѣшенію, къ скрещенію племенъ и къ рожденію новаго, европейско-сибирскаго поколѣнія русскаго народа. Русскіе казаки, служилые, торговые, промышленные и всякіе гулящіе люди въ Сибирь приходили обыкновенно безъ жонъ. И потому они вынуждены были постоянно похищать и уводить въ плѣнъ женщинъ и дѣвицъ разныхъ сибирскихъ племенъ;—иногда покупали ихъ. Такая метасія русскихъ съ инородческими женщинами шла одновременно и по слѣдамъ русской колонизаціи, и въ разныхъ мѣстахъ Сибири принимала мѣстный этнографическій характеръ. Такъ, въ западной Сибири русскіе казаки и служилые люди смѣшивались съ туземными инородческими женщинами — вогулицкими, остяцкими, самоѣдскими, татарскими, киргизскими, калмыцкими и другими. Духовенство московское неоднократно вопіяло противъ такого смѣшенія русской крови съ иноплеменною. «Вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири, писалъ патріархъ Филаретъ сибирскому архіепископу Кипріану въ 1622 году,—что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаями, но по своимъ сквернымъ похотемъ: многіе де русскіе люди съ татарскими и съ остяцкими, и съ вогулицкими поганскими жонами смѣшались, и северная дѣютъ; а иные живутъ съ татарскими, некрещеными, какъ есть съ своими жонами, и дѣютъ съ ними противность» ¹⁾. Точно такъ же, митропол. Филофей, отъ 7 сентября 1725 г., извѣщалъ губернскую канцелярію, что «казаки, за ясакомъ посылаемые, берутъ вмѣсто подводчиковъ *красиволицыхъ жонъ и дѣвицъ остяцкихъ, и другихъ инородковъ*, и наслуютъ, на что жаловаться не смѣютъ застрашываемые родители».—Русскіе поселенцы Березова покупали молодыхъ остячекъ по 20 копѣекъ ²⁾. Почти безпрерывныя возстанія и на-

¹⁾ Собран. государств. грамотъ, ч. III, № 60.

²⁾ Словцова, Историч. обзор. Сибири, II, стр. 91. Абрамова, описан. березовск. края въ Записк. геогр. общ. 1857. кн. XII, стр. 348—349. За дѣвицъ инородческихъ платили отъ 2 р. до 50 к. жѣдью.

были калмыки, татары, остяки, киргизы и других инородческих племенъ западной Сибири на русскіи колонні были не только действительной оппозитной реакціей противъ русской колонизаціи, но также постоянной племенной реакціей противъ русскаго племени, противъ метисаціи и сѣмеевннхъ правъ. Это была борьба племенъ за существованіе или, говоря этнологическимъ языкомъ того времени, — борьба каждаго инородческаго племени противъ чужды и прави русской. И не послѣднюю роль, въ этихъ племенныхъ ссорнхъ, играли половой подборъ и борьба за женщинъ. Русскіе казаки и служилые люди постоянно выводили съ поля битвъ, изъ покоренныхъ улусовъ, сотни инородческихъ женщинъ и дѣвицъ, а инородческія племена нерѣдко бѣжали изъ-за того только, чтобы возвратитъ своихъ колоненныхъ жонъ и дѣтей и, въ свою очередь, увести въ плѣнъ русскіхъ женщинъ и дѣвицъ. Русскіе, однакожъ, уже въ силу одного физиологическаго преимущества и наименьшей боевой вооруженности, постоянно одерживали верхъ въ битвахъ съ разными племенами, и постоянно уводили въ плѣнъ ихъ женщинъ и дѣвицъ. Такъ, во время набѣговъ калмыковъ и киргизовъ на туменскій и томскій уѣзды, въ 1673—1674 г., русскіе служилые люди и казаки уводили у нихъ въ плѣнъ женщинъ по 100 и болѣе ¹⁾. Въ 1674 г. томскіе служилые люди взяли въ полонъ у «чорныхъ калмыковъ» жонъ вместе съ дѣтьми — болѣе 400 головъ ²⁾. Также много было похищено калмыцкихъ женщинъ во время набѣговъ калмыковъ на туменскій уѣздъ, въ 1667—1668 годахъ ³⁾. Равнымъ образомъ набирали женщинъ въ плѣнъ у вогуловъ, татаръ, остяковъ и самоедовъ. То же самое дѣлали русскіе казаки и служилые люди въ восточной Сибири. Въ Дауріи, Хабаровъ съ служилыми людьми взял у тамонныхъ сунгузскихъ племенъ «бабы иголовно, старыя и молодыя, и дѣвокъ, — 248 человекъ» ⁴⁾. Часто служилые и привазные люди насильственно смѣнивали съ инородческими женщинами. Магницкій, въ 1676 году, турусин жаловался на чернышкаво привазнаго человека, Павла Шуленина: «чу бѣдннго человека Абаха Шуленина сидѣть въ киргизскихъ плѣннхъ аманатахъ, съ женою Гулингаемъ, и онъ, Павелъ, ту дяднатскую жену, а его Абахаеву сноху своимъ насильствомъ емлетъ къ себѣ на постелю сильно, по многое время, и въ санѣ съ нею саритокъ» ⁵⁾. Въ Якутскѣ,

¹⁾ Дополн. къ свт. истор. т. VI, № 93, стр. 322, сл. др.

²⁾ Дополн. т. VI, стр. 322.

³⁾ Дополн. т. V, № 49.

⁴⁾ Дополн. III, № 102.

⁵⁾ Дополн. т. VII, № 75, стр. 372.

на Колымѣ, Анадырѣ, Охотѣ и по другимъ рѣкамъ и зимовьямъ, русскіе служилые люди и первые поселенцы еще болѣе нуждались въ женщинахъ, и потому еще болѣе насильно захватывали якутскихъ, тунгусскихъ, юкагирскихъ и другихъ инородческихъ женщинъ. Такъ, въ 1645 г., на якутскаго воеводу и дьяка жаловались, что «по ихъ велѣнью, служилые люди бабъ у якутовъ емлютъ сильно» ¹⁾. Въ 1679 году, ясачные якуты жаловались на воеводу Андрея Барнешлева: «будучи онъ на воеводствѣ, ималь насильствомъ у нихъ дочерей ихъ дѣвокъ и отъ живыхъ мужей жонъ ималь себѣ въ холопство и крестилъ, и ималь себѣ во дворъ казачьихъ дѣтей въ холопство же, и за тѣхъ казачьихъ дѣтей ихъ якутскихъ взятыхъ дочерей силою замужъ выдавалъ, а иныхъ отсылалъ въ Енисейскъ» ²⁾. Въ наказѣ якутскому воеводѣ Приклонскому, въ 1680 г., повторена была жалоба на дѣтей боярскихъ, что «они у ясачныхъ людей жонъ и дѣтей, и у многихъ жилецкихъ людей работницъ и племянницъ, и дочерей крестныхъ, своими примѣтами угрожая, брали себѣ и отсылали въ иркутскій острогъ» ³⁾. Въ охотскомъ острогѣ казаки держали у себя «ясырь — некрещенныхъ бабъ тунгусскихъ, а другіе имѣли при себѣ наемныхъ вортоненныхъ тунгусскихъ дѣвокъ» ⁴⁾. Тамъ казаки покупали и продавали тунгусскихъ дѣвицъ за 7 соболей и 10 лисицъ красныхъ съ 4 пластинками собольими» ⁵⁾. И въ плѣнъ тоже часто брали тунгусокъ, какъ наприм., въ 1652 г. взяли до 17 бабъ у тунгусовъ алганскаго рода» ⁶⁾. Въ 1681 г. «взято было на бою 20 дѣвокъ и 10 бабъ съ десятью ребятами мужескаго пола» ⁷⁾. Въ то же время, дѣти боярскіе, въ родѣ Юрія Крыженовскаго и Петра Ярыжкина, и всякихъ чиновъ служилые люди, будучи въ походахъ на Индигирѣ и Охотѣ, «нимали себѣ у иноземцевъ, тунгусовъ и юкагировъ жонъ и дочерей для блуднаго дѣла» ⁸⁾. На Колымѣ, русскіе казаки и служилые люди, по жалобѣ юкагировъ, «брали въ войско, за ясакъ, жонъ, дочерей, сестеръ и племянницъ юкагирскихъ и ламутскихъ, и тѣхъ жонковъ изъ войска продавали проигнленнымъ людямъ на соболей» ⁹⁾. Какъ видно изъ актовъ, рус-

1) Дополн. III, № 5, стр. 37.

2) Дополн. т. VIII, № 56.

3) Дополн. т. VIII, № 69, стр. 265.

4) Дополн. VII, № 61, грам. IV, стр. 276.

5) Дополн. VII, стр. 286.

6) Дополн. III, № 92.

7) Дополн. VII, стр. 301.

8) Дополн. VII, № 61, стр. 303.

9) Дополн. IV, № 144 стр. 383.

скіе люди постоянно брали въ плѣнъ, покупали, подговаривали и вывозили въ города, остроги и зимовья бабъ и дѣвицъ ясашныхъ людей — якутскихъ юкагирскихъ, ламутскихъ и другихъ инородческихъ женщинъ ¹⁾. Вообще, смѣшеніе русскихъ съ инородцами было повсемѣстное въ Сибири. Вслѣдствіе такого постоянного набора въ составъ первоначальнаго, малочисленнаго русскаго населенія Сибири женщинъ туземныхъ, инородческихъ, вслѣдствіе постоянного смѣшенія съ ними первыхъ русскихъ поселенцевъ—казаковъ, служилыхъ, приказныхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей—вождей и пролагателей сибирской колонизаціи въ Сибири,—естественно, въ началѣ должно было народиться смѣшанное поколѣніе изъ незаконнорожденныхъ дѣтей — помѣсей русскихъ людей съ инородческими женщинами. Эти проводники и пролагатели путей колонизаціи были, такимъ образомъ, вмѣстѣ и первыми проводниками, распространителями метисаціи, смѣшенія племенъ, первыми орудіями русскаго физиолого-этнографическаго процесса народонарожденія.

Церковные браки русскихъ людей съ крещеными инородческими женщинами и дѣвицами, и наоборотъ, браки крещенныхъ инородцевъ на русскихъ также составляли и составляютъ прямое средство метисаціи, смѣшенія племенъ. Московское правительство XVII вѣка, желая мирнымъ образомъ сблизить и слить сибирскихъ инородцевъ съ русскими служилыми людьми, издало нѣсколько особыхъ

---

¹⁾ Дополн. IV, стр. 78; т. VII, № 23, стр. 140 и др. Почти въ то же время, какъ въ Сѣверной Америкѣ начался торгъ неграми,—русскіе въ Сибири, въ первой половинѣ XVII вѣка, начали было тоже постыдный торгъ сибирскими инородцами и ихъ женщинами. Наприм., въ грамотѣ 1649 года окт. 18 енисе. воеводѣ читаемъ: „Енисейскіе служилые люди правозыятъ въ енисейскій острогъ съ Байкала озера брацкихъ людей полоняниковъ, мужской полъ и женской, и въ енисейскомъ острогѣ тѣхъ полоняниковъ продаютъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, а торговые и промышленные люди покупаютъ тѣхъ полоняниковъ и, записавъ въ тамошнѣ, вывозятъ на Русь, а въ сѣзжей избѣ купленныхъ людей никого не объявляютъ. (Дополн. III, № 62). Еще раньше, грамотой царя Михаила Федоровича въ 155 г. предписано было „на заставахъ смотрѣть и беречь накрѣшко, какъ изъ сибирскихъ городовъ воеводы и дьяки, и письменныя головы, и ихъ братья, и дѣти, и племянники, и люди, и дѣти боярскіе, и сибирскіе служилые и торговые, и всякихъ чиновъ люди поѣдутъ къ Русю. къ Москвѣ или въ нѣмѣ которые города, и повезутъ съ собою сибирскихъ татаръ и остяковъ, и ихъ жонъ и дѣтей, и тѣхъ всякихъ чиновъ людей сматривать и обыскивать всякими мѣрами накрѣшко, и у кого объявится ясыръ, татарове и остяки, и ихъ жоны, и дѣти, робята и дѣвки,—и нѣ тотъ ясыръ, которые взяты будутъ на Верхотурь и на Березовѣ, на Собской и на Обдорской заставахъ,—отсылать въ Тобольскъ, а съ Ижемской заставы отсылать черезъ Пустозеро въ енисейскій острогъ, и проч. (ibid.).

постановленій о церковныхъ бракахъ русскихъ служилыхъ людей съ крещенными инородческими женщинами. Такъ, еще въ 1645 г., царь Михаилъ Федоровичъ, по случаю провиннаго года постанова торговлясибирскими инородцами — татарами, остяками, бурятами, ихъ женами и дочерьми, и другими племенами, — издавъ грамоту о пресѣченіи этого торгова, и въ ней предписавъ: «крещенныхъ дѣвокъ и женокъ татарскихъ, остяцкихъ и другихъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, за кого прикажетъ». Это предписаніе повторено было и въ слѣдующихъ годахъ, въ 1646 и 1647. Алексѣй Михайловичъ, въ свою очередь, подтвердилъ всѣ эти указы въ грамотѣ енисейскому воеводѣ, 18 окт. 1649 г., съ тѣмъ внушительнымъ кривошеюмъ, «чтобы впередъ ихъ жсыря, съ Баймала озера, съ Лемы и изъ другихъ невирныхъ земель, изъ брачныхъ людей и изъ другихъ — крещенныхъ женокъ и дѣвокъ выдавать за служилыхъ людей и за нашихъ крестныхъ замужъ» ¹⁾. Въ наказѣ якутскому воеводѣ Лодыженскому, въ 1651 году, съ тѣмъ же, «чтобы сибирская ленская земля простиралась, а не пустѣла», также предписывалось: «буде кто изъ женскаго пола, жонки или дѣвоки крестить людей, — захотятъ креститься, и тѣхъ женокъ и дѣвокъ велѣтъ крестить и выдавать замужъ за новокрещеновъ же и за русскихъ служилыхъ людей» ²⁾. Въ 1659 г., съ тѣмъ же дѣломъ, чтобъ сибирская земля простиралась, а не пустѣла, также велѣно было иливскому воеводѣ — «положянокъ женскаго пола, жонокъ и дѣвокъ крестить, если захотятъ, и выдавать замужъ за новокрещеновъ же и за русскихъ служилыхъ людей, а къ себѣ во дворъ отнюдь не брать воеводѣ, и ижекимъ людямъ такихъ женокъ и дѣвокъ не держать» ³⁾. Въ 1664 году, въ наказѣ тобольскому воеводѣ Голыцину было то же предписано, что и прежнимъ тобольскимъ воеводамъ предписывалось: «крещенныхъ женокъ и дѣвокъ татарскихъ, калмыцкихъ остяцкихъ и другихъ выдавать замужъ за служилыхъ людей» ⁴⁾. Однимъ словомъ, постановленіе это о выдачѣ крещенныхъ инородческихъ женщинъ и дѣвицъ за русскихъ служилыхъ людей было общимъ правиломъ и повторялось въ каждомъ наказѣ всѣмъ вообще сибирскимъ воеводамъ. Оно и необходимо было тогда, и неизбежно исполнялось во всей Сибири. Русскимъ казакамъ, служилымъ, приказнымъ, торговымъ, промышленнымъ, помещичьимъ и всякимъ другимъ людямъ, приходившимъ въ Сибирь безъ kota и двора, и ваче не

¹⁾ Дополн. къ акт. истор. т. III, № 62.

²⁾ Дополн. III, № 83, стр. 310—311.

³⁾ Доп. IV, стр. 165.

⁴⁾ Доп. IV, № 138, стр. 360.

гдѣ было брать жонъ, кромѣ туземныхъ инородческихъ женщинъ и дѣввицъ. Ихъ же сотнями и даже тысячами тогда наплывало и присылалось въ Сибирь. Напримѣръ, въ одинъ Якутскъ требовалось до 1000 служилыхъ людей, и на лицо ихъ было въ 1670 г. до 670 человекъ; по 22 ясачнымъ зимовьямъ якутскаго уѣзда разсылалось около 660 человекъ. Всѣ они были безъ жонъ. Гдѣ же было имъ брать жонъ, кромѣ окрестныхъ инородческихъ ордь и улусовъ? Оставалось брать ихъ у окрестныхъ якутовъ, тунгусовъ и юкагировъ якутскаго уѣзда, и изъ среды 12,236 душъ однихъ тогдашнихъ ясапныхъ якутскаго края можно было выбирать жонъ ¹⁾. Въ Камчаткѣ русскіе казаки также женились на камчадалкахъ. Крашенинниковъ сообщаетъ такое свѣдѣніе объ этомъ: «изъ острожковъ, покоренныхъ силою, брали они довольное число въ полонъ женскаго полу и малолѣтнихъ, которыхъ раздѣляя по себѣ, владѣли ими, какъ холопами. Для присмотру за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей, большею частью, и женивались. А которые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они, по прибытіи священника, дочерей ихъ за себя возьмутъ. Такимъ образомъ, случалось, что у казака крестины невѣсты (камчадалки), свадьба, молитва и крестины дѣтей отправлялись вмѣстѣ; ибо во всѣхъ острогахъ былъ одинъ священникъ, который жилъ въ нижнемъ острогѣ, и въ другіе пріѣзжалъ черезъ годъ или черезъ два года; между тѣмъ, многіе женились на камчадалскихъ дочеряхъ, дѣтей рождали, которыхъ дьячку должно было крестить, а священнику, пріѣхавъ, родителей вѣнчать и матерей крестить» ²⁾.

Вообще, по справедливому замѣчанію Н. Щукина, русскіе, выходя изъ Вологодской и другихъ сѣверныхъ губерній, поселившись въ Сибири, женились на туземкахъ и образовали первое поколѣніе сибиряковъ. ³⁾ «Уже съ XVII в., и особенно съ половины XVIII столѣтія, не только русскіе брали крещеныхъ инородческихъ жонъ, но и сами инородцы стали жениться на русскихъ дѣвицахъ и женщинахъ. Нерѣдко князья сибирскихъ племенъ женились на русскихъ и поступали въ составъ русскаго дворянства. Напримѣръ, въ 1603 г., сынъ кандинскаго остякаго князя Игичея, Михайлъ, крестившись въ Москвѣ, женился на русской дѣвицѣ изъ знатной

¹⁾ Доп. VI, № 136, стр. 408.

²⁾ Описан. Камчатка, т. II, ч. III, стр. 244.

³⁾ Поѣздка въ якутскъ, стр. 237.

фамилии и сдѣлашь быть стольникомъ»¹⁾. «Вогудичи, говоритъ Депахинъ, съ 1722 года, въ которомъ крещены, стали отъѣзжны и свободно берутъ за себя русскихъ дѣвокъ, отчего рѣдкихъ—по крайней мѣрѣ, по рѣкѣ Тавдѣ,—можно видѣть, у которыхъ тѣлосложение, прежней ихъ природѣ соответствующее, осталось.»²⁾ «Въ Tobольскѣ киргизы женились на русскихъ, а русскіе, и въ томъ числѣ нѣкоторые знатные ссыльные, женились на остячахъ, какъ въ Tobольскѣ, такъ и въ Березовѣ.»³⁾ Въ Тюмени, Тарѣ и вообще въ западной Сибири очень часты были взаимные браки русскихъ и татаръ. Въ Томскомъ краю весьма обычны были обоюдные браки у русскихъ съ татарами, киргизами и калмыками, отчего тамъ русское народонаселеніе представляло, по свидѣтельству Татищева, разные расты и общины, и было «смѣшанной природы—калмыцкой, татарской и киргизской». ⁴⁾ Однимъ словомъ, во всѣхъ краяхъ Сибири, были болѣе или менѣе обычны и часты взаимные браки между инородцами и русскими. И въ наше время такіе браки очень обыкновенны, особенно въ инородческихъ округахъ Сибири. Напримеръ, въ Якутскѣ русскіе весьма часто женятся на якуткахъ, а якуты—на русскихъ женщинахъ. Въ 1775 году поселены были въ 180 верстахъ отъ Якутска, по р. Амгѣ, крестьяне, переведенные сюда съ Иркутскаго тракта; они всѣ переженались на якуткахъ и сами обьякутились. ⁵⁾ Ерманъ, путешествовавшій по Сибири въ 1829 году, замѣчаетъ: «одна молодая якутка въ Нюнсѣ съ самымъ наивнымъ увѣреніемъ отвѣчала мнѣ, когда я похвалилъ ея домохозяйство: что теперь ужъ всѣ русскіе мыслятъ такъ же, какъ и я, потому что никто уже изъ нихъ болѣе не гнушается якутскаго брака». Средне-колымскіе якуты также нерѣдко женятся на русскихъ. Такъ, между прочимъ, на русской былъ женатъ и отъ нея научился хорошо читать и писать по русски тотъ почтенный, 82-лѣтній средне-колымскій якутъ—крестникъ лейтенанта Лаптева,—который такъ занялъ Врангеля своими интересными разсказами объ якутахъ. ⁶⁾ Нерѣдко и тунгуски выходятъ замужъ за русскихъ, а русскіе женятся на тунгусахъ. Браки русскихъ ленскихъ поселенцевъ съ горными тунгусами, въ Виленскомъ округѣ, призна-

¹⁾ Абрамова, Опис. Берез. края вад. геогр. общ. 1857 г. кн. XII, стр. 337.

²⁾ Днев. записки путеш. ч. III, стр. 28.

³⁾ Erman, Reise I, s. 458, 591.

⁴⁾ Н. Попова, Татищевъ и его время, стр. 571.

⁵⁾ Щукина, Поѣзда въ Якутскъ.

⁶⁾ Erman, Reise II, s. 228.

⁷⁾ Путеш. Врангеля II, стр. 66.

ются даже полезными: они, по свидѣтельству Ермака, избавляютъ дѣтей отъ зобовъ, которые такъ безобразятъ русское населеніе лесной долины ¹⁾. Наконецъ, въ такъ называемыхъ ясаичьихъ и осѣдло-породческихъ поселеніяхъ сплошь и рядомъ бываетъ, что крещенные инородцы женятся на русскихъ крестьянкахъ дѣвушкахъ и вдовахъ, а сосѣдніе крестьяне берутъ знатныхъ дѣвушекъ и женщинъ. Женамъ на русскихъ дѣвицахъ и женщинахъ, они обыкновенно припадаютъ къ русскимъ селянамъ и деревнякамъ, или селятся особыми деревнями. Многіе, вступая въ бракъ съ русскими и народая съ ними дѣтей, отдѣльными семьями оелтса въ самыя русскія селухъ и деревниахъ, среди русскихъ крестьянъ. Въ сожалѣнію, мы не знаемъ точной цифри всѣхъ ясаичьихъ и осѣдлыхъ инородцевъ въ Сибири, но знаемъ, что ихъ много (около 1,608,436 д. об. н.), и число ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе умножается. Напримеръ, по якутскому тракту, въ 60—130 верстахъ отъ Иркутска, въ ихъ деревняхъ: Усть-Ординской, Ользонской и Басндаевской, съ 1816 года до 90 душъ осѣдлыхъ инородцевъ произошло отъ бурятъ, женившихся на русскихъ крестьянскихъ дочеряхъ. Многіе буряты и теперь, вкрстясъ, женятся на русскихъ крестьянскихъ дочеряхъ и селятся въ ясаичьихъ или осѣдло-инородческихъ селеніяхъ, либо въ русскихъ слободахъ, селухъ и деревняхъ. Въ Ользонахъ мы видѣли 5 или 6 такихъ природныхъ бурятъ, вновь женившихся на дочеряхъ русскихъ крестьянъ ²⁾. Точно также, по московскому тракту, на Тирендой ставицѣ, гдѣ числится до 100 крещенныхъ осѣдлыхъ бурятъ, по Ангарѣ—въ Бажарской селѣ; около Залари—въ Коповальскомъ селеніи и во многихъ другихъ все живутъ буряты, женатые на русскихъ или на ясаичьихъ первомъ; второмъ и дальнѣйшихъ поколѣній ³⁾. Въ киренскомъ округѣ, ясаичьи тунгусы, живущіе въ 3-хъ деревняхъ, въ числѣ около 120 душъ, болынею частью женились на русскихъ. Вообще, число такихъ уже обручавшихъ или русифицированныхъ инородцевъ, женившихся болынею частью на русскихъ, постоянно прибавляется. Напримеръ, отъ 5 до 7 ревизій или отъ 1796 до 1816 года

¹⁾ Ермак; Reise В. II, s. 219.

²⁾ Свидѣнія это получены во время дальняго моего пробыа черезъ эти деревни. Въ селѣ Ангарѣ (во ясаичьей окрестности, въ Иркутск. губерніи, въ киренск. волости), окруженномъ бурятами, рядомъ съ домомъ моей матери недавно приселился ясаичный, женился на русской крестьянской дочери и прижилъ дѣтей, на видъ браковатыхъ, смуглыхъ, съ узкими глазами, съ приплюснутыми носами.

³⁾ Сообщено г. Болдоновымъ.

число ихъ увеличилось въ Тобольской губерніи 1,504 душами, а въ Иркутской—30,534 д больше противъ числа 5-й ревизіи. ¹⁾

Послѣ такихъ многочисленныхъ фактовъ скрещенія русскаго племени съ разными сибирскими племенами, очевидно, что въ Сибири должно было народиться особое, смѣшанное поколѣніе людей. Какого же рода это поколѣніе? Что оно представляетъ собой—новое ли племя людей, или просто областную разновидность, индивидуальность, варіететъ славяно-русскаго племени? И по какимъ законамъ, въ какой послѣдовательности совершается его видоизмѣненіе вслѣдствіе метисаціи?—При настоящемъ недостаткѣ нашихъ этнологическихъ изслѣдованій и наблюденій, трудно отвѣтить вполнѣ удовлетворительно на всѣ эти вопросы. Но все-таки можно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Скрещеніе, какъ извѣстно изъ естественной исторіи, не всегда производитъ новыя породы, но всегда сопровождается болѣе или менѣе значительными видоизмѣненіями ихъ. «Возможность производить новыя породы черезъ скрещиваніе — говоритъ Дарвинъ, — заключена въ очень тѣсныя границы. Но нѣтъ сомнѣнія, что порода можетъ быть видоизмѣнена при содѣйствіи скрещиванія ²⁾. По этому закону природы, посредствомъ скрещенія славяно-русскаго племени съ разными инородческими племенами Сибири, конечно, не могла образоваться и не образовалась новая порода или новая нація, совершенно средняя, напримѣръ, между великорусскою національностью и инородческими племенами Сибири. Но все же, путемъ такого скрещенія, развивалась и развивается довольно замѣтная областная разновидность великорусскаго народа, съ особеннымъ, смѣшаннымъ, европейско-сибирскимъ или великорусско-инородческимъ типомъ. И въ своей родинѣ—на русской землѣ,—народъ русскій не отличается единствомъ типа, совершенною чистотою крови, по причинѣ вѣкового смѣшенія съ финскою, татарскою, нѣмецкою и другою иноплеменной кровью. Въ Сибири же—еще болѣе. Тамъ, въ европейской Россіи, его видоизмѣняли другіе иноплеменные контингенты, отличающіеся отъ этнографическихъ стихій Сибири, и потому областное историко-физиологическое видоизмѣненіе и оразноображеніе великорусской, малорусской и бѣлорусской народности шло въ другомъ, отличительномъ направленіи, сообразно съ мѣстными этнологическими вліяніями. Здѣсь, въ Сибири, скрещеніе совершалось большею частью въ совершенно новой

¹⁾ Сибир. Вѣстн. 1820 г. ч. XII, стр. 101.

²⁾ Darwin, s. 80.

и особенной этнографической средѣ; и потому здѣсь видоизмѣненіе славяно-русской народности было еще рѣзче, разнообразнѣе и отличительнѣе. Кровь славяно-русскаго племени, черезъ смѣшеніе съ кровью сибирскихъ племенъ, еще болѣе помутилась, утратила не только древне-славянскую, но и европейско-русскую чистоту, и течетъ въ жилахъ природныхъ русско-сибирскихъ поколѣній мутными, смѣшанными потоками, представляя разнообразныя мѣстные этнографическіе оттѣнки. Лишь только переваливаетъ наблюдательный путешественникъ черезъ Уралъ и потомъ проѣзжаетъ черезъ всю западную Сибирь,—его на первый разъ поражаетъ въ фізіономіяхъ русско-сибирскаго народонаселенія замѣтный отпечатокъ югро-финскаго и татаро-калмыцкаго обличья. Напримѣръ, о березовскихъ и тобольскихъ русскихъ жителяхъ Ерманъ говоритъ: «Здѣсь, въ теченіе двухъ столѣтій, кровь многихъ замѣчательныхъ и даровитыхъ мужей русской земли преимущественно смѣшивалась съ кровью туземцевъ, потому что цвѣты придворной знати и дворяне погребены подъ снѣгомъ березовскимъ, и здѣшніе духовные, купцы и казаки часть своего потомственнаго наслѣдія получили, какъ внуки, отъ европейскихъ гражданъ и воиновъ, а другую долю, со стороны матерней, отъ племени и языка остяцкаго» ¹⁾. Въ населеніи города Тары, Ерманъ замѣтилъ рѣзко бросающійся въ глаза отливъ калмыцкой крови ²⁾. Въ Тюмени мы сами замѣчали въ русскихъ жителяхъ оттѣнки типа татарскаго и калмыцкаго. Въ этомъ городѣ и теперь еще насчитывается до 20 домовъ или семействъ татарскаго отродья, въ поколѣніи 10 или около того, именно: родъ Пѣшковыхъ, Мешеновыхъ, Костыгиныхъ, Исаковыхъ, Чуплековыхъ, Заводовскихъ и другихъ. А верстъ за 15 отъ Тюмени крестьяне—отродье вогуличей ³⁾. Вогулы, вслѣдствіе скрещенія съ русскими, вошли въ составъ русскаго народонаселенія и образовали совершенно русскихъ государственныхъ крестьянъ, съ особеннымъ, вогульско-русскимъ обличьемъ. Венгерскій путешественникъ Регули, поэтому, выключилъ ихъ изъ этнографической части своей карты. «Ясашные Вогулы, говоритъ онъ, мною исключены изъ этнографической карты, потому что они усвоили образъ жизни чисто-русскій, говорятъ всегда по русски, и о томъ, что они составляли нѣкогда одинъ народъ съ вогулами, въ нихъ осталось одно только темное воспоминаніе. Равнымъ образомъ, исключены изъ моей карты обр-

¹⁾ Erman. Reise I, s. 591.

²⁾ Ibid. В. II, s. 15. 74.

³⁾ Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

сѣвнѣе вогулы, живущіе при рѣкѣхъ Тавдѣ и Пелымѣ, изъ которыхъ часть (въ яланской волости) перестала и въ административномъ отношеніи называться вогулами, и въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія совершенно сравнена съ русскими государственными крестьянами» и т. д. ¹⁾ Причиной обрусѣнія вогуловъ было, по свидѣтельству Лепехина, брачное скрещеніе ихъ съ русскими ²⁾. Входя такимъ образомъ, путемъ скрещенія, въ составъ русскаго населенія, инородцы юго-финскаго племени, естественно, видоизмѣняли и разнообразили или сообразно отгѣняли его физическій видъ и характеръ. Точно также татаро-калмыцкая кровь сообщала европейско-русскому населенію Сибири свой отливъ, свои отгѣны. Напримѣръ, о русскихъ жителяхъ томскаго уѣзда, татищевъ, въ 1739 г., писалъ, на основаніи точныхъ наблюденій многихъ лицъ: «довольно—большинхъ ростомъ, а больше среднихъ, есть и малые, плечи широки, довольно въ лицо слугамъ, калмыковатахъ, носы велики, островаты, есть и толсты, глаза, волосы и брови черныя, и довольно силъ природы смѣшанной калмыцкой, татарской и киргизской» ³⁾. О калмыцкомъ происхожденіи многихъ стародавнихъ крестьянскихъ родовъ въ западно-сибирскихъ русскихъ деревняхъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, самыя названія нѣкоторыхъ деревень, въ родѣ деревень *Калмыковой*, въ 23-хъ верстахъ отъ Тюкалы, села *Калмыкова* близъ Кайнска и т. и. Въ Тюкалинскѣ на станціи, совершенно обрусѣлая калмычка, мать почтосодержателя, женатаго на русской, связывала намъ, что въ Омскѣ и въ омскомъ уѣздѣ много подобныхъ сыну ея происхожденцевъ отъ калмыковъ ⁴⁾. Казаки западной Сибири большею частью—отродье Татаръ. Степановъ въ описаніи Енисейской губерніи справедливо замѣтилъ: «Сибирскіе казаки давно уже не донскіе. Къ побѣдамъ они пришли безъ жонъ. Татарки—дѣлались родоначальницами новаго поколѣнія. Въ нынѣшнихъ казачкахъ мѣльба отыскать чернобровыхъ, быстроглазыхъ обитательницъ Дона» ⁵⁾. Около Красноярска есть цѣлая деревня, въ которой фізіономіи крестьянъ сохраняютъ еще татарскій отпечатокъ, потому что крестьяне эти суть ни что иное, какъ обрусѣлые казачскіе татары ⁶⁾. Дальше мы приведемъ болѣе та-

¹⁾ Письма Петруши академ. Кашпену. Записки геогр. общ. 1819 г. кн. III, ст. 162—168.

²⁾ Дневн. зап. Лепехина III, стр. 23.

³⁾ Татищевъ и его время, Н. Попова, стр. 571.

⁴⁾ Изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ.

⁵⁾ Опис. Енис. губ., ч. II, стр. 98.

⁶⁾ Kastren's, Reiseberichte und Briefe, в. 202—203, digitized by Google

ных фактовъ. Здѣсь же замѣтимъ вообще, что въ сѣверо-западной Сибири преимущественно господствуетъ евро-финскій оттѣнокъ въ фizioноміи и организаціи русскаго населенія, а въ юго-западной и юго-восточной части западной Сибири — отпечатокъ татаро-калмыцкій и отчасти киргизскій. Проѣзжаятъ путешественники далѣе, за Енисей, въ Иркутскую губернію ему тотчасъ бросается въ глаза все больше и больше выдающееся господство монголо-бурятскаго оттѣнка въ русскихъ фizioноміяхъ. «У женщинъ иркутскихъ гражданъ и казаковъ, говорятъ Ерманъ, удивительно замѣтны двѣ совершенно различныя фizioноміи: тогда какъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ семействахъ въ чистотѣ сохраняется русское происхожденіе или отродье, въ другихъ приходится родство съ бурятами. Въ первомъ случаѣ, женщины имѣютъ замѣчательно-бѣлую кожу, такъ же, какъ поляны, вѣжныя и уже въ молодости склонныя къ тучности формы. Въ другихъ семействахъ видны, напротивъ, тонкія, сухощавыя, мускулезныя формы и темно-коричневый или темно-бурый цвѣтъ лица. Подобное мы замѣтили въ обществѣ города Тары, на большомъ собраніи у почетнаго купца Филимонова, гдѣ осталось сомнительнымъ, принадлежить ли первенство или отличительная особенность красоты дочерямъ Филимонова, которыя достойно представляли бѣлорусое, русское обличье блондиновъ, или нѣкоторымъ другимъ дамамъ, которыхъ смуглыя фizioноміи брюнетовъ должно приписать средству съ калмыками»¹⁾. Дѣйствительно, въ самомъ Иркутскѣ и его окрестностяхъ, изъ 10 природныхъ, туземныхъ простонародныхъ жителей—4 и даже 5 навѣрное имѣютъ бурятское обличье, бражковатую фizioномію. Но особенно типично и выразительно выступаетъ этотъ бражковатый, монголо-бурятскій обликъ въ Забайкальскомъ русскомъ народонаселеніи. Онъ господствуетъ тамъ не только въ казачествѣ, крестьянствѣ, мущинствѣ и мѣщанствѣ, но и въ туземномъ духовенствѣ. Нерчинскіе духовные воспитанники въ иркутской семинаріи большею частью рѣзко отличались своими бражковатыми, бурятскими чертами лицъ отъ воспитанниковъ енисейскихъ. Въ Забайкальи монголо-бурятскій типъ вычлѣняется даже на томъ русскомъ населеніи, которое образуется изъ обрусѣлыхъ тунгусовъ. Г. Усольцовъ такъ описываетъ этотъ особенный монголо-тунгуско-русскій обликъ жителей Зюльмы и другихъ селеній по долинѣ рѣки Нерчи: «Черные, жесткіе волосы, большею частью узкіе и нѣсколько врось расположенные, темно-красные глаза; смуглый цвѣтъ лица; носъ

¹⁾ Erman, Reise B. II, 74.

приплюснутый немного въ переносѣ; едва замѣтно выдвѣршіяся скулы выказываютъ монгольское происхождение. Но высокій ростъ, стройный станъ, плотное сложеніе, мужество и сила, которые такъ рѣдко бывають въ тунгусахъ, въ особенности въ бродячихъ, говорятъ о смѣшеніи ихъ съ русскими. Въ женщинахъ эта смѣсь соединяетъ особенную красоту» ¹⁾. Но чтобы окончательно убѣдиться, какую рѣзко-отмѣнную, оригинальную разновидность, какую своеобразную, мѣстную этнографическую индивидуальность производить скрещеніе въ средѣ монголо-бурятской, — нужно только посѣтить хоть одно селеніе такъ называемыхъ ясашихъ или осѣдлыхъ инородцевъ. Здѣсь явно образуются какія-то новыя поколѣнія или отрасли русскаго народа на почвѣ монголо-бурятской—ни чисто русскія, ни чисто бурятскія, и ужъ вовсе ни чисто-славянскія. Въ физиономіи, въ характерѣ и даже въ нравахъ ихъ элементъ русскій и элементъ бурятскій соединяются въ своеобразный, оригинальный этнографическій образъ. Очевидно, что эти новыя русско-сибирскія или бурятско-русскія поколѣнія обрусѣлыхъ ясашихъ и осѣдлыхъ, инородцевъ-крестьянъ представляютъ ни что иное, какъ новую, образующуюся индивидуальность, новый мѣстный этнографическій варіететъ или новую разновидность славяно-русскаго племени. — Но заглянемъ далѣе, въ глубь восточной Сибири. Здѣсь, начиная съ Олекмы, передъ глазами путешественника выступаетъ опять совершенно новый этнологическій образъ, и рельефно рисуется въ русскомъ населеніи новый обликъ — якутскій. Въ Якутскѣ и во всемъ его округѣ русскіе почти совершенно обьякутились и образовали новую, своеобразную, якутско-русскую разновидность русской націи. Врангель, Миддендорфъ, Ерманъ, Щукинъ, протоіер. Хитровъ единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ превращеніи русской народности въ якутскую. «Якуты—скажемъ здѣсь словами Гартвига, — представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителемъ свои обычаи и языкъ, народа, не только не подвергнагося вліянію завоевателей, но напротивъ, втянувшаго его въ свою сферу. Такъ, въ Якутскѣ или городѣ якутовъ (этимъ именемъ называютъ себя, не безъ нѣкоторой національной гордости, всѣ тамошніе уроженцы) несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники — якуты, всѣ няньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ. Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ якутскую область, онъ встрѣтилъ русскихъ только по

1) Вѣстн. географ. общ. т. XX, от. II, стр. 017.

происхожденію; даже трудно было въ земледѣльческой, первоначаль-
но русской колоніи Амгинской найти проводника, говорящаго по
русски... Ни одинъ русский не задумается вступать въ бракъ съ
жучкою. Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во
всѣхъ ремеслахъ, которые быстро перенимаютъ у русскихъ, и при
этомъ, какъ кочевники, не много требующіе, якуты производятъ
ярныя завоеванія подобнаго рода. Народъ, который такимъ образомъ
умѣетъ господствовать, не смотря на чуждое владѣтельство, во вся-
комъ случаѣ заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе бы ни были
недостатки этого народа, нельзя ему отказать въ народности»¹⁾.
Обьякутившіеся русскіе всё говорятъ по якутски; а если иногда
и употребляютъ русскій языкъ, то это какое-то совершенно особен-
ное нарѣчіе: въ Россіи его не помнятъ бы; русскія слова здѣсь полу-
чаютъ совершенно новое, ибсское значеніе. Русскіе крестьяне, пе-
селенные около Якутска, совсѣмъ разучились говорить по русски
и ничѣмъ не отличаются отъ якутовъ. Простой народъ одѣвается
совершенно по якутски, кушанья готовится по якутски и даже
забылъ любимое національное питье — русскій квасъ. И не только
образъ жизни, языкъ, обичаи и понятія, но и самая фнзіономія
русскихъ въ якутскомъ краѣ, болышею частью, усвоила всѣ признаки
якутской народности. Дѣти якутскаго духовенства, учившіеся въ
наше время въ якутской семинаріи, всегда рѣзко отличались отъ
красивыхъ, стройныхъ, рослыхъ, свѣтлорусыхъ енисейскихъ духов-
ныхъ воспитанниковъ той же семинаріи — не только неправильнымъ,
несоворкантымъ выговоромъ русскихъ словъ, странной вокализацией
говора и своими безпрестанными якутскими разговорами между се-
бою, но и своими фнзіономіями, своимъ довольно мирошамъ ртомъ
и большими губами, нѣскольکو отвислыми щеками, иногда почти
совершенно круглыми глазами, а иногда крайне узкими, съ нѣсколь-
ко сжатыми вѣками, большими, круглыми головами, болышею
частью малорослою, морнастою, нѣскольکو массивною корпорациею
и проч.

Такимъ образомъ, европеиско-сибирскій типъ русскаго наро-
да, на протяженіи отъ Урала до Тихаго океана, многозначитель-
но и характеристично оразнообразивается — въ западной Си-
бири угро-финскими и татаро-калмыцкими признаками, въ юго-
восточной Сибири — монголо-бурятскими чертами, въ якутской об-
ласти — главнымъ образомъ якутскими. Еруанъ замѣтилъ: «бѣлая
тѣлѣть кожи въ восточной Сибири отличаетъ особеннымъ, здѣсь

¹⁾ Гартвига, Природа и человекъ на крайней сѣверъ, стр. 188—190.

впервые образовавшимся и еще необъясненным словомъ: *маганый*». Дѣйствительно, рѣзкія фізіономическія видоизмѣненія или различія до того составляютъ существенную, отличительную, типическую особенность историко-этнологическаго склада сибирскаго народонаселенія, что и самъ народъ невольно отмѣтилъ и охарактеризовалъ ихъ по своему. Употребляемыя въ Сибири слова: *маганъ* и *карымъ* характеристично выражаютъ смѣшеніе и даже борьбу типовъ въ сибирскомъ народонаселеніи. Карымъ означаетъ фізіономію калмыцкую: у карыма—лицо овальное, скуластое, плоское, смуглое, лобъ небольшой, глаза узкіе, черные, носъ небольшой и плоскій, волосы жесткіе и черные. Всѣ инородцы восточной Сибири—болѣе или менѣе карымы. Карымъ господствуетъ между монголами и якутами. *Карымоватый*—человѣкъ съ фізіономією полу-русскою, полу-монгольскою. *Карымская харя*—бранное слово, которымъ укоряютъ имѣющихъ монгольскую фізіономію ¹⁾. *Маганъ* или *маганый* значитъ бѣлорусскій; *маганиха* — женщина или дѣвушка, происшедшая отъ бѣлорусскихъ родителей или выходящая замужъ за бѣлорускаго мужчину ²⁾. вмѣстѣ взятія слова *карымъ* и *маганъ* явно выражаютъ историко-этнографическое раздвоеніе или племенную двойственность типовъ смѣшаннаго сибирскаго народонаселенія и, такъ сказать, типическія цвѣта или отличія двухъ борющихся породъ — европейско-русской, бѣлой расы, и азиатско-монгольской, смуглой. Вѣроятно, еще въ пору первоначальной племенной борьбы и метисаціи въ Сибири, бѣлорусы поселенцы, русскіе, сохранившіе еще во всей чистотѣ свои чисто-русскіе фізіономіи, понятія, нравы и обычаи, по чувству національнаго антагонизма и своей кровной народности, а также по сознанию превосходства бѣлой европейской расы, бранно или насмѣшливо называли всѣхъ сибирскихъ метисовъ—происходивцевъ отъ калмычекъ, татарокъ, бурятокъ и проч.,—укорительными словами: карымъ, карымоватый, карымская харя. Эти послѣдніе, въ отвѣтъ, ихъ называли, съ своей племенной фізіономической точки зрѣнія,—маганами, т. е. бѣлоголовыми, бѣлорусскими и т. п.; своихъ инородческихъ женщинъ или брацковатыхъ, калмыковатыхъ, смуглыхъ яшашныхъ дочерей, вы-

¹⁾ Географ. и этнограф. терминологія восточ. Азіи, Н. Щукина. Вѣстн. географ. общ. 1856 г. ч. XVII, отд. II, стр. 279.

²⁾ Степановъ, Енис. губери. ч. II, стр. 100, Erman, Reise В. II, г. 74. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточ. Сибири слова *маганъ* и *маганиха* употребляютъ въ шутивомъ тонѣ о дѣтяхъ, происшедшихъ отъ бѣлорусскихъ родителей или имѣющихъ бѣлорусскія лица.

ходившихъ за бѣлорусыхъ русскихъ мужчинъ, называли маганихами¹⁾. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но то безспорно, что скрещеніе европейско-русскаго племени съ сибирскими инородческими племенами произвело много значительныхъ типическихъ особенностей и отличій отъ чистаго великорусскаго или малорусскаго племени. Отличія эти были не только фізіолого-этнографическія, но и лингвистическія, умственные, нравственные и бытовыя. Мы укажемъ на нихъ дальше, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о фізіологическихъ законахъ потомственного видоизмѣненія смѣшанныхъ повольтнїи при содѣйствїи скрещенія.

Законы, управляющіе разнообразными метаморфозами и результатами смѣшенія племенъ, безъ сомнѣнія, суть общіе фізіологическіе законы наслѣдственности. Въ генеративно-фізіологическомъ начертанїи образа потомства много значить наслѣдственная устойчивость породы или расы. Эту потомственно-возрастающую энергію племени или породы можно назвать закономъ генеративно-прогрессивнаго перевѣса крови или закономъ наслѣдственнаго возрастанія и перевѣса ассимилирующей силы расы или племени. Если одна порода или раса, давно и прочно установившаяся въ своей организаци и фізіологической устойчивости, часто и всегда съ успѣхомъ или съ выгодой подвергается скрещеніямъ съ другими, отличающимися отъ нея породами или расами, и, при скрещеніяхъ этихъ, постоянно одерживаетъ надъ ними верхъ, т. е. никогда не уступаетъ ихъ фізіологическому вліянію и типу, а напротивъ, постоянно передаетъ имъ свой типъ и характеръ, — и этотъ фізіологическій перевѣсъ ея ассимилирующей силы не только продолжается черезъ цѣлый рядъ генераций и вѣковъ или тысячелѣтїи, но даже становится, съ теченіемъ повольтнїи, все сильнѣе и сильнѣе, все болѣе и болѣе возрастаетъ и усиливается, — то нѣтъ сомнѣнія, что такая порода или раса прїобрѣтаетъ особенную фізіологическую способность къ постоянному перевѣсу своей крови въ видоизмѣненїи и ассимиляціи другихъ племенъ. Порода или раса, никогда, такъ сказать, неупражнявшаяся, неизощрявшаяся въ ассимиляціи другихъ породъ или племенъ, по этому закону, естественно, всегда должна уступать фізіологическому типу и вліянію той расы, которая, напротивъ того, постоянно и генеративно развивала въ себѣ эту фізіологическую силу.

¹⁾ Въ Минусинскомъ краю русскіе и теперь еще въ насмѣшку называютъ инородцевъ *чорноризами* и *лопатками*. (Атенеѣ. 1863 г. ч. II. Записки К—ва, стр. 264.)

Во всемъ органическомъ мѣрѣ замѣчается этотъ законъ типическаго перевѣса породъ. Въ растительномъ мѣрѣ относительно помѣсей принимаютъ существованіе такъ называемыхъ *митическихъ видовъ*, т. е. такихъ видовъ, которыхъ характеръ всегда преобладаетъ въ помѣсяхъ, независимо отъ того, взята ли отъ другихъ видовъ пыль, или сами онѣ оплодотворены пылью другого растенія. Катрфажъ замѣчаетъ о помѣсяхъ или ублюдахъ въ царствахъ растительномъ и животномъ: «если скрещиваются двѣ породы, то, чтобы въ продуктѣ выразилась только одна изъ нихъ, нужно, чтобы всѣ ея признаки безъ исключенія владѣли болѣею стойкостью въ сравненіи съ признаками соперничающей породы... Стойкость или нестойкость признаковъ отца или матери обнаруживается въ нихъ нисходящихъ потомкахъ» ¹⁾. Вместе съ генеративно-возрастающей силой перевѣса крови, возрастаетъ, такъ сказать, и сила родоначальнаго тяготѣнія или стремленіе возвратиться къ первоначальному, родоначальному типу и устоять въ немъ. По этому закону, однократное скрещеніе двухъ различныхъ породъ или племенъ — безсильно совершенно парализовать и уничтожить ассимилирующую силу, устойчивость и самовоспроизводительность преобладающей, типической породы, по причинѣ двойственнаго, потомственно-возрастающаго перевѣса ея: во-первыхъ, по причинѣ наследственнаго возрастанія и обезпеченія силы ассимиляціи или перевѣса породной крови, во-вторыхъ, вслѣдствіе наследственнаго возрастанія и передачи силы атавизма — стремленія къ родоначальному прототипу. «Въ расѣ, говоритъ Дарвинъ, скрещенной хотя разъ съ другою, отличающеюся отъ нея расою, стремленіе къ возврату, зависящее отъ этого скрещенія, естественно, должно уменьшаться, потому что съ каждымъ поколѣніемъ утрачивается доля чуждой крови; но когда не было скрещиванія съ чуждою породою и въ обѣихъ родителяхъ есть стремленіе возвращаться къ какому нибудь признаку, утратившемуся въ одномъ изъ предыдущихъ поколѣній, тогда это стремленіе, напротивъ того, можетъ, не ослаблеть, передаваться неограниченному ряду поколѣній» ²⁾. По всемъ этимъ законамъ, славяно-русская раса, при смѣшеніи или скрещеніи, должна была болѣею частью совершенно преобладать надъ всѣми сибирскими племенами и, если не въ первыхъ, то въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, преимущественно и характеристично воспроизводить свой коренной, славяно-русскій типъ или развивать новыя областныя этнографическія раз-

¹⁾ Естеств. истор. челов. вып. II, стр. 120. 222.

²⁾ Davin, über die Entstehe. Arten, s. 36.

новидности его; потому что славяно-русская національность, во-первыхъ, вслѣдствіе вѣковой, тысячелѣтней метисаціи съ финскими и другими племенами, вслѣдствіе достояннаго фізіологическаго преимущества и перевѣса въ этомъ смѣшеніи, такъ сказать, путемъ естественнаго, народообразовательнаго подбора, постепенно унаслѣдовала, развила, изощрила въ себѣ фізіологическую силу потомственнаго перевѣса крови почти во всѣхъ случаяхъ смѣшенія съ другими племенами. Во-вторыхъ, если славяно-русская раса, посредствомъ скрещенія съ инородческими племенами, и пріобрѣтала ихъ фізіологическіе признаки, то признаки эти большею частью или скоро сглаживались, смывались, съ умноженіемъ поколѣній, или, не нарушая существенности ея природы, придавали только разнообразіе ея собственному фізіологическому типу, образуя его областныя индивидуальности или разности; потому что стремленіе къ природному, національному типу славяно-русской расы, какъ давно наслѣдованное, неослабно передавалось въ ней неограниченному ряду поколѣній и вслѣдствіе того, постоянно поддерживалось и увеличивалось, а потому одерживало перевѣсъ надъ стремленіемъ къ типу инородческому; а это, напротивъ, какъ недавно и одновременно унаслѣдованное, съ каждымъ поколѣніемъ должно было уменьшаться, потому что съ каждымъ поколѣніемъ утрачивалась доля чужой крови. Скрещеніе русскихъ людей съ инородческими женщинами большею частью бываетъ однократное: дѣти и внуки, происходящіе отъ этого скрещенія, большею частью теряются уже въ многочисленности русскаго народа, поглощаются русскимъ обществомъ и вступаютъ въ браки съ русскими. Слѣдовательно, не только однократно унаслѣдованныя инородческія черты или признаки могутъ легко сглаживаться, стираться или видоизмѣняться, но и самое стремленіе къ праѣдовскому инородческому типу, какъ недавно-наслѣдственное и генеративно-неукрѣпившееся, мало по малу можетъ совсѣмъ угаснуть, по крайней мѣрѣ, въ поколѣніяхъ 12—20. По всѣмъ этимъ причинамъ, русская раса или нація, при всѣхъ скрещеніяхъ съ инородческими племенами, почти всегда, въ результатъ, одерживала фізіологическій перевѣсъ, хотя отъ этихъ скрещеній и происходило разнообразно видоизмѣненное потомство, получавшее мѣстныя этнографическіе оттѣнки. Въ сущности, отъ скрещенія и смѣшенія съ инородческими племенами не возникали и не развивались какія нибудь новыя инородческія племена, а нарождался, нарасталъ и развѣтвлялся одинъ русскій народъ, изъ одного корня, пуская только новыя областныя этнографическія отрасли съ особенными оттѣнками, новыя областныя разновидности

своего типа и характера. Поэтому, хотя большей частью и женщины, обладающая болѣе слабою организаціею, чѣмъ мужчина, являлась, со стороны русскаго племени, родоначальницею новаго поколѣнія, въ смѣшеніи, напримеръ, съ бурятскою или другую какою-либо инородцею, — все-таки достаточно было и ея небольшой доли крови, ея воспроизводительной силы, чтобы заронить и возжечь въ новорожденномъ смѣшанномъ потомствѣ неугасающую искру новой этнологической жизни; достаточно было и ея крови, ея полового воздѣйствія, чтобы возбудить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ непрерывный, постепенный метаморфозъ видовъзмѣненія и претворенія инородческой породы въ русскую національность.

Въ первыхъ поколѣніяхъ, измѣнчивость дѣтей, происходящихъ отъ смѣшенія инородцевъ съ русскими женщинами, и обратно, русскихъ мужчинъ съ инородческими женщинами, бываетъ обыкновенно очень слабая и колеблется между признаками отца и матери. Изъ физиологической ботаники извѣстно, что помѣсь двухъ видовъ есть форма средняя между обоими, но болѣе приближающаяся, смотря по породамъ, то къ растенію, отъ котораго взята пыль, то къ растенію, плодникъ котораго былъ омолодотворенъ. Точно такъ же въ царствѣ животномъ, по выводу Проспера Лука, «всякое скрещиваніе должно давать продуктъ смѣшанный¹⁾». «Мы знаемъ, говоритъ Катрфажъ, что оба пола стремятся воспроизвести себя въ своемъ потомкѣ, каждый со всеми своими признаками. Свойства же эти могутъ быть болѣе или менѣе сходны, и тогда сынъ вполне воспроизведетъ, даже, можетъ быть, усилить ихъ. Они могутъ быть болѣе или менѣе противоположны, тогда между двумя противодѣйствующими вліяніями произойдетъ борьба, которая можетъ повести или къ взаимному уничтоженію (neutralisation), или къ среднему, т. е. смѣшанному результату, или же къ болѣе или менѣе значительному преобладанію одного изъ двухъ свойствъ, стремящихся воспроизвести себя. Наконецъ, свойства родителей, не исключая себя взаимно, могутъ быть различны. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, соотвѣтственно имъ, и свойства у сына будутъ представлять собою то же, что равнодѣйствующая составная сила въ механикѣ, т. е. въ дѣйствительности сынъ будетъ имѣть новый характеръ, какового не было ни у отца его, ни у матери, точно такъ же, какъ желтый цвѣтъ, происшедшій отъ смѣси желтаго и синяго, есть цвѣтъ различный, происшедшій однакожь отъ того и другого...

¹⁾ Traité philosophique et physiologique de l'hérédité naturelle.

Сходство сына съ отцомъ и матерью различныхъ породъ или видовъ можетъ зависетьъ отъ двухъ весьма различныхъ причинъ. Признаки, свойственные въ отдѣльности каждому изъ родителей, могутъ или *совмѣститься* безъ всякаго значительнаго измѣненія, или же они могутъ, такъ сказать, взаимно проникнуться, *слиться* одни съ другими до такой степени, что сообщать продукту признаки средіе¹⁾. Эти же результаты мы видимъ и въ помѣсякахъ русскаго племени съ сибирскими инородческими племенами. Обыкновенно, продукты первыхъ скрещеній бываютъ смѣшанные, въ которыхъ свойства разноплеменныхъ родителей совмѣщаются безъ всякаго значительнаго измѣненія или сливаются одни съ другими въ новую, среднюю форму. Между дѣтьми природныхъ бурятъ и природныхъ русскихъ женщинъ чаще всего замѣчаемъ продукты средіе, смѣшанные, особенно, если родители равносильны между собою по физической крѣпости, по типичности племенныхъ признаковъ, и если физиологическое строеніе ихъ наиболѣе сходно въ общемъ планѣ конфигураціи. Въ случаѣ преимущественной типичности, характерности и выразительности своепородныхъ признаковъ индигеннаго индивидуума—отца, признаки эти замѣтнѣе отливаются въ смѣшанной или средней формѣ продукта, чѣмъ признаки матери. Если, напримѣръ, физиологическій складъ бурята, во особенно-характерному и типическому сочетанію признаковъ монгольскаго типа, во здоровью, крѣпости и породности, преобладаетъ надъ структурою и крѣпостью организаціи русской женщины, то въ дѣтяхъ, особенно въ первыхъ, замѣтно преобладающее вліяніе родителя, и наиболѣе отпечатлѣвается бурятскій типъ. Такая, впрочемъ, однократная или временная физиологическая неустойчивость и уступка со стороны русской женщины воспроизводительному вліянію бурятъ чаще бываетъ въ средѣ, гдѣ преобладаетъ бурятскій элементъ, напримѣръ, въ ясаинныхъ или осѣдно-инородческихъ поселеніяхъ, среди бурятскихъ улусовъ. Она, во всей вѣроятности, происходитъ тутъ уже вслѣдствіе пораженія женской воспроизводительной системы, подъ вліяніемъ измѣненія внѣшнихъ жизненныхъ условій, по причинѣ чрезвычайной чувствительности этой половой системы къ внѣшнимъ условіямъ²⁾. Этимъ же закономъ можно объяснять и обратное явленіе, когда буряты попадаютъ въ новую жизненную среду и женятся на русскихъ женщинахъ: тутъ они, въ воспроизводительности своего природнаго

1) Вестн. истор. человека, вып. II, стр. 159, 219 и 222.

2) Darwin s. 258.

типа въ дѣтяхъ, скорѣе уступаютъ видоизмѣняющему вліянію русской женщины, хотя все-таки не съ перваго же разу и не всецѣло. Иногда воспроизводительныя племенные силы отца, матери и дѣдовъ какъ бы борются между собою въ физиологическомъ характеризованіи дѣтей, такъ что въ однихъ дѣтяхъ преобладаютъ признаки инородческаго отца и дѣда, въ другихъ—свойства русской матери и бабушки. Это особенно выражается въ цвѣтности дѣтскихъ фizioномій и подтверждается аналогическими фактами метисаціи негровъ съ европейцами, или бѣлыхъ съ черными. Лауренцъ (Lawrence), Уайтъ (White), Парсонъ (Parsons), Пришаръ и Просперъ Люка—въ своихъ сочиненіяхъ представляютъ множество примѣровъ смѣшанныхъ браковъ, отъ которыхъ произошли дѣти частью свѣтлаго, частью темнаго цвѣта, виолнѣ и во всемъ сходныя съ настоящими бѣлыми или съ настоящими неграми. Иногда изъ двухъ близнецовъ, безспорно происходящихъ отъ одного и того же отца, одинъ имѣетъ цвѣтъ и волосы негра, другой же отличается и цвѣтомъ, и волосами бѣлаго. Въ одномъ случаѣ, отецъ былъ негръ, а мать—бѣлая; въ другомъ случаѣ—отецъ принадлежитъ къ бѣлому племени, а мать, выдававшая себя за мулатку, имѣла всѣ признаки чистокровной негрятянки. Въ обоихъ семействахъ было по трое дѣтей; въ томъ и другомъ семействѣ сначала, т. е. въ первыхъ дѣтяхъ, весьма рѣзко преобладала черная кровь, потомъ она потеряла отчасти свое вліяніе и наконецъ въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ, повидимому, вліяніе ея совершенно изгладилось, почти исчезло: первыя дѣти были черныя, послѣднія—бѣлыя или свѣтлорусыя ¹⁾. Это же самое замѣчаемъ мы въ фактахъ смѣшенія русскаго племени съ бурятами. Такъ, напримѣръ, въ Ользеновскомъ селеніи осѣдлыхъ инородцевъ—обрусѣлыхъ бурятъ (въ Иркутск. уѣздѣ, верхоленск. вѣдомствѣ), дѣти осѣдлыхъ инородцевъ—братьевъ Серебряниковыхъ и жонъ ихъ—русскихъ крестьянскихъ и ясашныхъ дочерей,—составляющіе уже второе поколѣніе,—лицомъ частью смуглые, брацеоватые, широкоскулые, узлоглазые, черноволосые, частью русые, почти совсѣмъ обрусѣлые ²⁾. Наконецъ, нѣкоторые дѣти, происходящія отъ скре-

¹⁾ Катрелажъ, стр. 249—250.

²⁾ Представляемые здѣсь и далѣе факты о русско-бурятскихъ генерацияхъ собраны нами во время проѣзда нынѣшнимъ лѣтомъ черезъ осѣдо-инородческія селенія—Устворынское, Ользеновское и Баендаевское. Писарь ользеновской станицы—происходецъ изъ тутошнихъ бурятъ, во второмъ поколѣніи,—сообщилъ намъ краткую роспись ользеновскихъ бурятско-русскихъ поколѣній и обѣщавалъ еще сообщить. Къ сожалѣнію, роспись эта далеко не полна. Мы

щенія разноплеменныхъ половъ, получаютъ совершенно новый типъ, несвойственный прямо ни племени отца — инородца, ни племени матери — русской. Такъ, изъ числа 4-хъ ользеновскихъ братьевъ Серебрянниковыхъ, одинъ представляетъ какой-то новый типъ, новое очертаніе лица, прямо непринадлежащее ни бурятамъ, ни русскимъ. Это довольно красивый брюнетъ, съ смугловатымъ, но почти совершенно правильнымъ лицомъ, не евригнатъ вполне, какъ чистый бурятъ или монголъ, но ортогнатъ, какъ русскій, только съ едва-замѣтною выпуклостью среднихъ лицевыхъ или скуловыхъ костей, съ большими черными глазами, съ правильнымъ строеніемъ лба, стройной, довольно высокой структуры, — и, въ то же время, совершенно отличный отъ русскаго, славянскаго типа.

О ходѣ измѣнчивости въ послѣдующихъ поколѣніяхъ можно сказать то же самое, что извѣстно въ этомъ отношеніи изъ естественной исторіи о помѣсяхъ и ублюдкахъ. По изслѣдованіямъ Гертнера и Дарвина, извѣстно, что измѣнчивость эта представляетъ постепенности. Иногда уже въ первомъ поколѣніи помѣси породъ или разновидностей обнаруживаютъ измѣненія, и очень значительныя, особенно, если эти породы или разновидности долго подвергались культурѣ; но очень часто бываетъ также, что они долго сохраняютъ свои первоначальные признаки. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ измѣнчивость сильнѣе, и особенно въ помѣсяхъ. «Въ этой большей измѣнчивости помѣсей, замѣчаетъ Дарвинъ, ничего нѣтъ страннаго, ибо родичи помѣсей суть разновидности, и разновидности домашнія (надъ естественными разновидностями произведено лишь очень мало опытовъ); изъ этого слѣдуетъ, что въ большей части случаевъ они недавно подвергались уклоненіямъ, а потому и надобно было ожидать, что ихъ уклончивость будетъ унаслѣдована и усилить ту, которая вытекаетъ изъ самаго акта скрещенія... Обыкновенная измѣнчивость зависитъ отъ чрезвычайной чувствительности половой системы къ внѣшнимъ условіямъ жизни, часто поражающимъ ее безсиліемъ или неспособностью совершать свое нормальное отправленіе — произведеніе потомства, подобнаго своимъ родичамъ» ¹⁾. Изъ фактовъ русской инородческой метисаціи, мы знаемъ, что измѣнчивость послѣдующихъ поколѣній нѣсколько ослабляется и замедляется въ такомъ только случаѣ, если метисація

надѣемся сдѣлать болѣе точныхъ наблюденію и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ сибирскихъ метисахъ или, какъ сами они говорятъ, *выродкахъ* — объ осѣдло-инородческихъ, бурятско-русскихъ поколѣніяхъ.

¹⁾ Darwin, s. 302—303.

происходить въ очень ограниченныхъ и замкнутыхъ, объединенныхъ этнографическихъ предѣлахъ, въ сферѣ немногихъ смѣшанныхъ семействъ, и если кругомъ преобладаетъ среда инородческая. Такъ, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ селеніи Ользеновскомъ многие осѣдло-инородческіе крестьяне, происшедшіе отъ туземныхъ бурятъ, большею частью еще типично сохраняютъ бурятскій характеръ, бурятское обличье не только во второмъ, но и въ третьемъ поколѣніи, потому что не только дѣти, но и внуки тутошнихъ осѣдлыхъ инородческихъ крестьянъ бурятскаго происхожденія большею частью вступаютъ въ бракъ съ тутошними же ясапными лицами, тоже происшедшими отъ бурятскаго рода большею частью въ первомъ, во второмъ и много—въ третьемъ поколѣніи, и потому еще, что не только въ самомъ селеніи Ользеновскомъ господствуетъ полу-бурятскій или брацковатый типъ и даже бурятскій языкъ, но и въ окрестностяхъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ ихъ чисто-бурятскіе улусы. Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ дѣти, внуки или правнучки, происшедшіе изъ бурятскаго племени въ первомъ, второмъ и третьемъ поколѣніи, женятся на ясапныхъ дочеряхъ, т. е. тоже происшедшихъ отъ бурятъ въ первомъ поколѣніи,—бурятскій типъ наиболѣе сохраняется до третьяго и даже до четвертаго поколѣнія. Такъ, изъ 9 семействъ Ользеновскаго селенія, въ тѣхъ 6 семействахъ гдѣ отцы, составляющіе иногда первое, но большею частью уже второе поколѣніе, женятся на ясапныхъ дочеряхъ, представляющихъ большею частью первое поколѣніе,—въ этихъ 6 семействахъ всѣ дѣти, считающіяся уже большею частью въ третьемъ поколѣніи, еще очень походятъ на бурятъ—всѣ смуглые, брацковатые, тогда какъ въ остальныхъ 3 семействахъ, гдѣ жоны большею частью—крестьянскія дочери, дѣти большею частью русыя. Весьма вѣроятно также, что рѣзкое измѣненіе образа жизни или состоянія инородца, внезапная перемена половыхъ отношеній, напримѣръ, переходъ отъ нѣсколькихъ инородческихъ жонъ къ одной русской, оказывая нѣкоторое вліяніе на чрезвычайно-чувствительную ко всѣмъ такимъ переменамъ половую систему, также, въ нѣкоторой долѣ, обуславливаетъ наибольшую измѣнчивость поколѣній. Такъ, одинъ олзеновскій буряты, восприимчивъ иркутскаго архіепископа Михаила, испыталъ значительныя перемены въ образѣ жизни и въ нравственномъ состояніи, и послѣ 2-хъ бурятскихъ жонъ, женился на третьей—на русской крестьянской дочери,—и дѣти у него вышли, подъ преобладающимъ вліяніемъ русской матери, съ обличьемъ болѣе русскимъ, лицомъ блѣдымъ. Иногда воздѣйствіе крови русской женщины и врожденный или данный ею уже разъ толчокъ къ из-

измѣнчивости происходившихъ потомковъ бывають такъ сильны, что уже въ первомъ и особенно во второмъ поколѣніяхъ дѣти, особенно по цвѣту лица, оказываютъ почти совершенно русскіе — бѣлые, какъ замѣчаетъ это въ 13 или 4 семействахъ Ользеновскаго поселенія. Стремленіе къ неизмѣнчивости, начавшееся уже въ слѣдствіе самаго перваго скрещенія, иногда прогрессивно возрастаетъ уже въ мощи народнаго племени, — особенно проявляется на дѣтяхъ помѣсь дне-рожденныхъ. Просперъ Люка сообщаетъ такой фактъ о двухъ семействахъ: въ одномъ семействѣ, имѣвшихъ по трое дѣтей, въ первыхъ дѣтяхъ весьма рѣзко преобладала кровь чорнаго родителя индейской породы; во вторыхъ дѣтяхъ вліяніе этой крови было уже слабѣе, и наконецъ въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ оно почти совершенно выгладилось и воспреобладала кровь бѣлыхъ родителей. Вотъ таблица этихъ поволюній:

Отецъ чорный, мать бѣлая.

Отецъ бѣлый, мать чорная.

1) По цвѣту кожи чистокровный негрятянокъ.	1) Мулатъ, похожій на негра.
2) Насоящій мулатъ.	2) Мулатъ, болѣе брונетъ, чѣмъ чорный.
3) Сынъ бѣлый съ пріятными чертами лица, съ свѣтлорусыми, весьма кудрявыми волосами.	3) Дочь бѣлая, пріятной наружности, съ замѣчательнымъ умомъ ¹⁾ .

Различіе людей по цвѣту замѣчаетъ Дитерини, при смѣшеніи людей различныхъ цвѣтовъ, во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ мало по малу вовсе исчезаетъ ²⁾. Такъ это, болшею частью, бываетъ и съ сибирскими инородцами. Мы часто видали дѣвушекъ бурятскаго происхожденія отъ русскихъ браковъ, которыя уже во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ были удивительно бѣлолицыя, съ самой нѣжной кожей, и только сохраняли узкость глазъ и небольшую высунутость среднихъ частей лица. Болѣе же полное, почти совершенное или приблизительно-окончательное физиологическое измѣненіе происходитъ, кажется, болшею частью въ 5—6 поколѣніяхъ. Такъ, въ С. Америкѣ эта постепенная измѣнчивость поколѣній представляетъ такую градацію:

Дѣти европейца и негрятянки называются мулатами:

— — мулатки — терцеронамп

¹⁾ Катраажъ, 250.

²⁾ О народнасел. земного шара. Журн. доктора А. Петермана—Mittheil. Вѣстн. географ. общ. 1859 г. № 8 отд. III, стр 65.

тердеронки — — квертеронами.
 кватеронки — — квинтеронами.

Квинтероны, въ этой потомственной градаціи, становятся почти уже совершенно бѣлыми ¹⁾. Большая часть сибирскихъ инородцевъ совершенно русифицированы въ 5 и 6 поколѣніяхъ. Такъ, это мы знаемъ о бурятахъ. Въ 6, а иногда уже въ 5 поколѣніи, у нихъ уже и лицо, и все строеніе становится совершенно русскимъ, появляется даже большая русская борода.

Когда уже совсѣмъ совершится процессъ обрусѣнія инородческихъ семействъ, то, чрезъ нѣсколько поколѣній, обывновенно бываетъ навѣстное возвращеніе къ пращуровскому типу. «Появленіе вновь признаковъ, говоритъ Дарвинъ, утраченныхъ въ продолженіи многихъ, быть можетъ, сотенъ поколѣній, безъ сомнѣнія,—фактъ очень удивительный. Но когда порода была смѣшана, хоть бы только разъ, съ другою породою, потомство ея подчасъ обнаруживаетъ склонность возвращаться къ признакамъ чуждой породы въ продолженіи многихъ поколѣній,—по мнѣнію иныхъ, въ продолженіи 12 или даже 20 поколѣній. Послѣ двѣнадцати поколѣній, доля крови каждаго отдѣльнаго предка составляетъ лишь $\frac{1}{2048}$, и однако же, какъ мы видимъ, эта малая доля чуждой крови считается достаточною, чтобы обусловливать возвращеніе. Въ породѣ, неподвергавшейся смѣшенію, но въ которой оба родителя утратили какой-либо признакъ, свойственный ихъ предкамъ, стремленіе возвращаться къ утраченнымъ признакамъ—будь оно сильно или слабо,—можетъ передаваться неопредѣленному числу поколѣній» ²⁾. Въ смѣшанномъ народонаселеніи Сибири мы постоянно видимъ эти явленія атавизма или возвращенія въ 7, 8, 9 и 10 поколѣніяхъ. Оттого это народонаселеніе въ городахъ и особенно въ селахъ представляетъ самые пестрые, разнообразныя фізіономіи и типы. Въ Иркутской, напримѣръ, губерніи нерѣдко попадаются чисто-бурятскія или брацковатыя фізіономіи, рядомъ съ чисто-русскими, въ такихъ семействахъ, члены которыхъ уже не помнятъ своихъ уратскихъ пращуровъ или прародичей. Обыкновенно возвращеніе къ пращуровскимъ, бурятскимъ и другимъ инородческимъ типамъ проявляется не во всѣхъ членахъ семействъ, а только въ нѣкоторыхъ, и преимущественно въ послѣдне-рожденныхъ дѣтяхъ. Возвращеніе это, въ случаѣ, напримѣръ, бурятскаго прототипа, обнаруживается особенно въ болѣе или менѣе сросченныхъ вѣкахъ, уз-

¹⁾ Всеобщее землеопис. Сбп. 1863. Вып. XI, стр. 664.

²⁾ Darwin, s. 187.

кихъ глазахъ, широкихъ и нѣсколько выдающихся скулахъ, въ черныхъ волосахъ, въ смугломъ цвѣтѣ лица. Наконецъ, частое возвращеніе къ прадѣдовскимъ инородческимъ типамъ, въ связи съ неизгладившимися еще чертами инородческаго наслѣдія или происхожденія, въ связи съ притекающими отсюда иногда новыми видоизмѣненіями или уклоненіями народнаго образа,—придаетъ смѣшанному сибирскому народонаселенію много своеобразной, своеобразной, оригинальной типичности, и обусловливаетъ его характеристическое отличіе отъ малорускаго, напримѣръ, племени. Все это вмѣстѣ придаетъ европейско-сибирскому населенію какое-то оригинальное и, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже красивое разнообразіе типа. Не даромъ Шапъ, Ганстенъ и другіе европейскіе путешественники указывали на красоту сибирскаго типа. И тутъ, вѣжета, оправдывается слѣдующая мысль Дарвина: «Хотя изъ возвращенія къ нѣкоторымъ изъ признаковъ древняго родича и аналогическихъ уклоненій не могутъ возникнуть новыя и важныя видоизмѣненія, но эти видоизмѣненія будутъ содѣйствовать стройному и изящному разнообразію природы».

А. Иценовъ.

МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.

XI.

Большая половина служащихъ въ судѣ были дѣти бѣдныхъ канцеляристовъ и чиновниковъ. Родители ихъ хотя и тяготились своей службой, обижались на начальство, но гражданскую службу считали самою лучшею изъ всѣхъ службъ, они знали, что они 'неспособны къ другому труду, а трудъ переписывать бумаги считали самымъ легкимъ, самымъ приличнымъ и благороднымъ. Быть чиновникомъ для нихъ много значило, потому что чиновника уважають, чиновнику почетъ, чиновникъ имѣетъ свои права и принадлежитъ къ личному дворянству, — стало быть, разница между мужикомъ безграмотнымъ и чиновникомъ большая. Они знали, что они съ издревлѣ составляютъ особый классъ людей, который не платитъ податей и не несетъ никакихъ повинностей, а все назначеніе ихъ жизни заключается въ томъ, чтобы служить, какъ и отцы ихъ служили.

Сынъ канцеляриста или чиновника, копчивши курсъ въ уѣздномъ училищѣ или вовсе нигдѣ не кончивши курса, по примѣру своего родителя или родственника, поступаетъ очень рано на службу въ присутственное мѣсто. Онъ съ ранняго возраста жилъ въ кругу приказныхъ этого же сорта и постоянно гордился званіемъ своего отца, потому что ему съ дѣтства твердили: чиновникъ — дворянинъ, что его растятъ для того только, чтобы сдѣлать изъ него чиновника. Выучившись мало-мальски писать, онъ поступаетъ на службу, сначала для того, чтобы набить руку, и цѣлые года занимается одною только перепискою. Черезъ два мѣсяца ему даютъ жалованье, и въ это время онъ, постоянно находясь въ обществѣ служащихъ, понемногу усваиваетъ себѣ ихъ приемы и манеры. До этого времени онъ развивался въ своемъ домѣ и въ кругу товарищей, и конечно развивался плохо; теперь онъ развивается подъ вліяніемъ приказной братіи. Отъ нихъ онъ ничего не можетъ услышать хорошаго или новаго; ума его они никакъ

не разовьютъ обыкновенными и пустыми разговорами. Ему даютъ жалованья три или шесть рублей; онъ старается заниматься прилежнѣе, усидчивѣе, для того, чтобы ему прибавили жалованья. Онъ пишетъ цѣлый день строчка за строчкой, вывода, какъ можно красивѣе, буквы, и все его вниманіе сосредоточено въ этихъ буквахъ, да въ слухѣ, который наполняется словами служащихъ. Онъ не видитъ никакой дѣльной мысли въ своей работѣ, послѣ нея онъ чувствуетъ усталость, ѣсть, мало говорить и все свободное время проводить или во снѣ, или въ невинныхъ забавахъ, какъ напр. карточной игрѣ на *шерементъевъ* счетъ и т. п. Чѣмъ больше и больше онъ переписываетъ, тѣмъ больше у него отпадаетъ охота къ мысленію; онъ уже переписываетъ безсознательно, дѣлаетъ ошибки, скоблить бумагу—и еще больше устаетъ, больше—тупѣетъ. Въ это время онъ радъ, если ему придется быть въ кругу своихъ товарищей, для того, чтобы отвести душу, т. е. выпить водки. Это желаніе до того усиливается, что онъ уже чувствуетъ потребность пить водку, и подъ конецъ становится пьяницей, мучителемъ своей семьи, мужескій полъ которой непрерывно мѣтитъ въ чиновники.

Такое жалованье, какъ три или шесть рублей, очень недостаточно для человѣка, которому нужно платить за квартиру, ѣсть и одѣваться, а достать большеденгѣ, потому что ему частной работою заниматься некогда. Вотъ онъ и выискиваетъ случай къ пріобрѣтенію денегъ. Онъ видитъ, что старые служащіе пишутъ прошенія, копіи, разныя бумаги постороннимъ въ судѣ, и получаютъ за это деньги. Ему становится завидно, и онъ всячески старается поддѣлаться и угодить старымъ служащимъ и столоначальнику. Наконецъ представляется ему случай написать прошеніе, но онъ не знаетъ, какъ написать его, точно такъ же, какъ не умѣлъ бы самъ сочинить себѣ прошеніе объ опредѣленіи его на службу. Онъ крадетъ у товарищей черновыя по этому предмету, списываетъ эти черновыя, а съ нихъ уже сочиняетъ прошенія и другія бумаги. Написавши сто подобныхъ бумагъ, онъ уже механически запокиваетъ форму ихъ изложенія и продолжаетъ секретно или явно сочинять по старой формѣ,—получаетъ за это деньги, хотя и небольшія, но все же могущія обезпечить его на мѣсяцъ. Это называется доходомъ, а какъ доходовъ этихъ для него все-таки мало, то у него является желаніе еще больше нажить ихъ, и онъ пускается на хитрости, на то, что называется въ народѣ *живодерствомъ*.

Здѣсь развитіе его ума останавливается на томъ, какъ бы кого надѣть доучѣ.

Если служакій—человѣкъ неглупый и поступилъ въ судъ для того, чтобы выучиться дѣлопроизводству, то и тутъ его развитіе останавливается только на канцелярской формѣ изложенія. Правда, онъ умѣетъ хорошо и скоро сочинять по канцелярски, но въ обществѣ другихъ людей онъ кажется нисколько неразвитымъ. Онъ только и знаетъ, свой судъ, свое присутственное мѣсто, свои занятія, свои выгоды, а объ остальномъ не заботится, да ему и некогда думать. Теперь вся его цѣль жизни состоитъ въ томъ, чтобы ему жилось хорошо, копились деньги, да чтобы не уйти подъ судъ и благополучно дослужить до пенсіи, а если есть дѣти, то опредѣлить и ихъ на службу и быть на старости лѣтъ ихъ нахлѣбникомъ.

Таковы были служащіе, и вліяніе такихъ людей только мѣшало моему развитію. Старшіе канцеляристы наживали деньги безсовѣстнымъ манеромъ, ни за что, пьянствовали, дрались; молодые люди брали у нихъ уроки и вели развратную жизнь. Объ умственномъ развитіи никто не заботился и никто даже не интересовался получаемыми въ судѣ «губернскими вѣдомостями». Правда, были изъ нихъ исключенія, но тѣ недолго служили въ судѣ; служили же въ судѣ безвыходно тѣ, которые нигдѣ не могли найти себѣ службы лучше суда.

Наши столоначальники были люди давнослужащіе и дѣло свое знали хорошо. Всѣ они хотя и были подъ судомъ, но держались своихъ мѣстъ очень долго. Не будь этихъ столоначальниковъ, судъ бы плохо исполнялъ свои обязанности. Это знали члены и поэтому списходили всѣмъ ихъ слабостямъ. Вся забота столоначальниковъ состояла въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сбить съ рукъ дѣла. А дѣла сбывались съ рукъ въ то время у насъ очень просто.

Столоначальникъ уголовного стода самъ рѣшенія не писалъ, потому что у него и безъ этого было много дѣлъ, а для рѣшенія дѣла существовали въ судѣ два вольноопиныхъ писца, которые хорошо знали законы. Эти господа не обучались въ училищахъ, а приобрѣли знаніе судопроизводства въ судѣ же и въ чалатѣ; по ихъ мнѣніямъ, выходило такъ: что уголовное дѣло, значитъ то, что въ немъ есть преступленія и надъ нужно наказать; разбирать правъ или виноватъ подсудимый было не ихъ дѣло, да имъ и не время было, потому что ихъ торопили. Изъ этому еще надо прибавить и то, что члены часто имъ приказывали, что сдѣлать по такому-то дѣлу.

— Ты по такому-то дѣлу пишешь рѣшеніе?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ напиши, чтобы его освободить. Я бы самъ написалъ рѣшеніе, да некогда.

И пишутъ такъ составитель рѣшеній, какъ ему приказываютъ и какъ онъ найдетъ лучше по своему разсужденію.—Они приговаривали почти всегда къ наказаніямъ; а одинъ изъ нихъ такой былъ охотникъ приговаривать къ наказаніямъ, что, взявши еще дѣло и не читавши, съ наслажденіемъ говорилъ вслухъ про себя:

— Я тебя, щельма. Плетницами тебя, каналью, отдую!...

Этихъ сочинителямъ, какъ видно, ничего не стоило сочинить проектъ по заведенному образцу, какъ попало. Они знали, что они служатъ по вольной платѣ, имъ довѣряютъ сочинять рѣшенія потому, вѣроят-но, что во всемъ судѣ не нашлось, кромѣ ихъ, такого умника. Поэтому они не обижались тѣмъ, если чинамъ не правилось какое нибудь рѣшеніе.

— Вы не такъ написали.

— А какъ, не то нужно?

— Неловко какъ-то.... Помните, по какому дѣлу намъ выговоръ дали? Вы бы съ тѣмъ дѣломъ сообразили...

— Такъ вы поправте.

— Ужь поправте, пожалуйста, вы.

Сочинитель держитъ дѣло недѣлю, мѣсяцъ; его спрашиваютъ; онъ говоритъ: дѣлъ текущихъ много, и проектъ переправляется секретаремъ. Эти господа знали, что они ни за изложеніе и ни за приговоръ не отвѣчаютъ, и, стало быть, вся бѣда сваливается на членовъ.

Какъ члены, такъ и наши сочинители хорошо знали по опыту, что, какъ судъ ни сочини рѣшеніе, его все-таки нужно послать въ палату, и палата все-таки передѣляетъ его. Поэтому-то, сочинивши рѣшеніе, какъ попало, судъ представлялъ его въ палату и тѣмъ слагалъ съ себя отвѣтственность за рѣшеніе... Лишь бы только дѣло было сбыто; меньше отвѣтственности. «А тамъ палата, какъ хочеть, рѣшай» говорили судейскіе члены.

Надо замѣтить, что уголовныя дѣла всегда рѣшались скорѣе гражданскихъ, если только они не возвращались обратно для переслѣдованія. Гражданскія дѣла лежали нерѣшенными цѣлые года. Отговорки

были уважительныя: во: какому-то дѣлу дошло до свѣденія, — по такому-то—какое-то свѣдѣніе и т. д.

Но не одни стѣлоначальники судоборкіе занимались соображеніями объясненій. Было еще два разряда юристовъ: оставшіе судоборкіе и новыя, бывшія частыя людсудимые, ваторыя обирали и мещанъ, и отъстряпывъ, и въ рѣшеніе дѣла не стѣлача, являвая дѣлу на судъ. Икъ уважали бѣдные люди, и слава обь имъ ягла по всему уезду. Впрочемъ адъ не дамоблוצали гласны суда, потому кто они чинъ дѣлагда очень вредали. Другіе—были повѣренныя. Они начинали съ дѣла каждого завода-управленія, и обьзавшася у нихъ было много. Они заведывали для завода все необходимое, обьзавали заводчине, хлопотали по заводскимъ дѣламъ, жили барана и приобрѣтали большія деньги. Они шли въ породѣ, какъ важныя должностныя лица, икъ имъ словъ канцеляріе и жили въ ладъ со всѣми должностными лицами города, которые съ воединилымъ и по дѣламъ получали отъ завода-управленія и отъ богатыхъ людей, черезъ повѣренныхъ, большія деньги. Заводскіе повѣренныя происходили отъ заводскихъ людей. Выучившася грамотѣ, они служили въ конторѣ или у повѣреннаго, котарий, для приученія ихъ въ дѣлу, помышалъ ихъ заниматься въ судѣ. Въ судѣ рады были, что повѣренный посмѣетъ дѣлъ занятій завѣнна, потому судъ ничего не платитъ. Мальчикъ учится праведству, слышываетъ секретно для своего повѣреннаго койкъ съ рѣшениемъ и вывѣдываетъ для него все, что нужно.

Презавившася писецъ повѣреннаго въ судѣ, тогда три, годовъ пять и увнаетъ, что такое судѣ, какъ въ немъ рѣшаются дѣла, какъ и съ кѣмъ нужно обращаться. Онъ становится ловкѣе плутомъ и умѣетъ хорошо провести своего повѣреннаго и влѣзть въ довѣренность его. Годовъ десять ему прикочитъ заниматься то у повѣреннаго, то въ судѣ, то въ заводной конторѣ, и онъ усвоиваетъ себѣ очень много. Его сдѣлають въ заводской конторѣ столоничальникомъ, и онъ, умѣя водѣлаться къ повѣренному, женившася на его сестрѣ или дочери, или дочери заводскаго прикащика, завѣдетъ уже разными порученіями отъ управляющаго заводомъ. Порученія эти состоятъ больше по хозяйственной части. По смерти повѣреннаго или по наговору этого пройдохы, его назначаютъ въ городѣ повѣреннымъ. Въ городѣ онъ имѣетъ въ господскомъ домѣ, завѣдывающаго пѣльи этанъ. Ему довѣряются всѣ хлопоты по заводскимъ дѣламъ, онъ закупаетъ, отправляетъ, продаетъ вещи, рассчитываетъ людей и

замѣняетъ собой управляющаго. Его боятся свои крѣпостные люди, отъ него получаютъ должностныя лица подарки отъ заводу-управленія за разныя дѣла; онъ, обманывая управляющаго, напивается большія деньги, и такъ какъ онъ имѣетъ дѣла со всѣми чинами, то дѣлаетъ имъ вечера и играетъ съ ними въ карты. Но главная суть его дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы хлопотать по дѣламъ заводу-управленія, находящимся въ судѣ, палатѣ, горномъ правленіи и даже въ сенатѣ. Дѣлъ такихъ не мало: напр., владѣлецъ отпихиваетъ у другого владѣльца крестьянъ землю, заводу-управленіе взыскиваетъ съ своего крѣпостного человека что нибудь, заводу-управленіе ищетъ съ кого нибудь посторонняго деньги, владѣльцы впадаютъ въ долги и пр... Кроме этихъ дѣлъ, повѣренный беретъ хлопотать въ судѣ за богатыхъ людей его завода за большія деньги. Заворуется прикащикъ очень много и сваливаетъ вину на рабочаго... Нужно ему рабочаго сослать въ Сибирь. Дѣло заводится такъ, какъ хочется прикащику, потому что исправникъ не мѣняетъ прикащика на рабочаго, повѣренный замазываетъ судейскихъ членовъ, палатскихъ членовъ... и дѣло рѣшается въ пользу богатыхъ людей.

Повѣренные часто просили меня списать копии съ дѣлъ, но я не писалъ; просили рѣшить какое нибудь дѣло, я писалъ докладъ о возвращеніи дѣла для переслѣдованія, горный членъ передѣлывалъ докладъ въ такомъ же родѣ. Повѣренные жаловались при мнѣ судѣ, что я прошу съ нихъ деньги; судья за это оставилъ меня дежуритъ въ судѣ. Разъ даже одинъ повѣренный подпалъ скандала на весь судъ. Приходить ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Ну что?

— Что угодно?

— А копія?

— Какая?

— Какъ какая?.. Я вамъ за такую-то копію пять рублей заплатилъ.

Я озлился, покраснѣлъ, хотѣлъ обрувать его, задрожать. Собралось много служащихъ.

— Что, стыдно!

— Врете вы! Никаныхъ я денегъ отъ васъ не получалъ, да и не возьму, потому...

— Молчи, скверный мальчишка! Едва поступилъ, да и взятки беретъ.

Служащіе захохотали. Я хотѣлъ бросить въ повѣреннаго книгу, но не могъ почему-то сдѣлать этого.

— Безстыдникъ!

— Пошелъ вонъ, дрянъ ты эдакая! сказалъ я дикимъ голосомъ. Меня позвали къ судья.

— Я васъ подъ судъ отдамъ! закричалъ онъ.

Я молчалъ: ничего я не могъ сказать въ это время, потому что я волъ былъ такъ, какъ никогда.

— Я васъ выгоню!

— Онъ вретъ, ваше высокоблагородіе... Я не такой, какъ всѣ служащіе...

— Молчать! зашипѣлъ судья.

За меня заступился горный членъ.

— Зачѣмъ же вы хотите губить молодого человѣка? Вѣдь я больше васъ знаю его.

— Ничего вы не знаете.

Судья замолчалъ, сурово взглянулъ на меня и сталъ подписывать бумаги. Я стоялъ. Горный членъ махнулъ мнѣ рукой, я взглянулъ на судью. — Пошелъ! сказалъ судья. — Я ушелъ изъ присутствія, меня ошанили служащіе и прозвали взяточникомъ. Съ этихъ поръ мнѣ убавляли каждый мѣсяцъ жалованье по полтиннѣ, и служащіе корили меня тѣмъ, что я получаю большіе доходы. Я жаловался дядѣ; тотъ ругался:—ругалъ судью, весь судъ, ругалъ меня, что я непочтителенъ къ старшимъ.

— Какъ же я стану говорить съ ними, коли они подлецы? говорилъ я ему, а злился и думалъ сказать совсѣмъ не то.

— Хорошо, что я тебя кормлю. А если бы меня не было?..

— Вы сами велѣли служить честно, не связываться съ служащими. Да я и самъ знаю...

— Все-таки нужно обходительнѣе быть съ ними. Да будь оно проклято и житье-то съ ворами!

Дядя досадовалъ, что онъ опредѣлилъ меня въ судъ. Большое ему спасибо за то, что онъ не велѣлъ мнѣ брать доходы, спасибо за то, что онъ бережетъ меня: смотри, Петенька, будь остороженъ. Попадешь подъ судъ—съѣдятъ тебя... Подлый это народъ!

Но помочь мнѣ дядя ничѣмъ не могъ. Онъ только злился, прокли-

наль все и всётъ, но я замѣчалъ, что онъ начиналъ любить меня. А это я слышалъ изъ его разговоровъ съ теткой.

— Что я буду съ Петенькой дѣлать? Парень проста бѣда... Онъ меня съ ума сводить. Въ кого онъ уродился? Мать дура, отецъ пьяница...

— Въ тебя.

— Не знаю. Надо бы его перевести отсюда.

— Женить его надо.

— Лучше-то не выдумала! На Оленькѣ женить его я не хочу, потому что-то вѣтреная... А надо его пристроить...

— Подумай ..

Дядя писалъ своимъ знакомымъ въ губернскаго городъ, чтобы меня перевели въ губернское правленіе, но тѣ ничего ему не отвѣчали. Дядя злился и не зналъ, что дѣлать. «Терпи», говорилъ онъ мнѣ: вѣдь я ничего, терпѣлъ тридцать лѣтъ!

Вольно же было тебѣ терпѣть, думалъ я. И думалъ я о томъ, какъ бы мнѣ устроить свою жизнь: служить здѣсь не хочется; не могу я здѣсь служить, въ губернскаго поѣду служить. Здѣсь надо-ло. Простору хочется: дядя и тетка надо-ли мнѣ. Вѣдь я служа-щій, могу и безъ нихъ служить и жить, самъ собой. Не все же эти поганые три рубли будутъ давать мнѣ. Ну, коли не примутъ въ присутственныя мѣста,—въ прикащики къ кушцамъ пойду.—День ото дня меня манила въ губернскаго еще и другая цѣль, которая мучила меня каждый вечеръ и каждую ночь. Я тогда любилъ и хотѣлъ жениться...

ХІ.

Меня занималъ въ то время вопросъ, что за штука такая любовь, о которой такъ много пишется въ книгахъ?—но долго я не могъ разъяснить себѣ этой штуки.

Женатые почталыоны, сортировщики, служащіе въ судѣ были своихъ жонъ, когда захочется, и были уже не такъ, какъ мы, бывши ребятами, дрались,—тогда онъ были дѣтьми, теперь онъ хозяйки, каждой хочется похвастаться своею жизнью, показать себя — па, молъ, чуча, гляди, какъ я живу! А ты что? ты бездомница... Вышла замужъ на посрамленье людямъ... Мужчинамъ надо-ло любез-

ничать, надоело потому, что жён хочется, чтобы ей нужь угождать съ утра до вечера, ни въ чемъ не прекословить ей, — а этому ее научила мать. Жена, большую часть, проводит время дома; и какъ бы ни тяжела была ея работа, она все-таки найдетъ себѣ утѣшеніе въ чемъ нибудь: вотъ я это сдѣлаю; ему, дьяволу, понравится... Вотъ я ребятшкамъ пряники дамъ, кричать перестануть... Выказываются ли въ этомъ работѣ любовь къ мужчине — понять трудно, потому что они, каждая въ свою, понимаютъ любовь по-своему.... Но мнѣ привелось долго жить среди разныхъ семействъ, приводилось каждый день видѣть и слышать разные сцены, часто возмучительныя и дикія, и я въ это время плохо понималъ, что такое любовь, а въ романахъ и повѣстяхъ я видѣлъ только одиѣ имена, жизнь же была совсѣмъ неподходящая къ нашей жизни. — Побой для убѣдно-городской женщины почти ничего не значать, въ привычку вошли, и притомъ она сама умѣетъ облаять мужа и отомстить ему; у этой женщины есть дѣти; она всю надежду полагаетъ только на мужа. Но мужъ совсѣмъ не таковъ. Онъ только въ первое время женитьбы старается угодить жене, старается удовлетворить всеѣмъ ея наприказамъ. Но угождения и капризы жены ему надоѣдаютъ; онъ сначала мучится самъ съ собой, ему хочется выбиться изъ такого положенія, чтобы на него никто не сѣтовалъ. Чѣмъ дальше онъ ворочаетъ мозгами, тѣмъ больше приходится къ тому убѣжденію, что жена подалась ему не такая, какая ему нужна, что онъ ошибся въ выборѣ жены по скорости, потому что его завлекли въ этотъ омутъ, и жена ему не пара. Начиная онъ ругаться съ нею — ничего не понимаетъ; жена отругивается, въ слезы пускается. Онъ злится, она капризничаетъ, онъ терпитъ; терпитъ и дома капризы жены, на службѣ его обижаютъ; дома нѣтъ покоя отъ жены и отъ ребятъ, дома заботы много, онъ становится работникомъ на свою семью, проклинаетъ свою жену и кается, что сглупилъ... То ли дѣло холостая жизнь! говорить онъ. И онъ правъ по своему.

Бывало такъ, что мужчина женился на работающей женщинѣ, самъ ничего не дѣлалъ, пропивалъ женины деньги, жилъ на содержаніи жены и въ то же время билъ ее. Если онъ замѣчалъ, что жена завела любовника, онъ жаловался на любовника — полиціи. Но я мало по малу приходилъ къ этому заключенію, что мужъ и жена должны быть непременно пара, т. е. должны не мѣшать другъ другу и не

должаться другъ у друга. Миѣ хотѣлось устроить жизнь свободную, такую, хотѣлось найти такого друга, который бы не былъ миѣ въ тягость и которому бы и я не былъ въ тягость, чтобы намъ обоимъ не обижаться другъ на друга. Но какъ устроить это? Гдѣ найти такую женщину? Въ нашемъ городѣ положительно не было такихъ въ грамотномъ класѣ,—на неграмотной я не хотѣлъ жениться, потому что неграмотную нужно учить, а я чувствовалъ себя неспособнымъ къ обученію... Больше всего я пугался дѣтей и, дойдя до этого вопроса, ругалъ самъ себя: что я за дуракъ? На кой миѣ лѣній жениться-то! Но жениться все-таки хотѣлось, хотѣлось друга имѣть такого, которому бы можно было все говорить и съ которымъ бы легче было узнавать то, чего я не зналъ въ то время. Выборъ мой остановился на одной дѣвушкѣ, Ольгѣ, которая была моложе меня двумя годами и жила въ губернскомъ городѣ.

Къ намъ часто прѣзжали изъ селъ родственники-священники съ женами и дочерьми, и миѣ часто случалось бывать у нихъ въ гости. Миѣ не нравилось въ ихъ дочеряхъ то, что онѣ умѣли только стирать, вышивать и знали одно хозяйственное ремесло, но кромѣ книгъ духовнаго содержания ничего не читали, и поэтому годились въ жены только забитымъ семипаристамъ; такая жена въ городѣ лѣнилась бы, спала, толстѣла и жила бы свиньей, предоставляя дѣтямъ развиваться, какъ развивается капуста. Оно и лучше. Если такая женщина будетъ заниматься образованіемъ дѣтей, да будетъ говорить имъ небылицы, то она и изъ дѣтей сдѣлаетъ уродовъ, какъ я и зналъ лѣсноюво подобныхъ примѣровъ. Поэтому, когда миѣ приводилось бывать въ обществѣ дочерей нашихъ священниковъ, любившихъ игру въ шурки, пряталки и въ карты, я находилъ ихъ вустыми и злился надъ тѣмъ, что онѣ весь день хохочутъ и въ этомъ находятъ большое удовольствіе. Дома я даже не вспоминалъ объ нихъ и злился, если тетка хвалила какую нибудь дѣвицу или говорила дядѣ: вотъ бы Петеньку женить на этой. Я злился, когда тетка бранила мою знакомую Ольгу въ глаза и корила ее тѣмъ, что она много трескаетъ.

XII.

Отецъ Ольги умеръ за мѣсяцъ до ея рожденія. Мать ея, капитанша, была бѣдная женщина и жила на квартирѣ у дяди, когда

мнѣ было еще шесть лѣтъ. Съ теткой она скоро подружилась, и тетка очень полюбила ее за то, что она хотя и не пречъ была выпить, но не была сплетница. Дѣтей своихъ, маленькую Олю и сына восьми лѣтъ, она очень била, и трезвая, и пьяная. Когда Оля была четвертый годъ, мать никуда не выпускала ее изъ комнаты; за то, если тетка брала меня къ ней въ гости, Оля безцеремонно подходила ко мнѣ съ своей куклой. Я однако дичился ея, и если она хотѣла играть со мной, я уходилъ куда нибудь подальше, за что мнѣ тетка давала затрецину. Тетка часто ходила къ ней въ гости и брала меня съ собой, неизвѣстно для чего. Тамъ я сидѣлъ въ углу, а Оля играла съ куклами, и если насъ заставляли играть вмѣстѣ, то мы играли какъ-то принужденно и вяло. Жизнь Ольги была не радостная: мать ея пьянствовала, часто голодала или оставляла голодною дочь, никуда не выпускала ее и, когда уходила со двора, запирала ее на замокъ. Поэтому тетка иногда, во время пьянства матери, брала Ольгу къ себѣ въ гости, и она жила у насъ иной разъ по цѣлой недѣлѣ. Въ это время она больше пила или вазала и играла въ карты съ теткой, которая за это ее очень любила. Мнѣ досадно было, что тетка говоритъ ласково съ Ольгой, а ко мнѣ обращается съ крикомъ, и я злился, замѣчая смѣхъ Ольги въ то время, когда я проливалъ воду или когда меня били; мнѣ звидно было, что тетка садитъ Ольгу съ собой рядомъ, а меня гонитъ въ кухню; Ольга пересказывала теткѣ мои пакости, и много было такихъ предметовъ, за которые я ее ненавидѣлъ до того, что не хотѣлъ говорить съ ней. Со временемъ, тетка заставляла меня что нибудь читать въ слухъ, а я не хотѣлъ читать при Ольгѣ. Тетка вскрикнетъ бывало:

— Тебѣ говорить?

— Пусть она читаетъ.

— Я вотъ какъ встану—покажу тебѣ... грубиянъ ты злокой!..

А все же я читать не стану; тетка ее заставитъ читать. случилось,

Ольга просила у меня книжекъ, я не давалъ.

— Гдѣ я возьму книгъ-то?

— Да въ ящикѣ.

— Ройся сама!

— У!! скажу тетеньгѣ-то.

— Смѣй! Только скажи, такъ я тебѣ и обрѣжу косы-то.

Но на семнадцатомъ году мнѣ было скучно безъ нея. Нѣтъ ея

два дня, думаешь, скоро ли она придет? Сердилась на то, зачѣмъ я такой злой и упрямый, а она такая ласковая. Вѣдь ее мать бьетъ, вѣдь я она живеть не лучше моего? Буду же и я ласкаться къ ней. Но какъ только придетъ она—я и сробѣю. Часто она приходила со слезами на глазахъ и долго плакала, говоря, что ей житья нѣтъ отъ матери, что мать день ото дня хуже становится. Мнѣ жалко было ее, хотѣлось говорить съ ней, угодить ей, но ничего этого я не могъ сдѣлать. Часто въ квартирѣ оставалось только двое насъ: она въ комнатѣ что нибудь шьетъ молча, а я въ кухнѣ сижу за столомъ. Хочется мнѣ поговорить съ ней: подойду къ ней робко, къ землю смотрю, потомъ взгляну на нее съясноса: она шьетъ и на меня не глядитъ. Подойду я къ окну и думаю, что бы сказать такое хорошее, какъ въ книжкахъ пишутъ? Долго думаю, да такъ ничего и не скажу. Такъ и шло время безъ толку: ни я, ни она не скажемъ другъ другу любовностей. А между тѣмъ, дядя съ теткой и ее мать называли меня женихомъ, а ее невестой. Сидимъ мы всѣ за столомъ, обѣдаемъ. Родные наши выпивши, и мы, женихъ и невеста,—выпивши: въ большіе праздники тетка подчивала меня и ее хересомъ или другимъ какимъ нибудь виномъ.

— Вотъ какъ Петенька выучится, да поступитъ на службу, я Олю отдамъ за него замужъ,—говорить бывало капитанца.

— Пусть выучится. Оля—дѣвушка славная, и онъ еще не стоить ей, говорить дядя.

— Ну, полно! На службу поступить—человѣкъ будетъ.

Я злился за эти слова. Оля какъ-будто неприятно было слушать ихъ.

— Ты, Оля, пойдешь за Петеньку?

— Не знаю.

— Кто же знаетъ? Васыля, скажи пойдеть Оля замужъ? скажеть мать, обращаясь къ черному коту. Ольга покраснѣеть.

— Я не хочу жениться, скажу я вдругъ, краснѣя отъ досады.

— Ну, я тебѣ дамъ, каналья! закричитъ дядя.

Послѣ этихъ разговоровъ, я все-таки думаю: а хорошо бы жениться на Ольгѣ: она читать, писать, шить и стирать умѣеть. И пріятно мнѣ было думать о ней.

Теперь же, когда я обдумалъ, какую мнѣ нужно жену, и приглядѣлся къ разнымъ семействамъ, я возмнилъ сильное желаніе жениться на Ольгѣ, думая, что я тогда буду жить своимъ хозяйствомъ.

Вотъ какой я устроилъ планъ въ своей головѣ. Если мнѣ въ губернскомъ городѣ на первый разъ будутъ давать жалованья шесть рублей, я найму въ самой дальней части города комнатку съ кухней, за что я заплачу рубль, много полтора рубля. Дрова я буду ловить лѣтомъ на рѣкѣ, и ихъ хватить на всю зиму и на все лѣто. Мы будемъ жить только вдвоемъ. Она будетъ шить у стола, а я буду сидѣть противъ нея, буду ей читать вслухъ, и будемъ мы жить дружно, будемъ беречь деньги. Я буду служить, она будетъ шить, продавать шитье, и деньги мы будемъ дѣлить по ровну. Но я останавливался на томъ: что сдѣлать съ деньгами, если у нея будетъ больше шести рублей? Если она будетъ употреблять ихъ на сласти, въ родѣ орѣховъ, будетъ стряпать лишнее и будетъ угощать меня, откуда я возьму деньги на то, чтобы давать ей половину на удовольствіе? Я сильно мечталъ объ томъ, что у меня написано уже два сочиненія, в я ихъ пошлю въ Петербургъ, тамъ ихъ напечатаютъ въ журналѣ и дадутъ мнѣ деньги,—деньги большія.

XIII.

Черезъ годъ мнѣ опротивѣло жить въ уѣздномъ городѣ. Хотя онъ и хорошъ на видъ, хотя и есть въ немъ бульваръ и разныя увеселенія, но все какъ-то натянато, какъ-то невесело, все какъ-будто пахнетъ какою-то казенщиной. Объявить начальство, что завтра въ праздникъ на бульварѣ будетъ музыка, объявить какойнибудь пріѣзжій авробать, что тогда-то онъ будетъ показывать свои фокусы, будетъ ходить по канату, объявлять, что тогда-то будетъ какойнибудь заѣзжій нѣмецъ шаръ пускать,—и ждутъ горожане съ радостью этихъ праздниковъ. Наступитъ день, сходятъ къ обѣднѣ, наѣдятся и спать хочется, и на бульваръ тянетъ, принарядятся и пойдутъ на бульваръ. И идутъ горожане на бульваръ толпами себя показать, людей поглядѣть, музыку послушать, новости узнать, подивиться чудесамъ заѣзжаго фокусника даромъ... Перехаживаютъ они съ мѣста на мѣсто, орѣхи грызутъ, пряники ѣдятъ, да кислыми щами запиваютъ. Ждутъ они долго фокусника—иной домой успѣетъ сходить выпить рюмочки двѣ водки,—скачуютъ, ругаютъ фокусника, что онъ долго заставляеть ждать ихъ. Каждому хочется развлечься... Вотъ въ одномъ мѣстѣ въ орлянку играютъ двое мѣщанъ, ихъ обступили любопытныхъ сто человекъ, тысяча глазѣтъ на музыкантовъ.

Забравшіеся сюда рано устали давно отъ безтолковой ходьбы и кучками пришли на траву подъ деревья; въ отдаленіи сидятъ влюбленныя пары. Чѣмъ дольше тянется время, тѣмъ больше появляется въ публикѣ пьяныхъ, которые кричатъ, ругаются, какъ только могутъ, и начинаютъ безобразничать на петѣху молодежи мужского пола. Вся эта пестрая, разнообразная масса народа, выфранченая по послѣдней модѣ и по состоянію, притесанная, напомаженная, волнуется, бѣснуется, кричитъ и шодничаетъ, скучаетъ и не знаетъ, что ей дѣлать.—Черти, слышится въ одномъ мѣстѣ... Спать бы лучше, а то что?—говорятъ въ другомъ; а въ третьемъ уже спать пьяные люди въ халатахъ и сюртукахъ. Даже и въ аристократическомъ кружкѣ видна зѣвота; эта аристократія пришла сюда себя показать да людей удивить своими парядами и фразами; она задираетъ головы къверху или сидитъ отдѣльно отъ народа. Одни только молодые привазные спуютъ во всея классы народа, нахально подмигиваютъ дѣвкамъ, толкаютъ ихъ подъ бока и приглашаютъ гулять: «позвольте, барышня, быть вашимъ кавалеромъ».—Сначала я очень былъ сердитъ на мумчинъ за то, что они нахальничаютъ, но потомъ убѣдился, что есть дѣввицы тогого рода, которыя самі приглашаютъ мужчинъ. Какъ-то я сидѣлъ на скамейкѣ въ отдаленіи и паблюдалъ за народомъ. Я курилъ папироску. Вдругъ приходитъ ко мнѣ дама лѣтъ 20, одѣтая въ сѣренькомъ бурпусѣ съ криволиномъ; па головѣ платокъ. Она безцеремонно сѣла на скамейку рядомъ со мной. Мипуть пять она и я молчали. Мнѣ ужасно неловко было сидѣть, —я хотѣлъ уйдти, но и послѣдѣ хотѣлось; къ тому же, сосѣдка красивая; я досталъ еще папироску.

— Господинъ, извинитѣ, если я побезпокою... начала она.

— А что?

Нѣтъ ли у васъ папироски?

Я досталъ другую папироску и молча далъ ей.

— Мирси!.. адалжите закурить.

Я далъ ей свою папироску. Сосѣдка опять сказала мирси; у меня траслись руки, и я сердился на себя, что я ничего не умѣю сказать ей. Мы сидѣли молча.

— Вы служащій? спросила она меня.

— Да.

— А гдѣ служите?

— Въ уѣзномъ судѣ... А вы кто?

— Я... я замужемъ.

— Что же онъ гуляетъ?

— Онъ измѣнилъ мнѣ: онъ гуляетъ съ дѣвой какой-то.

— А вамъ досадно, поди?

— Ахъ, такъ досадно, что я ему, подлецу, отомстить хочу.

— А если онъ любитъ васъ?

— Охъ, нѣтъ!

— Можетъ быть, вы ему измѣнили напередъ!...

— Какой вы глупый! Вамъ говорить, что онъ измѣнилъ мнѣ, измѣнилъ.... Понимаете?

Мы опять замолчали.

— Что же вы молчите? Какой вы смущенный!

Я ничего не сказалъ ей, потому что мнѣ не понравилась ея навязчивость.

— Пойдемте гулять.

— Не хочется.

— Отчего?

— Не могу я гулять вдвоемъ.

— А если вы женитесь?

— Ну, тогда, можетъ быть, и пойду, а теперь не хочу.

— Фи, какой вы невѣжа!.. Такъ не хотите?

— Чего, въ лѣсъ, что ли, съ тобой идти?—сказалъ я, самъ не понимая, что я сказалъ. Я замѣтилъ, что сосѣдка моя покраснѣла, встала и ушла прочь.

Молодые приказные рассказывали мнѣ, что есть такія женщины, которыя сами приглашаютъ мужчинъ къ себѣ въ квартиры, и что мнѣ стоило только пригласить мою сосѣдку пройтись съ ней, она завлекла бы меня непременно.

Начинается представленіе; вся гуляющая масса спѣшитъ занять мѣста получше; всѣ тѣснятся къ загородкѣ, гдѣ показываютъ свои фокусы заѣзжіе акробаты; ребята и рабочіе раздвигаютъ доски и, такимъ образомъ, смотрятъ однимъ глазомъ даромъ; ихъ разгоняетъ полиція палками; они начинаютъ драку съ полиціей, и непопавшіе въ загородку зрители потѣшаются. Если фокусы представляются открыто, то изъ многихъ мѣстъ слышатся восклицанія: «экъ его, лѣшова, утравдило! Ахъ, чортъ экой! Сломать бы ему хоть ногу, псу! А чтобъ ему сквозь землю провалиться!»—Но эти восклицанія произносятся съ улыбками, въ восторгѣ отъ удовольствія и съ удивленіемъ къ ловкости и искусству фокусниковъ. По окончаніи представленія, всѣ только и

толкуютъ, что о фокусникахъ, и рассказываютъ домашнимъ съ разными прикрасами о видѣнномъ. — Есть въ городѣ прудъ, но на немъ не плаваютъ, только въ царскіе табельные праздники начальство устраиваетъ на немъ фейерверки, и тогда берегъ посѣщаютъ горожане. Театръ посѣщаютъ мало, потому что богатые люди не очень большіе охотники до театра, бѣднымъ же людямъ ходить часто денегъ нѣтъ; за то всё вообще любопытные любятъ комедіи смѣшного содержанія, драмы съ убійствами, пожарами, провалами и громами; любятъ также чорта, и большая часть публики считаетъ актеровъ за фокусниковъ и не понимаетъ ничего серьезнаго. «Ты намъ смѣшное показывай, говоритъ публика, — чтобы весело было; а то все говоритъ что-то мудреное. Плевать намъ на то, что онъ одѣлся не по нашему. Ты русское кажи, да чтобы не скучно было. У насъ и дома скучно. Мы не даромъ деньги-то заплатили. И показывали актеры смѣшное. Аристократія ходила въ театръ также ради препровожденія времени, и хотя знала, что актеры врутъ и плохо играютъ, но поощряла актрисъ, вызывала и дарила имъ вѣнки. Другихъ развлеченій въ городѣ не было, и люди отъ скуки играли въ карты дома или у знакомыхъ на шереметевъ счетъ, и эти карты такъ вошли въ моду, что рѣдкій горожанинъ въ свободное время не устраивалъ вечера безъ карточной игры.

XIV.

Дядя и тетка очень скучали. Знакомыхъ у нихъ было немного, и эти знакомые, большею частью, старались поживиться отъ нихъ чѣмънибудь. Ходила къ намъ одна дѣвица годовъ двадцати шести. Она жила у сестры, которая была замужемъ и имѣла шестерыхъ дѣтей. Жили они бѣдно, а этой дѣвицѣ хотѣлось хорошо поѣсть, ничего не дѣлать и выйдти замужъ за чиновника. Тетка любила ее за то, что она помогала ей шить, пѣла пѣсни и чтонибудь рассказывала; дядя любилъ ее по своему, и когда не было дома тетки, онъ начиналъ съ ней любезничать. Я не любилъ эту дѣвицу: во-первыхъ, она очень хвасталась своимъ лицомъ, хотя и не была красива; во-вторыхъ, ужасно лгала и сметничала, и въ-третьихъ, соглашалась съ дядей, что я невѣжа. Когда она приходила къ намъ, я прятался въ свою коморку, за обѣдомъ ничего не говорилъ, дремалъ, когда игралъ въ карты, и въ карточной игрѣ участія не принималъ. Случалось, я оста-

вался дома одинъ съ нею. Я сидѣлъ въ своей коморѣ, она въ комнатѣ. Однажды она изволила встать на гѣстницу и заглянула въ мою коморку; я лежалъ.

— Вотъ вы гдѣ обитаете! сказала она и захохотала.

— Мнѣ и тутъ ладно.

— Отчего же вы въ комнату не сидите?

— И здѣсь хорошо.

— Пойдите играть въ карты, мнѣ страхъ какъ скучно.

— Не хочется. Я книгу читаю.

— Успѣете еще.

— Право не хочется. Да я и не люблю карты: въ карты дураки играютъ.

— Эдакъ я дура и тетюшка ваша дура?

— Надо дѣломъ какимъ нибудь заниматься, тогда не будетъ скучно.

— Врете вы все: надо въ обществѣ бывать!....

Я ничего не сказалъ на ея болтовню, только улынулся; она ушла и съ тѣхъ поръ не надѣдала мнѣ. Ходила къ намъ еще двѣица лѣтъ девятнадцати, звали ее Лизой. Эта была посмазливая. Сестра ея почти каждый день ходила въ женскій монастырь, гдѣ она сообщала городскія новости и откуда разносила по городу разные монастырскіе секреты. Лиза тоже ходила въ монастырь и съ виду казалась монахиней; она выбирала себѣ богатаго жениха, но нѣсколько жениховъ падули ея, рассчитывая сами на ея приданое, которое состояло въ одномъ домѣ. Тетка поговаривала дядѣ женить меня на Лизѣ, и дядя соглашался съ нею, сообразивъ то, что съ отцомъ ея онъ въ очень короткихъ отношеніяхъ, и что, женившись на Лизѣ, я получу домъ и, стало быть, живу отдѣльно отъ нихъ. Это говорилось секретно, и я страшно боялся, чтобы меня не скрутили, потому что, если дядя что захочетъ, то и будетъ. Лиза чаще стала ходить къ намъ, меня заставляли играть съ ней въ карты; я, какъ нарочно, говорилъ не въ попадѣ, грубо и больше молчалъ. Лиза черезъ сестру передала теткѣ, что я какой-то необразованный и что она раньше года не дастъ согласія на бракъ со мной. Тетка каждый день стала читать мнѣ наставленія, что я говорить не умѣю, со всѣми грублю, хожу какъ-то по бурлацки, и прозвала меня ваклакомъ.

Ходили къ дядѣ межевщикъ Коровинъ и его жена съ двумя сывьями, служащими по горному вѣдомству. Ходили и тетка съ адей къ нимъ. Самъ Коровинъ любилъ выпить, такъ что, если его

не угостить ктонибудь водкой, къ тому онъ и ходить не станетъ. Это семейство, когда бывало у насъ, играло съ нами въ карты, и мы тоже играли съ ними. Всѣ они мнѣ нравились, потому, что были люди простые, не сапетничали и со мной были ласковы. Старшій сынъ ихъ обучалъ въ городѣ дѣтей, былъ образованнѣе отца и востоянно читалъ новыя книги. Съ нимъ я сошелся коротко и ми скоро сдѣлались друзьями. Онъ въ литературѣ зналъ толкъ, и по его совѣту я сталъ читать ученныя сочиненія. Журналы онъ мнѣ давалъ всегда, и мы подолгу разсуждали о литературѣ. Теперь я читалъ новыя журналы, читалъ хорошія сочиненія, читалъ критики и ученныя статьи. Книгъ было много, въ годовѣ много было работы, но все-таки разъяснить множество вопросовъ я не могъ, при всемъ моемъ стараніи, ни съ помощью книгъ, ни съ моимъ другомъ. Я писалъ въ это время много, пріятель мой хвалилъ меня, и однажды отдалъ одно сочиненіе доморощенному литератору, который сочинялъ разныя драмы и комедіи, никогда не печатавшіяся. Мнѣ привелось видѣть этого литератора въ квартирѣ Коровина. Это былъ человекъ лѣтъ двадцати четырехъ, одѣтый франтовски, живой господинъ. Онъ очень хвалился своими способностями, ругалъ редакціи, что онѣ не хотятъ печатать сочиненій такого извѣстнаго человека, какъ онъ, очень смѣшно копировалъ чиновниковъ и разныхъ начальниковъ, но со мной онъ обошелся очень нелюбезно.

— Вы тоже сочиняете? спросилъ онъ меня.

— Да.

— Это хорошо. Только вы, поди, списываете.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ за меня мой пріятель.

— Да я гдѣ-то подобное читывалъ.

— Кто другой, можетъ быть, такъ сочиняетъ, а онъ—самъ, это я знаю.

— Только я вамъ скажу, ваши сочиненія никуда не годятся.

— А что?

— Да вы сами не знаете, о чемъ пишете: одни слова да фантазія.

Мнѣ эти слова не понравились, потому что я очень много думалъ о себѣ. Учиться у него писать я не хотѣлъ, потому что онъ много хвастался собой, и мой пріятель сбивалъ его на многихъ вопросахъ. Пріятель былъ умнѣе его, но сочиненій не писалъ.

Этотъ литераторъ, какъ говорилъ мнѣ пріятель, изъ кожи лѣзъ. На службѣ онъ не жилъ въ ладу со служащими, потому что считалъ себя умнѣе ихъ и надобдалъ имъ своею хвастливостью. Дома онъ

рѣдко читалъ книги, а большіе сочищалъ и переписывалъ свои сочиненія, которыя потомъ читалъ въ кругу своихъ товарищей. Кромѣ того, онъ ужасно завидовалъ всѣмъ писателямъ, помѣщавшимъ въ журналахъ свои сочиненія, и на каждый доморощеного литератора смотрѣлъ со злобой, говоря, что они сочиняютъ дрянь и хвастаются. Однимъ словомъ, ему хотѣлось прослыть за гениа, а такъ какъ его сочиненія нигдѣ не печатали, то онъ ругался, ругалъ почти всю литературу. За то съ какими трепетомъ онъ ждалъ новый журналъ и смотрѣлъ на обложку.... Не помѣстивши еще! говорилъ онъ, блѣднѣя. — Товарищи подсмѣивались надъ нимъ, но онъ говорилъ, что его сочиненіе нельзя не помѣстить. Впрочемъ, онъ почти не спалъ, думая: примутъ ли его сочиненіе, или нѣтъ, и если примутъ, то онъ рисовалъ себѣ картину будущаго блаженства....

Жить у дяди мнѣ надоѣло. Меня попрекали тѣмъ, что я понапрасно жгу свѣчи, мало получаю жалованья; мнѣ мѣшали читать разговоры, пѣсни и дядина музыка. Кромѣ этого, дядя сталъ крѣпко испивать водку, ругался на весь домъ, билъ тетку, игралъ въ карты и много проигрывалъ. Тетка плакала, просиживала цѣлыя ночи, ворожила въ карты и заставляла меня читать вслухъ книги. Съ каждымъ днемъ мнѣ тяжелѣе и невыносимѣе казалась служба; въ судѣ судья меня не любилъ за то, что я переписываю бумаги горному члену; товарищи говорили мнѣ, что я ничего не дѣлаю и беру взятки; дома мнѣ опротивѣло. Захотѣлось мнѣ простору, одному захотѣлось жить, и жить въ губернскомъ городѣ. Я сталъ проситься въ губернскій городъ. Дядя и тетка долго не соглашались.

— Ну, какую тебѣ черную немочь дѣлать тамъ?

— На службу буду проситься.

— А отчего здѣсь не служить?

— Не могу...

— Мало ли что не могу!.... Вишь ты, мы тебѣ нелюбы стали!

Выстегать бы тебя надо.

Я ворчу.

— Молчать! крикнетъ дядя, — я и замолчу.

Черезъ нѣсколько времени, когда дядя былъ веселъ, я возобновилъ свою просьбу, — отпустить меня въ губернскій. Онъ опять обругалъ меня. Уѣхать мнѣ туда не было никакой возможности, потому что у меня не было денегъ. — Какъ-то дядю послали исправлять должность почтмейстера въ уѣздный городъ. Я написалъ ему, что

желаю съѣздить въ губернской городъ только въ отпускъ на недѣлю. Дядя написалъ, что дѣлать нечего. Я подаль прошеніе объ отпускѣ на двадцать дней, уговорилъ тетку, та заплакала и согласилась отпустить. Я повѣхалъ. Тетка очень плакала при прощаньи, плакалъ и я.

— Не забывай ты насъ, ради Бога! говорила тетка.

— Не забуду, говорилъ я, и жалко стало мнѣ тетку. Бѣдная женщина! знаю, что ты любишь меня по своему, какъ сына. Но я не могу жить съ тобой: мнѣ свободы хочется, а ты только мѣшаешь мнѣ.

— Прощайте! крикнулъ я ей, когда лошади рванулись, побѣжали, и сталъ я думать о новой жизни, о томъ: поумнѣю ли я?

Теперь только я чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ. Прощайте, старые люди! Хороши вы, но вы хороши только для одной утробы: накормите вы досыта, спать уложите, а для ума вы ничего не дадите, развить вы не можете человѣка, а глупый человѣкъ только отупѣть можетъ съ вами.....

ХУ.

Когда я былъ очень малъ, мнѣ нравилось кататься. Съ самаго начала тетка сама возила меня въ саняхъ, зимой, закинувъ на грудь, поверхъ капота, веревочку отъ козелъ санокъ. Я болталъ ногами, махалъ руками, кричалъ отъ удовольствія, что меня везутъ, дергалъ за веревочку, отъ чего тетка злилась. Когда я подросъ, мнѣ нравилось кататься на масляницу съ катушекъ. — Когда я уже подросъ, то удивлялся, отчего это до масляницы народу мало катается въ городъ, а съ четверга маслянки весь городъ запруженъ лошадьми. Даже самый бѣдный человѣкъ, котораго никогда не увидишь на лошади, и тотъ, смотришь, — сидитъ въ саняхъ съ знакомыми, и тотъ катается. Смотришь — всѣ какіе-то веселые, одни ужъ очень пьяны, только руками машутъ, да головой, ничѣмъ непокрытой, влезаютъ; другіе — пѣсни орутъ, третьи насвистываютъ и наигрываютъ на гармоникахъ... На насъ, маленькихъ, тогда не обращали вниманія ни наши родственники, ни важные люди, до насъ нисколько не касающіеся: насъ обыкновенно пичкали въ углы, для того, вѣроятно, чтобы показать людямъ, что и они штенцовъ имѣютъ. За то, если насъ, дѣтей, однихъ пускали ѣздить, мы давали себя знать гиканьемъ.

наживствуемъ; если кто держитъ витежь, то отъ него достается и своимъ лошадамъ, и чужимъ, и людямъ не нашего сорта; на насъ смотрѣли зѣвали и дивились нашей молодцоватости. Не смотря на наше малолѣтство, мы, дѣти бѣдныхъ людей, были развитѣе баричей и смыслили очень много, при этомъ мы были свободнѣе и рѣвѣе старшихъ; мы прямо высказывались: «это стоубицыне!»... «Это бара помелчи...» — «А пошто же у нихъ хари-то на крысь походить?..» Старшіе наши на эти слова ничего не отвѣчали, или отворачивали головы въ другую сторону, или ужь очень были заняты смѣхомъ, своими разговорами; но мы, отъ нечего дѣлать, старались какъ нибудь разозлить барышень и баричей... Въ особенности меня удивляло то: отчего это наши редные не могутъ такъ свободно выражаться волюхъ, какъ мы, дѣти? Наконецъ я понялъ, почему это: на насъ не обращали вниманія, потому что мы мады, насъ считали за собачонку, которая только облаютъ, а вреда не сдѣлаютъ; насъ убѣждать было трудно, а вся досада вымѣщалась на нашихъ родителяхъ, которые были въ зависимости отъ начальства. Что прощалось намъ, то не прощалось отцамъ нашимъ. Кромѣ этого, на нашу волюность не обращали еще потому вниманія, что и барскіе ребята выдѣлывали шутки почище насъ.

Но меня это на пятнадцатомъ году не занимало: одно и то же надоѣло, хотѣлось другого. Уединеніе на рѣкѣ и въ гѣсахъ сдѣлало меня задумчивымъ, злымъ; я видѣлъ какъ-то усталыхъ, больныхъ людей, съ фальшивыми понятіями и направленіями. Читалъ я въ книгахъ, что гдѣ-то есть настоящіе люди, а гдѣ они — Богъ вѣдаетъ! Съ дѣтства мнѣ привелось видѣть нужду крестьянскую, но я не зналъ, отчего эта нужда происходитъ. Приводилось разъ верстъ семь ѣхать на барѣ съ бурлаками; я увидалъ трудъ тяжелый и не залюбилъ тѣхъ, кто вѣдѣвается надъ бурлаками; но я не зналъ, что это за народъ такой. Видѣлъ я, какъ они домой возвращаются — работа ихъ еще труднѣе, и опять-таки не зналъ, отчего они не ѣдутъ домой, а напрямѣнно тянутъ суденки съ хлѣбомъ. Но когда мнѣ привелось преѣхать съ ними триста верстъ, когда я заглянулъ въ бурлацкое нутро и узналъ ихъ!.. И мало есть такихъ людей, которые бы поняли настоящую бѣдность и причины этой бѣдности... Случалось мнѣ нѣсколько разъ съ почтами ѣздить, но и тутъ, послѣ двухъ-трехъ поѣздокъ, я плохо понималъ семейную жизнь сельскихъ и деревенскихъ обывателей. Когда же я пожить тамъ дольше, то

узналъ, что изъ бѣдныхъ людей всё выжимаютъ силы, начиная съ писаря, священника и т. п.

Мнѣ, прожившему среди почтовой братии десятокъ лѣтъ, можно было свободно разъѣзжать даромъ, даже и безъ почтмейстерскаго разрѣшенія. Почтовые такъ и дѣлами: захочется жёнѣ сортировщика съѣздить къ родственницѣ въ другой городъ:—гостить почтальона, а потомъ почтальонъ посадить жену сортировщика или на какойнибудь улицѣ, только за угломъ конторы, или за заставой. А ребята, ученики, — тѣ въ почтовомъ же дворѣ садятся въ телегу или въ сани, — это дѣти смотрителей. Такъ же и я, какъ племянникъ — сынъ сортировщика, еще нигдѣ неслужившій, свободно разъѣзжалъ къ нашей роднѣ, когда — одинъ съ почтальономъ, а когда и съ воспитателями. — Теперь мнѣ, служащему, ѣздить съ почтами было неловко, на томъ основаніи, что я былъ все-таки уже чужой человѣкъ: писецъ уѣзднаго суда. Ѣхать мнѣ до губернскаго города Орѣха на свой счетъ не было никакой возможности, потому что у меня въ карманѣ было капиталу только четыре рубля. Положимъ, я за четыре рубля могу доѣхать съ обозами, но за то я проѣду триста верстъ недѣлю, а съ почтой я приѣду въ полторы сутокъ. Сверхъ то, если случится какоенибудь несчастье, напр. потеряется сумка или подрѣжутъ чемоданы подъ самымъ близкимъ почты.

Я даже не радъ былъ, когда случилась одна глупая штука. Почтальонъ, съ которымъ я ѣхалъ, былъ выпивши. Почта шла легкая. Въ телегѣ было двѣ сумы и одна сумка пустая, посылаемая въ губернскую контору на ея распоряженіе за излишествомъ. Двѣ сумы съ корреспонденціей были запечатаны, какъ слѣдуетъ, а въ сумкѣ лежали мои вещи, и эта сумка была зашита ремешками петлями. Въ этой сумкѣ была положена еще сумка, но какъ ее клали — проглядѣлъ почтальонъ, принимавшій почту, и я. Почтальонъ зналъ, что у него на рукахъ двѣ сумы и одна порожняя сумка. До первой станціи мы ѣхали весело. Почтальонъ былъ очень разговорчивъ, много говорилъ о прошломъ бурсацкомъ житіи, и въ особенности жалѣлъ, что онъ не могъ пребыть въ семинаріи только одного, послѣдняго года, — стало быть, онъ былъ въ богословіи, но исключенъ изъ семинаріи за какое-то буйство. Однимъ словомъ, онъ былъ человѣкъ неглупый, но, понавши въ разъѣздные почтальоны за какое-то неуваженіе къ губернскому, почтмейстеру, онъ

сталъ нать водку горше прежняго. Первую станцію мы проѣхали безъ всякихъ приключеній.

Пріѣзжаемъ мы на другую станцію. Смотритель встрѣтилъ его и меня любезно, — его потому, что онъ съ нимъ, назадъ тому годъ, служилъ почтальономъ въ губернской конторѣ; а меня потому, что дядя часто ѣздилъ къ нему разбирать жалобы, и ящички любилъ дядю. Стали повѣрять почту по подорожной. Въ подорожной написано: изъ Кочана сума, С. П. Б. 1859 г., № 1021, вѣсомъ 5 пуд., изъ Тюмени по тракту одна сума Московская 1860 г. № 1200, вѣсомъ 6 пуд., въ ней три порожнихъ сумки такіа-то. Дальше слѣдовала отмѣтка, что сумка Московская 1860 г. № 1007 и сумка Московская 1853 г. № 397 препровождаются въ Орѣховъ. Въ наличности оказалась только одна сумка за № 397. Почтальонъ струсилъ, сталъ спрашивать ящичка:

— Ты сколько бралъ сумокъ?

— Три. Тебѣ больше знать-то надо, потому ты изъ города ѣхалъ.

Смотритель сталъ ругать ящичка: какъ же ты, морда эдакая, не знаешь?

— Я, што ли, ѣхалъ изъ города-то! Я што взялъ, то и привезъ.

Подобныхъ штукъ съ смотрителемъ никогда не случалось, и онъ, какъ ни вертѣлъ подорожную, пришелъ къ тому заключенію, что или почту ограбили, или сумка дорогой потеряна. А такихъ случаевъ всё почтовые ужасно боятся, будь они хоть расчестные господа. Главное, что они боятся—это сѣдствія.

— Какъ же ты, снотина ты эдакая, ничего не видѣлъ? Вѣдь сумки цѣлы! Что ты дѣлалъ? Спалъ, шельма! закричалъ онъ на бѣднаго ящичка.

— Спать не спалъ, да и они не спали, — отсвѣчался ящичекъ. Почтальонъ вступился за ящичка.

— Сумка пустая, не важность.

— Пустая! Съ котораго боку она пустая-то? Развѣ въ подорожной написано, что такая-то, за такимъ-то номеромъ—пустая. Можетъ тамъ деньги были.

Отъ такого резона почтальонъ струсилъ: въ подорожной дѣйствительно не значилось пустая ли была та сумка. Смотритель сдѣлалъ оговорку въ подорожной, что такой-то *переходящей* сумки не оказалось, и тотчасъ же послалъ ящичка на пер-

вую станцію. Да слѣдующей станціи мы только и говорили съ почтальономъ, что о потеряной сумкѣ; почтальонъ говорилъ: вотъ ж и сойдетъ. Я проклиналъ, что чортъ меня сунулъ ѣхать съ почтой, да еще непременно съ этой. Ящикъ соболѣзновалъ намъ и, съ своей стороны, пугалъ насъ равными разсказами о томъ, какъ и когда подрѣзываютъ почты, и какия бываютъ за это наказанія ящикамъ и бѣднымъ почтальонамъ. На слѣдующей станціи по этому случаю смотритель долго не соглашался высадить меня съ почтой. Дѣло объяснилось на четвертой станціи отъ города. Въ сумкѣ у меня лежалъ ишочекъ съ ярепцелями. Дѣло было вечернее. Только-что я открылъ чемоданъ, мнѣ съ самаго начала попала въ руку сумка. Почтальонъ былъ очень радъ такой находкѣ; свѣрили мы съ сумки съ дорожной,—оказалось, что сумка эта и есть. Долго мы потомъ хохотали надъ смотрителемъ и сами надъ собой, потому что больше ничего не оставалось дѣлать; а почтальонъ послѣ этого выпилъ козушку водки и спалъ хорошо отъ станціи до станціи. Другихъ происшествій съ нами уже не случилось больше.

Не знаю, какъ кому, но мнѣ было скучно ѣхать. Хотѣлъ я любоваться лѣсомъ, полями и небомъ—не стоило. Лѣсъ и поля, и небо я давно зналъ, они вездѣ одинаковы, даже и въ различное время. Только здѣсь больше лѣсу, чѣмъ около городовъ и селеній, земля воздѣлывается, кажется, очень прилежно; но производство очень плохо. Спросишь ящика: хорошъ ли урожай?—Худы!—отвѣчаетъ онъ. Богъ ихъ знаетъ. Ровно и лѣто хорошее, а все толку нѣтъ.—Много мы проѣхали селъ и деревень, вездѣ бѣдность, только, кажется, животнымъ здѣсь можно жить. Спросишь ящика, отчего народъ бѣденъ и отчего дома у нихъ стары и строятся такъ, что въ пожаръ вся деревня можетъ выгорѣть,—одна постоянная оговорка: што дѣлать! Божья воля! Или: не откуда кормиться; подать надо; начальство всякое ужъ пошѣ оченно строго да туго. Въ городъ идти робить далеко, да и безъ насъ тамъ народу много.—Но главное, на что жаловались крестьяне, какъ я слышалъ ихъ разговоръ на станціяхъ: всѣ они большею частью были крѣпостные; хорошую землю отъ нихъ отпали, надѣлили ихъ землей такою, что она или камениста, или ее пужно разрабатывать пять и больше лѣтъ.—А у насъ и прежнихъ-то долговъ сколпача, вотъ и дали землю, да на поляника заставляютъ робить, потому-де оброковъ много насчитали... А хоша бы имъ нужно было что...

Дѣйствительно, помѣщики, забравъ старую, херешую землю, которую прежде обрабатывали крестьяне, и надѣлавъ ихъ сообразно своимъ выгодамъ, оставили у себя въ запасъ еще много земли, и эта земля остается безъ всякой обработки.

Мнѣ правелось видѣть нѣсколько сценъ по новому устройству быта крестьянъ, но объ нихъ я рассказывать не стану, подождать надо. Спрашивалъ я крестьянъ о мировыхъ посредникахъ и судебныхъ слѣдователяхъ, — утѣшительнаго пемного: въ судебные слѣдователи назначались различные столоначальники ради жалованья и брали вдвое противъ прежняго: судебный слѣдователь безъ становаго ничего не могъ сдѣлать, становой дѣлился съ слѣдователемъ; если не просишь съ крестьянъ слѣдователь, то крестьяне давамъ становому. Кромѣ этого, университетскіе не знали быта крестьянъ, и мировые посредники только хвастались, что они приносятъ пользу. Съ помѣщикомъ мировой посредникъ хорошъ, въ карты играть, да дочками ухаживаетъ; возпѣся съ мужиками некогда, а такъ себѣ поговорить съ крестьянами. — Ужь красно они говорятъ, да дѣла не дѣлаютъ въ нашу пользу, — говорятъ крестьяне. — И дѣйствительно говоритъ посредникъ долго, по крестьянски старается заговорить, крестьянинъ слушаетъ, чешетъ себѣ бока да затылокъ, улыбнется широко, когда посредникъ скажетъ *теперича*... «А прокурать этотъ посредственникъ: мягко стелеть, да жество спать, хотъ бы удовлетворилъ, чѣмъ языкъ чесать: коли начальство, такъ не дурри, коли ты помогать нашему горю приставленъ, — не представляйся, а добро намъ дѣлай». — А посредникъ разсуждаетъ о крестьянахъ такъ: «плутъ этотъ народъ! А какъ глупъ, чортъ знаетъ что. Бьешся-бьешся съ нимъ, и такъ, и эдакъ, — ничего не понимаетъ».. Экіе вы умники, дайте я васъ по головкѣ поглажу...

Однако, пора въ губернскаго городъ, вонъ ужъ явщики колокольцы завязываетъ, чтобы они не брякали: не смѣй! не приказано — здѣсь губернскаго начальство.

XVI.

Два года я не видѣлъ городъ Орѣхъ и думалъ, что онъ хотя по наружности перемѣнился. Ничуть не бывало. Какъ дома стояли прежде, такъ и теперь стоять. Даже вонъ березка у заставы стоитъ, бо-

ятся ее срубить, еще не дошло время. Я слѣзъ у заставы, взялъ лѣнчонокъ съ форменнымъ спортукомъ и направился къ городу. Было утро. Меня обхватилъ родной воздухъ, родной вѣтеръ; опять задыхалось какъ-то легче прежняго. Теперь я былъ одинъ, былъ свободный, потому что былъ уволенъ въ отпускъ. Но я чувствовалъ, что я здѣсь чужой, чужой потому, что служу въ убадномъ городѣ. Нѣтъ, я буду вамъ опять, думалъ я. Я буду губернскимъ служащимъ...

Стали мнѣ попадаться чиновники. Идутъ они, позѣвывая, на службу, идутъ какъ-то нехотя. На желтыхъ лицахъ ни одной улыбки не замѣтивши, но замѣтно въ нихъ только какое-то чиновническое достоинство, уваженіе къ самимъ себѣ: на фуражкѣ кокарда, поступь чиновническая, и сморкаются по чиновнически. Смѣшно видѣть этихъ наюгавшихъ чиновниковъ, когда идутъ они мимо начальническаго дома: видно, что имъ не хочется идти мимо окоца: трепеть какой-то вдругъ началъ и зло беретъ. Одинъ сверотилъ съ тротуара, пошелъ около стѣны, — хорошо, что окна высоди, можно согнуться; другой идетъ по тротуарамъ, смиренно глядитъ въ окна и держитъ правую руку на готовѣ; третій идетъ за нимъ слѣдомъ въ такомъ же настроеніи; второй прошелъ благополучно, а третьему не посчастливилось: прошелъ мимо одного окна, мимо другого, заглянулъ въ третье — и вишь снялъ фуражку, пошатнулся и проступился въ тротуарную дыру... Шла мимо его какая-то торговка съ молокомъ, это ее разсмѣшило: ахъ те, голубчикъ, угораздило! Поднялось, ушибся, — ле проспался, голубчикъ. — Меня зло взяло. Экая гадость какая! Впечатлѣніе было нехорошее на первый разъ. Нѣтъ, думалъ я, хоть будь тутъ разгубернаторъ, я ему не сниму шапки; другу сниму, а губернаторъ или начальникъ мнѣ не родня и не пріятель...

Дорогой много было передумано, какъ мнѣ жить въ Орѣхѣ. Надать квартиру съ перваго разу мнѣ трудно было. Зналъ я, что въ Орѣхѣ живетъ мой дѣдушка Максимъ Варламычъ Болдыревъ. Дѣдушкой онъ мнѣ приходился какъ-то съ боку, потому что назадъ тому восемь лѣтъ я называлъ его *дѣдушкой*, и онъ очень любилъ меня. Говорили, что онъ мать мою воспитывалъ и выдалъ ее замужъ за моего отца. Прежде онъ служилъ столоначальникомъ въ губернскомъ правленіи, котомъ его сдѣлали становымъ приставомъ; овдовѣвши, онъ женился на кухаркѣ, за что его возненавидѣли мои родные и очень рады были, что онъ попалъ подъ судъ по какому-то дѣлу, о которомъ ходили между нами различныя слухи.

Такъ какъ дѣдушка прежде очень любилъ меня, то я рассчитывала на хорошій приёмъ, и даже на то, что онъ, можетъ быть, устроитъ какъ нибудь мой переходъ изъ уѣзду въ губернский городъ.

Принявъ онъ меня вѣжливо и рекомендовалъ своей женѣ такъ:

— Ну съезди ты, мурова! кланяйся милашѣ Петру Васильевичу...

А ты, Петенька, не вѣдаешь, поди, что я женился на этой керосѣ.

Мнѣ сибѣшно было на первыхъ порахъ слышать подобную рекомендацію, но я все-таки похвалилъ дѣдушку за его женитьбу. Я пришелъ къ нему какъ разъ къ чаю. Онъ и его жена очень обрадовались моему приходу; какъ водится, засыпали вопросами о моихъ воспитателяхъ, о городѣ, о службѣ, о членахъ и т. п. Дѣдушка рассказывалъ про свое житье очень много и уморительно, ругалъ начальство разными манерами, высказывалъ, что онъ честный человѣкъ, но изъ разговоровъ его я замѣтилъ, что онъ заговаривается: начнетъ о чемъ нибудь говорить длинными вступленіемъ, мѣстность объяснять, заговорить объ одномъ человѣкѣ, и говорить полчаса, кто онъ такой, какое у него лицо, что онъ сдѣлалъ въ жизни, и свертнуть съ одного предмета на другой, такъ что исторія выходитъ очень длинная, и кончится, вѣроятно, черезъ недѣлю. Жена его привыкла уже къ такимъ разговорамъ, не слушаетъ его, да ей и некогда слушать, потому что надо стрипать и убирать во дворѣ и за скотиной. Отъ дѣдушки я узналъ, что онъ подъ судомъ и для меня ничего не можетъ сдѣлать; что губернаторъ человекъ умный, но старыхъ людей не любитъ, не любитъ подсудимыхъ и опредѣляетъ на службу безъ разбору только мальчишекъ. Въ особенности онъ только общается, а слова не держитъ. Видно было, что губернаторъ ему или чѣмъ нибудь не правился, или чѣмъ нибудь обидѣлъ его.

Съ замраніемъ сердца я пришелъ въ одиннадцатомъ часу въ губернаторскую приемную съ докладной запиской и формулярѣмъ. Въ прихожей много толкалось прееателей, большою частью престарѣлыхъ и бѣдно одѣтыхъ женщинъ; въ приемной стояли, какъ видно, люди чиновные и богатые. Въ этой же приемной сидѣлъ молодой человѣкъ изъ губернаторской канцелярія, который зналъ меня въ дѣтствѣ. Когда я вошелъ въ приемную, онъ жадно посмотрѣлъ на меня и спросилъ: что надо? Я промолчалъ. Онъ обидѣлся, мовимъ молчаніемъ, всталъ и подошелъ ко мнѣ:

— Что вамъ угодно?

— Я пришелъ не къ вамъ, а къ губернатору.

— Къ кому?

— Къ губернатору.

— Здѣсь нѣтъ губернатора, а есть начальникъ губерніи.

Меня зло взяло. Я думалъ, что меня, пожалуй, вытурятъ изъ пріемной, но за меня заступился какой-то купецъ.

— А по вашему, начальникъ губерніи и губернаторъ не все одно?

— Нѣтъ, не все одно.

— Ошибаетесь, любезный.

— Я не любезный, а чиновникъ...

— Оно и видно!

— Не съ вами говорить, васъ не спрашиваютъ.

Просители захихикали, а чиновникъ попросилъ и, сказавъ мнѣ: убирайтесь въ прихожую, сѣлъ къ столу и сталъ читать газету. Я ушелъ въ прихожую и цѣлый часъ былъ предметомъ развлечения для просителей. Сначала они оглядывали меня, а потомъ стали спрашивать:

— Вы, вѣрно, не здѣшній?

Я сказалъ.

— То-то. Здѣсь губерніа, выходитъ. Кто, значить, съ губернаторомъ служить,—власть имѣеть.

— Я не боюсь его...

— Все-таки!..

Губернатора ждали долго. Наконецъ онъ появился въ пріемной. Это былъ невысокій, худощавый человѣкъ въ военной формѣ и несколько не отличался отъ чиновниковъ, которыхъ я видѣлъ утромъ. Онъ подходилъ къ просителямъ и говорилъ съ ними очень любезно. Чиновные просители, какъ видно, очень остались довольны имъ и выходили съ веселыми лицами. Когда онъ кончилъ съ бывшими въ пріемной, то вошелъ въ прихожую и обратился прямо ко мнѣ:

— Отчего вы не въ пріемной?

Я хотѣлъ сказать: его благородію угодно было, чтобы я былъ здѣсь, но сказалъ, поглядѣвъ на крестьянъ: мнѣ здѣсь лучше правится... Губернаторъ сморщилъ брови и обратился къ крестьянамъ сурово:

— Вамъ что надо?

— Да на счетъ земельки все, ваше высокоосиетельство.

— Опять за тѣмъ же! Я вамъ сказалъ, что ничего не могу сдѣлать.

Одинъ повалился въ ноги: не обидь, государь...

— Это что такое?.. Встань, любезный...

Крестьяне не унимались. Губернаторъ закричалъ:

— Я вамъ сказалъ, что ничего не могу сдѣлать: у васъ есть Положеніе, мировые посредники...

Крестьяне смирились, почесали затылки и пошли вонъ. Губернаторъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы что скажете? Кто вы такой?

— Кобылятниковъ.

Губернаторъ улыбнулся отъ этой фамиліи. Признаться, и мнѣ не ловко было такъ прозываться; я никому не говорилъ своей фамиліи, но подписываться все-таки надо, потому что я родился отъ Кобылятниковова. Губернаторъ, разспросивъ, гдѣ я служу, взялъ мою докладную записку и прочиталъ мой формуляръ. Почеркъ мой ему понравился, и онъ сказалъ мнѣ.

— Хорошо, я васъ переведу въ свою канцелярію.

Я поклонился и спросилъ, когда позавѣдаться, онъ сказалъ: послѣ завтра. Я очень обрадовался и въ восторгѣ шелъ къ рѣкѣ. На берегу, противъ почтовой конторы, я замѣтилъ перемѣну: тамъ строили загородку и садпи деревья, сдѣланы лавки. Я сѣлъ на лавку и сталъ смотрѣть на рѣку. Нисколько она не измѣнилась въ два года: по старому на ней плывутъ запоздалыя барки, плоты, такъ же за рѣкой видны лодки и два балагана, принадлежачіе заклятымъ рыболовамъ, только больше стоятъ баржи и чаще прежняго приплываютъ издалека и отплываютъ за тысячу верстъ пароходы. Но все было какъ-то скучно: на дома посмотришь — все такое же старье, жизни около нихъ мало, на берегу ходятъ и сидятъ только пріѣзжіе, на самой рѣкѣ тоже мало жизни, не то, что было прежде.

Въ губернаторскую канцелярію мнѣ не привелось поступить. Губернатору сказали, что я былъ подъ судомъ, и онъ отказалъ мнѣ. Цѣлую недѣлю послѣ этого я ходилъ къ разнымъ предсѣдателямъ съ докладными записками, но они все отказывали мнѣ. Дѣдушка говорилъ мнѣ, что нынѣ опредѣляютъ за деньги или по протекціи, и что мнѣ лучше уѣхать назадъ. Къ счастью, я отыскалъ здѣсь какого-то родевнишка тетя, который принялъ во мнѣ большое уча-

ствѣ и посовѣтовалъ сходить къ губернскому канцеляру, но сказали мнѣ предварительно, что ему можно дать лишь рублей.

Губернскій канцелярь встрѣтилъ меня грубо.

— Что тебѣ надо?

Я подаю ему докладную записку. Онъ прачиталъ.

— Вакансій нѣтъ, убиравай! Только ищете чаю завѣстаться.

— Я вамъ заплачу...

— Ну?

— Сколько прикажете?

— Двадцать пять рублей, только проваляньтесь лужно съ медѣлю на нештанин.

— Я не могу теперь дать, потому что у меня всего три рубля.

Губернскій канцелярь повернулся и вскричалъ:

— Гаврило, проводи вѣтъ этого.

Много мнѣ говорили хорошаго о канцелярской палатѣ и предсѣдателѣ. Мнѣ и прежде хотѣлось поступить въ эту палату, тѣмъ болѣе теперь, когда въ ней есть библиотека. Я пошелъ къ предсѣдателю. Предсѣдатель принялъ меня любезно, долго говорилъ со мной на счетъ моей службы въ судѣ и велѣлъ заниматься въ канцеляріи на нештанин одну медѣлю.

XVII.

Черезъ днѣ медѣли меня зачислили въ штатъ. Когда я написалъ объ этомъ дядѣ, онъ отвѣтилъ: живи, какъ хочешь, а я тебѣ помогать не буду. На первый мѣсяцъ мнѣ дали шесть рублей, и я, живя у дѣдушки, не нуждался въ деньгахъ.

Для человѣка не съ моимъ характеромъ у дѣдушки хорошо было жить. Онъ былъ добрый, практическій, умѣлъ занять, — него угодно, но черезъ часъ надобѣдалъ своими разказами и хвастовствомъ. Считаю себя за честнаго человѣка, онъ говорилъ, что становаму нельзя не брать взятку, и даже съ торжествомъ разказывалъ, какъ онъ однажды взялъ съ богатаго крестьянина за мертвое тѣло двести рублей и раздѣлялъ ихъ съ лѣнaremъ. Жизнь онъ велъ животную: свалъ послѣ обѣда и ночью на мягкой перишѣ съ своей женой, ѣлъ много, парился въ банѣ всласть, особенно много пилъ водки, и все остальное время проводилъ или въ ходьбѣ по комнатѣ, или игралъ

въ преферансъ съ женой и съ дядою. Дядою и зякомъ онъ ходилъ дома въ мѣховомъ халатѣ, который отъ сала и грязи приходилъ на крестьянскій армякъ; за пазухой постоянно у него лежалъ платокъ и берестенная табакерка съ нюхательнымъ табакомъ. Ему было 62 года, но волосы еще не сѣдѣли, за то лицо было безобразное: широкое, морщинистое, постоянно опухшее. Жена его была 27 лѣтъ; она была высокая, здоровая и красивая женщина съ черными волосами и бровями. Стояло ей только толкнуть пьянаго мужа, и онъ, какъ снопъ, валялся на полъ. Она двѣнадцать лѣтъ прожила у дѣдушки, сначала на посылакахъ, потомъ въ прислугахъ, и поняла его хорошо. Онъ ее полюбилъ, да и она привязалась къ нему, и они обвѣнчались. Отъ крестьянъ она отстала и уже не могла годиться въ жены крестьянину, потому что на нее много вліяла чиновничья среда, но при всемъ томъ въ ней не было и тѣни гордости; она ходила во дворъ босикомъ, сама доила корову, сама ходила на рѣку по воду и была, какъ и прежде, работницей въ домѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что носила шольковыя платья и шляпки, въ которыхъ она казалась очень смѣшною. Любо было смотрѣть на этихъ супруговъ, особенно утромъ. Дѣдушка вставалъ въ пять часовъ, жена часомъ позже. Встанеть бывало дѣдушка и пойдетъ чистить во дворѣ, дровъ наколетъ, печку затопитъ, потомъ начнетъ будить жену. Жена встанеть, умоется, помолится, корову подоитъ, дѣдушка самоваръ поставитъ. Чай пили большае молча, потому что обонимъ супругамъ не о чемъ было говорить. Хорошо, если у сосѣдей какая-нибудь новость случалась, напр. корова отелилась, сынъ родился, та-кая-то захворала, такой-то свою жену выгналъ. Послѣ чаю садятся они въ кухню на лавку.

— Ну-ка, Болдырько, чисти картофель! говорятъ жена мужу.

— Асньюно-й?

— Чисти, говорятъ.

— Чесвой-ты?

— Ну!...

— Уууу!... Экая ты коровушка, матушка... барыня, помеломъ обязанная...

Дѣдушка начинаетъ чистить картофель, а жена его моетъ посуду или приготовляетъ мясо къ щамъ. Дѣлаютъ молча. Дѣдушникъ сѣдается скучно. Подойдетъ онъ къ шкафу, возьметъ шесть коп. денегъ и пойдетъ въ питейную лавочку. А если онъ пошелъ туда, то и будетъ ходить

цѣлую недѣлю разъ по десять въ день: Пьяный дѣдушка былъ не-сносенъ: онъ долго не могъ заснуть, ходилъ или лежалъ и постоянно рассуждалъ вслухъ. Особенно онъ надоѣдалъ мнѣ. Читаю я книгу, бывало, а онъ подходитъ ко мнѣ и начинаетъ что нибудь рассказывать, что я уже слышалъ отъ него разъ десять. Надо слушать, а то онъ обидится, обругаетъ, что и случалось часто. Если ему не хочется говорить, онъ ругаетъ жену, какъ только можетъ, хочетъ ее ударить, она ловко отвертывается, и это его еще больше злитъ. Пьяному ему часто приходило въ голову, что онъ напрасно женился, что онъ даже вовсе не хотѣлъ жениться, но его насильно обѣнчали священники, и разъ даже хотѣлъ прогнать жену, чего, конечно, никогда бы не сдѣлалъ трезвый. Впрочемъ, его и жену его всѣ сосѣди любили, за то, что они давали въ долгъ деньги безъ росписокъ и процентовъ.

Мнѣ по прежнему хотѣлось жить одному. Ужь если мнѣ надоѣло съ воспитателями, то я въ такомъ семействѣ никакъ не могъ жить, потому что здѣсь мнѣ мѣшали читать. Поэтому я спалъ больше въ картингѣ въ зимнеѣ возкѣ, а послѣ обѣда читалъ тамъ книги.

XVIII.

Каждую недѣлю я ходилъ къ матери Ольги. Жила онѣ въ это время очень бѣдно, занимали двѣ комнаты, за которыя платили по два рубля въ мѣсяцъ, и пробавлялись только тѣмъ, что шили халаты въ гостинный дворъ; жить бы еще было можно какъ нибудь, но мать пила по прежнему водку и пропивала все, что зарабатывала. Ольга была теперь красивая, высокая дѣвушка шестнадцати лѣтъ, но на сколько она развита—я не могъ знать, потому что при мнѣ она больше молчала, да и мать нигуда не выходила изъ комнаты. Когда же мать выходила, то я не зналъ, что сказать дочери; она краснѣла, ниже склоняла голову къ работѣ или смотрѣла въ окно, выходящее во дворъ. Придешь къ нимъ, поздороваешься, справишься о здоровьи, тебя спросятъ: здоровеньки ли вы? что новенькаго.—Здоровъ я, это видно сразу, иначе бы не пришелъ, но ужъ таковъ обычай у русскихъ людей, что надо справляться о здоровьи. Что же касается до новостей, то я ихъ почти не зналъ, потому что читалъ только журналы. Ну, и скажешь: не знаю; покраснѣешь, не-

ловко какъ-то сдѣлается, что я новостей не знаю! Спросить нѣтъ еще что нибудь, отвѣчу, что придется, а потомъ и сидишь да куришь папирсы. Всѣ молчать и ты молчишь, тошно становится, досадно, что я не умѣю занять ихъ, что, пожалуй, еще сочтутъ меня глупымъ; хочется уйти, а уйти къ кому... Сидишь и омышь только смотришь то на мать, то на дочь. Тошно станетъ, встанешь и берешь шапку.—Вы куда?—Домой.—Что вамъ дома дѣлать? Посидите.—Некогда, случно... Да посидите, Петръ Васильичъ! скажетъ она.—Согласишься и опять сидишь молча. Не то бывало съ другими мужичками, которые приходили къ матери Ольги. Это были все женихи. Они прямо высказывали это, не смотря на то, что двое изъ нихъ служили въ одномъ мѣстѣ, жили на одной квартирѣ, а третій уже собирался жениться въ другой разъ.

Одинъ изъ нихъ былъ канцелярскій, а другой вольнонаемный писецъ, сосланный сюда за нѣвѣсто мещеничества, о которыхъ онъ рассказывалъ очень горячо. Получали они жалованья по пяти рублей и пробивались различными доходами. Я замѣтилъ въ нихъ большую испорченность: они только и говорили, что о какихъ-то женщинахъ да открытыхъ домахъ, и старались перехвастать другъ друга, кто изъ нихъ имѣлъ больше успѣха. Объ Ольгѣ они рассуждали съ такими грязными намеками, что даже мнѣ обидно за нее дѣлалось.

Мнѣ захотѣлось спасти эту дѣвушку отъ соблазна и откровенно переговорить съ нею и матерью. Но какъ начать? Въ мою башку заѣхла глупая мысль: ужь не торгуешь ли мать дочерью? Я твердо рѣшился высказать это обоимъ.

Однажды я пришелъ къ нимъ и засталъ Ольгу одну. Она, кажется, была рада, что я пришелъ.

- Гдѣ мамаша?
- Ушла куда-то, скоро будетъ.
- Ничего, если она меня застанетъ?
- Полноте, Петръ Васильичъ! она васъ очень любитъ.
- Это вы что починаете?
- Манишку Сергѣю Ильичу... А что?
- Такъ... Ольга Семеновна, мнѣ бы съ вами много надо поговорить, да негдѣ.
- И мнѣ бы хотѣлось.
- Такъ давайте, мы люди давно знакомые.

— Скажите, что это за люди къ вамъ ходятъ?

— Женщины!—и она разсѣялась, но потомъ какъ-будто ей досадно стало.

— Это женихи плохіе: я говорю съ ними.

— Я знаю. Да что дѣлать, если мамаша принимаетъ ихъ.

— Зачѣмъ она принимаетъ?

— Не знаю.

— Вѣдь она не хочетъ васъ выдать за нихъ?

— Нѣтъ. Сватался какой-то при мнѣ, да я сказала, что не хочу замужъ. Я лучше въ монастырь пойду. Надоѣло мнѣ жить-то даже, Петръ Васильевичъ,—моя мать мнѣ даже опротивѣла... проговорила она съ досадою.

Мнѣ жалко было бѣдную дѣвушку; сердце билось сильно. Я змился.

— Терпите, старайтесь какънибудь все сносить, сказалъ я съ жолчью.

— Да, тошно жить-то. Кромѣ того, что она заваливаетъ меня работой и ругаетъ съ утра до вечера за какое-то хеумънье, она коритъ меня еще тѣмъ, что ко мнѣ ходятъ мужчины.

— Пусть ее коритъ. А вы сдѣлайте вотъ что: если придетъ какой-нибудь мужчина, которымъ она попрекаетъ васъ, вы скажите матери: зачѣмъ, молъ, вы принимаете его? прогоните его.

— А если онъ станетъ говорить ей что-нибудь худое про меня?

— Не посмѣетъ. А если станетъ, влюбните ему въ поганую рожу.

— Это некрасиво.

— А они красиво дѣлаютъ?

Пришла мать на веселѣ. Напились чаю. Я приступилъ къ дѣлу.

— Въ прошлый разъ я былъ у жениховъ вашей дочери, сказалъ я ей, и узналъ, что это за люди.

— Что же они?

— Они разсуждаютъ о вашей дочери очень сжестоко,—и я разсказалъ ей все, что слышалъ о нихъ.

Мать озлилась, обругала ихъ, выхватила манишку изъ рукъ Ольги и, швырнувъ ее на полъ, начала бранить Ольгу.

— Ольга Семеновна невиновата...—Больше я ничего не могъ ей сказать, потому что она обругала бы и меня, а пожалуй, и прогнала бы. Съ этихъ поръ я не видалъ въ ихней квартирѣ мужчинъ-жениховъ. Объ Ольгѣ я такъ разсуждалъ: что она дѣвушка честная, но неразвитая. Ей нужно много читать, многое растолковывать. И сталъ я

ходить къ нимъ рѣже, читалъ книги, но говорить съ ней мнѣ такъ откровенно, какъ въ прошлый и въ первый разъ въ жизни, больше не приходилось, потому что мать ея постоянно сидѣла съ ней, и если нужно было что нибудь купить въ лавкѣ—посылала дочь. Было разъ предложеніе пройтись съ ними по бульвару, но я отказался, потому что еще не имѣлъ намѣренья жениться, а въ Орѣхѣ люди были такого понятія, что если молодой человѣкъ ходитъ съ дѣвицей, то онъ или женихъ или любовникъ, или просто словилъ ее гдѣ нибудь въ темномъ углу.

А любовь проклятая все болѣе и болѣе усиливалась. Идти къ нимъ хотѣлось каждый день, но только-что пойдешь, дойдешь до изъ улицы, подумаешь: что мнѣ тамъ надо? Озавишься, что она не одна, и вернешься назадъ. Но какъ не удержишь себя, а черезъ мѣсяцъ опять идешь туда и опять зѣваешь и проваливаешь себя за то, что идти бы вовсе не слѣдовало.

XIX.

Въ скоромъ времени я поссорился съ дѣдомъ и нанялъ себѣ отдѣльную квартиру. Въ домѣ, въ которомъ я поселился, были двѣ комнаты съ печью и кухня, тоже съ печью и полатями. Въ первой комнатѣ помѣщался я, а въ другой жилъ какой-то бывший дворовый человѣкъ, занимавшійся прислуживаніемъ въ трактирахъ и помогавшій половымъ сбывать воровскія вещи. Онъ жилъ съ любовницей, которую называлъ своей женой, которая не имѣла паспорта. Такъ какъ въ провинціи нѣтъ порядка, чтобы жильцы предъявляли свои виды въ полицію, то хозяева часто не спрашиваютъ видовъ отъ жильцовъ, одѣтыхъ прилично. Скажетъ жилецъ, что онъ отставной губернскій секретарь, хозяинъ и считаетъ его за хорошаго жильца, лишь бы онъ платилъ деньги хорошо. Уже послѣ оказывается, что жилецъ — бѣглый солдатъ. Брюковъ, квартирантъ рядомъ со мной, приходилъ домой поздно пьяный, билъ свою жену, чѣмъ попало, ругалъ хозяйна и кормилъ свою мать старуху тѣмъ, что она ѣсть его хлѣбъ. Какъ ни работала его любовница, какъ ни добывала деньги мать нищенствомъ и мытьемъ половъ, онъ всѣ деньги проигрывалъ на бильярдѣ, пропивалъ и не являлся домой по недѣлѣ. Были тутъ и другіе жильцы: жили мѣщане, семинаристы, дячки и чиновники. Всѣ

эти господа очень не нравились мнѣ, и, черезъ недѣлю или мѣсяцъ, я, чтобы избавиться отъ нихъ, ловко выжи瓦алъ ихъ изъ дому, и впоследствии завладѣлъ обѣими комнатами.

Хозяева меня любили; я привыкъ къ нимъ. Оба, мужъ и жена, — молодые, бѣдные, потому что оба лѣнились. Я удивлялся, какъ это хозяинъ можетъ сидѣть сложа руки, тѣмъ болѣе, что онъ умѣетъ писать. Сколько я ему не совѣтовалъ заняться чѣмъ нибудь, онъ остался при томъ убѣжденіи, что служить, кому бы то ни было, онъ не хочетъ, а къ работѣ непривыченъ. Получить онъ отъ меня денегъ, пропѣсть ихъ, а потомъ бѣеъ жену, которую трезвый онъ очень любилъ. Къ лѣни ихъ побуждало; можетъ быть, и то, что ихъ родные привозили имъ мясо, муку, масло и пр.

Въ это время я очень скучалъ. Мнѣ хотѣлось имѣть друга, но такого друга, какова нужно было мнѣ, — я не могъ найти. Я рассчитывалъ, что не ошибусь, если женюсь на Ольгѣ; но, во-первыхъ, я все-таки не могъ узнать ее хорошенько, а во-вторыхъ, мнѣ не хотѣлось жить съ ея матерью. Но какъ ни думаешь, а пойдешь къ намъ. Подойдешь къ ихъ квартирѣ, и вдругъ чувствуешь, что сдѣлается какъ-будто стыдно, хочется уйти назадъ, а правая рука уже дверь отпираетъ... Теперь поздно! Вопъ ова сидитъ, шьетъ. Оглянулась на меня, улыбнулась...

- Здравствуйте, Ольга Семеновна.
- Мое почтеніе. Здоровеньки ли?
- Прекрасно благодарю. Мамаша дома?
- Спитъ.
- Что подѣлываете.
- Шью.
- Что новенькаго?

Все это было переспрошено уже много разъ и прежде. Послѣ этого настаетъ скука.

- Вы прочитали такую-то книжку?
- Не успѣла... А вамъ надо?
- Нѣтъ еще... Вы бы какъ нибудь прочитали.
- Нелюда.

Опять молчишь. Я курю и смотрю на нее. «Хороша ея головка; и волосы, и лобъ, и лицо хороши, да что въ нихъ толку-то? Какъ бы лобъ-то развернуть? А досадно, если я ее не узнаю.»

- Что подѣлываете? спросить вдругъ она.

— Читаю. Я вот что вычиталъ, — и рассказываю, что вычиталъ, она молчитъ, и кажется, что ей это не нравится. Она любила читать и слушать только смѣшное; я же смѣшное не умѣлъ рассказывать.

— Вы поняли?

— Что?

— Что я говорилъ.

Она покраснѣетъ и скажетъ: нѣтъ; мнѣ досадно сдѣлается.

— Объ чемъ вы это говорите, скажетъ мать, выйдяши изъ другой комнаты и поздороваеся.

Мать была со мной очень любезна и намекала, что ей хотѣлось бы, чтобы я женился на Ольгѣ. А я сильно боролся: жениться или нѣтъ. Написалъ я дядѣ объ этомъ, тотъ отвѣтилъ, что онъ мнѣ приишетъ богатую невѣсту, но впрочемъ не запрещалъ.

Были Ольгины именины; я былъ у нее. Мать выпивши; дочь скучная. Бѣли орѣхи, играли въ карты, въ дурачки. Мать угостила меня водкой, и я, вызвавъ ее въ другую комнату, сказалъ ей о своемъ намѣреннѣ.

Мать обрадовалась, но сказала, что она спроситъ ея согласія и приводивать ее не станетъ. За отвѣтомъ велѣно придти дня черезъ два. Оказалось, что я долженъ ей купить шляпку и саломъ, а у меня было денегъ только три рубля. Я вышелъ отъ нихъ точно ошеломленный.

Дорогой я опомнился, что сдѣлалъ глупость. Я даже обидѣлся на себя за то, что началъ съ матери, и рѣшился не ходить къ нимъ. Съ этихъ поръ я сталъ заниматься крѣпче, и когда мнѣ хотѣлось идти къ нимъ, я уходилъ къ знакомымъ, товарищамъ... Хорошо; что у меня были все новые товарищи и хорошіе знакомые. Я имъ говорилъ, что хочу жениться; они смѣялись надо мной; у нихъ я развлекался и приходилъ домой поздно, большею частью пьяный. А пилъ я не съ горя, а просто баловался.

Черезъ мѣсяцъ я услышалъ, что Ольга выходитъ замужъ за есаулшера, человека, имѣющаго свой домъ. Это меня на первый разъ взбѣсило, а потомъ, какъ я обдумался, мнѣ стало какъ-то легче. Въ это время я пришелъ къ тому заключенію, что Ольга меня не любила, и что я бы покался, если бы женился на ней, потому что она была капризна и во многомъ не сошлась бы со мной. — Вѣроятно, не всѣ же женщины такія, утѣшалъ я себя: будемъ другихъ искать, авось случайно нарвемся на какую нибудь...

XX.

Въ Орѣхѣ одинъ человѣкъ прозвалъ меня самолюбивымъ; дѣйствительно, я о себѣ очень много мечталъ: стихи писать мнѣ ничего не значило. Я драмы каталъ съ плеча и думалъ, что я славный сочинитель. Думалъ я, что если я куда нибудь пошлю въ редакцію свои сочиненія, то тамъ не напечатаютъ только потому, что я не чиновникъ. Хотѣлось мнѣ посоветоваться съ умными людьми, но къ нимъ трудно было подступиться. Пришелся мнѣ протоколистъ палаты, бывшій мой учитель, потому что онъ былъ дѣйствительно умный господинъ. Ему-то я и написалъ письмо такого рода, что я считаю его за умнаго человѣка, уважаю и потому прошу его прочесть одну мою драму. Онъ согласился. Прочитавши драму, онъ сказалъ мнѣ, что содержаніе ея хорошее, но написана она неудачно. Черезъ нѣсколько времени, я написалъ письмо другому умному человѣку, Павлову, служившему въ палатѣ же, и котораго любилъ предсѣдатель. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ писать, и принялъ во мнѣ большое участіе. По его совѣту, я написалъ статью для губернскихъ вѣдомостей о казенно-палатской библіотекѣ. Онъ ее поправилъ. Когда я увидѣлъ ее въ губернскихъ вѣдомостяхъ, то былъ въ такомъ неопisanномъ восторгѣ, въ какомъ, я думаю, не былъ и дядя, когда увидѣлъ свое производство въ сенатскихъ вѣдомостяхъ. Я чувствовалъ какую-то необыкновенную силу въ себѣ, какъ-будто я выше и умнѣ всѣхъ казенно-палатскихъ сталъ. Служащіе меня, то и дѣло, поздравляли. — Показали статью предсѣдателю.

Предсѣдатель призывалъ меня къ себѣ.

— Написано хорошо. Эта не вы сочинили.

— Нѣтъ, я.

— Какъ же вы пишете, а меня не спрашиваетесь?

— А нужно развѣ?

— Конечно нужно. Впередъ будете писать, — не смѣйте безъ моего совѣта печатать.

Я обидѣлся такимъ предложеніемъ и рѣшился не исполнять его. Послѣ этого я завалилъ редактора своими статьями. Онъ не зналъ, что дѣлать съ ними, и только одну изъ нихъ напечаталъ, за которую меня принавшие собирались даже похлопотать. Когда я сталъ

просить у редактора денег, онъ сказалъ: я говорилъ вице-губернатору объ васъ, но онъ не соглашается дать.

Въ палатѣ всё считали меня за сочинителя, но начальство, какъ и подобаетъ быть, обращалось со мной, какъ съ писателемъ, и ухомъ не вело, что у нихъ служить такой герой. Одна секретарша только подговаривалась на мои канцелярскіе шутки, она была съ открытымъ въ губернскихъ-то... Только меня, пожалуйста, не тронь.

Открыли мнѣ и въ не-привелось, в отделе: маньяка: въ губернскихъ ведомостяхъ бывшій изданный товарищъ, инновационный въ нити много статей и бывшій улиточникъ изобретатель. Онъ такъ меня отблалъ, что я вынужденъ съ высшимъ своимъ блаженства на прошлое место: мнѣ советомъ было и глаза помыть на улицу.

Написать было я еще одну статью, да ужъ очень рѣзкую. Прихожу я къ редактору, онъ подаетъ ее мнѣ.

— Я отдала ее советнику губернскому провешину. Онъ взял ее некрывать.

Посмотрѣвъ я, — такими толстыми чертами, ишь... всадникъ, нечетко, точно они тараканы въ брызгахъ размазывать по бумагѣ, но своего ничего не написать. Взглянувъ я на нихъ, ее и ужъ больше ничего не отдавалъ редактору.

XXI.

Большинство служащихъ въ палатѣ при мнѣ состояло изъ стариковъ, дѣтей и родственниковъ, такъ что полъ палаты была рожь другъ другу; всё они жили своими домами и на судбу не жаловались. Молодые люди женились рано и очень выгодно. Они женились и на мѣщанкахъ, но только въ такомъ случаѣ, если у невѣсты была домъ или если черезъ нихъ можно было получить въ палатѣ должность. Канцелярскіе чиновники котъ и назвались съ виду приятелями, но всячески старались обидѣть чѣмъ нибудь товарища, наговорить на него начальнику или выслужиться.

Губернаторъ не любилъ молодыхъ людей, трусилъ ихъ почему-то, и даже хотѣлъ закрыть нашу библиотеку, но председателю удалось претивъ этого: библиотека эта была открыта председателемъ по совету одного лица. Открыла ее пожертвованіями: советники пожерт-

вовали старые журналы, разрозненные, дрянные книжонки, да по подпискѣ собрали рублей сорокъ; дали спектакль въ пользу библіотеки и, за расходами, получили рублей тридцать. На эти деньги не могли выписать много книгъ, но все-таки нѣкоторые періодическія изданія были выписаны. Когда разрѣшили выдавать книги постороннимъ, — денегъ собралось больше. Читающихъ съ перваго разу было очень мало, но большая половина палатскихъ служащихъ не соглашалась платить рубля за годовое чтеніе, — изъ нихъ уже вычитали силой. Для палатскихъ служащихъ библіотека была мѣстомъ для куренія, и многіе поговаривали, что не худо бы здѣсь открыть буфетъ съ водкой и закуской. Черезъ два года библіотека пришла въ такое жалкое положеніе отъ небрежности библіотекарей и ихъ помощниковъ, книгъ стало такъ мало для постороннихъ читателей — денегъ еще меньше, — что дѣльные служащіе совѣтовали продать книги, и деньги раздѣлить между собою. Для этого библіотека собирала общія собранія, но дѣло кончилось ничѣмъ. — Въ губернскомъ городѣ я замѣтилъ большую *перемѣну*, какъ тамъ выражаются. Прежде, рѣдкаго жителя можно было вытащить изъ дому къ рѣкѣ, теперь каждый въ шесть часовъ вечера, два раза въ недѣлю, вынолзаетъ изъ своей норы и, позѣывая, идетъ не торопясь, на берегъ въ загонъ (загородка). Тамъ, по приказанію губернатора, два раза въ недѣлю играетъ музыка. Это устроилось сообразительностью единственнаго въ этомъ городѣ военнаго генерала (губернатора). Пошелъ онъ на берегъ. Мѣстность понравилась ему. Пошелъ въ другой разъ, въ третій. Городъ подвинулся, зачѣмъ это губернаторъ на берегъ ходитъ? Пошли пять человекъ и испугались губернатора. Приказалъ онъ сдѣлать загородку и насадить деревьевъ. Городъ понялъ, въ чемъ дѣло, и улыбнулся надъ такой штукой. Березки эти скоро обглодали козы, и народъ сталъ ходить къ рѣкѣ, не чувствуя никакого удовольствія, а наблюдая за барями, какъ тѣ ходятъ, какіе на нихъ наряды, не оступится ли ктонибудь и т. п.; а послѣ гулянья чиновники рассказываютъ дома, какъ какойнибудь невѣжа наступилъ на *помело* барышни и какъ та обозвала его дуракомъ. Теперь народъ собирается для музыки, большинство смотритъ на музыкантовъ, остальные ходятъ. Не знаю, какъ теперь, а при мнѣ мелкіе чиновники стѣснялись быть въ загонѣ, потому что тамъ гуляло парадное начальство. Чтобы привлечь еще больше народу, губернаторъ разъ съ ватагою *передовыхъ людей* горсда изволялъ спу-

статься ибникомъ съ герм, прокатиться въ ледки, замочить, но невозможности, свои бриси и ениги возбужать на гору. Такой интуи от него не ожидали, — подивились, и въ другой разъ народу собралось больше, но ужь интуи не вышло и губернатора въ этотъ день не было. — Просвѣщенные люди хвалятъ это и радуются, что говоръ сливается но-едино.

А въ это время испытывалъ полное чиническое счастье. Начальство не мнѣ благоволитъ и общало въ казатъ какую бы то ни было должность. Дядя радовался, что я получаю уже двѣнадцать рублей. Въ городѣ были у меня пріятеля, которыхъ я угощаю еженедельно, и самъ угощался ими до емоложения. ризы. Но все это — назиданье, кармъ, принесли и служба, — ужасно мнѣ надоедо. Были ипрочеки и хороши: пріятеля и говорили краснью, либеральничали, называли себя передовыми людьми, но при случаѣ подмывали и дѣлали гадости. Скансьми мнѣ покорить, что это изокораню, — они говорятъ: казыя, стъ воинами жить — но мочьди бытъ.

— Въ столицу?! думалъ я. Пусть они гнѣютъ здѣсь и идутъ на удобравіе земки, авось со временемъ явятся люди лучше ихъ.

— Но какъ жить? Что тамъ дѣлать?

А уѣхать мнѣ очень хотѣлось. Привычный къ хаосу и къ разныиъ квартирантъ, я не вѣрилъ различнымъ разсказамъ объ ужасахъ столичной жизни. Товарищи свѣжались надо мной и называли мои помѣшанствами. Дядѣ я не писалъ объ этомъ. Не жить не было никакой возможности, и я съ ужасомъ представляла собой свою жизнь въ провинции, и то, что будетъ со мною жить черезъ десять. — Неужели я буду такой же, какъ мой дядя или какъ эти губернскіе чиновники?... Вся цѣль вѣкъ жизни заключается въ томъ, чтобы дослужить до пенсії да отдохнуть отъ тяжелой жизни. А жить мени, видно, выйдетъ калѣка на всю жизнь...

Случай спора представлялся, и люди прездали его *дурацкимъ счастьемъ*.

С. П. ГЕОРГІЕВИЧЪ.

ТЕРЕЗА.

X.

Когда я проснулся на другой день, эти маленькия окна были завалены снѣгомъ, такъ что сквозь нихъ не было видно сосѣдняго дома. На улицѣ везли колокольники дядиной лошади Наннеля, запряженной въ санки; и вѣтъми тропина была невозмутима.

Я подумалъ, что вѣрно что-нибудь необыкновенное заставитъ дядю ѣхать въ такую погоду, и, одѣвшись, побѣждалъ узнать, что такое случилось.

Дверь въ коридоръ была отворена; дядя въ шкелубченной бобровой шапкѣ, въ галубѣ съ подвѣтными воротничкомъ, стоя на колѣна въ снѣгу, торопливо поправлялъ солому въ саняхъ.

— Ты уѣзжаешь, дядя? закричалъ я ему, подходя къ двери.

— Да, Фрицель, да, уѣзжаю, весело отбѣчалъ онъ:— не хочешь ли отправиться со мной?

Я очень любилъ кататься въ саняхъ, но, посмотрѣвъ на крупныя хлопья, летѣвшія по воздуху, и подумавъ, что будетъ холодно, отвѣчалъ:

— Въ другой разъ, дядя, а сегодня я лучше останусь дома.

Онъ громко разсмѣялся и ущипнулъ меня за ухо, что онъ дѣлалъ всегда, когда бывалъ въ хорошемъ настроеніи духа.

Мы вѣдѣвъ вошли въ кухню, гдѣ огонекъ мерцалъ въ очагѣ, распространяя пріятную теплоту по комнатѣ. Избага была чиста передъ маленькимъ, круглымъ окошечкомъ, выходящимъ на дворъ. Въ кухнѣ все было тихо; большія костраки, казалось, блестя ярче обыкновеннаго, и по ихъ вѣдутьимъ божьямъ мерцали такіе же огоньки, какъ подъ очагомъ.

— Теперь все готово, сказалъ дядя, отворяя шкафъ и взявъ себѣ въ карманъ краюху хлѣба.

Онъ сунулъ себѣ подъ шубу тыквенную бутылку съ киршвассеромъ, которую онъ бралъ всегда съ собою; потомъ, направляясь въ залу и взявшись за ручку дверей, онъ сказалъ старой служанкѣ чтобы она не забывала его приказанія:—поддерживать вездѣ хорошій огонь, не закрывать двери, чтобы слышать Терезу, и давать ей все, что она спроситъ, кромѣ ѣды,—такъ какъ въ цѣлый день ей давался только утромъи вечеромъ бульонъ и немного овощей,—и ни въ чемъ не противорѣчить ей.

— И такъ, мадамъ Тереза, весело сказалъ дядя:—вотъ я и собрался. Славно теперь прокатиться въ саняхъ!

Тереза въ глубинѣ алькова съ раздвинутыми занавѣсками, облокотившись на руку, грустно смотрѣла на окна.

— Вы ѣдете къ больному, господинъ докторъ? сказала она.

— Да, одинъ бѣдный дровосѣкъ изъ Данбала, верстъ за двадцать отсюда, попалъ подъ сани; рана у него опасная и отглядывать нельзя.

— Какъ тяжелы ваши обязанности! сказала тронутая Тереза:—выѣзжать въ такую погоду, чтобы помочь бѣдняку, который, можетъ быть, не оплатитъ вамъ за ваши услуги!

— Разумѣется, отвѣчалъ дядя, набивая свою большую фарфоровую трубку. Это ужъ нерѣдко со мной случалось; но что же дѣлать? Если человѣкъ бѣденъ, это еще не причина оставлять его умирать; мы всѣ братья, и несчастные имѣютъ такое же право на жизнь, какъ и богатые.

— Да, ваша правда, а между тѣмъ, сколько другихъ на вашемъ мѣстѣ остались бы дома сидѣть у печки, вмѣсто того, чтобы рисковать жизнью изъ-за удовольствія сдѣлать доброе дѣло!

Она съ глубокимъ сочувствіемъ подняла на дядю глаза и прибавила:

— Господинъ докторъ, вы — настоящій республиканецъ.

— Я, мадамъ Тереза! что вы это говорите! вскричалъ, смѣясь, дядя.

— Да, настоящій республиканецъ, продолжала она: — человѣкъ ни передъ чѣмъ неостававляющійся, презирающій страданія и неудобства ради исполненія своихъ обязанностей.

— Да, если вы это такъ понимаете, я очень доволенъ, что заслужилъ это названіе, отвѣчалъ дядя. Но во всѣхъ партіяхъ и во всѣхъ странахъ свѣта найдутся такіе люди.

— Ну, такъ они — наши, сами того не подозревая, господинъ докторъ.

Дядя не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вы за словомъ въ карманъ не погѣзете, сказалъ онъ, засовывая въ карманъ своей шубы кисеть съ табакомъ, — съ вами нельзя спорить!

Послѣ этого нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Дядя высѣвать огонь; я же, взявъ въ руки голову Сципіона, думалъ: «Ты у меня въ рукахъ.... и побѣдишь за мной.... мы вернемся къ обѣду и потомъ опять убѣжимъ....» На улицѣ лошади не переставала ржать, а мадамъ Тереза смотрѣла на крупныя хлопья снѣга, серебрившія стекла; дядя, закуривъ трубку, сказалъ:

— Меня не будетъ дома до вечера; но Фрицель останется съ вами и вы не будете слишкомъ скучать.

Онъ провелъ рукой по моей головѣ, а я покраснѣлъ, какъ разъ, что вызвало улыбку у больной.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ докторъ, кротко сказала она, я никогда не смучаю одна; пусть Фрицель побѣгаетъ съ Сципіономъ, это имъ здорово, да и гораздо пріятнѣе быть на улицѣ, чѣмъ сидѣть въ комнатѣ. Не такъ ли, Фрицель?

— Да, да, отвѣчалъ я, глубоко вздыхая.

— И тебѣ не стыдно такъ говорить? вскричалъ дядя.

— Да отчего же, господинъ докторъ? Фрицель, какъ маленькій Жанъ, говорить, что думаетъ, и правъ. Иди, Фрицель, бѣгай, веселись, дядя отпускаетъ тебя.

Какъ я любилъ ее въ ту минуту и какой задушевною казалась мнѣ ея улыбка!—Дядя разсмѣялся, взявъ въ углу у двери бичъ и, возвращаясь къ ней, сказалъ:

— До свиданья, мадамъ Тереза, берегите себя.

— До свиданья, господинъ докторъ, отвѣчала она, въ волненіи протягивая ему свою длинную руку: — отправляйтесь и да благословить васъ Господь!

Они замолчали и задумались; потомъ дядя сказалъ:

— Вечеромъ, около шести или семи часовъ, я буду дома; берегите себя, не безпокойтесь, все пойдетъ хорошо.

Послѣ этого мы вышли; онъ сѣлъ въ сани, укуталъ колѣни своей шубой и, тронувъ Раппеля кончикомъ бича, сказалъ мнѣ:

— Будь уменъ, Фрицель.

Сани тронулись и безъ шуму покатались вверхъ по улицѣ. Кто-то изъ добрыхъ людей, смотря въ окна, говорилъ:

— Господина доктора Якова, вѣрно, позвали къ какому нибудь опасному больному, иначе онъ не выѣхалъ бы въ такую погоду.

Когда дядя скрылся за угломъ улицы, я заперъ дверь въ сѣни и пошелъ ѣсть супъ у очага; Сципіонъ смотрѣлъ на меня, поднявъ

съверху густые усы свои, отъ времени до времени облизываясь и подмигивая глазами. Я далъ ему облизать дно тарелки, и онъ принялся за свою работу съ достоинствомъ и не выказывая жадности, какъ другія деревянныя собаки.

Время шло такимъ образомъ, и я собрался идти изъ дому, когда Дивабада, окончившая работу и вытиравшая за дверью руки подошницами, спросила меня:

— Фрицель, ты оставишь дома?

— Нѣтъ, я пойду къ маленькому Банеу Адену.

— Подслушай, такъ какъ ты обуваешься, дайъ съходи за одно къ кротолову за медомъ для французини, — господина докторъ желѣлъ одѣлать ей платье съ медомъ. Возьми чашку и съходи за судомъ. Скажи кротолову, что это для господина доктора. Возьмѣ тебѣ и денеги.

Ничего я такъ не любилъ, какъ исполнять порученія, въ особенности, когда приходилось бѣжать къ кротолову, обращавшемуся со мной, какъ съ большимъ. Я взялъ чашку и двинувъ съ Сидионовъ, чтобы отправиться къ кротолову, въ Крапивную улицу за деревью.

Нѣсколько кумушекъ мели передъ дверьми.

Въ жареннѣ «Золотой Кружки» раздавался звонъ стакановъ и бутылокъ, смѣхъ и шаги людей, поднимавшихся и спускавшихся съ лѣстницы. Мнѣ показалось это страннымъ, потому что въ тотъ день была пятница; я остановился посмотрѣть, дѣтъ ли свадьбы или крестинъ. Вставъ на цыпочки по другую сторону улицы, я началъ смотрѣть въ дверь, отворенную въ маленькия сѣни, и увидѣлъ въ глубинѣ кухни странный профиль кротолова, наклоняющагося передъ огнемъ, съ трубкой во рту, и смуглой рукой своей клавишаго уголь на табакъ.

Далѣе, вправо, я увидѣлъ старуху Гредель, въ тени съ развѣвающимися зубами; она убирала тарелки въ шкафу, а съ стѣны воть прогудивала до краю, магияла спину и поднимая къость.

Черезъ минуту кротоловъ вошелъ въ темная сѣни, выпуская большіе клубы дыма. Тогда я закричалъ ему:

— Кротоловъ! кротоловъ!

Онъ подошелъ къ лѣстницѣ и, смѣясь, окривилъ губы:

— Это ты, Фрицель?

— Да, я иду жѣ вамъ за медомъ.

— Эй, войди-ка выпить стаканчикъ, потомъ мы отправимся вмѣстѣ.

И повернувшись въ кухню, онъ закричалъ:

— Гредель, принеси-те стаканъ для Фрицеля.

Я почувствовалъ вбѣжать на лѣстницу, и мы вошли. Сципионъ поспѣваеъ за мной.

Сквозь облака дыму я увидѣлъ въ залѣ вдоль столовъ людей, одѣтыхъ кто въ блузы, кто въ пальто, кто бѣлыя въ курткахъ, въ колпакахъ или шапкахъ на бѣречь. Одни сидѣли прямо, а другіе верхомъ на концахъ скамеекъ, весело поднимая колѣны станы и празднуя великую кайзерлаутерискую побѣду; се всѣхъ концовъ раздавались голоса, пѣвшіе «Отчизну»; нѣсколько старушекъ шли тутъ же вмѣстѣ съ сыновьями, и, казалось, всѣ были очень веселы.

Я шелъ за кротоловомъ, который, согнувъ спину, пробирался въ свѣжѣ, выходящими на улицу. Тамъ, въ углу на право, сидѣли за бутылкой блага вина другъ Коффель и старикъ Адамъ Шмидтъ. Въ противоположномъ углу, цѣловальникъ Юсифъ Спинъ, въ шерстяномъ колпакѣ, и господинъ Рихтеръ въ охотничьемъ клатѣ, въ кожаныхъ штиблетахъ, пили глейцеллеръ подь зеленой печью. Оба они распраспѣлись, какъ раки, и кричали:

— Да здравствуетъ герцогъ Брауншвейгскій! За здоровье нашей славной арміи!

— Мѣсто человѣку! сказалъ кротоловъ, подходя къ нашему столу.

— Коффель, обернувшись, пожалъ мнѣ руку, а дѣдушка Шмидтъ сказалъ:

— Слава Богу, слава Богу! вотъ и вспомогательное войско.

Онъ посадилъ меня подлѣ себя, къ стѣнѣ, а Сципионъ тотчасъ же подошелъ къ нему и носомъ дотронулся до руки съ видомъ стараго знакомаго.

— Хе-хе-хе! заговорилъ старшій солдатъ: — да это ты, старина; такъ ты узнаешь меня!

Гредель приехалъ становя, а кротоловъ наполнилъ его. Въ ту же минуту господинъ Рихтеръ съ маслиной закричалъ съ другого конца:

— Эй, Фрицель, здоровъ ли господинъ докторъ Яковъ? Тамъ еще неидеть праздновать сраженіе и побѣду?— Удивительно, такой потѣнный патриотъ!

Я же, не зная, что отвѣчать, непотомъ сказалъ Коффелю:

— Дядя пожалъ въ бѣдному дровосѣку, поставшему подь сани.

Тогда Коффель обернулся и внятно проговорилъ:

— Въ то время, какъ внукъ бывшего ланца Сальвъ-Сальма, протинувъ подь столъ ноги, сидитъ себѣ у печки и пьетъ глейцеллеръ въ честь пруссаковъ, которые смѣются надъ нимъ,— господинъ

докторъ Яковъ, не смотря на снѣгъ, ѣдетъ навѣстить бѣднаго дровосѣка, попавшаго подъ сани. Это не такъ удобно, какъ давать деньги въ ростъ.

У Коффеля немного шумѣло въ головѣ, и всѣ присутствующіе слушали его, улыбаясь. Рихтеръ, вытянувъ лицо и сжавъ губы, помолчалъ нѣсколько минутъ, а потомъ возразилъ:

— Чего не дѣлаютъ изъ любви къ правамъ человѣка, къ боги-нѣ разума и свободы, въ особенности, когда истая гражданка под-держиваетъ насъ!

— Замолчите, господинъ Рихтеръ, громкимъ голосомъ закричалъ кротоловъ! — Господинъ докторъ такой же вѣрный нѣмецъ, какъ и вы; а эта женщина, о которой вы говорите, не зная ее,—хорошая женщина. Спасая ей жизнь, докторъ Яковъ исполнилъ только свою обязанность; вы постыдились бы вооружать здѣшнихъ жителей противъ бѣдной больной, которая не можетъ сама защищаться:—это отвратительно!

— Я замолчу, когда захочу, въ свою очередь закричалъ Рихтеръ.—Вы очень громко кричите... Ужь не одержали ли французы побѣды!

Тутъ Кротоловъ, лицо котораго побагровѣло, хлопнулъ кулакомъ по столу, такъ что стаканы чуть не попадали; онъ, казалось, хотѣлъ вскочить, но снова сѣлъ, сказавъ:

— Я имѣю право радоваться побѣдамъ Старой Германіи, по крайней мѣрѣ, не менѣе васъ, господинъ Рихтеръ, такъ какъ я старый нѣмецъ, какъ и отецъ мой, и дѣдъ мой, и всѣ кротоловы уже двѣсти лѣтъ извѣстны въ деревнѣ Анштатѣ пчеловодствомъ и умѣньемъ ловить кротовъ, а повара Сальмъ-Сальмовъ отъ отца до сына разгуливали съ своими господами по Франціи, повертывая вертѣла и вылизывая барскія вострюли.

Послѣ этихъ словъ, вся зала разразилась смѣхомъ, а господинъ Рихтеръ, видя, что большинство не принимаетъ его стороны, счелъ болѣе благоразумнымъ умѣрить себя, и отвѣчалъ уже спокойнымъ голосомъ:

— Я никогда лично не говорилъ ни противъ васъ, ни противъ доктора Якова; напротивъ того, я знаю, что господинъ докторъ—и знающій, и честный человѣкъ. Но это не мѣшаетъ, чтобы въ такой день, какъ сегодня, каждый добрый нѣмецъ веселился.—Послушайте, это вѣдь не совсѣмъ обыкновенная побѣда, это конецъ знаменитой единой и нераздѣльной республики.

— Какъ! какъ! закричалъ старый Шмидтъ:—конецъ республики? Вотъ это новость!

— Да; ей не прожить и шести месяцевъ, съ увѣренностью за-
мѣтилъ Рихтеръ, потому что французовъ выгонятъ изъ Байер-
лаутерна въ Горнбахъ; изъ Горнбаха въ Сарбрюнненъ, въ Метцъ
и, такимъ образомъ; до Париза. Войдя разъ во Францію, у насъ
явятся куча друзей, готовыхъ поддерживать насъ: дворянство, духо-
венство и всѣ порядочные люди будутъ за насъ, они только и ждутъ
нашей арміи, чтобы возстать. Что же касается этой шайки него-
дней, набранныхъ со всѣхъ сторонъ, безъ офицеровъ и дисципли-
ны,—какъ можетъ она устоять противъ старыхъ солдатъ, стобланныхъ,
какъ скалы, двигающихся въ хоршемъ боевомъ порядкѣ; подъ
предводительствомъ стараго, воинственнаго духа? Кучка какихъ-то
сапожниковъ безъ полководца, даже безъ настоящаго капитана, му-
жики, нищие, настоящіе безнастойщики—какъ они сами себя нава-
ваютъ,—я васъ спрашиваю, что они могутъ подѣлать противъ Бра-
уншвейгговъ, Вурмзеровъ и сотни другихъ старыхъ генераловъ,
испытанныхъ въ опасностяхъ семилѣтней войны?—Они будутъ раз-
биты и погибнутъ тысячами, какъ саранча осенью.

Въ ту минуту вся зала была одного мнѣнія съ Рихтеромъ, и
многіе говорили:

— Вотъ что называется говорить дѣло; давно и мы думаемъ
точно такъ же.

Кротоловъ и Коффель молчали оба; но старикъ Адамъ Шмидтъ,
улыбался, качая головой. Спусти минуту молчанія; онъ положилъ
трубку свою на столъ и сказалъ:

— Господинъ Рихтеръ, вы говорите точно какъ камендаръ, вы пред-
сказываете будущее удивительно хорошо, но все это для другихъ
не такъ ясно; какъ для васъ самихъ. Я готовъ вѣрить, что люди
древнихъ родовъ созданы быть генералами; потому что дворяне и
родятся уже капитанами; но отъ времени до времени мѣняютъ
генералы и изъ мужиковъ, и такіе генералы бывають не изъ
плохихъ, потому что приобретаютъ это званіе своимъ собственнымъ
достоинствомъ. У этихъ республиканцевъ, которые называются
такими глупцами, иногда такія являютоя умныя мысли; напримеръ:
устроить у себя, чтобы каждый могъ сдѣлаться фельдмаршаломъ,
если онъ храбръ и уменъ; оттого всѣ солдаты дерутся, какъ львы,
въ рядахъ держатся непоколебимо и впередъ несутся, какъ божь-
бы, потому что каждый надѣется отличиться и сдѣлаться капита-
номъ; полковникомъ или генераломъ. Я смотрѣлъ на нихъ изъ окна
дома Дежера; изъ перваго этажа противъ фонтана, во время двухъ
атакъ крестовъ и улановъ, великолѣпныхъ атакъ,—и, право, былъ
очень удивленъ, господинъ Рихтеръ, видя, какъ держатся эти безъ

паспортники. А командиръ ихъ, съ своей толстой рожей лотарингскаго мужика и съ своими маленькими кабаньими глазами, доставилъ мнѣ истинное удовольствіе. Одѣтъ-то онъ былъ хуже какаго нибудь прусскаго майора, но сидѣлъ на лошади такъ спокойно, какъ будто ему наигрывали на кларнетѣ. Наконецъ, они всѣ скрылись, это правда, но на нихъ нашла цѣлая дивизія, а на мѣстѣ они оставили только ружья и лягушки убитыхъ. Съ такими солдатами, повѣрьте, господинъ Рихтеръ, — не пропадешь. Нѣмецкіе старые генералы хороши, но молодые французскіе — еще лучше, и когда старые дубы сгниютъ, молодые замѣнятъ ихъ. Не думаю, чтобы республиканцы бѣжали, какъ вы говорите, — они отличные солдаты, и будь у нихъ одинъ-два генерала, — такъ берегитесь! И очень берегитесь, тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что при десяти или двѣнадцати сотняхъ тысячъ мужиковъ выбору больше, чѣмъ изъ десяти или двѣнадцати тысячъ нашихъ разжирѣвшихъ бароновъ мужицкая порода, можетъ быть, не такъ изящна, но она гораздо надежнѣе.

Старикъ Шмидтъ остановился перевести духъ, и видя, что всѣ его слушаютъ, онъ продолжалъ.

— Вотъ я, напримѣръ, еслибъ я имѣлъ счастье родиться въ такой странѣ, неужели, вы думаете, я удовольствовался бы быть Адамомъ Шмидтомъ, сержантомъ гренадеровъ, съ ста гульденами пенсіи, шестью ранами и пятнадцатью походами? Нѣтъ, нѣтъ — выкиньте это изъ головы, — я былъ бы батальоннымъ командиромъ полковникомъ или генераломъ Шмидтомъ, съ хорошей пенсіей, тысячи въ двѣ талеровъ, или же давно сложили бы гдѣ нибудь свои кости. Когда храбрость ведетъ ко всему, она и является въ людяхъ; когда же она не даетъ ничего болѣе, какъ званіе сержанта и помогаетъ дворянамъ хватать чины, — всякій бережетъ свою шкуру.

— А образованіе! вскричалъ Рихтеръ, такъ вы ни во что не считаете образованіе? Развѣ человѣкъ, неумѣющій читать, стоитъ какаго нибудь герцога Брауншвейгскаго, знающаго все?

Тутъ Коффель обернулся и спокойно сказалъ:

— Это правда, господинъ Рихтеръ, образованіе составляетъ половину человѣка, можетъ быть, даже три четверти. Вотъ отчего эти безпаспортники и дерутся не на животь, а на смерть, — они хотятъ, чтобы ихъ сыновья могли получать образованіе такъ же, какъ и герцоги Брауншвейга. Недостатокъ образованія производитъ нищету, а нищета рождаетъ пороки. Самый страшный грѣхъ, лежащій на душѣ богачей, — это то что они отказываютъ въ образованіи бѣднякамъ, для того, чтобы стоять всегда выше насъ; это все равно, какъ

если бы намъ выкалывали глаза при рожденіи, чтобы пользоваться нашей работой. Богъ накажетъ за это преступленіе, господинъ Рихтеръ, потому что онъ справедливъ. И если эти безпаспортники проливаютъ кровь свою, какъ они говорятъ, за то, чтобы этого не было болѣе на свѣтѣ, то всѣ честные люди должны согласиться съ ними.

Коффель продолжалъ говорить такимъ образомъ, объясняя, что если бы родители его могли научить его чему нибудь, то, можетъ быть, вмѣсто жалкаго бѣдняка, онъ дѣлалъ бы честь Анштату и былъ бы полезенъ. Всѣ думали то же, что и онъ, и многіе говорили между собою: «что вышло бы изъ насъ, если бы насъ учили? Развѣ мы были глупѣе другихъ? Нѣтъ, Господь распространяетъ на всѣхъ свой животворящій свѣтъ и нѣжную росу. У насъ были хорошія стремленія, мы жаждали истины, но насъ оставили во мракѣ изъ расчета и чтобы удержать насъ на низкой ступени. Эти люди хотятъ возвышаться, мѣшая другимъ расти,—это несправедливо!»

А я, подумавъ тогда, какъ старается дядя Яковъ учить меня читать по Бюффону, сталъ раскаяваться, что не извлекаю достаточно пользы изъ его уроковъ, и былъ совсѣмъ сконфуженъ.

Г. Рихтеръ, видя, что всѣ противъ него, и не зная, что отвѣчать на справедливыя слова Коффеля, пожалъ плечами, какъ бы говоря: «это все сьумасброды, надутые гордостью, люди, которыхъ слѣдовало бы образумить.»

Наступило молчаніе, и кротоловъ велѣлъ подать вторую бутылку вина, какъ вдругъ подъ столомъ раздалось глухое ворчанье; мы тотчасъ же взглянули и увидѣли большую рыжую собаку г. Рихтера, ходившую вокругъ Сципіона. Собака эта называлась Максомъ; у нея была гладкая шерсть, приплюснутый носъ, выпятившіеся бока, желтоватыя глаза, длинныя уши и поднятый, какъ сабля, вверхъ хвостъ. Это была большая, крѣпкая и злая собака. Г. Рихтеръ имѣлъ обыкновеніе охотиться съ нею по дѣльнымъ днямъ, не давая ей ничего ѣсть и говоря, что хорошія охотничьи собаки должны быть голодны, чтобы чувствовать дичь и слѣдить за ней чутьемъ. Она хотѣла подойти къ Сципіону сзади, а онъ все повертывался, поднимая голову и скаля зубы.

Посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ г. Рихтеръ, я увидѣлъ, что онъ потихоньку науськивалъ свою собаку; дѣдушка Шмидтъ замѣтилъ это тоже и сказалъ:

— Г. Рихтеръ, напрасно вы травите вашу собаку. Эта собачонка, видите,—солдатскій песъ, хитрый и знающій всѣ военныя улов-

ки; ваша же собака, может быть, и дрянного рода; но берегитесь, какъ бы онъ не пошатъ подъ солдатскую морсшу.

— Мбему Макс! вричать Рихтеръ!— да онъ проглотить десять такихъ жалкихъ дворняшекъ, срау перевусать спину!

Усмывая это, я хотѣлъ бѣжать съ Сципиономъ, потому что г. Рихтеръ все еще наускивать своего большого пса, и всѣ присутствующие, смѣясь, повернулись къ мѣсту битвы. Я чуть не знавалъ, но старикъ Шмидтъ, взявъ меня за плечо, тихо сказалъ:

— Оставьте!.. оставьте!.. не бойтесь. Фрицель, говорю вамъ, что ваша собака знаетъ полетѣть, а та протѣ толстое, глупое животное; которое ничего не знаетъ!

И обернувшись къ Сципиону, онъ все повторилъ ему:

— Берегись! Берегись!

Сципионъ не трогаясь съ мѣста: онъ уперся въ уголь, подымавъ голову и сверкающими глазами смотрѣлъ на Макса; ноъ подъ его дрожащихъ усъ видѣлся бѣлый и острый зубъ.

Рыжий большой песь подходитъ, опустивъ голову и смѣтываясь свою костлявую спину. Обоконъ ворчалъ, пока Максъ не прыгнулъ, чтобы схватить Сципиона за горло; но Сципионъ наклонился и въ то время, какъ Максъ схватилъ его за хвостъ, онъ перекусилъ ему лану. Нужно было видѣть, какой вой подыалъ тогда Максъ; какъ онъ, хромая, бросился подъ столъ и, точно молния, скользнулъ между ногами сидѣвшихъ, продолжая визжать, такъ что ушамъ было больно.

Г. Рихтеръ окончилъ вбѣивенный и хотѣлъ броситься на Сципиона, но кротоловъ тотчасъ же взялъ изъ угла свою палку и сказалъ:

— Г. Рихтеръ, если ваша толстая собака и укушена, кто же въ этомъ виноватъ? Вы вѣдь наускивали ее; теперь она навѣрное будетъ уродець. И по дѣломъ—это урокъ вамъ!

А старикъ Шмидтъ хотѣлъ до слезъ и; взявъ Сципиона къ себѣ на колѣни, говоритъ:

— Я знаю, что ему знакомы всѣ военныя хитрости, хе-хе-хе! Мы отбили и знамена; и пушки.

Всѣ присутствовавшіе хохотали вѣбѣтъ съ нимъ, такъ что оскорбленный Рихтеръ самъ выгналъ пинками собаку свою на улицу, чтобы не слышать ея визга. Ему хотѣлось бы точно такъ же выгнать и Сципиона, но всѣ дивились храбрости и здравому смыслу пестѣднаго.

— Ну, сказалъ, вставал; кротоловъ: — теперь пойдѣмъ, Фрицель, пойдѣмъ,—пора отпустить тебя. Прощайте, г. Рихтеръ, у васъ за-

мѣчательная собака.—Гредель, запишите за мной на доскѣ за двѣ бутылки.

Шмидтъ и Коффель тоже встали, и мы вышли всѣ вмѣстѣ, смѣясь, какъ полоумные. Сципионъ бѣжалъ за нами, понимая, что съ нимъ можетъ быть худо, когда мы уйдемъ.

Сойдя съ лѣстницы, Шмидтъ и Коффель повернули на право внизъ по большой улицѣ, мы же съ кротоловомъ, пройдя черезъ площадь, взяли на лѣво, въ Крапивную улицу.

Кротоловъ шелъ впереди, съ сторбленной спиной, по обыкновенію, приподнявъ одно плечо выше другого, выпуская большіе клубы дыма и потихоньку смѣясь, вѣроятно, надъ пораженіемъ Рихтера.

Мы скоро дошли до его низенькой двери, углубленной въ землю; онъ опустился по ступенькамъ и сказалъ мнѣ:

— Идемъ, Фрицель, идемъ, а собака пусть останется на верху, у меня въ ямѣ не очень-то много мѣста.

Лачужку свою онъ совершенно справедливо называлъ ямой, потому что въ ней было только два маленькіхъ окошка наравнѣ съ землею, выходящихъ въ переулокъ. Внутри все было мрачно: большая постель и деревянная лѣстница въ глубинѣ, старыя скамейки, столъ, заваленный пилочками, шилами, клещами, шкафъ, украшенный двумя тѣтвами, потолокъ съ перекладинами, на которыхъ старуха Бербель, мать кротолова, вѣшала пеньку своей пряжи; въ углубленіи, на старомъ балдахинѣ, почернѣвшемъ отъ пыли и паутины, стояли всевозможные капканы и мышеловки; сотни кожъ соболей, куницъ, ласточекъ висѣли по стѣнамъ—нѣкоторыя уже сухія, а другія совсѣмъ свѣжія, набитыя соломой для просушки,—все это такъ наполняло комнату, что въ ней едва можно было повернуться, и все это напоминаетъ мнѣ старое, счастливое время молодости, потому что все это я видѣлъ сотни разъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, свѣтило ли солнце, или шелъ дождь, были ли маленькія окна открыты, или закрыты.

Въ этой-то комнатѣ я всегда и представляю себѣ кротолова, сидящаго передъ очень низенькимъ столомъ, устроивающаго свои капканы, втянувъ щоки и сжавъ губы; представляю себѣ и старую Бербель, совсѣмъ желтую, въ волосяномъ чепцѣ на затылкѣ, и ея маленькія, сухія руки съ грязными ногтями и толстыми синими жилами, — прядущую съ утра до ночи подлѣ печки. Отъ времени до времени она поднимала свою маленькую голову, съ лицомъ, совершенно сморщившимся, и съ довольнымъ видомъ смотрѣла на сына.

Но въ тотъ день Бербель была не въ духѣ; не успѣла ни войти, какъ она начала рѣзкимъ голосомъ бранить кротолова, говоря, что онъ вѣчно сидитъ въ кабацѣ, только и знаетъ, что пить, не думая о завтрашнемъ днѣ, и разныя неблагодарныя, на второя кротоловъ ничего не отвѣчать, зная, что надо все выслушивать отъ катери безразлично.

Она спокойно отворила шкафъ, пона старуха Бербель вынула, взявъ съ верхней полки широкую глиняную журавлиную чашку, въ которой лежали пластамы золотистый медъ въ бѣльяхъ, какъ свѣтъ, солякъ, поставила чашку на столъ и положила на чистую тарелку два отпечатавъ софа, говоря мѣдъ:

— Вотъ тебѣ, Фрицель, превосходнаго меду для французевки для большихъ нѣтъ ничего лучше отоваро меда:—онъ и вкусае, да и свѣжее, и здоровее.

Деньги я положила на краешекъ стола, и Бербель съ довольнымъ видомъ протянула руку, чтобы взять мѣдъ; но кротоловъ отдалъ ихъ мѣдъ назадъ и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу за это платы, — спрячь деньги, Фрицель, и возьми тарелку. Чашку свою оставь здѣсь, я принесу ее вамъ или сегодня вечеромъ, или завтра утромъ.

И видя, что старуха разсердилась, онъ прибавилъ:

— Скажи французевкѣ, Фрицель, что кротоловъ даритъ ей этотъ медъ съ удовольствіемъ, — слышишь?.. отъ всей души... потому что она женщина достойная уваженія. Не забудь сказать: «достойная уваженія». Понимаешь?

— Да-да, я такъ и скажу.—Прощайте, Бербель, сказалъ я, отворяя дверь.

Она сурово кивнула мѣдъ головой; эта скуная старуха удержалась отъ брани только ради дяди Якова, но ей очень было досадно смотрѣть, что медъ берется безъ денегъ.

Кротоловъ проводилъ меня на улицу, и я пошелъ домой, совершенно довольный всѣмъ случившимся.

XL

На поворотѣ у церкви мы встрѣтились съ маленькимъ Гансомъ Аденомъ, возвращавшимся съ катанья по льду; онъ бѣжалъ; зату-нувъ руки въ наръманы, и кричалъ мѣдъ:

— Фрицель! Фрицель!

Подойдя ко мнѣ, онъ прежде всего посмотрѣлъ на медъ и сказалъ мнѣ:

— Это для васъ?

— Нѣтъ, это для мистъя французенкѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы быть большимъ на ея мѣстѣ, сказалъ онъ, выразительно облизываясь и выпятивъ свои желтые зубы.

Потомъ онъ спросилъ:

— Что вы будете дѣлать сегодня послѣ обѣда?

— Не знаю, пойду гулять съ Сципиономъ.

Онъ посмотрѣлъ на собаку, почесывая уши и сказалъ:

— Слушай, если хочешь, такъ пойдемъ ставить силки за на-
вѣной кучей за почтой, тамъ много дубоносекъ и воробьевъ вдоль
заборовъ подъ навѣсами и на деревьяхъ двоттада.

— Съ удовольвіемъ, отвѣчать я.

— Хорошо, приходи сюда на завтра, мы отправимся вмѣстѣ.

Прежде чѣмъ разойтись, Гансъ Адель спросилъ у меня позволе-
ніе обмахнуть лапцъ въ медъ; я позволилъ ему, и онъ нашелъ
медъ очень вкуснымъ. Послѣ этого каждый пошелъ своей дорогой,
и я возвратился домой въ половинѣ двѣнадцатаго.

— А, вотъ и ты! вспомнала Лизбета, увидавъ меня, входившаго
въ кухню:—я думала, ужъ ты больше не вернешься;— вотъ и давай
тебѣ порученіа!

Я рассказалъ ей встрѣчу съ кротоловомъ на дѣствницѣ «Золотой
дружби», слово Коффеля, старика Шмидта и кротолова, съ г. Вик-
теромъ, битву между Максомъ и Сципиономъ, и наконецъ, какъ
кротоловъ велѣлъ мнѣ сказать, что не беретъ денегъ за медъ, и что
отъ всей души предлагаетъ его французенкѣ, «достойной уваженіа».

Такъ какъ дверь была отворена, то мадамъ Тереза все это слы-
шала; она позвала меня къ себѣ. Вошедъ къ ней, я увидѣлъ, что
она тронута, и когда я предложилъ ей медъ, она приняла его.

— Хорошо, Фрицель, сказала она со слезами на глазахъ:—хоро-
шо, дитя мое, я рада, очень рада этому подарку, — уваженіе чуж-
дыхъ людей всегда доставляетъ большее удовольвіе. Когда при-
детъ кротоловъ, я сама поблагодарю его.

Потомъ она наклонилась, провела рукой по головѣ Сципиона,
стоявшаго у порога съ поднятой вверхъ мордой, и, улыбаясь, ска-
зала:

— Такъ и ты, Сципионъ, стоишь за правое дѣло?

Сципионъ же, видя вселюдность, отражающуюся въ глазахъ ея, началъ
громко лаять и съѣлъ даже на заднія лапы, какъ-будто желая
предложить свои услуги.

— Да-да, мнѣ теперь лучше, сказала она ему:—я стала брѣиче... Да! мы много вытерпѣли!

Потомъ, вздохнувъ, она облокотилась на подушку, говоря:

— Одно пріятное извѣстіе... только одно пріятное извѣстіе—и все пойдетъ хорошо!

Лизбета пришла накрывать на столъ; она не говорила ни слова, и Тереза опять задумалась.

Часы пробили двѣнадцать, и черезъ нѣсколько минутъ старая служанка принесла маленькую миску для насъ обонхъ, перекрестилась, и мы сѣли за столъ.

Я обертывался каждую минуту, чтобы посмотрѣть, вѣтъ ли ужъ на паперти Ганса Адена. Тереза снова легла и повернулась къ намъ спиною, закривъ плечо одѣяломъ: — она, казалось, о чемъ-то сильно беспокоилась. Я же только и думалъ, что о навозной кучѣ постала; мнѣ представлялись наши западни изъ кирпичей, уставленныхъ кругомъ по снѣгу, черепица, приподнятая двумя подпорками изъ палочекъ, и хлѣбныя зерна вокругъ и внутри. Мнѣ представлялись дубоноски, прыгавшія по деревьямъ, и воробушки, сидѣвшіе рядомъ на кровлѣ, чиривая, осматриваясь и прислушиваясь въ то время, какъ мы въ углу подъ навѣсомъ, за кучею соломы, выжидаемъ, замирая отъ нетерпѣнья. Вотъ одинъ воробей пролетѣлъ надъ кучею, вотъ другой, вонъ и вся стая... Они спускаются... одинъ, два, три воробья уже прыгаютъ вокругъ и клюютъ зерна... Трр! всѣ сразу улетаютъ; что-то стукнуло на фермѣ... Это работникъ Вери въ своихъ большихъ деревянныхъ башмакахъ, закричавшій въ конюшнѣ на одну изъ лошадей: «повернешься ли ты, бѣшеннѣ?»—Какое горе! хоть бы всѣ лошади стинули, да и Вери вмѣстѣ съ ними!.. Нечего дѣлать, надо еще ждать,.. воробьи далеко улетѣли. Вдругъ одинъ изъ нихъ начинаетъ чиривать... они опять прилетаютъ на крыши. Господи! только бы Вери опять не крикнулъ... только бы все было тихо... Хорошо, если бы на этой фермѣ да и по дорогѣ совсѣмъ не было людей! Какое наказаніе! Ну, вотъ наконецъ одинъ спускается... Гансъ Адень дергаетъ меня за ногу. Мы притаили дыханіе и онѣмѣли отъ надежды и страха!

Все это мнѣ представлялось, и я не могъ усидѣть на мѣстѣ.

— Господи помилуй! да что это съ тобой? говорила мнѣ Лизбета:—ты соскакиваешь, бѣгнешь, какъ бѣсъ передъ заутреней... да посиди же смирно.

Я не слушалъ болѣе; прижавъ носъ къ стеклу, и думалъ:

— Придетъ онъ или не придетъ? онъ, можетъ быть, уже тамъ... не пошелъ ли онъ съ вѣмъ нибудь другимъ!

Эта мысль казалась мнѣ ужасною.

Я ужь хотѣлъ бѣжать, когда наконецъ Гансъ Адень показался на площади; онъ глядѣлъ на нашъ домъ, какъ-будто подстерегая глазами; но ждалъ онъ недолго: я уже былъ въ сѣняхъ и отворялъ дверь, не предупредивъ на этотъ разъ Сципіона. Высочивъ, я побѣжалъ вдоль стѣны, боясь какого нибудь порученія или другой задержки:—сколько несчастій случается на семь свѣтъ! Неподалеку отъ дома, въ Крапивной улицѣ, мы съ Гансомъ остановились пере- вести духъ.

— Взялъ ли ты съ собою зеренъ, Гансъ Адень?

— Да.

— А ножикъ?

— Будь покоенъ, вотъ онъ.—Послушай, Фрицель, мнѣ не снести всего, возьми ты кирпичи, а я понесу черепицы.

— Хорошо, пойдемъ.

И мы пошли за деревней черезъ поля, по колѣна въ снѣгу. Тогда зови насъ хоть вртоловъ, хоть Коффель, хоть самъ дядя,—мы безъ оглядки пустились бы бѣжать.

Минуты двѣ спустя, расчитивъ снѣгъ, мы оставили около навозныхъ кучъ наши западни. Гансъ Адень нарѣзалъ маленькія палочки, слегка подперъ ими черепицы и разсыпалъ зерна. Воробьи смотрѣли съ верху съ крышъ на нашу работу, продолжая чиркать. Гансъ Адень всталъ, утеръ носъ обшлагомъ и прищурился, глядя на воробьевъ.

— Идемъ, тихо проговорилъ онъ:—они всѣ слетятъ.

Мы спрятались подъ навѣсъ, полные надеждъ на добычу, но въ ту же минуту вся стая воробьевъ исчезла. Надѣясь, что она возвратится, мы просидѣли до четырехъ часовъ за кучей соломы, но ни одинъ воробей не показывался. Они поняли, что мы дѣлали, и улетѣли далеко, на другой конецъ деревни.

Судите о нашемъ отчаяннѣ! Гансъ Адень, не смотря на свой кроткій характеръ, былъ страшно возмущенъ; я же грустно размышлялъ, что нѣтъ ничего въ мірѣ глупѣе, какъ ловить зимою воробьевъ, когда у нихъ только божа да кости, и что на каждый кусочекъ пирога понадобится ихъ, по крайней мѣрѣ, штуки по четыре.

Наконецъ, намъ надоѣло ждать, и, видя, что уже смеркается, мы пошли по большой дорогѣ назадъ въ деревню, дрожа отъ холода, съ засунутыми въ карманы руками, мокрымъ носомъ и шапками на затылкѣ, что придавало намъ самый жалкій видъ.

Когда я пришелъ домой, было уже совершенно темно. Лизбета

приготовляла ужинъ; мнѣ стыдно было разсказать ей, какъ насмѣдились надъ нами воробьи, и хотѣшу, вмѣсто того, чтобы бѣжать въ кухню, я отворилъ тихонько дверь въ несомнѣнную залу и тихо сѣлъ за печкой.

Никто не замечалъ; Сидимонъ спалъ подъ кресломъ, положивъ голову на лаву; я прѣдъ уже съ четверть часа, случилъ шалость влжмски, когда Тереза, назавнамуся опилцету, крохотнмъ голосомъ сказала мнѣ:

— Ты, Фрицель?

— Да, отвѣчалъ я.

— Ты грѣбешься?

— Да.

— Такъ ты очень прозабъ.

— Да, очень.

— Что же вы дѣлали сегодня послѣ обѣда?

— Мы съ Гансомъ Адемомъ ставили западнн воробьямъ.

— И много поймали?

— Нѣтъ, мадамъ Тереза, немного.

— Сколько?

У меня сердце обливалось кровью при мысли, что надо сказать такой корошей женщицѣ о нашей неудачѣ.

— Двухъ или трехъ, не такъ ли, Фрицель, сказала она?

— Нѣтъ, мадамъ Тереза.

— Не поймали ни одного?

— Нѣтъ.

Она замолчала, и я вообразилъ, что она огорчилась.

— Воробьи очень хитры, продолжала она, минуто спустя.

— Да!

— Не промочилъ ли ты ноги, Фрицель?

— Нѣтъ, на мнѣ были деревянные башмаки.

— Ну, тѣмъ лучше. Надо утѣшиться, другой разъ ты будешь счастливѣе.

Во время нашего разговора вошла Лизбета, оставивъ дверь въ кухню отворенною:

— А, да и ты гулъ, сказала она:— хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ это ты пропадалъ цѣлый день?... вѣчно на улицѣ, вѣчно съ своимъ Гансомъ Адемомъ или съ своимъ Францомъ Семелемъ:

— Онъ ловилъ воробьевъ, сказала Тереза.

— Воробьевъ! хотѣ бы мнѣ разъ увидать одного, вскричала старая служанка.— Вотъ ужъ три года, онъ каждую зиму бѣгаетъ за воробьями. Разъ только, осенью, онъ нечаянно поймалъ старца, об-

шипанного шура, который ужь не могъ летать, и съ тѣхъ поръ думать, что въ нему полетить всѣ птицы небесныя.

Лизбета смѣлась. Она съѣла за самоирялку и, обмакнувъ пальцы въ чашечку, сказала:

— Теперь все готово; когда господинъ докторъ прѣдетъ, мнѣ останется только накрыть на столъ.—На чемъ я сейчасъ остаю-
вилась?

— Вы говорили о вашихъ рекрутахъ, маджовзель Лизбета.

— Ахъ! да... съ самаго начала этой проклятой войны, всѣ деревенскіе парни пошли: длинный Людвигъ, сынъ кузнеца, маленькій Христель, Гансъ Гернеръ и много другихъ; они отправились: кто пѣшкомъ, кто на лошади, раскивая: «Родина! родина!» отправились съ своими товарищами, воровавшими ихъ въ Киршталь, въ харчевню дяди Фрица на дорогѣ въ Кайзерлаутеръ. Они славно пѣли, но это не мѣшало имъ горько плакать, глядя на аштатскую колокольню. Маленькій Христель обнималъ на каждомъ шагу Людвигъ, говори: «Когда-то мы опять увидимъ Аштатъ?» А тотъ отвѣчалъ: «Нечего, братъ, объ этомъ думать, царь небесный вѣрно спасетъ насъ отъ этихъ республиканцевъ, чортъ бы ихъ подралъ!» Они вмѣстѣ рыдали, а старый сержантъ, нарочно пришедшій, постоянно повторялъ: «Храбро впередъ!.. мы вѣдь мужчины!» У него совсѣмъ покраснѣлъ носъ отъ питья съ рекрутами. Длинный Гансъ Гернеръ, который долженъ былъ жениться на Розѣ Мутцъ, дочери полевого сторожа, кричалъ: «Еще разъ!.. еще разъ!.. Можетъ быть, въ послѣдній разъ ѣдимъ мы вмѣстѣ вистую напугу!»

— Бѣдняга! замѣтила мадамъ Тереза.

— Да, продолжала Лизбета: — это бы еще ничего, если бы дѣвочки могли выходить замужъ, но вѣдь когда уходятъ парни, дѣвочкамъ остается только мечтать съ утра до ночи, сохнуть да случать. Не могутъ же онѣ идти за шестидесятилѣтнихъ стариковъ, вдовцовъ или за горбатыхъ, хромихъ и кривыхъ. Ахъ! мадамъ Тереза, не за тѣмъ я говорю, чтобы упрекать васъ, но вѣдь безъ нашей революціи мы жили бы спокойно и восхваляли бы Господа и милости его. Такая республика, которая переворачиваетъ все на свѣтѣ — ужасна!

Слушая эти разговоры, я чувствовалъ отличный запахъ начиненной телятины и, вставъ вмѣстѣ съ Сципиономъ, пошелъ посмотрѣть въ кухню: тамъ варился отличный луковый супъ, начиненная телячья грудина и жарился картофель. Охота возбуждала во мнѣ такой аппетитъ, что мнѣ казалось, будто я все проглотилъ сразу.

Сципionъ былъ не въ лучшемъ расположеніи духа; поставивъ переднія лапы на край очага, онъ носомъ высматривалъ горшки,—а носъ собаки, по словамъ господина Бюффона, — второе, весьма тонкое зрѣніе.

Осмотрѣвъ все хорошенько, я сталъ страстно желать возвращенія дяди.

— Ахъ, Лизбета! воскликнулъ я, входя въ залу: — если бы ты знала, какъ я голоденъ!

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, отвѣчала мнѣ старуха: — аппетитъ — вещь хорошая.

Послѣ этого она опять стала рассказывать разные деревенскія происшествія, что мадамъ Тереза, казалось, слушала со вниманіемъ. Я же бродилъ то въ кухнѣ, то въ залѣ. Сципionъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ и, вѣроятно, предавался одиноковымъ со мною мыслямъ.

Ночь была совсѣмъ темная.

Отъ времени до времени мадамъ Тереза прерывала старуху, поднимая палецъ и говоря:

— Послушайте!

При этомъ всѣ на минуту затихали.

— Не онъ, говорила Лизбета: — это телѣжка Ганса Бобеля, или:—это тетка Дрейфусъ идетъ провести вечерокъ у Бремеровъ.

Она знала привычки всѣхъ жителей Анштата и съ наслажденіемъ говорила объ этомъ французенкѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла на шеѣ у нея образокъ Божьей Матери; да и дружба ея произошла вслѣдствіе этого, какъ я узналъ впоследствии.

Прошло семь часовъ, потомъ половина восьмого. Наконецъ, не зная, какъ убить время, я всталъ на стулъ, взялъ съ полки *естественную исторію* Бюффона—чего никогда еще не случалось со мною,—и, положивъ локти на столъ, съ отчаянья началъ самъ читать по французски. Только страшный голодъ могъ навести меня на такую мысль; это не мѣшало мнѣ, однако, ежеминутно поднимать голову, пялить глаза на окна и прислушиваться.

Я только-что отыскалъ описаніе воробья, у котораго вдвое болѣе мозга, чѣмъ у человѣка, относительно величины его тѣла, какъ вдругъ послышался отдаленный звукъ бубенчиковъ; звукъ этотъ едва былъ слышенъ, теряясь въ отдаленіи, но быстро приближался, и мадамъ Тереза сказала:

— Это господинъ докторъ.

— Да, сказала Лизбета, вставъ и поставивъ самопрялку въ уголъ къ часамъ:—это онъ.

Она побѣжала въ кухню.

Я уже былъ въ сѣняхъ; бросивъ Бюффона на столъ и отворяя выходящую дверь, я кричалъ:

— Это ты, дядя?

— Я, Фрицель, послышался веселый голосъ дяди: — наконецъ кричалъ. — Все въ домѣ благополучно?

— Благополучно; дядя, всё здорово.

— Хорошо, хорошо!

Вслѣдъ за мною вышли съ фонаремъ Либбета, и я увидѣлъ подъ навѣсомъ дядю, разрягавшаго лошадь. Онъ казался совершенно бѣлымъ на темномъ фонѣ, и каждая шерстинка у него на губѣхъ и на большой бровной шапкѣ горѣла, какъ звѣзда. Онъ торопился; Раппель, повернувъ голову къ конюшкѣ, казалось, тоже горѣлъ нетерпѣньемъ.

— Господи, какъ холодно! сказала Либбета, приближавъ помочь ему: — вы, вѣрно, замерзли, господинъ докторъ. Идите, идите скорѣе отогрѣвайтесь, я еду уже все безъ васъ.

Но дядя Яковъ не любилъ, чтобы ктонибудь другой убиралъ его лошадь; онъ поставилъ Раппеля передъ рѣшеткой съ сѣномъ на хорошую подстилку, и тогда сказалъ:

— Теперь идемъ!

И мы вошли всё вмѣстѣ.

— Хорошія вѣсти, мадамъ Тереза! — еще въ дверяхъ закричалъ дядя: — хорошія вѣсти! Я изъ Кайзерлаутерна, тамъ все благополучно.

Мадамъ Тереза, сидя на постели, смотрѣла на него, поблѣднѣвъ, какъ полотно; а онъ стряхивалъ свою шапку и снималъ юбку.

— Какъ, господинъ докторъ, сказала она, — вы изъ Кайзерлаутерна?

— Да, я проѣхалъ туда... Мнѣ хотѣлось успокоиться. Я все видѣлъ, все разузналъ, улыбаясь, сказалъ онъ: — но не скрою отъ васъ, мадамъ Тереза, что умираю отъ усталости и голода.

Онъ сталъ снимать свои теплые сапоги, сѣдя въ креслѣ, и смотрѣлъ, какъ Либбета накрывала на столъ, такъ живъ и страстно, какъ и мы съ Сидниономъ.

— Могу вамъ сказать только, что кайзерлаутерское сраженіе совсѣмъ не такое рѣшительное, какъ предполагали, и что вашъ батальонъ въ немъ не участвовалъ; — маленький Жамъ не подвергался болѣе опасностямъ.

— Довольно! сказала Тереза, снова ложась съ выраженіемъ невыразимаго счастья и удовольствія: — довольно! Если вы и не ска-

жете мнѣ ничего болѣе, я и этимъ счастлива. Потрѣйтесь, господинъ докторъ, покушайте, я могу и подождать теперь.

Тутъ Лизбета подала, и дядя, садясь за столъ, прибавилъ еще:

— Да, это вѣрно, можете объ этомъ не беспокоиться. Сейчасъ я разскажу вамъ остальное.

Мы сѣли ужинать, и дядя, взглядывая на меня отъ времени до времени, улыбался, какъ бы говоря: «мнѣ кажется, ты хочешь догнать меня; откуда у тебя такой аппетитъ?»

Но вскорѣ голодъ нашъ значительно убавился; мы вспомнили о бѣдномъ Сципіонѣ, смотрѣвшемъ на насъ такимъ стойкомъ; теперь настала и его чередъ поѣсть. Дядя выпилъ вина, закурилъ трубку, подошелъ къ алькову, взявъ Терезу за руку и, какъ бы шуная ея пульсъ, сказалъ:

— Ну, вотъ и я!

Она молчала и улыбалась.

Потомъ онъ придвинулъ кресло, отдернулъ занавѣски, поставилъ свѣчку на ночной столикъ, сѣлъ и сталъ разсказывать о сраженіи. Я слушала, облокотившись свади него на кресло. Лизбета стояла въ неосвѣщенной части комнаты.

— Республиканцы пришли къ Кайзерлаутерну 27-го вечеромъ, началъ онъ: — пруссаки были уже тамъ за три дня до этого: они укрѣпили свою позицію, поставивъ пушки на верху холмовъ, возвышающихся надъ равниной. Генералъ Гансъ слѣдовать за ними, уже съ самаго Эрбаха онъ хотѣлъ окружить ихъ въ Бизингенѣ, — и тотчасъ же рѣшился на слѣдующій день опрокинуть ихъ. — Пруссаковъ было 40,000 человекъ, а французовъ 30,000.

— На слѣдующій день началась осада съ лѣвой стороны; республиканцы, подъ предводительствомъ генерала Амбера, начали взбираться на холмы подъ выстрѣлами, крича: «Ландау или смерть!» Въ это самое время Гансъ долженъ былъ атаковать центръ, но центръ былъ прикрытъ деревьями и пригорками, и генералъ не могъ придти во время; Амберу пришлось отступить подъ огнемъ пруссаковъ, — противъ него была вся армія герцога Брауншвейгскаго. На слѣдующій день, 29 ноября, Гансъ атаковалъ съ центра, Амберъ же долженъ былъ зайти съ права, но заблудился въ горахъ, такъ что Гансъ очутился въ стѣсненномъ положеніи. Не смотря на это, атаку предполагалось возобновить на слѣдующій день, 30 ноября. Въ этотъ день герцогъ Брауншвейгскій двинулся впередъ, и республиканцы, боясь, что ихъ отрѣжутъ, отступили.

— Вотъ что я знаю положительнаго изъ разсказовъ одного республиканскаго командира, раненаго пулей въ бедро на второй день

битвы. Докторъ Фейербахъ, старый товарищъ мой по университету, водилъ меня къ этому человѣку,—иначе мнѣ ничего не узнать бы вѣрнаго, потому что пруссаки хвастаются.

Весь городъ говоритъ о сраженіи, но всякій по своему; въ городѣ сильное волненіе, поѣзды раненыхъ безпрестанно отправляются въ Майнцъ, городской госпиталь набитъ ранеными, и горожане принуждены брать раненыхъ къ себѣ, пока не очистится для нихъ гдѣ нибудь мѣсто.

Можете себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ слушала Тереза этотъ разговоръ.

— Вижу... вижу... грустно сказала она, подперевъ рукою високъ: — у насъ недостало единства.

— Именно, у васъ недостало единства, это говорятъ всѣ въ Кайзерлаутернѣ, но это не мѣшаетъ всѣмъ соглашаться, что республиканцы необыкновенно храбры и даже смѣлы. Когда они кричали: «Ландау или смерть!» не смотря на трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и грохотъ пушекъ, голоса ихъ были слышны въ городѣ и наводили страхъ. Теперь они отступили, но герцогъ Брауншвейгскій не осмѣлился ихъ преслѣдовать.

Послѣ нѣкотораго молчанія, мадамъ Тереза спросила:

— Откуда вы знаете, что нашъ батальонъ не былъ въ дѣлѣ, господинъ докторъ?

— Я знаю отъ республиканскаго командира, что первый батальонъ второй бригады много потерпѣлъ за нѣсколько дней передъ этимъ въ деревнѣ въ горахъ, отправившись на розыски къ сторонѣ Ландау, и поэтому его оставили въ резервѣ.—Тутъ то я и увидѣлъ, что онъ въ подробности знаетъ дѣло.

— Какъ зовутъ этого командира?

— Петръ Ронсаръ; — онъ такой высокій брюнетъ съ черными волосами.

— Да, я его знаю, хорошо знаю, сказала Тереза:—въ прошломъ году онъ былъ капитаномъ у насъ въ батальонѣ.—Такъ бѣдный Ронсаръ попался въ плѣнъ! А рана его опасна?

— Нѣтъ, Фейербахъ говорилъ мнѣ, что онъ встанетъ, но не скоро, отвѣчалъ дядя.

Потомъ, сдѣлавъ хитрую улыбку и зашуривъ глаза, онъ сказалъ:

— Да-да, вотъ что разсказалъ мнѣ командиръ. Онъ разсказалъ мнѣ еще кое-что такое... такое... интересное... необыкновенное, чего я никогда и не подозрѣвалъ бы...

— Что такое, господинъ докторъ?

отд. I.

— Да, это поразило меня, сказалъ дядя, прижавъ пальцемъ въ трубку табакъ, выпустивъ большой клубъ дыма и поднявъ къ верху глаза:—поразило!.. впрочемъ не очень.. нѣтъ, не очень... иногда мнѣ приходило въ голову подобно.

— Да что же такое, докторъ Львовъ? съ удивленіемъ спросилъ Тереза

— Онъ разсказалъ мнѣ объ одной гражданкѣ Терезѣ, гражданкѣ въ родѣ Корнелии, извѣстной всей мозельской арміи, и которую солдаты просто называютъ гражданкой! Хе-хе-хе!... Какъ видно, у этой гражданки нѣтъ недостатка въ храбрости.

И оернувшись ко мнѣ и Лизбетѣ, онъ сказалъ:

— Вообразите себѣ, что разъ, когда начальникъ батальона былъ убитъ, стараясь заставить людей своихъ идти впередъ, когда надо было перейти мостъ, защищаемый батареей и двумя прусскими полками, когда всѣ самые старые республиканцы, самые отчаянные изъ этихъ храбрецовъ отступали,—представьте себѣ, что эта гражданка Тереза взяла знамя и одна пошла черезъ мостъ, приказавъ маленькому брату своему Жану бить атаку передъ нею, какъ-будто за ней шла цѣлая армія; это произвело такое дѣйствіе на республиканцевъ, что они всѣ бросились за ней и отбили и убили! — Повнимаете вы это? — Это мнѣ разсказалъ командиръ Ронсаръ.

Мы глядѣли на Терезу, какъ ошеломленные; въ особенности я выпучилъ глаза и увидѣлъ, что она вся вспыхнула.

— Да, замѣтилъ дядя, всякій день узнаешь что нибудь новенькое; это великое дѣло, превосходное дѣло! Да... да... хоть я и сторонникъ міра, но меня это все-таки тронуло...

— Но, господинъ докторъ, наконецъ отвѣчала Тереза: — не вѣрьте этому...

— О! прервалъ ее дядя, поднявъ руку:—мнѣ говорилъ объ этомъ не одинъ командиръ, два другихъ раненыхъ капитана, случившихся тамъ, услыхавъ, что гражданка Тереза жива, очень обрадовались... Дѣло ея со знаменемъ извѣстно послѣднему солдату. Ну... да или нѣтъ, было это съ ней? прибавилъ дядя, нахмуривъ брови и глядя прямо въ лицо мадамъ Терезѣ.

Тогда Тереза, заплакавъ, сказала:

— Начальникъ батальона, котораго убили, былъ нашъ отецъ... мы хотѣли умереть, мы съ маленькимъ Жаномъ... мы были въ отчаяныи.

Припомнивъ это, она зарыдала. Дядя, глядя на нее, сдѣлался серьезенъ и сказалъ:

— Послушайте, мадамъ Тереза, я горжусь, что спасъ жизнь та-

кой женщины, какъ вы. Вслѣдствіе ли смерти отца, или по какой нибудь другой причинѣ вы дѣйствовали такъ,—все это великій, благородный и храбрый поступокъ; это даже необыкновенно, потому что тысячи женщинъ только охали бы, упали бы въ обморокъ, и нельзя было бы винить ихъ за это. Но вы храбрая женщина, и, исполнивъ великій долгъ, вы долго еще плачете, когда другіе уже начинаютъ забывать; вы—женщина, не только поднимающая знамя между убитыми, но умѣющая и плакать,—вотъ за что я уважаю васъ. Повторяю, что домъ этотъ, въ которомъ нѣкогда жилъ мой отецъ и дѣдъ, почтенъ вашимъ присутствіемъ.... да, почтенъ!

Дядя говорилъ это очень серьезно, ударяя на каждое слово и положивъ трубку на столъ; онъ дѣйствительно былъ взволнованъ.

А Тереза сказала наконецъ:

— Господинъ докторъ, не говорите такъ, или я буду принуждена уйдти. Пожалуйста, не говорите болѣе объ этомъ.

— Я вѣкъ сказалъ, что я думаю, отвѣчалъ, вставая, дядя, а теперь не буду болѣе говорить объ этомъ, такъ какъ вы этого хотите; но это не помѣшаетъ мнѣ уважать васъ, какъ кроткое, благородное существо, и гордиться тѣмъ, что я оказалъ вамъ услугу. Командиръ рассказывалъ мнѣ тоже, каковъ былъ вашъ отецъ и ваши братья: простые, честные люди, отправившіеся всѣ вмѣстѣ защищать дѣло, которое считали справедливымъ. Когда столько тысячъ гордецовъ думаютъ только о своихъ выгодахъ и—хотя грустно, но надо сказать,—считаютъ себя благородными, заботясь только о вещахъ матеріальныхъ,—пріятно видѣть, что истинное благородство, происходящее отъ безкорыстія и героизма, встрѣчается въ народѣ. Республиканцы ли они, или не республиканцы, не все ли равно? Въ душѣ и по совѣсти я думаю, что передъ лицомъ Всевышняго благороденъ тотъ, кто исполняетъ свой долгъ.

Дядя ходилъ отъ волненія взадъ и впередъ по залѣ, говоря самъ съ собою. Тереза, отеревъ слезы, улыбаясь, смотрѣла и сказала ему:

— Господинъ докторъ, вы привезли намъ добрыя вѣсти.... спасибо вамъ, спасибо! Теперь я буду здорова.

— Да, отвѣчалъ дядя, останавливаясь, вы будете здоровы.— Но пора и на покой; утомленіе длилось долго, и я думаю, что сегодня мы всѣ отлично уснемъ.—Ну, Фрицель, ну, Лизбета, отправляйтесь! Прощайте, мадамъ Тереза.

— Спокойной ночи, господинъ докторъ.

Онъ взявъ свѣчу и, задумчиво потупивъ голову, поднялся вслѣдъ за нами.

XII

Слѣдующій день былъ счастливымъ днемъ въ домѣ дяди Якова. Когда я проснулся, было уже очень поздно—я безъ просыпа проспалъ двѣнадцать часовъ сряду,—и въ глаза мнѣ бросились прежде всего мои круглыя окопечка, покрытыя серебристыми цвѣтами, ивеемъ, разрисованныя такъ, какъ не могъ бы разрисовать ни одинъ художникъ въ мѣрѣ, точно будто природа посреди зимы хочетъ напомнить о веснѣ, а между тѣмъ, рисунки эти являются, какъ признаки сильнаго холода, сухого холода, замѣнившаго снѣжную погоду; въ такую погоду замерзаютъ всѣ рѣки и даже володцы, всѣякія тропинки становятся твердыми, и всѣ лужи покрываются бѣлымъ и хрупкимъ льдомъ, разламывающимся подъ ногами, какъ яичная скорлупа.

При воспоминаніи обо всемъ этомъ, едва высунувъ носъ изъ подъ одѣяла, въ колпакѣ, надвинутомъ чуть не до спины, мнѣ представлялись всѣ прошлыя зимы, и я думалъ: «Фрицель, вѣдь ты не рѣшишься встать, даже для того, чтобы идти завтракать,—вѣтъ, ивѣтъ не рѣшишься!»

Между тѣмъ, отличный запахъ молочнаго супа разносился изъ кухни и придавалъ мнѣ отчаянную храбрость.

Такъ размышлялъ я уже съ полчаса, и уже вранѣе рѣшилъ, что соскочу съ постели, схвачу подъ мышку платье и побѣгу одѣваться въ кухню къ очагу,—какъ вдругъ услышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ встаетъ дядя Яковъ, изъ чего я заключилъ, что сильное утомленіе предыдущаго дня произвело въ немъ одинаковую со мной сонливость. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, смѣясь и дрожа, въ панталонахъ и рубашкѣ.

— Ну-ну, Фрицель! вскричалъ онъ: — вставай! живѣй!.. живѣй! Ты развѣ не слышишь запахъ супа?

Онъ дѣлалъ такъ каждую зиму во время сильныхъ холодовъ и подшучивалъ надъ моею нерѣшительностью.

— Еслибъ можно было принести мнѣ супу сюда, сказалъ я ему: — я разнюхалъ бы его еще лучше.

— Ахъ ты, трусы! трусы! сказалъ дядя: — и ты рѣшился бы ѣсть въ постели? Вотъ лентяй-то!

И чтобы показать мнѣ примѣръ, онъ влилъ изъ моего кувшина холодной воды въ чашку и обѣими руками сталъ мыть себѣ лицо, говоря:

— Ухъ! какъ славно, Фрицель! какъ освѣжаетъ! Ну, оставай же... вставай!

Я же, вида, что онъ хочетъ мыть меня, соскочилъ съ постели, схватилъ въ одинъ мигъ свою одежду и, стремглавъ слетѣлъ внизъ. Врывъ дядинаго хохота огласилъ весь домъ.

— Хорошо выщелъ бы изъ тебя республиканецъ! вскричалъ онъ: — маленькому Жану пришлось бы не мало бить атаку, чтобы придать тебѣ храбрости.

Разъ добравшись до кухни, какое мнѣ было дѣло до его насмѣшекъ! Я одѣлся у огня, вымылся теплой водой, налитой мнѣ Лизбетой, что мазалось мнѣ гораздо пріятнѣе высказыванія храбрости; я уже нѣжно смотрѣлъ на миску, когда дядя, въ свою очередь, сошелъ и, уцѣпивъ меня за ухо, сказалъ Лизбетѣ:

— Ну-ну! какъ поживаетъ сегодня мадамъ Тереза? Хорошо провела ночь, надѣюсь?

— Входите, отвѣчала добродушно старуха, входите, господинъ докторъ, тамъ васъ кое-кто ждетъ.

Дядя вошелъ и я за нимъ. Сначала мы были очень удивлены, не вида никого въ залѣ; занавѣсы алькова были задернуты. Но удивленіе наше еще болѣе возрасло, когда, обернувшись, мы увидали мадамъ Терезу въ ея маркитантской одеждѣ—маленькая кофта, застегнутая до верху мѣдными пуговицами, толстый красный шарфъ вокругъ шеи,—сидѣвшую за печкой; она была такая же, какою мы видѣли ее въ первый разъ, только нѣсколько блѣднѣе; шляпа ея лежала на столѣ, такъ что ея прекрасные волосы, пробранные посерединѣ, падали на плечамъ, что дѣлало ее похожей на молодого человѣка. Видя наше удивленіе, она улыбалась, а рука ея покоилась на головѣ Сципіона, сидѣшаго подлѣ нея.

— Господи! воскликнулъ дядя.—Какъ это вы, мадамъ Тереза!.. Вы встали?

Потомъ онъ прибавилъ съ безповойствомъ.

— Какая неосторожности!

Но она, продолжая улыбаться, съ видомъ благодарности протянула ему руку и, выразительно смотря на него своими большими черными глазами, отвѣчала:

— Не бойтесь, господинъ докторъ: мнѣ совсѣмъ хорошо,—я здорова; ваши вчерашнія хорошія вѣсти поправили меня. Посмотрите сами!....

Онъ молча взялъ ее за руку и задумчиво сталъ считать пульсъ, потомъ лицо его просвѣтлѣло и онъ весело вскричалъ:

— Лихорадки нѣтъ! Ахъ, теперь, теперь все пойдетъ хорошо! Но надо быть осторожной, очень осторожной.

Отступивъ немного, онъ сталъ смѣяться, какъ ребенокъ, глядя на свою больную, тоже улыбающуюся ему.

— Такой я васъ видѣлъ въ первый разъ, тихо сказалъ онъ; такой и теперь опять васъ вижу, мадамъ Тереза. Да, намъ посчастливилось, очень посчастливилось!

— Вы спасли мнѣ жизнь, господинъ докторъ, сказала она, и глаза ея наполнились слезами.

Онъ покачалъ головой и, поднявъ руку, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, — васъ спасъ тотъ, кто сохраняетъ все, оживаетъ все; потому что онъ не хочетъ, чтобы великія и хорошія личности погибали; онъ желаетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ оставались для примѣра другимъ. Ну, и возблагодаримъ же его!

Потомъ, перемигнувъ голосъ и выраженіе лица, онъ вскричалъ:

— Порадуемся!.. порадуемся!.. Вотъ это—такъ можно назвать хорошимъ днемъ!

Онъ ушелъ въ кухню и оставался тамъ нѣкоторое время, а мадамъ Тереза сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ. Она взяла меня обѣими руками за голову и поцѣловала, отстраняя волосы.

— Ты славный ребенокъ, Фрицель, сказала она мнѣ,—ты походишь на маленькаго Жана.

Тутъ вошелъ дядя, подмигивая съ душевнымъ удовольствіемъ глазами.

— Сегодня я не выхожу изъ дому, сказалъ онъ:—надо же вѣдь человѣку отдыхъ отъ времени до времени. Для очистки совѣсти только зайду кое къ кому въ деревнѣ, и потомъ приду провести весь день въ семействѣ, какъ бывало въ счастливое время, при жизни бабушки Ленель.—Что ни говори, а вѣдь семейная жизнь возможна только при женщинахъ!

Говоря такимъ образомъ, онъ надѣвалъ свою большую шапку и накидывалъ шубу на плечи. Потомъ вышелъ, улыбаясь намъ.

Мадамъ Тереза задумалась; она встала, придвинула кресло къ окну и стала смотрѣть на площадь съ фонтаномъ. Мы же съ Сидниономъ пошли въ кухню завтракать.

Черезъ полчаса я услышалъ, какъ входилъ дядя, говоря:

— Ну, вотъ я и свободенъ до вечера: кого надо обошелъ, все нашелъ въ порядкѣ, и теперь могу больше не выходить.

Сиднионъ царапался въ дверь; я отворилъ ему, и мы вошли вмѣстѣ въ залу. Дядя вѣшалъ свою шубу на стѣну и смотрѣлъ на мадамъ Терезу, сидѣвшую все еще на томъ же мѣстѣ и грустную.

— О чемъ это вы думаете? сказалъ онъ ей:—вы стали грустиѣе, чѣмъ бли давеча.

— Я думаю, господинъ докторъ, что, не смотря на сильныя страданія, человекъ доволенъ, что можетъ остаться еще на нѣкоторое время на землѣ,—сказала она ему взволнованнымъ голосомъ.

— На нѣкоторое время! вскричалъ дядя: — скажите на много лѣтъ, потому что у васъ, слава Богу, натура здоровая, и черезъ нѣсколько дней вы будете такъ же здоровы, какъ были прежде.

— Да, господинъ Яковъ, я думаю, что буду здорова, сказала, она; но если въ послѣднюю минуту васъ поднялъ изъ мертвыхъ человекъ съ душою, тогда выздоровленіе и возможность сказать себѣ: «Безъ него меня не было бы на свѣтѣ!»—доставляетъ большое счастье.

Дядя понялъ тогда, что она смотрѣла на мѣсто, гдѣ произошла страшная битва между ея батальономъ и австрійской дивизіей; что этотъ старый фонтанъ, эти старыя, обвалившіяся стѣны, эти слуховыя окна, наконецъ, вся эта площадь, узкая и мрачная, напоминала ей подробности битвы, и что она знала, какая ожидала бы ее участь, если бы онъ, къ счастью, не пришелъ, когда Иосифъ Спикъ хотѣлъ закопать ее съ убитыми. Это открытіе совершенно ошеломило его, и только черезъ минуту онъ спросилъ:

— Кто разсказалъ вамъ все это, мадамъ Тереза?

— Вчера, когда мы оставались однѣ, Лизбета разсказала мнѣ, чѣмъ я обязана вамъ.

— Лизбета разсказала вамъ! вскричалъ огорченный дядя:—а еще какъ я запрещалъ ей...

— Не браните ее, господинъ докторъ, сказала она: — я ей нѣсколько помогла... Она такъ любитъ болтать!

Тереза улыбалась дядѣ, который успокоился и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, мнѣ слѣдовало бы предвидѣть это, нечего больше объ этомъ и говорить. Но послушайте, надо выгнать все это изъ головы, надо стараться смотрѣть на все съ хорошей стороны, это необходимо для вашего выздоровленія. Теперь все идетъ хорошо, но надо помочь природѣ пріятными мыслями, согласно мудрому предписанію отца медицины, Гиппократъ. «Мощный духъ, говоритъ онъ, спасаетъ разслабленное тѣло!» Мощностъ же духа является отъ веселыхъ, а не отъ мрачныхъ мыслей. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ фонтанъ очутился на томъ концѣ деревни; но такъ какъ онъ тутъ и перенести его мы не можемъ, то присядемъ къ печкѣ, чтобы не видѣть его,—это будетъ гораздо лучше.

— Я готова, отвѣчала Тереза, вставая.

Она оперлась на руку дяди, который казался счастливымъ, поддерживая ее. Я же подвинулъ кресло его въ уголъ, и мы всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ вокругъ печи, трескъ пламени въ которой доставлялъ намъ большое удовольствіе.

Иногда вдали, въ деревнѣ, слышался лай собаки, и этотъ ясный звукъ, раздававшійся въ тишинѣ, обыкновенной въ такіе сильные холода, пробуждалъ Сципіона, который вставалъ ворча и, ошестившись, подходилъ къ двери, потомъ снова возвращался къ моему стулу, думая, вѣроятно, что теплое мѣстечко пріятнѣе удовольствія пошумѣть.

Тереза, блѣдная, съ густыми черными волосами съ синимъ отливомъ, падающими по плечамъ, казалась счастливою и покойною. Мы мирно бесѣдовали, а дядя курилъ свою большую фарфоровую трубку съ видомъ полнѣйшаго довольства.

— Однако, что это такое? мнѣ казалось, я разрѣзалъ вашу кофту, заговорилъ дядя черезъ нѣсколько минутъ, а теперь она, какъ новая.

— Вчера мы съ Лизбетой починили ее, докторъ Яковъ, отвѣчала она.

— Вотъ какъ!.. такъ вы умѣете шить?.. это мнѣ не приходило еще въ голову.. Вы представлялись мнѣ всегда идущею по мосту или что нибудь въ этомъ родѣ, на берегу рѣки, освѣщенной ружейными выстрѣлами.

Тереза улыбнулась.

— Я дочь бѣднаго школьнаго учителя, начала она:—а въ свѣтѣ бѣдному прежде всего надо умѣть добывать себѣ орудія для существованія. Отецъ мой понималъ это, и у всѣхъ дѣтей было какое нибудь ремесло. Еще только годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы ушли,—и не только наше семейство, но и вся молодежь города и окрестныхъ деревень, съ ружьями, топорами, вилами и колами,—на встрѣчу пруссакамъ. Прокламація герцога Брауншвейгскаго подняла всю пограничную часть страны; военному дѣлу обучались дорогою.

— Тогда отецъ мой, человѣкъ образованный, былъ избранъ общей подачей голосовъ сначала въ капитаны, а послѣ нѣсколькихъ стычекъ—въ командиры батальона. До нашего выступленія, я помогала ему по школѣ, учить дѣвочекъ,—я учила ихъ всему, что должна знать хорошая хозяйка.

— Да, докторъ Яковъ, если бы въ то время мнѣ сказали, что придетъ время, когда я пойду съ солдатами, что я ночью буду водить

свою лошадь подъ уздцы, что буду проѣзжать съ своей таратайкой по кучамъ труповъ и что часто по цѣлымъ часамъ дорогу мнѣ будутъ освѣщать только выстрѣлы,—я не повѣрила бы, потому что любила только простыя семейныя обязанности. Я была даже слишкомъ скромна, потому что краснѣла отъ всякаго взгляда. Но чего не сдѣлаешь, когда великія обязанности заставляютъ насъ выдвинуться изъ мрака, когда угрожаемая родина призываетъ дѣтей своихъ! Тогда сердце рвется, человекъ измѣняется, выступаетъ, страхъ забывается, а спустя долгое время, только удивляешься, что такъ измѣнился, что дѣлаешь то, что прежде считалъ невозможнымъ!

— Да-да, говорилъ дядя, кивая головой: — теперь я узналъ... я смотрю ясно на дѣло... А! такъ народъ поднялся такимъ образомъ... Онъ такъ пошелъ весь, цѣликомъ... Однако, что можетъ сдѣлать мысль!

Часовъ до двѣнадцати продолжали мы говорить такимъ образомъ. Въ двѣнадцать Лизбета пришла накрывать на столъ и подавать обѣдать; мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ она ходила взадъ и впередъ; какъ постлала скатерть, поставила приборы и принесла дымившуюся миску.

— Ну, весело воскликнулъ дядя, вставая и помогая идти Терезѣ, — сядемте за столъ. Теперь вы—наша милая бабушка Ленель, хранительница домашняго очага, какъ говорилъ мой старый гейдельбергскій профессоръ Эбергардтъ.

Она тоже улыбалась, и когда мы сѣли всѣ за столъ другъ противъ друга, намъ казалось, что все пришло въ обычный порядокъ, что давно уже должно было бы быть такъ, и что до сихъ поръ въ семьѣ кого-то недоставало, чье присутствіе доставляло намъ большее счастье. Даже Лизбета, всякій разъ, какъ приносила вареную говядину, овощи и жаркое, останавливалась и съ видомъ глубокаго удовольствія смотрѣла на насъ, а Сципіонъ такъ же часто сидѣлъ подлѣ меня, какъ и подлѣ своей хозяйки, не дѣлая между нами ни малѣйшаго различія.

Дядя прислуживалъ Терезѣ и, такъ какъ она была еще слаба, разрѣзалъ говядину на ея тарелкѣ, говоря:

— Еще кусочекъ! вамъ теперь нужны силы; скушайте еще это— и на этотъ разъ довольно, потому что все придетъ своимъ чередомъ.

Къ концу обѣда, онъ вышелъ на минуту и возвратился съ бутылкой, запечатанной толстымъ слоемъ краснаго сюргуча и покрытой пылью.

— Вотъ, сказалъ онъ, поставивъ бутылку на столъ: — вашъ со-

отечественниѣ желаетъ вамъ добраго здоровья; мы не можемъ отказать ему въ этомъ, потому что онъ изъ Бургундіи и, говорятъ, хмѣль у него веселый.

— Вы такъ лечите всѣхъ вашихъ больныхъ, докторъ Яковъ? спросила тронутая Тереза.

— Да, всѣхъ,—я предписываю имъ все, что имъ пріятно.

— Ну, такъ у васъ истинное искусство,—искусство, идущее отъ сердца и вылечивающее.

Дядя хотѣлъ налить, но вдругъ, остановившись, серьезно взглянулъ на большую и выразительно сказалъ:

— Я вижу, что мы сходимся все болѣе и болѣе, и что наконецъ вы согласитесь на принципы мира.

Сказавъ это, онъ налилъ нѣсколько капель мнѣ въ стаканъ, а свой стаканъ и стаканъ Терезы наполнилъ до краевъ и воскликнулъ:

— За ваше здоровье, мадамъ Тереза!

— За ваше и за здоровье Фрицеля! сказала она.

Мы выпили это старое вино—цвѣта луковыхъ перьевъ, показавшееся мнѣ очень вкуснымъ.

Всѣ мы повеселѣли, щоки Терезы слегка покрылись румянцемъ, предвѣстникомъ здоровья; она улыбалась и сказала:

— Это вино меня оживляетъ.

Потомъ она заговорила о томъ, какъ бы сдѣлаться полезною нашему хозяйству.

— Я чувствую въ себѣ уже столько силы, говорила она, что могу работать: я могу чинить ваше старое бѣлье, у васъ, вѣрно, есть оно, господинъ докторъ?

— Разумѣется, разумѣется, улыбаясь, отвѣчалъ дядя. У Лизбеты глаза ужъ немолодые, она по цѣлымъ часамъ вставляетъ одну занлатку,—вы будете намъ очень-очень полезны. Но теперь еще не до того; вамъ еще нуженъ покой.

— Если мнѣ нельзя еще работать, сказала она, кротко глядя на меня,—позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, замѣнять васъ иногда въ урокахъ Фрицелю: у васъ не всегда бываетъ время давать ему уроки французскаго языка, и если вамъ угодно...

— А! это другое дѣло, вскричалъ дядя; да, это мысль, что называется, отличная; слава Богу! Слушай, Фрицель, впередъ ты будешь учиться у мадамъ Терезы; ты долженъ стараться, потому что случаи учиться—рѣдки, очень рѣдки.

Я весь вспыхнулъ при мысли, что у мадамъ Терезы слишкомъ много незанятаго времени; она же, понявъ мою мысль, добродушно сказала мнѣ:

— Не бойся, Фрицель, я буду пускать тебя бѣгать. Мы вмѣстѣ будемъ читать Бюффона часть по утрамъ и часть по вечерамъ. Успокойся, дитя мое, я не стану слишкомъ надѣлать тебѣ.

Она тихо притянула меня къ себѣ и обняла. Въ это время отворилась дверь и вошли кротоловъ и Коффель въ праздничномъ платьѣ и съ торжественнымъ видомъ: они пришли пить съ нами кофе. Ясно было, что дядя, пойдя утромъ приглашать ихъ, разсказать имъ о храбростѣ и о славѣ мадамъ Терезы въ республиканской арміи, потому что и въ одеждѣ ихъ, и въ движеніяхъ было что-то необыкновенное. Кротоловъ не остался, по обыкновенію, въ своей куней шапкѣ, а внимательно смотрѣлъ во все глаза; Коффель надѣлъ чистую рубашку, воротнички которой доходили ему до ушей, и держался совершенно прямо, засунувъ руку въ куртку; женѣ его пришлось пришить пуговицу, чтобы пристегнуть другой подтяжкой панталонны, которые уже не висѣли съ одной стороны, а были приподняты ровно съ обѣихъ сторонъ; кромѣ того, вмѣсто старыхъ, продранныхъ башмаковъ, на немъ были новые, праздничные. Наконецъ, у обохъ былъ какой-то торжественный видъ, точно у людей, пришедшихъ на какое нибудь чрезвычайное совѣщаніе; оба съ достоинствомъ низко поклонились, сказавъ:

— Кланяюсь чесной компаніи.

— А, вотъ и вы, сказалъ дядя;—садитесь.

Потомъ, обернувшись къ кухнѣ, онъ закричалъ:

— Лизбета, подавай кофе!

Въ эту минуту, случайно взглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ проходившаго старика Адама Шмидта и, не медля вставъ и постучавъ въ окно, сказалъ.

— Вотъ, мадамъ Тереза,—старый солдатъ Фридриха; вы будете довольны знакомствомъ съ нимъ; онъ хорошій человекъ.

Старикъ Шмидтъ подошелъ посмотрѣть, зачѣмъ звалъ его докторъ, а дядя Яковъ, поднавъ окно, сказалъ ему:

— Дѣдушка Адамъ, сдѣлайте одолженіе, придите выпить съ нами кофею, у меня есть еще тотъ старый коньякъ, знаете?

— Съ удовольствіемъ, господинъ докторъ, отвѣчалъ Шмидтъ,—съ большимъ удовольствіемъ.

Онъ показался на порогѣ и, приложивъ руку къ виску, сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ.

Кротоловъ, Коффель и Шмидтъ, стоя вокругъ стола съ нѣсколько смущеннымъ видомъ, начали потихоньку говорить между собою, искоса поглядывая на Терезу и какъ-будто передавая другъ другу что-то важное; въ это время Лизбета снимала скатерть и покрывала

столь клеенкой, а Тереза продолжала улыбаться мнѣ, играя моими волосами и дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ, что о ней говорятъ.

Наконецъ, Лизбета принесла на подносѣ чашки и графинчики съ коньякомъ и киршвассеромъ, видъ которыхъ заставилъ старика Шмидта обернуться и прищурить глаза. Лизбета принесла кофейникъ, а дядя сказалъ:

— Сядемте.

Тогда всѣ сѣли, а Тереза, улыбаясь всѣмъ этимъ почтеннымъ людямъ, сказала:

— Позвольте мнѣ налить вамъ, господа.

Дѣдушка Шмидтъ, приложивъ руку къ уху, отвѣчалъ:

— Вамъ и честь!

Коффель и кротоловъ бросили другъ на друга взглядъ удивленія, и каждый подумалъ: «старикъ Шмидтъ сказалъ это и умно, и кстати!»

Тереза разлила кофе, и въ то время, какъ всѣ молча пили, дядя, положивъ руку на плечо дѣдушки Шмидта, сказалъ:

— Мадамъ Тереза, позвольте представить вамъ стараго солдата, служившаго Фридриху Великому, — человѣка, который, не смотря на нѣсколько походовъ, на свои раны, храбрость и хорошее поведеніе, вышелъ только простымъ сержантомъ, и котораго всѣ порядочные люди деревни уважаютъ, какъ капитана.

Тереза взглянула на старика Шмидта, выпрямившагося на своемъ стулѣ съ чувствомъ собственного достоинства.

— Въ арміяхъ республики вы могли бы сдѣлаться генераломъ, сказала она.

Никто не возражалъ. Шмидтъ смотрѣлъ на эту женщину задумчиво и серьезно, выпучивъ свои большіе сѣрые глаза и уткнувъ внизъ свой горбатый носъ; онъ сжалъ губы и, казалось, размышлялъ; кротоловъ и Коффель сидѣли и смотрѣли другъ на друга; Тереза была взволнована, а дядя оставался спокойнымъ. Я всталъ изъ-за стола, потому что дядя не давалъ мнѣ кофею, говоря, что дѣтямъ онъ вреденъ, и сѣлъ за печку, смотря и слушая.

Черезъ минуту дядя Яковъ сказалъ Шмидту:

— Мадамъ Тереза была маркитанткой второго батальона первой бригады мозельской арміи.

— Я знаю ужъ это, господинъ докторъ, отвѣчалъ старшій солдатъ, и знаю также, что она сдѣлала.

Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ сказалъ.

— Да, если бы я имѣлъ счастье служить въ республиканскихъ арміяхъ, я былъ бы капитаномъ, можетъ быть, даже командиромъ батальона, если бы только не былъ убитъ!

И ударивъ себя въ грудь, онъ прибавилъ:

— Во мнѣ было самолюбіе и, не хвастаясь, скажу,—была храбрость, и еслибъ можно было возвышаться, мнѣ стыдно было бы не пойти впередъ. Король не разъ замѣчалъ меня,—венць весьма рѣдкая относительно простого солдата. Въ Росбахъ, въ то время, какъ капитанъ, причесавъ за насъ, кричалъ: «впередь!» Адамъ Шмидтъ командовалъ отрядомъ. Ну, и все это ни къ чему не повело, и теперь, не смотря на то, что я получаю пенсію отъ прусскаго короля, я долженъ сознаться, что республиканцы во многомъ правы. Вотъ мое мнѣніе.

И выпивъ зашомъ рюмку, онъ странно подмигнувъ глазомъ и прибавилъ:

— А дерутся они хорошо!... я видѣлъ... да, хорошо дерутся. У нихъ нѣтъ еще правильныхъ движеній старыхъ солдатъ, но они славно выдерживаютъ атаку, а по этому-то и узнаются въ рядахъ люди, на которыхъ можно положиться.

Послѣ этихъ словъ старика Шмидта, всѣ начали восхвалять новыя идеи, точно будто онъ подалъ знакъ къ большей искренности; и всѣ высказывали мысли, которыя давно скрывали. Коффель, вѣчно жалующійся на недостатокъ своего образованія, говорилъ, что всѣ дѣти должны были бы ходить въ школу на общественный счетъ, что Богъ не давалъ особенной привилегіи на сердце и умъ однимъ сословіямъ въ ущербъ другимъ, что всякій имѣетъ одинаковое право быть умнымъ, кто бы онъ ни былъ, — дворянинъ, или угольщикъ; что сорная трава не должна заглушать хорошей, какъ это было до сихъ поръ.

Тереза отвѣчала, что конвентъ присудилъ выдать пятьдесятъ милліоновъ франковъ для общественнаго образованія, выразивъ сожалѣніе, что не можетъ дать болѣе въ такое время, когда вся Европа возстала противъ него и когда приходится держать на готовѣ четырнадцать армій.

Слушая это, глаза Коффеля наполнились слезами, и я никогда не забуду, какъ онъ дрожащимъ голосомъ говорилъ.

— Ну, такъ пусть будетъ надъ нимъ благословеніе Франціи! Тѣмъ хуже для насъ, и если бы мнѣ пришлось все потерять, я все-таки душою буду за нею.

Кротоловъ долгое время молчалъ, но начавъ разъ,—рѣчамъ его не было конца; онъ требовалъ не только общественнаго образованія, но и самыхъ коренныхъ переворотовъ. Трудно вѣрилось, что бы въ головѣ такого миролюбиваго человѣка могли слагаться подобныя мысли.

— Я говорю, что стыдно продавать войска, какъ стада быковъ, торжественно вскричалъ онъ, протянувъ руку; но я говорю, что еще стыднѣе продавать судебныя мѣста, потому что судьи, чтобы вернуть свои деньги и нажиться, продаютъ правосудіе, и я говорю, что всякій человѣкъ долженъ свободно дѣлать, что ему угодно, — торговать, работать и безъ помѣхи возвышаться.

Старикъ Шмидтъ, въ свою очередь, заявилъ, что онъ думаетъ одинаково съ кротоловомъ и Коффелемъ, а дядя, сидѣвшій до сихъ поръ спокойно, тоже изъявилъ свое сочувствіе этимъ естественнымъ и справедливымъ мнѣніямъ.

— Только, говорилъ онъ:— вмѣсто того, чтобы стараться сдѣлать это все въ одинъ день, лучше идти медленнымъ и постепеннымъ путемъ, употребляя кроткія и убѣдительныя средства, какъ дѣлалъ Христосъ; это гораздо умнѣе и приведетъ къ лучшимъ результатамъ.

Тереза, улыбаясь, сказала ему:

— Ахъ, господинъ докторъ, разумѣется такъ, если бы всѣ походили на васъ; но сколько ужъ столѣтій проповѣдуются людямъ доброта, кротость и справедливость? А между тѣмъ, развѣ эти проповѣди хоть одного феодала сдѣлали лучше? Развѣ они обходятся съ крестьянами, какъ съ братьями... нѣтъ... нѣтъ! Очень печально, но война необходима. Въ послѣдніе три года Франція сдѣлала для правъ человѣка больше, чѣмъ сдѣлано было до нея въ восемнадцать вѣковъ. Повѣрьте мнѣ, самоотверженіе честныхъ людей — большое зло: оно придаетъ смѣлость негодяямъ и остается безъ всякаго хорошаго результата.

Всѣ присутствованіе были одного мнѣнія съ мадамъ Терезой, и дядя Яковъ уже приготовился отвѣчать, когда отворилась дверь и почтальонъ Клеменць, въ своей большой шляпѣ, обтянутой клеенкой, и съ жоутой кожаной сумкой, подаль ему газету.

— Не хотите ли кофею, Клеменць? сказалъ ему дядя.

— Нѣтъ, господинъ Яковъ, спасибо... я тороплюсь, всѣ письма запоздали... Въ другойразъ.

Онъ вышелъ, и мы видѣли, какъ онъ пробѣжалъ мимо нашихъ оконъ.

Дядя разорвалъ обложку газеты и торжественнымъ голосомъ сталъ читать новости тѣхъ отдаленныхъ временъ. Хотя я былъ тогда очень молодъ, но все помню; чтеніе походило на предсказанія кротолова и сильно интересовало меня. Старый *Листокъ* отзывался о республиканцахъ, какъ о какихъ-то сумасшедшихъ, задумавшихъ странное предпріятіе: измѣнить вѣчные законы природы.

Сначала онъ упоминалъ объ ужасномъ наказаніи, которому подвергнулъ Юпитерь титановъ, возмущившихся противъ его престола, раздавивъ ихъ горою, такъ что съ тѣхъ поръ несчастные извергаютъ пепель и пламя въ могилахъ Везувія и Этны. Потомъ онъ говорилъ о колоколахъ, отнятыхъ у католической свитыни и передѣланныхъ въ пушки; онъ говорилъ объ этомъ, какъ о немислимомъ святотатствѣ, потому что вещи, предназначенныя давать жизнь душѣ, употреблялись на убіеніе тѣла.

Еще онъ говорилъ, что ассигнаціи ничего не значать, и что скоро, когда дворяне опять вступять во владѣніе своими замками, а духовенство—монастырями, эти бумаги, безъ всякихъ залоговъ, будутъ годиться только развѣ на растопку печей. Онъ убѣждать народъ не принимать ихъ ни за что.

За этимъ слѣдовалъ списокъ смертныхъ казней, и, къ несчастью, онъ былъ очень длиненъ. Кромѣ того, *Листокъ* восклицалъ, что республиканцы измѣняютъ поговоркѣ: будто волки не ѣдятъ другъ друга.

Наконецъ, онъ смѣялся надъ новымъ лѣтосчисленіемъ, называемымъ республиканскимъ, въ которомъ мѣсяцы назывались: вандемеромъ, брюмеромъ, фримеромъ, нивозомъ, плювіозомъ и т. д. Онъ говорилъ, что эти сьумасброды хотятъ измѣнить ходъ свѣтилъ и перемѣшать времена года: изъ зимы сдѣлать лѣто, изъ весны — осень, такъ что неизвѣстно будетъ, когда нужно сѣять, когда — жать, что въ этомъ нѣтъ никакого смысла, и что всѣ крестьяне во Франціи приходятъ отъ этого въ негодованіе.

Такъ говорилъ *Листокъ*.

Во время чтенія Коффель и кротоловъ бросали другъ на друга отъ времени до времени задумчивые взгляды; Тереза и старикъ Шмидтъ сидѣли, погруженные въ думы, никто ничего не говорилъ. Дядя все читалъ, останавливаясь на минуту послѣ каждаго новаго параграфа, а старые часы били свой вѣчный тактъ.

Въ концѣ рѣчь шла о войнѣ въ Вандеѣ, о взятіи Ліона, занятіи Тулона англичанами и испанцами, о вторженіи Вурмзера въ Альзась и о битвѣ при Кайзерлаутернѣ, гдѣ эти знаменитые республиканцы бѣжали, какъ зайцы. *Листокъ* предсказывалъ конецъ республики къ слѣдующей веснѣ и заканчивалъ слѣдующими словами пророка Іереми, обращаясь къ французскому народу: «Накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя обличитъ тя, понеже отъ вѣка сокрушилъ еси иго твое и распуталъ еси узы твоя, и увѣждь, яко зло и горько ти есть же оставилъ мя, Господь Бога твоего.

Послѣ этого дядя сложилъ газету и сказалъ:

— Чему остается вѣрить? Каждый день говорятъ намъ, что эта республика кончается; шесть мѣсяцевъ тому назадъ, она была окружена со всѣхъ сторонъ, три четверти ея провинцій возстали противъ нея, Вандея одержала большія побѣды, и мы тоже; ну, а теперь! она почти отсюда вытолкнула насъ, она держится противъ всей Европы, чего не могла бы вынести сильная монархія; мы уже не въ серединѣ ея провинцій, а только на ихъ границахъ, она приближается даже къ намъ, а намъ говорятъ, что она гибнетъ. Еслибъ эти вещи писались не ученымъ докторомъ [Захаріусомъ, а усомнился бы въ справедливости ихъ.

— И! господинъ докторъ, отвѣчала Тереза:—этотъ докторъ, можетъ быть, смотритъ на вещи съ той точки, съ какой ему хочется ихъ видѣть, это часто встрѣчается, и такихъ людей нельзя удерживать въ неискренности,—они не хотятъ обманывать другихъ, но обманываютъ сами себя.

— Я знаю только, сказалъ, вставая, дѣдушка Шмидтъ, что республиканскіе солдаты дерутся хорошо, и что если у французовъ наберется четыреста или пятьсотъ тысячъ такихъ же, какихъ я видѣлъ, то я боюсь болѣе за насъ, чѣмъ за нихъ. Вотъ что я думаю. Что же касается до Юпитера, повергающаго людей подъ Везувій для того, чтобы тѣ извергали пламя, то это новый родъ батарей, мнѣ совершенно невѣдомыхъ, но на которыя мнѣ хотѣлось бы посмотреть.

— Мнѣ же, сказалъ кротововъ: — мнѣ кажется, что этотъ докторъ Захаріусъ не знаетъ самъ, что говорить; если бы я составлялъ газету вмѣсто него, я составлялъ бы ее иначе.

Онъ наклонился къ печкѣ за углемъ, потому что чувствовалъ сильную потребность курить. Старикъ Шмидтъ послѣдовалъ его примѣру, и такъ какъ наступили уже сумерки, то они вмѣстѣ вышли, пожавъ руку дялѣ Якову и поклонившись мадамъ Терезѣ; за ними вышелъ и Коффель.

XIII.

На слѣдующій день Тереза уже занималась хозяйствомъ; она осматривала шкафы, развѣтывала скатерти, салфетки, рубашки и даже старое, совсѣмъ уже пожелтѣвшее бѣлье, сложенное еще бабушкой Ленель; она откладывала въ сторону все, что можно было еще починить, а Лизбета возилась въ прачечной.}

Въ ручныхъ работахъ Тереза была неподражаема; эта женщина,

которую мы считали способною только наливать по рюмкамъ воду и трастись въ своей одноколѣй за толпою безпаспортниковъ, знала по хозяйству гораздо болѣе всякой анштатской кумушки. Она завела даже у насъ обычай вышивать 'гирлянды и мѣтить красными буквами хорошее бѣлье, — обычай, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстный въ горахъ.

Кромѣ того, Тереза помогала Лизбетѣ въ кухнѣ, нисколько не мѣшая ей, зная, что старая прислуга не любитъ, чтобы совались въ ея дѣла.

— Однако, мадамъ Тереза, говорила ей иногда старая служанка: — какъ перемѣняются мысли; въ первое время я терпѣть васъ не могла за вашу республику; а теперь, если бы вы вздумали уѣхать, мнѣ бы показалось, что весь домъ уѣзжаетъ и что мы не можемъ жить безъ васъ.

— Такъ! улыбаясь, отвѣчала она ей: — это очень просто, у всякаго свои привычки; вы меня не знали, и я внушала вамъ медовѣрiе; со всякими, на вашемъ мѣстѣ, было бы то же самое.

Потомъ она грустно прибавляла:

— А уѣхать мнѣ придется, Лизбета, — мѣсто мое не здѣсь, другія обязанности призываютъ меня.

Она все думала о своемъ батальонѣ, и когда Лизбета восклицала: — Нѣтъ, вы останетесь у насъ, теперь вы не можете уѣхать отъ насъ. Вы знаете, какъ васъ уважаютъ въ деревнѣ и какъ смотреть на васъ порядочные люди. Бросьте выникъ безпаспортниковъ, не дѣло хорошей женщины попадать подъ нули или другія несчастiя скитаясь за солдатами. Мы не пустимъ васъ. — Тогда она качала головой, и видно было, что не сегодня, такъ завтра она скажетъ: «Сегодня я уѣзжаю», — и ничто не останется ея.

Съ другой стороны, споры о войнѣ и о мирѣ все еще продолжались, и возобновлялъ ихъ дядя Яковъ. Всякое утро онъ сходилъ къ ней въ залу убѣждать ее, говоря, что миръ долженъ господствовать на землѣ, что въ первобытныя времена самъ Богъ устремилъ мирную жизнь не только между людьми, но и между животными; что всѣ бѣдствiя приходятъ вмѣстѣ съ войной: чума, убійство, грабежъ, пожаръ; что въ государствѣ должна быть глава, для поддержанiя порядка, и, слѣдовательно, — дворянство, для поддержанiя этой главы; что все это существовало всегда — у евреевъ, египтянъ, ассирянъ, грековъ и римлянъ; что римская республика починала это, и что поэтому консулы и диктаторы были въ родѣ королей, и

ихъ поддерживали благородные сенаторы, а сенаторовъ поддерживали благородные рыцари, стоявшіе выше народа; — что таковъ былъ порядокъ вещей, и что измѣнить его можно было только къ невыгодѣ самихъ бѣдныхъ, потому что бѣдные, говоря о нѣмъ, во время безпорядковъ не находятъ средствъ для существованія и гибнуть, какъ листья осенью, обрываясь отъ вѣтокъ, питавшихъ ихъ.

Онъ говорилъ долго и много; но у Терезы на все находились отвѣты, и она утверждала, что, по милости божьей, всѣ люди имѣютъ равныя права; что преимущества должны даваться по достоинству, а не по рожденію; что законы мудрые, равные для всѣхъ, одни только могутъ установить справедливое различіе между гражданами, одобряя поступки однихъ и осуждая поступки другихъ.

Вслушивая эти отвѣты, дядя всякій разъ глубоко задумывался. Случалось ли ему отправляться въ горы, онъ задумчиво садился на лошадь и цѣлый день измышлялъ новыя и болѣе сильныя доводы, чтобы убѣдить Терезу. Вечеромъ онъ возвращался въ болѣе веселомъ расположеніи духа, съ доводами, которые считалъ непогрѣшимыми; но это было не на долго, потому что Тереза не говорила ни о грѣсахъ, ни о египтянахъ, а тотчасъ же видѣла сущность дѣла и разбивала историческія доказательства дяди здравымъ смысломъ.

Не смотря на все это, дядя не только не сердился, но, напротивъ того, восклицалъ съ восторгомъ:

— Что вы за женщина, мадамъ Тереза! Не изучая никогда логики, вы отвѣчаете на все! Хотѣлось бы мнѣ очень посмотреть, какъ бы сталъ спорить съ вами редакторъ *Листка*; я увѣренъ, вы смутили бы его, не смотря на всѣ его знанія и истину, которую онъ защищаетъ; истина-то на нашей сторонѣ, но только я ее плохо защищаю.

Тутъ они оба смѣялись, а Тереза говорила:

— Вы отлично защищаете миръ—я съ вами согласна. Мы съ вами скоро договорились бы, потому что оба мы искренно желаемъ справедливости; но другихъ надо убѣждать пушечными выстрѣлами, такъ какъ они не хотятъ слушать другого голоса и не понимаютъ другихъ убѣжденій.

На такія слова дядя ничего не отвѣчалъ, и меня не мало удивляло, что онъ бывалъ доволенъ побѣдой надъ нимъ.

Послѣ этихъ великихъ политическихъ преній, дядя всего болѣе находилъ удовольствіе, возвращаясь домой, заставить меня за урокомъ французскаго языка, когда Тереза сидѣла на стулѣ, обхвативъ

меня за талью, а я стоялъ подгѣ, наклонившись надъ книгой. Онъ обыкновенно потихоньку входилъ, чтобы не обезпokoитъ насъ, молча садился за печкой, вытянувъ ноги и слушая съ какимъ-то восхищеньемъ; иногда онъ ждалъ съ полчаса, не снимая сапогъ и не надѣвая куртки: такъ боялся онъ развлечь меня, и по окончаніи урока, восклицалъ:

— Слава Богу, Фрицель! какое счастье, что тебѣ начинаетъ нравиться этотъ превосходный языкъ, который такъ хорошо объясняетъ тебѣ Тереза. Какое счастье, что у тебя такой учитель! Ты только потому поймешь это.

Онъ цѣловалъ меня совершенно растроганный.

Надо сознаться, что Тереза не надоѣдала мнѣ ни одной минуты своими уроками; когда она замѣчала, что вниманіе мое утомляется, она тотчасъ же рассказывала мнѣ какія нибудь исторіи, придававшія мнѣ бодрость. Особенно любила она рассказывать мнѣ что нибудь изъ республиканской исторіи, наполненной описаніями геройскихъ поступковъ, превосходными нравоученіями, воспоминаніе о которыхъ навсегда останется при мнѣ.

Жизнь наша шла такимъ образомъ нѣсколько дней. Кротоловъ и Коффель приходили, по обыкновенію, каждый день; мадамъ Тереза совершенно оправилась, и, казалось, такъ должны были бы проходить цѣлые вѣка, какъ вдругъ одно неожиданное происшествіе разстроило нашу мирную жизнь и довело дядю Якова до самыхъ рѣшительныхъ поступковъ.

XIV.

Разъ утромъ дядя Яковъ, сидя за печкой, глубокомысленно читалъ республиканскій Мониторъ, Тереза шла у окна, а я ждалъ удобнаго случая убѣжать съ Сципіономъ.

На улицѣ сосѣдъ нашъ Спикъ рубилъ дрова, и затѣмъ въ деревнѣ царствовала глубокая тишина.

Дядю, казалось, интересовало чтеніе; онъ отъ времени до времени поднималъ на насъ глаза, говоря.

— Славныя мысли у этихъ людей; они мелко не бродятъ, а думаютъ и дѣлаютъ, какъ настоящіе бойцы.... Дѣйствительно хорошо! Я понимаю, что юношество существуетъ ихъ догматомъ, потому что все молодое, здоровое тѣломъ и душою, любитъ добродѣтель; только люди, прежде времени состарившіеся отъ эгоизма и

дурныхъ страстей, могутъ держаться противныхъ принциповъ. Какъ досадно, что такіе люди безпрестанно прибѣгаютъ къ насилію!...

Тереза улыбалась, а дядя снова принимался читать. Это продолжалось оволо получасу; Лизбета, вымета съѣмъ, пошла, по обыкновенію, немного посмѣятничать къ старой Розали; вдругъ у дверей нашихъ остановился какой-то верховой. Онъ былъ въ широкой синей шинели, бараньей шапкѣ, съ курносимъ носомъ и сѣрой бородой.

Дядя положилъ книгу въ сторону и мы стали смотрѣть въ окно на незнакомца.

— За вами пріѣхали, вѣрно отъ какого нибудь больного, господинъ докторъ, сказала Тереза.

Дядя не отвѣчалъ.

Человѣкъ, привязавъ лошадь къ столбу навѣса, вошелъ въ сѣни.

— Здѣсь господинъ докторъ Яковъ? спросилъ онъ, отворивъ дверь.

— Это я.

— Вамъ письмо отъ доктора Фейербаха изъ Кайзерлаутерна.

— Прощу покорно садиться, сказалъ дядя.

Человѣкъ не садился.

Дядя совершенно поблѣднѣлъ, читая письмо, и въ теченіи минуты казался въ такомъ смущеніи, что смотрѣлъ на надаря Терезу какимъ-то дикимъ взоромъ.

— Мнѣ велѣно привезти отвѣтъ, если будетъ, сказалъ посланный.

— Скажите Фейербаху, что я его благодарю, другого отвѣта нѣтъ.

Потомъ, не сказавъ ничего болѣе, онъ вышелъ безъ шапки съ человѣкомъ, который пошелъ вдоль улицы въ харчевню «Золотой вержки», ведя лошадь свою подъ устцы. Вѣроятно, онъ передъ дорогой отправлялся выпить. Изъ оконъ же мы видѣли, какъ дядя прошелъ мимо подъ навѣсомъ. Терезу, казалось, это обезпояло.

— Фрицель, сказала она, свеси дядѣ твоему шапку.

Я тотчасъ же побѣжалъ и засталъ дядю ходящимъ взадъ и впередъ подъ навѣсомъ; онъ все еще держалъ въ рукахъ письмо, точно не думая прятать его въ карманъ. Спикъ, стоя на корогѣ своего дома, сестривъ руки, смотрѣлъ на него какъ-то странно; двое или трое изъ сосѣдей смотрѣли на него изъ своихъ оконъ.

На улицѣ было страшно холодно, и я воротился въ комнату. Тереза, сложивъ работу, задумалась, облокотившись на подоконникъ; я сѣлъ за печкой, не желая болѣе выбѣгать.

Въ дѣтствѣ своемъ я всегда вспоминалъ объ этомъ днѣ; но все, что случилось потомъ, представлялось мнѣ какимъ-то сномъ, потому что помнить всего я не могъ, и только съ годами, припоминая послѣ, сообразилъ главные мотивы этого смутнаго времени.

Я хорошо помню, что черезъ нѣсколько минутъ дядя вошелъ, говоря, что всѣ люди—мерзавцы, и что всѣ они хотятъ только вредить; помню, что онъ сѣлъ передъ маленькимъ окномъ у дверей и сталъ читать письмо друга своего, Фейербаха; что Тереза стояла слѣва въ своей кофтѣ съ мѣдными пуговицами и съ волосами, заврученными на затылокъ, стройная и спокойная.

Все это я точно сейчасъ вижу, вижу и Цициона посреди комнаты, съ поднятой мордой и завороченнымъ хвостомъ.—Письмо было написано на саксонско-нѣмецкомъ языкѣ, и я могъ только понять, что на дядю Якова донесли, будто онъ—якобинецъ, у котораго собираются разные негодни восхвалять республику,—что о Терезѣ было тоже донесено, какъ о женщицѣ опасной, о которой республиканцы сожалеютъ, ради ея необыкновенной смѣлости, и что на слѣдующій день явится за ней прусскій офицеръ съ хоронимъ конвоемъ и свезетъ ее въ Майнцъ къ другимъ плѣннымъ.

Я тоже хорошо помню, что Фейербахъ совѣтовалъ дядѣ быть очень осторожнымъ, потому что пруссаки, послѣ побѣды въ Кайзермаутерѣ, властвуютъ въ странѣ, что они хватаютъ всѣхъ опасныхъ людей и отсылаютъ ихъ даже въ Польшу, въ болотистую мѣстность, миль за двѣсти отсюда.

Мнѣ показалось совершенно непонятнымъ, что дядя, человекъ такой спокойный, миролюбивый, возмутился извѣщеніемъ и предостереженіемъ своего стараго товарища. Въ этотъ день наша мирная комната была свидѣтельницей страшной грозы, какой върояно, никогда не случалось видѣть. Дядя обвинялъ Фейербаха въ эгоизмѣ, въ готовности преклониться передъ пруссаками, обращавшимися съ герцогствомъ и съ горнымъ округомъ, какъ съ завоеванною страной; онъ кричалъ, что въ Майнцѣ, въ Трирѣ и Шпейерѣ существуютъ законы точно такъ же, какъ и во Франціи; что мадамъ Тереза была брошена, какъ мертвая, австрійцами, что нельзя требовать лицъ и вещей, брошенныхъ, что она была свободна, что онъ не позволитъ, что онъ будетъ протестовать, что онъ друженъ съ юрисконсультомъ Пфэффелемъ въ Гейдельбергѣ, что онъ будетъ писать, защищать себя, что перевернетъ весь міръ вверхъ дномъ, что еще посмотреть, позволитъ ли Яковъ Вагнеръ поступать съ собой такимъ образомъ; что будутъ поражены тѣмъ,

что может сдѣлать человѣкъ миролюбивый за справедливость и право.

Говоря это, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ включенными волосами; онъ смѣшивалъ всѣ, приходившіе ему въ голову, старме приказы и говорилъ ихъ по латыни. Онъ говорилъ тоже и нѣкоторыя изреченія о правахъ человѣка, только-что прочитанныя имъ, иногда останавливался и, сильно топая ногою и подгибая колѣно, восклицать:

— Я говорю на основаніи правъ, на желѣзномъ основаніи нашихъ хартій. Пусть приѣдутъ пруссаки... пусть приѣдутъ! Эта женщина моя, я взялъ ее и спасъ ее. «Вещь брошенная, *res derelicta est res publica, res vulgata*».

Не знаю ужъ, откуда онъ всему этому выучился; вѣрно, въ гейдельбергскомъ университетѣ, слушая споры товарищей между собою. Но тогда всѣ эти старыя фразы пришли ему въ голову, и онъ отвѣчалъ точно десяти человѣкамъ.

Въ продолженіе всего этого времени, Тереза была совершенно покойна, и продолговатое лицо ея казалось задумчивымъ; цитаты дяди, разумѣется, удивляли ее, но, привыкнувъ смотрѣть на вещи прямо, она понимала свое положеніе. Только черезъ полчаса, когда дядя отворилъ свою конторку и сѣлъ писать къ юрисконсульту Пфелю, она тихо положила руку свою къ нему на плечо и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Не пишите, докторъ Яковъ, это бесполезно: не успѣть письмо ваше дойти, какъ я уже буду далеко.

Дядя взглянулъ на нее, поблѣднѣвъ.

— Вы хотите ѣхать? спросилъ онъ, весь дрожа.

— Я плѣнная, сказала она: —я это знала; я надѣялась только, что республиканцы сдѣлаютъ новую попытку и освободятъ меня по дорогѣ въ Ландау; но такъ какъ этого не случилось, —надо ѣхать.

— Вы хотите ѣхать? съ отчаяньемъ повторилъ дядя.

— Да, г. докторъ, я хочу ѣхать, чтобы избавить васъ отъ большихъ непріятностей; вы слишкомъ добры, слишкомъ великодушны, чтобы понять жестокіе военные законы: вы понимаете только справедливость! Но во время войны дѣйствуетъ только сила, а справедливость не существуетъ. Пруссаки побѣдили, они придутъ и возьмутъ меня, потому что въ этомъ состоитъ ихъ служба. Солдаты знаютъ только свою службу: законъ, жизнь, честь, разумъ людей ничего не значатъ, служба прежде всего.

Опрокинувшись на спинку кресла, съ глазами полными слезъ, дядя не зналъ, что отвѣчать; онъ взялъ только руку Терезы и

пожалъ ее съ ужаснымъ волненіемъ; потомъ, приподнявъ совершенно разстроенное лицо свое, сталъ ходить, предавая угнетателей рода человѣческаго проклятію будущихъ вѣковъ, самъ же проклиналъ Рихтера и всѣхъ ему подобныхъ мерзавцевъ, громовымъ голосомъ объявляя, что республиканцы правы, защищая себя, что дѣло ихъ правее—это ему теперь яснѣе, и что всѣ старые законы, приносили пользу только одной знати противъ слабыхъ и бѣдныхъ. Щоки его нылали, самъ онъ шатался и не говорилъ, а шипѣлъ, что все должно быть разрушено до основанія, что должны восторжествовать только храбрость и добродѣтель, и наконецъ, протянувъ руки къ Терезѣ и крича въ какой-то вступизмъ, предложилъ ей сѣсть съ нимъ въ сани и отправиться на высую гору въ одному его пріятелю дровосѣку, гдѣ она будетъ въ безопасности; онъ взялъ ее за обѣ руки и прибавилъ:

— Отправляемся... уѣдемъ... вамъ будетъ отлично у старика Ганглофа... это вполне преданный мнѣ человѣкъ... Я спасъ его и его сына... они скроютъ васъ... пруссаки не пойдутъ искать васъ въ ущельяхъ Лаутерфельца!

Но Тереза отказалась, говоря, что, если пруссаки не застанутъ ее въ Анштатѣ, они арестуютъ, вмѣсто нея, дядю, а что она согласится лучше умереть отъ усталости и холода на большой дорогѣ, чѣмъ подвергать такому несчастью человѣка, спасаемаго ей жизнью.

Она сказала это твердымъ голосомъ, но дядя не понималъ тогда подобныхъ доводовъ. Я помню, что ему казалось всего непріятнѣе, что мадамъ Терезѣ придется ѣхать съ варварами, дикими людьми, явившимися изъ далекой Помераніи; эта мысль преслѣдовала его и онъ восклицалъ:

— Вы слабы... вы еще больны... эти пруссаки ничего не уважаютъ... это народъ нахальный и грубый!.. Вы не знаете, какъ они обращаются съ плѣнными... а я видѣлъ, какъ... это позоръ для моего отечества... Мнѣ хотѣлось бы скрыть это, но теперь приходится сознаться: они обращаются подло!

— Это такъ, г. докторъ, отвѣчала она:— я знаю это отъ бывшихъ въ плѣну людей нашего батальона: мы подемъ по двое или по четыре въ рядъ, грустные, иногда голодные, часто будемъ терпѣть отъ грубости и нападковъ конвоя. Но деревенскіе жители ваши—люди добрые и хорошіе... въ нихъ есть жалость... а французы народъ веселый, г. докторъ... такъ что труденъ будетъ только переходъ, да и то найдется десять-двадцать человѣкъ, готовыхъ нести мой узелокъ: французы берегутъ женщинъ.—Я заражѣ это знаю, замѣтила она, грустно улыбаясь:— ктонибудь изъ насъ

пойдетъ впередъ, распѣвая старую овернскую пѣсню, для такта, или болѣе веселенькую прованскую пѣсенку, чтобы освѣтить наше сѣренькое небо; мы не будемъ такъ несчастливы, какъ вы предполагаете, г. докторъ.

Она говорила это тихимъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ; слушая ея рѣчи, я представлялъ ее себѣ съ ея маленькимъ узелкомъ въ вереницѣ плѣнныхъ, и сердце мое надрывалось. Да! тутъ только я почувствовалъ, какъ мы любили ее, какъ страдали, сознавая, что она должна уѣхать. Я вдругъ залился слезами, а дядя, сѣвъ за конторку, закрылъ лицо руками и молчалъ, но крупныя слезы тихо катились по его морщинистымъ рукамъ. Сама Тереза, видя все это, не могла утерпѣть и начала рыдать; она тихо обняла меня и, цѣлуя, говорила:

— Не плачь, Фрицель, не плачь такъ... Иногда вы будете вспоминать обо мнѣ, не такъ ли?—Я же никогда не забуду васъ!

Только одинъ Сципiонъ сохранилъ спокойствiе, ходя вокругъ печки; онъ смотрѣлъ на насъ, не понимая нашего горя.

Едва къ десяти часамъ, услышавъ, что Лизбета разводитъ огонь въ кухнѣ, мы нѣсколько успокоились.

Тогда дядя, сильно сморкнувшись, сказалъ:

— Мадамъ Тереза, вы поѣдете, такъ какъ вы непремѣнно этого желаете; но я никакъ не могу согласиться, чтобы эти наглые пруссаки прiѣхали сюда схватить васъ, какъ какую нибудь воровку, и повели по всей деревнѣ. Если хоть одинъ изъ этихъ скотовъ скажетъ вамъ грубое слово,—я не выдержу.. потому что теперь терпѣнью моему конецъ; я чувствую это, я пойду на какую нибудь неблаго-разумную крайность. Позвольте же мнѣ самому свезти васъ въ Кайзерлаутернъ до прiѣзда этихъ людей. Мы выѣдемъ рано поутру, часа въ четыре или въ пять, въ моихъ саняхъ, поѣдемъ мы по окольнымъ дорогамъ, а часовъ въ двѣнадцать, никакъ не позже, будемъ уже тамъ.—Согласны?

— О! господинъ докторъ, какъ же могу я отказаться отъ этого послѣдняго доказательства вашей дружбы? сказала она растроганная.—Съ благодарностью принимаю.

— Такъ это такъ и будетъ, серьезно сказалъ дядя. — А теперь вытремъ слезы, отстранимъ, на сколько возможно, эти грустныя мысли, чтобы не слишкомъ омрачать послѣднiя оставшiяся намъ минуты.

Онъ подошелъ поцѣловать меня и, поднимая со лба моего волосы, сказалъ:

— Фрицель, ты добрый ребенокъ, у тебя хорошее сердце! Пом-

ни, что дядя Яковъ былъ въ этотъ день доволенъ тобою:—хорошо, когда можно сказать себѣ, что доставилъ удовольствіе людямъ, любящимъ насъ!

XV.

Съ этой минуты тишина снова водворилась у насъ. Всѣ мы думали объ отъѣздѣ Терезы, о томъ, какъ будетъ пусто у насъ безъ нея, о скукѣ, которая появится у насъ на нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, о хорошихъ вечерахъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, о сожалѣніи кротолова, Коффеля и старика Шмидта, когда они узнаютъ, объ этой грустной новости, и чѣмъ больше мы думали тѣмъ больше находили причинъ отчаяваться.

Всего грустнѣе было мнѣ разстаться съ другомъ моимъ Циціонъ; я не смѣлъ сказать объ этомъ, но при мысли, что онъ уѣдетъ, что я не буду больше бѣгать съ нимъ по деревнѣ, что я не буду болѣе заставлять его показывать свое знаніе, и что буду, какъ прежде, гулять одинъ, засунувъ руки въ карманы и нахлобучивъ колпакъ, безъ почестей и безъ славы, я приходилъ въ совершенное отчаянье. Горе мое увеличилось еще болѣе, когда Циціонъ пришелъ, сѣлъ серьезно и задумчиво передо мной и сталъ смотрѣть на меня такъ печально, какъ-будто бы понималъ, что мы должны на вѣки разстаться. Да, даже и теперь, когда я думаю объ этомъ, я удивляюсь, что мои густыя бѣлокурныя кудри не посѣдѣли тогда отъ этихъ печальныхъ размышленій. Я не могъ даже плакать, такъ велика была моя печаль, а сидѣлъ, поднявъ вверхъ носъ, закусивъ мои толстыя губы и обхвативъ руками одно колѣно.

Дядя ходилъ взадъ и впередъ, и отъ времени до времени тихо кашлялъ, ускоряя при этомъ шаги.

Тереза, вѣчно дѣятельная, не смотря на свою печаль и заплаканные глаза, отворила шкафъ съ старымъ бѣльемъ и выкраивала изъ грубаго холста мѣшокъ съ двумя тесьмами, чтобы положить въ него свои дорожныя вещи; ножницы скрипѣли отъ рѣзанья, и она, съ обычною своею ловкостью, складывала кусочки. Когда все было приготовлено, она вынула изъ кармана иголку и нитки, сѣла, надѣла наперстокъ, и съ этой минуты только и видно былострое, какъ молнія, движеніе ея руки.

Все это происходило въ глубочайшемъ молчаніи; по комнатѣ только и раздавались тяжелые шаги дяди и равномерные удары нашихъ старыхъ часовъ, которые, не смотря ни на наши радости, ни на печали, не прибавляли и не убавляли хода. Такъ идетъ и жизнь:

время не спрашиваетъ: «скудно ли вамъ? весело ли вамъ? смѣетесь ли вы? плачете-ль? весна ли, осень ли, или зима теперь?» Оно все идетъ, все идетъ!

Лизбета пришла въ двѣнадцать часовъ накрывать на столъ, дядя остановился и сказалъ ей:

— Къ завтрашнему утру испеки маленький оворокъ,—мадамъ Тереза уѣзжаетъ.

И когда старуха, пораженная, какъ громомъ, устремила на него взглядъ свой, онъ сказалъ ей глухимъ голосомъ:

— Пруссаки требуютъ ее, сила на ихъ сторонѣ... надо уступить.

Послѣ этого Лизбета поставила на столъ тарелки и, смотря на каждое изъ насъ по очереди, поправила на галбвѣ у себя чепецъ, какъ-будто новость эта могла привести его въ беспорядокъ; потому она сказала:

— Мадамъ Тереза уѣзжаетъ... этого бить не можетъ... а и вѣрнѣе не хочу.

— Надо, моя милая Лизбета, грустно отвѣчала Тереза: — надо, я и дѣвница... за мною послаждать.

— Пруссаки?

— Да, пруссаки.

При этомъ старуха, задыхаясь отъ негодованія, сказала:

— Я всегда думала, что эти пруссаки не Богъ знаетъ что такое — сбродъ негодяевъ, настоящихъ разбойниковъ! Преслѣдовать честную женщину! Будь у мужчинъ хоть на грошъ сердца, развѣ они позволили бы это?

— А что же ты сдѣлала бы? спросилъ ее дядя, лицо котораго оживилось, потому что негодованіе старухи въ душѣ доставляло ему удовольствіе.

— Я? я зарядила бы свои пистолеты! вскричала Лизбета, я заричала бы имъ въ окно: «пошли своей дорогой, разбойники! не входите или берегитесь!» И перваго, кто осмѣлился бы переступить порогъ, я растянула бы мертвымъ, да, мертвымъ,—каждаго негодяя.

— Да-да, подтвердилъ дядя: — такъ бы и надо принимать подобныхъ людей, но сила не на нашей сторонѣ.

Потомъ онъ опять началъ ходить, а Лизбета, держа всѣмъ тѣломъ, ставила приборы.

Тереза не говорила ни слова.

Когда столъ былъ накрытъ, мы молча стали обѣдать. И только въ концѣ дядя сходилъ въ погребъ за бутылкой стараго бургомскаго и, возвратясь, печально сказалъ:

— Разсѣять невозможно винну тоску и заставить себя противъ

горя, случившагося съ нами. Пусть передъ отъѣздомъ вашимъ, мадамъ Тереза, это старое вино развеселитъ насъ, какъ солнечный лучъ, и разнесетъ на нѣсколько минутъ тучи, окружившія насъ.

Онъ сказалъ это твердымъ голосомъ, и мы почувствовали, что какъ-будто немного успокоились.

Но черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ сказалъ Лизбетѣ, чтобы она принесла себѣ стаканъ—выпить съ нами за здоровье мадамъ Терезы, и когда бѣдная старуха залилась слезами, закрывъ лицо передникомъ, твердость наша исчезла и мы всѣ начали горько рыдать.

— Да-да, говорилъ дядя: — намъ было хорошо вмѣстѣ... вотъ исторія жизни человѣческой: счастливыя минуты пролетаютъ быстро, а печаль длится вѣка. Тотъ, кто смотритъ на насъ отсюда, знаетъ, что мы не заслужили такихъ страданій, что злые люди огорчили насъ; но онъ знаетъ также, что сила, истинная сила у него въ рукахъ, и что онъ можетъ, когда захочетъ, возвратитъ намъ счастье. Поэтому-то онъ и допускаетъ такую несправедливость, потому что увѣренъ въ вознагражденіи. Будемъ покойны и возложимъ упованіе на него.—За здоровье мадамъ Терезы!

Мы всѣ выпили съ глазами, полными слезъ.

Послѣ обѣда дядя особенно наказывалъ Лизбетѣ не распространять вѣсти этой по деревнѣ, а иначе Рихтеръ и всѣ подобныя ему мерзавцы завтра придутъ пораньше, чтобы видѣть отъѣздъ мадамъ Терезы и насладиться нашимъ униженіемъ. Она поняла это и обѣщала держать языкъ за зубами. Послѣ этого дядя ушелъ къ кротолову.

Все время послѣ обѣда я не выходилъ изъ дому. Тереза продолжала готовиться въ дорогу; Лизбета помогала ей и хотѣла написать ей въ мѣшокъ кучу вещей, совершенно бесполезныхъ, говоря, что въ дорогѣ все пригодится, и что когда-то она ѣздила въ Пирмазенсъ и не мало жалѣла, что не взяла гребенки и лентъ.

Тереза улыбнулась.

— Нѣтъ, Лизбета, говорила она:—вспомните, что вѣдь я не ѣду въ экипажѣ и что все это придется тащить на спинѣ: три хорошихъ рубашки, три платка, двѣ пары башмаковъ и нѣсколько паръ чулокъ—совершенно довольно. На всякомъ привалѣ останавливаются на часъ или на два у колодца и стираютъ—Вы не знаете, какъ солдаты стираютъ?—Господи, сколько разъ стирывала я такъ! Мы, французы, любимъ чистоту, и всегда чисты, не смотря на маленькій узелокъ.

Она казалась довольно веселюю, и только, обращаясь иногда къ

Сидниону съ ея дружескими словами, голосъ дѣлался грустнымъ, и причину этого я понялъ только, когда воротился дядя.

Время, между тѣмъ, шло, и къ четыремъ часамъ начало смертаться; все было готово къ отбѣзду, и мѣшокъ съ вещами Терезы вѣсилъ уже на стѣнѣ. Она сѣла за печкой, молча посадивъ меня къ себѣ на колѣни; Лизбета пошла въ кухню готовить ужинъ; никто изъ насъ не говорилъ ни слова; бѣдная мадамъ Тереза, вѣрно, думала о томъ, что ожидало ее на дорогѣ въ Майнцъ, посреди своихъ товарищей по несчастю; она молчала, и я чувствовалъ на щекѣ своей ея тихое дыханіе.

Такъ прошло съ полчаса, и уже стало совершенно темно, когда дядя отворилъ дверь, спросивъ:

— Вы тутъ, мадамъ Тереза?

— Да, господинъ докторъ.

— Хорошо... хорошо... я навѣстить своихъ больныхъ..: предупредилъ Коффеля, еротолова и старика Шмидта... все идетъ на ладъ, сегодня вечеромъ они придутъ сюда проститься.

Голосъ его былъ тверже прежняго. Онъ самъ пошелъ въ кухню за свѣчей, и по возвращеніи, увидавъ насъ вмѣстѣ, былъ этимъ, вѣжется, очень доволенъ.

— Фрицель ведетъ себя хорошо, сказалъ онъ. Теперь онъ лишится вашихъ превосходныхъ уроковъ, но я надѣюсь, что онъ будетъ теперь одинъ читать по французски, помня всегда, что человѣкъ прибрѣтаетъ значеніе своими знаніями. Я на это надѣюсь.

Тутъ Тереза въ подробности показала ему свой дорожный мѣшокъ; она улыбалась, а дядя сказалъ:

— Что за счастливый характеръ у этихъ французовъ! Среди самыхъ сильныхъ бѣдствій они сохраняютъ свою врожденную веселость, отчаянне ихъ никогда не продолжается долго. Вотъ что называю я самымъ лучшимъ, самымъ завиднымъ даромъ жизни.

Изъ всего этого дня, воспоминаніе о которомъ никогда не исчезнетъ изъ моей памяти, потому что въ этотъ день я въ первый разъ видѣлъ печаль любимыхъ мною людей, — изъ всего этого дня меня всего болѣе тронуло происшествіе, случившееся послѣ ужина, когда Тереза, тихо сѣдя за печкой, положивъ голову Сидниона себѣ на колѣни и задумчиво глядя къ глубь темной комнаты, вдругъ начала говорить:

— Господинъ докторъ, я вамъ такъ обязана... а между тѣмъ, мнѣ приходится еще обратиться къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, мадамъ Тереза?

— Хочу просить васъ оставить у себя моего бѣднаго Сидниона..

взять его на память обо мнѣ... Пусть она будетъ товарищемъ Фрицеля, какъ былъ мой, и избавится отъ новыхъ испытаній, которая предстоятъ мнѣ, какъ плѣнной.

Когда она говорила это, сердце мое замерло и я весь задрожать отъ счастья и блаженства. Я сгорбился на своемъ низенькомъ стулѣ передъ печкой, притаялся Сципіона въ себя, запустилъ свои толстыя, красныя руки въ его густую шерсть и, въ волненіи смелствъ слова, облился слезами; мнѣ точно будто возвратки вдруть всѣ земныя и небесныя блага, потерянные мною.

Дядя съ удивленіемъ глядѣлъ на меня; онъ, вѣроятно, понялъ, что я вытерпѣлъ, думая о необходимости разстаться съ Сципіономъ, потому что, вмѣсто того, чтобы замѣтить Терезѣ, что она принеситъ жертву, — онъ просто сказалъ:

— Принимаю, мадамъ Тереза, принимаю для Фрицеля, для того, чтобы онъ помнилъ, какъ вы любили его, чтобы не забывалъ, что въ минуту большаго горя вы оставили ему въ знакъ привязанности вашей доброе, вѣрное животное, товарища не только своего, но и маленькаго Жама, вашего брата, — для того, чтобы онъ помнилъ и тоже любилъ.

Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Фрицель, что ты не благодарилъ мадамъ Терезу?

Тутъ я всталъ и, отъ слезъ не имѣя силъ говорить, бросился къ ней на шею; я не отходилъ болѣе отъ нея, а стоялъ около, положивъ руку ей на плечо, сквозь слезы смотрѣлъ на сидѣвшаго у ногъ нашихъ Сципіона и трогалъ его пальцами съ чувствомъ невыразимой радости.

Я долго не могъ успокоиться. Тереза, цѣлуя меня, говорила: «У этого мальчика доброе сердце, онъ скоро привязывается, это хорошо!» Это еще болѣе увеличило мои слезы. Она поправила волосы съ моего лба и видимо волновалась.

Послѣ ужина пришли Коффель, протоколъ и старикъ Шмидтъ, серьезные и съ шапками подъ мышками; они выразили Терезѣ сожалѣніе свое о томъ, что она уѣзжаетъ, и негодованіе противъ негодяя Рихтера, которому всѣ приписывали доносъ, такъ какъ онъ одинъ былъ способенъ на такую подлость.

Всѣ усѣлись вокругъ печи; сожалѣніе этихъ добрыхъ людей трогало Терезу, но, не смотря на то, она сохраняла свой твердый и рѣшительный характеръ.

— Друзья мои, сказала она, если бы свѣтъ былъ усѣянъ розами и если бы всюду встрѣчались люди съ душою, сочувствующіе справедливости и истиннымъ правамъ, какая была бы заслуга

стоять за эти принципы? Право, не стоило бы и жить тогда! Намъ досталось на долю счастье жить во время великихъ переворотѣвъ, по крайней мѣрѣ, о насъ будутъ говорить, и существованіе наше не пройдетъ безъ пользы... Вы, можетъ быть, думаете, что насъ побѣдили? Ошибаетесь: вчера мы только отступили на шагъ, а завтра сдѣлаемъ двадцать впередъ. Что же касается меня, то я отправляюсь въ Майнцъ и, можетъ быть, пойду въ Пруссію подъ конвоемъ солдатъ герцога Бургундскаго; но помните, что я говорю вамъ: республиканцы только на первомъ своемъ привалѣ, и я увѣрена, что не пройдетъ и года, какъ они придутъ и освободятъ меня.

Такъ говорила эта гордая женщина, улыбаясь и сверкая глазами. Видно было, что для нея не существовало бѣдствій, и каждый изъ присутствовавшихъ думалъ: «Если у этихъ безпаспортниковъ женщины такіа, каковы же должны быть мужчины?»

Коффель бѣднѣлъ отъ удовольствія, слушая ее; кротоловъ подмигивалъ дядѣ и шопотомъ говорилъ:

— Все это знаю я давно, все это написано у меня въ книгѣ; надо, чтобы все это случилось... это написано!

Старикъ Шмидтъ, спросивъ позволеніе закурить трубку, выпускалъ клубъ за клубомъ дыма и говорилъ сквозь зубы:

— Какое несчастье, что мнѣ не двадцать лѣтъ, я пошелъ бы на службу къ этимъ людямъ! Вотъ что мнѣ надо было... Что помѣшало бы мнѣ сдѣлаться генераломъ, какъ всякому другому? Какое несчастье!

Наконецъ, когда пробило девять часовъ, дядя сказалъ:

— Ужъ поздно... надо уѣхать до свѣту... Я думаю, мы хорошо сдѣлаемъ, если передъ тѣмъ отдохнемъ.

Всѣ встали въ какомъ-то смущеніи и раздѣловались, какъ старые знакомые, обѣщая никогда не забывать другъ друга. Коффель и Шмидтъ вышли первые, кротоловъ же и дядя съ минуту говорили о чемъ-то на порогѣ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, вся земля казалась бѣлою; темно-синее небо горѣло мириадами звѣздъ. Тереза и я съ Сципіономъ вышли посмотреть [на эту великолѣпную картину, глядя на которую понимаешь мелочность и тщеславіе людскихъ поступковъ и поражаешься ея безконечнымъ величіемъ.

Потомъ ушелъ и кротоловъ, еще разъ пожавъ дядѣ руку; его было видно, точно днемъ, какъ онъ удалялся по улицѣ. На углу Крапивной улицы онъ скрылся, и такъ какъ холодъ былъ сильный, то мы вошли въ комнаты, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

На порогъ моей комнаты дядя поцѣловаль меня и, прижимая къ сердцу, сказалъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Фрицель... работай... работай... и веди себя хорошо, дитя мое! Онъ вошелъ къ себѣ въ сильномъ волненіи.

Я же только и думаль о счастьи обладать Сципиономъ. Придя въ свою комнату, я положилъ его къ себѣ въ ноги, между перинной и деревомъ кровати; онъ улегся тамъ совершенно спокойно, положивъ голову между лапъ; я слышалъ, какъ отъ дыханія поднимались его ребра, и не промѣнялъ бы судьбы своей на судьбу любого германскаго короля.

Било десять часовъ, а я еще не могъ заснуть, мечтая о моемъ счастьи. Дядя ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ; я слышалъ, какъ онъ отворилъ конторку, затопилъ печку—въ первый разъ въ ту зиму.—Вѣрно онъ совсѣмъ не ляжетъ, подумаль я, и съ этой мыслью самъ глубоко заснулъ.

XVI.

На церковной башнѣ пробило девять часовъ, когда я проснулся отъ шума и бряканья оружія передъ нашимъ домомъ; лошади толпали по замерзшей землѣ, у дверей нашихъ слышался разговоръ.

Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что это пріѣхали пруссаки за мадамъ Терезой, и я отъ всей души пожелалъ, чтобы дядя не оказался такой соней, какъ я. Черезъ двѣ минуты я уже сходилъ съ лѣстницы и въ дверяхъ сѣней увидаль пять или шесть гусаровъ, закутанныхъ въ доломаны; большіе ножны ихъ сабель висѣли ниже стремянъ, а сабли они держали въ рукахъ. Офицеръ, маленькій, худенькій, блондинъ съ впалыми щеками, съ розовыми скулами и большими рыжими усами, стоялъ поперегъ порога, верхомъ на большой вороной лошади, а Лизбета съ метлою въ рукахъ и перепуганная отвѣчала ему.

Нѣсколько поодаль стоялъ полукругомъ народъ, разинувъ ротъ и пялясь другъ черезъ друга, желая разслушать разговоръ. Въ первомъ ряду стоялъ кротоловъ, засунувъ руки въ карманы, и улыбавшійся Рихтеръ, прищуривъ глаза, какъ старая лисица на пирушкѣ. Онъ, вѣрно, пришелъ насладиться смущеніемъ дяди.

— Такъ вашъ хозяинъ и пѣвница вмѣстѣ уѣхали сегодня поутру? говорить офицеръ.

— Да, господинъ командиръ, отвѣчала Лизбета.

— Въ которомъ часу?

— Около пяти или шести часовъ; послѣднѣе командиръ; еще было совсѣмъ темно, я сама прихватила фонарь на оглобли саней.

— Такъ васъ предупредили о мажоръ-прѣвдѣ? сказалъ офицеръ, бросивъ на насъ прощальный взглядъ.

Лизбетъ сморгнула въ кротолова, который отблѣвляя отъ толпы и, нисколько не смутившись, отвѣтилъ за насъ.

— Съ вашею позволенія, я видѣлъ доктора Якова вчера вечеромъ, онъ мнѣ прѣтель... Эта старушонка ничего не знаетъ... Докторъ давно уже тяготился этой французской и хотѣлъ избавиться отъ нея; и когда увидѣлъ, что она въ состоянн перенести вѣду, онъ и воспользовался первымъ случаемъ.

— Да какъ же мы не встрѣтили ихъ на дорогѣ? вскричалъ пруссакъ, осматривая кротолова съ ногъ до головы.

— Да вы ѣхали по луговой дорогѣ, а доктора, вѣрно, шѣхалъ по горной, черезъ Вальдекъ; въ Кайзерлаутернъ идутъ нѣсколько дорогъ.

Офицеръ, не отвѣчая ни слова, соскочилъ съ лошади, вошелъ въ комнату, толкнулъ дверь въ кухню и сдѣлать видъ, что осматриваетъ все вокругъ; потомъ онъ вышелъ и сказалъ, сядясь на лошадь:

— Дѣло наше сдѣлано, остальное насъ не касается.

Онъ направился въ «Золотой Кружокъ», солдаты поѣхали за нимъ, а толпа разошлась, рассуждая объ этомъ странномъ происшествн. Рихтеръ былъ сконфуженъ и точно ослѣбленъ. Спичкъ искоса смотрѣлъ на насъ; они вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ херчевни, а Сципионъ, стоявшнй за нами на лѣстницѣ, высочилъ и сталъ изъ всей мочи лаять.

Гусары подтвердились въ «Золотой Кружокъ» потомъ мы видѣли, какъ они проѣхали мимо насъ въ Кайзерлаутернъ, и затѣмъ объ нихъ болѣе ничего не слышали.

Мы съ Лизбетой думали, что дядя вернется въ ночь; но прошелъ день, другой, третнй, а онъ не только не прѣжаждъ, но даже и не писалъ, и мы начали беспокоиться.

Сципионъ то обѣгалъ вывѣ, то кричалъ опять на вервѣ; онъ съ утра до ночи ходилъ порогъ, прыгая мадамъ Терезу, завывалъ и жалобно плача. Отчаянне его подблѣтвовало къ на насъ, въ голову намъ приходили тысячи несчастнй.

Кроводовъ приходилъ каждый вечеръ навѣщать насъ и говорить намъ:

— Нѣтъ! шчеде не можете быть, докторъ хотѣлъ похлопотать

о мадамъ Терезѣ, — не могъ же онъ отпустить ее съ плѣнни-ми, это было бы безразсудно; онъ, вѣрно, просилъ аудіенціи у фельд-маршала герцога Брауншвейгскаго, и старается помѣстить ее въ кайзерлаутернскій госпиталь... На всѣ эти хлопоты надо время... Успокойтесь, онъ воротится.

Танія слова нѣсколько оправляли насъ, тѣмъ болѣе, что кротоловъ, казалось, нисколько не беспокоился; онъ курилъ свою трубочку, сиди за мечкой, протянувъ ноги и точно о чемъ-то мечтая.

Къ несчастью, лѣсной сторожъ Редихъ, жившій въ лѣсу по дорогѣ въ Нирмавенсъ, гдѣ находились тогда французы, придя съ рапортомъ въ анштатскій приказъ, остановился на минуту въ карчевнѣ Спика и рассказывалъ, что три дня тому назадъ, около восьми часовъ утра, дядя Яковъ проѣзжалъ съ мадамъ Терезой мимо лѣсной сторожки и даже останавливался въ ней погрѣться и выпить стаканъ вина. Онъ рассказывалъ тоже, что дядя казался совершенно веселымъ и что у него въ карманахъ въ шубѣ было два большихъ пистолета.

Тогда разнесся слухъ, что докторъ Яковъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Кайзерлаутернъ, свезъ плѣнную къ республиканцамъ, и такое извѣстіе произвело страшное смятеніе; Рихтеръ и Спикъ всюду кричали, что его стоило бы разстрѣлять, что это мерзость и что слѣдовало бы конфисковать его имущество.

Кротоловъ и Коффель отвѣчали, что докторъ, вѣрно, сбился съ дороги по случаю сильныхъ снѣговъ, что онъ повернулъ на лѣво въ гору, вмѣсто того, чтобы повернуть на право; но всѣмъ было извѣстно, что дядя знакомъ съ мѣстностью лучше всякаго контрабандиста, и негодование росло съ каждымъ днемъ.

Я не могъ высунуться на улицу, чтобы товарищи мои не кричали, что дядя Яковъ — злобинецъ; мнѣ пришлось вступать въ бой, чтобы защищать его, и, не смотра на помощь Цицимона, я не разъ возвращался домой съ разбитымъ носомъ.

Лизбету приводили въ отчаянне въ особенности слухи о конфискаціи.

— Какое несчастье, говорила она, всплескивая руками: — какое несчастье быть принужденной въ мои годы оставить домъ, гдѣ я прожила полжизни!

Въ самомъ дѣлѣ это было печально. Одинъ кротоловъ оставался совершенно спокойнымъ.

— Вы съ ума сходите, охота же вамъ портить себѣ кровь, говорилъ онъ; — повторяю вамъ, что докторъ Яковъ здоровъ и что

ничто не будет конфисковано. Будьте покойны: ѣшьте, спите, а за остальное я отвѣчаю.

Онъ лукаво поднималъ глаза и заканчивалъ всегда такъ:

— Въ книгѣ моей говорится объ этомъ... Теперь все это осуществляется и все идетъ, какъ по маслу.

Не смотря на эти увѣренія, дѣло принимало все худшій оборотъ; деревенская сволочь, подстрекаемая негодяемъ Рихтеромъ, начала приходить кричать къ намъ подъ овна... Но вдругъ разъ утромъ все пришло, по прежнему, въ порядокъ. Къ вечеру явился кротоловъ; сѣлъ онъ, смѣясь, на свое обычное мѣсто и сказалъ Лизбетѣ, сидѣвшей за прялкой:

— Не кричать они больше, не хотять ужъ конфисковать, присмирѣли, не бось, хе-хе-хе!...

Больше онъ не сказалъ ничего, но ночью мы услышали, какъ проѣзжало множество телѣгъ, шли люди по большей улицѣ; суматоха казалась хуже, чѣмъ при появленіи республиканцевъ, потому что никто не останавливался: все шли... и шли!

Я не могъ ни на минуту заснуть,—Сципионъ безпрестанно ворчалъ. На разсвѣтѣ, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ еще съ десятокъ огромныхъ фуръ, набитыхъ ранеными, удалявшихся, покачиваясь. То были прусаки. Потомъ проѣхало двѣ или три пушки, затѣмъ сотня гусаръ, драгунъ, кирасиръ, перемѣшанныхъ и въ безпорядкѣ, за ними шли пѣшкомъ кавалеристы съ сумками на плечахъ, покрытые грязью чуть не до затылка. Всѣ они казались утомленными, а между тѣмъ, не останавливались, не входили въ дома и шли безъ оглядки.

Деревенскіе жители, стоя у себя въ дверяхъ, мрачно смотрѣли на все это.

На Биренвальдской горѣ вереница телѣгъ, зарядныхъ ящиковъ, кавалеріи и пѣхоты тянулась далеко за лѣсъ.

Послѣ мы узнали, что это была армія фельдмаршала герцога Брауншвейгскаго, отступавшая послѣ сраженія при Фрошвиллерѣ; она прошла черезъ деревню въ одну ночь. Это происходило съ 28 на 29 декабря,—я помню это такъ хорошо, потому что на слѣдующій день рано поутру кротоловъ и Коффель пришли къ намъ ужасно веселые; они получили письмо отъ дяди Якова, и, показывая его намъ, кротоловъ сказалъ:

— Хе-хе-хе! дѣло идетъ на ладъ... идетъ наладъ! Начинается царство справедливости и равенности... Слушайте-ка!

Онъ сѣлъ за нашъ столъ, растопыривъ локти. Я сталъ подлѣ него и читалъ черезъ его плечо; Лизбета, поблѣднѣвъ, какъ по-

любо, стояла сзади и слушала, а Коффель, прислонившись къ своему шкафу, стоялъ, улыбаясь и крепля себя за подбородокъ. Они уже прѣшли нѣсколько раза два-три, и протоколовъ зналъ его почти наизусть.

Онъ сталъ читать намъ слѣдующее, иногда останавливаясь и съ восторгомъ глядя на насъ:

«Вейленбургъ 8-го нивоза года II французской республики.

«Гражданинъ кротому и Коффелю, гражданъ Либбелю, маленькому Фрицелю—привѣтъ и братство!

«Гражданка Тереза и я жельемъ вамъ радости, согласия и благоденствія.

«Нисьмо это мы пишемъ вамъ изъ Вейленбурга посреди торжества побѣды: мы выгнали пруссаковъ изъ Фрошвиллера, и въ Гейсбертѣ, какъ молнія, ударили на австрийцевъ.

«Такимъ образомъ, гордость и самонадѣянность достойно наказываются; когда люди не хотятъ слушать хорошихъ доводовъ, надо представлять имъ лучшіе, но ужасно прибѣгать къ такимъ крайностямямъ, — да, ужасно!

«Любимые друзья мои, давно уже я страдаю въ душѣ, глядя на судьбу нашей древней Германіи. Все это приводитъ меня въ сильное смущеніе, потому что человекъ держится правиль, вынужденныхъ ему его родителями, и такая внутренняя борьба не можетъ совершиться безъ сильной боли. Но, не смотря на это, я все еще колебался, дѣлѣхъ поръ, пока пруссаки, пренебрегая международными правами, не стали требовать жевщину, которую я прикинулъ; дажѣ я не могъ выносить: вмѣсто того, чтобы везти мадамъ Терезу въ Кайзерхаутернъ, я, не медля, рѣшился проводить ее въ Ширмазенъ, что мнѣ, съ божьей помощью, и удалось.

«Въ три часа по полудни мы были уже въ виду французскихъ аванпостовъ, а мадамъ Тереза, посмотрѣвъ и услышавъ изъ барабаннаго боя, воскликнула: «Это французы, господамъ докторъ, вы обманули меня!» Она бросилась во мнѣ на шею, заливаясь слезами, да и самъ я отъ волненія заплакалъ..

«По всей дорогѣ, отъ «Трехъ Домовъ» до площади Нового драма, солдаты кричали: «Вотъ гражданка Тереза!» Они шли въ намѣри, когда я шлѣзвалъ изъ оковъ, многие изъ нихъ обняли меня дружественно съ искреннимъ чувствомъ; другіе ласкали мнѣ руки, — однимъ словомъ, меня осылали почтениемъ.

«Не буду описывать вамъ, друзья мои, встрѣчу мадамъ Терезы и маленькаго Жана, — такихъ вещей нельзя описать! Всѣ самыя ста-

рые солдаты батальона, даже командир Дюшенъ, человекъ вовсе не вѣжливый,—отвергивались, чтобы скрыть слезы: я никогда въ жизни не видывалъ такой картины. Маленькій Жамъ—мальчикъ славный, онъ очень похожъ на моего милого Фрицеля и я его очень полюбилъ.

«Въ этотъ же день въ Пирмазенсѣ случилось удивительное происшествіе. Республиканцы стояли лагеремъ вокругъ города; генералъ Гошъ объявилъ, что они тутъ останутся зимовать, и что надо строить баракамы. Но солдаты отказались, выразивъ желаніе жить въ домахъ. Тогда генералъ объявилъ, что всѣ, несогласовавшіеся строить, не пойдутъ въ битвы. Я самъ присутствовалъ при этомъ объявленіи, которое читалось каждой ротѣ, и видѣлъ, что Гошъ принужденъ былъ простить этимъ людямъ передъ дворцомъ принца, потому что они были въ страшномъ отчаяннѣи.

«Генералъ, услыжавъ, что какой-то докторъ привезъ изъ Аншта гражданку Терезу въ первый батальонъ второй бригады, приказалъ мнѣ явиться въ восемь часовъ въ павильонъ. Онъ сидѣлъ тамъ за простымъ сосновымъ столомъ, одѣтый, какъ какой нибудь простой капитанъ, съ двумя другими гражданами, конвенціонистами—какъ я узналъ послѣ,—Лакостомъ и Бода, длинными, худощавыми людьми, искоса смотрѣвшими на меня.—Генералъ всталъ встрѣтить меня,—онъ высокій брюнетъ съ желтыми глазами и приборомъ посреднѣи; остановившись передо мною, секунды двѣ смотрѣлъ онъ на меня. Я же, вспомнивъ, что этотъ молодой человекъ командуетъ мозельской арміей,—смутился; но онъ вдругъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Докторъ Вагнеръ, благодарю васъ за то, что вы сдѣлали для гражданки Терезы,—вы человекъ съ душою.

«Потомъ онъ подвелъ меня къ столу, на которомъ лежала развернутая карта, и спросилъ нѣкоторыя подробности о странѣ; онъ спрашивалъ такъ ясно, что можно было подумать, что онъ знаетъ все это лучше меня. Разумѣется, я отвѣчалъ; два конвенціониста слушали молча. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: «Докторъ Вагнеръ, я не могу предложить вамъ вступить на службу въ армию республики, ваша національность не допуститъ этого, но у первого батальона второй бригады погибъ батальонный докторъ, въ госпиталяхъ у насъ недостатокъ, и раненыхъ лечатъ молодые люди, поэтому я ввѣряю вамъ эту почетную должность: чувство человѣколюбія не имѣетъ отечества! Вотъ ваше назначеніе.» Онъ написалъ нѣсколько словъ, наклонившись къ столу, и, взявъ меня еще разъ

за руку, сказали: — «Докторъ, примите увѣреніе въ моемъ уваженіи!» Послѣ этого я вышелъ.

«На улицѣ меня ждала мадамъ Тереза, и можете себѣ представить, какъ обрадовалась она, услышавъ, что я буду начальникомъ госпиталя перваго батальона.

«Мы думали, что всѣ останемся въ Пирмазенсѣ до весны; постройка балагановъ уже началась, какъ вдругъ ночью слѣдующаго дня, часовъ въ десять, мы неожиданно получили приказъ выступить въ походъ, не туша огней, не дѣлая шума, безъ барабаннаго боя и звука трубъ. Весь Пирмазенсъ спалъ. У меня были двѣ лошади, на одной я ѣхалъ самъ, а другую держалъ подъ устцы; я находился между офицерами, подлѣ командира Дюшена.

«Мы вышли, кто на лошади, кто пѣшкомъ; тутъ же между нами везли пушки и зарядные ящики, и телѣги; кавалерія ѣхала по бокамъ; не было ни мѣсяца, ни чего другого для указанія намъ пути. Только издали на поворотахъ кричали верховые: «сюда, сюда!» Къ одиннадцати часамъ показался мѣсяцъ, мы были среди горъ: всѣ вершины бѣлѣли отъ снѣга. Пѣшіе, съ ружьями на плечахъ, бѣгали, чтобы согрѣться; я самъ такъ ооченѣлъ, что раза два принужденъ былъ слѣзть съ лошади. Мадамъ Тереза въ своей таратайкѣ, покрытой сѣрымъ холстомъ, протагивала мнѣ флажку, капитаны не медлили брать ее послѣ меня; солдатамъ, въ свою очередь, тоже доставалось.

«Мы все шли и шли, не останавливаясь, такъ что часамъ къ шести, когда блѣдное солнце нѣсколько освѣтило небо, мы были въ Лембахѣ, на большой лѣсистой горѣ Штейнфельда, за три четверти мили отъ Верта. Тогда со всѣхъ сторонъ раздалось: «Стой! . . . Стой! . . .» Всѣ шедшіе сзади подходили, и къ половинѣ седьмого вся армія собралась на долину, гдѣ солдаты начали варить супъ.

«Генераль Гошъ, котораго я видѣлъ, когда онъ проходилъ съ двумя высокими конвенціонистами, смѣялся и, казалось, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ вошелъ въ крайній домъ деревни, жители которой были удивлены, видя насъ въ такой часъ, какъ удивились анштатцы при видѣ республиканцевъ.—Дома здѣсь такъ малы и такъ бѣдны, что пришлось вынести на улицу два стола, и что генераль держалъ совѣтъ съ своими офицерами подъ открытымъ небомъ, въ то время, какъ солдаты варили супъ изъ провіанта, привезеннаго съ собой.

«Эта остановка продолжалась только на время, чтобы поѣсть и снова пристегнуть ранцы. Потомъ нужно было опять идти, но уже въ большемъ порядкѣ.

«Въ всемъ часѣхъ, видѣи оныя долины Рейхсгофена, ны увидѣли пруссаковъ, обнесенныхъ окопами, на эскарпахъ Френсвиллера и Верта, — нѣ было болѣе двадцати тысячъ, и редуты ихъ возвышались одни надъ другими.»

«Вся армія поняла тогда, что мы сѣяли такъ пути для того, чтобы выгнать пруссаковъ однимъ, такъ какъ австрійцы были нѣль са миль, за шесть со стороны Моттера. Не смотря на это, не скрываетъ насъ, друзья мои, что оидь эстетъ страшно कराвакъ мена; чѣмъ болѣе я глядѣлъ, тѣмъ невозможнѣе казалось мнѣ выиграть сравненіе. Во-первыхъ, пруссаки были многочисленнѣе; во-вторыхъ, у нихъ были устроены защищенные оковы, за которыми видѣлись пушкарѣ, наклонившіеся жодлѣ своихъ пушекъ и наблюдующіе за нами, а ряды безчисленныхъ пугловъ тинулись до самой горы.»

«Французѣ, съ своимъ беззаботнымъ характеромъ, не замѣчали всего этого и были даже очень весели. Вслѣдствіе распространенаго слуха, что генералъ Гошъ обѣщалъ за каждое отбитое ерудіе по шестисотъ франковъ, они сѣвляжъ, надвигая шапки на бокрень, и смотрѣли на пушки, крича: «Приговорени! приговорени!» Страхъ брало, видя такую безвѣность и слыша подобныя шуточки.»

«Мы же, то есръ, госпиталь, всѣмъ экипалаи, пустые ящики для перевозки раненыхъ, — мы остались сзади, и я долженъ признаться, что это доставило мнѣ истинное удовольствіе.»

«Мадамъ Тереза стояла шаговъ за тридцать или за сорокъ передо мной; я сталъ жодлѣ немъ съ обоими своими помощниками, нѣзъ которыхъ одинъ былъ мальчиожъ въ антевѣ въ Ландреси, а другой дѣтисомъ, но которые по доброй волѣ вошли въ хирурги. Они уже довольно опытни, и еще немного прилежанія и работы — и нѣзъ этихъ молодыхъ людей выйдетъ что нибудь. Мадамъ Тереза цѣловала тогда маленькаго Жана, побѣнавшаго доронять свой батальонъ.»

«Вся долина вправо и влѣво была полна кавалеріей, расположенной въ порядкѣ. Приѣхалъ генералъ Гошъ; оиъ самъ тотчасъ же выбралъ мѣсто для двухъ батарей на пригорнахъ Рейхсгофена, а пѣхота остановилась посреди долины.»

«Послѣ вторичнаго совѣщанія, вся пѣхота построилась въ три колонны: одна пошла на лѣво, въ Ресбаховое ущелье, двѣ другія — на укрѣпленія, съ ружьями на руку.»

«Генералъ Гошъ и нѣсколько офицеровъ помѣстившись на небольшомъ возвышеніи на лѣво отъ долины.»

«Все, что послѣдовало за этимъ, до сихъ поръ представляется мнѣ какимъ-то сномъ. Въ ту минуту, когда колонны подходили къ ро-

рѣ, раздался страшный трескъ, какъ-будто ужасный взрывъ, — все покрылась дымомъ: это пруссаки дали залпъ изъ своихъ батарей. Черезъ минуту дымъ нѣсколько разсѣялся и мы увидали французъ уже выше на горѣ; они прибавляли шагу; бездна раненыхъ осталась за ними, нѣкоторые лежали ницъ лицомъ, другіе лежали, сплясь подняться.

«Пруссаки дали второй залпъ, послѣ котораго послышался страшный крикъ республиканцевъ: «Въ штыки!» И вся гора затрещала, какъ груда угольевъ, въ которую ткнули ногой. Отъ насъ ничего не стало видно, потому что дымъ летѣлъ въ нашу сторону, и за четыре шага неслышно было голоса человѣческаго, такъ трещали, громили и кричали ружья, пушки и люди. По бокамъ, лошади нашей кавалеріи ржали и хотѣли бѣжать, животныя эти совершенно дикія, они любятъ опасность, и едва было возможно удержать ихъ.

«Отъ времени до времени въ дыму образовалось отверстіе и виднѣлись республиканцы, бросавшіеся на частоколъ, какъ звѣри; одни прикладами старались разбить укрѣпленія, другіе отыскивали проходъ; начальники, верхомъ, со шпагою въ рукѣ, воодушевляли солдатъ, а съ другой стороны пруссаки били штыками и стрѣляли изъ ружей въ эту массу, или поднимали обѣими руками свои большіе прибойники и ими, какъ дубиною, убивали людей. Это было ужасно! Затѣмъ вѣтеръ все снова закрывалъ дымомъ, такъ что нельзя было знать, чѣмъ кончится дѣло.

«Генераль Гошъ послалъ офицеровъ, одного вслѣдъ за другимъ, съ новыми приказаніями; они съ быстротою молніи неслись, какъ тѣни въ дыму. Битва продолжалась, и республиканцы начинали уже отступать, когда генераль самъ поскакалъ къ нимъ. Черезъ десять минутъ звуки марсельезы покрывали весь этотъ шумъ, и отступившіе шли снова въ атаку.

«Второй залпъ былъ еще страшнѣе перваго. Пушки гремѣли и опрокидывали вереницы людей. Республиканцы подвигались массою и посреди ихъ Гошъ. Наши батареи тоже стрѣляли въ пруссаковъ. Что произошло, когда французы еще разъ подступили къ частоколу—трудно описать. Если бы дѣдушка Адамъ былъ съ нами, онъ увидѣлъ бы то, что называется страшной битвой. Пруссаки показали тутъ, что они солдаты Фридриха Великаго, штыки противъ штыковъ отступали, и наступали то одни, то другіе.

«Но побѣда рѣшилась въ пользу республиканцевъ съ появленіемъ третьей колонны на высотѣ, влѣво отъ укрѣпленій; она обогнула Ресбахъ и выходила изъ лѣсу бѣглымъ шагомъ. Тогда поневолѣ пришлось уступить; пруссаки, тѣснимые съ двухъ сторонъ, подались

назадъ, оставивъ восемнадцать орудій, двадцать четыре зарядныхъ ящика и свои укрѣпленія, наполненные ранеными и убитыми. Они направились къ сторонѣ Верта, и на нихъ драгуны и гусары, горѣвшіе нетерпѣливѣе, бросились наовонецъ, нагнувшись впередъ, какъ пошатнувшаяся стѣна. Въ тотъ же вечеръ мы узнали, что они взяли въ плѣнъ тысячу двѣсти человѣкъ и отбили шесть орудій.

«Вотъ, милые друзья мои, вотъ что зовется сраженіемъ при Вертѣ и Фрэнвиллерѣ, извѣстіе о которомъ, вѣроятно, дошло до васъ уже теперь, пока я пишу вамъ, и которое всегда будетъ памятно.

«Между тѣмъ, на другой день послѣ побѣды армія двинулась впередъ. Черезъ четыре дня мы узнали, что конвенціонисты Лакостъ и Бодо, рѣшивъ, что соперничество Гоша и Пилсгерю вредитъ интересамъ республики, предоставили начальство Гошу одному, и что Гошъ, какъ начальникъ обѣихъ армій, мозельской и рейнской, не теряя ни минуты, воспользовался соединеніемъ армій и атаковалъ Вурмзера около Вейсенбурга, совершенно разбилъ его въ Гайсбергѣ, такъ что въ настоящую минуту пруссаки отступили къ Майнцу, австрійцы къ Гемерсгейму, и территория республики очищена отъ всѣхъ враговъ ея.

«Я нахожусь теперь въ Вейсенбургѣ и заваленъ работой; городъ занятъ мадамъ Терезою, маленькимъ Жаномъ и остатками 1-го батальона, а армія идетъ на Ландау, счастливое освобожденіе котораго всегда будетъ предметомъ удивленія будущихъ вѣковъ.

«Скоро-скоро, друзья мои, и мы пойдемъ за арміей, пройдемъ черезъ Анштатъ, увѣнчанные лаврами побѣды, еще разъ прижмемъ васъ къ своей груди и вмѣстѣ съ вами порадуемся побѣдѣ, одержанной справедливостью и свободою.

«О великая независимость! Пусть любовь къ тебѣ зажжетъ въ сердцахъ нашихъ тотъ священный огонь, которымъ горѣли когда-то столько героевъ; образуй въ средѣ нашей похотія на нихъ полкѣнія, чтобы сердце каждаго гражданина трепетало при звукахъ твоего голоса; вдохнови сомнѣвающагося мудреца, доведи храбраго до геройскихъ поступковъ, чтобы святое братство соединило всѣ народы земли въ одно семейство.

«Съ этими желаніями и надеждами, добрая мадамъ Тереза, я и маленький Жанъ отъ души обнимаемъ васъ.

Яковъ Вагнеръ.

«P. S. Маленькій Жанъ проситъ друга своего Фрицеля позаботиться о Сципювѣ.»

Письмо дяди Якова страшно порадовало всѣхъ насъ, и можете

представить себя, съ какими потерями: съ тѣмъ поръ ждали мы 1-й батальонъ.

Когда я думаю объ этомъ періодѣ моей жизни, онъ кажется мнѣ самымъ-то праздничнымъ; каждый день мы узнавали что-нибудь новое; послѣ взятія Вейсенбурга—снятіе осады Ландлау, потомъ взятіе Лаутенбурга, потомъ Кайзерлаутерна и потомъ Шнейера, гдѣ французамъ досталась такая добыча, что Гонтъ перенесъ ее въ Ландлау, чтобы вознаградить тамошнихъ жителей за потери.

Какъ прежде анштатские жители кричали противъ насъ, такъ наоборотъ, теперь они выказывали намъ почтеніе. Даже шель разговора назначить Коффеля въ муниципальный советъ, а протопопа выбрать бургомистромъ; почему была поднята этотъ вопросъ—неизвестно, такъ какъ прежде это никогда никому и въ голову не приходило; но начиналъ распространяться слухъ, что мы опять будемъ французами, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Рихтеръ спрыгнулъ, ввѣя, что его ожидаютъ, а Юсифъ Слпнъ по показывался бѣгъ изъ своего балагана.

Каждый день обитатели Большой улицы смотрѣли на гору: не видно ли показанія истинныхъ защитниковъ отечества; къ несчастью, большая часть ихъ шла по дорогѣ изъ Вейсенбурга въ Майнца, оставляя Аншгавъ влѣво въ горахъ; мимо же насъ проходили только отстававшіе, шедшіе прямокомъ, перерѣзая Вургервальдъ. Это приводило насъ въ отчаяніе, и мы уже начинали думать, что нашъ батальонъ никогда не придетъ, какъ вдругъ разъ настъ обѣда протопопъ, замыкавшійся, вбѣжалъ, крича:

— Вотъ они! это они!

Возвращаясь съ поля съ заступомъ на плечѣ, онъ издали увидѣлъ по дорогѣ множество солдатъ. Вся деревня уже знала эту новость, всѣ выбѣжали. Я же, задыхаясь отъ восторга, бросился на встрѣчу батальону, вмѣстѣ съ Гансомъ Аденомъ и Францомъ Сепелемъ, которыхъ встрѣтилъ дорогой. Солнце ярко свѣтило, снѣгъ таялъ, а изъ грязныхъ лужъ, когда въ нихъ наступали, разлетались брызги, какъ осколки лопнувшей бомбы; но на это мы не обращали вниманія и съ подчасъ бѣжали въ припрыжку. Поля деревни, мужчины, женщины, дѣти бѣжали за нами, крича: «Идутъ!.. идутъ!..»—Мысли людскія странно измѣняются, — тогда всѣ были поклонниками республики.

Приподнявшись на гору Биркенвальдъ, Гансъ Адена, Францъ Сепель и я, мы наконецъ увидели нашъ батальонъ, двигавшійся по среди горы, съ мѣшками за спиномъ, съ ружьями на плечѣ; офицеры шли за ротами. Далѣе, на большомъ мосту тянулись телѣги. Все

это двигалось, посвистывая, болтая, какъ солдаты въ дорогѣ, одинъ останавливался закурить трубку, другой плечомъ поправлялъ мѣшокъ свой, раздавались визгливые голоса, хохотъ, потому что французы ужь такой народъ, когда они идутъ толпами, имъ необходимы разсеазы и шуточки, чтобы поддержать веселое расположение духа.

Я въ этой толпѣ только и искалъ глазами дядю Якова и мадамъ Терезу, и черезъ нѣсколько времени увидалъ ихъ въ концѣ батальона. Дядя ѣхалъ позади верхомъ на Раппелѣ. Я съ трудомъ узналъ его, потому что на немъ была большая республиканская шляпа, платье съ красными отворотами и большая сабля съ желѣзными ножнами,—это его страшно измѣняло, онъ казался гораздо выше; но не смотря на то, я сейчасъ узналъ и его, и мадамъ Терезу въ ея телѣжкѣ, покрытой холстомъ, въ той же шляпѣ и въ томъ же шарфѣ; румянецъ игралъ у нея на щекахъ и глаза блестяли, дядя ѣхалъ рядомъ съ нею и они разговаривали.

Я узналъ тоже и маленькаго Жана, котораго видѣлъ только разъ въ жизни; поперегъ груди его шла широкая перевязь, въ которой продѣты были барабанныя палочки, рукава были покрыты галунами, а сабля болталась за ногами. Я узналъ и командира, и сержанта Лафлеша, и капитана, котораго водилъ на чердакъ, и всѣхъ солдатъ,—да, почти всѣхъ; мнѣ казалось, будто я въ большой семьѣ, и даже знамя, завернутое въ клеенку, доставляло мнѣ удовольствіе.

Я обогналъ всѣхъ—Гансъ Адень и Францъ Сепель выискали ужь себѣ товарищей,—и, добѣжавъ шаговъ за тридцать отъ телѣжки, хотѣлъ ужь закричать дядю, когда мадамъ Тереза, выглянувъ нечаянно, закричала веселымъ голосомъ:

— Вотъ Сципіонъ!

Въ ту же минуту Сципіонъ, котораго я забылъ дома, прибѣжалъ грязный, запыхавшійся, и прыгнулъ въ телѣжку.

Жанъ тотчасъ же вскричалъ:

— Сципіонъ!

И Сципіонъ, раза три лизнувъ щоки мадамъ Терезы, соскочилъ на землю и сталъ прыгать вокругъ маленькаго Жана съ лаемъ, визгомъ и восторгомъ.

Весь батальонъ кричалъ ему:

— Сципіонъ, сюда!... Сципіонъ!... Сципіонъ!

Дядя увидалъ меня и протянулъ мнѣ съ лошади руки. Я ухватился за его ногу; онъ меня поднялъ и поцѣловалъ; я чувствовалъ, что онъ плачетъ, и это растрогало меня. Потомъ онъ подалъ меня

мадамъ Терезѣ, которая, притянувъ меня къ себѣ въ телѣжку, сказала:

— Здравствуй, Фрицель.

Она казалась довольною и цѣловала меня со слезами на глазахъ. Почти вслѣдъ за этимъ пришли кротоловъ и Коффель и пожали руку дяди; потомъ подошли и другіе жители Анштадта и смѣшались съ солдатами, передававшими мужчинамъ свои мѣшки и ружья, чтобы нести ихъ съ торжествомъ, и вричавшими женщинамъ:

— Эй! толстая тетка!... красавица... сюда!... сюда!

Суматоха происходила страшная, всё здоровались, и изъ всей толпы мы съ маленькимъ Жаномъ казались самыми счастливыми.

— Поцѣлуй маленькаго Жана, крикнулъ мнѣ дядя.

— Поцѣлуй Фрицеля, говорила мадамъ Тереза своему брату.

Мы поцѣловались и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Онъ мнѣ нравится, крикнулъ маленькой Жанъ:— должно быть, добрый мальчикъ.

— Ты тоже мнѣ нравишься, сказалъ я ему, гордясь тѣмъ, что говорю по французски.

Мы пошли рука объ руку, а дядя и мадамъ Тереза улыбались другу другу.

Командиръ тоже протянулъ мнѣ руку, говоря:

— А, докторъ Вагнеръ, вотъ вашъ защитникъ.— Здоровъ ли ты, молодецъ?

— Здоровъ, командиръ.

— Слава Богу!

Такъ мы подошли къ крайнимъ домамъ деревни. Тутъ всё немного остановились, чтобы построиться въ порядоѣ; маленькій Жанъ прицѣпилъ свой барабанъ, и когда командиръ закричалъ: «Впередъ маршъ!»—барабаны забили.

Мы спустились по большой улицѣ, идя всё въ ногу и радуясь такому торжественному вступленію. Всѣ старики и старухи, которые не могли выйти, сидѣли у оконъ и показывали на дядю Якова, гордо выступавшаго за командиромъ между своими помощниками. Мнѣ особенно бросился въ глаза старикъ Шмидтъ въ дверяхъ своей лачужки; онъ выпрямлялъ свою высокую, сгорбленную фигуру и страшно смотрѣлъ на проходившій батальонъ.

На площади съ фонтаномъ командиръ крикнулъ: «Стои!»—Ружья составили въ козлы и всё разошлись, одни на право, другіе на лѣво; каждый гражданинъ хотѣлъ увести съ собой солдата, всѣмъ хотѣлось отпраздновать торжество республики единой и нераздѣльной; но французы съ улыбающимися лицами преимущественно отправлялись за хорошенькими дѣвушками.

Командиръ, пошелъ съ нами. Старуха Лизвета стояла уже въ дверяхъ, поднявъ длинныя руки свои къ небу и восклицая:

— Ахъ! мадамъ Тереза... ахъ! господинъ докторъ...

Тутъ начались опять радостныя возгласы и даже жонглики. Потомъ мы вошли и началось угощение окорокомъ, колбасами и лепешками, приправленное бѣлыми виномъ и старыми бурбоискины, — за столомъ сидѣли Коффель, протоиерей, командиръ, дядя, мадамъ Тереза, маленький Жанъ и я. — Можете себѣ представить, съ какимъ аппетитомъ мы ѣли и какъ намъ было весело!

Весь этотъ день 1-й батальонъ остался у насъ, потому что пошелъ своей дорогой, потому что зимнія квартиры были назначены въ Гакматъ, за двѣ мили отъ Амштата. Дядя остался въ деревнѣ; онъ отложилъ въ сторону свою большую саблю и большую шляпу, но съ этого времени до самой весны не проходило дня, чтобы онъ не отправлялся по дорогѣ въ Гакматъ; онъ только и думалъ, что о Гакматъ.

Отъ времени до времени въ гости къ намъ прѣзжали мадамъ Тереза съ маленькимъ Жаномъ; мы смѣялись, были счастливы и любили другъ друга.

Что же сказать мнѣ вамъ еще? — Весною, когда начинаютъ идти жаворонки, намъ однажды сказали, что 1-й батальонъ отправляется въ Вандю. Тогда дядя, блѣдный, какъ мертвецъ, бросился въ конюшню, сѣлъ на Раппеля и, забывъ надѣть фуражку, съ непокрытой головой поскакалъ во весь опоръ.

Что произошло въ Гакматъ? — не знаю, но знаю, что на слѣдующій день дядя съ гордостью возвратился вмѣстѣ съ мадамъ Терезой и маленькимъ Жаномъ, что у насъ была свадьба, поцѣлуи и веселье. Черезъ недѣлю прѣехалъ командиръ Дюшекъ со всѣми капитанами батальона. Въ этотъ день веселья было еще больше. Мадамъ Тереза и дядя отправились къ мэрю въ сопровожденіи длинной вереницы веселыхъ гостей. Протоиерей, назначенный по выбору мэрши, оюжанский трехцвѣтный шарфомъ, ждалъ насъ тамъ. Онъ, во всеобщему удовольствію, вписалъ дядю и мадамъ Терезу въ толстую книгу, и съ тѣхъ поръ у маленькаго Жана явился отецъ, а у меня добрая мать, о которой я до сихъ поръ безъ слезъ не могу вспомнить.

У меня есть еще много кой-чего разсказать вамъ... но на этотъ разъ довольное. Если можно будетъ, а когда нибудь доскажу эту исторію, которая кончается, какъ и всѣ другія, — сѣдыми волосами и послѣднимъ прощаньемъ съ тѣми, кто намъ всѣхъ дорожа въ жизни.

ДЕНЬ НУЖДЫ И СКУКИ.

Всю ночь лилъ дождь; рѣчка Лапа, около которой размѣстилась Лѣсковица—самая бѣдная слобода г. N, — раздулась и бурлила противъ своего обыкновенія. По временамъ слышно было, какъ въ шумѣвшую воду съ грохотомъ падали глыбы земли, которыя вода рвала на крутыхъ изгибахъ своихъ береговъ. По улицамъ слободки тоже шумѣла вода, и еще съ вечера долго шлялась заблудившаяся изъ города жорова; она громко звала, кто бы помогъ ей въ бѣдѣ, и съ мычаньемъ подходила то къ одному, то къ другому окошку маленькихъ хибарокъ, — но никто и не думалъ выручать ее: въ отчаяннѣи она шла дальше, останавливалась среди грязи и пускала свои вопли вдоль улицы, вытягивая впередъ голову и перекашивая скулы. А дождь ливня-лилъ. Однообразно барабани по крышамъ и шелкала подъ окнами, онъ незамѣтно убаюкалъ и усыпилъ весь городъ и всю слободу; но утромъ въ щели и сердечки ставней билъ до такой степени яркій и ослѣпительно-блестящій солнечный лучъ, что проснувшіеся снова жмурились озадаченные свѣтомъ глаза. На дворѣ звонко звѣлъ пѣтухъ, въ сѣняхъ весело кипѣлъ самоваръ и гдѣ-то вблизи раздавались особенно-звучные удары топора. Все это:—и самоваръ, и свѣтъ, и пѣтухъ,—почему-то рисовало свѣтлую, обновленную картину города и заставляло скорѣе бросать постель. Утро было свѣтлое, чудное; солнце особенно пристально смотрѣло на землю, словно удивляясь, какихъ чудесъ направила нынѣшняя ночь; у одной изъ избъ, на краю слободки, оторвало водою уголь, и рассказывали, что вмѣстѣ съ угломъ въ

воду ввалились солдатъ съ женой и ребятами; у торговыхъ бань, съ заплывшими, позеленѣлыми стеклами, изъ воды торчали кривыя, покачнувшіяся сваи. Вообще было много бѣдъ, какъ ихъ до сихъ поръ не испытывалъ городъ.

Городской житель, разставшійся съ постелью, шелъ купаться; тамъ и сямъ блестяли лужи; даже моря жидкой грязи участвовали въ общей картинѣ свѣтлаго утра, доставляя возможность солнцу отразиться на своей глянцевитой поверхности. Одно только сокрушало обывателя — это невозможность перебраться черезъ Лапу въ большой рѣкъ, протекавшей вдали на лугу, — такъ какъ доска, занимающая мѣсто моста, по всей вѣроятности, снесена вчерашнимъ дождемъ. Доска дѣйствительно снесена, но на мутной и еще бурливой поверхности Лапы уже крутится, высоко поднявъ свой острый носъ, — душегубка... На другомъ концѣ лодки, противоположномъ носу и почти равнявшемся краями съ поверхностью воды, помѣщался двѣнадцатилѣтній мальчикъ еврей, робко владѣвшій какимъ-то кускомъ драни отъ крыши, вмѣсто весла; кое-какъ перевезъ онъ на ту сторону городского обывателя, получилъ отъ него тысячи ругательствъ и мѣдную монету въ придачу, и долго размышлялъ: какъ бы ему обойтись безъ того, чтобы душегубка не вертѣлась изъ стороны въ сторону и не пугала бы господъ? Медяки и тукманки постепенно перепали отъ перевозимыхъ господъ на долю Юдки, — и былъ Юдко счастливъ и веселъ, какъ было весело все кругомъ его. Это веселье доставилъ ему вчерашній проливень... Еще вчера вечеромъ, лежа въ хозяйскихъ сѣняхъ и съ головой кутаясь отъ тяжелыхъ капель, падавшихъ ему въ лобъ, Юдко соображалъ всѣ событія, которыя могутъ быть послѣдствіями этого проливня, загодя зналъ судьбу моста и тутъ же радовался случаю, забросившему на берегъ старую душегубку: онъ будетъ, значитъ, завтра перевозить и заработаетъ деньги. — Юдко былъ круглый спрота. Жилъ онъ у одного еврея, поселившагося на Лѣсковидцѣ и имѣвшаго въ городѣ подвалъ съ яблоками и апельсинами. Отецъ Юдки, вмѣстѣ съ матерью, отправился куда-то искать счастья — и вотъ уже три года объ нихъ ничего не слышно. Юдко не зналъ, живы ли его родители или нѣтъ, и продолжалъ изъ-за куска хлѣба работать на чужого человѣка. Цѣлые дни, съ утра до ночи, онъ бѣгалъ по городу съ хозяйскимъ това-

ромъ; цѣлые дни въ пустынныхъ улицахъ города звучалъ его звонкій голосокъ, выкрикавшій: «лимоны, апельсины!». За эту бѣготню, онъ былъ смѣть, получать старые обноски съ ховайскихъ плечъ и спать въ сѣняхъ, гдѣ въ противоположномъ углу помѣщался хозяйскій козель. Но Юдко жилъ и развивался подъ вліяніемъ окружающихъ людей; люди эти, нападая въ постоянной погонѣ за счастьемъ, нова стояли только при началѣ этого дальняго пути и говорили: «только денегъ, денегъ и больше ничего...» Это желаніе Юдко слышалъ чуть ли не съ дѣтства: и отецъ, и мать были постоянно въ помыслахъ—нажить кой-ѣку; постоянно хлопотали, какъ бы вернуться, поправиться. Вслѣдствіе этого, и шире Юдки не носили веселаго характера: чиновницкіе дѣти играютъ въ дорогу, ѣдутъ въ монастырь на богомолье, потому что папаша пятый годъ собирается поблагодарить Бога за его великія милости; Юдко играетъ въ отыскиваніе па улицахъ въ сору тряпокъ, старыхъ подошвъ, костей, потому что все это можетъ пригодиться. Топить въ домѣ печью, Юджина мать идетъ искать щепокъ по городу,—и Юдка потомъ играетъ въ это отыскиваніе щепокъ. Однажъ словомъ, все окружающее Юдку терпѣло, трудилось и хотѣло выбиться изъ этой колеи, хотѣло денегъ; Юдко тоже трудился, тоже хотѣлъ жить лучше и тоже старался всевозможными средствами залучить въ свой карманъ грошъ-другой. На прошлой недѣлѣ нашелъ онъ на бульварѣ и продалъ—кольцо; вчера до костей промочилъ его дождь, однако онъ не особенно сгораздъ, расчтывая на барыши, ваніе можетъ доставить ему этотъ дождь утромъ.—Когда, послѣ своей работы, мальчуганъ вытаскивалъ дырявую душегубку снова на лугъ, за рубашкой его громко позвякивали мѣдяки, заставляя мальчика забывать и холодъ, и голодъ, и всѣ неудобства житейскія.

Хибара, которую занималъ Юджинъ хозяинъ, состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ сѣнями съ землянымъ поломъ. Въ одной помѣщался хозяинъ и шипокъ, а въ другой половинѣ, то есть, въ тѣсной и душной коморкѣ, жили двѣ дѣвцы. Тѣснотой комнаты дѣвцы были недовольны—низко и тѣсно. Кромѣ того, иногда въ комнату дѣвицъ врывались солдатскія поросята, подъ броватю орало гусыня, пододвинутое въ лукошкѣ жидомъ, и тогда въ комнатѣ затѣвался насто-

ящій гвалтъ; дѣвицы и сами тосковали такимъ незаведнымъ жптьемъ...

Дѣвицы отъ скуки гадали на картахъ, и по прежнему утѣшителями ихъ были трефовые и бубновые короли, которые такъ радушно сулили имъ возвращеніе милаго и большой интересъ вокругъ него...

Позавтракавъ, Юдко тронулся въ путь; онъ былъ босикомъ; широкіе дерюжные штаны мокрыми хвостами трепали его по ногамъ; жидовская свита, съ взрослога человѣка, была подобрана вверхъ кушакомъ, отъ чего воротникъ, неастигнутый у шеи, съѣзжалъ на спину; на головѣ, нечесанной, съ кудрями, свалившимися на подобіе войлока, — торчала пилсовая, безъ подкладки, — шапка, смотря козырькомъ вверхъ; на локтяхъ висѣли двѣ большія плетенныя корзинки, побѣда пустыя, и въ одной рукѣ была палочка, которой придется отмахиваться отъ собакъ. Бсѣарабкавшись по узенькой и извилистой тропинкѣ на вершину вала, Юдко на минуту остановился. Съ самага дѣтства, прогулка по городу не производила на него пріятнаго впечатлѣнія: разъ былъ онъ здѣсь съ отцомъ, шелъ сзади его, посматривалъ на городскіа дома, — вдругъ встрѣтился какой-то человѣкъ и дернулъ его за високъ. — «За что?» запищалъ мальчишка. — «А за то!» отвѣчалъ локонически встрѣтившійся человѣкъ. — Это случилось съ нимъ часто, случается и до сихъ поръ, потому что вражда, совершенно потерявшая смыслъ и переходящая изъ потомства въ потомство по преданію, не смѣетъ выказаться не въ чемъ, кромѣ возможности подгадить своему врагу. Пабостить капитальнымъ образомъ и рады бы были, но на сторонѣ враговъ всѣ средства побѣдить матеріальнымъ образомъ. Эта потребнос ть гадить объяснися впоследствии, очень простыми причинами.

Юдко, зашелъ въ ближній хозяйскій подвалъ и, нагрузивъ свои корзинки, звонкимъ голосомъ брйчать, идя по улицѣ: «апельсины, лимоны!»...

Между тѣмъ, обыватель воротился съ купанья, напился чаю и ходилъ по комнатамъ, дожидаясь одиннадцати часовъ, чтобъ

идти въ канцелярію. По временамъ только онъ переступалъ черезъ порогъ чайной комнаты и, держа руки съ платкомъ за спиной, спрашивалъ жену:

— Такъ ты говоришь, деньги-то видѣть,—что это?

— Слезы.

— Гм!.. Оно, пожалуй, что такъ... соображалъ мужъ и снова отправлялся гулять по комнатамъ. Остановливаясь у окна, онъ видѣлъ въ окно такую картину: заборъ, за заборомъ высоко росла крапива, а за крапивою валялось дубовое бревно.— Чиновникъ глубокомысленно старается обсудить всѣ эти предметы.

— Дубовое... рѣшаетъ онъ.

— Что мнѣ на двое, что ли, разорваться? кричить въ соседней комнатѣ нянька, оглушенная воплями ребятъ, требующихъ чулковъ, башмаковъ, штановъ и пр.

— Ахъ, ребята избавовались!.. Хорошее бревешко!.. Кто это его припасъ? Не для воротъ ли? думалъ хозяинъ,— должно быть для воротъ...

— А то вотъ воду видѣть... произносить жена, входя съ распущенной косою и приготавливаясь чесать голову.

— Что же?..

— Это совсѣмъ нехорошо...

— Гм!..

Супруга уходитъ...

— Да что вы, царица небесная! хоть минуточку бы замолчали... кричить нянька.

— Ахъ, надо ребятъ пороть.

Чиновникъ, сдѣлавшій кругъ по комнатѣ, останавливается у окна, и тотъ же видъ бревна снова заставляетъ его думать:

— А то и стулья, пожалуй... Стулья тоже можно...

Такое однообразіе, успѣвшее опротивѣть уже давнымъ-давно, заставляетъ чиновника поразвлечься на счетъ наливки... Онъ входитъ въ женнину комнату, приближается къ шкафчику и, чтобы отвлечь подозрѣніе жены, говоритъ:

— Такъ ты говоришь, воду-то видѣть,—что это?

— Ты хоть бы до палаты-то погодилъ...

— Велика важность—полрюмки...

— Важность не важность, а клевать носомъ будешь...

Чиновникъ опрокидываетъ въ себя рюмку и говорить:

— Ты думаешь, мнѣ и самому это очень пріятно?

— Неприятно—не пей... Силой тебя потащутъ, что ли?

— Что-жъ такое? Захочу—брошу...

— И сдѣлай милость...

— И съ великимъ удовольствіемъ.

Чиновникъ медленно выступаетъ изъ комнаты.

— Только объ одномъ я молю Бога, говорить вслѣдъ жена...

— Захочу—и не буду... говорить мужъ изъ зала и, подходи опять къ огню, думаетъ: должно быть, на мебель...

Наконецъ голова его, утомленная такими долгими соображеніями, совершенно отказывается дѣйствовать, и чиновникъ хочетъ почему-то опять отправиться къ шкафу; но къ огню въ это время подходит слѣпая старуха. Голова ея обмотана множествомъ платковъ, сверху которыхъ надѣто что-то въ родѣ шляпки, отъ которой остался только остовъ проволоки; на глаза надѣты зеленый, изломанный зонтикъ.

— Не вижу ничего, говорить старуха, щупая тротуаръ и фундаментъ дома длинной палкой, которую она держитъ наравнѣ съ годовою.

Старуха костлявой рукой обвела отворенную раму, пощупала подоконникъ и банку съ какимъ-то растеніемъ, и перфиניתельно спросила:

— Вы православные?

— Православные, старушка, православные... настоящіе...

— То-то. Часомъ жиды обижаютъ: ослѣпла, говорить, съ Богомъ-то со своимъ...

— Нехристи подаме...

Старуха подняла свои жертвые глаза и смотрѣла ими по направленію къ тому мѣсту, гдѣ слышался голосъ... Чиновникъ, нашедшій новый предметъ для размышленія, почти уже не случалъ.

— Ничего не видишь?

— Ни точенъ ничаво... Десятый годъ... Пѣвчіе очень обижаютъ...

— Которые?

— Архирейскіе... Иромонахъ Виталій говоритъ: ходи въ трапезу—накормлю... Мнѣ гдѣ взять, — я и втрапезу... А пѣвчіе

миску у меня отнимуть... Я не вижу, лапаю рукой-то, ищу...
А они по рукѣ палкой..

— Ссссс...

— Насмѣшники! Я полковница сама... Говорятъ: «не слѣпая». Басомъ который поетъ—самый аспидъ настоящій: ручкища страшные, а онъ меня въ глаза щелкать начнетъ... «Она не-слепая!» (старуха представляла, какъ говорить басъ). Тфу! каторжные.

Старуха замолчала. Успокоившійся чиновникъ хотѣлъ по-дать ей копѣечку, и уже шарилъ въ карманѣ, какъ та произ-несла:

— Это у васъ баринъ-то померъ?... Я все поминаю...

— Пошла ты!... Никто тутъ не умиралъ.

Спокойное расположеніе духа чиновника сразу исчезло...

— Накличешь еще бѣды... Ворона!...

— О!... А я ему все: дай Богъ царство небесное ..

— Ну-пу!.. Вотъ вѣщунья... Ступай-ка...

Чиновникъ, хотѣлъ было затворять окно...

— Не дадите ли хоть на хлѣбъ чего?..

— Съ Богомъ, съ Богомъ.

— Хоть копѣечку...

— Съ Богомъ, — грозно возвышая голосъ, произнесъ чи-новникъ.

— Христа ради!

— Пошла, чортова кукла, гаркнулъ чиновникъ таѣ, что старуха, почти въ ту же минуту, была уже среди улицы и, не помня себя, работала старческими ногами, поднимая палку вверхъ.

— Вотъ радости напесла!... Слава Богу, чего добраго... запыхавшись, бормоталъ взволнованный чиновникъ...

— Апельсины!.. раздалось подъ окномъ...

— Пошелъ прочь!..

Юдко, котораго только-что прогнали въ одномъ окнѣ, рѣ-шился показать свою физиономію въ другомъ и повторить: «апельсины!». Чиновникъ опять закричалъ: прочь поди!... Юдко опять показалъ свою физиономію въ третьемъ окнѣ и снова сказалъ: «апельсины!» Раздраженный чиновникъ, котора-го не оставляли мысли, навѣянная старухой, порѣшилъ сразу

отдѣлаться отъ навязчиваго продавца... «Погоди-жь!» думалъ онъ, высовываясь въ окно..

— Эй! ты, поди-ка сюда...

Юдко подошелъ...

— Почему?

Юдко нагнулся къ корзинкѣ и началъ открывать тряпку, закрывавшую апельсины; въ это время чиновникъ впилился ему обѣими руками въ картузъ и, зацѣпивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и волоса, со злостью началъ возить туда и сюда, приговаривая:

— А это? а это? а это... а?...

Мимо шелъ какой-то вучеръ, посланный въ аптеку; родная картина остановила его; онъ засучивъ одинъ рукавъ, поплевавъ въ кулакъ и не измѣняя серьезнаго выраженія въ лицѣ, началъ усердно сажать его въ Юджину шею, пуская удары вертикально, сверху внизъ, и особенно налегая при этомъ на средній, круто-согнутый палецъ. Черезъ минуту Юджина шапка очутилась на срединѣ улицы.

— Спасибо, братъ, говорилъ чиновникъ вучеру...

— Не стойте-съ, ваше благородіе; не будетъ ли чего на чаекъ съ вашей милости?..

Чиновникъ далъ.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе! произнесъ вучеръ, уходя.

— Что я сдѣлалъ? плачевно молилъ Юдко, поднимая съ земли шапку...

— Только пишни!...

При этомъ чиновникъ стучалъ пальцемъ въ подоконникъ... Взволнованный этими обстоятельствами, чиновникъ, не опасаясь никакихъ косвенныхъ взглядовъ со стороны жены, прямо направился къ шкафу...

— За что ты жиди избилъ, спрашивала жена.

Глотая рюмку, мужъ соображалъ: за что же, въ самомъ дѣлѣ? Не сообразивъ этого, онъ рѣшился дать отвѣтъ такого рода:

— Какъ за что? Тебѣ и горя мало, что этотъ дьяволенокъ, можетъ быть... Христа продалъ...

— Онъ-то!..

— А ты какъ бы думала?.. По твоему, ихъ за это миловать? э-ге!..

Выйдя въ залу и остановившись у окна, чиновникъ сознал-

са втайнѣ, что въ хриstopродавствѣ Юдо невиновать, что собственно онъ, чиновникъ, поступилъ очень-очень несправедливо... Мысли его выросли на эту тѣму, но на глаза попалось бревно, и чиновникъ снова подумалъ.

— Должно быть, на мебель! Хорошее бревно!

Въ такомъ родѣ было и остальное странствование Юды по городу; но гѣреть было не время, и поэтому онъ, не останавливаясь, шелъ далѣе, и голосокъ его по прежнему звенѣлъ въ пустынныхъ улицахъ. На дворѣ, между тѣмъ, стоялъ полдень—самое скучное, невыносимое время провинціального дня: — мужья и отцы строчатъ въ канцеляріяхъ; жоны и дочери не знаютъ, куда дѣться отъ тоски—дома. Было бы великое горе, если бы тѣ же обстоятельства, которыя породили эту тоску, не дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, утѣшенія жонамъ и дочерамъ, создавъ для нихъ особый типъ провинціального молодого человѣка: нѣчто среднее между свахой или салопницей и газетнымъ фельетономъ. Образование такого типа можно объяснить примѣромъ: кусокъ тѣста, стиснутый съ боковъ яблоками, образуетъ фигуру, вовсе непамятную яблокъ, а какую-то угловатую, съ острыми концами и впадинами. Точно такъ же и этотъ молодой человѣкъ; ни на кого изъ окружающихъ онъ не походитъ: въ немъ ни сонности, ни скуки, ни апатіи нѣтъ,— а между тѣмъ, эти окружающіе и эта апатія произвели его на свѣтъ божій, безъ него смерть была бы лучшею мечтою бѣдныхъ провинціаловъ, заѣдаемыхъ буднями. Этотъ господинъ вездѣ нуженъ: плачетъ въ церкви ребенокъ,—онъ первый начнетъ его утѣшать, распуская и снова стягивая дамскій зонтикъ, слегка постукивая имъ о клиросъ; поэтому, даже такіа дѣти, которыя къ своимъ отцамъ не идутъ на руки, къ дяденькѣ идутъ охотно; дяденьку можно и за носъ хватить, и губы сгрестъ въ кучу, и за волосы дернуть—и все у него будетъ веселая улыбка, все уста его будутъ лепетать: *лалл*... Въ воскресенье онъ даже конфетку принесетъ. И что главное, возлагая на этого дяденьку порученія, въ родѣ: покликать лошадей, отыскать лакея, и пр. никто не можетъ рассчитывать на самомалѣйшую тѣнь неудовольствія съ его стороны: *дядя-лалл*, напротивъ, зувст-

вѣтъ, что это его должность, назначенная ему свыше, — от самого Господа. Поэтому, если послѣ благодарности за какой-нибудь подвигъ, послѣ *мерси*, забудутъ объ его существованіи, — онъ не только не можетъ обижаться, что его опять вспомнить во время нужды, но напротивъ, долженъ самъ сторожить эту нужду и загодя соображать планъ своихъ дѣйствій. Для будней, для будничной пустоты и тоски нѣтъ лучше отвода, какъ этотъ *дяденька*. — Всталъ опъ утромъ, свѣтлый, нескучающій, и въ свѣтломъ шарусинномъ пальто тронулся въ путь: попались ему запертыя ставни и арлычокъ съ надписью «продается», — онъ останавливался, читалъ, размышлялъ и, между тѣмъ, слушалъ въ то же время, какъ съ одной стороны двѣ бабы извѣщали другъ друга о падежѣ свиней и совѣтовали такія-то и такія средства; съ другой, тоже двѣ бабы толковали о господахъ, и одна рассказывала, какъ барыня ударила барина миской по головѣ. И о падежѣ, и о средствахъ, и миску примѣчала *дяденька*, и такимъ образомъ прибрѣталъ тотъ капиталъ, который составляетъ его жизнь и даетъ жизнь другимъ. Перебѣгая изъ дома въ домъ, онъ вездѣ разбрасывалъ въ публику приличныя для размышленія вопросы, въ родѣ того: «отчего Гвоздевы домъ продаютъ? Ужъ не ѣдутъ ли? То-то я видѣлъ, будто лошадей провели и т. д. *Дядя* такими вопросами и размышленіями будить уснувшій городъ, расшевеливаетъ спящее царство спящихъ москвовъ.

— Боже ты мой, Господи! произносить томно нѣкая особа женскаго пола, вышедшая изъ терпѣнья отъ криковъ Юдки: — что этотъ жиденокъ зудить.

— А вотъ я его... сейчасъ, вскакивая, произносить дядя и исчезаетъ вонъ изъ комнаты.

— Федоръ! говоритъ онъ въ кухнѣ гучеру, возьми братъ водонось... Марья, ты тово... ты хоть погѣно, что ля.

— Зачѣмъ это вамъ, Михайло Семенычъ?

— А тутъ жиденка надо приструнить.

— Это можно-съ! вооружаясь водоносомъ, говоритъ гучерь.

— Дай-ка мнѣ вонъ чепельникъ-то. — Ну, съ Богомъ.

— «Апельсины!» стонетъ подь окнами Юдко.

— Тссс! командуетъ дядя... за мной!.. Отворяй ворота.

На глазахъ стонущаго Юдки, выступаетъ изъ воротъ полчище, вооруженное всякимъ оружіемъ.

— Вот онъ! произносить дядя.

Испуганный Юдко пускается бѣжать, ощутивъ на спинѣ паденіе вѣшника.

— Ну, счастливъ твой Богъ, произносить вслѣдъ кучеръ, потрясая въ воздухѣ саженнымъ водоносомъ.

Такимъ образомъ, здѣсь Юдко потерпѣлъ уже вслѣдствіе деликатной услужливости дяди.

А полдень и безлюдье царили кругомъ въ полной силѣ. Среди улицы встрѣтились двое горожанъ и между ними произошелъ разговоръ такого рода: — Ну что, какъ? — Ничего... а вы? — Я-то?.. Что-жь... Ничего... — Ну, прощайте!.. — Прощайте! — Далѣе встрѣтились еще двое и тоже хотѣли было что-то сказать другъ другу; даже начали уже шевелить губами, но, не придумавъ ничего, разошлись, махнувъ рукой... Проходя подъ растворенными окнами съ опущенною бѣлою шторой, Юдко слышалъ: «Господи! хоть бы пожаръ или что нибудь!..» Вихри крутились на перекресткахъ; городскіе часы пробили часъ... Юдко завернулъ за уголъ и началъ стучать въ ворота, принадлежавшія дому купца Крупичетова. Купецъ Крупичетовъ, переселившись въ г. N изъ Калуги, перетащилъ вмѣстѣ съ собою и свои калужскіе нравы: ворота съ тяжелымъ кольцомъ у калитки, лавка около воротъ для отдохновенія молодцовъ, канарейки въ залѣ, шепотъ которыхъ, вырывался въ открытыя настѣжы окна, далеко раздавался по улицѣ; въ углахъ были большія кіоты въ золотѣ и проч. Дѣтокъ онъ воспитывалъ тоже по своему; пробовалъ было сына отдавать въ гимназію, но скоро взялъ оттуда, потому что и лѣтъ сынку было подъ двадцать, да и въ наукѣ ему было все равно, что сухоходная рѣка, что суходонная. Вся семья ходила по стрункѣ на глазахъ хозяина, а за глаза пробиралась тихомолкомъ въ театръ или, въ лицѣ мужскихъ представителей, бушевала на Лѣсковницѣ, въ жилищѣ Юдкина хозяина. Впрочемъ, при всемъ скрываньи своихъ мыслей, и дѣяній старшій сынокъ не особенно радовалъ родительское сердце. Не разъ по его спинѣ гулялъ желѣзный аршинъ, пущенный родитель-

своей рукою въ видѣ правоученія, яв смирѣ смирался только тогда, когда находился въ рукахъ родительскихъ; если-жъ онъ видѣлъ, что родитель не имѣеть возможности вцѣпиться ему въ волосы, то высказывалъ самыя непокорныя свойства. Въ такихъ случаяхъ и отецъ принималъ исключительныя мѣры. Ни слова не говори, поднималъ онъ съ земли полѣно и запуская въ сына; тотъ увертывался и, подскакивая на одной ногѣ, повторялъ: «А, да не попалъ... А, да не попалъ»..

— Провались ты, анафема! рѣшалъ отецъ и шель въ покое..

Отлучившіеся изъ лавки домой обѣдать, прикащики толпились, отъ нечего дѣлать, на дворѣ, сверкая на солнцѣ жирно-намастеренными головами и любясь продѣлками молодого Круничетова, который на бѣгу хватался за перекладину въ каретномъ сараѣ и раскачивался, взмахивая ногами до потолка; или попросту ходилъ по двору колесомъ, причемъ то ноги, то растопыренныя руки, то всклокоченная голова его видны были даже съ улицы, черезъ заборъ, и заставляли прохожихъ разбѣгать рты.

— Какъ вѣдь это онъ чудесно дѣлаетъ, Господь съ нимъ! траговала жирная кухарка, высовывая голову изъ кухни.

— Да, меренонъ порядочный! присовокупилъ одинъ изъ толпы прикащиковъ.

А барчукъ, какъ шаръ, катался по двору, испугавъ даже собаку, отличавшуюся своею примѣрною лютостью и не признававшую ни своихъ, ни чужихъ, и находившую, что всѣ игры одинаково вкусны, — даже этотъ лютый звѣрь попытался въ конуру, гремя цѣпью. Барчукъ зацѣпился ногами за перекладину противъ каретнаго сараѣ, куда онъ хотѣлъ проникнуть, и сталъ... Стукъ въ ворота заставилъ на время прекратить играща, изъ опасенія прихода *самою*. Всѣ притаили духъ отъ страха, и поэтому одно уже появленіе въ калиткѣ мизерной олгуры жиденка привело все общество въ негодованіе.

— А, другъ любезный, сказалъ кто-то изъ прикащиковъ, подкрадываясь на цыпочкахъ къ воротамъ и задвигая ихъ задвижкой. — Иванъ Ивановичъ, пожалуйте-ка сюда.

Барчукъ, подошелъ къ прикащику; грудь его широко дѣшала, шапка была на затылкѣ, бѣлая прядь волосъ застала глазъ. Упершись руками въ бока, онъ провзнесъ:

— Ну?..

— Вотъ изволите видѣть, шепталъ прикащикъ,—такъ какъ, теперича, этотъ жиденокъ все-же Христа продалъ...

— Вѣрно!

— Стало быть, онъ, надо такъ считать, — врагъ нашъ.

— Вѣрно!

— То что же мы можемъ съ нимъ и сдѣлать? Какъ съ нимъ поступить?

— Какъ ни на есть подлѣе!

— Въ точку!... Кузьма! Егоръ! попридержите-ка парень-ка-то.

Кузьма и Егоръ, дюжие дворники, устремились на Юдку.

— Бери за ноги! командовалъ барчукъ.

Юдко былъ блѣденъ и испуганными глазами молилъ пощадить его.

— Что я вамъ сдѣлалъ?

— Не-е-е-е... Крестъ ему написать на лбу... Они, нехристи-то, отъ него сейчасъ въ дребери...

— Пустите меня! а-а-ай..

— Ваввахъ! передразнилъ барчукъ, возбуживъ общій смѣхъ. Что съ нимъ возиться! — несите его братцы къ волчку... А волчокъ уже разинулъ пасть, захлебываясь отъ восторга. — Юдка ни живъ, ни мертвъ.

— Кусь, куси его. Чужой! командовалъ барчукъ.

Юдко собралъ силы и закричалъ на весь дворъ... Барчукъ слегка прикрылъ ему ротъ: крикъ мгновенно замеръ.

— Сами идуть! возвѣстилъ кучеръ.

Какая-то исполнинская рука схватила Юдку за шиворотъ и увлекла за собою въ каменный входъ погреба. Все затихло. Самъ медленно прошелъ изъ воротъ къ крыльцу и поднялся по лѣстницѣ въ квартиру. Какъ только баблукъ сапога его спрятался отъ глазъ струсившей толпы, толпа эта вымынала изъ своихъ засадъ, и та же могучая рука, которая втащила Юдку въ погребъ, быстро отнесла его къ воротамъ, поспѣшно отдернула задвижку и не менѣе энергично саданула въ шею, присовокупивъ: «на закуску». Толпа высыпала въ калитку, посмотреть, что будетъ дѣлать жиденокъ: ежели будетъ ре-вѣть, то можно и еще поразнообразить свои удовольствія,—догнать, выворотить корзину и пр. Но Юдко ограничился только единственнымъ жалкимъ вопросомъ:

— Что я вамъ сдѣлалъ?

Въ отвѣтъ онъ увидѣлъ оскаленные зубы враговъ.

— То-олько пикии! пригрозилъ ему барчукъ, помахивая кулакомъ...

Скоро толпа скрылась за калиткой. Такимъ образомъ, Юдко и еще претерпѣлъ, — на этотъ разъ оттого, что вапалъ на господъ шутниковъ. Истомленный побоищами дня, онъ думалъ было гдѣ нибудь заснуть въ тѣни, но кто-то позвалъ его въ окно. Это былъ толстякъ, фигурой своей напоминавшій троянскую лошадь, во внутренности которой помѣстились полчища воиновъ. Толстякъ радъ былъ послѣ обѣда поразвлечься, и при появленіи жиденка сдѣлалъ ему такое предложеніе: или выпить два графина воды и получить двугривенный, или все-таки выпить два графина и получить въ шею. Беззащитная голова Юдки посоветовала ему взять лучше двугривенный, такъ какъ отъ двухъ графиновъ не уйдешь...

Голова кружилась у него, въ ухахъ шумѣло, усталыя ноги подкашивались... Юдко шель, повалился и заснулъ на солнечномъ припекѣ, позабывъ про свои корзины...

И снился Юдкѣ отецъ...

Это былъ типъ еврея, ни минуты неостававшагося безъ дѣла, неугомонно бѣгающаго, хватающагося за всевозможныя средства, которыя могутъ дать хлѣбъ.

Юдкѣ было всего только два года, когда онъ, его отецъ и мать выѣзжали изъ какого-то хутора, откуда начальство выгнало жида, твердо исполняя приказаніе: «въ случаѣ упорства, выкидывать всю жидовскую худобу въ окно на улицу». Выкинутый такимъ образомъ жидъ, успѣвши было здѣсь только расположиться, но еще недостигнувшій возможности быть сытымъ и кормить семью каждый день, перебирался теперь въ недалекій помѣщичій поселокъ, съ единственнымъ желаніемъ какъ нибудь промаячить на бѣломъ свѣтѣ и прокормить семью всѣми средствами, какія только попадутъ подъ руку. Никакимъ трудомъ, никакимъ случаемъ нажить копѣйку онъ пренебрегать не будетъ, потому что случаевъ этихъ немного, такъ какъ на

бѣломъ свѣтѣ есть люди хоть и сытые, а все-таки желающіе нажить деньги и, слѣдовательно, имѣющіе всякую возможность отбить хлѣбъ у человѣка — почти нищаго. Поэтому-то, если попадется ему какая нибудь возможность добывать хлѣбъ, онъ сдѣлаетъ все, что даетъ ему эта возможность; онъ будетъ вытягивать послѣднія жилы, потому что за брюхомъ не водится такихъ качествъ, какъ великодушіе, жертва и проч. Влѣдствіе этихъ неграціозныхъ позывовъ брюха, жидъ становится особнякомъ въ православномъ обществѣ, потому что долженъ эксплуатировать для своей выгоды тоже какую нибудь, хотя и ничтожную, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимую для православныхъ — потребность, отъ которой зависитъ все, которая нестрашна православному до тѣхъ поръ, пока жидъ не разовьется въ виду собственныхъ выгодъ; православный пойметъ, въ чемъ дѣло, когда будетъ уже въ рукахъ своей же прихоти-привычки, и жидъ — его врагъ, грабитель, разбойникъ.

Послѣ двухденной ѣзды, еврейское семейство приблизилось наконецъ къ помѣщичьему поселку; на небѣ собирался дождь, облака бѣжали быстро, вѣтеръ дулъ съ боку, вырывая изъ-подъ копытъ лошади пыль, и бѣлыми колосами гвалтъ ее по темной пашнѣ; вдали прозрачной, темно-желтой тучей поднимался песокъ; въ воздухѣ пахло сыростью, — и все это заставляло Юджина отца торопить лошадь, чтобы загодя послѣтъ почевать въ деревню... Но вѣтеръ, съ силою нагибавшій вѣтви противъ деревенскихъ оконъ, заставлялъ зашпаться народъ въ своихъ избахъ и, пережидая непогоду, жечь страстныя свѣчи и творить молитвы. Поэтому, сколько ни стучался Юджинъ отецъ, прося пустить почевать, никто не рѣшался пустить его, твердо вѣря, что ежели Господь захочетъ замечъ своей огненной стрѣлой чью нибудь крышу, то выберетъ такую, которая приютила общаго врага всего міра — жида. Пришлось на первый разъ почевать въ лѣсу. Перевернувъ телѣгу, Юджинъ отецъ защитилъ ея отъ дождя сына и жену; а самъ, чтобы не проглядѣть лошадей — такъ какъ и въ грозу воровать можно, — ухитрился спать верхомъ, отъ чего ему часто приходилось падать на землю, пробовать лбомъ деревья и яци. — Послѣ такой мученической ночи, утро пришло съ тѣми же заботами: ѣсть, пить... Нужно было достать хоть немного денегъ, чтобы обратиться съ мыслями: какъ ввязаться въ дѣло, да и въ какое еще дѣло. Но достать денегъ не было никакой

возможности: крестьяне твердо знали по своимъ сосѣдямъ, что житье еврея не оставляетъ ихъ въ барышахъ. Они могли пересчитать сотни примѣровъ, когда зажиточный крестьянинъ, у котораго жидъ по прїѣздѣ занималъ цѣлковый на обзаведеніе, — потомъ самъ попадалъ ему въ долги, сидѣлъ изъ-за жиды въ острогѣ и пр. Все это заставляло смотрѣть весьма враждебно на новаго гостя, и положеніе Юдкина отца было бы очень плачевно, если бы помѣщикъ Сливка не узналъ объ его прибытіи. — Господинъ Сливка находился уже въ преклонныхъ лѣтахъ и съ давнихъ поръ нигуда не показывалъ носу, узнавая о томъ, что дѣлается по бѣлу-свѣту, только отъ погонщиковъ, шедшихъ съ обозами по большой дорогѣ за его садомъ. После обѣда выходилъ онъ сюда лежать на травѣ и задавалъ погонщикамъ вопросы: нѣтъ ли гдѣ войны? И ежели есть такая, то кто побѣдилъ? Если побѣдили *наши*, то Сливка съ удовольствіемъ произносилъ: такъ ихъ, подлецовъ, хорошенько! Этимъ ограничивались всѣ свѣдѣнія Сливки относительно отечества и цѣлаго міра. Единственная забота, сокрушавшая Сливку, была: выдать замужъ тридцати восьмилѣтнюю дочь, которая приносила ему каждый годъ большія хлопоты. Каждый годъ приходилось везти ее въ Кіевъ, будто бы на богомолье. Поэтому-то, появленіе жиды, какъ пронырливаго чловѣка, могло выручить по мѣщику въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ непременно будетъ знать не только, гдѣ какая война, кто побѣдилъ и проч. но и всевозможныя, самыя мельчайшія новости въ уѣздѣ и въ губерн. городѣ, а эти новости слаще даже извѣстія, что «наши побѣдили». Во-вторыхъ, жидъ, можетъ быть, поможетъ выпихнуть замужъ барышню, отыскавъ каго-нибудь прапорщика, застрявшаго по уши въ долгахъ въ трактирномъ номерѣ, которому осталась или цюлю въ лобъ закатить, или жениться. Такимъ образомъ, Сливка могъ дѣлать два дѣла, и не показывая при этомъ носу даже на большую дорогу, и сидѣть сиднемъ. Вообще, Сливкѣ стоило большого труда сдвинуться съ мѣста; какъ-то, лѣтъ десять назадъ, онъ пробовалъ было проѣхать по полю, но на дорогѣ огонь выпалъ изъ трубы въ солому, валявшуюся въ толгѣ; Сливка не замѣтилъ, какъ вѣтеръ раздулъ огонь, и скорѣ всю телѣгу, обхватило пламя. Лошади рванули; Сливка свалился на землю, а огненная колесница понеслась черезъ село, огненными языками стараясь лизнуть

соломенные крыши. Народъ кричалъ: «Змѣй! Змѣй!» и опрометью гнался за телѣгой; а Сливка, охая и хромая, пѣшкомъ возвращался домой. Такой неожиданный пассажъ вооружилъ его противъ какой бы то ни было отлучки изъ дому. А жидъ, своими услугами, вполне узаконялъ такое домоѣдство.— Въ этихъ соображеніяхъ, помѣщикъ объявляетъ жиду свое покровительство, даетъ денегъ, сколько нужно для того, чтобы нанять лачугу, и разрѣшаетъ брать въ долгъ вино на своей винокурнѣ. Это неожиданно ставитъ Юдкина отца въ самое благопріятное положеніе, и возможность существованія шинка миритъ его даже со всею мужескою частью поселка.— До появленія жида, крестьяне принуждены были, довольствоваться кабакомъ только по воскресеньямъ: въ этотъ день, весь помѣщичій поселокъ отправлялся къ обѣднѣ въ сосѣднее село, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, существовалъ и кабакъ... Такимъ образомъ, Юдкинъ отецъ понималъ, что на его сторонѣ—все; нужно только орудовать, чтобы усѣться въ поселкѣ попрочнѣе, чтобы рассчитывать на опредѣленную сумму дохода съ него и, по возможности, сдѣлать такъ, чтобы доходъ этотъ не прерывался. Въ пользу Юдкина отца, кромѣ общаго сочувствія, могутъ служить еще два, не менѣе надежныя, орудія, — во-первыхъ, общая крестьянская бѣдность, постоянная нужда въ деньгахъ, появляющихся только въ известную пору года, и лѣнь, тоже общая всемъ крестьянамъ. Пользуясь этими условіями, Юдкинъ отецъ началъ съ того, что отпускалъ вино въ долгъ, такъ какъ и самъ бралъ его. Такое самоотверженіе жида изумляетъ крестьянъ, и тутъ же заставляетъ дать себѣ честное слово расбитаться съ нимъ честь-честью, при первыхъ деньгахъ. Юдкинъ отецъ, между тѣмъ, употребляетъ въ дѣло другое средство поддержать въ народѣ это невольное чувство благодарности и, давая вино, не рѣшается даже самъ записывать крючки и кварталы. Для этого, въ темномъ углу избы, виситъ на веревкѣ кусокъ мѣлу; пьющій загребаешь его въ руки и, какъ только въ его желудокъ попадаетъ известная порція, проводитъ мѣломъ по стѣнѣ палку: одинъ крючокъ, еще одинъ и т. д. Пить идетъ, конечно, весь поселокъ, и поэтому въ непродолжительномъ времени также весь поселокъ и въ долгу у жида. Первые деньги и первая расплата—съ жидомъ: не отдать жиду—совѣсть замучаетъ. Расплатившись, всякій выпьетъ

на радостяхъ, что и расплатиться ему пришлось; а продать въ городѣ хорошо, — выхлестъ онъ уже вдвое больше, нежели въ обыкновенное время, и такимъ образомъ уйдетъ все-таки съ долгомъ на шею. Мало по малу мужицкое брюхо незамѣтно привыкаетъ къ ежедневнымъ порціямъ; мужицкія ноги особенно прытко ходятъ къ иудейскому шинку, — а долгъ ро-стетъ и растетъ. Юдинъ отецъ, вполнѣ увѣренный и несо-мнѣвающейся, что вино его даромъ не пропадетъ, что нью-щій непременно расквитается съ нимъ, старается извлечь выгоду и изъ этого положенія мужика. Отпуская въ долгъ водку онъ рѣшается дать долгъ, только съ условіемъ, вмѣсто, напр., двухъ рублей, на которые забралъ мужикъ, отдать два съ четвер-такомъ. Брюхо немедленно дѣлаетъ распоряженіе согласи-ся на это условіе жида. Скоро два рубля вырастаютъ въ че-тыре, и процентовъ за ожиданіе берется уже полтинникъ. Теперь жидъ уже и воръ, и подлецъ, и грабитель. А онъ радъ, счастливъ, благодаритъ Бога за такое житье, потому что эти люди, которые плачутся отъ него, сами отодвинули его отъ себя и заставили смотрѣть на себя исключительно въ интересахъ ассимиляціи.

Другое орудіе, которымъ начинаетъ пользоваться жидъ, закрѣпостивъ въ свои руки животы цѣлой деревушки, — это общая лѣнь. Пользуется Юдинъ отецъ этимъ народ-нымъ качествомъ такъ: вѣзетъ мужикъ въ городъ продавать теленка; жидъ сейчасъ является съ предложеніемъ: вмѣсто того, чтобъ ѣздить такую даль, да притомъ въ городъ, гдѣ ничего хитраго нѣтъ и въ острогъ невзначай влетѣть, да приплатить изъ своего кармана разные штрафы, которые на-чальство ухитрится выдумать, — вмѣсто всѣхъ этихъ неудобствъ, не лучше ли уступить ему? половину денегъ онъ отдастъ въ руки, а половина пойдетъ въ счетъ долга. Лѣнь и брюхо бе-зусловно соглашаются, и теленокъ остается въ рукахъ жида. Нужно обмыслить продажу, и вотъ идутъ къ нему же въ шинокъ, и долгъ мужика снова такой же, какъ былъ до продажи теленка, только теленокъ пропалъ за полицѣны. Такимъ образомъ, нуры, жида, масло и пр., и пр., все это остается въ ру-кахъ жида; яетка яицъ и полфунта масла въ городъ ни-кто не понесетъ, а жидъ купитъ за полицѣны. Всѣ эти про-дукты въ непродолжительномъ времени сбываются въ городъ

по выгоднымъ цѣнамъ, и ужь конечно безъ уступокъ. — Все-таки и здѣсь Юдкинъ отецъ увидалъ возможность сдѣлать новый оборотъ: платя хоть и полцѣны, онъ доставлялъ возможность крестьянамъ имѣть подь рукою деньги, что давало имъ возможность брать водку на деньги же и должать меньше. Если бы Юдкинъ отецъ получалъ большой барышъ на винѣ, тогда платежъ на чистыя деньги былъ бы выгоденъ; но такъ какъ этого не было, то жидъ долженъ былъ прибѣгать къ хитрости: только впоследствии времени узнали, что мѣлъ, которымъ мужикъ записывалъ свой долгъ въ видѣ палки, былъ такъ устроенъ, что самъ собою выводилъ непременно двѣ палки, потому что былъ заостренъ въ двухъ мѣстахъ. Такая мѣра припята была Юдкинымъ отцомъ на случай разныхъ неудачъ; въ прошломъ было у него много бѣдъ, почемъ знать, что не будетъ ихъ и въ будущемъ? И только вотъ эта-то мѣра постоянно держала мужиковъ въ долгу по вину; поэтому, если бы за крючки платились чистыя деньги, то не могло бы вырасти такимъ чудеснымъ образомъ двойное количество крючковъ и квартъ, за которые мужикъ платилъ безпрекословно, такъ какъ жидъ, на изумленіе его, приводилъ доводъ: «самъ писалъ!» Мужикъ изумлялся, недоумѣвалъ и платилъ... Слѣдовательно, въ виду собственныхъ же выгодъ, пужно было обезсилить мужицкій карманъ. Для этого Юдкинъ отецъ, принимая за половинную цѣну курицу, масло и проч., предлагалъ, вмѣсто денегъ—соль, рыбу, которыя крестьянину тоже всегда были нужны.. И соль, и рыбу онъ не отдавалъ тоже безъ барыша. И выходитъ, что все, что только имѣлъ народъ, все это перешло въ руки Юдкина отца, и если что и осталось еще, — тоже несомѣнно попадетъ въ тѣ же руки. Съ тоской и сердцемъ залѣзая въ долги, крестьяне надѣялись выпутаться изъ нихъ, во-первыхъ, при помощи божьей, а во-вторыхъ, — «авось какънибудь... Можетъ быть, сдѣлаютъ, что не будутъ такъ мучить обывательскихъ лошадей подь разные проѣзды, тогда кони будутъ свободны и можно въ большой бѣдѣ отправиться въ городъ и возить кирпичя»... Проѣзжалъ какой-то баринъ, поклонились ему, — сказалъ «подумаю», да вотъ все что-то извѣстія не даетъ... А Юдкинъ отецъ, не задумываясь, дѣлалъ свое дѣло, потому что по прежнему мужицкія лошади были въ работѣ, по прежнему одолѣ-

вала мужика нужда, теперь вдвое усилившаяся, вследствие чего мужикъ тоже пилъ вдвое, потому что пилъ уже съ горя.

Вслѣдствіе такого рода дѣлъ, оказалось, что жидъ, вѣзжавшій въ деревню съ одними собственными питанами да неринной, — теперь живетъ паномъ, и въ сущности-то голова всей деревни. — Рохля, Юдгина мать, пять лѣтъ тому назадъ, въ этой же деревнѣ, ходившая въ такихъ ника-да негодныхъ, заброшенныхъ тряпкахъ, отличавшихся такою невыразимою ветошью и грязью, которую можетъ переносить только еврейское племя, — теперь уже носила на шеѣ цѣлое ожерелье имперьяловъ, ходила въ шелковыхъ платьяхъ, въ наколкахъ и шелковыхъ мантильяхъ, которыя не снимала даже и тогда, когда ей приходилось чистить рыбу или стирать бѣлье. Юдгинъ отецъ тоже щеголялъ въ бакомъ-то черномъ, глящовитомъ сюртугѣ до пятокъ и бархатной ермолѣй на затылкѣ. — По такой системѣ дѣла Юдгина отца шли цѣлые пять лѣтъ. Но не вѣкъ же быть счастью. Женихъ, подысканный имъ для юсподской барышни, оказалъ въ первый же визитъ такіе грабительственныя и буйственныя наклонности, что помѣщикъ, какъ не радъ былъ спихнуть съ рукъ дочь, принужденъ былъ выгнать его вопъ. Уѣзжая, прокутившійся юнкеръ-женихъ обѣщалъ подпустить *краснаго пьтуха*. Разсерженный и обезпвоенный Сливка пожелалъ отомстить жиду за такого жениха, припомнилъ жалобы на него крестьянъ, про которыя онъ совсѣмъ забылъ, и, не выходя изъ комнаты, рѣшился прибѣгнуть къ закону и вытурить жиду. Законъ, долго не думая, вытурилъ его. Юдгинъ отецъ съ семьей тронулся опять въ путь, и такъ какъ ближе всего былъ г. N, то онъ и поѣхалъ сюда искать счастья. Но въ г. N и безъ того было много бѣдныхъ евреевъ; крайняя бѣдность евреевъ и не особенно-роскошное житье православнаго населенія южно-русскаго г. N объясняются тѣмъ, что всѣ причины, которыя дали возможность осповаться этому городу и богатѣть когда-то, — теперь давнымъ-давно отжили свой вѣкъ. Отъ древней исторіи города уцѣлѣла одна безобразная колокольня, да случайно вырытая на городскомъ валу пушка. Пробовали было слегка возгордиться своими старинными трофеями, и съ этою цѣлью старались увѣрить себя, что и пушка, и колокольня — вещи драгоцѣнныя, что въ другихъ земляхъ около такихъ драгоцѣнностей стоятъ часовне съ

ружьями и никого близко не подпускаютъ. Съ этою дѣлю поручили учителю исторію разузнать, ~~какъ~~ сдѣланы на пупкѣ необъяснимыя нарѣзки. Учитель сказалъ: ~~модемъ~~. Поручили ему осмотрѣть колокольню, но колокольня обрушилась и задавила его. Тѣмъ напуская любовь къ старинѣ и кончилась. О событіяхъ послѣднихъ годовъ, даже въ русскихъ географіяхъ, весьма явственно доказывающихъ, что у насъ не только ступить, но и плюнуть нельзя безъ того, чтобы не попасть на «особенно-замѣчательное мѣсто», — даже, говорю, въ такихъ географіяхъ, при описаніи г. N, сказано только: «также особенно-замѣчательнъ своимъ пожаромъ, бывшемъ въ 18... году, и истребившимъ городъ до тла». Городу N теперь остается только провалиться, чтобъ вспомнили объ немъ. Титулъ губернскаго города силою тянетъ къ нему провинціи и силою заставляеть жить здѣсь народъ; ибо существуютъ здѣсь палаты и присутствія, существуютъ и чиновники, начинающіе эти палаты. У чиновниковъ, въ свою очередь, существуютъ жены и дѣти: всѣмъ нужно пить, ѣсть, одѣваться, нужны зеленые воротники для фраковъ, нужны кренелины и шлейфы, ибо существуютъ гарнизонныя и иные офицеры, которые должны при случаѣ обрывать эти шлейфы и такимъ образомъ найдти возможность сказать: «пardon!» За удовлетвореніе этимъ потребностямъ казеннаго общества взялись, во-первыхъ, купцы, и то очень немногіе, пріѣхавшіе изъ великорусскихъ губерній; во-вторыхъ, — евреи. Купцы были съ капиталами, и потому сразу захватили самую выгодную часть торговли, причемъ все-таки не было возможности заняться какою нибудь спеціальностью: торгуя чаемъ, нужно было имѣть въ запасѣ и гвозди, и орѣхы. Евреямъ же пришлось перебиваться крупяцами, непопавшими въ кругъ дѣятельности капитальныхъ торговцовъ. На долю ихъ выпало содержать шинки, пить сапоги, сюртуки и платья; но такъ какъ евреевъ явилось, какъ и всегда, вдвое или трое больше того, нежели сколько ихъ было нужно, то понятно, что весь ничтожный заработокъ, дѣлившійся на многочисленныхъ членовъ еврейской семьи, давалъ возможность только еле-еле просуществовать, и при этомъ все-таки не ограничиваться исключительно шитьемъ сапоговъ или сюртуковъ, а не пренебрегать никакъ возможностью зацѣпить денѣгу на сторонѣ.

Городъ былъ запущенъ; городское управленіе псало средствъ улучшить свои суммы, хоть бы для того только, чтобы зажечь ночью два-три фонаря и такимъ образомъ сберечь носы и збы гражданъ; вслѣдствіе чего городская земля — единственное средство, которымъ могъ располагать пока городъ, — продавалась по цѣнѣ, недоступной для бѣднаго класса, и изъ евреевъ только та часть селилась въ городѣ, которая могла одолѣть или усиленную ведерную водочную торговлю, или вполне организованное мастерство; остальная, покупая съобща городское мѣсто, у подножія стариннаго вала, селилась здѣсь, отгораживая себѣ лоскутокъ землицы, на которой можно было бы поставить хатку въ два огна и хоть подобіе сарая или коровника. Такимъ образомъ, устроилась подгородная слободка Лѣсковица. Населяли ее тѣ же нищіе, только непротягивавшіе руки за даровой милостыней. Каждый копѣйка, откуда бы ни приходила въ ихъ руки, доставалась имъ трудомъ, каковъ бы этотъ трудъ ни былъ.

На даровое житье рѣшалась только та часть этихъ бѣняковъ, у которыхъ ноги отказались ходить, глаза видѣть и руки работать. И такіе безпомощные люди все-таки не были нищими побирושками; само еврейское общество не допускало ихъ до этого. Помощь бѣднягамъ стояла въ ряду нравственныхъ обязанностей еврея; вся Лѣсковица дѣлилась на кварталы, которые обязывались доставлять необходимое извѣстному количеству нищихъ. Кто могъ, несъ деньги, другой жертвовалъ хлѣбомъ, приносилъ въ пятницу свѣчи, рыбу и проч., и проч. Вслѣдствіе этого, побирושекъ-евреевъ встрѣтить рѣшительно невозможно. Юдкинъ отецъ хоть и поживился на счетъ цѣлой деревни, но все таки не считалъ себя на столько состоятельнымъ, чтобы поселиться въ городѣ; за то въ Лѣсковицѣ онъ сразу осилилъ шинокъ. Эта форма промышленности — самая удобная для еврея; шинокъ не требуетъ постояннаго присутствія самого Юкина отца: налить водку и получить деньги можетъ и Юдко, которому теперь уже девятый годъ; а случится буйство, стоитъ закричать среди улицы карауль, — добрые люди сбѣгутся, заступятся. А между тѣмъ, такъ какъ пьетъ всякій, а тѣмъ болѣе бѣднякъ, населяющій Лѣсковицу, то слѣдовательно, доходъ будетъ идти непрерывно, и такимъ образомъ, не пужаясь въ дневномъ пропитаніи, можно обдѣлывать дѣла

и на сторонѣ. И Юдкинъ отецъ искалъ и бѣгалъ за таинными дѣлами. Этого требовала оригинально-сложившаяся жизнь еврея и особенный складъ городского быта, недоуспевающей заниматься исключительно одной работой. Поэтому, Юдкинъ отецъ брался за все: цѣлые дни онъ бѣгалъ по городу и возвращался разъ двадцать домой, и опять бѣжалъ. Въ городъ пришла почтовая карета, — пассажиръ изъ окна спрашиваетъ: вельзя ли достать сахаръ?—Юдкинъ отецъ бѣжитъ въ лавку, достаетъ сахаръ и тутъ же съ барина наживаетъ вдвое. Прощаясь съ баринномъ, онъ идетъ съ боку ѣдущей кареты:—«берегись, задавлю!» кричитъ кучеръ. Юдкинъ отецъ, не успѣлъ посторониться; пристяжная толкнула его колѣномъ, и жидъ покотился на землю; и въ то время, когда надъ его головой висѣло лошадиное копыто, во всемъ организмѣ жиды, вмѣстѣ съ безмѣрнымъ ужасомъ, гнѣздилась мысль воспользоваться этимъ случаемъ для своихъ выгодъ. Лошади стали, произошло общее замѣшательство, а жидъ уже кричалъ на всю улицу и собиралъ народъ. «Людей давить? Людей давить? кричалъ онъ; тащите его въ полицію!» Кучеръ хлесталъ по лошадамъ, а стая евреевъ, облѣпивъ лошадиныя морды, поворачивали ихъ назадъ. Толпа росла. Нетерпѣливый баринъ сунулъ обиженному бумажку, и карета покатила. Ничаго подобнаго случая къ наживѣ Юдкинъ отецъ не пропускалъ. Кромѣ всякаго рода услугъ, онъ въ нѣкоторыхъ домахъ прослылъ, какъ коноваль: лечилъ коровъ, лошадей, изобрѣталъ особенныя болѣзни, въ родѣ *гадю и на языкъ*, и самъ только онъ могъ скалывать шиломъ эту гадюку. Операція эта поражала, главнымъ образомъ, своею загадливостью и обширными приготовлениями: корову связывали и валяли на землю, для чего сходились толпы народа, на подмогу; жидъ говорилъ какія-то слова, причемъ спрашивалъ: «не гудить ли гдѣ?» И въ эту пору, какъ нарочно, всѣмъ казалось, что въ верхинѣ, въ воздухѣ что-то ржетъ невидимо, и т. д. Подобными средствами росла популярность Юдкина отца. Даже Рохля прослыла лѣбаркою и имѣла особенный успѣхъ у женщинъ. Женщина отъ чего лечится? или отъ *сердца* — когда любить, — или отъ *жизнота*, когда тяжелое подняла. Большинство женщинъ страдаетъ и тѣмъ, и другимъ. Рохля даетъ какія-то травы, и говорятъ, что трава помогаетъ.

Такъ устроивалъ отецъ Юдинъ свое счастье; послѣ столькихъ лѣтъ неутомимой суетни, онъ наконецъ почти добился этого счастья: по субботамъ Рохля, въ цѣлныя наряды и полинялыя дорожныя кружева, оставшияся невыкупленными въ закладѣ, медленнымъ шагомъ прогуливалась въ обществѣ зажиточныхъ евреевъ по бульвару; Юдко тоже былъ молодцомъ; отецъ его гулялъ уже съ такими евреями, которые начинали разживаться въ самомъ городѣ, — да и самъ онъ въ эту пору тоже не отставалъ отъ нихъ.

Но среди такого тихаго пристанища, неожиданно и тихонько подбралась бѣда. Спокойно спалъ Юдко на маленькомъ сѣновалѣ; только все ему казалось, что кто-то фортокой (калитка) хлопаетъ, и собака рвется къ воротамъ. Юдко открылъ глаза и обмеръ: во всѣ щели драпяной крыши смотрѣло красное, какъ кровь, небо: «пожаръ!» Собака лаяла — заливалась. Юдку колотила дрожь. На улицѣ по тротуарамъ, слеза голосу, бѣжалъ народъ, слышались вопросы: «Гдѣ? Это за церковью!» — «Ахъ ты заступница!» Юдинъ отецъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и присутвіемъ духа не могъ похвалиться передъ сыномъ... А народъ просыпался и валилъ на пожаръ. Черные клубы дыма подсаживали другъ друга къ верху, и порой прорѣзывались снизу огненными языками. Въ церквяхъ звонили въ колокола: три ровныхъ и торопливыхъ удара въ колоколь слышались съ одной колокольни, вслѣдъ затѣмъ тоже три, совершенно другого тона, — съ другой, или въ одно время сразу съ двухъ. Этотъ тревожный звонъ особенно какъ-то трогаеъ нервы и заставляетъ бѣжать помогать, спасать... Гдѣ вѣковѣчная апатія города? Ее и слѣда нѣтъ... Этотъ соня, который цѣлые дни не знаетъ, куда дѣться отъ тоски и безсилія, съ растегнутымъ воротомъ таскаетъ руками обгорѣлыя доски, пропоролъ подошву гвоздемъ и не чувствуетъ боли въ жару хлопотъ. Впрочемъ большинство только смотритъ. — «Какъ, братцы мои, забираеъ!» слышится среди толпы зрителей. Пожарная команда, или легчайшій способъ довести пожаръ до громадныхъ размѣровъ, исправно совершала свое дѣло, такъ что черезъ полчаса половина городскихъ деревянныхъ домишекъ горѣла, какъ свѣчка. Въ Лѣсовицу изъ города доносились неясные вопли. Юдко, отецъ и мать тряслись у воротъ, рыдали и молили у Бога милости... Но милости

Богъ имъ не послалъ. Огонь и пожарная команда были за одно, и поэтому пожаръ возросталъ съ каждой минутой, приближаясь къ валу. По небу летѣли головешки, тонкими поднявшимся предразсвѣтнымъ вѣтромъ, и, падая на гнилыя хибары Лѣсковицы, зажигали ихъ со всѣхъ концовъ. Этому помогъ пожаръ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Вѣтромъ вырвало изъ архива загорѣвшееся дѣло «о поджигателяхъ», и когда это дѣло унало въ средину Лѣсковицы, то не было уже никакой возможности остановить пожаръ. Листья дѣла, отрываемые вѣтромъ, порхали по солому крышъ и поджигали ихъ... Вопли, стоны жались далеко къ небу... Огонь въ минуту съѣдалъ то, что было нажито годами труда, скорби, нужды... Спасая худобу, Юджинъ отецъ оттаскивалъ свои перины и сундуки только къ дому сосѣда: не сгорѣлъ и этотъ домъ, а съ нимъ и все добро еврея. Къ утру все было кончено. По городу ходили толпы нищихъ. Жители, непогорѣвшіе и погорѣвшіе, толпились на пожарѣ; на этотъ разъ не скучали первые, потому что имѣли значительную тему для разговоровъ... Пожарная команда къ утру сообразила, какъ бы надо было ей дѣйствовать.

Юджинъ отецъ взялъ съ собою сына и привелъ къ анаемому чиновнику; тотъ пилъ чай.

— Ну, прощайте, баринъ,—говорилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Куда ты?..

— Пойду! въ Одессу пойду или въ Крымъ!

— Что же это? Какъ же это ты такъ? бормоталъ чиновникъ, удивляясь, что при такомъ, по истинѣ горестномъ, происшествіи у него нѣтъ и гнѣни искренняго состраданія.—Мѣсто незнакомое.. Опять народъ.. Что тамъ будешь дѣлать?

— Богъ скажетъ..

Жидъ обтеръ потъ съ лица, на которомъ осталась несмытая, коноть.

— Гм!.. Оно такъ-то, такъ.. Да вѣдь все же.. Все сгорѣло?..

— Чисто все..

Жидъ поднялъ съ полу соринку, поднесъ ее къ чиновнику и сказалъ:

— Вотъ этакого не осталось.

Но зди раздувались у него, глаза хотѣли плакать, но онъ былъ твердъ..

— А сынишку-то съ собой?

— Нѣтъ..

— О! Что-жъ такъ?..

— У родни оствалю.. пусть свой ѣсть хлѣбъ... Со мной онъ, пожалуй, еще помретъ..

— Гм!.

— Ну, прощайте..

— Выпей хоть рюмочку—все веселѣй.

— Дайте.. Теперь водки выпью..

Чинovníкъ поднесъ ему рюмку водки и далъ кусокъ сахару на закуску. Отецъ отдалъ сахаръ Юдѣ..

— Марья! сказала чинovníкъ: — пощи-ба тамъ подъ кроватью сапоги были.. все годится, чай..

Жидъ взялъ сапоги съ истоптанными каблукáми, поблагодарилъ, аккуратно сложилъ ихъ и, положивъ подъ мышку, сказалъ:

— Ну, теперь прощайте совѣмъ..

А самъ готовъ былъ разрыдаться..

— Что дѣлать!.. Видно такъ ужъ и быть.. Счастливо... Даи Богъ въ добрый часъ... авось Богъ...

— Пойдемъ!

Жидъ еще разъ взглянулъ на чинovníка, хотѣлъ что-то сказать, но горло было словно стиснуто, и одна горячая слеза вырвалась и покатилаь по щекѣ..

— А то остался бы.. а? крикнулъ чинovníкъ.

Голова жидá мелькнула въ окнѣ; онъ не слыхалъ и быстро пошелъ по тротуару.

— Ну, какъ хочешь!—Жена, вымой-ба рюмку хорошенько.. Захочу выпить, такъ послѣ жидá-то неловко..

Въ этотъ день всѣ погорѣвшіе ночевали за городомъ, между спасенными сундуками, узлами и проч; на небѣ были тучи.; дулъ вѣтеръ и, поднимая въ разныхъ мѣстахъ волю, ярче показывалъ тлѣвшіи уголья... Въ эту ночь никто не спалъ.. Мертвая тишь царила надъ убитымъ народомъ,—только по временамъ слышались рыданья... Чуть забрежжило утро, отецъ Юдѣинъ вскочилъ на ноги и поднялъ жену.

— Пойдемъ.. пора!. говорилъ онъ очень скоро и торопиль

жену. Пока не жарко. . Прощай Юдко!.. Трудись.. Скоро придем..
Пойдемъ.. Пойдемъ..

И отецъ почти силою увелъ мать..

Юдко съ рыданьями бросился было догонять, но они были далеко...

Въ этотъ же день Юдко поступилъ къ хозяину продавать апельсины. Мъсковща но-какъ начала изъ обгорѣлыхъ досокъ сколачивать свои домишки, и черезъ нѣсколько времени приняла презабный видъ..

...Открывъ глаза, Юдко увидалъ, что былъ уже поздній вечеръ. Небо свѣтлое; невыразимая свѣжесть и прелесть въ воздухѣ; однако они не произвели на Юдку никакого впечатлѣнiя, потому что вспомнился ему хозяинъ и непроданные апельсины. Онъ тотчасъ же вскочилъ и въ короткое время обѣжалъ двѣ-три, улицы. Никто не позвалъ его. Съ горестью и болзнью шелъ онъ по валу, размышляя, что и какъ отвѣтить хозяину... Вдругъ онъ услышалъ музыку, доносившуюся съ рѣки. «Господа гуляютъ, стало бытъ, можетъ и купить», сообразилъ Юдко спустился съ вала и побѣжалъ вдоль берега. — Посреди рѣки двигались двѣ лодки, нагруженные дамами, кавалерами и музыкантами. Музыканты размѣстились и въ той, и въ другой лодкѣ, отъ чего происходило то, что иногда первая фигура кадрили раздѣжалась на двѣ половины, и чтобы вышла гармошя, гребцы работали веслами, и первая половина музыки сходилась со второй; потомъ опять отставала на два такта. «Что вы, черти!» кричали имъ и т. д. Лодки наконецъ пристали къ берегу; публика размѣстилась на лугу, запылалъ костеръ, завязались горѣлки, хоть, смѣхъ и пр.

Юдко стоялъ на противоположномъ берегу и звалъ лодочника, посуливъ ему грошъ. Лодочникъ перевезъ; на этотъ разъ по-счастливилось Юдкѣ: господа купили у него два десятка апельсиновъ, и пока не подгуляли, не обращали на него вниманiя. Юдко спрятался въ кустъ и выходилъ съ своимъ товаромъ, когда было нужно. Публика долго гуляла здѣсь и отиравилась восвояси поздно.. Юдко кой-какъ ухитрился тоже прицѣпиться на носу лодки.

Мѣсяць смотрѣлъ, во всѣ глаза..

— Боже! какъ хорошо, восклицала дѣвица..

Кавалеръ только вздыхалъ, напхивая воздухъ винными парами...

— Отчего нѣтъ бури! томо сказала дама среднихъ лѣтъ.

— Это зачѣмъ?

— Тамъ больше чувства... волненіе... Я люблю бурю..

— Но что можетъ быть очаровательнѣе свѣтлой ночи?

— Да! подтвердилъ кто-то.. Тутъ какъ-бѣдто миряшься съ жизнью, забываешь враговъ...

Молодой человѣкъ подыжалъ лицо къверху, закрылъ глаза и все вялѣе, и вялѣе тянулъ свой панегирикъ ночи...—Тутъ все такъ чисто.. прекрасно... благгорро... (монологъ мгновенно обрывается).—А гдѣ Жидъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ лодочникъ.

— А-га-га.. голубчикъ! радостно произносить восторженный юноша, вскакивая съ мѣста.—Выходи-ка сюда!.. Анна Николаевна! хотите, я для васъ окуну его въ рѣку?

— Ахъ, зачѣмъ?..

— Вы думаете не окуну?

— Вовсе не думаю... Но зачѣмъ?

Молодой человѣкъ уже былъ около Юдки;

— Гдѣ ты тутъ?. Вылѣзай-ка!.. Ахъ ты, бикимора..

Это было сказано въ шутку, и поэтому компанія засмѣялась.. Въ ту же минуту раздался крикъ Юдки, и юноша тыкалъ уже его голову въ воду, отъ чего лодку начало пагубать на божь.

Дамы взвизгнули..

— Видите? сказалъ юноша, копчивъ операцию... Могу?

— Я не думала, что вы такой шалунъ!. произносить дама среднихъ лѣтъ.

— Что я вамъ сдѣлалъ? недоумѣвая, спрашивалъ Юдко.

— Только пикни!

Въ глубокую полночь возвратился Юдко домой и, размышляя о сегодняшнемъ днѣ, никакъ не могъ разрѣшить себѣ этого вопроса: «что онъ имъ сдѣлалъ такое? Выходилъ онъ изъ дому съ самымъ безобиднымъ для всѣхъ намѣреніемъ заработать себѣ хлѣбъ; ему давали этотъ хлѣбъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бесплатно прогуливались на счетъ всего Юдкина тѣла. Виноватъ ли онъ, что однимъ было скучно, ѣла Гихъ свиного»

вая тоска, а его Ыла нужда, заставляя надоѣдать, усиливать еще болѣе чужую скуку постояннымъ конючаньемъ подъ окнами? Винавать-ли онъ, что другимъ хотѣлось шутить, третьимъ—рвать на комъ нибудь обозлившееся сердце? Почему же именно только на немъ да на всякомъ жидѣ, который не можетъ сдачи дать,—срываютъ зло и упражняются въ разныхъ шуткахъ?..

А обыватель, между тѣмъ, рѣшаетъ эти вопросы такъ:

— Ежели жиды не бить, такъ кого-жъ и бить-то?..

Свѣтитъ ярко мѣсяцъ, и мертвымъ сномъ спитъ измаявшийся жидокъ.

Завтра опять тоже...

Глава Успокоеніѣ.

19 марта, 1865 г.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

Гейне.

1.

Если ты имѣешь много,
Такъ тебѣ еще дадутъ,
Если мало, — такъ и это
Очень малое возьмутъ.

—

Если-жъ нищій ты, — въ могилу
Полѣзай и жизнь забудь: —
Жить лишь тотъ имѣеть право,
Кто имѣеть что нбудь.

2.

Богачамъ лишь плоской лестью,
Другъ мой, можно угодить,
Деньги плоски, оттого-то
Имъ и плоско надо льстить.

—

Предъ тельцами золотыми
Ползай ревностно въ пыли,
Въ лужахъ мерзостныхъ, — но только
Въ половину не хвали.

—

Нынче хлѣбъ ужасно дорогъ, —
Что-жъ! Ты громко воспѣвай
Псовъ любимыхъ мецената —
И желудокъ набивай!

И. Вейнбергъ.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА ПОГОСТЪ.

У.

Трепетовъ, въ первые дни чувствовалъ себя отлично. Онъ испытывалъ то сладкое ощущеніе вѣшной, мышечной свободы, какое испытываетъ арестантъ, окончившій срокъ своего тюремнаго заключенія, или солдатъ, воротившійся на родину и неуспѣвшій еще втиснуться въ предѣлы казарменной жизни. Отсутствие всякой формы и дисциплины, жизнь не по командѣ, отсутствие начальническихъ эвизіомій и насильственной педагогической одежи, — все это на первыхъ же порахъ сказалось Трепетову и доставляло ему истиннѣе наслажденіе. Онъ отдыхалъ, какъ отдыхаетъ ребенокъ, когда съ него снимутъ тѣсныя пеленки, и онъ сладко потягивается и нѣжить утомленные члены свои. Кругомъ лица пріятельныя, на которыхъ Трепетовъ съ малолѣтства привыкъ смотрѣть съ любовью; отецъ и мать наперерывъ стараются угодить ему и предупреждаютъ его малѣйшія желанія; самая обстановка погоста дѣлаетъ для него обаятельную предѣсть, потому что ежеминутно напоминаетъ ему о счастья протекшаго дѣтства и томъ привольи, о которомъ, бывало, онъ такъ часто вспоминалъ въ семинаріи.

Мало что измѣнилось на погостѣ съ тѣхъ поръ, какъ Трепетовъ оставилъ его, точно погостъ прожилъ не три года, а какія нибудь

три недѣли; только старый пономарь, Иванъ Слычъ, отъ постоянного пьянства обрюзгъ и покраснѣлъ болѣе прежняго; у отца Никиты шире лысина стала, да на кладбищѣ прибавилось нѣсколько новыхъ крестовъ. Этотъ отецъ Никита въ томъ же положеніи сидитъ по вечерамъ на крыльцѣ своего дома и остритъ надъ прохожими, потѣшая самъ себя. Слезливая просвирия, Степанида Петровна, по прежнему сокрушается, что рѣдко видитъ во снѣ своего покойнаго мужа, и что поэтому ей ни въ чемъ удачи нѣтъ. Захарычъ по прежнему подобострастно улыбается при видѣ Трепетова и каждый разъ старается напомнить ему, какъ они, бывало, вмѣстѣ незрѣлую рябину ѣли, какъ воробья за чужа приняли, какъ тухлыхъ яицъ наславились и тому подобныя достопамятности дѣтства. Онъ уже завелъ крѣпкую дружбу съ пономарскимъ сынишкой и ему теперь повѣряетъ свои философскія воззрѣнія, какъ, бывало, повѣрялъ ихъ Трепетову. Женатый дьячокъ, Филимоновъ, все еще наигрываетъ на гитарѣ «помощникъ и покровитель», по нѣскольку разъ въ день расчесываетъ свою длинную бороду и все также искренно удивляется, что время очень скоро идетъ: «давно ли, кажется, женился, а ужъ лѣтъ пятнадцать, поднялось, прошло», или: «давно ли всѣ маленькими были да въ рубашонкахъ бѣгали, а теперь, гляди, какіе стали» и проч.

— Экая борода-то у тебя, Филимонычъ, знатная; точно у Онуѣрія великаго, — говорилъ ему смѣясь Трепетовъ.

— Борода-то велика, да вотъ ума мало, — съ прискорбіемъ отвѣчалъ ему дьячокъ.

— А зачѣмъ тебѣ умъ-то, Филимонычъ? Въдъ и безъ него жить можно?

— Такъ-то такъ, а все-таки не мѣшаетъ... Ума бы надо.

И это наивное желаніе онъ по прежнему откровенно высказываетъ каждому, кто только обращаетъ вниманіе на его длинную бороду.

Въ жизни стариковъ Трепетовыхъ тоже не произошло никакой перемѣны. Отецъ также цѣлые дни хлопочетъ около ульевъ, какъ хлопоталъ и десять лѣтъ тому назадъ, и также молчаливъ и серьезенъ, и все еще труситъ чего-то. Мать вѣчно озабочена то хлѣбамъ, то огородамъ, то коровами, дохнуть ей нѣкогда; по прежнему она постоянно потѣетъ и воетъ съ мухами и комарами, которыхъ каждый годъ бываетъ у нихъ «страсть сколько!» Всѣ атрибуты

домашняго хозяйства сохранили до сихъ поръ тотъ же домовитый, степенный видъ, слишкомъ знакомый Николаю Васичьичу: кажется, и пятнышка-то новаго на нихъ не прибавилось за это время; кажется, и тараканы-то тѣ же самые по столамъ и стѣнамъ бѣгаютъ, которые бѣгали три года тому назадъ, и мать по прежнему сохраняетъ къ нимъ суевѣрное уваженіе, какъ предвѣстникамъ близкаго счастья. — «Эка благодать какая!» думалъ Трепетовъ, наслаждаясь созерцаніемъ этого приволья. — «Здѣсь даже и время-то вовсе не существуетъ, и оно какъ-будто щадитъ этотъ уголокъ. Шутка сказать: *три года*; сколько новаго успѣлъ я узнать и испытать за это время, а тутъ хоть бы что измѣнилось. Развѣ только вотъ ребята здѣшніе подросли немного и начинаютъ толковать объ училищной жизни, о чемъ прежде не толковали».

Замѣтилъ впрочемъ Трепетовъ на погостѣ одно *новое* лицо, котораго онъ прежде здѣсь не видалъ. Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, невысокаго роста, довольно красивая, съ озабоченнымъ даже пѣскольно печальнымъ выраженьемъ на лицѣ. Она съ утра до вечера была въ хлопотахъ и бѣгала по погосту съ разными корзинами, лоханями и тряпками.

— Кто она такая? спросилъ Трепетовъ у родителей.

— А это Таня, двоюродная племянница отца Никиты, — отвѣтилъ ему отецъ. — Жила она прежде въ городѣ у отца у вдоваго, а потомъ позпрошлую зиму отецъ у ней померъ, и осталась она горькой сиротой, безъ куска хлѣба. Вотъ отецъ Никита и взялъ ее къ себѣ на даровые хлѣбы; доброе дѣло сдѣлалъ.

— Сперва, вишь, барышней жила, — прибавила мать: — работы никакой съ роду не видала; плачеть бывало, а пичего въ руки взять не умѣеть. Ну, теперь попривыкла — работаетъ. Дурочка она какая-то убогонькая, все молчить, слова отъ нея съ трудомъ добьешься. Никита Петровичъ иной разъ сгоряча даже и поколотить ее маленько, а она ничего, точно и не ее бьютъ. Странная какая-то.

— Крутенекъ съ ней дядя-то, надо правду сказать.

— А что ей въ зубы-то глядѣть! не дочь родная... Спасибо, что пріютилъ добрый человекъ нашелся, а то хоть по міру иди.

— Это конечно, что говорить; Никита Петровичъ доброе дѣло сдѣлалъ, — соглашался съ нею отецъ Василій.

«Эге, подумалъ Трепетовъ, значитъ не всѣ здѣсь благодумствуютъ», и очень ему захотѣлось познакомиться съ этой дуроч-

кой. Но она, какъ парочко, избѣгала его эвкометва: встрѣтятся бывало съ нимъ, потупятся въ землю и нарочно спрятаться куда нибудь подалыне.

Таяъ пропала незамѣтно цѣлая недѣля, а Николай Васильичъ и не думая приниматься за книги, хотя катащилъ ихъ съ собою иногда множество. Да и какъ тутъ заниматься, когда жизнь идетъ до такой степени плавно и благодушно, обстановка такая ублаживающая, что всякая посторонняя работа, особенно умственная, кажется какичъ-то анахронизмомъ, а книга, вѣсто удовольствія, возбуждаетъ только одну зѣвоту. Съ утра до вечера день напичканъ наѣдомъ, или отдыхомъ отъ ѣды. Утромъ чай съ хлѣбомъ и полевыи работы, ровно въ полдень обѣдъ до отвала, и послѣ него натура окончательно теряетъ всякую способность къ дѣятельности; весь погостъ дружно засыпаетъ часа на два, всюду воцаряется тишина, ну и Трепетовъ лежитъ себѣ пластъ-пластомъ на травѣ и чувствуетъ только одно: что солнышко его пріятно припекаетъ да вѣтеръ дуетъ въ лицо. Потомъ незамѣтно и вечеръ подойдетъ, и опять приходится хлѣбать чай или молоко съ хлѣбомъ, а тамъ, смотришь, ужъ и ужинъ подаютъ на столъ. Тѣло, утомленное усиленнымъ пищевареньемъ, опять проситъ отдыха, и въ девять часовъ вечера у всѣхъ, точно по командѣ, разъиваются рты и трещатъ челюсти отъ зѣвоты. И незамѣтно для самаго себя, увлечси Трепетовъ этой сытной жизнью, а работы его начали откладываться со дня на день.

О намѣреніи Трепетова поступить въ университетъ еще никто не зналъ на погостѣ, кромѣ Маевского, который, по уговору, пона еще не разглашалъ этой тайны и только изподтишка подтрунивалъ надъ своимъ товарищемъ и его планами. Съ первыхъ же дней Николай Васильевичъ замѣтилъ, что родители давно уже порѣшили на счетъ дальнейшей его карьеры, и рава два даже пробовали заговаривать съ нимъ объ отрывающихся ваканціяхъ на ближайшихъ погостахъ и о невѣстахъ, имѣющихся въ наличности, намекая тѣмъ ему, чтобы онъ заблаговременно приглядывался къ нимъ, ибо судьбу своей не избѣжишь. Эти разговоры дали ему понять, что говорить съ родителями не такъ легко, какъ это казалось ему сначала, что непременно выйдутъ тяжелыи сцены, начнутся упрекиванья и слезы, разскроится картина семейнаго счастья. На этомъ основаніи Трепе-

товъ рѣшился отложить свое объясненіе на неопредѣленное время и выжидать болѣе удобнаго случая. Благо жилось хорешо.

— Вотъ ты и пойми теперь, что значить жить на погостѣ, — говорилъ однажды Маевскій, укладывався на траву подлѣ своего пріятеля. — Ну могутъ ли залѣзть въ голову какіянибудь идеи, послѣ такой знатной ѣды? Тутъ только лежи да потягивайся; природа кругомъ чудесная, воздухъ такой, что не надышешься. А правоте то какое! Поживешь эдакъ годокъ, другой, такъ и въ рай не надо.

— Да, кормить сытно, — отвѣтилъ Трепетовъ.

— Енѣ бы! Какъ посравнишь эту привольную жизнь съ городской, такъ на городъ-то и глядѣть не захочется. Нѣтъ, братъ Трепетовъ, Богъ съ ними, съ этими «высшими идеями и потребностями», они только и могутъ въ городѣ появляться съ духоты да съ голоду. Пусть ихъ тамъ думаютъ за насъ, какъ хотять, имъ на это и власть отъ Бога дана, и жалованье они за свои идеи получаютъ, а мы съ тобою, братъ, и здѣсь прожить съумѣемъ отлично.

— Я такъ и зналъ, что ты на это сведешь, — отвѣтилъ ему Трепетовъ. — Къ чему ты мнѣ на каждомъ шагѣ свои идеи тычешь? Просто говорить съ тобой нельзя!

— А къ тому, другъ любезный, чтобы ты образумился наконецъ, чтобы ты не гонялся за журавлемъ въ небѣ, ибо отъ добра—добра не ищутъ.

Трепетовъ начиналъ слиться.

— Слушай, Маевскій, — сказалъ онъ серьезно, — не толкуй ты о томъ, чего не понимаешь. Это тебѣ мой послѣдній свазъ. Ты самъ не ѣдалъ никогда ананасовъ, такъ тебѣ и непонятно, почему люди объ ананасахъ мечтаютъ. Но корми ты никогда кошку мясомъ, такъ она и хлѣбомъ сыта будетъ; а дай ей только разъ отведать мясца, такъ она хлѣба вашего и въ ротъ не возьметъ.—развѣ только необходимость какая заставить.—Понялъ?

— Хитро сказано. А что если мы своимъ хлѣбомъ вполне довольны?

— Значить, у васъ натура другая стала, которая, пожалуй, мяса и не переварить.

— Ну-на, въ чемъ ваше мясо, счастливый смертный?

— Не поймешь.

Маевскій продолжалъ улыбаться, но видно было, что в его злость забирала.

— Полно тебѣ бахвалиться-то! — заговорилъ наконецъ онъ съ жолчью. — Вѣдь я знаю, кто испортилъ-то тебя. Какой-то ссыльный фармазонъ наговорилъ ему три короба чуши, а онъ и уши развѣсилъ. Подумай, какое дѣло ты затѣваешь, чѣмъ ты родню-то свою отблагодарить хочешь за всѣ заботы? Я не родня тебѣ, а имѣ вчужѣ жалко мать твою становится... Ты, братъ, на церковныя деньги воспитанъ, — долженъ и послужить церкви...

— Однако семинарія-то, какъ видно, тебѣ въ прокъ пошла; вблизи, значить, въ тебя, что имѣ вбить хотѣлось. А жаль, можетъ быть, и человѣкомъ былъ бы.

— А священникъ развѣ не человѣкъ? спросилъ Маевскій, окончательно озлившись. — Эхъ вы, фармазоны! Посмотришь, какъ-то вы умирать будете. Смерть вѣдь не за плечами... Впрочемъ, что-жъ я говорю: время свое возьметъ. Ты, кажется, и теперь ужъ книжки-то свои въ сторону отложилъ. Богъ дастъ, и рыску надѣнешь. — А?

— Замолчи, пожалуйста, вскрикнулъ Трепетовъ, выведенный изъ терпѣнья, и проворно поднялся.

— Слушай, я завтра уѣзжаю и мы съ тобой не увидимся долго, — крикнулъ вслѣдъ ему Маевскій.

— Очень радъ, — отвѣтилъ Трепетовъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ радъ, потому что Маевскій въ последнее время часто заплъ его.

Этотъ разговоръ заставилъ Николая Васильевича призадуматься и обратиться къ своимъ покинутымъ книгамъ. — «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, вотъ ужъ цѣлая недѣля прошла, а я и не думаю заниматься. Экая, жизнь-то въ самомъ дѣлѣ заманчивая: такъ и тянетъ ко сну да къ лѣни... Ибѣтъ, пустяки, не поддамся, а то не увидишь, какъ и лѣто пройдетъ». — И Трепетовъ торопливо отправился на свою вышку, гдѣ онъ устроилъ себѣ временный кабинетъ.

На другой день Маевскій дѣйствительно уѣхалъ къ своему родственнику, верстъ за сто отъ погоста, а пономарь Иванъ Силычъ съ этой самой минуты началъ испытывать странное томительное безпокойство. Услыхалъ онъ отъ Маевского одну новость, которую тотъ просилъ его, до поры, до времени, не разглашать никому, а между тѣмъ, эта новость сосала его утробу и томгла ее своею тяжестью. Въ русскомъ человѣкѣ вообще, а въ жителяхъ погоста въ особенности, никакая тайна не можетъ долго оставаться тайной: такъ и хо-

чется выдать ее, и непременно тому, кому особенно не слѣдовало бы знать этой тайны.. Долго вѣпилъ Иванъ Силычъ; наконецъ не вытерпѣлъ, и подъ вечеръ съ таинственнымъ видомъ пробрался въ горницу къ отцу Василю, молча поклонился «батушкѣ и матушкѣ» и робко оглядѣлся.

— Николай Васильичъ не у себя? спросилъ онъ.

— Нѣту, а что?

— Хочу тайну одну сообщить, — произнесъ Иванъ Силычъ вполголоса и придвигаясь ближе къ отцу Василю. — Вамъ ничего не сказывалъ Николай Васильичъ на счетъ себя?

— Не говорилъ ничего. А что съ нимъ?...

— Конечно, все воля божья, только вы, батюшка и матушка, поберегите своего сына, а то уйдетъ онъ отъ васъ, не жалецъ онъ съ нами... вотъ что, — прошептала таинственно пономарь, утирая выступившій потъ.

Родители поблѣдѣли. У Екатерины Ивановны духъ занялся, и точно жилака какая внутри порвалась.

— Господи, что же это такое? — прошептала она въ ужасѣ.

— Онъ въ свѣтское званіе хочетъ поступить, вотъ что — продолжалъ пономарь, очень довольный тѣмъ, что ему первому удалось сообщить новость. — Для того онъ и книги привезъ съ собой, чтобы по свѣтскому выучиться и потомъ въ академію наукъ поступить. Мнѣ это и еминнигъ сказывалъ.

— Чего-жъ онъ тамъ не видалъ въ свѣтскихъ-то?... Да нешто такъ и будетъ? Гдѣ онъ, мой голубчикъ? заговорила Катерина Ивановна, торопливо вставая.

— Молчи, мать, мы все это обсудимъ потомъ, замѣтилъ ей внушительно отецъ Васиій. — Сказывай, Силычъ, какъ было дѣло?

— Что-жъ сказывать? Все тутъ сказано. Извѣстно, въ городѣ живши, всякіе люди бываютъ, — ну, и ему, значить, паговорили всего... Вы только глядите въ оба.

— Не даромъ я сня-то страшные вижу все...

— Молчи, мать... А тебѣ, Силычъ, спасибо за дружбу. Я тебя самъ всегда выручалъ... помнишь, при благочинномъ-то? Не хочешь ли рюмочку выпить?

— Я это весьма цѣню-съ, и дай Богъ ему... Я отъ чистаго сердца.

Отецъ Васиій налилъ Ивану Силычу рюмку настойки и слово-

окоулавный пономарь пустился въ подробности; рассказывал разные ужасы о свѣтскомъ эвангеліи. Выслушавъ вторую рѣчь, онъ круто карешель въ богословенныя вопросы. Неизвѣстно, до чего договорился бы Силычъ, если бы въ комнату не вошелъ Николай Васильичъ. Разсказчикъ сразу стихъ и все общество пришло въ замѣшательство.

— Такъ это ты о провидѣніи толкуешь; Силычъ? провнесъ отецъ Василій, стараясь показать сыну, что они просто ученными-разговорами съ Силычемъ занимаются.

— Все о провидѣніи... — отвѣтилъ пономарь, народа, какъ бы удобнѣе ускользнуть; и дѣйствительно, услыжвъ удобную минуту, лаво скрылся за дверью.

Наступило тяжелое молчаніе. Отецъ началъ ходить по комнатѣ и глаза его торопливо перебѣгали съ предмета на предметъ, стараясь не встрѣтиться съ глазами сына. Мать вадыхала.

— Что такое у васъ случилось? спросилъ Николай Васильичъ, замѣтивъ, что родители его не въ своей тарелкѣ: — умеръ, что ли, родственникъ какой?

— Нѣтъ, слава Богу... мы ничего, отвѣтилъ отецъ.

— Ты, вотъ, связываютъ... въ свѣтскіе хочешь... провнесла мать чуть слышно и не смотря на сына.

Трепетовъ понялъ, въ чемъ дѣло и въ душѣ пролилъ Иисусаго.

— Это, вѣрно, Силычъ вамъ наоплетничалъ? спросилъ онъ.

— Онъ, родной; да вѣдь онъ и вретъ часто съ перешом... заговорила Катерина Ивановна, обрадовавшись своему предположенію. Потомъ она подошла къ сыну и умильно поглядѣла на него.

— Скажи, Николая, правда это, или нѣтъ?..

Николаю Васильичу становилось не по себѣ; онъ предчувствовалъ тяжелую сцену.

— Вотъ что, матушка, сказалъ онъ, овладѣвъ собою: — мы объ этомъ когда нибудь послѣ потолкуемъ; а теперь дай-ка намъ поужинать. Есть что-то хочется.

— Это вѣрно, — подхватилъ отецъ; очень довольный тѣмъ, что тяжелое объясненіе отлагается: — Нанрывай-ка, мать, ужинать. Уро вечера мудренѣе.

За ужиномъ, однако, плохо ѣла семья. Отецъ Василій, чтобы развлечь общество, началъ было рассказывать анекдоты изъ своей ученической жизни, но анекдоты не клеились, хотя разсказчикъ и

старался смѣяться больше всѣхъ. Смѣхъ выходилъ искусственный; всѣхъ томила одна затаенная недосказанная мысль, которую выгнать изъ головы хотѣлось бы; всѣ сознавали, что прежняя безпечность и спокойствіе уже не воротятся скоро,—исчезли куда-то. Даже маленькія сестры Трепетова и тѣ замѣтили общее уныніе и приуныли сами. Николай Васильичъ былъ видимо не въ духѣ; онъ постоянно чувствовалъ на себѣ тревожный взглядъ матери, и этотъ взглядъ жегъ его, потому что онъ понималъ его значеніе. Послѣ ужина онъ сейчасъ же ушелъ въ свой мезонинъ. Общество тоже молча разошлось и механически стало укладываться спать.

Крѣпко задумался бѣдный отецъ Василій, завалившись на свою постель. До сихъ поръ ему и въ голову никогда не приходило, чтобы сынъ его могъ измѣнить отцовской дорогѣ, и потому это неожиданное извѣстіе совершенно озадачило старика и поставило его въ тупикъ. — «Что-жъ это такое? какъ же это?» твердилъ про себя отецъ Василій, стараясь объяснить возможность подобнаго факта; но не придумалъ онъ ничего, и только чувствовалъ жгучую боль въ головѣ своей, давно уже отвыкшей отъ напряженныхъ работъ. — Смутное и нехорошее понятіе имѣлъ онъ о свѣтской жизни вообще, и судилъ объ ней только по тѣмъ немногимъ фактамъ изъ чиновничьяго быта, которые ему приходилось видѣть мимоходомъ въ городѣ или слышать отъ своихъ знакомыхъ. Зналъ онъ только, что тамъ живутъ разные чиновники, которые съ утра до ночи корпятъ надъ бумагами, что жалованье у нихъ очень маленькое, а доходовъ меньше, чѣмъ здѣсь, что тамъ и одежда другая, и интересы совсѣмъ не тѣ. И не могъ понять бѣдный старикъ, чѣмъ эта жизнь лучше отцовской и чѣмъ могла она заманить Николая Васильича? Страшно наконецъ стало ему за своего сына, точно онъ отправлялъ его въ кругосвѣтное плаванье, въ какія-то неизвѣстныя страны, гдѣ на каждомъ шагу ожидаютъ его всевозможныя несчастія. — Нѣтъ, порѣшившій отецъ, этому не бывать; онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, а мнѣ за него отвѣчать придется передъ Богомъ. Пристрою его тутъ гдѣ нибудь, по близости, благо на глазахъ у насъ будетъ.

Долго думалъ отецъ Василій, и не спалось ему: одолѣла тревога. Сталъ опъ молиться—не выходитъ молитва, укутался покрѣоче — въ потъ бросило, а между тѣмъ на дворѣ пѣтухи ужъ пѣли. Промажавшись часа четыре, онъ набросилъ, на себя подрясникъ и вышелъ на крыльцо. Чуть свѣтало на небѣ; кругомъ тишина мертвая, толь-

ке вонка отца Никиты о чем-то жалобно мучить. Сверху, из оконъ мезонина, свозъ занавѣску пробавался еще красноватый свѣтъ. — «Неужели не спать еще?» произнесъ отецъ Василій, съ удивленіемъ поглядывая на окно. «Чтожь онъ тамъ дѣлаетъ до сихъ поръ?»

Простоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости, онъ потому пошелъ въ комнату сына.

Николай Насильвичъ сидѣлъ, облокотивъ на столъ руками, и внимательно читалъ какую то книгу. Передъ нимъ на столѣ валялось еще нѣсколько книгъ и листы исписанной и исчерченной карандашомъ бумаги. Трепетовъ тоже изумился, увидѣвъ отца въ такое время.

— Что вы, батюшка? спросилъ онъ, приподнимаясь.

— Сиди, сиди, я ничего... не снится что-то, отвѣтилъ отецъ. —

А ты что дѣлаешь?

— Да вотъ читаю книгу.

— Какую?

— Исторію Лоренца.

— Это для того... для академіи, что ли?

— Для университета

— Гм!.. Ишь, какая толстая, — произнесъ Василій Петровичъ рассматривая книгу. Не то совѣшь хотѣлъ онъ сказать, да ужъ такъ вышло. — Ну, занимайся... только глаза не порти! заключилъ онъ и осторожно вышелъ изъ комнаты.

«Уйдетъ! непременно уйдетъ!» думалъ въ тревогѣ отецъ Василій, снова укладываясь на свою остывшую постель. — «Я знаю его характеръ, ничѣмъ его не удержишь... Вотъ те и сынь... Развѣ мать только что дѣлаетъ? Бѣда!..»

VI.

Василій Петровичъ и Катерина Ивановна Трепетовы были воспитаны по преданіямъ своихъ предковъ, и потому смотрѣли на дѣтей своихъ такъ, какъ смотрятъ на нихъ всѣ родители патриархальнаго склада. Они знали свои обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ, знали, что имъ придется отвѣчать за судьбу дѣтей своихъ и что всѣ ошибки дѣтей должны пасть прежде всего на ихъ

родительскія головы, и, зная это, они считали своимъ долгомъ въѣшываться въ образъ жизни дѣтей своихъ, зорко слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и не освобождать ихъ отъ своей опеки до гробовой доски. Усвѣдивъ отъ своихъ предковъ правила мудрости житейской, выработанныя доголѣтнимъ опытомъ, они, въ свою очередь, старались сообщать эти правила и дѣтямъ, и постепенно направить ихъ на ту дорогу, по которой шли сами. Дѣйствовали они такъ, во-первыхъ, потому, что иныхъ правилъ и иныхъ дорогъ они не знали, да и знать не могли, а во-вторыхъ, — по силѣ кастоваго преданія: «отцы, молъ, наши такъ живи и счастливы были» и т. п.

Если бы Трепетовы записывали свою генеалогію, то они убѣдились бы, что принадлежать въ одной изъ древнѣйшихъ семей, и что въ теченія нѣсколькихъ столѣтій они свято сохранили все обычай и понятія своихъ предковъ въ той неприкосновенности и, пожалуй, на той же степени развитія, какую имѣли ихъ первые родоначальники. Вѣроятно, лѣтъ двѣсти тому назадъ (а можетъ быть и триста, и пятьсотъ — все равно), какой нибудь Иванъ или Петръ Трепетовъ за набожность и скромную жизнь былъ посвященъ въ санъ священника или дьякона въ какой нибудь приходъ и получилъ по этому сану различныя льготы и права. Жить въ этомъ званіи ему, вѣроятно, показалось лучше, чѣмъ во всякомъ другомъ, потому что онъ и сыновей своихъ опредѣлялъ на священническія мѣста. Сыновья тоже, какъ видно, были довольны своимъ положеніемъ, а вслѣдствіе этого, и внуки пресловутаго предка остались въ духовномъ званіи. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, жизнь этой родни начала уже мало по малу обособляться, родня увеличивалась, интересы обобщались, а интересы другихъ сословій дѣлались менѣе понятными, такъ что сыновья этихъ внуковъ уже сами могли мечтать только о непопскихъ мѣстахъ, и своихъ, еще неродившихся, дѣтей обречали, такимъ образомъ, на ту же дорогу. Съ этихъ поръ судьба точно на рельсы ввинула весь послѣдующій родъ Трепетовыхъ; а какъ поехали они на эти рельсы, такъ и катились во все продолженіе истекшаго времени, наблюдая, чтобы никто изъ родни не соскакивалъ съ рельсовъ. Такъ и до сихъ поръ катятся они, потому что имъ страшно да и нѣтъ уже возможности сбѣгаться дороги. Обиравсь на право и на лѣво, на новую непопулярную имъ жизнь, они, однако, скоро замѣчаютъ, что и все другія сословія, стоящія на одной съ ними степени развитія, тоже выработали себѣ свои рельсы, хотя и дру-

гого, непонятнаго имъ устройства, и такъ же, какъ они, мчатся въ будущность по проложенной однажды дорогѣ и общими силами отстаиваютъ свою рутину. Это, конечно, поощряетъ Трепетовыхъ.

Главное, что помогало Трепетовымъ встать и удерживаться на рельсахъ, это патриархальное воспитаніе, которое удерживало каждое новое поколѣніе на той ступени, на которой стояли родители, и, такимъ образомъ, служило главной основой ихъ кастовыхъ преданій и обычаевъ. Съ самаго рожденія дѣтей родители начинали слѣдить за ними въ оба; гдѣ лаской, гдѣ угрозой, а гдѣ и силой, они мало по малу прививали къ нимъ немудрыя правила своихъ преданій и своего житейскаго опыта, сообщали имъ свои понятія, старались уничтожить въ нихъ неподходящія къ ихъ жизни стремленія подравнивали, приглаживали, полировали и постепенно вкладывали въ ту, выработанную дѣдами, форму, какая нужна была для счастливой жизни на отцовской дорогѣ и дальнѣйшей пропаганды тѣхъ же правилъ воспитанія, и которая дѣлала ихъ неспособными во всякой другой дорогѣ. Бурса, конечно, имѣла въ виду ту же цѣль, и въ бурсѣ дѣти тоже не освобождались отъ опеки родительской, потому что духъ этой опеки почиетъ на всѣхъ почти бурсакахъ-товарищахъ, которые, въ свою очередь, слышатъ тѣ же правила отъ своихъ родителей.—Такъ и шла изъ рода въ родъ эта механическая переработка дѣтскихъ организмовъ въ существа искусственныя, способныя только къ той жизни, на которую предназначили ихъ родители. Сдѣлавшись отцами, эти дѣти припоминали, какъ воспитывали ихъ въ малолѣтствѣ, и уже готовые педагогическіе приемы прилагали и къ своимъ дѣтямъ. И такъ далѣе; пожалуй, до безконечности.

Весь духъ этой великой ассоціаціи, всѣ ихъ преданія и взглядъ на воспитаніе дѣтей преемственно перешли и на Василія Петровича съ Катериной Ивановной, и потому они считали своей обязанностью воспитывать дѣтей именно такъ, какъ воспитались сами, и требовали, чтобы дѣти повиновались имъ, потому что они сами въ малолѣтствѣ никогда не выходили изъ воли родительской. Василій Петровичъ былъ вообще холоденъ къ своему сыну и вмѣшивался въ его воспитаніе только на основаніи *дома*, а у Катерины Ивановны къ сознанію долга присоединялось еще чувство безпредѣльной любви къ сыну, и потому ея вліяніе и ея власть надъ сыномъ были сильнѣе, чѣмъ у отца.

Катерина Ивановна съ малолѣтства жила такъ, какъ живутъ всѣ

пелли: сельския иповова. Ублизив на балонала еел: отца у ней была суфовий: и: илюдовий; мать умерла слишком рано; сама она была катая то хворая: дряблая и слезливая. Отца выучилъ ее на мѣдныя: деньги: читать и писать, да и это: оказалось излюшннею роскошью и пригодилось только для: переписки: съ сыномъ, а педъ старость было забыто. Знала она съ дѣтскихъ лѣтъ, что ей предназначено судьбою выйти замужъ за священника или дьякона, и съ покорностью ждала она своего суженаго; подчасъ мечтала объ немъ; ждала чего-то лучшаго. Подругъ мало было у ней, да и тѣ при встрѣчѣ магли толковать съ нею только о женяхъ-семинаристахъ, о мѣстакъ, да сплетняхъ разныхъ. Скучно и чорство шла ея безодержательная жизни; день за днемъ проходилъ въ ожиданіи чего-то новаго, а новаго не было: тотъ же угрюмый: отецъ, та же пустота и безлюдье; ночѣмъ было помянуть Катеришъ Ивановшъ свою незавѣдливую юность. Накопецъ родители поваръ отъ спинной сухотки; за Катериной Ивановной: закрѣпился: отцовское мѣсто, а черезъ нѣсколько времени: явился и женикъ, Василій Петровичъ Третьовы, уже утвержденный на это мѣсто, со взятіемъ закрѣпленной повѣсты, такъ что и выбора-то у ней не могло быть никакого. Не исправился этотъ женикъ Катеришъ Ивановшъ, по бумага была уже подписана, — значить, ничего не подѣлаешь. Со слезами обвинчалась она съ Василіемъ Петровичемъ, со слезами и прожила съ нимъ до: рожденія сына; сама не знала она: чего ей хотѣлось, а такъ: елжи сами жились. Съ рожденіемъ сына, жизнь Катерины Ивановны осмыслалась; съ этой минуты она цѣльно и страстно привязалась къ своему первенцу и сосредоточила на немъ всѣ силы любви своей, перестраченныя еще ни на отца, ни на мужа. Теперь только она: поняла, что ей просто любить хотѣлось, и что легче ей жить стало, когда нашлся исходъ для ея любви. Она боготворила своего. Никого, слѣдила за его дыханіемъ, за каждымъ глоткомъ его пиши, за каждымъ словомъ любимца. Ребенокъ тоже привязался къ ней: и ея ласкаясь, но онъ вполне оцѣнилъ эти ласки: только тогда, когда поступилъ въ училище. Тогда отецъ уже сознательно почувствовалъ всю силу своей привязанности къ матери, и мы уже видѣли, какое огромное вліяніе она имѣла на него во все время его училищной жизни. Конечно, Катерина Ивановна не могла дать сыну ничего, кромѣ своей любви, ласки и безпредѣльнаго ухаживанья, но она слабо вѣрила, что сынъ никогда не выйдетъ изъ подъ ея вліянія; и не

сдѣлаеть ничего, не посовѣтовавшись съ нею. Но вышло иначе. Время летѣло; отшатнувшись отъ интересовъ бурсы, Николай Васильевичъ долженъ былъ вести жизнь сосредоточенную, одинокую; за недостаткомъ денегъ, онъ не могъ часто ѣздить на погостъ и подновлять свои дѣтскія впечатлѣнія; сталъ онъ видѣться съ матерью рѣже и рѣже, а натура отыскала развлеченіе въ книгахъ, и всѣ привязанности его, такимъ образомъ, перешли на книги. Книги расшевелили мысль, и Трепетовъ испыталъ наслажденіе отъ новой, прежде незнакомой ему, мысленной дѣятельности, — толчокъ былъ данъ и работа закипѣла. Встрѣча съ Березинымъ довершила остальное и въ результатѣ вышелъ полный, непримиримый разладъ между его потребностями и рутинной его родителей. Трепетовъ, однако, до сихъ поръ еще не осмѣливался вникнуть во всю глубину этого разлада и тѣшился мыслью, что теперь онъ будетъ вліять на родителей и заставить ихъ полюбить ту жизнь, о которой мечталъ онъ.

Конечно, ничего этого добродушная Катерина Ивановна и представить себѣ не могла; она поняла только, что сынъ ея не хочетъ жить съ ними и поступаетъ въ свѣтское званіе, которое она хоть и не знала, но отъ души теперь ненавидѣла. Съ давнихъ поръ, ея любимую и постоянную мечтою было пристроить сына на одномъ изъ ближайшихъ погостовъ, чтобы они могли видѣться, какъ можно чаще, чтобы дальнѣйшая жизнь сына проходила у нея на глазахъ: «въ гости бы другъ къ другу ѣздили», мечтала она, «дѣтей бы я у него крестила, а если заболѣетъ, али что, я бы ходила за нимъ, а то какъ безъ меня-то?» И вдругъ теперь всѣ эти результаты долгихъ заботъ и размышленій готовы рухнуть на ея глазахъ. — «Чего онъ хочетъ тамъ?» недоумѣвала она, какъ и отецъ Василій; «неужели лучше свѣтскимъ-то быть? Голодомъ насидится: вѣдь ни земли, ни двора, ни кола своего не будетъ... Изъ всей родни Катерины Ивановны не было никого въ свѣтскомъ званіи, и вся родня ея смотрѣла на свѣтскихъ съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ на дармоѣдовъ и баръ. Правда, ея троюродный братъ, исключенный изъ семинаріи, поступилъ было чиновникомъ въ конексторію (да и то противъ воли родительской), но потомъ снялся съ круга и умеръ въ бѣлой горячкѣ. Теперь такъ и представлялась Катеринѣ Ивановнѣ обезображенная пьянствомъ фигура этого родственника, въ какихъ-то лохмотьяхъ, съ желтымъ, помертвѣлымъ лицомъ и болѣзненной шкотою, и ее съ ужасомъ коробило

отъ этой картины. Она считала это частое воспоминаіе родственника дурнымъ предзнаменованіемъ, и потому рѣшилась во что бы то ни стало спасти сына и, въ случаѣ чего, даже и насиліе употребить, потому что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и все это порча да напущеніе на него-пашло.—«Не позволю я такому красавцу въ консисторію пойти; ему только и быть священникомъ, на то онъ и аттестатъ въ наукахъ имѣеть»... Она теперь настойчиво обдумывала, какъ бы лучше ей вразумить сына, и хотя была увѣрена, что онъ не откажетъ ей, но... все-таки ей почему-то плакать хотѣлось.

Такимъ образомъ, добродушная Катерина Ивановна стала поперегъ дороги своего сына и повела противъ него свою атаку. Винить ли ее за это? Нѣтъ, она дѣйствовала такъ изъ одной только любви, и по невежеству; она искренно желала сыну того счастья, выше котораго она представить себѣ не могла: счастья жить съ нею и съ родными; ей вѣрилось, что въ присутствіи ея ничего худого съ сыномъ не случится, а за глазами ея онъ пропадетъ. Не понять ей, что своей ласковой, обезоруживающей опекой она можетъ заглушать въ сынѣ всѣ талантливныя стороны его натуры, что она можетъ лишить его тысячи высокихъ, незнакомыхъ ей наслажденій отъ другой, хотя болѣе трудной, но за то болѣе сообразной съ его натурою дѣятельности...

На другой день послѣ того, какъ Иванъ Силычъ сообщилъ Третиковымъ печальную для нихъ новость, Катерина Ивановна вошла въ комнату сына и робко присѣла около стола, заваленнаго книгами. Ей, очевидно, хотѣлось поговорить съ нимъ, но она не знала, какъ приступить къ дѣлу. Николаю Васильичу жаль стало ее.

— Ты все тревожишься, матушка? спросилъ онъ ласково.

— Какъ не тревожиться мнѣ... Я только все понять не могу, неужели ты взаправду въ свѣтскіе хочешь?

— Да, мнѣ не хотѣлось бы священникомъ быть, и я думаю еще поучился немного... Горевать-то тебѣ здѣсь не о чемъ, матушка; ты вообрази только, что я еще не кончилъ курса, и что осенью мои канвулы кончатся—вотъ и все.

— Вообразишь тутъ!..

— Дѣло пойдетъ совершенно по старому; я къ вамъ пріѣзжать буду на лѣто... Чего-жъ тутъ горевать?..

— Это ты въ академію?

— Въ университетѣ.

— Чего-жь ты не видѣлъ-то въ этомъ заведеніи? Не надѣло, что-ли, учиться-то?

— Матушка, не томи ты меня, пожалуйста, не горюй понапрасну. Смотри, какимъ молодцомъ и вѣйду отсюда, просто не наглядаясь.

Катерина Ивановна глубоко вздохнула.

— Скажи, Бога ради, Никола, — пачала она опять, — тѣмъ тебѣ не нравится наше-то житіе? Развѣ лучше по свѣтскому жить? а? Экая радость, подумаешь, чиновникомъ-то быть...

— Да я совсѣмъ не въ чиновникъ иду.

— Куда же? въ купцы, что-ли?... Или въ военную службу поступишь? — добавила она, сама испугавшись своихъ словъ.

— Ахъ, пойми же ты наконецъ, что я просто учиться хочу и чувствую себя несамостоятельнымъ и въ духовному званію. Ну, какъ я буду тебѣ вѣдн править или проповѣди говорить, когда у меня совсѣмъ не тѣмъ голова занята?

— Ну, объ этомъ не тревожься: проповѣди въ книжкахъ напечатаны, и наши списываютъ всякій разъ... это дѣло не Богъ вѣсть какое. А тебѣ и другой священникъ справиться можетъ, а то къ намъ посылай съ требами, отъ Василій отслужить.

Трепетовъ призадумался. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснять матери, чего ему хочется, когда и самъ онъ вполне не можетъ уяснить себѣ свои потребности и чувствуетъ только, что здѣшная жизненная жизнь ему вовсе не по сердцу? Не пойметъ она этого.

— Что-жь ты молчишь, Никола? спросила мать.

— Вотъ что, матушка, отвѣтилъ сынъ, придумывая, какъ бы сказать ей яснѣе. — Видишь-ли, въ чемъ дѣло... У меня въ городѣ есть много хорошихъ знакомыхъ, а эти знакомые сказали мнѣ, что въ столицахъ живутъ люди не по нашему, и что если кончить курсъ въ университетѣ, то... тогда можно будетъ мѣсто хорошее получить и... богачомъ сдѣлаться, — закончилъ онъ.

— А ты нямъ, небось, и повѣрялъ? — Вругъ-оми все, только чтобъ сбить съ толку человека.

— Послушай, матушка, я тебѣ наконецъ все расскажу откровенно, а ты только не перебивай меня. И Трепетовъ подробно началъ рассказывать матери все, что онъ пережилъ въ семинаріи за послѣднее время, всѣ свои мечты и думы, встрѣчу съ Березиннымъ и послѣдствія этой встрѣчи. Онъ самъ радъ былъ случаю поговорить

откровенно и припомнить свои лучшие впечатления. Раскрылъ онъ ей свои будущіе планы о дѣятельности широкой и полезной; сказалъ, что онъ добьется полной независимости и свободы, и тогда много хорошихъ дѣлъ сдѣлаетъ; что его занимають теперь такіе вопросы, для разрѣшенія которыхъ ему надо много еще учиться, и проч., и проч.

Катерина Ивановна сначала слушала его очень внимательно, потомъ сдѣлалась разсѣяннѣе, а наконецъ и совсѣмъ повѣсила голову. Не добрымъ знакомъ кавалось ей это увлеченіе сына и жаръ, съ которымъ говорилъ онъ.

— Все это такъ Николая, сказала она; — а все-таки по моему не вѣдьмѣ увѣжать. Развѣ не можешь ты здѣсь учиться, если ужъ тебѣ такая охота пришла? Мы бы и книгъ тебѣ купили, да вотъ и у помѣщика нашего этихъ книгъ видимо-невидимо, — можетъ и онъ дать бы...

Трепетову досадно сдѣлалось отъ этихъ словъ. «Нечего тутъ и толковать», подумалъ онъ уныло.

— А что, скоро обѣдать будемъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Небожь проголодался? Вчера за ужиномъ ничего вѣдь не ѣлъ?

— Да, и поѣлъ бы.

— Сю минуту, родной, я распоряжусь; чай, и отецъ хочетъ, — сказала мать, вставая, и торопливо вышла изъ комнаты. Скоро Николаю Васильичу услышалъ внизу ея хлопотливые крики и звонъ тарелокъ.

Трепетовъ вовсе не чувствовалъ голода, но онъ опять употребилъ съ успѣхомъ этотъ маневръ для того, чтобы звинять матушку болѣе существенными заботами и отвязать ее отъ тяжелой бесѣды. Началъ было онъ читать Лепца, но не могъ имъ увлечься. Ему стало ясно, что теперь интересы его разошлись окончательно съ интересами матери; что они теперь не поймутъ другъ друга и каждый будетъ тянуть въ свою сторону. — «Северно», подумалъ онъ, — хитрить придется, а я хитрить не умѣю. Впрочемъ унывать-то еще пока нечего, и я своего не уступлю». Трепетовъ захопнулъ Лепца и сошелъ внизъ.

За обѣдомъ мать нѣсколько разъ принималась заговаривать «на счетъ свѣтскихъ», но Николай Васильичъ лавировалъ очень искусно, и не давалъ ей слова сказать, занимая общество разными веселыми разсказами. Онъ былъ, что называется, въ ударѣ, и сестры пока-

тывались со смѣху надъ его шутками, такъ что даже и Катерина Ивановна сама будто просвѣтѣла немного, и раза два даже улыбулась. Послѣ обѣда Николай Васильичъ взялъ книгу и ушелъ въ лѣсъ поразвлечься и подумать на просторѣ.

Одинъ только Василій Петровичъ за обѣдомъ не принималъ никакого участія въ веселости сына, а если и смѣялся, то вовсе не впадать. Онъ по прежнему избѣгалъ взглядовъ Николая Васильича, былъ очень расскѣянъ и, по всѣмъ признакамъ, въ головѣ его происходило мѣчто необычайное и подчасъ выступавшее сквозь лобъ въ видѣ крупнаго пота. Онъ похудѣлъ и осушулся за эту ночь, однако придумалъ кое-что весьма рѣшительное и, по его мнѣнью, спасительное. Сряду послѣ обѣда онъ втихомолку запретъ свою савау въ одноколку и надѣлъ новую раску.

— Куда ты, отецъ? спросила его Катерина Ивановна.

— А тутъ окрестить младенца надо; въ деревню звали, отвѣтилъ онъ и тронулъ лошадь. Однако онъ поѣхалъ вовсе не въ деревню, а, обогнувъ емельяповскій холмъ, рысцой направился къ усадьбѣ помѣщика Вихляева. Дѣло въ томъ, что сегодня утромъ онъ услышалъ отъ заѣзжихъ мужиковъ пріятную новость, а именно, что въ имѣннн помѣщика Курдюкова, сельѣ Лежинѣ, священникъ померъ, — о чемъ и толковалъ долго весь погостъ. Василій Петровичъ зналъ, что въ Лежинѣ закрѣпленной невѣсты не имѣется, и что выборъ новаго священника зависить единственно отъ самого помѣщика Курдюкова. Зналъ онъ также, что Курдюковъ большой пріятель Вихляева, и, сообразивъ все это, предприимчивый отецъ рѣшился опредѣлить на это мѣсто своего сына. — Тамъ будь, что будетъ, рассуждалъ онъ, а какъ пристроишь его къ мѣсту, такъ оно и вѣрнѣе будетъ; время-то терять нечего, потому что охотниковъ на мѣста много. — Дорогой, впрочемъ, отца Василя сталъ страхъ забирать: не вышло бы чего, пожалуй еще заартачится Николка? — Э, Богъ милостивъ, рѣшилъ онъ, все можетъ устроиться, какъ надо быть... И съ этой смутной, надеждой онъ приблизился къ барской усадьбѣ Вихляева.

Если бы Николай Васильичъ хоть однимъ глазкомъ могъ видѣть отца въ ту минуту, какъ тотъ выпрашивалъ милости у помѣщика, — онъ не вынесъ бы этого зрѣлища и учинилъ скандалъ. Съ привычнымъ смиреньемъ, съ привычною лестью и съ выраженіемъ полного ничтожества своего, кланялся отецъ надутому барину, который во-

обще терѣть не могъ священниковъ. Все тутъ было пущено въ ходъ: и слезы, и вѣра въ силу барскую и ея вліяніе надъ нами, плесени, и похвалы умершему отцу помѣщика, и обѣщанія помирать до гроба его милости. А Вихляевъ дождавъ въ это время жаренаго гуся, съ-искося и съ достоинствомъ поглядывалъ на Василя Петровича и только изрѣдка проговаривалъ:—Все, что могу, батюшка; все, что отъ меня будетъ зависѣть, я очень доволенъ вами и проч. Отвернемся лучше отъ этой картины.

Поздно вечеромъ воротился Николай Васильичъ съ прогулки, усталый и осыпанный основными вглами. Онъ хотѣлъ было прямо пройти въ свою комнату, но мать остановила его въ дверяхъ.

— Слушай, Николая, — сказала она, какъ можно мягче.

— Ну?

— Съѣзди ты завтра къ нашему помѣщику Петру Петровичу.

— Зачѣмъ?

— Онъ очень познакомиться съ тобой хочетъ. У него книгъ всякихъ пропасть, самъ радъ будешь. Съѣзди, пожалуйста: я тебя прешу.

— Что вамъ такъ хочется этого?

— Неловко же, коли просить, самъ знаешь.

— Хорошо; съѣзжу, пожалуй.

— Ну, вотъ спасибо. Куда-жъ ты торопишься? Закусилъ бы чего.

— Спать хочу, матушка; голова болитъ.

«Не подвохъ ли тутъ омять какойнибудь?» думалъ онъ, укладываясь спать.—«Съ чего это вдругъ помѣщику знакомиться со мной вздумалось? А впрочемъ наплевать мнѣ на него».

— Самъ просить хотѣлъ Курдюкова, шепталъ между тѣмъ отъ Васильей женѣ.—Можетъ и устроится!

— Дай-то Господи!... искренно произнесла Катерина Ивановна, глядя на образъ.

Новую надежду изобрѣла себѣ патриархальная чета и въ слѣдствіе этого, начинала уже чувствовать нѣкоторое благодушие.

VII.

Утромъ Николай Васильевичъ отправился съ визитомъ къ Вихляеву. Онъ до сихъ поръ ни разу не былъ у Вихляева, по давню уже

слышалъ, что: Петръ Петровичъ — человекъ умѣнный и умѣнный; и потому теперь шелъ къ нему съ надеждою услышать что нибудь хорошаго, да встать и вынести попросить.

Видный видъ усадьбы помидиной поворилъ на въ поляхъ хорошаго: все запущено, гряды и тѣла тиною заросло, хотя выстроено на широкую ногу. За усадьбой тарчить ибсвольдо избанель, крытыхъ соломою; кое-гдѣ на гризис бредать полуживые мужики съ испугими и избитыми лицами: лѣтъ и апатия видна въ каждомъ движеніи обитателей, бѣдность сквозить изъ каждой щели. Замѣтно впрочемъ, что все это когда-то жила полной жизнью и: преданный видъ имѣло, а теперь оно волактъ, спуска рукава, переставляетъ изодня въ день это ненужное, оверштапное существованіе, и живетъ только потому, что смерть еще не пришла. Рече: очень недавно усадьба Вихляевская была центромъ многочисленныхъ собраний; сюда съѣзжалось, издавна на вечера и рауты, и слава о нихъ гремѣла по всему околдну. Отецъ Вихляева былъ либераломъ александровскаго времени, имѣлъ огромную библиотеку и съѣдалъ за всѣмъ новостями своего времени. На вечерахъ у него происходили какия-то важныя совѣщанія, полныя таинственности и загадочнаго смысла; поговаривали даже, что онъ принадлежалъ къ числу маскоповъ, и имя маскопа: заставляло патриархальныхъ помѣщиковъ смотрѣть на него съ нѣкоторыми страхомъ; какъ на таинственнаго рыцаря, а мужиковъ — слѣдять его чѣмъ-то въ родѣ татарина. Теперь не то: усадьба замлохла, вранья мохотъ заросли, на великолѣпныя залы одустился тайный омеръ отъ пыли. Самъ Петръ Петровичъ былъ омеръ обыкновенный смертный. По смерти отца онъ скоро повывналъ изъ дому всѣхъ прежнихъ гостей и поселился съ неизбѣжною влючищей въ двухъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ и устроилъ себѣ тотъ холостой комвортъ, который болѣе подходилъ къ его натурѣ. Однако имя либерала; мать омира, кака, по наследству перешла и къ нему, и, по старой памяти, онъ тамъ слылъ за умѣншаго человека, хотя въ сущности умомъ особенный не отличался. Такая хорошаго и дароваго слава пришла по сердцу Вихляеву, и онъ часто прикрывался своею почтенною фирмою, какъ хвастливая ворона павиными перьями. Жилъ онъ въ своемъ имѣнни бовыходно и зиму, и лѣто, не выходя изъ стараго халата и не выпуская изъ рта трубки. Сосѣдкамъ шекталъ онъ «лю се-крету», что находится въ селѣ и что, за какой-то омеръ либа-

ральный поступокъ ему запрещенъ выѣздъ изъ имѣнія; однако дѣло было вовсе не въ томъ. Просто на просто, онъ задолжалъ нѣсколькимъ купцамъ порядочную сумму денегъ, а они подали на него искъ: вотъ онъ теперь и спасается, пока его розыскиваютъ. Розыскиваніе это происходило слѣдующимъ, весьма обыкновеннымъ въ то время порядкомъ. Пріятель Петра Петровича, исправникъ, получивъ первый запросъ изъ губернскаго правленія, увѣдомилъ его, что Вихляевъ выѣхалъ въ Нижній. Губернское правленіе послало запросъ въ Нижній и оттуда черезъ полгода отвѣтили ему, что тамъ по розыску Вихляева не оказалось. Тогда исправникъ увѣдомилъ, что изъ частныхъ писемъ онъ узналъ объ отъѣздѣ Вихляева въ Архангельскъ. Губернское правленіе, тѣмъ же порядкомъ, послало запросъ въ Архангельскъ и черезъ годъ узнало, что и тамъ Вихляева нѣтъ. Потомъ посылались запросы въ Астрахань, Одессу, Ригу и такъ далѣе, чуть не до самой Камчатки — благо городовъ на Руси много, — а Вихляевъ живетъ себѣ пригвѣваючи въ своемъ помѣстьи и чувствуетъ только прежнему сверхъестественную дружбу къ исправнику. Въ своей домашней обстановкѣ Вихляевъ держитъ себя очень просто, до того просто, что ключница его зачастую подтяжками бьетъ, а сынишка ея ему гусара въ носъ запускаетъ; по чуть зайдетъ къ нему кто-нибудь посторонній, передъ которымъ выгодно порисоваться своей фирмой, — Петръ Петровичъ совсѣмъ перерождается: и осанка у него становится не та, и смотреть съ какъ-то свысока, и говорить такія обточенные, глубокія фразы, что посторонній посѣтитель проникается невольнымъ благоговѣніемъ къ нему и потомъ трубитъ по свѣту: «вотъ голова-то!..» — Впрочемъ Вихляевъ любилъ пускать пыль въ глаза только при первомъ посѣщеніи незнакомца; со второго онъ становился проще, а съ третьяго посѣщенія начиналъ уже фамильярничать съ гостемъ, потому что переставалъ видѣть въ немъ незнакомца.

Сивый камердинеръ подозрительно поглядѣлъ на не затѣйливый костюмъ Трепетова, но узнавъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ ввелъ его въ переднюю и доложилъ барину, что «съ погосту кутейникъ прибылъ».

— Ну, и пусть идетъ, коли прибылъ, отвѣтилъ баринъ: — съ нимъ церемониться нечего.

Трепетовъ вошелъ въ барскій кабинетъ. Вихляевъ лежалъ въ халатѣ на диванѣ и паягрывалъ что-то на гитарѣ. Холодно и небрежно посмотрѣлъ онъ на кутейника.

— Отца Василия слышь что-ли? спросилъ онъ, въвая.

— Да, отвѣтилъ Трепетовъ, обычившись. Ему не понравился такой пріемъ.

— Ну, такъ вотъ вы съ отцомъ молитесь за меня крѣпче. Я вчера видѣлся съ Курдюковымъ и онъ согласенъ просить за васъ. Только съ условіемъ, чтобы вы никогда не выѣзжали въ его дѣла — Слышите?

— О чемъ просить? Я васъ не понимаю.

— Какъ о чемъ! Вѣдь вы проситесь къ нему священникомъ?

Трепетовъ началъ коммать, въ чемъ тутъ дѣло, и краска бросилась ему въ лицо.

— Всея и не думаю проситься, отвѣтилъ онъ рѣзко.

Вихляевъ приподнялся и съ видимымъ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Трепетова.

— Что же это за мистификація? Теперь, въ свою очередь, я васъ не понимаю, — переговорилъ онъ, тараща глаза и совсѣмъ забывая свою важную роль. — Вчера у меня вашъ отецъ былъ...

— Такъ и есть. Вы скажите этому отцу, если онъ охотъ пріѣхать, что я не желаю быть священникомъ, и что онъ меня не принудитъ къ этому.

Вихляевъ всколыхнулъ съ дивана.

— Какъ же это?.. что же вы-то?

— Очень просто, отвѣтилъ Трепетовъ, — я въ университетъ хочу поступить, а онъ не пускаетъ и хлопочетъ тутъ за меня.

— Противъ нашего желанія?

— Конечно!

— Э!... штука-то какая тутъ выходитъ, — смекнулъ Вихляевъ и захохоталъ во все горло. — Bravo, bravo! молодой человекъ! Это мнѣ нравится; вы только не поддавайтесь. Я люблю студентовъ, добавилъ онъ, и уважаю молодыхъ людей, которые желаютъ получить это блестящее образованіе... Я самъ вѣдь... да вы впрочемъ знаете, вѣроятно, мою исторію...

И Вихляевъ въ полголоса началъ рассказывать ему какую-то таинственную исторію съ либеральнымъ оттенкомъ.

Трепетовъ слушалъ очень разсѣянно или, лучше сказать, ничего почти не слышалъ, что говорилъ Вихляевъ. Ему очень захотѣлось домой пойти. Онъ поднялся и взялъ фуражку.

— Я лучше домой пойду, сказалъ онъ, вовсе не вглядѣвъ. А вы

позвольте мнѣ зайти когда нибудь послѣ. У васъ я слышалъ библіотека хорошая.

— Сдѣлайте милость, я очень радъ... У меня библіотека лучшая во всей губерніи, такая библіотека... что за нее въ Сибирь согнать могутъ,—шопотомъ договорилъ Вихляевъ;—у меня Вольтеръ есть, Дидро, Руссо, Ламартинавъ,— все есть, понимаете?

— Я зайду-съ. А теперь, мнѣ домой надо, сказалъ Николай Васильичъ и, раскланявшись, поспѣшилъ удалиться.

«Такъ вотъ оно что; вы хитрить со мной начинаете, мины тайкомъ подводить? Нѣтъ, этимъ вы не заманите меня»—жодчно шепталъ Трепетовъ, возвращаясь на погостъ. Глубоко оскорбало его это недовѣріе къ нему родителей, когда онъ не успѣлъ еще вполне объясниться съ ними. Въ этихъ секретныхъ переговорахъ отца съ помѣщикомъ онъ уже видѣлъ насиліе, котораго прежде не замѣчалъ въ отношеніяхъ къ нему родителей; онъ поналъ, что искренности между ними быть уже не можетъ, что послѣ этого отецъ пустится на всевозможныя средства, чтобы удержать его, и что теперь онъ будетъ дѣйствовать не прямо, а разными подвохами.—«А я съ этихъ поръ поведу свое дѣло на чистоту, рѣшилъ Трепетовъ,—и къ барину за милостями мнѣ обращаться будетъ нецужно.»

Смѣло и рѣшительно вошелъ онъ въ комнату, гдѣ съ замираніемъ сердца ожидали его отецъ съ матерью, и прямо объявлялъ имъ, что они своими просками ничего не добьются; что онъ рѣшился окончить курсъ въ университетѣ и поступить туда во что бы то ни стало, хотя бы это стояло громадныхъ трудовъ.

— Вы такъ и знайте,—добавилъ онъ,—и всѣ свои надежды отложите въ сторону. Это мое послѣднее слово.

Слушай, Николай,—взмолился отецъ,—вѣдь мѣсто-то тамъ отличное, ты бы хоть ради мѣста-то... Гдѣ-жъ ты найдешь такое?

— А я все-таки не пойду, закончавъ Трепетовъ и вышедъ изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью.

Родители остались одни и долго молчали, точно ихъ громомъ пришибло...

— Что тутъ дѣлать теперь? спросилъ наконецъ отецъ Василій съ отчаяніемъ.

— Я и сама ума не приложу,—отвѣтила матушка, закрывая лицо руками.

Тяжело было и Трепетову; въ немъ копошилась не-то злость, не-

те грусти, а какое-то неопредѣленное, асканива чувство. Безсознательно спустился онъ съ холма емельяновскаго и пошелъ, куда глаза глядятъ; лишь бы подальше отъ погоста и минимъ сердцу людей. За холмомъ, недалеко отъ Мокраго лѣса есть дубаица, на которой, бывало, онъ любилъ отдыхать и погружаться въ свои людскія, беспредметныя думы. Самъ не свой, упиалъ онъ на траву, подъ вустарниномъ, швомъ распахнулъ свой сюртукъ, и далеко отбросилъ оуражку. Простору хотѣлось ему; востановился онъ за эти два дня. — «Это жизнь начинается, думаю онъ съ жолтено; — это и на роднѣ, на свободѣ... Столько лѣтъ добивался я свободы; думалъ, что найду ее здѣсь, подъ родною кровлею, а между тѣмъ, опять приходится бороться и отыскивать свободу, только другимъ, не эту. Та же бурса здѣсь, только въ болѣе мягкихъ формахъ, — пропаганда той же программы. — Тяжело!..»

Вдали на безоблачномъ небѣ ярко бѣлѣлась передъ нимъ родная церковь, рисовались знакомые дома, видѣлась врозь родительскаго дома, — всѣ тѣ мѣста, къ которымъ онъ, бывало, такъ страстно и задушевно стремился, гдѣ для него были сосредоточены прежде всѣ житейскія радости. И свилется теперь Трепетовъ пробудить въ себѣ эти радости, старается по прежнему умиляться, и не выходитъ умиленье, нѣтъ прежнихъ радостей, чорство и сухо на сердцѣ, точно порвалась та связь, которая приковывала его прежде къ этому мѣсту.

Съ погоста ясно доносится до него жогильное пѣніе Захарыча: «къ тихому пристанищу притекъ», — выводитъ онъ басомъ; ему тоненькимъ голоскомъ подтягиваетъ отъ Василій: новый пришлецъ, значить, сроднился съ холмомъ емельяновскимъ, и жильцы этого холма встрѣчаютъ его съ почестью. Вотъ Филимонычъ сидитъ на задворкѣ и устраиваетъ изъ тряпокъ и соломы нѣчто странное: это онъ пугало для воробьевъ изобрѣсть хотеть, и всецѣло занятъ теперь одной только воробьиной политикой. Вотъ жена его бѣлье полощетъ въ локани и черезъ весь погостъ перекикивается съ Степанидой Петровной: третій день ужъ у нихъ ссора идетъ изъ-за пропавшаго куска мыла. Вотъ многоученный отъ Никита взгромоздился на крышу своего дома и внимательно разсматриваетъ надушку, привязанную къ трубѣ: «не течетъ ли, молъ?» Все это полно заботъ, все занято, точно обряды какіе исполняютъ; но Трепетовъ чувствуетъ уже себя выше этой жизни; ему не хотѣлось бы отдаться вполне такимъ заботамъ и въ нихъ похоронить всѣ интересы свои. «Не-

ужели и мнѣ, думалъ грустно Тренетовъ, придется жить когда нибудь такою жизнью?.. А я еще, безумецъ, мечтаю когда-то найти въ нихъ поддержку и даже пробудить въ нихъ другіе, болѣе человѣческіе интересы... Да и кого будить тутъ? Старики непробудимы: ихъ карьера копчена и, въ силу втягивающей привычки, они приняли общій колоритъ мѣстности; ничего новаго они не поймутъ. Изъ молодого поколѣнія тутъ есть только двѣ-три дѣвушки на возрастъ, но и онѣ волей-неволей втягиваются въ колею жизни отеческой; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и онѣ первыя возстанутъ противъ разныхъ нововведеній, и въ ту же колею втанутъ потомъ и дѣтей своихъ, еще пока, къ счастью, неродившихся... Неужели вездѣ такая жизнь, и тѣ же пренятствія въ осмысленной, свободной дѣятельности? Вѣдь есть же гдѣ нибудь другіе, лучшіе люди, съ которыми можно отвести душу?.. Хотѣлось бы видѣть этихъ лучшихъ людей и побесѣдовать съ ними... вѣдь тяжело это одиночество!..»

Юноша, не шутя, тосковалъ о томъ, зачѣмъ дерево растетъ, какъ дерево, и зачѣмъ оно не говоритъ по человѣчьи. Не хотѣлъ онъ познать, что такая жизнь приходится вполнѣ въ пору его родственникамъ и они органически уже не могутъ жить иначе, что съ ними, значить, и толковать нечего и зайти на нихъ печего, а надо утѣкать отъ нихъ.

На погостѣ ударили въ колоколъ: завтра праздникъ какой-то. По тропинкѣ изъ лѣсу послышались чьи-то шаги, и скоро Николай Васильичъ разглядѣлъ Таню. Она шла съ корзиной грибовъ; легкая усталость видна была въ ея движеніяхъ, а лицо было по времени серьезно и нѣсколько уныло. Тренетовъ давно уже интересовался Таней, какъ личностью, которая рѣзко отличается отъ остальныхъ жильцовъ погоста. Никогда онъ не видѣлъ, чтобы эта дѣвушка улыбалась; вѣчно она серьезна не по лѣтамъ; кажется, думаетъ о чемъ-то и живетъ такъ механически, точно заданный урокъ заучиваетъ и боится получить наказаніе. Проходя мимо Тренетова, Таня замѣтила его, вздрогнула и ускорила шаги. Потомъ она пошла тише, поглядывая вскользь на Николая Васильевича, и, наконецъ, совсѣмъ оставившись въ нѣрѣшимости. Кругомъ не было ни души; съ погоста не могли ее видѣть, и это придавало дѣвушкѣ необыкновенную храбрость. Послѣ небольшого колебанья она подошла къ Тренетову.

— Я у васъ попросить хотѣла... Николай Васильичъ,—начала она, струсивъ.

— Что вамъ, Таня... Татьяна...

— У васъ, говорятъ, книжки есть.

— Есть.

— Дайте, пожалуйста, почитать.

— Какую же вамъ дать?

— Какуюнибудь, только не проповѣди. Я у Никиты Иваныча всё книжки прочитала; у него все проповѣди, а мнѣ хочется другихъ... Я бы очень скоро прочитала...

— Хорошо, я отыщу вамъ что-нибудь...

— Пожалуйста,—договорила Таня, переводя духъ, и, ослышавшись, торопливо вышла на тропинку.

— Только чтобъ ниты не выдалъ!.. шепнула она, отойдя нѣсколько шаговъ, и затѣмъ быстро побѣжала въ погосту.

«Такъ вотъ отчего она и дуротной-то зовется: книжки читать любить»,—произнесъ Трететовъ, взглянувъ провозаю Таню. Ему вдругъ легче стало, точно онъ нашелъ себѣ товарища.—«Не все еще погибло, думалъ онъ:—не одинъ я значить въ книжкамъ пристрастие имѣю.»

Часу въ восьмомъ вечера, Николай Васильичъ воротился на погостъ. Во это время погостъ бываетъ особенно живъ и представляетъ пріятную картину семейнаго счастья. Дневныя работы кончаются, а ужинать еще рано, вотъ и собирается всё обыватели холма у воротъ своихъ домовъ, гудятъ на вечернемъ солнышкѣ и мирно толкуютъ, о чемъ придется, чтобы сократить время до ужина. На крыльцѣ своего дома, не обыкновенно сидѣтъ отъ Никиты и, отъ нечего дѣлать, развлекаемая стравливаньемъ двухъ замочныхъ собакъ. Завидѣвъ Трететова, онъ немного сконфузился; потому что все еще считалъ его за посторонняго человека, передъ которымъ слѣдуетъ высказывать себя только съ умной и серьезной стороны. Она раскланялась.

— Вотъ собакъ травлю,—сказала отъ Никиты въ видѣ оправданія,—люблю очень...

Трететовъ отвѣтъ своимъ долгомъ улыбається.

— А что вы, Николай Васильевичъ, никогда въ мой лѣту не заглянете? А?

— Отчего же не заглянуть? я очень радъ,—отвѣтила Трететовъ, и дѣйствительно это приглашеніе было для него очень кстати: онъ

реактивнаго посланнаго съ палеоніомъ Тани; въ этомъ со-
мнѣніи.

— Ну, такъ мною прошу, — приглашаю отъ Никита.

Она звонъ постя въ свое кресло ни садилъ на диванъ.
Квартира была обставлена съ претензіями на роскошь, хотя нѣско-
лько отдалась отъ Гранатовой. На стѣнѣ висѣло изображеніе
загробнаго императора, видъ явное-то монастыря и киркиты какаго-
то митрополита. У окна, сложа руки на шпалы, сидѣла матушка
Дарья Никитишна, особа очень пынная, съ остатками очень изящная,
но боясь господъ, какъ видно, смущену своему милошамъ. Въ углу
помѣщалась дѣвочка нѣтъ принадлежатъ къ мнѣшкѣ.

— Видъ сплывшій стѣной, матушка матушка, умирать госки, —
умъ емоли въ свѣтѣхъ ядѣ, такъ и открытъ знакомому заблуждѣ
наде?

— Я не забываю, озабоченъ Прометей.

Послѣ баловни, помѣшанной смысла, разговоръ перешелъ на
серьезные предмети. Отецъ Никита бывши изъвѣтъхъ силъ, чтобы
адамову: передъ востомъ своимъ критичностью и образован-
ностью; однако онъ заговорилъ в томъ, какъ одинъ изъ свое время
Банга изучали и писали мнѣшныя разсужденія, а потому иерешенъ
и къ повѣшней литературѣ.

— Вотъ я нынче по вечерамъ «Воскресное чтеніе» читаю, го-
ворилъ она; — и умнѣшныя книга, и яамъ якажу, наконецъ емоли
изъ міра духовнаго. Геніальный, можно сказать; человѣкъ этотъ
Арсевій преосвященнѣшій: — Вы, конечно, читали его?

— Нѣтъ, не читала.

— Напрасно, умъ всеобъемлющій; конечно ли глгошь «облюди-
те убо»... Жили яекаете, я могу вамъ сообщить.

— Некогда мнѣ, Никита Ивановичъ, читала; наде въ университетъ
готовиться.

— Не совѣтую, Николай Васильевичъ; не совѣтую. Протавъ
воли родительской ядѣ трѣшно; видѣ вы сами въ ядѣшамъ читали,
что блаженъ, име...

— Впрочемъ я больше свѣтѣхъ книги читаю; перебрала всю
Тренетовъ; стараюсь набѣгнуть нравочной.

— И это нехорошо. Нынче свѣтѣхъ книги лишнуть все любов-
ныя слезы и разрытъ, равный...

— Что и говорить умъ! неожиданно вмѣшалась Дарья Никитиш-
на.

на: — слышь по городишъ такой разпротъ пашесть, что особливо ежели съ дѣвушками — просто бѣда; и годъ отъ году все хуже и хуже. Тали дѣло наше-то время вспомишь; бывало и въ банѣ-то виѣсть съ мужчинами шлепкъ, и никакая грѣшная мысль не лѣзла въ голову. Соберешся въ дѣвници, бывало, и жоскся... Развѣ нланный какой бывало залѣдетъ и начнетъ безобразничать. А теперь попробуй-ка въ баню къ мужчинамъ съ дочерями-то пойдти, — грѣха не оберешся съ ними...

Разговоръ плавно покотился по этой дорогѣ, и пошли разные воспоминанія о нравственности былого времени. До сихъ поръ все шло, какъ по маслу, но одно печальное приключеніе неожиданно нарушило гармонию вечера и незнакомило Трешетова съ будничною жизнью этой семьи. Дѣло въ томъ, что въ это время, не подозревая гостей, въ комнату воѣжала Таниа, растрепанная и съ огромной лоханью въ рукахъ; но замѣтивъ Трешетова, она вдругъ смѣшалась, растерялась и опрометью бросилась назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ, она вошла опять, но уже причесанная, въ другомъ, чистомъ платьѣ и безъ лохани, сѣла у двери и видимо хотѣла послушать, не рассказываетъ ли чего Николай Васильичъ. Все это не ускользнуло отъ вниманія Дарьи Никитичны.

— А лохань гдѣ? спросила она вполголоса.

— На кухнѣ.

— Отчего на кухнѣ? Развѣ ты забыла, что я велѣла тебѣ простыни смочить?

— Послѣ смочу, тико отвѣтила дѣвушка.

— Когда это послѣ? въ праздникъ, что-ли, стирать-то будешь? заговорила попадья, возвышая голосъ.

Дѣвушка не отвѣтила и только закусила верхнюю губу. Дарья Никитична не спускала съ нея глазъ.

— Да что ты, мать моя, забарничала сегодня? Чего ты вырядилась-то? А? Праздникъ, что-ли?..

Таниа выпихнула и быстро вышла изъ комнаты. Трешетовъ почувствовалъ нѣкоторую тревогу, однако онъ напрягаетъ вниманіе, чтобы понять и ѳ. Никиту, который въ это время спокойно продолжалъ рассказывать ему какой-то случай въ консисторіи. Дарья Никитична, начинала горничаться.

— Сейчасъ же принеси лохань и стирай, слышишь? крикнула она всадъ ей.

Неслушная Таня— опять внесла грязную юбку и хотѣла было проворно пронести ее въ другую комнату, но при этомъ вышло новое несчастье. Видно дѣвушка была очень взволнована пренеуствіемъ Трепетова; потому что руки ея дрожали, юбка расплескалась и обрызгала полъ и ее платье. Таня окончательно растерялась послѣ этого и, кое-какъ поставивъ юбку, снова обратилась въ бѣгство. Трепетовъ сидѣлъ, точно на угольяхъ, и ждалъ цовой сцены. Дарья Никитична вышла изъ себя.

— Куда, куда барышня? изволь подтереть, коли намочила, закричала она. Ишь, модничать задумала, я тебѣ помодничаю... Паша, позови ее?

Дѣвочка весело отбросила книгу и въ припрыжку поспешила исполнить приказаніе, точно и ей было пріятно досадить Танѣ. Воротившись, она доложила матери, что «Танька не идетъ.»

— Такъ погодижь ты, я тебя усмирю, модница, — прошипѣла попадья, вставая.—Извините меня, Николай Васильичъ, прибавила она, обращаясь къ Трепетову, — вошь дѣвка у меня съ ума сходитъ, — и затѣмъ она вышла, ворча что-то про себя.

Скоро Трепетовъ услышалъ, какъ она начала кричать на весь дворъ: «ахъ ты, гошь копѣчная, ахъ ты, дура неблагодарная» и т. п.; потому былъ слышенъ шумъ какой-то и даже, кажется, побой... такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Трепетову. Паша въ это время выринула.

— Ты чего? спросилъ отецъ Никита, обращаясь къ дочери.

Та присмирѣла.

— Чего ты, бестія, смѣешься? А?—началъ допрашивать отецъ, вставая.

Трепетовъ не могъ оставаться долѣе и, не сказавъ никому ни слова, отправился домой. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи больше владѣть собою. Проходя мимо отвореннаго сарая, онъ слышалъ чье-то всхлипыванье и, скрѣпя сердце, заглянулъ туда. Тамъ, облонотая на связку хомутовъ и склонивъ на руки свою растрепанную голову, горько плакала Таня. Отчаянье и глубокая обида слышались Трепетову въ этомъ плачѣ и самъ онъ точно почувствовалъ на себѣ ту же обиду. Злость душила его. «Такъ вотъ ваши стирья, нравственные правила! И вы еще смѣете глумиться надъ развратомъ городскимъ... Экая низость!» шепталъ онъ, стиснувъ зубы, и съ этой минуты возненавидѣлъ отца Никиту и его супругу.

— Что жъ вы рано уходите, посадили бы! — пригнула ему Дарья Никитична, показавшись на крыльяхъ, какъ на не чемъ не бывало.

— Не знаю, трубе охватить ей Трепещать и отирается досой. Теперь онъ ясно жонялъ те дажее селеніе, какое приходилось переживать Танѣ.

Послѣ ужина, онъ долго ртался между собою книгами, придумывая, что бы дать прочесть ей, и на первой разѣ забралъ «Бѣдныя люди» Достоевскаго. Потомъ онъ усердно приказалъ своей дочери Маню и просилъ ее петихонью передать ему книгу Танѣ.

— Только такъ сдѣлай, чтобы никто этого не видавъ, слышишь? училъ онъ ее.

— Слышу, охватила дѣвочка, съ недоумѣньемъ поглядывая на братя; однако исполнила порученіе въ точности.

VIII.

Николай Васильичъ, послѣ внезапнѣйшій вчерашняго дня сдѣлающъ очень угрюмъ и съ лихорадочнымъ жаромъ прилясъ за книжъ. — «Дрегалюму скорѣе, что слѣдуетъ, — думалъ онъ, да и тягу донѣ отсюда; Богъ съ нимъ, съ этимъ емельяновскимъ счастьемъ!» — Цѣлыя дни просматривалъ онъ въ своей комнатѣ въ мозаичѣ и зубралъ до отупѣнія, до боли головы. Конечно складстическіе учебники того времени, какъ Кайдановъ, Ободовскій и Рождественскій съ братією, не могли заинтересовать его собою, и громадное количество вычитанныхъ фактовъ укладывались въ его голову безъ всякой связи и общаго смысла, — но онъ аметрѣлъ на эти занятія, какъ на непобѣдимое условіе поступленія въ университетъ, который, какъ полагалъ онъ, поможетъ осмыслить ему всё эти аманія и уяснить его безчисленные вопросы. Въ видѣ отдыха, онъ на вечеремъ читалъ журналы и книги для легкаго чтенія, вмѣшивая у него на лицо, и такимъ образомъ день за днемъ проходилъ у него незамѣтно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по видному, крѣпда и рѣчьность его покинуть негость.

Василій Петровичъ и Катерина Ивановна совсѣмъ приутихли и только съ отчаяньемъ поглядывали другъ на друга.

— Нишь-те и сегодня цѣлый день просидѣлъ на вышѣ; — сказавъ иногда, пригорюнясь, матушка.

— Учися все, умно отвѣщать ей, охотѣ Василій и неохотѣ.

Иногда матушка, навѣдывавшись вѣрнѣе, не утерпѣла и подытигала на вышивку, вѣсь поглядѣть на сына. Войдетъ она робко въ его комнату, прищиплетъ гдѣ нибудь въ створкѣ и глядитъ на любимика, глаза не сдвигая. А тотъ хмурится и продолжаетъ упорно шить.

— Ты все книжки читаешь? спроситъ она съ упрямствомъ.

— Читалъ, матушка, — отвѣтитъ тотъ.

— И ты книги, знать, больше меня любишь? Со мной слова сказать не хочешь, а съ ними цѣлые дни...

Сынъ молчитъ.

— Что съ тобой стало, — ума не прележу... Преле же хороши такой былъ...

Сынъ опять ни слова. Мать долге сидитъ, привормилась и привывавать, что бы еще сказать.

— Ишь ихъ тутъ сколько у тебя, во все ширныя книги... продолжалась она, съ глубокимъ отрицательнымъ взглядомъ на вышивотылы книги...

— А ты и сегодня не будешь съ нами обѣдать?

— Бѣтъ, матушка, вы опять сюда приходите.

— Новые порочки стали... Даже и съ друзьями хочешь. Какъ знаешь, твою волю... Миленько мать не будила.

Сынъ молчитъ.

— Ну, а пойду, скажетъ она вздыхая, потомъ медленно скрутится вназадъ, прищуритъ куда нибудь въ уголокъ, да иже стерпитъ, — расхлещется.

Иной разъ тавить же шарады въ отца забредеть къ нему и начнетъ разговоры не ту же тему. Потому, очевидно по порученью родителей, къ нему, ни съ того ни съ сего, началъ приходить дядюшка Захарычъ. Придетъ, усядется и съ разстановкой сообщитъ ему свои премудрыя умозрѣнія, только чтобы отвлечь его отъ этихъ книгъ-то ехидныхъ. Наконецъ эти частые визиты и однообразное нытье на одну тему начали надоѣдать Трешкову и онъ сталъ заширяться на замокъ. И досады, и грустно становилось ироничъ отъ этого сюжетатическаго преслѣдованія и приглядыванья за нимъ, и по разъ появлялась у него беззаконная мысль «удрать развѣ завтра?» но въ то же время онъ смутно сознавалъ что у него не хватало рѣшимости сразу прокончить съ родителями, что, слезы матери обеще-

ружничать его да и денегъ цѣтъ у него ни копѣйки, а безъ денегъ бѣжать неловко. — Тамъ и порѣшилъ онъ: до поры, до времени крѣпиться и по немногу готовиться къ экзамену, и все еще поддерживать въ себѣ надежду, что амось-либо съ теченіемъ времени родители привыкнутъ къ мысли о разлугѣ съ нимъ, и тогда все устроится съ миромъ и любовью. Этой невѣрной, искусственной надеждой онъ убаюкивалъ себя...

— Просидѣвъ въ заперти нѣсколько дней за напряженными работами, Николай Васильчъ утомился, соснутился и началъ нрѣдка показываться изъ своей засады. По вечерамъ онъ выходилъ на площадку передъ церковью и подсаживался къ комунибудь изъ дѣтчиковъ, чтобы поболтать о какойнибудь пустяковинѣ. Вокругъ него тотчасъ собиралась кучка слушателей, сбѣгались ребятишки со всего погоста, и онъ вралъ имъ всякую чепуху, отъ которой общество покатывалось со смѣху. Раза два принимался онъ рассказывать имъ чтонибудь изъ физики, или изъ исторіи, или просто содержание какойнибудь прочитанной повѣсти, и слушатели при этомъ корчили свои физиономіи на серьезный ладъ, слушали съ глубокимъ вниманіемъ и нрѣдка только вставляли свои замѣчанія въ рѣчь: «ахъ, шельма, вотъ поддѣль-то!» и т. п. Иной разъ подкрадывалась къ этому другу и Тама и тоже осторожно прислушивалась къ словамъ Николая Васильча, но чуть только онъ бывало замѣтитъ ее, она зардѣется вся и старается показать видъ, что зашла сюда незначай или мимоходомъ. Между тѣмъ, отецъ съ матерью пользовались прогулками сына для своихъ цѣлей. Какъ только онъ уходилъ изъ дому, они осторожно забирались въ его комнату и тамъ на просторѣ пересматривали до подробностей все его книги, читали его записки, разсматривали замѣтки и при этомъ выводили разные заключенія. Послѣ тщательнаго осмотра, они, какъ ни въ чемъ не бывало, спускались внизъ и тоже иногда подсаживались къ нему на скамейку. Но Николай Васильчъ въ присутствіи родителей обыкновенно умолкалъ и чувствовалъ себя какъ-то неловко, точно кто дотрогивался до его раны.

Однажды, измучившись надъ рѣшеніемъ какого-то уравненія, Трепетовъ вышелъ изъ комнаты раньше обыкновеннаго. Скучно дѣлалось ему; занятія не шли въ голову. На погостѣ верила тишина: все работало въ полѣ, хлѣбъ припасали на зиму. Въ воздухѣ было знойно и душно; солнце агло несмыслимо. Николай Васильчъ

обогнула шею и спряталась въ рѣву, гдѣ стоялъ развѣсистый кленъ, подъ которымъ онъ любилъ лежать на травѣ. Тамъ, подъ тѣмъ же кленомъ, онъ замѣтилъ Таню. Сидѣла голову на руки, она сидѣла на камнѣ и безъ цѣли глядѣла въ даль, на дорогу. Передъ нею стояла корзина съ мокрыми бѣлками, но дѣвухинѣ, очевидно, было не до работы. Трешетовъ осмѣлился подойти къ ней и она, свертъ обмороженія, не убѣждая его ниго, а только инстинктивно оглядѣла себя и выправила волосы.

— Вы все работаете? спросилъ Трешетовъ.

— Да, вотъ бѣлье стирала, — надо снести, а жарко, — отвѣтила Таня.

— Васъ, однако, мучить порядочно...

— Что-жь, надо жѣ работать... Я прежде у нихъ еще больше работала, а теперь вотъ что-то... уставать стала... Я скоро, кажется, совсѣмъ захвораю...

— Простудилась вѣрно?

— Нѣтъ, такъ... скучно что-то.

Таня произнесла эти «скучно» такъ невпринно, что Трешетову жаль стало ея. Онъ не зналъ, что и сказать ей на это.

— А пренесли жѣ книгу, которую я послалъ вамъ? спросилъ, они помолчали немнопо.

— Пренесли...

— Ну, что жѣ Попрарилась?

Такъ прыздумалась...

— Я не знаю, отвѣтила она, — какіе-жь они, «бѣдныя люди»? Дѣвухинъ какой-то страшный, вотъ Попрровскій развѣ... Впрочемъ я ничего не знаю. Я и знать больше читать не буду; право, лучше и не знать, что на свѣтѣ дѣлается; такъ спокойнѣе...

— Неужели спокойнѣе?

— Не знаю... Нѣтъ, я не знаю...

— Отчего вы никогда не хотите говорить со мною?

— О чемъ же говорить-то? Вы человѣкъ умный, а я жѣ ничего не знаю. Прежде, бывало, я много говорила, да отецъ сердился на это: не твою, говоритъ, дѣлу разсуждать, надо слушать, что старшіе говорятъ. Вотъ я и слушаю съ тѣхъ поръ, и молчу. Давно говорить-то ни съ кѣмъ не хочется.

— А бываюте жѣ когда-нибудь несогласны съ тѣми, что старшіе говорятъ...

— Бываю, а какъ смолчу, такъ и лучше: мое всегда со мною останется. Вы скоро увидите? спросила она, помолчавъ.

— Да, надо ждать.

— Счастливыи вы какой, сколько народу-то увидите...

— Вамъ завидно?

— Еще бы!.. скучно безъ людей. Я тоже вѣдь прежде въ городѣ жила, хоть и невесело, а все лучше чѣмъ... Однако, что же я, — спохватилась дѣвушка, — скоро коровы придутъ...

— Танька! а Танька!.. коровы пришли, — послышался голосъ Дарьи Никитичны.

Таня вздрогнула, проворно схватила корзину и побѣжала къ погосту. За нею слѣдомъ поплелся и Николай Васильичъ; разсвѣянно поднялся онъ на вышку, взявъ алгебру и отправился съ нею въ лѣсъ. Тамъ онъ завалился подъ старую сосну и пролежалъ до самой ночи. Конечно, не алгебра занимала его въ эти минуты.

Отецъ Василій съ Катериной Ивановной, видя что Николай Васильичъ не перестаетъ учиться, стали наконецъ серьезно беспокоиться. Поняли они, что тутъ нечего сидѣть сложа руки и ждать пока онъ самъ одумается, а надо дѣйствовать и принимать рѣшительныя мѣры. Но какъ тутъ дѣйствовать? что еще предпринимать? Василій Петровичъ ломалъ голову и ничего не могъ придумать. Наконецъ онъ рѣшился просить помощи у сосѣдей и общими силами обсудить это дѣло, а то, пожалуй, въ Дежинѣ займутъ священническое мѣсто и жди опять тотомъ, когда откроется новая вакансія.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, воспользовавшись отсутствіемъ Николая Васильича, Василій Петровичъ пригласилъ себѣ отца Никиту, позвалъ дьячковъ Филимоныча и Захарыча, и пономаря Силыча, и просилъ ихъ посоветовать ему, чѣмъ помочь горю, потому самъ выходитъ изъ повиновенія, а урезонить его нечѣмъ. Общество чинно усѣлось для совѣщанія; всѣ понимали, что дѣло это очень важное и, нѣкоторымъ образомъ, насаетъ благосостоянія всего погоста. Послѣ неизбежныхъ оканій и жалобъ на нынѣшнія времена, общество приступило къ самому дѣлу.

— Ты самъ, Василій Петровичъ, виновать во всемъ, — началъ солидно отецъ Никита. — Зачѣмъ было смолоду баловать сына, вотъ онъ и не повинуется теперь. У меня бы этого не было, я

бы ему за каждое случайное слово такого трезвану задалъ, что шолоховый былъ бы. А то какой же ты родитель, ежели тебя даже сынъ не боится?

— Кто жь могъ уразумѣть всего, Никита Ивановичъ, — отвѣтилъ жалобно отецъ Василій. — Это вотъ все, она благовница, испортила его — добавилъ онъ, указывая на Катерину Ивановну.

— Не тронь ты меня, Василій Петровичъ, я сама все это понимаю.

— Что жь теперь дѣлать-то, братіе, научите, Христа ради! замолился отецъ.

Общество на минуту сползло, и насупилось.

— Молебень надо бы отпѣть, — всталъ, нерѣшительно Захарычъ, откашлявшись въ кулакъ. Ему не отвѣтили.

— А то вотъ проѣдомъ мужикъ лѣтось былъ, — произнесъ робко Иванъ Силычъ, — такъ онъ сказывалъ, что въ деревнѣ Сумяткахъ солдатъ отставной живеть, ну и онъ.... этотъ самый солдатъ, я говорю....

Всѣ со вниманіемъ посмотрѣли на Ивана Силыча; онъ это чувствовалъ и терялся.

— Что же? спросилъ отецъ Никита.

— Онъ книжки такія имѣеть; сказываютъ отъ всѣхъ болѣзней заговариваетъ, ну и если сынъ тоже.... примѣрно....

— Ври тамъ больше.

— Я и самъ такъ полагаю, — добавилъ смущенный Силычъ, — и думаю, что лучше всего молебень отпѣть....

— Какъ отпѣть-то его? Надо такъ его устроить, что бы Николай не зналъ.

— Все это не то, перебилъ внушительно отецъ Никита. — Тутъ надо прямо брать. Вы мнѣ растолкуйте, онъ въ университетъ, что ли, готовится?

— Да, учится.

— Значить, и книги у него съ собой есть?

— Много книгъ.

— Ну, и кончено дѣло. Надо у него эти книги взять да запрятать куда нибудь, вотъ что. Ежели у него книгъ не будетъ, какъ онъ учиться-то станеть? А? — спросилъ отецъ Никита, самъ восхищенный своею мысляю.

Общество притихло. Сама Катерина Ивановна стала внимательнѣе.

— Такъ ли я говорю?

— Это вѣрно, замѣтилъ Филимонычъ, ибо ежели мнѣ не будетъ, какъ ему заниматься-то?...

— Куда жѣ запрятать книги? Гдѣ не спрячешь, отыщется вѣдь, и его знаю, — сказала мать.

— Въ писанія вотъ что сказано: иже око твоё соблазняетъ тя, вверзи его въ геенну; поэтому я полагаю, что эти книги лучше всего сжечь, — заключилъ отецъ Никита, вставая.

— Убиваться больно будетъ, замѣтилъ отецъ Василій.

— А ты объясни ему ужь, что убиваться грѣшно; что это для его же пользы сдѣлано.

Все общество одобрило гениальную мысль отца Никиты и сообща порѣшило книги сжечь, но только такъ сжечь, чтобъ объ этомъ Николаю Васильичу ничего не знавъ раньше, а то онъ, пожалуй, спасать ихъ начнетъ. Этимъ совѣщаніе кончилось и общество разошлось по своимъ квартирамъ.

Катеринѣ Ивановнѣ такое рѣшеніе пришлось особенно по сердцу, и она задумала не откладывать дѣла въ долгій ящикъ и покончить съ книгами нынче же ночью. Напрасно усовѣщивалъ ее Василій Петровичъ и пугалъ всякими послѣдствіями: матушка ничего и слушать не хотѣла; она понимала только, что если книги сжечь, то Никола учить больше не будетъ, а тамъ, что выйдетъ дальше, про то Господь вѣдаетъ, лишь бы книгъ этихъ проклятыхъ не было.

Долго въ эту ночь она сидѣла на крылечкѣ и все поглядывала скоро ли огонь на вышкѣ потухнетъ. Но долго медлила за завѣской этотъ огонь, и потухъ только тогда, когда свѣтать стало. Сильно билось сердце у Катерины Ивановны; страхъ забиралъ ее и легкая дрожь ходила по тѣлу, но она все сидѣла и раздумывала. Вотъ ужъ заря загорѣлась, вспорхнулъ и залился рѣшій жаропокъ, утренній вѣтерокъ прохватилъ дрожью усталое тѣло Катерины Ивановны; она наконецъ приподнялась, запахнула платкомъ и вошла въ комнату. — «Надо еще съ часикъ подождать, пока зазвезетъ хорошенько», подумала она и прилегла на постель. За перестородой съшлася кашель и крахтѣнье отца Василія; онъ тоже не могъ заснуть отъ тревоги, да и не первую ночь онъ такъ кричитъ и кашляетъ. Пробыло три часа. Катерина Ивановна встала, затопила печку, потомъ положила три земные поклона передъ образомъ и осторожно по-

дошла къ двери сыновней комнаты. Къ счастью ея, дверь эта оказалась незапертой. Николай Васильичъ спалъ, завернувшись съ головою въ старый отцовскій подрясникъ; онъ и не предчувствовалъ конечно, что его лучшіе друзья сегодня осуждены на всесожженіе, и что сію минуту приговоръ надъ ними будетъ исполненъ. Катерина Ивановна чуть слышно подкралась къ ненавистнымъ ей книгамъ, захватила ихъ цѣлую охапку и осторожно стащила внизъ; потомъ поднялась на вышку во второй и въ третій разъ, и скоро всѣ книги перешли въ полное ея распоряженіе. А внизу уже печь трещала и накаливалась, и вотъ полетѣли въ нее одна за другою эти невпикныя мученицы, собранныя Трепетовымъ съ такими трудами и, къ несчастію, попавшіе на этотъ враждебный имъ холмъ. Вотъ вспыхнули томы Карамзина, задымилась ожирѣвшая алгебра, затрещали журналы; долго еще, прижавшись къ сторонкѣ, спасалась отъ общей гибели «племянница» Евгенія Туръ, но потомъ и она вспыхнула, и скоро отъ всѣхъ этихъ плодовъ россійскаго просвѣщенія остался на погостѣ одинъ бурый пепелъ. Окончивъ подвигъ, Катерина Ивановна вдругъ опомнилась и сама испугалась за свое дѣло; мурашки у ней по тѣлу пошли; голова закружилась; и жаль ей стало вдругъ сына, и струсила она за тѣ послѣдствія, какія могутъ выйти изъ этого дѣла. А младшая дочь ея, Катя, бывшая свидѣтельницей этой сцены, бросилась уже трубить по всему погосту, что у брата Николая мать книги сожгла. Поднялся и заговорилъ весь погостъ объ этой новости, развязались языки, поднялись споры и толкъ.— «Быть бѣдѣ!» рѣшилъ Захарычъ, хорошо знавшій характеръ Трепетова, а отецъ Василій съ утра нарочно уѣхалъ куда-то, чтобъ не видѣть скандала.

Бѣды, однако, особенной не вышло. Когда та же Катя утромъ сообщила Трепетову объ истребленіи книгъ, то этотъ фактъ такъ изумилъ его, что онъ совсѣмъ растерялся и долго не могъ придти въ себя. Онъ никогда и представить не могъ себѣ ничего подобнаго, и съ этой стороны нападенія не ожидалъ вовсе. Долго, какъ ошеломленный, сидѣлъ онъ на своей постели, потомъ безсознательно одѣлся, осмотрѣлъ еще разъ мѣсто, гдѣ лежали книги, и спустился внизъ, въ комнату матери. Хотѣлъ онъ что-то сказать ей, да такъ и не сказалъ ничего, и какъ больной опустился на диванъ. Ни жива, ни мертва сидѣла передъ нимъ Катерина Ивановна; страхъ пронималъ ее, въ душу заврадывалось раскаянье. «Хоть бы обругалъ скорѣе»—

думала она, въ отчаяннѣи взглядывая на сына; а тотъ молчать по прежнему, блѣдный и пахмуренный, и только нижняя губа его судорожно вздрагиваетъ. Наконецъ онъ поднялся.

— Я завтра въ городъ ѣду, — глухо, но отчетливо выговорилъ онъ. — Дадите лошадей — ладно, и не дадите — пѣшкомъ уйду.

Мать такъ и занѣмѣла. Николай Васильичъ быстро направился къ двери.

— Вотъ вы чего добились, — прошептавъ онъ уже въ дверяхъ — спасибо вамъ!.. Утѣшпли!..

Онъ хлопнулъ дверью. Мать опомнилась, прожгла ее эти слова, и сама не своя бросилась она за нимъ въ погоню. Въ сѣняхъ она остановила сына и, рыдая, повисла на немъ.

— Прости ты меня, глупую, — закричала она, заливаясь слезами, — не покидай твою мать! для твоей же вѣдь пользы...

— Наблюдать, а потомъ плачуть!.. Пустите же меня! крикнулъ Трепетовъ надтреснутымъ голосомъ и, оттолкнувъ Катерину Ивановну, выбѣжалъ на воздухъ.

А на площадкѣ собрался уже народъ. Всѣ знали, что долженъ выйти скандалъ, и съ нетерпѣньемъ ждали, чѣмъ онъ кончится. Изъ оконъ высовывались головы любопытныхъ обитательницъ; ребяташи, притаившись за угломъ, робко слѣдили оттуда за Трепетовымъ. Кто-то изъ нихъ пустилъ въ него комомъ глины... Николай Васильичъ надвинулъ фуражку и пошелъ черезъ погостъ куда глаза глядѣли, безъ всякаго сознанія; пори шли сами собою прочь съ погоста и хотѣлось ему теперь только запрятаться куда нибудь подалеже отъ этихъ сердобольныхъ лицъ, съ ихъ непрошенымъ сожалѣньемъ и папвной опекой. У моста догналъ его Захарычъ. — Послушайте-ка Николай Васильичъ, — кричалъ онъ, запыхавшись.

— Убирайтесь вы къ чорту, отвѣтилъ ему Трепетовъ, не владея собою.

— Я только на счетъ того, что ежели вы въ свѣтскіе...

— Уйдете ли вы? Я ни за что не отвѣчаю.

Захарычъ смолкъ и отсталъ, ворча что-то про себя.

Трудно описать, что испытывалъ въ эти минуты Трепетовъ; скажу только, что ощущение его было гадкое, болѣзненное, въ немъ было и чувство обиды, и безсиливной злобы, и даже отчаяннѣи. Бровь била въ голову и мучительно металось сердце, точно надавила его

стендовая шкура; сначала она была жестоко и готова бить кнута на своихъ погубившихъ друзей; но потому это жесточеніе перешло въ безнадешное уныніе. «Къ кому же теперь обратиться съ своею болью?» зывала она гдѣ-то. «Всѣ противъ меня; даже лѣтъ двѣхъ отъ меня прямо бросаютъ... Спасибо вамъ!...» Долго шло она по полямъ и болотамъ, наконецъ обезсилѣла и упала на траву. На глаза ея проступили слезы, жгучія, мучительныя слезы, и она зарыдала, какъ не рыдала никогда. Плачь, милѣйшій Николай Васильичъ, благо никто не видитъ слезъ твоихъ! Мучься больно! Эти горькіе уроки пройдутъ для тебя, но безъ пользы. Ты вспомнишь ихъ только два раза!..

А между тѣмъ, негость толковала и пересуживала дѣло во всѣ стороны. Вакаричъ объявлялъ во всеуслышанье, что онъ чуть не убилъ его. Къ Вакаричу Иванова въбралась разныя дутыныя и дутынощныя, и много утѣшковъ узнало въ эти минуты на голову бѣднаго Николая Васильича. Отецъ Никита рѣшилъ размысливъ, что слѣдовало бы созвать мужиковъ да выдрать хорошеняко этого сорванца разъ пять на кошанинѣ, такъ онъ и смарился бы. Филимонычъ, поймавъ въращенное вниманіе, началъ утѣшать Катерину Ивановну, забывъ гена неболговала сына. А матушка слушала всѣ эти рѣчи и лучше надрыдалась, плакала. Передъ вечерней пріѣхала и сестра Васильичъ, и, узнавъ, что сынъ завтра хочетъ уѣхать съ негостя, перепугался до нельзя и прежде всего напалъ на жену. — «Боворилъ я тебѣ, что не надо женѣ, — кричала она въ сердцахъ, — ну, вотъ теперь и уйдеть». Онъ въ этотъ день даже вышелъ изъ своей обычной смиренной роли и поссорился съ отцемъ Никитой, занявъ тотъ для такой косякъ. Отецъ Никита тоже вышелъ изъ себя за эти замѣчанія и гнѣвъ его всею тяжестью обрушился на Дарью Никитичну и Тамару. Словомъ, миръ и тишина на постояль была нарушена...

Наспущивъ вечеръ, а Николай Васильичъ все еще не возвращался, и безмятежность Трехстѣныхъ росло съ каждымъ часомъ. Вотъ уже и ужамать пора, и спать работница; но обыкновенно, напыла на лѣтъ приборовъ, оставивъ одну для поповна «неравно захочеть», — а его это еще нѣтъ. — «Неужели больше не воротится?» шептала въ раздумьи сестра Васильичъ, боясь, чтобъ жена не гдадала его она-вещей. — «Нѣтъ, утѣшала она себя, итѣшиться его еще рано, да итѣшиться тутъ... А что какъ безъ шивала?» — «Холодный плоть шивала» балъ стариковскую голову.

Въ сумерки къ нимъ пришла Степанѣда Петровна и сообщила новое опасеніе, чтобъ Николай Васильичъ руку на себя не наложилъ, потому что если ужъ онъ родителемъ не почитается, такъ отъ него все станется; при этомъ просвирина разсказала даже, какъ она, «еще въ дѣвущинахъ бывши», читала одну толстую книжку, и въ этой книжкѣ такая же исторія описана. Трепетовы почти не слушали ея болтовню, а между тѣмъ, у нихъ стала мелькать и эта мысль: «что, если померь?» Послѣ ужина, отъ Васильича не перенесъ безпокойства и надѣлъ ряску и шляпу.

— Куда ты? спросила жена.

— Пойду, поищу, можетъ и въ лѣсу гдѣ... кстати прогуляюсь...

Часа два бродилъ онъ по лѣсу и по берегу рѣки, и воротился домой усталый и погубольной. Отъ постоянной нервной тревоги, онъ почувствовалъ лихорадочные припадки и, сбросивъ терпеливо отсырѣвшую отъ росы ряску, прилегъ на кровать. Разъ десять просыпался онъ въ теченіи ночи и вскакивалъ испуганно спрашивалъ себя «гдѣ то онъ теперь? можетъ и не живъ ужъ?»...

Но тревожились старики напрасно. На другой день къ втору Николай Васильичъ, ко всеобщей радости; воротился на погостъ. Онъ былъ только блѣднѣе обыкновеннаго и сильно осунулся за эту ночь; въ рукахъ у него были три книги въ раскопанныхъ переплотахъ... Онъ хотѣлъ незамѣтно пройти въ свою комнату, но отецъ остановилъ его въ дверяхъ.

— Гдѣ ты былъ, Николай, говори, Бога ради?

— Гдѣ-жъ мнѣ быть? У Вихлиева былъ.

— А ты какъ... здоровъ?

— Не совсѣмъ. Я пойду, полежу немного, а вы мнѣ не мѣшайте.

Трепетовъ поднялся на свою вышку и легъ: лихорадка и его забрала; организмъ не выдержалъ такой передраги. Голова отупѣла, въ ней туманъ какой-то, а между тѣмъ, все еще сверлятъ мозгъ жгучіе вопросы: какъ быть? гдѣ выходъ? время вѣдь не тернить... Онъ рѣшился было убѣжать отсюда, да нѣтъ, силъ все еще не хватаетъ, мать жалко вдругъ стало бросить, да и Вихлиевъ тоже совѣтуетъ подождать. Долго Трепетовъ напрягалъ свою голову чтобы обдумать свое настоящее положеніе, но ничего не выдумалъ и болѣеменно зѣвнулъ. Апатія напала на него... Передъ ужиномъ къ нему вошла сестра его Мама.

— Матушка спрашиваетъ, не хочешь ли ты ѣсть? сказала она.

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтила онъ ей.

— И молока не хочешь?

— И молока не хочу.

Маша, однако, не уходила и, бояливо поглядывая на брата, искала чего-то въ карманѣ.

— Что ты, Маша?

— Танюша велѣла тебѣ бумагу отдать, да тебя дома не было— сказала она, подавая брату смятый ключокъ бумаги. На этомъ ключкѣ поторопливо было написано карандашомъ: «Сю минуту я услышала, то Никита Иванычъ говорилъ, что ваши книги жечь будутъ, и потому вы ихъ спрячьте, а то учиться нельзя будетъ. Т.»

— Когда она дала тебѣ это?

— Еще позавчерась.

— Ну, смотри, Маша, никому не сказывай.

— Я не скажу, Танюша тоже просила.

Маша ушла. Николай Васильичъ еще разъ перечиталъ письмо и пожалѣлъ, что получилъ его слишкомъ поздно. Сталъ онъ вдумываться потомъ въ тѣ побужденія, которыя руководили Таней при этомъ письмѣ, и убѣдился, что тутъ главную роль играло одно безрасчетное, теплое сочувствіе къ нему. Значить, понимала добренькая Таня, какъ трудно было для Третьякова потерять книги. «Чужая поняла меня», думалъ онъ и чувствовалъ, что съ этой минуты она стала ему не чужая.

Утромъ Николай Васильичъ сошелъ внизъ и, отъ нечего дѣлать, спросилъ поѣсть. Катерина Ивановна съ радостью наставила ему цѣлый столъ разныхъ кушаньевъ, но онъ только дотрогивался до нихъ, а ѣсть не могъ. Мать съ перваго взгляду замѣтила, что сынъ ея нездоровъ, что глаза у него мутные и лицо, какъ у покойника.

— Дай, Николая, я тебѣ примочку на голову положу, да бузины напоюся,— сказала она какъ можно ласковѣе.— Вѣдь ты совсѣмъ болѣвъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, матушка, мнѣ что-то нездоровится; полети-на меня.

Катерина Ивановна уложила сына, обклеила его голову мокрыми тряпками и напоила бузиной. Кто можетъ лучше матери ухаживать за больнымъ сыномъ? Третьяковъ понималъ это и, прощаясь съ матерью передъ сномъ, крѣпко пожалъ ей руку.

— Конечно тебѣ, матушка, прощитала ея.

— То-то, глупый, отвѣтила на, кѣнув голову сына, ты думаешь, что мать тебѣ зла желаетъ? Ну, кто въ бытвомъ-то бунтѣ уживать такъ за тобой?

— А все-таки эти опустивши мои вѣхъ?

— Опять вѣхъ? Господи, да что-жъ это такое?...

IX

Прошло еще нѣсколько дней. Каверина Ивановна, зная, что сынъ начинаетъ опять разговаривать съ нею и сдѣлался какъ будто ласковѣе, — совѣтъ было ожда; въ ней проснулась надежда, что, можетъ быть, онъ одумался, и, вслѣдствіе этого, съ новымъ жаромъ возобновила она прежнія ухаживанія, улаживанія и упреки. Опять пошли разные немирныя сцены, которыя болѣе и болѣе тяготали Трепетова. Наконецъ, желая вовсе прекратить эти сцены, онъ объявилъ матери, что если она задумаетъ еще разъ дѣлать и шить передъ нимъ, онъ сейчасъ же уѣдетъ съ погоста. Послѣ этого все смолкло въ семьѣ и принимало въ присутствіи Навоная Васильича какой-то напряженно-спокойный видъ, хотя никому не чувствовалось легче отъ этого жальцоваго, мучительнаго одиночества.

Положеніе нашего героя было очень невеселое. Онъ все еще крѣпился и не отступалъ отъ своего намѣренія, но и не признавалъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Трепетовъ теперь убѣдился окончательно, что мать добродыше никогда не согласится опустить его въ университетъ, убѣдился и въ томъ, что если онъ уѣдетъ безъ ея согласія, то это уѣдетъ ее и навсегда, можетъ быть навсегда, разстроитъ счастье родной семьѣ. А это пугало Трепетова. По привычкѣ дѣтства онъ все еще любилъ свою мать, считалъ себя обязаннымъ ей, цѣнилъ ея прежнія ласки; ему хотѣлось бы по прежнему дѣлать съ нею свое горе и радости, вызывать ея сочувствіе къ своимъ думамъ и дѣламъ, и считать своимъ другомъ до самой смерти; кромѣ того, онъ все еще сознавалъ на себѣ таинственнаго-то нравственнаго долга, въ силу котораго считалъ себя не въ правѣ ссориться съ семьей, оскорблять ея и поступать противъ ея желанія. Для того, чтобы исполнить этотъ долгъ и сохранить любовь семьи,

иногда было оставаться отъ тѣхъ задуманныхъ плановъ, съ которыми давно сроднилась его натура, и пренебречь свою заманчивую будущность на ту низкую жизнь, которую онъ видитъ впереди себя; но такая жертва, казавшаяся, была не по плечамъ ему, потому что его видѣли хоть частіицу свѣта, тому же хочется, да и трудно оставаться въ потьмахъ. И вотъ сталъ Николай Васильичъ на раздумья, и напрасно напрягалъ онъ свой усталый мозгъ, чтобы найти выходъ, безобидный для себя и для семьи, — выхода не было, а между тѣмъ, и такъ жить становилось невыносимо.

Трезвонъ замѣтивъ, что въ послѣднее время весь погостъ точно отшатнулся отъ него. Идетъ ли онъ по площадкѣ, все пятитъ на него глаза съ обиднымъ сожалѣніемъ, жалъ на помѣшаннаго; заговорить же съ кѣмъ, всякій нарочито образумить его и прельстить кратотами сельской жизни. Даже дѣти при его довлѣніи умоляли, свѣдѣли за нимъ съ искронымъ любовітствомъ, и на разъ Трезвонъ слышалось брошенное вслѣдъ ему слово «свѣтскій» съ самымъ то ругательнымъ оттѣнкомъ. Да оно и естественно: всѣмъ живущимъ погоста, конечно, непонятно было состояніе отца Василия съ женою, чѣмъ жтъ сына, и потому они болѣе оцувствовали итъ, чѣмъ ему, а при такомъ оцувствіи старались общими силами смирить еретика и обратить его на путь истинный. Дома тоже утѣшався немного: тамъ всѣ сидятъ молча, похѣвая головы; стѣны похуждѣли и бродятъ самъ на своей по комнатахъ съ убитой встревоженной мимой; онъ и пчелы своихъ забылъ совѣтъ и на требы пересталъ ѣздить. Мать сидитъ гдѣ нибудь въ углу, и хотя не плачетъ при сынѣ, но видно, что слезы у нея всегда на готовѣ. Обрадовая сторона жизни остается также, но не тѣтъ въ ней смысла; нѣтъ прежняго смородствія и оттѣнка самодвольной новитости, которая видѣлась прежде въ каждомъ обрядѣ. Такъ же всѣ ложатся спать, но не спать, ходятъ на работу, но не спорится работа, столы накрываютъ, но рѣдко кто проглотитъ нѣсколько плотковъ супу, и тольма всѣ спрашиваютъ другъ друга, «отчего ты не ѣшь?» хотя и понимаютъ причину. Тольма двѣ младшія сестры Трезвонва живутъ по прежнему, полною жизнью и ѣдятъ съ аппетитомъ, потому что у нихъ вса мѣръ и свои ребяти и нягрясы. Конечно, и они замѣчаютъ, что въ семьѣ происходитъ нѣчто странное, но это теперь имъ не совѣтъ понятно, а будетъ понятно въ послѣдствіи, когда они сами станутъ въ такое же по-

ложеніе. Иногда, чтобы разсѣять думы родителей, Николай Васильичъ начинаетъ разговаривать съ ними о чемъ нибудь постороннемъ, но разговоры выходятъ искусственныя, смѣхъ болѣзненный, отъ котораго еще тяжелѣе становится, и рассказчикъ самъ начинаетъ понимать, что этимъ онъ не устранилъ катастрофы и не примирится съ родней. Сидитъ съ ними долго Николай Васильичъ, наконецъ его самого одурь возьметъ и тяжело сдѣлается; онъ инстинктивно выходитъ на свѣжій воздухъ и ищетъ, на чемъ бы успокоиться, чѣмъ бы развлечься. А тамъ опять окружаютъ его разные Захарычи и Силычи съ сердобольными лицами и непрошеннымъ участиемъ.

Этотъ разладъ съ окружающей обстановкой, это давящее чувство полнаго одиночества и отсутствіе всякой внѣшней поддержки—сильно и разрушительно дѣйствовали на неустановившуюся еще патуру нашего героя. Ежедневныя ссоры и непріятности сначала раздражали и сердили его, а потомъ это ожесточеніе перешло въ одну постоянную, вѣчно-ноющую боль, которая съ каждымъ днемъ сильнѣе томила его. Особенно сильно начало мучить его сознаніе, что онъ разстроилъ счастье своей семьи, что заставляетъ страдать свою матушку, которая сдѣлала для него такъ много и ожидала отъ него одной только любви и утѣшенія,—а онъ чѣмъ отплатилъ ей за это? Онъ видѣлъ, что его родители томятся, худѣютъ, болѣны совѣтъ, и онъ одинъ главный виновникъ ихъ тревоги. Что-жъ тутъ дѣлать? Столковаться съ ними нѣтъ надежды, тянуть дальѣе это положеніе—силъ нѣтъ, съ ума сойдешь; значитъ надо рѣшить немедленно: быть или не быть? а это вопросъ слишкомъ важный—вопросъ жизни и смерти. Приходилось взвѣсить всё шансы и смѣло, съ глубокимъ анализомъ ощупать свои личныя привязанности, чтобы узнать, что для него выше: потребность ли знанія и другой свободной жизни и дѣятельности, или ласки родителей, ихъ любовь и ухаживанье?.. Но какъ тутъ узнаешь это, когда измученная голова совѣтъ отказывается работать и нервы просятъ отдыха?

Утомился Трепетовъ отъ этой непосильной борьбы. Въ головѣ его стоялъ туманъ, хотѣлось выйдти какъ нибудь изъ этого положенія, чтобы окончательно не сойти съ ума, и не было вокругъ его никого, кто бы могъ указать ему этотъ выходъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ гнетущей тоски, у него начала даже иногда являться отчаянная мысль объ уступкѣ. «Остаться развѣ?» думалъ

онъ. «Вѣдь и тутъ можно жить, пожить и прожить не безъ пользы! Можно понемногу изучать условія мѣстной жизни, помогать прикоманданъ по мѣрѣ возможности: заводу шлоку, въ проповѣдяхъ моихъ жизненный смыслъ будетъ, а потомъ... Что, потомъ?.. Далѣе уже нечего пить. Да и что, если эта жизнь вдругъ не кончится? вѣдь перелѣны никакой быть уже не можетъ, и рюм не бросишь?... такъ и придется пребывать изо дня въ день до гробовой доски! А между тѣмъ, каждый съѣдъ, каждая былинка и травка, и весь соняда. оружующей жизни будетъ беззабѣтно втягивать въ известную колею, вотомъ востепенно заврутъ. вопросы ж. желанія, и дѣтъ черезъ нитки — сами не узнаете себя.... Ини и тамъ можно бороться и жить!.. а. Тамъ думалъ Третьковъ и сознавалъ, что мысль объ этой уступкѣ — уже гнѣвна временнымъ стремленіямъ, что проидеть еще нѣсколько дней, и эта чуждая ему жизнь можетъ охватить его со всѣхъ сторонъ и увлечь въ свой коловоротъ... — «Намочите!» вывалъ онъ въ отчаянныя всаму мѣру. — «Помогите, — кадан!»..»

Третьковъ, отчаясь, самъ былъ виновать въ томъ, что довелъ себя до такого тяжелого состоянія. Если бы онъ съ первыхъ же дней позволилъ погостить, разрывъ крипелъ бы для него и для родителей съ меньшей болью, но, откладывая со дня на день рѣшеніе своего дѣла, онъ только напрасно усиливалъ свои боли и тревогу своихъ родителей. Съ каждымъ днемъ для него являлись новыя комбинаціи, работа усложнялась и быстро втягивала его въ то безвыходное положеніе, въ которомъ онъ теперь чувствовалъ себя. Известно вѣдь, что неясность положенія болѣе томительна, чѣмъ самое исполненіе факта. Но Третьковъ этого не хотѣлъ понять и боролся какъ-то механически, почти безсознательно, самъ же охваченный своимъ порывомъ разными размышленіями и надеждами, вовсе неидущими къ дѣлу.

Время, между тѣмъ, проходило безплодно, а Третьковъ все еще не приискалъ себѣ выхода и только путался больше. Наконецъ, онъ рукой на все махнулъ и сталъ переживать день за днемъ въ полнѣйшемъ безмыслии и бездѣйствіи, точно ждалъ чуда какого то, которое устроить ему развязку. На него напала полная, болѣзненная апатія: туго глядѣлъ онъ на ходъ жизни: на погостѣ, на кровати матери и ушныя отца; лезть на диванъ и лежать, какъ власть, или бродить гдѣ нибудь, безъ цѣли, а сердце у него все червякъ какой-то сосеть, влоя червякъ, котрому, однако, инъ и имени не

придумалъ. Если ужь слишкомъ тяжело дома сдѣлается, онъ уйдетъ къ Вихляеву и играть съ нимъ въ шахматы или почитать въ его библиотекѣ. Онъ думалъ забыться въ чтеніи и пробудить въ себѣ остывшій жаръ къ занятіямъ, но странно, даже такія книги, за которыя прежде онъ полжизни отдалъ бы, и онъ теперь не могъ заинтересовать его; гадѣль онъ въ нихъ и ничего не видѣлъ, точно на глазахъ у него сѣтка какая, а на мозгѣ непроницаемая плева выросла. Разговоры Вихляева не занимали его, плоскія шутки помещика нагоняли на него вѣзету. Пробовалъ онъ разъ какъ-то поговорить съ нимъ откровенно о своемъ положеніи, но помещикъ отвѣтилъ ему, что въ университетѣ очень хорошо, но что и священникомъ быть тоже очень хорошо, особенно въ сосѣдствѣ съ нимъ, Вихляевымъ; и, во всякомъ случаѣ, онъ совѣтовалъ ему прежде всего отдохнуть и полечиться немного. — Хорошо, — отвѣчалъ ему Трепетовъ и возвращаясь домой искать утѣшенія, а тамъ его встрѣчали опять тѣ же печальныя лица, то же тяжелое безмолвіе.

Однажды, послѣ щекотливаго объясненія съ матерью, Трепетовъ ушелъ изъ дому и трое сутокъ спасался у Вихляева. Наконецъ безпокойство о домашнихъ овладѣло нимъ и онъ рѣшился воротиться. На дорогѣ встрѣтилъ его отецъ, блѣдный и особенно чѣмъ-то взволнованный.

— Я за тобой, сказалъ онъ сыну.

— Что случилось?

— Мать больна, и боюсь, чтобъ тво... не вышло бы худо. Она и то ужь...

Отецъ говорилъ нервно и глухо.

— Песлушай, Николай, вѣдь это все изъ-за тебя, неблагодарный!.. Пожалѣй ты ее!.. Притворись ужь лучше, все легче ей будетъ, а то... Слушай, тебѣ это все одно, а я-то какъ же останусь? Миѣ безъ нея не сдобровать...

Голосъ старика дрогнулъ и нижняя губа задрожала.

— Чѣмъ же я-то виноватъ здѣсь, батюшка? Вы думаете миѣ самому легко? тихо сказалъ Трепетовъ.

— Уѣзжай ужь ты скорѣе... безъ тебя легче было... право, — провзнесъ отецъ, утирая скатившуюся слезу... Ты и меня плакать заставлялъ, а я двадцать лѣтъ не плакалъ... Вотъ что ты сдѣлалъ...

— Успокойтесь, ради Бога, — шепталъ растерявшійся Николай Васильевичъ и торопясь отца домой.

Они вмѣстѣ вошли въ комнату, гдѣ на кровати лежала Катерина Ивановна, обвязанная разными тряпками. Въ комнатѣ пахло уксусомъ. Подлѣ больной хлопотала Степанида Петровна и прикладывала къ головѣ ея мокрая полотенеца. Съ Катериной Ивановной въ послѣднее время довольно часто начали дѣлаться нервные припадки: проживъ спокойно столько лѣтъ, она, конечно, не могла перенести всей этой передрыги, а послѣ того, какъ Николай Васильичъ на трое сутокъ пропалъ куда-то, она совсѣмъ слегла. Сжалось сердце Трепетова, когда онъ подошелъ къ больной, и тяжело было ему видѣть ея страданія, причину которыхъ онъ зналъ хорошо. «Неблагодарный!» слышались ему слова отца, отъ котораго онъ никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Значить, сильно было ихъ горе, что даже вротій отецъ рѣшится произнести это слово. «Когда-жъ наконецъ, и чѣмъ все это кончится?» подумалъ юноша, теряя всякую рѣшимость.

— Матушка, что жъ мнѣ дѣлать-то? спросилъ онъ, наклоняясь надъ матерью.

— Что хочешь, сынъ, твоя воля, не уходи ты только отъ меня, — слабо отвѣчала Катерина Ивановна.

— Ну, хорошо, такъ и быть, я еще мѣсяца три проживу съ вами, а тамъ какъ нибудь столкнемся.

Мать не отвѣтила ему и заплакала. Степанида Петровна тоже не выдержала наконецъ.

— Бога ты не боишься, тиранъ ты эдакой, варваръ жестокой, закричала она. — Хоть бы креста-то ты побоялся, фармазонъ ты окаянный, и т. п.

— Оставь его, Степанида Петровна, — замѣтила мать, всхлипывая, но просвирия ужъ если начала ругаться, то остановить ее было трудно. Долго она причитывала надъ Катериной Ивановной, обращаясь съ разными упреками «къ тирану», но Николай Васильичъ не слушалъ ея; на него точно столбнякъ нашолъ, и онъ до поздней ночи просидѣлъ неподвижно въ ногахъ у больной матери.

Бываютъ минуты, что умереть хочется, что окружающія невзгоды отравляютъ самую любовь къ жизни. Страшны эти моменты одуряющаго и жертвющаго отчаянья, потому что тогда человѣкъ очень близокъ къ помѣшательству. Ихъ переживалъ теперь Трепетовъ...

На другой день къ вечеру, мужикъ принесъ отъ Вихляева письмо, адресованное на имя отца Василья. Въ этомъ письмѣ помѣщикъ

уведомялъ «батюшку» что на лексикскую священническую вакансію просятся очень многіе, и потому просилъ его къ завтрашнему дню сообщить ему, Вихляеву, окончательный отвѣтъ: согласенъ ли Николай Васильчъ занять это мѣсто, или нѣтъ? Неизвѣстно, ради какихъ побужденій писалъ это Вихляевъ, зная очень хорошо настрѣнія Трепетова, но, какъ бы те ни было, письмо произвело свое дѣйствіе, и у отца Василія совсѣмъ руки опустились.

Николай Васильчъ тотчасъ узналъ о содержаніи этого письма отъ своей сестры Маши, выругалъ отъ души помѣщика, однако не рѣшился спуститься внизъ. Онъ понималъ, что рѣшительное объясненіе теперь неизбежно, и боялся за себя и за свою твердость. Въ томъ-тождественномъ ожиданіи началъ онъ перелистывать какую-то книгу, а самъ думалъ со страхомъ: «вотъ-вотъ сейчасъ отвернется дверь и войдетъ отецъ. Какъ отвѣтить ему?»

Однако черезъ нѣсколько минутъ вошелъ не отецъ, а сама Екатерина Ивановна. Слабая, блѣдная и тяжело переводя духъ, остановилась она въ дверяхъ... Николай Васильчъ никакъ не ожидалъ увидѣть мать, потому что она до сихъ поръ все еще не сходила съ постели.

— Матушка, что вы это? произнесъ онъ, подбѣжавъ къ ней и поддерживая ее.

— Вотъ я больная совсѣмъ, а притащилась къ тебѣ, прошептала та, опускаясь на стулъ.— Дѣло важное... Вотъ читай письмо...

— Я знаю его, сказалъ Николай Васильчъ, бѣгло прогладѣвъ письмо.— Вотъ что, матушка, ради Бога не будемъ говорить объ этомъ. Ты теперь больна, а поправишься, — мы и потолкуемъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ давай сегодня послѣдній отвѣтъ... Я не уйду иначе. Пожалѣй же ты меня наконецъ, Николая! Вѣдь я только и жила для тебя... всѣ мои заботы только о тебѣ одномъ... Николая... я и умру, пожалуй, скоро... такъ ты ради смерти-то хочъ...

Екатерина Ивановна не могла продолжать. Важность этого момента отняла у ней послѣднія силы; она понимала, что отъ послѣдняго отвѣта сына зависитъ все ея будущее счастье. Откажись онъ теперь, и завтра же займутъ мѣсто, и тогда исчезнетъ ея послѣдняя надежда. Она съ судорожнымъ рыданьемъ припала къ сыну на грудь и ухватилась за него, точно боялась, что онъ уйдетъ.

— Николая... вѣдь ты одинъ у меня, заговорила она перерывисто.— Ну, помри отецъ, на кого мы всѣ останемся? Вѣдь я изболѣю

совѣмъ за тебя, и такъ ужъ я изболѣла... За каждый шагъ твой боялась... сколько ночей не спала, все Богу молилась, все худое бывало лѣзеть въ голову... И вотъ, думала, теперь успокоюсь... Никола, родной мой, да неужели жъ ты прѣвѣняешь на кого мать свою?.. Вѣдь, право, хорошить тебя было бы легче...

— Матушка, не мучьте вы меня, — могъ только произнести Трепетовъ.

— Ты повинуть меня хочешь, ты не любишь твою мать, тебѣ каждая вѣска дороже... А я-то, глупая, думала... Нѣтъ, Никола, ты не сдѣлаешь этого... Послушай меня, сынъ мой, другъ ты мой, пойми же ты наконецъ, что мать никогда тебѣ зла не желаетъ... Помнишь, какъ мы жили прежде съ тобой? а теперь что?.. Испортили тебя злые люди... не такой былъ прежде...

Николай Васильчъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ на руку голову свою. Каждое слово матери отзывалось въ немъ болью, но онъ молчалъ; онъ не могъ говорить и только чувствовалъ, что самъ готовъ разрыдаться. Катерина Ивановна молча и перерывисто всхлипывала и сквозь слезы долго шептала ему слова любви и упрека; потомъ она точно опомнилась, отерла слезы и пристально поглядѣла на сына.

— Ну, что же ты? спросила она довольно твердо, — надо вѣдь отвѣчать сегодня.. Ну, какой отвѣтъ дать? будь, что будетъ... Все, небось, къ свѣтскимъ хочешь?..

Сынъ по прежнему молчалъ, блѣдный, какъ въ пытку. Катерина Ивановна сама поблѣднѣла, не спуская глазъ съ сына. Ужасъ овладѣлъ ею.

— Нѣтъ, нѣтъ, коли ужъ ты не хочешь, — не говори лучше! Пусть хоть надежда какая останется... Господи, помоги ты мнѣ! крикнула она и опять залилась слезами.

— Тяжело наконецъ это, — простоналъ Николай Васильчъ и машинально поднялся.

— Не уходи, Бога ради! въ испугѣ сказала мать и тоже поднялась.

— Не убѣгу, не бойтесь, прошепталъ сынъ.

— Ну, такъ говори же послѣдній отвѣтъ, писать вѣдь надо... Говори что нибудь, не мучь только... Никола, больно вѣдь; пожалѣй мать больную... — произнесла она съ такимъ понятнымъ ему стра-

комъ, что Николай Васильичъ не могъ больше владѣть собою. Онъ бросился къ ней на грудь и самъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Твой я, матушка! Дѣлай ты со мной, что хочешь!.. прощай-такъ онъ ей, не помня самъ себя...

Въ тотъ же вечеръ отецъ Василій сочинилъ письмо къ Виклеву, что сынъ его, Николай, изъявилъ желаніе поступить священникомъ въ село Лежино, помѣщика Курдюкова.

Возликовалъ весь негостъ емельяновскій. Радостная вѣсть «согласился» облетѣла всѣ уголки его мирныхъ обителей; всѣ ожили, заговорили о предстоящихъ празднествахъ и радовались, что скоро опять водворятся на погостъ прерванный покой и тишина. Во многихъ окнахъ далеко за полночь все еще свѣтились огни, только маска вторая настала.

Н. А. Благовѣщенскій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТА.

I.

ВИДОИЗМѢНЕНІЯ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ.

Ежедневно возрастающій недостатокъ въ деньгахъ придаетъ вопросу о кредитѣ большое значеніе, въ особенности потому, что вопросъ этотъ тѣсно связанъ со множествомъ другихъ важнѣйшихъ общественныхъ задачъ. Всѣ они должны разъясниться или потерять всякій смыслъ, какъ только откроется возможность удовлетворительно отвѣчать на этотъ повсемѣстный то грозный, то страдальческій крикъ: «денегъ, денегъ!»

Практическій смыслъ даетъ кредиту слѣдующее опредѣленіе: кредитъ есть тотъ процессъ, посредствомъ котораго известная доля налично-существующаго богатства или капитала затрачивается въ виду возвращенія ея, съ приращеніемъ или безъ приращенія, изъ будущаго производства, т. е. *овърнется будущему*.

Если мы возьмемъ самый простой изъ встрѣчающихся на практикѣ видовъ кредитныхъ операцій, то мы увидимъ, что смыслъ его вполне объясняется этимъ опредѣленіемъ: не имѣя ничего въ наличности, кромѣ умѣнья и способности работать, я беру въ займы (кредитуюсь) у капиталиста, которому почему-нибудь внушаю довѣріе, — сумму, необходимую на покупку матеріала, который я обработаю и обращу въ продуктъ, годный для общественнаго потребленія. Продавъ этотъ продуктъ, я возвращаю капиталисту занятыя у него деньги и съ прибавкою условленныхъ процентовъ. Я доволенъ, потому что получилъ возможность самостоятельнаго производителя; капиталистъ доволенъ, потому что получилъ безъ малѣйшаго труда известную

долю богатства, въ созданіи котораго онъ участвовалъ чисто пассивно, т. е. только взносомъ своего капитала; общество тоже довольно, потому что производитель явился тамъ, гдѣ безъ кредита его не могло быть.

Останавливаясь на первомъ и самомъ общемъ опредѣленіи кредита, мы видимъ, что это одинъ изъ тѣхъ процессовъ общественнаго организма, посредствомъ котораго общество въ каждую данную минуту затрачиваетъ извѣстную долю наличнаго своего богатства, какъ матеріалъ, какъ сѣмя будущей производительности. Сѣмя это оплодотворяется трудомъ активнымъ, дѣятельнымъ началомъ всякой производительности, и изъ него рождаются новые ряды продуктовъ: изъ нихъ извѣстная доля истребляется для удовлетворенія насущныхъ потребностей общества, а остатокъ *капитализируется*, т. е. сохраняется для того, чтобы снова быть пущеннымъ въ оборотъ и т. д.

Такъ какъ необходимость будущей производительности составляетъ одну изъ постоянно-присущихъ общественному организму потребностей, то кредитъ является какъ бы обязательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистъ можетъ не вѣрять другому лицу обработки своего капитала, но если онъ и самъ не станетъ его обрабатывать, то чтобы продолжать существовать въ будущемъ—такъ какъ онъ ничего не создаетъ,—ему придется уничтожать уже созданное. Въ частности такіе случаи встрѣчаются нерѣдко, но цѣлое общество никогда еще не представляло подобнаго примѣра.

Общій основной характеръ кредитныхъ операций нисколько не измѣняется отъ того, соединяетъ ли одинъ и тотъ же человекъ въ себѣ роль должника и заимодавца, или же роли эти распределены между двумя лицами или больше. Первые вопросы, которые предстоитъ рѣшить, чтобы опредѣлить условія производительности кредита, остаются все тѣ же; но измѣняется самый способъ ихъ рѣшенія, и въ особенности на практикѣ.

Затрачивая извѣстный капиталъ, я необходимо долженъ сообразить прежде: сколько вѣроятности на то, что капиталъ этотъ возвратится изъ будущаго?—Очевидно, что если я самъ же обрабатываю капиталъ, то мнѣ предстоитъ рѣшить только: можетъ ли быть выгодно предприняемое мною производство? если же я даю его другому, то тутъ уже важную роль играетъ довѣріе, внушаемое мнѣ этимъ лицомъ.

Затѣмъ, возникаетъ другой существенный вопросъ: съ какимъ

именно приращеніемъ долженъ вернуться ко мнѣ затрачиваемый капиталъ? Вопросъ этотъ очень просто рѣшается чисто-техническимъ путемъ, когда капиталистъ рѣшаетъ его самъ съ собою; но чуть явится здѣсь второе лицо, то онъ не замедлитъ принять такую сложность, что самые ученые эконоmistы едва ли успѣли бы выяснитъ его надлежащимъ образомъ. — Когда я рѣшаюсь самъ обрабатывать свой капиталъ, то соображаю слѣдующимъ образомъ: если я пушусь со своимъ капиталомъ въ такой-то оборотъ, то, приложивъ къ нему максимумъ труда, на который я способенъ, получу съ него, положимъ, 10%; а другое предпріятіе, при тѣхъ же условіяхъ, дастъ мнѣ ихъ 15%. — Когда же я хочу отдать его другому, то соображаю совсѣмъ иначе, или же просто наравлю сорвать съ него, на сколько возможно, больше, если я не стѣсненъ какими нибудь чисто-случайными соображеніями. Разумѣется, что мы будемъ разсматривать здѣсь эти вопросы относительно тѣхъ кредитныхъ операцій, которыя совершаются между двумя или нѣсколькими лицами.

Организовать кредитъ, значить открыть полную фактическую возможность каждому нуждающемуся въ немъ пользоваться имъ, по возможности, легчайшимъ и дешовѣйшимъ образомъ, и притомъ съ большей выгодой для общественной производительности.

Старая политико-экономическая теорія и практика не выработали ни одной кредитной системы, которая бы вполнѣ удовлетворяла этимъ требованіямъ. Ростовщичество, въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ, нельзя назвать кредитомъ въ собственномъ смыслѣ, потому что воровство и монополю нельзя относить къ нормальнымъ явленіямъ соціальной жизни. Что же касается *личнаго* кредита, основаннаго на случайномъ довѣрїи одного лица къ другому, то это — исключительное явленіе, стоящее внѣ экономическихъ законовъ, это — первобытная форма, которая при дальнѣйшемъ развитіи общества сама собою исчезаетъ. Затѣмъ остается третья система — *ипотекальнаго* кредита, на которой остановилась современная политико-экономическая наука.

Но и эта послѣдняя форма кредита прошла чрезъ такія противорѣчія и злоупотребленія, что отрицаніе ея, во имя лучшаго соціальнаго порядка, становится неизбѣжнымъ.

Отрицаніе это до сихъ поръ еще не дошло до того, чтобы открылась положительная возможность обобщенія кредитныхъ операцій безъ всякой гипотезы; но понятіе о самой гипотекѣ значительно по-

двинулось впередъ отъ первообразной своей формы: — такъ называемаго теперь ручного залога...

Какъ первый шагъ впередъ, по этой дорогѣ, является возможность закладывать известные предметы, не лишая себя права пользования ими.

Затѣмъ, вмѣсто вещественнаго залога, является (при внесельномъ займѣ) *абстрактная* ипотека, т. е. возможность ссуды, обеспеченной только *сознаниемъ*, нравственною увѣренностью въ состоятельности должника, т. е. въ томъ, что затрачиваемый капиталистомъ капиталъ не вѣрнется будущему, а уже обеспеченъ существующими въ наличности стоимостями.

Дальше этого второго шага старые ортодоксальные экономисты не пошла, а употребили всѣ свои старанія на то, чтобы организовать, по возможности, этотъ займъ вещественной ипотеки—абстрактною.

Поэтому мы и не пойдемъ дальше за ними въ ихъ организационныхъ трудахъ и попыткахъ. Весь смыслъ этихъ трудовъ и попытокъ заключается въ двухъ, сдѣланныхъ ими, шагахъ на пути отрицанія ипотеки. Подъ кредитомъ они, тѣмъ не менѣе, разумѣютъ возможность со стороны капиталистовъ предъавлять нѣсколько разъ одну и ту же стоимость; о болѣе прямомъ, менѣе фактивномъ и менѣе случайномъ значеніи кредита, т. е. о сближеніи посредствомъ его труда съ капиталомъ, они заботятся очень мало; а если изъ ихъ дѣятельности и провзошла нѣкоторая польза для организаціи кредита въ его послѣднемъ, нормальномъ смыслѣ, то ихъ все же ни винить, ни хвалить за это не слѣдуетъ, потому что она случилось совершенно независимо отъ ихъ стремленій и отъ ихъ сознанія...

Замѣчу однако же, что теорія политико-экономическаго кредита оставалось сдѣлать только одинъ шагъ, по ими же избранному пути, для того, чтобы выйти изъ искусственной колеи предопредѣленныхъ взглядовъ и односторонняго пониманія и сочувствія—на болѣе широкую дорогу.

Но дѣло въ томъ, что пока экономическая наука шла по своей избитой колѣѣ и ощупывала въ потемкахъ путь къ нормальному развитію кредита, она частью развила сама, частью же освятила только своимъ признаніемъ многія, развитыя самою жизненною группною побочности и случайности, извращающія истинный смыслъ дѣла,

мѣшающія понимать его надлежащимъ образомъ, но, тѣмъ не менѣе, дорога сердце жрецовъ капитала и священнаго права *ubi et ab-ibi*.

Но во имя чего капиталисты могли бы отказаться отъ возможности взиманія даней съ производителей, хотя бы и въ ущербъ общественному благосостоянію, но съ явной выгодой для себя?—Трудно предположить, чтобы они изъ одного человѣколюбія рѣшились на этотъ подвигъ. Филантропія предлагаетъ слишкомъ много, а болѣе денежныхъ средствъ удовлетворенія нравственной потребности благотворительствовать своего ближняго—не имѣется.

Прудонъ блистательно показалъ несостоятельность политико-экономическихъ теорій съ точки зрѣнія справедливости; и Прудонъ, безъ сомнѣнія,—великій метафизикъ общественной науки. Но, во-первыхъ, экономическая теорія въ его время держалась на недостижимыхъ ли для какой критики теодицейскихъ вершинахъ. Для того, чтобы быть побѣжденнымъ въ борьбѣ съ сильнымъ нужна извѣстная доля силы. Ея-то и не было въ разбрасываемыхъ имъ экономистскихъ доктринахъ. Во-вторыхъ, понятія о справедливости слишкомъ эластичны у многихъ, и мало надежды на то, чтобы капиталисты отказались отъ *производительности* своихъ *капиталовъ* потому только, что имъ покажутъ, какимъ образомъ измѣнились критеріумы справедливости со времени процвѣтанія Ганзы и муниципализма, т. е. съ тѣхъ поръ, когда капиталистамъ въ самомъ дѣлѣ было за что брать выкупъ съ производителей...

Здѣсь, мнѣ кажется, мѣсто указать на одинъ фактъ, случившійся почти на нашихъ глазахъ, на который, по моему мнѣнію, недостаточно было обращено вниманія...

Я различаю два періода въ развитіи экономической науки. Представителями перваго изъ этихъ двухъ періодовъ, короче преобладающаго въ немъ возрѣчія, пользовались особенно силою и почетомъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Ихъ, правда, не любили очень ужъ прогрессивные люди, но общій уровень такъ называемаго передоваго общества былъ повсюду самый благоприятный для нихъ. 49-й и затѣмъ 52-й годы во Франціи были рѣшительною побѣдою ихъ надъ немногими противниками... И что же? — Только что умоляли эти побѣжденные протавники, и самый могущественный изъ нихъ, Прудонъ, бросивъ въ нихъ своимъ *Руководствомъ для биржевыхъ спекуляторовъ (Manuel du spéculateur à la Bourse)*, ущемъ въ метафизичеу права... Умоляли и самые экономисты, а тѣ,

которые и пробовали говорить, сдѣлали еще хуже, стали повторять зады, лишенные всякаго практическаго интереса, или вдалились въ такую головоломную путаницу финансерства, въ которой уже никто ничего не могъ ни понять, ни сообразить: къ чему она клонится.

А между тѣмъ, общественное мнѣніе, усталое отъ борьбы, отъ политиканства, отъ полемики, испуганное плохимъ состояніемъ финансовъ, и частныхъ, и общественныхъ, готово уже было радоваться, что поле битвы осталось исключительно за старыми экономистами. «Теперь-то думало оно, безъ задней мысли, безъ политическихъ видовъ, и безъ ненужнаго раздраженія, насъ научать, чѣмъ пополнить дефициты, какъ избѣжать ихъ впредь, какъ устроить производства, торговлю, кредитъ, чтобы всѣмъ было, по возможности, хорошо». И съ жадностью прислушивалось оно ко всему, что говорилось отъ имени политической экономіи. Но скоро убѣдилось—увы! что слушать рѣшительно печего. На этомъ и застала ихъ *Политическая экономія* Стюарта Милля...

Страшно можетъ показаться читателю, но тѣмъ не менѣе справедливо, что эта замѣчательная книга едва ли не всего больше произвела впечатлѣнія въ Россіи. Въ Европѣ ее перевели на всѣ языки, прочли, но Стюартъ Милль такъ и остался до сихъ поръ совершенно одинъ, явленіемъ совершенно случайнымъ, безъ связи съ прошлымъ, безъ того вліянія, которое онъ имѣлъ бы непременно, если бы этого прошлаго не было вовсе.—Немудрено, Стюартъ Милль не подходитъ ни подъ одну изъ категорій извѣстныхъ до него экономистовъ, и въ то же время не представляетъ и компромисса между крайне противоположными направленіями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Книга Милля должна была необходимо возбудить самое горькое разочарованіе на счетъ политико-экономической премудрости во всѣхъ уповавшихъ или претендовавшихъ на нее. Въ самомъ дѣлѣ, пока Прудонъ и фурьеристы изобличали экономистскіе идеалы, отвергали или перестраивали экономистскія категоріи,—это можно было объяснить ихъ неблагонамѣренностью. Но съ Миллемъ такъ легко раздѣлаться невозможно. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, заподозрить въ фаланстерствѣ или въ крайнемъ революціонизмѣ автора сочиненія. «О представительномъ правительствѣ»?

И когда этотъ человѣкъ видитъ необходимость начать съ азбуки, отказаться отъ старыхъ категорій и самой терминологіи, не приди-

вая имъ никакого значенія, какъ-будто онѣ вовсе и не существовали до него, тогда сомнѣніе на счетъ старой премудрости само собою вкрадывается въ душу...

Эта несостоятельность экономической теоріи совпадаетъ съ другою, болѣе важною несостоятельностью экономической рутины, выражающеюся повсемѣстнымъ финансовымъ кризисомъ, который повсюду грозитъ обратиться въ нормальное положеніе. Разумѣется, нельзя отрицать, что политическія дѣла имѣютъ громадное вліяніе на экономическое благосостояніе общества. Но съ другой стороны, нельзя забывать и того, что политическія и юридическія явленія, въ свою очередь, еще болѣе зависятъ отъ степени экономического развитія. Уже очень важно было бы съ научною точностью опредѣлить и выяснить эту круговую поруку; по экономической наукѣ предстоитъ въ настоящее время задача еще болѣе широкая и полезная. Въ самомъ дѣлѣ, если и найдутся такого рода страны, въ которыхъ финансовый кризисъ служить выраженіемъ полной общественной нищеты, и притомъ нищеты, такъ сказать, органической, т. е., протекющей не отъ искусственныхъ причинъ, — то, во всякомъ случаѣ, большинство государствъ находятся въ совершенно иномъ положеніи: обнищали онѣ не потому, чтобы не было подъ рукою достаточнаго матеріала для богатства или не доставало бы силъ на трудъ, необходимый для того, чтобы воспользоваться этими матеріалами, а врѣсто отъ неумѣнья образоватъ у себя сколько-нибудь правильное производство, отъ неумѣнія, какъ распредѣлить уже созданное богатство, чтобы ни одна его доля не пропала для общества, чтобы оно не накоплялось въ избыткѣ въ однихъ слояхъ общества, образуя въ нихъ вредныя для общественнаго организма завалы, но пожиралось бы паразитами въ то время, какъ въ другихъ слояхъ общества тысячи людей, способныхъ стать производителями, вынуждены къ нищетѣ и къ паразитизму въ явный ущербъ и себѣ, и обществу.

Экономисты тогда-то очень серьезно вѣрили, что они научатъ насъ всему этому, и они съ жаромъ валились за кредитъ, котораго назначеніе, главнымъ образомъ, распредѣлить, по возможности, производительнымъ образомъ жизненный сокъ общества — капиталъ, богатство. Но взгляды ихъ на производительность были слишкомъ узкій и одно-сторонній; діалектическая ихъ наивность была достойна золотыхъ вѣковъ перваго возрожденія науки. Хвастаясь своимъ презрѣніемъ къ метафизикѣ, они изъ самаго богатства и благосостоянія дѣлали фан-

цію, мифъ, опредѣляли его арифметически - среднимъ числомъ между максимумомъ и минимумомъ частныхъ богатствъ, забывая, что общество состоитъ не изъ алгебраическихъ знаковъ, а изъ живыхъ людей; что отнимая грошъ у бѣднаго, хотя бы грошъ этотъ увеличилъ на рубль благосостояніе богатаго, и арифметическій средній терминъ общественнаго богатства отъ этого только повысился, мы наносимъ громадный ущербъ общественной производительности, невознаграждаемый никакою филантропіею, никакимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ роскоши и т. п.

Но ограничимся здѣсь одною тою категоріею, которая собственно и составляетъ предметъ этого очерка.

Недолго потрудились экономисты надъ организаціею кредита; но уже дошли до того, что, такъ сказать, рукою оцупали въ немъ какую-то самопожирающую силу. Признавая необходимымъ распространеніе кредитныхъ операций, слѣдовательно и пониженіе уровня процентовъ, они не могли, однако же, не замѣтить, что все предназначенное ими для этого распространенія, служило только во вредъ ему: деньги дорожали по мѣрѣ того, какъ имъ открывался болѣе широкій сбытъ; они становились все болѣе и болѣе рѣдкостью. Дорожали также и самые продукты, въ особенности если принять въ расчетъ громадный прогрессъ по всѣмъ почти отраслямъ производительности, который необходимо долженъ былъ сдѣлать эти продукты все болѣе и болѣе общедоступными. Механика кредита усложнилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ, росло число фактивныхъ производителей, реальная производительность облагалась все большей и большей данью. Капиталистъ, скупающій у производителя товаръ на наличныя деньги, выгадывалъ въ свою пользу изъ цѣны товара стоимость фактивной производительности денегъ; производитель получавшій эти деньги, и обыкновенно обязанный обмѣнять ихъ на продукты, нужные для его жизни и для его производительности, не пользовался ни мало этою пролифическою способностью денегъ; онъ долженъ былъ вознаграждать свою потерю изъ дальнѣйшей своей производительности. Между нормальнымъ потребителемъ и производителемъ уставилось какое-то хищное племя, требовавшее, чтобы его кормили, одѣвали и вознаграждали за непрошенное посредничество.

Всѣ эти противорѣчія кредита чрезвычайно глубоко и полно изслѣдованы и выяснены Прудономъ. Ни прибавить къ нимъ, ни отнять что-либо отъ ихъ многозначительной рѣзкости нельзя. Дожо-

Стюартъ Милль не пошелъ дальше Прудона въ этомъ отношеніи, и если я поставилъ его, Милля, во главѣ новаго направленія то потому только, что онъ не критически относится къ старому, а игнорируетъ его, и отъ его наблюдательнаго метода, мнѣ кажется, болѣе легко переходъ къ серьезно-выработанному физиологическому методу изслѣдованія экономическихъ вопросовъ, чѣмъ отъ прудоновскаго гегелизма. Впрочемъ, именно произвольность метода и того, и другого кладетъ между ними такую громадную пропасть, что едва ли кому-либо придетъ въ голову проводить между ними параллель.

Какъ вообще глава всякаго новаго направленія, Джонъ Стюартъ Милль представляетъ собою только зачатки указанія на то, въ какую именно сторону должны пойти дальнѣйшіе изслѣдователи, чтобы не быть жалкими анахронизмами. Такъ или иначе, появленіе его свидѣлствуетъ, что широкое поле очищено для новыхъ построекъ, что рутинеры и приверженцы отжившаго не въ состояніи будутъ препятствовать смѣльчакамъ, которые рѣшатся на это, и что общественное мнѣніе не обратитъ вниманія на тотъ недоброжелательный лай, которымъ они не преминутъ встрѣтить этихъ смѣльчаковъ.

II.

Попытки противу экономической организаціи кредита.—Сохранныя кассы.—Англійскія кооперативныя братства.

Джонъ Стюартъ Милль по кредитному вопросу существенно отличается отъ старыхъ политико-экономистовъ. Онъ вовсе не заботится упрочить за кредитомъ, посредствомъ болѣе или менѣе правильной организаціи, тотъ узкій смыслъ и то противообщественное значеніе, которые выработала ему до сихъ поръ экономическая рутина. Мало занимаясь историческимъ значеніемъ формъ и категорій общественной экономіи, онъ свидѣлствуетъ только о томъ, что въ настоящее время вышеописанные формы кредита служатъ только тормозомъ дальнѣйшему общественно-экономическому развитію. Онъ открыто признаетъ *нелѣпою* борьбу капитала съ трудомъ, составляющую весь смыслъ старыхъ экономическихъ системъ (его *Polit. Economie*, т. II, «0 кооперативныхъ братствахъ»). Въмѣсто того, чтобы принимать сторону капитала въ этой борьбѣ, онъ указываетъ на необходимость прекращенія этой борьбы и на вопросъ,

оставленный безъ отвѣта въ предыдущей главѣ этого очерка,— во имя чего капиталисты отступятся отъ завоеванныхъ уже ими собой привилегій?— онъ отвѣчаетъ: во имя невозможности удержать ихъ за собою.

Невозможность эту рѣче и блистательнѣе его показалъ Прудонъ. Да она и сама собою видна изъ того, что организація кредита, по мѣрѣ того, какъ она должна бы ближе достигать своей цѣли: дешевизны и общедоступности капиталовъ,—достигаетъ результатовъ крайне противоположныхъ условіямъ этимъ. Теоретическая несостоятельность экономистовъ и на практикѣ финансовыя и торговые кризисы подтверждаютъ эту невозможность гораздо очевиднѣе и общедоступнѣе, чѣмъ все, что я бы могъ сказать здѣсь своего или заимствованнаго мною у другихъ по этому поводу.

Джонъ Стюартъ Милль, оставаясь вѣрнымъ своему глубокому анализу, беретъ другую сторону дѣла ...

Всякая односторонность въ житейской практикѣ обыкновенно вызываетъ противъ себя реакцію, противодѣйствіе. Недоступность кредита для тѣхъ, кто всего больше нуждается въ немъ—для производителей не капиталистовъ,—его враждебное вліяніе на свободу и производительность труда не могли не вызвать противъ себя такого же живого и реального протеста въ многочисленной массѣ оскорбленныхъ людей... Но такъ какъ масса эта располагаетъ несравненно меньшими, противъ капиталистовъ, нравственными и матеріальными средствами, такъ какъ она не имѣла передъ собою руководящихъ ее теоретиковъ, то протестъ противъ экономической тираніи долго существовалъ въ первобытномъ и бессознательномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ на столько слабъ, что старые экономисты имѣли полную возможность не обращать на него никакого вниманія, пока онъ оставался въ предѣлахъ полицейской законности... Наибольше развитую форму такого протеста представляютъ въ настоящее время разные виды ремесленныхъ ассоціацій.

Ассоціація—слово весьма эластическое и очень немного выражающее само по себѣ. Но оно принадлежитъ въ настоящее время къ тѣмъ современнымъ (чтобы не сказать моднымъ) словамъ, которые сами собою навязываются на языкъ каждому, и тѣмъ болѣе еще, что ассоціаціи могутъ быть съ весьма разнообразными цѣлями: и съ чисто-прогрессивными, и съ умѣренно-прогрессивными, и съ ретроградными; но какая бы ни была цѣль, она всегда легче достигается чрезъ

ассоціацію, чѣмъ чрезъ особничество, разѣдипеніе силъ. Даже крайніе индивидуалисты, какъ Прудонъ и Милль, согласны въ этомъ. Да оно въ сущности только и есть новое подтвержденіе старой параболы объ умирающемъ отцѣ семейства и о пучкѣ прутьевъ, котораго никто не могъ сломать, тогда какъ порознь прутья ломались чрезвычайно легко и удобно.

Сами по себѣ ассоціаціи не вносятъ еще ничего новаго въ экономическій бытъ общества; появленіе ихъ можетъ свидѣтельствовать только о нѣкоторой степени развитія, необходимой для того, чтобы совершенно посторонніе одинъ другому люди могли дѣлать съобща, что бы то ни было. Каждый день появляются ассоціаціи капиталистовъ, со всякаго рода названіями и со всевозможными практическими, промышленными или торговыми цѣлями, и до извѣстныхъ предѣловъ никто не мѣшаетъ намъ разсматривать дѣятельность такихъ ассоціацій, какъ дѣятельность собирательныхъ личностей, подчиненныхъ вполнѣ вліянію тѣхъ же законовъ, что и личности единичныя. Въ извѣстныхъ предѣлахъ ассоціаціи не только являются намъ не протестомъ противъ экономической рутинѣ, но даже законными дѣтищами той же рутинѣ. Главною побудительною причиною ассоциировать капиталы служить вульгарная аксіома, очень мѣтко выражающая собою основной смыслъ старыхъ экономическихъ системъ: деньга деньгу любить или деньга льнетъ къ деньгѣ, однимъ словомъ, та магнетическая сила денегъ, которая возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ самый капиталъ возрастаетъ въ прогрессіи арифметической. Маленькіе капиталы, совокупляясь, приносятъ большіе доходы, чѣмъ въ раздробъ. Капиталы столь незначительные, что производительная сила ихъ равна нулю, становятся производительными, соединяясь съ такими же капиталами...

Въ ряду экономическихъ учрежденій мы видимъ такъ называемыя «сохранныя кассы», которыхъ дѣятельность представляется отчасти двусмысленною, и которыхъ назначеніе соотвѣтствуетъ послѣдней изъ указанныхъ здѣсь цѣлей, т. е. придать малѣйшимъ изъ капиталовъ способность производительности.

Сохранныя казны или кассы представляютъ переходную форму отъ старыхъ организацій кредита къ учрежденіямъ новымъ. Капиталъ ихъ создается на ассоціаціонномъ основаніи, т. е. посредствомъ взноса маленькихъ суммъ добровольными владѣльщиками, а слѣдовательно, нечего и говорить о томъ, что онъ по праву принадлежитъ каждому

изъ этихъ вкладчиковъ въ той мѣрѣ, въ которой онъ участвовалъ въ его созданіи. А вслѣдствіе этого, само собою слѣдуетъ, что каждый изъ вкладчиковъ нормально долженъ бы имѣть и право голоса въ дѣлѣ распоряженія созданнымъ такимъ образомъ капиталомъ. Сохранныя кассы такого рода, гдѣ вкладчики, по крайней мѣрѣ, новышихъ суммъ, пользуются только процентами внесеннаго капитала, — очевидно, не удовлетворяютъ своему назначенію. Право голоса должно быть предоставлено имъ прежде всего, потому что это единственное возможное для нихъ серьезное обезпеченіе въ томъ, что внесенными ими деньги будутъ употреблены производительнымъ образомъ. Но самому духу учрежденія, капиталы его не могутъ быть затрачиваемы такъ, чтобы въ опредѣленные сроки, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{3}$ ихъ не могла бы быть возвращена въ наличности тѣмъ же вкладчиковъ, которые могутъ потребовать возвращенія своихъ вкладовъ; т. е. капиталы преимущественно должны быть отдаваемы въ ростъ, какъ оно и бываетъ въ дѣйствительности. А при нормальныхъ условіяхъ администраціи, понятно, что право кредитоваться частью этого капитала не замедлитъ стать привилегіею тѣхъ изъ вкладчиковъ же, которые наиболѣе внушаютъ довѣріе. Очень часто право или привилегія эта, самыми учрежденіями сохранныхъ кассъ, присваивается вкладчикамъ и служитъ главною изъ причинъ, побуждающихъ ремесленника, сколотившаго микроскопическій капиталъ, внести его въ это предпріятіе. Проценты же съ такихъ микроскопическихъ суммъ бываютъ до того незначительны, что едва ли могутъ служить приманкою для кого-либо.

Я не стану распространяться о томъ, что сохранныя кассы легко могутъ быть, и въ дѣйствительности часто бываютъ, отклоняемы отъ своего двоякаго назначенія: во-первыхъ, дѣлать производительными маленькіе капиталы, во-вторыхъ, давать вкладчикамъ возможность, подъ извѣстными условіями, пользоваться за опредѣленные проценты долею капитала. Достаточно того, что такія кассы, которыя удовлетворяютъ этому двоякому назначенію, должны быть признаны наилучше организованными.

Выгода отъ нихъ въ такомъ случаѣ очевидная. Нуждающійся въ кредитѣ вкладчикъ-производитель защищается ими въ нѣкоторой степени отъ деспотическаго произвола капиталистовъ, да кромѣ того, еще извѣстная доля имъ же вносимаго выкупа за право стать производителемъ возвращается къ нему подъ видомъ слѣдующаго ему дивиденда съ доходовъ кассы.

Ясно, что по мѣрѣ того, какъ учрежденія эти будутъ развиваться, они все болѣе и болѣе будутъ утрачивать ту сторону, которую они входятъ въ экономическую организацію кредита. Но при самомъ развитіи изъ существующихъ въ настоящее время видовъ ихъ, протестантское значеніе ихъ очень слабо и ограничивается тѣмъ только, что они дѣлаютъ конкуренцію капиталистамъ и, по крайней мѣрѣ, для немногихъ избранныхъ открывается возможность займовъ за однажды установленныя и, по возможности, умѣренные проценты.

Я указываю на сохранныя классы потому, что они представляютъ намъ учрежденіями такого рода, которые, будучи зарожжены экономическими методами кредита, мало по малу окрашиваются во враждебный ему цвѣтъ и служатъ слабѣйшими изъ проявленій въ дѣйствительности оппозиціонно-экономическихъ воззрѣній...

Уже и въ настоящее время есть сравнительно сильнѣйшія и болѣе развитыя проявленія того же духа. Къ сожалѣнію онѣ проявлялись безъ всякой видимой связи между собою, и это дѣлаетъ обзоръ ихъ затруднительнымъ. Вдаться въ подробности по ихъ поводу въ этомъ очеркѣ я не могу. А между тѣмъ, мнѣ необходимо показать, какъ развивалась и развивается самая общественная жизнь задача организаціи кредита.

Инициативною отдѣльныхъ личностей созданы уже давно въ Англіи, Германіи, Бельгіи, Франціи и Италіи учрежденія, весьма разнообразныя, съ цѣлью облегченія участи работниковъ. Но взгляды самихъ учредителей на святое дѣло эманципаціи труда представляютъ множество, болѣе или менѣе самобытныхъ, оттѣнковъ; вслѣдствіе чего, учрежденія эти являются то чисто-благотѣлительныя, то затѣвными изъ политическихъ видовъ, то принимаютъ, наконецъ, до-нельзя сбивчивый и неопредѣленный характеръ, и для того, чтобы дать читателю сколько нибудь ясное понятіе объ одномъ изъ нихъ, пришлось бы написать особую статью, можетъ быть, длиннѣе всего этого очерка!

Дж. Ст. Милль обращаетъ особенное вниманіе на англійскія кооперативныя братства (*equitable Pioneer co-operative society*). Главная изъ этихъ ассоціацій имѣетъ своимъ центромъ Рочдель (*Rochdale*). Вотъ основныя черты ея устава:

I. Учрежденія магазиновъ для сочленовъ братства. Въ магазинахъ этихъ не продаютъ крѣпкихъ напитковъ, а также ничего не откупаютъ въ кредитъ.

II. Покупка и постройка зданій для помѣщенія сочленовъ и улучшеніе другими способами помѣщеній.

III. Покупка и наемъ земель.

IV. Ассоціаціонная выработка тѣхъ продуктовъ, которые признають выгоднѣе производить самимъ, чѣмъ покупать.

V. Устройство школъ, библиотекъ и проч.

VI. Основаніе колоніи или общаго дома для сочленовъ.

VII. Братская помощь другимъ ассоціаціямъ.

VIII. Распределеніе богатствъ, соразмѣрное съ участіемъ каждаго въ производительности...

IX. Упрежденіе въ Англій ассоціацій основанныхъ на взаимныхъ выгодахъ (*F-co Viganò Vanehe Popolari* стр. 202. Миланъ 1863 г.)

Кромѣ рочдшильскихъ братствъ, учредившихъ уже нѣсколько промышленныхъ ассоціацій *Mill*, (*Peoples Rochdale-Manufacturing society*) въ Англій существуютъ и другія, основанныя на тѣхъ же началахъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ *Manchester co-operative spinning and manufacturing society* въ Ньютонгчетѣ, заведенное въ 1860 г. машины стоимостью въ 1,250,000 франковъ. Капиталъ этотъ составленъ былъ акціями въ 25 франковъ каждая. Цѣна акцій выплачивалась еженедѣльными взносами по шиллингу.

Эти англійскія кооперативныя братства въ самомъ дѣлѣ превосходятъ собою всѣ другія, заведенныя уже и теперь еще заводимыя въ другихъ странахъ.

Но собственно кредитныхъ ремесленныхъ ассоціацій въ Англій нѣтъ. Правда, здѣсь существуютъ банки для займовъ безъ залога (*loan-society*), представляющіеся, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе шотландскихъ банковъ. Но и тѣ, и другіе, то есть, и шотландскіе, и англійскіе банки, представляютъ случайную попытку организаціи личнаго метода кредита, и до сихъ поръ благотѣльное вліяніе ихъ еще весьма и весьма незначительное. По примѣру этихъ банковъ личнаго займа, заводятся подобныя же во Франціи, въ Италіи и въ Швейцаріи. Притомъ, эти банки подходят совершенно подъ категорію капиталистскихъ ассоціацій. Выгоды должника и заимодавца раздѣлены здѣсь еще больше, чѣмъ въ сохранныхъ кассахъ описаннаго вида.

Тѣмъ не менѣе, работничьи ассоціаціи, хотя бы и вовсе неимѣющія въ виду кредитныхъ операцій, заслуживаютъ особеннаго вниманія, прежде всего въ смыслѣ протеста противъ старой политико-экономической теоріи. Главный смыслъ рочдешскихъ кооперативныхъ

братствъ и другихъ имъ подобныхъ—дать производителямъ возможность обходиться безъ кредита.

Дж. Ст. Милль прямо указываетъ на дѣятельность кооперативныхъ братствъ, какъ на средство преобразовать радикально существующій методъ кредита. Да и мнѣ кажется, что отъ нихъ можно ждать большаго, чѣмъ отъ современныхъ попытокъ организовать личный кредитъ, въ духѣ ли прусскаго парламентаризма, какъ думаетъ Шульце-Деличъ, или съ англійскимъ филантропическимъ отгѣнкомъ, или же, наконецъ, съ правительственной интервенціей на французскій ладъ, надъ чѣмъ трудили покойный Лассаль.

Кредитъ, какъ спекуляція на денежные стоимости, вовсе не выдуманъ ортодоксальными экономами: — онъ сталъ тако вымъ вслѣдствіе коренныхъ условій историческихъ, политическихъ и юридическихъ. Экономисты слѣдуетъ винить за то только, что они не выяснили, а напротивъ, тщательно скрывали вредъ, наносимый ими общественному производству. Они заботились о томъ, чтобы возможность спекулировать на денежные стоимости оставалась вѣчною привилегією кружка избранныхъ, то есть, владѣющихъ пассивными капиталами. — Появленіе «сохранныхъ кассъ», весьма послѣдовательно зародившихся изъ того же сѣмени, которое породило циркуляціонныя банки Родшильдъ, Перейровъ и ростовщичество, показывало, что удержать привилегію за этимъ кругомъ избранныхъ — невозможно. Сохранныя кассы, какъ уже сказано — первая попытка сдѣлать эксплуатацію реальныхъ производителей доступною не капиталистамъ. — Но тогда гдѣ же предѣлъ, на которомъ остановится эта привилегія? Если она переступаетъ даже цензъ, отдѣляющій капиталиста отъ труженника, то смѣло можно сказать: нѣтъ такого предѣла.

Уже въ сохранныхъ кассахъ, дошедшихъ до нормальнаго своего развитія (напр. Болонская), между заемодавцемъ и кредиторомъ существуетъ извѣстная степень солидарности. Стоитъ развить эту солидарность до крайняго ея предѣла — и тогда каждый эксплуататоръ будетъ эксплуатировать себя же самого. Привилегія эксплуатація, ставъ поголовною, станетъ равна нулю.

«Всякая дорога ведетъ въ Римъ», говорилося встарь въ романскомъ мірѣ. Еще съ большимъ основаніемъ можно сказать, что коль-скоро человѣчество или какая нибудь часть его натолкнулась на необходимость извѣстнаго преобразованія, — что бы ни затѣвало оно, хотя бы, повидимому, вовсе неотносящагося къ требуемой ре-

формѣ, — плп лопается, какъ мыльный пузырь, пач же ведетъ къ заповѣдному Риму.

У ремесленныхъ ассоціацій подѣ погами слишкомъ реальная почва для того, чтобы онѣ могли лопнуть, какъ мыльный пузырь, а потому, съ какой стороны ни возьмите ихъ, онѣ представлятъ вамъ именно, какъ рѣшительная попытка выбраться изъ тяжелаго насущнаго положенія на широкую дорогу къ будущему благоеостоянію.

Не заходя далеко впередъ, придержимся слѣдующаго естественнаго хода развитія:

Ближайшій результатъ эволюціонической организаціи кредита — допознана на деньги. Между двумя производителями, нуждающимися во взаимномъ объѣмѣ своихъ продуктовъ, затесываются непрошеные посредники, служащіе имъ необходимыми для объѣма денежными знаками, перехватывающіе ихъ продукты на пути къ ихъ нормальному назначенію, потому что если деньги представляютъ собою всякій продуктъ, то я всякій продуктъ, въ извѣстной степени, выражаетъ собою деньги. Стоитъ, чтобы продуктъ набрался въ большомъ количествѣ — и выражаемая имъ денежная стоимость начинаетъ притягивать къ себѣ деньги изъ чужого кармана.

Ремесленнику нужны деньги. Капиталистъ скупаетъ у него его продукты, выжимая въ свою пользу все, что можно извлечь изъ денежной суммы, съ которою ему приходится разстаться. Ремесленникъ долженъ выносить это, потому что безъ денегъ — онъ нищій, хотя бы лавчонка его была завалена продуктами его издѣлія. Продуктъ капиталиста — деньги нигилируютъ, подавляютъ собою всякій другой продуктъ. — Но вотъ другой производитель, потерпѣвшій такіа же прижимки, является къ капиталисту, скупившему товаръ его собрата, купить на *деньги же* долго требуемаго продукта. Вы думаете, что теперь-то онъ своими деньгами нигилируетъ продуктъ капиталиста. Ничуть не бывало. Его деньги вовсе не продуктъ. Капиталистъ-гупецъ охотно продаетъ ему свой товаръ, но онъ возьметъ съ него, во-первыхъ, нормальную стоимость продукта, во-вторыхъ, процентъ той денежной стоимости, которую онъ затратилъ на покупку продукта; въ-третьихъ, издержки по посредничеству съ причитающимися на нихъ процентами; въ-четвертыхъ, плату себѣ за посредничество, которую одну онъ только и считаетъ чистымъ своимъ барышомъ. И такимъ образомъ, продуктъ, купленный имъ за 5, продается за 8.

А если доложимъ, что нормальная стоимость этого продукта была бы 6, то увидимъ, что работникъ за свое произведеніе получаетъ, выраженную другимъ продуктомъ, едва третью часть нормальной его стоимости.

Кооперативныя братства, не только англійскія но и другія, учреждаютъ магазины и склады, гдѣ каждый работникъ-сочленъ можетъ получать всѣ необходимыя для его жизни и работы продукты, выплачивая только: первое, — нормальную стоимость продукта, второе, — издержки на содержаніе магазина.

И этимъ вѣрнымъ и дешевымъ средствомъ уничтожается одно (обыкновенно самое тяжелое для работника) изъ вліяній экономической организаціи кредита на справедливость обмѣна.

Остается организовать такимъ же точно образомъ другую сторону дѣла: — открыть работнику возможность правильнаго и независимаго отъ притѣсненія капиталистовъ сбыта своего продукта, и тогда производитель, находящійся въ нормальныхъ условіяхъ, не будетъ имѣть надобности въ кредитѣ.

Я не думаю сказать, что устроить эту вторую часть легко, — совершенно напротивъ: это весьма и весьма трудно. Но я хотѣлъ показать только, что рабочныя ассоціаціи, которыя еще очень недалеко ушли отъ первобытнаго своего вида, на которыя только очень недавно экономисты — и то талантливіѣйшіе изъ нихъ, — вѣдвали обратить вниманіе, умѣли устранить уже значительную часть зловреднаго вліянія экономической организаціи кредита на торговлю. Если бы этотъ фактъ сталъ повсемѣстнымъ, то очевидно, что спекуляціи на денежныхъ стоимости стали бы присущи только операціямъ чистаго кредита; а съ тѣхъ поръ, какъ деньги перестали бы быть производительными при торговыхъ операціяхъ, цѣна ихъ понизилась бы.

И такъ, мы уже имѣемъ два различныхъ пути, которыми кредитъ стремится освободиться отъ узкихъ формъ, упроченныхъ за нимъ рутинною и экономическимъ доктринаризмомъ. Съ одной стороны, посредствомъ сохраненныхъ кассъ привилегія спекуляцій на денежныхъ стоимости переходитъ рубиконъ и стремится стать всеобщею. Съ другой стороны, рабочныя ассоціаціи стремятся, посредствомъ дѣятельной оппозиціи этого рода спекуляціямъ, свести и кредитъ, и деньги къ ихъ нормальному значенію.

Оба пути кажутся безмѣрно длинными, въ особенности же, если принять въ соображеніе то количество лѣтъ, которое понадобилось экономической организаціи кредита для того, чтобы породить и развить въ себѣ сохранныя кассы, а этимъ сохраннымъ кассамъ для того, чтобы хотя мѣстами, въ видѣ исключительнаго и рѣдкаго случая дойти до такого вида, который можно признать нормальнымъ видомъ. Съ другой стороны кооперативныя братства, — какъ ни быстро, казалось, разростались они и въ Англіи и на материкѣ—едва только начинаютъ доходить до удовлетворительнаго разрѣшенія легчайшей изъ составныхъ частей задачи эмансипаціи труда.

До тѣхъ поръ, пока условія производительности кредита неопредѣлены съ научною точностью, понятно, что практическія попытки организаціи его необходимо пойдутъ рядомъ всевозможныхъ отклоненій отъ прямого и ближайшаго пути.

Достославная дѣятельность Шульце-Делича въ Пруссіи можетъ служить блистательнымъ доказательствомъ, что одною благонамѣренностью немного возьмешь въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Прежде всего необходимо ясное пониманіе законовъ, заправляющихъ экономическимъ бытомъ общества. Всякое напередъ заготовленное воззрѣніе: политиканское или филантропическое, можетъ только служить препятствіемъ этой ясности пониманія.

Самъ Шульце-Деличъ считаетъ главнѣйшею заслугою то, что его дѣятельность отвлекла прусскихъ работниковъ отъ «круговорота соціальныхъ идей». (См. его письмо къ Ф. Вигано, автору итальянскаго сочиненія о народныхъ банкахъ). Это, конечно, очень похвально и со стороны прусскихъ рабочихъ, и со стороны Шульце-Делича; но одно это еще не даетъ намъ права ждать отъ дальнѣйшаго распространенія Шульце-Деличевскихъ ассоціацій удовлетворительнаго рѣшенія задачи организаціи кредита.

Но такъ какъ этотъ новый организаторъ заботится всего больше о нагляднѣйшемъ значеніи многосложнаго своего предпріятія, то нѣкоторое знакомство съ его дѣломъ можетъ быть интересно въ томъ смыслѣ, что оно укажетъ намъ на самыя больныя стороны современнаго экономическаго быта. На этомъ основаніи я и посвящаю Шульце-Деличевскимъ ассоціаціямъ слѣдующую главу.

УП.

Шульце-Деличевскія Ассоціаціи. — Принципы самоблагодѣтельствованія. — Прусскіе антиципаціонныя банки. — Индустріальныя банки сырого матеріала.

Шульце Делячъ считаетъ экономическую организацію кредита самою существенною изъ современныхъ болячекъ общества а въ этомъ мы съ нимъ вполне согласны. Во что бы то ни стало онъ считаетъ нужнымъ переобразовать эту организацію, а не то, пожалуй, окажется и вовсе невозможнымъ отыграть работяковъ, хотя бы и прусскихъ, отъ «круговорота вредныхъ идей». — Цель его, слѣдовательно, не столько филантропическая, сколько политическая, да и въ самомъ основаніи его дѣятельности лежитъ принципъ болѣе человѣчный, чѣмъ очень похвальное желаніе благодѣльствовать своего ближняго. Онъ хотѣлъ бы научить своего ближняго, если не вовсе обходиться безъ благодѣянія, то, по крайней мѣрѣ, стать самому своимъ благодѣтелемъ.

Операціи экономической кредитной системы въ самомъ дѣлѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ благодѣльствованіе такого рода, въ которому, во-первыхъ, вынужденъ всякій капиталистъ необходимою найди сбытъ для своего капитала; а во вторыхъ, онъ щедро вознаграждаетъ себя за это благодѣяніе не однимъ только сознаніемъ благого дѣла, но и деньгами, можетъ быть, воображая, въ наиполнѣе своей души, что взимаемые проценты выражаютъ собою стоимость благодѣянія, оказываемаго имъ общественной производительности или лично должнику-производителю, или же наконецъ обоимъ вмѣстѣ.

Англійскія кооперативныя братства стремятся устроить такимъ образомъ рабочиую жизнь, чтобы не было никакой необходимости въ кредитѣ, какъ въ благодѣяніи. Если капиталисты могутъ тянуть дальше старый методъ кредита, то пусть эксплуатируютъ другихъ. Если же, вслѣдствіе новой организаціи жизни ремесленныхъ классовъ, капиталисты почувствуютъ сильнѣе потребность сбыта своихъ капиталовъ, то новый методъ кредита не замедлитъ образоваться изъ побужденныхъ связей между капиталистами и рабочими, съ тѣхъ поръ, какъ запросъ на кредитъ станетъ необязательнымъ. Дж. Ст. Милль предвѣщаетъ то время, когда капиталисты отдадутъ свои капиталы кооперативнымъ братствамъ за умѣренные проценты, а потомъ, можетъ быть, — продолжаетъ онъ, — и преобразуютъ ихъ *anpitiu*, т. е.

ежегодную ренту. «Изъ всѣхъ организацій производства, которыя можно въ настоящее время предвидѣть, прибавляетъ онъ, такое всего болѣе было бы сообразно съ понятіями о справедливости въ обществѣ и благодѣтельно по вліянію своему на обязательную производительность, предполагая, разумѣется, что женщины наравнѣ съ мужчинами пользовались бы выгодами ассоціацій и участвовали бы въ управленіи ими.»

Шульце-Деличъ же, поставивъ кореннымъ своимъ принципомъ *самоблагодѣтельствованіе*, иначе принимается за дѣло. «Пусть работникъ самъ даетъ себѣ взаимны» говоритъ онъ, и этого добивается. Ассоціаціи его имѣютъ, главнымъ образомъ, кредитную цѣль и представляютъ двѣ категоріи: денежные антиципаціонныя банки и антиципаціонныя банки сырыхъ продуктовъ.

Очевидно, организовать *самоэксплуатацію*, значить, уничтожить эксплуатацію человѣка человѣкомъ. Но въ самомъ приѣмѣ этомъ есть нѣчто каррикатурное, смѣшное.

Такъ какъ въ ряду экономическихъ категорій кредитъ является какъ бы высшею изъ нихъ, т. е. позднѣйшею, если не въ историческомъ, то по крайней мѣрѣ, въ метафизическомъ смыслѣ, то нѣкоторые изъ теоретиковъ (наприм. Вигано, о которомъ здѣсь уже приходилось упоминать) указываетъ на прусскіе антиципаціонныя банки, какъ на высшій видъ ассоціацій, сравнительно съ кооперативными братствами, будто бы еще недоросшими до кредита. Но мнѣ кажется, что ассоціаціи эти такъ мало имѣютъ между собою общаго, что ихъ и сравнивать нѣтъ надобности. Пути, избранныя обѣими сторонами, совершенно различны; оба они, пожалуй, и ведутъ къ одной цѣли, иначе понимаемой обѣими сторонами. Но есть такія дороги которыя, пожалуй, и ведутъ все въ тотъ же Римъ, но устѣяны онѣ такими препятствіями, путаются и развѣтвляются такимъ многосложнымъ образомъ, что, идя ими, легко заблудиться, ужъ не говоря даже о томъ, что, непременно проколесишь вокругъ да около, по пнямъ, по буеракамъ, и безъ всякой надобности.

Во всякомъ случаѣ, по возрѣніямъ на свою цѣль, шульце-деличевскія ассоціаціи гораздо ближе подходятъ къ сохраннымъ кассамъ, чѣмъ къ кооперативнымъ братствамъ. По своему отношенію къ первымъ, онѣ дѣйствительно являются болѣе развитыми: — право кредитоваться въ общественной кассѣ, которое не всѣми сохранными кассами признается за сочленами и, во всякомъ случаѣ, является

въ кредитныхъ учрежденіяхъ этого вида, какъ извѣстный и немногими достигнутый еще предѣлъ ихъ развитія,—право это, говорю я, служить точкою отправленія делчевскимъ ассоціациямъ.

Первый вопросъ, необходимо возникающій при этомъ: откуда взять денежныя суммы, которыми будутъ кредитовать сами себя сочлены? Въ сохранныхъ кассахъ вопросъ этотъ рѣшается не чисто-ассоціационнымъ, а рутиннымъ экономическимъ порядкомъ: каждый желающій вносить, сколько желаетъ, въ общую кассу, и такъ какъ вклады или очень неровные, или же слишкомъ умѣренные, то очевидно, что и общность интересовъ вкладчиковъ весьма слабая. Каждый заинтересованъ ассоціаціею или въ слишкомъ неравной степени, или же на слишкомъ малую сумму.

Шульце рѣшаетъ этотъ вопросъ прогрессивнѣе...

Прежде всего не требуется отъ вкладчика вовсе никакого капитала: капиталъ антиципационнаго денежнаго банка образуется изъ еженедѣльныхъ вкладовъ членовъ-соучастниковъ, т. е. на ассоціационныхъ основаніяхъ, давно уже выработанныхъ и примѣненныхъ къ дѣлу англійскими братствами. Но собранный такимъ образомъ капиталъ Шульце признаетъ (и вполнѣ основательно) недостаточнымъ. А потому признано необходимымъ пополнять капиталъ этотъ внѣшнимъ займомъ, гарантируемымъ, во-первыхъ, наличнымъ капиталомъ ассоціаци, во-вторыхъ, имуществомъ и заработками всѣхъ сочленовъ. Такимъ образомъ, дѣло представляетъ характеръ весьма смѣшанный, и благотѣльное вліяніе его на судьбу работниковъ значительно смягчается прежде всего необходимостью брать съ должниковъ общества проценты, необходимо высшіе противъ тѣхъ, за которые сама ассоціация достала капиталъ отъ лица, недумавшаго никого благотѣльствовать, а искавшаго только помѣстить свой капиталъ вѣрнымъ и производительнымъ для себя образомъ.

Предполагая возможнымъ (что и оказалось въ дѣйствительности) совершать этотъ внѣшній заемъ за 50% въ годъ, Шульце-Деличъ постановилъ максимумъ процентовъ, взимаемыхъ обществомъ съ своихъ должниковъ—10; но по мѣрѣ того, какъ уплатится 5-ти процентный долгъ ассоціаци, цифра эта должна понизиться до 8-ми проц. въ годъ.

Шульце-Деличъ, очевидно, думалъ, какъ говорится, убить разомъ двухъ зайцевъ посредствомъ подобныхъ ассоціаций: — доставить работникамъ случай выгодно помѣщать накопившіеся у нихъ капиталы и,

кроме того, темъ изъ нихъ, которые нуждаются въ кредитѣ, оставить возможность пользоваться имъ.

Вторую изъ этихъ цѣлей можно было, очевидно, достигнуть и въ большей степени, и, къ тому же, легчайшимъ и дешовѣйшимъ образомъ:—съ какою бы цѣлью ни составила рабочня ассоціація, достаточно было только того, чтобы все изъ ея членовъ объявляли себя солидарными, ответственными за виѣшній заемъ каждаго изъ нихъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ. Очевидно, что тогда не было бы никакой надобности заставлять нуждающагося въ кредитѣ сочлена платить, по крайней мѣрѣ, 8, а то и все 10%, вмѣсто 5-ти, взимаемыхъ постороннимъ капиталистомъ.

Посмотримъ теперь вторую цѣль. Но здѣсь прежде всего слѣдуетъ сказать, что сохранныя кассы, предшествовавшія шульце-делитчевскимъ антиципаціоннымъ банкамъ, открывали полную возможность каждому возмѣщать производительно свой капиталъ. Новые прусскіе антиципаціонные банки представляютъ въ этомъ отношеніи только то, что здѣсь капиталъ создается понемногу, въ теченіи цѣлаго года. Но и эта черта заимствована у англійскихъ кооперативныхъ братствъ, и вовсе не составляетъ характеристической особенности шульце-делитчевскихъ ассоціацій, которыя отличаются отъ кооперативныхъ братствъ только назначеніемъ составленныхъ такимъ образомъ капиталовъ. Шульце и его приверженцы напирать особенно на нравственное значеніе антиципаціонныхъ банковъ: они-де приучаютъ работника сберегать изъ своихъ заработковъ известную долю. На это нельзя не замѣтить, что всякій изъ работниковъ, вѣроятно, не хуже любого филантропа, понимаетъ, какъ сладостно имѣть капиталъ. Вся задача—въ возможности капитализировать. А открываютъ ли эти антиципаціонные банки работнику большую возможность капитализировать, чѣмъ сохранныя кассы или частныя ростовщическія ассоціаціонныя предпріятія? Сжѣшно было бы увлекаться мыслью, что работникъ охотнѣе будетъ вносить капиталъ въ антиципаціонную кассу; потому что ему представляется возможность при случаѣ занять изъ этой кассы требуемую сумму. Тѣ же удобства могутъ представлять и сохранныя кассы, и никакъ не въ меньшей степени. Работникъ, который въ теченіи десяти лѣтъ вноситъ въ такую кассу по 25 коп. сѣр. въ недѣлю, имѣетъ уже известный капиталъ, который онъ во всякое время можетъ извлечь оттуда, или просто продать, или заложить выданное ему оттуда свидѣтельство. Выда

пъ съчленовъ антиципаціоннаго банна, онъ еще на годъ остъ солидарить съ ассоціацею. (См. уставы антиципаціоннаго денегъ банна Шульде-Делича).

Определеіе максимума ссудной суммы при такомъ предпріи играетъ слишкомъ важную роль, и до сихъ поръ статья эта не разработана рационально, хотя такіе максимумы вездѣ опредѣляются такъ или иначе. Предполагая, что вѣршиимъ займомъ можно считать на $\frac{2}{3}$ составленный вкладомъ сочленовъ капиталъ, та образомъ, весь капиталъ будетъ относиться къ числу членовъ, 5. къ 3-мъ. Если мы положимъ минимумъ ссудной суммы вдвое больше вносимой каждымъ ежегодно, то $\frac{5}{6}$ всего количества новыя будутъ имѣть возможность пользоваться кредитомъ ассоціи. Но тогда каждый, взявшій займа за 10% (какъ установлено шестомъ), въ сущности платилъ бы 20% въ годъ, потому что должна взятая имъ сумма внесена имъ самимъ, и онъ могъ бы и зоваться ею не только безпроцентно, но еще съ нея получить въ теченіи года, когда онъ не пользовался ею. Сумма громадна; очевидно, тѣмъ кто вздумалъ бы пользоваться такимъ минимумомъ былъ бы страшно эксплуатиремъ неполюзующимъ ею. Очевидно что съ этой стороны общества должны стремиться установить возможности, высочій максимумъ ссуды. Но тѣмъ выше этотъ максимумъ, тѣмъ меньшее число членовъ можетъ пользоваться кредитомъ ассоціи; при этомъ абсолютная цифра эксплуатаціи уменьшается. Но въ то же самое время уменьшится и число эксплуатируемыхъ, т. е. создающихъ въ действительности ту стоимость, которую ассоціація присвоиваетъ себѣ подъ видомъ результата онной производительности капиталовъ; т. е. относительная цѣна эксплуатаціи увеличится. Въ самомъ дѣлѣ, дивидендъ, получаемый членами, пропорціоналенъ его вкладу, и чѣмъ больше взятая займа сумма, тѣмъ меньшая часть платимыхъ имъ процентовъ вращается къ нему въ видѣ этого дивиденда.

Между этими двумя неблагоприятными крайностями лавировать невозможно; т. е. подобный банкъ обратится непременно или въ пользу эксплуатаціи чисто-ростовщическимъ образомъ большинства съ членовъ въ пользу меньшинства, ненуждающагося въ ссудѣ и преемляющаго собою капиталистовъ; или же уменьшая число эксплуатируемыхъ и абсолютную цифру процентовъ, она уменьшаетъ, и тѣмъ съ тѣмъ, и солидарность между эксплуатируемымъ и экс-

таторомъ: — каждый изъ сочленовъ, берущихъ займы ассоціаціонныя деньги, участвуетъ въ эксплуатаціи себя только на цифру своего вклада, раздѣленную, разумѣется, на число сочленовъ и за вычетомъ изъ причитающагося ему дивиденда извѣстнаго $\%$ на расходы по предпріятію. Слѣдовательно, если взятая имъ займы цифра вдвое больше, то онъ солидаренъ въ эксплуатаціи себя только на половину единицы вклада, дѣленной на число сочленовъ. Если ссудная сумма въ 6 разъ больше вклада (что обыкновенно признано за норму максимума шульце-деличевскими ассоціаціями), то солидарность должника съ ассоціаціею будетъ равняться $\frac{1}{6}$ той же самой дроби, и т. д.

Этого достаточно, кажется, чтобы понять, на какомъ основаніи мы не въ правѣ ожидать отъ этихъ ассоціацій никакого прогрессивнаго видоизмѣненія въ методѣ кредита...

Но слѣдующее соображеніе прежде всего приходитъ въ голову: если работникъ имѣетъ возможность брать займы изъ ассоціаціонной кассы, хотя бы за 8 $\%$ (это минимумъ $\%$ въ прусскихъ антиципаціонныхъ банкахъ), капиталъ, извѣстная часть котораго принадлежитъ уже ему, то очевидно, что производство, на которое онъ употребитъ эти деньги, дастъ ему больше процентовъ. Если бы ассоціація тоже употребила свои капиталы на то же производство, то она въ большей степени достигла бы одной изъ своихъ цѣлей: внесенныя работниками деньги были бы производительнѣе, дали бы большій доходъ, чѣмъ будучи употребленными на кредитныя операціи. — Совершенно справедливо, скажутъ мнѣ, но тогда же ассоціація не имѣла бы возможности дѣлать кредитъ нуждающимся въ немъ своимъ сочленамъ.

Если ассоціація затѣвается не изъ дилеттантства кредитныхъ операцій, а изъ серьезной потребности улучшить бытъ работниковъ, то она должна серьезно задуматься надъ вопросомъ: лучше ли и производительнѣе ли для общества открыть возможность новымъ операціямъ кредита, въ настоящемъ ихъ практическомъ смыслѣ, или же устроить производство и жизнь работника такимъ образомъ, чтобы возможно болѣе уменьшилась потребность, ощущаемая имъ въ самомъ кредитѣ? — При этомъ не слѣдовало бы упускать изъ виду и того, что ассоціація сама по себѣ — т. е., разумѣется, ассоціація съ полною солидарностью между ея членами, — имѣетъ нѣчто такое, что служитъ суррогатомъ залога. Коль скоро антиципаціонныя банки вынуждены брать съ своихъ сочленовъ-должниковъ большіе проценты, чѣмъ тѣ, за ко-

торые они сами получаютъ деньги отъ посторонняго капиталиста, то все благодѣтельное ихъ дѣйствіе ограничивается тѣмъ, что они могутъ не требовать залога съ хорошо извѣстныхъ имъ сочленовъ. Но въдь и капиталисты ввѣряютъ деньги ассоціаціи безъ залога и не требуютъ отъ нея никакого отчета въ распоряженіи требуемыми суммами. Гдѣ же послѣ этого необходимость, обусловливающая появленіе такихъ банковъ?—Предоставляется судить читателю.

Слѣдить подробно за фактической стороною развитія этихъ банковъ едва ли было бы здѣсь интересно. Мы только отвлеклись бы еще больше отъ самаго предмета.—Но нельзя не указать на одинъ шагъ, который еще можетъ быть сдѣланъ такого рода предпріятіями на пути къ ихъ развитію, но необязывающій ихъ нисколько видоизмѣняться.

И говорю про то, что антиципаціонные банки могутъ и не брать процентовъ выше тѣхъ, за которые сами они получаютъ деньги. Занятый ими капиталъ едва ли можетъ равняться $\frac{2}{3}$ наличнаго ихъ капитала, и никогда въ дѣйствительности не превышаетъ этой цифры.

Спекулируютъ же они на всѣ $\frac{6}{3}$, слѣдовательно, и платимый ими процентъ съ $\frac{2}{3}$ капитала можетъ быть разложенъ на всю сумму... Впрочемъ, благодаря противорѣчію въ самой ихъ цѣли, опъ неспособны развиваться ни въ ту, ни въ другую сторону.

Тотъ же Шульце-Деличъ выказываетъ сравнительно болѣе глубокое пониманіе реальныхъ нуждъ работника своею операціею антиципаціонныхъ банковъ сырого матеріала.

Этого рода учрежденія и до сихъ поръ распространены меньше, чѣмъ предыдущія, но это еще не можетъ служить мѣрою ни для теоретическаго, ни для практическаго ихъ значенія. Шульце-Деличъ очень много писалъ по этому предмету, стараясь поставить на видъ ту громадную потерю стоимостей, которую терпятъ работники, покупая въ раздробъ свои матеріалы. По его расчету, сапожники теряютъ на кожахъ отъ 40 и до 50%, столяры на красномъ деревѣ отъ 20 до 40%, сравнительно съ тѣмъ, что стоятъ тѣ же продукты, покупаемые оптомъ.

Для устраненія этой потери, опъ предлагаетъ, подъ именемъ *индустриальныхъ банковъ сырого матеріала*, ассоціаціи, которыхъ капиталъ составляется такимъ же образомъ, какъ и капиталы денежныхъ банковъ, но затрачивается на покупку оптомъ, а иногда и на ассоціаціонную обдѣлку нѣкоторыхъ матеріаловъ.

Я сказалъ, что ассоціаціи эти представляютъ высшую, сравнительно съ депешными банками, степень развитія задачи эманципации труда. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ ихъ работники освобождаются отъ дани, платимой ими капиталу при одномъ изъ весьма важныхъ столбовцевъ съ нами, — покупкѣ материала своей производительности.

Такимъ образомъ, индустриальные банки эти выполняютъ одну изъ составныхъ частей программы английскихъ кооперативныхъ братствъ.

IV.

КАТЕГОРИИ КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ. — Ассоціаціи для взаимнаго обмена ремесленныхъ продуктовъ.

Стюартъ Милль въ теоріи, на практикѣ дѣятельность ассоціацій служатъ представителями второго періода, въ который вступила задача организаціи кредита, а вмѣстѣ съ нею и политическая или общественная экономія.

Въ теоріи второй періодъ является безъ всякой видимой связи съ первымъ періодомъ, скорѣе какъ отрицаніе, чѣмъ продолженіе его. На практикѣ живое учрежденіе, — сохранныя кассы, представляютъ собою какой-то переходный типъ, служатъ органическою связью между двумя періодами. Зародившись, весьма естественно, въ старомъ періодѣ, при господствовавшемъ тогда возрѣніи на кредитъ, онѣ переходятъ тоже довольно послѣдовательно въ дѣятельность ассоціацій, которыя получаютъ въ глазахъ всѣхъ чрезвычайно важное значеніе. Но дѣятельность этихъ ассоціацій и теоретически, и фактически далеко незаконченная. Задача организаціи кредита, шедшая довольно стройно по узкой, односторонней тропинкѣ въ старомъ періодѣ, развѣтвляется въ разныя стороны. Сойдутся ли гдѣ нибудь снова вмѣстѣ всѣ эти развѣтвленія? Гдѣ онѣ сойдутся и куда ведутъ онѣ? Все это далеко еще нерѣшенные вопросы. А пока, мы имѣемъ передъ собою большое количество фактовъ, которые я и старался здѣсь собрать въ извѣстной послѣдовательности вокругъ одной, общей всѣмъ имъ, путеводной нити.

Я уже сказалъ, что въ первобытномъ состояніи обществъ являлись частные случаи кредита, единственно вслѣдствіе врожденной, такъ сказать, обществу потребности въ кредитѣ. Потомъ, стремясь, въ силу

той же потребности, изъ частныхъ случаевъ сдѣлаться нормальными явлениями, они начинаютъ развиваться, организоваться. Для долговъ, которые никогда не гнутъ, и для кредиторовъ, которые не пускаютъ въ своимъ ближнимъ возможности джи и порока, подобная форма кредита могла бы еще быть удовлетворительною. Большинство людей не подходило къ этой категоріи. И вотъ, явился новый видъ кредита: гинетакарный, вещественный кредитъ. Простодушные развивались медленно и мѣлко; зато методъ ихъ пропалъ черезъ вѣка, снова отклонившись отъ перваго своего вида. Скантики и эпоислы обладали большою силою иціативы и разработали свой методъ.

Первыя научныя изслѣдованія встаютъ вадану организаціи дита въ томъ ея возрастѣ, когда, благодаря тоже искони водившейся денежной системѣ, наследіе усѣбли сдѣлать изъ своего дитнаго маата очень удобное средство собирать дань съ людей. ставшихъ отъ нихъ на мѣрицѣ умственнаго развитія. И очень го никто не возмущался этимъ сборомъ дани.—Затѣмъ, условія ни начинаютъ намѣняться, съ одной стороны, требовать прямой такой силы и энергіи, существованія моторикъ въ человѣкѣ никто прежде не подовѣрвалъ; съ другой стороны, сила и эн вообще начинаютъ проявляться тамъ, гдѣ прежде ихъ не бы гдѣ, по праву наследства, ихъ вовсе и не должно быть. Превній номическій порядокъ сдвывается, въ силу этого, несправедливъ. Является протестъ со стороны обдѣленныхъ, сперва глухой и с тый, потомъ дѣятельный; завязывается борьба. Люди робкою и дальнзоріи, которые, какъ Барль XII у Пушкина:

Успѣхомъ проилымъ только мѣрять

силы и враговъ, и друзей, считаютъ самую борьбу незаконною, возможною. Притязанія противниковъ возбуждаютъ ихъ еще съ шимъ рвеніемъ развить всѣ свои силы. Кредитный методъ, средство давить противниковъ, собирать съ нихъ дань, развивъ быстро, совершенствуется. Сдѣлавъ два вышеозначенные и в многозамѣчательные шага на этомъ пути, онъ наинаетъ ос передъ собою предѣлъ, пропасть, черезъ которую онъ переша не можетъ. Остается либо остановиться, замереть на однажды пятой формѣ; — но для этого надо, чтобы общество остано и замерло на частическомъ устройствѣ; а какъ послѣднее не с.

лось, то и организація кредита не могла остановиться передъ предѣломъ, который она оцупала передъ собою. Въ одно и то же время, она начинаетъ искать другихъ путей, и наконецъ старая организація, не измѣняя конечной своей цѣли—упрочить власть капитала надъ трудомъ, отжившаго момента производительности надъ наступающимъ,—оказывается вынужденною ко всякаго рода уступкамъ и компромисгамъ, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ германскіе работники, а вслѣдъ за ними, пожалуй, и другіе «отдѣлятъ задачу улучшенія собственнаго быта отъ дѣла національнаго прогресса», какъ выражается Шульце-Деличъ, и что тогда уже никакимъ образомъ «не отвратить ихъ отъ вруговорота опасныхъ идей».

Я счелъ нелишнимъ повторить здѣсь въ немногихъ и общихъ словахъ то, что уже было сказано на предыдущихъ страницахъ. Вслѣдствіе сказаннаго, мы можемъ теперь собрать всѣ многочисленныя виды кредитныхъ учрежденій, существующихъ на практикѣ безъ всякой, повидному, разумной и послѣдовательной связи между собою, въ слѣдующія категоріи:

1) Экономическія кредитныя учрежденія, имѣющія цѣлью открыть капиталамъ доходный и вполне обезпеченный сбытъ. Эти учрежденія, развиваясь прогрессивно, видоизмѣняются слѣдующимъ образомъ:

Первообразною ихъ формою мы можемъ считать *частное ростовничество*.

Ломбарды (*Monts de Piété*) являются, какъ то же частное ростовничество, организованное гражданскимъ порядкомъ.

Затѣмъ являются гипотетарные банки, частныя или государственныя—экономическій смыслъ ихъ нисколько не измѣняется отъ этого. Собственно къ этому отдѣлу слѣдуетъ отнести только банки, при которыхъ ипотека не мортфицируется (т. е., право пользованія заложенною собственностью остается за должникомъ). Таковы поземельныя и территориальныя банки, у насъ Опекунскій Совѣтъ, и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ вексельнымъ банкамъ. Наиболѣе распространенныя всюду видоизмѣненія этого отдѣла: банки или конторы для перевода денежныхъ стоимостей и учета векселей, циркуляціонныя банки.

Фондіарныя банки и сохранныя кассы стоятъ уже на рубежѣ этой первой категоріи. О сохранныхъ кассахъ уже было говорено. Фондіарныя же банки, имѣя своею цѣлью группировать маленькіе капиталы для того, чтобы успливать этимъ степень ихъ производитель-

ности, также
утрачивают с
кредитнымъ у
тала надъ тру
жду между капитал
тельности кап
и маленькіе к
хранныхъ васс
наетъ сильно

2) Является
не такъ легко
сущности явля
рующій между
нихъ. Кромѣ)
тегорія эта е
ціонные банки
подобныхъ эти
здѣсь, въ Евро

3-ю катег
кооперативных
цѣлью освобод

О дѣятель
этихъ категор
сается второй
низаций уже п
риѣ, разумно р
ныя или же в
филантропичес
ся.—Вообще,
смаиваемы,
формы кредита
ніяхъ третьей
эту неизвѣстн
съ экономическ
довательно, и
ствительности
Указавши на
ми кредита и

мый полный и самый развитый из этих движений, перейдем к ближайшему обзору их деятельности *).

По отношению к вопросу об организации кредита, деятельность эта на первый раз является чисто отрицательной. Кооперативные братства не только не создали новой собственности, но и нового кредита. Замечая, что в экономическом отношении каждое столкновение рабочих с капиталистом приводит к тому только, что первый платит последнему невыгодный выкуп, ассоциация эти весьма благоразумно предприняла устранить, по возможности, сами эти столкновения, на основании того, пока откроется некоторая широтность организовать их более выгодным для рабочих образом.

Таких столкновений в действительности бывает три рода: *покупка необходимых для производства и для жизни рабочих материалов, продажа продуктов его собственного производства и наконец кредит.*

Первое из этих трех столкновений устраняется вполне легко и удобно устройством ассоциативных магазинов или складов (из рода друшеких банок сырого материала), в которых члены работниги могут приобретать нужные для них материалы, хотя бы и в небольшом количестве, по оптовой цене. Мы знаем уже, что, по расчетам Шульце-Делича, столяры экономят таким образом от 20 до 40%, а сапожники до 50% со всей суммы, затрачиваемой ими на покупку материала; а вследствие этого, и потребность, которую они могут ощущать в кредите, значительно уменьшается.

Этого первого шага, как уже сказано, во многих странах (главным образом в Англии и затем в Германии) уже сделаны ремесленными ассоциациями.

Устранить второе из указанных выше столкновений труда с капиталами — не так легко. Но во всяком случае, это ближайшая в настоящее время задача ассоциаций и других учреждений, имеющих своей целью не только улучшение быта рабочих, но и вообще усовершенствование экономического быта всего общества.

*.) И ставлю вне всяких категорий *шотландские банки* и другие, весьма редкие до сих пор попытки займа, основанного на личном доверии, так как они не вносят ничего нового в метод кредитных операций и являются только, как и включение их в общ. правила.

А потому на ней слѣдуетъ остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Ассоціаціи для заготовленія матеріаловъ, работниковъ не требуютъ никакихъ специальныхъ капиталовъ. Если мы предположимъ 10 сапожниковъ, соединившихся для того, чтобы избѣжать при покупкѣ кожъ потери вышеуказанныхъ %о, то достаточно для этого, чтобы всѣ они сложили вмѣстѣ тѣ капиталы, которые каждый изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, долженъ затратить на эту покупку. Весь расчетъ основанъ на томъ только, что кожъ обойдутся дешевле, если ихъ покупать въ количествѣ 10 разъ большемъ, чѣмъ потребное для каждого изъ нихъ въ отдѣльности. Но ассоціаціи для покупки у работниковъ ихъ продуктовъ возможны только на совершенно иныхъ основаніяхъ. Въ большинствѣ случаевъ, работникъ вынужденъ продавать свой продуктъ на наличныя деньги, а для того, чтобы ассоціація могла выплачивать каждому хоть бы только часть стоимости его товара, ей необходимы громадные капиталы. Очевидно, что сами работники не могутъ образовать между собою такихъ ассоціацій, именно по неимѣнію у нихъ капитализированныхъ избытковъ въ нужномъ количествѣ. Очевидно, съ другой стороны, что и капиталисты не пустятъ свои капиталы въ такого рода оборотъ, такъ какъ его назначеніе чисто враждебно оживительной производительности капиталовъ.

Но трудность значительно устранилась бы, еслибы такое предпріятіе стало общимъ дѣломъ всѣхъ ремесленниковъ какого-либо города или околотка, хотя бы не въ поголовномъ смыслѣ, а только въ томъ, что каждое мастерство или ремесло имѣло бы своихъ представителей въ этой ассоціаціи. Такъ какъ извѣстная доля продуктовъ каждого ремесленника предназначена самою необходимостью для обмена на продукты другихъ ремесленниковъ, то ассоціація, устроенная складъ для обмена продуктовъ разнообразныхъ ремеселъ, можетъ до извѣстнаго предѣла обходиться безъ всякихъ капиталовъ, кромѣ, разумѣется, нужныхъ для устройства и поддержки самаго магазина. По оцѣнкѣ предлагаемаго ей ремесленникомъ продукта, она выдаетъ ему квитанцію (bon) на соответствующую денежную сумму. Изъ того же ассоціаціоннаго магазина ремесленникъ можетъ приобрести на эту квитанцію нужные ему продукты другихъ ремеселъ. Нечего затрудняться тѣмъ, что съ перваго взгляда можетъ показаться невозможнымъ вовсе выяснить: какая именно доля всего продукта каж-

даго ремесленника предназначена для такого объёма на продукты других работников того же города, и затѣмъ съ точностью опредѣлить, въ какой мѣрѣ ассоціація будетъ имѣть возможность обмѣнивать выданную ею же квитанцію на требуемый ея предъявителемъ продуктъ, т. е. можетъ ли въ ассоціаціи участвовать больше, напр., сапожниковъ, чѣмъ хлѣбниковъ или столяровъ. Если она будетъ принимать безъ границъ всѣ предлагаемые ей продукты сапожного ремесла, то легко можетъ случиться, что число находящихся въ ея складѣ сапоговъ и башмаковъ будетъ превышать требованье на нихъ другихъ ремесленниковъ. Тогда сапожники, желающіе приобрести изъ ассоціаціоннаго магазина нужный для нихъ запасъ хлѣба въ объёмъ на полученную квитанцію, не могутъ уже быть удовлетворены. — Теоретически разрѣшить этотъ вопросъ, можетъ быть, и трудно, но на практикѣ потребуется только, чтобы ассоціація въ самомъ магазинѣ вывѣшивала бы подробную опись находящихся у нея продуктовъ, а также и списокъ своихъ сочленовъ, съ обозначеніемъ ремеслъ ихъ, и тогда каждый продавецъ или покупатель легко будетъ судить о томъ, на сколько ему подходитъ требуемая сдѣлка съ ассоціаціоннымъ складомъ.

Притомъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что каждая выданная такимъ магазиномъ квитанція выражаетъ дѣйствительно находящуюся въ его рукахъ реальную стоимость, и слѣдовательно, она необходимо будетъ имѣть свой курсъ на биржѣ. Курсъ этотъ, разумѣется, будетъ зависѣть отъ того, признаетъ ли ассоціація только за своими сочленами право получать изъ ея магазиновъ требуемые продукты въ объёмъ на ея квитанціи, или же право это будетъ предоставлено ею и лицамъ постороннимъ ей?

Вопросъ этотъ имѣетъ свою важность. Но подобныя ассоціаціи, безспорно имѣвшія бы громадное вліяніе на методы кредита, относятся, тѣмъ не менѣе, главною своею частью къ организаціи обмѣла. Слѣдовательно, въ подробный обзоръ ихъ нѣтъ надобности вдаваться здѣсь. Достаточно указать только на то соотношеніе, которое существуетъ между ними и предметомъ этой статьи:—организаціею или опредѣленіемъ условій производительности кредита....

Если бы дѣятельность рабочничьихъ ассоціацій ограничилась только подобными складами, то—предполагая уже существующими ассоціаціи для заготовленія работникамъ сырого матеріала,—вліяніе ихъ на фактивную производительность капиталовъ, а слѣдовательно, и на

методъ кредита, было бы уже весьма значительное. Вліяніе это еи усилилось бы, если бы ассоціаціи или банки сырого матеріала находились въ полной связи и солидарности съ ассоціаціями обмѣна.

Съ перваго взгляда вліяніе это можетъ показаться чисто-отрицательнымъ, т. е. новый методъ кредита будто не создается имъ, а только устраняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ необходимость и пожалуй, даже возможность кредитныхъ операцій стараго метода.

Но на такомъ опредѣленіи ихъ вліянія остановиться нельзя. Слово отрицательный и положительный имѣютъ сами очень относительное значеніе; а созданіе имѣетъ свои степени, и одною изъ такихъ степеней является подготовленіе. Установить точную границу, гдѣ кончается подготовительная дѣятельность и начинается чистое созданіе, — на себя не беру. Но напомнимъ читателю, что формула экономистовъ: свобода кредита, по моему мнѣнію, должна быть принята безъ словно, не смотря на всю ея эластичность; но что въ пониманіи и нельзя не расходиться съ ортодоксальными экономистами, имѣющими въ виду только одну ея сторону: свободу предложенія (*offer*) кредитныхъ операцій. Эта же сторона свободы кредита съ давнихъ поръ существуетъ фактически. Официальное виѣшательство не можетъ несколько нарушить ее. Въ этомъ достаточно убѣждаетъ насъ и одно то, что ростовщичество существуетъ по всюду, хотя бы юридически его преслѣдовали, какъ это встрѣчается иногда въ дѣйствительности.

Точно такъ же съ увѣренностью можно сказать, что другая сторона свободы запроса не существуетъ фактически, и что создать ее нельзя никакимъ юридическимъ виѣшательствомъ или невиѣшательствомъ. Она-то постепенно и послѣдовательно создается дѣятельностью кооперативныхъ братствъ. Не трудно понять, что когда дѣятельность ихъ достигнетъ своего желаннаго исхода, т. е. когда запросъ и кредитъ станутъ вполне свободнымъ, то и существующій методъ кредита, методъ односторонне-свободный или ортодоксально-экономическій, долженъ будетъ измѣниться.

Заключеніе.

Въ самомъ началѣ этой статьи, я разложилъ задачу организаціи кредита на двѣ составныя ея части:

Какимъ образомъ организовать полное довѣрѣ между капиталистомъ-заимодавцемъ и его клиентомъ-производителемъ?

Какимъ образомъ опредѣлить предѣлы законности приращенія, требуемаго заимодавцемъ съ должника?

Первый изъ этихъ вопросовъ логически и естественно предшествуетъ второму: капиталистъ не станетъ условливаться съ нами въ процентахъ прежде, нежели онъ увѣрится, что капиталъ будетъ или возвращенъ ему. Понятно, что въ дѣйствительности общество пыталось прежде рѣшить первый вопросъ.

Самымъ близкимъ и временно-удовлетворительнымъ рѣшеніемъ его явилась ипотека. Но появленіе ея извратило смыслъ кредита, и какъ ни развивался ипотечарный методъ кредита, заимодавецъ все же оставался несолидарнымъ съ будущимъ моментомъ производительности. Нужны были вѣки, чтобы отъ этого, весьма неудовлетворительнаго способа обезпеченія дойти до *ассоціаціоннаго принципа*, который, при известной степени развитія, можетъ имѣть для капиталиста такъ же гарантирующій характеръ, какъ и общепринятая уже отвлеченная ипотека, по которой оставляетъ капиталиста вполнѣ солидарнымъ съ будущимъ производствомъ.

Капиталистъ не вѣряетъ своего капитала изолированному лицу, хотя бы честность этого лица была ему известна, потому что изолированный человекъ подверженъ слишкомъ многимъ случайностямъ: онъ можетъ умереть до окончанія затѣяннаго имъ производства, и т. п. Ассоціація не подвержена никакимъ случайностямъ. Кроме того, ассоціація не требуетъ отъ капиталиста довѣрія къ своей честности въ той же степени, какъ отдѣльная личность, которая очень часто можетъ укрыться отъ судебныхъ преслѣдованій въ случаѣ неблагонастроенности или несостоятельности. Съ этой стороны, слѣдовательно, капиталисты смѣло могутъ вѣрять свои капиталы ассоціаціи безъ всякой ипотеки, и хотя бы ассоціація не имѣла въ наличности никакого капитала, гарантирующаго взятія ею въ займы стоимости.

Но прежде, чѣмъ дошли до отвлеченнаго миниманія ипотечарной силы ассоціаціоннаго принципа, успѣлъ уже выработаться методъ кредита, весьма отклонившійся отъ своей нормы, но выгодный для заимодавцевъ. А потому, прежде чѣмъ ждать отъ ассоціцій того измѣненія кредитнаго метода, которое приводитъ Дж. Стюартъ Милль, необходимо отнять возможность операций кредита, въ смыслѣ торговли деньгами; говоря другими словами: организовать свобод-

ный запросъ на кредитъ. Этого достигаютъ опять-таки тѣ же ассоціаціи посредствомъ такой организаціи обмена, о которой уже говорено выше и о которой надѣюсь говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

Когда организація свободнаго запроса станетъ реальнымъ фактомъ и исчезнетъ со стороны производительныхъ классовъ необходимость платить дань капиталистамъ, тогда, очевидно, предпочтутъ вѣрять обработку своихъ капиталовъ ассоціаціямъ, неизолированнымъ производителямъ. А такъ какъ сбытъ нуженъ капиталу въ такой же мѣрѣ, какъ капиталъ нуженъ труду, то капиталистъ, желающій своимъ капиталомъ участвовать въ какомъ бы то ни было производствѣ, не имѣетъ ни права, ни разумнаго основанія требовать себѣ гарантій большаго прогнѣвъ тѣмъ, которыя предоставляются лицамъ, активно участвующимъ въ этомъ производствѣ, и заключающихся въ томъ только, что предпріятіе будетъ вестись вполнѣ добросовѣстно. Принимая, такимъ образомъ, на себѣ солидарность съ дальнѣйшимъ производствомъ, капиталистъ должетъ будетъ соображать: какую степень вѣроятности возвращенія затрогиваемаго капитала представляетъ затѣваемое предпріятіе? Тогда этотъ первый коренной вопросъ производительности предмета, будетъ рѣшаться совершенно тѣмъ же способомъ, какъ онъ рѣшается и теперь въ тѣхъ случаяхъ, когда одно и то же лицо соединяетъ въ себѣ роль должника и заемодавца, т. е., когда самъ капиталистъ обрабатываетъ свой собственный капиталъ.

Что же касается вопроса о процентахъ, то коимъ скоро онъ утратитъ тотъ характеръ, который имѣетъ при экономическомъ методѣ кредита, т. е. при всѣхъ видоизмѣненіяхъ ростовщичества и вексельнаго займа, гдѣ они являются въ видѣ дани, платимой должникомъ капиталисту за возможность стать производителемъ. — то, говорю я, вопросъ вполнѣ устранится, найдетъ себѣ вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе въ рѣшеніи кореннаго вопроса общественной экономіи: какую относительную роль играютъ трудъ и капиталъ въ созданіи новыхъ стоимостей? Вопросъ этотъ, какъ видите, слишкомъ косвенно относится къ кредиту, а потому я и считаю за лучшее пока остановиться передъ нимъ.

Л. Браунъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Въ тѣ дни, какъ свѣтило мнѣ счастье,
Я видѣлъ повсюду участие,
Друзья окружали толпой
И братски дѣлили со мной
Обѣды мои и монеты,
И всѣ остальные предметы.

Я съ счастьемъ на вѣки простился,
Совсѣмъ кошелекъ истощился,
Померенула радость моя—
И всѣ дорогіе друзья,
Съ своимъ неподдѣльнымъ участиемъ,
Ушли за исчезнувшимъ счастьемъ.

Забота, сидѣлкой ночью,
Угрюмо сидитъ надо мною,
Одѣтая въ чорный колпакъ,
И нюхаетъ скверный табакъ,—
И нюханье слухъ мой терзаетъ
И гадко старуха киваетъ.

Порою мнѣ грезится: снова
Вернулись дни счастья былого,
И солнце, и дружескій кругъ...
Но скрипъ отвратительный вдругъ
Касается бѣднаго слуха,—
То носъ утираетъ старуха.

И. Вейсбергъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЕРДИТОЕ БЕЗСИЛІЕ.

Я знаю очень хорошо, что наша публика безконечно добра и простодушна; но иногда эти похвальные свойства ея характера проявляются въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что меня пробиваетъ охота повторить съ нѣкоторыми измѣненіями непочтительныя слова Берне. «Каждый человѣкъ, говоритъ этотъ писатель своихъ «Парижскихъ письмахъ», имѣетъ полное право быть глупымъ, но нѣмцы злоупотребляютъ этимъ правомъ.» Мнѣ кажется, что наша читающая публика въ прошломъ году злоупотребила правомъ быть доброю и простодушною. Она не только прочитала, даже превознесла до небесъ романъ г. Ключникова: «Марев». Если бы этотъ романъ могъ попасть, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ руки покойнаго барона Брамбеуса, то Брамбеусъ бросилъ его подъ столъ и написалъ бы о немъ всего полстроки: «Ваня это твоя литература!» Если бы наша публика, въ общей массѣ своей, дѣйствительно поумнѣла со временъ Брамбеуса, то мы разумѣется, и въ голову не могла бы придти дикая мысль написать критическую статью о такомъ произведеніи, какъ романъ г. Ключникова. Даже теперь, принимаясь за такую постыдную работу, чувствую потребность извиниться передъ мыслящею частью нашей читающей публики. Газбировать романъ г. Ключникова — заняіе крайне неприличное. Невозможно говорить просто: «г. Ключниковъ «романъ Маревъ». Надо непременно говорить такъ: «съ позволенія сказать, г. Ключниковъ», «съ позволенія сказать, романъ Маревъ». Что бы вы сказали, напримѣръ, господа мыслящіе читатели, если бы я осмѣлился поднести вамъ критическую статью о дра-

тических произведеніяхъ г. Дьяченки или о романахъ г. Воскресенскаго, или о философіи г. Асвоченскаго, или о какомъ нибудь преискурантѣ винъ и колониальныхъ товаровъ? Вы бы сказали, вѣроятно, что я съ ума сошелъ и что я начинаю шутить съ вами совершенно неприличныя шутки; вы бы замѣтили совершенно основательно, что во всѣ эти вещи можно, пожалуй, завертывать мыло, сыръ или копченую рыбу, но что о нихъ нѣтъ никакой возможности размышлять и писать критическія статьи, потому что ~~всѣ эти вещи посятся на литературу, а только печатная бумага.~~ И все это вы имѣете полное право сказать мнѣ теперь, когда вы видите, что я имѣю дерзость говорить съ вами о романѣ: «Мареву». И въ то же время я васъ могу увѣрить честию, что я не сошелъ съ ума и вовсе не намѣренъ позволять себѣ въ отношеніи къ вамъ неприличныя шутки. Что же прикажете дѣлать, какъ прикажете не говорить объ этомъ произведеніи русскаго гениа, когда наша публика уже успѣла забыть все, что толковала ей великій эстетикъ Бѣлинскій? Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, что наша публика любитъ и уважаетъ Бѣлинскаго: издано 12 томовъ его сочиненій; томы эти раскупаются, разрѣзываются и даже читаются; самые убогіе писаки называютъ Бѣлинскаго своимъ учителемъ, великимъ бойцомъ, основателемъ русской критики, законодателемъ въ области эстетики. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ истинныя, высказанныя и доказанныя великимъ критикомъ, вошли уже въ плоть и кровь читающихъ людей, и сдѣлались навсегда тѣмъ общимъ капиталомъ, которымъ непременно долженъ обладать каждый образованный русскій человѣкъ. Подумаешь, что теперь уже не затѣмъ твердить зады, и что теперь можно уже смѣло строить дальше на томъ прочномъ фундаментѣ, который заложень Бѣлинскимъ. Подумаешь — и жестоко ошибетесь! Публика читаетъ Бѣлинскаго и похваливаетъ: какъ, дескать, у него складно это все выводитъ! — Публика читаетъ «Мареву» и замираетъ отъ восторга: «ухъ! какъ интересно! страсть, какъ интересно!» Чему же научилась масса публики у Бѣлинскаго, когда она до сихъ поръ не умѣетъ отличать въ литературныхъ произведеніяхъ жизненную правду отъ риторической лжи? Чѣмъ подвинулась публика впередъ въ своемъ взглядѣ на литературу съ тѣхъ баснословныхъ временъ, когда она трепетала отъ волненій надъ переводными романами Поля Феваля и задыхалась то смѣхомъ, то слезами надъ такими же переводными романами Пол-де-Кока? — Ни у Феваля, ни у Поля-де-Кока вы никогда не найдете ничего подобнаго тому, что создалъ г. Клеппиковъ. Не о тенденціяхъ этого начинающаго романиста я намѣренъ

здѣсь говорить. Я слишкомъ уважу самого себя, чтобы вступать съ г. Ключниковымъ въ какія бы то ни было теоретическія препирательства; это совсѣмъ не его ума дѣло. Противъ моего всегдашняго обыкновенія, я посмотрю на романъ г. Ключникова съ чисто-эстетической точки зрѣнія, потому что ни съ какой другой точки зрѣнія на него не стоитъ смотрѣть. Я поставлю и рѣшу только вопросъ: годится ли на что нибудь этотъ романъ? То есть, можно ли въ немъ найти хоть малѣйшую искру ума или таланта? Есть ли въ немъ, по крайней мѣрѣ, хоть капля здраваго смысла и знанія дѣйствительной жизни? Похожи ли его дѣйствующія лица хоть немного на живыхъ людей? Если мнѣ, на всѣ эти вопросы, придется отвѣчать отрицательно, то никакихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о романѣ «Марево» и быть не можетъ. Развѣ есть, въ самомъ дѣлѣ, возможность разсуждать о жизненныхъ явленіяхъ, затронутыхъ въ романѣ, когда окажется, что романъ не затронулъ совсѣмъ никакихъ явленій? Въ клеветѣ, въ каррикатурѣ можетъ все-таки проявиться умъ, талантъ, своеобразный взглядъ на то или другое явленіе дѣйствительной жизни. Но въ каракулькахъ, написанныхъ или нарисованныхъ пятилѣтнимъ ребенкомъ, которому подарили листъ бѣлой бумаги и очиненный карандашъ, нельзя усмотрѣть рѣшительно ничего, кромѣ неумѣнья рисовать и ребяческой нетвердости руки. Обыкновенно художественныя произведенія пятилѣтнихъ Рубенсовъ оставляются всѣми здравомыслящими людьми безъ вниманія; всякій видитъ, что это каракульки, и всякій понимаетъ, что не зачѣмъ и разсуждать о ихъ бессмысленности. Обыкновенно также литературныя произведенія бездарныхъ писателей оставляются безъ вниманія здравомыслящими критиками. Всякій видитъ, что это — хламъ, и всякій понимаетъ, что безъ хлама не обходится ни одна литература, и что отъ хлама не отобьешься никакою критикою, потому что на свѣтѣ всегда будетъ очень много людей, совмѣщающихъ въ себѣ гениальность шестинедѣльнаго ягненка съ честолюбіемъ Александра Македонскаго. Но когда честолюбивый ягненокъ пріобрѣтаетъ себѣ своими каракульками всероссійскую извѣстность, тогда критика поневолѣ должна нарушить свое презрительное молчаніе. Критика должна, во всякомъ случаѣ, удовлетворять умственнымъ потребностямъ публики. Если публика еще способна обольщаться каракульками, значить, она нуждается въ томъ, чтобы ей объяснили негодность такихъ художественныхъ произведеній. Нечего дѣлать! Давайте разбирать каракульки и об-суживать претензіи честолюбивыхъ ягнятъ. Это очень печальная обязанность, но дѣлать нечего. Не публика существуетъ для удо-

вольствія критиковъ, а критики существуютъ для того, чтобы приносить пользу публикѣ.

II.

Бездарный, но честолюбивый писатель г. Ключниковъ силится изобразить въ своемъ уморительномъ романѣ борьбу двухъ мировыхъ силъ, доброй и злой. Добрая сила воплощена въ кандидатъ Владимірѣ Русановѣ, а злая въ графѣ Владиславѣ Бронскомъ. Между этими двумя силами качается, какъ маятникъ, «святая женская душа», которую г. Ключниковъ называетъ Инною и которую онъ старается сдѣлать весьма интересною. Г. Ключниковъ увѣряетъ насъ, что эта интересная Инна влюблена въ добродѣтельнаго Русанова. Мы ему, разумѣется, охотно вѣримъ, и желаемъ молодымъ людямъ всякаго благополучія, тѣмъ болѣе, что и Русановъ пылаетъ нѣжкою, но цѣломудренною страстью. Но авторъ никакъ не можетъ согласиться на ихъ бракъ, потому что тогда не произошло бы никакого «Марева.» На сцену является злое начало, и «святая женская душа», продолжая любить Русанова, обольщается демоническими рѣчами Бронскаго и вовлекается въ его злые умыслы. Вслѣдствіе такихъ предосудительныхъ поступковъ, «нери молодая» изгоняется изъ эдема, такъ что послѣдняя часть романа переноситъ насъ уже за границу. — Коварная фантазмагорія, разлучившая пару родственныхъ душъ, напоминаетъ г. Ключникову то явленіе природы, которое называется въ степяхъ южной Россіи «маревомъ,» а въ обыкновенномъ литературномъ языкѣ — миражемъ. Роману, какъ видите, дано заглавіе эмблематическое, лишненное значительныхъ претензій на глубокомысліе. Дѣйствующихъ лицъ въ романѣ очень много, и всѣ они выведены отчасти для большаго посрамленія злого начала, отчасти же, и даже преимущественно потому, что надо же чѣмъ нибудь наполнять страницы, благо есть еще на Руси добродушные люди, покушавшіе печатную бумагу не пудами, а въ видѣ внижекъ. Весь романъ есть нестерпимое море бесвязной болтовни, посредствомъ которой г. Ключниковъ старается показать публикѣ, что онъ слышалъ въ своей жизни всякіе разговоры, читалъ всякія статьи и умѣетъ изобразить на бумагѣ, безъ орфографическихъ ошибокъ, всякое мудреное слово. Эти старанія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, и добродушная публика узнаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ Россіи родился еще одинъ литераторъ, еще одинъ двигатель отечественнаго прогресса, еще одинъ просвѣтитель общественнаго сознанія. Если Петръ Ивановичъ

Бобчинскій живъ и здоровъ до настоящей минуты, — онъ, разумѣется, уже не станетъ обращаться къ Хлестакову съ просьбою довести до свѣдѣнія важныхъ особъ, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Онъ просто напишетъ романъ для «Русскаго Вѣстника» или критическую статью для «Эпохи». Редакціи примутъ его трудъ съ благодарностью, и честолюбивый идиотъ не только увидитъ свою фамилію въ печати, но даже получить за это удовольствіе денежное вознагражденіе, потому что, какъ говорятъ французы, *chaque sot trouve toujours un plus sot qui l'admire*. — Вотъ вамъ, напримѣръ, одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, посредствомъ которыхъ г. Ключниковъ двигаетъ отечественный прогрессъ и просвѣщаетъ общественное сознаніе. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, на балѣ у мѣстнаго предводителя дворянства.

— «Ахъ! крикнула одна дама, замотавшись. — Русановъ подхватилъ ее, думая, что съ нею обморокъ. Она глядѣла черезъ плечо; весь задъ платья, оторванный отъ лифа, спустился и открылъ бѣлыя юпки. (Послѣ такого событія, дамѣ, повидимому, слѣдовало бы бѣжать въ уборную и поправлять разстроенный туалетъ. Въ дѣйствительности такъ всегда и бываетъ, но въ романѣ г. Ключникова такъ случиться не можетъ, потому что тогда трудно было бы понять, зачѣмъ рассказанъ эпизодъ о разорванномъ платьѣ. Дама остается въ залѣ, и начпнается поучительная сцена, вносящаяся къ посрамленію какихъ-то представителей злого начала.)

— Извините, бормоталъ сконфуженный Коля (пятнадцатилѣтній гимназистъ, рано развращенный вліяніемъ злыхъ элементовъ).

— Медвѣжонокъ! (Дама продолжаетъ показывать т анцующему обществу свои бѣлыя юпки, единственно для того, чтобы поругаться съ развращеннымъ мальчишкой, который при этомъ случаѣ долженъ обнаружить передъ смущенными читателями всю гнусность и завоснѣлость заблуждающейся молодежи).

Тотъ проворчалъ что-то и пошелъ было. (но она все-таки не пошла въ уборную).

— Что такое? сказала та, поднимъ носикъ.

— Я говорю: вольно-жъ вамъ такіе шлейфы отращивать, что ходить нельзя.

— Да какъ вы смѣете? дерзкій мальчишка! (Да уведите же вы ее, ради Бога, въ уборную и вразумите ее тамъ, что въ порядочномъ обществѣ дамы не ругаются за случайную неосторожность. Наступивши ей на платье, Коля сконфузился и сказалъ: «извините!»

Чего же ей еще отъ него хочется? Называя его медвѣжонкомъ, она сама напрашивается на дерзость).

— А вы синица долгохвостая! (Ну вотъ, раздражила ребенка, онъ и обругалъ ее).

— Г. Горобецъ (это фамилія Коли), извольте отправиться въ гимназію и объявить дежурному надзирателю, что вы мною арестованы въ карцеръ, сказалъ подошедшій инспекторъ губернской гимназіи. (Этотъ инспекторъ, увлекшись рыцарскимъ желаніемъ поддержать обиженную даму, совершенно забываетъ, вмѣстѣ съ г. Ключниковымъ, условія времени и мѣста. Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, во время каникулъ, и балъ дается не въ губернскомъ, а въ уѣздномъ городѣ. Коля живетъ на хуторѣ у своего дяди, и пріѣхалъ на балъ безъ всякихъ пожитковъ, такъ какъ люди обыкновенно ѣздятъ въ гости. И дядя вовсе не уполномочилъ его скакать, сломя голову, въ ночь, въ губернской городъ, до котораго, какъ видно изъ другихъ мѣстъ романа, надо считать, по меньшей мѣрѣ, верстъ сорокъ или пятьдесятъ. Куда же это пастыръ добрый посылаетъ своего буйнаго питомца? И зачѣмъ же этотъ пастыръ добрый такъ глупъ, что даетъ ему неисполнимое приказаніе?)

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ Егоровъ, отвѣтилъ, насколько не смутившись, юноша, что вы мой начальникъ только въ зданіи гимназіи, а здѣсь—такой же гражданинъ, какъ и я. (Къ кому или къ чему г. Ключниковъ хочетъ обратить такое поученіе — я рѣшительно не знаю, но ясное дѣло, что мудреное слово «гражданинъ» употреблено не спроста. Мнѣ часто случалось слышать, какъ гимназисты грубятъ начальству, но никогда въ подобныхъ случаяхъ не произносилось ни слова о гражданскихъ правахъ, потому что это было бы ужъ чересчуръ глупо. Значить, тутъ говорить не гимназистъ; тутъ говоритъ какая-то эмблема какого-то таинственнаго зла. Коля Горобецъ есть лицо аллегорическое или символическое, но подъ этою многозначительною каракулькою слѣдуетъ непременно подписать, что она направлена противъ такихъ-то и такихъ-то явленій дѣйствительной жизни; а то, безъ этой подписи, никто не угадаетъ тайныхъ поползновеній автора. Г. Ключниковъ кого-то или что-то обличаетъ, но его обличительное брахтѣнье вызываетъ въ читателѣ только сострадательный смѣхъ надъ *сердитымъ безсиліемъ честолюбиваго ягненка*).

Разстроившійся *ronde* собрался вокругъ спорившихъ. (А что же даму, уведи въ уборную? Или Русановъ все еще продолжаетъ ее поддерживать и созерцать вмѣстѣ съ нею развалины ея платья?— Г. Ключниковъ такъ увлекается гимназическою теоріею граждан-

сваго равенства, что, занявшись изложеніемъ этого спорнаго вопроса, навсегда забываетъ о существованіи дамы и ея платья. Такъ до самаго конца романа мы ничего больше о нихъ и не узнаемъ).

— Что такое? Что такое? раздавались голоса.

— Ну, всё на одного, кричалъ разгорячившійся питомецъ гимназін: — милости просимъ, я давно до васъ добирался. (До кого добирался? И что значитъ «добирался»? И съ какою цѣлью добирался? Всѣ эти вопросы на вѣчныя времена остаются нерѣшенными.)

— А вотъ я тебѣ уши выдеру, не стерпѣлъ инспекторъ. (Молодецъ мужчина! Хвалю за энергію! Тутъ, по крайней мѣрѣ, ясно видно, до чего человекъ добирается. Но если взглянуть на дѣло не съ воинственной, а съ педагогической стороны, то окажется, что инспекторъ глупъ, какъ пробка. Онъ начинаетъ съ того, что даетъ своему питомцу неисполнимое приказаніе; питомецъ отвѣчаетъ ему поразительною глупостью, а инспекторъ оставляетъ эту глупость безъ вниманія и лѣзетъ драться. Развѣ такъ надо учить юношество уму-разуму? Инспекторъ, подобно дамѣ съ оборваннымъ платьемъ, самъ напрашивается на дерзость и съѣдаетъ весьма невкусный грибъ).

— Прошу, рукамъ воли не давать, отвѣтилъ тотъ, взявшись за стулъ:—вы сами прозвали нигилистомъ! (Послѣ этого отвѣта, подкрѣпленнаго выразительною мимикою, инспекторъ умолкаетъ и ступовывается. Г. Ключниковъ, которому подвернулось подъ руку новое мудреное слово, совершенно забываетъ о существованіи инспектора, такъ какъ онъ уже забылъ о существованіи дамы, заварившей всю кашу своимъ стремленіемъ поругаться. Что же это наконецъ такое? Коля рѣшительно держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ весь провинціальный beau-monde. Назвалъ даму долгохвостую синицею—та замолчала. Погрозилъ инспектору стуломъ—тотъ поджалъ хвостъ. А что же дѣлаетъ во все это время хозяинъ дома? Что же это за волпакъ, если онъ не умѣетъ вступить за даму и усмирить, двумя-тремя спокойно сказанными словами, буйныя страсти пятнадцатилѣтняго нигилиста?.. Нигилиста!.. Вотъ оно — роковое слово! Вотъ вамъ надлежащая подпись къ обличительной каракулькѣ, измышленной сердитымъ, но безсильнымъ писателемъ. Коля Горобецъ есть символъ или эмблема нигилизма. Весь задъ дамскаго платья оторванъ отъ лифа, дама ругается, инспекторъ говоритъ глупости — единственно для того, чтобы обрисовать съ разныхъ сторонъ чудовище, пожирающее умственные способности русскаго

общества. Обрисовываю; нечистое съ такимъ успѣхомъ, пределяется въ послѣдующихъ строкахъ).

— Вотъ они, вредоносные-то плоды литературы, въѣдался старый чиновникъ. (Не на радость себѣ оны въѣдался! И читатель рѣшительно не знаетъ, зачѣмъ г. Ключниковъ вложилъ въ его уста это глупое изреченіе? Затѣмъ ли, чтобы ущипнуть старика чиновника и заявить такимъ манеромъ свой собственный; тихонькій либерализмъ, или затѣмъ, чтобы въ-за угла пнуть противъ литературы то невинное замѣчаніе, что она развращаетъ гимназистовъ).

— Это вы говорите потому, что я васъ въ вѣдомостяхъ обличилъ, да еще въ воровствѣ! (Старый чиновникъ тотчасъ исчезаетъ со сцены и присоединяется къ людямъ, навсегда забытымъ авторомъ. А въ отвѣтъ Или заключается такой же обоюдострый мечъ, какой мы видѣли въ изреченіи стараго чиновника. Съ одной стороны, г. Ключниковъ, ковидному, выражаетъ ту смѣлую и новую мысль, что въ Россіи есть старые чиновники, способные нарушать правила строгой честности. Но съ другой стороны, г. Ключниковъ также ковидному, усиливается доказатъ, что обличать старыхъ чиновниковъ «въ вѣдомостяхъ, да еще въ воровствѣ», способны только такіе развращенные пошляки, какъ Коля Горобецъ.— Легко можно бытъ, что г. Ключниковъ писалъ свои діалоги безъ малѣйшаго умысла, по избытку своего простодушія, по непосредственному влеченію своей природы, такъ какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ. Но что дѣлать? Бываютъ ужъ такіа избранная организациа, у которыхъ «перлы и адаманты» такъ и сыпятся изъ рта, даже помимо ихъ собственнаго желанія. Что ни скажетъ, что ни напишетъ — все, каждое слово выходитъ непремѣнно или глупо, или пошло. Въ этомъ отношеніи только одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ писателей можетъ сравниться съ г. Ключниковымъ. Это— г. Николай Соловьевъ, начавшій съ недавняго времени ни украшать своими статьями критическій отдѣлъ «Эпохи». Невинность и простодушіе этого писателя сквозятъ въ каждой его строкѣ. А между тѣмъ, въ каждой изъ этихъ невинныхъ и безсвязныхъ строкъ притаилась— незамѣтная для простодушнаго автора, но очевидная для внимательнаго читателя,—зловещественная инсинуація. Г. Николай Соловьевъ имѣетъ привычку читать всѣ мои статьи; чтобы мой, неслѣстный для него, слова, не показались ему бездоказательною бранью, я напомиаю ему только то мѣсто изъ ноябрьской книжки «Эпохи», въ которое онъ, на основаніи повѣстей Помяловскаго, старается уличить нигилистовъ и реалистовъ въ систематической ненависти къ родителямъ. Пусть наивный критикъ

задумается надъ этимъ мѣстомъ и посыплетъ цеплою свою убогую голову.—Однако, все это въ скобкахъ; пора воротиться къ свирѣпому гимназисту, нагнавшему страхъ на провинціальное общество).

— *Il est poli se petit bonhomme*—нечего сказать!—слышалась женскіе голоса.

— Это вы говорите оттого, что я не хочу съ вами ногъ вывертывать, какъ ученая собачка, или оттого, что у васъ подъ шляпками, вмѣсто мозговъ, цвѣты на сажень торчатъ. (Эта рѣчь буйнаго юноши не обращена ни къ кому въ частности. Это отвѣтъ на возгласы «женскихъ голосовъ». Это воззваніе ко всему женскому полу вообще. Въ дѣйствительной жизни такіа воззванія совершенно невозможны, потому что разобиженный человѣкъ всегда привязывается съ своею бранью къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя его оскорбили, но въ романѣ «Марево» человѣческія страсти разыгрываются иначе. Здѣсь тщедушное воплощеніе нигилизма, стараясь заявить свою собственную глупость и гнусность, оскорбляетъ все общество и всѣхъ женщинъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Слово *мозги* употреблено съ очевидною цѣлью попрекнуть нигилистовъ Молепотомъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что южно-русскіе нигилисты, какъ видно изъ словъ Коли Горобца, предписываютъ дамамъ носить *мозги* не внутри черепа, а снаружи, подъ шляпками, тамъ, гдѣ въ настоящее время, по извѣстному выраженію того же Коли, «торчатъ на сажень цвѣты». Такъ какъ ни одна дама не носитъ подъ шляпкою цвѣтовъ «на сажень» и такъ какъ съ другой стороны, носить мозги на головѣ непряту и бесполезно, то читатель долженъ согласиться, что нигилизмъ совершенно несостоятеленъ, ибо нигилисты дгуть бевсовѣстнымъ образомъ и для своихъ преступныхъ цѣлей, извращаютъ основныя истины анатоміи и физиологіи).

— Позвольте васъ спросить, милостивый государь, гдѣ вы воспитывались? сказала Бронскій, подойдя въ свою очередь. (Самъ демонъ выступаетъ на сцену, чтобы защитить несчастное общество отъ неукротимаго пятнадцатилѣтняго злодѣя. Однако, надо сказать правду, первый вопросъ демона поразительно глупъ. Къ чему этотъ разговоръ о воспитаніи, когда забывшійся мальчикъ обругалъ всѣхъ дамъ дурами? Его просто надо было увести изъ комнаты и надо было предложить ему стаканъ холодной воды для успокоенія взволнованныхъ его страстей. Но, разумѣется, демонъ и не можетъ быть умнымъ, потому что онъ созданъ г. Ключниковымъ, а извѣстное дѣло, творецъ можетъ дать своему творенію только тѣ свойства, которыми онъ самъ обладаетъ).

— Оставьте его, шепсунъ Доминовъ:—это забавно. (Доминовъ— молодой, но уже очень солидный чиновникъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты. По какому случаю и съ какой точки зрѣнія этотъ господинъ можетъ находить забавными глупыя и неприличныя выходки Коли Горобца—это остается для читателя непроницаемою тайною).

— Нѣтъ, онъ можетъ повредить... также полу-шопотомъ отвѣчалъ Бронскій. (Кому повредить, чѣмъ повредить — это опять неразгаданная шарада. Авторъ, очевидно, старается напустить какъ можно больше таинственности; простодушные читатели ловятся на эту балаганную штуку и быстро поглощаютъ одну страницу за другою; въ надеждѣ найти наконецъ желанное объясненіе. Никакого объясненія они не находятъ, но они не злопамятны; имъ надо было только убить время. Если авторъ усыпаетъ свой рассказъ глухими намеками на какую-то интригу, то читатели, по своему добродушію, не потребуютъ отъ него, чтобъ онъ имъ показалъ всѣ нити и весь смыслъ интриги; они до самаго конца романа будутъ чего-то ждать, а потомъ, ничего не дождавипсь, смиренно поблагодарятъ дюжиннаго писаку за доставленное имъ удовольствіе).

— Наше поколѣніе само себя воспитывало, продолжалъ Коля. (Вотъ вамъ третье мудреное слово. — «Гражданинъ», «нигилистъ», «наше поколѣніе»—все это слова весьма предосудительныя, которыя могутъ произносить только неблагонаправленные гимназисты).

— И съ перваго разу поретъ дичь, спокойно возразилъ Бронскій. Что это за ваше поколѣніе? Развѣ не каждую минуту люди рождаются?

— Bravo! bravo! раздалось вокругъ. (Ахъ, какой умный Бронскій и какое умное общество! Чему-жъ они такъ обрадовались, и съ какою стати закричали «bravo»? По словамъ Бронскаго выходитъ, что столѣтній старикъ и грудной ребенокъ принадлежать къ одному поколѣнію. Ихъ раздѣляетъ, правда, промежутокъ времени въ девяносто девять лѣтъ, но вѣдь это ровно ничего не значитъ. Годъ состоитъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ, мѣсяць изъ тридцати дней, день изъ 24 часовъ, часъ изъ 60 минутъ, а люди рождаются каждую минуту. Столѣтній старикъ принадлежитъ къ одному поколѣнію съ тѣмъ человѣкомъ, который родился минутою позднѣе его; и съ тѣмъ также, который родился двумя минутами позднѣе, и тремя, и четырьмя, и пятью, и такъ далѣе; если продолжать такой расчетъ очень долго, то и окажется, что столѣтній старикъ и грудной ребенокъ принадлежать къ одному поколѣнію. Это вариация на извѣстный софизмъ старой схоластической логики—о плѣ-

длинномъ. Вамъ предлагать вопросъ: соти вырвать у васъ одинъ волосъ, сдѣлаетесь ли вы длиннѣе? — Вы, разумѣется, отвѣтите: нѣтъ. — А если вырвать еще одинъ? — Нѣтъ. — А еще одинъ? — Нѣтъ. — Но наконецъ вамъ придется же сказать: да; и тогда вамъ собесѣдникъ объявитъ вамъ, что вы сдѣлались длиннѣе отъ потери *одного* волоса, или же, что между длиннѣе и не длиннѣе человекомъ нѣтъ никакой разницы. Тотъ, кто первый выдумалъ эту штуку, былъ, конечно, очень остроуменъ, но прилагать эту старую выдумку къ различнымъ частнымъ случаямъ — собесѣднику не трудно. Но даже въ частномъ приложеніи старая софизма г. Ключниковъ поветъ по чужимъ слѣдамъ. «Русскій Вѣстникъ», питающій нѣжную оспрасть ко всякой схоластической дребедени, уже давно старался доказать схоластическими ухищреніями, что молодое поколѣніе есть мифъ, сочиненный двумя-тремя злодѣями-редакціями журналовъ).

— Что тутъ значать дѣла? Тутъ важны одинаковыя убѣжденія, (Четвертое мудреное слово, вложенное въ уста Коли для опощенія! Толковать объ убѣжденіяхъ могутъ только малолѣтніе грубіаны).

— Значить, ничего не признавая, признаемъ классификаціи, признаемъ убѣжденія... (Тутъ я даже въ туцкѣ становлюсь передъ величіемъ этой пошлости. Откуда это почеркнулъ Бронскій то свѣдѣніе, что Коля Горобецъ ничего не признаетъ? И что это значить — ничего не признавать? И кто это ухитрился не признавать классификацій и убѣжденій? Если я не признаю классификацій, то значитъ, я смѣло могу утверждать, что апель-уталитъ есть металлъ, что дубъ есть млекопитающее, а желѣзо — растеніе. Такъ, что-ли? — Но въ сущности, это все равно. Дѣло не въ томъ. Г. Ключниковъ, очевидно, полагаетъ, что есть на свѣтѣ люди, непризнающіе ничего, непризнающіе классификацій и убѣжденій. Въ этомъ мнѣніи г. Ключникова нѣтъ ничего особенно изумительнаго. Вѣдь полагаетъ же странница Феллуца, появляющаяся на сценѣ въ «Грозѣ» Островскаго, что есть люди съ песьими головами. Я не вижу ни малѣйшаго резона, почему и г. Ключникову не имѣть столь же оригинальныхъ понятій о землѣ и о тваряхъ, на ней живущихъ. Что позволительно Феллуцѣ, то вовсе не должно составлять запретный плодъ и для г. Ключникова. Но вѣдь вы вотъ что вообразите въ расчетъ: Бронскій видитъ Колю Горобца въ первый разъ въ жизни; въ словахъ Коли не было высказано еще ни одного намека на жадія бы то ни было признаванія или отрицанія. Спрашивается, какимъ же процессомъ мысли Бронскій могъ добраться до той мило-

стижимой нелѣпости, которую онъ произноситъ? Г. Ключниковъ, какъ клиентъ «Русскаго Вѣстника», очень сердится на какихъ-то людей съ песьими головами. Мысль объ этихъ чудовищахъ не даетъ покоя г. Ключникову, но зачѣмъ же онъ навязываетъ свою собственную галлюцинацію тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ романа, которыя никакъ не могутъ думать, чувствовать и говорить такъ, какъ думалъ, чувствовалъ и говорилъ бы на ихъ мѣстѣ самъ г. Ключниковъ?)

— А, да чортъ васъ побралъ бы, крикнуть гимназистъ и улизнуть изъ залы.

— Молодецъ графъ, не нынѣшнимъ чета! замѣтилъ солидный господинъ, съ большимъ интересомъ слѣдившій за этимъ объясненіемъ. (Вы видите, что солидные господа принимаютъ Колю Горобца за одного изъ «нынѣшнихъ»). Какъ лестно должно быть графу, что его называютъ «молодцомъ» такіе умные люди! И какъ приятно должно быть графу то сознаніе, что онъ, передъ лицомъ всего уѣзднаго общества, сумѣлъ побѣдить въ словесномъ турнирѣ даже пятнадцатилѣтняго гимназиста! Да и мудро было не побѣдить! Какъ ни глупы были выходы Коли, однако фразы Бронскаго еще неизмѣримо глупѣе, а глупость, доведенная до колоссальныхъ размѣровъ, можетъ ослѣпить, оглушить, ошеломить и окончательно сбить съ толку самаго искуснаго діалектика. Спорить можно только съ тѣмъ человѣкомъ, который дѣйствительно работаетъ умомъ во время спора. Побѣдить въ спорѣ можно только того человѣка, у котораго есть въ головѣ здоровая, естественная логика. Говоря съ такимъ человѣкомъ, вы можете прослѣдить весь процессъ его мысли и отыскать ту точку, въ которой кроется основная причина вашего разногласія. Но что же вы станете дѣлать съ такимъ собесѣдникомъ, который неспособенъ связать въ своей головѣ двухъ мыслей? Скажетъ онъ вамъ, напримѣръ, фразу; вы увидите въ этой фразѣ нелѣпость; начнете вы доказывать ему, что онъ ошибся; онъ сейчасъ отпуститъ вамъ вторую фразу, опять съ нелѣпостью, деиѣющею даже никакой логической связи съ первой; вы кинитесь къ этой второй фразѣ и начнете ее распутывать; онъ вамъ— третью, такого же достоинства и такъ же совершенно независимую отъ двухъ первыхъ. И такимъ образомъ онъ отчеканитъ десятки фразъ, безъ малѣйшаго утомленія, потому что онъ не думаетъ, а только говоритъ. Но вы, разумѣется, очень скоро совершенно опалѣете отъ безплодныхъ усилій отыскать между его фразами какую нибудь логическую связь. Вы попросите пощады или, подобно Горобцу, улизнете изъ комнаты, а вашъ глупый собесѣд-

никъ будетъ считаться въ солидномъ обществѣ такимъ молодцомъ, который «не интѣннимъ чета». Бронскій спрашиваетъ у Горобца, гдѣ онъ воспитывался; тотъ ему отвѣчаетъ; Бронскій, не продолжая своей прежней мысли, ухватывается за одно слово въ отвѣтѣ Горобца и на это слово строитъ фразу; Горобецъ отвѣчаетъ на эту фразу; Бронскій опять выхватываетъ одно слово изъ отвѣта и опять на это слово строитъ новую фразу. Такая забава можетъ продолжаться до безконечности. — Г. Ключниковъ заставляетъ Бронскаго говорить глупости не потому, что желаетъ представить его безтолковымъ человѣкомъ. Напротивъ того, Бронскій — по замыслу г. Ключникова, — продувная шельма, демонъ, хитрый и опасный человѣкъ; г. Ключниковъ стремится увѣрить насъ, что Бронскій опуталъ своими интригами цѣлый край; г. Ключниковъ прячетъ всѣ свои силы, чтобы въ каждое слово Бронскаго вложить нѣчто многозначительное и молніеносное; но г. Ключниковъ все-таки остается г. Ключниковымъ, и поэтому Бронскій оказывается пугалицею, вмѣсто того, чтобы быть лукавымъ демономъ. И читатель припоминаетъ съ сострадательною улыбкою ту неосновательную лягушку, которая старалась усвоить себѣ тучность вола. Г. Ключникову было бы очень выгодно, если бы мы повѣрили ему на слово; тогда бы онъ намъ просто сказалъ: Бронскій и Русановъ — умные люди; мы бы этимъ увѣреніемъ тотчасъ удовлетворились; но мы тоже люди хитрые и несговорчивые; мы на это возражаемъ г. Ключникову: а вы намъ нарисуйте умныхъ людей! Вы намъ покажите, какъ умные люди говорятъ, дѣйствуютъ. Ну-ка попробуйте! — Г. Ключниковъ пробуетъ, но тучность вола остается для него недостижимымъ идеаломъ. И Бронскій, и Русановъ, и всякіе Горобцы мужскаго и женскаго пола наводятъ на читателя уныніе и оцѣпенѣніе, потому что на всѣхъ этихъ особахъ сіяетъ неизгладимая печать ихъ общаго фабриканта.»

III.

Разобранная мною сцена занимаетъ въ романѣ г. Ключникова двѣ небольшія странички. Когда же я взялъ на себя печальный трудъ отмѣтить и распутать всѣ бессмыслицы, украшающія эту сцену, тогда мнѣ пришлось написать слишкомъ десять страницъ большого формата. Вы у меня, вѣроятно, спросите: ради чего же я такъ усердствовалъ?—А вотъ видите ли: мнѣ хотѣлось показать публикѣ, ка-

таким образом слѣдуетъ читать русскія книги. Если вы прочтете
 книгу безъ вниманія, то вы не увидите въ ней ничего особеннаго:
 гимназистъ оторвалъ платье, спорудился съ почтенными людьми, уби-
 жалъ изъ комнаты — все это вещи возможные, насколько менору-
 шающія законы природы. Но прочтите ту же книгу со вниманіемъ,
 и вы увидите въ ней моразительную безтолковщину. Всѣ дѣйстви-
 тельныя лица — какія-то куклы изъ шружникахъ; всѣ говорятъ со своимъ
 же то, что они молчатъ и должны говорить по своему положенію и
 характеру; отвѣты не вяжутся съ вопросами; каждый говоритъ свое
 собственную чушуху, и вы никакъ не можете понять, какая побу-
 дительная причина выталкиваетъ изъ него столь неожиданныя и
 неправдоподобныя звуки. Если бы наша публика выучилась читать
 внимательно романы и журнальныя статьи, если бы она постоянно
 требовала отъ писателя строгаго отчета въ каждомъ написанномъ
 имъ словѣ, если бы она проникнулась тѣмъ убѣжденіемъ, что каж-
 дое слово должно непременно вырывать собою мысль, совершенно
 понятную для того, кто пишетъ это слово, — тогда литература наша
 навсегда очистилась бы отъ такихъ худосочныхъ прищепъ, какъ ро-
 манъ «Маревъ» или журналъ «Эпоха». Весь романъ «Маревъ», съ
 первой страницы до послѣдней, написанъ совершенно такъ, какъ
 разобранная мною сцена. Попробуйте, господа читатели, раскройте
 его на удачу въ разныхъ мѣстахъ и разобратъ попавшія вамъ
 двѣ-три страницы съ тою тщательностью, съ какою я разобралъ 54-ю
 и 55-ю страницы перваго тома. У васъ просто голова вкружъ по-
 идетъ отъ этого убійственнаго чтенія; а между тѣмъ, въ прошломъ
 году, этотъ романъ читался на расквартъ. Что же дѣлать критику
 противъ этого скандальнаго торжества бездарности? Публикѣ были
 даны, еще со временъ Бѣлинскаго, превосходныя руководящія prin-
 ципы. Но что же дѣлать, если она сама еще не умѣетъ привлади-
 вать ихъ къ частнымъ случаямъ? Остается только одно послѣднее
 средство: надо, въ критическихъ статьяхъ, кромѣ теорій, давать
 еще и практику. Надо не только дать публикѣ въ руки букварь,
 но надо еще читать вмѣстѣ съ нею на распѣвъ: буки-азъ — ба, вѣди-
 азъ — ва и такъ далѣе. Мой разборъ клошниковской сцены есть
 именно такое чтеніе на распѣвъ. Это очень скучно и утомительно,
 но болѣе вы ничѣмъ не оставите назлыва бездарностей, позо-
 ращихъ нашу литературу во всѣхъ ея отрасляхъ. Чего добраго,
 мнѣ скоро придется воевать съ статьями г. Николая Соловьева
 какъ, какъ я вожусь теперь съ романомъ г. Клошникова. Бездар-
 ность душитъ насъ со всѣхъ сторонъ. — Мы видѣли, какъ презрѣно
 г. Клошниковъ рисуетъ мельчайшія подробности вселенной жизни.

Посмотримъ теперь, искусенъ ли онъ въ группированіи и освѣщеніи крупныхъ событій, на которыхъ лежитъ весь психологическій интересъ его романа. Посмотримъ, каково задуманы и обрисованы главные характеры. Разумѣется, важнѣ всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ—кандидатъ Русановъ, добродѣтельный юноша, которому авторъ вполне сочувствуетъ и который даже, по словамъ одного эстетика, г. Эдельсона, представляетъ собою лицо идеальное. Намъ очень пріятно познакомиться съ такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Посмотримъ же теперь, какими глазами лицо идеальное созерцаетъ міръ запутанныхъ человѣческихъ отношеній? Русановъ, только-что кончивши курсъ въ московскомъ университетѣ, пріѣзжаетъ въ одну изъ украинскихъ губерній, на хуторъ въ своему дядѣ, и, заинтересовавшись одной барышней, Инною Горобецъ, рѣшается поселиться въ тихомъ уголкѣ и занять тамъ должность мирового посредника. Онъ, въ одно прекрасное утро, отправляется по сосѣднимъ хуторамъ, знакомится съ помѣщиками и, объявляя имъ свое желаніе, проситъ ихъ содѣйствія на предстоящихъ выборахъ. Странное дѣло! Лицо идеальное сразу ставитъ себя въ самое смѣшное положеніе. Представьте себѣ, что вы помѣщикъ. Къ вамъ пріѣзжаетъ незнакомый вамъ юноша и говоритъ: честь имѣю рекомендоваться. Я—кандидатъ Русановъ. Потрудитесь подать за меня голосъ, когда вамъ придется выбирать мирового посредника.—Если вы человѣкъ благоразумный, то вы, вѣроятно, посмотрите на вашего гостя съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Онъ только-что успѣлъ показать вамъ свою фізіономію и произнести свою фамилію, и онъ уже думаетъ, что имѣетъ нѣкоторыя права на ваше довѣріе и уваженіе. Онъ полагаетъ, что вы сами, добровольно, отдадите въ его руки заботы о такомъ важномъ для васъ вопросѣ, какъ любовное размежеваніе вашихъ интересовъ съ интересами крестьянъ. Изъ любопытства вы спросите у вашего гостя: давно ли вы изволили пріѣхать въ наши края?—Онъ вамъ отвѣтитъ: три недѣли.—А прежде гдѣ вы изволили жить?—Въ Москвѣ. Я учился въ тамошнемъ университетѣ.—Изъ этихъ двухъ краткихъ отвѣтовъ вы уразумѣете, что вашъ собесѣдникъ никогда не былъ деревенскимъ жителемъ и, слѣдовательно, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о тѣхъ людяхъ, съ которыми ему придется имѣть дѣло, ни о тѣхъ матеріальныхъ интересахъ, которые онъ такъ отважно берется размежевывать. Такъ какъ вашъ юный гость стремится къ званію мирового посредника, не обращая никакого вниманія на свою очевидную неопытность и некомпетентность, то вы имѣете полное право видѣть въ немъ или заносчиваго и пустоголоваго

вѣтрогона, хватающагося за всякую работу и немѣющаго даже понятія о тѣхъ серьезныхъ трудностяхъ, которыя сопряжены съ добросовѣстнымъ отправленіемъ каждой общественной должности, — или же молодого пройдоху, пошлаго искателя приключеній, которому хочется только сорвать съ земства полторы тысячи рублей на канцелярскіе расходы, и потомъ вести дѣло на авось, спустя рукава, безъ всякихъ расходовъ и трудовъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, вы принуждены будете отнестись къ вашему новому знакомому съ сострадательнымъ презрѣніемъ, которое, по всей вѣроятности, нисколько не подвинетъ его впередъ, къ его желанной кѣли. Идеальное лицо — Русановъ, повидимому, долженъ былъ все это предвидѣть заранѣе. Но Русановъ о такихъ пустякахъ не думаетъ. Онъ рѣшается быть мировымъ посредникомъ совершенно неожиданно для себя и для читателя, такъ какъ онъ рѣшился бы выкупаться въ рѣкѣ или пойти на охоту, или сыграть съ добрымъ пріятелемъ партію на бильярдѣ. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, идеальныя лица должны приниматься за общественную дѣятельность съ такою младенческою беззаботностью? Вы, можетъ быть, попробуете сказать, въ оправданіе Русанова, что онъ еще очень молодъ, не знаетъ жизни, видитъ вещи въ розовомъ свѣтѣ, слишкомъ много надѣется на свои юношескія силы и, вслѣдствіе этого, слишкомъ смѣло и необдуманно хватается за такую дѣятельность, о которой онъ имѣетъ самое поверхностное помятіе. Нѣтъ. Ваше оправданіе не идетъ къ дѣлу. Въ студенческіе годы мы не знаемъ дѣйствительной жизни, но мы живемъ въ области мысли; мы въ это время долго, упорно и серьезно думаемъ о нашей будущей дѣятельности: мы подходимъ къ явленіямъ дѣйствительности съ очень строгими, быть можетъ, даже неосуществимыми требаваньями; взглядъ нашъ на человѣческія отношенія и на предстоящій трудъ отличается въ молодости скорѣе излишнею торжественностью, чѣмъ излишнимъ легкомысліемъ. Вѣтренными юношами выходятъ изъ университета только тѣ личности, которыя, во все время своего студенчества, не переставали быть прилежными учениками или рѣзвыми малютками. Молодые люди, мало-мальски умные и даровитые, переживаютъ обыкновенно, во время своего студенчества, при столкновеніи съ живою струею науки, много тяжелыхъ и незабвенныхъ минутъ внутренней борьбы и умственного броженія. Молодой человѣкъ углубляется въ самого себя и съ замираніемъ сердца задаетъ себѣ рѣшительные вопросы: что я такое? Какъ я проживу на свѣтѣ? Каковъ складъ моего ума? Каковы размѣры моихъ силъ? На что я годенъ? Къ чему я себя пристрою? Чѣмъ и обезпечу за

собой право подавать руку чуждымъ людямъ и смотрѣть имъ прямо въ глаза? Рѣшеніе этихъ вопросовъ тѣмъ болѣе мучительно, что молодость всегда нетерпѣлива! Молодость трагична и неразсчитлива! Все, начиная отъ свѣта двугривеннаго и кончая своею величайшею драгоценностью, живыми силами организма! Но когда неразсчитливый юноша свѣтываетъ себя за голову и потрясенный важными и будучи новыми впечатлѣніями, вдругъ, съ поразительною ясностью, чувствуетъ потребность рѣшить вопросы жизни, — тогда юношѣ кажется, что время не терпитъ, что каждая минута драгоценна, что надо тотчасъ сдѣлать рѣшительный выборъ, тотчасъ готовить себя въ известной дѣятельности, что малѣйшее промедленіе вредно и преступно, какъ медленное самоубійство или какъ позорное отступничество. Въ умѣ молодого человѣка поднимается буря; вопросы рѣшаются сегодня такъ, завтра иначе, черезъ недѣлю — на третій манеръ. Молодой человѣкъ запыленъ, бранитъ себя за безхарактерность, выбивается изъ силъ, унываетъ, потомъ принимается за работу хладнокровнѣе, потомъ опять горячится; опять изнемогаетъ, и наконецъ, въ этихъ необходимыхъ и спасительныхъ буряхъ нашей молодости, соврѣвается и складывается сильный и мужественный характеръ, который будетъ встрѣчать и переносить съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ добродушнѣйшею веселостью все то, что пугаетъ, давитъ, развращаетъ и уродуетъ мелкихъ людшекъ, незакаленныхъ въ суровой школѣ внутренней борьбы и умственныхъ страданій. Если молодой человѣкъ по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ мѣняетъ рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ жизни, то эта подвижность вовсе не доказываетъ, что рѣшенія даются ему дешево и что онъ относится легкомысленно къ своей будущей дѣятельности. Мѣняетъ онъ свои рѣшенія совсѣмъ не для того, чтобы увеселять себя разнообразіемъ; онъ худѣетъ и блѣднѣетъ, онъ ночей не спитъ отъ этого увеселенія; чѣмъ чаще приходится мѣнять, тѣмъ сильнѣе онъ страдаетъ; да вѣдь что же дѣлать? Такіе вопросы не рѣшаются кое-какъ; и невозможно же, изъ любви къ умственному комфорту, оставлять неизмѣненнымъ такое рѣшеніе, которое уже перестало казаться удовлетворительнымъ. — Юношамъ приписываютъ обыкновенно способность мечтать о будущемъ; юность и мечты — два понятія неразлучныя; нѣтъ того рифмоплета, нѣтъ того бездарнаго писака, который бы не отпустилъ нѣсколько казенныхъ пошлостей о золотыхъ или о розовыхъ мечтахъ юности. Рифмоплетъ или бездарный беллетристъ въ своей юности дѣйствительно только на то и были годны, чтобы мечтать о розовомъ предметѣ, напримеръ, о какойнибудь барышнѣ; или о золотомъ предметѣ, напри-

мѣръ, объ офицерскихъ зюлетахъ. Можетъ быть, у этихъ господъ были, кромѣ того, и каравоны мечты, направлявшіяся къ верховой лошади такой масти, и сѣдня мечты, клонившіяся къ бобровому воротнику, который, въ свое время, будетъ весьма картинно серебриться морозной пылью, по незабвенному выраженію Пушкина, величайшаго специалиста по части всякихъ юношескихъ мечтаній, пѣгихъ и буланыхъ, о маленькихъ жокеяхъ и объ издѣляхъ вдовы Кюлю. Всѣ подобныя мечтанія чрезвычайно усладительны, но то юношество, которое понесетъ на своихъ плечахъ судьбу общества въ ближайшія десятилѣтія, то юношество, въ которомъ лежатъ задатки мужественной зрѣлости,—мечтаетъ мало. Оно думаетъ, и его думы награждаютъ его ранними морщинами и преждевременными лысынами. Объ этой крѣпкой, страстной и серьезной дѣятельности юношеской мысли г. Ключниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Его идеальное лицо—Русановъ мечталъ въ университетѣ объ общественной дѣятельности такъ, какъ современники Пушкина мечтали о шампанскомъ и о балетѣ. Возвышеннѣе такого идеала г. Ключниковъ, разумѣется, и не можетъ ничего создать. Безсиліемъ автора и узкостью его пониманія только и объясняется то хлестаковское нахальство, съ которымъ лицо идеальное пытается сунуть свой носъ въ совершенно неизвѣстную ему отрасль серьезной практической дѣятельности. Зрѣлице выходитъ умильное и уморительное. Герой дѣлаетъ пошлѣйшую изъ пошлостей, а романтистъ одобрительно и даже почтительно киваетъ головою. Это напоминаетъ мнѣ ту сцену изъ «Мертвыхъ душъ», когда Маниловъ, съ радостнымъ умилениемъ, свойственнымъ глупому отцу, превозноситъ гениальныя способности своего вислоухаго Фемистоклюса, котораго, въ эту самую минуту, насильственно сморкаетъ лакей.

Плохія газеты, стараясь заявить свой либерализмъ, подтруниваютъ обыкновенно надъ какою нибудь несчастною Турціею, или упрекаютъ въ ретроградствѣ какого нибудь шанхайскаго мандарина. Плохіе беллетристы, подобныя г. Ключникову, стремясь обнаружить свою образованность и тонкость своего юмора, рисуютъ обыкновенно, съ великосвѣтскою насмѣшливостью, картины дикихъ провинціальныхъ нравовъ. Ироническіе отзывы о закоснѣлости Турціи и о провинціальномъ *mauvais-genre* питаютъ и грѣютъ многихъ либеральныхъ каплуновъ, которымъ барская спѣсь и непобѣдимая лѣнь мѣшаютъ взяться за пиленіе дровъ или за тасканіе воды.—Описывая путешествіе Русанова по сосѣднимъ хуторамъ, г. Ключниковъ, разумѣется, развертываетъ сокровища своего юмора и бросаетъ насмѣшливые взгляды на обитателей украинскаго захоlustья. Но просвѣщенный

либераль не замѣчаетъ того, что чѣмъ больше онъ видѣвается надъ смиренными провинціалами, тѣмъ глупѣе и смѣшнѣе становится фигура его любимаго героя, сунувшагося въ воду, не спросясь броду.—«Ну, будетъ по съумасшедшимъ домамъ шляться! восклицаетъ Русановъ, объѣхавъ около десятка хуторовъ.»—О, милѣйшіи господа! Русановъ, какъ жестоко вы поражаете этимъ возгласомъ вашу собственную особу! Вы сами напрашивались на такую должность, которая приводила бы васъ въ ежедневныя сопровисновенія съ самыми допотопными типами провинціальной жизни. Вы называете вашихъ сосѣдей съумасшедшими? Прекрасно! Но, къ счастью для васъ, у этихъ съумасшедшихъ все-таки хватило здраваго смысла на то, чтобы отклонить вашу просьбу о мировомъ посредничествѣ. А что бы вы запѣли въ томъ случаѣ, если бы съумасшедшіе не оказались благоразумнѣе васъ и если бы они исполнили ваше желаніе? Вѣдь вамъ, мой неразсудительный другъ, пришлось бы тогда каждый день бывать въ какомъ нибудь съумасшедшемъ домѣ и каждый день по нѣскольку часовъ подъ рядъ вести юридическія или экономическія бесѣды то съ помѣщицею Коробочкою, то съ Собакеви, чемъ, то съ Ноздревымъ. У васъ голова закружилась отъ нѣсколькихъ легкихъ разговоровъ о погодѣ и объ урожаѣ, а каково бы вамъ пришлось тогда, когда надо было бы толковать обитателямъ съумасшедшихъ домовъ положеніе 19 февраля, объяснять имъ, что такое уставная грамота, выкупная сдѣлка, разверстаніе угодій? Какъ же вы осмѣлились просить себѣ званія мирового посредника, когда вы даже приблизительно не знали умственной и нравственной фizioноміи того общества, въ которомъ вамъ пришлось бы судить и рядить? Если вы называете съумасшедшими вашихъ сосѣдей, смиренно сидящихъ въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, то какъ приважете назвать Владиміра Ивановича Русанова, образованнаго юношу, врывающагося въ міръ съумасшедшихъ домовъ для полученія тысячи пятисотъ рублей за такую работу, которую онъ никакъ не можетъ выполнить добросовѣстно и удовлетворительно?—На одномъ изъ хуторовъ Русановъ бесѣдуетъ съ сантиментальною помѣщицею, которая, послѣ первыхъ двухъ словъ, наводитъ разговоръ на амурныя дѣла. Русановъ цѣломудренно уклоняется отъ этого щекотливаго предмета и выдвигаетъ впередъ свое желаніе быть мировымъ посредникомъ. Происходитъ маленькое недоразумѣніе, созданное г. Ключниковымъ для того, чтобы уязвить и осмѣять провинціалку-которую онъ называетъ «дебелю красавицею». Но несчастный Русановъ при этомъ недоразумѣніи оказывается несравненно смѣшнѣе «дебелю красавицы».

— «Я желала бы переговорить съ вашимъ супругомъ, говоритъ Русановъ... я желала бы быть посредникомъ.

— О, пшлунъ! Вы знаете, какъ это опасно! Вы хотите быть посредникомъ между жертвой и тираномъ.

— Какъ-съ?

— Между замужнею женщиной...

— Нѣтъ-съ, мировымъ посредникомъ...

— А-а-а! Я вѣдь сказала вамъ, мужа имѣть дома. Это не по моей части...» (Стр. 22).

«Дебелая» красавица желаетъ познакомиться съ молодымъ человекомъ. Это, конечно, очень безнравственно, но совсѣмъ не глупо, потому что многіе молодые люди—большіе охотники до шалостей; стало быть, красавица не могла знать заражѣе, что ея желаніе не осуществится. Молодой человекъ заговариваетъ «съ дебелой красавицею» о мировомъ посредничествѣ. Это, конечно, нисколько не безнравственно, но за то очень глупо, потому что молодой человекъ долженъ былъ сразу увидѣть и понять, что «дебелая красавица» способна заниматься только тѣмъ, что «по ея части.» Стало быть, бесѣдовать съ нею о дѣлахъ государственной или общественной службы было совершенно неумѣстно.

IV.

Потерпѣвши неудачу въ исканіи мирового посредничества, Русановъ поступаетъ на службу въ гражданскую палату и получаетъ мѣсто столоначальника. Когда ему уже было обѣщано это мѣсто, онъ ведетъ слѣдующій разговоръ съ своимъ бывшимъ университетскимъ товарищемъ, Бронскимъ.

— «Вы все такой же, Владиславъ, говоритъ Русановъ. Вотъ вы опять утонули въ мечтахъ; когда-то вы ихъ приложите!

— А вы свои приложите?

— Да, помните, какъ мы, разставаясь на станціи, пили наше вступленіе въ жизнь? (*Пить вступленіе въ жизнь запрещено законами русскаго синтаксиса. Если бы можно было пить вступленіе въ жизнь, то было бы также совершенно позволительно пить день рожденія или свадьбу. Но до сихъ поръ никому не приходила въ голову такая преступная мысль.*) Съ завтрашняго дня я—столоначальникъ гражданской палаты.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ графъ, отодвигаясь. (Стр. 58).

Разумѣется, трудно повѣрить тому, чтобы идеальное лицо—Русановъ мечталъ, при выходѣ изъ университета, именно о мѣстѣ столоначальника гражданской палаты. Молодые люди, одержимые демономъ честолюбія, мечтаютъ обыкновенно о болѣе возвышенномъ положеніи въ служебной іерархіи, напримѣръ, о министерскомъ портфель или, по меньшей мѣрѣ, о превосходительномъ титулѣ, о звѣздѣ, о лентѣ, о золотомъ ключѣ. Но я думаю, что даже г. Ключниковъ постыдится официально заявлять свое сочувствіе къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые смотрятъ на государственную службу исключительно, какъ на средство удовлетворять прихотямъ мелочнаго тщеславія. Поэтому, я готовъ допустить, что Русановъ, при выходѣ изъ университета, мечталъ не о чинахъ и знакахъ отличія а о той пользѣ, которую онъ будетъ приносить обществу, занимая въ государственной службѣ какую нибудь скромную должность. Словомъ, Русановъ мечталъ въ университетѣ такъ, какъ Надимовъ и великодушный становой г. Львова мечтали на сценѣ Александринскаго театра. Можно было бы замѣтить, что эти мечты составляютъ уже для русскаго общества разогрѣтое кушанье, но я буду снисходителенъ до конца, постараюсь забыть несвоевременность русановскихъ мечтаній и произнесу надъ ними приговоръ только на основаніи тѣхъ фактовъ, которые изобрѣтаетъ самъ г. Ключниковъ.—Черезъ нѣсколько времени послѣ поступленія Русанова на службу, помощникъ новаго столоначальника, Чижиновъ, приглашаетъ его къ себѣ пообѣдать заиросто. Послѣ очень скромнаго обѣда, Чижиновъ пускается съ своимъ начальникомъ въ откровенный разговоръ.

— «По правдѣ сказать, Владиміръ Ивановичъ, я не безъ задней мысли и пригласилъ васъ поглядѣть на наше житье-бытье... Я васъ побаивался...

— Меня-то?

— Вы вѣдь того-съ... изъ нынѣшнихъ, сказалъ Чижиновъ, поспѣиваясь:—а я... лучше ужъ разомъ новаяться... Я беру взятки.. А вы погодите, вы не сразу казните... Я и уроки даю, получаю рублей пятнадцать въ мѣсяцъ; ну, мезонинъ доставляетъ пятьдесятъ ежегодно. Этими бы можно и жить, да вы возьмите то: начальство требуетъ, чтобы являться въ своемъ видѣ, не оборвышемъ; ну, и сапоги... Хотя, съ высшей точки зрѣнія, казалось бы, что такое сапоги! А тутъ благодарятъ двумя-тремя рублями... Не бралъ-съ, ей Богу не бралъ, пока оставалось кой-что у жены; все надѣялся на повышение, а вышло вотъ что!..

Чижииковъ пустиль густое, бѣлое кольцо дыму; оно плыло, расширилось въ темную ленту и пропало въ воздухъ.

— Скажите, пожалуйста, началъ Русановъ, желая прекратить тяжелое объясненіе: — неужели Ишимовъ ничего не далъ за сестрою?» (Стр. 115).

Вмѣсто того, чтобы описывать весьма картинно, какимъ образомъ бѣлое кольцо дыму плыло, плыло и пропадало въ воздухъ, г. Ключникову не мѣшало бы задуматься надъ тѣмъ двусмысленнымъ положеніемъ, въ которое попалъ Русановъ вслѣдствіе «тяжелаго объясненія» съ своимъ подчиненнымъ. Но г. Ключниковъ даже не замѣтилъ никакой двусмысленности и никакого положенія. Русановъ, который, разумѣется, не можетъ быть дальновиднѣе своего творца, также отнесся ко всему этому разговору очень легко и игриво. Онъ только своротилъ въ сторону отъ «тяжелаго объясненія» и затѣмъ счелъ все дѣло оконченнымъ. Этого мало. Онъ даже, въ домѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ, Горобцовъ, «началъ описывать чиновный міръ и пошелъ по своей колеѣ съ свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ» (стр. 127). По какой колеѣ ходитъ обыкновенно Русановъ въ своихъ разговорахъ—этого я не знаю, потому что всѣ его разговоры, приведенные въ романѣ, совершенно безсвязны, безалаберны, наполнены внутренними противорѣчiami и ни въ какую опредѣленную колею не могутъ быть втиснуты. Что Русанову свойственъ какой-то юморъ, этому я также не могу повѣрить, потому что во всѣхъ его разговорахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ юмора. Въ добродушіи же я, пожалуй, откажу Русанову, если только подъ этимъ именемъ мнѣ позволено будетъ подразумѣвать его абсолютную неспособность отнестись серьезно къ какому бы то ни было явленію жизни, и довести послѣдовательно до конца какую бы то ни было дѣльную мысль.—На *добродушные* рассказы Русанова о чиновномъ мірѣ, злобный Бронскій дѣлаетъ слѣдующее возраженіе.—«Какъ не пожалѣть, въ самомъ дѣлѣ! Жена, дѣти, et caetera, et caetera... О, благодѣтели! Неужели это оправданіе?—И затѣмъ онъ принялся говорить въ духѣ такой нетерпимости, что Русановъ рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ» (стр. 128). Возраженіе Бронскаго показываетъ ясно, что Русановъ изощрялъ свой *добродушный юморъ* надъ чѣмъ нибудь, въ родѣ *тяжелаго объясненія*, происшедшаго въ квартирѣ Чижиикова. Я вовсе не хочу заподозрить Русанова въ томъ, что онъ зубоскалилъ на счетъ горемычнаго житія бѣдныхъ чиновниковъ. Нѣтъ. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ. Тутъ важно то обстоятельство, что Русановъ относился весело и добродушно къ такому явленію, которое радикально под-

дываетъ для чего всякую возможность остаться на службѣ. Основная тема русановскихъ разсказовъ о личномъ мирѣ состоитъ, очевидно, въ томъ, что, молъ, никакъ нельзя—жена, дѣти, пошеводъ беретъ—Хорошо! Русановъ, дакъ мы видѣли, узнаемъ, что его подчиненный беретъ взятки. Это *тяжело объяснимо* каждому мыслящему человѣку, находящемуся на мѣстѣ Русанова, дадо бы почувствовать, что онъ попалъ въ такія страшныя тиски, изъ которыхъ нѣтъ другого выхода, кромѣ истой отставки. Къ чему обязываютъ Русанова его присяга, его совесть, требаванья высшей идеи общественнаго бита? Очевидно, къ тому, чтобы безпощадно искоренять взяточничество. Какъ ближайшій начальникъ Чижикова, онъ долженъ донести о его противозаконныхъ поступкахъ, и употребить всё свои средства на то, чтобы врагъ общественнаго блага былъ отданъ подъ судъ. Если у Русанова не дрогнетъ рука задвинуть Чижикова и пустить по міру его жену, если Русановъ твердо рѣшился давить точно такимъ же образомъ, во все продолженіе своей службы, всѣхъ бѣдныхъ чиновниковъ, подобныхъ Чижикову, если Русановъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, производя въ своемъ вѣдомствѣ это постоянное избіеніе младенцевъ, онъ дѣйствительно искореняетъ взяточничество и оказываетъ великія благодѣянія своему отечеству,—тогда Русановъ смѣло можетъ оставаться на службѣ и утверждать во всеуслышаніе, что его студенческая мечта о полезной общественной дѣятельности осуществилась блистательно. Но Русановъ поступаетъ совсѣмъ не такъ. Онъ не давить Чижикова, и даже остается съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. *И въ то же время, Русановъ не выходитъ въ отставку.* Вотъ это уже веркъ непослѣдовательности, той жалкой, старушечьей непослѣдовательности, которая происходитъ не отъ цѣлкости страстей, а отъ слабости разсудка. Если Русановъ помиловать Чижикова, тогда онъ, очевидно, долженъ миловать постоянно всѣхъ чиновниковъ, находящихся подъ его начальствомъ. Какъ бы широко ни шла служба Русанова, какъ бы быстро ни подвигалась впередъ его карьера, какъ бы широко ни раздвигались размѣры его власти и дѣятельности—все равно: Русановъ все-таки не можетъ сдѣлать ни шагу для прекращенія чиновническихъ злоупотребленій. Чижиковъ—хорошій человѣкъ, и у него на рукахъ жена; но вѣдь какой нибудь Степановъ тоже чудесный человѣкъ, и у него на рукахъ старуха мать; а чѣмъ же дурень Фадѣевъ, у котораго на рукахъ двѣ сестры? И за что же обижать вдовца-Тихонова, у котораго на рукахъ пятеро малолѣтнихъ дѣтей?—Есѣ берутъ по необходимости, всякому деньги не бесполезны и у всякаго есть что нибудь на ру-

вахъ. Значить, въ чему же сводится, при такихъ условіяхъ задачи, студенческая мечта Русанова о полезной общественной дѣятельности? И чѣмъ же будетъ отличаться идеальный чиновникъ Русановъ отъ всѣхъ матеріальныхъ чиновниковъ, служившихъ еще во времена Очакова и покоренія Крыма? Развѣ только тѣмъ, что тѣ воровали, а Русановъ *самъ* не будетъ воровать?—Значить, Русановъ служить не для того, чтобы приносить положительную пользу, не для того, чтобы искоренять зло, а для того, чтобы *не участвовать* во злѣ. На вопросъ: что вы дѣлаете въ гражданской палатѣ? — Русановъ долженъ отвѣчать: я *не ворую*. Но тогда можно ему замѣтить, что этому отрицательному занятію онъ можетъ съ величайшимъ успѣхомъ предаться и у себя на хutorѣ, и въ Петербургѣ, и за границей, и гдѣ угодно. Для того, чтобы *не воровать*, нѣтъ абсолютной необходимости носить вицмундиръ и ходить каждое утро въ гражданскую палату. Поступать на службу для того, чтобы, со временемъ, своимъ вліяніемъ, реформировать и обновить цѣлыя обширныя части канцелярскаго механизма — это еще куда не шло; объ этомъ, пожалуй, могутъ мечтать юноши, созерцающіе жизнь изъ прекраснаго далека; но мечтать о томъ, чтобы быть въ своей жизни только безвреднымъ, готовить себя совершенно сознательно къ тому, чтобы сдѣлаться навсегда пассивнымъ винтомъ въ ветхомъ механизмѣ—уже явный симптомъ такой вялости и хлостности, такой собачьей старости, которая во всякомъ энергическомъ человѣкѣ возбуждаетъ полнѣйшее отвращеніе. О великій романистъ, г. Ключниковъ! О великій редакторъ, г. Катковъ! О великій эстетикъ, г. Эдельсонъ! Такъ это воплощеніе собачьей старости есть, по вашему мнѣнію, лицо идеальное?—Но, позвольте! Это еще не все. Внутреннія противорѣчія въ поведеніи Русанова, какъ будто нарочно, доводятся авторомъ до послѣднихъ предѣловъ комическаго безобразія. И авторъ такъ слѣпъ, что даже не замѣчаетъ этихъ противорѣчій. На страницѣ 109, Русановъ, придя въ первый разъ на службу, безъ малѣйшей надобности вступаетъ съ однимъ старымъ столоначальникомъ въ ожесточенный споръ по вопросу о взяткахъ. Вотъ вамъ эта поучительная бесѣда, въ которой Русановъ сіяетъ чисто-надимовскимъ благородствомъ души и безкорыстіемъ помысловъ.

— «Горячо вы очень къ сердцу принимаете, не обтерпѣлись еще, не настоящій чиновникъ!—увѣщевалъ старичокъ.

— Съ такимъ, какъ вы говорите, терпѣньемъ и до взятокъ не далеко, рѣзко замѣтилъ Русановъ.

— Хе-хе!... Молода еще...

— Что?

— Въ Саксоніи не была... Эхъ, молодой человекъ! кто беретъ взятки? Это запрещено закономъ, за это лишаютъ чиновъ, дворянства...

— А все-таки берутъ...

— Да не взятки же: благодарность за труды! Если вы, примѣрно, ночь просидите за какимъ нибудь дѣломъ, изготовите къ докладу, какая же это взятка? Развѣ вы обязаны сидѣть ночь? Въ Сводѣ Законовъ полагается присутствовать только до двухъ часовъ....

И старичокъ, доставъ красный фуляръ, высморкался съ полнымъ сознаниемъ неотразимаго аргумента.

— Да, почтеннѣйшій коллега, перебилъ Русановъ, если предлагаютъ деньги, такъ вѣрно не за очередное: то и безъ того доложится... Стало быть взятка!

— Погодите, послужите, попривыкнете къ нашему порядку...

— Ну, ужъ это дудки! Это вамъ придется къ нашему порядку-то приглядываться...» (стр. 109—110).

На страницѣ 110 Русановъ горячится и говоритъ, что «это дудки», а на слѣдующей, 111-й страницѣ, Чижиновъ приглашаетъ его къ себѣ обѣдать, и послѣ обѣда—на страницѣ 114,—начинаетъ «тяжелое объясненіе», которое Русановъ прекращаетъ на страницѣ 115. — Спрашивается теперь, съ умысломъ ли или безъ умысла г. Ключниковъ поставилъ рядомъ двѣ сцены, одну между Русановымъ и старичкомъ, развивающимъ теорію благодарности, а другую между тѣмъ же Русановымъ и Чижиновымъ, развивающимъ теорію необходимости? Если это сопоставленіе двухъ сценъ произошло нечаянно, тогда вопиющее слабоуміе автора не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію. Тогда, значитъ, г. Ключниковъ пишетъ одну сцену за другую по какой-то силѣ инерціи, совершенно машинально: безъ всякаго общаго плана, не умѣя даже понимать смыслъ собственныхъ своихъ фразъ. Онъ пишетъ такъ, какъ деревенскіе дѣтки читаютъ псалтырь. И это толкованіе чрезвычайно выгодно для г. Ключникова, потому что, если я предположу, что обѣ сцены написаны сознательно, съ умысломъ, тогда выдетъ результатъ изврукъ вонъ пакостный, такой результатъ, который покажется пакостнымъ всѣмъ пишущимъ и читающимъ людямъ, безъ различія литературныхъ партій. — Старичокъ говоритъ Русанову: «привыкнете къ нашему порядку», и Русановъ дѣйствительно, въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль, привыкаетъ. Старичокъ говоритъ: «благодарность за труды», и Русановъ горячится; Чижиновъ говоритъ: «благодарятъ двумя-тремя рубликами», и Русановъ отвѣт-

ваетъ отъ этого разговора, какъ человѣкъ, старающійся заглушить въ себѣ голосъ совѣсти. Значить, что же это такое? Значить, старичокъ былъ правъ и слова его были пророчествомъ. Значить, человѣкъ возмущается взятками только тогда, когда «молода еще, въ Савсоніи не была», а какъ только побываетъ «въ Савсоніи», такъ сейчасъ и увидитъ, что взяточничество освящено законами природы, на вѣки нерушимыми, противъ которыхъ ругаютъ, только что своей безтолковости, безпокойные волтеріанцы и фармазоны. Значить, даже и противъ взяточничества ругать не слѣдуетъ. Значить, самые умные, самые честные, самые крѣпкіе молодые-люди должны, съ тупымъ спокойствіемъ, траводныхъ животныхъ, тащить старую канитель, завѣшанную прадѣдами, пороку что, известное дѣло, яйца курицу не учатъ, и все это не нами началось и не нами должно кончиться.—Множество романовъ и повѣстей посвящалось и посвящаются до сихъ поръ описанію того, какимъ образомъ молодые люди понемногу мирятся со всѣми жерзостями дѣйствительной жизни; но авторы этихъ романовъ и повѣстей никогда не осмѣливались оправдывать это примиреніе; они относились къ примирившимся юношамъ болѣе или менѣе сурово, иногда съ сострадательнымъ презрѣніемъ, можетъ быть, съ тихою грустью, но ужъ, во всякомъ случаѣ, безъ восторженнаго сочувствія. Эти романы и повѣсти были всегда вариациями на знаменитыя слова Гоголя въ главѣ о Длрянинѣ, на тѣ слова, которыми Гоголь совѣтуетъ юношамъ забирать съ собою смолоду свѣтлыхъ чувствъ, потому что потомъ же подымешь на дорогѣ.—А въ романѣ г. Ключникова дѣло идетъ совсѣмъ на выворотъ. Русановъ, примирившійся съ взяточничествомъ, остается для автора идеаломъ и героемъ. Этотъ самый Русановъ, участвующій своимъ молчаніемъ въ мелкихъ плутняхъ Чижикова, стремится пролить и дѣйствительно проливаетъ за отечество нѣкоторую часть своей благонамѣренной крови. Значить, тутъ и рѣчи быть не можетъ о нравственномъ паденіи героя и о сострадательномъ презрѣніи автора. Если бы г. Ключниковъ относился къ Русанову неодобрительно, то, разумѣется, г. Ключниковъ не поставилъ бы этого ошороеннаго челоуѣка въ картинную юзу Бурица, бросающагося въ зѣлоую пропасть для спасенія отечества. Всякій истинный патриотъ долженъ понимать, что только чистые люди имѣютъ право совершать чистые подвиги патриотизма. Отдавать, въ литературномъ произведеніи, эти подвиги въ руки замаранныхъ и оподенныхъ личностей, значить протитутуровать идею патриотизма и усыплять въ обществѣ ту чуждость нравственныхъ требованій, которая составляетъ самое прочное и разумное основа-

ніе любви къ отечеству и къ согражданамъ.—И такъ, г. Ключниковъ поставленъ въ необходимость выбрать одно изъ двухъ предложенныхъ мною объясненій: или онъ пишетъ безсознательно, въ принадлежкахъ хроническаго сомнамбулизма, не понимая того, что выходитъ изъ подъ его пера; или же онъ умышленно проводитъ въ своемъ романѣ тенденціи старичка и старается реабилитировать взяточничество. Пусть потребуесть кто нибудь изъ защитниковъ романа «Марево» объяснить какъ нибудь иначе смыслъ тѣхъ сценъ, которыя я разобралъ въ этой главѣ. Передъ такою задачею станеть въ тупикъ даже такой неустрашмый софистъ, какъ г. Катковъ. А между тѣмъ, въ этомъ вопросѣ прямо заинтересована честь г. Каткова, если только она еще можетъ чѣмъ нибудь интересоваться. Романъ «Марево» былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Пускай же «Русскій Вѣстникъ» торжественно просить у публики прощенія въ томъ, что опанываетъ ее такимъ дурманомъ. Или же, пускай онъ прямо объявитъ себя адвокатомъ взяточничества и торжественно проклянетъ даже «Губернскіе очерки» Щедрина, положившіе основаніе всему величію гг. Каткова и Леонтьева. Систематическая аналогія взяточничества будетъ дѣломъ безпримѣрнымъ даже въ нашей журналистикѣ, опозорившей себя всякими нечестностями и гнусностями. Наши литературныя партіи расходятся между собою очень сильно по всѣмъ возможнымъ вопросамъ; даже въ вопросѣ о взяточничествѣ онѣ несогласны на счетъ тѣхъ средствъ, которыя должны привести за собою искорененіе этого общественнаго зла. Но до сихъ поръ я былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ и не можетъ быть даже у насъ такой литературной партіи, которая рѣшилась бы публично провозгласить взяточничество явленіемъ нормальнымъ и не требующимъ искорененія. Я даже и теперь осмѣливаюсь думать, что «Русскій Вѣстникъ» не рѣшится защищать умствованія г. Ключникова и скромно промолчать, чувствуя себя въ безвыходномъ положеніи.

V.

Мы любовались на Русанова, какъ на гражданскаго дѣятеля. Посмотримъ теперь на его отношенія къ любимой женщинѣ. Здѣсь безсиліе автора выражается вполне въ безцвѣтной валости героя. Г. Ключниковъ готовъ намъ побожиться, что Инна любитъ и уважаетъ Русанова, но мы не повѣримъ никакой божбѣ; мы скажемъ автору: покажите намъ такого Русанова, котораго женщина могла

бы любить и уважать; передайте намъ тѣ разговоры или поступки Русанова, которые могли бы произвести на женщину глубокое впечатлѣніе; сдѣлайте создать сильную, умную, мужественную личность, и тогда мы вамъ повѣримъ безъ всякой божбы.—Помыслите, господа читатели, отвѣтитъ авторъ, чего вы отъ меня требуете? Развѣ можетъ Пульхерія Ивановна изобрѣсти какую нибудь машину? Развѣ можетъ странница Феклуша написать изслѣдованіе по сравнительной анатоміи? И когда же это видано, и когда же это слышано, чтобы курочка бычка родила, поросеночекъ лячку снесъ? Послѣ этого, какъ же вы отъ меня требуете, чтобы я создалъ сильную, умную, мужественную личность? Какъ же вы хотите, чтобы я сочинилъ для моего Русанова умные разговоры или поступки?—Ну, такъ не зачѣмъ вамъ и божиться въ томъ, что Русанова любить и уважаетъ женщина,—отвѣтитъ читатель. Сказали бы просто, что онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на деревенскую барышню своимъ атлетическимъ тѣлосложеніемъ и своею румяною фізіономіею. Этому мы, пожалуй, повѣримъ, тѣмъ болѣе, что мы уже видѣли, какъ загрызаетъ съ вашимъ героемъ дебелия красавица. Но г. Ключниковъ пропускаетъ этотъ отвѣтъ мимо ушей и продолжаетъ божиться. Божится же онъ преуморительно. Такъ, напримѣръ, мы видѣли уже, что онъ приписалъ Русанову добродушный юморъ. Но если бы читатели спросили: а гдѣ-жъ онъ, юморъ-то? подавайте его сюда!—то г. Ключникову осталось бы только сказать: быть, да весь вынешь. Ей богу, быть. У меня, господа, Русановъ—самый настоящій юмористъ, да только я этого выразить никакъ не умѣю. Въ другомъ мѣстѣ, на страницѣ 30, авторъ увѣряетъ читателя, что Русановъ говоритъ иногда «горячія тирады о значеніи современнаго движенія». Читатель сейчасъ входитъ во вкусъ и требуетъ: давайте мнѣ сюда горячую тираду. Что въ печи, то и на столъ мечи. Но горячія тирады такъ и остаются въ печи, и читатель рѣшительно не знаетъ, что именно Русановъ называетъ *современнымъ движеніемъ* и какъ онъ въ немъ усматриваетъ значеніе. Автору опять приходится божиться, что *горячія тирады*—не мифъ. Въмѣсто горячихъ тирадъ и добродушнаго юмора, авторъ представляетъ намъ, напримѣръ, слѣдующій эпизодъ изъ его бесѣдъ съ Инной. «Русановъ ходилъ за ней, раздвигая вѣтви, жевалъ листья и все собирался говорить о чемъ-то. Одинъ разъ онъ будто и рѣшился, кашлянуть.—Славный нынче день, сказалъ онъ и опустилъ глаза подъ пристальнымъ взглядомъ Инны» (стр. 29). Впрочемъ, можетъ быть, именно въ этомъ эпизодѣ сидятъ и горячіе тирады, и добродушіе, и юморъ. Но читатель не знаетъ навѣрное, куда пристроить

эти слова: Тираду ми назвали: «славный нынче день!» Разговоръ о свойствахъ *нынчи* дня есть, безъ сомнѣнн, самый *современный* изъ всѣхъ возможныхъ разговоровъ. Но какъ же мы поступимъ дальше? Съ одной стороны, легко можетъ быть, что Русановъ *клубилъ за ней* съ добродушіемъ, *раздѣлалъ вѣтки* съ юморомъ и *жевалъ листья* съ горячностью; но съ другой стороны, весьма правдоподобно и то предположеніе, что онъ *рѣшался* съ горячностью, *кашлялъ съ юморомъ* и *опускалъ глаза* съ добродушіемъ. Просимъ г. Ключникова вывести насъ изъ тягостнаго недоумѣнн. — На 30-й страницѣ, на той самой, на которой г. Ключниковъ приписываетъ своему герою способность провозносить горячія тирады, авторъ объявляетъ, намъ, что «вмѣстѣ съ наступающею темнотою Русановъ становился смѣлѣе». У читателя, разумѣется, бьется сердце и зампраетъ духъ. Даже тогда, когда было свѣтло, Русановъ рискнулъ заговорить о такомъ современномъ вопросѣ, какъ свойства нынѣшняго дня; даже тогда онъ уже жевалъ листья съ горячностью. Что же способенъ онъ сдѣлать теперь, при наступленн темноты, когда онъ становнся даже *еще* смѣлѣе? Теперь онъ будетъ жевать и глотать дубовыя вѣтки и кириичи. А ужъ о чемъ онъ заговорилъ — этого я и представить себѣ не могу, потому что современнѣе нынѣшняго дня быть ничего не можетъ. Но какова же будетъ горячность его тирады! Онъ просто испенелитъ ими сердце несчастной дѣвушки, и Инна умретъ на мѣстѣ, какъ у ерла Тамара, поцѣловавшись съ шаловливымъ кавказскимъ демономъ, котораго, на старости лѣтъ, разобрала охота влюбляться. Сдѣлавшись *еще* смѣлѣе, Русановъ дѣйствительно цараннулъ слѣдующую тираду: — «Инна Николаевна, хотѣлось бы вамъ побывать въ Москвѣ?» Послѣ этого вопроса, разговоръ становится уже менѣ замѣчательнымъ. Иннѣ, какимъ-то непостижимымъ чудомъ, удалось спастись отъ испенеленн; но читатель, конечно, согласится, что Русановъ достаточно обнаружилъ свою увеличившуюся смѣлость. Г. Ключниковъ до такой степени внимателенъ къ своему герою, что даже считаетъ священнымъ долгомъ сообщать читателю подробности о тѣлодвиженнхъ его лошади. На стр. 140, мы узнаемъ, что «лошадь Русанова кашлянула и попробовала укусить его шенкель.» Это замѣчательное покушенн произошло во время одной кавальяды, когда Русановъ ѣхалъ рядомъ съ Инною. Къ Иннѣ же г. Ключниковъ, къ сожалѣнн, менѣ внимателенъ, и поэтому не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о поведенн ея лошади. Но, не смотря на постоянную внимательность автора къ герою, мы все-таки не узнаемъ рѣшительно ничего изъ разговоровъ Русанова съ Инною. — Чтобы г. Ключниковъ или его за-

Щитники не могли обвинить меня въ произвольномъ искаженіи фактовъ, я передамъ тотчасъ, съ педантическою точностью, содержаніе всѣхъ бесѣдъ, происходившихъ между героемъ и героинею, до той самой минуты, когда Инна убѣжала съ Бронскимъ, не какъ любовница, а какъ сообщница. На стр. 29, Русановъ, искаившій въ это время мирового посредничества, жалуется Иннѣ на необразованность провинціаловъ и прибавляетъ слѣдующія слова: «а я-то думалъ, что это Аркадія какая-то.» Эти слова доказываютъ, что Русановъ не только ничего въ своей жизни не видалъ, но даже ничего не читалъ; если бы онъ зналъ дѣйствительную жизнь только по русскимъ романамъ и повѣстямъ гоголевской школы, то и тогда бы онъ пересталъ мечтать объ Аркадіи. Впрочемъ, мы не знаемъ, какъ Русановъ жадовался на провинціаловъ. У г. Ключникова приведена только одна фраза Русанова: «ну, люди въ здѣшней сторонѣ!» А затѣмъ сказано глухо, что «онъ началъ описывать ей свои странствованія». И описывать, должно быть, прескучно, потому что она сказала ему: «будетъ!»—На стр. 30, Русановъ задаетъ свой смѣльный вопросъ на счетъ Москвы, а Инна за это говоритъ ему, что онъ «точно Подколесня». Русановъ, развивая далѣе свою мысль, спрашиваетъ у нея, желала ли бы она насладиться развлеченіями, театромъ, обществомъ? Инна отвѣчаетъ на это, что она не любитъ «вообще множества, а въ частности того, что называется обществомъ.»—Русановъ случайно услышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ Инною въ то время, когда она думала, что она одна въ саду; слова эти были обращены къ водолазу Ларѣ. «Ты думаешь, онъ придетъ? говорила Инна. Ихъ нѣтъ больше на свѣтѣ... Ни одного...» Потерпѣвши неудачу въ разговорѣ о московскихъ развлеченіяхъ, Русановъ спрашиваетъ: «кто это они, кого нѣтъ больше на свѣтѣ?» Послѣ нѣкоторыхъ отпѣкиваній, Инна отвѣчаетъ: «они—тѣ, которые сдумѣли стать выше земли.—Романтики? идеалисты? спрашиваетъ Русановъ.—Они—тѣ, говоритъ Инна, чья душа и техника, и свѣтла, какъ эта ночь; они—тѣ, что не продадутъ своей совѣсти ни за какія... коврижки.—Только-то? сказалъ онъ, чтобы что-нибудь сказать» (стр. 32). Въ этомъ діалогѣ ясно выражается желаніе г. Ключникова сдѣлать изъ Инны весьма интересное, глубокомысленное и загадочное существо. Но на всякое хотѣніе есть терпѣніе. Въмѣсто глубокомыслия, фразы Инны заключаютъ въ себѣ только пустоту и напыщенность. А Русановъ здѣсь, какъ и вездѣ, говоритъ только для того, «чтобы что-нибудь сказать».—На стр. 63, Инна приглашаетъ Русанова сдѣлать съ нею обходъ по деревнѣ; Русановъ, видя ея приготовленія, спрашиваетъ съ улыбкой: «посвященіе боля-

щихъ?» Улыбка, должно быть, выходит у него приторная и глупая; по крайней мѣрѣ, Иннѣ она не нравится. «Да, чему же улыбаться-то? строго спросила она.—Въ употребленіи слова «болящихъ», вмѣсто «больныхъ», авторъ, повидимому, старается проявить «добродушный юморъ» Русанова. Выходит плоскость.—Побывавши въ одной мужицкой хатѣ, Русановъ утверждаетъ, что «надо, во что бы то ни стало, развить эстетическія наклонности въ народѣ». Инна осмѣиваетъ и освистываетъ эту новую пошлость, сказанную Русановымъ, по всей вѣроятности, для того, «чтобы что нибудь сказать» На стр. 67, Русановъ продолжаетъ пошлить: «увидавъ на грязномъ тѣлѣ красную рану обжога», онъ изображаетъ на своемъ лицѣ «конвульсивную гримасу». Инна говоритъ ему: «дайте мазь; да не падайте въ обморокъ». На слѣдующей страницѣ, Русановъ произноситъ слова: «Какъ вы должны быть счастливы въ такія минуты!» Такъ какъ эта фраза произносится «восторженно», то читатель можетъ принять ее за «горячую тираду о современномъ движеніи» дамскихъ чувствъ. Но дама русановскаго сердца понимаетъ вещи не такъ, какъ ея кавалеръ; на «восторженную» тираду о счастья посящать «болящихъ», Инна отвѣчаетъ, почти съ отчаяньемъ: «все бесполезно! все напрасно! ни къ чему не ведетъ!» Иной кавалеръ полюбопытствовалъ бы узнать причину этого отчаянья и вступилъ бы съ своею дамою въ разговоръ, вызывающій на размышленіе. Если дамское отчаянье указываетъ на расположеніе Инны къ нигилизму или къ какой нибудь другой зловредной пакости, то, повидимому, прямая обязанность Русанова, постигнувшаго несостоятельность всякаго зла, заключалась въ томъ, чтобы разумнымъ словомъ отвлечь тоскующую душу отъ бездны заблужденій. Но Русановъ чувствуетъ свою умственную убогость и не спрашиваетъ о причинахъ отчаянья, смутно сознавая, что разговоръ на эту тѣму можетъ принять очень головоломный характеръ, и что въ такомъ трансцендентальномъ разговорѣ не выйдешь ни на добродушномъ юморѣ, ни на горячей тирадѣ, ни даже на раздвиганіи вѣтвей и на жеваніи листьевъ. Русановъ поспѣшно переводитъ бесѣду на реальную почву и связываетъ Иннѣ, что онъ вчера подслушалъ заговоръ, направленный противъ нея; Инна совсѣмъ не хотѣла слушать, въ чемъ состоитъ заговоръ, и намъ тоже нѣтъ никакой надобности заниматься имъ, потому что самъ г. Ключниковъ, по своему обыкновенію, точчасъ же совершенно забываетъ о его существованіи. На дальнѣйшій ходъ романа заговоръ не имѣетъ никакого вліянія; значитъ—ясное дѣло.—онъ былъ измышленъ для наполненія страницъ пріятными пустяками. Бесѣда снова принимаетъ направленіе психологи-

ческое и головоломное. «Развѣ у меня не можетъ быть привязанности? вопрошаетъ Русановъ.— У вась? Помноте! отвѣтствуетъ Инна.» Тогда Русановъ не на шутку прикладываетъ въ азартъ и пускаетъ горячую тираду: «Вотъ она вся дѣломъ! — Инна Николаевна! Вы, вотъ, смотрите на меня, да только и говорите, что помноте; а естли какая-нибудь возможность выдаваться такъ, чтобы вы этого не сказали? Чѣмъ же я виноватъ, что это случается только въ романахъ, да еще въ тѣхъ, что Вѣлинскій велитъ Вашимъ по субботамъ читать». — Кажется, Русановъ приписалъ тутъ Вѣлинскому фразу барона Брамбеуса, но это еще не велика бѣда. Но вотъ что очень плохо: Русановъ думаетъ, что выдаваться изъ толпы пошляковъ можно только какими-нибудь подвигами во вкусѣ Круслана Лазаревича; онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что въ XIX столѣтїи людей выдвигаютъ впередъ не лжание казенныхъ стульевъ по случаю Александра Македонскаго, а умственная оригинальность и нравственная самостоятельность. Умные люди и честные работники встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, а сошлись же въ пошлыхъ романахъ. Всѣ изобрѣтатели, всѣ замѣчательные исследователи, всѣ даровитые писатели, всѣ добросовѣстные преподаватели, наконецъ, всѣ люди, умѣющие мыслить и трудиться, выдаются изъ толпы такъ, что ни одна умная женщина не скажетъ имъ: «помноте!» А развѣ эти люди встрѣчались когда-нибудь въ романахъ Загоскина, Рафаила Зотова или Воскресенскаго? Значитъ, «горячая тирада» Русанова оказалась бездѣлною глупостью, неудачно направленною къ тому, чтобы оправдать собственное, бездѣлно-глупое прозябаніе говорящей личности. — Русановъ объявляетъ далѣе Иннѣ, что онъ завтра ѣдетъ въ губернской городъ на службу. Инна говоритъ ему: «я все-таки лучше объ васъ думала», и спрашиваетъ потомъ: «неужели нельзя пробить свою тропинку?» Русановъ тотчасъ отхватываетъ новую тираду; въ первой онъ цитировалъ Вѣлинскаго, въ этой ссылается на Лермонтова. Я опять привожу его краснорѣчїе безъ утайки. «Вотъ что! Ну, это точно, какъ вамъ сказать вѣрнѣе, выше или ниже силъ... Помните, Лермонтовъ говорить, что живеть, точно читаетъ дурной переводъ книги послѣ оригинала? Да, горько, когда жизнь разбиваетъ всѣ мечты, а намъ и того хуже, мы опытни.» Оно и замѣтно, что *опытни*. Опытные люди всегда ожидаютъ найти аркадію въ захолустѣхъ, наполненномъ всѣми миловидными продуктами и остатками крѣпостного права. Опытные люди всегда суются въ мировые посредники, не имѣя понятія о крестьянскомъ бытѣ и о помѣщичьихъ правахъ. Опытные люди всегда толкуютъ о томъ, что надо развивать эстетиче-

скія наклонности въ народѣ, у котораго нѣтъ ни шаволы, ни больнички, ни повивальныхъ бабокъ. «То есть, продолжаетъ *опытный* человекъ, Русановъ, у насъ и мечты-то никакой нѣтъ, пестѣмъ и въ молодости-то было срисовать дѣйствительность.» — Опять престолювие и вранье! Изъ разговора Русанова съ Бронскимъ, вписаннаго мною въ началѣ моей IV главы, мы уже знаемъ, что у обоихъ товарищей были мечты, когда они на станціи, вмѣсто вина, «*своимъ вступленіемъ въ жизнь*». Русановъ даже упрекаетъ Бронскаго въ томъ, что онъ опять угонудъ въ мечтахъ. А Бронскій принадлежитъ къ одному поколѣнію съ Русановымъ. Значитъ, какой же смыслъ имѣютъ слова Русанова — *у насъ*? Какимъ это *насъ* онъ противопоставляетъ поколѣнію Лермонтова? И зачѣмъ же Русановъ намекаетъ на существованіе *поколѣній*, когда г. Ключниковъ уже доказалъ, посредствомъ Бронскаго, заблуждающемуся гимназисту, Колѣ Горобцу, что никакихъ поколѣній быть не можетъ, ибо люди рождаются каждую минуту? А кстати можно замѣтить, что на стр. 27 г. Ключниковъ самъ, отъ своего авторскаго лица, употребляетъ слово «поколѣніе», которое онъ потомъ, на стр. 56, побѣдоносно осмѣиваетъ. Значитъ, какъ же мы рѣшимъ мудреный вопросъ: существуютъ ли дѣйствительно поколѣнія или же они изобрѣтены журнальными свистунами? Русановъ ставитъ себѣ въ заслугу то, что у него были такія мечты, которыя не могли срисовать дѣйствительность; онъ драпирруется въ тогу гордаго страданія и говоритъ: «намъ и того хуже». Но слова «намъ и того хуже», которыя онъ произноситъ съ тайной гордостью, должны быть, напротивъ того, произнесены съ глубочайшимъ смиреніемъ. Въ нихъ заключается, по настоящему, слѣдующій смыслъ: «я очень глупъ въ сравненіи съ Лермонтовымъ; у меня нѣтъ ни ума, ни чувства, ни фантазіи, и поэтому, даже мои юношескія мечты были тусклы, какъ старшій, стертый четвертакъ.» — Одинъ мужикъ мечталъ такимъ образомъ: кабы я, говорить, былъ царемъ, я бы каждый день свиное сало ѣлъ! Одна кухарка аккуратно каждую ночь видѣла во снѣ, что она стоитъ передъ плитою и ворочаетъ разные вострюли. Мечты мужика и сновидѣнія кухарки очень мало способны «срисовать дѣйствительность», потому что онѣ почти совсѣмъ не отдѣляются отъ ихъ дѣйствительности, но этотъ трезвый характеръ ихъ грезъ вовсе не доказываетъ намъ, что этотъ мужикъ и эта кухарка — мыслящіе реалисты и отличные работники. Это доказываетъ только, что они задавлены и притуплены до крайности безцвѣтнымъ однообразіемъ своего существованія. Ихъ умственный горизонтъ такъ узокъ, ихъ жизнь такъ бѣдна впечатлѣніями, что имъ не откуда взять красокъ для разрисовыванія фан-

тастических картинъ. Если русановскія мечты проникнуты ароматомъ свиного сала и кухонной посуды; если, вступая въ жизнь, онъ не требовалъ отъ нея почти ничего и готовъ былъ удовлетвориться самыми мизерными размѣрами дѣятельности, то это доказываетъ не то, что Русановъ *опытенъ* и годенъ на какое нибудь практическое дѣло, а только то, что Русановъ—бездарный, вялый, тряпичный человѣкъ; перешедшій прямо изъ дѣтства въ старость. Мыслящіе юноши—лучше юношей мечтающихъ; но мечтающіе юноши все-таки лучше юношей «умѣренныхъ и аккуратныхъ». Безтолковый идеалистъ Рудинъ стоитъ все-таки неизмѣримо выше искуснаго практика Молчалина. Но Русановъ стоитъ даже ниже Молчалина, потому что Молчалинъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно опытенъ, а у Ключниковскаго героя даже и этого достоинства не имѣется.— «Инна Николаевна, говоритъ Русановъ далѣе, да кто-жъ мнѣ мѣшала жить въ Москвѣ, сложа руки? Тамъ у меня и домъ есть, и доходъ порядочный. Нѣтъ, это мое убѣжденіе, только такъ и можно что нибудь сдѣлать; все остальное бессильно...» Что именно *хотѣлъ* сдѣлать Русановъ и что подразумеваетъ онъ въ словѣ «*что нибудь*»—этого я не знаю. Но что онъ *сдѣлалъ*—это намъ доподлинно извѣстно. Онъ посмотрѣлъ на бѣлое кольцо дѣла, пущенное Чижиковымъ, и уклонился отъ «*тяжелаго объясненія*». И какой, подумаешь, всезнающій человѣкъ этотъ Русановъ! «*Все остальное бессильно...*» значитъ, все извѣдано Русановымъ, все обдуманно и взвѣшено. Каковъ мудрецъ! Сушій Гете!

„Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.“

Но позвольте, господинъ столоначальникъ Гете! «Все остальное»? Все, кромѣ чего? Все, кромѣ гражданской палаты? Значитъ, теперь, когда гражданская палата будетъ совершенно передѣлана судебною реформою, теперь все безъ исключенія сдѣлается бессильнымъ? Ахъ, милѣйшій господинъ Русановъ, Гете тожъ, зачѣмъ вы издаете звуки, въ которыхъ вы сами не можете усмотрѣть никакого опредѣленнаго смысла? Зачѣмъ вы говорите обо *всемъ остальномъ*, когда вы совсѣмъ ни о чемъ, да вѣдь рѣшительно ни о чемъ не имѣете никакого понятія?—Ахъ, оставьте меня въ покоѣ, отвѣчаетъ разобиженный Русановъ. Я-то чѣмъ виноватъ? Это все г. Ключниковъ подсказываетъ мнѣ такіа глупости. И охота же вамъ обращаться ко мнѣ, какъ къ живому человѣку, когда я просто кипа печатной бумаги.—Это я, господинъ Русановъ, знаю, а обращаюсь къ вамъ только по игривости моего характера.—По окончаніи раз-

говора, Инна, глядя вслѣдъ Русанову, подумала: «*unzel!*» (Sic!) (стр. 71).

VI.

На стр. 135, Русановъ говорить Иннѣ: «я боюсь, что вы попадетесь подъ вліяніе Бронскаго. — А что? возражаетъ Инна. Развѣ онъ брыкается?»—Русановъ боится за Инну, а между тѣмъ, наканунѣ, когда Бронскій при Иннѣ заговорилъ въ духѣ страшной нетерпимости, тотъ же самый Русановъ «рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ» (стр. 128). Да, конечно, «удалиаясь въ уголокъ», мудрено противодѣйствовать вліянію такого человѣка, который говоритъ смѣло и горячо. Отступая отъ честной и открытой борьбы съ идеями Бронскаго, Русановъ, какъ старая салонница, старается пошептать кое-что противъ Бронскаго во время его отсутствія. Зачѣмъ же Русановъ наканунѣ «рѣшился уступить поле противнику?» Или онъ не хотѣлъ, или не могъ спорить съ Бронскимъ. Не хотѣлъ? Странное предположеніе! Любящій мужчине видитъ, что любимая женщина находится въ опасности и для ея спасенія, *не хочетъ* шевельнуть мовгомъ и возвысить голосъ. Хорошо любовь и хорошо мужичина!—Оказывается, что не могъ. Инна спрашиваетъ прямо: «развѣ не правду говорилъ онъ вчера?»—Русановъ отвѣчаетъ: «правду!» Иначе онъ и не можетъ отвѣтить, потому что тогда Инна тотчасъ задала бы ему вопросъ: зачѣмъ же вы его вчера не опровергали? и на это Русанову пришлось бы отвѣтить: потому, Инна Николаевна, что я еще гораздо глупѣе Бронскаго, хотя и Бронскій глупъ весьма достаточно. Но, сознавшись въ томъ, что Бронскій говоритъ правду, Русановъ прибавляетъ тотчасъ: «да вѣдь это все однѣ слова.» Русанову хотѣлось, повидимому, чтобы изо рта Бронскаго сыпались, вмѣсто словъ, червонцы или алмазы. Къ сожалѣнію, этого не бываетъ. Когда человѣкъ говоритъ, онъ всегда произноситъ только слова, и весь вопросъ состоитъ въ томъ, правдивы ли эти слова или нѣтъ. Если бы Инна увлеклась *правдивыми* словами Бронскаго, то она, очевидно, поддалась бы не вліянію Бронскаго, а вліянію истины. Признавая слова Бронскаго за выраженіе истины, Русановъ отнимаетъ у себя всякую возможность противодѣйствовать его вліянію. Впрочемъ, я крѣпко сомнѣваюсь въ томъ, чтобы Бронскій дѣйствительно былъ способенъ высказывать такіа истины, которыя могутъ увлечь умную женщину. Изъ словъ Бронскаго съ Колею, мы уже видѣли, что Бронскій несетъ чепуху страшную. А что онъ говорилъ, когда

Русановъ удалялся въ уголѣкъ,—этого мы не знаемъ, потому что г. Ключниковъ не мастеръ сочинять для своихъ героевъ рѣчи вызывающія на размышленіе. У г. Ключникова сказано очень глупо, что «Бронскій громилъ все съ плеча, говорилъ съ жаромъ... отъ чиновничества перешелъ къ обществу... досталось и литературѣ..» (Стр. 128.). Обо всемъ этомъ можно говорить очень умно, но можно также говорить и очень глупо. Я полагаю, что Бронскій говорилъ очень глупо, по той простой причинѣ, что онъ есть дѣйствующее лицо въ романѣ «Маревѣ», сочиненномъ г. Ключниковымъ. А Инна и Русановъ слушали его, развѣсивъ уши, потому что они оба насколько не уступаютъ Бронскому въ слабоуміи. Продолжая разговоръ о вліяніи Бронскаго, Инна задаетъ Русанову вопросъ: «какой же вашъ-то идеалъ? Обрисуйте»... Русановъ на это отвѣчаетъ, что у нихъ въ гражданской палатѣ товарищъ предсѣдателя Доминовъ—очень хорошій человекъ, и что этотъ Доминовъ однажды въ городскомъ саду объяснилъ ему, Русанову, какимъ образомъ муравьи со-суть сладкій соевъ, выдѣляемый тлями. Если читатель не вѣритъ мнѣ на слово, что такой отвѣтъ дѣйствительно былъ данъ Русановымъ на вопросъ объ идеалѣ, то я убѣдительно прошу читателя взглянуть на 137 страницу I-го тома романа «Маревѣ». — На стр. 160, Русановъ рассказываетъ Иннѣ «грустные извѣстія, полученные имъ изъ Петербурга». Эти «грустные извѣстія» такъ глупы, безсвязны и неправдоподобны, что я о нихъ, по всегдашней моей скромности, умолчу. «Ну-съ, перебила Инна, наговорили вы много; къ какому результату вы пришли?» Этотъ вопросъ застаётъ Русанова врасплохъ и ставитъ его въ тупикъ. Онъ спрашиваетъ простодушно: «какой же тутъ результатъ?» Онъ рассказывалъ слухи, такъ какъ словоохотливыя кухарки рассказываютъ другъ другу всякія сплетни, и вдругъ отъ него потребовали какого-то результата. Разумѣется, онъ вытаращилъ глаза и немедленно ступешался. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Русановъ — любимецъ г. Ключникова. Именно по этой причинѣ, Русановъ глупѣе всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ отъ всѣхъ получаетъ щелчки по носу, и на всѣ эти ласки отвѣчаетъ только оханьемъ и сободрзнованіями о человѣческой испорченности.—На стр. 167, Русановъ объявляетъ, что ему не нравится орфографія г. Кулиша. На стр. 168, онъ спрашиваетъ, «что такое духъ времени? Изъ этого вопроса, мы можемъ заключить, что у Русанова память очень коротка; на стр. 147, онъ упрекалъ Бронскаго въ томъ, что Бронскій клянется «духу времени», потому что ему уже совѣстно клянуться генераламъ. Значитъ, на 147 страницѣ Русановъ знаетъ, что такое духъ времени, но съ тѣхъ

поръ успѣлъ позабыть. А впрочемъ, можетъ быть и то, что Русановъ на 147 стр. употреблялъ такое слово, котораго смыслъ для него непонятенъ. Такіе случаи вовсе не рѣдки. Если бы всякій дуракъ непремѣнно желалъ понимать все, что онъ самъ говоритъ, то многимъ дуракамъ пришлось бы обречь себя на вѣчное безмолвіе. У насъ же дураки не только говорятъ неумоимо, но еще, кромѣ того, пишутъ, печатаютъ и издаютъ журналы, газеты и книги. — На стр. 168, Русановъ порицаетъ идеалы Шевченка; но я осмѣлюсь замѣтить, что Русановъ, быть можетъ, судитъ Шевченка слишкомъ строго; вѣдь легко можетъ быть, что Шевченко не былъ знакомъ съ товарищемъ предсѣдателя Доминовымъ, не гулялъ съ нимъ по городскому саду и не слышалъ отъ него разсказовъ объ отношеніяхъ между муравьями и тлями. Послѣ этого, посудите сами, есть ли возможность требовать отъ несчастнаго поэта, чтобы онъ выработалъ себѣ тотъ высокій идеалъ, который обрисованъ Русановымъ на стр. 137? Когда мы судимъ о человѣкѣ, надо всегда принимать въ соображеніе обстоятельства, облегчающія его вину. — На стр. 170, Русановъ объявляетъ, что у него «отъ этой литературы ужъ голова трещить.» — «Такъ и порѣшили ничего не читать, чтобы голова всегда свѣжа была?» спрашиваетъ Инна. — Такъ и порѣшили, отвѣчаетъ «съ неудовольствіемъ» любимецъ г. Ключникова, расписываясь этимъ отвѣтомъ въ полученіи полномѣрнаго щелчка по носу. — На стр. 180, Русановъ, разговаривая съ Инною въ саду, днемъ, обнаруживаетъ внезапно такую предприимчивость, что Инна кричитъ «въ испугѣ: Владиміръ!» и потомъ, чтобы успокоить разгуливавшагося шалуна, говоритъ ему: «ужо! ужо!» Такъ какъ г. Ключникову угодно, чтобы Инна любила Русанова, то оказывается, что она сама дрожитъ отъ страсти въ русановскихъ объятіяхъ и вырывается изъ нихъ только изъ уваженія къ условіямъ времени и мѣста. Однако Русанову не пришлось дожидаться никакого «ужо!» Вскорѣ послѣ нескромныхъ объятій, Инна убѣгаетъ съ Бронскимъ за границу. Русановъ, узнавши о ея побѣгѣ, гонится за нею верхомъ по большой дорогѣ, куда-то пропадаетъ въ продолженіе двухъ дней, никого не успѣваетъ догнать и приобретаетъ себѣ горячку. Изъ этого подвига можно заключить, что Русановъ — неустрашимый всадникъ, но весьма плохой мыслитель и діалектикъ; ему надо было дѣйствовать на Инну силою убѣжденія тогда, когда она еще была способна слушать совѣты. Когда же молодая дѣвушка опалѣла на столько, что рѣшилась бѣжать, тогда уже поздно и глупо лупить за нею во всѣ лопатки по большой дорогѣ. Чѣмъ именно Бронскій околдовалъ Инну—это остается для

насть тайною. Побѣтъ ея составляетъ для читателя совершенный сюрпризъ. Убѣгая вѣстѣ съ Бровскимъ, Инна оставляетъ Русанову, по принаказанію г. Ключниковъ, разные похвальные аттестаты. Въ письмѣ, написанномъ ею передъ самымъ побѣгомъ, изображены слѣдующія слова: «едва вы сказали первое слово: любви, едва я взглянула вѣкъ въ глаза, я узнала одну изъ тѣхъ страстныхъ, упорныхъ привязанностей, которыя часто длятся цѣлую жизнь... «Чѣмъ больше вы съ нами сходились, тѣмъ больше убѣждалась я, что вы превосходный человѣкъ» и такъ далѣе (Стр. 216.). Бумага все терпитъ; написать на ней можно, что угодно; но какъ бы ни расхваливалъ г. Ключниковъ свое любимое созданіе, какъ бы онъ ни божился въ томъ, что Русановъ — самый первый сортъ, отъзнѣннѣйшей доброты, мыслящій читатель все-таки будетъ только смѣяться надъ этою гостинодворскою заманкою автора, превозносить собственныя надѣлія, которыми онъ не умѣетъ придать никакимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ. — На стр. 340, мы читаемъ отрывки изъ дневника Инны: 15 Іюня она находитъ въ Русановѣ «длинныя воплія;» 17 Іюня — «честныя, славныя понятія.» 19 Іюня «я перестаю подавать ему руку.» 29 Іюня, «этотъ человѣкъ загадка.» — Таки нагло дождетъ поръ еще ни одинъ писатель не насмѣхался надъ публикой. Мы рѣшительно не знаемъ, какими сужденіями или поступками Русановъ производилъ на Инну тѣ противорѣчивыя впечатлѣнія, которыя она занесла въ свой дневникъ; Этотъ дневникъ составляетъ для насъ тарабарскую грамоту; это еще одно проявленіе усерднаго, но чрезвычайнаго неискренняго и неудачнаго шарлатанства.

VII.

Прибавлю еще одно короткое замѣчаніе. Г. Ключниковъ вводитъ насъ въ губернскую гимназію и, бредя ошунью, натывается тамъ на педагогическій вопросъ. Гимназисты распущены до нельзя, дурачатся, не хотятъ учиться и лѣзутъ въ политику. Пріѣзжаетъ изъ Петербурга новый инспекторъ Разгоняевъ. Онъ собираетъ учителей на педагогическій совѣтъ и спрашиваетъ, какъ они намѣрены вести воспитаніе юношества. Одинъ изъ педагоговъ говоритъ, что у нихъ мальчишки «все такой народъ — аховый.» Другой говоритъ: «кто съ борку, кто съ сосенки.» Аховый характеръ и древесное происхожденіе мальчишекъ доказываютъ ясно, что противъ нихъ надо дѣйствовать аховыми и древесными средствами. Нѣмецъ говоритъ, что «нужно... розга.» Молодой учитель математики объясняетъ безпо-

рядки въ классѣ тѣмъ, что учительскія и надзирательскія обязанности соединяются въ одномъ лицѣ. По его мнѣнію, необходимо, чтобы въ классѣ сидѣлъ надзиратель. Однако самъ г. Ключниковъ быстро уличаетъ этого учителя во враньѣ; безпорядки происходятъ въ дортуарахъ, гдѣ постоянно торчитъ надзиратель. Инспекторъ совѣтуетъ учителямъ обходиться съ воспитанниками помягче и представлять ему немедленно о всякомъ наказаніи. Но вскорѣ этотъ инспекторъ, подобно Иннѣ, попадаетъ подъ вліяніе злыхъ людей, и безпорядки въ гимназіи не прекращаются. А г. Ключниковъ, по своему обыкновенію, наткнувшись на мудреный вопросъ, оставилъ его неразрѣшеннымъ, и представилъ такіе факты, которые ведутъ за собою неблаговидныя заключенія. Какими же мѣрами можно усмирить свирѣпость *ахового* народа? «Драть или не драть? вотъ въ чемъ вопросъ.» — Г. Ключникову хочется, повидимому, рѣшить этотъ гамлетовскій вопросъ въ томъ смыслѣ, что драть не годится, а посягать не мѣшаетъ. А «Русскій Вѣстникъ» рѣшитъ; вѣроятно, этотъ вопросъ такъ: въ филологическихъ гимназіяхъ давать воспитанникамъ заразъ по 25. розогъ; въ реальныхъ же, по крайней мѣрѣ, вдвое, потому что естественныя науки развиваютъ въ юношахъ *аховое* направленіе, которое нуждается въ столь же *аховомъ* противоѣдѣствіи.—Убѣдительно прошу мыслящую часть русской публики извинить меня, что я такъ долго возмълся съ романомъ «Марев».

Д. Шварсъ.

ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Публика наша изображаетъ собою, въ некоторомъ родѣ, Агафью Тихоновну изъ голубевской «женитьбы». Такова, по крайней мѣрѣ, роль ея относительно ея почитательныхъ и остроумныхъ публицистовъ. Публицисты эти постоянно напоминаютъ намъ славу искателя руки Агафьи Тихоновны. Они ведутъ съ своей Пенелопой такія же умныя рѣчи, такъ же сплетничаютъ другъ на друга, такъ же лгутъ и имѣютъ такой же усмѣхъ. Глядя на столь почтенную дѣятельность, иной порядочный человѣкъ не вытерпитъ и давай доказывать имъ, что они говорятъ вздоръ, поступаютъ бессмысленно, сами не знаютъ, чего хотятъ и чего ждутъ, что, словомъ, всё они выѣденнато яйца не стоятъ. Такого обращенія съ ними я не одобряю, потому что на нихъ никакія убѣжденія не подѣйствуютъ и никакія доказательства не проникнутъ сквозь ихъ толстую кожу. Я знаю, что если бы кто нибудь посвятилъ цѣлую жизнь на то, чтобы доказать имъ ихъ ничтожество — будь это хоть величайшій гений, — они все-таки остались бы убѣждены въ своихъ достоинствахъ и въ глубокомъ значеніи извергаемой ими трухи. Да и стоитъ ли доказывать какому нибудь экзекутору Яичницѣ или лейтенанту Жевакину, что они, Яичница и Жевакинъ, находятся въ горькомъ заблужденіи, воображая, что дѣятельность ихъ имѣетъ какой бы то ни было смыслъ; что Яичница не заслуживаетъ гражданскихъ лавровъ и удивленія соотечественниковъ за то, что служить экзекуторомъ, и что лейтенантъ Жевакинъ не можетъ претендовать на благоговѣнное вниманіе аудиторіи, когда повѣствуетъ о Сициліи, если только аудиторія не состоитъ изъ подобныхъ же ему искателей руки Агафьи Тихоновны?

Не лучше ли слѣдующая система дѣйствій?—Если искатели Агафьи Тихоновны предаютъ свою ложь и сплетни тисненію, не лучше ли

вооружиться этими несокрушимыми монументами ихъ глупости и сказать имъ:—Послушайте, Яичница, вы претендуете на общественную дѣятельность, желаете быть профессоромъ этой прелестной и юной Агафьи Тихоминой, принимаете серьезный видъ и утверждаете, что имѣете право на уваженіе современниковъ.— Хорошо. Потрудитесь же мнѣ отвѣтить, точно ли принадлежитъ вашему перу то-то и то-то, и если принадлежитъ, то можно ли вамъ претендовать на гражданскіе лавры, и если, наконецъ, вы скажете, что я придираюсь къ вашимъ слабымъ сторонамъ, то укажите мнѣ, что именно въ трудахъ вашихъ заслуживаетъ благоговѣнія и какой смыслъ приписываете вы ансамблю вашихъ трудовъ?—Я напередъ знаю, что, въ отвѣтъ на это, Яичница повеситъ околесную о постепенномъ прогрессѣ, которому онъ служить, о любви, которую проповѣдуетъ, о патриотизмѣ, который онъ въ себѣ воплощаетъ. Яичница повеситъ околесную и будетъ доволенъ, что пустилъ пыль въ глаза. Но вѣдь я и не жду отъ него раскаянія или чистосердечнаго сознанія; я напередъ знаю, что, кромѣ пыли, ничего и не будетъ. Результатъ, котораго я надѣюсь достигъ такимъ образомъ, состоитъ въ томъ, что рабобиженный Яичница, въ тщетныхъ усиліяхъ дать причинную вывѣску своей дѣятельности, будетъ принимать позы до того неблагопрістойныя, что уже всякому станетъ ясно, что онъ просто эзекуторъ Яичница или даже Яичницинъ (хотя онъ этого имени принимать не желаетъ), а вовсе не русскій Милъ и не русскій Гнейстъ, и не русскій Кузень, и не русскій Гизо.

Я уже говорилъ и повторяю: не спорьте вы съ Яичницами! Если публицистъ говоритъ вамъ, что слѣдуетъ устроить такъ, чтобы евреевъ не оказалось въ наличности, то не оспаривайте его, а попросите указать, какими средствами этого достигнуть. Если другой публицистъ говоритъ вамъ, что дѣятельность его имѣетъ смѣль ли бвеобильный, клонится къ тому, чтобы вселить любовь въ сердца согражданъ, и этимъ отличается онъ отъ прочей братіи, то не спорьте съ нимъ. Гораздо лучше попросить публициста сказать, въ чемъ выражается это любвеобильное направленіе: въ разсказахъ ли о таинственныхъ убійствахъ, въ статьяхъ ли о недопущеніи женщинъ въ университетъ (какъ-будто ихъ допускаютъ), въ филиппикахъ ли противъ города Петербурга, въ придиракахъ ли къ неудачнымъ стихамъ или во всемъ этомъ, вмѣстѣ взятомъ?—Можно процитировать публицистамъ ихъ изрѣченія и спросить: находятъ ли они, что въ этомъ выражается ихъ любвеобильность? Но, Боже

упаса, начать доказывать имъ ихъ ничтожность, бесполезность и туность,—этого они никогда не повѣрятъ.

Вотъ, напр. лейтенанты Жевакины «Эпохи» толкуютъ о проповѣдываніи любви. Они полагаютъ, что всѣ прочіе журналы—какіе-то человеконенавистники, особенно «Современникъ» и «Русское Слово». «Эпоха» обвиняетъ всѣ прочіе органы журналистики въ злобной наклонности къ утилитаризму, и потому считаетъ дѣятельность свою очень полезною, какъ противоядіе столь ядовитому духу. Никому не совѣтую вступать съ «Эпохой» въ споръ по этому поводу и отстаивать противъ нея утилитаризмъ. Невозможно вообразить себѣ труда болѣе неблагодарнаго. Рѣшиться на это, значить, доставить «Эпохѣ» на цѣлый годъ матеріалъ и поощрить ея лейтенантовъ Жевакиныхъ къ дальнѣйшей болтовнѣ на эту тему. Несравненно лучше будетъ взглянуть на то, что они дѣйствительно дѣлаютъ и что на ихнемъ жевакинскомъ языкѣ называется проповѣдью любви.

Если послушать публицистовъ «Эпохи», то окажется, что журналъ этотъ возбуждаетъ къ себѣ озлобленіе въ литературѣ гангвонейш и ставитъ это себѣ въ честь. Какъ, подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, презрѣнна литература и какъ недосягаемо-высоки Иваны Павловичи Яичницы и лейтенанты Жевакины «Эпохи»! Какая мелкая тля, съ одной стороны, и какіе величественные орлы, съ другой! Какъ присталъ къ нимъ этотъ презрительный тонъ,—эта именитость! Ахъ, Иванъ Павловичъ Яичница, лѣтописецъ «Эпохи», какой вы благородный и грандіозный мужчина! Какъ же вамъ не имѣть успѣха! Кому же имѣть его, какъ не вамъ,—вамъ, которымъ озлобленіе литературы можетъ приносить только честь?—Позвольте же, орлы, полюбоваться на васъ поближе, позвольте рассмотреть васъ внимательнѣе.

Прежде всего орлы спокойны и невозмутимы. Такое блаженное состояніе ихъ духа происходитъ не столько отъ сознанія своей силы, сколько отъ довольства самими собою и всѣмъ окружающимъ. Тотъ же лѣтописецъ заявляетъ о стремленіи нынѣшней литературы изобразить типы *новыхъ людей*. Съ орлиною пронизательностью, лѣтописецъ усматриваетъ это стремленіе и въ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, и въ *Взбаламученномъ морѣ*, и въ *Что дѣлать?* и въ *Некуда*. Но затѣмъ онъ начинаетъ сокрушаться о томъ, что значить это стремленіе?—Что же это значить? вопрошаетъ онъ себя. Ужели изображеніе *новыхъ людей* выражаетъ желаніе *новой жизни*?—Да, это несомнѣнно, это такъ. Но не означаетъ ли такое желаніе недовольство настоящимъ? Не значить ли, что въ настоящемъ перестали

находить удовлетвореніе, перестали видѣть свѣтлыя и темныя стороны его? Очевидно, что люди, ищущіе *новыхъ людей*, ищутъ *новой жизни*, слѣдовательно, отворачиваются отъ всего стараго!.. «Нельзя отъ души не пожалѣть людей, заключаетъ Яичница, которые достигли такого мрачнаго унынія». Въ самомъ дѣлѣ, бѣдныя слѣпцы; кругомъ ихъ цвѣтеть весна, благоухаютъ цвѣтущія нивы, die gelbvöglein singen, соловей обнимается съ розой, «Эпоха» проповѣдуетъ любовь, — ихъ окружаетъ счастье, блаженство, рай земной, а несчастные слѣпцы ничего этого не замѣчаютъ, ищутъ новыхъ людей и съ ними новой жизни.

Но лѣтописецъ Яичница ошибается, думая, что это недовольство и исканіе раздѣляютъ почтенные авторы *Взбаломученнаго моря и Невуда*. Люди эти не столь слѣпы, я въ этомъ убѣжденъ. Пусть лѣтописецъ самъ спроситъ у г. Стебницкаго: правъ я или нѣтъ?

Что касается до прочихъ героевъ «Эпохи», то о нихъ можно судить по слѣдующимъ чертамъ. Въ январьской книжкѣ, напр. нѣкто г. Образцовъ называетъ Монтескье, Вольтера и Руссо—«прожектерами». «Въ Европѣ, говорить, часто являлись прожектеры въ родѣ Монтескье, Вольтера и Руссо». Про нихъ и «вообще про всѣхъ энциклопедистовъ» г. Образцовъ выражается, что и это умы «очень недюжинные сами по себѣ, но крайне вредные», ибо распространили «ужасающее легкомысліе». Такой взглядъ въ наше время на энциклопедистовъ и особенно сопоставленіе Руссо съ Монтескье можетъ, конечно, принадлежать только поклонникамъ Агафьи Тихоновны. Дескать, и Руссо—бусурманъ, и Монтескье—бусурманъ, и жили они въ одно время, и либералами оба считались, — чего же больше? должно быть, оба фармазоны; а фармазонъ отъ мазурива недалеко уѣхалъ, стало, пиши: прожектеры—и мѣтко, и устроумно, и въ просакъ не попадешь. А ученая редакція все это валить въ кучу, и «Эпоха» пріобрѣтаетъ успѣхъ неимовѣрный, какъ заявляетъ тотъ же Яичница въ январьской книжкѣ (см. Замѣтки Лѣтописца).

Такимъ же образомъ выражался недавно г. Аверкіевъ о К. Фогтѣ: натуралистъ, говорить, незавидный. Оно и натурально: что, въ сѣможъ дѣлѣ, К. Фогтъ для такихъ орловъ, какъ г. Аверкіевъ? Поэтому меня грустно поразило, что въ январьской книжкѣ г. Владиславлевъ принялся опровергать отзывъ своего сотрудника о Фогтѣ. Читатель «Эпохи» долженъ придти въ немалое изумленіе, узнавъ отъ г. Владиславлева, что «незавиднаго натуралиста» цѣнить въ ученыхъ кружкахъ, что онъ извѣстенъ ученому міру, какъ геологъ, палеонтологъ и физиологъ, что его можно считать однимъ изъ

лучшихъ представителей геологій въ Германіи, что научныя заслуги его не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ нихъ никто и не сомнѣвался. Но здѣсь читатель по необходимости прерветъ г. Владиславлева, чтобы указать ему на его же снодвижничковъ, и я полагаю, что г. Владиславлевъ долженъ придти въ конфузъ, если не передъ читателями, то передъ своими же снодвижниками. Впрочемъ г. Владиславлевъ самъ сообразилъ, что хватилъ черезъ край въ похвалахъ учености Фогта, и что, пожалуй, орлы, незавидующіе Фогту, какъ натуралисту, откажутся принять его статью. Поэтому онъ поспѣшилъ заговорить о другомъ ученомъ, Бюхнерѣ, такимъ тономъ, каковымъ еще не говорилъ о немъ въ «Эпохѣ» никто. «О Бюхнерѣ же можно сказать, речетъ онъ, только то, что *можетъ быть*, онъ читалъ двѣ-три книжки по естественнымъ наукамъ, и то, *можетъ быть*, только популярныя сочиненія самого Фогта или Шлейдена, Росемслера и др.» Но, къ несчастью, разноглаголица, которая вышла по поводу Фогта между сотрудниками «Эпохи», возбуждаетъ въ читателѣ недовѣріе къ приговорамъ этихъ величій мужей надъ дѣятельностью термаксскихъ ученыхъ. Кто знаетъ, *можетъ быть* въ слѣдующей книжкѣ «Эпохи» кто нибудь возвѣститъ, что ученость Л. Бюхнера не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она признана всѣми, что онъ избранъ президентомъ одного изъ антропологическихъ обществъ Германіи, что онъ обладаетъ замѣчательною начитанностью и т. д.

Наконецъ, обращаюсь къ самому зазорному изъ орловъ «Эпохи», къ г. Н. Соловьеву. Этотъ лейтенантъ Жевакинъ пишетъ о предметахъ самыхъ разнообразныхъ и достойнымъ образомъ дополняетъ гг. Страхова и Аверкіева. Онъ навязывается на полемику самъ, упрасивая только о томъ, чтобы ему отвѣчали кратко. Вообще, онъ терпѣть не можетъ длинныхъ статей, и даже замѣчаетъ справедливо, что длина статьи можетъ принести существенный вредъ. Ибо, разсуждаетъ онъ, «иной администраторъ и прочелъ бы статью, да гдѣ-жъ одолѣть ее, если она написана какъ-будто для людей, у которыхъ и дѣла нѣтъ другого, какъ только читать статьи». При этомъ онъ резонно соображаетъ, что, «при сжатости и сдержанности, и самое слово имѣло бы болѣе вѣса, какъ въ глазахъ общества, такъ и въ глазахъ правительства».

Но я не намѣренъ вступать ни въ долгую, ни въ краткую полемику съ орлами «Эпохи», ибо напередъ предвижу, что они меня заклюютъ. Гораздо лучше будетъ съ моей стороны доставить удовольствіе и себѣ, и читателю, извлеченіемъ нѣсколькихъ перловъ изъ сокровищницы «Эпохи».

Одинъ изъ сл. сподвижниковъ «считаетъ безполезными» для женщ. цинизмъ слушать въ университетѣ лекціи «при теперешнихъ отношеніяхъ обоимъ половъ». Но, какъ я замѣтилъ, подобныя протесты необыкновенно странны, потому что совершенно излишни. Я не хочу говорить съ этимъ Жеванинцмъ объ основаніяхъ его протеста, потому что Жеванинъ никогда не повѣритъ мнѣ, что онъ правъ, а читатель увидитъ это и безъ меня. Но я хочу указать читателю на великое значеніе «Эпохи», занимающейся протестами противъ несуществующаго зла,—зла, котораго не только на дѣлѣ нѣтъ, но о которомъ и думать забыли.

На тѣхъ же основаніяхъ протестуетъ г. Соловьевъ и противъ женскихъ ремесленныхъ мастерскихъ. На этотъ разъ онъ болѣе правъ, потому что, увы! это зло дѣйствительное, и только отъ статей г. Соловьева можно ждать спасенія, съ условіемъ, если онѣ будутъ кратки.

Въ этой же занимательной статьѣ («Женщинамъ»). «Эпоха», декабрь 1864) г. Соловьевъ скорбитъ, что по вечерамъ окна университета не освѣщены. Понимая, какое изумленіе должна произвести такая скорбь, онъ прибѣгаетъ къ оговоркамъ: «Хотя и странно было бы съ нашей стороны желать, чтобы учебныя заведенія были освѣщены по ночамъ, но не странно, въ качествѣ бывшаго студента, какъ бы (прелестно это какъ бы!) завидовать сравнительно-обезжеченному состоянію кафе-шантановъ передъ университетами». Ну; скажите на милость, къ чему вы все это наболтали, г. Жеванинъ? Объясните мнѣ, что сей весь сонъ означаетъ? И какія вамъ радость была бы, если бы университетъ по ночамъ освѣщали?—Вудьте же довольны тѣмъ, что туда женщинъ не пускаютъ, а пустышки-то зачѣмъ говорить! Нѣтъ, г. Соловьевъ, не станете васъ читать ни одинъ администраторъ,—вотъ увидите!

Переходя къ «Отечественнымъ Запискамъ», я прежде всего долженъ замѣтить имъ вранье довольно безобразнаго свойства. Откуда это онѣ почерпнули, будто я сказалъ, что «сапоги лучше Шекспира, а г. Антоповичъ лучше сапоговъ», какъ говорится въ январской книжкѣ, въ предисловіи къ статьѣ Бекля и въ отвѣтѣ «Современнику» (стр. 119 и 87)? И для чего это вы, «Отечественныя Записки», такъ врите? Какой вамъ отъ этого барышъ? Вотъ что вы раскаиваетесь въ томъ, что печатали у себя Бекля, въ этомъ вы правы, потому что онъ къ вамъ, какъ къ коровѣ сѣдло. Прилично ли, въ самомъ дѣлѣ, ему находится рядомъ съ «Русскими лгунами» г. Писемскаго и со статьями Incognito? Посмотрите, напр., что говоритъ Incognito, защищая искусство: «Можетъ или не мо-

жетъ реальность, спрашиваетъ онъ автора «Нерѣшеннаго вопроса», пожелать когда нибудь имѣть портретъ своей подруги? (Прошу извиненія у Incognito, что опускаю, для краткости цитаты, игривые эпитеты, придаваемые имъ реалисту и его подругѣ). Если онъ можетъ, то пожелаетъ ли онъ, чтобы портретъ этотъ былъ написанъ изящно или безобразно? Если онъ согласенъ будетъ на безобразный или даже вовсе несогласенъ, то будетъ ли у него какое нибудь право требовать, чтобы и другіе довольствовались только безобразными портретами или и вовсе бы ихъ не имѣли, не смотря на потребность своей натуры? Эти вопросы касаются теоріи происхожденія и преуспѣванія живописи». Видите ли, какъ человекъ умно защищаетъ живопись! Неужели же вы не понимаете, г. Incognito, что защита ваша дальше фотографіи не простирается? Кромѣ того, развѣ вы не знаете, во имя чего реалисты протестуютъ противъ искусства? А если знаете, то какой смыслъ имѣть вашъ вопросъ о «правѣ требовать, чтобы и другіе довольствовались безобразными портретами или и вовсе бы ихъ не имѣли?» Если реалистъ говоритъ, что искусство въ настоящее время бесполезно и потому вредно, развращаетъ и художниковъ, и общество, поддерживается тунеядцами въ общественной экономіи, заслоняетъ мишурной цивилизаціей настоящую,—то вашъ вопросъ совершенно нелѣпъ, потому что когда говорятъ, что такое-то явленіе есть зло, то само собою разумѣется, что каждый, думающій такъ, имѣетъ право противиться ему. Къ чему же всѣ ваши вопросы со всѣми, сопровождающими ихъ, остроуміями? И вполнѣ извиняю вамъ, что вы не рѣшаетесь выставить подъ вашими разсужденіями своего имени. Собственно говоря, ваше инкогнито не имѣетъ смысла, потому что инкогнито уважительно только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уважительны причины, заставляющія прибѣгать къ нему; въ такомъ случаѣ человекъ, разоблачающій инкогнито или псевдонимъ, заслуживаетъ великаго порицанія, о чемъ вы можете сообщить г. Лохвицкому, пишущему въ единутробномъ вамъ *«Голосѣ»*, который такъ краснорѣчиво распространяется о менцелизмѣ. Ваше же инкогнито, хотя вовсе не уважительно, но понятно и до нѣкоторой степени прощительно. Иначе, къ вамъ бы слѣдовало отнести то, что говорить о неумѣстныхъ инкогнито Шопенгауеръ.—А знаете ли, что онъ говоритъ? Вотъ что: «Анонимное рецензентство недостойно и безчестно. Рецензентъ называетъ себя м-г Nobody (г. Никто), но каждый въ правѣ сказать, что м-г Nobody—мошенникъ. Поэтому, такого анонима слѣдуетъ всегда подчивать названіями мошенника и негодяя, вмѣсто того, чтобы говорить ему, какъ нѣкоторые, замаранные этою сволочью, авт-

ры: «уважаемый критикъ». «Негодяй, скрывающій свое имя» — вотъ что должны сказать ему всѣ честные люди. Кто стащитъ маску съ такого проходчика, пробѣгающаго подъ шинирупами, и вытащитъ его за ухо на свѣтъ, тотъ окажетъ большую заслугу, а сова при дневномъ свѣтѣ возбудитъ всеобщій хохотъ»..... (Parerga und Paralipomena 548—49).

Здѣсь же кстати вспомнить прежнія насмѣшки Incognito надъ тѣмъ, что я въ статьяхъ моихъ говорю о себѣ — какъ слѣдуетъ по грамматикѣ и здравому смыслу, — въ первомъ лицѣ единственнаго числа. По поводу этого я, Incognito, считающій это верхомъ неприличія, напомнилъ мнѣ о нашемъ великомъ вѣвѣ, — вѣвѣ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, свѣвѣ великаго мы, а не ничтожнаго я. Я тогда не отвѣчалъ ему; но теперь кстати процитирую ему еще разъ Шопенгауера:

«У анонимныхъ критиковъ существуетъ презабавная безстыдная замашка говорить о себѣ, точно короли, мы. Но имъ слѣдуетъ говорить о себѣ не только въ единственномъ числѣ, а въ уменьшительномъ и уничижительномъ родѣ, напримѣръ такъ: «мое жалкое ничтожество, моя трусливая замазанность, моя замаскированная некомпетентность, мое ничтожное негодяйство» и т. д. (ibid.)».

Въ заключеніе замѣчу, что «Отечественныя Записки», подобно «Эпохѣ», также враждуютъ со всѣми журналами и также радуются этому, ставятъ себѣ въ честь и хвалятся свои успѣхами. Для читателя это совершенно необъяснимо, и, признаюсь, я какъ прочиталъ, что «Эпоха» — журналъ, относительно «Отечественныхъ Записокъ», враждебный, такъ и доселѣ остался въ недоумѣніи. Изъ-за чего бы имъ, кажется, враждовать, когда дѣятельность обоихъ исключительно состоитъ въ опроверженіи «Современника» и «Русскаго Слова», и въ защитѣ эстетики равныхъ авторитето въ? и т. п.? Однако, оказывается, что враждуютъ. Мы уже видѣли, что «Эпоха» ставитъ эту вражду себѣ въ честь. Но и «Отечественныя Записки», съ своей стороны, говорятъ: «Если бы враги наши (въ томъ числѣ и «Эпоха») хвалили насъ, мы приняли бы въ уныніе, — значило бы, мы ошиблись. Но теперь они бранятъ насъ, значитъ, мы воцѣвѣ правы». — Далѣе говорится, что нападки на нихъ «Эпохи», о которыхъ они только стороной слышали, а сами прочесть не удостоили, — имъ «очень лестны». И тутъ же заявляютъ, что публика, подпискою на «Отечественныя Записки», доказала имъ свою любовь и одобреніе.

Такимъ образомъ, коса наша на камень: однимъ браня дѣлаетъ честь, другимъ — очень лестна. Одни орлы, но и другіе орлы. Если

Иванъ Павловичъ Ячмина исполненъ достоинства, то и лейтенантъ Жевакинъ—мужчина бодрый. Словомъ, борьба величественная и споръ вполне равный, такъ что остается спросить: кто у кого зримствуетъ оружіе? Но увѣраю орловъ, что имъ совершенно не зачѣмъ выклеивать другъ другу глаза, и гораздо лучше соединенными силами продолжать свою полезную дѣятельность противъ насъ и «Современника». Не совѣтую только «Отечественнымъ Запискамъ» приводить небывалые цитаты и считать въ числѣ сотрудниковъ женевского профессора Тюри. Тюри этотъ хотя довольно глупъ, но въ «Отечественныхъ Запискахъ» писать все-таки не станеть.

О «Библиотекѣ для Чтенія» и говорить-то тошно послѣ всѣхъ ея подвиговъ. Что сказать о журналѣ, который помѣщаетъ у себя произведенія такихъ беллетристовъ, какъ г. Стебницкій, и такихъ публицистовъ, какъ г. Варнекъ. Чтобы показать, до какихъ грандіозныхъ размѣровъ, совершенно немислимыхъ ни въ какой литературѣ, доходятъ предести статей, помѣщаемыхъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», укажу на нѣкоторые крупные перлы, найденные мною у г. Варнека и его сотоварищей.

Г. Варнекъ, напримѣръ, разсуждаетъ о чемъ-то, будто бы известномъ ему одному, слѣдующимъ образомъ:

«А все за лобъ! Всякій держится за лобъ. И въ чему лбу такая честь?

Къ чему сей шумъ?

Къ чему тимпановъ звукъ и клики?

«Положимъ, можетъ быть, нѣмецкіе мозги спасли Римъ,—а мы что сдѣлали такое? Чѣмъ такъ отличился нашъ новый, увѣнчанный идолъ? — Наши мозги чуть ли не самое слабое наше мѣсто (вотъ что правда, то правда, гг. публицисты Библиотеки), наименѣе практиковавшееся, наименѣе укрѣпленное.

«Давно уже было какое-то колесо въ головѣ. Поигрывали люди въ карты, попивали, при случаѣ побивали и Мамаю (ну, все это и теперь еще происходитъ, не исключая и Мамаева побоища), а объ колесѣ никто и не думалъ. Заржавѣло колесо, казалось бы, и въ дѣло употребить нельзя, а вышло не такъ.—Спохватились.—А что это въ головѣ за штука? Понатужься! Ну-ка, натяни, попробуемъ!—И пошло колесо, завертѣлось, и визжать, и шипить... эхъ, братъ, весело! Ну-ка, давай, смажемъ малехонько научнымъ жиромъ.—Смавали. — Эхъ ты, мать моя! Идетъ, другъ ты любезный, идетъ! И

хрипота есть, а всежь будто матуги поменьше надо. Такая пошла. приятность, либо-дорого!

«И то же такъ!
И тотъ дуракъ!
И изъ того-то худо будетъ!»

«Съ новости и работа власти! Орѣхъ!.. ничего, искрошимъ. Казалось бы, это щепка?.. Попробуемъ, колесо и на щепкѣ!.. Гвоздь тамъ, что ли? Перемелемъ и гвоздь—наше, братъ, дѣло такое! Такъ-весело, что и сказать нельзя!

«Фактишка тамъ или дрянная статистическая цифра... и забили въ головѣ барабаны, затрубили трубы, и вотъ, не угодно ли?.. жозговая ячница, только что изъ печки, съ сближеніями и цитатами, съ противоположеніями и уподобленіями, съ примѣчаніями и ссылками на философовъ и натуралистовъ.»

«И цѣнить фразу за фразой, и причины, и слѣдствія, и догадки съ соображеніями! Чуть не самъ генераль-прокуроръ!»—«Это не просто съ ума сошелъ баронъ въ Мартыновомъ переулкѣ! Тутъ шектались три бабы, выли собаки, у хожалаго носъ озябъ...» и т. д.

Всѣ эти перлы сплошнымъ рядомъ лежатъ на 23 печатныхъ страницахъ. Если бы все это называлось «Записками съумасшедшаго» или «Впечатлѣніями жолтаго дома», или «мыслями въ Deligium tremens»—то было бы еще сколько нибудь сообразно, хотя по растянутости скучно и несносно. Но вѣдь вы пишете такимъ образомъ статьи подъ серьезными заглавіями, это ваши серьезные публицисты такъ отличаются! И редакція дѣлаетъ въ этимъ статьямъ примѣчаніе, въ которомъ заявляетъ, что раздѣляетъ мысли (?) автора, признавая, съ своей стороны, что «общественное спасеніе не заключается въ одномъ радѣніи *о брюхѣ, сирѣчь животѣ*, не даже въ вопросѣ о брюшномъ равенствѣ, что болѣе высокія общественныя идеи и заботы несравненно важнѣе, что онѣ заключаютъ въ себѣ первое условіе сколько нибудь сноснаго рѣшенія всякихъ брюшныхъ и не брюшныхъ общественныхъ задачъ и т. д. Это ужъ переходитъ всякія границы приличія и здраваго смысла, и такъ безстыдно издѣваться можно только надъ русской публикой. Писать статьи, нановленные краснорѣчіемъ и *мыслями*, образецъ которыхъ я привелъ, и серьезно увѣрять публику, что рѣшаютъ ими общественныя задачи! А пока вы такъ рѣшаете общественныя вопросы, противъ васъ обращаются ваши собственные сотрудники, и

вы противъ нихъ. И не мудрено: печатая всякій сбродъ, какой вамъ дадутъ, рядомъ съ ерундой собственнаго изобрѣтенія, вы припечатали и скорбь о крѣпостномъ правѣ г. Судовщикова и думаете отдѣлаться отъ упрековъ, записавъ въ примѣчаніи, «что не вполне согласны съ нѣкоторыми мнѣніями почтеннаго автора». По счастью, если самими вами такія предѣлки кажутся естественными, то находятся такіе рьяные люди, какъ г. Судовщиковъ, которые тутъ же васъ и осаживаютъ. Къ сожалѣнію, такіе упрески не идутъ вамъ въ прокъ, потому что не успеютъ васъ осадить, какъ уже въ слѣдующей книжкѣ вы опять печатаете книгу нибудь безобразную штуку въ родѣ «Объясненія г. Стебницкаго», живинно замѣчая, что «далеко не раздѣляете высказанныхъ въ немъ мнѣній и оставляете на отвѣтственности автора многочисленные намеки, объясненія». Очень жаль, что г. Стебницкій храбръ только подъ именемъ Розонова, а то онъ за это осадилъ бы васъ. Вы позволяете себѣ говорить о произведеніяхъ вѣселаго сотрудника въ такомъ тонѣ: «Исходя, быть можетъ, нѣтъ очень добросовѣстной точки зрѣнія, г. Корнѣй указалъ на недостатки романа (*Нискуда*) съ такою безтактностью, что подкрѣпилъ самую странную выходку «Русскаго Слова», и въ заключеніе далеко оставилъ за собой автора «*Нискуда*», *указавъ на нихъ же недостатками*». Далѣе объясняется, что недостатки указаны «*Петербургскими Видимостями*» состояли въ личныя нападки. Слѣдовательно, не собственному каніеку сознанию, и въ «*Нискуда*» существуютъ личности и сплетни. Выть такъ здравствуйте! А какой вонючій угнѣтенной невинности былъ подыять вами, когда вамъ въ первый разъ замѣтили это! Какъ вы клянетесь и божитесь въ правдивости! Знаете ли, что это хуже статей Варшова.

Дѣло впрочемъ очень понятное: романикъ «*Нискуда*» вы навещали, рассчитывая произвести эффектъ, и пока печатали его, то лѣзли лезъ кожи, защищая его. Но убѣдившись, что даже единомышленники ваши находятъ, что вы уже черезъ край хвастали, и смотреть на г. Стебницкаго, какъ на спанага тельца, отъ котораго надо отрѣчься, если есть хоть нѣгѣшнее позволеніе сохранить свое достоинство, вы, окончивъ, между тѣмъ, подъ шумокъ романъ, начали насте малю по малу отъ него отдѣлываться. Не мудрено, что въ самомъ непродолжительномъ времени вы забыли о своемъ отвращеніи къ личностямъ въ литературѣ и будучи съ благороднымъ недоуваніемъ говорить о «недостаткахъ «*Нискуда*». Однако, правду сказать вамъ, что я употреблю всѣ усилія, чтобы не допустить

вась до этого и помѣшать вамъ вытащить изъ своего горла эту кость, которую вы добровольно проглотили.

Вообще, кажется, либерализмъ намѣренъ снова разцвѣсти, и литература, это вѣрное зеркало общественной жизни, готовится снова повѣять весной. Поэтому публикѣ предстоить въ скоромъ времени насладиться зрѣлищемъ цѣлыхъ сонмовъ публицистовъ и другихъ литературныхъ дѣятелей, вытаскивающихъ у себя изъ горла кости и старающихся вылѣзти изъ трясины, въ которую залѣзли. При этомъ зрѣлищѣ, примѣръ котораго намъ только что представила «Библиотека для Чтенія», должно обнаружиться различіе между людьми, утратившими способность вѣрить въ нашъ либерализмъ и сохранившими ее. Хотя со стороны журналистики—я говорю только о ней, — было сдѣлано весьма много, чтобы привести зрителей къ полному скептицизму, но я полагаю, что, благодаря искусству публицистовъ вылѣзть изъ трясины и благодущію зрителей, большинство сохранить эту вѣру.

Что же касается «Русскаго Вѣстника», то читатель пойметъ, почему я не говорю о немъ такъ подробно, какъ о прочихъ, просмотрѣвъ одни заглавія статей, хотя бы январьской книжки этого журнала. Здѣсь г. Шювайскій пишетъ о *графѣ Сиверсѣ, графѣ Л. Н. Толстой* (на французскомъ языкѣ) о *князьяхъ и княгиняхъ Бояконскихъ, Друбецкихъ, Кураиныхъ, фрейлинахъ Шереръ, виконтахъ Мортмаръ, грабахъ и графиняхъ Ростовыхъ, Безухихъ, bâtards'ахъ Пьерахъ* и тому подобныхъ именитыхъ и великосвѣтскихъ лицахъ, здѣсь Ф. Ф. Вигель воспоминаетъ о *грабахъ Прованскомъ и Артуа, Орловыхъ* и проч., и объ *оберъ-архитекторахъ*; о народномъ воспитаніи пишетъ г. *Рожевскій* и наконецъ г. *Фетъ* пишетъ стихотворное посланіе г. *Тургеневу*, въ которомъ объ И. С. Тургеневѣ говоритъ, что онъ

«...хижину себѣ воздушную сложилъ
Подъ очарованной скалою».

Что его

«пригрѣлъ чужой денницы яркій лучъ»

и что онъ

«Душѣ сыскалъ возрожденье».

О себѣ же г. Фетъ заявляетъ, что

«Обрѣлъ, чего алкалъ,
Что отложилъ плектронъ и взялся за топоръ
И за блестящую лопату»,

и что вообще очень доволенъ, что нашелъ наконецъ убѣжище

«Отъ толпы безчинной».

Должно полагать, что ни гуси, ни свиньи не смущаютъ уже душу поэта, и что онъ развязался даже съ Семеномъ, потому что онъ говорить, что

«Ни рѣзкій вриекъ глумцовъ, ни подлѣй ихъ разгулъ
Сюда не досягнутъ»,

и что нѣсни его слушаетъ только пустыня.

На этой пустынѣ впрочемъ и можно остановиться.

Теперь обратимся въ подробному разсмотрѣнiю славной борьбы, которую журналисты и публицисты ведутъ противъ современнаго главнаго врага ихъ.

Нынешній врагъ большей части журналистики, противъ котораго она напрягаетъ свои благородныя усилiя, называется уже не нигилизмомъ, сенаратизмомъ и не происками иезуитовъ. Чудовище, противъ котораго теперь вооружилась журналистика отъ маля до велика, называется утилитаризмомъ. Если бы я не ограничивался здѣсь обзоромъ журналистики, то мы увидѣли бы, что противъ этого возникаютъ протесты и внѣ литературы. Литература же преслѣдуетъ его со всѣмъ жаромъ, съ какою преслѣдовала нѣкогда свистуновъ, а потомъ нѣмцевъ и евреевъ. Въ доказательство этого, я сошлюсь на важнѣйшiя статьи большей части журналовъ.

Такъ, въ «Эпоху» прибыло, съ нарочитой цѣлью бороться противъ утилитаризма, двое приѣзжихъ, одинъ изъ провинцiи, другой изъ-за границы. Приѣзжiе немедленно соединились съ туземцами «Эпохи» и выступили противъ утилитаризма. Походъ открылся въ ноябрьской книжкѣ. Одинъ туземецъ, г. Дм. Аверкиевъ, и оба приѣзжiе повели разомъ атаку противъ «теорiи пользы и выгоды».

Позраженiя и доводы ихъ необыкновенно умны и справедливы, но, къ сожалѣнiю, не попадаютъ въ цѣль, потому что нападающiе

не понимают хорошенечко то, противъ чего ратуютъ. Одинъ изъ пріѣзжихъ полагаетъ, что «польза есть ничто иное, какъ прямое, непосредственное примѣненіе силъ и средствъ въ настоящей мину-тъ». Опредѣленіе это такъ мѣтко, что всякія похвалы будутъ излишни; я, съ своей стороны, скажу только, что пріѣзжій не даромъ пронутешествовалъ изъ провинціи въ Петербургъ, потому что еслибъ даже онъ и не привезъ ничего, кромѣ этого опре-дѣленія, то и тогда вояжъ его былъ бы исполнѣнъ плодотворенъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что онъ повывозилъ тамъ еще не мало дру-гого замѣчательнаго. Такъ, онъ остроумно—хотя не оосвѣилъ само-стоятельно,—разсуждаетъ о людяхъ, для которыхъ существуетъ одно лишь брюхо, и все есть только брюхо. По словамъ пріѣзжаго, для этихъ людей «даже сигара есть брюхо». (Эпоха. Ноябрь. Теорія пользы и выгоды, стр. 14). Я нарочно указалъ страннику, потому что напередъ знаю, что никто мнѣ не повѣрилъ бы на слово, еслибъ я приводилъ такіе афоризмы безъ точнаго указанія мѣста, откуда они заимствованы. Затѣмъ, пріѣзжій и г. Дм. Аверкіевъ жалу-ются на покушеніе людей, для которыхъ даже сигары—брюхо, от-нять у народа пѣсни, отрѣзать пріѣзжему носъ (Эпоха. Декабрь Безплодная илюдовѣность, стр. 6), а г. Дм. Аверкіеву помѣшать «вѣрвать не по разуму» (ibid. по поводу признанія двухъ пе-тербургцевъ, ст. 6). Противъ такихъ покушеній лица эти горячо протестуютъ. Г. Дм. Аверкіевъ настаиваетъ на томъ, что, вопреки всѣмъ, будетъ «вѣрить не по разуму, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ по-мысленіемъ, всею душою, всѣмъ своимъ существомъ»; будетъ такъ вѣрить и «наградъ за это не потребуетъ». (Не награждайте меня). «На логическомъ доказательствѣ не успокоится», но проситъ Бога удалить отъ него гордыню духа. «Для торжества своей идеи не будетъ дѣйствовать, потому что его идея—не его идея» (филосо-фіи научены!); «хочетъ дѣлать добро, потому что это святая свя-тыхъ души его» (ibid. ibid). Пріѣзжій же, ни подъ какимъ видомъ, «добровольно не даетъ отрѣзать себѣ носъ» (см. въ вышешок. мѣ-стѣ). Не затѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, ѣхалъ онъ въ Петербургъ.

Въ другомъ мѣстѣ (уже указ. Теорія пользы и выгоды, стр. 12) пріѣзжій разсуждаетъ такъ. «Съ которой бы стороны мы не взгля-нули на міръ, онъ вездѣ состоитъ изъ двухъ сторонъ, изъ двухъ крайностей, взаимно другъ друга дополняющихъ; міръ раздораѣнъ на двѣ половины, какъ выразился великій поэтъ. Есть тепло, есть холодъ, есть свѣтъ и теплота, есть добро и зло, есть эгоизмъ и гу-манизмъ. Эгоизмъ и гуманизмъ составляютъ два такіа же нераз-

живныя и обоюдныя начала, какъ силы притягательная и отталкивающая. Магнетизмъ, электричество, нервная сила, мысль—все имѣть эти двѣ стороны—положительную и отрицательную. Эгоизмъ и гуманизмъ есть плюсъ и минусъ того, что мы разумѣемъ подъ словомъ любовь. Смѣшеніе двухъ полюсовъ этого мірового дѣятеля произвело бы въ жизни такую путаницу, какую произвело бы въ наукѣ смѣшеніе начала положительнаго съ отрицательнымъ».

Преслѣдуя утилитаризмъ даже тамъ, гдѣ его нѣтъ, журнальное большинство радуется своимъ достоинствомъ. Поводы къ радостямъ различны. «Эпоха» радуется, главнымъ, образомъ отсутствію въ своихъ публицистахъ эгоизма и преобладанію въ нихъ гуманизма. Одинъ изъ пріѣзжихъ (пріѣзжій изъ-за границы) печатаетъ въ этомъ журналѣ комплименты редакціи. Люблю, говоритъ, васъ за то, что вы требуете «изучать бытъ и относиться къ нему съ любовью». Особенно, говоритъ, люблю васъ за вашу любовь. «Ибо великое различіе изучать съ любовью или безъ любви. Для любви всякая мелочь интересна. Нельзя не согласиться съ этимъ: «Эпоха», изучающая «бытъ» съ любовью, нашла въ себѣ силу упрекать общество за то, что дѣтямъ не прочли у насъ ни одного тома гѣ-тописей или актовъ, и вообще не знакомятъ ихъ съ источниками русской исторіи. Польза такого знакомства несомнѣнно и наглядно доказывается «Мамаевымъ побоищемъ».—Далѣе пріѣзжій продолжаетъ говорить редакціи любезности, и такъ подробно рассказываетъ ей ея направленіе, что рождается подозрѣніе въ необходимости для нея въ такомъ толкованіи. Редакція же въ примѣчаніи полагаетъ, что читателямъ будетъ интересно узнать похвалы, расточаемыя ей. Похвалы эти тѣмъ драгоценнѣе, что пріѣзжій вполне раздѣляетъ и антипатіи «Эпохи». Онъ энергически возстаетъ на «пишущихъ людей, которымъ служеніе извѣстному направленію даетъ кусокъ хлѣба». Подъ этимъ авторъ подразумѣваетъ тѣхъ самыхъ свистуновъ изъ-за хлѣба, которыхъ недавно обличила редакція «Эпохи». Авторъ считаетъ такихъ свистуновъ безнадежными, равно какъ и большую часть молодого поколѣнія, которая если еще не погибла, то погибнетъ, испорченная матеріалистическими предразсудками. Далѣе пріѣзжій скорбитъ о многочисленныхъ переводныхъ изданіяхъ. Онъ не прочь, чтобы издавали переводы иностранныхъ сочиненій. «Не мраколюбецъ же я какойнибудь!»—восклицаетъ онъ. Но онъ недоволенъ тѣмъ, что на русскій языкъ переводятся только либеральныя книги. Пріѣзжій обви-

идеть въ этомъ неблаговидныя публицистовъ, ядовито хвалящихъ только либеральныя книги.—Позволю себѣ замѣтить пріѣзжему, что онъ не совсѣмъ правъ. Большинство публицистовъ, и именно тѣ, которыхъ онъ любитъ, невиноваты въ этомъ. Если же и есть такіе злокозненные люди, то почему же его друзья не противодействируютъ этому, хваля нелиберальныя книги? Онъ самъ говоритъ, что публицисты, хвалящіе либеральныя сочиненія, не умѣютъ отличать десницы отъ шуйцы. Друзья же его глубоко учены и проникательно мудры: чего же они молчатъ и допускаютъ такое зло, которому имъ нинего не стоитъ помѣшать? Хоть бы вы ихъ за это дружески упрекнули, г. пріѣзжій. А то вѣдь, знаете, они сами способствуютъ размноженію либеральныхъ сочиненій: знаете ли вы, что гг. Страховъ, Аверкіевъ и покойный Григорьевъ переводили Гейне для изданія г. Берга? переводили, правда, въ сотрудничествѣ съ г. В. Костомаровымъ,—но все же переводили.

Совершенно въ томъ же духѣ и такимъ же образомъ разсуждаетъ въ «Библиотекѣ для чтенія» вышеупомянутый г. К. Варнекъ. Онъ говоритъ, что явились какіе-то «полу-люди» (рекомендую это г. пріѣзжимъ), проповѣдующіе утилитарное направленіе. Онъ напоминаетъ имъ, что «не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ», и что «стремленіе къ матеріальному богатству заѣдаетъ идею.» Отъ этого стремленія происходитъ рабство негровъ въ южной Америкѣ, и оно же производитъ социалистовъ и коммунистовъ, которые придерживаются социализма и коммунизма не потому, чтобы эти идеи имъ нравились, а потому, что въ нихъ—оппозиція утилитаризму. Но на слѣдующей страницѣ оказывается, что социализмъ—теорія хлѣбная, вслѣдствіе чего и не удался. Въ противоположность ему ставится война за Италію, «въ которой (придерживаюсь оригинальнаго слога автора) идеализмъ», этотъ идеализмъ не хлѣбный, однако народу понравился и былъ имъ проглоченъ.—Поди же ты, подумаешь, какъ это на свѣтѣ бываетъ! Хлѣбный, а не понравился! Диво!—«Умный Наполеонъ III,—философствуетъ г. Варнекъ далѣе,—однако не удовольствовался однимъ идеальнымъ и подбавилъ къ нему Савойю, т. е. подбавилъ реальнаго». Тоже хлѣбнаго захотѣлъ! «Такъ соблюдена была гармонія,» заключаетъ г. Варнекъ.

Далѣе г. Варнекъ философствуетъ такъ:

«Жизнь должна идти индуктивно отъ опыта, а не отъ теоріи. А мы, усиливаясь разсуждать индуктивно отъ опыта, отъ какаго

«какую вывоза на границу, и хлопотать, чтобы вся семья дома и учились. Рассуждай индуктивно, или валишь въ яму, дребуя, чтобы человек празненькая поверку оживь дедуктивно наукой, а) нечаянно и) правдивой. Лучше пусть рассуждают дедуктивно, чѣмъ индуктивно, (а вы еще правсудасте, г. Барнека? какъ вы, такъ, значить, и надо: лучше все придумать), исключать (о дедуктивномъ развѣтѣ, если же правосивинномъ надѣвннмъ спрашивалась, то от немного различеная отъ сакого надѣванія. Наука и теорія (однѣ не вывезуть. Индукція) у насъ ведетъ въ яму, сложную; чаще дедукція». («Библиотека для Чтенія». № № 10 и 11. Эбдтѣннпнннмъ за границу? стр. 22). «Странныя, однако, вещи, эти дедукція и индукція, изъ коихъ трудно рѣшить, которая успѣетъ и) ведетъ въ яму! Рассужденія же оникъ г. Барнека все должны, все смотря на своеобразие языка, назваться странными, послѣ вышеситировавшихся словъ г. прѣзжаго, выражающихъ ту же—хоть въ было, по словычкѣ, сказать мысль,—ту же, ну хоть дедукцію. Дедукція эта состоитъ въ протестѣ противъ колушенія «полу-людей» «рѣзая носы»:—Вы испугались, читатель, этого сопоставленія острои двухъ ятриаловъ, преслѣдующихъ одну и ту же мысль? Что же дѣлать, вот да такова сила праспорбчнн этакъ вратовъ утилитаризма; надо радоваться, что мы съ вами все принадлежимъ къ числу ванцѣтннговъ его.

О газеткѣ и говорить нечего, крохѣ выраженія восторга. Одно только смущаетъ меня: кому именно отдать пальму первенства—«Московскимъ или Вѣдомостямъ», «Петербуржскимъ» или «Голосу»? Особенно трудно рѣшить между первымъ и послѣднимъ. «Петербургскія Вѣдомости» блистаютъ единственно развѣржнн. «Голось» самъ полагаетъ, что онъ лучше, всѣхъ; ибо, во-первыхъ, либеральнѣе всѣхъ; во-вторыхъ, издается издателемъ, а не арендаторомъ; а въ третьихъ, въ немъ пишетъ г. Лохвицкій и г-жа Евг. Туръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти два персонажа изрядно изукраиваютъ счастливую газету, издаваемую не арендаторомъ. Но нельзя не замѣтить также достоинствъ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ этомъ случаѣ прекрасно судить «Библиотека для Чтенія». Въ ней указывается на то, что хотя г. Краевскій имѣетъ несказанную доблесть быть издателемъ, а не арендаторомъ, за то г. Катковъ далеко превосходитъ его, какъ публицистъ. Г.г. Катковъ и Леонтьевъ, по словамъ «Библиотеки», пробудили у насъ политическій интересъ и разъяснили намъ учрежденія далеко опередившихъ насъ странъ. «Голось» обнаруживаетъ похвальную внутренность, по чемъ «Библио-

тока» рассказываетъ такъ: «Голосъ» сперва долго проповѣдываетъ, что въ Варшавѣ *тогда должна уступить мечу*, что тамъ нужна диктатура, необходимы суровыя наказанія; а потомъ сталъ обзывать крикунами людей, признававшихъ необходимость военнаго управленія; а люди, которымъ судьба судила тяжкое дѣло подписанія приговоровъ, оказались уже битыми большими».

За то «Библиотека» отдаетъ полную справедливость твердости и стойкости убѣждений редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей». «Они, говоритъ она, не мѣняютъ своихъ мнѣній (вотъ, что правда, то правда!), знаютъ ту общественную цѣль, къ которой идутъ (еще какъ знаютъ-то!). Но, къ сожалѣнiю своему, «Библиотека» усматриваетъ въ нихъ недостатокъ важный, а именно книжность или кабинетность ихъ приемовъ и дѣйствій. Этотъ недостатокъ, изъясняется далѣе «Библиотека», состоитъ въ томъ, что, большею частью, они ограничиваютъ свою дѣятельность журнальной сферой, «сосредоточиваютъ свою зоркость на литературномъ полѣ», не простирая ни ту, ни другую за предѣлы журналистики. Конечно, г. Каткову должно быть очень грустно слышать такіе упреки: онъ ли не старается, онъ ли не трудится—и вдругъ такая неблагодарность, такое отрицаніе лучшихъ правъ его на благодарность современниковъ, такое похищеніе самыхъ крупныхъ лавровыхъ листьевъ изъ его вѣнца. Какъ! г.г. Катковъ и Леонтьевъ только и дѣлали, что преслѣдовали *рижскую газету* и малороссійскія оперы—и только!? И больше ничего!? Гдѣ же послѣ этого справедливость? Стоитъ ли трудиться для современниковъ!

Этого мало; «Библиотека» упрекаетъ Г. Каткова въ томъ, что онъ не сдѣлалъ всего, что могъ, даже въ предѣлахъ литературы. Онъ не принялъ мѣръ, чтобы сдѣлать заблаговременно невозможными «школьническія, полуневѣжественныя выходки «Современника» и «Русскаго Слова»,—далъ имъ усилиться!—Понимаете ли вы, что вы надѣлали, г. Катковъ? Постарайтесь же поправить зло, пока можно. «Библиотека» и содѣйствіемъ, и примѣромъ поможетъ вамъ. Она уже перевела свои цѣли за предѣлы литературы, и преслѣдуетъ своихъ враговъ уже не только на страницахъ журналовъ и столбцахъ газетъ, но и на поляхъ ихъ, въ домахъ ихъ, въ деревняхъ ихъ, на путяхъ ихъ, на постеляхъ ихъ; она преслѣдуетъ ихъ въ битвахъ, молитвахъ, не только въ рѣчахъ, но и въ молчаніи ихъ; преслѣдуетъ ихъ въ пищѣ, питьѣ, снѣ ихъ—отъ маковки до пя-

Тогда, и отъ нитокъ до маховки преслѣдуетъ она ихъ, и не даетъ имъ покоя. Истинно-полезный писатель можетъ быть только тотъ, который, забывъ журналистику и литературу, «простираетъ свою зоркость за предѣлы ихъ».

Будемъ надѣяться, что настанетъ столь золотое время, когда это будетъ несомнѣнной истиной для важдаго русскаго писателя.

В. Зайцевъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ Г. АНТОНОВИЧУ.

Еще въ прошлой книжкѣ «Современника» г. Посторонній сатирически представлялъ ко мнѣ съ вопросами на счетъ моей статьи: «Последній философъ идеалиста» (Рус. Слово. Декабрь 1864). Но вопросы эти выражались въ такой милой формѣ, въ такъихъ приятныхъ выраженіяхъ, съ такими обѣщаніями: «тысячу восемь», что отвѣчать на нихъ не было возможности; не впадая въ томъ, который мнѣ крайне не нравится, и впадать въ который я не желаю.

Теперь г. Антоновичъ, выполняя обѣщаніе г. Посторонняго сатирика, указываетъ мнѣ въ особой статьѣ (Современ. Февральск. кн.) мои промахи и ошибки, сдѣланные въ названной мною статьѣ моей. Все главные обвиненія его сводятся въ три, въ такомъ порядкѣ:

- 1) Рассматривая философію Шопенгауера, я нарушилъ всѣ правила и приемы здравой философской критики
- 2) Я отозвался о Шопенгаурѣ такъ, какъ оныя этого не заслуживаетъ.
- 3) Я осмѣлился дѣлать замѣчанія на статью г. Стяжкова: «Рефлексы головного мозга», — замѣчанія неосновательными, исполненныя ошибками, и противорѣчивыя.

На первыя два обвиненія почти не стоитъ отвѣчать. Въ статьѣ о Шопенгаурѣ я дѣйствительно «пренебрегъ правилами философской критики», но дѣло въ томъ, что я нигдѣ и не думалъ не только критиковать, но и просто излагать философію Шопенгауера въ томъ видѣ, какъ она выражена въ его сочиненіяхъ. Находя вмѣстѣ со всѣми нѣмецкими и французскими писателями, писавшими о Шопенгаурѣ, что на выводахъ, которыя можно безъ всякой натяжки сдѣлать изъ его философіи, оныя очень приближаются къ той теоріи, которую прежде развѣдали (сенсуалсты); а теперь продолжаютъ нѣкоторые германскіе ученые, — я смѣлъ для себя удобнымъ, представить нѣкоторыя черты этой теоріи, какъ выводы изъ идеалистической системы. Какъ выволнить я это — вопросъ другой!

пока, дѣло въ томъ, что никакой философской критики я не имѣлъ въ виду, не находя нужнымъ ни излагать философію Шопенгауера въ ея настоящемъ видѣ, ни подвергать ее критикѣ.

Надѣюсь, что изъ этихъ немногихъ словъ г. Антоновичъ пойметъ, съ какою цѣлью говорилъ я о Шопенгауерѣ и почему, говоря о немъ, уклонялся отъ правилъ философской критики.

Что касается до самого Шопенгауера, то я удивляюсь, что за охота г. Антоновичу тратить столько краснорѣчія на доказательство его тупости и обскурантизма? Если бы я хотѣлъ отвѣчать на этотъ счетъ г. Антоновичу такъ же подробно, какъ онъ нападаетъ на меня, то здѣсь мнѣ представлялся бы удобный случай пуститься въ длинные споры о добродѣтеляхъ Шопенгауера; но такъ какъ сама по себѣ личность его не имѣетъ никакого значенія, то я считаю такой споръ совершенно бесполезнымъ. Не все ли равно намъ, напр., сознательно или несознательно объяснялъ Шопенгауеръ память? Еще стоило бы спорить о достоинствѣ объясненія; а о томъ, сознательно ли оно было, или «сболтнулось сдуру» — хотя и было умно, — спорить нелѣпо. Я полагаю поэтому, что каждый изъ насъ, безобидно другъ для друга, можетъ остаться на этотъ счетъ при своемъ мнѣніи: я — при томъ мнѣніи, что Шопенгауеръ былъ умный и ученый человѣкъ, небезполезный для общества; вы — что это была личность въ родѣ Ивана Яковлевича, болтавшая только бессмысленныя фразы и совершенно неспособная сказать правду иначе, какъ «сдуру». — На томъ и покончимъ, безъ ущерба для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что передъ нами самый важный — третій пунктъ.

Что до него касается, то я совершенно соглашаюсь съ г. Антоновичемъ, сознаваясь, что слишкомъ увлекся Биша и Кабани, и черезъ это впалъ въ ошибки. Соглашаясь съ вами въ томъ, что «относительно психическихъ актовъ наше тѣло, со всѣми своими внутренностями, есть внѣшній предметъ,» я тѣмъ самымъ отказываюсь отъ различія между психическими актами, вызываемыми внѣшними и внутренними возбужденіями, которое я проводилъ въ своей статьѣ.

Очистивъ, такимъ образомъ, свою совѣсть, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ частныхъ подробностяхъ статьи г. Антоновича. Впрочемъ большинство ихъ таково, что хотя цѣль ихъ — оскорбить меня, тѣмъ не менѣе отвѣчать на нихъ не стоитъ. Напр., г. Антоновичъ объявляетъ, что я Шопенгауера самого не читалъ, а читалъ «какое нибудь очень одностороннее сочиненіе о немъ». Къ чему г. Антоновичъ говорить это, — я понять не могу, потому что не богъ вѣсть какая доблесть прочитать Шопенгауера, и не особенный похвръ не читать его. Я и не стану, следовательно

доказывать г. Антоновичу, что совершилъ столь доблестный подвигъ, а равно и г. Антоновичу не было видимой причины лишать меня такой славы. Зачѣмъ также говорить г. Антоновичъ своимъ читателямъ, будто я не знаю, что Кантъ считалъ пространство, время и др. категоріи врожденными душѣ? Единственный неприятный для меня результатъ изъ этого утвержденія г. Антоновича былъ тотъ, что я долженъ былъ встать, найти № журнала, а въ немъ страницу, на которой это сказано въ моей статьѣ. Преодоливъ эти затрудненія, я могу успокоиться и указать стр. 165, строку 8 и слѣдующую сверху, гдѣ все это изъяснено. Зачѣмъ же заставлялъ меня г. Антоновичъ вставать и искать? Онъ и безъ того нашелъ въ моей статьѣ довольно дѣйствительныхъ промаховъ, чтобы приписывать мнѣ небывалые? Такихъ маневровъ я съ его стороны не понимаю. Но о нихъ говорить дальше не стоитъ.

Гораздо важнѣе тѣ нападки, которыя употребляетъ противъ меня г. Антоновичъ отъ лица г. Сѣченова, вступившись за него. Но въ статьѣ моей не было сказано ничего, что бы могло оскорбить г. Сѣченова или его почитателей. Если мнѣ показалось у г. Сѣченова противорѣчіе, то я неправъ только въ томъ, что мнѣ ложно показалось, а не въ самомъ фактѣ заподозрѣнія г. Сѣченова въ противорѣчіи; если я полагалъ, что отдѣлъ статьи его, гдѣ онъ говоритъ о страстяхъ, могъ бы быть полнѣе и разностороннѣе, то я опять-таки неправъ не потому, что такъ полагалъ, а потому что ложно полагалъ. Всѣ мои замѣчанія на статью г. Сѣченова высказаны въ такихъ выраженіяхъ, которыми не могъ бы, повидимому, оскорбиться никто въ мірѣ. Г. Антоновичъ опровергъ мои замѣчанія, — тѣмъ бы, кажется, и дѣлу конецъ. Я полагаю, самъ авторъ «Юлія Цезаря» удовольствовался бы этимъ. Но г. Антоновичъ, не довольствуясь этимъ, называетъ мою смѣлость — дѣлать замѣчанія на статью г. Сѣченова — литературнымъ преступленіемъ! Отъ самого же г. Сѣченова онъ передаетъ мнѣ, что г. профессоръ хотѣлъ, читая мои замѣчанія, которыми я, будто бы, хотѣлъ поучать его. На это я замѣчу, что поучать г. Сѣченова мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходило, что я вполне сознаю неизмѣримое превосходство, которое въ научныхъ вопросахъ имѣетъ надо мною г. Сѣченовъ, — сознаю до того, что нахожу съ его стороны совершенно излишнимъ подавлять меня имъ. Если съ моей стороны было преступленіемъ заподозрить въ статьѣ г. Сѣченова противорѣчіе, то съ его стороны, по крайней мѣрѣ, не деликатно такъ злоупотреблять своимъ превосходствомъ. Я рискну замѣтить, что вѣдь и преступникъ имѣетъ право на человѣческое обращеніе.

Что касается до извинений; которыхъ требуетъ отъ меня г. Сѣменовъ черезъ г. Антоновича; то я право, въ недоумѣніи; какого рода они могутъ быть, кромя отказа отъ своей ошибки? Но г. Сѣменовъ, очевидно, требуетъ еще чего-то; потому что у г. Антоновича, obviously, требуется самъ по себѣ; а извиненіе само по себѣ. Пусть самъ Сѣменовъ или г. Антоновичъ объяснятъ мнѣ; чего мнѣ еще отъ меня нужно; какой эпитетъ?

Такъ какъ совнаться въ своихъ ошибкахъ—дѣло не легкое—какъ справедливо дразнитъ меня г. Антоновичъ;—то легко можетъ быть; что это неприятное чувство заставляетъ меня слишкомъ мрачно смотрѣть на всю статью г. Антоновича. Легко можетъ быть; что въ ней ни однимъ словомъ не преступлена должная граница наказанія; котораго заслуживаетъ мое преступленіе. Во всякомъ случаѣ, я самъ, какъ судья пристрастный; не могу судить объ этомъ; апеллировать мнѣ также не въ кому. Не апеллировать же мнѣ къ журнальному стаду; очень многіе; составляющіе его, оттого и сами сидятъ въ жервь; что во время не сознались въ своихъ ошибкахъ; въ моемъ сознаніи они будутъ видѣть только сюжетъ, стѣха достойный; а то заступятся; чего добраго;—такъ еще хуже наплачешься. Поэтому я рѣшаюсь апеллировать въ самому г. Антоновичу и просить его сказать мнѣ откровенно: не преступилъ ли онъ въ своей статьѣ предѣловъ полемики, которая могла быть ведена противъ меня; и неужели ни въ статьѣ моей: «Постыднѣй философъ-идеалистъ»; ни въ прочей моей литературной дѣятельности нѣтъ ничего, что бы могло огрaдить меня отъ оскорбленій съ его стороны; подобныхъ тѣмъ, которыми онъ осыпаетъ меня? Наконецъ, не видятъ ли онъ дисгармоніи между своимъ сладенькимъ вступленіемъ и общими тономъ всей статьи?

В. А. ЗАВѢСЪ.

ГГ. ПОСТОРОННЕМУ И ВСЯКИМЪ ПРОЧИМЪ САТИРИКАМЪ.

Такъ какъ въ прошлой книжкѣ «Русскаго Слова» г. Благосвѣтовъ сказалъ уже все, что слѣдовало сказать въ отвѣтъ на брань г. Посторонняго сатирика, то я и прочіе мои сотрудники не сочли бы нужнымъ болѣе касаться этого предмета, если бы приверженцы г. Посторонняго сатирика, вступившись за него, не старались всячески содѣйствовать побѣдѣ, которую онъ обѣщалъ отпраздновать надъ нами. Но содѣйствіе, оказываемое мнѣ славному дѣятелю «Современника»,—такого рода, что побуждаетъ меня объясниться съ ними отъ себя и отъ имени моихъ сотрудниковъ вполне открыто.

Я, конечно, не стану продолжать спорить съ г. Постороннимъ сатирикомъ противъ его нападокъ лично на меня. Я не стану продолжать съ нимъ споръ о неграхъ, хотя бы потому, что доводы, приводимые имъ противъ меня, не заслуживаютъ опроверженія; такое мнѣніе, какъ то, которое взялся защищать г. Посторонній сатирикъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ серьезно, чтобы могло быть защищено указаніемъ на Ольриджа и каламбурами въ родѣ того, что «цвѣтной Ольриджъ гораздо лучше многихъ безцвѣтныхъ актеровъ». Нельзя также защищать этого мнѣнія и глубокомысленными замѣчаніями о томъ, что «если негры и *лежо поработить*, то пзъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ *должно поработить*»—какъ-будто кто нибудь говоритъ въ этомъ случаѣ о *домѣ*. И еще нельзя поддерживать мнѣніе, противоположное моему, указаніями на то, что я говорю то же, что и плантаторы, потому что это я и безъ Посторонняго сатирика знаю и ни мало этимъ не смущаюсь. Словомъ, доводы г. Посторонняго сатирика не таковы, чтобы серьезно разбирать ихъ. На этотъ счетъ гораздо сообразнѣе статья въ № 8 «Искры», и я охотно бы отвѣчалъ на нее, если бы она не была такъ темна. Что же касается до ея темноты, то объ этомъ можно судить по слѣдующему обращенію ко мнѣ, которое, быть можетъ, вполне справедливо, но котораго я, къ сожалѣнію, не понимаю.

«Г. Зайцеву, говорить эта статья, почему-то захотѣлось блеснуть оригинальною мыслью, что при рѣшеніи вопроса объ отношеніяхъ бѣлой и черной расъ можно обойтись безъ филантропической точки

зрѣнія; онъ не замѣтилъ ея практической неизбѣжности въ рѣшеніи всѣхъ практическихъ вопросовъ въ извѣстную сторону, — какъ будто наука можетъ что-либо дать, кромѣ знанія соотношенія причинъ и явленій, и предчувствія возможности при соблюденіи или воспроизведеніи тѣхъ или другихъ условій достиженія тѣхъ или другихъ результатовъ; обязательнымъ для развитой личности выборомъ болѣе соотвѣтственнаго — онъ пренебрегъ, и этимъ порѣшилъ со всякимъ смысломъ личности». («Искра», № 8; стр. 114, столбецъ 2-й).

Признаюсь, не понимаю, не моего ума-разума дѣло! Оставляя несчастныхъ негровъ на попеченіе болѣе искусныхъ защитниковъ, возвращаюсь къ г. Постороннему сатирику и его вполне искуснымъ защитникамъ. Изъ всѣхъ вопросовъ его, я отвѣчу ему на одинъ: онъ спрашиваетъ меня: «нахожу ли я, что полемика его не имѣла серьезной цѣли и не проводила серьезныхъ мыслей, а была только массою ругательствъ, личностей и вообще изумительныхъ непристойностей? По правдѣ сказать, — грѣшенъ, дѣйствительно думаю я такъ, и когда г. Посторонній сатирикъ началъ полемику съ «Русскимъ Словомъ», то еще болѣе утвердился во мнѣніи, что всѣ серьезные мысли и цѣли его состояли въ увѣреніи всѣхъ въ томъ, что онъ очень храбръ, остроуменъ, благороденъ, уменъ и вообще выше всѣхъ въ литературѣ. Я полагалъ даже, что для этихъ серьезныхъ цѣлей г. Посторонній сатирикъ не пренебрегалъ никакими ругательствами и личностями, и даже клеветой. Каюсъ: въ душѣ я совершилъ еще худшій грѣхъ, полагая, что такая полемика, какую г. Посторонній сатирикъ ведетъ противъ «Русскаго слова», — невозможна въ сколько нибудь уважающей себя литературѣ, и прилична только той, которая volens-voles отразила въ себѣ всѣ прелести послѣднихъ трехъ лѣтъ. Январская статья противъ «Рус. Слова» г. Посторонняго сатирика, въ которой онъ обѣщался «тянуть насъ носомъ на номеръ» и употребляетъ тому подобныя игривыя выраженія, отвѣчая на указанія игривости ихъ возгласами, въ родѣ слѣдующихъ: «что? обидѣлся? Вотъ то-то и есть, крошечка г. Зайцевъ и душечка г. Благосвѣловъ!» — такъ эта-то послѣдняя статья еще болѣе утвердила меня во всѣхъ моихъ грѣховныхъ мнѣніяхъ. Кто знаетъ? быть можетъ, я доселѣ коснѣлъ бы во грѣхѣ, если бы г. Посторонній сатирикъ не нашелъ себѣ столь талантливыхъ защитниковъ, какъ напр., г. Ив. Дмитриевъ; защитники эти начали съ того, что за все мои дерзости противъ г. Посторонняго сатирика приравнивали меня въ «Искрѣ» и «Будильникѣ» къ г. Каткову, Краевскому и всѣмъ прочимъ. Это было для меня первымъ дурнымъ шагомъ, потому что сравненіе было дѣйствительно слишкомъ мѣтко, чтобы не отрезвить даже та-

кую грѣшную душу, какъ моя. Но г. Ив. Дмитриевъ и прочіе защитники г. Посторонняго сатирика, не дожидаясь даже раскаянья «Русскаго Слова», прибѣгли къ такимъ краснорѣчивымъ увѣщаніямъ, что всякое сомнѣніе въ высшихъ дарованіяхъ г. Посторонняго сатирика совершенно во мнѣ исчезло. И теперь я открыто и всенародно приношу за себя покаяніе, отрекаюсь отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній и обѣщаю впредь находить умнымъ и достойнымъ все, что онъ скажетъ. Къ моему огорченію, я не могу сказать того же отъ имени моихъ сотрудниковъ. Вѣроятно, считая себя болѣе огражденными отъ полемическихъ приемовъ нашихъ сатириковъ, гг. Писаревъ, Шелгуновъ и другіе продолжаютъ упорно отвергать великія цѣли въ дѣятельности г. Посторонняго сатирика. Я надѣюсь, что сатирики примутъ во вниманіе, что я въ этомъ упорствѣ ихъ несколько невиновать, и повѣрятъ мнѣ, что съ своей стороны я употребилъ всѣ успія, чтобы склонить ихъ къ измѣненію своего образа мыслей.

Принеся столь публичное покаяніе, я считаю уже себя въ правѣ не отвѣчать болѣе г. Постороннему сатирику, чтобы онъ не говорить обо мнѣ и о «Русскомъ Словѣ»; потому что если въ чемъ имѣть сомнѣнія, — онъ будетъ говорить правду, то мнѣ останется только молча выслушивать ее; но если бы даже онъ сталъ вести споръ такъ же удачно, какъ о правахъ жегровъ, то я, помышляя о тѣхъ аргументахъ, которыми дѣйствуетъ въ полемикѣ г. Посторонній сатирикъ (какъ то: упреки, зачѣмъ я не пишу обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ писать; взведеніе клеветы съ ссылкой на знатоковъ русской литературы и т. п.), а еще болѣе защитники его, — не нахожу въ своемъ арсеналѣ оружія, съ которымъ бы могъ отважиться вступитъ съ ними въ бой.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ защитникамъ г. Посторонняго сатирика, особенно г. И. Дмитриеву. Въ своей статьѣ противъ Г. Е. Благосвѣтлова (Будильникъ, № 18), о достоинствахъ которой судить не мнѣ, а развѣ г. Стѣбницкому, онъ дѣлаетъ честь сотрудникамъ «Русскаго Слова», называя ихъ людьми честными. Не знаю, какъ велика эта честь и кого онъ разумѣетъ здѣсь, но уполью очень сказать, что если этотъ лестный эпитетъ отнесенъ г. Дмитриевымъ къ гг. Благовѣщенскому, Писареву, Серно-Соловьевичу, Шелгунову или ко мнѣ, то тѣмъ хуже для него, потому что означенныя лица не могутъ чувствовать ничего, кромѣ презрѣнія къ сатирикамъ, подобнымъ г. Ив. Дмитриеву, которые грязнятъ наши дорогія убѣжденія, совершая подъ покровомъ ихъ свои славныя подвиги.

ПОСЛѢДНЕЕ МОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ Г. ПОСТОРОННИМЪ САТИРИКОМЪ «СОВРЕМЕННОКА».

Можно было предвидѣть, что послѣ *черной* грязи, нанесенной за послѣднее время гг. Ключниковыми въ литературу, не замедлитъ явиться и *бллая* грязь. Она дѣйствительно явилась, и въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, что не знаешь, гдѣ оканчивается *черная* и начинается *бллая*. Границы этихъ двухъ болотъ до того смѣжны, что самый опытный глазъ едва ли различитъ ихъ. Я даже склоненъ думать, что черная грязь нѣсколько сносна, потому что изобрѣтатели ея сплетничали и клеветали подъ вымышленными именами, какъ бы сознавая, что и мѣдный лобъ можетъ краснѣть отъ стыда; любители же бѣлой грязи перешли послѣдній рубежъ безстыдства; они начали пачкать все безъ разбора и на всемъ ставить собственное имя. Это понятно; хриплому безсплю мысли оставалось только ухватиться за такое оружіе, которое всякой мелюзгѣ по плечу.

Открытіе *бллой* грязи неотъемлемо принадлежитъ г. Постороннему сатирику «Современника». Эту честь онъ можетъ поровну раздѣлить не только съ такими изъ своихъ прихвостниковъ, какъ г. Ив. Дмитріевъ и Литературное Домино, но и съ кѣмъ ему угодно. Даже г. Стебницкій можетъ позавидовать этой чести. Начать онъ — не г. Стебницкій, а г. Посторонній сатирикъ, — какъ будто литературной полемикой, но, оборвавшись на первомъ же шагу, ударился въ *личности*, въ сплетни, споръ изъ-за мнѣній перевелъ на голую и бездоказательную ругань, сталъ откапывать въ жизни своихъ противниковъ все, что могло бы пригодиться только площадной торговкѣ, чтобы попрекнуть свою сосѣдку отцомъ или матерью. Если бы все это происходило въ какихъ ни-

будь ясныхъ рядахъ, то тутъ нечему и удивляться; но на это странное зрѣлище приглашена наша лучшая читающая публика, и въ такомъ органѣ, гдѣ г. Антоновичъ берется предостерегать читателей «Рус. Слова» отъ промаховъ гг. Зайцева и Писарева. Вотъ это-то обстоятельство, при всемъ моемъ глубочайшемъ отвращеніи къ полемикѣ такого рода, заставляетъ меня еще разъ объясниться съ г. Постороннимъ сатирикомъ.

Въ прошлой кн. «Рус. Слова» я былъ вызванъ на отвѣтъ г. Постороннему сатирику крайне неприличной выходкой его, въ которой не знаешь, чему болѣе удивляться—наглости ли обвиненія, или невѣжеству моего обличителя. Не находя, къ чему бы можно было привязаться въ моей частной и литературной дѣятельности, онъ рѣшился прибѣгнуть къ постыдному орудію — къ клеветѣ, и сталъ клеветать на меня такими фактами, которые были рассчитаны имъ не безъ особенной цѣли. Средствомъ для этой клеветы онъ выбралъ «одно лицо», которому едва ли самый злѣйшій врагъ могъ оказать такую пріятельски-медвѣжью услугу. Потомъ, сообразивъ, подобно Хлестакову, что отдаленность времени и мѣста благоприятствуютъ беззастѣнчивости лганья, онъ обратился къ моей статьѣ, напечатанной за десять лѣтъ раньше, и, передернувъ въ ней числа, перевернувъ смыслъ, силель обвиненіе, которому и другого примѣра не знаю въ литературѣ. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, придетъ охота справляться съ старыми журналами и провѣрять ихъ критическіе отдѣлы; и кто бы могъ подумать, что человѣкъ, такъ самоувѣренно выставляющій свою добросовѣстность и непогрѣшимость, охраняющій литературу даже отъ промаховъ, станетъ заниматься полемической хлестаковщиной? Этого мало; онъ прикинулся обиженнымъ и апеллируетъ во имя такихъ идей и лицъ, которыя таскать по грязи позволяется только гг. Стебницкимъ и Ключниковымъ. Въ то же время г. Посторонній сатирикъ не пренебрегъ и другими вспомогательными средствами; онъ воспользовался услугами такой дрянн, какъ его прихвостники, и показалъ имъ на опытъ, что въ отношеніи клеветы на русскаго писателя можно обойтись и безъ фактическихъ доказательствъ. Обставивъ себя такимъ образомъ, г. Посторонній сатирикъ могъ смѣло идти противъ меня и не останавливаться уже ни на чемъ. Такъ и поступилъ онъ, какъ увидимъ ниже.

Главное обвиненіе, направленное противъ меня г. Постороннимъ сатирикомъ, заключается въ томъ, что я полемизировалъ противъ «одного лица» и *укорялъ его въ измѣнѣ за то, что оно оставило «Отечеств. Записки» и сообщило свое дурное направленіе «Со-*

временнику»¹⁾. На это я замѣтилъ, что г. Посторонній сатирикъ жметъ, и попросилъ его справиться съ дѣломъ получше, потому что подобныя обвиненія, основанныя на показаніи какого-то знака литературы, принимаютъ характеръ сплетни довольно гнуснаго свойства²⁾. Изъ февральской книжки «Современника» я уже вижу, что г. Посторонній сатирикъ справился, но вмѣсто чисто-сердечнаго раскаянія въ своихъ хлестаковскихъ замашкахъ, пошелъ еще дальше и, кажется мнѣ, превзошелъ всѣхъ литературныхъ Хлестаковыхъ нашего хлестаковского времени. Онъ откопалъ въ январьской книжкѣ «Отечеств. Записокъ» 1856 г. мою статью: *Взглядъ на русскую критику* и придать ей такое толкованіе, какое мнѣ и во снѣ не снилось. Самый процессъ этого толкованія превосходить всѣ тонкости схоластической діалектики. Выхватывается отдѣльная фраза, комментируется въ томъ смыслѣ, какой нуженъ діалектику; затѣмъ въ скобкахъ придается ей отгѣвозъ какой нибудь мерзости и потомъ, чтобы окончательно отуманить читателя, ставится восклицательный знакъ изумленія. Такое полемическое шулерство идетъ на вѣрный выпрыскъ. Дѣйствуя такъ, вотъ къ каковымъ выводамъ пришелъ г. Посторонній сатирикъ по прочтеніи моей статьи:

1) Что будто бы я держался эстетическихъ воззрѣній тогдашнихъ (т. е. въ 1856 г.) «Отечеств. Записокъ» и хотѣлъ противо-дѣйствовать *возродившемуся* «Современнику», поддерживая эстетическое направленіе противъ реальныхъ тенденцій «одного лица». Вотъ собственныя слова г. Посторонняго сатирика: *Однако, ничто не могло пронять г. Благовѣтлова, и онъ держался эстетическихъ воззрѣній «Отечеств. Записокъ»... и погордился доказать, что одно лицо не понимаетъ эстетики*³⁾. Далѣе изъясняется, что я *изъ-за стины в. Дудышкина*⁴⁾ *сталъ лаять на одно лицо, недо-*

1) См. янв. кт. «Современника» 1863 г. Литер. мелочи, стр. 168. Прошу читателя извинить меня, что я вынужденъ испестрить эту статью длинными и скучными выписками и цитатами: но я долженъ это сдѣлать, потому что плѣю дѣло съ такимъ прогвѣникомъ, у котораго достанетъ храбрости прошибить сякую стѣну лбомъ. Такого господина не урезонивъ обращаемъ къ добросовѣстности; его надо убѣждать такими цѣлыми и фактами, которое бы не давали ему никакой возможности вывертываться и искажать ихъ, которые бы послатляли его—его же собственными лгавьями.

2) См. янв. кн. «Рус. Слова» 1865 г. Бура въ стаканѣ водѣ, стр. 169.

3) См. февр. кн. «Современника». Литер. мелочи, стр. 379 и 381.

4) Прѣмъч. Г. Дудышкинъ, прошу васъ убѣждать этого враля въ томъ, что я не только никогда не стоялъ за вашей силой, но, если не ошибаюсь, да-

вообще положеніемъ литературы и представляющее ей новую требованія (тамъ же). Всѣ эти скверности, какъ утверждаетъ г. Посто-ронній сатирикъ, я совершилъ въ моей статьѣ: *Взглядъ на русскую критику*».

Раскроемъ теперь самую статью и, за невозможностью выписывать два съ половиною листа цѣликомъ, приведемъ здѣсь нѣсколь-ко отрывковъ:

Первый:

„Какими правилами (писалъ я въ 1836 г. въ янв. кн. Отечеств. Записокъ) руководствовалась критика «Современника», — это первый и самый важный вопросъ. Первая важная его, въ 1836 году ¹⁾, от-крывается воинственною статью Гоголя: „О движеніи журнальной ли-тературы. Авторъ „Ревизора“, перебралъ отличительныя свойства без-жизненной критики современныхъ журналовъ, негодуетъ на отсутствіе эстетическаго наслажденія и вкуса: „Еще въ московскихъ журна-лахъ (говоритъ онъ) виднѣя иногда какой нибудь вкусъ, что нибудь по-хожее на любовь къ искусству; напротивъ того, въ журналахъ потер-буреднѣе критики ничтожны“. После такого рѣшительнаго отъказа, ре-цензенту слѣдовало выразить свое собственное мнѣніе о критикѣ, ея назначеніи и основныхъ началъ, но Гоголь обошелъ главный вопросъ глубокимъ молчаніемъ. Что понималъ онъ подъ именемъ эстетическа-го наслажденія и вкуса въ области критической дѣятельности? Веро-ятно, то же самое, что понимаютъ и другіе критики, т. е. ровно ни-чего ²⁾.

Второй. Говоря о тѣхъ ложныхъ направленіяхъ нашей журналь-ной критики, которые смѣялись другъ друга, я продолжаю на стр. 15 такъ:

«Должно—классическая теорія, которой жизненные органы постепен-но замирали, наконецъ лишилась послѣднихъ силъ и уступила мѣсто романтической школѣ. „Московский Телеграфъ“, явившійся въ 1825 г., сталъ подъ знаменемъ новаго направленія и, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ эстетиковъ, объявилъ, что воображенію и чувству—чуждымъ судьямъ поэтическаго творенія не должно существовать никакихъ математиче-скихъ провѣтвѣій; „иначе говоря: нѣтъ никакихъ законовъ для чело-вѣческой фантазіи. Подъ видомъ атой умлекательной мѣчты, сталъ бла-гопріятной для невѣжества и бездарности; „Телеграфъ“ вводилъ пе-

же никогда не шель въ удовольствіи видѣть васъ въ лицо; по крайней мѣрѣ, хорошо помню, что я никогда не бывалъ у васъ и никогда ни одного слова не говорилъ съ вами.

¹⁾ Прошу читателя замѣтить этотъ годъ, потому что обличитель мой обо-лагалъ меня и на цѣрахъ.

²⁾ Отечеств. Зап. 1836 г. янв. кн. Взглядъ на русскую критику. Стр. 9—10.

обузданный произволъ въ область критическаго анализа. Новая критика, разрушивъ старыя подмостки, на которыхъ стояла ея предшественница, формальная критика, повисла въ воздухъ, не имѣя подъ собою никакой основы. Она учила, что „всякое произведеніе изящной словесности есть идея изящества, въ восторгъ выраженная словою. Твореніе словесности перестаетъ быть изящнымъ, какъ скоро разрушается связь безконечныхъ идей съ конечными изображеніями.“ (Моск. Телегр. 1826 г. кн. I.) И такъ, *идея изящная* воцарилась въ нашей литературѣ и послужила основаніемъ „эстетической критикѣ.“

Но что такое идея изящная?—Сколько ни старались опредѣлять ее, эта идея, самая хитрая и неуловимая изъ всѣхъ идей человѣческихъ, ускользала отъ всякаго положительнаго и яснаго оправданія, какъ фантомъ, исчезающій отъ осязанія. Между тѣмъ, во имя этой идеи, которую поставили въ всякихъ внѣшнихъ условій, въ предѣлахъ дѣйствительнаго міра, эстетическая критика присвоила себѣ право разсматривать литературныя произведенія подѣ влияніемъ личнаго воззрѣнія, лишенаго всякихъ доказательствъ и основанія. Сегодня она называла Кантемира превосходнымъ сатирикомъ, а завтра—холоднымъ, безжизненнымъ риторомъ; сегодня она превозносила сочиненіе, которое завтра осуждала. По волѣ капризовъ эстетической критики, „Москвитянинъ“ первые семь лѣтъ своего существованія не признавалъ въ Гоголѣ таланта, называя его основателемъ *пшилаго въ области художества*, а въ послѣдніе восемь лѣтъ возвелъ его на степень первостепенныхъ гениевъ, оправдывалъ и хвалилъ самые его недостатки. *Однимъ словомъ, нѣтъ ни одного парадокса, ни одного противорѣчія, которое бы не допускала въ свою сферу эстетическая критика* » ¹⁾.

Третій. Далѣе я говорю, что эстетическая критика была порожденіемъ гегелевскаго филістерства:

«Гнилыя опоры, на которыхъ кое-какъ держалась схоластическая школа, окончательно рухнули. Реторики, составленные подѣ влияніемъ Квинтиліана, въ духѣ стараго ученія, отжили свой послѣдній день, и на развалинахъ ихъ возникли новыя теоріи. Новое ученіе, занесенное къ намъ изъ Германіи съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, проповѣдуя независимость творческаго воображенія и ума, принимало, на правахъ полнаго гражданства, всякое праздно мечтаніе, облеченное въ форму положительнаго знанія. Наступила пора эстетикъ. Въ курсахъ словесности заговорили о высшихъ воззрѣніяхъ ума, объ идеалахъ, объ изящномъ вкусѣ со всѣми его причудами, и русскую литературу со всѣхъ сторонъ обложили туманныя облака, такъ что мы невольно закричали: *Libera nos, Domine, a nebulis germanicae philosophiae* (освободи насъ, Господи, отъ облаковъ нѣмецкой философіи)» ²⁾.

¹⁾ Отеч. Зап. явл. кн. 1836 г. Взглядъ на Рус. Критику. стр. 13

²⁾ Тамъ же.

Четвертый. Приведа примѣры тому, что модь именемъ эстетической критики можно породить всякую чушь, я писалъ:

«Вообще надобно замѣтить, что въ критическомъ отдѣлѣ «Современника» сплошь и рядомъ встрѣчаются отзывы въ родѣ слѣдующихъ: „Г. Фетъ преимущественно поэтъ врожденнаго, по душѣ оиущенія, и вслѣдствіе того оиъ, ехитываясь его, пьеса выходятъ превосходна. (Соврем. 1836 г. т. XX. Библ. стр. 34. Другіе отзывы о поевствіи г. Туркенева: „личное настроеніе автора облегчаетъ особеннѣе яркимъ свѣтомъ оцѣнку и предметы, направлена и преломлена доволна вся та, чего недостаетъ юмору, его. (Соврем. 1834 г. О мысли въ произвед. изящн. словеси.) Въ чемъ состоитъ отличительная черта таланта г. Островскаго и его комедій? «Современникъ» отвѣчаетъ намъ на это такъ: имъ затронута одна струна, которая до сихъ поръ въ области искусства издавала только слабые звуки, а именно—струна наивности, нецеремонности, какой-то откровенности въ эгоизмъ.“ (Соврем. 1832 г. Крит. стр: 2) 4).

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно для того, чтобы показать основной взглядъ моей статьи, направленный именно противъ эстетической критики и ея безпардоннаго произвола. Кому угодно прочитать мою статью — разумѣется, не такъ, какъ читаетъ въ книгахъ г. Посторонній сатирикъ, — тотъ увидитъ, что отъ первой и до послѣдней строчки вся моя статья идетъ въ разрѣзъ съ эстетическими воззрѣніями, и я черезъ десять лѣтъ не беру назадъ изъ этихъ убѣжденій ни одного слова. Какъ тогда, такъ и теперь я думаю, что есть два направленія въ хорошемъ критическомъ анализѣ—реальное и историческое, которыя должны сходиться въ высшемъ социальномъ воззрѣніи на всѣ мнѣнія дѣйствительной жизни. Повималъ я это въ то время, разумѣется, не такъ ясно, какъ теперь. Но вѣдь десять лѣтъ жизни не даромъ же проходятъ въ развитіи отдѣльнаго лица. И такъ какъ эстетическая критика, доведенная до теніальныхъ размѣровъ Бѣлинскимъ въ «Отечеств. Запискахъ», была пустѣйшей трескотней фразъ въ тогдашнемъ «Современникѣ», стоявшемъ неизмѣримо ниже «Отеч. Записокъ», то я и взялъ «Современникъ» предметомъ моего разбора. Затѣмъ я думалъ провести свой взглядъ дальше, разобравъ критическое направленіе «Библиотеки для чтенія» и «Москвитянина», но мнѣ помнится, что мы не сошлись съ г. Краевскимъ во взглядѣ на дѣятельность Сенковскаго, и вторая моя статья осталась ненапечатанною.

1) Отеч. Записки. 1836 г. январь. Взглядъ на Рус. Критику. стр. 30.

Теперь я спрашиваю г. Постороннего сатирика: как же это так вышло по его словам, что я держался эстетических возрѣній «Отечеств. Записокъ» и въ то же время вооружался противъ эстетики? Какъ я могъ «лгать изъ-за спины г. Дудышвина противъ автора «Эстетическихъ отношеній въ дѣйствительности», когда авторъ на падалъ на ту же эстетику? Или, можетъ быть, онъ стоялъ за эстетику и возрождать «Современникъ» для такого направленія, которое по смерти Бѣлинскаго, попавъ въ руки различныхъ бездарностей, потеряло всякій кредитъ? Требования, дѣйствительно, выступали новыя и противоположныя умиравшей эстетической критикѣ, но объ этихъ требованіяхъ въ то время можно было выражаться только намеками, во-первыхъ потому, что авторитетъ Бѣлинскаго еще былъ силенъ, а во-вторыхъ потому, что литературѣ только начинали развязывать языкъ. Слѣдовательно, вопросъ долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: кто изъ насъ отстаивалъ эстетику—авторъ «Эстетическихъ отношеній въ дѣйствительности» или я. Изъ выписокъ, приведенныхъ мною, очевидно, что я былъ противъ эстетики, противъ нея же было и «одно лицо». слѣдовательно, мы сходились въ основной идеѣ; а если мы сходились въ основной идеѣ, то зачѣмъ же было мнѣ «лгать на одно лицо»? Неужели г. Посторонній сатирикъ станетъ и тутъ вилать хвостомъ и перетолковывать фразы. Но теперь факты на лицо, и вамъ надо или пробить стѣну лбомъ, или сознаться, что вы нахальнѣйшимъ образомъ напали на меня. — Да, вы напали, теперь это всякій видитъ; вы скрыли основную мысль моей статьи, выхватили изъ нея нѣсколько фразъ, переврали ихъ по своему и затѣмъ опрокинули на меня цѣлый лексиконъ ругательствъ. Ну, какой же Хлестаковъ рѣшился бы на такую штуку? Вѣдь Хлестаковъ вралъ въ четырехъ стѣнахъ и въ пьяномъ видѣ передъ уѣздной барышней, а вы лжете, конечно, въ трезвомъ видѣ и печатно передъ всѣми подписчиками «Современника». И еще достаешь у васъ совѣсти поправлять промахи другихъ? Ахъ вы, лгунишка! Ахъ вы, сплетникъ литературный! И послѣ этого вы собираетесь посадить меня къ себѣ на ладонь и показать публикѣ? но я совѣтовалъ бы вамъ не садиться ни на чью ладонь, а спрятаться куда нибудь въ сапогъ и не показывать вашихъ безстыжихъ глазъ ни въ редакцію «Современника», ни своимъ знакомымъ,—никому, кто понимаетъ, что значитъ лгать печатно.—А вамъ, г. Некрасовъ, не стыдно помѣщать такую мерзость на страницахъ вашего журнала? Или вы на все махнули рукой?

Но я еще далеко не расквитался съ моимъ обличителемъ, и по-

тому пригласилъ въ разборъ его второго вывода, сдѣланнаго имъ изъ моей статьи.

2) «Возрожденіе нашей литературы», говоритъ мой Хлестаковъ, началось, какъ извѣстно, въ 1855 года. 1855 года «Современникъ» совершенно переродился; физиономія «Современника» совершенно опредѣлилась и оставалась уже неизмѣнною во все послѣдующее время... Какъ же дѣйствовалъ г. Благоустройство на зарѣ возрожденія нашей литературы, понималъ ли онъ новый духъ и на чью сторону онъ сталъ въ борьбѣ новой съ старымъ? Какъ и слѣдовало ожидать, г. Благоустройство не понималъ ничего, новый духъ и новая теорія показались ему иллюзіями, и онъ сталъ на сторону «Отечества. Записокъ»¹⁾. И такъ, я не понималъ новаго духа, потому что защищалъ эстетику противъ автора «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности», а такъ какъ авторъ возродилъ «Современникъ» въ 1855 года (прошу этотъ годъ помнить), то я, полемизируя противъ него, натурально, стоялъ за старое и отжившее, т. е. былъ обскурантомъ.—Посмотримъ.

Положимъ, что «Современникъ» возродился съ 1855 г.; но развѣ я полемизировалъ противъ «Современника» 1855 г.? Г. Посторонній сатирикъ непремѣнно напираетъ на этотъ годъ, иначе ему не было бы возможности обвинить меня въ обскурантизмѣ и въ полемикѣ противъ возродившагося «Современника». И знаетъ онъ очень хорошо, что лгать, но если бы онъ не лгалъ, то ему не было бы повода и писать свою вторую статью противъ меня. А что онъ лжетъ — вотъ этому доказательство арифметической точности. Въ статьѣ своей я прямо оговорился, что разбираю критическую дѣятельность «Современника» за 18 лѣтъ (см. 9 стр. Взглядъ на Русскую Критику), и, какъ видно изъ первой моей выписки, разборъ этотъ начался съ первой книжки «Современника» 1836 года, съ статьи Гоголя. Теперь сосчитаемъ по пальцамъ: 1836 г., 1837, 1838, 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853; итого 18 лѣтъ. Считайте, г. Посторонній сатирикъ, вмѣстѣ съ мной по пальцамъ и не обманьте хоть арифметику, — вѣдь это не эстетика, а наука самая точная. Ну, пожалуй, въ пользу вашего лганья, я напну вамъ еще годъ — 1854-й. Все же выйдетъ въ результатѣ, что я говорилъ о «Современникѣ» только до 1855 года, т. е. до его возрожденія. А если старый и одряхлѣвшій «Современникъ» требовалъ возрожденія, то говорить противъ него было дѣломъ честнымъ, и я очень хорошо поступилъ, что съ своей сторо-

1) Современникъ, январь, 1865 г. Литер. Мелочи. Стр. 378.

ны помочь расстроить его обветшавшее здание и возродить новое. То же самое дѣлалъ и авторъ «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности»; зачѣмъ же мнѣ было лаять на него? — посудите вы сами, умная голова. Но вы и тутъ лжете, т. е. вы рѣшительно ни одного слова не можете сказать, чтобы не соврать и не напечатать вашего вранья на 20 или 30 страницахъ. «Современникъ» измѣнилъ свое направленіе (возродился) гораздо позже, потому что еще въ 6 кн. его за 1855 г. онъ относился къ автору «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности» весьма генеральственно. Такъ напримѣръ, онъ писалъ въ своей критикѣ: («авторъ Эстетическихъ отношеній»), по нашему мнѣнію, сдѣлалъ очень прискорбную ошибку, не развивъ подробнѣе мысль о практическомъ значеніи искусства, о его благодѣтельномъ вліяніи на жизнь и образованность.... Онъ оставилъ недосказанными свои мысли и долженъ отвѣчать за такое упущеніе.» И дагѣ: «Мы должны сказать, что авторъ обнаруживаетъ такую способность (человѣкъ-то, который возродилъ «Современникъ» съ 1855 г., въ томъ же году трактуетъ чуть не П. В. Анненковымъ) понимать эти общія начала и нѣкоторое умѣнье прилагать ихъ къ даннымъ вопросамъ.... Надобно что нибудь сказать и о формѣ сочиненія. Мы ею рѣшительно недовольны, потому что она кажется намъ несоотвѣтствующею цѣли автора — возбудить вниманіе къ мыслямъ, на которыхъ онъ старается построить теорію искусства.» («Современникъ» 1855 г., июнь). Ну, сообразите теперь, какимъ образомъ возродившійся «Современникъ» могъ отзываться въ такомъ покровительственномъ тонѣ о виновникѣ своего возрожденія? И почему онъ не напечаталъ на своихъ страницахъ «Эстетическія отношенія къ дѣйствительности», если только этой диссертациі суждено было возродить и редакцію, и журналъ? Кромѣ того, мнѣ было бы не трудно доказать вамъ безчисленными выписками изъ критическаго отдѣла «Современника», даже за 1856 годъ, что онъ и въ этомъ году еще не думалъ возрождаться. Такъ, въ 1856 году въ немъ дебютировалъ, какъ критикъ, П. В. Анненковъ; посмотрите въ мартовскую книжку и убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ. Первый же отдѣлъ «Современника» въ этомъ году постоянно украшался слѣдующими сотрудниками: Фетъ, Майковъ, Грековъ, Полонскій, Дружининъ, Анненковъ, Гербель, Тютчевъ, Гончаровъ и tutti quanti. На первой книжкѣ «Современника» 1857 г., читаемъ даже такую рекламу: «Съ 1857 г. будутъ принимать исключительное и постоянное участіе въ «Современникѣ»: Д. В. Григоровичъ, Л. Н. Островскій, графъ Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ.» Когда я вамъ указалъ на этотъ

фактъ, вы отвѣтили, что они *измамы* изъ «Современника». Какъ ни пріятно долженъ звучать этотъ трагичный терминъ въ ухахъ г. Некрасова, по отношенію къ его старымъ друзьямъ, но дѣло не въ томъ, что «*ибо были измамы*», а *когда?* До возрожденія «Современника» или послѣ? Если послѣ, то мы въ правѣ считать не 1855 г. эпохой возрожденія, а 1858 или 1859. Такъ оно и должно быть. Сколько мнѣ помнится, первая критическая статья автора «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности» была напечатана въ послѣдней книжкѣ «Современника» за 1855 г. Статья эта называлась: «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы». Какъ бы ни была превосходна эта статья сама по себѣ, но можно ли было молодому сотруднику вдругъ перевернуть направленіе журнала и очистить его аугеевы ясли отъ тѣхъ, кто теперь пасется на зеленыхъ лугахъ «Русскаго Вѣстника»? Нѣтъ, нельзя. Кто знаетъ, какъ нелегка у насъ борьба съ виѣшней обстановкой журнальнаго дѣла, съ окостенѣвшей рутинной нашихъ мгвній, тотъ пойметъ, что надо употребить много и силъ, и времени, и труда, чтобы стать въ головѣ новаго направленія. Поэтому очищеніе аугеевыхъ яслей происходило постепенно, и возрожденіе «Современника», благодаря общимъ и стройнымъ усиліямъ Добролюбова и автора «Эстетическихъ отношеній», совершилось гораздо позже, чѣмъ вы думаете. Даже похоронить журналъ не легко, и я могу навѣрное сказать, что, наприимѣръ, вамъ придется печатать ваши полемическія сплетни, по крайней мѣрѣ, года два, чтобы отбить отъ «Современника» послѣднихъ его читателей и уложить его въ архивъ негоднаго старья. А возродить, разумѣется, еще труднѣе. Такимъ образомъ, «Современникъ» вышелъ на новую дорогу не въ 1855 году, а позднѣе, и статья моя, разбиравшая эстетическое направленіе этого журнала только до 1855 года, никакъ не могла противодѣйствовать его новымъ требованіямъ. Все это вы нагали во второй разъ, чтобы вернуться изъ вашего перваго лганья. Такимъ образомъ, вы — лгунъ, помноженный на два.

Нисколько не желая давать факты изъ своей жизни въ руки вамъ и вашимъ прихвостникамъ, я однакожъ упомяну здѣсь, для ясности дѣла, объ одномъ обстоятельстве. Вскорѣ послѣ напечатанія своей статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Взглядъ на русскую критику»), я уѣхалъ за-границу. Тамъ я пробылъ около четырехъ лтъ, и во все это время не видѣлъ и трехъ книжекъ русскихъ журналовъ (въ то время они были такою же рѣдкостью, какъ и тульскіе самовары). Поэтому, какъ возрождался «Современникъ» и что вообще дѣлалось въ нашей литературѣ — было

для меня совершенно темной грамотой, а потому мѣшать новому движенію мысли я не имѣлъ физической возможности. Притомъ еще разъ настаиваю, что всѣ мои статьи, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ», были подписаны моимъ именемъ; первая статья такъ: Г. Б—в—въ, а всѣ остальные полнымъ. И если вы укажете мнѣ хотя одну, неподписанную моимъ именемъ, въ этомъ журналѣ, то я возьму назадъ тотъ грязный хвостъ, который, по праву, возвращаю вамъ. Но вы, пожалуй, способны и на то, чтобы отрыть какую нибудь безымянную статью и навязать ее мнѣ или поручить такому герою, какъ г. Ив. Дмитріевъ въ «Будильникѣ», сочинить нарочно для моего обвиненія. Нѣтъ, не дѣлайте этого, а то я жестоко уличу васъ, и вмѣстѣ съ грязнымъ хвостикомъ подарю вамъ и колпакъ съ ослиными ушами. Затѣмъ я приглашаю каждую хавронью, подобную вамъ, раскопать въ моихъ статьяхъ хоть одну фразу, хоть малѣйшую цитату, изъ которой бы было видно, что я лялялъ на «одно лицо», а вѣдь вы знаете, что «лялять» противъ какого-либо лица и его мнѣній, и никогда не коснуться его имени и убѣжденій—невозможно. Такъ укажите же хоть одну фразу во всѣхъ моихъ статьяхъ, которая была бы «лаемъ» противъ автора «Эстетическихъ отношеній». Если вы не укажете, то оставайтесь лгуномъ, множеннымъ *на три*.

Вы рѣшились представлять въ невыгодномъ свѣтѣ даже мое сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ»; на это я вамъ скажу, что вы поступаете очень неделикатно въ отношеніи одного изъ соредакторовъ «Современника», А. Н. Пыпина, который также, и въ то же время, участвовалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». На сколько это унижаетъ его въ вашихъ глазахъ — не знаю, но я считаю г. Пыпина гораздо умнѣе и неизмѣримо добросовѣстнѣе васъ въ его литературной дѣятельности.

Послѣ того, какъ г. Посторонній сатирикъ поддѣлалъ смыслъ моей статьи, исказивъ факты и числа, и на основаніи самой нахальнѣйшей поддѣлки оклеветалъ меня, послѣ всего того, что онъ выдѣлываетъ въ своемъ полемическомъ наѣздничествѣ и съ другими лицами, послѣ всей этой небывалой безсовѣстности, я чувствую, что у меня рѣшительно нѣтъ никакой защиты противъ его пошлаго вторженія въ мою частную жизнь, въ мою нелитературную дѣятельность. Если человѣкъ позволяетъ себѣ лгать на печатную статью, которую можетъ всякій прочесть, то чего же нельзя ожидать отъ него въ той сферѣ, гдѣ все основано на простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ и гдѣ нельзя уличать лгуна выписками и

цитатами. Въ этомъ отношеніи я даже готовъ назвать г. Посторонняго сатирика очень скромнымъ, потому что онъ съ одинаковымъ апломбомъ могъ бы назвать меня злодѣемъ или поддипалой графа Куселева-Безбородко; если ужъ лгать, такъ лгать, нисколько не стѣсняясь; если сочинять пасквили, то сочинять ее ужъ такъ, чтобы и высморкаться въ нее было скверно. Поэтому я и не намѣренъ защищаться противъ личныхъ оскорбленій, а укажу только, гдѣ бы могъ получше справиться г. Посторонній сатирикъ относительно моихъ частныхъ поступковъ.

1) Онъ говоритъ, что одинъ изъ редакторовъ «Рус. Слова» называетъ въ глаза г. Благосвѣтлова самыми поносными, но справедливыми именами.—Что это за редакторъ «Рус. Слова?» не укажетъ ли г. Посторонній сатирикъ. Если это тотъ самый господинъ, который въ безобразномъ видѣ явился на обѣдъ только-что похороненнаго Свириденки и щеголялъ остротами Фокина противъ меня и противъ «Рус. Слова» вообще, то мнѣ остается только прибавить, что этотъ господинъ говоритъ поносныя слова только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему подають салазки изъ какого нибудь журнала, и говорить всегда заочно. Впрочемъ, человѣкъ, которому осталось только кувыркаться колесомъ вмѣстѣ съ Фокинымъ, можетъ и не сознавать того, что говорить поносныя слова въ глаза другому лицу—отвратительно и для собственной физиономіи убыточно. Чтобы поправить это глганье, я приглашаю г. Посторонняго сатирика справиться у людей, знающихъ близко мои бывшія отношенія къ этому остраку, выдумавшему буттерброды.

2) Хлестаковъ мой утверждаетъ, что я спалъ, въ графской передней на ливреяхъ. Дѣйствительно, спалъ, и тогда же убѣдился, что гораздо приличнѣе находиться въ обществѣ ливрейныхъ лакаевъ, чѣмъ въ такой компаніи, какъ литературный лгунишка «Современника» и его пріятель, говорящій поносныя слова въ лицо.

3) Г. Посторонній сатирикъ не упустилъ даже случая укорить меня тѣмъ, что я угождалъ графу Куселеву, чтобы получить отъ него «Русское Слово» въ подарокъ. Журналъ этотъ, какъ извѣстно всякому, былъ принятъ мною послѣ закрытія его на 8 мѣсяцевъ въ 1862 году, и когда графъ Куселевъ отказался продолжать его. Я съ величайшимъ рискомъ принималъ журналъ, въ которомъ я уже работалъ около двухъ лѣтъ и оставить его не хотѣлъ. Отъ такихъ подарковъ я никогда не отказываюсь. Независимость же этого органа отъ каекихъ бы то ни было графскихъ или другихъ вліяній извѣстна даже швейцару Куселева, а потому я отсылаю г. Посторонняго сатирика за справкой въ этому почтенному старику. Что же до типографіи, то она пріобрѣтена мною на такихъ условіяхъ, на ка-

вихъ я приобрѣлъ бы ее у всякаго посторонняго лица, а за сколько именно—объ этомъ г. Посторонній сатирикъ можетъ узнать у того же швейцара.

4) Обличитель мой отставляетъ меня даже отъ «Рус. Слова» и считаетъ лишнимъ среди его постоянныхъ сотрудниковъ, въ особенноти гг. Писарева и Зайцева. Дай Богъ, чтобы я поскорѣ сдѣлался между ними лишнимъ, и ужь конечно не Хлестаковъ мой оцѣнилъ прежде значеніе этихъ умныхъ и благородныхъ людей, которымъ я только одно и посоветовалъ бы: не связываться съ такимъ господиномъ, какъ Посторонній сатирикъ.

5) Г. Посторонній сатирикъ вызываетъ меня на крайнюю грубость, но я охотно обмѣняюсь съ нимъ этой взаимностью. Заплатный юмористъ (см. «Рус. Слово» 1864 г. декабрь) попрекнулъ его бурсацкими трактатами Теодора Безы, а г. Посторонній сатирикъ приписываетъ ихъ мнѣ лично. Вотъ его слова... «г. Благосвѣтлову не слѣдуетъ и жаловаться на меня, особенно на мои сплетни, потому что первый изъ насъ сталъ сплетничать—г. Благосвѣтловъ. Во-первыхъ, онъ укорялъ меня, будто бы я когда-то писалъ какія-то разсужденія въ родѣ Теодора Безы, и откуда онъ это узналъ? Во-вторыхъ, онъ укорялъ меня, будто острога бутерброда найдена мною на улицѣ»... (Соврем. 1865 г. февр. Лит. мелочи. Стр. 377.). Извините, мой неподражаемый Вральманъ, я никогда не укорялъ васъ въ этомъ, это говорилъ Заплатный юмористъ; вы можете справиться съ декабрьской в.н. «Рус. Слова.» Но если вы рѣшаетесь разоблачать чужіе «инкогнито», то почему же и вамъ не дозволить открыть вашъ собственный. Плата вамъ простою взаимностью, я долженъ объявить, что подъ маской Посторонняго сатирика деботируетъ г. Антоновичъ, и кромѣ г. Антоновича едва ли кто сталъ бы такъ умно и такъ прилично деботировать въ «Литературныхъ мелочахъ».—Теперь я кстати могу удовлетворить любопытство и моего пріятеля, спрашивающаго меня изъ Вологды: «скажите мнѣ, пишетъ мой пріятель, кто это такой Посторонній сатирикъ въ «Современникѣ»; вѣдь Щедрина, кажется, тамъ нѣтъ?» Отвѣчаю моему любопытному пріятелю: Щедрина, дѣйствительно нѣтъ, но мѣсто его не осталось вакантнымъ, и его съ честью занялъ г. Антоновичъ.

Въ заключеніе дамъ торжественное обѣщаніе не входить больше ни въ какія объясненія съ г. Антоновичемъ, и чтобы онъ не налагалъ на меня, я надѣюсь сохранить на столько хладнокровія, чтобы не состязаться съ моимъ противникомъ его же орудіями. А другихъ орудій не стоитъ и брать противъ такого врага.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Возрастающее значеніе англійскаго пролетаріата.—Положеніе земледѣльческаго сословія богатой буржуазіей.—Приговоръ невѣрнаго Пеллиони къ висѣлицѣ.—Бродмуръ—образцовый пріютъ для убійцъ, признанныхъ умопомѣшанными.—Смерть ирландца Тимоти Дели и конфузъ для англійской благотворительности.—Взаимное отношеніе мистровъ прусскаго и австрійскаго.—Старая мечта Пруссіи—объясниться военнымъ флотомъ.—Странствующее общество іезуитовъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.—Уничтоженіе смертной казни въ Итали.—Смерть графа Морки, одного изъ корифеевъ второй имперіи.—Напряженное состояніе парижскаго рабочаго населенія.—Война бразильской имперіи съ маленькой республикой Урагуай.

Незамѣтно, чтобы за послѣдній мѣсяцъ политическое положеніе Европы измѣнилось. Правда, что почти вездѣ открылись парламенты, но ихъ пренія пока не отличаются особеннымъ интересомъ; сълѣе важныя дебаты будутъ имѣть мѣсто нѣсколько позже.

Въ Англии предвидятъ близкую агитацію, но ея ждутъ съ большимъ комфортомъ и съ какимъ-то тупымъ спокойствіемъ. Прогрессисты парламента, Кобденъ, Брайтъ, Стэнфильдъ и другіе пресбуютъ рабочихъ, желая побудить ихъ дѣятельно взять въ свои руки дѣло избирательной реформы. Послѣ успѣха кооперативнаго движенія, политическія партіи заискиваютъ союза пролетаріевъ; каждая желала бы заручиться исключительно на свою сторону этой таинственной силой, которой, какъ предчувствуютъ, будетъ принадлежать на будущее время преобладающее вліяніе на судьбы стра-

ны. Не говоря уже о радикалахъ, которые являются въ палатѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, уполномоченными отъ пролетаріата, виги и торіи также льстятъ себя надеждой завербовать на свою сторону рабочихъ. Виги разсуждаютъ такимъ образомъ:—«предъ лицомъ наслѣдственной поземельной аристократіи мы—либералы. Спускъ отъ либераловъ къ радикаламъ скользокъ и переходы нечувствительны. Молодь—радикаль, зрѣлаго возраста—либераль, старь—консерваторъ. Нашъ лагерь вербуетъ между радикалами, которые почти всѣ вступаютъ въ наши ряды, по мѣрѣ того, какъ молодежь приобретаетъ нѣсколько опытности и обдуманности. Если зерно ихъ партіи третируетъ насъ, какъ враговъ, то, потому, что мы сами пошли на это: мы отказали въ большей части уступокъ, которыхъ они требовали; а если и уступали, то слишкомъ дорогой цѣною; но намъ вѣдь стоитъ теперь лишь немного посбавить цѣну. Самый пустякъ достаточенъ, чтобъ они стали облизываться, а какъ скоро они почувствуютъ во рту сладко,—можно быть увереннымъ, что на нѣкоторое время они будутъ спокойныя. Относительно ихъ, за нами всѣ преимущества положенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы—аристократы относительно этихъ ремесленниковъ и мелкихъ буржуа; малѣйшая предупредительность съ нашей стороны безпомочно льститъ имъ, и потому намъ стоитъ только сдѣлать на встрѣчу имъ одинъ шагъ, для того, чтобы они сдѣлали на встрѣчу намъ три или четыре. Но для насъ вовсе нѣтъ надобности, чтобъ они приблизились къ намъ очень близко и слѣдовали за нами по пятамъ. Не болѣе же того мы нуждаемся и въ томъ, чтобъ они явились въ большомъ числѣ и мѣшали свободѣ нашихъ движеній. Отчего же,—время отъ времени, милости просимъ къ намъ; пожалуй даже,—особенно во время выборовъ,—мы снизойдемъ до приглашенія наиболѣе вліятельныхъ и почтенныхъ лицъ ихъ партіи, но мы не предполагаемъ, чтобъ они пожаловали къ намъ, не позаботившись доложить о себѣ чрезъ лакея. Что мы останемся всегда властелинами положенія—понятно, потому что мы занимаемъ высшія мѣста въ сферахъ индустріи, а эта мелюзга—наши работники; слѣдовательно, они въ нашихъ рукахъ!»

— «Это-то именно и вредитъ вамъ, отвѣчаютъ торіи; на это мы и расчитываемъ, чтобъ привлечь пролетаріевъ къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, заручиться ихъ нейтралитетомъ, который будетъ совершенно равносильнъ союзу, потому что въ то время, какъ мы станемъ наносить вамъ удары, они, съ своей стороны, будутъ вести подъ васъ подкопы. Вы ихъ хозяева, слѣдовательно ихъ враги. Въ

качествѣ большихъ поземельныхъ собственниковъ, для насъ вовсе не-непріятно, если нашихъ соперниковъ, большихъ промышленниковъ будутъ тѣснить мелкіе промышленники: поле останется свободнымъ за нами. Мы не хотимъ одного, чтобъ эта мелюзга сдѣлалась чрезчуръ сильной и приобрѣла заносчивость, которую сообщаетъ власть. Мы вполне согласны имѣть въ рабочемъ классѣ помощниковъ, но никакъ не властителей.»

Особенность всѣхъ политическихъ положеній и состоитъ въ томъ, что каждая партія до извѣстной степени права. Виги не вполне неправы въ своихъ расчетахъ, точно такъ же, какъ не вполне обманываютъ себя и тори. Всего же вѣроятнѣе, что со временемъ новое поколѣніе рабочихъ будетъ персвѣпывать побѣду на сторону тори противъ виговъ, и на сторону виговъ противъ тори, и тѣмъ самымъ повредить имъ обѣимъ. То, что классъ пролетаріевъ выиграетъ въ образованіи, развитіи и благосостояніи, онъ раздѣлитъ съ господствующими классами, которые будутъ въ барышахъ отъ того гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ; но все, что пролетаріатъ выиграетъ въ политическомъ вліяніи, будетъ потеряно для господствующихъ классовъ. — Въ политическомъ отношеніи промышленная революція, которая совершается теперь въ Англіи чрезъ вліяніе кооперативнаго движенія, имѣетъ роковое значеніе для преобладанія высшей британской буржуазіи; но не менѣе разрушительно отзовется она и на автократизмъ большихъ поземельныхъ магнатовъ. До сихъ поръ еще вопросъ о поземельной собственности не былъ серьезно затронутъ, и со времени Уилльяма Коббета никто еще не задавалъ себѣ вопроса: какимъ образомъ случилось, что англійская нація была, въ извѣстномъ смыслѣ, утрачена отъ обладанія Англіей, и что тридцать милліоновъ чело-вѣкъ очутилось постояльцами у тридцати тысячъ чело-вѣкъ? Однако же, время отъ времени въ Англіи раздаются крики: Free trade in land! («Дайте торговую подвижность поземельной собственности!») Начинаютъ озачиваться непрерывнымъ уменьшеніемъ земледѣльческаго населенія, — фактъ, о которомъ послѣднія статистическія данныя весьма краснорѣчивы, но который въ то же время не слишкомъ-то любятъ выставлять въ надлежащемъ свѣтѣ. Утверждаютъ, что фабричныя заработки увеличились — смотря по провинціямъ и по роду занятій, — въ пропорціи 1 къ 8, между тѣмъ, какъ заработки земледѣльцевъ едва ли возвысились среднимъ числомъ на одну треть или на половину. Можно даже сказать — и нѣкоторые политики упираютъ на это, — что еслибъ не крайняя бѣдность крестьянъ

яства Англии, то она не нашла бы вовсе людей для комплектования своей армии... «Развѣ солдатъ дѣлаютъ только изъ бѣдныхъ?» спросилъ когда-то у отца знакомый мнѣ ребенокъ. — «Да, мой другъ, изъ бѣдныхъ же дѣлаютъ и приходскихъ священниковъ!» Этотъ отвѣтъ былъ одинаково вѣренъ и для Англии, гдѣ жалуются на возрастающую бѣдность въ лицахъ духовнаго званія, какова бы ни была тому причина:—прогрессъ ли въ образованіи и общественномъ богатствѣ, какъ говорятъ одни, прогрессъ ли въ нечестіи, какъ утверждаютъ другіе.—Великобританскій крестьянинъ, неприкрѣпляемый къ почвѣ всемогущей силой собственности, эмигрируетъ или шлетъ своихъ дѣтей на фабрику. По мѣрѣ того, какъ образовывались, такимъ образомъ, просвѣты въ земледѣльческомъ населеніи, собственникъ замѣняетъ воздѣлываніе хлѣбныхъ растений и даже обработку земли въ собственномъ смыслѣ—разведеніемъ скота; и бараны мало по малу занимали мѣсто человѣка. Дѣло немаловажное, если только справедливо вычисленіе тѣхъ, которые утверждаютъ, что для того, чтобъ доставить человѣку то же количество и въ той же химической пропорціи питательныхъ ингредиентов въ различномъ мясѣ и хлѣбѣ, необходимо въ одиннадцать разъ болѣе почвы для производства животной пищи посредствомъ преобразованія травы въ мясо, чѣмъ посредствомъ прямого производства растительной пищи.—Сображеніе это, однакожъ, не такъ тревожно, пока обширныя равнины Россіи не перестанутъ производить громадное количество хлѣба, а южно-американскіе *пампасы* и австралійскіе *буши* не перестанутъ доставлять массы говядины, три четверти которой пропадетъ даромъ.

Пустоты, обнаруживающіяся день ото дня въ земледѣльческомъ населеніи, пока еще восполняются все болѣе и болѣе усовершенствованными машинами, замѣняющими ручной трудъ человѣка. Благодаря этимъ машинамъ и вообще системѣ большого хозяйства, англійскіе агрономы хвастаются умѣньемъ производить на англійскомъ гектарѣ жатву вдвое больше той, которую дастъ французскій гектаръ, и все это съ меньшимъ на половину человѣческимъ трудомъ. Результатъ громадный; понятно также, что почва Великобританіи не можетъ же постоянно безлюдѣть и безлюдѣть. Не менѣе понятно и то, что съ постояннымъ возрастаніемъ промышленныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ, земледѣлецъ одинъ не можетъ же быть исключенъ отъ всеобщаго возвышенія

заработной платы и умноженія благосостоянія.— Кое-гдѣ раздаются такіе голоса:

«Мало комичнаго, говорить г. Уильямъ Гаргрэвъ, и весьма много трагичнаго представляетъ намъ рожденіе, жизнь и смерть англійскаго земледѣльца... Тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ заработать болѣе трехъ рублей въ недѣлю, совершенно бесполезно рекомендовать посылать своихъ дѣтей въ школу. Одинаково бесполезно рекомендовать жонамъ этихъ самыхъ лицъ сдѣлать внутренность своихъ жилищъ чистой и привлекательной».

Гаргрэвъ прибавляетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что негръ въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ освобожденъ ранѣе нашихъ крестьянъ; русскій крестьянинъ, вчера еще бывший узаконеннымъ рабомъ, будетъ, по всей вѣроятности, независимымъ, воспитаннымъ и жить въ свое удовольствіе прежде обитателей нашихъ деревень.»—Профессоръ Фосеттъ сѣтуетъ подобнымъ же образомъ: «Я основательно знаю наше сельское населеніе. Неоспоримо, что существующіе заработки совершенно недостаточны, чтобы доставить работникамъ вещи первѣйшей необходимости для существованія и дать имъ возможность посылать своихъ дѣтей въ школу. Послѣ жизни всевозможныхъ лишеній, истощившихъ наконецъ организмъ, работникъ, съ потерей силъ, а вмѣстѣ съ ними и работы, попадаетъ на пересылку изъ одной богадѣлни (workhouse) въ другую для того, чтобы нищимъ онъ провянулъ руку къ общественной благотворительности.» Говоря открыто, за исключеніемъ Ирландіи, нѣтъ, кажется, страны въ мірѣ, въ которой бы положеніе крестьянина, т. е. человѣка, который долженъ бы быть гражданиномъ по преимуществу, было бы болѣе несчастно, какъ въ Англіи.

Будемъ надѣяться, что работникъ большихъ городовъ, политическое и социальное положеніе котораго улучшается день ото дня, сдумаетъ употребить свое возрастающее вліяніе въ пользу своего обездоленнаго деревенскаго брата! Если онъ не хочетъ образовать въ свою очередь, касту болѣе эгоистичную, чѣмъ тѣ, ослабленія которыхъ онъ требуетъ, то пусть вспомнить, что есть люди несчастіе его!

Внѣ политики, умы въ Англіи снова заняты вопросомъ о смертной казни по поводу новой судебной ошибки.

Это случилось немного болѣе двухъ мѣсяцевъ. Нѣсколько итальянцевъ, по большей части матросовъ, собрались въ одной изъ лондонскихъ тавернъ. Завязался споръ, въ которомъ дѣло дошло до крупной брани, и Грегорио Моньи, полупьяный, далъ пощочину содержателю кабака. Этотъ тотчасъ же сталъ звать къ себѣ на помощь англичанъ, бывшихъ въ задней комнатѣ; они прибѣжали, захвативъ палки, которыми ихъ снабдили половые заведенія. Англичанинъ не отличается рыцарствомъ и вообще избыткомъ великодушія: когда онъ хватилъ черезъ край, да при этомъ въ рукахъ палка, а у противника нѣтъ ея, онъ, не колеблясь, начинаетъ бить. Такъ и на этотъ разъ. Удары посыпались на итальянцевъ градомъ. Многие изъ нихъ попадали, въ томъ числѣ Джіованни Моньи, братъ зачинщика ссоры, Грегорио. У Джіованни все лицо было въ крови, онъ лежалъ недвижимъ, а одинъ англичанинъ желалъ доконать его. У Грегорио былъ ножъ; онъ обнажилъ его и, опустивъ голову, бросился на нападающихъ, и тронхъ или четверыхъ изъ нихъ тяжело ранилъ. Одинъ же англичанинъ палъ мертвымъ рядомъ съ Джіованни.

Все это произошло въ одно мгновеніе, въ плохо освѣщенной комнатѣ, среди облаковъ табачнаго дыма, винныхъ паровъ и слѣпного остервенѣнія свалки пьяныхъ. Когда тишина мало по малу возстановилась, на тѣлѣ умирающаго англичанина нашли одного итальянца, который спотыкнулся и упалъ. У этого итальянца, Пеллицони, двоюроднаго брата Грегорио и Джіованни, на рукахъ и на лицѣ была кровь, и когда его осмотрѣли, то нашли въ его карманѣ ножъ, который, правда, не былъ окровавленъ, но на эту важную подробность не обратили надлежащаго вниманія. Въ предсмертной изотѣ умирающій сдѣлалъ головою утвердительный знакъ, когда его спросили, не Пеллицони ли его убійца;—*хозяинъ* таверны также въ томъ клялся, вмѣстѣ съ шестью англичанами, участвовавшими въ свалкѣ. Напрасно Пеллицони заявлялъ свою невинность, напрасно другіе итальянцы, очевидные свидѣтели, сообщали противорѣчащія подробности, — судья, знаменитый баронъ Мартинъ, имѣющій спеціальностью смертные приговоры, объявилъ, что «никогда еще въ жизни онъ не былъ такъ глубоко убѣжденъ въ виновности чело-вѣка», и Пеллицони былъ осужденъ на висѣлицу.

Но что стало съ Грегорио?—Когда онъ нанесъ смертельный ударъ, то, охваченный ужасомъ, тотчасъ же бѣжалъ изъ таверны, бросилъ роковой ножъ и провелъ ночь у одного друга; на другой

же день удалился въ Бирмингамъ, гдѣ постарался, какъ говорятъ, кануть въ воду.

Приговоръ надъ Пеллициони, котораго считали невиннымъ, взволновалъ всю итальянскую колонію. Нѣкто г. Негретти, весьма извѣстный негоціантъ, узнаетъ, куда скрылся Грегоріо. Онъ ѣдетъ съ Бирмингамъ, открываетъ Грегоріо въ мастерской одного плотника, идетъ прямо къ нему.—«А знаешь ли, что твой двоюродный братъ будетъ повѣшенъ? — Нѣтъ! — Такъ знай же, что это такъ! Нѣтъ ли какогонибудь средства спасти его? — Одно, говоритъ Грегоріо, взявъ свою шляпу: я слѣдую за вами; мой двоюродный братъ не будетъ повѣшенъ за меня.»—Не теряя ни минуты, они отправились по желѣзной дорогѣ и, какъ только прибыли въ Лондонъ, Грегоріо объявилъ себя убійцей англичанина.

Его принуждены были судить и осудить. Состоялся приговоръ, которымъ онъ подвергнутъ пятилѣтней каторжной работѣ.

Вы полагаете, что появленіе Грегоріо немедленно же повело къ освобожденію Пеллициони? Совсе нѣтъ. Пеллициони оставался попрежнему подъ тяжестью смертнаго приговора. Судья, баронъ Мартинъ, ограничился тѣмъ, что заявилъ, что случай дѣйствительно странный. Лордъ Джоржъ Грей не успѣлъ еще познакомиться съ дѣломъ. *Times*, который недавно еще предлагалъ было послать весь англійскій флотъ съ заряженными орудіями, чтобъ раздѣлаться, въ случаѣ нужды хоть силой, съ нѣмцемъ Мюллеромъ, предполагаемымъ убійцей Мистера Бритса, — *Times* на этотъ разъ отнесся къ Пеллициони съ беззаботностью и пренебреженіемъ. Для *Times'a*, точно такъ же, какъ и для каждаго истаго англичанина, *foreigner* (иностранецъ) представляется презрѣнной личностью, невинность которой — вздоръ; преступленіе же, если оно было совершено противъ священнаго существа, называемаго *британцемъ*, — непростительно. Припомните процессы Мюллера, грековъ, пяти малайцевъ: — всѣ они были повѣшены, не понимая ни одного слова изъ того, о чемъ шла рѣчь, — и юридическое убійство Бартелеми.

Однако же, либеральная пресса встревожилась наконецъ этимъ дѣломъ, правительство сооблаговолило даровать отсрочку для пересмотра процесса вновь. Чтобы осудить Грегоріо, который обвинилъ самъ себя, судъ не колебался, но чтобъ освободить Пеллициони отъ веревки — сколько медленности, сколько колебаній!

Тѣмъ не менѣе, уничтоженіе смертной казни съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ голосовъ въ Англии. Весьма часто англійскій судъ присяжныхъ произноситъ по уголовнымъ

дѣлать такой приговоръ: «Оправданъ по причинѣ помѣшательства». Затрудненіе въ томъ, чтобъ умѣть отличить нравственную испорченность отъ помѣшательства, когда испорченность чаще всего и есть помѣшательство, и когда самые компетентные психіатры объявляютъ, что положительно нѣтъ никакой возможности опредѣлить помѣшательство и сказать, чѣмъ отличается нѣкоторые сумасшедшіе отъ нѣкоторыхъ лицъ, почитаемыхъ за здравомыслящихъ и *visc versa*. Возраженіе это, дѣлаемое обыкновенно въ пользу энафота, намъ представляется, напротивъ, одними изъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ за его отмену. Если нѣтъ возможности установить раздѣльную черту между убійцей и помѣшаннымъ, и если для васъ безусловно возмутительно повѣсить или гильотинировать сумасшедшаго человѣка—что было бы нравственной чудовищностью, — рѣшитесь ни вѣшать, ни гильотинировать никого. Англичане присяжные формулируютъ такимъ образомъ свой приговоръ, англійскій же судья неизмѣнно произноситъ въ такомъ случаѣ: заточеніе на время, какое благоугодно будетъ ея величеству. Но многочисленныя опыты доказали, что у помѣшаннаго, подверженнаго мономашии смертоубійства, послѣ леченія и заявленія врачей о его совершенномъ выздоровленіи, обнаруживались страдательныя возвраты припадковъ болѣзни.

Три года тому назадъ, устроили специальное заведеніе, въ которое принимаютъ убійцъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что они совершили преступленіе въ такомъ умственномъ состояніи, которое дѣлало ихъ безответственными за самихъ себя. У лондонскихъ воротъ, на великолѣпномъ мѣстоположеніи, построили образцовый пріютъ Бродмуръ (Broadmoor).

Жизнь пансіонеровъ этого заведенія стараются сдѣлать возможно еноситель и пріятнѣе, но эта благосклонность не переходитъ за ворота пріюта, обитатели котораго сторожимы съ такой же заботливостью, какъ въ государственной тюрьмѣ. Какъ скоро узникъ переступилъ порогъ пріюта,—онъ умеръ для міра, точно палець задушить его въ Ньюгетѣ. Ворота пріюта не отворяются никогда, чтобъ возвратитъ міру живого ли, мертваго ли узника; въ одномъ углу заведенія устроено особое кладбище. Въ Бродмурѣ живутъ уже 400 убійцъ и 50—60 женщинъ, уличенныхъ въ отравленіи или убійствѣ. Едва ли мы не останемся ниже истины, если положимъ 1000 человѣкъ на число ихъ жертвъ. Современная знаменитость между этими пансіонерами—капитанъ Джексоу, погубившій самымъ хладнокровнымъ образомъ въ одинъ день цѣлый экипажъ своего корабля *Гочу*. —

Эти несчастные живутъ въ хорошихъ помѣщеніяхъ, столъ и большія мѣста для прогулки. Они могутъ курить, принимать посѣтителей, пи сать, къ кому заблагоразсудится. Мужчины занимаютъ садоводство, а женщины руководѣемъ, многіе скопляютъ малую толку денегъ, которой располагаютъ по своему произволу, но трудъ нѣкоимъ образомъ необязателенъ.

«Чрезвычайно интересно видѣть, — рассказываетъ одинъ очевидецъ, — какъ эти люди, герои какой нибудь кровавой драмы, гуляютъ, разговариваютъ, играютъ въ разныя игры; иногда тридцать убійцъ играютъ вмѣстѣ партію въ мячъ или въ барры. — Въ регистрахъ учрежденія встрѣчаются такія замѣчанія:

«Д. М. убилъ свою жену и дѣтей, — тихъ и совершенно безопасенъ.

«А. Т. убилъ свою жену, сестру и ребенка, — послушенъ, тихъ и безопасенъ.

Правда, что не всѣ узники такого вѣжливаго обхожденія, и при введеніи существуетъ особое отдѣленіе, въ которомъ заключаютъ наиболѣе опасныя личности. Отъ ихъ рукъ тщательно устраняютъ доступъ всего, что могло бы послужить оружіемъ, и даже просѣваютъ землю на ихъ особомъ дворѣ, чтобъ они не могли найти въ ней камней.»

Эти подробности показались намъ особенно интересны въ тотъ моментъ, когда уничтоженіе смертной казни составляетъ предметъ дѣятельнаго изслѣдованія во многихъ странахъ Европы. Теоретически, намъ кажется, вопросъ давно уже разрѣшенъ, и представляетъ лишь теперь одни практическія затрудненія. Въ Бродмурѣ сдѣланъ былъ первый шагъ въ реформѣ. Остается идѣмъ второй.

Одинъ бѣдный ирландецъ, Тимоти Дэли, имѣлъ посмертную славу привлечь на минуту общественное вниманіе на свою печальную участь. Онъ буквально умиралъ съ голоду. Кончили тѣмъ, что перенесли его въ одинъ изъ лондонскихъ рабочихъ домовъ (work-house), въ которомъ онъ былъ такъ дурно пользуетъ, что предпочелъ отправиться умереть гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

«Да вѣрно ли, что Тимоти Дели умеръ? спрашиваетъ Daily News,—мы видѣли его до сихъ поръ живымъ; но рапортъ инспектора М-ра Фэрнала внушилъ намъ нѣкоторое сомнѣнiе на счетъ дѣйствительности факта. Принявъ заключенiя этого почтеннаго чиновника, мы не можемъ представить себѣ, чтобъ Дели могъ умереть отъ язвы, какъ предполагали. Даже допустивъ, что смерть дѣйствительно имѣла мѣсто, мы обязаны, все же основываясь на изслѣдованiяхъ г. Фэрнала, придти къ тому заключенiю, что эта смерть есть только новое доказательство ирландской испорченности и фантазерства.—Дели былъ вельтъ и пожертвовалъ собою чисто по зложелательству, единственно, чтобъ подтруснить надъ саксонскими учрежденiями.—Конечно, г. Фэрналъ не можетъ извинить этому негодяю, которому все было дано, чтобъ остаться живымъ: онъ пользовался попеченiемъ администраторовъ, превосходной организацiей учрежденiя, ученостью медиковъ, деликатной заботливостью больничныхъ служителей и служительницъ, а въ особенности—предусмотрительностью закона о бѣдныхъ, и, не смотря на всѣ эти благодѣянiя, захотѣлъ умереть, и умереть нарочно для того, чтобы подсмѣяться надъ образцовой англiйской филантропiей. Но нашелся другой органъ, болѣе искреннiй въ оцѣнкѣ этой знаменитой филантропiи, и высказался прямо:

«Утѣшайтесь вашей благотворительностью, сколько угодно, но убѣдитесь же наконецъ, что она есть одно изъ величайшихъ социальныхъ золъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы стали плодить ваши филантропическiя учрежденiя и предаваться публичному лицемерiю въ дѣлѣ гуманности, число вашихъ тюремъ увеличилось, массы нищихъ не убавились и вы не можете утверждать, чтобы ваша филантропiя залечила хоть одну какую нибудь общественную язву; но вамъ пора сознаться, что благотворительность ваша давно мѣшаетъ смотрѣть на дѣло прямо, и вмѣсто спасительныхъ операций предлагаетъ разныя припарки, и тѣмъ отдалаетъ на долгiя времена рѣшительныя мѣры для уничтоженiя такихъ фактовъ, какъ смерть Тимоти Дели.»

Для лучшей оцѣнки нейтралитета англчанъ въ междоусобной войнѣ унiонистовъ и рабовладѣльцевъ, замѣтимъ, что изъ официальной

ных донесений, принадлежащих правительству конфедератовъ оказывается, что такъ называемыми курьерами чрезъ блокаду, (Blockade runners) выгружено въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ, съ 26 октября прошлаго до первыхъ чиселъ января настоящаго года, около 75,000 килограммовъ свинца, 1,000,000 вил. селитры, 69,000 карабиновъ, 43 пушки, 646,000 паръ башмаковъ, 316,000 суконныхъ паръ, 4,300,000 килограммовъ говядины, не говоря о кофе, аптекарскихъ матеріалахъ и ир.

Ради любопытства замѣтимъ, что возбужденъ вопросъ о сооруженіи желѣзной дороги между Жонпъ (Жорре) и Иерусалимомъ; образуется одна англійская компания, съ цѣлью основанія фабрики для извлеченія бромистыхъ соединеній изъ водъ Мертваго моря.

Не все неприятно въ извѣстіяхъ, получаемыхъ изъ Германіи. Мы узнаемъ, напр., что тамъ кое-гдѣ обнаруживаются протесты противъ смертной казни. Вюртембергская палата представителей вотпровала уничтоженіе этой казни, что представляется тѣмъ рѣшительнѣе, что новый король самъ, какъ говорятъ, раздѣляетъ мнѣніе большинства представителей. Веймарскій Ландтагъ, въ свою очередь, послѣдовалъ примѣру Штутгарта, и въ засѣданіи 18 февраля высказался за уничтоженіе смертной казни.

Впрочемъ, вотъ и все утѣшительное для Германіи, что мы могли узнать за прошлый мѣсяць.

Что до остальнаго, то это продолженіе старой, скучной исторіи. Все по прежнему: Бисмаркъ и Менсдорфъ, Бейсть и Пфортентъ, National Verein и Reform Verein—дальше ни съ мѣста. Es ist zum Erbarmen! Въ молодые годы мы были энтузіастами Germania Mater. Это было прекрасное время горячей любви, страстныхъ нападокъ, горькихъ упрековъ. Нами овладѣвалъ счастой гнѣвъ, что Германія мѣшкала на пути прогресса, что она трюхала по старымъ, избитымъ колеямъ и вязла по уши въ феодальной грязи. Но теперь она утомила терпѣніе, намъ и нашу нетерпѣливость; она обезоружила нашу прежнюю ярость венамечимой скукой, хроническимъ изнуреніемъ. При новыхъ шалостяхъ, у насъ, по крайней мѣрѣ, достанетъ силы показать плечами, вробормотавъ: «Meinetwegen! Геніальныя штуки

Бисмарка имѣютъ болѣе шансовъ разсѣять насъ, чѣмъ невозмутная флегма и лимфатичная честность депутатовъ прусской оппозиціи.

Въ Берлинѣ, какъ и въ Вѣнѣ, въ Вѣнѣ, какъ и въ Берлинѣ, обѣ стороны стоятъ въ самомъ ложномъ ихъ положеніи. Съ одной стороны упорство, съ другой—необыкновенная вялость. На сторонѣ правительства армія, администрація и крестьянство. На другой сторонѣ буржуазія, могущественная и вліятельная буржуазія.

Въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, министерство и палата играютъ въ шахматы. Но между этими двумя странами та разница, что въ либеральной Пруссіи нападаютъ на парламентаризмъ, который защищается съ упорной пассивностью; между тѣмъ, какъ въ Австріи парламентаризмъ нападаетъ на министерство, которое обороняется также съ упорной пассивностью. Здѣсь Бисмаркъ въ наступательномъ положеніи, тамъ Пленеръ въ оборонительномъ.

Но если гг. Пленеръ, Мендсдорфъ и Шмерлингъ играютъ печальную роль предъ ихъ палатой, тогда какъ г. Бисмаркъ разыгрываетъ свою съ депутатами въ такомъ развязномъ тонѣ, то это потому, что у него есть деньги, а у австрійскихъ министровъ ихъ нѣтъ. Изъ этого контраста выходитъ такое поученіе, что политическій успѣхъ для того, чтобы быть полнымъ, долженъ имѣть полные карманы. Въ средніе вѣка общины основались, благодаря стѣстаннымъ обстоятельствамъ королей, принцевъ и сеньеровъ, которые продавали простолюдинамъ права, вольности и привилегіи. Въ настоящее время, конституціонализмъ ничего болѣе не требуетъ, какъ только устроиться подобнымъ же образомъ, и весьма вѣроятно, что австрійцы съ восхищеніемъ согласились бы уплатить весь громадный дефицитъ въ бюджетѣ, съ условіемъ назначать этотъ послѣдній на будущее время уже самимъ, на томъ простомъ основаніи, что слѣдуетъ протягивать ножки по одежкѣ.—Этой-то простой истинны и не хочетъ понять г. Пленеръ, но какъ и всѣ его предшественники считаетъ себя весьма искуснымъ финансистомъ, потому что ежегодно успѣваетъ истратить соизягу милліоновъ сверхъ того, что собралъ въ шкатулку. Этотъ министръ финансовъ не переставалъ считать себя геніальнымъ, представляя вѣискому рейхсрату временный бюджетъ 1866 г., весь дефицитъ котораго составлялъ какихъ нибудь шестьдесятъ милліоновъ,—не болѣе; онъ ожидалъ, что такое обѣщаніе улучшенія сдѣлаетъ депутатовъ podatливѣе на дефицитъ, который онъ предполагаетъ реализовать въ 1865 г. Но депутаты, напротивъ, оказались весьма скупыми, и

вотъ цѣлый уже мѣсяць, какъ въ австрійскомъ рейхсратѣ только и рѣчи о томъ, нельзя ли сберечь нѣсколько милліоновъ вотъ здѣсь, нѣсколько милліоновъ тамъ, урѣзать нѣсколько милліоновъ отъ арміи, да другихъ нѣсколько милліоновъ отъ флота, да третьихъ нѣсколько милліоновъ отъ полиціи. Пленеръ защищается по мѣрѣ силъ, но депутаты стоятъ на своемъ и не хотятъ понимать, что уменьшить бюджетъ арміи, значитъ уменьшить самую армію, а уменьшеніе арміи равносильно оставленію Венгріи, всегда нераспо-ложенной, всегда враждебной.

Мы не говорили довольно долго уже о Венгріи. Если извѣст-но, что она пережила два года сряду страшнаго голода, то остается лишь засвидѣтельствовать, что какою она была де-сять лѣтъ тому назадъ, тою же остается и теперь въ поли-тическомъ отношеніи, и что всѣ попытки къ примиренію съ Ав-стріей рушились самымъ несчастнымъ образомъ. Въ доказатель-ство приведемъ лишь недавнее осужденіе военно уголовнымъ судомъ девяти лицъ изъ венгерскаго дворянства и высшей буржуазіи, за-кованныхъ въ цѣпи на пять-шесть лѣтъ. Процессъ, воздвигнутый на нихъ правительствомъ, былъ тенденціозный процессъ, и основывался, какъ говоритъ обвиненіе, на «совокупности доводовъ»,—что публика, естественно, перевела на «отсутствіе всякаго довода.» Вен-герцы единодушно положили не щаздновать дней карнавала и на-ложили всеобщій трауръ. Кромѣ того чтобы пособить самымъ насто-ятельнымъ финансовымъ нуждамъ, г. Ротшильдъ и др. хотѣли было выдать впередъ одиннадцать милліоновъ флориновъ, составляющихъ недонмку государственнаго долга, которому настала срокъ платежа. Но имъ обѣщали продать по низкой цѣнѣ коронныя имущества, начавъ съ имущества венгерскаго короля. Въ Вѣнѣ, Франкфуртѣ, Берлинѣ и даже въ Парижѣ и Амстердамѣ составляются собранія банкирскихъ синдиковъ для покупки этихъ имущества по самой дешевой цѣнѣ, и затѣмъ, конечно, для перепродажи ихъ по возмож-но-дорогой цѣнѣ. Замѣтимъ кстати, что испанская королева, въ виду бѣдственнаго состоянія государственныхъ финансовъ, принуж-дена также прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ.

Приобрѣтѣ смѣлость отъ самой борьбы, оппозиція почувствовала себя достаточно сильной, чтобъ напасть на министерство по поводу осаднаго положенія, объявленнаго въ Галиціи. Палата заявила, что это осадное положеніе было незаконно и не могло быть рѣшено, какъ чрезъ посредство закона, въ котромъ участвовали бы народ-ные представители. Г. Шмерлингъ, поставленный такимъ аргумен-

томъ въ туникъ, соваясь, что дѣйствительно въ военную цѣль не можетъ быть пробѣль на этотъ счетъ, но чтобы неопознать разомъ съ преемникомъ австрійскій государственный министръ объявлять, что императорскимъ декретомъ отъ 6 марта осадное положеніе въ Галиціи окончательно снимается 18 будущаго апрѣля—промежутокъ, достаточный, чтобы нанести нѣсколько несудьбныхъ ударовъ. Еще разъ министерство должно располагать велики силами и, въ частнѣ прочее, силой денегъ.—Да сдобагодитъ ихъ превосходительства, австрійскіе министры, принять ихъ къ свѣдѣнію. Имъ необходимо, во чтобы то ни стало, выполнить свои нутренніе казенн. Къ нимъ прямо относятся слова честнаго Яго когда онъ давалъ этотъ достопамятнѣй «Набей твой кошелекъ, я не скажу тебѣ болѣе ничего».

У Бисмарка есть пока кое-какія деньги. Вотъ почему онъ и позволяетъ себѣ принимать надменный тонъ съ нахмуренными депутатами, которымъ ничего болѣе и не нужно, какъ выставить обвиненіе противъ него... еслибъ только они смѣли. Отсюда г. Бисмаркъ долженъ былъ понять, что такъ какъ онъ обладаетъ рѣдкими счастіемъ имѣть деньги, то долженъ беречь ихъ, а не кидать въ Балтійское море подъ предлогомъ прусскаго флота. Корабль, корабли — это самая дорогая, самая хрупкая изъ государственныхъ игрушекъ. Вотъ, напр. издержавшая и не вѣсть сколько сотенъ милліоновъ на броненосный флотъ, Англія приняла таки наконецъ къ грустному открытію, что ни одинъ изъ этихъ кораблей—такъ-таки *ни одинъ*,—не имѣетъ другой цѣнности, какъ только ту, какую имѣетъ старый лѣсъ и старое желѣзо. Она купила слѣшкомъ дорогой цѣною стыдъ колоссальной неудачи.

Скоро прусскіи палатамъ будетъ представленъ планъ, принятый прусскимъ правительствомъ для расширенія своихъ морскихъ силъ. Десять большихъ броненосныхъ фрегатомъ, столько же малыхъ блиндированныхъ кораблей, большихъ корветомъ и плоскодонныхъ корветомъ, которые навязываются для установленія станцій въ отдаленныхъ водахъ въ Китаѣ, Японіи и Кохинхинѣ,—вотъ начало большаго морского бюджета. Но первоначальнымъ смѣтамъ, флотъ этотъ будетъ стоить не менѣе 30 милліоновъ талеровъ (около 28 милліон. руб. сер.), которые или разложить на нѣсколько финансовыхъ балавсовъ, или же добудутъ однимъ займомъ.—Но это не все, дѣло идетъ и о томъ, чтобы присвоить себѣ также военные порты въ Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ: кто думаетъ о корабляхъ, долженъ думать и о портахъ—это очевидно. Къ предначинаютъ

въ соперники съ Кронштадтомъ, а портъ Яде (Jahde) съ Портсмутомъ. Пограничная съ обѣими морями, Пруссія намѣрена расположиться въ нихъ *en maître*, посредствомъ военныхъ позицій, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пролива Альзенъ,—основанія военныхъ портовъ на обѣихъ оконечностяхъ будущаго канала чрезъ Голштинскій перешеекъ; и для своего будущаго флота она требуетъ уже безусловнаго права производить въ герцогствахъ вербовки, размѣры которыхъ не будутъ имѣть другихъ границъ, кромѣ прилиція. Пруссійскій нептунъ считаетъ себя уже богомъ второго порядка. Онъ былъ согласенъ до сихъ поръ занимать мѣсто послѣ англійскаго и французскаго нептунувъ, но желаетъ первенствовать надъ австрійскимъ нептунувъ и быть равнымъ, по крайней мѣрѣ, русскому нептуну. Первымъ подвигомъ будущаго флота будетъ отомстить пиратамъ Риффа, осмѣлившимся побить большой адмиральскій прусскій корабль, Адальбертъ, и дойти до таковой наглости, что пронизать крупной дробью его жирныя лявдеи.—Впрочемъ, такъ начертано уже въ книгѣ судебъ и въ пѣсняхъ Гейнриха Гейне, чтобъ Пруссія наслаждалась флотомъ. Это—фантазія, безъ которой она не хочетъ обойтись. Разумѣется, она остережется выслушать наши серьезныя предостереженія, подумаетъ, что насъ побуждаетъ къ тому низкая зависть, если мы станемъ утверждать ей, что желаемъ всѣмъ нашимъ врагамъ обладать великолѣпнымъ военнымъ флотомъ.

Въ виду возрастающихъ претензій правительства г. Бисмарка, Австрія чувствуетъ себя весьма не въ своей тарелкѣ. Флотъ прусскій ее беспокоитъ. Она боится, чтобъ Пруссія—властительница морскихъ береговъ, не сдѣлалась чрезъ то самое властительницей герцогствъ, а затѣмъ послѣдовательно властительницей Ютландіи, датскихъ острововъ, Ганновера, Мекленбурга и такъ далѣе. Что, кромѣ того, озабочиваетъ Австрію,—это видѣть себя лишеною мало по малу роли представительницы консерватизма въ Германіи и даже въ Европѣ. Благодаря инициативѣ г. Бисмарка, Пруссія ни о чемъ болѣе не говоритъ, какъ о правѣ побѣды, о правѣ сильного... Когда Пруссія считалась либеральной, Австрія представляла официально консерватизмъ—это было натурально; такъ слѣдовало по закону антитеза между сѣверомъ и югомъ, между католицизмомъ и протестантизмомъ. Присвоивъ себѣ систему Шварценберга, берлинскій кабинетъ грабитъ вѣнскій и принуждаетъ г. Менсдорфа Пульнъ быть у г. Бисмарка только второй скрипкой,—вотъ что! оскорбительно.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, австрійскій кабинетъ, вѣжется.

усталь все уступать и уступать г. Бисмарку, и, чувствуя себя слишком слабымъ, чтобъ сопротивляться одному, вступаетъ въ союзъ съ Бейстомъ и Пфортеномъ, ираженію которыхъ вчера еще только помогалъ. Однакожь, его останавливаетъ на этомъ пути одна вещь: очевидно, этотъ Бисмаркъ ведетъ дѣло до крайностей, и ничего лучше не желаетъ, какъ ввергнуть Германію въ ужасы междоусобной войны. Всякихъ эта война — три четверти пруссаковъ будутъ порываться побѣдить, а половина нѣмцевъ — быть побѣжденными... Бисмаркъ, о Бисмаркъ, въ какую кутерьму вы тивете насъ!.. Но страшнѣе и вѣроятнѣе всего, что междоусобная война спуститъ съ цѣли революцію внутри и внѣ Германіи, и тогда... Г. Бисмаркъ, о г. Бисмаркъ, ради Бога, остановитесь!

Упомянемъ, для полноты обзорѣнія, о религиозныхъ смутахъ, имѣвшихъ мѣсто въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.

Вслѣдствіе закона о первоначальномъ образованіи, обнародованнаго въ Баденѣ полгода тому назадъ, которымъ отнята у баденскаго духовенства доля оставшагося за нимъ вліянія на управленіе школъ, католички-ультромонтаны затѣяли агитацію. Нѣкто протоіерей Тиссенъ (Thyssen), человекъ весьма способный и которому слѣдовало бы скорѣе быть главнокомандующимъ папскихъ армій, чѣмъ священникомъ франкфуртскаго кафедральнаго собора, занялся образованіемъ одного общества, отличительный характеръ котораго состоялъ въ мобилизаціи католическихъ силъ. Подобно тридцати солдатамъ, которыхъ заставляютъ переходить по нѣскольку разъ черезъ сцену, чтобъ представить воображаемую армію, клерикалы, завербованные подъ знамя Тиссена, должны были являться изъ города въ городъ и парадировать на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Отсюда названіе *странствующаго общества*, данное крошечной арміи. Воины были обязаны, согласно получаемому ими приказанію, являться на всѣхъ указанныхъ имъ пунктахъ, составлять на нихъ *митинги* и провозглашать *здоровье своей доктрины*, разогрѣвать ревность вялыхъ, укрѣплять довѣріе добрыхъ и приводить въ ужасъ злыхъ.

24 февраля представленіе назначено было въ Мангеймѣ. Было создано всеобщее народное ополченіе изъ учениковъ св. Игнатія, и три или четыре тысячи соревнующихъ отвѣчали на призывъ; заявленной цѣлью манифестаціи составлялъ протестъ противъ закона о первоначальномъ образованіи.

Бургомистръ мангеймскій пригласилъ своихъ согражданъ отвѣ-

чать на эту протестацію мотвъ-протестаціей. И какъ католическіе воины должны были избрать базисомъ своихъ стратегическихъ операцій—железныя, бургомистръ, какъ истый воинъ, приказавъ занять ихъ входы коллижскими вѣстами. Съ появленіемъ на станціи желѣзной дороги, католическое войско, предводимое священниками, было встрѣчено единствами и насмѣшками. Власть вступила въ переговоры, просила священниковъ оставить ихъ намѣреніе, но эти не хотѣли отступить; и вотъ благочестивое сборище—на половину процессія, на половину армія, — направилось чрезъ городъ, сопутствуемое криками и страшнымъ шиканьемъ. Прибывъ къ церкви іезуитовъ, избранной для нанесенія послѣдняго, блистательнаго удара, кому надлежитъ, процессія нашла двери церкви запертыми. Вслѣдствіе чего, она принуждена была предпринять фланговое движеніе и направиться къ Людвигсафену, небольшой деревнѣ, расположенной по ту сторону Рейна, въ рейнской Баваріи. Эта неудача была привѣтствована ироническими ура! и тѣми «*Göttliche Grobheiten*», въ которыхъ нѣмцы неподражаемы. Отступление было бѣдственно. Прошелъ слухъ, будто бы одинъ катликъ нанесъ рану ножомъ одному изъ насмѣшниковъ. Тотчасъ же волненіе мѣстнаго населенія хлынуло свободнымъ потокомъ, антикатолики прорвали кортежъ и, въ замѣнъ воображаемаго удара ножомъ, щедро посыпались вполне реальныя удары кулаками: патеры были влачима по грязи, въ которой какъ разъ въ это дождливое время не было недостатка! Кортежъ—давай богъ ногъ, чтобъ перебраться поскорѣе на баварскую почву, на которой властвуютъ друзья и соучастники. Но власти Людвигсафена отказались принять изгнанниковъ, подъ предлогомъ, что собраніе не было уполномочено. — Остается дополнить изображеніемъ, въ какомъ безпорядкѣ бросилась армія въ разсыпную. Не забудьте, что законъ, на который согласились баварскія власти, существуетъ фактически отъ ультрамонтановъ, которые навязали его странѣ во время большой реакціи 1849 г.

Рѣшительно ультрамонтанская партія вступила въ періодъ несчастій.

Курьезный протестъ графа Люи Дюшателі, голландскаго посланника при римскомъ дворѣ, надѣлалъ не мало шуму. Дюшатель протестовалъ противъ канонизаціи горкумскихъ мучениковъ, о которой мы сообщали въ одной изъ предыдущихъ корреспонденцій. Голландскій графъ объявилъ ихъ негодными старыми солдатами арміи убійцы, которой предводительствовалъ герцогъ Альба. Это положительно сюрпризъ, сбереженный намъ маленькой голландской дипломатіей, о которой такъ долго уже не было ничего слышно. Если только почтенный графъ Люи Дюшатель возьметъ на себя трудъ, то

предметовъ для протестовъ онъ просто не оберется. Во имя общества анатоміи, напр., онъ можетъ протестовать противъ канонизаціи одиннадцати тысячъ дѣвъ, въ числѣ останковъ которыхъ были найдены кости барановъ и быковъ; во имя конгресса для споспѣшествованія социальнымъ знаніямъ, онъ можетъ протестовать противъ причтенія къ лику святыхъ Лабра, но еслибъ было одиннадцать тысячъ графовъ Люи Дюшателей, то и тогда бы за цѣлую жизнь они не истощили бы запаса предметовъ для подобныхъ протестовъ!

Во то время, какъ Туринъ былъ въ отчаяннѣ, по случаю отъѣзда своего добраго короля, Викторъ Эммануиль, не предупредивъ никого и внезапно возвратившись въ свою старую столицу, появился въ королевской ложѣ театра. Его встрѣтили безчисленными и неистовыми аплодисментами. Между королемъ и населеніемъ возстановилась прежняя гармонія; миръ былъ окончательно заключенъ послѣ обнародованія амнистіи. Она состоитъ изъ трехъ статей: первая относится до оскорбленій, нанесенныхъ королевскому величеству вечеромъ 30 января; вторая—до карабинеровъ, виновныхъ въ стрѣльбѣ безъ приказанія по народу въ день 21 сентября; третья относится до преступленій печатнаго слова, связанныхъ съ тѣми же событіями.

Въ итальянскомъ парламентѣ происходили весьма недавно пренія объ уничтоженіи смертной казни, удержаніе которой защищаль министръ юстиціи. Слѣдуетъ припомнить, что эта система возмездія въ Тосканѣ была уже отмѣнена законами Леопольда. Итальянскій министръ юстиціи требовалъ во имя свободы и столь желаннаго объединенія всѣхъ итальянскихъ провинцій, чтобы въ Тосканѣ былъ возстановленъ эшафотъ, сохраненный тамъ произволомъ чужеземнаго правительства. На это его превосходительству отвѣчали, что народъ Флоренціи ни за что не потерпитъ такой реставраціи. Тогда министръ объявилъ, что онъ готовъ пожертвовать дѣломъ итальянскаго единства своему коню, и просилъ, не вводя смертной казни въ Тосканѣ, оставить ея существованіе во всей остальной Италіи. Оппозиція, напротивъ, требовала распространить съ Тосканы на всю Италію уничтоженіе этого наказанія. Комиссія окончательно приняла прозеть, которымъ смертная казнь уничтожается повсемѣстно, за исключеніемъ случаевъ, предвидѣнныхъ военнымъ уложеніемъ, и для неаполитанскихъ разбойниковъ.

Герцогъ Морни умеръ!

Новость крупная. Впечатлѣніе, произведенное ею на Парижъ, — громадно. Кажется, еслибъ имперія проиграла большую битву, то и тогда бы друзья ея не были болѣе поражены. Г. Морни умеръ, г. Морни умеръ! — ни о чемъ другомъ нѣтъ возможности ни думать, ни говорить въ Парижѣ. Какимъ образомъ начнете вы говорить объ открытіи засѣданій сената, объ удивительной рѣчи маркиза де-Буасси — которая была бы событіемъ во всякомъ другомъ случаѣ, — какъ говорить о случаѣ съ Дюрюи или о балѣ въ морскомъ министерствѣ, — всѣхъ этихъ событіяхъ, вчера еще интересныхъ? Сегодня ничего не знаютъ и ничего не хотятъ болѣе знать: г. Морни умеръ!

Г. Морни былъ сынъ графа Флаго, женившася во второй разъ на синемъ чулѣ первой имперіи, графинѣ де-Суза, — авторъ «*Эженъ де-Россема*» и другихъ романовъ того же калибра.

Двадцати одного года, молодой Морни вышелъ изъ школы генеральнаго штаба, и въ чинѣ подпоручика служилъ въ африканской арміи, гдѣ имѣлъ счастье привлечь на себя взоры орлеанскаго герцога, искавшаго сгруппировать вокругъ себя дворъ изъ молодыхъ людей, изъ которыхъ, по восшествіи на престолъ, задумывалъ сдѣлать своихъ генераловъ, поэтовъ, министровъ. Въ то время бонапартизмъ былъ въ милости. Дворянство реставраціи такъ неистово преслѣдовало наполеонидовъ, что поневолѣ вообразили, что либерализмъ и бонапартизмъ — синонимы. Это было, кромѣ того, время уродливаго союза этихъ двухъ элементовъ, съ весьма небольшимъ республиканскимъ меньшинствомъ, вызвавшимъ іюльскую революцію, и Люи-Филиппъ, реставрировавшій вандомскую колонну и пославшій своего сына на островъ Св. Елены за останками Наполеона I, сильно тянулъ на то, чтобъ опереться на людей имперіи, имѣвшихъ въ его глазахъ три большихъ достоинства: они были популярны, враги Бурбоновъ и вообще бѣдны головою.

Происхожденіе молодого Морни, вмѣсто того чтобъ повредить, напротивъ, послужило ему источникомъ милостей. Къ тому же присоединилось, что молодой человѣкъ воспользовался въ совершенствѣ уроками свѣтской жизни, которые ему преподала его мачиха: онъ восхитительно одѣвался, умѣлъ превосходно говорить комплименты, короче, онъ въ совершенствѣ подражалъ виконту д'Орсе и умѣлъ втереться къ лорду Сеймуру, царю салонныхъ героевъ. Между же буржуазной обстановкой короля-гражданина, молодые люди, которые умѣли элегантно курить свою сигару и прилично носить тросточку, — были рѣдкостью. За это же герцогъ Орлеанскій удвоилъ къ Морни свою благосклонность. Выйдя въ отставку, онъ на двадцать вось-

момъ году устроился сахарнымъ заводчикомъ въ Овернѣ. Четыре года спустя, въ 1842 году, онъ былъ кандидатомъ прѣвѣтельства, сдѣлавшимъ его депутатомъ за Сюи-де-Дамъ. Онъ тотчасъ же примкнулъ къ министерской партіи, не блистая никакими талантами на трибунѣ, но тѣмъ ярче въ салонахъ: игра, приемы, свачки, охота оставляли ему мало времени для его обязанностей народного представителя.

Настала революція 1848 г. Онъ тотчасъ же исчезъ, и никто не замѣтилъ его отсутствія. Вновь же появился онъ уже въ извѣстномъ салонѣ въ улицѣ Пуатье, и, подъ покровительствомъ этого кружка, снова вступилъ въ палату, и въ союзъ съ представителемъ Люи Бонапартомъ, гг. Шетри, Летт, Фіаленомъ и Мона.

Онъ былъ не изъ числа дюжинныхъ людей. Чтобы незнакомиться съ этимъ типомъ, придется вернуться къ *романамъ* временъ Людовика XIV. Онъ отличался замѣчательно твердымъ характеромъ: настоящее лезвие кинжала, крѣпкое, острое, блестящее, искусство отточенное. Подобно парижанкѣ, умѣющей перейти грязную улицу, не марая своей изящной обуви, онъ обладалъ искусствомъ проходить вездѣ, всегда сохраняя блескъ своихъ лакированныхъ ботинокъ. Трагическія сцены, видѣнныя имъ въ очю, волновали его не болѣе обыденной непріятности. Могущество его заключалось въ холодности; онъ вполне обладалъ тѣмъ невозмутимымъ самоудовлетвореніемъ, которое составляетъ едва достижимый идеалъ каждаго англійскаго джентельмена: онъ былъ *cool*, какъ говорятъ англичане. Онъ съ изумительною точностію рассчитывалъ каждый изъ своихъ поступковъ и всякій изъ нихъ умѣлъ обратить въ чистое золото. Онъ обладалъ какимъ-то нравственнымъ барометромъ удивительнаго совершенства, съ указаніями котораго всегда соразмѣрялъ свои поступки... Но не надо забывать, что онъ хорошо умѣлъ скрывать эти свойства и всегда казался любезнымъ и очаровательнымъ. При его хладнокровіи, онъ былъ совершенно свободенъ отъ всѣхъ рѣзкихъ проявленій гнѣва или жадности мести. Онъ смотрѣлъ на ненависть, какъ на страсть, и его личный эгоизмъ былъ выше этой слабости. Онъ равно эксплуатировалъ и враговъ, и друзей, употребляя для каждаго изъ нихъ только различные способы. Другъ его былъ рабочимъ быкомъ, котораго кормить и холить съ тѣмъ, чтобъ заставить работать до истощенія силъ, а потомъ продать. Врагъ его былъ буйволомъ, который сразу падалъ отъ петли аркана или подъ ружейнымъ выстрѣломъ.

Онъ далеко не былъ жестокъ, у него не было и тѣмъ недоброжелательства къ другимъ; онъ только слишкомъ много заботился

о себѣ и своихъ выгодахъ. Но принципамъ, по характеру и уму, онъ не былъ склоненъ къ жестокимъ мѣрамъ и прибѣгалъ къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ.

Морни былъ не только эпическимъ героемъ второй имперіи, онъ былъ, сверхъ того, человѣкомъ универсальнымъ въ своемъ родѣ: воинъ и биржевой игрокъ, государственный человѣкъ и ловкій спекуляторъ, промышленникъ и археологъ, онъ былъ въ то же время литераторомъ, поэтомъ, ораторомъ, геральдикомъ, инженеромъ, охотникомъ, рыболовомъ, музыкантомъ и композиторомъ оперъ и водевилей, которыми развлекалъ комьенскій дворъ.

Онъ занимался соціальной теоріей и выдавалъ себя за экономиста школы Рикардо; хорошо зналъ живопись и скульптуру, и, претендуя на знаніе теологіи, никогда не пропускалъ случая побесѣдовать съ кардиналами и архіепископами. Сверхъ того, какъ говорить его близкіе, у него былъ большой талантъ чтенія и декламациі.

Чтобъ обрисовать вполнѣ этого человѣка, нужно рассказать и о его слабостяхъ. Во-первыхъ, у него была страсть къ игрѣ, которою онъ упивался, какъ виномъ. Но главнымъ его недостаткомъ была любовь къ деньгамъ, которая доводила его до скупости. Но что дѣйствительно могло бы казаться невѣроятнымъ, еслибъ это не было явнымъ и признаемымъ фактомъ, еслибъ его не подтверждало все торговое сословіе Парижа,—это его постоянное участіе въ всевозможныхъ спекуляціяхъ, и биржевой игрѣ. «Морни участвуетъ въ этомъ дѣлѣ»: вотъ какою фразою добивались спекулирующіе на различныхъ предпріятіяхъ.

Морни руководилъ искусственнымъ повышеніемъ и пониженіемъ бумагъ на биржѣ и опредѣлялъ высоту дисконта. И наконецъ, онъ позволялъ въ полномъ собраніи законодательнаго корпуса протестовать на себя векселя, самой ничтожной стоимости, превышавшей двуксотъ франковъ. Любители подобныхъ курьезовъ покупали ихъ для обогащенія своихъ коллекцій.

Смерть этого человѣка была роковымъ ударомъ для имперіи. У всѣхъ одно на языкѣ, одно на сердцѣ: «потеря эта невозмѣстима!»

Напряженное состояніе парижскаго рабочаго населенія продолжаетъ увеличиваться. Симптомы обнаруживаются по всѣмъ направленіямъ промышленной дѣятельности, такъ что враги стоятъ на

готовѣ другъ противъ друга. Благодаря проникательности второй имперіи, Парижъ соединилъ достаточное количество горючихъ элементовъ. Чудовищная перестройка столицы и централизація капитала сосредоточили въ Парижѣ до 416,000 людей, исключительно живущихъ поденнымъ трудомъ; и если включить сюда семейства, зависящія въ своемъ существованіи отъ своихъ работниковъ, то парижскій пролетаріатъ составитъ около милліона самаго дѣятельнаго и беспокойнаго населенія. Правительство уже давно обратило вниманіе на этотъ фактъ, и всѣми силами старается направить его въ свою пользу. Съ этой цѣлью оно придумало такія отрасли труда, которыя въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ толченія воды. Такъ, на примѣръ, оно реставрируетъ старыя памятники, строитъ новыя казармы и украшаетъ столицу новыми проспектами. Какъ палліативная мѣра, отводящая на время голодъ и недовольство пролетаріевъ, эта система удалась Наполеону III. Но удача не могла быть продолжительной, и теперь опять чувствуется надобность употребить такія средства, которыя бы дѣйствительно обезпечили вѣрный и постоянный трудъ за рабочимъ населеніемъ. Но какъ это сдѣлать? Вотъ вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго пыhtяты самыя добродѣтельныя мужи Франціи, въ родѣ сенатора Мишеля Шевалье и К°. Администрація, понимающая экономическія вопросы съ точки зрѣнія того мельника, который сыпалъ муку въ прорванный мѣшокъ и удивлялся его величинѣ, — всю силу экономического улучшенія обыкновенно полагала въ регламентаціи промышленнаго труда по методу Кольбера. Но метода эта, кромѣ разоренія, ничего путнаго не произвела въ странѣ. Кольберъ и Людовикъ XIV оставили Франціи 1000 милліоновъ долгу и 20 милліоновъ нищихъ, съ которыми пришлось такъ горько расплатиться въ концѣ прошлаго столѣтія. Старая регламентація съ безчисленными привилегіями рухнула, но на мѣстѣ ея явились новыя притязанія держать промышленную дѣятельность подъ строгимъ административнымъ надзоромъ. При Людовикѣ Филиппѣ эта система такъ процвѣтала, что работникъ, съ небольшимъ разлічьемъ, былъ на-вѣрнко закабаленнымъ слугою своего патрона. Патронъ имѣлъ полную *отеческую* власть надъ нимъ; онъ контролировалъ его поступки, совѣсть, аттестовалъ его способности и нравственность, назначалъ время труда, распредѣлялъ заработную плату и, когда угодно, могъ доѣхать его не мытьемъ, такъ катаньемъ. Послѣдующее законодательство эту отеческую власть постаралось укрѣпить новыми постановленіями, изъ которыхъ достаточно вспомнить одно, а именно полицейскій надзоръ за вся-

кимъ промышленнымъ заведеніемъ, гдѣ работало не менѣ двадцати человѣкъ. Само собою разумѣется, что капиталистъ не имѣлъ причинъ жаловаться на такое положеніе, и самодовольно потиралъ руки, не упуская случая и съ своей стороны угодить правительству. Такимъ образомъ, положеніе рабочаго населенія было вовсе не таково, чтобы содѣйствовать развитію производительныхъ силъ страны. Въ 1851 году, одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія представлялъ его въ слѣдующемъ видѣ: «невѣжество родителей, слабость дитяти, жадность патрона породили злоупотребленія и вопіющія насилія. Съ той и съ другой стороны слишкомъ часто забывали нравственный характеръ и цѣль ремесленнаго труда, и дѣлали изъ него пошорный торгъ.— Кто изъ васъ, господа, видя физическое истощеніе бѣднаго класса во всѣхъ большихъ промышленныхъ городахъ,—кто изъ васъ могъ смотрѣть равнодушно на этихъ бѣдныхъ дѣтей, усталыхъ, блѣдныхъ и до того истощенныхъ, что едва ли они могутъ дожить до возраста мужчины?» Дѣйствительно, многими изъ этихъ бѣдныхъ петровъ, состоявшихъ подъ отеческою властью патронновъ, удавалось достигнуть совершеннолѣтняго возраста. Десять часовъ ежедневнаго труда, отупляющаго и одуряющаго своимъ однообразіемъ, скверная, полуголодная пища и заразительный воздухъ мастерскихъ произвели такіа опустошенія въ рабочихъ классахъ, особенно среди дѣтей, что официальная статистика принуждена была долго умалчивать объ этомъ обстоятельстве.

Теперь стало ясно, что на отеческую власть патрона не очень можно рассчитывать, и потому въ парижскомъ рабочемъ населеніи явилось сильное стремленіе составлять ассоціаціи труда и взаимнаго кредита. Послѣ долгихъ и самыхъ горькихъ опытовъ, работникъ убѣдился, что съ неба не падаетъ благосостояніе, что, кромѣ его собственныхъ, самостоятельныхъ силъ, ему не откуда ожидать себѣ поддержки, что вся разгадка социальной проблемы—въ немъ самомъ, если только онъ сумѣетъ освободиться отъ тѣхъ нелѣпныхъ предрасудковъ, которые вели его отъ одной ошибки къ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что ассоціація, при самой лучшей ея организаціи, составляетъ только переходную форму полнаго экономическаго переворота, но она даетъ возможность сберечь силы, увеличить результаты производства, сократить время и обезпечить бѣдному классу болѣе спокойную жизнь. Повидимому, въ интересахъ общественной тишины, о которой и денно, и нощно хлопочетъ неуспѣшнѣйшій баронъ Гаусманъ, слѣдовало бы дать полную свободу этому стремленію; но правительство и тутъ нашло опасенія для своего будущаго. Оно парализируетъ ассоціативный трудъ и же-

ласть дать ему направлѣніе подѣ своей собственной инициативой. Въ людяхъ, помогающихъ ему въ этомъ дѣлѣ, разумѣется, нѣтъ недостатка, и Франціи угрожаетъ новая и страшная ошибка въ экономическомъ развитіи. — Я указываю на этотъ фактъ, какъ на явленіе, стоящее вниманія каждаго мыслящаго современнаго чело- вѣка.

Измумительная сила американской націи вполне развернулась во время ея продолжительной и колоссальной войны. Повидимому, четырехлѣтняя ожесточенная борьба, постепенно разыгравшаяся на пространствѣ двадцати тысячъ квадратныхъ миль и захватившая въ свой кругъ огромное населеніе Новаго Свѣта, должна была истощить и разорить страну. Такъ прежде и думали континентальные враги американской республики — Англія и Франція; такъ думала вся Европа, когда начались огромныя военныя приготовленія съ той и съ другой стороны, т. е. Сѣвера и Юга. Но теперь стало ясно, что такая нація, какъ американцы, обладающіе превосходными политическими учрежденіями и высоко развитой общественной жизнью, не такъ легко истощается, какъ мы привыкли думать по примѣрамъ старой Европы, гдѣ каждая значительная война врѣзывалась глубокими слѣдами бѣдствій въ жизни народовъ. Сѣверные штаты, напротивъ, не только не ослабѣли за послѣдніе четыре года, но еще больше окрѣпли; война вызвала новыя силы, открыла новые источники богатства, изобрѣтательности и всеобщаго воодушевленія. Благодаря этой войнѣ, американцы создали громадный военный флотъ, готовый помѣриться съ соединеннымъ флотомъ Англіи и Франціи; промышленная дѣятельность сѣвернаго свободнаго населенія усилилась на счетъ рабскаго труда негровъ и эксплуатирующаго сословія плантатаровъ; государственная касса, выпустившая около миллиарда на текущія военныя издержки, не имѣла надобности прибѣгать ни къ одному внѣшнему займу, и въ концѣ этого года будетъ находиться въ лучшемъ состояніи, чѣмъ французскій бюджетъ. Но что важнѣе всего, — американская республика провела въ самую жизнь великую идею своей свободы, которая до сихъ поръ осквернилась рабствомъ дѣт- ного племени; очистила правительственную систему отъ вредныхъ элементовъ, соединила и скрѣпила свой союзъ болѣе прочными узами, чѣмъ прежде. Теперь не будутъ уже господствовать

въ вашингтонской палатѣ защитники торгоа *африканскимъ мясомъ* и покровители такихъ людей, какъ обвинители и палачи Броуна; теперь сдѣлалось невозможнымъ ни одно юридическое и физическое убійство, которому постоянно подвергались враги южныхъ плантаторовъ. Это такое приобрѣтеніе для свободнаго народа, которое покупается у другихъ націй цѣлыми столѣтіями... Палата представителей, большинствомъ двухъ третей голосовъ, вотпировала измѣненіе конституціи, въ силу котораго невольничество уничтожено на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Эта палата, имѣвшая еще недавно только три пятыхъ голосовъ за освобожденіе, такъ измѣнилась послѣ избранія Линкольна и побѣды Шермана, что шестнадцать членовъ-демократовъ, вотпировавшихъ до сихъ поръ за сохраненіе рабства, теперь подають свой голосъ за его уничтоженіе, заявляя тѣмъ самымъ, что ихъ прежняя политика была негодною и вредною. Такимъ образомъ, республика возрождается во второй разъ къ жизни, еще болѣе славной, чѣмъ прежняя. Правда, актъ этотъ еще не ратификованъ тремя четвертями штатовъ, но это простая формальность, выполнение которой не можетъ затянуться на долго, и съ этой минуты принципъ свободы долженъ оплодотворить всѣ учрежденія Америки.

Страшный кризисъ, которому такъ мужественно сопротивлялись Соединенные Штаты, можетъ быть изучаемъ уже, какъ фактъ прошлаго. Страсти, возбужденныя во время великой борьбы, начинаютъ стихать, и со всѣхъ точекъ Сѣвера и Юга слышатся возгласы о мирѣ. Сгорѣвшій фениксъ вылетаетъ изъ огня болѣе сильнымъ и отважнымъ. Сама Англія начинаетъ раскаиваться въ томъ, что поддерживала южныхъ корсаровъ, въ томъ, что, обѣщая нейтралитетъ, способствовала сожженію столькихъ американскихъ торговыхъ судовъ, куневурировавшихъ съ нею. Британскій левъ, такъ гордо поднявшій голову во время дѣла Трента, начинаетъ теперь кокетливо видать хвостомъ, уклоняться отъ борьбы и, будите увѣрены, даже пожертвуетъ клочкомъ своей гривы, и сбереженія Гладстона пойдутъ на вознагражденіе Америки за опустошеніе, произведенное корсарами. Что касается французскаго правительства, то очень правдоподобно, что Буаси вѣрно выразилъ чувства американцевъ, говоря: «что эти 600,000 американскихъ мошенниковъ обрушатся на двадцати-тысячную мексикапскую армию и стануть преслѣдовать ее по пятамъ.»

Между тѣмъ, какъ борьба между рабствомъ и свободой кончается въ Сѣверной Америкѣ полнымъ торжествомъ, въ Южной Америкѣ начпнается борьба подобнаго же рода; можно надѣяться

что исходъ ея будетъ такой же.—Бразильская имперія, страна съ 8-ю милліонами жителей, старается завладѣть небольшою сосѣднею республикой, неимѣющей ни финансовъ, ни флота, ни войска, и населеніе которой едва ли доходитъ до 300 тысячъ. Однако же, не смотря на свою слабость, Урагуай не сдается, противопоставляя невольнической Бразиліи основной принципъ всѣхъ республикъ Колумбіи. Бразильская имперія, охваченная полукругомъ республикъ, защищающихъ достоинство трудящагося, право каждаго на землю, равенство расъ, свободу вѣроисповѣданій, не въ силахъ будетъ одолѣть своихъ свободныхъ сосѣдей и предписать имъ условія.

Война португальцевъ и ихъ потомковъ, бразильцевъ, съ населеніемъ сосѣднихъ колоній тянется непрерывно въ теченіи трехъ вѣковъ. Желая перешагнуть за предѣлы жаркаго пояса, бразильцы ищутъ возможности овладѣть территоріями умѣренныхъ странъ, лежащихъ къ югу, гдѣ бы они могли разводить скотъ, необходимый для содержанія рабовъ. Отсюда вытекаютъ безпрерывныя вторженія, частныя завоеванія и постоянная ненависть. Бразильцы очень вѣрно назвали свои морскія экспедиціи въ урагуайскую территорію *калифорнійскими*. Вѣрно богатство легче пріобрѣтается грабежомъ мѣстныхъ, чѣмъ добываніемъ золота въ скалистыхъ горахъ. Сядутъ бандиты на лошадей и, послѣ буйнаго набѣга, возвращаются домой, гоня передъ собою быковъ и лошадей; приводятъ они и плѣнныхъ негровъ и продаютъ ихъ за наличныя деньги въ отдаленныя плантаціи. Кроме того, множество спекуляторовъ, не страшась угрозъ и рассчитывая на слабость урагуайцевъ, насильственно заняли своими рабами самыя плодоносныя земли республики, хотя земли эти конституціею страны объявлены свободными. Такихъ рабовъ, принадлежащихъ бразильцамъ, насчитываютъ отъ 15 до 16 тысячъ челоувѣкъ. Отсюда неудовольствія, схватки, взаимныя оскорбленія, мѣстныя возмущенія и наконецъ вмѣшательство Бразиліи. Безъ объявленія войны, Бразилія наводнила своими войсками Урагуай. Сальто, Флорида, Сено были взяты; городъ Пизандръ, бомбардированный въ теченіи цѣлаго мѣсяца флотиліею адмирала Тамандаре, обращенъ въ пепель, и генераль, командующій гарнизономъ, изрѣзанъ въ куски; въ настоящее время столицѣ республики угрожаетъ опасность и съ суши, и съ моря.

Изъ послѣднихъ извѣстій видно, что серьезная осада Монтевидео еще не начиналась. Предводитель банды, Флоресъ, расположился съ кавалеріею въ сосѣдствѣ города; бразильскій флотъ высадилъ войска близь рѣки С. Лучіо, въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ

Монтевидео, и главныя императорскія силы, подъ предводительствомъ генерала Баррето, были уже на пути для подрѣпленія. Все войско, назначенное для осады столицы Урагуая, простирается до 10 тысячъ человекъ.

Всякая осада можетъ долго длиться въ этой странѣ, и Монтевидео, державшійся въ теченіи девяти лѣтъ подъ управленіемъ Розаса противъ осады, вѣроятно, былъ бы на столько силенъ, чтобъ устоять противъ Флореса и бразильцевъ, еслибъ значительный флотъ, снабженный отличной артиллеріею, не приготовлялся блокировать портъ и, такимъ образомъ, совершенно изолировать городъ отъ сосѣднихъ мѣстностей. Слабый гарнизонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, подвергается опасности, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сопротивленія, быть захваченнымъ въ плѣнъ. Если помощь не будетъ подана во время, то городъ, безъ сомнѣнія, падетъ и будетъ отданъ урагуайскому генералу Флоресу въ награду за его измѣну. И въ этомъ случаѣ бразильцы «съ полнымъ безкорыстіемъ» удовлетворились бы залогомъ половины республики, то есть, страны, простирающейся на сѣверъ отъ Рио-Негро и занимающей самыя плодородныя земли. Но если бы, къ несчастью, въ Урагуай возникли новыя смуты,—бразильское правительство было бы вынуждено, съ величайшимъ прискорбіемъ, снова занять Монтевидео и окончательно оставить его за собой «во имя мира, общественнаго спокойствія и цивилизаціи.» Этому требуетъ традиціонная политика Бразиліи.

Къ счастью, генераль Лопецъ, президентъ Парагуая, признавая необходимость солидарности сосѣднихъ республикъ, уже давно объявилъ, что сочтетъ вступленіе бразильскихъ войскъ на территорію восточнаго пояса за *casus belli*, и хотя бразильскій кабинетъ не удостоилъ его отвѣтомъ, тѣмъ не менѣе, онъ сдержалъ свое слово. Два отряда парагуайской арміи были посланы на границы имперіи. Сѣверный отрядъ, идя по верхнему теченью рѣки Парагуай, овладѣлъ, послѣ кровопролитной битвы, фортомъ Коимбра и занялъ, вслѣдъ за тѣмъ, одни за другими всѣ укрѣпленія и деревни, расположенныя по берегу, на протяженіи болѣе 300 километровъ. Южный отрядъ, болѣе сильный, сгруппировался въ Энкарнаціи, на берегу Рио-Парана, а по послѣднимъ свѣдѣніямъ, авангардъ изъ четырехъ тысячъ человекъ перешелъ нейтральную страну древнихъ іезуитскихъ миссій и 17 января овладѣлъ бразильскимъ городомъ С. Франциско де-Боржіа. Большая часть арміи идетъ прямо къ урагуайскимъ границамъ, чтобъ зайти съ тылу войскамъ, осаждающимъ Монтевидео. Съ то же время двухъ-тысячный отрядъ вос-

точной кавалеріи проникъ въ бразильскую провинцію Рио-Гранде-до-Суль и, объѣхавъ плантаціи, провозгласилъ освобожденіе рабовъ. Послѣ того, какъ правительство Рио-Жанейро признало банду измѣнниковъ Фореса воюющею стороною, обѣ республики, Урагуайская и Парагуайская, объявили, что заранѣе признаютъ воюющею стороною всѣхъ бразильскихъ негровъ, которые потребуютъ возвращенія свободы.

Это важныя новости. Не только имперіалисты не имѣютъ силъ снова занять верхній Парагуай, отъ котораго они отдѣлены огромными пустынями, непроходимыми лѣсами и глубокими рѣками, но даже сомнительно, чтобъ они могли съ успѣхомъ защититься противъ парагуайской арміи, которая угрожаетъ отрѣзать имъ отступленіе, возмущивши въ ихъ тылу провинцію Рио-Гранде-до-Суль и пробудивши въ немъ воспоминаніе о старой республикѣ, которую нѣкогда защищали Гарибальди и его мужественные товарищи по оружію.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время много совершается страшныхъ, чудовищныхъ событій, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться своимъ безобразіемъ съ поведеніемъ Бразиліи. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ эта донкихотская имперія предъявляетъ претензію защищать права слабыхъ и угнетенныхъ противъ насилія Англіи. Она энергически протестовала всякій разъ, какъ только англійскіе корабли появлялись въ бразильскихъ водахъ съ грузомъ негровъ или захватывали коммерческія суда подъ предлогомъ вознагражденія за обиды, будто бы наносимыя британскому флагу; она не упускала ни одного удобнаго случая, чтобы не порисоваться какой нибудь политической добродѣтелью, когда доходило дѣло до насильственнаго завладѣнія англичанами и французами береговыхъ портовъ беззащитной страны, а теперь сама же, не объявляя войны, хочеть захватить цѣлую территорію и обратить въ рабство цѣлую страну. Этого мало; добродѣтельная Бразилія, такъ долго поучаемая всевозможными католическими миссіонерами, чуть не живьемъ сдираетъ кожи съ своихъ плѣнниковъ и отнимаетъ у нихъ послѣднее достояніе. Но кто знаетъ, какое вліяніе произвело испанское правительство вездѣ, гдѣ оно основывало свое господство мечомъ, тотъ не станеть ничему удивляться въ поведеніи такой имперіи, какъ Бразильская.

Жакоъ Леоренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРОВИНЦІЯ.

Что такое бѣдныя третьяго сорта въ гор. Тотъмъ? — Специальность занятій этого нищаго люда. — Заработная плата и образъ празбанія его. — Общій уровень женскаго труда. — Бѣдныя четвертаго сорта. — Занятія и образъ жизни этого класса: одежда и ѣда. — Морковь, какъ лѣкомство тотемскаго прекраснаго пола. — Гастрономическая и кулинарная изобрѣтательность Тотъмъ. — Всеобщая косность и тупость населенія. — Прожиточные. — Происхожденіе этого класса. — Экономическая его неподвижность. — Вліяніе чиновничьяго лоска на прожиточныхъ и обратно — вліяніе ихъ на другіе нисшіе слои. — Образъ жизни прожиточной двѣицы. — Что такое провинціальная амбиція? — Значеніе женскаго труда въ мѣщанскомъ сословіи. — Образованные Тотъмъ. — Сколько ихъ и въ чемъ состоитъ это образованіе?

V.

БѣДНЫЕ ТРЕТЬЯГО СОРТА.

Бѣдныя третьяго сорта по достатку мало чѣмъ отличаются отъ нищихъ. Будетъ правильнѣе сказать, что они отъ нихъ совсѣмъ не отличаются. Къ этой категоріи принадлежать почти исключительно старухи, вѣщюница взрослыхъ дочерей. Людямъ этимъ трудно жить, потому что женскій трудъ и старухъ, и молодыхъ вознаграждается

въ Тотмѣ самымъ жалкимъ образомъ. Приведу примѣръ. Вотъ мать 67 лѣтъ и дочь, дѣвушка 21 года. Старуха еще довольно бойкая и расторопная не по лѣтамъ; но въ дочери замѣтна преждевременная старость. Ее состарилъ сдѣлкомъ ранній, усиленный трудъ, потому что нужда заставила ее еще десятилѣтней дѣвочкой исполнять работу взрослыхъ. Мать и дочь живутъ вмѣстѣ на квартирѣ; за наемъ ея онѣ ничего не платятъ, но отапливаютъ домъ пополамъ съ хозяйкой. Это составитъ въ мѣсяцъ копѣекъ тринадцать, и вотъ по какому расчету. Лѣтомъ отопленіе не стоитъ ничего, кромѣ труда, потому что старуха собираетъ на постройкахъ, в гдѣ случится, щепочки и чурки. Случается, что Богъ пошлетъ и топлякъ, т. е. утонувшія сплавныя дрова, оставшіяся на берегу послѣ убыли воды. Про описываемую старуху я ничего не знаю, но другіе мнѣ казались, что пль случается согрѣшить и воровствомъ. Но бѣдный не обдѣлтъ бѣднаго: крадутся дрова, принадлежащія первому тотемскому богачу, купцу Кокореву, вмѣющему подлѣ города сельскія варницы. Кража эта совершается, впрочемъ, въ формѣ невозможнаго невинной, безъ насилія и грубостей: старушонка заберется на берегъ, гдѣ стоятъ дрова, слязнить три-четыре полѣна и улепетываетъ, чтобы ее никто не замѣтнѣлъ. Зимой описываемая старуха старается продовольствоваться тоже по преимуществу щепочками и чурками; но какъ тѣхъ и другихъ зимой бываетъ мало, потому что, за исключеніемъ кабаковъ, другихъ построекъ не производится, то приходится, по необходимости, покупать дрова. Дрова покупаются, конечно, самыя дешовешкія, по 15 к. за возъ, и два воза достаютъ на три недѣли. Слѣдовательно, по расчету зимнихъ мѣсяцевъ, старуха истратила въ годъ 4 р. 60 к. или 13¹/₂ к. въ мѣсяцъ. Если сосчитать весь трудъ, употребленный на собираніе щепочекъ и разныя мелочныя услуги, оказываемыя старухой и ея дочерью хозяйкѣ дома, то, вѣроятно, квартира обойдется имъ не дешевле 25 копѣекъ. Но едва ли весь этотъ дополнительный трудъ правильно переводится на деньги; если въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ время считается деньгами, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ Тотмѣ могли существовать подобныя же экономическія принципы. Время, какъ экономическая величина, здѣсь — нѣчто совсѣмъ особенное, и его нельзя измѣрять никакимъ масштабомъ, кромѣ тотемскаго. Впрочемъ, полагаю, что устьсыольскій и вольтычегодскій масштабы должны быть того же размѣра. Чтобы

время было дешьгами, нужно, чтобы каждую минуту можно было произвести что нибудь полезное въ объёмъ на другое полезное. Но что же полезное можетъ произвести тотемскій житель каждую минуту, въ особенности, если этотъ житель—старая баба? Она не пашеть, не жнеть, не шьеть сапоговъ и платья, однимъ словомъ, не дѣлаетъ ничего такого, что дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ мужчины и даже женщины. Баба умѣетъ здѣсь только мыть полы и обнаруживать при этомъ особенный талантъ въ обращеніи съ полами неврашенными. Главнѣйшая сущность этого дѣла заключается въ томъ, чтобы посыпать мокрый вѣнникъ крупнымъ пескомъ (дресвой) и затѣмъ тереть полъ, на сколько хватитъ силы и усердія. Полъ, выскобленный такимъ инструментомъ, получаетъ дѣйствительно необычайную бѣлизну, потому что здѣсь совершается, нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, процессъ струганья, и доски изъ старыхъ превращаются въ новыя. Дѣло, конечно, не ограничивается однимъ струганьемъ; послѣ тренія дресвой, производится всполаскиванье чистой водой и сушка половиками. Чтобы вымытъ по этому способу этажъ въ двадцать пять квадратныхъ сажень (пять сажень длины, пять ширины), сѣни и лѣстницу, нужно трудиться съ 8 часовъ утра до 3—4 послѣ обѣда, вочти не переставая. Коротенькій отдыхъ до-стается на завтракъ и на обѣдъ. Сплошной работы можно считать отъ шести до семи часовъ. И за подобное упражнзніе, при которомъ тратится мускульнаго труда не менѣе, чѣмъ за то же время у пильщика, платится отъ 10 до 15 копѣекъ. Десять копѣекъ—плата обыкновенная, а 15—не то, чтобы роскошь, а во всякомъ случаѣ, баловство, портящее только цѣну. Изъ этого оказывается, что за часъ непрерывнаго труда платится отъ 1 $\frac{1}{2}$ до 2 копѣекъ, или за минуту отъ 0,025 до 0,033 копѣйки: величины совершенно микроскопическія; а это еще одно изъ выгоднѣйшихъ занятій! Пильщикъ въ то же время получаетъ 60 к. т. е. его трудъ въ шесть разъ прибыльнѣе, хотя потеря силъ одинакова. Конечно, если бы мытье половъ производилось каждый день, то жить бы еще можно; но этотъ прибыльной для тотемскаго прекраснаго пола трудъ составляетъ рѣдкость, какъ всё прибыльныя занятія. Въ Тотмиѣ можно считать, по меньшей мѣрѣ, двѣсти женщинъ, которыя охотно пошли бы мыть полы, но ихъ похвальное стремленіе къ трудолюбію не можетъ найти удовлетворенія по недостатку половъ. Въ большей части домовъ, полы мыются прислугой или самими хо-

заволами. Положенокъ приглашаютъ или холостые, или вѣнчанные женщины прислуги, или прожиточный мѣщанинъ, дочери котораго, по деликатности своего воспитанія, сидятъ больше слома руки, или же мѣстная знать. Во всякомъ случаѣ, число домовъ, куда зовутъ попомоекъ, составляетъ не болѣе 50, да и въ нихъ производится мытье разъ въ мѣсяцъ или рѣже. Такимъ образомъ, нѣв двусотъ желающихъ могутъ быть приглашены на мытье помоекъ въ мѣсяцъ только пятьдесятъ, или каждой пришлось бы идти одинъ разъ въ четыре мѣсяца. Но какъ каждый домъ имѣетъ своихъ постоянныхъ помоекъ, то очевидно, что только пятьдесятъ изъ нихъ имѣютъ постоянную практику, а остальнымъ ста пятидесяти можетъ выпасть эта работа только случайно. Общій выводъ тотъ, что счастливица, которой фортуна полагаетъ неслыханнымъ образомъ, посылать ей въ мѣсяцъ два мытья, получить въ годъ около 3 рублей, для чего ей необходимо 26 рабочихъ дней; затѣмъ остается еще 339 дней, въ которые нужно заняться тоже чѣмъ нибудь, чтобы не умереть съ голоду.

Бѣдныхъ людей, обыкновенно, укоряютъ въ томъ, что они любятъ веселиться; но это больше ничего, какъ остроумная выдумка людей богатыхъ: бѣдные веселятся гораздо меньше, чѣмъ тѣ, кому живется хорошо. Если читатель обратитъ вниманіе на количество великосвѣтскихъ баловъ, которое сочинитъ каждую зиму Парижъ, Лондонъ, Петербургъ, приложить къ этому всѣ маскарады, театры, рауты, пикники, концерты, катанья и т. д. и затѣмъ въ параллель съ этой утонченной и изящной веселостью поставить скромное воскресное праздничанье простолюдина, которое въ сущности не больше, какъ отдыхъ или пьяное праздничанье въ годовые праздники, продолжающееся всего три дня, а много недѣлю, — то окажется, что у простолюдина, противъ всѣхъ баловъ, театровъ, маскарадовъ, пикниковъ, концертовъ и другихъ увеселеній образованныхъ людей, всего только отъ одного до трехъ годовыхъ праздниковъ или отъ трехъ до девяти гуляющихъ дней въ годъ. Я знаю, что нѣвозвзятъ, что мастеровые пьянствуютъ по три дня въ недѣлю; но я говорю здѣсь не объ испорченномъ ремесленномъ населеніи большихъ городовъ; оно составляетъ совершенно ничтожную величину въ общей массѣ всего остального простонародья. То же простонародье, о которомъ я говорю; праздничаетъ мало, потому что если при его тепершнемъ трудѣ ему живется въ образъ, то при равносильномъ праздничаньи съ

великосвѣтскими людьми ему пришлось бы голодать. Каждый веселится на столько, на сколько позволяют ему средства, и столько пѣтеть прогульныхъ дней, сколько опредѣляется размѣромъ его заработка и уровнемъ потребностей. Поэтому, богачъ, имѣющій для завѣдыванія своими многочисленными фабриками, заводами и имѣніями—управляющихъ и прикащиковъ, можетъ преблагополучнымъ образомъ посвящать свое время влуду, баламъ и маскарадамъ, уделяя дѣлу три-четыре дня въ году. Но тотъ, кто долженъ добыть всѣ средства существованія своимъ личнымъ трудомъ, уже никакъ не можетъ посвятить дѣлу въ годъ три-четыре дня. Ему, напротивъ, позволено столько дней прогулять, а все остальное время онъ долженъ работать. При хорошо вознагражденномъ трудѣ, время, посвящаемое прогулу, можетъ быть, конечно, болѣе; точно такъ же, какъ болѣе можетъ гулять тотъ, чей трудъ хотя вознагражденъ и не особенно хорошо, но у кого низокъ уровеньъ потребностей, напримеръ, какъ у петербургскихъ мастеровыхъ. Но если трудъ вознагражденъ слабо и на бѣду еще не достаетъ нищи для экономической дѣятельности человѣка, то у такихъ людей, во-первыхъ, не на что праздновать; а во-вторыхъ, приходится или сидѣть иногда безъ работы, или же затрачивать много времени, чтобы получить мало выгоды. Въ этомъ положеніи находятся тотемскіе жители, и въ особенности здѣшнія женщины.

У счастливицы, для которой мытье половъ составляетъ такую прибыльную практику, какъ я принялъ выше, изъ 339 дней, оставшихся свободными, должны быть посвящены праздникамъ обязательно дней восемьдесятъ, т. е. всѣ воскресенья, пасха, рождество, масленица и затѣмъ храмовые праздники; приложивъ къ этому праздники чрезвычайные, напр. свадьбы, выйдетъ въ годъ прогульныхъ дней около ста. Затѣмъ остается 229 дней рабочихъ. Эти дни каждая женщина посвятила бы занятію наиболѣе прибыльному; а самое прибыльное занятіе въ Тотъмѣ есть мытье половъ. Читатель, конечно, изумляется, что мытье половъ или поденщина стирки бѣлья могутъ, по прибыльности своей, стоять на первомъ планѣ; но многоуважаемый читатель, забудьте, что вы живете въ Лондонѣ, въ Парижѣ или въ Петербургѣ. Ваши понятія о размѣрѣ прибыльности мускульнаго труда, превосходныя для столицъ и промышленныхъ центровъ, окажутся очень наивными, если вы заберетесь въ какое нибудь безмятежное захолустье. И въ захолустьи люди пьютъ и ѣдятъ, и въ за-

холустыи оми шевелятъ мозгами и производять руками и ногами различныя тѣлодвиженія, направленныя по преимуществу къ экономической цѣли. Но результаты всѣхъ этихъ шевеленій совсѣмъ иного размѣра: лошади нормандской породы возять по французскимъ шоссе тяжести баснословнаго размѣра; но та же самая лошадь по зырянской дорогѣ провезеть едва десятую часть. Тутъ мы еще предположили лошадей одной породы; а что провезеть по зырянской дорогѣ зырянская лошадь?—И такъ, въ Тотмѣ считается самымъ прибыльнымъ занятіемъ то, что въ Петербургѣ идетъ за трудъ наиболѣе чернорабочій и наименѣ выгодный. Но какъ и этотъ наивыгоднѣйшій трудъ, доставляющій человѣку въ день десять копѣтъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, можетъ представляться только въ теченіи 26 дней въ году, то въ остальные 229 приходится удовольствоваться заработкомъ менѣ выгоднымъ.

Старушка, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не можетъ, къ сожалѣнію, заняться наиболѣе выгоднымъ тотемскимъ трудомъ, потому что при немъ требуются упражненія, превышающія силы 67 лѣтнаго человѣка. Поэтому, мытьемъ половъ занимается у нея только дочь, а сама мать добываетъ деньги слѣдующимъ образомъ. Она носитъ воду секретарю какого-то присутственнаго мѣста и получаетъ за это 1 р. 20 к. ассигнаціями въ мѣсяць (здѣсь простые люди, а особенно старухи считаютъ все еще на ассигнаціи). А что значить носить въ Тотмѣ воду и получать за это 1 р. 20 к., читатель увидитъ сейчасъ. Нужно каждый день, навѣсивъ на коромысло два ведра, отправиться съ ними на р. Сухону; среднее разстояніе туда и обратно составляетъ около двухъ верстъ, причѣмъ приходится одолѣвать очень крутой береговой подъемъ. Чтобы выгодность этого труда опредѣлилась яснѣе, я приведу его къ самой простѣйшей формѣ расчета. Всѣ ведра воды фунтовъ въ двадцать, значить, въ двухъ — пудъ. Въ теченіе мѣсяца будетъ принесено 60 ведеръ или 30 пудовъ. Для того, чтобы ихъ принести, нужно пройти 30 верстъ безъ тяжести и 30 верстъ съ грузомъ. Такимъ образомъ, за 60 верстъ ходьбы, и въ томъ числѣ 30 съ тяжестью въ одинъ пудъ, платится 1 р. 20 к. ас. Но эти 1 р. 20 к.—плата выше дѣйствительной; собственно за носку воды платится 30 к., а остальные 90 старуха получаетъ, чтобы наносить каждый день въ комнаты дровъ и ходить на рѣку полоскать бѣлье. Конечно, плата нероскошная, потому что въ день придется всего 1 $\frac{1}{6}$ коп. сер.; но старуха доволь-

на и тѣмъ; во-первыхъ потому, что нитю не дасть больше; а во-вторыхъ, что жена секретаря благодѣтельствуетъ зарѣдья, — то дасть прожить, то къ празднику гривенникъ. — Имѣеть старуха и другой домъ, куда носить воду; но какъ тамъ она не носить дровъ и не полощеть бѣлья, то и получаетъ въ мѣсяць только 30 к. Но и тутъ благодѣтели не покидаютъ старуху: къ рождеству хозяйинъ подарилъ ей двугривенный. Дочь тоже носить воду и, вмѣстѣ съ мытьемъ половъ, достанетъ въ мѣсяць около 90 к. Такимъ образомъ, денежный доходъ семьи составитъ въ мѣсяць рубля полтора.

Но за мытьемъ половъ и ноской воды остается еще много свободнаго времени; оно тоже реализуется въ деньги, но эта реализація еще менѣе выгодна. Тотъма вяжетъ чулки и прядетъ нитки. Зимой готовится пряжа и нитки, а чулки вяжутся лѣтомъ. Причина такого распредѣленія занятій въ томъ, что лѣтомъ со льномъ дѣлать нечего: онъ расстать еще въ полѣ; осенью его выдергиваютъ, мочутъ, треплютъ и вообще готовятъ къ дѣлу, а въ издѣлія онъ превращается во время лѣтняго досуда. Если мытье половъ и носка воды составляютъ самое прибыльное занятіе, то конечно, воображеніе столичнаго человѣка должно яряться въ смущеніе отъ трудности разрѣшенія вопроса: — что же должны давать занятія менѣе выгодныя? — То, что услышите теперь отъ мнѣ, читатель, конечно могло бы показаться неправдоподобнымъ, если бы оно не было дѣйствительно и не подтверждалось фактами. Издѣлія женщины готовятъ нитки и носки или изъ своего льна; покупая его у крестьянъ или у мѣщанъ, или же обрабатываютъ чужой материалъ; т. е. получаютъ заказы и сырье отъ купцовъ. Последняя форма производства гораздо удобнѣе для опредѣленія степени пригодности труда, и потому я буду говорить только объ ней. — За приготовленіе клубка нитокъ на носки платится одна копейка, и въ день можно приготовить 4 клубка, слѣдовательно, заработать 4 копейки серебромъ. Работа эта заключается собственно въ сузениіи. За приготовленіе на мотовилѣ пряжи для тканья платится за 40 восьмидесятихъ нитокъ или за 720 аршинъ 1 копейку; въ неделю можно приготовить 10 такихъ паръ и получить за нихъ, слѣдовательно, 10 копѣекъ. За пару носковъ изъ готоваго материала платится 6 копѣекъ; пару можно связать въ два дня и заработать поэтому въ день 3 копейки; но есть такия искусницы изъ старухъ — Впрочемъ чрезвычайно рѣдко, — которыя вяжутъ въ день дѣлую пару

и за такую гениальность награждаются 6 коп. Чтобы приобрести такую удивительную богатства, нужно работать целый день съ утра до вечера. Тѣ же цѣль достойныхъ удивленія тотемскихъ Пенелопъ, которыми средства позволяютъ вунуть рубля на 2—3 льну, занимаются сами всѣми разнообразными процессами для приведения его въ состояніе нитокъ и чулковъ. Усердная и состоятельная старуха свяжетъ въ лѣто не болѣе 30 паръ и продастъ пару отъ 18—20 к., причѣмъ чистая прибыль составитъ немного болѣе 2 руб. сер. Для приобретения такого богатства, нужно проработать почти всю зиму и половину лѣта. Изъ всего этого слѣдуетъ слѣдующій сравнительный выводъ степени выгоды здѣшняго женскаго труда:

Мытье половъ даетъ отъ 10 до 15 к. въ день или отъ 0,025 до 0,033 въ минуту дѣйствительнаго труда.

Носка воды даетъ въ часъ 1 к. сер. или въ минуту 0,016 коп.

Сученіе нитокъ на чулки даетъ въ часъ 0,4 коп. или въ минуту 0,007 коп.

Приготовленіе на мотовилѣ пряжи—въ недѣлю 10 к., въ часъ 0,16 коп. въ минуту 0,002 коп.

Вязанье чулковъ—въ часъ 0,3 коп., въ минуту 0,005 копѣйки.

Такимъ образомъ, самымъ выгоднымъ занятіемъ оказывается опять-таки мытье половъ, и не потому собственно, чтобы оно приносило въ минуту 0,025 к., а потому что, кромѣ этого дѣйствительно огромнаго заработка, поломойка получаетъ отъ хозяевъ завтракъ и обѣдъ. Всѣ остальные занятія производятся работницами на своемъ хлѣбѣ. Носка воды хотя по денежной выгодѣ занимаетъ и второе мѣсто послѣ мытья половъ, но имѣетъ много своихъ неудобствъ: нужно работать на воздухѣ, не смотря ни на какую погоду, — ни на дождь, ни на снѣгъ, ни на вьюгу и мятель. Что бы ни происходило на дворѣ, хотя бы землетрясеніе, а за водой идти надо непремѣнно. Работа эта портитъ болѣе другихъ платье и обувь. По всѣмъ этимъ причинамъ ношеніе воды считается одной изъ послѣднихъ работъ и занимаются ею только самые бѣдные люди.

Совсѣмъ другое — сученіе нитокъ и вязанье чулковъ. Дѣло это болѣе всего въ женскомъ характерѣ: нужно сидѣть на мѣстѣ и производить миллионы разъ средю однѣ и тѣ же движенія, способныя почтенныхъ Пенелопъ довести до поднаго оступленія, если бы онѣ имѣли не владѣли уже прежде. Въ то время, какъ стиркой половъ и доской воды занимаются самые бѣдные люди, состоящіе мѣщанскіе

поддонки, — сученьемъ нитокъ и вязаньемъ не гнушается не только мѣщанская аристократія, но даже и женщины изъ купечества. Вообще, это дѣло хорошее, потому что имъ можно заниматься, сидя въ четырехъ стѣнахъ, слѣдовательно, сохранить вполне не только всѣ семейныя добродѣтели, которыми рискуютъ женщины, работающія внѣ дома, но даже и не омрачить своей репутаціи, которая для тотемскихъ жителей составляетъ главнѣйшую сущность жизни. Такимъ образомъ, если сученье нитокъ даетъ всего выгоды 0,007 коп. въ минуту, за то сберегаетъ башмаки и добрую славу, и во всякомъ случаѣ, по экономическимъ понятіямъ здѣшнихъ мѣщанъ, принадлежитъ къ труду честному и благородному. Въ этомъ отношеніи тотемцы до сихъ поръ пребываютъ въ понятіяхъ времени древняго міра, и здѣшняя мѣщанская аристократія не знаетъ болѣе великаго наслажденія, какъ проводить время въ праздности или заниматься деликатными работами, какъ вышиванье гладью, вышиванье иѣтокъ на бѣльѣ — и конечно, на бѣльѣ деликатнаго свойства, напримѣръ, на носовыхъ платкахъ, — а не на томъ сортѣ мужского бѣлья, которое и, изъ уваженія къ своимъ провинціальнымъ читательницамъ, назову кальсонами.

Но деликатныя понятія, имѣющія право жить только въ деликатныхъ головахъ дѣвицъ изъ мѣщанской аристократіи, не могутъ существовать въ головахъ бѣдныхъ третьяго сорта, потому что съ такой деликатностью не мудрено подвергнуться непріятности голодной смерти. Поэтому, бѣдные люди считаютъ равно почтеннымъ всякій трудъ, дѣющій пищу ихъ пустымъ желудкамъ. Съ сожалѣніемъ, такой благородный образъ мыслей вознагражденъ недостаточно, и, не смотря на полное желаніе бѣдняковъ работать, они иногда, по необходимости, должны сидѣть сложа руки. Напримѣръ, мытье половъ — дѣло очень выгодное, и каждая женщина согласилась бы охотно заниматься имъ каждый день, потому что, кромѣ 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, она имѣла бы еще готовый и плотный завтракъ и обѣдъ. То же самое и относительно пряжи, цитокъ и чулокъ. Но какъ въ городѣ имѣется только точно-опредѣленное число полей, несоответствующее числу желающихъ отскоблить ихъ вѣйникомъ съ дресвой, такъ точно на свѣтѣ существуетъ извѣстное число лицъ, нуждающихся въ тотемскихъ чулкахъ. Удовлетворить всѣхъ этихъ жаждущихъ очень не трудно, такъ что затѣмъ остается у тотемскихъ Пенелопъ еще свободное время, которое оказывается совершенно не-

возможнымъ превратить въ деньги, — будь это хоть одна дециллионная часть колѣбѣи. Вотъ этотъ-то десугъ моя 67-лѣтняя старушка и посвящаетъ услугамъ своей домашней хозяйки и даже своимъ запамятымъ. Трудъ этотъ не оцѣнивается на деньги, но онъ вознаграждается морѣмъ угощеніемъ чаемъ, какимъ нибудь пирожкомъ (только не думайте, что съ начинкой: русскій человѣкъ изобрѣлъ особенный родъ пироговъ, называемыхъ съ «лѣтомъ») или даже просто ласковымъ словомъ и обѣщаніемъ угостить чаемъ когда нибудь, современемъ.

Выше я сказывалъ, что моя старушка съ дочкой добываютъ въ мѣсяцъ деньгами рубля пштора. Чулки и нитки дадутъ имъ въ годъ не болѣе 3 руб. Значитъ, весь ихъ годовой доходъ будетъ рублей двадцать съ небольшимъ. Кажется, жить совершенно невозможно, а люди не только живутъ, а еще и пьютъ чай, разумеется, не такъ, какъ мы съ вами, читатель. Такое чудо совершается слѣдующимъ образомъ. На мой вопросъ: «пьешь ли ты, бабушка, чай?» Старушка отвѣтила: «чай пью; какъ похожу — раде и чайку; въ нашемъ дѣлѣ безъ него нельзя: имъ только и отосрѣшься». — И затѣмъ объяснила, что она покупаетъ чаю и сахару сразу не болѣе, какъ на 10 к. ассигнаціями, т. е. чаю золотникъ — на 2 к. сер. а сахару на 1 к.: «та день на двухъ и будетъ». И всѣ остальные предметы покупаются точно такъ же по мелочи, и потому, разумеется, обходятся гораздо дороже. «Какъ пароботаю, то и чуплю на 9 к. 5 фунтовъ ржаной муки, а какъ побольше, то и дешевле», сказала бабушка и затѣмъ прибавила: «Вотъ работаешь, гдѣ пирожокъ, гдѣ что, а не достанешь — и попрошу: я вѣдь не стыжусь». Этимъ способомъ старуха добываетъ отъ разныхъ своихъ добродетелей гдѣ говядинки немножко, сырой или вареной — чаще, разумеется, вареной, — гдѣ трески, а клубный поваръ даетъ иногда и шей; разумеется, послѣднее дѣлается не съ благотворительной цѣлью, а потому, что онъ заставить старуху вымыть у себя полы или сдѣлать другую работу, за которую считаетъ для себя выгодною заплатить натурой, т. е. разными негодными ему клубными остатками; но старуха, по своему добродушію, этихъ тонкостей понять не умѣетъ и считаетъ повара своимъ благотворителемъ. Но и всего этого все-таки недостаточно, и потому старуха дѣлаетъ лѣтомъ разные запасы, особенно для постныхъ дней. Съ этой цѣлью она собираетъ и сушитъ или солить разные грибы и бруснику.

Потому что женскій трудъ пользуется въ Тотмѣ такимъ незначительнымъ вознагражденіемъ, положеніе одинокихъ женщинъ здѣсь до того трудно, что каждую изъ нихъ, если она принуждена жить исключительно своимъ личнымъ трудомъ, можно считать безошпочно полу-нищей. По расчету, который я сдѣлалъ въ первой статьѣ, такихъ одинокихъ женщинъ здѣсь 232, а исключивъ изъ нихъ 50 нищихъ, останется 180, перебивающихся день за день, какъ одинокая старуха съ дочкой. Нѣтъ здѣсь ни торговли, ни промышленности, ни ремесла, ни фабрикъ. Крыжанычъ бы сказалъ, что умы у жителей Тотмы—восны и ничего они не могутъ придумать, и потому сидятъ всѣ сиднями или занимаются такими дѣлами, которыя, вѣроятно, и на островѣ Мадагаскарѣ или на Алеутскихъ островахъ не считаются выгодными.

Для полноты описанія, слѣдовало бы еще сказать, какимъ образомъ, т. е. на что расходуетъ старуха свой приходъ: что она пьетъ и ѣсть и во что одѣвается. Но объ этомъ я скажу въ четвертой главѣ, при описаніи четвертаго сорта тотемскихъ богачей.

VI.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОРТЬ.

Этотъ четвертый сортъ, по уровню потребностей, размѣру денежныхъ средствъ и образу жизни, не отличается почти ничѣмъ отъ третьяго сорта бѣдняковъ. Разница между ними заключается не въ приходѣ, а въ способахъ его приобрѣтенія. Одинокая старуха, если на что не хватаетъ ея собственныхъ силъ, пойдетъ къ своимъ добротамъ и у нихъ выпроситъ; но четвертый сортъ — сортъ гордый: онъ не проситъ, а выкручивается самъ, и хотя живетъ такъ же бѣдно, какъ и всякая одинокая старуха, но за то не одоляется. Силу этому сорту бѣдняковъ даетъ присутствіе мужчины, поэтому и размѣръ матеріальнаго благосостоянія семьи зависитъ исключительно отъ талантовъ главы семейства. Вотъ пильщикъ, зарабатывающій въ день отъ 25 до 60 к.; у него жена и пятеро карапузиковъ; младшій лежитъ еще въ люлькѣ, а старшему семь лѣтъ. Семья живетъ хорошо, т. е. изба стоитъ прямо, тараканы выморожены, жена одѣта опратно, въ домѣ водятся сальные свѣчи, которыя хотя жгутся

и не всегда, но все-таки жгутся. Въсть пыльщикъ, по здѣшнему, превосходно, потому что въ скоромные дни у него всегда говядина, а въ постные—рыба; отъ этого и вся семья смотритъ весело, ребятишки жирные, баба здоровая, а въ люлькѣ барахтается такой здоровякъ, что можно дать ему два года, тогда какъ ему далеко еще нѣтъ и одного. Папскосокъ пыльщика живетъ другое семейство въ покачнувшейся, старой избѣ, которой не суждено никогда выпрямиться. Семейство составляетъ мать 60 лѣтъ, сынъ 33 лѣтъ, его жена 35 и у нихъ дочь 4 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, другой сынъ 16 лѣтъ и двѣ дочери—одна 20, другая 18 лѣтъ. Значитъ, всѣ взрослые и всѣ работники; а при семи работникахъ можно бы, кажется, жить хорошо. Между тѣмъ, семья живетъ бѣдно-пребѣдно, потому что на общее прокормленіе работаетъ только одинъ большакъ, а все остальное лишь въсть. Старшій братъ имѣлъ прежде специальное занятіе: онъ лилъ свѣчи на тотемскомъ свѣчномъ заводѣ. Теперь же эта специальность кончилась, потому что у хозяйки завода подростъ сынъ и сталъ работать самъ. По размѣру тотемской потребности, совершенно достаточно одного свѣчного мастера, потому что подѣдетъ пудъ или полтора сала, хозяйскій сынъ мигомъ выльетъ изъ него свѣчи, и затѣмъ до новой отливки наслаждается безмятежнымъ покоемъ; слѣдовательно, два мастера—очевидная роскошь. Оставшись за штатомъ, прежній свѣчной мастеръ долженъ былъ измѣнить свою специальность; а какъ другихъ талантовъ, кромѣ свѣчного, у него не оказалось, то онъ и очутился въ положеніи человѣка, стоящаго на распутьи и незнающаго, идти ли ему на право или на лѣво. Теперь, т. е. въ тотъ моментъ, когда я пишу эту статью, экс-свѣчной мастеръ вяжетъ за подепную плату бунты и выручаетъ въ недѣлю 1 рубль, изъ котораго пропиваетъ 20 к. «Этой работы достанетъ ему до пасхи; затѣмъ, съ вскрытіемъ Сухоны, онъ пойдетъ въ лямку, чѣмъ и займется все лѣто, до самаго льду. За путь въ Вологду и обратно платится 5 р., и совершается онъ въ 2 — 3 недѣли; талыхъ двойныхъ концовъ сдѣластъ онъ въ лѣто 12, слѣдовательно, получить 60 рублей, изъ нихъ пропить 12, и чистой выручки останется 48 рублей. Затѣмъ наступитъ голодное зимнее время. Въ шипѣшнюю зиму, до рождества, экс-свѣчной мастеръ заработалъ всего 5 рублей. Такимъ образомъ, его годовой денежный заработокъ, за исключеніемъ того, что будетъ пропито, составляетъ 61 рубль: изъ нихъ на подати и повинности за двухъ пужно отдать до 2 р. 50 к., и останется на прожитокъ

58 р. 50 в. Шестнадцатилѣтній братъ до снѣхъ портъ не дѣлалъ ничего или, лучше сказать, занимался такъ дѣломъ, котораго его домашніе стыдятся: онъ собиралъ милостыню по глухимъ улицамъ. Но съ будущаго года хозяинъ беретъ его съ собой въ ляжку.—Что же касается до прекраснаго пола, то заработки его извѣстны: старуха мать больше всего сидитъ на печкѣ или занимается кос-чѣмъ дома; жена старшаго сына хозяйничаетъ и кормитъ своего грудного ребенка; двадцатилѣтняя дочь ходитъ мыть полы, восемнадцатилѣтняя живетъ теперь въ услуженіи и получаетъ за это жалованья 50 в. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, женщины прядутъ нитки, важутъ чулки и ткутъ для домашняго употребленія холсты. Женскій заработокъ не обращается обыкновенно въ общую кассу, а расходуется каждой дамой на свой собственный гардеробъ. Подспорьемъ служить огородъ, въ которомъ Пенелопы сажаютъ картофель, свеклу, морковь, брюкву и лукъ. Изъ нихъ четыре предмета съ специальнымъ назначеніемъ для кухни, а морковь—для забавы дѣвицъ, какъ лакомство. Кромѣ того, прекрасный полъ ходитъ лѣтомъ въ окрестные лѣса и собираетъ грибы и ягоды, служащіе пищей въ постные дни.

Вотъ еще одна семья изъ того же сорта богачей: старуха-бабушка, положительно неспособная ни къ чему болѣе, какъ сидѣть на печи; ея сынъ 50 лѣтъ; его жена почти того же возраста; ихъ сынъ солдатъ 24 л. и его жена 22 лѣтъ; другіе дѣти большаки: дочь 22 лѣтъ, дочь 14 лѣтъ, три сына 13, 9 и 6 лѣтъ. Главнымъ работникомъ здѣсь старшій сынъ, служащій на солонныхъ варницахъ Кокорева. Жалованья ему полагается 5 руб. въ мѣсяцъ, но оно выдается не деньгами, а мукой по постоянной цѣнѣ, нѣсколько выше базарной въ обыкновенные годы и значительно ниже въ годы неурожая. Кромѣ того, къ большимъ праздникамъ выдается еще и говядина, напримеръ, къ рождеству, къ пасхѣ, фунтовъ по пятнадцати. Положеніе этой семьи гораздо хуже, чѣмъ описанной выше, потому что вся тяжесть содержанія дома лежитъ на отцѣ. Его сынъ, солдатъ, служитъ въ здѣшней командѣ и работаетъ въ канцеляріи командира съ 8 часовъ утра и, кажется, до 5 или 6 вечера; такъ что, не смотря на свои разнообразные таланты, онъ не вноситъ въ домашнюю сокровищницу ни копѣйки. Таланты же солдата слѣдующіе: онъ учился въ тотемскомъ уѣздномъ училищѣ, и потому умѣетъ не только читать и писать, но даже знаетъ, кто были Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ; эти обширныя знанія пошли ему, однако, въ убы-

токъ, потому что его засадили въ канцелярію; кромѣ того, онъ знаетъ малярное ремесло и даже умѣетъ приготовить водку, потому что цѣлый годъ работалъ при водочномъ мастерѣ, когда былъ въ Тотмѣ откупъ. Всѣ эти таланты погибають втунѣ, а грамотность, даже положительно идетъ въ убытокъ. Конечно, человѣкъ болѣе предприимчивый не потерялъ бы даромъ своего вечера; но нашъ солдатъ по вечерамъ или отдыхаетъ, или—что случается впрочемъ очень рѣдко,—подшиваетъ кожей старые валенки. Въ то же время солдатъ заявляетъ свое удивленіе, смѣшанное съ завистью, къ необычайной дѣятельности солдатъ-евреевъ. Напримѣръ, онъ чувствуетъ вполнѣ свое ничтожество предъ евреемъ-барабанщикомъ, который нынче купитъ самоваръ и заплатитъ за него 10 руб. сер., а завтра продастъ за 11 р.; благоговѣтъ нашъ солдатъ также предъ богатствами еврея-цирюльника, извѣстнаго въ Тотмѣ подъ названіемъ «новаго», хотя онъ служитъ въ здѣшнемъ горнизонѣ болѣе 10 лѣтъ. Это удивленіе и остается только удивленіемъ и ни на волосъ не убавляетъ обломовщины и инерціи солдата, который понимаетъ при этомъ очень хорошо, что богатство тотемскихъ евреевъ происходитъ отъ ихъ дѣятельности и отъ безталанности тотемскихъ жителей. Видно, русскій человѣкъ, гдѣ бы онъ не жилъ и къ какому бы слову не принадлежалъ, нигдѣ еще не умѣетъ соединить слово и дѣло. Разсуждаетъ онъ и хорошо, да только ничего не дѣлаетъ.

Потому что солдатъ разсуждаетъ гораздо лучше, чѣмъ онъ поступаетъ, онъ находится въ довольно странномъ отношеніи къ семейству своего отца. Отецъ его хорошій и добросердечный мужикъ; ему не хотѣлось, чтобы сынъ жилъ отъ него отдѣльно; но добросердечіе старика не соответствовало размѣру его денежныхъ средствъ, потому что два лишняхъ желудка — вѣчно голодный солдатскій и очень большой здоровеннѣйшей жены солдата, — могли причинить совершенно непоправимый дефицитъ въ съѣстныхъ припасахъ, получаемыхъ старикомъ съ варницы. Поэтому, оказалось необходимымъ устроить общее хозяйство, на основаніяхъ, наиболѣе выгодныхъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Это устроилось такимъ образомъ. На себя и на жену солдатъ получаетъ въ мѣсяць 1 пудъ 30 фунтовъ ржаной муки, 7 фунтовъ крупъ и 65 к. на приварокъ. Деньги и муку солдатъ оставляетъ у себя и, слѣдовательно, ѣстъ хлѣбъ свой собственный, а крупу отдаетъ въ семью и за это ѣстъ то, что здѣсь называется щами, изъ семейнаго горшка. — Ужъ изъ

этого одного можно вывести безошибочное заключеніе, что отцовскіе щи не имѣютъ особенно блестящихъ гастрономическихъ свойствъ, ибо всѣ семь фунтовъ крупы стоятъ 21 копѣйку. Слѣдовательно, наши, на двоекъ, сынъ вносить въ депъ 0,7 копѣйки. — Миѣ кажется, что читатель долженъ чувствовать нѣкоторое смущеніе въ тѣхъ частяхъ своего мозга, которыя занимаютъ у него экономическими соображеніями и хозяйственными расчетами, потому что я предлагаю ему постоянно совершенно неудобомыслимыя величины. А между тѣмъ, эти десятыя, сотыя и тысячныя доли копѣекъ въ жизни бѣдняковъ составляютъ такія же единицы, какъ у насъ съ вами, читатель, рубли, у людей болѣе насъ бѣдныхъ—гривенники, а у людей богатыхъ, пьющихъ шампанское и сидящихъ на креслахъ Тура,—десятки и сотни рублей. Поэтому, если вы, читатель, вздумаете когда нибудь пообѣдать роскошно у Дюссо, то съ нѣкоторымъ знаніемъ десятичныхъ дробей можете заняться довольно поучительными вычислениями. —Депги, остающіяся у солдата, употребляются имъ на нѣкоторыя необходимыя дополненія къ его скудному столу, напримеръ, на пироги съ сайдой или съ говядиной, на чай или на сайку. Последнее уже—расходъ неблагоразумный, слѣдовательно—роскошь, равносильная обѣду бѣднаго чиновника у Дюссо.

Такимъ образомъ, у одной семьи, сидящей за обѣдомъ за однимъ столомъ, общаго только одни щи; хлѣбъ же каждая половина семьи ѣстъ свой собственный. Точно такъ же, если солдатъ вздумаетъ испечь пироги, то онъ имѣетъ полное право ѣсть ихъ вдвоемъ только съ своей женой, и никто не поставитъ ему въ упрекъ, если бы онъ не поподчивалъ своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ. Не предложить отцу и матери, конечно, не деликатно, хотя бы и не противорѣчало юридическимъ понятіямъ бѣдныхъ людей.

Гардеробъ людей четвертаго сорта соответствуетъ вполне ихъ обѣду. — Читатель можетъ миѣ замѣтить, что объ обѣдѣ онъ еще ничего не слышалъ, и потому судить о немъ не можетъ; послѣ гардероба скажу и о немъ.—Напримеръ, у дѣвушки, сестры эксъ-свѣчнаго мастера, всего три ситцевыхъ платья; башмаковъ нѣтъ, а собирается она завести ихъ къ пасхѣ; теплая одежда ограничивается ватной ситцевой кофтой, которая служитъ для ежедневныхъ выходовъ и для работы; а по праздникамъ, и преимущественно къ обѣдѣ, надѣвается заячья шубка, опушенная лапчатымъ бѣличьимъ мѣхомъ и крытая дешовенькой шерстяной матеріей (люстриномъ).

Такая шубка стоит восемь рублей. Это парадное одѣяніе, не особенно теплое по здѣшнимъ тридцатиградуснымъ морозамъ, не годится совершенно для ежедневнаго употребленія по своей непрочности. Оно заводится для удовлетворенія чувству тщеславія и чтобы не отстать отъ другихъ. У солдатики тоже три платья—два ситцевыхъ и одно кисейное. Шубы нѣтъ ровно никакой, такъ что заячье пальто составляетъ для нея предметъ бесплодныхъ мечтаній, какъ замужество для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. За немѣнѣемъ шубы, путешествіе въ церковь совершается въ ежедневной ватной кофтѣ, а для тепла надѣвается подъ нее толстый бумажный платокъ.—Къ чести здѣшнихъ мѣщанокъ нужно сказать, что онѣ носятъ ватныя юбки. Я бы не употребилъ этого выраженія, страннаго для каждаго разсудительнаго человѣка, если бы не встрѣчалъ между дѣвицами, изъ такъ называемаго образованнаго сословія, такихъ субъектовъ, которые стыдятся носить зимой панталоны, предполагая, вѣроятно, что этотъ костюмъ оскорбляетъ женскую непорочность и стыдливость.—Бѣлье шьется изъ довольно грубаго холста домашняго издѣлія и мѣняется разъ въ двѣ педѣли.

Объ ѣдѣ тотемскихъ мѣщанъ никакъ нельзя сказать, чтобы они строго сообразовались съ тѣми разграниченіями въ состояніяхъ, которыя я сдѣлалъ. Есть общенациональныя кушанья, напр. кислая капуста, рѣдька, толокно, чистое мяо съ брусникой, которыя употребляются людьми даже довольно прожиточнымп. Затѣмъ, есть кушанья, общія только по названію, но получающія у бѣдныхъ совсѣмъ иной характеръ, вслѣдствіе дурнаго приготовления и матеріаловъ низшаго сорта. Наконецъ, есть кушанья, специально питающія желудки бѣдныхъ людей. Эти кушанья, о которыхъ я и буду говорить только, употребляются безразлично бѣдными людьми всѣхъ трехъ сортовъ, такъ что семья экс-свѣчнаго мастера не отличается въ этомъ отношеніи ничѣмъ отъ совершенно бѣдныхъ вдовицъ и даже нищихъ. Причина понятна и проста. То, что называется у насъ простопародѣемъ и составляетъ повсюду главную массу рабочаго населенія, ходящаго не въ ситцевыхъ рубашкахъ, а въ рубашкахъ домашняго издѣлія, имѣютъ одинъ общій уровень потребностей и живетъ вездѣ одинаково. Оно не знаетъ ни кроватей, ни перины, ни одѣялъ, ни даже подушекъ; полушубокъ или тулупъ замѣняетъ ему и постель, и одежду. Спитъ оно, если не совсѣмъ вповалку, безъ различія пола и возраста, то и безъ особенно стро-

го-установленныхъ въ этомъ отношеніи правилъ. Бѣсть оно точно такъ же безхитростно, не затрудняя себя соображеніемъ о томъ, что полезно и вредно, что питательно или только лежитъ въ животѣ балластомъ. Люди, живущіе этимъ образомъ жизни, могутъ зарабатывать себѣ средства существованія весьма различными способами: могутъ быть они и плотниками, и плотничками, и даже свѣчными мастерами; могутъ они быть, псжалуй, и пицциппи—виѣшнее различіе, повидимому, огромное,—но это еще не можетъ измѣнять заключенія о томъ, что если всѣ они пьютъ и ѣдятъ одно, спятъ и вообще живутъ одинаково, то въ основанія такого порядка жизни должны лежать, конечно, однѣ общія причины.

Климатическія вліянія играютъ здѣсь, разумѣется, одну изъ главнѣйшихъ ролей. Аравитянинъ питается финиками, потому что у него растетъ финиковая пальма; бразилецъ бѣсть апельсинами и ананасами и не считаетъ ихъ даже лакомствами; а тотемскія красныя дѣвушки разводять для этой цѣли морковь, погорая своими пробковыми свойствами должна приводить непремѣнно въ смущеніе ихъ прекрасные желудки. Въ странѣ, гдѣ роекошью служатъ горохъ и морковь, было бы несправедливо требовать отъ почвы кукурузу, рисъ, бананъ, финики и ананасы. Въ замѣнъ ихъ, да и то только при тщательномъ уходѣ, получаютъ въ огородахъ рѣдька, капуста, брюква, свекла, картофель и морковь; а въ поляхъ—рожь, овесъ, ячмень.—Читатель замѣтитъ мнѣ, что скудная природа не значитъ ничего, что на улицахъ Петербурга не растутъ тоже ананасы, гаваискія сигары, турецкій табакъ, чай, кофе, сахаръ, а между тѣмъ, всѣяи этими благами пользуются въ Петербургѣ даже люди вовсе небогатые. Разсужденіе совершенно справедливое; по за то и Петербургъ самъ по себѣ производитъ «пѣчто», обмѣниваемое имъ на хлѣбъ, шолковыя и шерстяныя матеріи и разные другіе предметы. Петербургъ есть русская умственная лабораторія, и такъ какъ въ немъ производятся разныя хорошія и умныя мысли въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ нужно для самого Петербурга, то они и мѣняются на аравійскіе финики, мессинскіе апельсинны, гаваяскія сигары, французскія шолковыя матеріи и сукна, и т. д. Но что же производить Тотьма, что бы бразильцу было выгодно повезти къ себѣ на обмѣнъ свои ананасы, а французу—бордосскія вина или ліонскія матеріи?—Единственный продуктъ труда тотемскихъ гражданъ, имѣющій общевропейскія свойства, есть полу-чудки. Товаръ этотъ идетъ да-

же въ Петербургъ, и въ замѣнъ его тотемцы получаютъ разныя пехитрыя матеріи для своего скуднаго гардероба и чай, и сахаръ. Вотъ все, что нужно тотемцамъ и что они въ состояніи вымѣнять на свой трудъ. Если бы ихъ трудъ былъ такъ же успѣшенъ, какъ трудъ хоть бы даже петербургскихъ жителей, то къ намъ бы поѣхали и бухарскіе халаты, и лонскія шолковыя матеріи, и финики, и абрикосы. А теперь кто же повезетъ сюда абрикосъ, когда въ замѣнъ его предложить одну брюкву или одну морковку? Человѣкъ, производящій въ день на 3 коп., можетъ получать и въ замѣнъ того другихъ необходимыхъ ему предметовъ тоже не болѣе, какъ на 3 коп. При большомъ развитіи промышленныхъ способностей, можно бы, разумѣется, производить въ день и болѣе, чѣмъ на 3 коп., но какъ такихъ способностей въ наличности не оказывается, то приходится направить свои силы на то, на что они наиболѣе годятся. Ни лондонскій, ни парижскій, ни даже петербургскій мѣщанинъ не сѣютъ луку, брюквы и картофеля. Тамошнему мѣщанину гораздо выгоднѣе заняться какииъ нибудь другимъ трудомъ, потому что онъ пріобрѣтетъ на него не только брюкву и картофель, но и все остальное, необходимое ему для жизни. Но тотемскій мѣщанинъ иныхъ силъ и способностей; онъ занятъ менѣе выгоднымъ, потому что болѣе выгоднаго произвести не въ состояніи, или лучше сказать, онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы добыть побольше, и это «побольше» все-таки вещь очень скудная, потому что онъ производитъ всего ровно столько, чтобы купить себѣ верхнюю одежду, сапоги, муку, чай и сахаръ, а остальное, ему необходимое, вымѣнять ему не на что; онъ долженъ произвести все это самъ. Вотъ почему тотемскія Пенелопы обращаютъ лѣтомъ свои силы на возвращеніе въ огородахъ луку, картофеля, брюквы, свеклы и капусты, т. е. такихъ предметовъ, какіе только въ состояніи произвести мѣстный климатъ и почва.

Такимъ образомъ, скудная природа, въ соединеніи съ скудными промышленными способностями, создаетъ и скудные продукты. Но и эти скудные продукты, при иныхъ условіяхъ, могли бы быть обработаны инымъ образомъ. Англичане изъ воиучей трески готовятъ очешъ вкусную закуску къ водкѣ; французскіе повара изъ капусты и говядины дѣлаютъ множество разнообразныхъ и вкусныхъ вещей; люди же первоначальнаго, простаго быта тѣ же самыя матеріалы поглощаютъ въ ихъ простѣйшемъ, сыромъ или почти сы-

ромъ видѣ. Тотемцы держатся гастрономической и кулинарной теоріи первоначальныхъ людей и обнаруживаютъ враждебное расположеніе къ французской и англійской кухнѣ. Можетъ быть, они въ этомъ и правы; точно такъ же, какъ будутъ правы англичане и французы, если отнесутся подобнымъ же образомъ къ кухнѣ тотемской. Мы, русскіе, конечно будемъ менѣе строги въ этомъ отношеніи; мы говоримъ даже съ порядочною долей гордости, что русскій человѣкъ не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ удобствъ жизни; что нѣтъ такихъ лишеній, которыхъ бы онъ не перенесъ; что ему ни по чень 40 градусный морозъ и 60 градусный жаръ; что онъ можетъ не ѣсть три и не пить четыре дня, или на оборотъ—что впрочемъ не измѣняетъ сущности, — что онъ проживетъ на рѣдкѣ такъ же благополучно и наработаетъ столько же, сколько англичанинъ на ростбифѣ. Въ доказательство желѣзныхъ свойствъ русскаго человѣка, можно привести при этомъ итальянскій походъ Суворова, конечно, не упоминая о Хованскомъ. Но добродѣтельный читатель! если вы вздумаете дѣйствительно говорить все это, то докажете только, что вамъ совершенно незнакома физиологія. Кушайте рѣдку, сколько вамъ угодно, но только не увѣряйте, что толокно съ брусничкой вкуснѣе и питательнѣе ростбифа, или что лошадь, кормленая однимъ сѣномъ, можетъ проработать столько же, сколько лошадь кормленая овсомъ. Все это, повидимому, очень хорошо извѣстно всѣмъ такъ называемымъ образованнымъ русскимъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же образованный русскій входитъ въ азартъ, если отзываются не съ достаточной похвалою о рѣдкѣ и толокнѣ?—Гдѣ же вы видѣли такихъ образованныхъ русскихъ? спроситъ меня читатель.—Видѣлъ, читатель, и очень много видѣлъ. Я знаю, что своимъ отзывомъ о толокнѣ задѣну патристическое чувство этихъ почтенныхъ людей; но я знаю также, что они задѣнутся потому, что сами живутъ болѣе или менѣе въ родѣ тотемскихъ мѣщанъ, и если не всегда ѣдятъ вслухъ вопусту и рѣдку, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не покровительствовали клопамъ, блохамъ, тараканамъ, и чтобы были въ состояніи жить и думать, какъ англичане, нѣмцы и французы, съ которыми они шутятъ неосторожность считать себя равными по образованію. Въ той постепенной лѣстницѣ, какая образуется отъ самаго необразованнаго до утонченно-образованнаго русскаго, люди этого сорта составляютъ еще у насъ значительное большинство — главныхъ пѣвчихъ въ нашемъ общемъ русскомъ хорѣ.—Если чита-

телю покажется, что по поводу объѣда тотемскихъ мѣщанъ можно было бы говорить и поменѣе, то я ему замѣчу, что такое разсужденіе неправильно. Любители русской стороны и народныхъ преданій исполосовали Россію вдоль и поперекъ, записывая вздорные и пивному совершенно ненужные разказы про никогда несуществовавшихъ богатырей и чудовищъ, созданныхъ дѣтскимъ народнымъ воображеніемъ; любители напечатали тысячъ народныхъ пѣсень; нѣтъ ни одного журнала, гдѣ бы не помѣщались подобныя вещи; пѣкото рымъ собирателямъ удалось составить себѣ довольно громкую извѣстность только потому, что имѣли довольно здоровыя ноги, чтобы ходить пѣшкомъ по Россіи, и довольно терпѣнья, чтобы сидѣть въ курныхъ избахъ и записывать отъ бабъ пѣсни. Но любители, ухитрившіеся забраться въ вѣкъ Владимира и въ компанію Добрыни Никитича, забыли среди блистательнаго общества русскихъ богатырей, что есть на свѣтѣ живые люди, для насъ болѣе важные, чѣмъ тѣмъ несуществовавшихъ исполиновъ, все достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что они отличались здоровыми кулаками; любители забирались въ самую глубь народнаго воображенія и, въ то же время, не видѣли, что ѣсть, сидящая съ ними за однимъ столомъ, баба, отъ которой записывается пѣсня; какъ живетъ эта баба и какое толокно или другой продуктъ русской промышленной изобрѣтательности начинаетъ ея брюхо. Ни одинъ любитель московской старины не обратилъ вниманія на современнаго русскаго человѣка, точно намъ до зарѣзу попадобилось познакомиться съ Полканомъ богатыремъ или Ильей Муромцомъ. Но я думаю, что описаніе ѣды русскаго человѣка важнѣе всякой русской пѣсни, особенно изъ временъ Владимира, и для человѣка разсудительнаго, живущаго во времени, а не въ пространствѣ, интереснѣе знать, что ѣсть нынче тотемскій мѣщанинъ, чѣмъ какъ пѣлъ Добрыня Никитичъ.

Чтобы образованный русскій патриотъ могъ представить себѣ яснѣе весь утонченный вкусъ яствъ тотемскихъ мѣщанъ и величіе ихъ кулинарнаго искусства, я посовѣтовалъ бы ему заказать своей кухаркѣ объѣдъ по моимъ рецептамъ. Рецепты г-жи Авдѣевой конечно лучше, но ея объѣдъ не можетъ имѣть такого просвѣтляющаго вліянія на экономическія понятія; а потому, если патриотъ, воспользовавшись мсимъ совѣтомъ, сочинитъ для себя тотемскій объѣдъ—я даже совѣтовалъ бы ему пригласить гостей,—и послѣ объѣда хозяинъ и гости почувствуютъ въ своихъ желудкахъ разныя неприят-

ности,—то это все, чего я желаю, ибо затѣмъ экономическія понятія компаніи освѣнятся непремѣнно повѣстивъ свѣтомъ и за мной упрочится частичка той славы, которая въ русской кухнѣ принадлежала до сихъ поръ безраздѣльно одной г-жѣ Авдѣевой.

Рецептъ № 1. *Пареная брюква*.—Брюква обмывается, кладется въ плошку и ставится въ испoпленную печь. Когда брюква испарится, ее ѣдятъ горячую или остуженную.—Очень вкусное кушанье, замѣняющее лакомство, и потому можетъ служить вмѣсто пирога.—Ножей и вилокъ при ѣдѣ его не употребляется.

№ 2. *Супъ изъ свеклы*.—Свеклу очистить, изрубить, положить въ горшокъ, налить воды и посыпать соли по вкусу, и поставить въ печь.—Ѣдятъ ложками, съ хлѣбомъ. Очень красивый супъ, розоваго цвѣта, представляющій то удобство, что можетъ быть безразлично употребляемъ въ дни постныя и скоромныя.

№ 3. *Морковница (супъ)*.—Взять моркови, обмыть ее въ родѣ и затѣмъ испарить въ печи. Когда морковь достаточно упрѣтеть, изрубить ее помельче, посыпать солью, положить на плошку и облить молокомъ, такъ чтобы вышелъ супъ.—Кушанье это ѣдятъ тоже ложками, съ чернымъ хлѣбомъ.

Примѣчаніе. Морковь употребляется еще въ сыромъ видѣ, какъ лакомство, преимущественно дѣвушками и дѣтьми, и какъ начинка для пироговъ. Въ послѣднемъ случаѣ готовится тѣсто изъ ржаной муки на половину съ 2 сортами пшеничной, вслѣдствіе чего, оно получаетъ пріятный шоколадный цвѣтъ, нѣсколько съ черноземнымъ оттѣнкомъ. Тѣсто раскатывается толстымъ слоемъ, и испаренная и изрубленная морковь намазывается возможно-тонкимъ слоемъ; затѣмъ пирогъ защипывается и сажается въ печь.—Требуется особенный навыкъ для опредѣленія соотвѣтственнаго отношенія между толщиной тѣста и толщиной слоя моркови.—И эти пироги имѣютъ ту двойную выгоду, что могутъ служить одинаково въ постныя и въ скоромныя дни. Впрочемъ, для придачія имъ строго-постнаго характера, обмазываютъ ихъ сверху постнымъ масломъ. Въ мясоѣдъ же можно обмазывать ихъ масломъ скоромнымъ.—Ѣдятъ пальцами.

№ 4. *Жареные яблоки (Pommes de terr)*.—Французское названіе поставлено въ скобкахъ потому, чтобы не вводить читателя въ недоразумѣніе; а во-вторыхъ, чтобы показать, что тотемскіе мѣщане знакомы съ французскимъ языкомъ).—Картофель сварить въ водѣ,

вычистить, искрошить ножами, положить въ шлюнку, прибавить масла (постнаго или скоромнаго, смотря по дню), посолить, поставить въ печь, и когда картофель зажарится, то превратится въ жаренныя яблоки.—Бдятъ вилами, но преимущественно ложками; съ тѣмъ же удобствомъ можно употребить и пальцы.

№ 5. *Щи* или, какъ пишутъ знатоки русскаго языка,—*Шти*.—Налить въ горшокъ воды, положить немного овсяныхъ крупъ и луку—смотря по времени года, перушками или луковками,—и щепоть соли, и поставить горшокъ въ печь. Когда все это хорошо упрѣетъ, наливаютъ въ чашку и бдятъ ложками. Въ скоромные дни преимущественно, когда есть говядина, щи варятся на мясномъ бульонѣ. Чтобы бульонъ не вышелъ особенно крѣпкъ, на семью въ десять человекъ кладется 2 фунта говядины.

№ 6. *Каша*.—Въ сочиненіяхъ г-жи Авдѣевой можно найти подробныя описанія самыхъ разнообразныхъ сортовъ кашъ, и потому читатель отсылается туда. Прекрасная же тотемская шѣцанка, посвятившая меня въ тайны своей кухни, на мой вопросъ о кашѣ, отвѣтила, что кашъ она никакихъ не варитъ—дорого. Это же нѣніе раздѣляютъ и всѣ сорта бѣдныхъ, о которыхъ я говорилъ.

№ 7. *Пирогъ*.—Дѣлаются разныхъ основаній и величинъ—отъ полтора вершка до полуаршина,—и начинываются наглухо, со швомъ посрединѣ, если пирогъ большей, или сбоку, если пирожокъ маленький; готовятся также и растегаи. О тѣстѣ было уже сказано. Что же касается до начинки, то въ торжественные дни употребляется для этого говядина, въ дни постныя и менѣе торжественныя—сайда. Рыба эта имѣетъ достоинство дешевой, ибо продается по 3 в. за фунтъ, а другихъ достоинствъ у нея не имѣется. Это значитъ, что вкуса въ ней нѣтъ ровно никакого, а волеетъ она ни то йодомъ, ни то треской, что, можетъ быть, и очень ароматично, но требуютъ привычки смолоду и крѣпкихъ оболнательныхъ нервовъ. Если идетъ въ начинку рыба, то никакихъ дополнительныхъ приправъ къ ней, кромѣ соли, въ пирогъ не прячется. Постныя свойства пирога отъ этого возвышаются болѣе и трудноваримость его усиливается. Въ открытую грудь растегаевъ кладется свѣжая сельдь или другая мелкая рыба, а въ скоромные дни и всякая каша съ рубленой свиной или нѣчто подобное. Такъ какъ всѣ эти исполненія употребляются въ пирогахъ собственно, какъ украшеніе, то очевидно, что главнѣйшая сущность заключается въ тѣстѣ, такъ что всякій тотемскій

пирогъ—мой тотемскіе аристократическіе читатели понимаютъ, разумѣется, что я говорю не объ ихъ пирогахъ,—можетъ быть разсматриваемъ—даже безъ большой натяжки,—какъ пирогъ съ «нѣтомъ».

№ 8. *Кислая капуста*.—Употребляется въ сыромъ видѣ, безъ всякихъ приправъ. Очень пріятное кушанье и, по мнѣнію Либиха, весьма полезное на сѣверѣ.

№ 9. *Соленые грибы*.—Употребляются, какъ и кислая капуста.—Либихъ о соленыхъ грибахъ не говоритъ ни слова, вѣроятно потому, что въ выметенныхъ нѣмецкихъ лѣсахъ никакіе грибы не рождаются.—Сухіе грибы варятъ съ водой и выходятъ супъ. Кромѣ того, пекутъ съ сушеными грибами пироги: большіе называются обакни, а ппрожки—челюки. Тѣ и другіе пекутся по тѣмъ же основаніямъ, какъ было объяснено выше.

№ 10. *Рьдька*.—Растирается на терѣ, потомъ мѣшается съ квасомъ и солью. Въ видѣ особенной приправы примѣшивается толокно, и тогда образуется кушанье весьма деликатнаго свойства.

№ 11. *Толокно*. Нигдѣ кулинарный (истинный русскаго человѣка не возвысился до такой степени, какъ въ разнообразныхъ и по истинѣ многочисленныхъ видовзмѣненіяхъ толокна.

Видозмѣненія: а) *Тялушка*.—Толокно размѣшивается жидко въ квасѣ, такъ чтобы вышла совершенно однообразная болтушка. Соли не кладется.

б) *Мѣшанна*.—Толокно замѣшивается на водѣ густо прегусто, чтобы образовалось нѣчто подобное замазкѣ—той же степени плотности и вязкости. Затѣмъ это вещество поливается постнымъ масломъ и поѣдается ложками, какъ каша.

с) *Ягоды съ толокномъ*.—Берутъ моченую бруснику, поливають приличнымъ количествомъ холодной воды (болѣе или менѣе, смотря по запасу брусники и по вкусу), посыпаютъ толокномъ и размѣшиваютъ. Образуется болѣе или менѣе густой супъ.

д) *Дежень*.—Толокно замѣшивается на водѣ, какъ мѣшанна; затѣмъ берутъ цѣльную простоквашу, взбалтываютъ ее мучею или ложками, чтобы сдѣлать массу однородной, и поливають этимъ толокно.

е) *Толокно съ молокомъ*.—Берутъ сладкое молоко, посыпаютъ его толокномъ и размѣшиваютъ.

12). *Блины*.—Знатокамъ русской народной жизни извѣстно, что простонародье наше дошло въ нѣкоторыхъ вещахъ до понятій весь-

на вѣднородственныхъ, общихъ во многомъ съ нѣщими. Такая же родственность замѣчается и въ блинахъ. Чисто русскихъ, гречневыхъ блиновъ тотемцы не пекутъ, даже на масляницѣ. Это странное явленіе знатоки объясняютъ неимѣемъ въ Тотѣмѣ гречневой муки. Но я считаю подобное толкованіе нѣсколько смѣлымъ, и думаю, что если бы тотемцы очень закотѣли гречневыхъ блиновъ, то къ нимъ привезли бы, разумѣется, и гречневую муку. Тотемаы, однако, предпочитаютъ нѣмецкіе блины русскимъ. Блины пекутся здѣсь овсяные и ячные. Для этого разбалтывается жидко на водѣ—а у кого есть корова, то и на молокѣ, — мука, кладется немножко соли и пекутся на сковородѣ тонкіе, листообразные блины, совершенно подобныя нѣмецкимъ.

13). *Олады.* — Кушанье это ѣдятъ только въ заговѣнье; поэтому ясно, что оно не имѣетъ характера повседневности и можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣчто исключительное. Олады пекутся изъ муки гороховой, ячной и пшеничной. Ѣдятъ ихъ за завтракомъ, горячія; а если что останется, то и за обѣдомъ, но ужь холодныя.

Одни рецепты еще не даютъ понятія о характерѣ о и составѣ обѣда; а потому я приведу описаніе обѣда одного, описаннаго выше, семейства за двѣ недѣли: постную и скоромную. Предупреждаю читателя, что во мнѣ приносили каждый день пробныя порціи, слѣдовательно, мое описаніе взято съ природы и за вѣрность его я ручаюсь. — Пробы начались съ среды.

Среда. За завтракомъ квашеная капуста; за обѣдомъ квашеная капуста; за ужиномъ квашеная капуста.

Четвергъ. За завтракомъ одинъ чорный хлѣбъ; за обѣдомъ щи съ говядиной и творогъ. (Это кушанье я пропустилъ выше: творогъ ѣдятъ въ простѣйшемъ его видѣ, безъ всякихъ приправъ и прибавленій). За ужиномъ то же, что и за обѣдомъ.

Пятница. За завтракомъ хлѣбъ и чай; за обѣдомъ постные щи, т. е. овсяная крупа на водѣ безъ говядины, квашеная капуста. За ужиномъ то же, что и за обѣдомъ.

Суббота. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ щи съ говядиной (прошу читателя помнить, что щипи называютъ здѣсь овсяную похлебку); а у солдата, кромѣ того, пирогъ съ сайдой, которымъ онъ угощалъ и семейство своего отца.—За ужиномъ щи.

Воскресенье. Утромъ хлѣбъ и чай; за обѣдомъ щи съ говядиной,

а у овсяныя пироги съ говядиной и распекая съ овсяной крупой и сывнивой. За ужиномъ щи.

Понедѣльникъ. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ творогъ полный мадагаскарскій, т. е. сыворожкой, остающейся послѣ сбиванія масла. (Подмагаскаръ было приготовлено не дома, а куплено).—За ужиномъ то же самое.

Вторникъ. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ вареная сайда, т. е. уха, приготовленная по слѣдующему рецепту: вода, сайда, соль, овсяная крупа. За ужиномъ то же.

Недѣля постная:

Понедѣльникъ. Завтракъ: квашеная капуста; обѣдъ: рѣдька и капуста; ужинъ, какъ обѣдъ.

Вторникъ. За завтракомъ капуста; за обѣдомъ горохъ, разваренный на водѣ, и капуста; ужинъ такой же.

Среда. За завтракомъ капуста; за обѣдомъ рѣдька съ талокномъ, щи, капуста; за ужиномъ ща и капуста, и т. д.

Въ посту число блюдъ болѣе, и это понятно; но за то весь постъ до Благовѣщенья рыбы не ѣдятъ; а если кто позволить себѣ такое вольнодушество, то назовутъ его нехристомъ, жидомъ и т. п. Въ Вологдѣ народъ гораздо либеральнѣе. Впрочемъ, къ стыду тотемцевъ, надо замѣтить, что и между ними заводятся теперь либералы, позволяющіе себѣ ѣсть въ посту рыбу. Конечно, изъ этого исключаются среды и пятницы, и первая, четвертая и страстная недѣли велплага поста.

Подобнымъ образомъ ѣсть въ Тотмѣ половина населенія, т. е., по меньшей мѣрѣ, 1800 человекъ; нѣсколько лучше ѣсть—допуская большее разнообразіе и обиліе яствъ, но однако не выходя за предѣлы 13 главныхъ кушаньевъ, описанныхъ мною выше,—еще одна четверть населенія или человекъ 900. Я воздерживаюсь опредѣлить однимъ словомъ качество ѣды тотемцевъ; если же для человека скромной жизни и понятій такая ѣда покажется хорошей,—значитъ, въ Тотмѣ людей, хорошо ѣдящихъ, можно считать до 2,700, а какъ слово «хорошо» на всѣхъ европейскихъ языкахъ имѣетъ хорошей смыслъ, то для прославленія Тотмы можно напечатать во всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, что изъ 3,500 жителей этого города 2,700 ѣдятъ хорошо. Послѣдствіемъ будетъ то, что наиболѣе популярный у насъ лордъ Пальмерстонъ, прочитавъ въ газетахъ такое извѣстіе, улыбнется и скажетъ: «а вѣдь я о Тотмѣ думалъ иначе,—тамъ ѣдятъ хорошо». И нарисуетъ при этомъ лордъ Паль-

шерстень въ своемъ воображеніи пудовой рѣстбень, нѣсколько сортовъ пудангу, батарею хересу, портеру, элю, каравай честеру и т. д., погладить себя по животу и опять улыбнется. Но могутъ произойти послѣдствія и болѣе существенныя. Англичане, паѣиешныя тѣмъ, что въ Тотмѣ ѣдятъ хорошо, двинутся къ нимъ сюда цѣлыми караванами; проведутъ они въ Тотму желѣзную дорогу, устроить здѣсь полотняныя фабрики, и лѣсъ, возвращаемый въ Вологодской губерніи, перестанутъ выпускать за границу; вмѣсто вязанья чулковъ руками, устроить чулочныя фабрики; сѣмена тимоевой травы въ Петербургъ не повезутъ, а заведутъ около Тотмы хорошее луговоеводство, хорошій рогатый и дойный скотъ; начнутъ приготавливать разные сыры; треску и сайду, итѣющія въ нашемъ отечественномъ приготовленіи убійственный запахъ, приготовить на манеръ сардинокъ, закупорять въ жестяныя коробки, и хотя на нихъ, какъ и нынѣ, будетъ красоваться англійское «cod-fish», но ввиду поставятъ не «London», а «Totma». Выѣстъ съ отечественной треской, превратившейся въ cod-fish, пошлются въ западную Европу наши рабчики, куропатки и проч., и проч., и проч. Однимъ словомъ, Тотма уподобится Ливерпулю или Манчестеру,—нужно только, чтобы сюда пріѣхали англичане. Впрочемъ, какъ русскій, я бы желалъ, чтобы то же самое сдѣлали сами тотемскіе мѣщане, безъ всякихъ англичанъ и французовъ; но не скрою отъ многоуважаемыхъ моихъ тотемскихъ читателей, что почтенные ихъ сограждане не представляютъ въ ближайшемъ будущемъ никакихъ надеждъ на такую прогрессивность, и что только какое нибудь необычайное событіе, какъ напримѣръ, проведеніе черезъ Тотму десяти желѣзныхъ дорогъ, могло бы сдвинуть ихъ съ мѣста и вывести изъ состоянія косности, въ которомъ они пребываютъ много вѣковъ.

Косность есть общая черта всего тотемскаго населенія; даже прожиточные, которыхъ считается въ городѣ менѣе ста человекъ,—такіе же обломовы. А между тѣмъ, прожиточные стоятъ, по образованію и развитію, много выше остальныхъ мѣщанъ. Разумѣется, въ этой косности невиноваты ни теперешнія, ни прежнія поколѣнія. Много было причинъ и естественныхъ, и историческихъ, которыя вліяли на мѣстныхъ жителей и создали накопецъ то умственное состояніе, въ которомъ пребываютъ тотемцы теперь. Экономическій результатъ всего этого въ наше время тотъ, что изъ 3,500 жителей—богатыхъ, т. е. людей капиталныхъ, купцовъ, въ городѣ всего человекъ 15;

прожиточныхъ — человекъ 100; находящихся въ переходномъ состояніи отъ прожиточныхъ къ болѣе бѣднымъ, — человекъ 200, а остальное все большая или меньшая голь.

VII.

Прожиточные.

Хотя я и не сказалъ пугдѣ прямо, но изъ послѣднихъ моихъ словъ читатель можетъ заключить, что въ экономической жизни тотемцевъ замѣчается не прогрессъ, а регрессъ. Это замѣтнѣе всего на прожиточныхъ, которые служатъ представителями отживающаго, первобытнаго промышленнаго начала.

Нѣкогда Тотыма была городомъ довольно оживленнымъ. Но происходило это не потому, чтобы въ тѣ времена умственные способности тотемцевъ были развитѣе, а чисто по обстоятельствамъ внѣшнимъ: чрезъ Тотыму шель сибирскій трактъ, а потому она пользовалась всѣми выгодами транзитнаго мѣста.

Подобное положеніе похоже на положеніе купца, которымъ быть выгодно, пока есть чѣмъ торговать; но какъ скоро исчезъ товаръ, долженъ исчезнуть и купецъ. Это исчезновеніе, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть очень недалеко отъ голодной смерти, потому что человекъ, всю жизнь свою занимавшійся только тѣмъ, чтобы передавать предметы отъ производителя къ потребителю, а самъ, своимъ личнымъ трудомъ, несоздававшій ровню ничего, въ случаѣ прекращенія подобныхъ передачъ, долженъ очутиться съ совершенно пустыми руками. Хорошо еще, если онъ умѣетъ дѣлать горшки или шить сапоги: онъ можетъ приняться за это ремесло; а если нѣтъ? — То же самое происходитъ и съ транзитнымъ городомъ, когда прекращается транзитъ. Во время провоза товаровъ были нужны лошади, ящики, постоянные дворы, харчевни, трактиры, сколько требовалось однихъ земледѣльческихъ продуктовъ, чтобы удовлетворить всю эту массу людей и лошадей, не говоря уже о предметахъ другого рода, въ видѣ разныхъ питей и увеселеній, услаждавшихъ сердца путешествовавшихъ купеческихъ прикащиковъ, сынковъ, а пожалуй, и самихъ купцовъ. Городъ выпѣлъ жизнью и собиралъ обильную дань со всякой проходившей чрезъ него живой души. И вдругъ трактъ

переводится въ другое мѣсто, и живыя души перестаютъ переходить и переѣзжать черезъ городъ: — постоялыя дворы, карчмы и трактиры закрываются, находившаяся въ нихъ прислуга распускается по домамъ, ямщики тоже, лошади распродаются, подвозъ сѣна, овса, муки, крупъ, масла, говядины и т. п. изъ деревень прекращается, и вмѣсто прежняго оживленія, воцаряется монастырская тишина. Все, что жило прежде, прямо или косвенно, проѣзжающими и перевозкой товаровъ, должно теперь найти себѣ какое нибудь другое занятіе; но какое? Вѣдь это промышленный кризисъ; кризисъ болѣе трудный, чѣмъ Ливерпуля при недостаткѣ хлопка. Ливерпульскія рабочіе, конечно, трудно оставаться безъ работы, и положеніе это тѣмъ ужаснѣе, что разореніе поражаетъ десятки тысячъ народа сразу; но страданіе каждаго отдѣльно-взятаго рабочаго здѣсь воистину не такъ велико: не сегодня, такъ завтра привезутъ хлопокъ, и работа закинать снова. Конечно, можно умереть съ голоду, не дожидавшись этого хлопья; но кто останется живъ, тому будетъ работа. Совѣмъ другое, если прежняя промышленность прекращается совершенно, тутъ даже и тѣмъ, кто остается живъ, предстоитъ перспектива весьма печальная и положеніе почти безвыходное. Вмѣсто стараго, кончивагося безвозвратно, нужно создать новое; а какъ-будто оно создается легко и скоро? Куда дѣться и за какую работу приняться тысячамъ бурлаковъ, которыхъ волжскіе пароходы оставили безъ дѣла? Идти домой? Да они и прежде уходили изъ дому, потому что дома нельзя ничего заработать. — Въ подобное же положеніе ставать повсюду ямщиковъ желѣзныя дороги. Конечно, пароходство развивается постепенно, желѣзныя дороги строятся не вдругъ, и потому людямъ есть возможность обдумать свое положеніе заблаговременно и прискаты занятіе. Но справедливо также и то, что при всей постепенности устройства желѣзныхъ дорогъ, напримеръ, хотя московской, дѣло это идетъ сравнительно гораздо быстрѣе, чѣмъ могутъ прискаты или создать себѣ новое занятіе десятки тысячъ ямщиковъ. А если обратить вниманіе на недостатокъ умственнаго развитія народа, отсутствіе предприимчивости и знаній, наконецъ, на сословныя предрасудки — напримеръ, ямщикъ считаетъ земледѣліе занятіемъ унизительнымъ, — то будетъ понятно, почему такія ямы, какъ Тотыма и другія, лежація по московскому шоссе, представляютъ въ настоящее время весьма жалостный видъ. Московская желѣзная дорога, конечно, — благо, но только не для ямщиковъ

московского шоссе. Что случилось съ ямщиками отъ проведенія желѣзной дороги, то случилось и съ Тотьмой съ уничтоженіемъ сибирскаго тракта: прежній заработокъ кончился и люди очутились внезапно съ сложенными руками, не зная, на какое употребить ихъ дѣло. Конечно, на свѣтѣ существуетъ много занятій, кромѣ извоза и содержанія постоялыхъ дворовъ: можно ткать разные матеріи — бумажныя, шерстяныя, шолковыя; можно выдѣлывать кожи и готовить кожаныя издѣлія, хотя бы въ томъ родѣ, какъ занимается этимъ Тюмень. Все это можно, но, какъ видно, только не для Тотьмы. Здѣшніе жители, оставшій послѣ перевода сибирскаго тракта съ сложенными руками, благополучно пребываютъ въ этомъ мирномъ положеніи и до сихъ поръ. Читатель, можетъ быть, думаетъ, что жители выходятся только въ первомъ моментѣ недоумѣнія, вызваннаго внезапнымъ переходомъ къ новому положенію; что они теперь соображаютъ глубокомысленно, за что имъ приняться, и подъ недоумѣніемъ скрываютъ не совершенно выянившуюся для нихъ мысль, которая разрѣшится какими нибудь промышленнымъ открытіемъ?— Бываетъ и такъ на свѣтѣ; но въ Тотьмѣ такъ не бываетъ. Она недоумѣваетъ чуть ли не сто лѣтъ, и до сихъ поръ еще не надумалось, да вѣроятно никогда и не надумается, если не придетъ къ ней на помощь землетрясеніе или какое нибудь другое подобное событіе, способное разбудить почтенныхъ тотемскихъ обитателей отъ ихъ зимней спячки.

Нижшіе прожиточные, большею частью, — потомки прежнихъ богачей или зажиточныхъ людей, проживающіе свои послѣднія крохи и перебивающіеся изо дня въ день. Многіе изъ нихъ, а также и люди побѣднѣе, если ихъ спрашиваютъ, почему они живутъ такъ скудно, объясняютъ это пожаромъ. Подумавъ, что пожаръ былъ вчера; но по справкамъ оказывается, что онъ былъ болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ. Теперешній фактъ въ томъ, что умы тотемцевъ обрѣтаются въ весьма печальномъ состояніи, и что если косность бѣдныя объясняется его нищетой, то никакъ нельзя привести ту же причину въ оправданіе прожиточнаго. Напротивъ, прожиточные служить лучшимъ доказательствомъ того, какое экономическое бѣдствіе можетъ испытывать страна, если въ головахъ, вовсе не голодающихъ, живутъ убѣжденія временъ царя Гороха; когда въ ихъ характерѣ нѣтъ ничего, кромѣ дряблости, а въ сердцахъ — кромѣ без-

влодной, расслабляющей надежды, что авось богатство свалится съ неба въ вознагражденіе человѣку за его терпѣливое ожиданіе.

Я знаю довольно коротко одно прожиточное семейство; люди это честные, деликатные, отличающіеся всѣми пріемами образованныхъ людей; но въ то же время до того косные, апатичные, дряблые, что они не шевельнуть ни однимъ пальцемъ, если ихъ не заставитъ вѣтеръ, снѣгъ, дождь и вообще какая нибудь внѣшняя причина. Люди эти составляютъ превосходныя типическія образчики прожиточныхъ тотемцевъ высшаго разряда.

Прожиточные составляютъ переходную форму, связующее звѣно, расплывающееся, съ одной стороны, въ бѣдняковъ четвертаго сорта, а съ другой, соединяющееся съ высшимъ человѣчествомъ и постепенно въ него переходящее. Поэтому, смотря по мѣсту, занимаемому прожиточнымъ, онъ принимаетъ большій или меньшій отбѣнокъ того слоя, къ которому стоитъ ближе. Тѣ изъ прожиточныхъ, которые расплываются въ настоящее безхитрое простое народье, не представляютъ поэтому ничего особенно любопытнаго. Это голыши, старающіеся сохранить, по возможности, нѣкоторый отбѣнокъ того высшаго пріличія, которое упрочиваетъ за ними репутацію прожиточности. Ъдутъ они скверно, живутъ грязно, особенной изящностью манеръ и рѣчи не отличаются, и вообще похожи на четвертый сортъ. Но прожиточные аристократическаго полета—совсѣмъ иное дѣло. У нихъ уже является приказная манерность, въ тонѣ рѣчи слышится музыкальность и пѣвучесть, совершенно непостижимая для грубаго уха четвертаго сорта; мужчины стараются быть остроумными на дворянскій манеръ, дѣвцы усваиваютъ цѣлыя фразы изъ провинціальныхъ кадрилиныхъ разговоровъ и изъ пѣсеиника Курганова; вообще, литературное изящество и эстетика манеръ и рѣчи смѣняютъ мужиковатость простаго человѣка, называющаго всѣ вещи ихъ собственными именами. Прожиточные, это тотъ сортъ людей, который служить переводникомъ въ массу народа внѣшняго лоска цивилизаціи, и особенное законодательное могущество въ этомъ отношеніи проявляетъ прекрасный полъ. Изящныя прожиточныя дѣвцы первыя надѣли кринолины, обзавелись шляпками, зонтиками; онѣ слѣдятъ за модами; добываютъ выкройки гусарокъ, матросокъ, и хотя шьютъ ихъ не изъ тѣхъ матеріаловъ, какъ люди со средствами, а больше изъ стараго и крашенаго; но по отношенію къ какой нибудь бѣдной Машенькѣ Талашовой, онѣ пользуются все-таки моднымъ авто-

дѣтотомъ дѣвяти Меттернихъ или графини Морни. Если нынѣшній волостной голова и волостной писарь заняли бы во времена Ивана Грознаго или Михаила Федоровича съ честью мѣста думнаго боярина и думнаго дьяка; то и нынѣшнія тотемскія прожиточныя дѣвицы съ не меньшимъ блескомъ украсили бы ассамблею Петра перваго. Я даже думаю, что самая изящная дѣвица того времени не сравнилась бы утонченностью манеръ и внѣшнимъ лоскомъ съ нашими прожиточными сосѣдками. А все это вмѣстѣ приводитъ меня къ тому заключенію, что нынѣшніе прожиточные тотемцы въ сущности люди времени Петра перваго, и что если бы они имѣли счастье родиться лѣтъ полтораста ранѣе, то, вѣроятно, образованный свѣтъ зналъ бы о нихъ болѣе, чѣмъ онъ знаетъ о нихъ теперь; а можетъ быть, имена нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчались бы даже на страницахъ исторіи восемнадцатаго столѣтія Шлоссера. Въслѣдствіе магнитности, какую обнаруживаетъ на прожиточныхъ, а особенно на ихъ прекрасныхъ дѣвицъ стоящій надъ ними чиновничій слой, они тяготеютъ къ благороднымъ, и слово «баринъ» звучитъ въ ихъ ушахъ совсѣмъ не такъ, какъ оно звучитъ въ немусыкальномъ ухѣ четвертаго сорта. Поэтому прожиточные сочувствуютъ гораздо болѣе интересамъ того сословія, къ которому они тяготеютъ, чѣмъ того, изъ котораго они вышли, и, занимая средину между тѣмъ и другимъ, они живутъ особенной, смѣшанной жизнью, состоящей изъ элементовъ жизни престоноародья и примазнаго челоуѣчества. Паслѣдній элементъ, какъ аристократическій, служитъ исключительно уврашеніемъ противоположнаго ему демократическаго элемента; это сливки, плавающія тонкимъ слоемъ на молокѣ. Тамъ, гдѣ никто не видитъ прожиточнаго,—онъ челоуѣкъ очень простой; въ кухнѣ онъ жжетъ лучину, а свѣчку зажигаетъ только въ комнатахъ, выходящихъ огнами на улицу; когда онъ дома одинъ, онъ ѣстъ вслую капусту, тоужоно съ постынимъ масломъ и рѣдку съ квасомъ; но если придутъ гости, онъ угождаетъ ихъ мадерой, жареной телятиной и пирожками съ вареньемъ; вредестныя прожиточныя дѣвицы носятъ сами воду изъ колодца, находящагося у нихъ на дворѣ, но и за миллионъ рублей не войдутъ съ коромыслами на Сухону; по бѣдности, онѣ моютъ дома полы сами, стараются бѣлье, выносятъ помои и исполняютъ всякую домашнюю черную работу, какъ какая нибудь кухарка, получающая полтинникъ въ мѣсяцъ жалованья; но отъ посторонняго челоуѣка онѣ не возьмутъ выстирать даже батистоваго носоваго платка, а тѣмъ болѣе не

осиверяютъ своихъ рукъ прикосновеніемъ къ посудѣ извѣстнаго сорта. Последний пунктъ можетъ представить даже нѣкоторое затрудненіе при наймѣ холостымъ квартиры у прожиточнаго семейства, неимѣющаго прислуги. Однимъ словомъ, щепетильная боязнь уронить свое прожиточное достоинство служить прожиточному основнымъ руководителемъ во всемъ, что касается его внѣшней жизни. Въ этомъ и заключается вся бѣдственность положенія прожиточныхъ. Тяготѣя къ быту людей болѣе богатыхъ, они плѣняются какъ разъ его убыточными сторонами; они увлекаются тѣстообразностью купеческихъ дочекъ и ихъ безмятежной жизнью, и сложенными руками; они завидуютъ возможности счастливецъ пить чай съ утра до вечера, ѣсть жирные пироги, ходить въ кринолинахъ и гусаркахъ, грызть кедровые орѣхи спѣть подъ окномъ въ ожиданіи, что пройдетъ красивый баранъ. Последнее обстоятельство въ Тотмиѣ, конечно, невозможно, но въ другихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества оно наполняетъ сердца праздныхъ дѣвицъ сладостнымъ трепетомъ и возбуждаетъ въ нихъ сильное желаніе выйдти немедленно замужъ.

Сами по себѣ всѣ эти желанія, а особенно послѣднее, весьма законны. Но незаконно тутъ то, что прекрасный полъ желаетъ получать чай, кринолины, зонтики, модныя шляпки и даже молодыхъ, красивыхъ жениховъ безъ всякаго личнаго труда, точно всѣ эти превосходныя вещи создаются сами собой на облакахъ и затѣмъ падаютъ на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ чувствуется въ нихъ наибольшая потребность. Прожиточныхъ дѣвицъ и дамъ плѣняетъ лѣтъ купчихъ и чаповницъ, и въ нихъ живетъ страстное желаніе достигнуть того блаженнаго состоянія, когда средства позволяютъ человеку даже сморкаться несобственноручно. Когда прожиточныя разыгрываютъ роль сливокъ мѣшанскаго слоя, они такъ и поступаютъ, и за то съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ входятъ въ роль мѣшанскаго молока. Конечно, мытье половъ и стирка бѣлья—дѣло трудное и не особенно пріятное. Грубый механическій трудъ, разрушающій здоровье простыхъ женщинъ и приносящій имъ ничтожный заработокъ, не имѣетъ ничего плѣнительнаго, и потому весьма понятно, что человекъ съ особенной любовью смотритъ на такое положеніе, въ которомъ отъ него зависитъ работать или пѣть, и, по закону противоположности, считаетъ праздность самымъ блаженнымъ состояніемъ. Оставляя поемногу, въ дальнѣйшихъ фазисахъ своего развитія и по мѣрѣ развитія средствъ, грубый механическій трудъ, про-

нитоныя, разставивши съ мѣщенствомъ, погружаются наконецъ окончательно въ тотъ порядокъ жизни, гдѣ вся дѣятельность ограничивается заказомъ обѣдовъ и вязаньемъ тамбурныхъ салфеточекъ или кружочковъ. До этого блаженнаго состоянія достигли уже вполне женщины такъ называемаго образцоваго сословія. Этого мало. У нихъ переходъ этотъ совершился уже такъ давно, что то жалкое, зависящее состояніе, въ которомъ женщина находится теперь, составляетъ въ глазахъ большинства ея нормальное положеніе. Но въ то время, какъ у однихъ, т. е. образованныхъ, безпомощность и экономическая зависимость передаются по наслѣдству отъ одного женскаго поколѣнія къ другому, какъ неизбѣжный законъ природы, у другихъ, гдѣ женщина имѣетъ еще экономическую свободу и можетъ существовать своимъ трудомъ, вводится тотъ же порядокъ, по мѣрѣ накопленія средствъ существованія искусственно, и женщина становится наконецъ не только паразитомъ, но отъ ограниченія своего кругозора оставляетъ многія стороны своего ума совершенно безъ упражненія. Отъ этого происходитъ тотъ удивительный экономическій порядокъ, при которомъ большинство людей занимается пустяками или, по крайней мѣрѣ, тратитъ свои силы и способности несоотвѣтственнымъ, слѣдовательно невыгоднымъ образомъ. Совершается это весьма просто. Человѣческому организму такъ же необходимъ физическій и умственный трудъ, какъ ѣда и сонъ. Женщина оставляетъ свои прежнія занятія, потому что онѣ, по своему размѣру, превышаютъ потребность организма и становятся въ тягость, т. е. дѣлаютъ ее несчастной. Желая перейти къ другой крайности, т. е. къ счастью, женщина бросаетъ свой прежній трудъ и погружается въ самосозерцанье, сидя на диванѣ съ сложенными руками. Миѣ случилось видѣть купчихъ, достигшихъ въ этомъ отношеніи полного счастья или такой невообразимой лѣни, что вся жизнь ихъ проходила въ ѣдѣ, спаньѣ и щелканьи кедровыхъ орѣховъ. Но подобное чудовищное ступѣніе составляетъ удѣлъ только избранныхъ, и потому должно быть разсматриваемо, какъ исключеніе. Общее же правило заключается все-таки въ томъ, что праздность совершенно противна природѣ человѣка, потому что производить въ немъ болѣзненное состояніе, проявляющееся самымъ обыкновеннымъ образомъ въ формѣ скуки и тоски, и потому побуждаетъ человѣка къ дѣятельности. Вопросъ только въ томъ, на какой трудъ ее направить? Прежній былъ не по спамъ; очевидно, что нужно найти другой.—При большемъ

развитія умственныхъ способностей, женщины, разувается, могли бы создать себѣ занятіе и пріятное, и выгодное. Въ сожалѣнію, такого умственнаго состоянія на нѣлось у женщинъ, и вотъ онѣ, бросивъ прежній, хотя и тяжелый, но выгодный трудъ, замѣнили его трудомъ легкимъ, пріятнымъ и убыточнымъ. Нынѣшняя образованная женщина въ своей первобытной формѣ—пятнадцать, двадцать поколѣній назадъ, — когда она была еще здоровенной крестьянской бабой, донла коровъ, несла, жала, молотила, однимъ словомъ, создавала предметы первой необходимости, давала другимъ людямъ возможность создавать предметы слѣдующей необходимости: сапоги, шляпы и т. п. Въ замѣвъ табуль почтенныхъ предметовъ, какъ хлѣбъ, та же крестьянка, переродившись постепенно въ образованную даму, стала вязать кружочки подъ покровчички, ильза которыхъ сомнительна даже для тѣхъ, кто ихъ производитъ.—Я знаю, что образованными дѣвочки и дамы, которыми особенно яресполнены наши провинции, назовутъ меня дерзкимъ невѣжей. На это я отвѣчу имъ, что онѣ не имѣютъ неоправданны, ибо нынѣ эту статью не я, а другой сотрудникъ «Русскаго Слова», котораго я глубоко уважаю, онѣ бы сказали прекраснымъ дамамъ и дѣвочкамъ на примань, что всякій дѣлаетъ то, къ чему онѣ способны, и что, слѣдовательно, дѣвица, вязущая кружочки, производитъ его потому, что не въ состояніи произвести ничего болѣе полезнаго. Конечно, прекрасная дѣвица утѣшается себѣ тѣмъ, что этотъ трудъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, все-таки трудъ, а не праздность; а во-вторыхъ, что онѣ не только не мѣшаютъ думать, а напротивъ, возбуждаютъ мысли. Но и на это тотъ же сотрудникъ отвѣтилъ бы, что вязанье кружочковъ не только просто праздность, а даже праздность вредная; что гораздо лучше ходить по улицамъ и планировать, чѣмъ сидѣть на одной мѣстѣ въ душной комнатѣ и производить вещь, рѣшительно ни къ чему непригодную; что же касается до мыслей, возбуждаемыхъ во время вязанья, то въ сущности это даже и не мысли, а просто процессъ пищеваренія, потому что если человекъ способенъ думать по человѣчески, то онъ выдумаетъ что нибудь выгодное для себя и для другихъ; если же онѣ не въ состояніи придумать ничего, вродѣ кружочковъ, то значить, что у него въ головѣ не является ничего такого, что порядочные люди называютъ мыслями.—Я очень доволенъ, что такой рѣзкій отзывъ принадлежитъ не мнѣ; съ своей же стороны, я замѣчу, что такъ какъ относительный уровень экономи-

чeskихъ способностей у образованныхъ женщинъ гораздо ниже, чѣмъ у женщинъ изъ простонародья, то первыя не только не производятъ ничего экономически-полезнаго, а напротивъ, еще вліяютъ вреднымъ образомъ на прекрасныхъ прожиточныхъ мѣщанокъ, которыя тоже употребляютъ всѣ усилія, чтобы достигнуть способности производить только тамбурные кружочки и затѣмъ—больше ничего. А какъ по мѣрѣ развитія матеріальнаго благосостоянія увеличивается число прожиточныхъ людей, то очевидно, что годъ отъ году увеличивается число тамбурныхъ кружочковъ и уменьшается число женщинъ, производящихъ предметы первой необходимости. Такимъ образомъ, уровень экономической производительности падаетъ, и съ развитіемъ женской праздности является неправильное и убыточное для общества распределеніе труда, потому что каждый дѣлаетъ не то, на что онъ наиболѣе способенъ. Отъ этого цивилизованныя женщины, чтобы не сидѣть сложа руки, дѣлаютъ то, что могли бы, съ не меньшимъ успѣхомъ, исполнить дѣти; прожиточныя и менѣе богатыя мѣщанки, глядя на барынь, начинаютъ тоже гнушаться полезнаго труда; здоровенные мужи, способные ворочать камни, нанимаются въ лакеи, чтобы подавать на изящныхъ, маленькихъ подносахъ ставаны съ водой, тогда какъ то же самое—и пріятнѣе для гостей, — могла бы сдѣлать четырнадцатилѣтняя дѣвочка, а здоровенному мужику приличнѣе носить воду ушатами, чѣмъ ставанами. Въ купеческихъ лавкахъ торгуютъ откормленные, краснощокіе прищипки и «молодцы», которымъ лучше бы дѣлать кирпичи и тесать камни; въ то время, какъ купеческія дочки, сестры и племянницы только ѣдятъ дома жирныя шаньги, да глазѣютъ въ окна.— И такъ во всемъ.

Хотя паразитность вообще и большое зло, но есть случаи, когда она менѣе вредна, и случаи, когда она вредна болѣе. Въ чиновничьемъ и вообще въ быту такъ называемаго образованнаго сословія, женщинѣ дѣйствительно трудно принять участіе въ занятіяхъ мужчины. Положимъ, мужъ—начальникъ отдѣленія; какое участіе въ его дѣлахъ могутъ принять его жена и дочери? Въ Америкѣ, напримѣръ, женщины добиваются гражданскихъ правъ наравнѣ съ мужчинами; это значитъ, что когда онѣ ихъ добьются, то будутъ имѣть право ходитъ тоже на службу въ разныя палаты и быть начальницами отдѣленій. Положеніе заманчивое; но мы не американцы, а наши женщины не американки. Наконецъ, паразитное женское воспитаніе, передавав-

шеся изъ покаянія въ немощіе, положило на нашихъ образованныхъ дамъ такую печать и создало изъ нихъ такую особую породу, что имъ совершенно невозможно перейти вдругъ изъ состоянія неспособности къ полезной дѣятельности; поэтому имъ еще долго придется быть супружескимъ бременемъ и ввязать тамбурины кружочки. Чтобы развиться съ этими жалкими зависимыми положеніемъ, нужно имѣть способности исключительныя, а главное, исключительный характеръ и исключительную энергію,—что великая рѣдкость даже въ русскомъ мужчинѣ. Не смотря на рѣдкость, подобныя исключенія являлись; въ молодомъ поколѣніи есть женщины, которыя принялись за полезный трудъ и за умственную работу, рѣшительно неслыханную для ихъ почтенныхъ маменокъ. Но на такое дѣло нека способны только женщины очень энергическія, ибо приходится выносить сильную борьбу съ застарѣлымъ, рутиннымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Читателю извѣстно, что въ каждой цивилизаціи есть двѣ стороны и что каждый необразованный народъ усваиваетъ прежде всего то, что кажется ему привлекательнѣе. Легче и привлекательнѣе для насъ оказалось въ европейской цивилизаціи ее внѣшняя сторона, а мы начали съ нея. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что мы начали съ хорошаго. Далѣе, читателю извѣстно, что школой цивилизаціи въ Россіи служило первоначально высшее сословіе, и что отъ него она переходила постепенно въ дальнѣйшіе слои народонаселенія. Перебираясь пожемогу отъ слоя къ слою, цивилизація добралась наконецъ въ наше время до Тотьмы и сообщила тотемскимъ прожиточнымъ людямъ свой петровскій блескъ. Изъ этого тоже не слѣдуетъ, чтобы прожиточные заимствовали только хорошее. Отправляясь въ свое путешествіе далѣе, цивилизація дойдетъ наконецъ до бѣдныхъ мѣщанъ, а затѣмъ пойдетъ обходить и сельское населеніе. Но до этого еще очень далеко.

Въ то время, какъ цивилизація путешествовала по Россіи такими медленными и торжественными шагами, облачившись, по случаю нашихъ морозовъ, въ русскій кафтанъ, съ цивилизаціей, странствовавшей въ то же время по Европѣ, случилось такого рода обстоятельство, что на многое она стала смѣрять совѣтъ иначе, чѣмъ смотрѣла прежде. Что въ глазахъ старой цивилизаціи, живущей въ настоящее время въ Тотьмѣ, было хорошо, то въ глазахъ новой—душно. Новая цивилизація дошла наконецъ и до Россіи, отъ чего рядомъ пошли новые люди; но и старая цивилизація тоже не оставляетъ сво-

его путешествуя и собирается учинить свой набѣгъ на бѣдныхъ мѣщанъ, доконавъ, разумеется, сначала прожиточныхъ. Теперь вопросъ, слѣдуетъ ли старой цивилизаціи оказывать то же гостепріимство, дакое оказывалось ей до сихъ поръ, или же поступать съ нею менѣе галантерейно и попросить ее удалиться поскорѣе въ Колянъ и Хиву, а всѣ дороги открыть для цивилизаціи новой? Который изъ этихъ порядковъ выгоднѣе, — ясно и безъ всякихъ разсужденій, но дѣло только въ томъ, для всѣхъ ли это ясно?

Въ прожиточныхъ, не смотря на суетность и тунеядство, которое поселила или, по крайней мѣрѣ, особенно развивала въ нихъ старая цивилизація, перешедшая изъ чиновничьяго и купеческаго слоевъ, есть еще много очень хорошаго. Это все то, чего прожиточные стыдятся и что они стараются прикрыть разными блестящими лоскутками, наряжаясь въ господъ. Прожиточные еще не совсѣмъ отвыкли отъ труда, и теперь не трудно будетъ сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно почтенныхъ людей, стоитъ только отклонить ихъ дѣятельность отъ кружочковъ и направить ее на трудъ полезный, т. е. выгодный. На высшій мѣщанскій слой тѣмъ важнѣе обратить вниманіе, что отъ него, съ одной стороны, идетъ практическое воспитаніе въ народъ, а съ другой, поднимаются гаки на верхъ; изъ него являются ближайшіе кандидаты въ купечество; изъ него выходитъ почти весь торгующій и ремесленный людъ, т. е. такая громадная масса народа, обнимающая всѣ вѣтви экономической дѣятельности Россіи, отъ которой больше всего зависитъ тонъ нашей экономической жизни. Вотъ почему я сказалъ ранѣе, что тунеядство женщинъ образованнаго сословія не такъ опасно, какъ тунеядство прожиточныхъ мѣщанокъ, и вотъ почему я сказалъ, что быстрота нашего экономического развитія будетъ зависеть отъ того, пойдетъ ли цивилизація старымъ или новымъ порядкомъ. Если она пойдетъ путемъ старой постепенности и въ старой формѣ, то прожиточнымъ и всѣмъ остальнымъ мѣщанамъ придется повторить ошибки цивилизаціи нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей и дойти горькимъ опытомъ до убѣжденія, что хотя плоды этого дерева на видъ и заманчивы, а можетъ быть, даже и вкусны, но для экономического благосостоянія они вредны. Но кому выгодно, чтобы мѣщане дошли до такого убѣжденія своимъ личнымъ опытомъ? Не лучше ли предложить имъ прямо вкусные и здоровые плоды? — Если это такъ, то кто же принесетъ нашимъ прекраснымъ мѣщанкамъ подобное

вкусное и здоровое кушанье, и кто приведет въ порядокъ головы мѣщанъ-мужчинъ? Сдѣлать это могутъ только люди такъ называемые образованные; а для этого имъ необходимо сдѣлаться дѣйствительно таковыми; но опять, чтобы имъ сдѣлаться таковыми, нужно, чтобы новая цивилизація заглянула поскорѣе въ провинцію.—Здѣсь мнѣ тотемскія читатели представляется удобный случай задать имъ такой вопросъ: что значить—у насъ нѣтъ цивилизаціи, мы люди необразованные?—Не торопитесь обвиненіемъ, мои многоуважаемые тотемскіе соотечественники; если я до сихъ поръ миновалъ счастливо подводную скалу, изображаемую вашимъ самолюбіемъ, то въ томъ короткомъ плаваньи, которое мнѣ осталось, я, конечно, безъ бури достигну берега. Для устраненія недоразумѣнія и чтобы не заставить радоваться напрасно своимъ врагамъ, я прибавлю, что подъ короткимъ плаваньемъ я подразумѣвалъ не плаванье въ житейскомъ морѣ или свою близкую смерть, а конецъ этой статьи.

VIII.

ОБРАЗОВАННЫЕ.

По общепринятымъ понятіямъ, чтобы имѣть право считать себя образованнымъ, достаточно сморкаться въ носовой платокъ и носить платье нѣмецкаго фасона. Въ этомъ смыслѣ Тотма, конечно, очень богата образованными людьми, если даже не считаютъ въ ихъ числѣ прекрасныхъ мѣщанокъ, имѣющихъ привычку сморкаться въ передники. Но если требованье образованности поставить нѣсколько шире, то не спасетъ ни носовой платокъ, ни нѣмецкій фасонъ, и многимъ изъ образованныхъ придется разстаться съ этимъ драгоценнымъ для нихъ названіемъ.

Въ Тотмѣ нѣтъ дворянства, а есть только чиновничество. Всѣхъ мужчинъ чиновнаго сословія считается 141 и женщинъ 175—итого: 316 или 9% общаго городскаго населенія. Мое предположеніе, конечно, не покажется никому смѣлымъ, если я допущу, что всѣ эти 316 человекъ сморкаются въ носовые платки. Но есть болѣе несомнѣнные и очевидные признаки образованности высшаго тотемскаго сословія: въ Тотмѣ существуетъ клубъ, гдѣ мужчины играютъ въ карты, а дамы танцуютъ, и съ нынѣшняго года устроилась при уѣздномъ училищѣ публичная бібліотека, выписывающая болѣе 20

разныхъ періодическихъ изданій. Кроме того, очень многіе выписываютъ газеты и журналы независимо отъ бібліотеки.

Если требовательный читатель пожелаетъ знать, въ какомъ видѣ и что именно изъ читаемаго понимается лучше всего тотемцами, то мнѣ придется признаться, что мои свѣдѣнія по этому предмету весьма ограничены. Я знаю только, что при выписываніи журналовъ и газетъ публичной бібліотекой имѣлось въ виду удовлетворить, по возможности, разнообразному вкусу тотемскихъ обитателей, и если бы позволили средства, то конечно были бы выписаны все безъ исключенія русскія періодическія изданія. Изъ этого очевидно, что тотемскій умственный горизонтъ весьма широкъ, и что онъ находится въ непосредственной связи съ денежными средствами уѣзднаго училища.

При такой широтѣ умственнаго горизонта, мѣстнымъ остроумцамъ же представлялось никакого труда сочинить про одного усерднаго чтеца «Голоса», что онъ, т. е. чтець, совершенно убѣжденный, что жондъ пародовый есть самый ужаснѣйшій человекъ, какого когда-либо создавалъ міръ, и что только, благодаря крайнимъ революціоннымъ наклонностямъ жонда, происходили въ Польшѣ все послѣднія событія, — былъ очень доволенъ, когда наконецъ прочиталъ, что жондъ пародовый совершенно поконченъ. Только однимъ остался недоволенъ тотемскій политикъ, что до сихъ поръ онъ не можетъ найти, какимъ образомъ поступила съ жондомъ, — преданъ ли онъ казни или просто сосланъ въ Сибирь. Мнѣ кажется, что редакціи «Голоса» не слѣдовало бы оставлять въ недоразумѣніи своего тотемскаго подписчика.

Предположивъ, что все чиновное сословіе Тотмы, по своему гражданскому положенію, можетъ и должно быть образованнымъ, я, на основаніи цифръ, найденныхъ въ вѣдомости о числѣ жителей (Памяти. книж. Вологод. губ. на 1864 г.), показалъ число образованныхъ въ 316 человекъ. Но желая разобрать вопросъ подробнѣе, я посмотрѣлъ теперь въ другую графу и пришелъ въ смущеніе отъ своей неспѣшности. Въ этой второй графѣ скаваю, что изъ числа тотемскихъ жителей училось:

Въ высшихъ заведеніяхъ: муж. 9, женщинъ 3.

— среднихъ — — 55, — 7.

— училищахъ — — 175, — 21.

муж. 239, женщинъ 51.

всего 270 человекъ или на 46 меньше противъ показаннаго въ

натурой. Не считая эту цифру съ первой по названью, оказывается вотъ что:

Но первой цифрѣ въ числѣ 326 — мужчинъ 141 и женщинъ 175.

Второй: — — — — — мужчинъ 293 и женщинъ 31.

Слѣдовательно, въ числѣ образованныхъ мужчинъ, 152 не принадлежатъ къ чиновному сословію; а въ числѣ 175 женщинъ изъ чиновнаго сословія, нигдѣ неучившихся—144. Чтобы не сдѣлать тотемскимъ чиновникамъ неприятности слишкомъ слабой догадкой, что 33% изъ нихъ не знаютъ ровно ничего, я объясняю эту цифру тѣмъ, что изъ 175 женщинъ 144 находятся въ мадедонскомъ возрастѣ, ходятъ еще въ понталомчыкахъ, и что онѣ начнутъ учиться съ будущаго года. Конечно, я могъ бы разрѣшать этотъ вопросъ еще проще, обвинявъ въ ошибкѣ собирателя статистическихъ свѣдѣній, и на такое обвиненіе я имѣлъ бы тѣмъ больше права, что подъ рубрикою женщинъ, окончившихъ курсъ въ вышнихъ учебныхъ заведеніяхъ, показано 3, когда въ действительности ихъ нѣтъ ни одной. Но именно эта ошибка и не позволяетъ мнѣ обвинить тотемскихъ статистиковъ. Если они обнаружили такую любезность, что сочинили трехъ женщинъ, учившихся, будто бы, въ университетѣ, то что бы стоило имъ показать 144 учившихся въ среднихъ или низшихъ заведеніяхъ? А какъ на такой сильный поступокъ у статистиковъ недоставало рѣшимости, то и можно допустить только два предположенія: или что 144—цифра вѣрная, или что она ниже, но ни въ какомъ случаѣ не выше действительной. Разумѣется, можно сдѣлать еще и третье предположеніе, что всѣ эти женщины получили домашнее воспитаніе, и, вѣроятно, это предположеніе было бы самое благоприятное для ученой репутациа Тотмы. Въ опроверженіе всего вышесказаннаго, 144 неучившихся нигдѣ образованныя тотемскія женщины могли бы имъ возразить, что для правильнаго взгляда на жизнь и на свои обязанности вовсе не нужно учиться непременно въ Николаевскомъ или въ Патриотическомъ институтахъ; что есть много людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ и въ лицейхъ, и, не смотря на то, нежнбющихъ въ головѣ ни зерна здраваго смысла и ни одной порохинки знанія.—Это совершенно справедливо, и вотъ почему ни одинъ разсудительный человѣкъ не придаетъ никакой важности хвастливымъ приглашеніямъ уездныхъ статистиковъ, объявляющихъ съ гордостью, что въ ихъ городѣ обитаетъ столько или столько головъ, начи-

ненныхъ мудростью въ университетѣхъ. Но и это обстоятельство не говоритъ ничего въ пользу 144, неучившихся индѣ, тотемскихъ женщинъ, потому что если нынѣшній президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и былъ въ молодости плотникомъ — плотникомъ, то вѣдь онъ былъ плотникомъ въ Америкѣ, а не въ Тотмѣ; а если Ломоносовъ былъ рыбакомъ, то вѣдь и это былъ Ломоносовъ, а не тотемская чиновница. Поэтому, если коренные тотемскіе жители высшаго сословія получили домашнее воспитаніе, т. е. пользовались уроками окружающей ихъ жизни и природы, то, суда на тотемской жизни и природѣ, никакъ нельзя предположить, чтобы среди лѣсныхъ болотъ и при тридцатиградусномъ морозѣ могли бы развиваться здѣсь какіе нибудь благоухающіе цвѣтки. А если бы подобная игра природы и случилась, то въ тотемской атмосферѣ носилось бы, разумется, и благоуханіе этихъ рѣдкихъ цвѣтовъ, и ихъ бы кто нибудь видѣлъ.

Изъ того, что въ Тотмѣ, въ числѣ 3,500 жителей, считается мужчинъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, только 64, а женщинъ 10, слѣдуетъ прежде всего, что образованные составляютъ только 3% всего городского населенія. Что же это, много или мало, хорошо или дурно?

До послѣдняго времени наши способнѣйшіе романисты изображали постоянно героевъ, страдавшихъ желаніемъ произвести непремѣнно что нибудь хорошее и благодѣтельное. Герой изнывалъ любовью къ людямъ; видѣлъ онъ, что вокругъ его все скверно — и людская бѣдность, и людская глуность. Надрывалось его сердце и отъ погнувшейся или полуразвалившейся крестьянской лачуги, и отъ того, что мужикъ колотитъ бабу, и отъ того, что мужикъ и баба ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, глину, и отъ деревенской нечистоты и грязи. И вотъ, герой — а героями бывали всегда богатые помѣшники, — отправлялся къ себѣ въ деревню и принимался дѣлать тамъ всевозможныя глупости, и, начудивъ, на сколько у него доставало силъ и денегъ, приносилъ наконецъ къ убѣжденію, что онъ смѣнитъ только православный міръ; что отъ его филантропическихъ чудодѣйствій избы не стали лучше, а въ избахъ тенѣе и свѣтлѣе; что мясо по прежнему — роскошь; что мужикъ по прежнему бьетъ бабу, а баба по прежнему думаетъ, что такъ и слѣдуетъ. Тогда разочарованный герой усаживался плотно, въ халатъ и съ трубкой въ зубахъ, на диванѣ, и въ такомъ мирномъ положеніи оставался уже до конца своихъ дней, не шевеля

пальцемъ; герой винилъ всѣхъ, кромѣ самого себя, нисколько не подозревая, что единственнымъ дуракомъ былъ онъ, а никто больше; герой обвинялъ простолюдина въ тупоуміи, не умѣя понять того, что простолюдинъ дѣйствовалъ по закону необходимости; что герою, прежде чѣмъ вступить въ борьбу съ этой необходимостью, нужно было протѣрить свои силы и идти противъ нея только при полной увѣренности въ побѣдѣ; что если онъ не сообразилъ этого раньше, то, вступивъ въ борьбу, ему отступать уже не слѣдовало, а слѣдовало бить лбомъ въ стѣну, пока не разобьется или стѣна, или его собственный лобъ. Конечно, бить лбомъ въ стѣну больно, но зачѣмъ же и приниматься за это дѣло съ слабымъ лбомъ? Между тѣмъ, только подобныхъ слабыхъ людей и изображали наши романисты-наблюдатели. Но значить ли это, что другихъ героевъ не было, или что романисты ихъ не подмѣтили? Я думаю первое. Но даже и для сочиненія такихъ кисло-сладкихъ героевъ, романисты выискивали лучшее, что имъ встрѣчалось, и изъ этого лучшаго лѣпили, какъ изъ глины, свои идеалы, своихъ совершенныхъ людей. Что же оставалось затѣмъ, если и изъ самаго пригоднаго выходила лишь манная каша и больше ничего? Не знаю, сознавали ли романисты, что другихъ героевъ рисовать имъ и невозможно, или они только смутно помнили это; но во всякомъ случаѣ, никто изъ нихъ не погрѣшилъ противъ жизненной правды и не поподчивалъ насъ ни Самсопами, ни Голиафами; не увѣрялъ своихъ читателей, что въ архангельскихъ тундрахъ растутъ померанцевыя рощи. А герои, повидимому, были хороши! нравились они не только дѣвкамъ, но и дамамъ; мягкость сердечная героевъ была уму непостижимая, доброжелательство огромное, недоставало только одного — сообразительности и знанія жизни.

Но водился въ мірѣ и другой сортъ героевъ, — героевъ, не выдуманныхъ романистами, а дѣйствительныхъ; правда, герои эти жили не у насъ, но что же изъ этого? и Гуттенбергъ жилъ не у насъ, однако мы печатаемъ же книги. И у этихъ героевъ было громадное доброжелательство, и у нихъ было мало рассудительности и слабое знаніе жизни; и не смотря на то, человечество вписало ихъ имена въ списки гениевъ и великихъ людей. Случалось это просто потому, что они, принявшись разъ стучать лбомъ въ стѣну, стучали до конца, и за свое упорное стучанье прослыли у современниковъ гениальными безумцами. И гениальные безумцы дѣлали много глупостей и

говорили много вздору, но они любили людей великой любовью, доходящей до монomanии, а главное у нихъ было столько энергии и нравственной силы, что даже ихъ ошибки имѣли мировое значеніе и были спасительны для человечества. Въ то время, какъ кисло-сладкіе герои больше красовались своими благодѣтельными тенденціями и любили дѣлать изъ нихъ для себя салонное украшеніе, очень плѣнительное въ глазахъ изящныхъ дѣвицъ и дамъ, въ то время, какъ разнородные маниловы, при всемъ своемъ доброжелательствѣ, никогда не забывали, что, помогая «меньшой брати», они сами все-таки «братья старшая», и съ полнымъ сознаніемъ величія своей задачи собирались ошачливить десять мужиковъ, и ватѣмъ, послѣ первой неудачи, съ не меньшимъ величіемъ погружались въ хахалъ, чтобы съ презрѣніемъ смотрѣть на все человечество, неумѣвшее ихъ понять, — гениальные безумцы поступали совсѣмъ иначе. Это были люди желѣзные, настойчивости изумительной, дѣлавшіе свое дѣло не потому, что оно выходитъ очень красиво и плѣнительно для самолюбія, а потому, что уже у нихъ такой чугунный организмъ, что ему нужно непременно стучать въ стѣну. Имъ даже никогда и не представлялась мысль, выходить ли это красиво со стороны; ихъ дѣла не навѣялись имъ извнѣ, они не создали себѣ искусственную задачу подъ вліяніемъ какого нибудь чувствительнаго романа, наполненнаго разными трогательными описаніями быта негровъ или подобныхъ имъ бѣдняковъ; они поступали такъ, какъ они поступали, потому что не могли поступить иначе и не могли бы жить безъ своего дѣла, навъ не могли бы жить безъ ѣды и питья.

Къ такимъ удивительнымъ организмамъ принадлежалъ, наприимѣръ, графъ Сень-Симонъ. Человѣкъ этотъ прокучиваетъ нарочно свое состояніе, чтобы сдѣлаться нищимъ, и стать имъ въ дѣйствительности. Для чего же понадобилось ему сдѣлаться непременно нищимъ? А только для того, чтобы изучить бѣдность въ самомъ ея источникѣ, а не пзъ филантропическихъ салонныхъ разсужденій господъ, неимѣющихъ объ ней никакого понятія. Переходя систематически отъ одного состоянія къ другому, отъ благоухающихъ салоновъ въ вертепы разврата, и изъ богатаго графа сдѣлавшись наконецъ простымъ переносчикомъ, и только этимъ трудомъ добыжавшій себѣ средства существованія, Сень-Симонъ дѣлалъ это не для того, чтобы выйдти театральнымъ героемъ; онъ просто хотѣлъ узнать, что такое поддонки общества, отъ которыхъ отворачивался всѣ люди, вообра-

жизнѣ порядочными только себя; онъ хотѣлъ узнать, что такое бѣдность, что за люди бѣдные и откуда они берутся на свѣтъ; онъ хотѣлъ на самомъ себѣ выпестить и изучить всѣ постепенные переходы изъ одного общественнаго положенія въ другое, и всѣ разнообразныя слои, изъ которыхъ состоитъ французское общество.— Миттермайеръ поступаетъ нѣсколько иначе: онъ кричитъ прямо на весь свѣтъ, что одностороннее заключеніе—превосходнѣйшая вещь, какову только способенъ выдумать человѣкъ; а самъ, хотъ бы для шутки, сѣлъ на годъ въ целлюлярную темницу пенсильванской системы. Ну, какъ же послѣ этого Сень-Симонъ не чудакъ? Прокутить свое громадное состояніе, нѣсколько лѣтъ жить на жалостномъ чердакѣ, пытаться однимъ хлѣбомъ, превратиться изъ богатаго графа въ настоящаго голыша, жить съ людьми самыми грубыми, необразованными и развратными, и все это для того, чтобы узнать, чѣмъ и отчего страдаетъ человѣчество, и какъ устроить, чтобы впередъ люди не страдали;—совсѣмъ чудакъ!—маноманъ, безумецъ! Впрочемъ французы отличались всегда большимъ легкомысліемъ, что извѣстно въ Германіи каждому уличному мальчишкѣ; вѣроятно, отъ этого во Франціи и было нѣсколько чудаковъ, подобнѣхъ Сень-Симону. Но что удивительнѣе еще: даже между хладнокровными англичанами являлись подобныя же безумцы.

Не знаю, были ли у насъ Сень-Симоны и имъ подобныя господа, по крайней мѣрѣ, *Тургеневъ и другіе наблюдательные люди, специально-занимающіеся отысканіемъ разныхъ, изъ ряда выходящихъ чудаковъ, не оставили намъ никакихъ указаній объ ихъ существованіи; но я знаю то, что съ появленіемъ типа Базарова, составляющаго пока одиночное явленіе, расплодилось у насъ очень много героевъ прежняго времени, а еще больше героинь, весьма чувствительныхъ къ страданіямъ бѣднаго, возмущающихся всякой неправдой, оскорбительнымъ положеніемъ женщины, ея праздностью, экономической зависимостью, и говорящихъ объ этихъ предметахъ съ большимъ увлеченіемъ и воистинѣ искренно. Здѣсь случалось то же, что и съ типомъ свѣтскаго человѣка времяя Петра перваго. Свѣтскихъ дѣвицъ собиралось на ассамблеи Петра мало, и только самыя передовыя и наиболѣе прогрессивныя отличались качествомъ свѣтскости; а нынче всякая прожиточная мѣщанка сдѣлала бы честь своимъ вкусомъ и манерами любой аристократической ассамблеѣ начала XVIII столѣтія.—Но мѣрѣ того, какъ является высшее развитіе, прежній высшій уровень падаетъ и обнимаетъ большее число

лицъ: при Петрѣ было, можетъ быть, не болѣе двухсотъ свѣтскихъ дѣвицъ, а нынче такихъ насчитается, конечно, болѣе двухсотъ тысячъ. Когда явился Базаровъ, всѣ прогрессивные люди получили тяготѣніе именно къ этому передовому типу, а прежніе Лавреціи, Рудины и, какъ они тамъ называются, всякіе другіе болтуны сдѣлались идеалами людей съ способностями второго сорта. Явится типъ болѣе высокій, чѣмъ Базаровъ, опять прогрессивные люди кинутся къ нему; тогда Базаровъ отойдетъ на второй планъ, а Рудины станутъ еще ниже и, вмѣсто прежняго перваго, займутъ третье мѣсто и т. д. Теперь Базаровъ, поба, столбчатый типъ; только въ самомъ центрѣ нашей умственной дѣятельности существуютъ матеріалы, вырабатывающіе его въ самомъ чистомъ химическомъ видѣ; въ провинціи всегда уже есть разныя другія подмыслы, дѣлающія изъ Базарова переходъ къ второсортнымъ типамъ. Но за то провинціи служатъ теперь лучшей лабораторіей для изготовленія господъ и господожъ, разсуждающихъ съ красно-сложенными руками объ общественныхъ вопросахъ, о людскихъ добродѣтеляхъ, о страданіяхъ человѣчества, о необходимости жить личнымъ трудомъ, о независимомъ экономическомъ положеніи и зависящей отъ него личной свободѣ и т. п. высокихъ матеріалахъ. Въ то время, какъ прежде занимались болтовней только одни самые передовые люди, а слѣдующіе за ними находились въ состояніи умственной спячки,—теперь первые принялись учиться и трудиться, а вторые, воспрянувъ отъ сна и приведенные въ изумленіе новостью положенія, вступили въ пріятные разговоры. Если изъ поведѣльника нельзя перескочить прямо въ среду, то разумѣется, это переходъ во вторникъ. Такимъ образомъ, чтобы сказать хорошо или дурно, если въ какомъ нибудь городѣ находится 2% образованныхъ людей, нужно знать, какая именно образованность обитаетъ въ ихъ головахъ, давно ли люди проснулись и сколько у нихъ энергій.

По отношенію къ 74 образованнымъ людямъ г. Тотьмы, вопросъ этотъ нѣсколько щекотливаго свойства; впрочемъ, я полагаю, что все въ городѣ и его окрестностяхъ будетъ обстоять благополучно, если я скажу, что ни въ статистическихъ, ни въ историческихъ данныхъ не существуетъ никакихъ указаній, чтобы въ Тотьмѣ когда-либо прежде или нынче проживалъ Сень-Симонъ. И конечно, слава Богу! а иначе, что бы стало съ мѣстной городской тишиной и безлюдностью, и съ безмятежнымъ покоемъ почтенныхъ тотемскихъ обитателей? Впрочемъ я слышалъ, какъ нѣкоторые осо-

бы — я нарочно выражаюсь такъ, чтобы нельзя было узнать, говорю ли я о мужчинахъ или женщинахъ, — признававшія, что тамбурины вязанья не приносятъ человѣчеству особенной экономической пользы, ставили слѣдующій, весьма рѣшительный вопросъ: «что же намъ дѣлать?» и затѣмъ немедленно порѣшали его сами, принимаясь еще съ большимъ усердіемъ за тамбурную иглоку. Каждый разсудительный человѣкъ согласится, что по семидесяти семи разнымъ причинамъ болѣе благоразумнаго отвѣта и быть не могло. И въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлать, когда для этого пужно еще встать со стула?

Наконецъ, я полагаю, что для Тотьмы совсѣмъ не зачѣмъ разрѣшать кавія-либо міровыя задачи. Было бы проще и туземце, если бы явились какію-либо пять-шесть предприимчивыхъ людей и научили бы мѣстныхъ обитателей шевелить руками болѣе выгоднымъ образомъ, чѣмъ это дѣлается ими теперь. Вообще, у мѣстныхъ обитателей существуетъ о трудѣ самое своеобразное понятіе. Когда какую нибудь Пенелопу спросить, что же вы ничего не дѣлаете? то получается всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: а что же намъ дѣлать? Вообще мѣстные обитатели полагаютъ, что дѣлать ничего не слѣдуетъ; а если и слѣдуетъ, такъ только въ томъ случаѣ, когда заважутъ какую-либо работу или приважутъ дѣлать; самъ же человѣкъ, своимъ умомъ, придумывать ничего не обязанъ. Я не знаю, какъ смотреть на этотъ предметъ мѣстная умственная аристократія; но если она и смотритъ на него правильно, то все-таки ни изъ чего не видно, чтобы она поступала сообразно тому, какъ она разсуждаетъ. А между тѣмъ, подъ рукой есть все, что нужно для успѣшнаго труда, и для возвышенія мѣстнаго матеріальнаго благосостоянія; нѣтъ только одного — энергии, силы, которая бы сдвинула людей съ мѣста и привела бы ихъ въ болѣе выгодное, чѣмъ нынѣ, экономическое движеніе. Но съ другой стороны, что за поспѣшность, ужь будто такъ загорѣлось, что Тотьмѣ понадобилось непременно завтра сдѣлаться губерискимъ городомъ? Пребывали мы долго въ мирномъ покоѣ: — побудемъ еще и подождемъ, пока, вмѣсто 74 людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, будемъ у насъ 740; когда другіе уступятъ намъ разныя промышленныя предпріятія, да проведутъ намъ желѣзныя дороги, да придутъ въ намъ издалека люди и толкнутъ насъ подъ бока, и скажутъ: потесненные тотемцы, вставайте. — пора!...

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(Изъ заграничной жизни).

Я знаю, по собственному опыту, какое впечатлѣніе производитъ на читателя слово: *фельетонъ*. Мнѣ становится стыдно за себя и за легионы моихъ товарищей по ремеслу, когда я вспомню, какое понятіе соединяетъ мыслящій человѣкъ съ ролью фельетониста. Эта роль, въ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ не отличается отъ наемнаго плакательщика или плясуна, отъ цыгана, торгующаго краденными вещами или отъ писакки, никогда неимѣвшего въ своей головѣ ни одной собственной мыслишки. Говоря откровенно, отбивать хлѣбъ у этихъ горемыкъ и становиться съ ними на одинъ уровень мнѣ очень не хотѣлось бы; мнѣ не хотѣлось бы ни плакать по заказу, ни смѣяться по программѣ, однимъ словомъ, я не желалъ бы унижаться до роли парижскаго Прадо или петербургскаго Фокина. И надѣюсь, что эта горькая чаша обойдетъ меня; читатели мои не увидятъ во мнѣ ни казеннаго обличителя, quand même, ни сатирика, выжимающаго изъ себя послѣдній сокъ глупости, выдаваемый за сатиру; нѣтъ, я буду просто хроникеромъ повседневныхъ событій, болѣе или менѣе вѣрнымъ отраженіемъ ихъ смысла и значенія, а самые выводы изъ моихъ очерковъ предоставляю каждому à son bon plaisir.

Парижъ отдыхаетъ отъ своего карнавальнаго веселья;—французскія барыни, еще недавно подпрыгивавшія на балахъ разныхъ маркизовъ Агуадо въ костюмахъ генераловъ и барабанщиковъ (воинственность Наполеона III проникла даже въ сердца французскихъ дамъ, и *военная переодѣванья* были въ нынѣшнемъ году въ большой модѣ),—набожно тѣснятся вокругъ разныхъ па-

теровъ Гиацинтовъ, Францисковъ, Жеромовъ и жадно внимають ихъ назидательнымъ проповѣдямъ;—вездѣ миръ, тишина и трогательныя размышленія о тщетѣ земного величія... А въ монхъ ухахъ еще не затихли звуки бѣшеной масляницы,—звуки, правда, хрипые, напоминающіе хохотъ пьянаго, упивающагося только для того, чтобъ забыть мерзость всего, что окружаетъ его; въ монхъ глазахъ, не знаю почему, все еще рисуется картина такъ называемаго *карнавальнаго быка*, уже столько лѣтъ ежегодно проводимаго предъ глазами французскаго народа, которому, какъ древнему римлянину, только и подавай что *хлѣба и зрѣлищъ*;—впрочемъ, онъ и безъ хлѣба, пожалуй, обойдется, лишь бы зрѣлищъ давали ему побольше.

Карнавалный быкъ! *Le boeuf gras!* Остроумное изобрѣтеніе остроумнаго французскаго народа!—На знаю, какъ вы, читатель, а я никогда не могъ смотрѣть безъ отвращенія и негодованія на это несчастное животное, проводимое среди шумной и лнбующей толпы, для того, чтобы потомъ быть отведеннымъ на бойню и тамъ окончить жизнь самымъ постыднымъ—конечно не для себя, а для остроумныхъ парижанъ,—образомъ. Каждый разъ, глядя на это возмутительное зрѣлище, я спрашивалъ себя, какъ это Парижъ, блистательный городъ, въ которомъ есть и академія изящныхъ искусствъ, и музыкальная консерваторія, и всемірная выставка самой галаантерейной промышленности, могъ допускать въ своемъ центрѣ это увеселеніе пьяныхъ каппибаловъ? Неужели—спрашивалъ я себя,—эти ликующія толпы собираются вокругъ этой, увѣчанной пвѣтами и разными другими украшениями, жертвы только для того, чтобы поѣсть ея жирнаго мяса и предварительно насладиться содержаниемъ тѣла, изъ котораго мясникъ скоро вырубитъ многое множество порцій бифтекса? И чѣмъ больше я размышлялъ объ этомъ, тѣмъ больше приходилъ въ негодованіе, и тѣмъ меньше понималъ...

Въ нынѣшнемъ году предо мною снова прошелъ этотъ несчастный карнавалный быкъ, окруженный веселыми человѣческими масками,—и кажется мнѣ, что я понялъ наконецъ смыслъ этой жалкой церемоніи, являющейся, какъ страшная загадка въ самомъ разгарѣ девятнадцатаго столѣтія...

Если читатель не поскуаетъ выслушать мои объясненія, то я попрошу его прежде всего перенестись со мной въ одно изъ предмѣстій Парижа, въ Суасси. Предъ нами рыночная площадь; воспитатели быковъ пригнали туда своихъ «воспитанниковъ». Грустно и терпѣливо, какъ и подобаетъ быкамъ, стоятъ длинными ря-

дами эти бѣдныя животныя, перенесенныя сюда силою пара изъ различныхъ мѣстъ Франціи, изъ милой Нормандіи, гдѣ трава такъ сочна и зелена, гдѣ ручьи такъ прозрачны, гдѣ нѣтъ цивилизованныхъ гастрономовъ и цивилизованныхъ мясниковъ...

Тамъ, на своей родинѣ, они были равноправными гражданами своихъ луговъ и долинъ; здѣсь они знакомятся съ ученіемъ о различіи между привилегированнымъ и не привилегированнымъ сословіемъ. Сюда привели ихъ на конкурсъ, а чтобы удостоиться этой чести, надо быть не простой, а аристократической бычачьей крови. Судьи, рѣшающіе, кому изъ этихъ аристократовъ-быковъ слѣдуетъ присудить премію, — не хуже всякихъ другихъ судей на конкурсахъ: это многоученныя мясники, неуступающіе познающимъ многоученнымъ жумиямъ французской академіи. Опытнымъ глазомъ шибряютъ они величину составляющихся, опытною рукою проводятъ по ихъ горячимъ рогамъ, по ихъ мягкой и лоснящейся шерстѣ, по ихъ твердымъ бокамъ. Объ математическою точностію скажутъ они вамъ, сколько вѣсу въ легкихъ и сердцѣ такого-то быка, сколько пудовъ мяса выйдетъ изъ него, сколько ведеръ красной крови вытечетъ...

Наконецъ, конкурсъ оконченъ, — судьи произносятъ рѣшеніе. Торжественно провозглашается, что царемъ карнавала будетъ Maître Guérid, изъ Нормандіи, — такъ какъ его спинной хребетъ длиннѣе хребта всѣхъ его товарищей, а на этомъ хребтѣ больше мяса, чѣмъ на всѣхъ другихъ. При этомъ найдено, что онъ лучше всѣхъ сложенъ, а это статья весьма важная, потому что нашимъ аристократическимъ мясникамъ, какъ и всякимъ другимъ артистамъ, придають большую цѣну изяществу формъ... И всѣ громко привѣтствуютъ новаго избранныка, и милая дѣвица, дочь т. Аделина, воспитателя этого быка, возлагаетъ лавровый вѣнокъ на голову воспитанника своего чащеньки, — на голову, которой, послѣ кратковременнаго триумфа, суждено быть разможенной ударомъ дубины...

Но этимъ дѣло не кончается; надо рѣшить, кому на долю выпадетъ честь вести господина Герена по улицамъ Парижа, когда придетъ вторникъ, знаменитый mardi gras, — день торжества счастливаго избранныка; партія господъ Флемеля и Дюваля вступаютъ въ споръ, кому сопровождать карнавальнаго быка въ его триумфальномъ шествіи. Начинается аукціонъ; кто больше дастъ, тотъ и побѣдитель. Дюваль оказывается честолюбивѣе, и потому щедрѣе; побѣда на его сторонѣ, — и крики: «да здравствуетъ Дюваль! да здравствуетъ карнавальный быкъ!» раздаются со всѣхъ сторонъ... а затѣмъ, служители мясниковъ вырѣзываютъ въ шерсти господина

Герена вензель побѣдителя — Дювала, накидываютъ веревку на рога увѣчаннаго лаврами триумфатора и съ радостными кликами ведутъ его на монмартрскую бойню, гдѣ его будутъ холить до тѣхъ поръ, пока наступитъ вторникъ и онъ пойдетъ по улицамъ славнаго города Парижа, на радость и увеселеніе добрыхъ и милыхъ Парижанъ...

Торжественно входитъ въ эти мрачныя, высокія стѣны праздничный быкъ. Все, живущее въ нихъ, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу начинаются осмотры, выраженія удивленія, критическія замѣчанія, сравненія его съ его предшественниками, — такъ проходитъ онъ мимо другихъ быковъ, стоящихъ въ своихъ стойлахъ, — доходитъ до назначеннаго ему почетнаго мѣста и тамъ водворяется, конечно привязанный толстою веревкой... И скоро вокругъ него остаются только прислужники, — и всюду наступаетъ тишина... Только изрѣдка донесется до ушей привязаннаго триумфатора печальное мычанье какой нибудь коровы, прощающейсѣ съ возлюбленнымъ быкомъ, который еще недавно такъ плѣнялъ ее въ цвѣтущихъ степяхъ Нормандіи, а теперь идетъ сложить буйную голову, — или съ молодымъ сыномъ-теленкомъ, не успѣвшимъ узнать, что такое жизнь...

Наконецъ наступаетъ великій день, знаменитый *marti gras*, вторникъ на масляной.

Съ шести часовъ утра на дворѣ монмартрской бойни собирается кортежъ, долженствующій сопровождать господина Герена въ его триумфальномъ шествіи. Тутъ драгуны, тутъ уланы арміи; герои Мадженты и Сольферино снимаютъ свои славные мундиры и наряжаются въ ливрею мясника Дювала; полицейскіе чиновники переодѣваются мандаринами; полицейскіе шпіоны натягиваютъ на себя костюмы паяцовъ; наштуратуренныя «погибшія, но милыя созданья» являются въ костюмахъ нимфъ, какъ нельзя болѣе идущихъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что у каждой изъ нихъ въ рукѣ билетъ, выданный отъ такъ называемаго *Bureau des Moeurs*, т. е. учрежденія, наблюдающаго за общественною нравственностью; — за участіе въ церемоніи имъ платится казною отъ трехъ до десяти франковъ, смотря по высшей или низшей степени ихъ физическихъ достоинствъ. Трогательно видѣть такую заботливость о народѣ. Подобно доброму отцу семейства, парижскія городскія власти особенно хлопочуть о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о томъ, чтобы парижане веселились отъ всего сердца; во-вторыхъ — и это самое главное, — чтобы, веселясь, какъ можно меньше думали, потому что всякій разъ, какъ французы начинали думать, они дѣлались безпобойными.

Французская революція уничтожила поклоненіе карнавальному быку. 1848 годъ, точно такъ же, какъ 1792, замѣнили это шутливое увеселеніе праздненствами въ честь земледѣлія. Но обѣимъ имперіямъ приходилось оно по сердцу, и онѣ снова возстановили его. Едва Наполеонъ I принялъ титулъ императора французовъ, какъ его префектъ полиціи, Дюбуа, совокупно съ однимъ придворнымъ поэтомъ и редакторомъ «Альманаха Музъ», возобновилъ испровергнутое господство карнавального быка и составилъ программу его торжественнаго шествія. Не хотите ли познакомиться съ двумя-тремя пунктами ея, во истину достойными Макиавелли?

Пунктъ первый, въ которомъ перечисляются всѣ права и привилегіи возстановленнаго властелина-быка, слишкомъ длиненъ для того, чтобы приводить его здѣсь; замѣчу только, что въ немъ лицамъ, участвующимъ въ кортежѣ, запрещено, совершенно неизвѣстно почему, надѣвать шпоры. Пунктъ 5-й гласитъ такъ: Мясики будутъ въ парикахъ съ пудрой и косами, въ шляпахъ à la Генрихъ IV, украшенныхъ перомъ національныхъ цвѣтовъ. Сверхъ того, они обязаны быть въ бѣлыхъ муслиновыхъ галстукахъ, очень широкихъ и съ висячими концами. — Въ пунктѣ 7 сказано: Въ кортежѣ не должно быть болѣе шести дикарей и шести римлянъ. Пунктъ 9-й. Точно также не допускается болѣе четырехъ грековъ, въ панцыряхъ, по причинѣ архидеолога Платона, демагога Демосфена, Гармодія и Аристокитона); но французскихъ рыцарей должно быть не менѣе шести.—Пунктъ 14 й. Быкъ, вѣсящій отъ 1300 до 1400 фунтовъ, въ богатой одеждѣ и украшенный перьями. — Пунктъ 15-й. Ребенокъ, великолѣпно одѣтый *Амуромъ* и поддерживаемый двумя жрецами, снабженными топорами и дубинами...

Довольно и этихъ пунктовъ. Перья и наряды, украшающіе жертву въ 1400 фунтовъ вѣсомъ, достойны Дантовскаго воображенія; а что касается до мысли дать въ отцы Амуру мясника, посадить улыбающагося ребенка на плечи мясника, украшеннаго топоромъ и дубиной, то никакая мифологія не могла бы выдумать болѣе смѣлой карриатуры.

Но возвратимся къ карнавалу 1865 г. Распорядитель праздненства, г. Дюваль, выстроилъ въ порядокъ всю свою команду; всѣ 350 человекъ стоятъ на своихъ мѣстахъ и красуются въ характеристическихъ костюмахъ.

Шествіе двинулось. Впереди идутъ два скорохода и тамбуръ-мажоръ, предводительствующій двадцатью трубачами и сорока музыкантами; всѣ они въ костюмахъ французскихъ гвардейцевъ времени Людовика XVI.

Затѣмъ, въ колесницѣ, ѣдетъ сановникъ изъ свиты быка-триуфатора, называющійся *Старымъ Парнемъ*.

Далѣе, отрядъ воиновъ съ алебардами, одѣтыхъ въ полу-желтое, полу-красное платье, самой настоящей средневековой моды. За ними, на колесницѣ, везутъ ландшмафтъ, вырѣзанный изъ мартена. Тутъ ручейки, дуга, пригорки, невнятные овецки... Пастушка Эстелла, забывъ о своемъ стадѣ, лежитъ въ сладкомъ забытїи на травкѣ; изъ подъ ея через-чуръ короткаго платья заманчиво выглядываютъ розовыя подвязки... Невинная дѣва не видитъ ничего, что происходитъ вокругъ нея. А пастушокъ Немеренъ, въ желтомъ кафтанчикѣ, шолоквычъ чулкахъ и съ развѣвающимися по воздуху синими лентами, тихо подкрадывается и начертывается помѣлуй на ея дѣвственномъ челѣ. Эта трогательная идиллія разыгрывается при звукахъ музыки; тамбуръ-мажоръ подаетъ сигналъ, и музыканты отхватываютъ невинную пѣсенку Фабра «*Энглантина*, страшнаго члена Комитета Общественнаго Спасенія:

Дождь идетъ, моя пастушка,
Загоняй овецъ домой.
И пусвай твою избушка
Приютить меня съ тобой.
Слышишь, сидя подъ вѣтвями,
Какъ рѣкой вода сбѣжить...
Вотъ ужъ, вотъ грова надъ нами,
Вотъ и молнія блеститъ.
Слышишь,—ближе и сильнѣе
Раздается въ небѣ громъ;
Дай же руку,—и скорѣе
Виѣстѣ въ хижину войдемъ.

Затѣмъ шествуетъ небольшой быкъ,—его ведетъ нормандскій поселеникъ въ праздничномъ нарядѣ. Знайте, что это—символическое представленіе трогательной дружбы, связующей честнаго земледѣльца и добраго быка, вѣрнаго товарища и помощника его. Такъ и видишь предъ собой буколическія картины *Виргилія!*—Быкъ окружаетъ толпа, а за нею слѣдуютъ мушкетеры *Людовика XIII*, предводительствуемые *Артаньяномъ*, *Амосомъ*, *Портосомъ* и *Арамисомъ* (извѣстные лица изъ романа *Александра Дюма*).

Слѣдуетъ колесница, везома шестью лошадыи и нагруженная эмблемами земледѣлія. Женщины и дѣти стоятъ съ серпами въ рукахъ. Нормандцы и ниже-бретанцы работаютъ кѣнами, засту-

пани, лопатами. *Бакуда* опирается на плечо Филемона, а Филемонъ прислонился къ толстому бревну, къ которому привязаны вѣтви, украшенныя искусственными листьями и апельсинами. Тут же маленькіе снопы соломы, картофель, морковь, пряныя и всякія другія вещи.—Эта картина сочинена самимъ г. Дювалемъ. Онъ самоудовольно потираетъ руки... «Ed anch'io son pittore!» (и я тоже живописецъ!) воскликнулъ бы онъ, если бы зналъ по итальянски...

За колесницею двигается кавалерійскій отрядъ. Это драгуны въ блестящихъ каскахъ съ развѣвающимися красными тулланами. Подъ черными шаптями, покрывающими ихъ коней, слышно бряцанье сабель.

Но вотъ показались сорокъ музыкантовъ верхомъ. Звучи трубъ и барабановъ возвѣщаютъ приближеніе виновника торжества. Его имя написано золотыми буквами на зеленыхъ знаменахъ и желтыхъ флагахъ. Это Герень, это самъ великій быкъ, собственно своею особою. Стоя на высокой колесницѣ, властелинъ возвышается своею свѣтлокоричневою массою надъ толпою народа. Рога его позолочены и украшены лаврами; на ступеняхъ его колесницы стоятъ его тѣлохранители и знаменосцы. Два мясника—тоже на лицо. Одинъ стоитъ по правую сторону быка, другой—по лѣвую, отъ галантерейной любезности они назвались *жрецами* и сообразно этому, нарядились въ длинныя, бѣлыя одежды; увѣнчанныя, подобно друидамъ, дубовыми вѣнками, они опираются на длинныя, блестящія топоры. Вслѣдствіе ли меланхолическаго настроенія, или по причинѣ веревокъ, плотно привязанныхъ къ рогамъ, Герень стоитъ съ опущенной головой, и веселая картина общаго веселья только увеличиваетъ его грусть... А между тѣмъ барабаны гремятъ въ его честь, и трубы оглашаютъ воздухъ. Вѣднй Герень! о чемъ думаешь ты въ эту минуту? Но я знаю, что только ты одинъ и *думашь* въ кругу твоихъ спутниковъ.

Улицы запружены народомъ; уже за нѣсколько часовъ до появленія кортежа, нигдѣ нѣтъ проходу. Въ окнахъ на балконахъ красуются пзяцно разряженныя дамы и господа съ биноклями даже на крышахъ и на трубахъ домовъ чернѣютъ міриады челоувѣческихъ фигуръ... Старожилы говорятъ, что ужъ давно не было такого блестящаго праздника, какъ въ нынѣшнемъ году; опредѣлить даже приблизительно цифру людей, упивающихъ этимъ зрѣлищемъ,—положительно невозможно. Изъ отчетовъ управленій желѣзныхъ дорогъ, что видно въ Парижѣ съѣхалось къ этому дню 150 тысячъ иногородныхъ; а сколько любопытныхъ, сколько зѣвакъ стеклось изъ полуторамиліоннаго населенія Парижа!

О, Геренд! что ты думаешь съ высоты твоего пьедестала объ умѣ парижанъ?

Но мы еще не перечислили всѣхъ вельможъ этого торжества.

На шестой колесницѣ сошелся весь Олимпъ. Впереди стоятъ Марсъ, Венера и Амуръ, которые для французскаго народа служатъ сущностью всей мифологiи. Сыро, небо покрыто тучами, холодный вѣтеръ бьетъ по розовому трико этихъ олимпийцевъ. Сатурнъ взобрался на нагрѣвательный ящикъ. Изъ краснаго носа Юпитера отдѣляется прозрачная капля. Венера, вмѣсто того, чтобы послать въ публику поцѣлуи, дуетъ въ озябшіе пальцы, а Амуръ трясется, какъ въ лихорадкѣ; вокругъ колесницы гарцуютъ рыцари-крестоносцы, предки Монталамберовъ и Фаллу, члены лиги съ своими красными крестами и вельможи двора Франциска I. Музыканты начинаютъ любимый въ настоящее время парижанами хоръ «Прекрасной Елены».

Въ седьмой колесницѣ помѣщаются четыре быка скромныхъ размѣровъ. Они носятъ имена новорожденныхъ парижской прессы: это «Журналъ», «Мой журналъ», «Большой журналъ» и «Маленькій журналъ». Свиту ихъ составляютъ солдаты и китайскіе музыканты. — Осьмая колесница, роскошно убранная и запряженная шестью лошадьми въ богатыхъ чепракахъ, везетъ на себѣ живыя картины изображающія статуи площади Согласія. Дѣвы, сдѣланныя изъ мрамора или изъ гипса, изображаютъ, какъ своими добродѣтелями такъ и своею красотою, французскую торговлю и французскую промышленность.

Шествіе замыкаютъ маски, ребята въ ботфортахъ, кормилицы въ гренадерскихъ шапкахъ, змѣи съ перьями, особеннаго рода экипажъ, съ наклеенными на нихъ всевозможными объявленіями и афишами; и наконецъ уличные мальчишки, машущіе въ воздухѣ деревянными саблями и украсившіе головы генеральскими шапками астрологовъ, сдѣланными изъ старой бумаги. Мальчишки задѣваютъ словами всѣхъ проходящихъ и поднимаются на всякія штуки, чтобы бѣснть полицейскихъ, а въ самой густотѣ толпы туземные артисты и pickpockets (карманные воришки), нарочно пріѣхавшіе изъ Лондона, усердно занимаются своимъ искусствомъ очищенія чужихъ кармановъ.

Прибавлю кстати, что въ эти три дня, и особенно во вторникъ, слухъ безпрестанно раздражается пронзительными звуками разныхъ рожковъ и дудокъ, отхватывающихъ съ невозможнымъ разнообразіемъ и невыразимо фальшиво извѣсгную пѣсенку:

Почтенный король Дагоберъ
 Надѣль на изнажку штаны;
 Пустынникъ ему говоритъ:
 «О ты, повелитель страны!» и т. д.

Процессія движется, на сколько возможно, по запруженнымъ толпою улицамъ; жандармы очищаютъ ей мѣсто. Она останавливается передъ разными магазинами Дювала, передъ домами богатыхъ бакировъ и сильныхъ міра сего, и во время этихъ остановокъ музыка гремитъ, а костюмированные люди входятъ въ дома и собираютъ золотыя монеты, которыя тутъ же относятся къ г. Дювалю, ѣдущему за процессію въ щегольскомъ тюльберѣ и наряженному въ черный фракъ и палевыя перчатки. Такимъ-то образомъ Maître Guépin сдѣлываетъ свое почтеніе директору французскаго банка, ихъ превосходительствамъ гг. министрамъ и гг. членамъ тайнаго совѣта, его высочеству принцу Наполеону и г. префекту Сены. Ветера, Амуръ и Градиѣ удостоиваются даже чести лицезрѣть г. барона Гаусмана, который, по своему званію префекта, угощаетъ всю эту сволочь на счетъ добраго города Парижа. Во время этихъ остановокъ, толпа окружаетъ Герена, восхваляетъ его громадныя бока, восторгается его дородностью и забываетъ только объ одномъ— дать ему поѣсть. Впрочемъ, къ чему? вѣдь ему осталось нѣсколько часовъ жизни.

Великій Геренъ дѣлаетъ также визитъ императору который, въ сопровожденіи императрицы и молодого принца, выходитъ на балконъ. Императору указываютъ на группу, представляющую французскую прессу; это возбуждаетъ его любопытство, въ слѣдствіе чего молодые мамзини сводятъ съ колесницы и заставляютъ маневрировать на улицѣ *Большой журналъ* и *Маленькій журналъ*...

Въ восемь часовъ вечера, Maître Guépin наконецъ возвращается въ мюнхартрскую бойню. Громадное тѣло его трясется, какъ въ лихорадкѣ; онъ страшно измученъ усталостью, голодомъ и жаждою... Мрачныя мысли проносятся въ его головѣ, но онъ держитъ себя все такъ же благородно и достойно, и безтрепетно ждетъ... Наступаетъ ночь. Нѣсколько газовыхъ рожковъ печально освѣщаютъ берлогу бойни. Мертвыя тѣла валяются тутъ и тамъ; прислужники, держа ножи въ зубахъ, погружаютъ обрванныя руки во внутренности убитыхъ животныхъ... *Жрецы* сбросили съ себя бѣлыя мантіи, дубовыя вѣнны и золотыя поясы. Они снова надѣли свои куртки и обулись въ свои деревянныя башмаки; вотъ

они подходят къ Герену, схватываютъ его за позолоченные рога и виснутъ. Еще нѣсколько конвульсій, и все кончено.

На слѣдующее утро г. Дюваль отбираетъ для знатныхъ особъ лучшіе куски карнавальнаго быка. Остальное развѣшивается въ мясной лавкѣ г. Дюваля. На мраморныхъ и порфириовыхъ столахъ красуются бузеты изъ маргаритокъ и камей. Среди цвѣтовъ возвышаются куски мяса; изъ связки зеленыхъ лавровъ высовывается красное сердце; въ красной, изящной бумагѣ лежатъ громадные легкія. Разноцвѣтныя лепты довершаютъ это милое убранство...

Что же означаетъ празднество карнавальнаго быка? еще разъ спрашивалъ я себя. Правда, что парижане — олицетвореніе любопытства; правда, одинъ зѣвака привлекаетъ другого, а двое собираютъ около себя еще троихъ; правда, что стѣнть одному съумасброду надѣть маску, чтобы въ ту же самую минуту сотни честныхъ гражданъ собрались вокругъ него, благодаря неодолимой прелести, заключающейся во всякой таинственности. Но когда подобное зрѣлище возобновляется каждый годъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, когда до сихъ поръ оно привлекаетъ несмѣтныя толпы народа, — невозможно считать его дѣломъ случая, обычаемъ, не имѣющимъ никакого особеннаго значенія.

Сознавая, что слишкомъ долго заговорился о карнавальномъ быкѣ, спѣшу перейти къ предметамъ болѣе постнымъ, какъ и подобаетъ въ настоящее время.

Постнѣ католическихъ монаховъ я не могу ничего придумать, и потому позвольте сообщить нѣсколько наизидательныхъ фактовъ изъ жизни этихъ добросовѣстныхъ людей.

Вы, вѣроятно, слышали о монашескомъ орденѣ *траппистовъ*. Намъ свѣтскимъ людямъ, рассказываютъ чудеса о строгомъ воздержаніи этой братіи, о строгости ея нравовъ, о безжалостности ея дисциплины. Намъ говорятъ, что эти люди встаютъ съ постели по нѣсколько разъ въ ночь для произнесенія извѣстной молитвы, что зимой они морозятъ себя на дворѣ въ видѣ покаянія, что чѣмъ ниже опускается термометръ, тѣмъ болѣе грѣховъ они искупаютъ. Намъ говорятъ, что они сами роютъ себѣ могилы, передъ которыми причитываютъ: «братья, мы должны умирать!»

Представте же сами наше изумленіе, когда недавно мы увидѣли на стѣнахъ домовъ огромныя афиши съ надписью: «La Trappistine», ликеръ для гастрономовъ», надъ которою красовались два девиза,

изъ которыхъ одинъ былъ извлеченъ изъ сочиненія извѣстнаго гастронома Брилья-Саварена. Тутъ же помѣщалось изображеніе суроваго трапписта, отвѣдывающаго одну изъ драгоценныхъ бутылокъ.

Надо вамъ знать, что во Франціи давно уже существуетъ ликеръ, называющійся Trappistine и изготовляющійся въ монастырѣ траппистовъ, точно такъ же, какъ въ другихъ монастыряхъ фабрикуются знаменитыя водки: La Chartreuse и Eau des Carmes. Но афиша, о которой я сказала, вышла не изъ монастыря. Нѣкій монахъ-траппистъ Маріа-Іосифъ сообразилъ, что ему будетъ выгодно самому изготовлять ликеръ, и вышелъ для этого изъ своего ордена и назвалъ свое изобрѣтеніе тоже Trappistine. Прежніе его товарищи-монахи возстали противъ этого противозаконнаго присвоенія чужого названія, и затѣяли процессъ. Судъ присудилъ Марію-Іосифа къ уплатѣ 200 франновъ штрафа и тысячу франковъ за протори и убытки.

Кстати о процессахъ. Чтобы не забыть потомъ, расскажу вамъ теперь же объ одномъ, довольно любопытномъ, занимающемъ въ настоящее время весь Парижъ.

Адальбертъ Талебранъ-Перигоръ, пользующійся особеннымъ расположеніемъ императора, обратился къ нему съ просьбою о дозволеніи присоединить къ своей фамилии титулъ Монморанси; — императоръ согласился, и разрѣшеніе было напечатано въ «бюллетенѣ законовъ». Носить титулъ Монморанси весьма лестно; генеалоги говорятъ, что первый Монморанси былъ первымъ христіанскимъ барономъ, и что онъ—основатель самой древней дворянской фамиліи, какая только существуетъ въ Европѣ. Имя Монморанси было нѣкогда такъ знаменито, что Генрихъ IV сказалъ: «Если бы династія Бурбоновъ прекратилась, то французская корона не должна бы перейти ни къ одной европейской фамилии, кромѣ фамиліи Монморанси.

Адальбертъ Талебранъ хотѣлъ, благодаря этому новому титулу, прослыть потомкомъ славнѣйшаго дома въ мірѣ, и правительство было тоже не прочь придать себѣ нѣкоторый легитимистскій лоскъ. Шутка сказать—Монморанси при дворѣ Бонапарта! Это сближеніе именъ раздражаетъ всѣхъ историковъ. Принимая титулъ Монморанси, г. Талебранъ феодализируетъ себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фамилію четвертой династіи.

Уже прошедшею зимой въ гостиницѣ много толковали объ этомъ

дѣль. Полгода назадъ, декретъ, появившися въ Мониторѣ, а теперь уже идетъ процессъ, да еще двойной. Молодой Талебранъ атакованъ разомъ съ двухъ сторонъ, — во первыхъ, его же собственнымъ семействомъ, оскаривающимъ у него право перемѣны своего родового имени, такъ какъ Талебраны-Перигоры считаютъ свое имя старшимъ всякаго другого; во вторыхъ, герцогомъ Ларонфуко, наследникомъ Монморанси. Этотъ послѣдній прежде вызвалъ своего противника на поединокъ въ Булонскомъ лѣсу, а теперь доказываетъ, что императоръ, не смотря на все свое всемогущество, не имѣетъ права приказывать, чтобы кто нибудь принадлежалъ не къ тому семейству, въ которое онъ родится. «*Бюллетенъ законовъ*», — говоритъ Ларонфуко, — не имѣетъ права приказывать, чтобы Жанъ былъ сыномъ Петра, если онъ сынъ Ивана. Не смотря на объявленіе Монитера, молодой Адальбертъ Талебранъ — таковой же родственникъ коннетабля Монморанси, какимъ онъ былъ до напечатанія этого объявленія».

На это молодой Адальбертъ отвѣчаетъ черезъ посредство своихъ адвокатовъ, что линия прямыхъ наследниковъ Монморанси давно прекратилась, что теперешніе представители ея — только побочные члены этого дома, что такъ какъ нѣтъ древнихъ семействъ давно уже родятся между собою посредствомъ браковъ и другихъ отношений, то на нихъ можно смотрѣть, какъ на членовъ одной и той же фамиліи; что имя Монморанси вовсе не фамильное имя, что основатель этого дома носилъ весьма плебейское имя Бумара; что онъ, Талебранъ-Перигоръ, просилъ себѣ имени не Бумара, а того легкаго владѣнія, которое принадлежало этому послѣднему; что раздавать помѣстья всегда во власти государя, что наконецъ, если имя Монморанси могло быть пожаловано королемъ третьей династіи, то почему бы снова не пожаловать его императору четвертой династіи.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ становится, естественно, неразрѣшимымъ. — «Монморанси — фамильное имя», говоритъ Ларонфуко и другіе наследники древнихъ герцоговъ. — «Монморанси — имя помѣстья», утверждаетъ молодой Адальбертъ. — «Ленныя помѣстья существуютъ только потому, что существуетъ фамильное имя», прибавляютъ наследники Монморанси. — «Фамильное имя существуетъ только въ силу существованія помѣстья», возражаетъ Адальбертъ.

Отличительное свойство дѣльшихъ вопросовъ состоитъ въ томъ, что они неразрѣшны. Притязаніе Адальберта совершенно безъ:

мысленно, но притязаніе еіо противниковъ тоже не особенно умнѣе!

Прому извиненія за отступленіе, и снова возвращаюсь къ монахамъ.

Не безынтересно, надѣюсь будетъ вамъ узнать, что католическіе монахи, которые въ Европѣ дистиллируютъ разные ливеры; дѣлаютъ спекуляціи монастырскими имуществами въ Испаніи, покупаютъ казенныя земли въ Австріи, отдаютъ деньги на проценты въ своихъ особенныхъ банкахъ, обмѣниваютъ индульгенціи на бочки хорошаго меда и, въ добавокъ ко всему этому нищенствуютъ,—не безынтересно, говорю, будетъ узнать, что они служатъ шпионами въ Кохинхинѣ и военными генералами въ Китаѣ. Вотъ что мы читаемъ въ «Мониторѣ Арміи»:

«Маленькій отрядъ, составленный преподобными отцами-іезуитами въ Тогакио-Тицанѣ, обратилъ въ бѣгство шайку тайпинговъ, принадлежащихъ къ сектѣ Пай-Клао и опустошавшихъ восточную часть Чили, въ разстояніи двухсотъ километровъ отъ Нанкина. Этотъ же отрядъ освободилъ взятыхъ этими мятежниками въ плѣнъ помощника префекта, властей и почетныхъ лицъ города. Онъ очень хорошо организованъ, снабженъ хорошими карабинами и пушками, составленъ изъ 700 витайцевъ христіанскаго вѣроисповѣданія и находится подъ весьма искуснымъ начальствомъ преподобнаго отца Лебука, прокурора миссіи.»

Читая эти строки, мы вспоминаемъ назидательныя слова почтеннаго отца Лойоля: «когда ваша проповѣдь будетъ глуха и нѣма, тогда берите мечъ и не щадите невѣрныхъ». Лебукъ, какъ видно, буквально слѣдуетъ предписаніямъ генерала отъ іезуитовъ.

Въ Римѣ скоро явится новый журналъ: «Журналъ Мирнаго Пристанища». Этотъ журналъ намѣрены издавать защитники папскаго посланія. Въ видѣ преміи, редакторы обѣщаютъ мѣсяцъ индульгенцій каждому новому подписчику. Книгопродавцамъ, выписывающимъ десять экземпляровъ, дѣляется уступка двѣнадцати мѣсяцевъ чистилища!

Чтобы покончить съ грустными происшествіями этого мѣсяца, я расскажу вамъ еще одно драматическое приключеніе, которое освѣщаетъ цѣлую картину закулисной жизни великолѣпнаго Парржа. Вѣроятно, читатели мои знаютъ, что такое *мимарда*, а если они не знаютъ, то я познакомя ихъ съ этой могилкой бѣднаго па-

парижскаго пролетаріата. Мансарда—это послѣднее жилище парижанина, куда загоняетъ его голодъ; она помѣщается подъ крышею высокихъ домовъ, съ маленькими окнами, пропускающими столько свѣта, сколько необходимо его для того, чтобы не пронести ложку мимо рта; сырость и миазмы, составляютъ обыкновенную принадлежность этихъ человѣческихъ конуръ. Пространство ихъ самое микроскопическое: аршина четыре длины и столько же ширины. Въ комнатѣ такого размѣра живетъ иногда цѣлое семейство, состоящее изъ отца, матери и двухъ дѣтей,—слѣдовательно, на каждого приходится по вквдратному аршину свободного мѣста. Если дѣти спать въ самой конурѣ, то отецъ и мать обыкновенно удаляются еще выше, подъ самую крышу, на чердакъ, или опускаются въ подвалы. Зимой мансарда, за неизбѣнымъ отопленіемъ, покрывается снизу и сверху плесенью, и если находится не на солнечной сторонѣ, то, вслѣдствіе холода, порождаетъ всевозможныя тифозныя болѣзни. Доктора увѣряютъ, что самое крѣпкое здоровье не можетъ перенести десяти лѣтъ сряду такого собачьяго помѣщенія, а между тѣмъ, болѣе 200 тысячъ рабочаго населенія спучивается въ этихъ логовищахъ, изобрѣтенныхъ знаменитымъ архитекторомъ Мансардомъ. Сюда забирается молодая дѣвушка, живущая подневнымъ трудомъ и получающая въ мѣсяцъ отъ 20—30 франковъ заработной платы; здѣсь раскладываетъ свое опшя песим porto бѣдный студентъ, отпущенный въ столицу провинціальными родителями съ благословеніемъ и десятью франками въ карманѣ; здѣсь помѣщается весь рабочій людъ, живущій на три франка въ день съ семействами. И еслибъ вы знали, что это за жизнь, обставленная полуголодными дѣтьми! вмѣсто постелей, кучами соломы, вмѣсто мебели—всевозможнымъ хламомъ, жизнь безъ свѣта и воздуха, между страхомъ голода и постояннымъ безпокойствомъ за свое существованіе. Кто любитъ филантропическіе эффекты, тотъ пусть поднимется, въ одинъ изъ холодныхъ декабрьскихъ дней, по восьмидесяти узенькимъ ступенькамъ въ это птичье жилище и посмотритъ, какъ живется парижанину, изъ подъ рукъ котораго выходятъ эти изящныя бездѣлушки, украшающія головы и шеи англійскихъ лэди и русскихъ барынь,—пусть, говорю я, посмотритъ и зарубитъ себѣ на носъ, что обольщаться великолѣпиемъ наполеоновскихъ построекъ и длинными фасадами Лувра можетъ только самый близорукій поклонникъ Парижа. А взгляните въ официальные отчеты о благоденствіи столицы, и вы изумитесь этому приволью жатя, воображаемаго въ видѣ Эльдорадо.

Нынешней зимой, очень холодной для Парижа, въ мансардахъ

происходило настоящее опустошеніе. Смертность бѣднаго населенія увеличилась на 10% противъ обыкновеннаго времени. Насильственные удрученія дымомъ, горячки и чахотки свирѣпствовали въ такихъ размѣрахъ, что правительство принуждено было организовать какой-то чрезвычайный комитетъ общественного здравія. Гдѣ и тѣмъ занимался этотъ комитетъ, — такъ до сихъ поръ и осталась тайной для всего Парижа.

Изъ всѣхъ случаевъ — мы были поражены особенно одной потрясающей оценой. Двадцатилѣтняя дѣвушка, красавица собой, по имени Мадлейнъ, оставленная однимъ мерзавцемъ, въ самую критическую минуту, очутилась въ бѣдственномъ положеніи. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ скрылся ея возлюбленный, у Мадлейнъ родилась дочь. Совершенно одинокая и безпомощная въ своей холодной мансардѣ, мать долго не могла оправиться отъ болѣзни, и въ это время потеряла постоянную работу при одномъ изъ модныхъ магазиновъ. Не имѣя ни копѣйки за душой и никого знакомыхъ въ цѣломъ Парижѣ, она нашла единственнаго себѣ друга въ старомъ угольщикѣ, который навѣщалъ ее каждый день; онъ приносилъ ей то чашку теплаго бульона, то нѣскольکو су, и, по временамъ, присылалъ свою восьмилѣтнюю дочь посидѣть у постели Мадлейнъ. Такъ прожила она около шести недѣль, едва поддерживая жизнь своего ребенка, сосавшаго сухую грудь истощенной матери. Прошло еще нѣсколько дней; Мадлейнъ оправилась, и первой заботой ея было отыскать себѣ какую нибудь работу, которой бы она могла заниматься дома, не покидая своего дитяти. Но работа не находилась, и мать съ отчаянья рѣшается на ужасное предпріятіе. Ночью она встаетъ съ постели, заворачиваетъ свою дочь въ послѣднее свое шерстяное платье, кладетъ на грудь ея двѣ серебряныя мелкія монеты и маленькій золотой крестикъ; я воображаю — не въ качествѣ юрпста, а въ качествѣ человѣка, — сколько горькихъ слезъ было пролито матерью въ эти минуты. Сложивъ такимъ образомъ свою крошку, Мадлейнъ спускается съ нею на улицу, прокрадывается по темнымъ переулкамъ къ кладбищу Монмартръ и тамъ у одной могилы оставляетъ своего ребенка на произволъ судьбы. Затѣмъ возвращается назадъ, разводитъ огонь въ каминѣ и, закрывъ его трубу, напускаетъ массу дыма въ комнатѣ, и преспокойно ложится въ постель. Еще нѣсколько минутъ — и удушающій угаръ покончилъ бы печальную жизнь Мадлейнъ; она уже находилась въ первомъ припадкѣ агоніи, и еще нѣсколько глотковъ углерода — все кончено. Но въ эту самую минуту раздался стукъ у дверей ея мансарды. Это былъ ея другъ, старый угольщикъ

Жанъ, который, почувствовавъ запахъ дыма и вида, что дверь не открывается, выломалъ ее силой. Онъ засталъ еще Мадлейнъ живою; убѣдившись въ этомъ по бѣшенію пульса, онъ схватилъ ее и вынесъ на чистый воздухъ. Черезъ нѣсколько часовъ она почувствовалась, и первою ея мыслью было бѣжать на кладбище и спасти свою дочь. Но было уже поздно. Въ 6 часовъ утра, когда Мадлейнъ еще лежала въ омертвѣломъ состояніи, крикъ голоднаго ребенка, оставленнаго на холодномъ воздухѣ, разбудилъ сторожа, который не замедлилъ передать поднятое дитя въ руки полиціи.

Спрашивается, что заставило Мадлейнъ подкинуть ребенка на кладбищѣ, а не положить его у порога сосѣдняго дома или у сосѣда-жильца? Нѣтъ сомнѣнія, что такой поступокъ можно объяснить только умственнымъ помѣшательствомъ матери, въ которой совершалась напряженная борьба самыхъ противоположныхъ чувствъ и мыслей. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ болѣзненный припадокъ отчаянья, потерявшаго всякое сознаніе о томъ, что происходило передъ тѣмъ, какъ Мадлейнъ рѣшилась наложить на себя руки. А между тѣмъ, перигорскій судъ, гдѣ судится Мадлейнъ, видитъ въ этомъ поступкѣ какое-то злонамѣренное святотатство и желаніе погубить дитя медленною смертію. Да пошлетъ Игнатій Лойола этимъ правосуднымъ судьямъ побольше здраваго смысла и не пергаментнаго, а настоящаго человѣческаго сердца!

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

Къ № 2-му за 1865 годъ.

Въ станицу Даховскую, въ Библиотечку 151-го Пятигорскаго полка.

Ваша жалоба на неполученіе №№ 5, 6, 8, 11 и 12 за 1864 годъ была сообщена Газетной Экспедиціи еще 21-го Февраля, на что она не смотря на неоднократную просьбу Редакціи о скорѣйшемъ увѣдомленіи о причинѣ невысылки вамъ книгъ, отвѣтила ровно черезъ мѣсяць (22 марта) что въ Даховскую станицу означенной библиотекѣ не посылалось «Русское Слово». Если бы Вы не получили одного или двухъ только номеровъ «Русскаго Слова», то Редакція выслала бы Вамъ ихъ вторично, но такъ-какъ вами не получено почти за цѣлое полугодіе, то Редакціи остается только порекомендовать Вамъ обратиться съ жалобою на подобную неисправность къ господину Спб. почтъ-директору.

Въ Варшаву г. Дяконову. Такъ-какъ Вашъ адресъ, сообщенный книжнымъ магазиномъ Печаткина и Кельчевскаго былъ слѣдующій: «въ Варшаву, Владиміру Иваповичу Дяконову т. е. въ немъ не было означено мѣсто Вашего жительства въ Варшавѣ, то по всей вѣроятности всѣ 7 послѣднихъ книжекъ Рус. Слова за 1864 годъ хранятся въ Варшавской экспедиціи, такъ по крайній мѣрѣ отвѣчала Спб. газетная экспедиція, давшая знать Варшавской экспедиціи о доставленіи Вамъ вышеозначенныхъ книжекъ. Редакціею же книжки эти были сданы въ газетную экспедицію, для доставленія Вамъ, своевременно.

ОТВѢТЫ ГАЗЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ЖАЛОБЫ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, УВѢДОМИВШИХЪ РЕДАКЦИЮ О НЕПОЛУЧЕНІИ № 1-го за 1865 годъ.

На ст. Чулково г. Самойленко. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Новороссіевскъ г. Фирсову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Веневъ г-жѣ Труновой. № 1-го посланъ Вамъ 1-го Марта при описи на Тулу.

Въ Львовъ г-жѣ Пожарожской. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта при описи на Курскъ.

Въ Тулу г-жѣ Хлуденской. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Любимѣ г-жѣ Мельниковой. № 1-й посланъ Вамъ 25 Февраля.

Въ м. Любарь, Азовскому 45 пѣхотному полку. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта чрезъ Порградъ Волыискъ.

Въ Брацлавль и Бедрову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Цирицъ и Портрскъ. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Пошехонскъ и Левашеву № 1-й посланъ Вамъ 23 Февраля.

Въ Нишмигъ и Кузнецову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Луцкъ, Библиотекъ Камчатскаго пѣхотнаго полка № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

На ст. Хрюновскую и Сил кову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Эльно и Верховскому. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Зарайскъ и Ремезову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Вянку 1-му Акцизному Управленію. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Старую Тойду и-жеъ Колобакиной. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Пос. Дубовку и Тетерину. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Чембарь и Теплоу. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Оршу и Семелову. № 1-й посланъ Вамъ 1-го марта.

Въ Свѣлжскъ и Нолжскому № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Оболянъ и Чебоксару. № 1-й посланъ Вамъ 13-го Марта.

Въ Вишницу, Нитабу 33 пѣхотной дивизіи. № 1-й посланъ Вамъ 1-го Марта.

Въ Долматовъ и Плотникову. На яваніе „Русскаго Слова“ Вы подписались въ Газетной Экспедиціи, которой № 1-й для Васъ былъ данъ своевременно и которой она послала Вамъ вмѣсто Долматова въ Дашлагарь. Редакція только на дняхъ узнала объ этомъ и притомъ совершенно случайно и поторопилась испр. эту ошибку—она тотчасъ же послала Вамъ съ обсл. второй экземпляръ № 1-го по настоящему адресу.

При этомъ Контора Редакціи считаетъ не лишнимъ сообщить гг. подписчикамъ краткія свѣденія относительно отправки книжекъ «Русскаго Слова». Каждая книжка журнала послѣ ея выхода сдается, наглухо запакованная съ наклеенными печатными адресами, въ Газетную Экспедицію подъ росписку особаго чиновника въ полномъ числѣ экземпляровъ т. е. положительно для всѣхъ своихъ подписчиковъ безъ исключенія и при этомъ почти всегда въ одно и тоже время. Сортировка доставленныхъ книжекъ по городамъ, запаковка ихъ въ пост-пакеты, записываніе въ карты, которыя идутъ при каждомъ пост-пакетѣ, и наконецъ самая отправка книжекъ изъ С.-Петербурга—все это составляетъ обязанность и дѣло Газетной Экспедиціи, а выдача подписчикамъ, полученныхъ на мѣстѣ книжекъ—дѣло и обязанность мѣстныхъ почтовыхъ конторъ. Хорошо ли, правильно ли и по назначенію ли отправляетъ Газетная Экспедиція, доставленная ей Конторою книжки журналовъ, выдаютъ ли наконецъ исправно гг. подписчикамъ мѣстныя почтовыя конторы

полученныя ими книжки журнала, этого Редакція не имѣетъ ни возможности ни права ни контролировать ни провѣрить. Прямая выгода Конторы, — чтобы *все* подписчики ея журнала получали *все* книжки. Вѣдь ей не доставляетъ особеннаго удовольствія высылка *вторыхъ экземпляровъ* своихъ книжекъ гг. подписчикамъ, жалующимся на неполученіе *той или другой* книжки, какъ она дѣлала это въ прошломъ году и намѣрена дѣлать въ нынѣшнемъ. Изъ этого гг. подписчики могутъ видѣть, что Контора никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть виновною въ не полученіи гг. подписчиками нѣкоторыхъ книжекъ, и что ея прямая выгода, чтобы *все* книжки ея журнала получались *всеми* подписчиками.

Р. С. Редакція при этомъ проситъ гг. подписчиковъ въ письмахъ, посылаемыхъ ими въ Контору о не полученіи книжекъ о перемѣнѣ адреса и т. д. означать № своего билета по кассовой книгѣ, напечатанный на адресахъ, которые наклеиваются на посылаемыхъ ею книжкахъ журнала.

При главной конторѣ Русскаго Слова продается:
полное собраніе сочиненій

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Въ двухъ томахъ. Цѣна обоимъ томамъ, въ 12-ю д. около 40 листовъ, съ біографіею и портретомъ автора, 2 р. 50 к.; за пересылку прилагается особо отъ 25 — 50 к.

ОЦЕРКИ БУРСЫ желающіе могутъ покупать отдѣльной книжкой. Цѣна 50 к. безъ пересылки.

Для подписчиковъ „РУССКАГО СЛОВА“ дѣляется уступка 20% съ вышеозначенной цѣны.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА

НА В. О. ПО ПЕРВОЙ ЛИНИИ, ДОМЪ БРУНА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

высылаеть иногороднымъ *всѣ русскія книги* (кромѣ газетныхъ изданій) *по петербургскимъ цѣнамъ*, принимая пересылку на свой счетъ.

Находятся, между прочимъ, въ продажѣ:

Чтенія о мнимовредныхъ и мнимополезныхъ животныхъ. Карла Фохта. Съ 60 рисунками. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. с.

Единство міроздавнiя. Соч. Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1865 г. Ц. 2 р. сер.

Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ, лекціи К. Фогта, изд. П. Гайдебурова. Т. I. Спб. 1864. Ц. 1 р. 50 к. сер.

Начала міра, соч. Жуванселя. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к. с.

Жизнь, продолженіе «Началь міра», соч. Жуванселя. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Руководство по органической химіи. Части общая и теоретическая. Д-ра Ав. Кекуле. В. I. Спб. 1864. Ц. 1 р. с.

О соединеніи спирта съ водою. Д. Менделѣева. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. с.

Практическій курсъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній, женскихъ институтовъ и вообще людей, неимѣющихъ предварительныхъ свѣдѣній въ математикѣ, А. Гано. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Одесса 1864. Ц. 2 р. 75 к. в.

Лекціи по нѣкоторымъ вопросамъ теоретической химіи, А. Вюрера. Спб. 1865. Ц. 90 к. с.

Слуш желудка. Исторія пяти чувствъ. Соч. Масе. В. I. Описаніе костей. Спб. 1865. Ц. 65 к. с.

Исторія кусочка хлѣба, описаніе жизни человѣка и животныхъ, соч. Масе. М. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Быть студентомъ въ Гормантѣ. Изъ заграничныхъ писемъ Л. Модзолевскаго. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. с.

Всемирная меморія. Ф. Шлоссера. Т. XII. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. с. Первые II томовъ такъ же по 1 р. 50 к. с.

Кто былъ первый Леопольдъ? историческое изслѣдованіе Н. И. Костомарова. Спб. 1864. Ц. 60 к. с.

Русская женщина въ домонгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе А. Добрякова. Спб. 1864. Ц. 75 к. с.

Исторія ивильскаго народа Генрика Шмидта. Т. I. Спб. 1864. Ц. 2 р. с.

Взглядъ на исторію и статистику западныхъ губерній Россіи. Съ отдѣльнымъ атласомъ. Соч. Р. Эркerta. Спб. 1864. Ц. 2 р. с.

Атласъ по русской исторіи, составл. и издач. подъ редакц. А. Замысловскаго. В. I. (ны 2 выдается билетъ). Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XIV. М. 1864. Ц. 2 р. с.

О русской землѣ. Разсказы дѣдушки Герасима русскому народу Спб. 1865. Ц. 6 к. с.

Маничій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Е. Фекристова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. с.

Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Неймана. Спб. 1865. Ц. I-го в. 75 к., съ билетомъ на 2 и 3 выд. 2 р. с.

Саморучный бухгалтеръ: въ письмахъ для легчайшаго и основательнаго изученія счетоводства по всѣмъ отраслямъ торговли и промышленности. Сост. К. Клиге. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса А. Давидова. Изданіе второе. М. 1865. Ц. 1 р. 15 к. с.

Человѣкъ и развитіе его способностей или опыта общественной физики. Соч. А. Кетле. Т. I. Спб. 1865. Ц. 1 р. с.

Сельско-хозяйственное счетоводство. И. Местржаковаго. Удостоено Ученымъ Комитетомъ М. Г. И. первой конкурсной преміи Спб. 1864. Ц. 3 р. с.

Основанія сельскаго хозяйства. - Общепонятно составлено С. А. Скварцовскимъ. Два выпуска. М. 1865. Ц. 3 р. с. Отдѣльно выпуска по 1 р. 50 к. с.

Биржи, биржевыя посредники и биржевыя операціи соч. А. Дитриева. Спб. 1863. Ц. 1 р. с.

Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи, германской и славянской, П. Полеваго. Спб. 1864

Обзоръ англійской литературы XIX ст. Юліана Шмидта. Спб. 1864. Ц. 85 к. с.

Пособіе при преподаваніи исторіи русской словесности. Составл. Е. Струговщиковымъ. Кіевъ 1863. Ц. 60 к. с.

Объясненіе 25000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, съ означеніемъ ихъ корней, Михельсона. М. 1865. Ц. 2 р. 25 к. с.

Судебный Сборникъ, издаваемый подъ ред. Н. Даманскаго. В. I. Современное значеніе суда присяжныхъ въ области положительныхъ законодательствъ. Спб. 1865 г. Подписная цѣна за весь I. томъ (состоящій изъ 4-хъ в. в.) 1 р. с. Отдѣльные выпуски по 30 к. с.

Уголовно-статистическіе Этюды. Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія фізіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію, Н. Неклюдова. Спб. 1865 Ц. 1 р. 25 к. с.

Руководство къ изученію судебной медицины для врачей и юристовъ, съ указаніями на законодательства: Австріи, Пруссіи, мелкихъ германскихъ государствъ, Франціи и Англіи, А. Шауэнштейна. М. 1865. Ц. 3 р. 50 к. с.

Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ. Соч. Миттермайера. М. 1864. Ц. 2 р. с.

Положеніе правосудія во Франціи, въ особенности о результатахъ примѣненія уголовного закона и о ссыль въ Каенну. Двѣ лекціи Гольцендорфа. Спб. 1865. Ц. 40 к. с.

Ирландская тюремная система. Соч. Гольцендорфа. Спб. 1864. Ц. 60 к. с.

Смертная казнь по результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій, усѣховъ законодательства и опытовъ. Соч. Миттермайера. Спб. 1864. Ц. 90 к. с.

Сочиненія Помяловскаго. Два тома, съ портретомъ и біографіею автора. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к. с.

Сочиненія В. Гете въ русскомъ переводѣ, подъ редакц. П. Вейнберга. Т. I. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к. с.

Сочиненія Гейне въ переводѣ на русскій языкъ подъ ред. П. Вейнберга. Вышло V томовъ. Спб. 1864—65. Ц. кажд. тому 75 к.

Семь сказокъ. Соч. Коваленской. Съ рисунками. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к. с.

Катина книжка, Соч. А. Корелиной. Съ рисунками. Спб. 1864. Ц. 60 к. с.

Вся русскія книги (кромя казенныхъ изданій) высылаются казначею П. А. Гайдебурова на свой счетъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. (Статья первая.) А. П. Щаповъ.
- ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Романъ. Часть I-я. На погостъ. (Гл. I—IV) . . . . . Н. А. БЛАГОВЩЕНСКІЙ.
- ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ . . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.
- ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЯ (изъ Леопарди) . . . . . П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
- МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. Изъ воспоминаній прошлаго. Часть I-я (Глава I—X) . . . . . Ѳ. М. РЫШЕТНИКОВЪ.
- ТЕРЕЗА. Романъ Э. Шатріана; переводъ съ нѣмецкаго (Гл. I—X)
- ЧУЖІЕ МЕЖЪ СВОИМИ. Повѣсть (Гл. I—X) . Н. Холодовъ.
- КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (Изъ Гейне) . . . . . Е. Зотовъ.
- ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ. (Окончаніе 1-й части).
- ПЕРЕЛОМЪ ВЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ . . . . . Д. И. ПИСАРЕВЪ.
- ТОРКЕМАДА. (Изъ Лонгфелло) . . . . . П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
- ТРЕБУЕТЪ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЗНАНІЙ НОВОЙ НАУКИ . . . . . Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- МЫСЛЯЩІЙ ПРОЛЕТАРИАТЪ. (Повѣсти, рассказы и очерки Н. Г. Помяловскаго. Два тома. Спб. 1865) . . . . . Д. И. ПИСАРЕВЪ.
- ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОСТУПКОВЪ. Le Monde des Coquins par Meaurio-Christophe. Paris. 1864. . . . . Т. З.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ . . . . . В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
- Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія Дж. Стюарта Милля. Въ трехъ частяхъ. Часть II. Статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 1-й. Изданіе В. Кавалевскаго. Спб. 1865.—Гартъ-Паже, Исторія революціи 1848 г. Франція. 1-й томъ: «февральская революція.» Спб. 1862. 2-й томъ: «24 февраля.» Спб. 1864. Изданіе Бакста.—«Сынъ.» Разсказъ изъ временъ XVII вѣка Н. Костомарова. Изданіе Ахматовой. Спб. 1865.—*
- Разсказы и Очерки Н. П. Грекова. М. 1865.*

ПОЛИТИКА. . . . . ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

Французская демократія теряетъ одновременно двухъ знаменитыхъ своихъ представителей: Шарра и Прудона.—Образъ жизни и послѣднія минуты Прудона.—Похороны его.—Столкновеніе по этому поводу между народами и войскомъ.—Отношеніе Прудона къ политическимъ партіямъ Франціи.—Отличительная черта его дѣятельности.—Жизнь и смерть Шарра.—Посребленіе его тѣла въ Швейцаріи.—Речь Эдиара Кине надъ гробомъ Шарра.—Характеръ его политической дѣятельности.—Впечатлительное произведеніе окружнымъ посланіемъ Пія IX въ Италіи и во Франціи.—Взаимная антипатія тѣи свѣтской и духовной власти въ католической Европѣ.—Кто кого раздавить?—Слухъ о томъ, что Пальмерстонъ тишетъ своимъ мемуары, подобно Наполеону III, сочиняющему жизнь Юлія Цезаря.—Какъ выгодно польстить императорско-авторскому самолюбію.—Насажденіе англійскимъ правительствомъ новыхъ плодовъ въ Индіи—опіума и латинской грамматики.—Прусскіе либералы и г. Бисмаркъ.—Советъ мой либераламъ отправиться домой—разводить капусту и курить княстеръ.—Новые успѣхи сѣверо-американской арміи.—Взрывъ форта Фишера пловучей пороховой машиной.—Важныя послѣдствія паденія форта Фишера.—Упадокъ духа плантаторовъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ. . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

Провинція и провинціальный Медфистофель. — Опасность, которой подвергается корреспонденція провинціи.—Общій характеръ Вологодской губерніи.—Вліяніе холода на здоровье и на производительныя силы русскаго населенія.—Лѣса и болота Вологодской губерніи, и вліяніе ихъ на экономическую дѣятельность края. — Бѣдная жизнь и тощая природа.—Искусство воложанъ расчищать почву изъ подъ мѣсовъ и обрабатывать землю.—Сколько въ Тотмѣ экономическихъ производителей? — Паразитное существованіе едоговъ въ нашихъ городахъ. — Нищія. — Причины распространенія нищенства. — Разговоръ мой съ мальчикомъ, выкрашивающимъ милостыню. — Наглядный примѣръ провинціальной нищій, — Образъ жизни ея.—Разныя категоріи русскаго нищенства.

БЪРЯ ВЪ СТАБАНѢ ВОДЫ, ИЛИ КОПѢЧНОЕ ВЕЛЮДУШЕ Г. ПОСТОРОННЯГО САТИРИКА. . Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

СОДЕРЖАНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- РАБОЧИЯ АССОЦІАЦІИ . . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.
ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? Романъ Ант. Троллопа.
Часть 2-я. (Гл. I—IV) . . . . .
ЧУЖИМЪ МЕЖЪ СВОИМИ. Повѣсть. (Окончаніе). . Н. Холодовъ.
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ РУССКАГО
НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ. (Статья вторая). . . А. П. Щаповъ.
МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. Изъ воспоминаній прошлаго.
Часть I-я. (Глава XI—XXI) . . . . . Ѳ. М. РѢШЕТНИКОВЪ.
ДЕНЬ НУЖДЫ И СЛУКИ. Разсказъ . . . . . Г. И. УСПЕНСКІЙ.
ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ГЕЙНЕ . . . П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.
ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Романъ. Часть I-я. На по-
гостъ. (Гл. V—IX). . . . . Н. А. БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ. ✓
ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТА . Л. БРАНДИ.
ИЗЪ ГЕЙНЕ. (Стихотвор.). . . . . П. И. ВЕЙНБЕРГЪ. ✓

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- СЕРДИТОЕ БЕЗСИЛІЕ . . . . . Д. И. ПИСАРЕВЪ.
ПЕРЛЫ И АДАМАНТЫ . . . . . В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
ГГ. ПОСТОРОННЕМУ И ВСЯКИМЪ ПРОЧИМЪ САТИ-
РИКАМЪ . . . . . В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ Г. АНТОНОВИЧУ . . . . . В. А. ЗАЙЦЕВЪ.
ПОСЛѢДНЕЕ МОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ Г. ПОСТОРОННИМЪ
САТИРИКОМЪ «СОВРЕМѢННИКА» . . . . . Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА . . . . . ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЪ.

Возрастающее значеніе англійскаго пролетаріата. — Положеніе земледѣльческаго сословія богатой буржуазіей. — Приговоръ невиннаго Пеллицини къ висѣлищъ. — Бродмуръ—образцовый пріютъ для убійцъ, признающихъ умопомѣшаннами. — Смерть ирландца Тимоти Дели и конфузъ для англійской благотворительности. — Взаимное отноше-

не министровъ прусскаго и австрійскаго. — Старая мечта Пруссіи —
обзавестись военнымъ флотомъ. — Странствующее общество іезуи-
товъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. — Уничтоженіе смертной
казни въ Италіи. — Смерть графа Морни, одного изъ карифеевъ вто-
рой Имперіи. — Напряженное состояніе парижскаго рабочаго населе-
нія. — Война Бразильской имперіи съ маленькй республикой Урагуай.

ДОМАШНЯЯ ЛЕТОПИСЬ . . . . . Н. В. ШЕЛГУНОВЪ.

Что такое бѣдные третьяго сорта въ г. Тотъмъ? — Специаль-
ность занятій этого нищаго люда. — Заработная плата и образъ
проявленія ея. — Общій уровень женскаго труда. — Бѣдные четвер-
таго сорта. — Занятія и образъ жизни этого класса: одежда и
пода. — Марковъ, какъ лакомство тотемскаго прекраснаго пола. —
Гастрономическая и куминарная изобретательность Тотъмы. — Все-
общая косность и тупость населенія. — Прожиточные. — Происхож-
деніе этого класса. — Экономическая ея неподвижность. — Вліяніе чи-
новничьяго моска на прожиточныхъ и обратно — вліяніе ихъ на дру-
іе низшіе слои. — Образъ жизни прожиточной дѣвочки. — Что такое
провинціальная амбиція? — Значеніе женскаго труда въ мѣщанскомъ
сословіи. — Образованные Тотъмы. — Сколько ихъ и въ чемъ состоитъ
это образованіе?

ФЕЛЬЕТОНЪ. (Изъ заграничной жизни.)

Нѣсколько словъ о значеніи настоящаго фельетона. — Новости па-
рижской жизни. — Впечатлѣнія минувшаго карнавала. — Карнавалъ-
ный быкъ и его похиженіе. — Церемониальное шествіе этого быка
по улицамъ Парижа и дѣтскіе восторги зрителей. — Печальная
участь быка. — Жалкій смыслъ всей этой шутовской процессіи. —
Постъ въ Парижѣ. — Назидательные факты изъ жизни католиче-
скаго монашества. — Монашескій микеръ. — Процессъ Талейрана-Пери-
гора изъ-за титула «Монморанси». — Воинственные подвиги католи-
ческихъ монаховъ въ Китаѣ. — Новый монашескій журналъ въ Ри-
мѣ. — Закулисная жизнь Парижа. — Мансарды и ихъ жалкіе обитатели. — Исторія несчастной Мадлейнъ и ея ребенка.

NOV 5 - 1936

